ЗАЛА 18
ШКАФЪ 203.
ПОЛКА 2
№ 1. 15

ЗАЛА 18
ШКАФЪ 203
ПОЛКА 2
№ 1/5

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
И. С. АКСАКОВА

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
и
ЗЕМСКІЙ ВОПРОСЪ

Статьи о нѣкоторыхъ историческихъ событіяхъ.

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

Гос. Публичная Б-ка

МОСКВА.
Типографія **М. Г. Волчанинова** (быв. М. Н. Лаврова и Ко.),
Леонт. пер., домъ Лаврова.
1886.

Сочиненія И. С. Аксакова

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ И ЗЕМСКІЙ ВОПРОСЪ

СТАТЬИ О НѢКОТОРЫХЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ СОБЫТІЯХЪ.

1860—1886

Статьи изъ «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси».

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

МОСКВА.
Типографія М. Г. Волчанинова (бывш. М. Н. Лаврова и К°).
Леонтьевскій пер., д. Лаврова.
1887.

Гос. Публичная б-ка в Ленинграде

ОГЛАВЛЕНІЕ СТАТЕЙ ПЯТАГО ТОМА.

I.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗЕМСКІЕ ВОПРОСЫ

Статьи изъ газеты „День“.

Стр.

1. По поводу празднованія тысячелѣтія Россіи........ 3
2. Русское самодержавіе—не нѣмецкій абсолютизмъ и не азіатскій дескотизмъ........ 9

Изъ газеты „Русь“.

3. „Пора домой!“........ 17
4. Двѣ реальныя силы въ Россіи: Царь и народъ........ 21
5. Рѣчь, произнесенная И. С. Аксаковымъ въ Петербургскомъ Славянскомъ Обществѣ 22 марта 1881 г........ 26
6. Возраженіе на отзывъ корреспондента „Новаго Времени“ о рѣчи 22 марта........ 35
7. По поводу Высочайшаго Манифеста 29 апрѣля 1881 г... 44
8. О правильной постановкѣ мѣстнаго самоуправленія........ 45
9. О „Запискѣ“ К. С. Аксакова, поданной Императору Александру II........ 58
10. О статьѣ Ю. Ѳ. Самарина, по поводу толковъ о конституціи въ 1862 г........ 66
11. По поводу перваго пріѣзда Государя Александра III въ Москву послѣ его воцаренія........ 74
12. Опора русскаго самодержавія—Земская Россія........ 76
13. О настоящемъ значеніи нашихъ древнихъ земскихъ соборовъ. 87
14. Наши „сегодня“, „вчера“ и „третьяго дня“........ 97
15. По поводу книги: „Противъ теченія“, Варѳоломея Кочнева. 107
16. Въ день коронованія Александра III........ 118
17. Послѣ коронаціи........ 126

Стр.
18. Въ русскомъ самодержавіи для насъ залогъ истинной гражданской и соціальной свободы 138
19. По поводу совершеннолѣтія Государя Наслѣдника Николая Александровича 155
20. Не въ реакціи спасеніе, а въ ясномъ разумѣніи нашего государственнаго строя 158
21. Что значитъ: выйти нашему правительству на историческій народный путь 175

ЗЕМСКІЙ ВОПРОСЪ.

Изъ газеты „День“.

22. О трудности согласить юридическое и бытовое право въ вопросѣ объ освобожденіи крестьянъ 190
23. Историческій ходъ дворянскаго учрежденія въ Россіи 195
24. Дворянамъ необходимо опредѣлить себѣ—что они такое и чѣмъ могутъ быть 203
25. О цензѣ 208
26. О самоуничтоженіи дворянства, какъ сословія 214
27. Отвѣтъ А. И. Кошелеву на его статью о цензѣ 220
28 О томъ же 228
29. Историческія судьбы земства на Руси 229
30. Отвѣтъ М. Н. Лонгинову 238
31. Смѣшеніе стихій государственной и земско-общественной. 241
32. По поводу положенія о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ 253
33. Развитіе областной мѣстной литертауры—условіе для полноты развитія областной мѣстной жизни 262
34. Третья годовщина отмѣны крѣпостнаго права 270
35. Чего можно ожидать отъ земства въ современныхъ условіяхъ? 278
36. О дѣятельности дворянства въ земскихъ собраніяхъ 287
37. Объ участіи земства въ судѣ 295
38. О вожделѣніяхъ газеты „Вѣсть“ къ англійскому аристократизму 303
39. Будущность дворянства — стать совершенно земскимъ сословіемъ 311
40. О мнимой опасности демократизма въ земскомъ дѣлѣ 322
41. По поводу первыхъ земскихъ собраній и выборовъ 333
42. Противъ преобладанія въ земствѣ вліянія крупныхъ поземельныхъ владѣльцевъ 344
43. Въ защиту сельской общины и крестьянскаго общественнаго единства 359
44. Задачи земства (по поводу земскаго собранія въ Москвѣ). 369

Стр.

45. По поводу проекта обязательнаго выкупа государственными крестьянами земли у государства ... 374

Изъ газеты „Москва".

46. Насколько земство дорожитъ самоуправленіемъ ... 383
47. Необходимость большей гласности для земскаго дѣла ... 389
48. Отчего убавляется число гласныхъ въ земскихъ собраніяхъ. 393
49. Откуда малоуспѣшность нашего земскаго самоуправленія .. 399
50. Что такое въ сущности земское учрежденіе: самоуправленіе ли общественное, или новый видъ правительственнаго управленія дѣлами земства? ... 405
51. О трудности имѣть свѣдѣнія о земскомъ дѣлѣ ... 412

Изъ газеты „Русь".

52. Объ уѣздномъ самоуправленіи ... 417
53. Ходатайство Московскаго Земскаго собранія о признаніи прихода юридическимъ лицомъ ... 434
54. По поводу циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ губернаторамъ отъ 22 декабря 1880 года ... 443
55. Еще объ уѣздномъ самоуправленіи ... 450
56. По поводу циркуляра графа Игнатьева при вступленіи его въ Министерство внутреннихъ дѣлъ ... 460
57. Либеральный проектъ всесословной волости ... 468
58. О „Земской волости" по предположеніямъ Московской Земской Коммиссіи и другихъ земствъ ... 479
59. Устройство земской волости административное и судебное. 488
60. По поводу правительственнаго совѣщанія съ земскими свѣдущими людьми ... 500
61. Вмѣсто моднаго лозунга: „вѣнчать зданіе" „Русь" поставила лозунгомъ: уѣздъ ... 507
62. По поводу программы Коммиссіи Каханова о преобразованіи уѣздныхъ и губернскихъ учрежденій ... 517
63. Сбыточна ли у насъ мечта о „дворянской эрѣ?" ... 528
64. По поводу Коммиссіи свѣдущихъ людей ... 538
65. Призваніе дворянства — служить государству и народу въ званіи землевладѣльцевъ и земскихъ людей ... 544
66. О непригодности примѣненія принципа всесословности къ русскому строю ... 551
67. Въ земскомъ началѣ залогъ развитія мѣстной, а потому и общей государственной жизни ... 569
68. Чтожъ иное, какъ не фундаментъ всей Россійской Имперіи, наша сельская или, точніе, уѣздная Русь? ... 579

Стр.

69. Примѣненіе къ русскому „міру“ европейскихъ цивилизованныхъ порядковъ 588

II.

СТАТЬИ О НѢКОТОРЫХЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ СОБЫТІЯХЪ.

Изъ газеты „День“.

70. По поводу смерти Наслѣдника Престола Николая Александровича 599
71. По случаю юбилея Ломоносова 601

Изъ газеты „Москва“.

72. По случаю кончины митрополита Филарета 609

Изъ газеты „Русь“.

73. По поводу событія 1-го марта 610
74. Такъ называемая либеральная пресса по поводу событія 1-го марта 622
75. По поводу суда надъ цареубійцами 633
76. О тяжкихъ недоразумѣніяхъ колеблющихъ сердце нашего юношества 643
77. Смерть Скобелева 654
78. О томъ же . . . . —
79. Еще о смерти Скобелева 662
80. Въ годовщину смерти Скобелева 671

ОПЕЧАТКИ.

На стр. 344-й въ 1-ой строкѣ напечатано: „преобладнія“, должно быть: преобладанія.

На стр. 405 въ строкѣ 16-й снизу слово 8-е вмѣсто „или“ слѣдуетъ читать: ли.

Въ томѣ IV, по отпечатаніи книги, замѣчены слѣдующія погрѣшности:

На стр. 218-й, въ заглавіи, напечатано: „кантсанстическихъ“ вмѣсто панистическихъ. (Та же опечатка, повторена и въ оглавленіи статей на страницѣ IV).

На стр. 305 въ строкѣ 2-ой напечатано: „1885 г.“ слѣдуетъ читать: 1865 г.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ и ЗЕМСКІЙ ВОПРОСЪ.

СТАТЬИ

ИЗЪ „ДНЯ“, „МОСКВЫ“ И „РУСИ“.

По поводу празднованія тысячелѣтія Россіи.

«День», 8-го сентября 1862 г.

Нынѣшній день назначенъ днемъ празднованія тысячелѣтія Россіи. Нынѣшній день Россія изъ собственныхъ устъ воздаетъ себѣ хвалу и собственными руками ставитъ себѣ памятникъ славы въ Великомъ Новѣгородѣ. Такова оффиціальная программа оффиціальнаго торжества, котораго значеніе, впрочемъ, едвали доступно пониманію простонародной Россіи. Она не вѣдаетъ нашихъ археологическихъ вычисленій, она непричастна западной юбилейной сантиментальности; ей — живущей непрерывнымъ историческимъ преемствомъ народнаго духа — мало извѣстны времена и лѣта минувшаго — внѣшнія грани внѣшней исторіи. Но и внѣшняя исторія не была ей чужда, пока сохранялась связь между землею и государствомъ, пока переворотъ, положившій начало нашей новой исторіи, не нарушилъ цѣльности общественнаго организма, пока Петръ I не воздвигъ гоненія противъ народной исторической памяти — одного изъ могущественнѣйшихъ образовательныхъ элементовъ Русскаго народа — запретивъ, подъ страхомъ жестокихъ казней, этотъ древній прекрасный обычай монастырскаго уединенія, въ силу котораго тщательно собирались и записывались сказанія о судьбахъ роднаго края, и въ тишинѣ келій, въ часы отдыха между молитвами, велась непрерывная лѣтопись Русской земли!..

Но мы, знакомые съ исторіей Россіи не по внутреннему вѣдѣнію, какъ народъ, а путемъ научнаго изученія, мы не можемъ оставаться совершенно равнодушными къ обычнымъ человѣческимъ дѣленіямъ времени, и мѣра годовъ, прожитыхъ нами, становясь предметомъ вниманія, сама собою наводитъ насъ на судъ и размышленіе.

Мы невольно спрашиваемъ себя, чѣмъ бы въ настоящую минуту проявилъ себя Русскій народъ, если бы, обладая нашей наукой, онъ сознавалъ въ то же время всю историческую цѣнность тысячелѣтняго пространства времени въ жизни гражданскихъ обществъ?

Онъ почувствовалъ бы потребность подвести итогъ десятивѣковому своему существованію, обнять сознаніемъ все прожитое имъ тысячелѣтіе, и—силою мысли и памяти возсоздавъ въ своемъ представленіи эту тысячу лѣтъ *яко день единъ*— призвать самого себя къ неумолимо-строгому суду всенародной совѣсти. Постоянно знаменуя присутствіе Бога въ исторіи, постоянно предносясь въ своихъ бытописаніяхъ созерцаніе глубоко вѣрующаго духа и простирая, устами своихъ лѣтописцевъ, нравственныя требованія ко всѣмъ дѣятелямъ историческимъ, Русской народъ и теперь, какъ и въ прежнія времена, не сталъ бы ублажать себя горделивыми самовосхваленіями, легкомысленными славословіями и вообще превозноситься земною славою: онъ понялъ бы, что такой минутѣ, какая проживается теперь, такому дѣйствію народнаго самосознанія, приличны важность и трезвое слово. Онъ не соорудилъ бы себѣ памятника, восхищая прежде времени приговоръ исторіи, а воздвигъ бы храмъ Тому, въ чьей рукѣ времена и лѣта, и въ этомъ храмѣ покаянія принесъ бы всенародную исповѣдь всѣхъ своихъ историческихъ неправдъ и прегрѣшеній!

Если исторія вообще считается наставницей народовъ, то ни для кого не имѣетъ она такого жизненнаго значенія, какъ для племенъ Славянскихъ, и для Русскаго въ особенности. При ея помощи совершается возрожденіе Славянскихъ народностей тяжкимъ подвигомъ самосознанія, обрѣтается мыслію—утраченное жизнію, и вновь усвоивается жизни вооруженное всею крѣпостью разумнаго вѣдѣнія; она возвращаетъ насъ къ нашимъ основнымъ органическимъ началамъ и предноситъ путеводный свѣтъ нашему историческому шествію. Ни одинъ Европейскій народъ не состоялъ никогда и не имѣлъ надобности состоять въ такомъ сознательномъ отношеніи къ своей исторіи во всемъ ея цѣломъ объемѣ; ни одинъ не искалъ въ ней отвѣтовъ на такіе жизненнонравственные запросы, какъ народы Славянскіе, ни у кого изъ нихъ литература исторической науки не представляетъ такого пытливаго суда, такого строгаго слѣдствія надъ своей исторіей, какъ Русская историческая литература. Дѣйствительно, какими бы ближайшими побужденіями ни руководствовались наши дѣятели на поприщѣ исторической науки, какъ бы нѣкоторые изъ нихъ ни отрицали въ принципѣ нравственный элементъ и его духовно-производительную силу въ исторіи, какъ бы ни уклонялись, повидимому, отъ христіанскаго созерцанія, всѣ они, невольно, безсознательно, движимые тѣмъ же народнымъ инстинктомъ, къ которому большая часть изъ нихъ выражаетъ такое высокомѣрное презрѣніе,—всѣ они предъявляютъ прожитому тысячелѣтію такія нравственныя требованія, которыя свидѣтельствуютъ о живучести нравственнаго начала въ народѣ и о живомъ значеніи исторіи. Даже для Англійской исторической науки, исторія представляется, кажется намъ, скорѣе суммою жизненнаго внѣшняго опыта, чѣмъ нравственнымъ судомъ надъ жизнію народа и государства. Конечно, постоянное слѣдствіе, производимое надъ историческимъ бытіемъ Русской земли, нерѣдко пристрастно строго, грубо и невѣжественно, — но и такое слѣдствіе приноситъ свою значительную пользу нашему народному самосознанію, заставляя насъ изыскивать разумныя оправданія для нашей непосредственной любви къ родной землѣ, и износить изъ тьмы невѣдѣнія на свѣтъ Божій тѣ сокровенныя основныя начала, безъ постиженія которыхъ немыслимо наше будущее духовное развитіе. Мы постоянно встрѣчаемся въ нашей словесности съ оживленными преніями о томъ, вполнѣ ли согласенъ съ понятіями добра или чести — тотъ или другой поступокъ народа или князя, начиная чуть ли не со временъ Рюрика; наши книги исполнены нравственныхъ приговоровъ и личной оцѣнки всѣхъ историческихъ дѣятелей; вопросъ объ оправданіи Іоанна Грознаго или Бориса Годунова есть для насъ вопросъ вовсе не мертвый и не отвлеченный,—и конечно ни одно темное пятно нашей исторической тысячелѣтней жизни, ни одна совершенная нами неправда въ какомъ-нибудь XIV или XV вѣкѣ не осталась или не останется безъ указанія, безъ строгаго осужденія и слѣдовательно возмездія, если не въ жизни, то въ области сознанія. Такъ насиліе и двоедушіе Москвы въ собираніи Московскаго государства сказываются намъ нынѣ учеными толками о федераціи, и какъ ни безобразны эти толки сами по себѣ, какъ ни противорѣчатъ они откровеніямъ жизни и исторіи, но доля неправды, внесенная государствомъ въ дѣло сложенія государства, силою сокровенной нравственной логики, отразилась, чрезъ много вѣковъ и въ нашемъ историческомъ сознаніи, — въ формѣ отвлеченнаго отрицанія. Мы могли бы привести много примѣровъ подобной расправы нашей ученой мысли со всѣми историческими прегрѣшеніями прожитаго тысячелѣтія, но намъ достаточно возбудить въ этомъ отношеніи вниманіе любопытнаго читателя: оно само поможетъ ему отыскать необходимыя доказательства въ пользу нашего мнѣнія. Повторяемъ, при всемъ отчужденіи нашего общества отъ народности, при всей личной безнравственности каждаго изъ насъ отдѣльно, наша историческая литература постоянно вращается въ сферѣ нравственнаго суда, и не сходитъ съ поля нравственныхъ требованій, предъявляемыхъ во имя того нравственнаго идеала, который безъ ихъ собственнаго вѣдома живетъ въ сердцахъ отрицателей этого нравственнаго идеала! И какъ ни строгъ, какъ ни придирчивъ, какъ ни жестокъ иногда этотъ отвлеченный приговоръ, отрѣшенный отъ живаго ощущенія всей жизненной обстановки данной исторической минуты,—но мы предпочитаемъ такое отношеніе къ исторіи, какъ болѣе живое и нравственно-плодотворное, чисто отвлеченному безстрастному отношенію, или внѣшней живой любознательности, или же наконецъ тому кровному, естественному самодовольству потомковъ своими предками, какимъ отличаются, напримѣръ, Французы. Да намъ кажется, что дѣйствіе нравственныхъ истинъ не прекращается въ нашей исторіи и продолжаетъ свой логическій процессъ въ сферѣ отвлеченной работы мысли, — и мы такимъ образомъ какъ бы повторяемъ, какъ бы переживаемъ вновь и должны пережить всю нашу тысячелѣтнюю исторію въ области сознанія.

Намъ нечѣмъ превозноситься и славиться. Итогъ нашего тысячелѣтія скуденъ благими даяніями человѣчеству; намъ не на что указать, въ чемъ бы плодотворно проявилось наше историческое призваніе въ семьѣ народовъ. Мы слышимъ въ себѣ присутствіе силъ и талантовъ, но силы наши служили до сихъ поръ только внѣшнему сложенію государства,—

а на таланты наши, обильно отпущенные намъ отъ Бога, не принесли мы ни единаго таланта, и едва не зарыли ихъ въ землю. Съ уваженіемъ должны мы взглянуть на Западные народы, которымъ дано едвали не менѣе, чѣмъ намъ, непосредственныхъ даровъ духа, но которые врученные имъ таланты умножили сторицею, подвизаясь въ непрерывной работѣ. То, что̀ составляетъ силу, крѣпость и упованіе Россіи—принадлежитъ къ такой области нравственной, которая не терпитъ ни похвалы, ни гордости, а требуетъ смиренія и непрестаннаго духовнаго подвига, «да не отнимется отъ нея и сія часть» за наше нерадѣніе и грѣшную косность. Мы можемъ утѣшаться тѣмъ, что донесли къ рубежу новаго тысячелѣтія въ неприкосновенной цѣлости наши нравственныя народныя основы: и ученіе Вѣры въ первоначальной догматической чистотѣ, и коренныя добродѣтели народа, и стихію гражданскаго братства, выражающуюся въ нашихъ общинахъ, мірахъ и артеляхъ,—но мы только донесли, мы еще не вывели ихъ на путь всемірнаго историческаго развитія, мы еще не явили ихъ свѣта міру. Конечно, благодаря вѣрности народа этимъ основамъ, Русское государство одно изъ всѣхъ, нѣкогда могучихъ, Славянскихъ державъ, пережило тысячелѣтіе,—но это самое призываетъ насъ къ удвоенному труду и къ неусыпной заботѣ, и налагаетъ на насъ, на все наше образованное общество—строгую отвѣтственность предъ Провидѣніемъ и предъ нашимъ простымъ народомъ.

Да, мѣра годовъ, пережитыхъ Россіей, заставляетъ насъ съ новымъ живымъ благодарнымъ чувствомъ почтить подвигъ простаго Русскаго народа, который, какъ мы уже говорили однажды, несмотря на всѣ невзгоды, несмотря на то, что органы, необходимые для полноты жизненныхъ отправленій, были у него оторваны въ лицѣ образованныхъ сословій, сохранился и уберегся, перемогъ и перебылъ многое множество исторической лжи и неправды, и спасъ для насъ залогъ нашего будущаго духовнаго возрожденія.

Но возрожденіе невозможно безъ обличенія всей этой лжи и неправды: оно требуетъ отъ насъ — не самовосхваленія и памятниковъ, а покаянія и исповѣди. Хотя мы и указали на присутствіе нравственнаго элемента въ нашей исторической наукѣ, хотя мы придаемъ большую цѣну этому переживанью нашей исторіи въ сознаніи, но этого еще не довольно. Необходимо, чтобъ этою же нравственною потребностью отреченія отъ лжи были объяты всѣ слои общества, отъ самаго верхняго, чтобы мы не боялись, чтобъ мы жаждали спасительнаго отрезвленія, строгаго суда, суроваго укора. Необходимо, чтобы мы вмѣстѣ съ поэтомъ почувствовали на своей совѣсти тяжесть грѣховъ не только личныхъ, но и другъ друга и всей Русской земли, во всемъ ихъ историческомъ грѣховномъ преемствѣ, чтобы вмѣстѣ съ Хомяковымъ, такъ горячо и всецѣло любившимъ Русь въ ея прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ, мы съ такою же, какъ онъ, искренностью убѣжденія, могли повторить его покаянный поэтическій гимнъ къ Небу за Русскую землю и упреки, съ которыми обращается онъ къ нашему обществу, напоминая намъ, что старый грѣхъ отцовъ еще съ нами, что онъ

> .... въ насъ, онъ въ жилахъ и крови,
> Онъ сросся съ нашими сердцами,
> Сердцами мертвыми къ любви!
> Молитесь, кайтесь, къ небу длани!
> За всѣ грѣхи былыхъ временъ,
> За наши каинскія брани
> Еще съ младенческихъ пеленъ;
> За слезы страшной той годины,
> Когда враждой упоены,
> Мы звали чуждыя дружины
> На гибель Русской стороны;
> За рабство вѣковому плѣну,
> За робость предъ мечомъ Литвы,
> За Новградъ и его измѣну,
> За двоедушіе Москвы,
> За стыдъ и скорбь святой царицы,
> За узаконенный развратъ,
> За грѣхъ царя-святоубійцы,
> За разоренный Новградъ...
> За слѣпоту, за злодѣянья,
> За сонъ умовъ, за хладъ сердецъ,
> За гордость темнаго незнанья,
> За плѣнъ народа...

За то, наконецъ, продолжаетъ пророческій голосъ поэта, что

> .... обуявъ въ чаду гордыни,
> Хмѣльные мудростью земной,
> *Мы отреклись отъ всей святыни,*

Отъ сердца стороны родной;
За все, за *всякія страданья*,
За всякій попранный законъ,
За темныя отцовъ дѣянья,
За темный грѣхъ своихъ временъ,
За всѣ бѣды роднаго края,
Предъ Богомъ благости и силъ,
Молитесь, плача и рыдая,
Чтобъ Онъ простилъ, чтобъ Онъ простилъ!...

Русское самодержавіе—не нѣмецкій абсолюцизмъ и не азіатскій деспотизмъ.

«День», 2-го октября 1865 г.

Мы недавно говорили о цѣломъ мірѣ *подобій*, которыми населена наша современная Русская дѣйствительность. Мы указывали тогда на одни только внѣшнія явленія; — но то же зло *подобія* властвуетъ и въ области нашихъ понятій, нашего нравственнаго и умственнаго развитія. Если мы сказали, что все у насъ существуетъ *будто бы*, то съ такимъ же правомъ можемъ мы сказать, что почти каждое изъ представленій, слагающихся въ нашемъ обществѣ о Россіи и ея народѣ,—*то*, *да не то*. У насъ есть готовыя опредѣленія почти для всякаго явленія Русской жизни, которыя однакожъ—не болѣе и не менѣе какъ иностранныя *подобія*, — которыя не только не выражаютъ сущности явленія, но положительно искажаютъ его смыслъ,—а между тѣмъ они въ ходу, они *управляютъ* нами, они отражаются практическими послѣдствіями на самой жизни. Таково напр. понятіе о *народѣ* и *народности*, которое въ умѣ Русскаго образованнаго общества заслонено *подобіемъ* этого понятія, заимствованнымъ у иностранцевъ,—именно: понятіемъ о *демократіи* и *демократизмѣ*. Понятіе о *дворянствѣ*,—о томъ Русскомъ историческомъ явленіи, которое мы называемъ дворянствомъ,—имѣетъ свое подобіе въ *аристократіи*, и это подобіе вводитъ въ пагубныя заблужденія наши высшія дворянскія сферы. Русская *община*, *общинное* поземельное владѣніе окутаны нашей публикой (преимущественно перваго сорта) въ подобіе *коммуны* и *коммунизма*, Русская *артель* смѣшана съ *ассоціаціей;* удѣльная и областная жизнь древней Руси—

воспринята и облечена, въ нашемъ научномъ сознанiи, въ пеленки готоваго иностраннаго понятiя—*федерацiи*, и такое подобiе, втѣснившись въ науку, не только привело многихъ ученыхъ къ ложнымъ теоретическимъ взглядамъ на Русскую исторiю, но и на самой практикѣ—не мало Русской молодежи увлекло въ ложный путь дѣйствiй. Идея Нѣмецкой государственности идетъ бокъ о бокъ съ народной идеей царя, путая понятiя въ правящихъ и правимыхъ; — надъ правдой Русскаго самодержавiя, какъ историческаго начала народной политической жизни, носится иностранное подобiе нѣмецкаго абсолютизма или азiатскаго деспотизма, которое, подмѣняя въ умахъ истинный смыслъ явленiя,—какъ призма преломляетъ лучъ зрѣнiя и кривитъ понятiя—во всѣхъ слояхъ образованнаго общества, отъ высшаго даже до низшаго. Свобода слова, по милости тѣхъ же подобiй, является *политическимъ* правомъ; древнiй земскiй соборъ, никакимъ закономъ неформулированный и лишенный всякой политической власти, отражается въ мысли какъ политическая *конституцiя*... Такимъ образомъ,—благодаря готовымъ опредѣленiямъ, заимствованнымъ нами у западноевропейской науки и жизни и перенесеннымъ нами на Русскую исторiю и современную дѣйствительность,—въ нашемъ общественномъ разумѣнiи — цѣлое царство подобiй. Чѣмъ болѣе мнимаго сходства, тѣмъ труднѣе добиться толку и добраться до истины, потому что эти иностранныя подобiя крѣпко засѣли въ мозгу, вошли, такъ сказать, въ кровь и плоть нашихъ просвѣщенныхъ классовъ. Нельзя не видѣть здѣсь воочiю вредъ, положительный вредъ, нанесенный нашему общественному разумѣнiю—привычкою къ иностраннымъ языкамъ, замѣною ими языка природнаго — Русскаго. Всѣ понятiя о Русской жизни исказились въ переводной рѣчи нашихъ «образованныхъ» людей, а между тѣмъ въ рукахъ ихъ сила и власть. Невольно приходишь къ такому мнѣнiю, что чѣмъ выше постъ, занимаемый въ Россiи человѣкомъ, чѣмъ обширнѣе его власть надъ Русскою жизнью, тѣмъ чувствительнѣе можетъ стать для послѣдней — привычка такого человѣка къ иностранной рѣчи, слѣдовательно къ иностраннымъ дефиницiямъ иностранной жизни. Большая часть нашихъ недоразумѣнiй оттуда—какъ въ понятiяхъ, такъ и въ дѣйствiяхъ, какъ въ отвлеченномъ представленіи, такъ и на дѣлѣ. Сбивчивое сходство явленій жизни Русской и западноевропейской, при томъ авторитетѣ, которымъ пользуется эта послѣдняя и которому невольно подчиняется Россійская «интеллигенція», и при томъ незнаніи, неразумѣніи стихійныхъ началъ нашей народности и ея духовной сущности, которымъ также отличается наша интеллигенція, — вотъ главная причина нашей безурядицы и безплодности многихъ правительственныхъ преобразовательныхъ усилій. Распутать эту путаницу понятій, отвести каждому его законное мѣсто, указать лживость подобій, снять иностранную маску съ облика Русскаго человѣка, опредѣлить въ точности эти *синонимы*, сбивающіе такъ многихъ у насъ съ толку,—синонимы понятій и явленій Русской и иноземной жизни, повидимому похожихъ, а между тѣмъ существенно различныхъ,—вотъ задача, которою необходимо было бы теперь заняться строго и систематически и которой наша газета, въ будущемъ своемъ развитіи, намѣрена преимущественно посвятить свое вниманіе.

Мы здѣсь только вскользь касаемся этого важнаго предмета, желая поскорѣе перейти къ *злобѣ, довлѣющей* нынѣшнему *дневи*, къ вопросу, насъ близко интересующему и коренящемуся именно въ той путаницѣ понятій, о которой мы говорили. Такъ, вслѣдствіе недоумѣній, вызванныхъ нашими словами, сказанными въ 31 №, мы убѣдились, что, въ силу все тѣхъ же *подобій*, въ большомъ еще ходу у насъ мнѣніе, ни на чемъ, кромѣ подобія, не основанное и повторяемое у насъ съ вѣтру людьми, пробавляющимися весь свой вѣкъ готовыми афоризмами: что свобода печати не совмѣстна съ существующею у насъ политическою формою правленія, т. е. съ самодержавіемъ. Мы съ этимъ совершенно несогласны. Конечно, если смотрѣть на Русское самодержавіе, какъ на нѣмецкій абсолютизмъ, или азіатскій деспотизмъ, то свобода слова съ нимъ несовмѣстна; но Русское самодержавіе, по коренному народному идеалу, не есть, слава Богу, ни то, ни другое. Прежде всего—свобода рѣчи сама по себѣ не есть свобода политическая... Мысль, слово! Это не «прерогатива», а неотъемлемая принадлежность человѣка, безъ которой онъ не человѣкъ, а животное. Безсмысленны и безсловесны только скоты. Посягать на жизнь разума и слова въ человѣкѣ—значитъ не только совершать святотатство Божьихъ даровъ, но посягать на божественную сторону человѣка, на самый Духъ Божій, пребывающій въ человѣкѣ, на то, чѣмъ человѣкъ—человѣкъ, и безъ чего человѣкъ—не человѣкъ! Свобода жизни разума и слова, какъ мы уже не однажды выражались, такая свобода, которую даже странно формулировать юридически или называть правомъ: это такое же право, повторяемъ, какъ быть человѣкомъ, дышать воздухомъ, двигаться. Эта свобода есть необходимое условіе самого человѣческаго бытія, внѣ котораго невозможно и требовать отъ человѣка никакихъ правильныхъ отправленій человѣческаго духа, а тѣмъ менѣе гражданскихъ доблестей: умерщвленіе жизни мысли и слова не только самое страшное изъ всѣхъ душегубствъ, но и самое опасное по своимъ послѣдствіямъ для судьбы царствъ и народовъ. Если вы требуете отъ человѣка—разумнаго содѣйствія, помощи, услуги, наконецъ разумной покорности, для которой въ особенности необходимъ свободный актъ воли, то дайте ему, прежде всего, возможность быть человѣкомъ, взрослымъ членомъ общества и сознательнымъ подданнымъ государства, т. е. право мыслить и говорить, а не превращайте его въ скотоподобное, безсловесное и безмысленное существо, или въ вѣчнаго недоросля, который самъ уже и никакихъ личныхъ нравственныхъ требованій къ себѣ не простираетъ, да и простирать не въ правѣ — благо есть на это опекуны! Если же признается возможнымъ и жить и двигаться, и дышать и совершать прочія отправленія подъ защитою неограниченно монархической власти, то нѣтъ причины *унижать* значеніе самодержавія до такой степени, чтобы считать немыслимою жизнь духа и разума подъ его верховною эгидой. Напротивъ, мы думаемъ, что идея настоящаго, именно Русскаго самодержавія предполагаетъ полную свободу нравственной и умственной общественной жизни, и только этою свободою обусловливается его разумность; въ противномъ же случаѣ оно перестало бы быть Русскимъ, походило бы или на нѣмецкій абсолютизмъ или на азіатскій деспотизмъ. Примѣры этому бывали въ Русской исторіи, но въ наше время мы отъ этого, кажется, можемъ считать себя уже застрахованными: намъ уже нечего опасаться вновь такого уклоненія отъ Русскаго народнаго политическаго идеала и мы, послѣ стольких реформъ, въ правѣ надѣяться, напротивъ, на дальнѣйшія усилія къ его осуществленію,—если только враги Россіи, которыхъ не мало и внѣ и внутри ея, не постараются вновь подмѣнить, въ понятіяхъ благонамѣренной власти, истину—иностраннымъ подобіемъ.

Что̀ такое самодержавіе, неограниченность власти? Это есть принадлежность, необходимое свойство всякой власти въ области ей свойственныхъ отправленій, безъ чего она не есть власть, а какой-то призракъ, фикція. Власть ограниченная—то же, что̀ ограниченная собственность — два понятія, исключающія одно другое. Государь-демосъ (народъ), государь-совѣтъ-десяти, государь-конвентъ, государь-парламентъ, — государь-царь — это все та же верховная самодержавная власть, съ тою разницей, что въ послѣднемъ случаѣ она сосредоточивается въ одномъ лицѣ, а въ первыхъ случаяхъ переносится на народныя массы, на грубую чернь, или же на образованное меньшинство, ничѣмъ никогда въ размѣрѣ своемъ вполнѣ разумно не опредѣленное. Вопросъ о томъ—что̀ лучше: коронованный ли народъ, коронованное ли общественное мнѣніе, или коронованный человѣкъ, одинъ-единый, ничѣмъ не огражденный, кромѣ права, за нимъ всенародно признаннаго, безсильный, какъ личная одинокая сила, но могучій лишь идеею, которой онъ представитель, и этою идеею освящаемый,—этотъ вопросъ рѣшается въ каждой странѣ сообразно ея мѣстнымъ потребностямъ и историческимъ особенностямъ развитія. Въ нашей странѣ онъ разрѣшенъ такъ рѣзко и положительно всей исторіей и всѣмъ духовнымъ строемъ народа, что и толковать о какомъ-либо другомъ разрѣшеніи было бы безсмысленно. Скажемъ только, что по мнѣнію Русскаго народа, какъ мы его понимаемъ, лучше видѣть власть,—безъ которой, по немощи человѣческой, обойтись гражданскому обществу невозможно,—надѣленною человѣческой душой и сердцемъ, облеченною въ святѣйшее званіе «человѣка», нежели обратить ее въ какой-нибудь бездушный механическій снарядъ, называемый парламентскимъ большинствомъ, и затѣмъ это большинство (представляющее меньшинство относительно всего населенія), опредѣляемое по необходимости количественно, а не качественно, составляющееся случайно—признать единственнымъ правильнымъ выразителемъ общественнаго мнѣнія, на которое уже нѣтъ аппелляцій, дальше котораго идти уже некуда, которое приходится принять уже какъ *свое* мнѣніе. Самодержавіе парламента въ такомъ случаѣ можетъ превратиться въ невыносимѣйшій деспотизмъ, особенно если дать силу принципу, что свобода мнѣнія вообще несовмѣстна съ принципомъ самодержавія. Такъ и было во Франціи, во времена республиканскихъ конвентовъ и террора, когда никакая критика дѣйствій сомодержавной республиканской власти не была терпима. Поползновеніе къ тому же видимъ мы и теперь во многихъ конституціонныхъ государствахъ Европы, кромѣ Англіи. Нельзя не согласиться, что такое поползновеніе совершенно логично: представительство,—юридически и формально, по праву, являющееся выразителемъ общественнаго мнѣнія, облеченнымъ самодержавною властью,—не можетъ затѣмъ признать существованіе какого-либо инаго, внѣ себя, несогласнаго съ собой общественнаго мнѣнія, ибо только одно это званіе—выразителя общественнаго мнѣнія—и даетъ конституціонной палатѣ право на политическую власть. Англія, тѣмъ не менѣе,—если не de jure, то de facto, допустила свободу мнѣнія и слова, т. е. свободу критики при самодержавіи парламента, и тѣмъ спасла у себя свободное развитіе общественнаго мнѣнія внѣ парламента. Если такая свобода совмѣстна, какъ мы видимъ, даже съ самодержавной формой парламентскаго правленія, которое могло бы считать себя исключительнымъ представителемъ страны и ея мнѣнія; если она признана и тамъ не только не вредною, но полезною и даже необходимою,—то тѣмъ совмѣстнѣе она съ самодержавіемъ единоличнымъ, тѣмъ она необходимѣе тамъ, гдѣ единовластитель не можетъ и не долженъ считать себя представителемъ колеблющагося, видоизмѣняющагося общественнаго мнѣнія, а напротивъ стоитъ выше его и внѣ его, призванъ судить его и именно вслѣдствіе этого и нуждается въ томъ, чтобы вѣдать истинную мысль земли и слышать ея голосъ. Мы полагаемъ, что именно въ Россіи, именно при ея формѣ правленія, можетъ и должна существовать такая свобода печати, какая немыслима даже въ конституціонныхъ государствахъ Европейскаго материка. Не на безмолвіи и безмысліи народномъ зиждется могущество нашей политической формы, а на прочномъ, незыблемомъ фундаментѣ народнаго сознанія. Правда нашего самодержавія не можетъ и не должна бояться свѣта мысли, развитія умственнаго и духовнаго; она не на недоразумѣніяхъ основана, и не во тьмѣ коренится, а на отчетливомъ и свободномъ убѣжденіи всего народа въ современной необходимости именно этой, а не другой формы правленія, и въ преимуществѣ этой формы предъ всѣми другими для его дальнѣйшаго преуспѣянія и развитія какъ гражданскаго общества и политическаго организма. Поэтому всякій, отрицающій совмѣстность свободы слова и печати съ самодержавіемъ, или полагающій, что таковая свобода роняетъ достоинство власти, что власть призвана стѣснять свободу слова, — унижаетъ таковымъ мнѣніемъ значеніе самодержавія и обличаетъ внутри себя неприличную робость, едвали извинительное безвѣріе въ его прочность и силу, и въ разумность его основаній. Намъ приходится объяснять снова, что̀ мы уже болѣе или менѣе, такъ или иначе, высказывали и прежде. Русскій народъ, образуя Русское государство, призналъ за послѣднимъ, въ лицѣ царя, полную свободу *правительственнаго дѣйствія*, неограниченную свободу *государственной власти*, а самъ, отказавшись отъ всякихъ властолюбивыхъ притязаній, отъ всякаго властительнаго вмѣшательства въ область *государства* или верховнаго правительствованія, свободно подчинилъ, — въ сферѣ внѣшняго формальнаго дѣйствія и правительства, — слѣпую волю свою, какъ массы, и разнообразіе частныхъ ошибочныхъ волей въ отдѣльныхъ своихъ единицахъ—единоличной волѣ одного имъ избраннаго (съ его преемниками) человѣка, вовсе не потому, чтобы считалъ ее безошибочною и человѣка этого безгрѣшнымъ, а потому, что эта форма, какъ бы ни были велики ея несовершенства, представляется ему наилучшимъ залогомъ внутренняго мира. Для восполненія же недостаточности единоличной неограниченной власти въ разумѣніи нуждъ и потребностей народныхъ, онъ признаетъ за землею, въ своемъ идеалѣ,—полную свободу *бытовой* и *духовной жизни*, неограниченную свободу *мнѣнія*, или критики, т. е. *мысли и слова*. «Такова наша мысль и сказка, говорили на соборахъ наши предки своимъ царямъ, а впрочемъ, государь, пусть рѣшитъ твоя воля, мы ей повиноваться готовы». Единоличному уму, облеченному верховной неограниченной властью, содѣйствуетъ такимъ образомъ умъ милліоновъ, нисколько не стѣсняя его свободы, не насилуя его воли. И тѣмъ крѣпче долженъ бы быть этотъ союзъ свободной власти и свободнаго мнѣнія (какъ разумѣется онъ Русскимъ народомъ), что онъ утверждается не на контрактѣ, гдѣ контрагенты стараются каждый оттягать что-либо другъ у друга и обманываютъ себя взаимно, — какъ въ западныхъ конституціяхъ,—а именно на отчетливомъ народномъ сознаніи, создавшемъ Русское государство. Для нравственнаго достоинства самой власти, для того, чтобъ она не перешла въ грубую вещественную силу, въ нѣмецкій абсолютизмъ или азіатскій деспотимъ, необходимо, чтобы граничила она съ полнотою и свободою цѣлаго міра нравственной жизни, самостоятельно развивающейся и самоопредѣляющейся, — съ полнотою и свободою духовнаго народнаго бытія въ государствѣ. Съ другой стороны и свобода мнѣнія естественно прекращается тамъ, гдѣ мнѣніе перестаетъ быть мнѣніемъ и становится *дѣйствіемъ*, и такимъ образомъ переходитъ границу, отдѣляющую область его свободы отъ государства. Эти двѣ свободы, взаимно опредѣляя другъ друга, устраняютъ необходимость всякихъ искусственныхъ ограниченій, столь употребительныхъ на Западѣ, механически разсчитанныхъ, взвѣшенныхъ и размѣренныхъ, въ сущности же ничего не ограждающихъ, равно стѣснительныхъ для обѣихъ сторонъ и ставящихъ ихъ въ какой-то антагонизмъ, въ какое-то неискреннее другъ къ другу отношеніе. Свободное мнѣніе въ Россіи есть надежнѣйшая опора свободной власти,—ибо въ союзѣ этихъ двухъ свободъ заключается обоюдная крѣпость земли и государства. Всякое стѣсненіе области духа внѣшнею властью, всякое ограниченіе свободы нравственнаго развитія—подрываетъ нравственныя основы государства, нарушаетъ взаимное довѣріе и то равновѣсіе, ту взаимную равномѣрность обѣихъ силъ, которыхъ дружное, согласное дѣйствіе составляетъ необходимое условіе благаго и правильнаго хода Русской народной и государственной жизни. Безъ спасительнаго свѣта общественной мысли легко для власти заблудиться и переступить края и предѣлы, за которыми уже нѣтъ вѣрной дороги; безъ свободной критики не можетъ выработаться общественное сознаніе—а поддержка общественнаго сознанія есть необходимое условіе успѣха всякой правительственной дѣятельности.

„Пора домой“!

«Русь» 10 марта 1881 г.

Да, въ Москву, въ Москву призываетъ теперь своего Царя вся Россія... Пора домой! Пора покончить съ петербургскимъ періодомъ русской исторіи, со всѣми кровавыми преданіями переворотовъ, измѣнъ, крамолъ XVIII и XIX вѣка! Пора наконецъ средоточію государственной власти перемѣститься съ крайней окраины государства въ историческое средоточіе Русской земли,—то средоточіе, которое создало самую власть, дало ей историческое бытіе, оправданіе и освященіе... Да и до сихъ поръ не въ Москвѣ ли, не въ Кремлѣ ли вѣнчаются и помазуются на царство наши цари? Самъ Петръ Великій не отважился отмѣнить такой обычай; да онъ едвали когда и помышлялъ о Петербургѣ иначе, какъ о временной *резиденціи*.

Въ Москву, въ Москву! Намъ ли не подтвердить всего сказаннаго и сообщеннаго по этому поводу и «Московскими Вѣдомостями», и «Современными Извѣстіями», намъ ли, когда эта мысль *о возвратѣ* томила и волновала сердца самыхъ дорогихъ, самыхъ близкихъ намъ, едвали не самыхъ лучшихъ русскихъ людей — безвременно, въ тщетномъ ожиданіи сошедшихъ въ могилу! Да еще и въ «Днѣ», во сколько было возможно при условіяхъ тогдашней цензуры, проповѣдывали мы то же самое и помѣстили отрывки изъ записки, поданной К. С. Аксаковымъ покойному Государю при Его восшествіи на престолъ: «О значеніи столицы»...

Но теперь, громче всякихъ словъ, возопили сами событія: домой! домой! Здѣсь только, въ колыбели государства и своей власти, почувствуетъ Себя Русскій Царь вполнѣ у Себя; здѣсь окружитъ Его народъ твердымъ, несокрушимымъ какъ онъ самъ оплотомъ, такимъ оплотомъ, котораго не замѣнитъ никакая полиція въ свѣтѣ—круговою порукою всей земли!—такой народъ-исполинъ, которому нѣтъ равнаго въ мірѣ по любви, по самоотверженной преданности къ своимъ Вождямъ, къ вѣнчаннымъ Представителямъ его исполинства, его единства, его мѣста въ исторіи, его призванія и долга въ человѣчествѣ! Здѣсь только, въ Москвѣ, Царь и народъ, мыслимые народомъ едино, станутъ и во истину едино, возобладавъ надо всѣмъ, что̀ не только грубо-насильственно (стало-быть наименѣе опаснымъ образомъ), но и лукаво-искусственно, незамѣтно, но настойчиво клонилось къ ихъ расторженію!...

Не можетъ перемѣщеніе центра въ организмѣ не нарушить правильнаго кровообращенія. Правильное кровообращеніе нашего государственнаго тѣла прекратилось съ перемѣщеніемъ центра тягости правительственной власти на границу нашего пространнаго царства.

Петербургъ есть отецъ, верховный жрецъ и слуга бюрократизма,—т. е. формальнаго, безжизненнаго, отвлеченнаго, бумажно-чиновничьяго, механическаго управленія Русскимъ народомъ. Но управленіе не механическій только снарядъ, а дѣло живое, отправленіе самой жизни политическаго организма. Въ противномъ случаѣ оно только мертвитъ, хотя и не въ силахъ убить самое начало жизни; оно искажаетъ, оно кривитъ, и внѣ и внутри, образъ и духъ управляемаго государства. Петербургъ—творецъ и пѣстунъ *казенщины*,—онъ же породилъ и другое зло, колоссальное, представляющееся у насъ на степени истинно историческаго явленія—это *Пошлость*. По̀шло все, что̀ не искренно, условно, легковѣсно, скользитъ поверхъ жизни; что̀ не имѣетъ корней въ глубинахъ личнаго духа, ходитъ какъ общее мѣсто, безсмысленно повторяемое словомъ или дѣломъ... Что́ можетъ быть пошлѣе *безличнаго* человѣка? Что̀, кромѣ пошлости, можетъ дать въ своемъ высшемъ развитіи *обезличенная* народность? На *пошлость*, только на пошлость осуждено все, что̀ отрывается отъ народности! Пошла казенщина, нѣтъ сомнѣнія, но еще болѣе пошлъ — истинный разцвѣтъ пошлости — петербургскій «либерализмъ»... Потребовался геніальный художникъ для того, чтобы просвѣтить наше сознаніе и выставить намъ ярко и выпукло нашу пошлость. Гоголь, однакоже, совершилъ для насъ это благодѣяніе только относительно первой формы пошлости, болѣе грубой. Но пошлость, гнѣздящаяся въ самыхъ нѣдрахъ русской, отчужденной отъ народа «интеллигенціи», во всѣхъ ея видахъ: отъ чванства «послѣднимъ словомъ науки» безъ знанія перваго ея слова, до колѣнопреклоненной подлости предъ всякимъ паясничествомъ «прогресса», предъ всякимъ арлекинствомъ «либерализма» — эта пошлость еще ждетъ своего сатирика! Она не такъ груба, какъ заклейменная Гоголемъ духовная казенщина; она хотя и имѣетъ своего рода Чичиковыхъ, Маниловыхъ и Ноздревыхъ лжелиберализма, однако благообразнѣе, и тѣмъ опаснѣе. Она составляетъ почти неотъемлемую принадлежность нашей «цивилизаціи», хотя конечно чужда истинному просвѣщенію. Она чужда и всякой правдѣ жизни; ея не знала наша допетровская старина; ея и слѣда нѣтъ и въ современномъ нашемъ простомъ народѣ: не мало въ нихъ было и есть зла, тьмы, всякихъ пороковъ, но не пошлости! Въ нашемъ же обществѣ она является по истинѣ могучею пагубною силой, плодя цѣлый міръ обмана, призраковъ, тѣней, подобій. Ея глашатаемъ по преимуществу та именно петербургская печать, которая самозванно величаетъ себя «либеральною». Конечно и въ Петербургѣ найдется довольно истинно просвѣщенныхъ, истинно-русски мыслящихъ, вѣрующихъ, чувствующихъ людей, но они въ Петербургѣ какъ на чужбинѣ. Конечно, не въ одномъ Петербургѣ, но и въ Москвѣ и другихъ городахъ имѣются литературные и иные органы таковой же нашей исторической пошлости, но хотя бы и въ Москвѣ, они не отъ Москвы, не ея, а петербургскаго духа. Того же петербургскаго, а не русскаго земскаго духа и многія наши «земства», ораторствующія въ одинъ тонъ съ такъ-называемою либеральною прессой. Но резиденція, истокъ этой роковой исторической пошлости — все-таки Петербургъ, символъ и знамя отчужденія отъ народа. Только на высотѣ престола, только въ *лицѣ* царя, — только благодаря *личной нравственной* отвѣтственности царя предъ исторіей и своей землею, благодаря органической, таинственной между собою связи царя съ народомъ, еще находило себѣ иногда, подъ наитіемъ духа исторіи, въ великія рѣшительныя мгновенія нашего бытія, — выраженіе, убѣжище и защиту русское народное чувство, русская мысль...

Но трудно въ ежедневности уклоняться отъ воздѣйствія окружающей умственной среды, особенно же въ Петербургѣ, гдѣ нѣтъ, какъ въ Москвѣ, нѣмыхъ, но вѣщихъ памятниковъ допетровской старины, гдѣ не приходится непремѣнно считаться (чего въ Москвѣ нельзя миновать) хоть бы только съ церковною и народною бытовою стихіей. Трудно лучу истиннаго свѣта и правдивому народному голосу пробиться сквозь этотъ заслонъ, эту толщу лжи, фальши, извращеній всяческаго рода, которая заститъ свѣтъ и глушитъ слово правды. Чиновники и такъ-называемые литераты, или не служащая, профессіональная интеллигенція, чуждая самыхъ основныхъ основъ народнаго духа,—бюрократизмъ и доктринерскій либерализмъ, или либеральничающій бюрократизмъ и бюрократическій либерализмъ насѣдаютъ со всѣхъ сторонъ на власть имѣющихъ и давятъ ихъ мнимою силою мнимаго общественнаго мнѣнія!

Вотъ въ томъ и опасность, чтобъ марево не было принято за правду, чтобъ гамъ, гулъ, клики и крики петербургски- «интеллигентной» и «либеральной» среды не были возведены на степень «выраженія мысли, нуждъ и потребностей» Русской земли. Вотъ почему такъ и желаетъ пламенно Русскій народъ видѣть своего Царя вполнѣ свободнымъ отъ всякихъ чуждыхъ исторіи и народному духу вѣяній и воздѣйствій, и крѣпче чѣмъ когда-либо утвердить Его державную власть на камнѣ любви и народныхъ историческихъ преданій и заповѣдей, на истинно земской основѣ. Но въ настоящую минуту испытанія своихъ историческихъ судебъ, о чемъ въ особенности молитъ своего Царя Россія (и мы смѣло, предъ лицомъ *всей Россіи*, дерзаемъ увѣрить, что такова именно ея мольба), чтобъ высоко, честно и грозно было вознесено царское имя на страхъ злодѣямъ русской земли, и вѣдала бы предержащая власть, что всякія въ смыслѣ западно - европейскаго устройства политическія у насъ бредни, — отъ кого бы онѣ ни исходили, — не выражаютъ мнѣнія Русскаго народа, не отъ его духа!..

Двѣ реальныя государственныя силы въ Россіи: Царь и народъ.

«Русь», 14-го марта 1881 г.

Завтра погребеніе, завтра послѣднее цѣлованіе и прощаніе Русскихъ людей съ останками своего Царя, двадцать пять лѣтъ подвизавшагося на престолѣ Русской державы, положившаго душу за свой народъ и свою землю... Съ радостными надеждами привѣтствовалось Его многознаменательное рожденіе

> въ великомъ градѣ славы,
> На высотахъ священнаго Кремля,

и по истинѣ пророческимъ завѣтомъ поэта:

> Да встрѣтитъ Онъ обильный честью вѣкъ,
> Да славнаго участникъ славный будетъ,
> Да на чредѣ высокой не забудетъ
> *Святѣйшаго изъ званій—человѣкъ!...*

И Онъ исполнилъ завѣтъ, остался ему вѣренъ до послѣдней минуты издыханія. Именно *человѣчность* является характеристическою чертою Его самодержавнаго подвига. Никакія обольщенія внѣшней власти не смогли заглушить въ немъ велѣній простаго, добраго сердца. И Богъ сподобилъ Его возвратить человѣческія права десяткамъ милліоновъ человѣковъ, и водрузить то знамя освобожденія, которое прекраснѣе, святѣе всѣхъ побѣдоносныхъ знаменъ, всѣхъ знаменъ цивилизаціи и свободы иныхъ европейскихъ странъ, — то знамя съ которымъ въ рукахъ стоитъ отнынѣ Россія на нравственной высотѣ и въ силѣ недосягаемой, предъ лицомъ смущеннаго, косящагося на нее міра...

Самодержецъ, Онъ былъ смиренъ духомъ, Онъ не возносился ни разу, душа Его не знала надменности и гордыни. Онъ не искалъ суетной славы, но слава искала Его—и историкъ съ изумленіемъ подводитъ итоги обилію великихъ дѣлъ, совершившихся въ періодъ отъ 1855 до 1881 г. Но Богъ вознесъ смирявшагося на высоту выше всякой высоты земной: Царь величайшей въ свѣтѣ державы, по манію котораго готовъ былъ двинуться въ бой, на защиту Его престола и власти, цѣлый океанъ-народъ, сподобился кончины истинно-мученической. Его образъ предстоитъ теперь предъ нами въ лучезарномъ сіяніи Страстотерпца. Народъ, молясь объ упокоеніи души Александра II, сопричисляетъ его къ лику молитвенниковъ за Русскую землю. Вѣчный миръ, вѣчная память, вѣчная слава Тебѣ, нашъ добрый Царь, четверть вѣка властвовавшій надъ нами!... На сына Твоего, новаго Царя нашего, переносимъ теперь наши надежды, нашу вѣру, нашу любовь...

Никакому государю никогда не доставалось, повидимому, въ наслѣдство такого непомѣрнаго бремени, какъ то, которое подъемлетъ нынѣ нашъ Государь Александръ III. Но какъ ни тяжело оно само по себѣ, не пріумножена ли еще эта тяжесть фальшивыми вѣсами ухищреннаго мудрованія? Вполнѣ ли вѣрны мѣрила, да и кто мѣрщикъ? Не опытъ, конечно, а отвлеченное, быть-можетъ даже нѣсколько ошибочное соображеніе?... Нѣтъ ли возможности оптическаго обмана при созерцаніи Россіи изъ такого далёка, какъ Петербургъ? Намъ кажется, что такого рода обманъ возможенъ, что на поверхности петербургской среды нѣсколько вкось преломляются лучи, отражающіе Россію, и отраженіе лишается вѣрности. Не слишкомъ ли сложнымъ представляется то, что̀ въ сущности само по себѣ просто или гораздо проще? Не слабымъ ли, не шаткимъ ли мнится многое, что̀ крѣпко и неколебимо?...

Надо прежде всего разсѣять туманъ, въ которомъ все одноцвѣтно, все сливается во едино, все смѣшивается безразлично: призрачное и сущее мнимое, и дѣйствительное, тѣни и живые образы, ложь и правда... Необходимо прежде всего признать за непреложную истину одно: въ Россіи пребываютъ только двѣ реальныя государственныя силы, только два всемогущіе фактора: Царь и народъ. Такъ было искони, *такъ и теперь*. Въ этомъ отношеніи *ничто не перемѣнилось*,—никакой *порухи*, говоря языкомъ древнихъ грамотъ, ни малѣйшаго ущерба, ниже атома ущерба—ни царской чести, ни царской власти въ нашей землѣ не произошло. Наши Государи, особенно временъ новѣйшихъ, и не подозрѣваютъ, сколько *могутъ* они въ союзѣ съ народомъ, обратясь къ нему съ искреннимъ словомъ. Эта царская мощь усиливается по мѣрѣ приближенія къ народу; умаляется по мѣрѣ удаленія отъ него. Но повторяемъ — и это пусть знаютъ всѣ, кому вѣдать надлежитъ — царская власть стоитъ въ Россіи, или по крайней мѣрѣ во всенародномъ сознаніи такъ же твердо, такъ же незыблемо, какъ и прежде, и за сохраненіе этой твердыни, какъ за условіе своего гражданскаго историческаго бытія, нѣтъ жертвы въ мірѣ, какой бы не принесъ нашъ народъ. Ложь, будто власть Государя основывается у насъ только на неразвитости, на невѣжествѣ народномъ! Идея государства, идея единой верховной власти ни однимъ народомъ міра не усвоена себѣ такъ сознательно, какъ нашимъ. Не по случайной же прихоти отдѣльныхъ лицъ, тысячу лѣтъ исторической страды перетерпѣлъ онъ ради созиданія и укрѣпленія своего государства! Не онъ ли возсоздалъ его вновь, когда оно разрушилось почти въ конецъ, въ эпоху самозванцевъ, и возсоздалъ именно — отъ нижнихъ слоевъ земли поднявшійся народъ съ нѣкоторыми изъ людей слоевъ верхнихъ, мыслившихъ съ народомъ за одно и пуще своихъ привилегій любившихъ Русскую землю? И не только возсоздалъ онъ государство, но и личную верховную власть во всемъ ея объемѣ, отмѣнивъ всякаго рода ограниченія, придуманныя нѣкоторыми олигархами. Мало того: нѣсколько лѣтъ непрерывно, способомъ земскихъ, почти не расходившихся думъ или соборовъ, стерегла Земля неприкосновенность и достоинство царской *самодержавной* власти.. И древніе цари вполнѣ вѣрили своему народу... Эта непосредственная связь измѣнилась съ Петромъ; но измѣненіе произошло не со стороны Земли, которая осталась непоколебимо крѣпка своему историческому идеалу взаимныхъ отношеній Царя съ народомъ.

Въ эту истину необходимо вѣрить нашей верховной предержащей власти, и отъ силы ея вѣры будетъ зависѣть и самое могущество власти на всякое начинаніе доброе, и самый миръ нашей родной страны. Такая вѣра *въ свой народъ*, *въ свое державное право и въ свою власть* — уже сама въ себѣ заключаетъ залогъ тишины и спокойствія; такая вѣра, если она жива и дѣйственна въ царской душѣ, не можетъ не быть плодотворною: она и наставитъ и вдохновитъ нашего возлюбленнаго молодаго Царя на все полезное и благое.

Конечно, говоря о народѣ, мы разумѣемъ настоящій Русскій народъ, а не лже-народъ, ибо много теперь всякаго рода такъ-называемыхъ «либераловъ», употребляющихъ во зло имя народа. Но и тутъ примѣта простая: всякій, кто предлагаетъ ввести какія-либо мѣры въ смыслѣ западноевропейскихъ либеральныхъ учрежденій, не только аристократическихъ, но и демократическихъ, искажающихъ народный образъ царской власти; или упрочить или же только «либерально» подновить бюрократическое средостѣніе, воздвигшееся со временъ Петра между Государемъ и Его землею,—*«отъ духа лестча есть»*,—не отъ Русскаго народа и не отъ духа его...

Позволительно, кажется намъ, думать, что при такомъ положеніи власти въ Россіи (а оно *именно таково*), бремя правленія представляется менѣе тяжкимъ, чѣмъ можетъ мниться оно при другихъ, не существующихъ, но лишь ошибочно нѣкоторыми воображаемыхъ условіяхъ ея бытія... Впрочемъ, не политическіе вопросы о власти составляютъ злобу наступившаго историческаго дня. Настоящая минута требуетъ неотступно и прежде всего рѣшенія главной задачи: какъ избавиться отъ стаи бѣшеныхъ собакъ, рыскающихъ по Россіи, угрожающихъ жизни самыхъ дорогихъ ей лицъ,—находящихъ себѣ въ ней тайные притоны и—несомнѣнно плодящихся? Эта задача,—которую рѣшить, при дружномъ содѣйствіи народа и всего общества—за одно съ нимъ мыслящаго (слѣдовательно чуждаго гнилаго, фальшиваго либерализма) — полагаемъ, вполнѣ возможно,—не имѣетъ ничего общаго съ задачами органическихъ и общихъ административныхъ мѣропріятій, подлежащихъ спокойному вниманію и рѣшенію власти. Нужно бы, казалось, возстановить прежде всего спокойствіе, столь необходимое для правильныхъ отправленій государственной власти и самой общественной жизни. По крайней мѣрѣ въ обществѣ и во всей Русской землѣ настойчиво чувствуется теперь именно *эта*, а не другая потребность. Полное же спокойствіе можетъ вновь водвориться единственно при всеобщемъ убѣжденіи, что Царь и Его семья охранены вполнѣ надежно, и приняты самыя рѣшительныя, умныя, строгія мѣры къ искорененію извергов. Только при этомъ условіи возможно приступить къ измышленію и оцѣнкѣ способовъ для *предупрежденія* рецидивовъ зла, для того, чтобы все благопріятствовавшее, такъ или иначе, прямо или косвенно, его возникновенію было до основанія упразднено... Подло бы мыслили и поступили тѣ, которые вздумали бы воспользоваться настоящими затрудненіями власти для того, чтобы исторгнуть отъ ея благоволенія какую-либо мѣру, которая могла бы казаться уступкою, вынужденною лишь современными грозными обстоятельствами! Единственное, что̀ теперь, сейчасъ, на потребу, это принятіе такихъ мѣръ, которыя были бы способны оградить безопасность Царскаго дома и Россію отъ позорнаго гнета тайныхъ злодѣевъ; затѣмъ уже можно помыслить и о томъ, какъ бы еще сильнѣе утвердить власть, поставивъ ее на единственно крѣпкую, т. е. народную и истинно земскую, (а не казенно-«земскую» только) основу!

Нужно разсѣять туманъ, напущенный пошлостью нашего псевдолиберализма. Было бы весьма опасно признать эту мнимую силу за силу дѣйствительную, и мнѣніямъ той фракціи общества, которая именуетъ себя «либеральной», а въ сущности просто—не русская, чуждая преданіямъ исторіи и духу нашей народности,—мнѣніямъ ея, этому пустословному бреду, придавать какое-либо вѣское значеніе... Пусть только взойдетъ солнце правды народной,—и весь этотъ вздорный туманъ исчезнетъ... Пусть только Русь будетъ вся и истинно Русью и вѣритъ себѣ самой,— отъ какого кошмара освободится сознаніе! отъ какого лишняго, напраснаго бремени избавится власть!...

Но какъ бы ни было тяжко подъемлемое нынѣ нашимъ Государемъ бремя власти, одно превыше всѣхъ сомнѣній: во сколько возможно любви народной облегчить Ему это царское бремя, она вся самоотверженно готова послужить его облегченію. Много можетъ любовь, и много можетъ, все можетъ, все преодолѣетъ на Руси тѣсный, неразрывный союзъ любви, вѣры взаимной,—союзъ мысли и духа Русскаго Царя съ Его Землею!...

Таково, смѣемъ думать, мнѣніе первопрестольной Москвы...

Рѣчь, произнесенная И. С. Аксаковымъ въ Петербургскомъ Славянскомъ Обществѣ, 22 марта 1881 года.

«Русь», 28-го марта 1881 г.

22-го марта, въ Петербургѣ, въ экстренномъ собраніи Славянскаго Благотворительнаго Общества, въ присутствія многочисленной публики, послѣ торжественной панннхиды по Государѣ Императорѣ Александрѣ II, И. С. Аксаковъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

Милостивые Государи!

Я пріѣхалъ изъ Москвы принять участіе въ вашемъ собраніи и къ вашимъ здѣсь голосамъ присоединить мой московскій голосъ. Мнѣ бы хотѣлось передать вамъ все, что думается и чувствуется въ Москвѣ, но этого кажется не выразить человѣческимъ словомъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ назвать, какъ опредѣлить тѣ ощущенія, которыя тѣснятся въ душу въ переживаемыя нами мгновенія? Это и скорбь, и горесть, и стыдъ, и ужасъ, какой-то торжественный, вѣщій ужасъ. Это судъ Божій творится надъ нами. Это самъ Богъ живущій въ исторіи ниспосылаетъ намъ свое страшное откровеніе; передъ Его лицомъ мы стоимъ, позванные къ отвѣту... Какой же отвѣтъ мы даемъ, мы дадимъ?... Пусть, пусть испытуетъ каждый самъ свою совѣсть: нѣтъ ли и его доли участія въ той скверпѣ, за которую караетъ насъ Богъ и которою запятналась предъ всѣмъ міромъ наша земля?

Нечего себя обманывать. Мы подошли къ самому краю бездны. Еще шагъ въ томъ направленіи, въ которомъ, съ такимъ преступнымъ легкомысліемъ, мы двигались до сихъ поръ — и кровавый хаосъ! Это не слова, не преувеличеніе... Сохрани васъ Богъ отъ мысли, что это преувеличеніе! Не обольщайтесь тѣмъ, что великій народъ нашъ безмолвствуетъ. Онъ *недоумѣваетъ*. А понимаете ли, что значитъ недоумѣніе многомилліоннаго народа? Точно океанъ вздымается теперь его грудь, удрученная мрачнымъ раздумьемъ. Никакая внѣшнія бѣдствія не могутъ сравниться съ тѣмъ нравственнымъ гнетомъ, которымъ легло на него злодѣйство 1-го марта. Заныла вся душа его, изъязвлена совѣсть. Умерщвленъ его Царь, тотъ именно Царь, который наиболѣе облагодѣтельствовалъ свою землю, который освободилъ, надѣлилъ человѣческими и гражданскими правами десятки милліоновъ русскихъ крестьянъ; умерщвленъ не изъ личнаго мщенія, не ради личной корысти, а именно ради того, что онъ Царь, Вѣнчанный Глава, Представитель, Первый Человѣкъ своего народа, — тотъ живой единичный человѣкъ, въ которомъ народъ олицетворяетъ всю свою несмѣтную совокупность, всю общность, все единство, всю свою силу, всю власть. Власть—ею же испоконъ вѣковъ стоитъ и крѣпка Россія. Посягательство на лицо царя есть всегда посягательство на самый народъ, въ немъ олицетворенный, но въ настоящемъ случаѣ совершено посягательство уже на самый историческій принципъ народнаго политическаго бытія, на самодержавныя права, врученныя царю народомъ... Кто же дерзнулъ осквернить грѣхомъ Русскую землю, осрамить, опозорить Русскій народъ, да еще во имя народа, и не только наругаться надъ нимъ, но и распоряжаться его историческими судьбами?

Кто же они? Одна ли это горсть злодѣевъ—безсмысленныхъ, лютыхъ, одержимыхъ демономъ разрушенія? Откуда же завелась она на нашей землѣ? Спросимъ себя строго по совѣсти. Не есть ли она продуктъ той духовной измѣны, того отступничества отъ народности, въ которомъ повинны болѣе или менѣе мы всѣ — такъ-называемая интеллигенція? Есть ли она чтò иное, какъ логическое, крайнее выраженіе того самаго западничества, которымъ уже со временъ Петра снѣдаемо какъ недугомъ и наше правительство, и наше общество,—которое искажаетъ всѣ отправленія нашего государственнаго организма, ослабляетъ и уже ослабило живое творчество духовныхъ началъ, таящихся въ глубинѣ народнаго духа? Ибо мы не удовольствовались тѣми сокровищами знанія и науки, которыми богата Европа, но и пріобщились самому ея духу, воспитанному въ ней ея исторіей, ея религіей,—сотворили себѣ изъ нея кумира, поклонились ея богамъ, устремились къ ея идеаламъ. Мы отвернулись отъ своей трапезы, пошли на пиръ чужой, и вотъ вкушаемъ и похмѣлье въ чужомъ пиру! На кого же сѣтовать? Не увѣщевалъ ли насъ Хомяковъ еще сорокъ лѣтъ тому назадъ, пророча Божью кару за то, что

Обуявъ въ чаду гордыни,
Хмѣльные мудростью земной,
Мы отреклись отъ всей святыни,
Отъ сердца стороны родной!...

Въ самомъ дѣлѣ, что̀ такое эти анархисты, эти соціалисты-демократы и революціонеры, какъ величаютъ сами себя люди, покрывшіе нашу землю позоромъ? Слышится ли, видится ли въ ихъ ученіи, въ ихъ стремленіяхъ и цѣляхъ хоть бы какое вѣяніе русскаго національнаго духа, хоть бы какое историческое или соціальное *русское* основаніе, хотя бы тѣнь какого-либо протеста противъ *дѣйствительныхъ* недуговъ, удручающихъ Россію? Напротивъ: народъ-то нашъ именно и презираютъ они глубоко. Они не болѣе какъ раболѣпные послѣдователи ученій и идеаловъ, возникшихъ органически на чужой, западно-европейской почвѣ. Но тамъ возникновеніе ихъ понятно, и если не оправдывается, то объясняется мѣстными историческими и соціальными причинами; тамъ они являются какъ естественный протестъ: протестъ противъ неправеднаго распредѣленія поземельной собственности, протестъ противъ политическаго преобладанія буржуазіи или буржуазной интеллигенціи надъ четвертымъ сословіемъ, лишеннымъ гражданской организаціи и политическихъ правъ,—слѣдовательно протестъ противъ современныхъ конституціонныхъ политическихъ формъ. Но именно этой-то собственно всей неправды у насъ и нѣтъ. У насъ, по милости Бога и благодаря именно усиліямъ звѣрски убитаго мученика-Государя, наше такъ-называемое четвертое сословіе, или крестьянство, т. е. почти цѣлыхъ 80% всего населенія государства, составляетъ основаніе и реальную политическую силу всей русской державы,—надѣлено землей, организаціей и самымъ широкимъ самоуправленіемъ; оно хранилище (и до нашихъ дней) и историческаго инстинкта, и вѣры, и всей жизненной стихіи нашего политическаго организма; имъ только, а не интеллигенціей нашей (въ большинствѣ ея представителей до сихъ поръ «влающейся сѣмо и овамо», по вѣтру заграничныхъ ученій) держится наше отечество. Исторія наша хранитъ также и преданія всенароднаго представительства на земскихъ совѣтахъ, призывавшихся самодержавною властью, и никакимъ усиліямъ бюрократіи и лжелиберальныхъ поклонниковъ западнаго политическаго устройства не удалось еще воздвигнуть достаточно сильныхъ преградъ, способныхъ остановить въ будущемъ осуществленіе сызнова этого роднаго, историческаго нашего идеала взаимныхъ отношеній Государства и Земли. И именно теперь, когда на самомъ Западѣ уже ветшаютъ его историческія государственныя формы и со всѣхъ сторонъ поднимаются протесты противъ парламентаризма и конституціонализма, обрѣтаются въ русской, такъ-называемой интеллигентной средѣ, страстныя конституціонныя вожделѣнія,—вожделѣнія: нашу-то Россію,—считающую себѣ тысячу лѣтъ исторической жизни, съ ея несмѣтнымъ населеніемъ, соблюдающимъ залогъ иного, самобытнаго, оригинальнаго политическаго и духовнаго строя,—облечь въ обноски Европы, когда она соблаговолитъ ихъ сбросить на поживу своимъ лакеямъ! Кто хочетъ причины, тотъ хочетъ и ея логическихъ послѣдствій; кто хочетъ западной конституціи, тотъ не можетъ отвергать и послѣдняго слова западной политической жизни: соціальной революціи со всѣми ея проявленіями.

Но къ тому ли готовила Россію тысячелѣтняя историческая страда нашего народа? Все переиспыталъ онъ и пересилилъ долготерпѣніемъ, всякія великія невзгоды, и остался вѣренъ своимъ гражданскимъ и нравственнымъ началамъ. Но хуже внѣшнихъ невзгодъ явилась для народа духовная измѣна руководящей части населенія, сильной знаніемъ и личнымъ развитіемъ. Переворотъ Петра такъ отшибъ у насъ память и затмилъ сознаніе, что мы даже разучились понимать нашу собственную исторію. Она рѣзко отличается отъ исторіи европейскаго Запада. У насъ не было факта завоеванія, лежащаго въ основѣ историческаго бытія всѣхъ западныхъ государствъ. Наша исторія начинается съ добровольнаго и сознательнаго призванія власти (таково многознаменательное народное преданіе, записанное еще въ XI в.); подобное же призваніе повторилось, на живой памяти народной, въ 1612 году, и положило основаніе нынѣ царствующей династіи. Это послѣднее призваніе совершено величаво, торжественно, уже несомнѣнно сознательно и произвольно—самимъ народомъ, не въ фигуральномъ, а въ буквальномъ смыслѣ этого слова,—*послѣднимъ* народомъ, «мизиннѣйшими» людьми Русской земли. Побѣдивши внѣшнихъ враговъ и своихъ измѣнниковъ, и въ союзѣ съ немногими изъ людей верхнихъ слоевъ, стоявшими и мыслившими за одно съ народомъ, они, эти послѣдніе мизинные люди, возстановили разрушившееся въ конецъ Московское государство и поставили его вновь подъ охрану самодержавной власти. Ничто и никто не могъ принудить ихъ къ возсозданію именно этой власти. Такова была воля, таково было велѣніе народнаго духа.

Такимъ образомъ не оказывается въ нашей исторіи и другаго основнаго факта, обусловливающаго политическое существованіе западно-европейскихъ государствъ, — нѣтъ *антагонизма* между народомъ и насильственно учредившеюся властью. Но именно на этомъ-то антагонизмѣ и зиждется весь западный конституціонный строй. Весь онъ — не болѣе какъ *сдѣлка*, компромиссъ между двумя тайно враждебными, не довѣряющими другъ другу сторонами, — договоръ, обставленный разнообразными условіями, обходить которыя (не нарушая буквы договора) и составляетъ искусство правителей и управляемыхъ. Борьба изъ-за власти, — вотъ главное содержаніе политической жизни европейскихъ обществъ. Въ основу управленія положенъ тамъ какъ бы механическій *снарядъ*; центръ власти, и власти *неограниченной*, принадлежитъ на основаніи *счета* голосовъ большинству представителей такъ-называемаго народа. Такимъ образомъ лишній десятокъ голосовъ, не рѣдко подкупленныхъ, или такъ или иначе подобранныхъ, является рѣшителемъ судебъ и самодержавнымъ повелителемъ всего остальнаго народа,—того истиннаго большинства, предъ которымъ парламентское большинство какъ песчинка предъ пескомъ Сахары. Но сей самодержавный повелитель, составленный изъ совокупности нѣсколькихъ единицъ, не несетъ уже той *личной* нравственной отвѣтственности передъ совѣстью и страною, которая ложится всею тяжестью на носителя личной верховной власти. Этого мало. Такъ-называемый народъ, представленный палатами и изрекающій рѣшенія во имя народа, въ сущности вовсе не представляетъ на Западѣ... бездѣлицы! *преобладающаго* слоя населенія, именно простонародныхъ массъ! Онѣ исключены,— онѣ жестоко презираются интеллигенціею Запада и доселѣ! Французское представительное собраніе временъ первой республики, провозгласившее принципъ народнаго верховенства, совершенно легально по формѣ, *во имя народа*, отмѣнило всенародное исповѣдываніе Бога, замѣнивъ его поклоненіемъ Разуму—и все это въ виду десятковъ милліоновъ вѣрующаго, лишеннаго *легальнаго* голоса, безмолвно протестующаго народа! Почти то же самое видѣли мы недавно и въ современной Французской республикѣ, повелѣвшей слово *Богъ* въ учебникахъ всѣхъ школъ народныхъ—замѣнить словомъ *натура!!* Это ли не наглая ложь народнаго западно-европейскаго представительства! Это ли не тираннія гордой, на формально-либеральномъ и легальномъ основаніи самодержавствующей интеллигенціи—надъ якобы неинтеллигентнымъ большинствомъ народа!... Чтò толку въ политѝческихъ правахъ, освящающихъ именемъ свободы и закона такое вопіющее нарушеніе свободы и правды?!...

И такія-то формы свободы сулитъ нашему народу та значительная и не лишенная силы часть нашей интеллигенціи, которая твердитъ неумолчно о введеніи въ Россію однородныхъ съ европейскими либеральныхъ учрежденій! Но въ Русскомъ народѣ инстинкты и понятія о свободѣ шире и выше, чѣмъ гдѣ-либо въ мірѣ, ибо чужды начала *внѣшне-условнаго* и *формальнаго* и зиждутся на основѣ *нравственной правды*. Они сказываются въ задаткахъ нашего самоуправленія, самаго широкаго въ Европѣ, и въ широкомъ же, какъ нигдѣ, примѣненіи избирательнаго начала. При добровольномъ призваніи и установленіи нашей исторической верховной власти, не было мѣста антагонизму, договору, компромиссу между царемъ и народомъ. Свободный Русскій народъ, учредивъ въ 1612 г. свободную, т. е. самодержавную власть, не постановилъ при этомъ никакихъ ограниченій, кромѣ тѣхъ, которыя естественно истекаютъ для обоихъ изъ союза любви, взаимнаго довѣрія, единства въ мысли и духѣ. Не бездушному снаряду вручена народомъ власть, а «святѣйшему изъ званій»—*человѣку*, съ живою человѣческою душою, съ русскимъ сердцемъ и съ христіанскою совѣстью. Народъ хорошо вѣдалъ и вѣдаетъ несовершенство всякаго человѣческаго учрежденія, но сознаетъ въ себѣ въ то же время силу перебыть и перемочь всѣ случайности. И первые цари не обманули его вѣры. Высоко и грозно содержали они царское имя и призывали на совѣтъ, въ формѣ земскихъ соборовъ, всю Русскую землю, и она всегда несла въ отвѣтъ на царскій призывъ—любовь и истину мысли народной. Тутъ не было и рѣчи о какихъ-то политическихъ правахъ, отвѣчающихъ требованіямъ какой-то политической *доктрины*. Это было естественно-разумное отправленіе самой жизни. Ни народъ, ни самодержавный царь не мыслили себя иначе, какъ въ постоянномъ духовномъ и умственномъ другъ съ другомъ общеніи,—отчего верховная власть не только не терпѣла никакой порухи, а еще болѣе укрѣплялась въ силѣ, опираясь на милліоны умовъ и сердецъ. Вотъ почему разрушенное въ конецъ въ 1612 г. Московское государство черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ стало—къ удивленію міра—могущественнѣйшею державою...

Все измѣнилось съ реформою Петра.—Она безъ сомнѣнія вызвана въ своемъ основаніи историческою необходимостью; но основаніе это уже упразднилось! дальнѣйшее упорное коснѣніе власти и интеллигенціи на пути, по которому мы шли въ теченіи почти двухъ вѣковъ, болѣе невозможно: оно-то именно и привело насъ къ нашему настоящему положенію... Но если верхніе слои народные съ администраціей во главѣ отступили отъ отческихъ преданій, то самый народъ,—а въ немъ, по народному же сказанію, *вся тяга земли*,—пребылъ и пребываетъ этимъ преданіямъ вѣренъ...

Есть впрочемъ и другая сторона нашего общественнаго положенія, о которой прошу позволенія сказать нѣсколько словъ. Весь этотъ нигилизмъ, соціализмъ, это послѣднее пока слово западно-европейской жизни, независимо отъ своей политической лицевой стороны, имѣетъ еще свою, такъ сказать духовно-нравственную подкладку.

Нигдѣ, конечно (какъ уже подробно было объяснено мною однажды), не могла идея государства развиться въ такой послѣдовательности и полнотѣ, какъ въ мірѣ языческомъ, гдѣ оно только одно служило выраженіемъ высшей истины. Христіанство, указавъ человѣку высшее призваніе *внѣ* государства и ограничивъ государство областью внѣшняго, поставило превыше его начало божественной истины,—нравственный источникъ всяческой силы и власти. На такомъ, такъ сказать, *подчиненномъ* отношеніи къ *высшей* истинѣ зиждется теперь въ христіанствѣ основаніе государства, основаніе земной власти, повиновеніе которой, въ предѣлахъ высшей истины, благословляется и даже повелѣвается для христіанъ самимъ Богомъ. Но какъ скоро христіанскій міръ отрекся бы Бога, современное основаніе государства непремѣнно бы поколебалось и вмѣстѣ съ тѣмъ упразднилось бы единственное высшее начало, обуздывающее, сдерживающее въ должныхъ предѣлахъ развитіе голаго государственнаго принципа. Общество, отрицающее христіанство и вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, уже не способное отказаться отъ вложенныхъ въ него христіанствомъ требованій нравственной правды, индивидуальной свободы и другихъ христіанскихъ идеаловъ,—такое общество осуждено возлагать *только* на государство, то есть на грубую *принудительную* силу, осуществленіе всѣхъ этихъ невыполнимыхъ для государства запросовъ! Откинувъ орудіе духовное, т. е. высшее нравственное побужденіе къ добру, даваемое вѣрою въ надземную истину,—такое общество уже не можетъ дѣйствовать иначе, какъ орудіемъ земнымъ, — какъ внѣшнимъ, хотя бы и узаконеннымъ *насиліемъ*. Но христіанинъ не можетъ просто перестать быть христіаниномъ; онъ то и дѣло будетъ бороться съ своимъ бывшимъ Богомъ и въ себѣ самомъ и вокругъ себя; онъ не перестанетъ вѣчно бунтовать противъ начала, которымъ проникнуто все существо историческихъ современныхъ обществъ, бунтовать — непремѣнно озлобленно—вездѣ и всюду, попирать все, что̀ этимъ началомъ освящалось въ мірѣ. Поэтому окончательный удѣлъ всякаго христіанскаго, отрекшагося отъ Христа общества—бунтъ или революція. Но бунтъ ничего не созидаетъ, и общество, положившее революціонный принципъ въ основаніе своего развитія, должно неминуемо, отъ революціи къ революціи, дойти до анархіи, до совершеннаго самоотрицанія и самозакланія. Всему этому начало мы уже видимъ на Западѣ... Отвергнувъ бытіе Бога, бытіе истины внѣ конечнаго и земнаго, сотворивъ себѣ кумиромъ свой собственный разумъ, современный человѣкъ не останавливается на полудорогѣ, но увлекаемый роковою послѣдовательностью отрицанія, спѣшитъ разбить и этотъ новосозданный кумиръ, — спѣшитъ, отринувъ въ человѣкѣ душу, обоготворить въ человѣкѣ плоть и поработиться плоти. Согласно съ символомъ, предложеннымъ Ветхимъ Завѣтомъ, совлекши съ себя образъ Божій, совлекаетъ онъ съ себя и человѣческій образъ и, возревнововавъ животному, стремится уподобить свою судьбу судьбѣ древняго Навуходоносора: «сердце звѣриное дастся ему и отъ человѣкъ отженутъ его, и со звѣрьми дивіими мѣсто его!...»

И вотъ въ такой-то путь политическаго и духовнаго развитія хотятъ ввергнуть Русь,—предварительно заполонивъ ее въ формы якобы либеральнаго конституціоннаго устройства, — наши соціалисты-революціонеры и та часть нашей несмысленной, ослѣпленной интеллигенціи, которая воображаетъ, что можно на такомъ пути удержаться на срединѣ!! Хотятъ сдвинуть съ ея исторической земской и съ ея нравственной христіанской основы ту нашу Русь, которая до сихъ поръ зовется «Святою Русью»,—въ которой простой народъ даже и не даетъ себѣ никакого иного именованія и опредѣленія, какъ «христіане» или «крестьяне», да «міръ православный»,—ту Русь, о которой истинно и доселѣ слово поэта:

Твое все то, чѣмъ духъ святится,
Въ чемъ сердцу слышенъ гласъ небесъ,
Въ чемъ жизнь грядущихъ дней таится...

Нѣтъ, этому не бывать! *Отъ духа лестча*, враждебенъ нашему народу и преуспѣянію его въ доброй христіанской гражданственности всякій тотъ либерализмъ, который сулитъ намъ политическія и соціальныя блага, проповѣдуя въ то же время отрицаніе истины религіозно-нравственной,—презрѣніе къ политическому и духовному исповѣданію Русской Земли!

Пора же намъ, хоть въ виду зіяющей предъ нами бездны, очнуться и стряхнуть съ себя путы, которыми оплели наше общество ложныя человѣческія мудрованія. Пора утвердить намъ свое подвижное сердце, свою подвижную мысль — на камнѣ истины Божіей и нашей правды народной. Я счастливъ, что отъ имени Славянскаго Общества могъ исповѣдать здѣсь вслухъ гражданскія и нравственныя задачи и идеалы Русскаго народа. Но этого мало. Нужно, — необходимо, до крайности нужно, припасть къ стопамъ Богомъ даннаго намъ Царя и молить Его, молить неотступно, да дозволитъ Онъ намъ: всею землею, всѣмъ народомъ окружить тѣсно Его Престолъ и возгласить предъ лицомъ, во всеуслышаніе всей вселенной, громовое слово негодованія и осужденія всѣмъ посягающимъ на святыню народнаго духа и на историческій принципъ самодержавной власти, лежащій въ основѣ нашего государственнаго бытія; молить—да обновится вновь въ животворной силѣ и дѣйствіи старый союзъ Царя съ народомъ, на началахъ любви, довѣрія, единенія духа и взаимнаго искренняго общенія!..

Возраженіе на отзывъ корреспондента „Новаго Времени“ о рѣчи 22 марта.

«Русь», 9-го апрѣля 1881 г.

Изъ не малаго числа отзывовъ и замѣтокъ по поводу рѣчи, произнесенной нами 22 марта въ публичномъ собраніи Петербургскаго Славянскаго Общества, выдѣляется какъ своимъ тономъ, такъ и содержаніемъ «письмо въ редакцію» въ № 28 марта «Новаго Времени», — въ газетѣ, которая умѣла создать и сохранить себѣ самостоятельное положеніе въ сонмѣ петербургскихъ газетъ и не перестаетъ мужественно ратовать съ ложью нашего самозваннаго либерализма. Авторъ письма, нѣкто «Русскій», возвѣщаетъ намъ, что публика, собравшись въ залу засѣданія, «ждала отъ насъ яснаго отвѣта: какъ думать? чего желать?» Слушатели надѣялись, по его словамъ, что «вотъ сдернется занавѣсъ и предстанетъ ясная картина того, что̀ должно стать истиннымъ идеаломъ Русской Земли и замѣнить собою всѣ обветшалые образчики западничествующаго либерализма». Однакожъ,—продолжаетъ авторъ,—«г. Аксаковъ въ сотый разъ привелъ къ позорному столбу пустоты и безнародности русскій либерализмъ, но оставилъ слушателей въ той же пустотѣ относительно истинно-русскихъ формъ жизни, относительно тѣхъ формъ, которыя только и могутъ спасти Россію отъ великихъ грозъ и бѣдъ по заявленію самого оратора». Авторъ желалъ бы, чтобы мы указали болѣе реальную форму для русскихъ началъ. Онъ совѣтуетъ даже поспѣшить, какъ можно скорѣе, а то будетъ ужь «поздно»... Письмо это было напечатано въ «Новомъ Времени» до появленія (почти наканунѣ) полнаго текста нашей рѣчи въ № 20 «Руси». Можетъ-быть авторъ письма, вчитавшись и вдумавшись въ рѣчь, нашелъ бы въ ней себѣ если не полный, то хоть нѣкоторый отвѣтъ, и вѣроятно иначе бы поставилъ и самый вопросъ. Намъ кажется, что заключеніе нашей рѣчи представляетъ указаніе довольно ясное, для тѣхъ по крайней мѣрѣ, кто привыкъ взвѣшивать значеніе словъ,—настолько ясное, насколько это казалось возможнымъ и приличнымъ въ публичной, короткой рѣчи... Мы объяснили въ ней, на основаніи историческихъ данныхъ, русскій народный идеалъ взаимныхъ отношеній земли и государства и очертили тѣ «реальныя формы», въ которыхъ проявлялись эти русскія начала вплоть до Петра. Мы сказали въ заключеніе, что «нужно, неотступно нужно молить Богомъ даннаго намъ Царя, да дозволитъ Онъ намъ: всею землею, всѣмъ народомъ окружить тѣсно Его престолъ и возгласить предъ всѣмъ міромъ слово осужденія всѣмъ посягающимъ на святыню народнаго духа и на историческій принципъ власти, лежащій въ основѣ нашего государственнаго бытія»... «Молить»—такими словами закончили мы нашу рѣчь: «да обновится въ животворной силѣ и дѣйствіи старый союзъ Царя съ народомъ на началахъ любви, довѣрія, единенія духа и взаимнаго искренняго общенія»!

Неужели же авторъ письма ожидалъ, что мы тотчасъ же вслѣдъ за симъ выложимъ предъ публикой готовый проектецъ такого «общенія Царя съ народомъ», съ §§ и пунктами?!.. А между тѣмъ этотъ запросъ автора пришелся какъ разъ на руку многочисленнымъ противникамъ и нашимъ и самого «Новаго Времени». Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь «реальная», современная «форма для русскихъ началъ»—дѣло еще спорное и искомое, требующее творческаго духа самой жизни, а у нашихъ противниковъ отвѣтъ давно припасенный. Видя въ нетерпѣніи автора письма податливость къ попятному движенію, къ уступкѣ, они, наперерывъ, стали рекомендовать свой товаръ — готовый, выписной: вѣнскій, германскій, англійскій.. Къ чему и трудить голову, когда подъ рукой богатый выборъ! Такого, совсѣмъ отдѣланнаго товара, каковъ имѣется въ этихъ складахъ чужихъ издѣлій,—у насъ разумѣется нѣтъ... Что же? не къ нимъ ли, въ самомъ дѣлѣ, отправится за искомой «реальной правдой» нашъ авторъ?

О, еслибы и въ самомъ дѣлѣ все спасеніе Россіи зависѣло отъ какого-нибудь готоваго проекта, — еслибы только преподнесеніемъ публикѣ «реальной формы» съ каѳедры, въ рѣчи какого-нибудь оратора, разрѣшался весь многотрудный и многоскорбный вопросъ нашей современной поры! Неужели и въ самомъ дѣлѣ вся публика, вмѣстѣ съ авторомъ, ожидала, что ей покажутъ какой-то секретъ, дадутъ ей въ обладаніе какой-то волшебный зарокъ, силой котораго тяжелый камень недоумѣній, давящій груди, мигомъ скатится, всѣ сомнѣнія будутъ упразднены, всѣ споры покончены, и двухвѣковая историческая задача разомъ разгадана? Не знаемъ, какъ думала публика, но да проститъ намъ многоуважаемый авторъ письма: намъ кажется, что онъ понимаетъ наше настоящее положеніе нѣсколько внѣшнимъ образомъ и не довольно вникъ въ смыслъ и свойства удручающаго насъ зла. Онъ чуть ли не съ пренебреженіемъ говоритъ о долголѣтней борьбѣ славянофильскихъ или русскихъ теорій съ западническими, но не спрашиваетъ себя: была ли эта борьба просто забавой, препровожденіемъ времени, — или же въ высшей степени важнымъ, исторически-необходимымъ явленіемъ? Эта борьба происходила въ *сферѣ сознанія*. Но вѣдь тутъ и возникаетъ серьезный, существеннѣйшій вопросъ: рѣшенъ ли этотъ споръ въ общественномъ сознаніи или нѣтъ? Если рѣшенъ, то и реальныя формы русскихъ началъ явятся сами собою, выдвинутся не отвлеченною, одиночною мыслью, а самою жизнью, путемъ сознанія снова добывшею себѣ утраченную духовную цѣльность. Если же не рѣшенъ, если еще борьба продолжается, такъ и заготовленныя «формы началъ» не помогутъ. Ибо не форма создаетъ содержаніе, а содержаніе должно создавать себѣ форму; форма сама по себѣ не обладаетъ никакою творческою силою: сила въ духѣ, влагаемомъ въ форму. Можно пожалуй и принципъ англійской аристократіи перенесть въ Россію и облечь, какъ и предлагалось когда-то, въ желтые сапоги, горлатную шапку и боярскій охабень; и западно-европейскій государственный строй перенять и причесать à la moujik, и, сочинивъ какое-либо народное представительство совсѣмъ въ западно-европейскомъ смыслѣ и духѣ, окрестить его названіемъ «земскаго собора»: толку отъ этого не будетъ, а будетъ лишь сугубая ложь...

Такъ начните съ того, чтобъ сперва искренно и вполнѣ усвоить своему сознанію самыя эти начала, которыя вы же называете «русскими», усвоить до степени самодѣйствующей. творческой силы,—проникнуться духомъ родной земли. «Величайшая изъ революцій», по выраженію Вольтера, реально преобразившая весь міръ,—христіанство. при своемъ появленіи, не предложило никакихъ реальныхъ формъ, а призвало міръ — гласомъ вопіющаго въ пустынѣ — сперва къ *покаянію*, а затѣмъ именно къ усвоенію душѣ только началъ (любви и вѣры), повидимому самыхъ отвлеченныхъ и безформенныхъ...

Намъ также нужно покаяніе,—покаяніе, такъ сказать, умственное; нужно исправленіе нашего сознанія и обновленіе духа: *намъ*, т. е всей такъ-называемой интеллигенціи, болѣе или менѣе руководящей судьбами нашего отечества. Все бытіе наше изолгалось. Еще ли не раскрылись наши глаза послѣ злодѣянія 1 марта? Нашъ недугъ долгій, давній, хроническій. Изъ хроническаго онъ перешелъ въ острый, или вѣрнѣе хроническій недугъ усложнился еще и острымъ. Оба требуютъ, разумѣется, различныхъ способовъ лѣченія; было бы величайшей ошибкой противодѣйствовать острому недугу средствами только тоническими, гигіеническими и другими врачеваніями, приличными хроническому недугу. Борьба съ острымъ недугомъ дѣло, разумѣется, не общества, а самой власти твердой, цѣльной, вѣрующей въ свое право и въ начало, которому служитъ. Иное дѣло—недугъ хроническій.

Въ существованіи его, кажется, никто не сомнѣвается; всѣ его ощущаютъ, не исключая и самого правительства, не исключая даже и тѣхъ, которые самодовольно и самозванно величаютъ себя либералами. Но толкуютъ его различно. Поэтому-то и нужно прежде всего учинить діагнозъ, точное и вѣрное опредѣленіе болѣзни, причемъ самъ собою опредѣлится и способъ лѣченія и рѣшится вопросъ: какія именно полезнѣе средства — такъ-называемыя героическія, или медленно дѣйствующія, напримѣръ органическія законодательныя мѣры, общественное воспитаніе, и т. д. Авторъ письма не можетъ же не признать, что вся главная задача нашихъ дней—это именно уразумѣть свойство нашего недуга. Въ этомъ одномъ уже начало цѣленія.

Хорошо ли, дурно ли, но именно характеристикой русскаго недуга и занималась «Русь» съ 1-го своего № и до сихъ поръ, и новѣйшія событія только утвердили насъ въ нашемъ взглядѣ.

Нашъ недугъ, страшный, упорный недугъ,—утрата внутренней цѣльности и творчества жизни. Вслѣдствіе разныхъ историческихъ причинъ, бытіе наше раздвоилось: простой народъ, хранитель самой органической субстанціи нашей земли и нашего государства и зиждительныхъ свойствъ національнаго духа, народъ, составляющій въ то же время реальную политическую силу и *истинную тягу* земли,—былъ отчужденъ отъ своихъ высшихъ классовъ. Разрозненныя между собою, ни та ни другая сторона другъ безъ друга творить ничего не могутъ. Одинъ, т. е. народъ, никуда не ушелъ, а замкнулся въ себя, блюдя въ себѣ, какъ сокровище, сѣмя жизни, органическое начало, завѣтъ и духъ старины для лучшаго будущаго, а другіе, отправившись искать просвѣщенія за границу и дѣйствительно добывъ его, хоть, къ несчастію, и съ грѣхомъ пополамъ, утратили всякій смыслъ реальной правды, знаніе и разумѣніе своего народа, своей исторіи, своихъ органическихъ основъ. А между тѣмъ они, и они одни, призваны были дѣйствовать и руководить страною, съ которой уже не состояли, не состоятъ и теперь ни въ единеніи духа и мысли, ни въ союзѣ довѣрія и любви. (Мы беремъ, конечно, *только* однѣ общія, крупныя черты, оставляя въ сторонѣ частности и подробности). Бо́льшая часть нашей интеллигенціи, не исключая и правящей, живетъ въ мірѣ фальшивомъ, населенномъ призраками, фантасмагоріей, мнимыми влеченіями, мнимыми потребностями, мнимыми идеалами и немнимымъ невѣжествомъ родной земли, вмѣстѣ съ отрицательнымъ отношеніемъ къ русской исторіи, русской жизни, русскому народу и русской народности. Это уже не мнимая, а реальная сила, которая въ послѣдовательномъ логическомъ развитіи выразилась въ казенщинѣ, бюрократизмѣ, лжелиберализмѣ и наконецъ въ нигилизмѣ. Нигилизмъ, это—послѣднее слово нашего западничества, нашего прогрессивнаго отрицательнаго движенія и пошлости, вооружившееся револьверомъ, ядомъ и динамитомъ,—и изъ пошлости мысли перешедшее прямо въ область дѣйствія, конечно не пошлаго, но какого? разрушенія и смерти. Къ зиждительности ни бюрократизмъ, ни либерализмъ, ни нигилизмъ,—какъ и вообще наша интеллигенція отдѣльно отъ народа, сама по себѣ,— не способны. Скажутъ: нигилизмъ—протестъ, нигилизмъ—продуктъ внѣшнихъ условій. практиковавшейся двѣсти лѣтъ правительственной системы. Не станемъ спорить,—это увело бы насъ далеко,—но въ томъ-то и дѣло, что и эта система (исключая великихъ историческихъ моментовъ, гдѣ происходило сліяніе духа правительственнаго съ народнымъ)—заражена тѣмъ же общимъ недугомъ. Разница въ томъ, что одни злонамѣренны, другіе благонамѣренны,—но и тѣ и другіе витаютъ въ области мнимаго, внѣ дѣйствительности и правды. Пояснимъ это примѣромъ, повидимому самаго невиннаго свойства.

Газета «Страна» недавно, по поводу назначенія министра народнаго просвѣщенія барона Николаи. вспоминаетъ съ умиленіемъ о министерствѣ А. В. Головина и восхваляетъ его за то, что онъ первый возсталъ противъ *клерикализма* въ Россіи и сталъ освобождать народныя школы отъ клерикальныхъ вліяній духовенства.—Клерикализмъ въ Россіи? Но вѣдь это явленіе взято изъ западно-католическаго міра? Вѣдь оно значитъ: вторженіе властолюбиваго латинскаго духовенства въ сферу жизни государственной и общественной, за предѣлы, подобающіе званію и вліянію духовнаго пастыря. Съ клерикализмомъ боролись и борются Италія. Испанія, Франція. Но въ исторіи Русской церкви и государства если и былъ серьезный клерикалъ. такъ развѣ Никонъ, да и тотъ кончилъ свое поприще заточеніемъ. Нашего бѣднаго сельскаго священника нужно чуть не за рясу тащить въ народную школу для исполненія своей прямой обязанности ученія, и вообще для «оказанія своего вліянія», а тутъ его вдругъ бюрократы и либералы возмнили наиопаснымъ, человѣкомъ, отъ вліянія котораго нужно какъ можно скорѣе уберечь русскій простой народъ!! И вотъ цѣлое министерство важно морщитъ лобъ и съ сознаніемъ высокаго долга пишетъ доклады, даетъ инструкціи, тратитъ громадныя государственныя деньги, отбираетъ приходскія школы у духовенства, начинаетъ крестовый походъ противъ клерикализма! И вотъ либеральная пресса (а она у насъ владѣетъ чуть не двумя третями «интеллигенціи») важно морщитъ лобъ, потираетъ руки и празднуетъ освобожденіе отъ клерикализма! И это даже не безъ чувства нѣкотораго патріотическаго удовольствія: «у насъ совсѣмъ какъ въ Европѣ!... завели мы у себя «аграрный вопросъ», «рабочій вопросъ», «революціонный вопросъ»,—пусть будетъ и «клерикальный»! И вотъ, съ помощью казенныхъ, т. е. народныхъ денегъ, цѣлый легіонъ передовыхъ педагоговъ сочиняетъ народныя азбуки, въ которыхъ глубокомысленно изгоняетъ «церковщину», т. е. церковнославянскую азбуку, и вмѣсто стариннаго: *Азъ—А—Ангелъ*, ставитъ: *А—Арбузъ;* вмѣсто *Буки—Б—Богъ*, ставитъ: *Б—Баранъ!!* И всѣ ликуютъ, что нанесли ударъ клерикализму, и «Страна» гудитъ хвалебнымъ басомъ, ожидая себѣ благодарности отъ отечества!

Чтò это такое? злоумышленность? Ничуть не бывало. Все это—по чистой благонамѣренности! Такъ это увеселительное зрѣлище, водевиль? Да, благонамѣренный водевиль — только съ трагической для народа развязкой... И *то же самое*, тотъ же водевиль, съ такою же развязкой, на всевозможные лады повторяется вездѣ, всюду, во всѣхъ вѣдомствахъ, на всѣхъ ступеняхъ оффиціальнаго и общественнаго дѣланія; вездѣ такое же отсутствіе смысла дѣйствительности, правды, а подчасъ и просто здраваго смысла. И нельзя сказать себѣ въ утѣшеніе, что тутъ «правительство виновато». Сами же мы твердимъ, что правительство должно прислушиваться къ общественному мнѣнію, а «либеральная печать» гласитъ: «общественное мнѣніе—это мы». И дѣйствительно, какъ мы уже сказали, бòльшая часть нашей говорящей, пишущей, дѣйствующей «интеллигенціи» принадлежитъ къ лагерю сей, якобы либеральной прессы, вмѣстѣ съ большей частью чиновниковъ всѣхъ 14 ранговъ включительно.

Мы упомянули о трагической для народа развязкѣ выше обрисованнаго педагогическаго водевиля. Тѣ же самые крестьяне, которые, послѣ злодѣянія 1 марта, приходили къ намъ—выразить свое желаніе «поскорбѣть всѣмъ народомъ»,—они же жаловались и на свою школу. «Устроили мы у себя и двухклассное училище, да недовольны: замѣчаемъ, что дѣти наши какъ-то *легкомысленны* становятся, да и по церковному не умѣютъ... Какъ бы вотъ этому горю пособить?»... Почти такъ же разсуждаетъ въ настоящемъ № «Руси» о школахъ и крестьянинъ Желнобобовъ... «Однакожъ, замѣтитъ намъ авторъ письма, — тутъ-то и укажите публикѣ реальный выходъ, представительство тамъ какое-нибудь, — ну хоть бы расширеніе правъ нашихъ земствъ»... О формахъ народнаго представительства не существующаго разсуждать трудно, особенно въ виду того, что *цѣлыхъ 80%* населенія относятся у насъ съ полнѣйшимъ недовѣріемъ къ своимъ, казалось бы, естественнымъ представителямъ — образованнымъ классамъ, къ «интеллигенціи». Этого печальнаго факта вы отрицать не станете. Упроченію же этого факта особенно содѣйствуетъ та наша печать, которая, отъ имени интеллигенціи, занимается оплеваніемъ всего что̀ народу свято, и отрицаніемъ его исторической и духовной органической основы. Наши земства!... Да двѣ трети изъ нихъ принадлежатъ къ той же интеллигенціи, которая выражаетъ себя въ «Голосѣ», въ «Порядкѣ», Русскихъ Вѣдомостяхъ», и т. п. Вѣдь во всѣхъ этихъ газетахъ подвизаются «лучшія интеллектуальныя силы», мужи науки и бюрократіи, даже и не малочиновные. Постановленіе Московскаго земства о приходахъ, вызванное предложеніемъ Д. Ѳ. Самарина, встрѣчено было враждебно «либеральною прессою» и не нашло подражателей, кажется ни въ одномъ земствѣ! А чтобы судить о взглядѣ нашихъ «либераловъ» на духовно-нравственную основу нашей народности, не угодно ли прочесть въ 87 № «Голоса» цитату изъ «Отечественныхъ Записокъ», — «Голосомъ» не только съ сочувствіемъ, но благоговѣйно и съ подтвержденіемъ перепечатанную. Дѣло идетъ о «славянофильскихъ воззрѣніяхъ на народъ», о томъ, что они выше всего цѣнятъ въ народѣ его «душу». Но по мнѣнію «Отечественныхъ Записокъ» и «Голоса», подъ этою «*душою*» «ничего кромѣ «*святой скотины*» и качествъ таковой скотинѣ «приличныхъ, какъ, напримѣръ, «*святаго терпѣнія*», «*высокаго смиренія*» и проч., не разумѣется». И такъ вотъ какой эпитетъ заслужилъ ты, русскій крестьянинъ, отъ русской, либеральною себя величающей печати, за то, что возлюбилъ духовный образъ Христа! То святое, евангельское долготерпѣніе, которымъ по истинѣ создалъ, держишь и спасаешь ты Россію, обозвано излюбленными органами либераловъ и чиновниковъ свойствомъ, подобающимъ лишь «святой скотинѣ!»... А если бы, Боже сохрани, вздумалъ ты потерять терпѣніе, такъ тѣ же самые «либералы» завопили бы объ «Охотнорядскихъ мясникахъ», о «черни» и смѣшали бы тебя съ грязью!... Не столь грубо, въ болѣе нѣжныхъ формахъ, но не то же ли самое выражается и въ прочей лжелиберальной печати? Развѣ еще недавно не распластывалась она въ благоговѣніи ницъ передъ авторомъ романа: «*Что дѣлать*», суля ему заранѣе оваціи отъ молодежи, въ случаѣ водворенія въ Петербургѣ? Но если такъ, то спрашиваемъ: возможно ли обзывающимъ народный нравственный идеалъ идеаломъ скотины,—возможно ли благоговѣющимъ предъ Чернышевскимъ поручить дѣло народной школы? развѣ у такихъ «либераловъ» есть что-нибудь общаго съ народомъ, развѣ они способны уничтожить ту рознь, которою именно весь составъ нашъ государственный и общественный такъ мучительно, такъ страшно болѣетъ?

Вотъ въ чемъ недугъ нашъ, — и какихъ же «реальныхъ формъ русскихъ началъ» можете вы требовать отъ насъ въ настоящую минуту, когда двѣ трети русской интеллегинціи (если не больше) знать не знаютъ, отрицаютъ или презираютъ самыя эти начала? когда прежде всего предстоитъ завалить духовный ровъ, еще зіяющій между народомъ и большей частью нашей дѣйствующей на разныхъ поприщахъ интеллигенціи? Не приличнѣе ли, поэтому, не необходимѣе ли прежде всего познать намъ себя самихъ, ужаснуться своего недуга, своего срама, и постараться хоть отчасти, хоть въ сознаніи, придти намъ всѣмъ и съ народомъ нашимъ *воедино*? Но для этого необходимо и вамъ, и намъ, и всѣмъ, желающимъ таковаго возсоединенія. вести неустанно проповѣдь именно объ общихъ началахъ, отложивъ пока въ сторону заботу о реальной формѣ,—пока не воздвигнется въ животворной силѣ самый духъ жизни и истины...

Такова сфера дѣятельности общественно-литературной и ея призваніе по преимуществу. Но и за ея предѣлами мы старались угадать — что именно сильнѣе многихъ проповѣдей могло бы двинуть насъ на путь исцѣленія? Необходимо, разумѣется, покончить съ періодомъ казенщины; необходимо энергіи отрицанія противопоставить энергію положительнаго творчества и созиданія. Такому обновленію духа, казалось намъ, могло бы служить перенесеніе резиденціи изъ Петербурга. Но что могущественнѣе всего могло бы содѣйствовать и оживленію духа, и нашему объединенію и отрезвленію, и что всецѣло принадлежитъ и должно принадлежать свободному почину и мудрому усмотрѣнію лишь самой власти, это—живая явленная правда общенія Царя съ своимъ народомъ... Но это уже внѣ сферы нашей дѣятельности, это наша молитва и чаяніе...

По поводу Высочайшаго Манифеста 29 апрѣля 1881 г.

«Русь», 2-го мая 1881 г.

Подъ гнетомъ печали и ужаса, въ виду непрестающихъ козней крамолы, волнуемая разнообразными странными слухами, смущенная, недоумѣвающая, Россія жаждала слова отъ новой, ниспосланной ей Богомъ власти, но ждала, ждала съ терпѣніемъ, благочестиво склоняясь предъ святыней скорби Царя и Сына... И оно раздалось, наконецъ, это державное слово—бодрое и ободряющее, твердое, исполненное мужественной силы, царственнаго достоинства и самосознанія. Не напрасно упованіе Государя, что горячія молитвы Его народа привлекутъ благословеніе Божіе на Него и на предлежащій Ему подвигъ правленія. Никогда такъ явно, какъ въ послѣдніе дни, не раскрывалась глубина и крѣпость корней — той любви, той вѣрности, тѣхъ историческихъ отношеній къ Царю, которыя живутъ въ душѣ нашего великаго народа. Много можетъ любовь народная!... Съ облегченнымъ и оживленнымъ радостью сердцемъ, прочтетъ и услышитъ Россія этотъ Манифестъ Императора Александра III. Въ свѣтлой надеждѣ добра и славы остановитъ она вниманіе на тѣхъ строкахъ Манифеста, гдѣ, являя непреклонную вѣру «въ истину своей самодержавной власти и въ свое призваніе утверждать и охранять ее для блага народа отъ всякихъ на нее поползновеній», Государь напоминаетъ всѣмъ своимъ, по Его выраженію «свободнымъ» подданнымъ, что въ «неразрывномъ союзѣ съ нею не разъ переживала Русская земля великія смуты и приходила въ новую силу посреди тяжкихъ испытаній и бѣдствій»... И мы вѣруемъ и исповѣдуемъ, что переживетъ наша земля, съ помощью Божіей, и настоящія затрудненія, и преуспѣетъ и возростетъ въ чести и въ мощи, только бы не ослабѣвалъ этотъ союзъ Царя съ землею, а скрѣплялся, въ виду настоящихъ усложненій государственной жизни, все тѣснѣй и сильнѣй, *обновляясь стариною* непрестаннаго, плодотворнаго общенія и взаимодѣйствія,— стариною забытою, но завѣщанною намъ Его и нашими предками...

«Посвящая себя великому своему служенію», Царь призываетъ и насъ служить Ему и государству къ искорененію крамолы, къ утвержденію вѣры и нравственности, и—(слова знаменательныя) «*къ истребленію неправды и хищенія, къ водворенію порядка и правды, при дѣйствіи учрежденій*», дарованныхъ Россіи Его покойнымъ, вѣчной памяти достойнымъ Родителемъ.

Сомнѣній болѣе нѣтъ; путь указанъ... Исполнимъ же царскій призывъ. Станемъ же служить Ему и Россіи, по мѣрѣ силъ нашихъ, къ истребленію неправды и къ водворенію правды,—докажемъ, что мы достойны наименованія «свободныхъ безъ различія подданныхъ», и что Россія призвана сочетать: самодержавіе съ самоуправленіемъ, свободное общество съ свободною, т. е. нестѣсненною, живою личною властью, взаимно опредѣляющіяся, взаимно другъ друга умѣряющія любовью, довѣріемъ, единствомъ мысли и духа...

О правильной постановкѣ мѣстнаго самоуправленія.

«Русь», 9-го мая 1881 г.

Высочайшій манифестъ 29 апрѣля,—это первое слово новаго Царя къ народу, первое Его съ нимъ общеніе,—безъ сомнѣнія разсѣетъ тѣ ложные толки, мудрованія и недоумѣнія, которыми тяготилась Россія, потрясенная въ своемъ земскомъ мирѣ событіемъ 1 марта. Она вздохнетъ свободно, узнавъ, что историческія основы ея бытія пребываютъ незыблемы, что новый Царь, обѣщая стать бодро на дѣло правленія и хранить неприкосновенною наслѣдованную имъ самодержавную власть, въ то же время торжественно свидѣтельствуетъ, что въ неразрывномъ союзѣ этой власти съ

Русской землею заключается именно та сила, которою Россія препобѣждала искони всякія смуты и бѣдствія. Съ бодростью и упованіемъ можемъ и мы теперь снова приняться за подвигъ нашей общественной жизни... Но жизнь въ своей ежедневности опредѣляется не одними общими, хотя бы и существенными чертами, а слагается изъ частныхъ задачъ, заботъ и трудовъ; государственная дѣятельность независимо отъ главнаго, всенародно признаннаго направленія, выражается въ совокупности отдѣльныхъ, дробныхъ распоряженій и мѣръ, практически важныхъ для блага народнаго. Отрадно заявить, что относительно новой правительственной дѣятельности тѣ отрывочныя неполныя извѣстія, которыя доведены до общаго свѣдѣнія нашею ежедневною печатью, всѣ утѣшительнаго свойства, и обществу остается только жалѣть, что оно узнаетъ объ нихъ пока только изъ смутнаго газетнаго источника. Они касаются разныхъ законодательныхъ и распорядительныхъ мѣръ, направленныхъ къ подъему крестьянскаго благосостоянія. Мы не можемъ не выразить мнѣнія, что всѣ эти мѣры только бы выиграли въ практической примѣнимости, еслибы были предварительно разработаны въ печати или же хоть отчасти людьми мѣстнаго опыта, ближе, по самому своему положенію, знакомыми съ нашимъ селомъ и вообще съ русскимъ крестьянскимъ бытомъ. Мы, конечно, рады всякому облегченію податной тягости, въ какомъ бы видѣ оно ни проявилось, но съ своей стороны отдаемъ предпочтеніе проекту Д. Ѳ. Самарина, изложенному имъ въ 20, 21, 23, 24 и 25 №№ нашей газеты.

Не мало интересовалось общество и слухами, проникшими въ газеты, о нѣкоторыхъ новыхъ порядкахъ въ сношеніяхъ министровъ съ верховною властью, будто бы предполагаемыхъ, съ цѣлью придать высшему управленію болѣе единства и однородности. Газеты извѣстнаго пошиба, суевѣры европейскихъ либеральныхъ формъ, уже заговорили было о «кабинетѣ и первомъ министрѣ», даже назначали лицо, призванное занять эту должность. Ихъ постигло, однако, полное разочарованіе. Не лишена интереса и полемика, возникшая по этому поводу. «Петербургскія Вѣдомости», не обинуясь и рѣзко заявили, конечно справедливо, что при самодержавномъ правленіи немыслимъ «первый министръ», такъ какъ источникъ власти и всякаго направленія во внутренней и внѣшней политикѣ государства—самъ Государь. На это «Порядокъ» замѣчаетъ, что «Петербургскія Вѣдомости» по своему правы, такъ какъ у насъ учрежденіе перваго министра было бы въ сущности «визиратствомъ». «Но, прибавляетъ «Порядокъ», «и въ этомъ отношеніи намъ остается тотъ же выборъ, какъ и всему человѣчеству, т. е. отдавать предпочтеніе или Востоку или Западу, невѣжеству или образованности,—чего «только одно притязаніе изобрѣсти какую-то *самобытность*» не дозволяетъ многимъ сообразить». Т. е. другими словами—или турецкіе, а пожалуй и персидскіе или афганистанскіе порядки, или же европейскія учрежденія извѣстнаго шаблона: середины для Россіи, какъ и *никакой самобытности* для великаго Русскаго народа, имѣющаго тысячелѣтнюю своеобразную исторію, «Порядокъ» и не признаетъ.

Но мы вѣримъ, что Россія удержится на пути самобытнаго развитія. Дай Богъ, чтобъ именно настоящему царствованію удалось возвратить ей свободу—стать и быть самою собою,—эту столь долго, столь давно угнетаемую свободу; совершить своего рода эмансипацію истиннаго русскаго самосознанія отъ искажавшихъ его ложныхъ воззрѣній и всякихъ иноземныхъ рефлекторовъ, и дать возможность историческому народному зиждительному духу окрылиться, проявиться въ силѣ и дѣйствіи.

Возвратимся однако къ вопросу объ «единствѣ въ высшемъ управленіи». Безъ малѣйшаго сомнѣнія единство необходимо,—странно и толковать объ этомъ; но примѣры прошлыхъ лѣтъ доказываютъ, что этого единства было мало, что каждое министерство представляло изъ себя какое-то status in statu, дѣйствуя независимо отъ другихъ, совершенно безотвѣтственно и прикрываясь непререкаемымъ авторитетомъ царскаго имени. Любопытно, что отсутствіе этого единства было предсказано при самомъ учрежденіи министерствъ, какъ это видно изъ замѣчательнаго письма графа С. Р. Воронцова къ Кочубею, въ 1803 г., помѣщеннаго въ послѣдней книжкѣ «Русскаго Архива». Жаркій сторонникъ учрежденій Петровыхъ, Коллегій и Сената, Воронцовъ рѣзко возстаетъ на вновь созданный, по его выраженію, «министерскій деспотизмъ», пытающійся уклониться отъ всякаго контроля, тогда какъ Петръ, по объясненію Воронцова, именно позаботился о контролѣ. Контроль заключался въ томъ, что Коллегіи, изъ коихъ впослѣдствіи образованы министерства, были подчинены Сенату; отчеты въ своемъ управленіи представляли Сенату же; высочайшіе указы всѣ шли чрезъ Сенатъ, имѣвшій даже право, до обнародованія, дѣлать о нихъ Государю представленія, и Сенатъ же, просмотрѣвъ отчеты Коллегій, доводилъ до свѣдѣнія Государя «о томъ, какъ управляются Его подданные». Иначе, говоритъ Воронцовъ, «Государь останется въ невѣдѣніи о томъ, какъ управляются подданные, ибо будетъ получать свѣдѣнія только отъ министровъ, т. е. отъ тѣхъ лицъ, которыя будутъ въ одно время и судьями, и подсудимыми. Ему не останется даже способа узнать, хорошій ли Онъ сдѣлалъ выборъ». Если указъ, пишетъ далѣе прямодушный дипломатъ, обнародуется помимо Сената, «однимъ изъ министровъ, то можетъ случиться, что онъ состоялся вслѣдствіе одного только личнаго и безъ свидѣтелей доклада, когда Государь могъ быть чѣмъ-нибудь развлеченъ и не расположенъ обсудить доводы за и противъ предложеннаго къ подписанію указа». На слова Кочубея, что важные случаи будутъ (отъ министровъ) вноситься въ Комитетъ или Его Величеству», графъ Воронцовъ возражаетъ, что «это «*или*» уничтожаетъ самый Комитетъ». Не раздѣляя пристрастія гр. Воронцова къ Коллегіямъ и Сенату, нисколько, къ сожалѣнію, не оправданнаго исторіей этихъ учрежденій (впрочемъ умно задуманныхъ, — особенно учрежденіе Сената, какъ административнаго судилища), мы не можемъ однако не признать за этимъ государственнымъ человѣкомъ замѣчательной проницательности. Доказательствомъ этому служитъ отчасти и самый вопросъ объ устраненіи неудобства единоличныхъ министерскихъ докладовъ, возбужденный теперь, 78 лѣтъ спустя послѣ предсказаній Воронцова! Если вѣрить нѣкоторымъ газетамъ, предполагается будтобы «поставить правиломъ, чтобы доклады министровъ сколько-нибудь важнаго значенія представлялись на высочайшее утвержденіе не иначе, какъ по обсужденіи ихъ въ Совѣтѣ министровъ». Конечно, такая мѣра представляетъ значительное ручательство въ большемъ единообразіи правительственной системы.

Отклоняя отъ себя разсмотрѣніе технической стороны дѣла, особенно въ виду неопредѣленности сообщаемыхъ извѣстій, мы позволимъ себѣ указать вкратцѣ только на тѣ принципіальные, такъ сказать, недостатки, которые по нашему мнѣнію лежатъ въ самомъ основаніи нашего административнаго строя.

Этотъ административный строй—продуктъ Петровской реформы, видоизмѣненной административными нововведеніями Кочубея и Сперанскаго; печальный результатъ сочетанія, на русской національной исторической почвѣ, грубаго, топорной работы, подобія нѣмецкихъ, шведскихъ, голландскихъ порядковъ съ порядками французской бюрократической централизаціи, доведенными во Франціи до такой художественной стройности Наполеономъ I и искаженными у насъ подъ воздѣйствіемъ нашихъ мѣстныхъ условій. Старый *земскій* типъ русскаго государства былъ при Петрѣ смятъ, скомканъ, и замѣненъ такъ-называемымъ типомъ *полицейскаго* государства, господствовавшимъ тогда почти во всей континентальной Западной Европѣ. Собственно говоря, этотъ «полицейскій принципъ» отождествился у насъ съ принципомъ Опричнины, введенной, ради пробы, на восемь лѣтъ Иваномъ IV и указанной имъ потомству, какъ «учиненный готовый образецъ». Что̀ такое Опричнина, какъ начало? Это власть, сознавшая себя и поставившая себя *оприч*, внѣ земли, освободившаяся отъ всякаго на нее тяготѣнія земской стихіи, власть существующая какъ бы для себя и для своихъ цѣлей. Разумѣется, Петръ имѣлъ въ жизни одну единственную цѣль—благо Россіи, но онъ понималъ его *по своему*. Это былъ самый смѣлый, самый отчаянный идеалистъ, какого только видалъ міръ, идеалистъ съ непреклонною, необузданною волею, да еще надѣленный притомъ отъ судьбы реальною властью въ объемѣ, соотвѣтствовавшемъ его исполинскому идеализму. Такого деспота не знавала вселенная ни прежде, ни послѣ. Ради успѣха своей «исторической миссіи», ради осуществленія своихъ идеаловъ, онъ долженъ былъ сломить всякое противодѣйствіе земской жизни, всякое проявленіе какой-либо самобытности, своеобразности, все обратить въ покорный, безотвѣтный матеріалъ, пригодный для лѣпки излюбленной имъ формы европейскаго государства. Но государство, какъ хорошо понималъ Петръ, образуется не одними законами и учрежденіями, но и нравами: онъ не остановился и предъ этой задачей и рѣшился, силою внѣшней, принудительной власти, пересоздать и нравы. Онъ проникъ, съ своею полиціею, во всѣ изгибы общественнаго бытія, гдѣ только укрывалась самостоятельность духа, ничего не оставилъ въ покоѣ, все регламентировалъ, все взялъ въ казну, все подчинилъ командѣ—и нравы, и обычай, и совѣсть, и прическу, и церковь, и одежду и грамоту, и языкъ, — законодатель, портной, академикъ, цирульникъ, церковный реформаторъ, кузнецъ, полководецъ, учитель «комплиментовъ» и танцовъ, заводчикъ флота, ассамблей, покоритель Шведовъ, завоеватель, градостроитель и устроитель шутовскихъ маскерадовъ въ Кремлевскомъ Успенскомъ Соборѣ. Но дѣло не въ томъ, что великій идеалистъ-преобразователь увлекъ въ путь преобразованій свою страну, а въ томъ, что весь государственный строй былъ переиначенъ, что дѣйствіе свободной земской стихіи было заглушено въ конецъ, что совершенъ глубокій, доселѣ пребывающій разрывъ между народными массами и новосозданнымъ при Петрѣ обществомъ. Страна перестала жить *о себѣ*, по выраженію древнихъ грамотъ, а только *о начальствѣ*. Общество явилось взнузданнымъ, затянутымъ въ мундиръ, причесаннымъ, выбритымъ, одѣтымъ по указу, расписаннымъ по рангамъ, дѣйствующимъ лишь по командѣ, — руки по швамъ. Для того, чтобы этого автомата приводить въ дѣйствіе, потребовалась цѣлая армія, многочисленнѣйшая армія чиновниковъ, поставленная въ «супротивное» отношеніе къ жизни, если не прямо враждебное,—армія *опекуновъ:* вездѣ, повсюду, кругомъ, сверху до низу, только начальства, да власти, — тучи властей и начальствъ. Никогда ни одно правительство въ мірѣ, какъ Русское со временъ Петра, не взваливало на себя такой огромной обузы, такой громадной опеки, не расширяло такъ безпредѣльно круга своей дѣятельности, да и не было такъ неугомонно дѣятельно: иначе и быть не могло, когда приходилось исполнять должность самой жизни, и постоянно, на каждомъ шагу, чинить, поправлять и переиначивать плохо дѣйствующій механизмъ. А онъ дѣйствовалъ плохо, хоть и не переставалъ дѣйствовать. Насилованіе жизни не могло удаться даже такому лютому идеалисту, каковъ былъ геніальнѣйшій изъ людей, Петръ: дисгармоніей, разладомъ, скудостью жизненнаго творчества и самодѣятельности страждетъ Россія и до сихъ поръ. Наименѣе «казенный человѣкъ» по своей личной природѣ, Петръ породилъ ту казенщину, которая глушила, глушитъ отчасти и до сихъ поръ все живое, и которая достигла своего апогея въ царствованіе Императора Николая. При всѣхъ высокихъ царственныхъ качествахъ этого государя, дошло при немъ до того, что въ печатной инструкціи военно-учебнымъ заведеніямъ сказано нѣчто странное для христіанскаго общества, именно, что «государь для подданнаго есть верховная *совѣсть*», чѣмъ какъ бы упразднялась личная совѣсть; нѣкоторые государственные люди были одержимы вожделѣніемъ подвергнуть цензурѣ само Евангеліе и пустить его въ народное обращеніе въ очищенномъ казною видѣ; бродила даже (признаваемая, впрочемъ, несбыточною) мечта объ установленіи казенныхъ, властію одобряемыхъ модъ....

Мы не станемъ здѣсь говорить объ исторической необходимости, которой Петръ послужилъ орудіемъ, ни о положительныхъ, свѣтлыхъ сторонахъ его дѣла, о насажденіи просвѣщенія, о возбужденіи работы самосознанія, и т. д., и т. д. Мы желаемъ намѣтить здѣсь въ главныхъ чертахъ только тотъ особый характеръ, который напечатлѣлъ онъ правительству, въ его отношеніяхъ къ жизни, и который, хотя бы значительно видоизмѣненный, еще продолжаетъ держаться въ пріемахъ, привычкахъ, преданіяхъ, отчасти даже безсознательно, и понынѣ.

Взбудораженная, перековерканная, взбаломученная Петромъ, Россія пришла послѣ него, при его преемникахъ, въ истинно хаотическое состояніе, изъ котораго нѣсколько вывела ее Екатерина II, упорядочивъ и облагообразивъ хаосъ, умѣривъ жестокость правительственной опеки, но за то водворивъ въ Россіи начало *сословное* въ смыслѣ иностранномъ, одновременно съ нѣкоторой децентрализаціей. Эта децентрализація, однакожъ, при народномъ безправіи и на подкладкѣ крѣпостнаго права, послужила къ развитію не самоуправленія, а мѣстнаго самоуправства, въ странѣ къ тому же совершенно безгласной. Наступаетъ царствованіе Александра I, и съ нимъ учрежденіе министерствъ по образу и подобію Франціи. Въ лицѣ Императора, называвшаго себя «начальникомъ благородной націи» и одушевленнаго самыми благими намѣреніями, въ лицѣ слугъ его Кочубея и Сперанскаго, подобострастныхъ поклонниковъ французской администраціи, при содѣйствіи заведеннаго Петромъ общества (въ это время совсѣмъ почти объевропеившагося и ставшаго чуждымъ родной землѣ, удачно и безболѣзненно вытравившаго въ себѣ смыслъ и разумѣніе народнаго духа), началась для Россіи эра новыхъ экспериментовъ, предпринятыхъ властію. Ей былъ заданъ новый, сильный пріемъ казенщины, хотя и въ позолоченныхъ пилюляхъ; наложена на нее новая усиленная опека, хотя и въ болѣе щегольской формѣ. Вся Россія расписана была по министерствамъ, изъ которыхъ каждое, имѣя, въ особѣ министра, макушку въ Петербургѣ, корнями упиралось чуть не въ самую подпочву Русской земли. Всякое явленіе, всякое отправленіе общественной жизни должно было пріурочиться для порядка къ какому-либо вѣдомству,—все жило и существовало центростремительно, а центръ этотъ былъ зданіе у Чернышева моста или иное какое-либо министерское помѣщеніе тамъ на берегахъ Невы, въ прежней Ингерманландіи. Это было воцареніе самовластнаго бюрократизма или, точнѣе, бюрократическаго самовластія. Всякое министерство уподобилось чему-то въ родѣ государства въ государствѣ: каждое управляло, подтягивало, вѣдало, опекало, писало, выпускало чуть не до ста тысячъ исходящихъ №№ въ годъ, одержимое ревностною административною дѣятельностью: ибо въ этой «дѣятельности», хотя бы и безсодержательной и безплодной, заключался смыслъ, raison d'être его бытія и призванія. Стройно и строго водворилась самая удушливая административная централизація, несравненно удушливѣе даже французской, потому что стремилась не только взять въ опеку и направить, но еще и замѣнить собой функціи мѣстной жизни. Число чиновниковъ удвоилось; администрація, освобожденная отъ тормозящаго коллегіальнаго дѣлопроизводства и всякаго коллегіальнаго контроля, легко двигалась на оси личной бюрократической власти.

Никогда централизація и бюрократизмъ не достигали такихъ размѣровъ, какъ со времени учрежденія министерствъ. Нѣтъ сомнѣнія, что коллегіальное устройство неудобно для быстраго отправленія административныхъ дѣлъ, — но еще неудобнѣе такая экзуберація, такая гипертрофія администраціи, какая была создана министерствами. По плану Кочубея и Сперанскаго, заимствованному у Наполеона I-го, глава государства являлся и главою администраціи, главнокомандующимъ всей этой арміи чиновниковъ и, какъ солнце въ малой каплѣ водъ, долженъ былъ отражаться, преломляясь лучами своей власти по іерархическимъ ступенямъ, даже въ лицѣ мизиннѣйшаго «агента» и пребывать съ нимъ въ прямой солидарности. Выходило, что верховная власть, т. е. прямо власть царская, спускалась, административными каналами черезъ министра и градацію властей, до самыхъ мельчайшихъ отправленій мѣстной, не только общественной, но даже и частной жизни. Нельзя было построить дòма болѣе чѣмъ о пяти окнахъ, даже въ какомъ-нибудь Царевококшайскѣ, безъ разрѣшенія Петербурга, дававшагося отъ высочайшаго имени; израсходовать Углицкой, напримѣръ, думѣ сверхъ годовой смѣты какихъ-нибудь ста рублей безъ сношенія съ Петербургомъ! И во всю подобную администрацію вмѣшивалось всуе такъ высоко чтимое страною Царское имя!... Въ этомъ отношеніи особенно уродливо развилось министерство внутреннихъ дѣлъ. Министерство военное, финансовъ, иностранныхъ дѣлъ — все это спеціальности, и притомъ спеціальности общегосударственнаго характера, не соприкасающіяся непосредственно съ самою жизнью населенія. Но шутка сказать: «внутреннія дѣла!» Это не только внутренняя правительственная политика, — это притязаніе администрировать, держать на поводьяхъ, муштровать самую внутреннюю жизнь страны, — ибо чтò же не входитъ въ область «дѣлъ внутреннихъ»?!

Разумѣется, еслибы идеалы Петра и учредителей министерствъ могли осуществиться вполнѣ, то жизнь была бы задушена. Къ счастію для Россіи—она была только изуродована. Она спасалась именно правительственною *непослѣдовательностью*, недостаткомъ *систематичности* и, наконецъ, просто невозможностью содержать дѣйствительную опеку на такой громадной дистанціи, и сыскать потребное для сего число подходящихъ орудій. Ибо бòльшая часть орудій никогда не была сама проникнута реформаторскимъ духомъ

Петра или административными вожделѣніями министровъ, а исполняла свои обязанности пассивно, «по приказанію», «по волѣ начальства». Россія къ тому же такъ обширна, что провалившись куда-нибудь въ нутро ея, въ глушь Тамбовской губерніи или Заволжскихъ степей, можно было и при самой лихорадочной, всевидящей, всюду проникающей дѣятельности администраціи, почувствовать себя довольно свободно, — вдали отъ всякихъ властей и начальствъ, имѣя въ своемъ уѣздѣ, на пространствѣ, равномъ иногда цѣлой Саксоніи, какихъ-нибудь двѣнадцать инвалидовъ войска, да двухъ-трехъ пьянчужекъ или дешевыхъ взяточниковъ—верховныхъ блюстителей... Насъ обыкновенно упрекаютъ въ недостаткѣ чувства *легальности*, но если бы можно было себѣ представить такую губернію, въ которой бы строго-на-строго, безукоризненно-честно стали бы примѣняться всѣ тысячи статей всѣхъ патнадцати томовъ Свода законовъ, то конечно отъ такого навожденія легальности—все населеніе бѣжало бы вонъ, куда-нибудь въ Аію, въ безлюдную, безчиновную степь.—Насъ спасаетъ именно то, что вся эта казенщина претитъ нашей русской природѣ; что трудно даже найти, между *штатскими*, чиновника, который бы имѣлъ культъ своего мундира. вѣрилъ благоговѣйно въ букву закону и въ формальную правду; обыкновенно такъ: мундиръ на распашку, а изъ-подъ мундира халатъ! Все это, конечно, безобразно, исполнено внутренняго противорѣчія, но казенное благообразіе было бы едвали не хуже. Это уже благообразіе смерти. Тяжелы для народа всѣ эти разгильдяи и негодяи, но еще антипатичнѣе ему совсѣмъ бездушные, новѣйшаго фасона чиновники, вполнѣ увѣровавшіе въ свой мундиръ, надменные своимъ званіемъ, свято чтущіе и неумолимо исполняющіе букву и форму чуждаго народу, по духу, закона, хотя бы pereat mundus!

Какъ бы то ни было, но какъ растительная сила природы, несмотря на морозы, жары и всякія невзгоды, все же одѣваетъ кое-какъ поля зеленью а деревья листвой,—такъ и ядро жизни, утаившееся въ отверженномъ и замкнувшемся въ себя народѣ, не переставало прозябать и пускать ростки, не столь роскошные, конечно, какіе дало бы приволье тепла и свѣта, но однакоже довольно могучіе, соотвѣтственные, хоть въ нѣкоторой степени, мощи самого ядра. Организмъ, хоть и сдавленный, все-таки совершалъ кое-какъ свои отправленія; дубъ все-таки росъ, хоть криво и косо. Благодаря Богу, уцѣлѣлъ, болѣе или менѣе, отъ реформы и ея нравственныхъ искаженій хоть простой народъ,—этотъ, чуть ли пока не единственный хранитель силъ русскаго духа, еще не початыхъ, въ которыхъ однихъ только и видится намъ залогъ нашего будущаго самостоятельнаго развитія. Вопреки всему, историческая внутренняя формація не останавливалась и вырабатывала тѣ основы, на которыхъ возможно будетъ осѣсть и утвердиться нашему государственному строю. Начало внутренней соціально-земской эманципаціи положено покойнымъ Государемъ—да будетъ благословенна Его память! Но только еще начало.

Вся создавшаяся послѣ Петра система административной опеки и бюрократическаго управленія—совершенно противна, повторяемъ, политической природѣ Русской земли и идеалу русскаго государства. Нашъ Царь не Наполеонидъ, которому необходимо взнуздать административной уздой всю страну ради интересовъ своей узурпаторской династіи. У насъ нѣтъ, какъ въ иныхъ странахъ, политическихъ партій, которыя борются вѣчно изъ-за власти, и какъ скоро какая партія успѣетъ посадить министра во главу правительства, такъ тотъ и принимается ворочать страною, посредствомъ административнаго снаряда, по мысли и планамъ партіи, служа доктринѣ, цѣлямъ и интересамъ небольшой, сравнительно, группы людей. Русскій Царь съ своей прирожденной, наслѣдственной властью — не честолюбецъ и не властолюбецъ: власть для него—повинность и бремя; царскій санъ—истинно подвигъ. Русскій Царь въ глазахъ народа вовсе не верховный чиновникъ,—высшая ступень администраціи,—непремѣнно солидарный со всею іерархіею своихъ слугъ, отъ перваго до послѣдняго. Въ Русской исторіи, какъ замѣчаетъ въ своей, помѣщенной въ этомъ же №, «Запискѣ» К. С. Аксаковъ, политическихъ возстаній народныхъ противъ царской власти никогда и не бывало; возстанія бывали только противъ воеводъ, бояръ, служилыхъ людей, но никогда, въ понятіи народномъ, Царь не сливался съ ними. (А между тѣмъ именно эта-то солидарность и положена въ основаніе учрежденія министерствъ, какъ оно существовало у насъ до настоящаго царствованія!) Царь—глава и вождь своего народа, первый человѣкъ Русской Земли, ея блюститель и защитникъ. Ея благо, ея миръ и разумная свобода жизни, та свобода, безъ которой и жизни нѣтъ, а возможно лишь прозябаніе,—интересъ царскій; другихъ интересовъ у Царя и нѣтъ. Администрація должна быть сподручнымъ орудіемъ самой жизни, облегчающимъ и оберегающимъ просторъ ея естественныхъ законныхъ отправленій, а не становиться къ жизни въ какое-то начальственнно-враждебное или назойливо-опекунское отношеніе, и не становить ее подъ свою команду. Да такая попытка заставить жить по командѣ и невозможна: она только вноситъ анархію въ самую жизнь, лишаетъ само правительство необходимыхъ содѣйствующихъ ему силъ. Въ тщетной погонѣ окутать администраціей всѣ движенія и явленія жизни, правительство неизбѣжно упуститъ изъ виду самыя существенныя задачи, именно верховному правительству свойственныя. Это и доказано нашимъ горестнымъ опытомъ.

Выводъ изъ этого слѣдующій:

Независимо отъ принятыхъ нынѣ мѣръ относительно министерскихъ докладовъ, было бы, кажется, желательно точнѣе опредѣлить кругъ дѣятельности и правъ различныхъ министерствъ; подумать объ усиленіи центральной власти и сосредоточеніи верховнаго управленія именно чрезъ отсѣченіе всѣхъ излишнихъ, навязанныхъ и присвоенныхъ ею себѣ обязанностей. Наилучшимъ для этого средствомъ служитъ именно правильная постановка *мѣстнаго самоуправленія*, которое теперь стоитъ совершенно невѣрно. Нужно, чтобъ это мѣстное самоуправленіе стало дѣйствительною правдою, которая *не менѣе желанна для самого правительства*, сколько и для самой нашей страны. Правильное развитіе самоуправленія тотчасъ же облегчитъ задачи центральнаго управленія, тотчасъ же сократитъ чрезмѣрный объемъ и размахъ министерской власти,—эту непомѣрную экстенсивность административной надъ мѣстною жизнью опеки, особенно министерства внутреннихъ дѣлъ. Заботы послѣдняго сосредоточились бы тогда главнымъ образомъ на охраненіи общегосударственныхъ и частныхъ интересовъ отъ мѣстнаго провинціальнаго эгоизма. Та бюрократическая отвлеченность, отъ которой такъ много страдаетъ Россія и которая является необходимымъ послѣдствіемъ отвлеченія функцій мѣстной жизни къ центру, упразднится сама собою, когда этой жизни будетъ возвращенъ необходимый просторъ.

Самоуправляющаяся мѣстно Земля съ самодержавнымъ Царемъ во главѣ — вотъ русскій политическій идеалъ. Поэтому въ интересѣ самой власти необходимо, чтобъ земское мѣстное самоуправленіе было не пасынкомъ, а дорогимъ для самого правительства дѣтищемъ. Необходимо понять, что со стороны правительства здѣсь нѣтъ *уступки* власти, а лишь возвращеніе власти въ ея истинные предѣлы, въ тѣ предѣлы, гдѣ только она и можетъ быть *вполнѣ могущественна* на благо родной землѣ. Необходимо, повторяемъ, чтобъ это самоуправленіе стало жизненной *правдой*, дѣломъ серьезнымъ и, главное, любимымъ и авторитетнымъ въ понятіяхъ *самого народа* учрежденіемъ,—а теперь (этого не слѣдуетъ забывать) оно далеко, далеко еще не таково! Только тогда и правительство получитъ возможность узнавать въ нужныхъ случаяхъ дѣйствительную мысль народную, опираться въ своихъ общегосударственныхъ мѣропріятіяхъ на указанія мѣстнаго опыта и на содѣйствіе, не чиновниковъ, а самой земли: только тогда, безъ труда, можетъ оно и призывать ее, когда сочтетъ полезнымъ и благовременнымъ, къ совѣту. Но для того, чтобъ всего этого достигнуть, необходимо, чтобъ упразднилось у насъ то безплодное, фальшиво - либеральное европейничанье, которое не можетъ до сихъ поръ отречься отъ духа и системы Петровыхъ преобразованій, и только смущаетъ правительство, придавая ложную, антинаціональную окраску многимъ, вполнѣ прирожденнымъ намъ и идущимъ совершенно въ ладъ съ нашею исторической формой правленія, историческимъ же формамъ земской жизни. Дорожа больше либеральною внѣшностью, чѣмъ существомъ дѣла, наши недальновидные «либералы» только тормозятъ правильное развитіе нашего государственнаго и земскаго строя...

О запискѣ К. С. Аксакова, поданной Императору Александру II.

«Русь», 23-го мая 1881 г.

Мы заканчиваемъ въ нынѣшнемъ № печатаніе «Записки и Дополненія къ ней», представленныхъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ покойному Императору Константиномъ Сергѣевичемъ Аксаковымъ. Благословенна память и Царя, умѣвшаго слышать истину,—почтившаго въ подданномъ святѣйшее человѣческое право – право искренности, независимости мнѣнія,—и подданнаго, почтившаго своего Государя величайшею и самою рѣдкою для царей честью—прямодушнымъ, полнымъ уваженія и любви, но вмѣстѣ и смѣлымъ изъясненіемъ правды! Надѣяться ли, что этотъ посмертный голосъ чистѣйшаго и свободнѣйшаго изъ людей, такъ задушевно, такъ живо, во всеуслышаніе нынѣ звучащій, проникнетъ въ сердца и правящихъ и правимыхъ, и поможетъ водворенію единства въ разнообразныхъ политическихъ воззрѣніяхъ русскаго общества? Хотѣлось бы надѣяться, но мы не обольщаемъ себя такою мечтою, потому что мало людей серьезно и самостоятельно ищущихъ истины, и наоборотъ, такъ много ихъ, рабствующихъ патентованной «либеральной» доктринѣ и, не утруждая головы, увѣровавшихъ въ готовую заемную формулу!.. Тѣмъ не менѣе было бы желательно устранить для *искренно* недоразумѣвающихъ всякія недоразумѣнія, договориться до конца и выяснить наконецъ до непререкаемости (что̀ такъ нужно общественному сознанію) общія основы русской народной политической мысли... Въ этомъ отношеніи,—мы думаемъ,—записка К. С., несмотря на то, что написана четверть вѣка тому назадъ, является *во благовременьи*, и теперь именно болѣе во благовременьи, нежели въ 1855 году. Она ставитъ и по своему рѣшаетъ тѣ именно принципіальные вопросы, которые теперь не только глухо,—даже явно волнуютъ умы, но которые почти и не поднимались въ началѣ царствованія покойнаго Государя, когда на череду стояли другія неотложныя задачи первенствующей важности — уничтоженіе крѣпостнаго права, судебной кривды и пр. Мы хорошо знаемъ тотъ отзывъ, которымъ очень многіе поверхностные умы станутъ отдѣлываться отъ логическихъ опредѣленій и выводовъ этой записки: «это сочиненіе *идеалиста*, не имѣющее ничего общаго съ *реальною* жизнью,—это *теорія* принциповъ, а не *практическія* указанія», и т. д. Но что̀ такое практика безъ идеализма? Это дѣйствіе и движеніе ощупью въ темнотѣ. Величайшіе практики міра, дѣйствительные преобразователи своихъ странъ, потому только и велики, что были не только практики, но и идеалисты, были одушевлены завѣтною мечтою, имѣли въ виду идеальную, внѣ личныхъ разсчетовъ поставленную цѣль, въ достиженіи которой и полагали свой личный подвигъ. Такимъ практикомъ былъ Петръ; таковъ и Бисмаркъ съ своимъ идеаломъ единодержавной Германіи. Дѣло не въ идеализмѣ, а въ содержаніи самаго идеала. Если идеалъ самъ по себѣ оказывается доброкачественъ, вѣренъ и истиненъ, и неудобопримѣнимымъ представляется лишь потому, что слишкомъ возвышенъ, то это еще не причина заключать объ его непригодности. Напротивъ: тѣмъ-то онъ и хорошъ. Бѣденъ тотъ идеалъ, который легко и удобно воплощается въ несовершенство внѣшняго дѣла или явленія человѣческаго; но благотворенъ именно тотъ, который предносится предъ несовершенствомъ людскимъ, служитъ людямъ повѣркою, критеріемъ ихъ дѣйствій и учрежденій, вѣчнымъ двигателемъ къ совершенствованію. Что̀ фальшиво въ сферѣ принципа, то ужъ непремѣнно фальшиво и въ жизни. Поэтому тамъ и въ такія времена, гдѣ историческимъ факторомъ является уже не одно непосредственное творчество жизни, не одно дѣйствіе инстинкта, но и дѣятельность сознанія, нельзя пренебрегать постановкою вопросовъ въ принципѣ, и презрительно относиться къ идеальному ихъ разрѣшенію, а слѣдуетъ лишь провѣрять его истинность—историческими данными прошлаго и настоящаго.

Да, авторъ записки—идеалистъ, но этотъ идеалистъ оказался пророкомъ, и печальная правда его пророчества сама собою свидѣтельствуетъ о реальной истинѣ, которая лежала въ основѣ его идеализма... Объяснивъ, что Петръ измѣнилъ самыя отношенія власти къ народу, установилъ именно ту административную опеку надъ жизнью частною и общественною, которую мы подробно обрисовали въ передовой статьѣ 26 № «Руси»,—или, по словамъ К. С. Аксакова, ту «систему вмѣшательства въ общественную, внутреннюю свободу жизни», которая, порождая въ людяхъ «рабское чувство», вмѣстѣ съ рабскимъ чувствомъ вызываетъ въ нихъ, какъ рабскую похоть, «политическое властолюбіе»,—этотъ свободный духомъ подданный предъ лицомъ своего Государя исповѣдуетъ далѣе слѣдующее: «Какъ скоро правительство отнимаетъ постоянно *внутреннюю*, *общественную* свободу народа, оно заставитъ наконецъ искать свободы внѣшней, политической. Чѣмъ далѣе будетъ продолжаться Петровская правительственная система,—хотя по наружности и не столь рѣзкая, какъ при немъ,—система столь противоположная Русскому народу, вторгающаяся въ общественную свободу жизни, стѣсняющая свободу духа, мысли, мнѣнія, и дѣлающая изъ подданнаго *раба: тѣмъ болѣе будутъ входить въ Россію чуждыя начала*, тѣмъ болѣе людей будетъ отставать отъ народной русской почвы, тѣмъ болѣе будутъ колебаться основы Русской земли,—тѣмъ грознѣе будутъ революціонныя попытки, которыя сокрушатъ наконецъ Россію — *когда она перестанетъ быть Россіей*. Да, опасность для Россіи одна: *если она перестанетъ быть Россіей*,—къ чему ведетъ ее постоянно теперешняя Петровская правительственная система. Дай же Богъ, чтобъ этого не было».

О революціонныхъ попыткахъ въ то время не было и помина, но авторъ имѣлъ предъ своими глазами тридцать лѣтъ предшествовавшаго царствованія, въ которое, какъ мы замѣтили въ своей вышеуказанной статьѣ, система Петровской правительственной надъ жизнью опеки дошла до своего апогея. Пророчество автора вѣрно не по отношенію къ послѣдовавшей за царствованіемъ Николая I правительственной системѣ Александра II, а къ продолжавшемуся дѣйствію самихъ началъ реформы Петровой, слишкомъ глубоко втравленныхъ въ русскую государственную и даже общественную жизнь—безъ малаго двумя вѣками насилія и соблазновъ. Никто такъ радостно не привѣтствовалъ освободительныя начинанія покойнаго Государя, какъ именно К. С. Аксаковъ. «Въ Россію вѣруя»,—писалъ онъ, обращаясь къ Царю (впрочемъ самъ про себя) въ стихахъ, найденныхъ въ черновой рукописи и напечатанныхъ лишь послѣ кончины автора,—

Въ Россію вѣруя, на бой съ лукавой ложью
Въ честь правды и добра, безъ страха Ты идешь.
Чти слова даръ святой, люби свободу Божью:
Свѣтъ нуженъ истинѣ: мракъ прикрываетъ ложь.
Любовь и истину дать Русь Тебѣ готова.
Любовь и истина надежнѣй всякихъ узъ...
Ты возвратишь, о Царь, землѣ свободу слова,
И Богъ благословитъ съ народомъ Твой союзъ!

Скончавшись на шестой годъ царствованія Государя Александра II, К. С. не могъ, конечно, провидѣть всѣ новыя усложненія общественнаго организма и строя, но въ послѣдніе годы своей жизни онъ смущался уже не столько дѣйствіями правительства, сколько недостаточностью разумѣнія истинныхъ народныхъ началъ въ самой *общественной* средѣ, призванной правительствомъ къ дѣятельности. Его строгая взыскательность относительно вѣрности этимъ началамъ выразилась, между прочимъ, въ критическомъ разборѣ нѣкоторыхъ докладовъ Редакціонныхъ Коммиссій по административному устройству крестьянъ.

Кто сколько-нибудь помнитъ царствованіе Императора Николая, тотъ не можетъ не надивиться тѣмъ исполинскимъ шагамъ, которые совершила наша личная и общественная свобода въ послѣдовавшее и теперь уже минувшее царствованіе. Если бы кому, хоть за годъ до вступленія на престолъ Александра II, представили въ перспективѣ и земскія учрежденія, и суды, и развитіе періодической печати, и даже тотъ просторъ слова, которымъ мы теперь пользуемся,—онъ бы призналъ это несбыточною мечтою. Но внутреннее цѣленіе, но врачеваніе болѣзней духа, причиненныхъ Петровской реформой и разрывомъ прежняго союза земли съ государствомъ,—все это не могло, конечно, совершиться такъ же скоро, какъ доступныя внѣшней власти внѣшнія нововведенія. «Прямое цѣленіе на современное зло, возникшее въ Россіи—это *понять* Россію и возвратиться къ *русскимъ* основамъ, согласнымъ съ ея духомъ, къ образу дѣйствій, согласному съ понятіями, съ существомъ Россіи», говоритъ въ своей «Запискѣ» К. С. Аксаковъ. Это-то и оказалось наитруднѣйшей задачей, потому что зло пустило слишкомъ глубокіе корни въ духовную почву русскаго общества. Реформы Александра II были истинно благодѣтельны, ослабили въ сильной степени прежнюю административную опеку, создали основанія для свободной дѣятельности жизни внутренней, земской,—но, къ сожалѣнію, самое *пониманіе* Россіи и ея государственнаго идеала было еще слишкомъ слабо въ правящихъ и руководящихъ общественныхъ сферахъ. Если историческое сѣмя и пустило стебли, и самые стебли кое-какъ пробились сквозь мусоръ и хламъ полуразрушенныхъ прежнихъ сооруженій, сквозь плотныя наслоенія лживыхъ понятій,—то все же этого неубраннаго мусора и хлама, этихъ неразбитыхъ наслоеній было такъ много, что стебли не перемогли ихъ, не пересилили своею растительностью,—какъ пересиливаетъ весною старую ветошь луговъ новая молодая трава. Въ новизнахъ царствованія дѣйствительно слышалась старина — по выраженію старообрядцевъ, — это выраженіе вѣрно,—но еще только слышалась и вскорѣ затѣмъ заглушена новизною, или точнѣе: Петровскою недавнею стариною въ ея же послѣдовательномъ развитіи, въ ея новомъ фасизѣ. Виною тому: «новопреобразованные Петромъ Русскіе,—которые—какъ говоритъ «Записка»—увлеченные частію насиліемъ, частію соблазномъ на иностранный путь», сжились съ своимъ положеніемъ, полюбили его и другаго пути для себя не признали, да и не признаютъ...

Существуетъ мнѣніе, что благодѣтельныя реформы прошлаго царствованія, освобождая общественную жизнь, ослабляя административный гнетъ, въ то же время ослабили значеніе, необходимый авторитетъ власти. Это мнѣніе не лишено основательности, и вотъ почему:

Сущность Петровскаго переворота состояла въ томъ, что *земскій* типъ государства былъ замѣненъ типомъ *полицейскимъ*; что въ его лицѣ государство оторвалось отъ народныхъ началъ и для осуществленія этого своего новаго, чуждаго русскому духу идеала—посягнуло на свободу внутренней, бытовой и нравственной жизни народа. Другими словами: или словами К. С. Аксакова: при Петрѣ совершился разрывъ власти съ народомъ, «разрушился древній союзъ земли и государства и смѣнился *игомъ* государства надъ землею; Русская земля стала какъ бы завоеванною, а государство съ арміею чиновниковъ—завоевателемъ»; древнее самодержавіе возведено не только на практикѣ (въ силу случайности), но *въ принципѣ*—въ *деспотизмъ* (каковымъ оно, впрочемъ, было почти вездѣ на современномъ Петру континентальномъ Западѣ), а свободно-подданный Русскій народъ, свободно и сознательно призвавшій къ себѣ власть и давшій ей неограниченный просторъ въ свойственной ей сферѣ правленія, «получилъ значеніе раба-невольника въ своей землѣ». Къ чему привелъ этотъ новый, внесенный Петромъ строй государственной жизни къ концу царствованія Императора Николая извѣстно всѣмъ. Необходимо было измѣнить этотъ строй. Ликвидація Петровскаго переворота могла совершиться двумя способами:

или *сознательнымъ отреченіемъ отъ иностраннаго пути*, на который двинулъ Россію Петръ; уразумѣніемъ истинныхъ русскихъ основъ государственнаго строя; возвращеніемъ на прежній, оставленный русскій путь (что̀ вовсе не означаетъ возвращенія ко всѣмъ внѣшнимъ старымъ формамъ жизни, къ невѣжеству, къ суевѣрію, къ деревянной лавкѣ вмѣсто плетенаго стула и т. п., какъ думаютъ въ своей мудрости нѣкоторые наши западники!); однимъ словомъ — возстановленіемъ прежняго, полнаго довѣренности и искренности союза между государствомъ и землею, съ предоставленіемъ первому неограниченной свободы внѣшней политической власти или «правленія», а послѣдней: свободы внутренней, бытовой жизни, свободы духа и слова;

или же *дальнѣйшимъ движеніемъ по тому же иностранному* пути, на который двинулъ Россію Петръ, т. е. тѣмъ процессомъ, которымъ ликвидировался въ Европѣ всякій политическій деспотизмъ, — процессомъ *западно-европейскаго либерализма*. Этотъ путь извѣстенъ. «Новопреобразованные Петромъ Русскіе», поясняетъ «Записка»,—«ставъ въ новое рабское отношеніе къ власти, ощутили въ себѣ политическое властолюбіе; въ классахъ, оторванныхъ отъ народнаго быта, сейчасъ обнаружилось стремленіе къ государственной власти»: при этомъ указывается на конституціонныя аристократическія попытки при Аннѣ Іоанновнѣ и на 14-е декабря. Къ дальнѣйшему движенію по *этому* пути и относятся тѣ строки въ «Запискѣ», которыя мы назвали пророческими въ виду событій послѣднихъ лѣтъ.

Благодѣтельному успѣху реформъ прошлаго царствованія вредило именно то, что какъ государственные дѣятели, такъ и верхній, образованный классъ общества и вообще такъ-называемая «интеллигенція», заражены у насъ духомъ именно западно-европейскаго *либерализма.* На всѣ новыя учрежденія смотрѣли они сквозь призму западно-европейскихъ либеральныхъ доктринъ, какъ на *уступки* власти, какъ на ея политическое ограниченіе. Эти учрежденія, эта доля свободы, предоставленная обществу, окрашивалась ложной окраской. «Идти по пути реформъ» въ понятіяхъ нашихъ такъ-называемыхъ либераловъ вовсе не значило возвратиться къ древнему союзу власти съ землею, а значило: идти къ «увѣнчанію зданія» учрежденіемъ (по любимому выраженію нашихъ газетъ) «однороднымъ» съ учрежденіями европейскихъ, «просвѣщенныхъ, во главѣ прогресса и цивилизаціи стоящихъ странъ». Это значитъ въ то же время: стать на путь, который совершенно претитъ духовной природѣ Русскаго народа, замѣнить искренность и довѣріе взаимныхъ его отношеній съ правительствомъ—началомъ антагонизма, умѣряемаго взаимнымъ искусственнымъ компромиссомъ; это значитъ установить господчину чуждой народному духу интеллигенціи надъ народными массами, тираннію условно-либеральныхъ чуждыхъ доктринъ надъ свободою жизни, надъ народною духовною самобытностью. Это значитъ осудить Россію на должность духовнаго прихвостня Европы, повторять ея зады, вкушать похмѣлье въ чужомъ пиру, ибо смѣшно думать, что ставъ однажды на путь «европейскаго либерализма», нашъ государственный строй осядетъ на нѣчто несокрушимое и прочное, такъ какъ, за исключеніемъ Англіи (поистинѣ въ своемъ историческомъ устройствѣ «неподражаемой»), въ остальной Западной Европѣ таковыхъ прочныхъ основъ годарственнаго строя не имѣется: на Францію даже и изъ нашихъ «либераловъ» никто не отважится сослаться, а въ Германіи возникаетъ общественный протестъ противъ парламентаризма или парламентской бюрократіи, грозящей разрушеніемъ единству, величію и мощи Имперіи.

Итакъ, вредная сторона преобразованій минувшаго царствованія заключается въ параллельной съ ними слабости національнаго самосознанія въ самомъ правительствѣ, и еще болѣе въ образованномъ русскомъ обществѣ; въ томъ, что они совершались большею частью (кромѣ надѣленія крестьянъ землею) въ духѣ *европейскаго либерализма*, какъ уступки со стороны власти «современнымъ либеральнымъ вѣяніямъ». Другими словами: какъ въ нѣкоторомъ смыслѣ уступки *политическому властолюбію*, созрѣвшему въ верхнихъ слояхъ народныхъ, въ такъ-называемой интеллигенціи, – а не какъ созиданіе истинной, чуждой политическихъ властолюбивыхъ похотей, жизненной русской свободы. Сдѣланы различныя и благодѣтельныя ослабленія, но самый путь, которымъ слѣдовала Россія со временъ Петра, *не измѣненъ*; а упорно оставаясь на этомъ пути, она обрекаетъ себя на тотъ же логическій исходъ, на который осуждена и Западная Европа, и о которомъ пророчитъ К. С. Аксаковъ Всѣ внѣшнія дѣла Петра и его преемниковъ, — говоритъ «Записка», — совершены силами той Россіи, которая возростала и окрѣпла на древней почвѣ, на другихъ началахъ. «Доселѣ солдаты наши берутся изъ народа», доселѣ не вовсе исчезли русскія начала и въ преобразованныхъ Русскихъ людяхъ, подвергшихся иностранному вліянію, и иногда просыпаются въ нихъ, въ великія историческія мгновенія. «Петровское государство побѣждаетъ съ силами еще до-Петровской Россіи». «Россія держится долго потому. что еще не исчезла ея внутренняя долговѣчная сила», постоянно ослабляемая и растлѣваемая дѣйствіемъ Петровскихъ началъ, — «потому, что еще не исчезла въ ней до Петровская Россія»... «Народъ, простой народъ собственно, еще держится своихъ древнихъ основъ и противится доселѣ — и рабскому чувству и иностранному вліянію верхнихъ классовъ», но «Петровская система начинаетъ проникать и въ народъ своею, повидимому пустою, но вредною стороною», вмѣстѣ съ которою «входятъ чуждыя понятія и шатаются исподоволь русскія начала»... А чѣмъ болѣе, благодаря Петровской системѣ *антирусскаго* гнета жизни и вызываемаго этою системою (вполнѣ естественно и логически) либеральнаго, но въ то же время *антирусскаго* же протеста, будутъ входить въ Россію чуждыя начала; чѣмъ болѣе будетъ отставать людей отъ народной русской почвы, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе будутъ ультра-либеральныя, до самаго крайняго радикализма доводимыя попытки, которыя—говоритъ К. С. Аксаковъ—«сокрушатъ наконецъ Россію, когда она перестанетъ быть Россіею».

Да, повторимъ мы вмѣстѣ съ нимъ, «опасность для Россіи одна: если она перестанетъ быть самой-собою - къ чему именно ведетъ ее Петровская правительственная система». Что же изъ всего этого слѣдуетъ? Изъ этого слѣдуетъ, прежде всего, необходимость, какъ для правительства, такъ и для общества, сознательнаго отреченія отъ Петровской системы государственнаго ига, административной опеки надъ жизнью, разрыва власти съ народомъ (народъ самъ съ своей стороны остался вѣренъ своимъ началамъ, своему идеалу); необходимость отрѣшиться какъ отъ Петровскаго деспотизма, такъ и отъ его законнорожденнаго дѣтища—протестующаго рабства, западно-европейскаго *политическаго либерализма*. Со стороны самой Верховной власти, благодаря ея исторической, пребывающей въ ней стихіи и вразумленію опыта, всего менѣе, можетъ-быть, слѣдуетъ ожидать въ наши дни препятствій къ возвращенію на истинный русскій путь. Серьезнѣе препятствіе въ нашемъ фальшивомъ европейскомъ либеральничаньѣ, въ привитомъ намъ изъ чужи. совершенно намъ несвойственномъ и къ тому же совершенно абстрактномъ политическомъ властолюбіи, не сумѣвшемъ даже и выработать себѣ сколько-нибудь оригинальныхъ формъ. Въ немъ, въ порождаемой имъ путаницѣ мыслей видимъ мы главный тормазъ для возстановленія вполнѣ искренняго, полнаго довѣрія союза Царя съ Землею, взаимнаго общенія и гармоническаго сочетанія, на народной, исторической почвѣ, свободы личной власти и свободы общественной жизни, внутренней и внѣшней. Рано или поздно придется убѣдиться, что Петербургскому періоду русской исторіи долженъ быть положенъ конецъ. Въ этомъ смыслѣ и говорили мы: «пора домой»!...

О статьѣ Ю. Ѳ. Самарина по поводу толковъ о конституціи въ 1862 году.

«Русь», 30-го мая 1881 г.

Вотъ и еще замогильный голосъ, такъ вòвремя, въ назиданіе намъ звучащій,—голосъ, которому во дни òны и нельзя было раздаться во всеуслышаніе, какъ будто сама судьба задерживала его до настоящей нашей поры, когда онъ именно нуженъ и нужнѣй чѣмъ въ ту пору, — когда, кажется, самый общественный слухъ, благодаря вразумленію событій, пріобрѣлъ бо̀льшую чуткость и воспріимчивость ко всякому трезвому и строгому слову правды. Мы говоримъ про помѣщенную ниже, въ этомъ же №, статью покойнаго Юрія Ѳеодоровича Самарина, друга и сподвижника К. С. Аксакова,— къ «Запискѣ» котораго, уже знакомой читателямъ, эта статья служитъ какъ бы дополненіемъ. Никто, конечно, не упрекнетъ Самарина (котораго, какъ гражданскаго дѣятеля, такъ единодушно почтило, послѣ его кончины, русское общество, безъ различія направленій и партій) въ избыткѣ *идеализма*,— въ чемъ привыкли винить его друга, — и потому единство выводовъ, къ каковымъ они пришли оба, отправившись отъ разныхъ точекъ зрѣнія, представляется тѣмъ болѣе замѣчательнымъ и, думаемъ мы, убѣдительнымъ. Это, впрочемъ, не статья, а черновой проектъ заявленія, которое, по мнѣнію Юрія Ѳеодоровича, было бы полезно пустить въ обращеніе (за подписью его и нѣкоторыхъ единомышленниковъ), какъ протестъ противъ предполагавшагося адреса или ходатайства о дарованіи «конституціи». Адресъ, впрочемъ, не состоялся, а потому не было и надобности въ подобномъ протестѣ; печатной же полемики о такомъ предметѣ въ то время и не допускалось. Все это происходило въ самомъ началѣ 1862 или въ самомъ концѣ 1861 г., стало-быть вскорѣ послѣ великаго законодательнаго акта 19 февраля, когда Самаринъ,—одинъ изъ главныхъ участниковъ въ приготовительныхъ работахъ, которыхъ этотъ актъ былъ завершеніемъ,— находился, въ званіи члена губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, въ Самарѣ. Какъ ни страннымъ кажется это конституціонное поползновеніе именно въ ту историческую минуту, когда самодержавная русская власть явила себя по истинѣ вполнѣ достойною своего призванія, когда было до очевидности ясно, что колоссальный соціальный переворотъ—освобожденіе отъ крѣпостной зависимости и надѣленіе землею 20 милліоновъ русскихъ людей только благодаря ей могъ совершиться путемъ мирнымъ и спокойнымъ, а не революціоннымъ, — однакожъ этого факта отрицать нельзя. Съ одной стороны, въ понятіяхъ нѣкоторыхъ, не мирившихся съ утратою крѣпостнаго права, уничтоженіе этой привилегіи какъ бы упраздняло вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ солидарность съ правительствомъ, ограждавшимъ до сихъ поръ ихъ землевладѣльческія преимущества. Поколебленное соціальное положеніе и матеріальныя жертвы, принесенныя ими на пользу всего государства, открывали, казалось имъ, вполнѣ законный просторъ ихъ политическому властолюбію и аристократическимъ вожделѣніямъ. Съ другой—параллельно съ великой работой освобожденія, подготовительной и исполнительной, поглощавшей, повидимому, вниманіе всего русскаго общества,—параллельно съ нею, не принимая въ ней ровнехонько никакого участія, шла неустанная пропаганда отвлеченнаго радикализма. Основоположники современнаго нигилизма занимали почти господствующее положеніе въ тогдашней литературѣ и, несмотря на цензуру, съ замѣчательнымъ искусствомъ вели широкую проповѣдь революціонно-соціалистическаго свойства, которая, не имѣя никакой реальной исторической для себя почвы, сѣяла только отвлеченность и пустоту, — умственное и нравственное растлѣніе, плоды котораго не замедлили сказаться, — сказываются и нынѣ. Имъ—этимъ «дѣятелямъ», этимъ кумирамъ и учителямъ молодежи—не было никакого дѣла ни до той тяжкой задачи, разрѣшеніемъ которой болѣла Россія,—т. е. эмансипаціи крестьянъ—ни до дѣйствительныхъ нуждъ народныхъ, ни до тѣхъ великихъ, благихъ реформъ, которыя виднѣлись въ перспективѣ и дѣйствительно были исполнены,—которыя нуждались въ молодыхъ труженикахъ, но къ которымъ эти проповѣдники не призывали, не направляли своихъ молодыхъ адептовъ, толкая ихъ лишь въ озлобленное отрицаніе. Въ оправданіе этихъ сѣятелей зла начала 60-хъ годовъ можно сказать только, что сами они были продуктомъ предшествовавшаго царствованія, — не тѣмъ протестомъ здоровыхъ силъ организма, которыя освобождаютъ его изъ-подъ власти недуга, а явленіемъ самого недуга, его уродливымъ, злокачественнымъ порожденіемъ. Не они и не ихъ послѣдователи вынесли на своихъ плечахъ реформы Александра II, а большею частью люди въ родѣ Самарина, который на пятомъ десяткѣ лѣтъ не побрезгалъ кропотливымъ скромнымъ трудомъ и пошелъ въ чернорабочіе, — вмѣстѣ съ тою, сравнительно малочисленною фалангою молодыхъ, которая уберeглась отъ вліянія петербургской журналистики и удалилась въ провинцію на должности мировыхъ посредниковъ. Вѣрно, пророчески выразился, 20 лѣтъ тому назадъ, въ своемъ проектѣ заявленія, Самаринъ о той «общественной силѣ», предъ которою трусили, за которою, какъ водится, ухаживали даже многіе представители власти того времени, жаждавшіе популярности — сопричисленія къ лику «либераловъ». До какой бы степени помѣшательства ни дошли въ настоящую минуту разгоряченные умы, говоритъ онъ, нельзя считать казенныхъ учебныхъ заведеній и «литературныхъ кружковъ того или другаго цвѣта — силою. Положимъ, всѣ они могутъ сдѣлать много зла, нагнавъ на Русскую землю *тучу дикихъ понятій*, *извративъ общественный смыслъ*, сбивъ съ историческаго пути и *сдѣлавъ негодными для жизни нѣсколько поколѣній*» (сбылась, къ несчастію, печальная правда этихъ словъ!), — «но все это проявленіе *силы чисто отрицательной*, а не творческой и не зиждущей. *Ядъ есть тоже сила*, но сила умерщвляющая, а не дающая жизнь». Къ этимъ строкамъ можно прибавить лишь одно замѣчаніе, что Самаринъ, хотя и уподобилъ дѣятельность тогдашнихъ нѣкоторыхъ проповѣдниковъ дѣйствію яда, но все-таки, очевидно, не предполагалъ возможности отравы въ такомъ широкомъ объемѣ и въ такой сильной степени, какъ это обнаружено новѣйшими нашими событіями.

Но радикалы того времени, какъ и радикалы нашей позднѣйшей поры, въ сущности о конституціи мало заботились, хотя *мирились* и съ мыслью о конституціи, какъ съ средствомъ ослабленія власти и поводомъ къ внутренней смутѣ. Сочувствіе къ конституціи, — явно или тайно выражаемое, смотря по общественному положенію, — было тѣмъ звеномъ, которое соединяло тогдашнихъ людей «прогресса», людей «благоразумнаго», «умѣреннаго либерализма», большею частью изъ бюрократической рати, съ одной стороны съ радикалами, съ другой — съ партіею, восчувствовавшею въ себѣ политическое властолюбіе вслѣдъ за утратою извѣстныхъ привилегій. Не питая, конечно, лично никакой симпатіи къ революціоннымъ тенденціямъ, эта партія, «умѣренные» бюрократы-либералы и иные, важничавшіе «разумнымъ прогрессомъ» люди, —

думали воспользоваться радикализмомъ какъ пугаломъ, и въ видахъ предотвращенія отъ сей опасности—предложить власти компромиссъ въ родѣ какой-то конституціи, формы которой они, впрочемъ, и сами себѣ не выяснили (да никѣмъ не выяснена она и до сихъ поръ). Радикалы, какъ сказано, съ своей стороны не были врагами этого компромисса. Будущій историкъ не мало подивится тому, что одновременно съ совершеніемъ великаго, всемірно-историческаго труда, который, казалось, долженъ бы приковать къ себѣ все вниманіе, притянуть къ себѣ всѣ умственныя и духовныя силы Россіи,—въ ту самую пору, какъ въ уѣздахъ кипѣла живая, честная практическая работа,—въ столицахъ происходило такое колобродство мыслей и чувствъ, такая антипатріотическая, антинаціональная, «либеральная» *свистопляска* (слово, тогда же изобрѣтенное), которая уподобляла общество чуть не дому умалишенныхъ. Въ это самое время подготовлялся въ Петербургѣ, съ помощью Сѣраковскихъ, Огрызокъ и одураченныхъ русскихъ «либераловъ», польскій мятежъ... Мы помнимъ также, какъ внезапно прибылъ въ Москву изъ-за границы и явился къ намъ съ горячею рекомендаціею одного изъ нашихъ талантливыхъ художниковъ, добродушнѣйшаго изъ Русскихъ, но отличавшагося органическимъ отсутствіемъ всякаго политическаго смысла,—юный *иностранецъ* чуть ли не польскаго происхожденія, нѣкто Артуръ Бенни, съ заготовленнымъ проектомъ адреса отъ Русскихъ къ Государю. Рекомендовалась, разумѣется, конституція! Этотъ непрошеный, а можетъ-быть даже и прошеный аттестовавшими его Русскими, радѣтель о Россіи предполагалъ собрать для своего адреса «*по крайней мѣрѣ сорокъ тысячъ подписей*»!.. Такъ какъ мы уже въ принципѣ не могли допустить никакого иностраннаго вмѣшательства въ русское дѣло, то наше свиданіе съ г. Бенни было коротко, и мы съ тѣхъ поръ его не видали; знаемъ только, что онъ былъ радушно принятъ въ нѣкоторыхъ кругахъ, но адресъ его, конечно, потерпѣлъ полнѣйшее fiasco. Мы упоминаемъ объ этомъ эпизодѣ, какъ о характеристическомъ признакѣ времени, какъ о свидѣтельствѣ—до чего доходила, не столько дерзость, сколько наивность, и не юноши Бенни только, но и Русскихъ, съ нимъ нянчившихся: многознаменательная, краснорѣчивая, по истинѣ *варварская*,—и въ концѣ концовъ все-таки преступная наивность, заслуживающая историко-психологическаго изслѣдованія!

Такъ какъ посылать адресъ Русскому Царю отъ *публики* было неудобно,—притомъ же адресъ, хотя бы и былъ подписанъ всѣми, приписавшими себя къ «прогрессу», или къ «интеллигенціи», какъ выражаются въ наши дни, однако не представилъ бы не только сорока тысячъ, но и четырехъ сотъ подписей (ибо состоящимъ на государственной службѣ подписываться было бы прямо невыгодно), то и возникла агитація о сочиненіи адреса отъ какой нибудь организованной корпораціи или сословія. Имѣлся въ виду съѣздъ дворянъ на выборы, въ первый разъ послѣ изданія манифеста 19 февраля 1861 г. Но отъ словъ перейти къ дѣлу—шагъ великій,—да и политическій тактъ дворянства не допустилъ его на сей разъ до такой грубой политической ошибки... Черезъ годъ вспыхнуло польское возстаніе, подготовленное отчасти самими нашими, обмороченными «либералами» и разсчитывавшее на содѣйствіе, Поляками же взлелѣянной, русской революціонной партіи. Разсчеты оказались ошибочными, потому что, когда изъ области внутренней глухой борьбы, изъ нѣдръ внутренняго общественнаго духовнаго броженія, вопросъ выплылъ наружу, въ формѣ доступной общенародному пониманію, т. е. когда дѣло коснулось внѣшней чести, достоинства и цѣлости государства,—пробудились историческіе инстинкты, и духъ народный воспрянулъ во всей силѣ, а отрицательно-либеральныя, разлагающія силы присмирѣли на время, въ ожиданіи благопріятной поры. (Она и наступила, вслѣдъ за минованіемъ опасности.)

Въ этотъ-то промежутокъ времени, между освобожденіемъ крестьянъ и польскимъ возстаніемъ, когда слухи о готовившемся конституціонномъ адресѣ дошли до Самары, Ю. Ѳ. Самаринъ и прислалъ къ намъ (мы тогда приступили къ изданію «Дня»), на наше распоряженіе, напечатанный въ этомъ № проектъ заявленія. Такъ какъ заявленіе имѣло характеръ гражданскаго дѣйствія, протеста, вынужденнаго гражданскимъ же дѣйствіемъ противоположнаго направленія, то въ такого рода дѣйствіи, по нашему соображенію, и не представлялось уже достаточнаго основанія, какъ скоро мысль объ адресѣ была оставлена: мы признали болѣе приличнымъ ограничиться чисто литературною, хотя нѣсколько и отвлеченною борьбою съ принципами, разъѣдавшими русское общество, и вызовомъ къ жизни, по мѣрѣ возможности, положительныхъ стремленій и силъ.

Въ то время отсутствіе свободы печатнаго слова, — той доли свободы, которою мы теперь пользуемся, — являлось однимъ изъ самыхъ крѣпкихъ оплотовъ отрицательнаго и западно-либеральнаго направленія. Защитникамъ русскаго историческаго и народнаго принципа приходилось сдерживать свои нападенія, съ одной стороны, для того, чтобъ, по недосказанности, избѣжать смѣшенія съ толпою подлыхъ человѣкоугодниковъ, —съ другой для того, чтобъ не подать противникамъ дешеваго способа уклоняться отъ спора, съ видомъ лежачаго или жертвы, которая будто бы имѣла нѣчто сказать ниспровергающее и неопровержимое, но осуждена на молчаніе. Этимъ, въ высшей степени выгоднымъ положеніемъ наши противники и пользовались, ловко проводя между строкъ свои теоріи, пріучивъ публику разумѣть ихъ по одному неуловимому для цензуры намеку, —и въ то же время преграждая возможность всякаго честнаго возраженія —обвиненіемъ противника въ «доносѣ»: средство не совсѣмъ добросовѣстное, но достигавшее цѣли. Въ то время событія еще не ставили вопроса объ упомянутомъ историческомъ принципѣ такъ рѣзко и повелительно, какъ въ наши дни, когда самое благо нашей страны требуетъ, чтобъ каждый исповѣдалъ прямо и открыто свои убѣжденія, заявилъ себя по ту или по другую сторону; когда имѣется возможность спора почти безъ недомолвокъ, и нѣтъ опасности, по недосказанности, подать поводъ къ оскорбительнымъ недоразумѣніямъ. Конечно, никто теперь не дерзнетъ причислить К. С. Аксакова и Ю. Ѳ. Самарина къ сонму льстецовъ и человѣкоугодниковъ. Но въ то время, когда Самаринъ писалъ этотъ проектъ публичнаго заявленія, такое заявленіе представлялось дѣломъ своего рода гражданскаго мужества и вело прямо къ утратѣ «популярности» въ средѣ большинства русскаго общества. Этимъ и объясняются слѣдующія строки Самарина: «Какъ ни ничтожны два-три голоса въ массѣ голосовъ, поднявшихъ современную разноголосицу, какъ ни несомнѣнно, что эти одинокіе голоса будутъ заглушены крикомъ, топаньемъ, свистомъ *и всѣми орудіями убѣжденія современныхъ прогрессистовъ*» (современныхъ «либераловъ», можно бы сказать теперь), однако въ настоящую минуту *молчать грѣшно*. Мы настолько устарѣли въ своихъ понятіяхъ, что для насъ свистъ не опроверженіе, рукоплесканіе не доказательство, а успѣхъ не мѣрило убѣжденія. Безъ всякой надежды на успѣхъ, мы просто считаемъ долгомъ совѣсти, гласно и безъ всякихъ недомолвокъ, высказать то, что̀ мы думаемъ по поводу современныхъ толковъ объ ограниченіи самодержанія въ Россіи».

Хотя заявленіе Самарина написано двадцать лѣтъ тому назадъ, однако-же, къ сожалѣнію, мало того—къ истинному ужасу—оно кажется, за исключеніемъ нѣкоторыхъ частностей, написаннымъ какъ бы вчера! Мы говоримъ «къ ужасу» потому, что этимъ доказывается, какъ мало подвинулось русское общественное сознаніе въ эти двадцать лѣтъ, какъ, напротивъ, только усиливался и росъ указанный Самаринымъ недугъ... Конечно, *внѣшней* опасности сойти съ историческаго національнаго пути Россіи не грозитъ, какъ не грозило и тогда,—а теперь, можно думать, грозитъ и еще менѣе послѣ того, какъ недугъ объявился воочію такимъ страшнымъ пароксизмомъ, какъ событіе 1 марта. Можно даже уповать, что этотъ пароксизмъ — въ то же время и благодѣтельный кризисъ, но слишкомъ предаваться такому упованію было бы еще рано. Несомнѣнно одно, что власть, въ союзѣ съ народомъ,—вполнѣ могущественная для предотвращенія всякой внѣшней опасности,—въ то же время своими внѣшними средствами не можетъ спасти общество безъ него самого, безъ усилія его собственной воли, отъ нравственныхъ, духовныхъ золъ, его разъѣдающихъ. Та отрицательная сила, о которой пишетъ Самаринъ,—развѣ она не продолжаетъ, какъ и въ 1862 г., «нагонять на Русскую землю тучу дикихъ понятій, извращать общественный смыслъ, сбивать съ исторической колеи и дѣлать негодными для жизни цѣлыя поколѣнія»?! Нельзя внѣшними средствами велѣть отрицательной силѣ—стать положительною, или перестать быть и творить, разъ ужъ она завелась. Для этого необходимы внутреннее перевоспитаніе самого общества и тотъ, въ немъ самомъ, преизбытокъ началъ положительныхъ, который бы и помимо власти, свободно, органически удерживалъ въ предѣлахъ развитіе отрицательнаго начала... Къ этому и должны быть направлены усилія всѣхъ честныхъ, любящихъ родную землю людей. Но многое, конечно, можетъ и власть, движимая духомъ любви и истины. Признавая, вмѣстѣ съ Самаринымъ, что верховная власть и народъ представляютъ, пока, у насъ единственныя историческія положительныя силы, мы думаемъ однако, что первая, со временъ Петра, была сама не свободна отъ ржавчины отрицанія,—отрицанія не какихъ-либо высшихъ отвеченныхъ, но историческихъ, жизненныхъ, народныхъ началъ. Отъ этой-то ржавчины и необходимо ей вполнѣ избавиться, чтобъ стать снова и вполнѣ—силою творческою и зиждущею. Нужно, чтобъ освѣжился союзъ Царя съ народомъ новымъ, тѣснѣйшимъ сближеніемъ; нужно, чтобъ земля не чувствовала себя сирою, отчужденною, отдаленною, какъ прежде,—чтобъ черствое слово Петровской нѣмецкой команды смѣнилось словомъ—властнымъ вполнѣ, но однакоже роднымъ, внятнымъ, любовнымъ, — чтобъ не холодомъ вѣяло отъ власти, но чтобъ власть свѣтила, живила и грѣла, являя себя вездѣ, всюду, дѣятельно и благотворно, — чтобъ неправдою наконецъ стала скорбная народная поговорка: «до Царя далеко»!..

По поводу перваго пріѣзда Государя Александра III въ Москву послѣ его воцаренія.

«Русь», 18-го іюля 1881 г.

Сего іюля 17 дня, въ 9 часовъ утра, Его Величество Государь Императоръ вмѣстѣ съ Государыней Имератрицей и Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, и Великими Князьями Георгіемъ и Алексѣемъ Александровичами, изволилъ прибыть въ Москву по Николаевской желѣзной дорогѣ. При оглушительныхъ радостныхъ кликахъ народа, Ихъ Императорскія Величества прослѣдовали до часовни Иверской Божіей Матери, гдѣ и приложились къ древней святынѣ.

Въ 12 часовъ состоялся Высочайшій выходъ изъ внутреннихъ комнатъ Большаго дворца въ Успенскій соборъ. Несмотря на неожиданность радостнаго событія и на лѣтнее время года, залы были почти полны представителями городскаго общества, думы и земства. Городской голова имѣлъ счастіе поднести Его Императорскому Величеству, по древнему обычаю, хлѣбъ-соль, на изящномъ золотомъ, съ эмалью, блюдѣ, и произнесъ слѣдующую рѣчь.

„Ваше Императорское Величество!

„Послѣ дней народной скорби нынѣ для Москвы возсіялъ день радости.

„Впервые по восшествіи Вашего Величества на прародительскій престолъ, Москва имѣетъ счастіе встрѣчать Васъ въ стѣнахъ своего Кремля.

„Да будетъ благословенно Ваше первое посѣщеніе Вашей древней, Вашей первопрестольной столицы, подъ сѣнію ея святынь и преданій, среди народа—беззавѣтно своему Царю преданнаго.

„Да здравствуетъ Государь Императоръ Александръ Александровичъ!“

Дружный, неудержимый, кликъ ура! исторгся изъ груди присутствующихъ и смолкъ только тогда, когда Государь Императоръ подалъ знакъ, что намѣренъ самъ говорить....

—

День неожиданной, свѣтлой, общенародной радости!... Въ первый разъ срѣтилъ сегодня Русскій народъ своего новаго Царя, въ первый разъ вступилъ Онъ какъ прирожденный, наслѣдственный, самодержавный Государь въ свою и народную, единую истинную столицу и пріялъ древнее наслѣдіе предковъ: Кремль съ его святыней, съ его историческими преданіями и завѣтами. Здѣсь Русскій Царь—въ сердцѣ истинной, *земской* Россіи; здѣсь Онъ у Себя; здѣсь только Онъ вполнѣ дома.

Свѣтелъ народъ. Всегда ликуетъ онъ, когда предстоитъ лицомъ къ лицу съ Тѣмъ, въ Комъ сосредоточивается и олицетворяется, въ его понятіяхъ, вся великая, необъятная народная совокупность и мощь,—весь подвигъ его историческаго бытія—прошлый, переживаемый и грядущій. Но на сей разъ ликованіе народа еще радостнѣй и торжественнѣй: какъ будто нужно было ему и особенно отрадно подтвердить именно нынѣ предъ всѣмъ свѣтомъ, что Царь и народъ—едино и единаго духа, что не рушилась эта старина, а лишь краше обновилась и процвѣла къ *новой* жизни.

Да благословится же этотъ вѣщій мигъ царственнаго общенія съ Русской землею! Да низойдетъ на нашего Государя бодрое наитіе историческаго, русскаго національнаго духа и да явитъ оно міру свободный, плодотворный, неразрывный, мудрый и мощный союзъ любви и воли Царевой съ любовью и истиною народной...

Нижеслѣдующая передовая статья была написана нами и набрана прежде, чѣмъ получено было радостное извѣстіе о пріѣздѣ Государя въ Москву. Мы оставляемъ ее безъ перемѣны, такъ какъ вся она—не болѣе, какъ развитіе и толкованіе вышеприведенныхъ привѣтственныхъ строкъ.

Опора Русскаго самодержавія—Земская Россія.

«Русь», 18-го іюля 1881 г.

Самое необходимое, можетъ-быть даже *единое на потребу* для Россіи въ настоящую минуту, это – реформа земскихъ учрежденій, это—образованіе *мѣстнаго*, уѣзднаго и областнаго управленія, чрезъ мѣстныхъ *земскихъ* людей, подъ контролемъ правительства и мѣстнаго населенія, — короче выразиться: организація *земства*, въ дѣйствительномъ и истинномъ значеніи этого слова. Къ сожалѣнію, ни высшая наша администрація, ни земскіе наши дѣятели все еще не достаточно убѣждены,—такъ намъ кажется,—въ существенной важности, въ *главенствѣ* этой задачи, въ неотложности ея разрѣшенія. А между тѣмъ для Россіи нѣтъ инаго выхода, нѣтъ инаго спасенія, какъ стать Россіей *земскою*, т. е. стать самой собою, стать, — не только насиліемъ событій, но сознательнымъ, общимъ произволеніемъ, — именно тѣмъ, чѣмъ быть указано ей самой природой, къ чему прямыми и обходными, дальними путями направляла ее исторія съ начальныхъ дней политическаго ея бытія. Мы съ 1-го же № нашей газеты поставили этотъ «вопросъ» или точнѣе—эту нашу точку зрѣнія, и съ тѣхъ поръ ужасный въ своемъ краснорѣчіи языкъ событій только утвердилъ насъ на ней, только подкрѣпилъ, какъ мы думаемъ, своими кровавыми аргументами вѣрность нашего взгляда. По крайней мѣрѣ серьезныхъ, заслуживающихъ вниманія возраженій мы ни отъ кого не слыхали и нигдѣ не прочли,—и наши противники ничего намъ не противопоставили, кромѣ дешеваго глумленія будто бы «либеральнаго», въ сущности безсодержательнаго свойства. Неужели однако уроки исторіи пропадутъ и на этотъ разъ даромъ и для общества и для власть имѣющихъ?

Россія — повторимъ и еще разъ — стала теперь на распутьѣ; предъ ней двѣ дороги: одна— за границу, другая— «домой». Первая есть продолженіе пути, на который она двинута Петромъ, дальнѣйшій логическій процессъ началъ, внесенныхъ имъ въ наше государственное бытіе. Признавъ начало, мудрено, повидимому, отрицаться его послѣдствій; естественный законъ тяготѣнія наклоняетъ насъ, повидимому, невольно и неудержимо въ сторону Западной Европы, т. е. къ слѣдованію за нею по ея историческимъ пятамъ, къ повторенію ея задовъ, къ болѣе совершенному воспроизведенію у насъ ея политическихъ и общественныхъ формъ, въ ихъ преемственномъ развитіи. Перенеся къ себѣ, напримѣръ, типъ западно-европейскаго государства XVII вѣка, напяливъ, съ грѣхомъ пополамъ, богатырскими усиліями на эту колодку нашу Россію, и именно съ тѣмъ, чтобъ сравняться съ Европой, — можемъ ли мы питать притязаніе остаться, среди Европы, при этой старомодной и изветшавшей колодкѣ, повсюду въ Европѣ заброшенной и замѣненной колодкою новою? Вступивъ въ XVII вѣкѣ на путь европеизма, можемъ ли мы не пройти, если не всегда фактически, то въ области общественнаго сознанія, чрезъ тѣ фазисы, чрезъ которые прошла Европа и въ XVIII, и въ XIX вѣкахъ? не пріобщиться самою *жизнію* къ практическимъ *результатамъ* ея внутренняго историческаго процесса? Заимствованный нами типъ полицейскаго государства изъ Западной Европы XVII вѣка замѣщенъ тамъ повсюду типомъ государства условно-договорнаго или конституціонно-монархическаго, а сей послѣдній готовится уступить мѣсто (а во Франціи уже уступилъ) типу республиканскому: впереди же, очевидно, предстоятъ новые соціальные перевороты, такъ что современныя политическія формы Запада уже не воплощаютъ послѣдняго слова его политической мысли. Такимъ образомъ естественное, логическое завершеніе Петровскаго переворота или Петровскаго періода заключается, повидимому, къ переходу отъ абсолютизма въ созданной Петромъ формѣ къ позднѣйшей, выработанной европейскою исторіею, формѣ правленія, т. е. къ конституціонной, съ перспективою новыхъ назрѣвающихъ, отчасти уже и назрѣвшихъ въ Европѣ видоизмѣненій.

Но это только *повидимому*. Путь этотъ *вполнѣ* естественъ и логиченъ для мысли абстрактной, отвлеченной отъ русской народной жизни; для созданной Петромъ *опричины*, въ которую обратилъ онъ все стоявшее *внѣ земщины* и соблазнительный доступъ въ которую, даже и для земщины, былъ открытъ имъ, по лѣстницѣ чиновъ, государственною службою. Онъ вполнѣ естественъ и логиченъ не только для чиновниковъ—этого Петровскаго порожденія — но и для всей сотворенной имъ казенной *общественной* среды, ибо Петръ взялъ въ казну и цивилизацію, и культуру, и просвѣщеніе, и всякую дѣятельность мысли и духа, и все подчинилъ европейскому просвѣтительному началу, все направилъ въ одну сторону, противоположную, по духу, сторонѣ *родной* и народной,—къ Европейскому Западу. Онъ «прорубилъ въ Европу окно», называемое до сихъ поръ Петербургомъ, и чуть ли не двѣсти лѣтъ съ тѣхъ поръ часть Россіи (правящая, верховодящая, ея административный и «культурный слой», и почти вся такъ-называемая «интеллигенція») продолжаетъ глядѣть въ это пресловутое окно преимущественно на Европу,—*спиною* къ остальной Россіи и ко всему Русскому народу. Впрочемъ, какъ бы ни стоять, окно поставлено на такомъ крайнемъ краю Россіи, что отъ него внутрь ничего почти и не видно. Понятно, поэтому, что всѣ тѣ, которые въ наши дни еще не освободились въ своемъ сознаніи отъ нравственнаго плѣна, куда увелъ могучій Петръ и мысль, и духъ всей сложившейся поверхъ народа общественной среды, — которые и до сихъ поръ послушны направленію, утвердившемуся въ Россіи въ силѣ и власти со временъ Петровской реформы, и пребываютъ до сихъ поръ въ отчужденіи отъ народа и народности, въ душевномъ подобострастіи предъ западно-европейскими политическими и духовными идеалами,—понятно, повторяемъ, что всѣ они тянутъ къ единственному *логическому* для нихъ исходу. Съ ихъ точки зрѣнія, вся бѣда современной русской эпохи именно въ томъ, что мы остановились на полудорогѣ, въ положеніи полуевропейцевъ и не рѣшаемся просто, прямо, безъ обиняковъ, откинувъ всякое національное жеманство, послѣдовать путемъ европеизма *до конца*, подчиниться безпрекословно законамъ европейскаго развитія и стать Европейцами въ смыслѣ западномъ *вполнѣ и всесовершенно*. Другими словами: спасеніе Россіи для нихъ — въ усвоеніи себѣ «однородныхъ съ Европою политическихъ учрежденій»,—или «конституціи». Вотъ готовая формула тѣхъ вожделѣній, чаяній, аспирацій, влеченій, думъ, томящихъ нѣкоторую (и не малую) долю русскаго такъ-называемаго «образованнаго» общества; вотъ ея лозунгъ. Можно, пожалуй, упрекнуть ее въ недостаткѣ умственной оригинальности, но она за нею и не гонится: наши читатели знаютъ, до какой степени ей претитъ и слово, и понятіе: «самобытность»; она не вмѣщаетъ его ни умомъ, ни душою. Но при всемъ томъ, ея силлогизмъ вѣренъ: Петровскій, перенесенный изъ Запада и переложенный на русскіе нравы абсолютизмъ (который вовсе не одно и то же съ самодержавіемъ по *древнимъ* русскимъ понятіямъ) очевидно уже отжилъ свой вѣкъ и оказывается несостоятельнымъ, стало быть—надлежитъ перенести съ Запада ту самую политическую форму, въ которую разрѣшился на Западѣ же заимствованный у него абсолютизмъ. И надобно сказать правду, тяготѣніе въ этомъ направленіи существуетъ сильное, и съ точки зрѣнія всякаго посторонняго наблюдателя, имѣющаго дѣло только съ выдающеюся частью русскаго *общества*,—повидимому неодолимое.

Но есть тяготѣніе посильнѣе, не *повидимому*, а во истину неодолимое, и въ сторону совершенно противоположную. И наблюдатель, да и само общество проглядываютъ бездѣлицу: только 80% русскаго населенія! только то, что̀ и въ буквальномъ, и въ переносномъ смыслѣ именно и есть «Русская Земля», — то, что̀ собственно и зовется «Русскій народъ»!! Онъ, — наперекоръ самозванной «русской интеллигенціи», его болѣе или менѣе отрицающей,—смѣетъ имѣть свою нравственную и духовную *личность* въ семьѣ народовъ вселенной,—свою національную *самобытность* среди политическихъ націй міра, занимать свое особливое, индивидуальное мѣсто и въ исторіи, и въ соціологіи, и въ психологіи народовъ. Онъ не пошелъ за Петромъ въ его отважное странствіе по чужбинѣ; ни казнями, ни соблазнами не далъ себя увлечь на тотъ путь духовнаго самоотрицанія, отступничества, экспериментовъ и превращеній, на который двинулъ Преобразователь государство и общество. Онъ остался, пребываетъ и теперь хранилищемъ историческаго преданія, всей самородной руды, всего сокровища національнаго духа. Въ немъ тотъ спасительный центръ тяжести, который послужилъ нашему государству устоемъ, который не попустилъ его, подобно кораблю безъ груза, носиться изъ стороны въ сторону, по зыбямъ отвлеченной человѣческой мысли, метаться по прихоти вѣтровъ—противорѣчивыхъ, вѣчно мѣняющихся доктринъ и теорій. Что́ сталось бы съ Россіей, еслибъ не спасла ее эта, такъ-называемая *косность* нашего народа,—эта его недовѣрчивость къ «среднему культурному Русскому человѣку», на которую, со словъ г. Щедрина, такъ жалуются наши петербургскіе опричники, они же и «либералы» западноевропейскаго направленія?! Отъ «культурнаго человѣка» самого, скажемъ кстати, зависитъ теперь устранить подозрѣніе и возвратить къ себѣ довѣріе, но для этого нужно стать съ народомъ одного духа, не презирать народа въ своей культурной надменности, спѣсиво утверждая, будто единеніе съ народомъ возможно для культурнаго человѣка только при условіи: заразиться народной *проказой* и язвами! Мы же думаемъ, что если кто зараженъ проказой и язвами, такъ именно самъ г. культуртрегеръ: ему и предстоитъ очиститься отъ нихъ предварительно, для того, чтобы вполнѣ оздоровѣвъ умомъ и душою, войти въ единеніе съ народомъ и содѣйствовать благотворно его просвѣщенію.

Но недовѣріе народа къ верхнимъ своимъ, правящимъ, руководящимъ, такъ или иначе командующимъ классамъ, заподозрѣннымъ имъ, болѣе или менѣе основательно, въ отступничествѣ, не помѣшало ему сохранить упорную *вѣру* въ свои историческіе, національные, бытовые, земскіе и государственные идеалы. И не только вѣру, но и неколебимую вѣрность тому принципу личной, полноправной монархической власти, въ которомъ народъ признавалъ основное, существенное условіе своего политическаго бытія, который онъ умѣлъ распознавать подъ всякою заморскою личиной, не смущаясь никакими переряживаніями и маскарадами, которыми такъ щеголяло наше государство, особенно въ XVIII вѣкѣ, да даже и въ первой половинѣ XIX-го. Подъ оболочкой Петровскаго, чуждаго національному духу абсолютизма, народъ не переставалъ видѣть и чтить древнее единодержавіе, твердо уповая, что время недоразумѣній—этого испытанія, этого насланія Божія—минетъ, что живъ его древній, его прежній, такъ-сказать земскій царь, и неразрывно жива его связь съ своей землей и съ своимъ народомъ. И не напрасно было его упованіе: въ минуты общей опасности, въ великія мгновенія (къ несчастію, только *мгновенія*) нашей исторіи, подъ наитіемъ историческаго, высоко возбужденнаго національнаго духа, это единство государя съ народомъ проявлялось *воочію*, въ мощи несокрушимой и творческой, несмотря на всѣ помѣхи отъ бюрократическихъ, бытовыхъ и «культурныхъ» средостѣній. Въ этой упорной вѣрѣ народной, въ этомъ несокрушимомъ сознаніи связи Земли съ Царемъ и заключается до сихъ поръ вся крѣпость, вся надежда Россіи, весь залогъ нашего будущаго оздоровленія, возстановленія нашей внутренней всенародной цѣльности, съ устраненіемъ внѣшнихъ и внутреннихъ преградъ,—нашего дальнѣйшаго, правильнаго, наконецъ, и плодотворнаго развитія.

Ибо никакое правильное развитіе невозможно при томъ отсутствіи внутренней цѣльности, которымъ болѣетъ до сихъ поръ Россія въ своей исторической *ежедневности*, при настоящихъ, уже почти два вѣка существующихъ, нормальныхъ аномаліяхъ своего государственнаго и общественнаго строя. Какъ мы уже сказали, Россію дергаютъ, тянутъ въ разныя стороны два тяготѣнія: одно за границу, въ Западную Европу, другое—*домой*. Послѣднее тяготѣніе, народное, конечно могущественнѣе: оно-то именно и является силою, сдерживающею государство отъ разрыва съ національной своей основой. Первое тяготѣніе, сравнительно, гораздо слабѣе, однакожъ настолько сильно, что парализуетъ общую жизнь организма, разстраиваетъ правильность его отправленій. Ни народъ безъ того слоя, который призванъ служить ему органомъ самосознанія, ни этотъ слой самъ по себѣ, внѣ народа, и тѣмъ менѣе въ отчужденности отъ народа, — не могутъ творить ничего. А вѣдь именно творчества, свободнаго, дѣятельнаго *творчества жизни* и недостаетъ нашей землѣ. Такое взаимное соотношеніе обоихъ факторовъ можетъ наконецъ привести къ общему разстройству. Народъ, безъ сомнѣнія, представляется у насъ силою *положительною*, но осужденною на бездѣйствіе; косность, за которую его такъ легкомысленно обвиняютъ, служитъ ему, конечно, при настоящихъ условіяхъ, нѣкоторымъ орудіемъ спасенія,—однакожъ есть предѣлы времени, за которыми она ведетъ къ разложенію самаго организма. Верхній, такъ-называемый просвѣщенный слой народный, къ которому причисляется и сама администрація, въ свою очередь представляетъ изъ себя силу дѣйствующую, но *отрицательную*, большею частью антинаціональную по своему духу, а потому не животворную; напротивъ, если не всегда мертвенную и мертвящую, то такъ или иначе искажающую ходъ самой жизни. Обѣ стороны какъ бы говорятъ другъ съ другомъ на непонятномъ языкѣ, пребывая во взаимномъ недоразумѣніи и недовѣріи, изъ котораго народъ выдѣляетъ только одно лицо — историческій образъ царя, воплощающаго для него идею государства,—царя, которому (а съ нимъ и всему государству), по мнѣнію народному, только обстоятельства, только одни внѣшнія средостѣнія препятствуютъ—стать едино съ землею.

И дѣло именно въ этихъ обстоятельствахъ и внѣшнихъ средостѣніяхъ, изъ которыхъ не всѣ произвольнаго, но бóльшая часть—историческаго свойства. Устраненіе ихъ не могло и не можетъ совершиться иначе, какъ ходомъ внутренняго историческаго развитія. И несмотря на все стѣсненіе отправленій, на всю неправильность кровообращенія въ цѣломъ организмѣ, историческій ростъ и формація его не пріостанавливались, хотя, именно вслѣдствіе этой неправильности, происходили медленно, туго, долгимъ болѣзненнымъ процессомъ, не достигая своей надлежащей полноты. Самый Петербургскій періодъ былъ однимъ изъ этихъ процессовъ, которымъ Россія добыла себѣ орудія для исполненія своего всеміpно-историческаго призванія и стала участницей въ историческомъ достояніи общечеловѣческаго духа: вся задача ея теперь въ томъ, чтобъ въ поискахъ за общечеловѣческимъ не утратить своей народной личности, своей индивидуальной, духовной самостоятельности,—и минута для окончательнаго рѣшенія этой задачи. т. е. собственно для закрѣпленія за жизнью народною правъ нашей національной личности—въ *сознаніи* руководящихъ классовъ народа, эта роковая минута именно теперь наступила. Затѣмъ, какъ мы уже не разъ объясняли, тотъ типъ земскаго государства, котораго только неполный очеркъ былъ данъ до-Петровскою Русью и который, въ періодъ послѣ-Петровскій, былъ, казалось, совершенно вытѣсненъ изъ сознанія правительственнаго или образованнаго, культурнаго слоя, и жилъ только въ инстинктѣ народномъ,—этотъ идеальный типъ, для возможнаго своего воплощенія, потребовалъ именно довершенія той формаціи, результатомъ которой явилось *организованное крестьянское населеніе*. Да, 19-мъ февраля 1861 г. началась новая историческая эра, полагающая, по нашимъ понятіямъ, совершенный конецъ Петербургскому періоду нашей исторіи и придающая ему значеніе длиннаго *обходнаго* пути, возвращающаго насъ теперь на нашу историческую почву. Но въ томъ-то и горе, что ни правительство, ни даже общество не сознаютъ всего значенія совершившагося переворота. Теперь только, съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, уничтожалась, если не de jure, то de facto, та искусственная, Екатерининская, дворянская, цементомъ душевладѣльчества связанная *корпорація*, которою обособлялся отъ народа самый просвѣщенный его классъ. Теперь только стало возможно земство, т. е. союзъ сельской земщины съ просвѣщенными, земскими же силами, въ гармоническомъ сочетаніи двухъ началъ: общиннаго и личнаго, и обоихъ вмѣстѣ — какъ *земства*—съ началомъ *государственнымъ*.

Всѣ матеріалы, всѣ составныя стихіи и орудія новаго строя уже даны теперь исторіей, и дѣло тормозится только потому, что ни правительственное, ни общественное сознаніе (кромѣ развѣ нѣкоторыхъ лицъ) не стоитъ еще вполнѣ въ уровень съ настоящими событіями, не освободилось еще отъ воззрѣній Петровскаго періода. Но медлить нельзя. Время нудитъ. Судьба нашего будущаго не за горами. Мы стоимъ на ея порогѣ, — и отъ нашего выбора, нашего рѣшенія зависитъ и наша участь. Оставаться Россіи въ настоящемъ положеніи, между двумя тяготѣніями, изъ которыхъ каждое тянетъ и дергаетъ ее въ свою сторону,—долѣе невозможно, такъ же какъ невозможно и продолженіе прежнихъ порядковъ Петербургскаго періода съ его бюрократіей и казенщиной, въ виду ихъ полнѣйшаго банкротства, т. е. полнѣйшей несостоятельности всѣхъ существовавшихъ доселѣ орудій администраціи, — и въ виду совершенно измѣнившихся соціальныхъ условій жизни. Вопросъ становится рѣзко и прямо, и настойчиво требуетъ отвѣта: или продолжать насильственно и противоестественно Петербургскій періодъ, который, если не признать его законченнымъ, логически приводитъ на Западъ, туда, къ западнымъ политическимъ формамъ, или же возвратиться домой, къ историческому, коренному, національному *земскому строю*. Но такъ какъ уйти «на Западъ» съ народомъ невозможно,— онъ туда не пойдетъ,—то уступить тяготѣнію ненародной, хотя качественно и не маловажной части общества, значило бы внести въ русскую жизнь такую фальшь, такую ложь, которыя привели бы Россію на край гибели: однимъ словомъ, это равнялось бы самоубійству. Выходъ одинъ: признать Петербургскій періодъ законченнымъ, и обогатясь его добромъ, отбросивъ все, что̀ далъ онъ злаго и лживаго, оправдавъ такимъ образомъ дѣло Петрово,—возвратиться къ такому строю, при которомъ единственно возможенъ искренній, безъ недоразумѣній, союзъ между верховною властью и народомъ, между Государствомъ и Землею. Необходимо, чтобы оправдалась вполнѣ упорная вѣра народа, чтобы русское самодержавіе, откинувъ чуждыя ему оболочки нерусскаго абсолютизма, стало самодержавіемъ истинно-національнымъ, опирающимся не на однѣ массы народныя, но на всю земскую, цѣлокупную Россію.

Только такая земская Россія возвратитъ плодотворную, дѣйствительную, а не мнимую силу верховной власти, а всей русской жизни—цѣльность и творчество. Пора наконецъ сознать, что у правительства нѣтъ,—кромѣ чиновничества, въ которое оно извѣрилось и которое само въ себя не вѣритъ,— никакого другаго орудія, кромѣ земства: прежней общественной опоры, которою служила ему дворянская корпорація, стоявшая между властью и закрѣпощеннымъ народомъ, теперь уже не существуетъ, и дворяне, понявъ свое высокое историческое призваніе, сами ушли въ земство и стали его неотъемлемою частью. Казалось бы, что всѣ правительственныя заботы и усилія должны бы теперь сосредоточиться на одномъ: на созданіи и организаціи земства и земскаго самоуправленія, какъ необходимаго своего органа и орудія. Точка зрѣнія ревнивой и подозрительной власти, вынужденно уступившей какія-либо права и старающейся затѣмъ стѣснить пользованіе ими, можетъ быть вполнѣ свойственна только тѣмъ иностраннымъ правительствамъ, которыхъ власть не имѣетъ корней въ самомъ бытіи народномъ; но русское самодержавіе, которое съ народомъ едино, уже по самой русской природѣ своей должно быть чуждо такого воззрѣнія, особенно тамъ, гдѣ, какъ въ земствѣ, основа всему, «тяга земли»—самъ Русскій народъ. Нельзя, конечно, отрицать, что бюрократизмъ или вообще иностранное вліяніе усиливалось навязать и нашей администраціи оптику совершенно отличную отъ той, которою руководилась до-Петровская Россія. Такъ, напримѣръ, теперь коллективная просьба считается чуть не бунтомъ, чуть не «скопомъ и заговоромъ», тогда какъ при Московскихъ царяхъ, напротивъ, во всякомъ дѣлѣ, которое касалось не одного лица, а многихъ или возбуждало общій вопросъ, требовалось именно, чтобъ люди предварительно сошлись, потолковали между собою, сговорились и потомъ уже подавали челобитную сообща. Непосредственная жалоба царю отъ жителей какой-нибудь мѣстности на царскаго воеводу вовсе не вмѣнялась имъ въ вину и преступленіе, не считалась инсубординаціей или посягательствомъ на аттрибуты власти, попыткою поколебать «престижъ» правительства, какъ непремѣнно бы посудили современные бюрократы. Примѣровъ такого различія точекъ зрѣнія можно было бы указать множество, но и приведенныхъ довольно.

Если и нравственный долгъ, и самый интересъ правительства побуждаетъ его—съ полною искренностью и любовью отнестись къ организаціи русскаго земства на самыхъ широкихъ, народныхъ основаніяхъ, то тѣмъ болѣе, казалось бы, такого рода организація должна была бы заботить нашихъ «земцевъ» или существующія у насъ земскія учрежденія. Но, какъ мы уже сказали, наши земскія учрежденія отнеслись, въ большинствѣ, къ вопросу о реорганизаціи уѣзднаго управленія не съ тѣмъ вниманіемъ, какого этотъ вопросъ заслуживаетъ. Они какъ бы не поняли всего значенія предложенной имъ задачи. Они какъ бы не догадываются, что «земскія учрежденія» въ настоящемъ ихъ видѣ—еще вовсе не *земство*. И не потому они еще не земство, что земскія собранія разныхъ губерній лишены права сноситься между собою, или что еще не созываютъ губернскихъ гласныхъ, по стольку-то отъ губерніи, въ Петербургъ. Всѣ эти и другія, имъ подобныя ограниченія, конечно, только временныя и вѣроятно падутъ сами собою, какъ скоро земскія учрежденія станутъ дѣйствительно *земствомъ*. А для того, чтобы стать истинно земствомъ, необходимо земскимъ учрежденіямъ пустить глубокіе корни въ мѣстную жизнь и въ сознаніе народное, тѣсно связаться съ мѣстнымъ населеніемъ, быть по истинѣ, а не по формѣ выразителемъ народной мысли,—народнымъ мѣстнымъ представительствомъ въ полной правдѣ этого слова. Но какъ же всѣмъ этимъ стать и быть, если не разрѣшить задачи *именно объ устройствѣ уѣзда*, о связи земскихъ учрежденій съ крестьянскимъ самоуправленіемъ, о созданіи живыхъ звеньевъ между народомъ и просвѣщеннымъ мѣстнымъ слоемъ,—объ установленіи той общности, солидарности, однимъ словомъ той цѣльности, которой теперь *не существуетъ* и безъ которой истинное земство немыслимо? Можетъ ли теперь мѣстная земская «интеллигенція» сказать, что она *заодно съ народомъ*? Конечно нѣтъ,—а такое условіе необходимо. Если судить по отзывамъ петербургскихъ газетъ объ «уѣздной кутузкѣ»,—нѣкоторымъ интеллигентамъ именно нежелательно испытывать на себѣ *тяготѣнія* нашего крестьянства и его воззрѣній. Въ какой степени такого рода нежеланіе «либерально» и «демократично»—предоставляемъ судить самимъ читателямъ. Мы же, съ своей стороны, только въ такомъ тяготѣніи видимъ настоящую гарантію противъ увлеченій нашей «интеллигенціи». Во всякомъ случаѣ нельзя не признать страннымъ, что въ то самое время, когда «либеральная» печать такъ сѣтуетъ о простомъ народѣ, терзаемомъ старшинами, писарями, полиціей, кулаками, Разуваевами и Колупаевыми, наши «либеральныя» земства-то и уклоняются отъ разрѣшенія задачи: какъ бы избавить народъ отъ подобныхъ терзаній,—уклоняются, слѣдовательно, отъ самаго удобнаго случая оказать благо народу и связать его нравственными узами съ мѣстной интеллигенціей! Фактъ въ высшей степени диковинный и прискорбный, свидѣтельствующій, что наше общественное сознаніе не только не впереди, а позади потребностей настоящей исторической минуты...

Только учрежденіемъ искренней, тѣсной связи мѣстнаго населенія уѣзда съ мѣстными земскими просвѣщенными силами, только реорганизаціей уѣзднаго управленія и самихъ земскихъ учрежденій, можетъ быть создано истинное *земство*, безъ котораго отнынѣ немыслимъ нашъ государственный строй. Только на *земскую Россію* можетъ опереться русская полноправная верховная власть, только въ этомъ союзѣ земли и государства наше спасеніе и залогъ нашего самобытнаго правильнаго развитія. Къ установленію этого-то союза, къ организаціи истиннаго цѣльнаго земства и должны, по нашему крайнему разумѣнію, быть направлены, съ полною искренностью, чистосердечіемъ и любовью, всѣ заботы и усилія какъ правительства, такъ и общества.

О настоящемъ значеніи нашихъ древнихъ земскихъ соборовъ.

«Русь», 22-го мая 1882 г.

Нельзя не поразиться подчасъ, до какой степени еще слабо въ нашемъ обществѣ разумѣніе родной исторіи, ея внутренняго смысла и духа. Сплошь да рядомъ читаешь въ печати самыя неправильныя сужденія даже о такихъ событіяхъ «древней Россіи», которыхъ древность уходитъ въ глубь не далѣе двухъ вѣковъ. Реформа Петра словно отшибла у насъ не только память, но и пониманіе сравнительно недавняго русскаго прошлаго. Казалось, пора бы ужъ и излѣчиться отъ этого недуга, но, къ сожалѣнію, еще на дняхъ намъ пришлось встрѣтить — и не въ писаніяхъ нашей мнимо-«либеральной» прессы (чтò было бы нисколько не удивительно), а въ статьяхъ повидимому противоположнаго направленія, самое невѣрное освѣщеніе одного изъ замѣчательныхъ государственныхъ обычаевъ XVI и XVII вѣка. По поводу его мы и хотимъ сказать нѣсколько словъ. Мы вовсе не намѣрены касаться вопроса о благовременности или неумѣстности возобновленія этого обычая, о примѣнимости или непримѣнимости его къ настоящей порѣ. Мы не станемъ сходить съ точки зрѣнія строго-исторической; мы желаемъ лишь, въ мнѣніи русскихъ читателей, оправдать то историческое русское начало, котораго «земскіе соборы» въ до-Петровской Руси (такъ превратно истолковываемые нѣкоторыми съ точки зрѣнія французской революціи (1789 г.) были только однимъ изъ самыхъ выдающихся проявленій. Прискорбно было бы, еслибъ въ нашемъ обществѣ укоренилось ошибочное о нихъ мнѣніе,—а нѣтъ грубѣе ошибки, какъ смѣшивать понятіе объ этой древней формѣ совѣта Русскаго царя съ землею—съ понятіемъ о западно европейскихъ конституціонныхъ собраніяхъ. Правда, ни у г. Варѳоломея Кочнева (автора очень интересной книги «Противъ теченія»), ни у его единомышленниковъ вы нигдѣ не найдете прямаго утвержденія, что эти понятія безусловно тождественны, однакоже нигдѣ не найдете и указанія на ихъ существенное, рѣзкое между собою различіе. А при отсутствіи такого указанія, не трудно—помощью разныхъ намековъ и аллюзій еще болѣе усилить въ нашемъ обществѣ сбивчивость представленій объ этой, по мнѣнію К. С. Аксакова, вѣкожизненной, хотя повидимому и обмершей нашей старинѣ. Такъ, насъ хотятъ увѣрить, будто «земскимъ соборомъ» лишь благовидности ради называется (конечно только теперь) именно то, въ чемъ несомнѣнно увидѣла бы свое торжество *крамола*... Въ доказательство приводится тотъ извѣстный фактъ, что когда государственнаго преступника Нечаева, по произнесеніи надъ нимъ приговора, выводили жандармы изъ залы судебнаго засѣданія, онъ неистово кричалъ: «земскій соборъ! земскій соборъ!» Того же, будто бы, требовалъ и Желябовъ... Найдутся, пожалуй, люди настолько невѣжественные, что имъ этотъ аргументъ покажется убѣдительнымъ и преисполнитъ ихъ спасительнаго страха при одномъ звукѣ словъ: «земскій соборъ». Но вѣдь такой аргументъ ровно ничего не доказываетъ. Развѣ Пугачевъ не провозглашалъ въ своихъ «манифестахъ»—освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ и надѣленія ихъ землею? Стала ли, послѣ того, самая мысль объ освобожденіи крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ тождественною съ идеей пугачевщины или крамолы? Нѣтъ такихъ истинъ, даже самаго высшаго значенія, которыхъ именемъ всуе и лживо не величались бы самыя враждебныя имъ доктрины. Достаточно вспомнить инквизицію, или хоть орденъ іезуитовъ,—но развѣ ими *скомпрометтировано* христіанство? Если Нечаевъ и Желябовъ «требовали» земскаго собора, такъ это доказываетъ только одно, что они слышали звонъ, да не знали откуда, что они не прочли никогда ни одного соборнаго акта и не имѣли о соборѣ никакого понятія. Это только служитъ свидѣтельствомъ—на какомъ, вообще, колоссальномъ умственномъ сумбурѣ зиждется наша такъ-называемая «крамола». Подростающія теперь поколѣнія—мы въ томъ увѣрены — современемъ сгорятъ со стыда за своихъ несчастныхъ предшественниковъ при одномъ воспоминаніи о той ужасающей пучинѣ легкомыслія, невѣдѣнія своего народа и своей исторіи, и проистекающей отъ такого невѣжества умственной ограниченности, которая раскрывается въ ихъ кровавыхъ злодѣяніяхъ,—которой въ жертву они съ такимъ чудовищнымъ фанатизмомъ губили жизнь чужую, да и свою! Стóитъ только привести себѣ на память, какъ всѣ эти «крамольники»,— обвѣшавшись иностранными, самыми чтò ни на есть непонятными народу, понадерганными изъ разныхъ доктринъ, шутовскими кличками: «соціало-демократовъ», «соціало-революціонеровъ», или «федералистовъ», или же «делегатовъ террористической фракціи», да припутавъ тутъ же, безъ толку, русскіе историческіе термины: «земля, земщина, земскій соборъ»,— отправлялись съ проповѣдью анархіи въ народъ (который тутъ же ихъ вязалъ и представлялъ начальству); стóитъ только все это припомнить, чтобъ придти къ заключенію, какъ безсодержательна, какъ ничтожна эта «крамола»— *въ смыслѣ политическаго ученія, программы или даже хоть лозунга!* Въ ней серьезнаго и существеннаго только динамитъ, револьверъ и ядъ; въ этомъ весь ея высшій разумъ, логика и значеніе: только съ этимъ высшимъ развратомъ, готовымъ на всякое злодѣйство, и слѣдуетъ считаться—посредствомъ дѣятельной полиціи,—а не съ ихъ словами, рѣчами и мнѣніями. Но невъ этомъ собственно дѣло. Нечаевыхъ и Желябовыхъ можно такъ или иначе лишить возможности наносить вредъ; но гораздо труднѣе обезвредить самыя тѣ многочисленныя, многообразныя условія, при которыхъ зараждаются у насъ Нечаевы и Желябовы, всю ту фальшь, которой они только видимое исчадіе, но которая, какъ ржавчина, гложетъ издавна все наше общестбенное бытіе. Эта фальшь состоитъ, главнымъ образомъ, въ томъ противоестественномъ, противународномъ развитіи, которымъ идетъ и движется Россія вотъ уже безъ малаго два вѣка. Свободное кровообращеніе нашего общественнаго организма затруднено. Чуть-чуть питаясь здоровыми соками народной исторической почвы, онъ поневолѣ духовно-тощъ и преизобилуетъ худосочіемъ, которое и обнаруживается подчасъ вередами въ родѣ «крамолы». И чѣмъ зараженнѣе худосочіемъ извѣстная общественная среда, тѣмъ болѣе претитъ ей историческій принципъ земскаго собора, тѣмъ усиленнѣе стремится она мыслью къ тому, что̀ земскому собору совсѣмъ противоположно.

Что̀ такое былъ земскій соборъ въ до-Петровской Руси? Это былъ прежде всего *свободный актъ самодержавной власти*, ея *прерогатива*, естественно вытекавшая изъ самаго существа царскаго единовластія. Русскій царь не «первый аристократъ изъ аристократовъ», какъ въ Англіи; не «первый дворянинъ», какъ называли себя во время о̀но французскіе короли (le premier gentilhomme du pays), а первый человѣкъ Русской земли, облеченный, на благо земли, верховною государственною властью. Съ нимъ не связывается никакого сословнаго понятія; онъ представитель всеобщности земской и государственной. Его интересы — интересы всего народа, и чѣмъ сильнѣе его власть, тѣмъ болѣе представляетъ она гарантій народнымъ массамъ—бѣднымъ, сирымъ, беззащитнымъ — отъ преобладанія богатыхъ, знатныхъ, надѣленныхъ всяческими преимуществами (въ томъ числѣ и «высшей культуры»), ближе стоящихъ къ престолу, общественныхъ классовъ. Тѣмъ болѣе гарантій и для правильнаго, безпристрастнаго рѣшенія всякихъ споровъ, всякаго столкновенія противоположныхъ другъ другу, сословныхъ и иныхъ эгоистическихъ интересовъ. Царь, по понятіямъ народнымъ, для того и долженъ быть полновластенъ, чтобы не подпасть подъ власть сильныхъ міра, чтобы полагать преграду ихъ поползновеніямъ къ господству и не давать имъ въ обиду народъ, чуждый всякаго политическаго властолюбія. Но между царемъ и землей, въ до-Петровской Руси, стояли стѣной сословія слугъ государевыхъ,—весь снарядъ и орудія государственнаго правленія; не всегда мнѣніе земли доходило непосредственно до царя, равно какъ не всегда и воля царя передавалась непосредственно народному вѣдѣнію. Случалась иногда и такая для царя необходимость: противопоставить частнымъ, боярскимъ затѣямъ и ихъ властолюбивой похоти нравственную силу мнѣнія всей земли. Признавалась, временами, самою властью потребность: отнять у иной государственной мѣры характеръ личнаго произвола и утвердить ее на всеобщемъ сознаніи и согласіи, на всеземской готовности нести за нее, сообща съ царемъ, и нравственную отвѣтственность... Вотъ въ этихъ видахъ и созывались царями земскіе соборы. Первый земскій соборъ былъ созванъ первымъ Русскимъ царемъ—Иваномъ Грознымъ, менѣе всего, кажется, расположеннымъ ограничивать свою верховную власть, постоянно вездѣ и всюду подозрѣвавшимъ и преслѣдовавшимъ—*крамолу*... Да и ни одному изъ нашихъ царей до XVIII в. не могло бы даже и на мысль взойти, будто земскимъ соборомъ умаляется достоинство и полнота державной власти, или будто въ этомъ заключается нѣчто такое, за чтó имъ черезъ два вѣка готовы были бы потомки пожаловать титулъ если не «крамольниковъ», то «либераловъ»! Они бы только широко раскрыли глаза и самымъ бы простодушнымъ образомъ спросили: «да какъ же править иначе? Какъ же, радѣя, примѣрно сказать, объ устроеніи, о благѣ того или другаго разряда людей, не разспросить толкомъ именно тѣхъ, до кого такое радѣтельство относится? Развѣ отъ совѣта—власти убудетъ? Власти не убудетъ, а свѣта и правды прибудетъ,—а прибудетъ свѣта и правды, такъ то и царю въ честь, въ славу и въ вящую крѣпость». Вотъ чтó сказали бы наши, простые смысломъ, цари; вотъ какова была ихъ точка зрѣнія на свои отношенія къ землѣ и народу,—точка зрѣнія отмѣненная Петромъ I и замѣненная имъ точкою зрѣнія нѣмецкаго абсолютизма или полицейскаго, всеобъемлющаго государственнаго механизма.

Итакъ, соборы до-Петровской Руси не только не ограничивали, но усиливали и возвеличивали царскую власть. Земскій соборъ, послѣ окончательнаго сокрушенія всего государственнаго строя въ эпоху Междуцарствія, избралъ на престолъ домъ Романовыхъ, возстановилъ, оградилъ и соблюлъ самодержавіе наперекоръ боярамъ, успѣвшимъ уже было сорвать съ юнаго Михаила конституціонную запись въ свою пользу. Земскимъ соборомъ «утвердилъ и на мѣрѣ поставилъ» царь Алексѣй Михайловичъ свое знаменитое Уложеніе, свитокъ котораго, скрѣпленный 600-ми подписей всякихъ людей Русскаго государства, сохраняется въ Москвѣ и доселѣ. На земскомъ соборѣ, опираясь на челобитную (петицію), поданную выборными людьми, противосталъ царь Алексѣй Михайловичъ властолюбивымъ притязаніямъ духовенства и возобновилъ, столь нежеланный послѣднему, Монастырскій Приказъ. На земскомъ же соборѣ рѣшалъ первый царь-избранникъ изъ дома Романовыхъ вопросъ: рисковать или не рисковать, чрезъ удержаніе Азова, войною съ Турками. И рѣшилъ не такъ, какъ хотѣли и бояре и большинство дворянъ, а отрицательно, т. е. согласно съ мнѣніемъ «маломощныхъ и темныхъ людишекъ», которые выяснили предъ царемъ бѣдное положеніе свое и страны, и чистосердечно заявили (да еще письменно), что-де «хуже намъ, Государь, самихъ Турокъ московская волокита» и хищенія «твоихъ государевыхъ бояръ и дьяковъ», которые, стоя у твоихъ государевыхъ дѣлъ, понастроили себѣ дворцы и накупили села... Наконецъ помощью собора поборолъ и сломилъ на вѣки царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ страшнаго, могучаго врага, съ которымъ тщетно боролись его предшественники — мѣстничество. Этотъ же царь—послѣдній изъ «Московскихъ»,—созвалъ многочисленный земскій соборъ для разрѣшенія важнаго внутренняго вопроса: объ уравненіи службъ и повинностей по всей Русской землѣ,—для чего, между прочимъ, приглашены были по двое отъ каждаго посада. Къ сожалѣнію—только-что собрались выборные, какъ умеръ царь, и соборъ,—этотъ послѣдній соборъ—былъ распущенъ (ровно 200 лѣтъ тому назадъ) въ 1682 году, уже отъ имени малолѣтняго Петра... «Преобразователь», подросши, предпочелъ совѣту и разуму земскому—измышленія канцеляріи. Уравненія службъ и повинностей, предполагавшагося въ 1682 г., не послѣдовало, а вмѣсто него послѣдовало, при Петрѣ, назначеніе: *ландсгевдинговъ*, *ландректмейстеровъ*, *ландкоммиссаровъ*, *оберъ-ландсрихтеровъ*, *кирхшпильфохтовъ* и тому подобныхъ *земскихъ* русскихъ чиновъ. Самой же землѣ повелѣно было молчанье, и онѣмѣла земля. Замеръ въ ней творческій духъ жизни. Настало господство полицейско-канцелярскаго «режима», а для того, чтобъ такому господству поменьше встрѣчать отъ земли помѣхи, и для вящаго удобства канцелярскаго муштрованія и мудрованія надъ Россіей, новопреобразованное правительство даже совсѣмъ ушло изъ Россіи и перенесло центръ власти на новую, только-что завоеванную, нерусскую окраину государства. Конечно, отъ такой неестественной перестановки центра въ государственномъ организмѣ не могла не нарушиться правильность его отправленій. Живыя отношенія власти къ странѣ замѣстились, по необходимости, отношеніями бюрократическими. Народъ и управленіе разучились не только обмѣниваться мыслями, даже понимать другъ друга. Воздвиглись тяжкія, крупныя, прискорбныя недоразумѣнія, миражи, призраки; марево смѣнялось маревомъ... Но народъ, ошеломленный, оттѣсненный, запуганный, пребылъ вѣренъ своему историческому земскому идеалу государственной власти и умѣлъ распознавать и чтить ее безпредѣльно даже и тогда, когда канцелярія, въ порывѣ культурнаго увлеченія, писала Русскаго самодержца—шефомъ или «начальникомъ столь благородной націи»...

И не посрамится его вѣра,—въ томъ нѣтъ сомнѣнія. Еще въ первомъ № «Руси» 1880 г. мы напоминали читателямъ тѣ слова, которыя въ 1863 г. имѣлъ утѣшеніе народъ молвить своему Государю, что «въ новизнахъ Твоего царствованія намъ старина наша слышится». Правда, много затѣмъ пошло и такой новизны, въ которой уже никакой «старины» не слышалось. И когда въ прошломъ году вырвался у насъ горячій, искренній кликъ, обращенный къ власти: «домой! домой!»—то есть призывающій къ возврату на родную историческую, земскую почву,—точно ужаленная вскинулась на насъ «канцелярія», осыпая градомъ неистовыхъ ругательствъ! «Домой!»—вѣдь это значитъ, по ея вѣрной догадкѣ, упраздненіе канцелярскаго всеобъемлющаго могущества, возстановленіе (конечно не въ подробностяхъ, но въ принципѣ) земско-государственнаго строя, который намѣченъ былъ, началъ было слагаться въ до-Петровской Руси! — «Самобытность»! вѣдь это значитъ освобожденіе народнаго духа изъ-подъ бюрократическо-канцелярскаго владычества! Какъ же было не озлобиться! Намъ могутъ возразить, что не «канцелярія» негодовала на насъ, а такъ-называемая «либеральная пресса»... Но мы употребляемъ здѣсь слово «канцелярія» въ болѣе широкомъ смыслѣ. Духъ канцеляризма, деспотически пытающійся замѣнить собою творчество русской жизни, а потому отрицающій и ее, и русскую народность, и русскую исторію,— духъ Петровой дубинки, вбивающей «культуру» въ Русскую землю и убивающей ея самодѣятельность — истинный Протей, способный принимать разныя формы, сохраняя лишь свою сущность. Вчера онъ воплощался въ чинную канцелярію въ буквальномъ значеніи слова, съ самодовольными чиновниками, бюрократически упражняющимися надъ Россіей; завтра готовъ назваться «интеллигенціей» и принять образъ конституціоннаго въ Россійской державѣ собранія по западно-европейскому образцу! Ему все равно,—только бы сохранить за собою право и возможность умничать и командовать надъ землею, только бы не допускать ее до самобытнаго, ея исторіи свойственнаго, національнаго, государственнаго и общественнаго развитія. Въ прежнія времена властолюбивый канцеляризмъ былъ вѣрнымъ пособникомъ верховной власти; но какъ скоро сама верховная власть стала сознавать необходимость народнаго направленія въ своей политикѣ и внѣшней и внутренней, то канцеляризмъ не прочь оказаться и противникомъ власти въ такомъ ея новомъ стремленіи!... Чтобъ не дать ходу настоящей землѣ, настоящему народу, онъ готовъ даже самъ фальшиво назваться «народомъ». Онъ на все пойдетъ—только не разлучайте его съ Петербургомъ, только не возвращайтесь «домой», гдѣ ему, «иностранцу вообще», нѣтъ простора, нѣтъ мѣста!

Г. Варѳоломей Кочневъ можетъ-быть отчасти и правъ, когда разумѣетъ разныя вожделѣнія «европейскихъ правовыхъ порядковъ» съ парламентами по западному фасону, высказываемыя иногда извѣстною частью нашего общества; но онъ совершенно не правъ, когда старинный нашъ земскій соборъ уподобляетъ assemblée constituante французской революціи. Эти оба собранія стоятъ на діаметрально противоположныхъ полюсахъ. Самъ же авторъ утверждаетъ, что Французы передъ революціей и въ ея началѣ (не говоря уже объ разгарѣ) совсѣмъ забыли французскую исторію, сошли съ ея реальной почвы, витали въ какомъ-то абстрактѣ, и въ области отвлеченныхъ, умозрительныхъ доктринъ и теорій искали для себя формы государственнаго строя. Между тѣмъ «земскій соборъ» былъ у насъ естественнымъ продуктомъ національной исторіи, а вовсе не отвлеченнымъ измышленіемъ. По вѣрному замѣчанію г. Кочнева, то «представительство», которое положило начало французской революціи, выдвинуло на первый планъ, надѣлило силою и властью именно доктринеровъ, умствователей по профессіи, отрѣшившихся отъ исторической почвы, отъ дѣйствительнаго, не выдуманнаго «народа» и впервые разыгравшихъ на политической аренѣ роль *лженарода*. Наши же старинные земскіе соборы всегда служили верховной власти опорою противъ эгоистическихъ интересовъ и властолюбія тогдашней ителлигенціи въ лицѣ бояръ и знатныхъ родовъ. Чтó же тутъ общаго между русскимъ земскимъ соборомъ и французскимъ учредительнымъ собраніемъ 1789 г.?

Мы вполнѣ сочувствуемъ настойчивымъ стремленіямъ «Московскихъ Вѣдомостей» разсѣять тотъ *призракъ* могущества, который выросъ у насъ изъ оппозиціонныхъ элементовъ, въ сущности ничтожныхъ, и пріобрѣлъ обаятельную силу даже надъ умами многихъ лицъ, стоящихъ на чредѣ власти. Настоящаго могущества конечно нѣтъ; оно лишено всякой реальности, и могуче только до тѣхъ поръ, пока мы его такимъ признаемъ: стóитъ только перестать въ него вѣрить, чары спадутъ—и оно разсыплется. Но для этого необходимо правительству *познать свою силу*—истинно необъятную, но вслѣдствіе разныхъ историческихъ обстоятельствъ и недоразумѣній—мало опознанную, можно сказать даже пренебреженную и сдавленную. Эта сила правительства—въ самой Русской землѣ, въ Русскомъ народѣ, въ его исконныхъ отношеніяхъ къ власти, въ томъ историческомъ земско-государственномъ строѣ, на которомъ, въ сущности, только пока и стоитъ Русское государство, *вопреки* всѣмъ помѣхамъ бюрократическо-канцелярскаго режима. Послѣдній ужъ давно бы и сгубилъ Россію, еслибъ она не держалась именно своею внутреннею, скрытою, *непризнаваемою*, нерѣдко презираемою земскою силою, а между тѣмъ онъ-то, этотъ бюрократическо-канцелярскій, нѣмецкаго происхожденія строй, и образуетъ около власти цѣлую атмосферу, которою по неволѣ приходится дышать, ко вреду для здоровья, и которая именно и плодитъ лживые призраки могущества разныхъ антинаціональныхъ, антиисторическихъ силъ! Справедливо говорятъ «Московскія Вѣдомости», что «если наше правительство кому-либо кажется слабымъ, то не слѣдуетъ искать причины этой слаботи въ дѣйствительныхъ условіяхъ правительственной власти, которыя остаются невредимы и цѣлы»... Да, *невредимы и цѣлы*—это несомнѣнная правда,—въ этомъ залогъ нашего спасенія. Они пока невредимы и цѣлы,—но вѣдь и только: въ томъ-то и горе, что эти, живыя, органическія силы по большей части бездѣйствуютъ, уступивъ мѣсто дѣятельности *механическаго* снаряда... Мало того, они, эти дѣйствительныя условія власти, не видны, не слышны,—не только для сознанія нашего, такъ-называемаго образованнаго общещества, непосредственно прилегающаго къ сферамъ власти, но чуть ли даже и не для большинства самихъ носителей власти... Таково было послѣдствіе насильственнаго переворота, совершеннаго Петромъ, перемѣщенія центра власти изъ средоточія государства на окраину, изъ нутра на периферію, и замѣны живаго общенія власти съ землею — внушеніями и дѣятельностію—Ober-kommando, кое-какъ, по иностранному образцу слаженной канцеляріи! ..

Необходимо,—говорятъ намъ,—чтобъ правительство стало твердо на свои здоровыя ноги, разсѣяло призракъ крамолы и освободилось отъ фальшиваго мнѣнія о своемъ безсиліи... Да тогда только и станетъ оно твердо на свои здоровыя ноги, когда станетъ на твердую *землю*, когда почувствуетъ подъ своими, несомнѣнно здоровыми ногами, крѣпкую народную почву и сойдетъ съ зыбкихъ канцелярско-бюрократическихъ подмостокъ, на которыхъ и съ здоровыми ногами стоять неудобно. Тогда только и разсѣетъ оно *призракъ* крамолы, когда возобладаетъ свѣтъ правды, и явна, какъ день, станетъ всѣмъ и каждому, и всему міру, нерасторжимость, жизненность союза правительственной власти съ народомъ. Тогда только и освободится само правительство «отъ фальшиваго мнѣнія о своемъ безсиліи», когда познаетъ богатство и самый источникъ своей истинной силы и свергнетъ съ себя путы бюрократической канцелярщины...

Да, мы слишкомъ неуважительно относимся къ своей исторіи. А между тѣмъ въ ней, въ нашей *старинѣ*, вмѣстѣ съ отпоромъ *новизнамъ*, чуждымъ русскому народному духу, таятся и дѣйствительныя условія истиннаго прогресса, — живаго, плодотворнаго развитія земскихъ основъ нашего государственнаго строя—подъ сѣнію могущественной, вполнѣ *своей* народу и всей землѣ, вполнѣ національной по духу и стремленіямъ, верховной державной власти.

Наши „сегодня", „вчера" и „третьягодня".

«Русь», 29 мая 1882 г.

Нѣтъ въ мірѣ власти сильнѣе, могущественнѣе, реальнѣе русской государственной власти, — и нѣтъ въ мірѣ страны, гдѣ бы дѣйствіе власти было, къ несчастію, обставлено такими искусственными условіями безсилія, такими вольными и невольными недоразумѣніями, какъ въ нашемъ отечествѣ. «Московскія Вѣдомости» сравниваютъ Россію съ «мнимобольною» Ѳедосьей, которую уложили въ постель и которой теперь доктора всего свѣта принялись прописывать рецепты, такъ что пожалуй и совсѣмъ залѣчатъ, согласись только она послушно глотать лѣкарства. Сравненіе вѣрное, но не вполнѣ; оно не выражаетъ всей сущности положенія. Намъ рисуется Россія въ иномъ образѣ. Представимъ себѣ богатыря сказочныхъ размѣровъ, хоть бы въ родѣ Ильи Муромца, который, сообразивъ, что въ лаптяхъ оставаться ему неудобно и неприлично, вздумалъ бы обзавестись кожаною прочною и красивою обувью, и стянувъ для этой цѣли съ какого-то щеголеватаго, но малорослаго чужанина понравившіеся ему глянцовитые ботфорты, съ богатырскимъ усердіемъ, не щадя себя, напялилъ бы ихъ на свои здоровенныя исполинскія ноги. Напялилъ—и жизни не радъ. Станетъ—шатается; ходитъ—спотыкается: тѣснитъ, жметъ, тошнитъ, кровь ударяетъ въ голову, въ глазахъ двоится, а никому и не въ домекъ, что вся бѣда въ ботфортахъ. Онъ не «мнимо-больной», потому что дѣйствительно, самымъ реальнымъ образомъ мучается: стало-быть вполнѣ «здоровымъ» названъ быть не можетъ; но вѣдь и къ «больнымъ» его причислить нельзя, такъ какъ всѣ его силы и здоровье при немъ: только и горя, что эта узкая, съ чужой ноги обувь! И его, совсѣмъ понапрасну болѣющаго здоровяка, давно бы ужъ и ударъ хватилъ, еслибъ не прорвались кое-гдѣ крѣпкіе ботфорты. Все же хоть нѣсколько стало легче,—но окружающей его публикѣ до этого нѣтъ и дѣла Какъ увидѣла она такое безобразіе—лопнувшіе сапоги и выпершіеся, торчащіе тамъ и здѣсь, сквозь дырья, могучіе пальцы,—такъ стономъ стали по всей землѣ оханья, аханья, возгласы благороднаго негодованья, хлопанье сатирическихъ бичей и всяческая ругань! И все это обрушивается на самого же богатыря; онъ же и виноватъ—не въ томъ, что надѣлъ, а зачѣмъ продырявилъ ботфорты! Толкуйте имъ, что въ этомъ пресловутомъ «безобразіи» для богатыря спасенье, что въ этомъ «безобразіи»—претъ сама богатырская сила, претъ жизнь... Куда! Никто и слышать не хочетъ! «Консерваторы» въ испугѣ мечутся съ воплемъ: «все лѣзетъ врозь, рушится! Иголокъ! нитокъ! давай ставить заплаты!» Чувствительные же и многоумные наши «либералы», узрѣвши богатырскіе пальцы, пришли совсѣмъ въ «честный ужасъ»: «что за непристойная самобытность»! Такихъ пальцевъ у цивилизованныхъ народовъ въ Европѣ не увидишь!... «Это даже съ *гуманизмомъ человѣчества* не согласно»—глубокомысленно замѣчаетъ одинъ изъ «либеральныхъ» умовъ. «Варварскій *раритетъ*», важно рѣшаетъ другой мыслитель. «*Звѣрь*!» шепчетъ третій,—«обуздать надо!»... «Обуздать! а обуздавши, облагообразить и культивировать!» подхватываетъ остальная «либеральная» рать, фельетонная и бюрократическая «интеллигенція». И вотъ «либералы» всѣ вмѣстѣ тащутъ новую обувь, новѣйшаго иностраннаго фасона, еще тѣснѣе, еще уже, но будто бы попрочнѣе, а въ запасѣ у нихъ заготовленъ и мундиръ по послѣдней заграничной модѣ, который бы имъ хотѣлось вздѣть на богатыря, причемъ бы еще этому Ильѣ Муромцу напомадить и подвить волосы! А не полѣзетъ на него мундиръ, такъ они не прочь учинить и нѣкоторую ампутацію, и вообще посредствомъ разныхъ культурныхъ препаратовъ сократить его богатырщину, такъ чтобы довести его до приличныхъ размѣровъ почти культурнаго человѣка... Съ своей стороны «Московскія Вѣдомости»,— которыя вѣрно знаютъ, что предъ ними богатырь съ исполинскою силою, но упускаютъ изъ виду, что ноги у него чужими ботфортами, словно кандалами, скованы, или же не даютъ значенія такой помѣхѣ,—пристаютъ къ нему съ энергическою рѣчью: воспрянь, не вѣрь, что ты боленъ,—ты здоровехонекъ, встань и ходи, вспомяни свою силу, пусти въ ходъ свою силу и разгроми толпу насѣвшихъ на тебя со всѣхъ сторонъ лживыхъ печальниковъ! Но и радъ бы богатырь развернуть и явить свою силу, да въ кандалахъ или въ этихъ, до изнеможенія жмущихъ, съ чужой ноги ботфортахъ, не воспрянешь,—и озадаченный, смущенный богатырь чуть-слышно шепчетъ: «да помогите же мнѣ напередъ снять эту иностранную обувь,—дайте мнѣ обувь (да и одежду кстати) такую, которая была бы мнѣ впору, въ которой могъ бы я свободно, безъ помѣхи дыханію и кровообращенію, владѣть своими богатырскими членами, стать хозяиномъ своей собственной, отъ Бога данной мнѣ силы!»...

Просимъ извиненія у читателей, что мы нѣсколько увлеклись сравненіемъ и долѣе, чѣмъ бы можетъ-быть слѣдовало, задержали ихъ вниманіе на этой фигурѣ обутаго въ тѣсные, съ чужой ноги ботфорты, здороваго богатыря. Но мы противопоставили этотъ образъ образу мнимо-больной Ѳедосьи, который произвелъ сильное впечатлѣніе на нѣкоторую часть нашего общества. Во всякомъ случаѣ въ этой образной формѣ выражаются доступнѣе для общаго пониманія два разныхъ отвѣта на вопросъ, поставленный русскою современностью. Замѣтимъ кстати, что образъ нами выведенный даже и не совсѣмъ фантастиченъ. Стóитъ только припомнить русскихъ солдатъ хоть бы временъ Императора Павла, этихъ суворовскихъ «чудо-богатырей», которые наканунѣ развода могли спать не иначе, какъ стоя, прислонясь къ стѣнѣ, дабы не помять своихъ напомаженныхъ, завитыхъ буклей, не стряхнуть пудры и не разстроить косы... Если, несмотря на то, Суворовъ съ ними все-таки побѣждалъ, такъ благодаря лишь тому, что онъ терпѣть не могъ такого «благообразія» и на войнѣ его не держался; но нѣтъ сомнѣнія, что предварительное долговременное упражненіе въ подобномъ «благообразіи» значительно убавляло солдатской силы и еще значительнѣе прибавляло число ненужныхъ солдатскихъ жертвъ. И не сама ли власть, которой безпредѣльность сказалась именно въ этомъ насильственномъ обращеніи живыхъ людей въ механически послушныхъ пудренныхъ автоматовъ, сама добровольно, хотя и безсознательно, обезсиливала себя въ своихъ солдатахъ, и если не обезсилила окончательно, такъ только потому, что богатырскій природный духъ оказался настолько сильнѣе ея неразумныхъ стараній и собственныхъ мукъ, что съумѣлъ даже добыть ей побѣды,—но *не благодаря*, а *наперекоръ ей* самой!...

Вотъ почему мы и не можемъ согласиться съ мнѣніемъ «Московскихъ Вѣдомостей», что «если наше правительство кому-либо кажется слабымъ, то причины этой слабости слѣдуетъ искать не въ дѣйствительныхъ условіяхъ правительственной власти, которыя остаются невредимы и цѣлы» (что мы признаемъ вполнѣ справедливымъ, какъ это и высказали въ прошломъ №), а развѣ *въ неспособности ея «случайныхъ органовъ»*. Мудрено предположить такую послѣдовательную случайность, sans solution de continuité! Сами же «Московскія Вѣдомости» утверждаютъ (въ другой статьѣ), что наше *сегодня* съ тѣмъ положеніемъ дѣлъ, «отъ сохраненія котораго ничего не получится кромѣ постыдной вялости, немощной на добро и *безсильной* передъ зломъ»—порождено «нашимъ безалабернымъ *вчера*», и это *вчера* распространяютъ чуть не на всѣ двадцать лѣтъ прошлаго царствованія!... Неужели только «неспособность *случайныхъ* органовъ правительственной власти» могла насадить, взростить и расплодить все то зло котораго главные симптомы указаны почтенной газетой? По меньшей мѣрѣ приходится допустить—ну хоть особенно благопріятныя условія общественной почвы и атмосферы!... Въ томъ-то и дѣло, что это *вчера* въ свою очередь было порождено нашимъ *третьягодня*, — тѣмъ *позавчера*, которое многимъ представляется высшимъ проявленіемъ и развитіемъ правительственной власти.

Въ самомъ дѣлѣ. нѣтъ ничего другъ другу противоположнѣе этихъ двухъ историческихъ *дней*: вчерашняго и третьягодняшняго. Во сколько вчерашній день, по характеристикѣ «Московскихъ Вѣдомостей», выразился въ органахъ власти безпечностью, слабосердечіемъ, потворствомъ или уступками зачинавшейся «крамолѣ», заискиваніемъ благосклонности у враждебныхъ правительству элементовъ и т. д., востолько же день предшествовавшій ознаменовался непреклонною суровостью власти, гордою самоувѣренностью ея въ себѣ, сознаніемъ своей силы. не допускавшимъ никакихъ компромиссовъ съ оппозиціонными элементами. Противоположность была такъ велика, что можно сказать—царствованіе Александра II было реакціей царствованію Николая I. Не въ лицѣ ли Государя Николая Павловича полнота власти достигла. казалось, своего апогея? Не явился ли онъ самымъ живымъ, самымъ обаятельнымъ воплощеніемъ державнаго величія и мощи, долго изумлявшимъ и страшившимъ весь міръ? Не онъ ли незыблемо вѣрилъ въ свое верховное призваніе, съ самозабвеніемъ служилъ своему идеалу власти всеобъемлющей, вездѣсущей, служилъ до послѣдняго издыханія? Никогда власть не была повидимому *сильнѣе*, никогда созданіе и соблюденіе правительственной силы не было превознесено превыше всѣхъ остальныхъ задачъ и заботъ. И что же? Не ему ли суждена была Богомъ горькая участь узрѣть еще при жизни,—въ результатѣ этого тридцатилѣтняго правительственнаго служенія идеѣ *силы*—печальное, позорное *безсиліе*, полнѣйшую несостоятельность административнаго механизма?! Тяжело и подумать о тѣхъ страданіяхъ, которыя перенесъ этотъ гордый, мощный, благородный духъ, и конечно не какая-либо тамъ простуда, а именно эти нравственныя страданія Императора, это озарившее его откровеніе *слабости* подъ внѣшнею оболочкою *силы*, только и могли сокрушить такъ быстро его исполинскій физическій организмъ. Солдаты, предметъ особенной любви и попеченія, радость и слава Монарха—оказались безъ пороху, безъ порядочнаго вооруженія, безъ надлежащей воинской подготовки, такъ какъ изъ нихъ дрессировали только безотвѣтныя машины; благоустройство оказалось разстройствомъ, порядокъ — безпорядкомъ, благообразіе—безобразіемъ, и дѣйствительнымъ, а не мнимымъ.

И наоборотъ, если что̀ спасло честь Россіи и на этотъ разъ, такъ именно то, что̀ фальшиво почиталось доселѣ «безпорядкомъ» и «безобразіемъ», т. е. проявленіе не форменной, регулярной, а живой, вольной, *не казенной* нравственной силы, самостоятельный подъемъ земскаго патріотическаго и историческаго духа...

Очевидно, что причины *безсилія* проявившагося въ концѣ этого царствованія, которое для многихъ и теперь рисуется высшимъ выраженіемъ правительственной *силы*, лежатъ не въ неспособности *случайныхъ* органовъ власти, а въ чемъ-то иномъ, въ присутствіи какихъ-то особенныхъ *условій*, парализующихъ тѣ «*дѣйствительныя* условія власти», которыя несомнѣнно существуютъ, пребываютъ и доселѣ «невредимы и цѣлы», но почему-то не дѣйствуютъ. Вотъ тутъ и можетъ пригодиться выше начерченный образъ богатыря, приложившаго всю мощь своей богатырской силы къ тому, чтобъ себя обезсилить, именно чтобъ напялить на ноги узкую обувь, стѣснившую свободу его движеній!... Не можемъ не пожалѣть, что «Московскія Вѣдомости» ограничиваются въ своихъ статьяхъ однимъ неопредѣленнымъ воззваніемъ *къ силѣ*, не разъясняя ни содержанія, ни направленія, ни тѣхъ условій, при которыхъ эта сила можетъ быть дѣйствительно *зиждительною*, а не *отрицательною*. Послѣдняя вѣдь тоже сила, и не она ли собственно главнымъ образомъ и проявилась въ томъ нашемъ *третьягодня*, которому—повторяемъ—наше *вчера* своими «безалаберными», по выраженію газеты, сторонами явилось только логическою реакціей?... Вотъ на изслѣдованіе этихъ, вовсе не случайныхъ, а постоянно присутствующихъ условій «безсилія», и слѣдовало бы обратить особенное вниманіе. Если «познай самого себя» почитается верхомъ человѣческой мудрости, то въ такой же мѣрѣ прилагается это требованіе и къ государственной власти. Ей также необходимо познать *настоящія* свойства и природу своей силы, а также и тѣ причины, отъ которыхъ самая мощная власть становится немощною. Не пускаясь въ отвлеченныя разсужденія, пояснимъ нашу мысль примѣрами.

Если бы, предположимъ, русская власть заговорила съ Русскимъ народомъ на непонятномъ ему языкѣ, хоть бы на нѣмецкомъ, — что̀ это? условіе *силы* или *безсилія*? Отвѣта подсказывать нѣтъ надобности, и хотя этотъ вопросъ поставленъ въ видѣ гиперболическаго примѣра, ради нагляднѣйшаго выраженія мысли, однакожъ невольно напрашивается въ голову и такое соображеніе: эти *кирхшпильфохты*, *ландсгевдинги*, *ландректмейстеры*, *проссовы*,—которыми русская власть надѣлила было Русскую землю вмѣсто того земскаго устроенія, ради коего созванъ былъ соборъ, но безъ довершенія дѣла распущенъ въ 1682 г., — все это нѣмецкое «благоустройство», что̀ оно? дѣйствительно ли благоустроило землю, а самой власти облегчило ея отправленія и упрочило ея силу? На это и исторія даетъ отвѣтъ отрицательный... Если, управляя страной, я уѣду изъ страны далече и вмѣсто того, чтобъ быть въ постоянномъ живомъ сношеніи съ управляемыми, посажу взамѣнъ себя разныхъ повѣренныхъ, на письменныя донесенія которыхъ мнѣ придется невольно полагаться,—что̀ это? послужитъ ли къ усиленію моей власти или, напротивъ, къ нѣкоторому ея ослабленію, такъ какъ заочныя, на основаніи непровѣренныхъ донесеній, приказанія могутъ оказаться неисполнимыми, и управляемые утратятъ довѣріе къ власти, пребывающей далеко, правящей и рѣшающей заглазно и съ чужихъ словъ? Иначе: перенесеніе центра тягости власти изъ средоточія народной жизни туда, гдѣ никакой народной жизни и нѣтъ, откуда сноситься съ родною страною можно только бюрократически,—перенесеніе столицы и центра управленія въ Санктпетербургъ, что̀ оно? условіе ли силы или же безсилія для власти? Мы полагаемъ послѣднее. Россія—по нашему убѣжденію—живетъ, ростетъ, движется, преуспѣваетъ—не *благодаря* Петербургу, а *вопреки* Петербургу.

Условія безсилія русской правительственной власти, рядомъ съ дѣйствительными условіями ея безпредѣльной мощи, заключаются именно въ томъ разъединеніи народа съ правительствомъ и начала земскаго съ началомъ государственнымъ, въ томъ противоположеніи ихъ другъ другу,—которое внесено было въ нашу исторію Петромъ Великимъ. Это разъединеніе и противоположеніе воплотилось въ пересаженномъ къ намъ изъ чужи, бездушномъ бюрократическо-канцелярскомъ правительственномъ порядкѣ, заступившемъ мѣсто стараго земско-государственнаго строя. Послѣдній безъ сомнѣнія былъ исполненъ несовершенствъ; но онъ только что началъ слагаться и его недостатки могли бы вѣроятно быть исправлены безъ отступленія отъ національной земской основы. Вмѣсто того правительству внѣдрены были Петромъ чудовищныя притязанія — замѣнить въ обширнѣйшемъ въ мірѣ государствѣ дѣятельностью всеобъемлющаго полицейскаго, да еще не уклюже заимствованнаго механизма — свободу органическаго творчества жизни и самобытную дѣятельность духа цѣлой страны!... Значеніе Петра въ русской исторіи должно быть отдѣлено отъ его учрежденій и «благоустроеній». Онъ вывелъ Россію изъ замкнутой ограды исключительной національности на поприще всемірно - исторической жизни, онъ призвалъ Руській народъ (въ широкомъ смыслѣ слова) къ самосознанію, къ самостоятельному участію въ трудѣ общечеловѣческаго просвѣщенія,— все это извѣстно, все это такъ. Его гигантская заслуга за нимъ и остается, и въ этомъ смыслѣ дѣло его безсмертно. Онъ былъ воплощенная буря,—но не можетъ же буря быть обращена въ *систему*. То, чтò исторически оправдывалось въ *его* лицѣ, въ которомъ одномъ, казалось, сосредоточенно выразилась, такъ - сказать вспыхнула и потребовала себѣ разрѣшенія жизненная задача всего народа, то не имѣло уже оправданія, становилось мертвеннымъ, какъ скоро облекалось въ *формы* не одушевленныя *личнымъ духомъ* Петровымъ. Оттого и вышло, что Петръ, который лично былъ, конечно, самымъ ярымъ отрицаніемъ понятія, связываемаго теперь нами съ словомъ «казенный», сталъ въ то же время у насъ творцомъ всемертвящей *казенщины*. Онъ, который вездѣ во всемъ искалъ и умѣлъ уловить самое *живье*, самый существенный нервъ дѣла, породилъ *бюрократизмъ* и *чиновничество*, и чуть не убилъ въ родной землѣ самый духъ жизни. Однимъ словомъ, если отнестись критически къ подробностямъ административныхъ учрежденій и порядковъ, насажденныхъ Петромъ, такъ съ явною несообразностью большей части изъ нихъ можно помириться развѣ лишь какъ съ временными попытками, пробами, преходящими мѣрами. Какой иной проектъ, кромѣ самаго абстрактнаго, могъ преподнести ему германскій философъ Лейбницъ, приглашенный имъ къ совѣщанію объ устроеніи Россіи—проектъ, который однако Петръ тотчасъ же привелъ въ исполненіе, не переведя даже и названій придуманныхъ Лейбницемъ коллегій! Взятая такимъ образомъ въ опеку Петромъ Русская земля попала, послѣ него, подъ опеку цѣлаго ряда бездарныхъ преемниковъ, нѣмецкихъ выписныхъ администраторовъ, и явила истинный хаосъ, въ которомъ и задохнуться было бы можно, еслибъ не упорядочила его нѣсколько Екатерина, благодаря собранной ею знаменитой Коммиссіи. Только упорядочила, но не отмѣнила основнаго принципа, и водворенный «Преобразователемъ» строй, лишь видоизмѣняясь, совершенствуясь по своему, но оставаясь въ сущности тѣмъ же, т. е ни сколько не животворящимъ, а болѣе или менѣе мертвящимъ, дошелъ до своего апогея при императорѣ Николаѣ.

Періодъ времени отъ 1825 до 1855 г., періодъ блестящей мнимой силы и внутренняго безсилія власти, потому особенно и достоинъ изученія, что въ немъ разгадка многимъ, смущающимъ насъ теперь недоумѣніямъ. Никогда такъ ярко не высказывались притязанія упразднить всякую живую, органическую самодѣятельность, замѣнивъ ее усовершенствованною казенною машиной, прибрать въ казну все живое, все свести къ казенному однообразію, подчинить казенной командѣ, все оказеннить—душу, совѣсть, вѣру, мысль, науку, искусство, талантъ. Такія притязанія могли имѣть только одинъ результатъ: или убить творчество жизни или обнаружить свою немощь, раздражая лишь понапрасну творческую способность и направляя ее на окольный, частію ложный и даже опасный путь. Чтò же какъ не посягательство на самостоятельное развитіе зодческаго искусства могло означать, напримѣръ, запрещеніе строить гдѣ бы то ни было въ Россіи церковь иначе какъ по одному изъ образцовъ, властью разъ навсегда указанныхъ и изданныхъ особою книгою? или же повелѣніе не допускать ни въ одномъ городишкѣ постройки дóма числомъ оконъ на улицу болѣе 5 —безъ утвержденія фасада въ Петербургѣ? Чтò же какъ не нигилистовъ могло породить это упраздненіе Бога и личной совѣсти, выраженное въ печатной инструкціи военно-учебнымъ заведеніямъ, во внушеніи: «Государь есть верховная совѣсть»? И рядомъ съ подобными притязаніями, та же власть не сознавала въ себѣ достаточной силы, чтобъ уничтожить крѣпостную зависимость крестьянъ, преобразовать рекрутчину или кляузный неправый судъ,—что̀ однакоже все стало подъ силу Александру II, котораго правительство называютъ (и *повидимому* не совсѣмъ несправедливо) «безсильнымъ»! Правда, освобожденіе крестьянъ—это великое дѣло нашего «вчера»—подрывало въ основаніи тотъ полицейско-казенный государственный «порядокъ», въ которомъ прежняя власть мнила видѣть свою силу; вмѣстѣ съ подрывомъ этого «порядка» слѣдовало бы нашему «вчера» тотчасъ же воззвать къ жизни и къ дѣйствію пренебреженныя, скрытыя, но сущія и невредимыя условія истинной, властной силы... Этого не было сдѣлано, да и не такъ-то легко было совершить—послѣ почти 200-лѣтняго господства фальшивыхъ условій! Видно, необходимо было пройти черезъ годину *разложенія* бюрократическаго казеннаго строя (своего рода *анархію*), которую мы и переживаемъ или доживаемъ въ настоящую пору...

Да, если бы какой добросовѣстный изслѣдователь составилъ подробную исторію нашей администраціи съ тщательной оцѣнкой ея отношеній къ жизни и практическихъ послѣдствій, какіе поразительные выводы представила бы эта исторія! Сколько трудовъ, работъ, усилій административной власти оказалось бы потраченныхъ совершенно понапрасну, сколько напраснаго искаженія, уродованія жизни и сколько напрасныхъ жертвъ! Какъ неминуемо *періодически* обличался каждый заводимый порядокъ, чрезъ извѣстное число лѣтъ, въ своей полнѣйшей несостоятельности! Но тѣмъ не менѣе, періодическая несостоятельность административныхъ порядковъ, мѣнявшихся одинъ за другимъ, не повлекла за собою банкротства страны: напротивъ, она продолжала рости, шириться и восходить отъ силы въ силу—хотя и неблагообразно, безпорядочно, какъ бы незаконно, самовольно, чему-то наперекоръ, какъ-то бокомъ и вкривь,—словно подростающій богатырь, напоромъ могучихъ плечъ срывающій крючья и петли на узкомъ кафтанѣ и тѣмъ избавляющій себя отъ удушья! Благодареніе Богу, сквозь весь этотъ долгій періодъ прожитыхъ Россіей испытаній,—періодъ такъ-называемый Петербургскій,—несокрушимо соблюдались, хотя и покрытые тучами недоразумѣній, два такъ-называемыхъ «устоя»—Царь и народъ:—первый нерѣдко лишь какъ начало, принципъ,—второй какъ живая органическая стихія, хранящая въ себѣ всѣ зиждительныя силы прошлаго и будущаго. При великихъ событіяхъ, подъ наитіемъ духа исторіи, недоразумѣнія мгновенно разсѣевались, выступалъ на историческую арену союзъ власти съ землею и спасалъ Россію,—хотя скоро опять застилался недоразумѣніями... Что̀ было бы съ Россіей, еслибъ какой-либо европейскій «правовой порядокъ» передалъ власть въ руки новосозданнаго Петромъ россійскаго общества, оторвавшагося отъ корня, презиравшаго историческія преданія, да и до сихъ поръ постоянно зыблемаго всѣми вѣяніями несущимися изъ чужи?!

Наше спасеніе, очевидно, въ упраздненіи тѣхъ условій безсилія, которыя сковываютъ русскаго богатыря, т. е. въ упраздненіи бюрократическаго канцелярскаго строя съ его тлетворнымъ казеннымъ духомъ, въ возстановленіи дѣйствія *началъ*, выразившихся въ нашемъ старинномъ земско-государственномъ складѣ, въ признаніи правъ органической жизни. И заря этого возрожденія нашего уже готова заняться, мы въ это вѣримъ. Дѣло пока, впрочемъ, не въ формахъ. Дѣло въ эмансипаціи сознанія въ самомъ нашемъ *обществѣ*, въ которомъ—увы!—оно все еще затемнено, гораздо менѣе готово къ необходимому для насъ возрожденію, чѣмъ даже сознаніе самихъ носителей власти, и съ бо́льшимъ упорствомъ чѣмъ когда-либо исповѣдуетъ принципъ Петровой цивилизующей дубинки—только въ болѣе деликатной формѣ, т. е. въ формѣ фальшиво-либеральнаго, бюрократическаго верховодства Русскимъ народомъ. Именно это современное направленіе умовъ значительной части нашего расшатавшагося общества и служитъ всему помѣхой.

По поводу книги „Противъ теченія“, Варѳоломея Кочнева.

«Русь», 26-го іюня 1882 г.

Есть замѣчательная книга, на которую наша читающая публика, а равно и журналистика мало или недовольно обратили вниманія. И напрасно. Не говоря уже о томъ, что книга сама по себѣ преисполнена животрепещущаго интереса, мы имѣемъ основаніе предполагать, что она прошла не совсѣмъ безслѣдно въ нѣкоторыхъ высшихъ, болѣе или менѣе властныхъ кругахъ нашего общества. Мы разумѣемъ «Бесѣды о революціи», изложенныя подъ общимъ заглавіемъ: «Противъ теченія», въ разговорахъ двухъ пріятелей. Онѣ появлялись сначала въ «Русскомъ Вѣстникѣ» въ теченіе полутора года, а потомъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, вышли особымъ изданіемъ въ двухъ частяхъ. Надобно отдать полную справедливость автору, скрывающемуся подъ псевдонимомъ «Варѳоломея Кочнева»: его трудъ заслуживаетъ прочтенія даже послѣ книгъ о французской революціи Тэна и представляетъ новое, вполнѣ самостоятельное изслѣдованіе—не самой революціи 1789 г., а времени ей непосредственно предшествовавшаго, — того предреволюціоннаго періода—періода либеральныхъ иллюзій власти и общества—который, съ цѣлью предотвратить революцію, напротивъ уготовилъ ей, какъ бы съ особенною старательностью, торный, широкій путь. Авторъ очень искусно и талантливо разработалъ свою тему по подлиннымъ источникамъ, собралъ много данныхъ и ярко освѣтилъ для читателя именно то, что̀ и хотѣлъ ему показать: постепенное паденіе авторитета королевской власти прежде всего въ ея собственномъ, а потомъ и въ общественномъ сознаніи, и постепенное «перемѣщеніе власти отъ короля и аристократіи къ интеллигентному разночинству» или къ такъ-называемой «Націи». Но главный интересъ книги г. Кочнева не въ характеристикѣ французскаго предреволюціоннаго періода, а въ параллельной характеристикѣ *нашей* собственной общественной, такъ-сказать политической жизни за послѣдніе ближайшіе годы. Не судьба Франціи занимаетъ его, а судьба Россіи. Изученіе времени, предшествовавшаго знаменитой революціи, предпринято имъ съ цѣлью извлечь изъ уроковъ французской исторіи спасительныя предостереженія, наставленія и указанія для русской власти и для русскаго общества. Въ этомъ и заключается существенное, серьезное, важное значеніе книги. Авторъ вовсе и не скрываетъ своего умысла. «Ты догадываешься» — говоритъ онъ своему пріятелю — «по какой причинѣ стараюсь я особенно внимательно остановиться на разъясненіи неизбѣжности революціи вслѣдствіе шага сдѣланнаго французскимъ правительствомъ въ 1787 г. Мы только что пережили историческій моментъ, представляющій нѣкоторое сходство съ тѣмъ, какой рѣшилъ судьбу королевской власти во Франціи. Къ счастію, Провидѣніе хотѣло, чтобъ исходъ правительственнаго рѣшенія у насъ былъ другой». Затѣмъ авторъ рѣзкими чертами, на четырехъ страницахъ, изображаетъ дѣятельность правительства и общественное движеніе въ Россіи за «тринадцать мѣсяцевъ умиротворенія», завершившихся событіемъ 1 марта, и заканчиваетъ свой очеркъ словами: «Промыслъ Божій спасъ насъ отъ шага, который, при современныхъ условіяхъ, могъ бы быть роковымъ, какъ было роковымъ созваніе нотаблей во Франціи въ условіяхъ 1787 г.» (стр. 25—29, ч. II). Затѣмъ и во многихъ другихъ мѣстахъ своего труда авторъ возвращается къ сравненію съ Россіей и къ поучительнымъ, по его мнѣнію, указаніямъ...

Не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ эти разсужденія и доводы способны произвесть сильное впечатлѣніе на читателя, плохо вооруженнаго знаніемъ русской исторіи и дѣйствительныхъ, можно-сказать *сокрытыхъ* условій нашей государственной крѣпости и правительственной силы. И конечно, если именно *ихъ*, эти условія, упустить изъ виду, т. е. упустить изъ виду *Россію* и ограничить свой кругозоръ Петербургомъ, или петербургскою канцеляріею и «интеллигенціею» нѣсколькихъ городовъ, то нельзя не поразиться внѣшнимъ сходствомъ французскихъ и русскихъ явленій. Но это сходство именно только внѣшнее. Главное же дѣло въ томъ, что Россія вовсе не заключается въ Петербургѣ, держится вовсе не канцеляріей, выражается вовсе не тою «интеллигенціей», которая на всѣ лады громкіе и тихіе, бравурные и умильные, проповѣдуетъ «правовой», на иностранный манеръ, порядокъ, а держится она *подспудною земскою силой*, служащею источникомъ и оплотомъ государственной власти, коренящеюся въ стихійномъ инстинктѣ народныхъ массъ и лишь *отчасти* въ сознаніи общественныхъ классовъ: полнаго, искренняго, всесторонняго выраженія эта земская сила, можно сказать, почти лишена въ нашей литературѣ и остается малознаемою даже и до сихъ поръ. Г. Варѳоломей Кочневъ также знакомъ съ нею мало. Въ своихъ изслѣдованіяхъ онъ руководится той господствующей у нашихъ ученыхъ системою «сравнительно-историческаго метода», которая обращаетъ преимущественное вниманіе на *сходство*, а не на *различіе* сравниваемаго. Онъ совершенно забываетъ, даже не поминаетъ о какихъ-либо самостоятельныхъ особенностяхъ нашей страны. У него что̀ Россія, что̀ Франція—это все равно, тогда какъ не только Россія не одно и то же, что̀ Франція, но и другія государства той же Западной Европы, хоть бы, напримѣръ, Англія, не подходятъ подъ одно съ Франціей мѣрило: одинаковыя причины, одинаковые либеральные законы производятъ въ обѣихъ странахъ различное дѣйствіе, сообразно различію народнаго темперамента, нравовъ и другихъ мѣстныхъ и историческихъ условій. И во Франціи есть народъ, и въ Россіи — народъ, это несомнѣнно: народъ, да не тотъ. Во Франціи на него нельзя опереться: онъ не болѣе, какъ страдательный матеріалъ въ рукахъ господствующей политической партіи или смѣлаго проходимца. Въ Россіи онъ—центръ тяжести всего нашего государственнаго бытія («тяга земли», по выраженію народныхъ былинъ), главный историческій факторъ, направляющій *основное* теченіе нашей исторической жизни,—хотя конечно и не способный ни предупредить ея временныя кривоблужданія, ни формулировать, въ отвлеченной формѣ, своего политическаго міросозерцанія; хотя и не выступающій ни въ какой активной политической роли, за исключеніемъ лишь величайшихъ мгновеній своей исторіи...

«Отчего Франція такъ слабо защищалась въ послѣднюю войну свою съ Нѣмцами?» спросили мы одного умнаго французскаго публициста, посѣтившаго Москву прошлою зимою... «Оттого, что намъ не удалось возжечь у себя войны въ полномъ значеніи слова *народной*, подобной вашей русской защитѣ противъ насъ же, Французовъ, въ 1812 г.»—былъ отвѣтъ. «А не удалось этого намъ—продолжалъ отвѣчать онъ на наши разспросы—по *недостатку патріотизма* въ народѣ. А недостатокъ патріотизма происходитъ отъ того, что *народъ*—въ тѣсномъ смыслѣ этого именованія—у насъ ничего не значитъ. Хотя мы уже почти сто лѣтъ какъ провозгласили принципъ народнаго верховенства (la souveraineté du peuple), и въ силу нашихъ конституцій управляемъ страною посредствомъ народныхъ представителей и издаемъ законы «во имя народа»,—но въ сущности, въ наше понятіе о *народѣ* входитъ только одно городское населеніе, а не сельское. То громадное большинство, которое собственно и есть народъ, нами было пренебрежено (négligée) до такой степени, что оно даже отвыкло почитать дѣло Франціи *своимъ* дѣломъ, а пріучилось почитать его дѣломъ исключительно *парижскихъ* властей, такъ что и защиту Франціи признавало обязанностью не своею, а только правительства. Такимъ образомъ, когда намъ стало потребно опереться на дѣйствительную силу народа, *настоящаго* народа, а не только того, что̀ подъ этимъ именемъ, или подъ именемъ «націи» красуется въ нашихъ палатахъ, этой силы у насъ въ наличности и не оказалось... Но мы не теряемъ надежды это исправить—прибавилъ самоувѣренно чистосердечный Французъ,—мы намѣрены учредить нѣчто въ родѣ франмасонства для подъёма патріотическаго духа (une espéce de franc-maçonnerie pour relever l'esprit patriotique)» и т. д. Желая искренно Французамъ успѣха въ этихъ искусственныхъ мѣрахъ для подъема патріотическаго духа въ цѣломъ народѣ, спрашиваемъ всякаго: таковъ ли народъ у насъ, въ Россіи? Таковымъ ли онъ показалъ себя въ ниспосланныхъ Россіи испытаніяхъ? И къ одной ли защитительной народной войнѣ (въ которой отличилась въ началѣ нашего вѣка и Испанія) явилъ онъ себя способнымъ? Слава Богу, у насъ есть свидѣтельство исторіи, такой ея эпизодъ, которому ничего подобнаго, по объему и значенію непосредственнаго *народнаго* дѣйствія, не представляетъ исторія ни одной страны,—эпизодъ относительно недавній. Читатели догадываются, конечно, что мы разумѣемъ эпоху Смуты или Междуцарствія. Все государство, по выраженію историка Соловьева, разбилось въ дребезги; дѣло дошло до самыхъ нижнихъ слоевъ, ибо все, что̀ было поверхъ народныхъ массъ, не представляло никакой точки опоры. И вотъ народъ—уже не въ фигурномъ, риторическомъ смыслѣ слова, а настоящій простой народъ—возсталъ... подъ руководствомъ мясника, не для бунта, грабежа, земельныхъ и иныхъ захватовъ, а для водворенія вновь тишины, Божьей правды и государственнаго наряда. Онъ поклялся прогнать всѣхъ «чужихъ и *своихъ* воровъ», а затѣмъ ужъ поставить и царя, потому-де, что не можно намъ безгосударнымъ быти». Онъ сослался грамотами со всѣми городами, со всею землею (грѣхъ, великій грѣхъ тѣмъ преподавателямъ русской исторіи, которые не заставляютъ своихъ учениковъ читать эти чудесныя грамоты, и не только читать,—наизусть учить!). И такъ какъ нашъ народъ былъ всегда, какъ и теперь, чуждъ узкаго сословнаго духа и уважалъ земскій, народный и христіанскій духъ и въ людяхъ иныхъ, высшихъ сословій, то и избралъ вождемъ народной рати князя Пожарскаго, придавъ ему выборнаго отъ всей земли, мясника Козьму Минина. Извѣстно, какъ шествовалъ потомъ Пожарскій съ Мининымъ и народнымъ ополченіемъ въ Москву, какъ были разбиты Поляки, какъ собрался Великій Земскій Соборъ, избралъ и поставилъ на царство родоначальника нынѣ благополучно царствующаго Дома Романовыхъ, какъ спасъ Россію отъ боярской конституціи, какъ ревниво ограждалъ права несовершеннолѣтняго самодержца, пока не укрѣпилась власть его прочно,—и какъ затѣмъ, по выраженію Хомякова, народъ пошелъ *въ отставку* изъ своей политической случайной службы и возвратился къ своимъ мирнымъ сельскимъ и промышленнымъ занятіямъ...

«Все это давнымъ-давно извѣстно», прервутъ насъ съ досадой. Конечно извѣстно, если допрашивать каждаго какъ школьника на экзаменѣ, но въ томъ-то и дѣло, что все это постоянно вываливается изъ нашей памяти, не коренится въ ней какъ живое знаніе, озаряющее для насъ историческій строй русской жизни, и всегда какъ то ускользаетъ изъ соображенія при современныхъ нашихъ сужденіяхъ о народѣ. А между тѣмъ вѣдь каждый, если попытаетъ свою совѣсть, долженъ будетъ по неволѣ признать, что нашъ народъ таковъ же и теперь, какъ въ 1612 году, когда онъ проявилъ не только отрицательную и разрушительную, но положительную и зиждительную свою силу; что душа народа все та же; что ни политическое, ни бытовое его созерцаніе не перемѣнилось; что онъ точно такъ же готовъ и теперь возстать на поддержаніе того историческаго принципа власти, котораго дѣйствіе возстановилъ онъ два вѣка тому назадъ; что онъ точно такъ же и теперь не потерпѣлъ бы ни боярской, ни иной конституціи, перемѣщающей центръ власти отъ царя въ какое-нибудь сословіе, корпорацію или учрежденіе съ случайнымъ большинствомъ голосовъ, не промѣняетъ «власти по историческому праву» (какъ выражается г. Кочневъ) ни на чье иное господство: самъ онъ «господствовать» не желаетъ, ибо въ простой мудрости своей вѣдаетъ, что государствовать не есть призваніе народа, и что «принципъ народнаго верховенства» сулитъ лишь господство «лженарода», т. е. для настоящаго народа—рабство. Народъ по прежнему видитъ для себя въ царѣ залогъ правосуднаго равенства, государственнаго, на широкой земской основѣ зиждущагося строя,—залогъ союзности и цѣльности всей пространной Русской земли, и дальнѣйшаго органическаго развитія своихъ силъ и самобытныхъ сторонъ своего духа. Онъ пребываетъ вѣренъ этимъ упованіямъ несмотря на всѣ искушенія, которыя воздвигала ему, въ разное время, полицейско-бюрократическая система, одновременно съ утратой историческихъ преданій въ правящихъ сферахъ. Обманется ли онъ въ своихъ упованіяхъ? Нѣтъ, конечно, какихъ бы помѣхъ ни полагали ему недальновидные оберегатели власти и столь же недальновидные у насъ поклонники заграничныхъ «правовыхъ» порядковъ и разныхъ радикальныхъ доктринъ. Въ самомъ дѣлѣ, какой иностранной трухой должны быть набиты головы и сердца нашихъ мнимыхъ консерваторовъ и мнимыхъ либераловъ для того, чтобы — какъ «консерваторы» — не умѣть цѣнить, съ точки зрѣнія власти, оплотъ народнаго чувства, мысли и воли! искать для русской власти опоры не въ непосредственномъ единеніи съ Русскимъ народомъ, а въ усиленіи той полицейско-бюрократической системы, въ которой можно генеалогически указать первоначальную причину всѣхъ удручающихъ насъ современныхъ золъ! или же, какъ вторые, т. е. «либералы» и «радикалы», съ постыднымъ невѣжествомъ отрицать народную самобытность въ сферѣ политической (это въ виду исторіи Смутнаго времени!) и признавать народъ за покорный сосудъ, въ который можно вложить любую иностранную конституцію, да еще заправленную на безвѣріи, на матеріализмѣ и на прочихъ новѣйшихъ радикальныхъ *измахъ!* Ни тѣ, ни другіе, ни даже самъ Варѳоломей Кочневъ въ своихъ примѣнительныхъ къ Россіи выводахъ изъ исторіи французской революціи, не примѣчаютъ у насъ—*слона*,—именно цѣлыхъ 80% всего населенія Россіи, т. е. ту многомилліонную массу, которая можетъ быть сравнена у насъ, по своему охранительному историческому духу, съ англійской аристократической партіей *тори;* которая, какъ свидѣтельствуетъ исторія, не только инстинктивно, но иногда и сознательно исповѣдуетъ историческій принципъ власти, и умѣетъ даже грозно заявлять о томъ въ случаѣ надобности! Мало того, почти всѣ эти 80% у насъ—землевладѣльцы, а не пролетаріи, какъ милліоны рабочихъ въ Англіи или какъ низшіе классы въ Ирландіи, Германіи и другихъ странахъ.

Французская революція—явленіе французской исторіи. Если бы королевская власть заблаговременно отмѣнила средневѣковыя привилегіи дворянства, унизительныя и разорительныя для крестьянскаго населенія, а равно и разныя другія мѣстныя, средневѣковыя же провинціальныя привилегіи,—революціи было бы тогда гораздо меньше работы; по крайней мѣрѣ перемѣна стараго режима на новый не была бы такъ всестороння и радикальна, и король можетъ-быть нашелъ бы себѣ опору въ народѣ. Но г. Кочневъ, исчисляя разныя ошибки власти, заключавшіяся, по его мнѣнію, въ предупредительной уступчивости «общественному мнѣнію» и «разночинной» интеллигенціи, возведенной самимъ же правительствомъ въ организованное сословіе, tiers-état, не указываетъ однакоже на ошибки болѣе существенныя и на причины революціи самыя реальныя, — именно на сохраненіе властью самыхъ дурныхъ сторонъ стараго режима. Русскій же народъ находится совершенно въ иномъ положеніи. Съ уничтоженіемъ крѣпостной зависимости и съ другими реформами прошлаго царствованія, уничтожились у насъ всякія сословныя привилегіи, и крестьянинъ теперь на Руси de jure такой же полноправный и равноправный гражданинъ, какъ и люди другихъ сословій; съ возвѣщенною же нашимъ настоящимъ правительствомъ и уже отчасти приводимой въ исполненіе отмѣною подушной подати, равно и паспортной системы, исчезнутъ и послѣдніе слѣды прежней неравноправности. При этомъ же народъ сохраняетъ и свое исконное мірское управленіе, признанное теперь и закономъ.

Для чего мы все это перечисляемъ и напоминаемъ? Для того, чтобъ показать всю неизмѣримую разницу условій, въ которыхъ находится современная русская власть сравнительно съ королевскою французскою властью въ дореволюціонный періодъ, а слѣдовательно и всю неосновательность выводовъ г. Варѳоломея Кочнева. При тѣхъ реальныхъ, дѣйствительныхъ условіяхъ могущественнѣйшей въ мірѣ силы, которыми обладаетъ русская власть, ей, слава Богу, нечего пугаться призрака не только революціи, который постоянно выдвигаетъ предъ нею г. Кочневъ, а можно смѣло преисполниться *дѣйственной* вѣры въ себя и довѣрія къ своему народу. Имѣя за собою такой народъ, каковъ Русскій, власти остается только заботиться о томъ, чтобы самой не удаляться отъ своего народа и держаться того народнаго направленія во внутренней политикѣ, котораго знамя по крайней мѣрѣ было поставлено при недавно смѣнившемся министрѣ внутреннихъ дѣлъ. Русская верховная власть, опираясь на Русскій народъ, можетъ многое смѣть и дерзать, чего не могла смѣть королевская власть во Франціи, на что̀ дерзнетъ и не всякая современная верховная власть въ Европѣ (хоть бы самое освобожденіе у насъ крестьянъ и надѣленіе ихъ землею!)... А между тѣмъ выводы г. Кочнева способны произвести какъ разъ обратное дѣйствіе и смутить благотворную правительственную дѣятельность постояннымъ боязливымъ опасеніемъ: какъ бы такая или иная мѣра не показалась слабостью, уступкою «общественному мнѣнію» или пожалуй печати, если только печать имѣла несчастіе упомянуть о ней прежде!.. Г. Кочневъ безусловно правъ, когда онъ предостерегаетъ противъ уступокъ нашему мнимо-либеральному западничеству съ его иностранными конституціонными идеалами, но автору слѣдовало бы вмѣстѣ съ симъ установить и критеріумъ для распознаванія лживыхъ требованій отъ потребностей дѣйствительныхъ, — воззрѣній народу совсѣмъ чуждыхъ отъ воззрѣній, основанныхъ на нашихъ народныхъ началахъ. Между тѣмъ проповѣдь г. Кочнева и его единомышленниковъ старается вызвать въ правительствѣ сознаніе его мощи лишь репрессивной, а не зиждительной, и обличая мнимость всѣхъ этихъ «силъ», каковыми выставлялись крамола, нигилизмъ и пр., въ то же время не даетъ правительству сознанія истинной силы, — силы положительной, а окружаетъ его тучею новыхъ ошибочныхъ страховъ.

Это все тѣ же призраки, которые повидимому только-что разогнаны, но лишь съ другой стороны. Недостойный страхъ нигилизма, напримѣръ, у г. Кочнева превращается едвали въ болѣе достойный *страхъ*: учинить что-либо такое, что можетъ показаться уступкою нигилизму! Конечно, мы можемъ быть увѣрены, что наше правительство не послѣдуетъ его внушеніямъ, но еслибъ его точка зрѣнія была принята, она могла бы въ примѣненіи на практикѣ оказаться не разъ опасною. Такъ напримѣръ, авторъ «Бесѣдъ о революціи», мужественно рѣшившись идти «противъ теченія», причисляетъ къ признакамъ революціоннымъ или къ дѣйствіямъ королевской слабости, — введенное Людовикомъ XVI, еще задолго до революціи (въ 1774 г.), въ издаваемые имъ декреты, объясненіе причинъ, или такъ-называемую мотивировку повелѣваемой мѣры. Вольтеръ имѣлъ неосторожность превознести похвалами такое распоряженіе власти и тѣмъ заподозрилъ его въ глазахъ нашего автора. Но вѣдь Вольтеръ похвалилъ основательно? но вѣдь едвали г. Кочневъ и самъ осудитъ въ принципѣ подобное разъясненіе правительствомъ своихъ указовъ, устраняющее въ подданныхъ недоумѣніе, никогда ни для какой власти не желанное? Слѣдуетъ ли, страха ради уступки революціонному или еще просто «либеральному» теченію, воздерживаться отъ распоряженія вполнѣ по себѣ разумнаго?.. Точно также заподозрѣнъ г. Кочневымъ и его единомышленниками призывъ.... *экспертовъ* или свѣдущихъ людей, ибо онъ напоминаетъ-де *призывъ нотаблей* въ 1787 г., а этотъ-де призывъ былъ роковымъ ударомъ для власти! Вотъ подивился бы такому сужденію царь Алексѣй Михайловичъ, призывавшій торговыхъ людей на совѣтъ при написаніи торговаго устава, или царь Ѳедоръ Алексѣевичъ, спросившійся спеціальнаго мнѣнія служилыхъ людей по вопросу объ уничтоженіи мѣстничества! Да неужели наши эксперты, призванные въ разное время правительствомъ для подачи отзывовъ о приготовленныхъ министерскими канцеляріями проектахъ пониженія выкупныхъ платежей, правилъ о питейной торговлѣ и о крестьянскихъ переселеніяхъ, напоминаютъ собою французскихъ нотаблей 1787 г.? неужели русское правительство должно на будущее время, опасенія ради прослыть либеральнымъ, не выслушивать живыхъ, устныхъ замѣчаній людей мѣстныхъ, людей-спеціалистовъ, по вопросамъ, касающимся ихъ мѣстности или спеціальности, а довольствоваться всезнаніемъ канцеляріи и ея бюрократическою вездѣсущностью?! Даже князь Бисмаркъ, и тотъ учредилъ себѣ въ помощь народно-хозяйственный совѣтъ изъ свѣдущихъ, по выбору правительства, людей и даже въ пику парламенту! Да, плохую услугу оказалъ бы г. Кочневъ и правительству и Россіи, еслибъ его точка зрѣнія была безусловно усвоена. Какую перспективу будущаго представляетъ онъ намъ? правительство, добровольно лишающее себя нужныхъ свѣдѣній и вообще содѣйствія умственныхъ силъ страны въ дѣлахъ, этимъ силамъ наиболѣе подручныхъ, и ограничивающее себя содѣйствіемъ одной канцеляріи, вполнѣ обличившейся въ своей совершенной несостоятельности! Къ чему ведетъ совѣтъ автора, какъ не къ усиленію бюрократической системы, какъ не къ возбужденію въ правительствѣ страха оказать слабость или уступку, — страха недостойнаго власти, сознающей или обязанной сознавать *дѣйствительныя* условія своей силы?!

Если что̀ нужно раскрывать нашему правительству, такъ именно эти *условія истинной силы*. Только познавши ихъ сущность и характеръ, освободится оно не только отъ положительныхъ революціонныхъ призраковъ, на которые указываетъ составитель упомянутой нами книги, но и отъ всякихъ иныхъ, столь же лживыхъ пугалъ консервативно-отрицательнаго измышленія. Сто̀итъ только сойти съ почвы народноисторической, упустить изъ виду центръ тяжести русской государственной жизни, представляемый Русскимъ народомъ, — и отвсюду пойдутъ мерещиться разныя страшныя чудища! Сто̀итъ лишь, наоборотъ, смѣло стать на эту почву и отъ бюрократическаго режима идти къ возстановленію намъ единственно свойственнаго, естественнаго, земско-государственнаго строя, — и одно за другимъ сокроются чудища!...

Въ день коронованія Александра III.

«Русь», 15 мая 1884 г., вечеромъ.

О, какой день! какой великій, *историческій* день! Не подъ силу бы, кажется, и перенести человѣку полноту пережитыхъ имъ сегодня исполинскихъ ощущеній, еслибъ онъ испытывалъ ихъ только лично: но никто не жилъ нынѣшній день личною жизнью, всѣ и всякій слились въ одно исполинское тѣло, въ одну животрепещущую душу, чувствовали и сознавали себя единымъ Русскимъ народомъ,—*единымъ въ вѣкахъ и пространствѣ*. Два Лица, два гиганта только и стояли сегодня другъ передъ другомъ: Царь и Народъ, Народъ и Царь, и творили вмѣстѣ великое дѣло исторіи. Стономъ стонала земля отъ восторговъ народныхъ. Это она заговорила, Святая Русь! эти раскаты грома, заглушавшіе пальбу орудій и гулъ кремлевскихъ колоколовъ,—это ея ликованія, ея клики любви и радости,—ея голосъ!.. Да, это торжество именно—историческое, и притомъ не только русское, но и вселенскаго значенія событіе: *новое утвержденіе* своему старому государственному строю положила и всему міру явила сегодня Россія! Сегодня по завѣту и преданію минувшихъ вѣковъ, по древле-уставленному чину, въ томъ же Московскомъ Кремлѣ, въ томъ же Успенскомъ Соборѣ, среди нетлѣнныхъ останковъ Святыхъ радѣтелей Русской земли, вблизи гробницъ князей и царей, основоположниковъ и зиждителей Русскаго государства, снова, торжественно, священнодѣйствіемъ Церкви и молитвами всего народа, совершилось посвященіе Русскаго Царя на Его высокое царственное служеніе — высшее всѣхъ служеній земныхъ! Сегодня вновь, какъ и двѣсти семьдесятъ лѣтъ тому назадъ, при такихъ же восторженныхъ кликахъ собравшейся Руси, пріялъ Русскій Царь—потомокъ Дома Романовыхъ—свой самодержавный вѣнецъ,—тотъ самый, что̀ въ 1613 году свободнымъ единодушнымъ изволеніемъ Русской Земли и съ благословенія Церкви возложенъ былъ на Его приснопамятнаго Предка...

Сегодня, во имя Бога и подъ страхомъ Божіимъ, пріялъ единый человѣкъ тягчайшее, хотя и освященное бремя—даръ полновластія надъ братьями-человѣками... О, то былъ дивный и вѣщій мигъ, когда, какъ бы удрученный такою непомѣрною тягостью, нововѣнчанный Царь, могущественнѣйшій изъ владыкъ міра, облеченный во всѣ знаменія земнаго величія, повергся во прахъ предъ величествомъ Божіимъ какъ бренный, немощной человѣкъ, какъ рабъ Божій, и смиряясь предъ неизслѣдимымъ о немъ смотрѣніемъ Господа, колѣнопреклоненно, во услышаніе всѣмъ, молилъ Царя царствующихъ: да наставитъ, да управитъ Его въ великомъ служеніи семъ, да восполнитъ Его человѣческую немощь, да вразумитъ Его— «что̀ есть угодно предъ очима Твоима и что̀ есть право въ заповѣдяхъ Твоихъ, Господи!» Казалось, будто въ сей мигъ, изъ самой глуби вѣковъ, коихъ этотъ древній храмъ живой свидѣтель, простерлись надъ царственною главою незримыя благословляющія длани... Когда же, вслѣдъ за симъ, какъ бы укрѣпленный силою свыше, воздвигся Онъ во всемъ сіяніи и блескѣ своего сана,—колѣнопреклонились въ свой чередъ всѣ предстоявшіе въ храмѣ, и устами первосвященника, отъ имени всего Русскаго народа, вознесли горячую мольбу къ Милосердому Судіи царей и подданныхъ—да «не посрамитъ Господь народнаго чаянія» и ниспошлетъ духа правды и истины, даръ разума и премудрости Тому, кому народъ ввѣряетъ свою судьбу и несетъ даръ самоотверженной преданности и послушанія... Это было воистину вѣнчаніе Царя съ Землею, обмѣнъ ихъ обѣтовъ Господу и другъ другу, обѣтовъ любви и вѣрности... Это свѣтлый праздникъ *взаимныхъ узъ*!

Страннымъ, неудобопонятнымъ, неосмотрительнымъ можетъ показаться людямъ Запада и вообще «совопросникамъ вѣка сего» это необычайное восторженное народное радованіе, искренность котораго даже и для нихъ очевидна. Что̀ же въ самомъ дѣлѣ торжествуетъ Русскій народъ? спрашиваютъ они. Не отреченіе ли отъ своей «полноправности» и подчиненіе безусловной волѣ единаго?.. Не осуждаемъ ихъ недоумѣнія, не станемъ даже препираться съ ними о достоинствѣ и выгодахъ политической русской теоріи, но да примутъ они прежде всего настоящее торжество какъ несомнѣнное свидѣтельство *сознательной* и *свободной* воли народной. Такова мысль и хотѣніе Русскаго народа, издревле и въ теченіи ряда вѣковъ подтвержденныя несмѣтнымъ множествомъ его произвольныхъ жертвъ. Была пора, когда сокрушилось въ дребезги Русское государство, когда самый родъ царскій пресѣкся, и только народъ, не кто другой, какъ онъ самъ,— спасъ Русскую землю, воздвигъ государство, и все свое временное полновластіе приложилъ къ возстановленію царской личной, самодержавной власти...

Затѣмъ,—какъ объяснить не то что Западу, но гордости и самомнѣнію логическаго, формальнаго разума ту глубину вѣрующаго духа и ту высшую потребность *свободы*, которая даетъ смыслъ и такое своеобразное опредѣленіе самому государственному строю нашей православной Руси! Да, свободы,—той свободы, которая, признавая необходимость точнаго закона и внѣшней правды для гражданскаго общежитія, не можетъ однако поработить, закабалить его мертвящей буквѣ и грубому формализму, и порываясь въ просторъ духа и истины, восполняетъ букву и внѣшность правды живымъ началомъ *личной*, свободной, свѣтомъ Христовымъ просвѣщаемой *совѣсти*, — другими словами: личной, независимой воли. Не скрыта отъ мудрости народа немощь человѣческаго естества, возможность грѣховныхъ уклоненій или паденій, да и не ищетъ онъ безразсудно совершенства въ дѣлахъ земныхъ, но споспѣшествуетъ имъ молитвою, нравственнымъ подвигомъ жизни, ждетъ, долготерпитъ, и вѣруя въ благую мощь Божіей правды, неуклонно вѣруетъ и въ святыню души и совѣсти человѣческой. «Вѣрою въ человѣка» любятъ рядиться порою и на Западѣ такъ-называемые гуманисты, но эта ихъ вѣра лишена нравственной божественной основы, а потому и посрамляется ежечасно. Ни въ одномъ народѣ не живетъ эта вѣра въ человѣка съ такою силою какъ въ Русскомъ; высшимъ ея проявленіемъ и служитъ полнота власти, которою облечены его самодержцы. Не бездушнымъ, искусно сооруженнымъ механизмомъ является власть въ Россіи, а съ человѣческою душою и сердцемъ... Въ томъ-то вся и сущность союза Царя съ народомъ, что божественная нравственная основа жизни у нихъ едина, единый Богъ, единый Судія, единъ Господень законъ, единая правда, единая совѣсть. На совѣсти, на вѣрѣ въ Бога и на страхѣ Божіемъ утверждаются ихъ взаимныя отношенія, и вотъ почему ни для царской власти, ни для народнаго послушанія не существуетъ иныхъ ограниченій, кромѣ заповѣдей Господнихъ.

Все это Эллинамъ или Западу «безуміе» и даже «соблазнъ», но таково чаяніе и упованіе Русскаго народа. Государство для него не есть конечная цѣль бытія, а только средство и способъ болѣе или менѣе мирнаго и благоденственнаго человѣческаго сожительства — ради высшей нравственной цѣли, — сожительства, предъ которымъ предносится иной образъ бытія, предвозвѣщенный Христомъ. Русское гражданское общежитіе не только не отвергаетъ высшаго божественнаго надъ собою начала, а напротивъ носитъ его въ себѣ, какъ душу въ тѣлѣ, и понятно поэтому, что русское самодержавіе возможно только какъ учрежденіе *вполнѣ народное*, вполнѣ національное. Самодержецъ-латинянинъ или вообще иновѣрецъ немыслимъ въ Русской землѣ, какъ немыслимъ и самодержецъ-Нѣмецъ.

Нѣтъ, не надъ рабами, по мысли и чувству народному, властвуетъ Русскій Царь, а надъ свободными о Христѣ людьми Божіими, равно искупленными кровію Спасителя... О, Русскій Царь, блюди же эту ихъ многоцѣнную о Богѣ свободу, чти выше всего святыню званія человѣческаго, и карая проявленія злой, плѣнной воли, воспитывай людей Твоихъ въ сознаніи этой свободы и этой святыни! Прекрасны слова обращенныя митрополитомъ Платономъ къ Государю Александру I при Его вѣнчаніи: «предстанетъ предъ престоломъ Твоимъ — говорилъ святитель — и самое человѣчество въ первородной своей и нагой простотѣ, безъ всякаго отличія по рожденію и происхожденію: взирай! возопіетъ, на права человѣчества!»...

Но не одну свободу духовную отъ буквы и формализма внѣшней законной правды обрѣтаетъ Русскій народъ въ свободѣ вѣрующей совѣсти или личной власти Царя христіанина. Есть и другая свобода — свобода быта и общественной жизни — совмѣстимая вполнѣ лишь съ сильною, незыблемою, вполнѣ независимою властью. Ни одна страна въ мірѣ не способна вынести такой широкой, истинно доброй свободы, какую, если и не имѣетъ, то могла бы вынести Россія, благодаря основному началу своего государственнаго строя. Ибо въ то время какъ на Западѣ *во имя свободы* кипитъ вѣчная борьба *изъ-за власти* между правительствомъ и народомъ, или же отдѣльными общественными кругáми, и всякая сторона захватывающая власть лишаетъ свободы другую,—въ Россіи нѣтъ и не можетъ быть о власти даже и спора. Русскій народъ не только не ищетъ для себя политическаго «верховенства», но и отвращается отъ него всѣми помыслами, всѣмъ существомъ своимъ и никогда не допуститъ перемѣщенія центра верховной *самодерживной* власти (ибо высшая власть, въ источникѣ своемъ, и *не мыслится иначе*, *какъ безусловная*, по самому существу своему) съ царскаго престола на министерскій стулъ или на относительно-микроскопическое большинство такъ-называемыхъ представителей народныхъ. Никогда не предпочтетъ Русскій народъ самодержавію личной, нравственно - отвѣтственной совѣсти человѣка-Царя случайное перескакивающее самодержавіе вѣчно зыблющагося. измѣнчиваго, ариѳметическаго перевѣса безличныхъ голосовъ, даже и нравственно-безотвѣтныхъ! Въ томъ-то и значеніе Русскаго Царя, и основа благодѣтельной независимости Его власти, что Онъ не есть какой-либо «первый дворянинъ», какъ бывало во Франціи, ни представитель какого-либо господствующаго въ данную пору сословія, ни вождь извѣстнаго разряда единомышленниковъ, ни даже глава пресловутаго «большинства». Онъ — первый человѣкъ своей земли и своего народа, никому и ничему не подвластенъ, лишь Богу и Его заповѣдямъ. Русскій вѣнецъ или жезлъ правленія не игралище періодическихъ выборовъ, не предметъ добычи для борющихся партій—способомъ насильственнаго или искусственнаго захвата. При благословенномъ наслѣдственномъ образѣ нашего правленія, Царь пріемлетъ власть не своимъ честолюбивымъ или властолюбивымъ хотѣньемъ, а по произволенію Божьему, пріемлетъ какъ *бремя*, какъ служеніе, какъ подвигъ, Богомъ ему сужденный.

Русскій народъ, подтверждаемъ снова, чуждъ всякаго поползновенія къ политическому державству; онъ желаетъ себѣ лишь свободы быта, свободы внутренняго общественнаго сложенія и самороста, свободы жизни и дѣятельности. Ни въ какой странѣ поэтому и не существуетъ, въ основѣ государственнаго устройства, такихъ широкихъ зачатковъ мѣстнаго самоуправленія какъ въ Россіи: нѣтъ надежнѣйшей опоры и оплота для русской царской власти какъ нашъ сельскій *міръ;* на мірскомъ или общинномъ строѣ Русской земли, способномъ и къ болѣе полному, въ народномъ же духѣ развитію, зиждется русское самодержавіе. Чѣмъ тверже и независимѣе верховная власть, тѣмъ совмѣстимѣе съ нею и всякое благо мирной свободы.

Таково искони воззрѣніе Русскаго народа. Оно живетъ въ немъ и поднесь. Но какъ утратило оно свою чистоту, какому искаженію подверглось въ сознаніи высшей общественной среды со временъ Петровскихъ преобразованій! Подъ воздѣйствіемъ государственныхъ образцовъ и ученій Запада затмилось (но не въ народѣ) истинное представленіе о русской царской власти и объ отношеніяхъ ея къ Русской землѣ. Сѣдая старина и вѣковѣчная народная правда покрылись многоразличными наслоеніями чуждыхъ имъ новшествъ; словно маскарадною мишурою поспѣшила одѣть Святую Русь подобострастная, но притомъ и властная подражательность нашего XVIII, да отчасти и XIX вѣка. Съ точки зрѣнія иноземно-полицейской, свободно и самоотверженно подчинявшійся народъ трактовался какъ завоеванный. Противъ простоты и довѣрчивости его любовнаго отношенія къ высшей власти принимались суровыя мѣры огражденія. Всѣ званія, всѣ учрежденія, весь составъ правительственнаго строя перекрещенъ иностранными именами, переиначенъ по узкой нормѣ голландскихъ, шведскихъ, нѣмецкихъ и иныхъ чужеплеменныхъ понятій. Духовное разъединеніе съ народомъ усложнилось и внѣшнимъ разъединеніемъ средоточія правительственнаго съ средоточіемъ жизни народной. И процвѣло въ нашемъ отечествѣ, подъ блестящимъ покровомъ заемной образованности, забвеніе отечественныхъ преданій, полнѣйшее невѣжество, непониманіе Русской земли, отрицаніе всякихъ правъ Русскаго народа на духовную самобытность, ложное просвѣщеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и оскудѣніе зиждительной мысли, изсякновеніе всякаго творчества жизни,—подъ конецъ даже немощь внѣшняя и нравственная!... Отсюда источникъ странныхъ, порою чудовищныхъ недоразумѣній, напрасныхъ страховъ и напрасныхъ самообольщеній, цѣлаго ряда роковыхъ ошибокъ, того безнароднаго направленія въ политикѣ, того отвлеченнаго безпочвеннаго воспитанія, той безпутицы умственной, которыя породили всѣ печальные общественные недуги и явленія новѣйшихъ временъ. Но, благодареніе Богу, не растратилъ народъ, а уберегъ сокровище своего русскаго духа—залогъ нашего нынѣ возрожденія и исцѣленія. Никакія превратности не заставили народъ измѣнить своимъ нравственнымъ и гражданскимъ, своимъ историческимъ началамъ и вѣрованіямъ; непоколебима пребыла его вѣра въ Царя: чутко охранялъ онъ права русскаго престола отъ всякихъ олигархическихъ посягательствъ, и какъ ни тяжелы бывали годины испытаній, не народная любовь оставалась передъ властью въ долгу! Напротивъ, въ эти-то годины историческихъ испытаній и выносилъ онъ, нашъ подвигоположникъ народъ, на своихъ могучихъ плечахъ, и цѣлость, и честь, и славу Россіи и возвращалъ ее и насъ всѣхъ, его самонадѣянныхъ пѣстуновъ и вождей, на путь указанный Россіи исторіей, отъ котораго не разъ отклоняла ее нерусская мысль... Свято помнилъ и помнитъ нашъ «родной край долготерпѣнья» завѣтъ Христа Бога: «претерпѣвый до конца той спасется»..

И мнится—о благостное упованіе!—уже близокъ, уже виденъ конецъ... конецъ претерпѣванію! Не новая ли заря занимается предъ нами? Не новый ли историческій день несетъ намъ Твое нынѣ восшествіе на русскій престолъ, Царь нашъ возлюбленный? Не обманетъ сердце народное—сердце сердцу вѣсть подаетъ—и слышитъ оно: бьется въ Твоей груди, подъ всѣми величавыми облаченіями Твоего царственнаго сана—*простое русское сердце*,—то, что̀ намъ именно теперь на потребу, что̀ всего многоцѣннѣе Твоему народу, чего такъ давно, давно не бывало! О, вѣрь своему сердцу, вѣрь своему народу и не презри, о Государь, какъ дерзновенныя моленія наши. Отреби весь этотъ наносный хламъ чужеземныхъ началъ и понятій, ограничившій свободу царскихъ отношеній къ родной странѣ, отдаляющій и отдѣляющій Царя отъ народа!.. «Любовь да совѣтъ»—такимъ благимъ пожеланіемъ напутствуютъ обычно русскіе люди обрядъ вѣнчанія: пусть же свободно притекаютъ къ Тебѣ, нововѣнчанный съ своею землею Царь, ея любовь и совѣтъ, пусть стоитъ она всегда лицомъ къ лицу съ Тобою, и не заститъ ее средостѣніе слугъ царевыхъ! Пусть пахнетъ на Твои правительственныя высоты свѣжій, родной, вольный воздухъ общественныхъ и народныхъ низинъ и разрѣдитъ спертый воздухъ тѣхъ обширныхъ государственныхъ готовалень, куда попавъ, вянетъ всякая плодотворная, особенно русская, національная мысль, мельчаетъ до ничтожества всякое крупное начинаніе! Да вѣдомо же будетъ всѣмъ до послѣднихъ концовъ Твоей державы, что Русскій Царь не есть только верховное звено служебной іерархіи, составная, хотя бы и главенствующая часть административнаго механизма, но личное, живое и жизненное, весь государственный и земскій составъ проникающее начало! Какъ электрическіе токи пробѣгаютъ въ народъ всѣ движенія сердца, мысли и воли Царевой, и всякій малѣйшій Твой личный благой починъ отзовется въ Твоей странѣ великимъ, всеобщимъ, одушевленнымъ напряженіемъ силъ и исполинскимъ дѣломъ. Нуженъ царскій починъ Русской Землѣ—олицетворяющей въ Царѣ себя и свою совокупную волю, видящей въ Немъ живой символъ своей мощи и своего единства!.... Совлеки съ Твоихъ слугъ, Государь, ветхаго—казеннаго человѣка, внѣдреннаго въ русскую жизнь петербургскимъ періодомъ нашей исторіи, и обнови въ нихъ подлиннаго человѣка земли, въ честномъ званіи подданныхъ и слугъ Твоей державы. Изжени ложь и лесть, и всякое низкое угодничество или по-просту подлость, такъ обильно разросшуюся въ нашей оффиціальной средѣ: да не молчитъ правда, но безбоязненно подъемлетъ свой голосъ, и широкимъ царственнымъ путемъ идетъ въ чертоги Царевы,—иначе, минуя ихъ, пробираясь кривыми окольными тропами, исказится она въ самомъ существѣ своемъ, и какъ запретный плодъ обростетъ ложью и зломъ.... Истомились, изнемогли мы, Государь, отъ долгаго блужданія и шатанія по чужимъ дорогамъ или по бездорожью. Подними же нашъ, уже было поникшій духъ,—нѣтъ хуже бѣдствія для страны какъ приниженіе духа! утѣшь и чувство чести народной! Да свободно и плодотворно развиваются всѣ обильныя дарованія и вещественныя богатства земли Твоей, да процвѣтетъ у насъ самостоятельнымъ цвѣтомъ наука и знаніе,—да придетъ, по древнему выраженію нашихъ предковъ, «Русское государство все въ достоинство!» Оживи же насъ, Государь, вызови къ творческой дѣятельности, оправдай, уполноправь доселѣ неполноправный въ родной землѣ разумъ народный, которымъ однимъ однако стоитъ незыблемою твердыней Твое неизмѣримое царство!

И Ты оправдаешь, Ты уполноправишь его, нашъ разумъ народный, несомнѣнно къ высшему, всемірно-историческому жребію предназначенный, и послужишь Божьей истинѣ въ царскомъ служеніи Своему народу! Такъ вѣрится русскому сердцу, и отъ того-то столько бодрой радости въ этихъ мужественныхъ народныхъ кликахъ... Все возможно Царю Русскому въ единствѣ духа съ Своею Землею!.. Какъ Ты богатъ, какъ мощенъ Ты любовью Твоего народа: эта любовь неодолима, эта любовь творитъ чудеса, и ждетъ лишь отъ Тебя властительнаго манія!

Пусть же высоко взовьется наше русское знамя,—знамя Вѣры, святой свободы, правды и просвѣщенія, знамя мира и племеннаго братства! Пусть низойдетъ на Тебя, Царь Русскій, Царь православнаго Востока, подъ сѣнію древнихъ святынь Кремлевскихъ, наитіе и откровеніе духа русской народности и исторіи: тогда лишь вполнѣ разсѣется тьма, и расточатся враги Твои!

Послѣ коронаціи.

«Русь», 1-го іюня, 1883 г.

Завершился, наконецъ, почти трехнедѣльный періодъ торжествъ и празднествъ, содѣявшихся истиннымъ событіемъ не только для Россіи, но и для всего міра, величавыхъ, важныхъ,—необычайныхъ и по громадности внутренняго значенія, и по колоссальности внѣшнихъ размѣровъ, и по блеску, пышности, красотѣ, а болѣе всего—по той могучей жизненности, народной и государственной, которой они были выраженіемъ и свидѣтельствомъ. Завершились два года напряженныхъ ожиданій, тревожныхъ недоумѣній, опасеній, подготовленій, и завершились, вопреки всякимъ мудрованіямъ, такимъ внезапнымъ, можно бы сказать, «благорастворенiемъ воздуховъ» въ общественной атмосферѣ, такимъ всеобщимъ свѣтлымъ, мирнымъ, мужественно-благодушнымъ праздничнымъ настроеніемъ, что никакому слишкомъ замѣтному диссонансу не пришлось нарушить гармонію цѣлаго и все предположенное по программѣ исполнилось съ успѣхомъ — превзошедшимъ самыя смѣлыя чаянія!.. Теперь, когда для Москвы, пресыщенной и утомленной обиліемъ сильныхъ ощущеній, блескомъ и шумомъ зрѣлищъ, и гуломъ собственныхъ ликованій, настаютъ снова благодатные будни съ лѣтнимъ досугомъ и тишиной, можно съ бо̀льшею трезвостью духа оглянуться назадъ, провѣрить испытанныя впечатлѣнія и постараться уразумѣть вѣщій смыслъ пережитыхъ дней... Въ нихъ цѣлое откровеніе... Не должно, не можетъ же оно пройти безслѣдно для нашего общественнаго и правительственнаго сознанія!

«Два Лица, два гиганта только и стояли сегодня другъ передъ другомъ: Царь и Народъ, Народъ и Царь, и творили вмѣстѣ великое дѣло исторіи», — писали мы въ самый день царскаго вѣнчанія, подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ всего, что̀ мы сами удостоились видѣть и слышать и въ Кремлѣ и въ Успенскомъ соборѣ. Это же самое можемъ повторить мы и теперь, и не только о днѣ вѣнчанія, но и о всѣхъ послѣдовавшихъ торжествахъ и празднествахъ. Во истину величественны, обаятельны и многознаменательны были, съ нашей точки зрѣнія, только тѣ изъ нихъ, которыя совершались на почвѣ или въ обстановкѣ исторіи; неизгладимый слѣдъ врѣзывали въ душу только тѣ картины, въ которыхъ такъ или иначе принималъ живое участіе самый народъ. Конечно, не залитые золотомъ мундиры придворныхъ чиновъ съ нѣмецкими именованіями придавали настоящій блескъ, красоту и пышность коронаціи, а именно сѣрый армякъ несмѣтныхъ народныхъ полчищъ, волнующихся восторгомъ какъ море, какъ море могучихъ: словно морскіе валы воздымались народныя ликованія и переливаясь ниспадали съ любовью и упованіемъ къ стопамъ Того, въ комъ олицетворяетъ себѣ народъ единство Россіи и ея историческую судьбу... Если чего недоставало, напримѣръ, торжеству освященія храма Христа Спасителя, связанному съ памятью объ одномъ изъ величайшихъ событій нашей исторіи, такъ именно присутствія *народа* — въ тѣсномъ смыслѣ слова. Холодная красота храма и велелѣпная *церемонія* освященія не согрѣвались искреннею молитвою простыхъ людей изъ народа: признано почему-то нужнымъ въ этомъ громадномъ зданіи (вмѣщающемъ до 8 тысячъ человѣкъ) пустить одну *публику*, да еще парадную. Нѣсколько сотенъ крестьянъ съ «разореной дорожки отъ Можайска до Москвы», какъ поется въ пѣснѣ народной, несравненно болѣе украсили бы зрѣлище, чѣмъ камеръ-юнкеры всего свѣта... Вообще не такъ,—думали мы, присутствуя на освященіи храма,—освящалися во время оно соборы въ Кремлѣ, и едвали почтутъ этотъ храмъ мощи новыхъ Угодниковъ Божіихъ... А между тѣмъ, безъ сомнѣнія, самое побужденіе Императора Александра I, возникшее въ его душѣ въ ту минуту, когда, побѣдоносный, стоялъ онъ на самомъ верху доступной смертному славы,—это побужденіе воздвигнуть, вмѣсто всякаго горделиваго монумента объ изгнаніи вражескаго нашествія въ 1812 году, храмъ Христу Богу, храмъ благодаренія и покаянія,—это движеніе сердца, выразившееся словами: «Не намъ, не намъ, но Имени Твоему», было движеніемъ не только истинно-христіанскимъ, но и истинно-русскимъ.

Вообще не то дорого, что̀ можно добыть золотомъ, а то, чего ни за какія деньги въ мірѣ купить невозможно, что̀ носитъ на себѣ печать вѣковъ, въ чемъ сказался духъ исторіи, выразилось самобытное творчество національнаго духа, слышится искренность души народной. Эту старую простую истину, столь явную намъ, въ нашей древней, народной и царской столицѣ, не всегда понимаютъ въ нашей казенной столицѣ — Санктъ-Петербургѣ. Не жалѣть рублей — можно воздвигнуть не только на Ингерманландскихъ болотахъ, но и на Мангышлакѣ, по чужимъ образцамъ—эллинскимъ, римскимъ и инымъ европейскимъ — великолѣпныя, роскошныя зданія; но никакими милліонами не придать этимъ рабскимъ копіямъ обаянія искренней, самородной жизни, — какъ ни какими милліонами не добудешь той красоты, которою обладаетъ, напримѣръ, Кремлевскій дворецъ и которая великолѣпнѣе и роскошнѣе всѣхъ его богатствъ и его убранства: именно вида съ дворцовой террасы на Кремль и на Замоскворѣчье, на этотъ городъ—созданіе столѣтій Русской исторіи!.. Еще менѣе какими-либо сокровищами, даже милостями и льготами (и никогда велѣніями власти) можно бы вызвать изъ нѣдръ души народной то, что̀ всего многоцѣннѣе не только предъ Царемъ, но и предъ Россіей, предъ всей вселенной, предъ самимъ Богомъ, — тѣ свободныя проявленія любви, то крестное знаменіе напримѣръ, которымъ одновременно, разомъ, осѣнили себя Московскіе люди во всѣхъ концахъ города, когда заслышали пушечные выстрѣлы возвѣстившіе начало царскаго шествія въ родную столицу... Или то соучастіе народа на Кремлевской площадкѣ въ богослуженіи совершавшемся 15 мая въ Успенскомъ соборѣ, и особенно въ Царской колѣнопреклоненной молитвѣ: «Царь молится» — пронеслось по толпамъ *народнымъ*, и водворилась тишина... Публика соучаствовала болѣе въ церемоніи... Да, никто серьезнѣе и благовѣйнѣе Царственной четы и народа не отнесся къ тому великому часу, когда произносилъ Царь предъ лицомъ Бога свой страшный и, какъ выражается Манифестъ, «великій обѣтъ Царскаго званія». Чтó предъ этимъ священнодѣйствіемъ молитвы и любви народной («мужичья» на языкѣ полиціи и распорядителей церемоній) вся эта пышность, блескъ, мнимая краса тѣхъ новѣйшихъ церемоніальныхъ аксессуаровъ, которыми оплелъ и переплелъ Петръ I старинный чинъ «вѣнчанія», почему-то переименованнаго имъ въ «коронацію», и для которыхъ искалъ онъ себѣ авторитетные образцы по всѣмъ дворамъ Западной Европы!

Вотъ почему, — по нашему мнѣнію, — самые лучшіе, возвышенные, знаменательные, вѣщіе моменты всего этого періода торжествъ были именно тѣ, когда духъ нашей до-Петровской старины и вѣковѣчная правда народной воли, народнаго чувства и мысли *проступали* сквозь внѣшнюю оболочку чуждыхъ имъ формъ не совсѣмъ почтенной старины XVIII вѣка, — проступали не только *сквозь*, но и *вопреки*. Мы вовсе не придаемъ особенно важнаго значенія формамъ, но тѣмъ не менѣе, въ какомъ странномъ, рѣзкомъ разладѣ съ Кремлемъ и народомъ представлялись, напримѣръ, при въѣздѣ, всѣ эти золотыя кареты временъ Людовика XV, эти въ пудреныхъ парикахъ кучера, конюхи и служители, а потомъ и эти герольды въ средневѣковыхъ европейскихъ одеждахъ, возвѣщавшіе *русскимъ* людямъ день назначенный для вѣнчанія *Русскаго* царя вѣнцомъ державныхъ предковъ, зиждителей Русскаго Государства! Трудно понять, почему признано было благопотребнымъ, при семъ русскомъ торжествѣ, помянуть французскія моды и обычаи временъ отжившихъ, да еще такъ трагически отжившихъ, — но впрочемъ это можно объяснить тѣмъ, что и въ Петербургѣ (въ канцеляріяхъ котораго подготовлялись церемоніалы) также хотѣли держаться *старины*, а Петербургская старина не восходитъ далѣе XVIII столѣтія. Завѣтныя преданія Петербурга примыкаютъ всѣ къ вѣку раболѣпной подражательности Западной Европѣ, придворныхъ событій и эволюцій, вельможества фаворитовъ, высомѣрнаго воззрѣнія на отдаленную отъ него Россію, какъ на матеріалъ для лѣпки по образу и подобію чужихъ государствъ, и поэтому понятно, что въ своемъ хронически-наивномъ недоразумѣніи Петербургъ не на шутку почитаетъ *такую старину* равно дорогою и для Русскаго народа!... Въ настоящемъ случаѣ можно было бы пожалуй и не вспоминать о такихъ мелочахъ, какъ названные нами «аксессуары». еслибы эти мелочи не служили симптомомъ подчасъ болѣе серьезныхъ недоразумѣній. Въ томъ-то именно и заслуга нашего умнаго народа, что не сбили его съ толку никакія петербургскія новшества, что неугасимымъ хранитъ онъ путеводный свѣтильникъ своего историческаго духа, которымъ и озарилъ теперь нашу общественную умственную мглу, — который вспыхиваетъ яркимъ пламенемъ во всѣ важныя и грозныя мгновенія нашего государственнаго бытія.

Русское общество или по крайней мѣрѣ значительная его и наиболѣе властная его часть совсѣмъ было и запамятовала о томъ сокровищѣ мудрости и силы, которое пребываетъ въ нашемъ народѣ, и смущенная событіями послѣднихъ лѣтъ, уже готова была предаться унынію, но вотъ въ великую минуту «суда Божія», какъ обычно называетъ народъ церковное вѣнчаніе, выступилъ онъ впередъ словно бы говоря: «я живъ»!... А живъ народъ — жива и Россія, живо начало единовластія, крѣпокъ Престолъ!... Потому что истинная «опора Престола и отечества» зиждется никакъ не въ той или другой *корпораціи*, всегда наклонной «преслѣдовать», кромѣ государственныхъ, и свои корпоративные при томъ интересы, а въ *народѣ*, разумѣется въ его совокупности со всѣми тѣми, которые, не принадлежа къ народнымъ массамъ по своему общественному положенію, тѣмъ не менѣе чужды личныхъ или сословныхъ расчетовъ и связаны съ народомъ единствомъ духа и мысли.

Удивительны, неизслѣдимы отправленія этого мистическаго организма, называемаго народомъ! Точно электрическій токъ пробѣгаетъ по всѣмъ этимъ милліонамъ умовъ и сердецъ и связываетъ ихъ во едино. Не сговаривался народъ на пространствѣ всей Россіи—какъ отнестись къ торжеству, какъ вести себя во время коронаціи,—не собирался предварительно въ митинги, не условливался, не избиралъ себѣ шефовъ-руководителей, а между тѣмъ дѣйствовалъ и поступалъ словно сговорившійся, на изумленіе и русской публикѣ, и чиновному міру, и всѣмъ иностранцамъ. «Мыслимо ли въ Германіи—такъ разговаривали между собою, но слышно для насъ, на Народномъ Праздникѣ два Нѣмца-корреспондента—чтобы такая громадная толпа простонародья и рабочихъ вела себя до такой степени чинно, благоприлично, вѣжливо, so artig, и въ то же время просто и непринужденно»?!... Отсутствіе пьяныхъ въ теченіи этихъ трехъ недѣль возбужденнаго, праздничнаго состоянія духа было истинно поразительно. Въ томъ то и дѣло, что народъ, если и не отдавалъ себѣ вполнѣ яснаго отчета, то все же инстинктивно, какъ народъ историческій, чувствовалъ и понималъ, что настоящая коронація имѣетъ теперь особенное значеніе, какого не имѣли коронаціи прежнихъ временъ. Всѣ эти его ликованія любви и преданности Царю звучали въ то же время мощнымъ *протестомъ* противъ всякихъ преступныхъ посягательствъ на цѣлость основнаго историческаго принципа русскаго государственнаго бытія,—принципа единовластія. Великій историческій народъ какъ бы хотѣлъ явить предъ лицомъ всего міра, и явилъ свободно, собственнымъ произволеніемъ, новое подтвержденіе русскому государственному строю и неразрывность союза Царя съ Русской землею. Въ этихъ кликахъ, благословеніяхъ, молитвенныхъ знаменіяхъ, исполненныхъ такой святой искренности и такой небывалой горячности, выразилось вмѣстѣ съ тѣмъ и все что̀ перестрадало его сердце, что̀ вытерпѣло чувство чести народной отъ событія 1 марта, отъ всѣхъ позорныхъ неслыханныхъ на Руси злодѣяній!... И онъ достигъ вполнѣ своей, инстинктивно-намѣченной цѣли. Честь народная возстановлена теперь въ сознаніи всего міра.

Поняли всѣ иноплеменники, что живъ и бодръ Русскій народъ, что на немъ покоится мощь, величіе и основной строй Россіи, что всѣ русскіе недуги только на поверхности, и что правду русской зиждительной, внѣшней и духовной силы застилаетъ лишь густое облако лжи, призрачной немощи и всяческихъ уродливыхъ призраковъ, — цѣлый міръ фальшиваго и мнимаго, порожденный тою частью самого русскаго общества, которая воспиталась въ отчужденіи отъ своего народа!

И что̀ замѣчательно: то же поведеніе народа не только въ Москвѣ, въ присутствіи Царя, но и на всемъ пространствѣ Россіи, какъ Великой, такъ и Малой, вездѣ и всюду: то же искреннее, вполнѣ народное празднованіе и то же отсутствіе пьянства. Къ сожалѣнію, въ этомъ общемъ хорѣ былъ только одинъ диссонансъ въ Петербургѣ, какъ о томъ сообщаютъ петербургскія и заграничныя газеты. Конечно, это диссонансъ случайный и по существу своему вовсе не рѣзкій, но надо-жъ было такъ случиться, что онъ произошелъ именно въ томъ городѣ, который не переставалъ развлекаться театральными зрѣлищами въ 1812 году, когда Москва горѣла и вся Россія плакала навзрыдъ,— который вообще, какъ зачатый въ духѣ протеста противъ русской закоснѣлой старины, перешедшаго уже въ прямое отрицаніе самобытности русскаго народнаго духа, есть и безъ того постоянный, олицетворенный диссонансъ въ общемъ строѣ русской жизни. Можетъ быть, оно такъ и требуется неумолимыми условіями нашего историческаго развитія, чтобъ Петербургъ, разстроившій первоначально своимъ диссонансомъ нѣсколько самодовольный хоръ русской національной исключительности, продолжалъ тянуть эту фальшивую ноту до тѣхъ поръ, пока не вызоветъ изъ нѣдръ народнаго духа, вмѣстѣ съ успѣхами народнаго самознанія, элементовъ новой, болѣе широкой и мощной гармоніи,—пока не споются наконецъ духовно, еще раздѣленные теперь, и народъ и общество въ такой общій хоръ, что препобѣдитъ онъ и заглушитъ своимъ стройнымъ ладомъ всякую антинаціональную музыку...

Можетъ-быть. Такое упованіе выносимъ мы послѣ всѣхъ этихъ празднествъ; настроеніе и образъ дѣйствій народа подняли, полагаемъ, духъ и не въ насъ однихъ. Вѣримъ и надѣемся, что та фальшивая нота, которую тянуть составляетъ роковое историческое призваніе Петербурга, уже не усилится въ своемъ діапазонѣ, а станетъ постепенно ослабляться и понижаться, и что именно настоящему царствованію сужденъ новый подвигъ освобожденія,—освобожденія русской мысли и русскаго чувства изъ того духовнаго плѣна, въ которомъ они доселѣ обрѣтались даже на верховныхъ высотахъ власти, за исключеніемъ развѣ лишь нѣкоторыхъ великихъ мгновеній. Пусть же свѣтильникъ историческаго духа, хранимый нашимъ народомъ, озаряетъ насъ не временами только, а всегда, на всѣхъ путяхъ жизни и дѣятельности!...

Не входитъ въ обязанность нашего изданія состязаться съ ежедневными газетами въ быстромъ и подробномъ сообщеніи всѣхъ событій общественной жизни, не исключая даже и коронаціонныхъ торжествъ и празднествъ. Наша задача не описывать ихъ, а лишь по поводу ихъ высказывать мнѣніе самой редакціи. Тѣмъ не менѣе для тѣхъ изъ нашихъ читателей, которые не получаютъ ежедневныхъ газетъ, мы помѣщаемъ ниже сводную, хотя и краткую лѣтопись, день за днемъ, всего коронаціоннаго періода, составленную по газетнымъ корреспондеціямъ, съ добавленіемъ нѣкоторыхъ нашихъ личныхъ воспоминаній. Кромѣ самого Вѣнчанія, кромѣ этого центральнаго великаго дня, кромѣ представленій всѣхъ депутацій и поднесенія блюдъ съ хлѣбомъ-солью, важнѣйшими фазисами этого періода были безъ сомнѣнія: Царскій въѣздъ и Народный Праздникъ, о которыхъ мы уже и упомянули выше, иллюминація, обѣдъ волостныхъ старшинъ на дворѣ Петровскаго дворца и слова имъ сказанныя Государемъ Императоромъ, двухсотлѣтній юбилей Преображенскаго и Семеновскаго полковъ, праздникъ, данный городомъ Москвою въ Сокольникахъ, и освященіе храма Христа Спасителя. Обѣды и балы во дворцѣ, равно и парадный спектакль не имѣли характера общенароднаго. Военный же парадъ—явленіе довольно обычное.

Иллюминація 15—17 мая явила не только намъ, но и иностранцамъ, еще невиданное доселѣ совершенство пиротехническаго искусства; но не въ этомъ собственно было ея достоинство, а въ очаровательности общей картины иллюминованнаго Кремля съ его башнями и зубцами, съ Иваномъ Великимъ и храмомъ Василія Блаженнаго. Эта красота не поддается описанію,—она казалась видѣніемъ изъ какого-то фантастическаго, волшебнаго міра. Корреспонденты иностранныхъ газетъ единодушно свидѣтельствуютъ, что ничего подобнаго этой картинѣ нѣтъ и не можетъ быть въ цѣломъ мірѣ. Въ самомъ дѣлѣ, огненный рисунокъ этихъ выступовъ, изгибовъ, узоровъ, выдѣляясь еще отчетливѣе на темнооблачномъ фонѣ неба, воспроизводилъ ихъ для глаза въ такой красотѣ, которая казалась новою даже и для старожиловъ московскихъ, потому что, при обыкновенномъ освѣщеніи дня, рѣзкость очертанія линій всегда нѣсколько скрадывается въ воздухѣ... Да, мы можемъ гордиться Кремлемъ и вообще красотою Москвы — какъ художественнымъ произведеніемъ самого народнаго духа, творившаго въ пространствѣ временъ и въ дробности частныхъ, личныхъ вдохновеній, но тѣмъ не менѣе явившаго въ этомъ разнообразіи и разновременьи свое единство и самородный національный характеръ. Изъ этого слѣдуетъ, что мы *обязаны* теперь всячески беречь и соблюдать красоту этого художественнаго творенія, отвести ей мѣсто въ ряду городскихъ интересовъ выше экономическихъ, и не позволять, напримѣръ, подобныхъ святотатственныхъ построекъ, какъ безобразное Кокоревское подворье, заслоняющее видъ изъ Кремля на Замоскворѣчье! Да и самый Кремль внутри его ограды слѣдовало бы содержать съ бóльшимъ уваженіемъ, въ большей чистотѣ и лучшемъ видѣ, нежели содержится онъ теперь Дворцовымъ Вѣдомствомъ.

Созывъ волостныхъ старшинъ, въ числѣ до 700 человѣкъ—явленіе до сихъ поръ небывалое, и несомнѣнно въ высокой степени благотворное. Нельзя не быть признательнымъ верховной власти за такое нововведеніе. Ниже мы помѣщаемъ статью: «У волостныхъ старшинъ», написанную человѣкомъ посѣтившимъ ихъ въ томъ обширномъ жилищѣ, въ которомъ они были собраны, и заслуживающимъ безусловнаго довѣрія. Такой созывъ—самый лучшій способъ объединенія. Привлеченные изъ разныхъ краевъ государства, изъ Великой, Малой, Бѣлой, Червонной Руси, изъ Сибири, съ Юга, Сѣвера, Запада и Востока, въ средоточіе Россіи, къ своему естественному историческому центру — Царскому престолу, они знакомились съ Москвою, знакомились другъ съ другомъ, опознавали такимъ образомъ составъ Русской державы, воочію видѣли ея мощь и ширину основъ, и скрѣплялись взаимною братскою связью. Имъ было любо встрѣтиться и быть вмѣстѣ, и искренно благодарили они правительство за это добро. Нѣтъ лучшаго противодѣйствія всякимъ попыткамъ «сепаратизма», или (что̀ одно и то же) «федерализма», которымъ до сихъ поръ предается часть интеллигенціи на нашемъ Югозападѣ, служа, невѣдомо для себя, слѣпымъ, жалкимъ орудіемъ мятежной польской интриги! Слова Государя Императора, лично къ крестьянамъ обращенныя и которыя мы воспроизводимъ ниже въ оффиціальной редакціи, принесутъ самые добрые плоды и подѣйствуютъ на народъ сильнѣе и убѣдительнѣе всякихъ министерскихъ циркуляровъ и мѣстныхъ начальническихъ внушеній. Эти слова, по тѣмъ разсказамъ самихъ старшинъ, которые намъ удалось слышать, отразились въ ихъ памяти въ формѣ еще болѣе простой и опредѣленной, нежели въ которой они напечатаны. «Что̀ ваше, то свято, сказалъ намъ Царь (такъ передаютъ они), и что̀ чужое, то свято («то не ваше», былъ варіантъ). Ни какой даровой прирѣзки и общихъ передѣловъ не будетъ. Ни какимъ слухамъ не вѣрьте»... «А покупать стало-быть можно»—прибавляли эти старшины, причемъ разспрашивали о Крестьянскомъ банкѣ и затрудняли вопрошаемаго отвѣтомъ! Въ самомъ дѣлѣ—учрежденіе Крестьянскаго банка пріобрѣло широкую популярность въ народѣ, возбудило въ немъ множество надеждъ,—а микроскопическій объемъ, въ которомъ этотъ банкъ долженъ открыть свои дѣйствія, несомнѣнно произведетъ сильное разочарованіе. Въ виду словъ Государя Императора, изъ которыхъ логическій выводъ для всѣхъ крестьянъ такой, что увеличить свой земельный надѣлъ они могутъ только покупкою, желательно конечно, чтобы дѣйствія банка открылись скорѣе и въ болѣе широкомъ размѣрѣ. Впрочемъ объ этомъ учрежденіи мы еще поговоримъ подробнѣе.

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что живое слово Царя, непосредственно обращенное къ народу, можетъ всего скорѣе и дѣйствительнѣе способствовать «умиренію всего смятеннаго», какъ выражается Всемилостивѣйшій Манифестъ 15 мая. Нельзя поэтому не пожалѣть, что при волостныхъ старшинахъ (по одному отъ уѣзда) не было «ассистентовъ», каковые были допущены при предсѣдателяхъ земствъ и городскихъ головахъ, предводителяхъ дворянства и т. п. Эти «ассистенты» могли бы быть призваны изъ неслужащихъ, но пользующихся почетомъ крестьянъ. Они въ средѣ крестьянства заслужили бы еще болѣе вѣры, чѣмъ волостные старшины, которые все же «начальство», да еще изъ мелкихъ, на которыхъ и исправники и мѣстныя власти всѣми мѣрами стараются наводить какой-то казенный лакъ, и которые поэтому рѣдко пользуются искреннимъ сочувствіемъ и довѣріемъ народа. Читателямъ «Руси» извѣстно, что мы уже давно рекомендовали подобный созывъ людей изъ народа; намъ казалось даже, что онъ былъ бы особенно полезенъ тотчасъ послѣ злодѣянія 1 марта, и вывелъ бы Русскій людъ изъ того оцѣпенѣнія и мучительнаго недоумѣнія, въ которое онъ былъ погруженъ ужаснымъ событіемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и предупредилъ бы разные вредные толки и слухи. Во всякомъ случаѣ нельзя не привѣтствовать настоящій починъ непосредственнаго общенія съ народомъ, и не пожелать, чтобы чаще собиралась наша разнородная и столь мало знаемая Русь около Царскаго престола. Но вмѣстѣ съ тѣмъ желательно, чтобы скорѣе совершилось давно ожидаемое преобразованіе уѣзднаго управленія и вообще земскаго устройства, въ настоящее время совершенно не удовлетворяющихъ существеннѣйшихъ нуждъ ни крестьянъ, ни личныхъ землевладѣльцевъ... Что же наконецъ дѣлаетъ такъ-называемая Кахановская Коммиссія?...

Знаменательно было и празднованіе двухсотлѣтняго юбилея существованія Преображенскаго и Семеновскаго полковъ, не какъ родоначальниковъ гвардіи разумѣется, а какъ родоначальниковъ нашей чудной, доблестной регулярной арміи. Колыбелью русской регулярной арміи—все та же Москва. Еще какъ московскіе полки били Преображенцы и Семеновцы при Петрѣ Шведовъ, и только впослѣдствіи преобразовались они въ петербургское привилегированное войско—гвардію,—а это названіе, дорогое для Петербурга, не много говоритъ народному сердцу въ остальной Россіи. — Необыкновенно изященъ, щеголеватъ и радушенъ былъ праздникъ данный городомъ въ Сокольникахъ, вмѣстѣ съ щедрымъ угощеніемъ чуть не 12 тыс. войска, и осчастливленный посѣщеніемъ Государя, Государыни, членовъ Царскаго Дома и Ихъ иностранныхъ Гостей. Нельзя не отдать чести распорядителямъ, которые умѣли и безъ содѣйствія полиціи, а можетъ-быть именно потому, соблюсти удивительный, пріятный такъ-сказать порядокъ, безъ всякихъ внѣшнихъ напряженныхъ усилій. Все шло чрезвычайно стройно; угощаемые солдаты обѣдали весело, непринужденно и въ высшей степени благоприлично...

Великолѣпенъ храмъ Христа Спасителя, великолѣпенъ былъ церемоніалъ освященія, великолѣпны духовныя процессіи, стекавшіяся «золотою рѣкою» (какъ удачно выразилось «Новое Время») изо всей Москвы со святынею къ храму, великолѣпенъ крестный ходъ кругомъ храма, подъ сѣнію хоругвей, знаменъ и съ видомъ на Кремль, на Москву-рѣку и Замоскворѣчье. Какъ бы хотѣлось, чтобъ къ этому храму могли вполнѣ примѣниться извѣстные стихи Пушкина, чтобъ и про этотъ храмъ можно было сказать, что

> .... онъ блещетъ средь народа
> Священной памятью двѣнадцатаго года.

Однѣ вырѣзанныя надписи на мраморныхъ плитахъ, по нашему мнѣнію, недостаточны. Нужно, чтобъ что-нибудь постоянно напоминало о 12 годѣ, чтобъ гдѣ-нибудь сіяли или такъ-сказать зіяли слова «въ память 1812 года», или чтобъ самая площадь была украшена рядомъ памятниковъ этой священной годины. Впрочемъ, кажется, послѣднее предположеніе уже существуетъ... Но будетъ ли этотъ храмъ *народнымъ* — въ тѣсномъ смыслѣ слова? Не знаемъ. Онъ приличенъ болѣе для пышныхъ торжествъ и несовсѣмъ удобенъ, по самымъ размѣрамъ своимъ, для обычнаго богослуженія; резонансъ въ храмѣ требуетъ многолюдья; иначе членораздѣльность словъ скрадывается для слуха, кромѣ развѣ зычныхъ протодьяконскихъ возгласовъ. Нельзя не замѣтить также, что нижній ярусъ стѣнъ слишкомъ голъ, а это непривычно для православнаго глаза. Не представляя никакого оригинальнаго характера въ своемъ внѣшнемъ видѣ, храмъ Христа Спасителя тѣмъ не менѣе замѣчательное произведеніе зодчества по стройности и гармоничности размѣровъ, особенно внутри. Не говоримъ уже о богатствѣ и роскоши матеріала и украшеній, и о многихъ высоко-художественныхъ священныхъ изображеніяхъ.

Въ русскомъ самодержавіи для насъ залогъ истинной гражданской и соціальной свободы.

«Русь», 1-го февраля 1884 г.

Самымъ выдающимся явленіемъ въ послѣднія двѣ недѣли была безспорно статья «Московскихъ Вѣдомостей» въ № отъ 12 января, какъ сама по себѣ, такъ и по тому впечатлѣнію, которое она произвела на общество, по тѣмъ толкамъ, которые возбудила въ нашей печати. Послѣдніе впрочемъ,— какъ хвалебные, такъ и критическіе, какъ «консервативнаго», такъ и «либеральнаго» лагеря,—ничего не разъяснили, ничего не опровергли въ главныхъ положеніяхъ московской газеты, и только, можно сказать, пуще *развили*, каждый лагерь въ свою сторону, то недоразумѣніе, которымъ у насъ словно туманомъ одѣяно самое понятіе объ основномъ историческомъ принципѣ государственнаго строя Россіи. Это недоразумѣніе не устраняется однако нисколько и самою статьею «Московскихъ Вѣдомостей»: она представляется какъ бы недосказанною... Между тѣмъ вопросъ ею теперь поставленный, давно уже намѣченъ самою русскою жизнью и несомнѣнно наиболѣе важный изъ всѣхъ русскихъ вопросовъ; статья касается самыхъ существенныхъ началъ нашего политическаго и общественнаго бытія, и русская мысль не можетъ, не должна успокоиться пока не дастъ на него отвѣта, пока не достигнетъ возможной опредѣленности въ разъясненіи этихъ началъ. Вотъ почему и мы съ своей стороны находимъ нужнымъ заняться подробнымъ разсмотрѣніемъ главныхъ теоретическихъ основаній упомянутой статьи, оставляя пока въ сторонѣ практическіе выводы ея второй половины.

Точкой отправленія для «Московскихъ Вѣдомостей» служать недавнія, появившіяся въ заграничной печати вздорныя изъ Россіи вѣсти о готовящихся будто бы измѣненіяхъ ея государственнаго устройства. Газета съ недоумѣніемъ спрашиваетъ—что̀ могло дать поводъ къ такимъ слухамъ именно теперь, когда «на правительственныхъ высотахъ все спокойно», и приходитъ къ заключенію, что поводъ—«именно въ томъ затишьѣ, которое водворилось у насъ послѣ бурныхъ вѣяній: теперь страну сверху не будоражатъ, но за то и не видно, *куда* направляются ея дѣла, *какой* порядокъ утверждается и будетъ господствовать въ ней». Эта неопредѣленность положенія, безъ сомнѣнія вредная, должна быть прекращена. но прекратить ее можно только опредѣленностью направленія въ самомъ образѣ дѣйствій высшей государственной власти. «Надо,—поясняетъ газета,—чтобы страна знала, какое начало управляетъ ея судьбою, въ какомъ направленіи предстоитъ ей далѣе строиться»,—а главное: «въ какую систему должны войти всѣ тѣ новыя учрежденія, которыми было такъ обильно минувшее царствованіе, какъ правительство понимаетъ себя и свои задачи среди новаго положенія, созданнаго двадцатилѣтіемъ реформъ», измѣнившихъ всѣ прежнія условія быта Россіи дореформенной или императора Николая. «На результатахъ, завѣщанныхъ этимъ двадцатилѣтіемъ, остановиться нельзя: дѣло преобразованія должно идти впередъ—продолжаетъ газета—но куда, въ какую сторону?» въ этомъ и необходимо дать себѣ точный отчетъ, потому что обильныя нововведенія «все подвергли вопросу, оставили много недоразумѣній»... И существеннѣйшее изъ нихъ, по словамъ «Московскихъ Вѣдомостей», заключается въ фальшивой мысли, будто «реформы прошлаго царствованія вели къ ограниченію верховной власти, къ лишенію ея свободы, къ тому, что̀ на языкѣ политической доктрины называется конституціей... Распространилось мнѣніе, будто ужъ дѣло почти сдѣлано, только слово не произнесено»,—оставалось только «*увѣнчать*» совсѣмъ почти воздвигнутое зданіе, да произошла задержка!.. Отсюда и чувство нетерпѣнія, и досада, и бо̀льшая часть переживаемыхъ въ настоящее время затрудненій: «ложная мысль сбиваетъ съ толку умы, портитъ самыя лучшія учрежденія»....

Ложная же она потому,—толкуютъ «Московскія Вѣдомости», — что противорѣчитъ «господствующему у насъ положительному государственному праву», въ основаніи котораго лежитъ завѣщанное намъ исторіею монархическое начало. «Реформы Петра Великаго», — приводимъ подлинныя слова статьи, — «еще глубже измѣнили Россію его времени, чѣмъ реформы Александра II, однако *историческое существо* ея перешло въ новую фазу своей жизни не потрясенное, не ослабленное, напротивъ *усиленное*». Газета надѣется, что и въ наши дни переходъ изъ одной фазы существованія въ другую только возвысилъ наше отечество, что вообще «*начала, которыя народъ нашъ вынесъ изъ своей исторіи*, способны къ развитію, что они, *и только они*, могутъ удовлетворить наши народныя потребности, обезпечить порядокъ и свободу внутри государства», но—прибавляетъ газета - такъ думаемъ мы, а другіе думаютъ иначе, думаютъ, будто «государственное начало, завѣщанное намъ исторіей, отжило свой вѣкъ», и это мнѣніе «какъ призракъ носится надъ Россіей и мѣшаетъ ей жить». Надо же наконецъ рѣшить споръ — заявляютъ «Московскія Вѣдомости»: или этотъ призракъ долженъ исчезнуть, или же, напротивъ, слѣдуетъ признать такое мнѣніе справедливымъ, т. е. отречься отъ упомянутаго государственнаго начала и «отдать себя въ руки политическихъ шарлатановъ»... Но это начало, возражаетъ газета,—«росло одновременно съ Русскимъ народомъ: оно собирало землю, собирало власть; въ истребленіи многовластія состоялъ весь трудъ, вся борьба русской исторіи», пока наконецъ «тяжкій процессъ совершился, все покорилось одному верховному началу» — верховной власти, олицетворяемой Монархомъ. «Въ его единовластіи Русскій народъ видитъ завѣтъ всей своей жизни, въ ней полагаетъ всѣ свои чаянія»... поэтому, — «нѣтъ и не можетъ быть въ Русскомъ народѣ никакой параллельной ей силы, которая могла бы ограничить ее. Самъ Монархъ не могъ бы умалить полноту своихъ правъ»: гарантія противъ его произвола заключается въ «совѣсти Монарха, въ томъ, что называется страхомъ Божіимъ, въ силѣ вещей, въ логикѣ событій,—въ положеніи Самодержца возвышенномъ надъ всѣми сословіями и партіями, въ совершенной общности его интересовъ съ государственною пользой и благомъ народнымъ». И съ развитіемъ этого монархическаго начала,—продолжаютъ

«Московскія Вѣдомости», — «отечество наше заняло великое положеніе въ мірѣ, въ немъ открылась возможность гражданственности, законности, обезпеченія личности, благоустройства»...

«Таково наше дѣйствительное положеніе», — возглашаетъ газета, — «таково господствующее у насъ положительное государственное право!» Съ нимъ бы, казалось, и должны быть согласованы, но однако же, по ея мнѣнію, не согласованы вполнѣ, реформы прошлаго царствованія, или по крайней мѣрѣ искажены даже лучшія его нововведенія вслѣдствіе фальшиваго представленія, «будто всѣ преобразованія клонились къ ограниченію верховной власти». Благодаря этой смутѣ понятій, возникли у насъ, какъ стараются доказать «Московскія Вѣдомости», удивительныя аномаліи: самодержавіе какъ бы разбилось на множество самодержавій, вмѣсто единовластія явилось многовластіе, созданы «корпораціи съ государственными функціями, но не регулируемыя государственною властью и мнящія себя отъ нея независимыми»; подъ самоуправленіемъ разумѣется «право распоряжаться участью и дѣлами другихъ» и т. д. и т. д. Мы не послѣдуемъ далѣе за газетой въ пространномъ разоблаченіи всѣхъ аномалій, усматриваемыхъ ею въ университетскихъ корпораціяхъ, даже въ Государственномъ Совѣтѣ, но особенно въ нашихъ судебныхъ учрежденіяхъ (о послѣднихъ мы поговоримъ въ другой разъ), — и остановимся на общихъ тезисахъ ея политическаго вѣроисповѣданія.

Мы конечно не можемъ не сочувствовать со всѣмъ тѣмъ, что̀ высказано «Московскими Вѣдомостями» о происхожденіи и значеніи у насъ монархическаго начала или единодержавія. Все это читателямъ «Руси» вполнѣ знакомо, такъ какъ неоднократно, на разные лады, излагалось, развивалось и истолковывалось на страницахъ нашего изданія въ продолженіи трехъ лѣтъ его постоянной борьбы съ конституціонными «вѣяніями» въ русскомъ обществѣ. Въ 10-мъ № прошлаго года, по случаю вѣнчанія на царство въ Успенскомъ Соборѣ Государя Императора Александра III, мы также очертили взглядъ нашъ на русскую форму правленія. Учено-историческое и философское объясненіе этого нашего исконнаго «государственнаго начала» дано было впервые въ нашей литературѣ еще почти 40 лѣтъ назадъ Ю. Ѳ. Самаринымъ, Хомяковымъ, К. С. Аксаковымъ, затѣмъ возобновлялось ими нѣсколько разъ и позднѣе — именно въ «Русской Бесѣдѣ», и особенно въ оживленной полемикѣ съ «Русскимъ Вѣстникомъ» конца 50-хъ годовъ... Но статья «Московскихъ Вѣдомостей» требуетъ дополненія...

Да, монархическое начало росло у насъ одновременно съ Русскимъ народомъ, единодержавіе выработано тяжкимъ процессомъ, трудомъ и борьбой всей русской исторіи, такъ что коренится не только въ инстинктахъ народа, но и въ его сознаніи какъ народа историческаго, какъ политическаго организма. Другими словами: это учрежденіе въ Россіи вполнѣ *національное,—оно не мыслится внѣ народности*, которая въ свою очередь не мыслится внѣ Православной церкви. Не бездушнымъ, искусно сооруженнымъ механизмомъ является (по народнымъ понятіямъ) верховная власть въ Россіи— выразились мы однажды въ «Руси»,—а съ человѣческою душою и сердцемъ... «Въ томъ-то вся и сущность союза Царя съ народомъ, что божественная нравственная основа жизни у нихъ едина, единый Богъ, единый Судія, единъ Господень законъ, единая правда, единая совѣсть. На совѣсти, на вѣрѣ въ Бога и на страхѣ Божіемъ утверждаются ихъ взаимныя отношенія... Русское гражданское общежитіе не только не отвергаетъ высшаго, божественнаго надъ собою начала, а напротивъ, носитъ его въ себѣ какъ душу въ тѣлѣ. Понятно поэтому, что и *Самодержецъ*-иновѣрецъ, *Самодержецъ*-Нѣмецъ въ Русской землѣ немыслимъ»...

Положимъ, таковыхъ и не бывало, таковые и невозможны, но приведенный нами примѣръ можетъ быть понятъ не только буквально... Если самодержавіе—учрежденіе вполнѣ *народное*, то отрѣшенное, отдѣленное отъ *народности*, оно уже перестаетъ быть *русскимъ* самодержавіемъ, какъ понимаетъ его народъ, а становится—не то нѣмецкимъ абсолютизмомъ или вообще абсолютизмомъ западно-европейскихъ монархій былыхъ временъ, не то азіатскимъ деспотизмомъ. Однимъ словомъ: *внѣ національной стихіи* это «русское государственное начало» необходимо должно перродиться въ своего рода аномалію. Самъ Монархъ лично можетъ оставаться вполнѣ вѣренъ истинному разуму своего великаго призванія и сана, но тѣмъ не менѣе, если среда его окружающая, та, чрезъ которую онъ дѣйствуетъ, которая приводитъ въ исполненіе его повелѣнія, которая его именемъ правитъ и непосредственно распоряжается страной, — если эта среда сама будетъ проникнута духомъ отчужденія отъ русской народности, — русскій государственный строй придетъ мало-по-малу неминуемо въ противорѣчіе съ своимъ основнымъ національнымъ «государственнымъ началомъ». А чѣмъ же представляется наша общественная среда, отъ которой неотдѣлима и среда правительственная? Вотъ уже свыше полутораста лѣтъ воспитывается она въ этомъ духѣ отчужденія, въ невѣдѣніи основъ, потребностей и чаяній русской народности, въ презрѣніи къ ея «*самобытности въ сферѣ политическихъ идей*», къ ея историческимъ преданіямъ и завѣтамъ! Подъ такимъ непрестаннымъ воздѣйствіемъ могло ли русское государственное историческое начало остаться чистымъ отъ всякаго искаженія, если не въ формулѣ и въ абстрактномъ принципѣ, то въ практическомъ примѣненіи къ жизни? Да и самый принципъ — удержался ли онъ въ понятіяхъ образованнаго класса въ своей живой связи съ русской исторіей и народностью?...

«Московскія Вѣдомости» спрашиваютъ: «должна ли Россія оставаться Россіей съ ея церковью и съ ея государственнымъ правомъ, въ которыхъ состоитъ *ея существо*, или же вмѣсто *извѣстной намъ* Россіи должно явиться нѣчто новое, намъ неизвѣстное и чуждое»... Въ противорѣчіи этому существу и обличаетъ газета разныя позднѣйшія нововведенія...

Но это противорѣчіе явилось не со вчерашняго дня, и не съ реформъ только минувшаго царствованія. «*Извѣстная* намъ Россія», — которую упомянутая газета противополагаетъ неизвѣстному будущему, насъ ожидающему, — также болѣе или менѣе пребываетъ *въ разладѣ* съ «историческимъ *существомъ* Россіи», состоящимъ, по справедливому выраженію «Московскихъ Вѣдомостей», въ ея церкви и въ ея государственномъ правѣ... Нововведенія прошлаго двадцатилѣтія были лишь логическимъ послѣдствіемъ предшествовавшаго періода, а разладъ зачинается... съ самыхъ преобразованій Петра.

Мы готовы повторить вмѣстѣ съ «Московскими Вѣдомостями», что «какъ ни глубоко измѣнили реформы Петра Россію его времени, однако историческое существо ея перешло въ новую фазу своей жизни»,—но не «усиленное», какъ утверждаетъ газета, а напротивъ, именно «потрясенное и ослабленное». Дѣйствительно, принципъ самодержавія перенесенъ и въ новый начавшійся, такъ-называемый петербургскій періодъ Россіи, но нѣсколько помутившійся въ сознаніи носителей власти... Россія осталась православною, Православная церковь признана «господствующею», но ея функціи, какъ учрежденія, были извращены: она взята была въ казну, низведена на степень одного изъ оффиціальныхъ «вѣдомствъ», облечена въ мундиръ, разрознена съ общественною жизнью страны, почти парализована въ своихъ силахъ... Въ чистотѣ своей «историческое существо Россіи» перешло только въ *народъ*, въ тѣсномъ смыслѣ слова,—въ ту массу народную, которой почти вовсе не коснулись преобразованія, которую они напротивъ оттѣснили, уединили, обособили отъ новаго государственнаго движенія и строя. Народъ ушелъ въ самого себя, дивясь, недоумѣвая—что̀ такое надъ нимъ творится, но свято храня вѣрность своимъ историческимъ преданіямъ и завѣтамъ, сознавая въ себѣ великую силу долготерпѣнія и вѣруя, что въ концѣ-концовъ она возможетъ все *перебыть*. Въ своей инстинктивной государственной мудрости онъ пуще всего остерегалъ и доселѣ стережетъ собственно одно: цѣлость своего историческаго государственнаго начала, т. е. неприкосновенность самодержавной власти. Онъ относился ревнивѣе къ этой неприкосновенности и лучше, съ большею историческою точностью ее понималъ, чѣмъ относились къ ней и понимали ее въ самой средѣ правительственной, а въ иныя времена—даже на высотахъ самой власти. И такъ какъ этой народной массы считается у насъ чуть не 80%, то, разумѣется, истинный центръ тягости Русскаго государства лежитъ въ ней, въ народѣ,—въ немъ же и залогъ нашего будущаго національно-духовнаго возрожденія. Тѣмъ не менѣе, благодаря совершенному при Петрѣ перевороту, русское «государственное начало» дѣйствуетъ и развивается уже въ атмосферѣ болѣе или менѣе чуждой его историческому существу, отрѣшенное, оголенное отъ стихіи народнаго духа.

Мы вовсе не имѣемъ теперь намѣренія осуждать или унижать дѣло Петра «Вывести Россію изъ замкнутой ограды національной исключительности на путь общечеловѣческаго просвѣщенія»,—эта историческая необходимость давно признана какъ аксіома, стала общимъ мѣстомъ; никто о ней и не споритъ. Дѣло могло бы, кажется совершиться нѣсколько иначе, безъ отреченія отъ своей народной личности, безъ поруганія своихъ собственныхъ духовныхъ началъ... Можетъ-быть да, можетъ-быть нѣтъ; можетъ-быть намъ необходимо было себя потерять, чтобы потерявши и плакать и обрѣсти себя вновь,—отправиться мыслью и чувствомъ, всѣмъ существомъ своимъ, за границу, чтобъ набравшись опыта, знанія и критическаго разума, возвратиться домой для жизни и дѣятельности сознательной,—мы готовы допустить неизбѣжность и такого испытанія, такого процесса. Дѣло теперь уже въ томъ, чтобы дѣйствительно найти себя и познать,—чтобы хоть теперь-то признать странствіе странствіемъ и умѣть различать свое отъ чужаго; чтобы хоть въ настоящее время, возвращаясь домой, не обращаться къ своему народу съ словами нѣмецкой консервативной команды или французской либеральной проповѣди,—не приступать къ русской жизни съ чужими вѣсами и мѣрой, не смотрѣть на нее какъ на бездушный матеріалъ, *почтить* ея права, уразумѣть ея смыслъ...

Петръ безъ сомнѣнія чувствовалъ себя русскимъ самодержцемъ вполнѣ, былъ во власти какъ въ родной стихіи; но онъ былъ не теоретикъ и самъ не отдавалъ себѣ отчета—какими *чуждыми* ей, извнѣ заимствованными аттрибутами обставлялъ онъ *русскую* царскую власть. Въ его время и Пруссія, и Австрія, и Франція были «абсолютными монархіями», и онъ едвали догадывался о различіи между ними и русскимъ единодержавіемъ по существу. А различіе неизмѣримое,—это признаютъ и «Московскія Вѣдомости». Не говоря уже о совершенно иномъ способѣ сложенія государствъ, которыя на Западѣ Европы образовались большею частью чрезъ завоеваніе туземнаго племени пришлымъ,—достаточно вспомнить, что иностранные монархи были передовыми изъ сословія завоевателей, болѣе или менѣе солидарными съ ними, какъ съ высшимъ главенствующимъ классомъ, тогда какъ Русскій Царь не есть ни «первый дворянинъ», ни представитель какого-либо господствующаго въ данную пору сословія, ни вождь извѣстнаго разряда единомышленниковъ, захватившій власть. Безусловно вѣрно выраженіе «Московскихъ Вѣдомостей», что положеніе русскаго Самодержца возвышено надъ всѣми сословіями и партіями, и интересы его пребываютъ въ совершенной общности съ благомъ народнымъ и государственной пользой. Но въ томъ-то и дѣло, что такое значеніе русской власти перестало быть всегда присущимъ ея сознанію съ наступленіемъ петербургскаго періода русской исторіи. Очевидно, что если въ западныхъ монархіяхъ мѣры огражденія интересовъ верховной власти противъ политическихъ вожделѣній ея подданныхъ находятъ себѣ объясненіе и оправданіе въ самомъ историческомъ государственномъ устройствѣ, то этимъ мѣрамъ не можетъ и не должно быть мѣста въ государствѣ Русскомъ. И точно,—Московскіе цари состояли въ живомъ, непрерывномъ искреннемъ общеніи со всею землею. А между тѣмъ, послѣ Петра власть обставляется такими мѣрами политической предосторожности, какъ будто русскій Монархъ есть завоеватель или узурпаторъ!... Впрочемъ, Петръ дѣйствительно совершалъ надъ Русскою землею завоеваніе: положимъ—*культурное*, однако же не мирное, а насильственное. Онъ находилъ нужнымъ сломить и задавить всякую силу, представлявшую какую-либо нравственную или бытовую самостоятельность, отъ которой онъ могъ ожидать себѣ оппозиціи. Мысль о *земщинѣ*,—такъ ярко выдвинутая впередъ до-Петровскимъ самодержавіемъ, начиная съ Ивана IV, — при Петрѣ и преемникахъ его, съ водвореніемъ западныхъ порядковъ, замираетъ; государство утрачиваетъ свой земскій характеръ; идея государства противопоставляется идеѣ земли, словно посторонняя сила. И она въ самомъ дѣлѣ становится постороннею народу уже по самой внѣшности, съ ея нѣмецкимъ костюмомъ, нѣмецкими кличками, почти нѣмецкимъ языкомъ. Петръ создаетъ себѣ цѣлую армію чиновниковъ; создаетъ для будущаго русскаго общества рамки изъ четырнадцати нѣмецкихъ ранговъ; всѣми способами стремится подорвать всякое преданіе старины, на все накладываетъ печать отрѣшенности отъ народа и народности Онъ заводитъ неизвѣстный доселѣ Русской землѣ типъ—«казеннаго человѣка»; совѣтуется съ Лейбницомъ о системѣ управленія Русскимъ царствомъ и учреждаетъ коллегіи съ непонятными иностранными названіями;

издаетъ по нѣмецкому образцу знаменитый «Регламентъ» для письмоводства въ присутственныхъ мѣстахъ, заводитъ «канцелярію» и подчиняетъ ей всю Россію... Онъ обращаетъ церковь въ «Духовное Коллегіумъ» съ тѣмъ же регламентомъ и канцеляріей, умышленно и рѣзко проводитъ грань, невѣдомую доселѣ въ русской жизни, между *свѣтскимъ* и *церковнымъ* или религіознымъ, — чрезъ что̀ создаются двѣ разныхъ области, два міросозерцанія противоположныя, почти враждебныя другъ другу, двѣ системы воспитанія, — и нарушается цѣльность народнаго духа въ общественныхъ классахъ...

Все это, безспорно, дѣлалось имъ изъ любви къ Россіи; мало того: все это сложилось, кристаллизовалось послѣ него, и нѣтъ сомнѣнія, что онъ самъ бы теперь отпрянулъ съ ужасомъ отъ логическихъ послѣдствій своего дѣла,—но тѣмъ не менѣе его реформы, вмѣстѣ со всякимъ благомъ, положили начало и мертвящей «казенщинѣ», и бездушному канцеляризму, и тому дѣленію Россіи на *двѣ*, которое, если не ошибаемся, признаютъ и «Московскія Вѣдомости». Недавно, въ одной изъ статей этой газеты, мы встрѣтили такое выраженіе, что «Россія *историческая*» освободила Болгаръ и перешла Балканы, — а «Россія фальшивая» изуродовала ея трудъ... «Россія фальшивая» — т. е. Россія чуждая историческаго и народнаго духа, Россія оффиціальная или казенная; во сколько первая намъ мало вѣдома, проявляясь лишь въ рѣдкія великія мгновенія, во столько же много вѣдома вторая, принадлежа нашей ежедневности: она-то именно и есть «Россія *извѣстная*»... У этой же казенной Россіи свой *логическій* путь развитія, совершенно отличный отъ пути Россіи народной или «исторической».

Кому же теперь не ясно, что Царь, который подписываетъ указы своему народу по голландски — «Piter» и создаетъ ему столицу съ названіемъ «Санктпетербургъ», всенепремѣнно долженъ имѣть и потомка, который въ оффиціальныхъ рескриптахъ станетъ именовать себя «начальникомъ достойной націи», призоветъ себѣ въ главные совѣтники Сперанскаго (не признававшаго исторіи Россіи ранѣе Петра) и поручитъ ему сочинить проектъ «конституціи»... Конституція, конечно, такъ и осталась въ проектѣ; царскій инстинктъ воздержалъ отъ этого шага Александра I и спасъ Россію, — но за то Сперанскому удалось перевести на русскую почву, во образѣ министерствъ, тотъ бюрократическій строй, котораго образецъ доведенъ до такого совершенства Наполеономъ I, какъ могущественнѣйшее и наипригоднѣйшее для него орудіе централизаціи и порабощенія Франціи. Этотъ строй держится во Франціи и теперь, такъ какъ въ несчастной странѣ съ той поры власть иначе и не водворяется какъ *захватомъ*... Но русскіе самодержцы не похитители престола, и не одушевлены интересомъ порабощенія, а потому и бюрократическій строй привелъ у насъ совсѣмъ къ противоположному результату: т. е. послужилъ вовсе не къ единству государственнаго управленія, а только къ пущему многовластію или даже самовластію разныхъ «вѣдомствъ», которыя разсортировали между собою всѣ функціи государственнаго организма, всѣ стороны, всѣ проявленія внутренней жизни Россіи на всемъ ея пространствѣ, до самаго послѣдняго закоулка, до наимельчайшихъ мелочей. Административная опека, рядомъ звеньевъ сверху до самаго низу, опутала и душила всю мѣстную жизнь... Вотъ здѣсь-то и можно съ несравненно бóльшимъ основаніемъ примѣнить выраженіе «Московскихъ Вѣдомостей» по поводу реформъ Государя Александра II, что «вмѣсто единодержавія возникло множество самодержавій». До Петра, пока наше «государственное начало» сохраняло свое *историческое существо*, голосъ земли могъ свободно и безпрепятственно доходить до Самодержца, но въ Россіи петербургскаго періода, при постоянныхъ подобострастныхъ подражаніяхъ западноевропейскимъ образцамъ абсолютизма, произошла такая подтасовка понятій и идеаловъ, что между землею и Самодержцемъ возникло плотное бюрократическое средостѣніе... Создался истинно-невыносимый порядокъ, вывесть изъ котораго Россію и пытались реформы прошлаго царствованія.

Отъ конституціи Богъ уберегъ, да и народъ бы ея не принялъ или призналъ бы, пожалуй, за козни дворянъ или «интеллигенціи», но нечего удивляться, что поползновенія къ ней, частью сознательныя, частью несознательныя, проявлялись даже въ правительственной средѣ, даже на ступеняхъ престола. Это совершенно въ порядкѣ вещей. Если наше государственное начало однородно съ абсолютизмомъ прежнихъ абсолютныхъ монархій Западной Европы, то оно, по здравому логическому сужденію, не могло и себѣ ожидать иной исторической судьбы, какъ той, что̀ постигла монархіи и на Западѣ. Онѣ же всѣ пали, всѣ преобразились въ конституціонныя,—и не случайно, не вслѣдствіе только личной слабости монарховъ (какъ толкуютъ нѣкоторые), а вслѣдствіе внутреннихъ историческихъ условій своего сложенія, политическихъ и соціальныхъ, которыя не выдержали и не могли выдержать противорѣчія съ прогрессивнымъ развитіемъ западно-европейской общественной мысли. Этого именно и не понимали, да и теперь еще не вполнѣ понимаютъ въ Россіи,—вслѣдствіе чего то стараются удержаться на западномъ же, быломъ монархическомъ абсолютизмѣ, помощію правительственной твердости,—то склоняются, по западному же наклону, къ разнымъ спасительнымъ компромиссамъ, палліативамъ—на конституціонное «подъ лицо», какъ выражаются наши плотники... И все это—напрасный трудъ и напрасный страхъ, все это въ чужомъ пиру похмѣлье!... Изъ этого порочнаго круга одинъ выходъ: возвратиться къ историческому русскому государственному началу во всей чистотѣ и полнотѣ его существа, и развивать его послѣдовательно, сообразно съ истинными потребностями жизни, не сходя съ исторической народной почвы, не измѣняя историческому существу. Но мысли русской образованной, общественной и даже правящей среды до такой степени затемнены и спутаны, что всего менѣе способны вмѣстить именно *свое*, родное, народное,—простое...

По мѣрѣ того, какъ реформы Петра стали проникать *отвнѣ*—внутрь, въ самое сознаніе русскихъ людей, перелаживался постепенно весь складъ понятій русскаго общества, совершалось перерожденіе духовное, русскія основы жизни забывались русскою «образованною» средою до неузнаваемости при встрѣчѣ съ ними въ дѣйствительности; знакомство съ западною исторіей (при полномъ неразумѣніи *своей*), съ западными науками, особенно политическими, наполнило русскіе, совершенно уже опорожненные отъ всякой народной стихіи, умы—новыми, чуждыми политическими идеалами и «научными истинами»... А вѣдь съ точки зрѣнія западно-европейскаго историческаго опыта, возведеннаго въ философскую теорію, съ точки зрѣнія *западно-европейской науки государственнаго права*, русское историческое государственное начало—не болѣе какъ nonsens, аномалія. Для него нѣтъ *юридической нормы* въ западно-европейской наукѣ. Западная идея «праваго порядка» (Rechtsstaat), въ которомъ всѣ взаимныя отношенія въ гражданскомъ общежитіи, равно и отношенія къ власти, формулованы юридически, обусловлены точными выводами внѣшняго формально-логическаго разума,—съ нимъ, съ русскимъ государственнымъ началомъ, не можетъ мириться. Тотъ, для кого истина опредѣляется мѣрой, вѣсомъ и счетомъ (напримѣръ не качествомъ, а количествомъ голосовъ, хотя бы и подтасованныхъ), не можетъ и вмѣстить въ свой умъ такое отношеніе, которое основывается на взаимномъ довѣріи, на *Вѣрѣ*, обусловливается совѣстью или страхомъ *Божіимъ*... Наше же русское государственное право до сихъ поръ даже вовсе и не возведено въ философское или научное сознаніе; оно не имѣетъ права гражданства въ западно-европейской наукѣ, а *русской науки* этого *права* вовсе и не существуетъ. Русскіе ученые юристы—большею частью нѣмецкіе *гелертеры* русскаго происхожденія. Русскій преподаватель государственнаго права, который и не имѣетъ, да и не смѣетъ имѣть, другаго юридическаго міросозерцанія, кромѣ воспринятаго имъ у своихъ учителей, т. е. германскаго или вообще западно-европейскаго, вынужденъ по неволѣ, коснувшись основъ русскаго государственнаго строя, стыдливо опускать очи долу и относиться къ нимъ лишь какъ къ *факту* — громадному, многовѣковому, съ которымъ конечно приходится считаться, но который противорѣчитъ всѣмъ требованіямъ науки и цивилизаціи,—къ факту, слѣдовательно, временному!..

Каково однакожъ положеніе страны, которая. — равняясь цѣлой пятой части свѣта, со стомилліоннымъ населеніемъ, съ тысячелѣтнимъ историческимъ бытіемъ,—поставлена своими же учеными какъ бы *внѣ закона* или «внѣ науки»,—чувствуетъ себя постоянно предъ «наукою» въ положеніи подсудимой или виноватой, и праглашается... признать, чуть не съ легкимъ сердцемъ, что вся она, т. е. вся Восточная Европа, она же и Россія, не болѣе какъ наглый фактъ (nn fait insolent), — что и ничего ей болѣе не остается, какъ отречься отъ самой себя, отъ своего историческаго существа» и образа, и поплестись смиренно вслѣдъ за Европою Западною, по извилинамъ ея мысли и ея историческихъ путей!... И вѣдь не одно только наше «государственное начало» отрицается «наукою». У западной науки нѣтъ *юридической нормы* и для другихъ существенныхъ явленій русской жизни, напримѣръ, хоть бы для *общиннаго* землевладѣнія или для *мірскаго* устройства. Правда, къ первому стали наши ученые (впрочемъ очень недавно, послѣ многолѣтней полемики съ такъ-называемыми славянофилами) относиться съ бóльшимъ уваженіемъ,—благодаря новѣйшимъ наставительнымъ указаніямъ хозяина и распорядителя ихъ знанія и мысли, — т. е. самого настоящаго, подлиннаго Запада,—готовы этому явленію даровать даже нѣкоторыя права гражданства и въ наукѣ, но предварительно нѣсколько его передѣлавъ и подправивъ согласно съ новѣйшими, западными же ученіями, т е. исказивъ его смыслъ и духъ! (И эти-то ученые наши юристы приглашаются сочинять для Россіи Гражданское и Уголовное Уложенія!)

Но никого лично въ томъ винить не приходится. Повторяемъ: уже свыше 150 лѣтъ, какъ мы—классы образованные, интеллигенція — усердно воспитываемся въ подобномъ направленіи, всасываемъ иноземное міросозерцаніе чуть не съ молокомъ матери, и почти даже и не пытаемся *осмыслить для себя Россію*. А между тѣмъ надъ неосмысленнымъ, хотя и громаднымъ, всемірно-историческимъ этимъ фактомъ—развѣ не мы же призваны орудовать съ нашимъ западно-европейскимъ мышленіемъ?... И орудуемъ, и вносимъ поэтому неизбѣжно—внутреннее противорѣчіе съ историческимъ существомъ Россіи во всѣ наши законодательные акты. Совершилось, напримѣръ, великое историческое дѣло освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, совершилось согласно съ историческимъ существомъ Россіи и наперекоръ юридическимъ понятіямъ Европейскаго Запада, т. е. съ надѣломъ крестьянъ и съ признаніемъ поземельнаго общиннаго владѣнія, но,— вслѣдствіе неясности въ нашихъ собственныхъ представленіяхъ, — къ надѣленію крестьянъ землею присоединена операція *выкупа*, т. е. начало противорѣчащее народному взгляду на землевладѣніе, убивающее въ корнѣ принципъ, на которомъ основана русская поземельная община. Положеніе 19 февраля признаетъ мірское народное управленіе—и вмѣстѣ съ тѣмъ вводитъ въ него счетъ голосовъ и другія правила, подрывающія самую основу русскаго мірскаго устройства...

Тѣмъ же противорѣчіемъ запечатлѣны, частію сознательно, частію безсознательно, и всѣ великія и благодѣтельныя по цѣли реформы покойнаго Государя (да благословенно будетъ имя Его!). Нѣтъ сомнѣнія, что *правда* въ нихъ переплетена съ *ложью*, и ложь эта заключается именно въ той фальшивой окраскѣ, какая придана имъ примѣсью западнаго либерально-конституціоннаго доктринерства. Идея земства, идея самоуправленія (не политическаго, разумѣется)—самыя родныя намъ, завѣщанныя исторіей начала; но онѣ облечены въ мундиръ какихъ то иностранныхъ «представительныхъ» учрежденій, — и учрежденія эти оказываются чуть ли не мертворожденными! Въ томъ и трагизмъ положенія русской интеллигенціи, что самая печь ея умственная иначе не печетъ, потому что сложена не русскими печниками: мысль стоитъ на распутьѣ между искаженнымъ на иностранный ладъ «государственнымъ началомъ», выражающимся въ бюрократическомъ самовластіи, и между тѣмъ логическимъ выходомъ, который подобному самовластію указанъ опытомъ и наукою на Западѣ... Даже совершенно законное стремленіе къ гражданской свободѣ, совершенно разумныя требованія общенія народа съ властью—на началахъ завѣщанныхъ намъ родною исторіей, представляются, благодаря тому фальшивому освѣщенію, которое придается имъ нашими несмысленными западниками-либералами, чуть не преступными въ глазахъ правящей среды,—и въ концѣ-концовъ выходитъ, что современная, уже значительно просвѣщенная Россія не способна досягнуть даже до «либерализма» Ивана Грознаго!

Впрочемъ, и съ точки зрѣнія нашихъ государственныхъ мужей консервативнаго пошиба—Иванъ IV и всѣ послѣдовавшіе за нимъ Московскіе цари вплоть до Петра — такіе «либералы», что ихъ въ наши дни слѣдовало бы подвергнуть чуть не административной ссылкѣ или отдать подъ надзоръ полиціи. Однако, въ то же время, это такіе «либералы», съ которыми истые западники ужились бы не долго, такъ какъ этотъ русскій «либерализмъ» никакъ не заколачивается въ узкія рамки «правоваго порядка» и состоитъ въ полной гармоніи съ *русскимъ* государственнымъ началомъ самодержавія. Этотъ русскій якобы «либерализмъ», вмѣстѣ съ государственнымъ началомъ самодержавія, и составляетъ то «историческое существо Россіи», о которомъ говорятъ, впрочемъ не договаривая, и «Московскія Вѣдомости»,—которое не вмѣщается ни въ какую юридическую и иную научную норму, выработанную опытомъ и мыслію Европейскаго Запада,—сбиваетъ и до сихъ поръ съ толку всякаго иностранца. Въ самомъ дѣлѣ: посмотритъ иностранецъ, настоящій или доморощенный, *снизу:* точно «республиканскій» слой,—крестьянскія общины, мірское самоуправленіе, сходки безъ всякаго присутствія «полицейскаго коммиссара», которое требуется даже самыми либеральными конституціями Европы; *сверху*—самодержавіе! Западу, а слѣдовательно и западникамъ—соблазнъ и безуміе!... А вотъ недавно академикъ Калачовъ читалъ въ Императорской Академіи Наукъ сообщеніе о своихъ розыскахъ въ архивѣ до-Петровской Боярской Думы (ссылаемся на это сообщеніе, какъ на оффиціальное). И гласитъ это сообщеніе — напечатанное въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», вѣроятно для общаго назиданія,—что Московскіе цари, одинъ за другимъ, нисколько не опасаясь уронить «престижъ власти», признавали нужнымъ (о чемъ и возвѣщали во всеуслышаніе) дать народу гарантіи противъ «самовластія и произвола воеводъ», и требовали настоятельно, чтобы народъ посылалъ въ воеводскіе суды, производившіеся именемъ Царя, своихъ судей или «судеекъ»—отъ себя и назначалъ своихъ же цѣловальниковъ (т. е. присяжныхъ уполномоченныхъ) для участія въ разныхъ мѣстныхъ административныхъ дѣйствіяхъ, касающихся народа. Боярская Дума, обсуждавшая всѣ дѣла въ присутствіи Царскаго Величества, никогда не рѣшала (да очевидно не могла тогда и вмѣстить, какъ бы можно было рѣшать иначе) дѣла соприкосновенныя съ интересами той или другой части общества или группы людей, и не сочиняла для нихъ уставовъ (торговыхъ, служебныхъ и иныхъ), не опросивъ напередъ тѣхъ, до кого рѣшенія или предполагаемый проектъ закона относились. Съ этою цѣлью вызывались уполномоченные отъ сихъ классовъ или общественныхъ группъ, иначе «свѣдущіе люди», въ Москву, гдѣ и давали отвѣты въ «Отвѣтной Палатѣ»... Въ важныхъ случаяхъ, когда требовался Царю совѣтъ всей русской земли, или ея сознательное, общее правительству содѣйствіе, созывались Земскіе Соборы, причемъ не происходило никакого баллотированія, никакого счета голосамъ или мнѣніямъ, и вопросъ рѣшался единоличною волею Самодержца, всегда правственно отвѣтственною предъ совѣстью, предъ народомъ, предъ судомъ исторіи,—а не самодержавнымъ большинствомъ или ариѳметическимъ перевѣсомъ десятка подобранныхъ и вполнѣ безотвѣтственныхъ голосовъ....

Главныя положенія первой половины статьи «Московскихъ Вѣдомостей» совершенно вѣрны, но, по нашему убѣжденію, статья эта, оставаясь недоговоренною, могла бы, въ случаѣ практическаго примѣненія, привести, пожалуй, къ результатамъ—едвали желаннымъ и для самого автора: къ пущему усиленію бюрократическаго самовластія и «многихъ административныхъ самодержавій»... Уже и теперь нѣкоторыя газеты, ликуя, пророчатъ, напримѣръ, въ скоромъ времени чуть ли не возвращеніе къ судебной тьмѣ временъ императора Николая... Ничего этого не сбудется, конечно; но повторяемъ: говоря о русскомъ самодержавіи, необходимо прежде всего уразумѣть *вполнѣ* его историческое существо, отсѣчь отъ него все наносное—все что̀ принадлежитъ теоріи и практикѣ чуждаго Россіи не только «либерализма», но и «консерватизма».

Если мы всею душою враждебны конституціонализму, то именно потому, что видимъ въ русскомъ самодержавіи, въ полнотѣ нашего русскаго христіанскаго историческаго существа — залогъ лучшихъ, разумнѣйшихъ формъ политическаго бытія и такой *истинной* гражданской и соціальной свободы, создать которую не способны никакія конституціи Запада...

По поводу совершеннолѣтія Государя Наслѣдника Николая Александровича.

«Русь», 15-го мая 1884 г.

6 мая торжественно и радостно отпраздновала вся Россія день законнаго совершеннолѣтія Наслѣдника Россійскаго Престола, а вмѣстѣ и принесенія имъ присяги на вѣрноподданничество Государю-Отцу, на службу Царю и Россіи. Этимъ празднествомъ, этимъ всенародно совершаемымъ обрядомъ какъ бы съизнова укрѣпляется въ русскихъ душахъ отрадное сознаніе прочности и незыблемости основъ нашего государственнаго строя, — въ нихъ же залогъ благоденственнаго и мирнаго гражданскаго развитія нашей необъятной страны. Твердый порядокъ престолонаслѣдія—великое благо при монархическомъ образѣ правленія, и Россія, послѣ многихъ превратностей, возобладала наконецъ этимъ благомъ въ законѣ 1797 года 5 апрѣля или въ «Учрежденіи объ Императорской фамиліи», включенномъ въ число Основныхъ Законовъ Имперіи, въ I томѣ нашего Свода. Съ тѣхъ поръ,— и вполнѣ понятно почему,—въ соблюденіи именно сего закона, какъ краеугольнаго камня всего государственнаго зданія, клянутся будущіе цари, особою, такъ-сказать спеціальною торжественною клятвою.

Одинъ изъ русскихъ поэтовъ, привѣтствуя рожденіе будущаго самодержца, вдохновенными стихами высказалъ желаніе—«да не забудетъ Онъ, на высокой своей чредѣ, святѣйшее изъ званій: *человѣкъ*!»... Какъ бы ни затаскивали это выраженіе частымъ и неумѣстнымъ повтореніемъ, какъ бы лживо ни истолковывали его смыслъ, оно должно остаться непремѣннымъ, и именно русскимъ завѣтомъ для каждаго призываемаго закономъ къ величайшему изъ служеній земныхъ—царственному служенію. Въ этомъ выраженіи пребываетъ вѣчная свѣжесть истины, и не только истины всеобщей, безотносительной, но и частной, у насъ-то всего болѣе и находящей себѣ примѣненіе. Нигдѣ именно этотъ элементъ человѣчности не представляется такимъ необходимымъ условіемъ политическаго строя, какъ въ нашемъ отечествѣ. Ибо верховная власть въ Россіи вручена не парламенту, не иному коллективному учрежденію, не бездушному механизму, а живому лицу,—*человѣку*. И чѣмъ неограниченнѣе эта власть, тѣмъ менѣе можетъ она мыслиться иначе какъ надѣленною человѣческою душою и сердцемъ. Въ этомъ всѣ наши, такъ-называемыя въ другихъ странахъ гарантіи. Не на контрактѣ, не на договорѣ зиждутся въ Россіи отношенія народа къ царю, а на страхѣ Божіемъ, на вѣрѣ въ святыню *человѣческой совѣсти и души*.

Такія отношенія отвѣчаютъ и всему нравственному міровоззрѣнію и бытовому складу нашего народа. Признавая, говорили мы еще въ прошломъ году, по поводу торжества коронаціи, необходимость точнаго закона и внѣшней формальной правды для гражданскаго общежитія, Русскій народъ хранитъ въ себѣ постоянное стремленіе къ правдѣ нравственной, высшей. Онъ не можетъ поработить, закабалить свою жизнь и жизнь государства мертвящей буквѣ закона и грубому формализму, а потому и восполняетъ мертвенность буквы и внѣшность правды въ своемъ политическомъ строѣ живымъ началомъ *личной*, свободной, свѣтомъ Христовымъ просвѣщаемой *совѣсти* и на ней утверждаемой личной, независимой воли. Въ томъ-то и сущность союза Царя съ народомъ, поясняли мы, что божественная нравственная основа жизни у нихъ едина, единый Богъ, единый Судія, единый высшій Господень законъ, единая правда, единая совѣсть. Вотъ при какихъ условіяхъ и можетъ быть переданъ одному человѣку тягчайшій изъ даровъ—даръ полновластія надъ братьями-человѣками,—и передается онъ у насъ въ Россіи съ освященіемъ народныхъ молитвъ, во имя Бога и подъ страхомъ Божіимъ. Вотъ почему русское самодержавіе и возможно также лишь какъ учрежденіе вполнѣ *народное*, вполнѣ національное: самодержецъ-иновѣрецъ, самодержецъ-иностранецъ немыслимъ въ Русской землѣ ни въ буквальномъ, ни въ переносномъ значеніи....

Въ этомъ смыслѣ и должно понимать завѣтъ русскаго поэта, нѣкоторыми нынѣ пренебрегаемый,—и да проникнетъ онъ глубоко въ сердце Царевича! Само собою разумѣется—быть человѣкомъ и христіаниномъ, чтить святыню званія человѣческаго въ своихъ подданныхъ не значитъ пренебрегать обязанностями царскаго званія, не значитъ обратиться въ сантиментальную мякоть, не имѣть ни костей, ни хряща. Совершенно напротивъ. Какъ правда и милость—не противорѣчащія понятія, не исключаютъ, а лишь восполняютъ одна другую, такъ и человѣчность въ царѣ не упраздняетъ ни твердости, ни энергіи, ни воли—строгой и грозной для злодѣевъ нарушающихъ миръ ввѣренныхъ ему отъ Бога людей,—рѣшительной и настойчивой по отношенію къ слугамъ лукавымъ и нерадивымъ,—неуклонной при осуществленіи благихъ государственныхъ замысловъ. Человѣчность въ царѣ дѣлаетъ лишь доступными его разумѣнію всѣ нужды человѣческія въ своемъ народѣ, расширяетъ царственный кругозоръ, живитъ, просвѣтляетъ, святитъ самое начало власти. Начало это *личное*, и какъ единый носитель этого личнаго, живаго, властнаго начала въ русской державѣ, царь есть по преимуществу *двигатель* своей страны, и долженъ быть таковымъ,—человѣкомъ *почина* и вождемъ, направляющимъ подвластный ему народъ къ совершенію своего всемірнаго историческаго призванія.

Торжественнымъ днемъ 6 мая положено для Государя Наслѣдника начало его служенію Русскому Царю и Россіи,—а вмѣстѣ и начало ученію, соотвѣтственно его сравнительно болѣе зрѣлому, хотя еще и юношескому возрасту. Собственно говоря, теперь для Его Высочества служить—значитъ учиться. И на первомъ планѣ должно быть поставлено изученіе всѣхъ странъ входящихъ въ составъ Русскаго государства,—не поверхностное, суммарное или верхоглядное, но тщательное, подробное, всестороннее, особенно же изученіе *родной земли*. Онъ долженъ самолично узнать какъ живется родному народу—видѣть и вѣдать Русь не только городскую, показную, наряженную для торжественной встрѣчи, но и глухую, сельскую, проселочную, въ ея будничномъ смиренномъ образѣ, съ ея потребностями, нуждами и съ ея духовною, такъ мало признаваемою, мощью, съ ея вещественнымъ и нравственнымъ богатствомъ,—такъ еще мало, хотя и не по ея винѣ, производительнымъ! Съ этою правдою труднѣе станетъ ознакомиться впослѣдствіи, когда наступитъ для Царевича пора дѣйствительнаго служенія своему Державному Отцу въ званіи перваго изъ вѣрноподданныхъ. Казенному и оффиціальному мѣста ни въ какомъ случаѣ не убудетъ, его всегда будетъ вдоволь; вдоволь, къ несчастію и мѣста для парадной лжи,—но столько ли же и всегда ли— для дѣйствительной, неприглядной правды, — для правды о Россіи?

Ниже помѣстили мы нѣкоторыя, хотя уже и запоздалыя подробности о недавнемъ путешествіи Австро-Венгерскаго наслѣднаго принца, и невольно подумали: почему бы, по окончаніи путешествія по Россіи, и нашему Государю-Наслѣднику, по примѣру Эрцгерцога Рудольфа, не посѣтить Румынію и Славянскія земли Балканскаго полуострова, Болгарію, также Царьградъ, Сербію и, чрезъ турецкія провинціи—Боснію и Герцеговину—доблестную Черногорію?.. Въ радушномъ пріемѣ народовъ Наслѣдникъ Русскаго престола можетъ быть увѣренъ, конечно, ужъ не менѣе чѣмъ будущій государь Австро-Венгріи...

Прекрасны слова молитвы вознесенной церковью къ Богу въ знаменательный день 6 мая, которыя и мы повторимъ здѣсь отъ всей полноты сердца: «Возведи его въ мужа совершенна, да владычествуетъ въ немъ свѣтомъ Твоимъ просвѣщенный умъ надъ всякою страстію и сердце чистое надъ всякимъ вожделѣніемъ, да тако и надъ людьми Твоими владычествовать уготованъ будетъ»...

Не въ реакціи спасеніе, а въ ясномъ разумѣніи нашего государственнаго строя.

«Русь», 1-го ноября 1884 г.

Намъ возвѣщаютъ, и притомъ не безъ угрозы въ тонѣ, наступленіе новой эры въ нашемъ отечествѣ, «новое движеніе въ законодательствѣ», знаменующее «пришествіе правительства» во всей своей силѣ и достоинствѣ, «возвратъ» его послѣ долгаго, свыше-двадцатилѣтняго отсутствія или упраздненія... «Добро пожаловать»! былъ бы нашъ чистосердечный привѣтъ, еслибъ въ самомъ дѣлѣ правительство *только* отсутствовало и въ этомъ его отсутствіи именно и таилась причина всѣхъ причинъ—почему Россіи болѣе или менѣе неможется. Но вѣдь никакого революціоннаго упраздненія законнаго правительства на Русской землѣ, послѣ котораго послѣдовало бы нѣчто въ родѣ реставраціи Бурбоновъ, не происходило, но нашъ политическій, созданный исторіей строй въ основѣ своей, слава Богу, не подвергся никакому перевороту,—да о чемъ же бы жила, стояла, двигалась Россія, еслибъ онъ былъ поколебленъ?! Существо русской верховной власти остается неизмѣненнымъ: та же ея крѣпость и мощь; такъ же глубоко, какъ и прежде, коренится она въ сознаніи и въ совѣсти Русскаго народа; тотъ же несетъ онъ ей даръ любви, преданности, беззавѣтнаго послушанія, какъ и встарь!... Очевидно, въ этихъ рѣчахъ о какомъ то исчезновеніи и предстоящемъ возвращеніи правительства кроется крупное недоразумѣніе. Оно не устраняется и такимъ, болѣе подробнымъ истолкованіемъ, что подъ возвращеніемъ гдѣ-то пропадавшаго правительства разумѣется собственно: «возвращеніе правительства къ своимъ обязанностямъ», которыхъ оно стало-быть въ теченіи 20-ти слишкомъ лѣтъ не исполняло,—и не исполняло до такой степени, что, по словамъ «Московскихъ Вѣдомостей», дало угнѣздиться злу безначалія и политической безнравственности не только въ обществѣ и въ литературѣ, но и въ судѣ, «и въ правительственныхъ и неправительственныхъ нашихъ учрежденіяхъ, отъ низшихъ *до высшихъ* включительно». Дѣло идетъ такимъ образомъ о чаемомъ или уже начавшемся возстановленіи правительства «сильнаго и крѣпкаго»—вмѣсто слабаго и расшатаннаго... Но если признать правду этихъ словъ, какъ же согласить представленіе о расшатанности съ тѣмъ незыблемо-прочнымъ основаніемъ власти въ нашемъ народѣ, о которомъ мы только-что говорили? Откуда же эта слабость правительства, когда силы и крѣпости ему не занимать стать? И точно ли это была слабость? Тяжелую руку правительства (такъ какъ не о благодѣяніяхъ его теперь рѣчь) испытывала на себѣ Русская земля не разъ и въ прошлое царствованіе. Вѣдь верховная власть въ Россіи по истинѣ—великанъ и исполинъ. Какъ же такъ можетъ статься, что великанъ кажетъ словно бы малорослымъ, котораго даже и шапки не запримѣтишь, а исполинъ—какъ бы и совсѣмъ маломощнымъ, котораго лѣнивый лишь не обидитъ?... Нѣтъ, не убыло,—сдается намъ,—у этого богатыря ни роста ни мощи; а что онъ ее поукротилъ, да принизился, такъ это потому, что недоумѣваетъ... Тяжко недоумѣваетъ! Вѣдь не Богъ вѣсть какая мудрость—выкликать его да подзадоривать! Встань молъ, выходи, выпрямись во всю высь, развернись силищей во всю ширь, да валяй—гни, ломи, дави направо и налѣво палицей богатырской! Не за этимъ у богатыря дѣло стало. «Выйти-то я радъ, говоритъ, да куда ступить—толкомъ не знаю, пути настоящаго не вѣдаю; сила-то при мнѣ, да къ чему приложить ее—доподлинно не разберу: гнуть, давить и ломить не штука, да именно что̀? Какъ бы, расходясь, не зашибить чего и добраго, да до смерти!» Вотъ какому его раздумью нужно бы, казалось, придти на помощь...

Но оставимъ метафоры. Страстное слово, призывающее явленіе крѣпкой и сильной власти, такъ настойчиво, еще недавно, вновь раздавшееся въ печати и повидимому нашедшее себѣ сочувственный откликъ въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, правительственныхъ, если не «учрежденіяхъ» (болѣе или менѣе этимъ словомъ заподозрѣнныхъ), то обителяхъ, безъ сомнѣнія внушено искреннимъ желаніемъ блага,—а потому одному уже заслуживаетъ серьезнаго къ себѣ отношенія. Мало того: это требованіе носитъ на себѣ нѣкоторую видимость правды, а во многихъ частныхъ случаяхъ вполнѣ справедливо и по существу. Но дѣло въ томъ, что одними, исключительно внѣшними свойствами «силы» и «крѣпости» не исчерпываются функціи и задачи правительства; что сами по себѣ эти свойства могутъ равно служить и добрымъ, и неразумнымъ цѣлямъ, и ко благу, и ко вреду,—а потому было бы въ высшей степени опасно только въ нихъ, въ этихъ свойствахъ, искать исцѣленія отъ разъѣдающаго Россію недуга. Здѣсь всякое недоразумѣніе можетъ имѣть пагубныя послѣдствія...

Намъ указываютъ, что «упраздненіе правительства» началось съ начала 60-хъ годовъ, точнѣе сказать: съ начала реформъ Императора Александра II. А такъ какъ предшествовавшіе годы со дня кончины Императора Николая были только вступленіемъ въ новое царствованіе и по духу своему ни въ какомъ противорѣчіи съ реформенною эпохою не состоятъ, то выводъ изъ указанія одинъ: что прежнее правительство обязанности свои исполняло вполнѣ исправно; что образцомъ «крѣпкаго и сильнаго правительства» служитъ правительство

Николаевскихъ временъ и что слѣдовало бы, значитъ, вернуться къ его системѣ. Но не въ этой системѣ, стремившейся упразднить жизнь и духъ великой страны, или, что̀ то же—взять ихъ въ казну и дрессировать ихъ творчество по полицейскому рецепту и въ мѣру казенной надобности,—не въ ней ли заключается и корень послѣдующихъ золъ? Всѣмъ намъ, людямъ пожилымъ, памятно знаменитое «тридцатилѣтіе»! Фасадъ его былъ дѣйствительно блестящій, до такой степени, что онъ и теперь, въ поколѣніяхъ позднѣйшихъ, вызываетъ иногда ретроспективное удивленіе. Но не даромъ же было и сказано про Россію тогдашней поры слово умнаго иностранца, что она—«страна фасадовъ». Въ самомъ дѣлѣ, Россія стояла тогда повидимому на верху могущества и славы; казалось—«передъ ея державнымъ блескомъ народы молча клонили взоръ»; мы взяли на себя оберъ-полицеймейстерство чуть не въ цѣлой Европѣ, великодушно оплачивая дорого стоющую должность русскими деньгами, силами, интересами и даже кровью; когда же, вопреки нашей полиціи, Австрія очутилась на краю пропасти, мы сочли долгомъ всею своею богатырскою силищей спасти ее и покорить сей чужой монархіи возмутившуюся противъ ея владычества относительно-небольшую и малосильную страну,—такъ-таки и возвѣстивъ міру, съ гордостью нѣсколько простосердечною, что «разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ»!... Это по части внѣшней политики. Въ самой же Россіи, по части политики внутренней, фасадъ былъ не менѣе пышенъ: снаружи — припомнимъ — все чинно, прочно и стройно; порядокъ—на диво; дисциплина—на славу; законовъ — пятнадцатитомная благодать; правительство — не только «крѣпкое и мощное», но, казалось, проникнутое единствомъ системы и духа во всѣхъ своихъ органахъ, отъ петербургскаго центра до послѣдняго Держиморды въ захолустномъ городишкѣ; правительство грозное, вседержащее, тысячеокое, тысячерукое, *вездѣсущее*, о которомъ ужъ никакъ не приходилось сказать, что оно въ отлучкѣ,—тѣмъ менѣе было нужды возвѣщать подданнымъ впередъ объ его появленіи, призывая громкимъ кликомъ: «*вставайте!*... правительство-де идетъ, правительство возвращается»!... Чего ужъ тутъ было вставать! Россія и безъ того стояла на вытяжкѣ, «во фрунтъ», двигаясь словно по стрункѣ, и на неумолчные грозные возгласы команды неумолчно же, испуганно, рапортовала: «все обстоитъ благополучно»... Впрочемъ сама эта Россія,—вся, съ Русской землей и народомъ,—представлялась въ понятіяхъ правительства какою-то обширною «командой» (въ переносномъ значеніи слова), да такъ и называлась,—командой, которую довести до полной «исправности» или до солдатской выправки, духовной и внѣшней, и составляло его завѣтнѣйшую мечту. Да и мало ли о чемъ тогда мечталось! Мечталось и объ единообразіи архитектуры по всей Имперіи, и объ единообразіи покроя платьевъ и причесокъ, съ укрощеніемъ *своеволія* модъ, даже и о цензурѣ Священнаго Писанія!... Нельзя ужъ было пожаловаться на противорѣчія! нельзя было обвинять въ распущенности управленіе учебными заведеніями: воспитаніе ограждалось, повидимому, съ желѣзной энергіей: философія—по боку; верховная власть объявлена была (даже оффиціально) «верховною совѣстью» (sic), т. е. началомъ имѣющимъ упразднить личную, подвижную человѣческую совѣсть... Въ предѣлахъ таковыхъ понятій насаждалось, съ крутымъ усердіемъ, и самое «православіе»...

Но подъ стройною наружною мощью таилась слабость, гнѣздилась гниль. Чтò, чѣмъ была въ это самое время Россія?

Въ судахъ черна неправдой черной
И игомъ рабства клеймена,
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лѣни мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна!...

Въ это самое время Россія задыхалась отъ духоты, отъ недостатка простора для мысли и души въ своемъ пространномъ царствѣ; публично «слышалось лишь молчаніе», — но неслышно шептались въ университетахъ и обществѣ смѣлыя и подчасъ извращенныя думы. Спугнули умъ, но не задавили мысль, и она пошла, пошла себѣ бродить подпольными, тайными путями, озлобляясь и искривляясь, восполняя свою скудость и незрѣлость лживою обольстительностью запретнаго плода. Тогда-то и заронились и пустили ростки среди юношества сѣмена того направленія, котораго бѣдственные плоды мы пожинаемъ теперь. Если уже въ 1862 г. Тургеневъ выводитъ въ своемъ романѣ *типъ* нигилиста, то очевидно потребовалось не малое время для его образованія,—и не реформы Александра II его породили. Достойно замѣчанія, что собственно *молодежь* къ этимъ реформамъ отнеслась не только безъ ликованій, но и безучастно, даже и къ освобожденію крестьянъ... Онѣ уже не удовлетворяли ея радикализму!

Наступилъ наконецъ часъ испытанія: рухнулъ пышный фасадъ. Такъ-называемая Восточная или Крымская война обличила всю немощь нашего военнаго могущества: наше вооруженіе, сравнительно съ вооруженіемъ враговъ, оказалось негоднымъ; наша тактика—устарѣлою; нашъ солдатъ—неустрашимый, самоотверженный, самый толковый и смѣтливый отъ природы—забитъ, замуштрованъ до степени автомата (чего именно и требовалось для красивости парадовъ, что̀ и составляло высшій идеалъ военной дрессировки: извѣстно слово одного высокопоставленнаго любителя сихъ забавъ, что «война портитъ солдата»). И если тѣмъ не менѣе этотъ же русскій солдатъ выручилъ русскую честь, такъ не благодаря, а вопреки бездушному формализму Петербургской системы; если 11 ти-мѣсячная, героическая эпопея защиты Севастополя, почти импровизованная, сама собою сложившаяся,вѣнчала Русскій народъ вѣчною славой, то она же и развѣнчала ее, эту пресловутую систему, сняла съ нея ореолъ всемогущества и всевѣдѣнія. Періодъ «крѣпкаго и сильнаго правительства» закончился для Русскаго государства позорнымъ миромъ, утратою флота, утратою русской территоріи,—чего ужъ такъ давно, давно не знавала Россія!—утратою нашихъ державныхъ правъ на Черномъ морѣ. Словно заревомъ пожара въ ночи, освѣтилась позоромъ черная мгла русской жизни, прикрывавшаяся блестящимъ фасадомъ. Чаша была переполнена,—системѣ послѣдній часъ прбилъ....

Онъ пробилъ и для самого ея виновника. Далека отъ насъ нечестивая мысль класть хулу на память великаго Царя, котораго обаятельный образъ долго будетъ храниться въ потомствѣ, который искупилъ свои искреннія, невольныя заблужденія нравственнымъ величіемъ своихъ душевныхъ страданій, своей трагически-царственной кончины. Ложна была система, но она представлялась ему якоремъ спасенія для отечества послѣ безумнаго мятежа декабристовъ, напустившаго фальшь на Русскую землю, ставшаго точкою отправленія всей отрицательной, гнетущей дѣятельности правительства,—лживою призмою, сквозь которую преломлялись всѣ лучи его зрѣнія! Разъ увѣровавъ въ эту систему, въ ея благо для Россіи, Государь Николай Павловичъ, самоотверженно преданный своему царственному долгу, проводилъ ее въ жизнь со свойственною ему, энергическою послѣдовательностью. Страшно и подумать о тѣхъ мукахъ разочарованія, которыя долженъ былъ испытать онъ впродолженіи Крымской войны, не только какъ Русскій, но и какъ всевластный Русскій Царь: вся та нестерпимая боль, которою терзались милліоны сердецъ его подданныхъ, сосредоточилась въ одномъ его сердцѣ; то чувство вины,—отъ котораго они были свободны или мнили себя свободными, возлагая лишь на власть всю отвѣтственность за бѣдствія Россіи,—всею своею тяжестью легло на одну его душу. И онъ принялъ отвѣтственность, и принесъ въ искупленіе вины самую жизнь; не какимъ-либо недугамъ было подъ силу сломить его богатырскій организмъ,—его сломило только великое царское горе...

Но каково же было положеніе новаго Царя, внезапно принявшаго скипетръ въ эту минуту страшнаго кризиса? Кто не былъ свидѣтелемъ этой поры, тому и не представить себѣ— какимъ движеніемъ внезапно была объята Россія! Откуда ни возьмись, «общественное мнѣніе»,—котораго и существованія не подозрѣвали, и въ принципѣ не признавали,—явилось такою неодолимою нравственною силой, которой никакая въ мірѣ живая, личная власть не могла бы сопротивляться. Словно неистовствомъ вешнихъ водъ прорвало плотину, и помчался бурный мутный потокъ, неся на хребтѣ,—вмѣсто льдинъ и мусора,—протесты, укоры, безпощадную критику прошлаго 30-тилѣтія и безчисленныя предположенія реформъ! Стономъ, казалось, стояла земля, требуя жизни, жизни, простора для духа, необходимыхъ преобразованій! Это была своего рода революція—по энергіи, страстности и всеобщности умственнаго и нравственнаго взрыва, но при всемъ томъ вполнѣ и искренно «благонамѣренная» въ непошломъ смыслѣ слова, и можно сказать: вѣрноподданническая, такъ какъ всѣ ясно сознавали, въ тотъ историческій мигъ, что только одной самодержавной власти подъ силу произвести неотложныя реформы и переворотъ въ правительственной системѣ безъ нарушенія мира и тишины. Въ системѣ прошлаго царствованія видѣли главный источникъ зла и, какъ водится, изъ одной крайности бросались въ другую, и ничто же сумняся искали спасенія только въ *противоположномъ*, при помощи той же правительственной полномочной власти!

Эмблемою, конечно карикатурною, тогдашняго, восторжествовавшаго направленія на самой первой порѣ новаго царствованія, можетъ служить перемѣна въ пріемахъ солдатскаго обученія. Автоматъ-солдатъ оказался негоденъ, нужно было обзавестись развязнымъ солдатомъ, способнымъ къ разсыпному строю. И вотъ, прежде учили: руки по швамъ! создали изъ *шагистики* цѣлую науку... Теперь стали *учить* (чему мы сами были свидѣтелями) размахивать руками и ходить какъ можно вольнѣе,—по старой привычкѣ, въ солдатъ даже вколачивали развязность... «Молчать»! слышалось прежде на каждомъ шагу: теперь же доходило до того, что одинъ почти-сановникъ, бывшій потомъ министромъ, желая изгладить вредные слѣды привычки молчанія, проектировалъ было особые ордена: «за независимость мнѣній»...

Отъ гипертрофіи правительственной опеки переходили къ систематической правительственной безпечности, — даже и тамъ, гдѣ отсутствіе опеки порождало истинное зло; отъ упраздненія жизни съ ея творчествомъ и дѣятельностью, отъ замѣны ея дѣятельностью правительственнаго механизма — кидались въ искусственное, даже насильственное возбужденіе жизни,—и большею частью вызывали только подобія жизни, только миражи, не узнавая въ лицо, не вѣдая истинной русской жизненной стихіи... Въ наши дни, впрочемъ, въ большой модѣ осыпать упреками реформенную дѣятельность прошлаго царствованія. Безцеремонность укоровъ, глумленій и издѣвательствъ нѣкоторыхъ «консерваторовъ», особенно петербургскихъ. доходитъ до крайнихъ предѣловъ. Нѣтъ сомнѣнія, повторяемъ, во всѣхъ реформахъ Александра II не мало внесено ошибочнаго и фальшиваго,—но вѣдь нѣтъ же ничего и дешевле такой ретроспективной критики. послѣ свыше 20-лѣтняго опыта! Однакоже неправильно было бы думать, что собственно отъ слабости и малодушія правительственной власти могли вкрасться эти ошибки и фальшь: нѣтъ, реформы вводились властью во всеоружіи ея могущества, изъ искренняго желанія блага, но самое представленіе о нихъ было тогда еще смутно. Не по забвенію обязанностей устранялось правительство отъ необходимаго подчасъ вмѣшательства въ жизнь, а полагало въ то время своею священнѣйшею обязанностью такое самовоздержаніе! Да и что̀ было дѣлать новому правительству, поставленному судьбой въ самой стремнинѣ могущественнаго теченія? Легко сказать: удержать равновѣсіе, ограничиться золотой серединой! Гдѣ были для этого мѣрила? гдѣ точки опоры въ интеллигенціи (помимо народа)? Даже «Русскій Вѣстникъ», и тотъ, въ первые годы царствованія Александра II, стоялъ подъ флагомъ англійской конституціи! Одно ли правительство только винить? не повиниться ли и самимъ современнымъ критикамъ въ невольномъ грѣхѣ—*грѣхъ мнѣнія?* Въ томъ-то и дѣло, что отрицаніе стараго становилось несомнѣнною и потому неотложною потребностью,—но откуда было взять *готовое* новое, съ готовыми формулами? Увы! ничего новаго *своего* не выработала русская мысль за все время предшествовавшаго царствованія; даже и для того, что̀ подсказывалось самою русскою жизнью, что̀, будучи *своимъ*, было въ то же время и ново, формулы большею частью рекомендовались заемныя, *чужія.* Конечно, изо всѣхъ реформъ Александра II наиважнѣйшая—освобожденіе двадцати милліоновъ крестьянъ изъ крѣпостной зависимости (одинъ изъ величайшихъ соціальныхъ переворотовъ въ мірѣ); она же изо всѣхъ реформъ едвали не единственная, которая носитъ на себѣ печать народности и самобытности. Но и она во многихъ существенныхъ отношеніяхъ искажена вторженіемъ понятій и представленій совершенно противорѣчащихъ началамъ народной жизни,—именно потому, что составители Положенія 19 февраля почти всѣ, за исключеніемъ очень немногихъ, воспитались въ духѣ совершеннаго отъ нея отчужденія, на началахъ жизни иной, западно-европейской. Послѣдствія этого искаженія и отзываются теперь, такъ печально, въ нашей дѣйствительности! Но все же задача освобожденія крестьянъ оказывается, сравнительно, наиболѣе удачно разрѣшенною—благодаря, конечно, тому, что здѣсь рѣчь шла о самыхъ животрепещущихъ интересахъ *народной* массы, съ которыми уже по неволѣ надо было, болѣе или менѣе, сообразоваться, а также благодаря самому способу, которымъ реформа изготовлялась, т. е. всестороннему свободному ея обсужденію самими землевладѣльцами въ комитетахъ и коммиссіяхъ. Что̀ же сказать обо всей остальной реформенной дѣятельности, менѣе непосредственно соприкасавшейся съ жизнью самого народа? Врачеванія отъ золъ требовалъ весь организмъ государственный,—а панацея отъ золъ представлялась только и только—на Западѣ. Преобразованія были необходимы, но гдѣ же имъ образцы, какъ не въ ней же, не въ той же Европѣ, къ которой, съ тѣхъ поръ какъ Петръ Великій прорубилъ въ нее окно и поставилъ создаваемую имъ русскую интеллигенцію къ Россіи затылкомъ, такъ и остаются прикованными до сихъ дней наши мысленные взоры?! Европа съ той поры—безъ сомнѣнія властительница нашихъ думъ; въ русскомъ общественномъ сознаніи, какъ въ зеркалѣ, отражается весь процессъ ея жизни, не только научной, художественной, но и гражданской, и политической....

Однако вѣдь весь ея современный правовой строй стоитъ на почвѣ—конституціонной?.. Не легкое дѣло заимствовать учрежденія съ Запада, созданныя или пропитанныя духомъ конституціоннымъ,—заимствовать такъ, чтобъ этимъ духомъ даже не пахло! Наши консервативныя газеты не совсѣмъ неправы, когда выслѣживаютъ въ русскихъ новѣйшихъ учрежденіяхъ присутствіе кое-гдѣ слѣдовъ иного политическаго строя, съ нашимъ несходнаго. Чуждая приправа есть,—это несомнѣнно; хоть и не сильнымъ, и политически очень мало опаснымъ, но маленько конституціоннымъ душкомъ во многихъ реформахъ, конечно, отдаетъ! И не можетъ не отдавать, такъ какъ имъ, сознательно или безсознательно, проникнуты были участники преобразованія, да и всѣ тѣ, которыхъ мысль не эмансипировалась отъ духовной власти Запада, но которые въ то же время не имѣли никакой охоты вернуться къ полицейско-канцелярской диктатурѣ временъ Николая I (тоже вѣдь нерусскаго происхожденія)! Примѣромъ можетъ служить хоть тотъ же «Русскій Вѣстникъ». Единственное исключеніе составляло небольшое число послѣдователей того направленія, которое русское общество обозвало, съ ругательствомъ и насмѣшками, «славянофильствомъ», которому только одному и не понадобилось впослѣдствіи ни разу мѣняться, и которое, замѣтимъ, съ одинаковымъ рвеніемъ подвергали гоненію правительственныя системы обоихъ царствованій! Но и они,—сознаемъ это откровенно,—предпринявъ подвигъ русскаго народнаго самосознанія, могли съ своей стороны только призывать къ участію въ этомъ трудѣ, только указывать на народные начала и идеалы, но не могли конечно взять на себя созданіе конкретныхъ формъ для нужныхъ преобразованій, такъ какъ такое созданіе принадлежитъ творчеству живой и цѣльной жизни народной, роли которой они на себя никогда и не брали.

Не подлежитъ такимъ образомъ ни малѣйшему сомнѣнію, что въ большей части учрежденій Александра II содержится не мало элементовъ европейскаго политическаго склада, которые вносятъ подчасъ нѣкоторую фальшь и нескладицу въ нашъ общественный строй. Но вѣдь и разныя учрежденія предшествовавшихъ царствованій, также изъ Европы заимствованныя, также приправлены духомъ—то Наполеоновскаго цезаризма, то нѣмецкаго монархическаго абсолютизма, одинаково чуждымъ кореннымъ народнымъ основамъ нашей жизни,—а потому, точно такъ же и нисколько не менѣе, если даже не болѣе, производили и еще производятъ въ ней болѣзненную дисгармонію... Слава Богу, что всѣ эти эксперименты надъ русскимъ государственнымъ организмомъ не поколебали нашего народнаго *устоя*, не измѣнили въ народѣ тѣхъ понятій о самодержавной власти, которыя даже не всегда сходились съ понятіями о ней въ самой властной средѣ, но которыми собственно и держится Россія—вопреки всему и несмотря ни на что̀.

Вотъ здѣсь-то, кажется намъ, и слѣдуетъ искать источникъ тѣхъ главныхъ роковыхъ недоразумѣній, отъ которыхъ страдаетъ наше отечество. Видѣть причину всего зла лишь въ слабосиліи власти прошлаго царствованія, повторяемъ, несправедливо. Только самодержавною властью, незыблемо мощною въ сознаніи всей страны, могло быть совершено освобожденіе крестьянъ, могли быть совершены и прочія реформы, даже то видимое (и въ сущности мнимое) умаленіе «прерогативъ» верховнаго правительства, на которое такъ ревностно указываютъ теперь нѣкоторые публицисты. Не вслѣдствіе вѣдь какого-либо мятежа, не съ испуга и трусости замѣнена при новомъ царствованіи система Государя Николая системою новою, а только потому, что она обличилась въ полнѣйшей своей несостоятельности: для замѣны же ея никакой иной, *по справкѣ съ Европой*, налицо не было. Пришлось, по обыкновенію, жить чужимъ опытомъ! Но если новѣйшая система оказалась или оказывается къ нашей жизни непригодною, слѣдуетъ ли изъ того, что полезно опять возвратиться къ старой? Намъ говорятъ о необходимости возобновленія дѣятельности «крѣпкой и сильной власти»,— не поясняя однакожъ: въ чемъ собственно должно заключаться содержаніе и направленіе новой дѣятельности. Если дѣло идетъ лишь о такой, гдѣ бы власть только всюду давала себя крѣпко чувствовать, то вѣдь періодъ подобныхъ ощущеній мы уже испытали въ знаменитое 30-лѣтіе съ 1826 г.! Вѣдь все это будетъ опять только процессъ *реакціи*, несомнѣнно вредный для здоровья страны! Вызываютъ теперь реакцію во имя крѣпкаго и сильнаго правительства — противъ системы царствованія Александра II, которая была-де упраздненіемъ правительства; но вѣдь она въ свою очередь служила реакціею противъ системы Николая I, когда правительства было ужъ слишкомъ много и ужъ совсѣмъ не празднаго! Система же Николая I была опять въ свою очередь реакціей противъ царствованія Алаксандра I, при которомъ Сперанскій сочинялъ конституціи, да и самъ Императоръ сочинялъ и давалъ ихъ! Это словно какой-то безвыходный кругъ, circulus vitiosus, изъ котораго не видать выхода,—какое то перескакиваніе съ края на край. Дѣло въ томъ, что все это — борьба двухъ, поочередно правящихъ, противоположныхъ политическихъ и *нерусской* закваски системъ,—подъ эгидою третьей системы, исторической и русской... Не въ томъ ли и вся задача: возстановить дѣятельное, жизненное значеніе именно *этой послѣдней* системы, не довольствуясь отведенной ей ролью охранительницы системъ *чуждыхъ?*

Нашъ коренной государственный строй,—какъ онъ созданъ нашей исторіей, какъ переданъ намъ до-Петровской Россіей и доселѣ понимается народомъ,—не подходитъ ни подъ одну изъ политическихъ нормъ ни современной, ни даже старой

Европы. Начать съ того, что монархическая власть въ Россіи ведетъ свое происхожденіе не отъ завоеванія, не отъ захвата, не отъ насилія въ какомъ бы то ни было видѣ, и не отъ договора, а отъ сознательной воли самой Русской Земли, или точнѣе: отъ тѣхъ началъ, которыя коренятся въ самомъ духѣ народа и обрѣли себѣ въ исторіи сознательное и торжественное выраженіе. Не углубляясь въ даль временъ, происхожденіе русскаго монархическаго полновластія можно по справедливости отнести къ 1613 году, когда весь прежній государственный строй рушился, и *самъ* народъ, или *сама* Земля подвиглась вся на его возстановленіе; когда, слѣдовательно, отъ нея зависѣло установить какой угодно образъ правленія, и когда она юному родоначальнику нынѣ благополучно Царствующаго Дома вручила добровольно, свободно, единоличную верховную надъ самой собою власть, безъ всякихъ условій и договоровъ; мало того: въ виду юности избраннаго Царя и въ виду боярскихъ поползновеній стѣснить царскую власть въ свою пользу, она въ продолженіи семи лѣтъ укрѣпляла и ограждала ея силу и неприкосновенность—земскимъ соборомъ. Верховная власть такимъ образомъ утверждается не на какихъ-либо внѣшнихъ, условныхъ, а на внутреннихъ нравственныхъ основахъ, на началахъ взаимнаго довѣрія и *естественной* тождественности интересовъ Государства и Земли, Царя и народа. Поэтому русская монархическая власть сильна и крѣпка сама собою, сильнѣе и крѣпче чѣмъ гдѣ-либо; это уже свойство самой ея природы; при такихъ взаимныхъ отношеніяхъ власти и подвластныхъ — безпредѣльно много можетъ дерзать власть ко благу страны; принадлежитъ, конечно, и подвластнымъ дерзновеніе любви и вѣры, выражающееся прежде всего въ честномъ изъявленіи правды или искренняго мнѣнія. Власть сильна и крѣпка у насъ даже и тогда, когда не признаетъ почему-либо нужнымъ пользоваться своею силою. Послѣдняя всегда при ней. Поэтому нѣтъ для нея и никакой надобности (подобно какому-либо узурпатору, или конституціонному монарху, вѣчно интригующему ради обезпеченія себѣ ариѳметическаго перевѣса парламентскихъ голосовъ!) подниматься на разныя хитрыя затѣи для своего усиленія, пріумноженія и утвержденія, ни заботиться ревниво и подозрительно о «прерогативахъ» или о расширеніи ихъ, когда самое понятіе о «прерогативѣ» слишкомъ узко для русской власти! Вникая глубже въ существо нашей формы правленія, мы видимъ, что отсутствіе договорнаго начала происходитъ отъ самаго народнаго воззрѣнія на значеніе власти. Вверху нашего государственнаго зданія поставлено «святѣйшее изъ званій — *человѣкъ*», или человѣческая *совѣсть*, органиченная только страхомъ Божіимъ и личною нравственною передъ людьми отвѣтственностью. Ей и вручена полнота власти. Какъ посреднику, какъ *третьѣ*, избираемой спорящими сторонами, ни одна не предписываетъ закона, а довѣряетъ его совѣсти, — такъ и Царя, какъ посредника или *третью* (по выраженію Хомякова), признаннаго всѣми подданными, всѣми сторонами, нельзя стѣснять никакимъ закономъ... Царь долженъ быть выше формальнаго закона уже и потому, что его совѣсть призвана восполнять мертвящую букву закона или внѣшней правды — высшею правдою, нравственною. Но онъ *одинъ* сверхзаконенъ; всѣ остальные подзаконны (не исключая и министровъ). Вообще Русскій народъ воплощаетъ верховную власть лишь въ лицѣ Государя. Самое слово «правительство», которое теперь у насъ въ такомъ ходу, ему непонятно или понимается въ другомъ смыслѣ, какъ правленіе или правительствованіе Царя, а не въ смыслѣ: le gouvernement de Sa Majesté (формула нѣсколько конституціонная). Если подъ этимъ выраженіемъ разумѣть только совокупность высшихъ органовъ царской власти, государевыхъ слугъ, такъ нельзя и отождествлять эту совокупность съ лицомъ самого Монарха и присвоивать ей аттрибуты его власти. — Добавимъ еще, что Русскій народъ любитъ чувствовать надъ собой дѣятельность власти — непремѣнно бодрой, а не вялой, непремѣнно сильной, а не слабой, непремѣнно грозной на злодѣевъ, неусыпно пекущейся надъ нимъ отечески-властно и любовно. Народу, и именно нашему, какъ живущему преимущественно *коллективнымъ* или пожалуй соборнымъ, общиннымъ умомъ и духомъ (а этого народа у насъ въ Россіи чуть не 80% всего населенія), такая власть *нужна*, необходимо нужна, какъ живое *личное*, *двигающее* начало, — и этой его потребности никакъ не слѣдовало бы забывать...

Всѣ эти особенности нашего государственнаго строя (въ его идеалѣ конечно) начерчены нами бѣгло, но достаточно, думаемъ, для уразумѣнія существеннаго различія между нимъ и политическимъ строемъ Западной Европы. Съ точки зрѣнія западнаго Европейца нашъ образъ правленія—это какое-то дикое сочетаніе патріархальнаго начала съ правовымъ порядкомъ, автократіи съ демократіей, монахирческаго полновластія съ формами какого-то республиканскаго строя внизу—въ видѣ общинъ, мірскихъ сходокъ и т. п. Абсурдъ! скажетъ онъ, а за нимъ и всѣ русскіе доморощенные иностранцы, отрицающіе право Русской земли на «самобытность въ области политическихъ идей». Но развѣ попытка сочетать элементъ совѣсти съ правовымъ порядкомъ не нашла себѣ, наконецъ, мѣста даже и на Западѣ, ну хоть въ формѣ суда присяжныхъ (въ его англійскомъ прототипѣ, а не во французскомъ искаженіи,—притомъ же въ Англіи даже въ дѣлахъ гражданскихъ, что̀ конечно составляетъ уже совершенное противорѣчіе съ основною идеею формальнаго права)? Почему же не можетъ быть связанъ элементъ совѣсти и съ элементомъ власти, и предпоставленъ надъ правовымъ порядкомъ не судебнаго только свойства, но и административнаго или вообще политическаго? Это вопервыхъ; вовторыхъ, сочетаніе монархическаго полновластія съ формами, на глазъ иностранца, будто бы республиканскаго строя русской народной жизни вполнѣ возможно—до полной гармоничности—уже потому, что въ нашемъ народномъ или древле-земскомъ самоуправленіи, по существу его, нѣтъ ни малѣйшей политической закваски, что это явленіе чисто бытовое и за предѣлы мѣстныхъ бытовыхъ интересовъ не переходитъ и перейти не можетъ, такъ какъ Русскій народъ не питаетъ никакихъ вожделѣній къ политической власти, предоставляя ее исключительно лицу Государя.

Понятно, что такой государственный строй, каковъ русскій съ его самодержавіемъ—учрежденіе чисто народное или національное, и *внѣ національной стихіи* и не мыслится. Поэтому-то мы и высказали однажды въ «Руси» (въ статьѣ по поводу прошлогодняго торжества Коронаціи), что самодержецъ-иностранецъ въ Россіи немыслимъ (и не въ одномъ буквальномъ смыслѣ, конечно). Народъ съ своей стороны, съ тѣхъ поръ какъ избралъ на престолъ Царя Михаила Ѳедоровича, ни разу не отступалъ отъ своего воззрѣнія на принципъ царской власти, ни разу не провинился въ политическомъ непослушаніи или въ измѣнѣ основнымъ началамъ государственнаго строя, — несмотря на всѣ испытанія... Несмотря даже на то, что въ нѣкоторыхъ носителяхъ власти, въ теченіи этого періода времени, особенно въ окружающемъ ихъ «правительствѣ», представленіе о существѣ и характерѣ русскаго самодержавія значительно помутилось и подмѣнилось узкими и тѣсными для русской земской жизни идеалами иностраннаго цезаризма, типомъ полицейско-канцелярской диктатуры и даже новѣйшаго европейскаго политическаго строя. Не въ этомъ ли, повторяемъ, противоестественномъ совокупленіи различныхъ противоположныхъ стихій и должно искать причину всѣхъ нашихъ недоразумѣній и болѣзней?

Еще недавно читали мы въ газетахъ возгласы противъ самоуправленія, и не противъ лишь существующихъ формъ, или злоупотребленій, а противъ самого принципа самоуправленія и выборнаго начала вообще. Но кто произнесъ слово: «Царь», — тотъ произнесъ и «Земля»; кто сказалъ: «самодержавіе», тотъ вмѣстѣ съ тѣмъ сказалъ уже и «земство» или «земщина»: эти начала не только не находятся между собою въ антагонизмѣ, не только не исключаютъ другъ друга, но нераздѣльны и взаимно себя восполняютъ. Одно безъ другаго не мыслится, *одно подразумѣваетъ другое*. Это такъ вѣрно, что первый самодержецъ въ Россіи созываетъ и первый земскій соборъ, и первый заводитъ земскія учрежденія, т. е. поручаетъ мѣстнымъ людямъ вѣдать свои мѣстныя дѣла посредствомъ излюбленныхъ людей. Царь Алексѣй Михайловичъ даже изданіе Уложенія называетъ «великимъ государевымъ и *земскимъ* дѣломъ». Послѣдній земскій соборъ былъ созванъ Царемъ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ для правильнаго разверстанія по всей землѣ государственныхъ повинностей. Нельзя же Ивана Грознаго и послѣдующихъ Московскихъ Царей заподозрить въ либерализмѣ и въ посягательствѣ на прерогативы власти! Такъ было до Петра. При Петрѣ типъ нашего государства изъ земскаго сталъ переходить въ исключительно полицейскій по иностранному образцу, и идея земщины была заброшена.

Самодержавная власть по силѣ и неограниченности своей осталась та же, но она, — благодаря особенно перенесенію резиденціи на самый рубежъ государства, гдѣ кромѣ пустыннаго финнскаго болота, не было и слѣда русской народной жизни, — такъ сказать фактически оголилась отъ земской стихіи (хотя въ народныхъ понятіяхъ продолжала разумѣться и нераздѣльною). Самое представленіе о существѣ русской власти въ правительственной сферѣ стало уже измѣняться, денаціонализоваться, и народъ, какъ предполагаемый естественный противникъ Петровской реформы, попалъ, вмѣстѣ съ самою идеей земщины, подъ подозрѣніе, цѣнился больше какъ матеріалъ... При Императорѣ Александрѣ I правительственная система соскользнула на путь Наполеоновской бюрократической централизаціи, во образѣ министерствъ, еще болѣе неблагопріятной для развитія мѣстной жизни.

Дальнѣйшія превратности мы перечислять не станемъ. По упраздненіи крѣпостнаго права, а съ нимъ и той сотни тысячъ полицеймейстеровъ въ лицѣ помѣщиковъ, которою хвалилась Екатерина, въ мѣстной жизни образовалась пустота и само собою выдвинулась старая идея земства. Но надобно признаться, что если идея была стара и наша русская, коренная, — то совершители земской реформы очевидно носили на себѣ печать духа чужаго, духа иностранной политической доктрины, и произвели у насъ земство болѣе или менѣе по образу и подобію аналогичныхъ учрежденій въ Европѣ. То же вышло и съ реформою городскаго самоуправленія. Новыя заведенныя «представительства», — совершенно понапрасну пугающія охранителей самодержавной власти и встрѣчающія такъ мало сочувствія въ обществѣ и въ народѣ, — дѣйствительно, большею частью, обратились въ представленія, а собранія — въ какія-то карикатуры парламентовъ, со свойственною послѣднимъ бюрократіей и вообще со всѣми недостатками парламентаризма, уже опознанными на самомъ Западѣ. Таковъ теперь общій типъ этихъ учрежденій у насъ, за нѣкоторыми случайными исключеніями, объясняемыми лишь личными нравственными качествами такъ-называемыхъ «дѣятелей»...

Чего же теперь желать, что̀ же теперь дѣлать? Желать слѣдуетъ прежде всего, чтобъ русское самодержавіе, не то чтобъ «возвратилось къ своимъ обязанностямъ», какія исправляло 20 лѣтъ назадъ и вновь обрѣло будто бы гдѣ-то оброненныя имъ силу и крѣпость, — но чтобы оно вышло на свой *народный*, *историческій путь*... Дѣлать? Да именно, пока, исправлять наше мѣстное самоуправленіе въ духѣ русской народной жизни, преимущественно въ уѣздѣ. Безъ возрожденія мѣстной земской жизни немыслима и правильность функцій самодержавной власти. Не вражду къ мѣстному самоуправленію должно вызывать въ сферахъ правительственныхъ, не подозрительное, ревнивое къ нимъ отношеніе, а самое искреннее содѣйствіе и сочувствіе: правильное развитіе земщины скорѣе всего можетъ оздоровить Россію, а вмѣстѣ съ тѣмъ придать новую жизнь, крѣпость и силу единства нашему государственному строю.

Въ настоящее время общее вниманіе обращаютъ на себя работы такъ-называемой Кахановской Коммиссіи. Пожелаемъ успѣха ея трудамъ. Смущаемся только, что въ составъ ея приглашенъ профессоръ юристъ: умнаго мужика надо ей, а не ученыхъ юристовъ, знакомыхъ лишь съ одною западною наукой! Позволяемъ также себѣ обратить ея вниманіе на помѣщаемыя у насъ статьи «Гласнаго отъ крестьянъ», и сами не замедлимъ возвратиться къ предмету ея занятій.

Что значитъ: выйти нашему правительству на историческій народный путь?

«Русь», 15-го ноября 1884 г.

«Довольно толковано о принципахъ, объ общихъ началахъ! подавайте намъ чего-нибудь *конкретнаго*» (это слово теперь въ модѣ); подавайте *практическихъ* выводовъ и указаній!..» Таковъ упрекъ, сдѣланный «Руси» нѣкоторыми петербургскими газетами по поводу передовой статьи ея послѣдняго №; таково вообще требованіе, предъявляемое болѣе или менѣе властными сферами Петербурга,—въ нихъ же все значеніе, цѣль и смыслъ бытія нашей «Невской столицы». Да, Петербургъ — большой практикъ, и не безъ основанія хвалится своимъ практицизмомъ предъ Москвою, которую, наоборотъ, всегда укоряетъ въ идеализмѣ. Въ Петербургѣ такъ и кишитъ «практическая дѣятельность», такъ и сыплетъ онъ на Россію «практическими» указаніями... Но дѣйствительно,— надо отдать ему полную справедливость, — въ практикѣ его ужъ ни до какихъ принциповъ или общихъ началъ и не доберешься, и въ идеалахъ онъ неповиненъ Его (обязательная для Россіи) практика не только не есть логическій выводъ изъ какой-нибудь общей руководящей теоріи, но и сама не можетъ быть возведена въ теорію,—по крайней мѣрѣ, въ одну общую: это не то, что̀ какая-нибудь тамъ *жизнь*, въ которой всегда можно раскрыть, опознать и отвлечь начала, ею только разнообразно проявляемыя и воплощаемыя!

Жизнь и практика — это, по отношенію къ Петербургу, два понятія совсѣмъ розныя. Петербургская практика относится къ жизни (т. е. къ русской жизни) съ великимъ высокомѣріемъ и даже презрѣніемъ, и хотя именно эта жизнь и состоитъ ея страдательнымъ или пассивнымъ объектомъ,— петербургская практика все-таки сама по себѣ, а русская жизнь, съ ея реальными явленіями и скрытыми въ нихъ движущими началами и идеалами, тоже сама по себѣ, несмотря даже на то, что такъ плотно замкнута въ благонамѣренные тиски петербургской неугомонной практики.. Элементъ практицизма петербургской дѣятельности, бюрократической напримѣръ, заключается не въ ней самой, но единственно лишь въ той внѣшней власти, которою она облечена относительно жизни; тутъ ужъ, конечно, волей-неволей безъ практическихъ послѣдствій никакъ не обойдешься! Поэтому и умъ петербургскій такъ уже вообще и сложился, что цѣнитъ лишь такое отвлеченное начало, по которому можно тотчасъ же сдѣлать то, что̀ онъ почитаетъ практикой, т. е. «подлежащее по вѣдомству распоряженіе»: когда излагаешь передъ нимъ какую-нибудь новую теорію, такъ и мнится, что онъ, петербургскій практикъ, слушая васъ, невольно, про себя въ мысли, подтягиваетъ къ себѣ форменную бумагу съ бланкомъ и макаетъ перо въ чернила, словно бы готовясь куда-то написать соотвѣтственное отношеніе или даже представленіе съ «проектомъ узаконенія». Когда же никакого такого отношенія или проекта съ параграфами тотчасъ учинить нельзя, то петербургская практика подобной теоріи или принципа въ себя и не вмѣщаетъ, а обзываетъ «неясными мечтаніями». Если же однако петербургская практика, при всемъ своемъ притязаніи *дѣлать* русскую жизнь, не есть сама жизнь; если она не вдохновляется жизнью, не участвуетъ въ ея творчествѣ,—то откуда же, спрашивается, въ концѣ-концовъ берется если не творчество, то обильная ея производительность, выражающаяся въ формѣ разныхъ указаній, распоряженій и обязательныхъ параграфовъ? Если не русская жизнь ихъ подсказываетъ, такъ кто же подсказываетъ?

Кто? Жизнь же и подсказываетъ, только не русская, а чужая, та, которая болѣе *своя* петербургскому міру, жизнь притомъ постоянно разнообразная, вслѣдствіе разнообразія западно-европейскихъ центровъ, изъ коихъ выходитъ ея воздѣйствіе. А такъ какъ это разнообразіе усугубляется богатствомъ различія самихъ субъектовъ, таковому воздѣйствію подлежащихъ, т. е. практическихъ дѣятелей, то вотъ почему, если въ петербургской практикѣ нельзя добраться до общихъ руководящихъ началъ, блещетъ она за то такою яркою пестротою теорій, принциповъ и идеаловъ, или точнѣе: идеальцевъ, обрывковъ теорій и принциповъ, изъ чужихъ жизней заимствованныхъ и облекаемыхъ въ форму разныхъ принудительныхъ для русской жизни поученій. Такъ гораздо сподручнѣе. Надъ своею, русскою жизнью надо еще ломать голову, надо ее изучать и уразумѣвать,—а гдѣ ее взять? Въ Петербургѣ ее видомъ не видать, слыхомъ не слыхать, да отъ Петербурга она и далеко. А чужая, со всѣми своими разновидностями, куда какъ знакомѣе и ближе, да главное—патентована, авторитетна и представляетъ то великое преимущество, что, вдохновляясь ею, примѣняя ее къ жизни русской, не рискуешь лишиться ореола европейской цивилизаціи: какъ тамъ петербургская бюрократическая практика ни соври, совретъ-то она по крайней мѣрѣ по европейски,—изъ Европы-то себя не выключитъ!

Забавнѣе всего, что именно указаніе на коренныя начала русской *жизни* и на ея существенныя потребности представляется петербургской практикѣ *идеализмомъ*—всякій разъ, какъ она подмѣтитъ въ нихъ нѣчто совсѣмъ непохожее на Западную Европу. Петербургская практика въ подобныхъ случаяхъ тотчасъ теряется, не находя для себя точки опоры въ своихъ обычныхъ авторитетахъ, да—по правдѣ сказать—

и не обрѣтая въ самой себѣ никакой способности, никакихъ пригодныхъ орудій для практическаго осуществленія и удовлетворенія столь чуждыхъ ея природѣ, ея пониманію, принциповъ и нуждъ... Но мы съ своей стороны, излагая въ послѣднемъ № взглядъ Русскаго народа на значеніе и функціи русской верховной власти, и объясняя истинное существо русскаго политическаго строя (какъ мы его понимаемъ), вовсе и не имѣли притязанія, чтобъ чиновники—сейчасъ за перо, и давай строчить сообразныя сему распоряженія и предписанія! Намъ даже кажется, что проектировать таковыя вовсе и не задача публициста,—да и скучать разсужденіями о принципахъ у насъ еще рано. Надо бы, напротивъ, дотолковаться и столковаться о нихъ порядкомъ. Лучше что ли дѣятельность совсѣмъ безпринципная или съ принципами, взятыми на скорую руку, такъ-сказать на прокатъ?.. Вопросъ поставленный нами въ послѣднемъ № заслуживаетъ серьезнаго вниманія, и мы ставимъ его снова. Онъ по натурѣ своей самый практическій. Отъ усвоенія правительствомъ того или другаго начала зависятъ и послѣдствія разныя...

Охарактеризовавъ правительственныя системы трехъ царствованій нынѣшняго вѣка, съ ихъ чередующимися реакціями, мы сказали, что передъ русскимъ правительствомъ лежатъ *повидимому* три пути: путь полицейско-канцелярской диктатуры, иначе—путь иностраннаго цезаризма или старонѣмецкаго монархическаго абсолютизма; затѣмъ, путь конституціонный, какимъ идутъ теперь всѣ государства въ Европѣ,—наконецъ, путь выработанный русскою исторіею, путь сочетанія начала государственнаго съ земскимъ. Говоримъ— «повидимому»: въ сущности же единый возможный для Россіи путь есть именно послѣдній. Но если такъ, то казалось бы — нѣтъ мѣста и вопросу? Для народа вопроса, конечно, нѣтъ; въ народной жизни онъ и не возникаетъ. Но въ томъ и дѣло, что верхніе руководящіе классы общества и даже сами властныя сферы настолько оторвались отъ народной жизни и народности, что не испытываютъ на себѣ ихъ непосредственнаго творческаго воздѣйствія, а напротивъ того подчинились долговременному и могущественному воздѣйствію началъ чуждой жизни и даже чуждаго государственнаго строя: при этомъ, конечно, о самостоятельномъ творчествѣ этихъ послѣднихъ началъ на русской почвѣ не можетъ быть и помину, такъ какъ нельзя же творить чужимъ духомъ, да и всякое творчество вообще требуетъ цѣльности духа и жизни... Взамѣнъ этой, столь необходимой для творчества цѣльности духа и жизни, возникъ въ русской сверхнародной средѣ, вскорѣ послѣ реформы Петра, процессъ внутренняго болѣзненнаго раздвоенія, который и достигъ своего апогея въ XIX вѣкѣ, — не завершился еще и теперь. Все *свое* стало *вопросомъ;* русскій умъ, именно въ той средѣ, гдѣ онъ призванъ властвовать и руководить судьбами родной страны, усомнился въ самомъ себѣ, какъ въ *русскомъ*, въ своей компетентности и правоспособности; наконецъ даже отъ сомнѣнія перешелъ было прямо къ самоотрицанію, къ своего рода «плѣненію духа въ послушаніе вѣры», — вѣры въ непререкаемый авторитетъ западно-европейской мысли и цивилизаціи. Но на такомъ самоотрицаніи онъ конечно никогда не могъ успокоиться и опочить уже потому, что практическіе результаты его дѣятельности оказывались большею частью не только безплодными, но и для русской жизни негодными, подчасъ вредными и пагубными, и не вслѣдствіе какого-либо прямаго противодѣйствія со стороны послѣдней, а вслѣдствіе разлада ея съ измышленіями умствующихъ. Бóльшая часть безобразій нашей русской дѣйствительности, не исключая и современной, должны и теперь разсматриваться именно какъ безсознательный естественный протестъ самого народнаго организма, насилуемаго государственною практикою. Эта властная практика несомнѣнно доброжелательная, несомнѣнно одушевлена самыми благими намѣреніями, но за утратою органической связи съ творческими духовными стихіями Русской земли, она осуждена или мыслить не по русски, или же, подчасъ, трагически недоразумѣвать въ виду вопіющихъ и неразрѣшимыхъ для нея противорѣчій. И добро бы однихъ какихъ-либо частностей касалось это роковое невѣдѣніе, ослѣпленіе или недоразумѣніе: нѣтъ, оно простиралось на самые важнѣйшіе интересы, самыя жизненныя основы нашего отечества, даже на самый принципъ верховной власти... Достаточно вспомнить Императора Александра I, образъ котораго еще до сихъ поръ не воспроизведенъ русскими историками въ надлежащей ясности и полнотѣ (да по правдѣ сказать, для такого воспроизведенія нуженъ не просто историкъ, но историкъ-психологъ, и даже художникъ). Вѣнценосный ученикъ женевскаго республиканца, повитый еще въ колыбели идеями французской философіи XVIII вѣка, гуманистъ, Европеецъ душою и сердцемъ, вслѣдъ за драмою самаго восточнаго или точнѣе азіатскаго характера восходящій на русскій самодержавный престолъ и возвѣщающій себя оффиціально счастливымъ: «быть начальникомъ столь достойной націи», — этотъ Гамлетъ-самодержецъ, вѣчно мучимый внутреннимъ раздвоеніемъ, то безвѣріемъ, то вѣрою въ свое званіе и право; вѣчно колеблемый противорѣчивыми, то либеральными, то деспотическими влеченіями; — другъ Поляка Адама Чарторыйскаго, которому ввѣряетъ свои либеральныя мечты и вожделѣнія, а равно и вѣдѣніе иностранной политики Россіи, — и другъ Аракчеева; другъ Сперанскаго, которому поручаетъ сочинять конституцію (и котораго вслѣдъ затѣмъ и ссылаетъ), — и другъ грубаго, невѣжественнаго изувѣра Фотія; Государь, царствованіе котораго ознаменовалось величайшими подвигами патріотизма и космополитизма, пожаромъ Москвы и Вѣнскимъ конгрессомъ, возстановленіемъ Польши и сопротивленіемъ свободѣ Грековъ, — ознаменовалось, наконецъ, дарованіемъ конституцій двумъ присоединеннымъ къ Россіи странамъ и увѣнчалось, какъ бы уже посмертнымъ вѣнцомъ, петербургскимъ бунтомъ 14 декабря... Это ли не живое воплощеніе того внутренняго разлада понятій и чувствъ, которымъ одержимъ былъ властный и руководящій элементъ русской государственной жизни? И что это разладъ не случайный, не съ личнымъ характеромъ Верховнаго Повелителя только связанный, тому доказательствомъ можетъ служить вся послѣдующая исторія Россіи.

Реакція, въ лицѣ Императора Николая, захотѣла вступить на почву «національную», чая именно здѣсь найти примиреніе разладу, и заявила было своимъ девизомъ: «православіе, самодержавіе и народность», — но увы! такое заявленіе только на долго скомпрометтировало въ русскомъ общественномъ мнѣніи истину, заключающуюся въ этомъ обозначеніи существенныхъ стихій русской государственной и земской жизни! «Православіе» понималось лишь какъ облеченное въ государственный мундиръ, не какъ живая духовная, но какъ консервативная духовно-полицейская сила, освящающая порядокъ, дисциплину и правительственную систему, а потому постоянно руководимая и контролируемая свѣтскимъ правительствомъ; «народность» разумѣлась въ смыслѣ исключительно внѣшнемъ, въ смыслѣ патріотизма, или же просто преданности современной отечественной системѣ правленія,— преданности приправленной подчасъ наружною простотою чувствъ, хотя и грубою, маленько мужицкаго пошиба, но всегда льстивою для предержащаго строя. Система имѣла притязаніе на «народность» и «народностью» себя оправдывала. Ею долженъ былъ прикрашиваться фасадъ государственнаго зданія, съ нѣмецкаго образца снятый. О болѣе глубокомъ раскрытіи этого понятія, о томъ что подъ народностью разумѣется все содержаніе народнаго духа, какъ выразившееся внѣшнимъ образомъ въ исторіи, быту и жизни народа, такъ и опознаваемое въ его художественномъ творчествѣ, въ его вѣрованіяхъ, чаяніяхъ и стремленіяхъ, — о томъ, что это содержаніе народнаго духа имѣетъ полное право на свободное развитіе и на господствующее положеніе въ томъ государствѣ, которое этимъ духомъ созиждено и имъ только и держится,—обо всемъ этомъ, конечно, никто изъ оффиціальныхъ и оффиціозныхъ ревнителей народности въ ту пору даже и толковать не осмѣливался; тѣ же, которые осмѣливались, которые предприняли великій и трудный подвигъ народнаго самосознанія, подвергались гоненію, лишались слова. Петербургская государственная практика, даже безсознательно, инстинктивно, пугалась *подлинной* русской народности—какъ элемента ей совершенно несроднаго, а потому съ нею и несовмѣстимаго. Такимъ образомъ девизъ: «православіе, самодержавіе и народность», вполнѣ истинный самъ по себѣ, на дѣлѣ выражался, большею частью, какъ система полицейско-канцелярской диктатуры или иностраннаго цезаризма въ сослуженіи «православія» и «народности», причемъ послѣднія являлись только орудіями служебными, почему и искажались въ своемъ существѣ. Какъ бы то ни было однако, самый выборъ девиза свидѣтельствовалъ уже о сознанной правительствомъ потребности уяснить для себя и для всѣхъ принципъ русской верховной власти, и если онъ былъ выясненъ не вполнѣ и на практикѣ неудачно, такъ вина тому лежитъ въ недостаткѣ русскаго народнаго самосознанія какъ во властной средѣ, такъ и въ самомъ русскомъ обществѣ. Работа самосознанія только-что начиналась.

При наступившей затѣмъ, съ новымъ царствованіемъ, реакціи, девизъ былъ отстраненъ или пренебреженъ, какъ сильно скомпрометтированный,—но вопросъ о самомъ принципѣ власти былъ снова поставленъ, если не теоретически, то самою жизнью. Съ одной стороны, мудрый царскій инстинктъ внушилъ Государю (да благословится его память!) произвести неотложно, ранѣе другихъ реформъ, освобожденіе изъ крѣпостной зависимости 20 милліоновъ крестьянъ и тѣмъ положить начало возрожденію земской жизни, дотолѣ немыслимой; съ другой, — именно по слабости народнаго самосознанія, не восполняемой достаточно и царскимъ инстинктомъ, — петербургская государственная практика не только не двинулась далѣе по народному историческому пути, но еще пуще уклонилась на путь европейской политической жизни. Дѣло не въ той или другой реформѣ. Почти всѣ эти реформы, по строгой провѣркѣ иностранныхъ образцовъ критеріемъ русской народной жизни, могли бы быть совершены съ полною пользою и въ Россіи ея Самодержцемъ, какъ «Государево и Земское дѣло», — но онѣ были произведены, вопервыхъ, безъ этой провѣрки, къ которой наша государственная практика не была и способна; были однимъ словомъ произведены ранѣе чѣмъ самодержавіе вышло на дорогу народную, историческую, ранѣе чѣмъ упомянутая практика стала выраженіемъ народнаго духа; вовторыхъ, онѣ были введены какъ поступательное, хотя и запоздалое, движеніе по пути «европейскаго» жизненнаго прогресса, въ духѣ «европейскаго политическаго либерализма». Таковыми представлялись онѣ и большинству русской интеллигенціи, воспитанной тѣмъ же духомъ, просвѣщенной тою же европейскою политическою наукой. Но непреложный плодъ этого духа и конечный пунктъ этого пути — европейская конституція. Вотъ почему мы и сказали, что вопросъ о самомъ принципѣ власти былъ поставленъ, болѣе или менѣе безсознательно и невольно, самою русскою государственною практикою, благодаря, разумѣется, ея вѣковому отчужденію отъ русской народности. Понятно, что во многихъ умахъ произошла путаница, которая отразилась и на нравахъ. Ждали недосказаннаго слова, «увѣнчанія зданія». Вышло колоссальное недоразумѣніе, вслѣдствіе колоссальнаго противорѣчія. Логическому практическому выводу становился поперекъ только грубый, историческій фактъ, неосмысленный для сознанія какъ интеллигенціи, такъ, повидимому, и самой власти. Но послѣдняя, къ счастію для Россіи, оберегаема была непреложнымъ историческимъ инстинктомъ. Неограниченъ Русскій Царь, конечно, и къ этой-то неограниченной волѣ и взывали о добровольномъ ея самоограниченіи,—но не хотѣли и не могли понять, что полновластный Царь не властенъ лишь въ одномъ: въ отреченіи отъ своего полновластія,—что замѣнивъ основное начало русскаго государственнаго строя западно-европейскою конституціей, онъ сталъ бы отступникомъ отъ народнаго историческаго пути, измѣнникомъ Русской землѣ, предателемъ своего народа. Пожалуй, въ печати не разъ было высказываемо увѣреніе, что у Русскаго народа нѣтъ ни малѣйшей «самобытности въ сферѣ политическихъ идей», но вѣдь этотъ вздоръ можетъ терпѣть только бумага, а не русская народная жизнь... Тѣмъ не менѣе, такому печальному, роковому недоразумѣнію подавала поводъ, какъ мы выразились, неосмысленность самаго факта власти для сознанія самой властной среды. Внѣ національной стихіи русское самодержавіе,— повторимъ неоднократно сказанныя нами слова,—вовсе и не мыслимо, а вотъ эта-то именно стихія не только не бьетъ ключемъ, но не слышится и даже не чувствуется въ петербургской государственной практикѣ! Исключенія составляютъ развѣ нѣкоторыя историческія событія, всегда производящія въ этой практикѣ страшный на время переполохъ,— но только на время, пока взбаломученная, испуганная практика не оправится и... не препобѣдитъ. Такъ война 1877 года вызвала, казалось, мощный подъемъ народнаго историческаго духа и проявила его единство съ русскою самодержавною властью, наперекоръ преданіямъ и вожделѣніямъ упомянутой петербургской практики; но разъ кончилась война и вступилъ въ свои права Петербургъ,—онъ увѣнчалъ этотъ подъемъ народнаго историческаго духа Берлинскимъ трактатомъ... Очевидно, что подобный случай могъ только усилить то роковое недоразумѣніе, и еще ярче освѣтить то противорѣчіе, о которыхъ мы говорили.

Не разрѣшилъ, а усилилъ ихъ и послѣдовавшій за Берлинскимъ конгрессомъ странный фактъ сочиненія по западно-европейскимъ образцамъ, въ собственной Е. И. В. Канцеляріи (во II Отдѣленіи), съ приглашеніемъ *экспертовъ*—русскихъ профессоровъ, конституціи для освобожденной кровью Русскаго народа Болгаріи. Какъ объяснить,—могла бы себя спросить, да и спрашивала, на западно-европейскихъ же политическихъ наукахъ вскормленная, русская интеллигенція,—подобное «облагодѣтельствованіе» вчерашнихъ турецкихъ рабовъ, ни о какой-такой конституціи и не мечтавшихъ,—когда-де «Русскій народъ, послѣ тысячи лѣтъ государственной жизни», и пр.? Русскій народъ, конечно, приплетается тутъ всуе и роковому этому для Болгаріи дару ужъ, разумѣется, не позавидовалъ, но несомнѣнно вѣдь, что русское правительство признавало, и совершенно искренно, свой даръ *благодѣяніемъ*... Если же конституція для Славянскаго племени на западно-европейскій ладъ—благодѣяніе, признаваемое таковымъ самимъ русскимъ правительствомъ, то, конечно, полезно было бы не оставлять безъ надлежащаго разъясненія того нежеланнаго логическаго вывода, который истекалъ изъ подобнаго факта и который,—даже и не по винѣ русскихъ разныхъ интеллигентовъ,—только пуще наплодилъ путаницы въ мысляхъ и понятіяхъ русскаго общества.

Теперь уже и для самого властнаго Петербурга стала ясною лживость того пути, по которому онъ забрелъ было совсѣмъ далеко. Но кудажъ однако идти? Всѣ пути, кромѣ русскаго историческаго, испробованы,—не возвращаться же къ нимъ? А идти вѣдь надобно. «Жизнь есть движеніе впередъ», скажемъ и мы словами извѣстнаго публициста. Очевидно, что обозначенный въ 21 № «Руси» вопросъ есть самый животрепещущій и самый—не во гнѣвъ будь сказано нѣкоторымъ петербургскимъ газетамъ—*практическій*. Точное разрѣшеніе его въ сознаніи самой властной среды необходимо для дальнѣйшей дѣятельности государственной практики.

Мы сказали въ прошлой статьѣ, что коренной русскій типъ государства не полицейскій, а земскій; что государство понимается Русскимъ народомъ не иначе, какъ въ свободномъ естественномъ союзѣ съ землею; что кто произнесъ «самодержавіе», тотъ вмѣстѣ съ тѣмъ произнесъ ужъ и «земщина», такъ какъ эти оба начала не только не находятся между собою въ антагонизмѣ, но одно подразумѣваетъ другое,—въ доказательство чего и привели примѣры исторіи изъ тѣхъ временъ, когда государственная практика была чужда разрыву съ народной жизнью. Но кромѣ этихъ историческихъ свидѣтельствъ и разныхъ теоретическихъ поясненій, кажется до очевидности яснымъ, что единоличная государственная власть, особенно на такомъ пространствѣ, которое съ XVI вѣка уже заняло Русское государство, не можетъ служить своему высокому долгу безъ сильно развитой мѣстной жизни, безъ живыхъ правильныхъ формъ мѣстно-земскаго самоуправленія. Не могутъ же, дѣйствительно, всѣ мельчайшія проявленія мѣстной жизненной дѣятельности такой громадной страны подлежать *личному* руководительству самого Монарха, такъ какъ вѣдь одинъ Господь— вездѣсущій. Все это вѣдь азбучныя истины! Но въ виду подобной невозможности желательно ли, чтобъ Монархъ управлялъ мѣстною жизнью страны посредствомъ сѣти чиновниковъ, дробя свое самодержавіе на десятки тысячъ маленькихъ самодержцевъ на жалованьѣ, неизбѣжно ускользающихъ отъ его личнаго контроля, чуждыхъ и живой связи съ мѣстными интересами, и того чувства личной нравственной отвѣтственности, которая сопряжена со священной обязанностью Государя? Подобная децентрализація самой верховной власти ведетъ только къ ея ослабленію или къ урону ея значенія,—но къ неменѣе вреднымъ послѣдствіямъ приводитъ и та система, которая стягиваетъ всѣ отправленія мѣстнаго бытія, до самыхъ мелкихъ, всякія заботы объ удовлетвореніи ея насущныхъ ближайшихъ нуждъ—къ мѣстопребыванію правительства, къ центру. Такая централизація, останавливая ходъ мѣстной жизни, удручаетъ верховную власть непосильнымъ бременемъ заботъ и работъ. А всякая дезорганизація мѣстной жизни въ концѣ-концовъ дезорганизуетъ и правильный ходъ жизни цѣлаго государства. И эта простая истина постоянно забывается, что тѣмъ болѣе странно, что обѣ указанныя системы уже испробованы были у насъ въ Россіи и оказались негодными!

Ясно, что остается одно: вмѣсто децентразизацiи власти во образѣ сѣти чиновниковъ, децентрализовать самыя административныя заботы—предоставивъ вѣдать дѣла чисто мѣстнаго, не обще-государственнаго и не политическаго характера, самимъ мѣстнымъ жителямъ подъ общимъ верховнымъ руководствомъ и контролемъ центральной власти. При такомъ сослуженiи Земли Государству нѣтъ и мѣста какому-то антагонизму верховныхъ «прерогативъ» съ «правами» земства: интересъ у обоихъ одинъ, общiй и нераздѣльный. Даже на Западѣ, при парламентской формѣ правленiя, начинаютъ наконецъ сознавать неудобство сосредоточивать заботы мѣстнаго административнаго свойства въ рукахъ такъ-называемаго «народнаго представительства»: извѣстный писатель Лавеле измышляетъ для Францiи введенiе разныхъ мѣстныхъ органовъ самоуправленiя. Намъ же и измышлять много нечего, потому что на самоуправленiи искони стояла земля наша; на крестьянскихъ *мiрахъ*—этой первоначальной ячейкѣ земской жизни — утверждается въ Россiи самодержавiе, да и самое государство: они спасли его, когда оно само спасти себя не умѣло въ XVII вѣкѣ, и возстановили вновь; они — главная и существенная «опора престола», а не какое-либо другое сословiе, какъ казенная реторика прiобыкла утверждать, вопреки очевидности фактовъ. Но съ XVIII вѣка въ верхнихъ ярусахъ нашего государства отшибло историческую память и утрачено живое понятiе и чувство нераздѣльной, непосредственной связи Самодержавiя съ Землей.

Если бы наша государственная практика искренно попробовала хоть на мигъ подняться на высоту этой исторической и народной точки зрѣнiя, предъ ней раскрылись бы новые горизонты. Она очутилась бы наконецъ лицомъ къ лицу съ Русскою землею,—многими бы откровенiями озарилась она! Примѣтила бы, что до сихъ поръ большею частью болталась ногами по воздуху, возилась съ маревами да призраками, и что пора, слишкомъ пора, упереться ногами въ почву, поглядѣть наконецъ въ глаза самой настоящей, дѣйствительной дѣйствительности. Почувствовала бы, вѣроятно, и практическую необходимость пребывать поближе къ центру народной жизни, чтобы постоянно видѣть ее и слышать ея голосъ, — а не пребывать гдѣ-то на крайнемъ рубежѣ или чуть ли не за рубежомъ государства, откуда ея не видно и не слышно, — да еще въ такомъ неудобномъ положеніи: у окошка, спеціально вырубленнаго затѣмъ, чтобъ стоять лицомъ къ Европѣ, смотрѣть въ Европу и дышать лишь вѣяніями Запада!..

Она наконецъ вмѣстила бы въ себя—не какую-либо отвлеченную теорію о народѣ, а реальный смыслъ того статистическаго факта, что въ Россіи, въ одной Европейской Россіи, за исключеніемъ Царства Польскаго и Кавказа, по новѣйшимъ даннымъ шестьдесятъ восемь милліоновъ сельскаго населенія, и только восемь городскаго... Т. е. почти 90% перваго, и съ небольшимъ 10% втораго! Фактъ внушительный, рѣзко отличающій насъ отъ Западной Европы, гдѣ, хоть бы напримѣръ во Франціи, на 20 милліоновъ сельскихъ жителей приходится, если не ошибаемся, 17½ м. городскихъ, т. е. почти равное количество. Не мѣшаетъ посерьезнѣе вдуматься въ значеніе таковаго процентнаго отношенія. Фактъ этотъ внушаетъ, что у насъ село преобладаетъ надъ городомъ, а потому селомъ по преимуществу и долженъ опредѣляться нашъ государственный типъ. Онъ внушаетъ далѣе, что 68 милліоновъ не могутъ почитаться только за одно изъ *сословій*, какъ это любятъ чинить въ Петербургѣ, гдѣ въ либеральномъ порывѣ возмечтали даже о *всесословной волости!* Хорошо «сословіе» въ 90% населенія! Это—цѣлая стихія, да еще преобладающая! Если припомнимъ только, что эти 90% имѣютъ свой особенный, отличный отъ западно-европейскаго, тысячелѣтній строй, собственный своеобразный юридическій обычай землевладѣнія, наслѣдства, семейныхъ отношеній и пр., такъ по истинѣ нельзя не изумиться чудовищности современныхъ притязаній правительственнаго Петербурга: съ легкомысліемъ истинно Хлестаковскимъ, или, почетнѣе сказать, юной институтки, тамъ покушаются игнорировать сей народный обычай, подвести жизненный складъ этихъ 90% подъ юридическій уровень остальныхъ 10% населенія, навязать имъ гражданскіе законы, вторгающіеся въ самыя нѣдра народнаго быта, по образцу французскаго Code civil, согласно съ юридическими нормами Германо-Романскихъ народовъ,—да навязать притомъ всею мощью той власти, для которой въ германо-романской Европѣ нѣтъ «правовой» нормы и которой сила именно въ этихъ 90%! Это значило бы подточить самую силу въ корнѣ... Не худо было бы вообще и извѣстному разряду русской космополитствующей интеллигенціи вдуматься въ содержаніе такого *неудобнаго* статистическаго факта и сообразить, что 68 милліоновъ народа не могутъ дать себя заслонить фальшивымъ «народомъ», т. е. фикціей народа по конституціонному образцу, во образѣ какого-то миніатюрнаго «представительства», и что ни въ какомъ случаѣ *жизнь* этихъ 68 милліоновъ не дастъ себя подчинить деспотизму отвлеченныхъ чуждыхъ теорій,—періодически, чередою, одуряющихъ интеллигентныя головы. И многое доброе можетъ-быть поняли бы они тѣмъ скорѣе и лучше, чѣмъ скорѣе и лучше просвѣтилось бы пониманіе на самихъ высотахъ россійской государственной практики!...

Догадаются ли наши петербургскіе практики наконецъ, что благосостояніе 68 милліоновъ не способно регулироваться петербургско-еврейскою биржей; что въ благосостояніи уѣздной Руси—источникъ и секретъ благосостоянія самого государства; что важнѣе многихъ петербургскихъ сооруженій, мэрскихъ каналовъ и новыхъ мостовъ —всякая лишняя тысяча верстъ шоссейной дороги среди сельской глуши, столько страждущей отъ бездорожья; что «поощреніе народному труду» не можетъ же быть предоставлено какому-либо частному благотворительному «Обществу», а есть по меньшей мѣрѣ задача всего правительства, даже наисущественнѣйшая изъ его задачъ? Убѣдятся ли наконецъ въ той простой истинѣ, что благоустройство этихъ 68 милліоновъ, или, что̀ одно и то же, доброе земское самоуправленіе, лежитъ въ основѣ всего государственнаго благоустройства, что послѣднее не мыслимо безъ перваго, и что, при безурядицѣ сельской Руси, дымъ и призракъ—порядокъ и мощь государства; что именно теперь на первомъ планѣ и первою заботою правительственною должно быть—устраненіе безурядицы, отъ которой чуть не гибнутъ 90% русскаго населенія, возведеніе этой мѣстной жизни и мѣстныхъ земскихъ интересовъ въ первостепенное государственное значеніе? Едвали на этотъ вопросъ можетъ служить отвѣтомъ то, очевидно побочное вниманіе, какое оказывается, напримѣръ, въ Петербургѣ задачамъ возложеннымъ на такъ-называемую Кахановскую Коммиссію...

Уразумѣютъ ли, однимъ словомъ, что и кромѣ Петербурга есть Россія, и что Россія даже вовсе не въ Петербургѣ, — что пора наконецъ выйти изъ этой ограды, нѣкогда можетъ-быть на время и нужной, нѣкогда нарочно сооруженной ради оплота для правительственной созидательной работы отъ національной односторонности и исключительности, — но уже давно обратившейся въ какую-то фортецію коснѣющаго отрицанія русской самобытности и даже жизни, — въ цитадель воинствующаго противъ русской народности европеизма! Уже ли не пора? Нельзя же вѣдь продолжать принимать только къ свѣдѣнію хотя бы настоящее состояніе Россіи и бездѣйствовать въ виду 68 милліоновъ, вопіющихъ противъ водвореннаго у нихъ государственною практикою безвластія вмѣстѣ съ многолюдствомъ всякихъ начальствъ, — въ виду искусственнаго разстройства бытовыхъ основъ, въ виду наконецъ современнаго экономическаго положенія этихъ 90% населенія: хлѣба, пишутъ, осталось у крестьянъ только до Рождества, а хлѣба кругомъ вдоволь, да купить его не на чтò, заработковъ нѣтъ, фабрики стоятъ или сокращаютъ производство, распуская рабочихъ, промышленность въ застоѣ, — продавай крестьянинъ и скотъ и упряжь, и все чтò только можно продать, сиди сложа руки шесть зимнихъ мѣсяцевъ на печи въ качествѣ «исключительно земледѣльческой страны», — а кругомъ, окрестъ, несмѣтныя естественныя богатства, ждущія только рукъ для разработки и живаго властнаго верховнаго почина, указанія, помощи...

Вотъ чтó, въ концѣ-концовъ, для русской земской жизни, значатъ наши слова, показавшіяся въ Петербургѣ столь непрактичными: «выйти самодержавію на историческій народный путь, въ живую связь съ землею»...

Земскій вопросъ.

О трудности согласить юридическое и бытовое право въ вопросѣ объ освобожденіи крестьянъ.

«День», *25-го ноября 1861 г.*

Странное мѣсто занимаетъ въ нашей столичной жизни и въ нашей литературѣ тотъ громадный соціальный переворотъ, который извѣстенъ у насъ подъ скромнымъ названіемъ «крестьянскаго вопроса» или «крестьянскаго дѣла.» — Совершаясь въ дѣйствительной, а не въ отвлеченной средѣ, охватывая сѣтью своихъ могучихъ корней всѣ слои нашей исторической почвы, проникая во всѣ изгибы нашего общественнаго бытія, — онъ, тѣмъ не менѣе, въ области тѣхъ отвлеченныхъ, досужихъ, призрачныхъ интересовъ, которыми, по большей части, живетъ и пробавляется наше столичное общество, а съ нимъ и наша литература, — представляется какимъ-то жесткимъ постороннимъ тѣломъ, упорно не разлагающимся, не уступающимъ никакимъ усиліямъ химиковъ-теоретиковъ, не подающимъ даже и надежды составить, съ прочими химическими ингредіентами — какое-нибудь искусственое химическое третье. Въ немъ, въ этомъ крестьянскомъ вопросѣ, есть та грубость дѣйствительности, та дикость и сырость самородка, полнаго внутренней органической силы, которыя ставятъ въ неловкое къ нему отношеніе нашихъ прогрессистовъ, доктринеровъ и либераловъ. Въ нашей литературѣ крестьянскій вопросъ едвали не считается вполнѣ порѣшеннымъ, — и занося на страницы періодическихъ изданій сказанія нашихъ оффиціальныхъ лѣтописей, мы вообще о самомъ вопросѣ говоримъ мало, потому между прочимъ, что большею частью не знаемъ, что̀ сказать, какъ отнестись къ требованіямъ быта, и ждемъ указаній или отъ событій, или отъ иностранныхъ экономистовъ.

Отъ послѣднихъ, конечно, мы никакихъ указаній и не дождемся, но событія ведутъ свою рѣчь неумолкаемо, рѣчь вѣщую, хотя плохо нами понимаемую или внимаемую. До какой степени простирается въ этомъ дѣлѣ непониманіе явленій народной жизни, со стороны лицъ. отъ которыхъ мы въ правѣ были бы ожидать самаго близкаго знакомства съ народомъ,—читатели могли видѣть изъ многихъ статей, помѣщенныхъ въ областномъ отдѣлѣ нашей газеты. Все, что̀ со стороны крестьянъ противорѣчитъ нашимъ ожиданіямъ или отвлеченно - теоретическимъ соображеніямъ, клеймится названіемъ «грубости», «тупости», «неблагодарности», «безнравственности», или же — въ формахъ болѣе кроткихъ, не лишенныхъ оттѣнка снисходительности и сожалѣнія—названіемъ: «невѣжества», «неразвитости», «младенческаго состоянія». Такого рода приговоръ, произносимый самонадеянной теоріей тысячелѣтнему историческому быту народа и всѣмъ выработаннымъ имъ воззрѣніямъ, не только не способствуетъ скорѣйшему разрѣшенію дѣла, но напротивъ того, отдаляетъ самое разрѣшеніе, порождаетъ тучи недоумѣній и недоразумѣній, и ведетъ къ послѣдствіямъ вреднымъ.

Невольно возникаетъ вопросъ: кто устоитъ въ неравномъ спорѣ, тысячелѣтній ли бытъ, или же теорія, зиждущаяся на чуждыхъ ему основахъ?..

Но не только въ крестьянскомъ, — во всякомъ дѣлѣ, касающемся нашего общественнаго бытія, являются и сталкиваются два начала, два созерцанія, двѣ точки отправленія и дѣйствованія: начало *бытовое*, и начало, которое въ большей части случаевъ, можетъ быть названо *юридическимъ*, начало внѣшняго, формальнаго права: оба разнаго происхожденія. Иногда, при неясности вопроса, при взаимномъ непониманіи, одно начало вторгается въ область другаго и производитъ въ ней дисгармонію, разладъ или искаженіе жизни. Иногда регламентація входитъ въ бытъ и подрываетъ его бытовую нравственную силу; иногда же, въ области законодательства, вы встрѣчаете отдѣльныя черты бытоваго народнаго воззрѣнія, нисколько не согласующіяся съ общимъ характеромъ положительнаго права. Таковы, напримѣръ, оставленіе въ подозрѣніи, значеніе повальнаго обыска и другіе остатки нашего древняго, на бытѣ основаннаго законодательства, которые, какъ противорѣчащіе требованіямъ юридической науки, признаются большею частью нашихъ ученыхъ юристовъ явленіемъ дикимъ, невѣжественнымъ, подлежащимъ ломкѣ и уничтоженію, или, по крайней мѣрѣ, внѣшнему, насильственному регламентированію.

Но нигдѣ, ни въ какомъ другомъ государственомъ вопросѣ, эта противоположность двухъ точекъ зрѣнія, бытовой и юридической, не имѣетъ такой важности, какъ въ крестьянскомъ дѣлѣ, по его бытовому, земскому значенію. Здѣсь она немедленно отражается въ самой жизни, въ крестьянскомъ и дворянскомъ быту; здѣсь теорія сталкивается непосредственно съ упорнымъ бытомъ народа... Очевидно въ разрѣшеніи этого жизненнаго противорѣчія мы нуждаемся наиболѣе...

Прежде всего представляется вопросъ: можетъ ли бытъ и могутъ ли требованія, органически изъ него вытекшія, нераздѣльно съ нимъ связанныя,—быть подчинены началу юридическому, на которомъ основываются и держатся интересы помѣщичьяго сословія? Очевидно—нѣтъ: вопервыхъ потому, что задачею всего совершающагося переворота есть *улучшеніе*, а не искаженіе быта; вовторыхъ потому, что положеніе 19 Февраля 1861 года признало, вопреки ученію иностранныхъ экономистовъ и юристовъ, законность бытоваго народнаго воззрѣнія, ограничивъ безусловное право собственности правомъ крестьянъ на вѣчное пользованіе; втретьихъ потому, что при всей, достойной истинной похвалы, покорности нашего народа внѣшнему закону, все противорѣчащее требованіямъ его быта — неминуемо породитъ то безобразіе, въ которомъ у насъ на Руси выражается безсознательный протестъ самой жизни. Это безобразіе не только не желательно, но и положительно вредно, и требовать отъ народа, чтобы онъ отказался отъ началъ, выработанныхъ всею его исторіей, было бы равнозначительно требованію, чтобы онъ говорилъ не своимъ голосомъ и не своимъ Русскимъ языкомъ, отрекся отъ своего ума и совѣсти, перемѣнилъ цвѣтъ глазъ, волосъ, физіологическое свое построеніе. Однимъ словомъ *отмѣна* народнаго быта,—и особенно въ одинъ или два года того, что̀ сложилось нѣсколькими вѣками, — очевидно невозможна; объ этомъ и думать нечего, да едвали кто серьезно и думаетъ: попытки и толки въ этомъ духѣ и смыслѣ происходятъ большею частью отъ нашего непониманія и отчужденія нашего образованнаго общества отъ Русскаго народа.

Затѣмъ представляется другой вопросъ: можетъ ли быть принесено въ жертву воззрѣніямъ народнымъ, можетъ ли быть отвергнуто то *право*, которое основывается на началѣ юридическомъ? Мы отвѣчаемъ положительно, что отвергнуть его нельзя безъ нарушенія справедливости, потому что оно уже само жило жизнію историческою, было признано законодательствомъ, выразилось законно во внѣшнихъ явленіяхъ, создало, законно же и естественно, цѣлый разрядъ особенныхъ гражданскихъ отношеній, имѣетъ, наконецъ, на своей сторонѣ довольно почтенную давность. Мы говоримъ здѣсь не о самомъ началѣ, но о правѣ, возникшемъ изъ начала однажды допущеннаго нашею общественною жизнью. Нарушеніе этого права привело бы къ разоренію цѣлаго сословія и пало бы всею своею тяжестью на невинныхъ, на тѣхъ, которые были вовсе непричастны первоначальному допущенію неправды и только унаслѣдовали положеніе, измѣнить которое сами—они были не властны. Слѣдовательно, необходимо соблюсти всѣ требованія справедливости относительно *матеріальныхъ* интересовъ помѣщичьяго сословія.

Разрѣшается ли эта трудная задача современною дѣйствительностью? Едвали. Съ одной стороны крестьяне отказываются входить въ добровольныя соглашенія и продолжаютъ пребывать въ какомъ-то смутномъ ожиданіи, весьма не выгодномъ для нихъ самихъ и для всего государства въ отношеніи экономическомъ. Недостатокъ добровольнаго соглашенія, при всей готовности крестьянъ подчиниться закону, дѣлаетъ взаимныя отношенія ихъ и помѣщиковъ странными и неудобными, а отбываніе повинностей весьма непрочнымъ и ненадежнымъ. Ожиданія же и недоумѣнія крестьянъ мѣшаютъ имъ приняться за трудъ и вступить въ новыя условія своей жизни съ тѣмъ спокойствіемъ, настойчивостью и увѣренностью, которыя даетъ человѣку только опредѣленность его положенія. — Съ другой стороны помѣщики... Но объ нихъ говорить нечего. Ихъ положеніе извѣстно всѣмъ. Скажемъ только, что если многіе, предпочитая скорѣйшую развязку дѣла, охотно жертвуютъ и въ состояніи жертвовать значительною частью своихъ настоящихъ матеріальныхъ выгодъ, то такого рода образъ дѣйствія для менѣе богатыхъ большею частью невозможенъ, да и не желателенъ, потому что клонился бы къ ихъ разоренію.

И такъ, какимъ же образомъ выйти изъ этой дилеммы, согласить и тѣ и другіе интересы, примирить требованія, истекающія изъ разныхъ противоположныхъ началъ, права бытоваго и права юридическаго, удовлетворить крестьянъ и помѣщиковъ, и такимъ образомъ содѣйствовать тому великому дѣлу, которое введено въ нашу историческую жизнь Положеніемъ 19 Февраля 1861 года?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ предлагаемъ мы нашимъ читателямъ въ слѣдующей за нашей передовою статьею, статьѣ Д. Ѳ. Самарина. Намъ кажется, что она разрѣшаетъ вопросъ вполнѣ удовлетворительно, и что читатели оцѣнятъ всю ея современную важность и благонамѣренность — въ серьезномъ, высокомъ смыслѣ этого прекраснаго слова, къ сожалѣнію опошленнаго злоупотребленіемъ. Авторъ, въ разговорѣ двухъ лицъ, сколько возможно, представилъ: съ одной стороны воззрѣніе, опирающееся на начало юридическое, съ другой — воззрѣніе бытовое. Это послѣднее извѣстно намъ только по отрывочнымъ свѣдѣніямъ, только по отвлеченнымъ догадкамъ, и потому мы полагаемъ, что такое (по возможности полное) систематическое изложеніе народной мысли, знакомой автору по опыту, какъ хозяину и мировому посреднику, составляетъ уже само по себѣ замѣчательное явленіе въ нашей литературѣ. Еслибъ большинство помѣщиковъ признало это бытовое воззрѣніе и несправедливымъ, то оно, въ видахъ собственнаго интереса, не можетъ не признать его какъ могущественный существующій фактъ, который необходимо принять въ разсчетъ и соображеніе. Практическая же сторона дѣла, по мнѣнію нашему, способна удовлетворить обѣ стороны, не нарушая ни чьихъ правъ, соблюдая выгоды помѣщиковъ и полное уваженіе къ народному быту.

Впрочемъ въ этомъ общемъ дѣлѣ необходимо общее дружное содѣйствіе, и мы ждемъ строгой критики и оцѣнки отъ тѣхъ изъ нашихъ читателей, которымъ крестьянское дѣло вполнѣ знакомо и близко.

Историческій ходъ дворянскаго учрежденія въ Россіи.

«День», 2-го декабря 1861 г.

Такъ-называемое *крестьянское дѣло* есть въ то же время и *дворянское дѣло*: оно въ равной степени затронуло интересы крестьянъ и помѣщиковъ, оно сдвинуло оба сословія съ ихъ вѣковаго подножія. Едвали движеніе одного не находится въ обратномъ отношеніи къ движенію другаго,—но, какъ бы то ни было, несомнѣнно, что все наше дворянство чувствуетъ въ настоящую минуту невольную потребность отдать себѣ отчетъ въ своемъ современномъ призваніи и значеніи. Казалось бы, уступка крестьянамъ части земли и права на личную свободу—не должна была бы произвести существенной перемѣны въ быту и общественномъ положеніи помѣщичьяго сословія,—точно такъ же, какъ произведенный правительствомъ въ Пруссіи, Саксоніи и другихъ странахъ Западной Европы выкупъ крестьянскихъ повинностей помѣщику,—нисколько не измѣнилъ и даже въ нѣкоторой степени возвысилъ и очистилъ значеніе сословія Нѣмецкихъ высокородныхъ, высокоблагородныхъ и просто благородныхъ (Hochgeboren, Hochwohlgeboren, Wohlgeboren). Во всякомъ случаѣ дворянство на Западѣ, въ обстоятельствахъ подобныхъ нашимъ, вовсе не задавало себѣ тѣхъ тревожныхъ вопросовъ о своей судьбѣ, какими смущается теперь дворянство у насъ въ Россіи. Почему же это такъ? Какая тѣсная связь существуетъ между крѣпостнымъ правомъ и сословнымъ значеніемъ дворянства? Отчего могъ родиться самый вопросъ—что̀ такое Русское дворянство въ настоящее время? и что̀ же такое, въ самомъ дѣлѣ, теперь—Русское дворянство?

Намъ кажется, что разрѣшеніе этихъ вопросовъ необходимо для нашего общественнаго сознанія, особенно въ настоящую минуту, въ виду дворянскихъ съѣздовъ и выборовъ, открытыхъ, открываемыхъ и имѣющихъ открыться, въ непродолжительномъ времени, въ разныхъ губерніяхъ Россіи и у насъ въ Москвѣ.

Отвѣты на эти вопросы можетъ дать только исторія, и потому, не вдаваясь въ подробности, постараемся представить въ общихъ чертахъ, какъ можно яснѣе и проще, историческій ходъ дворянскаго учрежденія въ Россіи.

Въ Россіи,—это уже неоднократно было замѣчено,—не было завоеванія, какъ въ Западной Европѣ, не было ни завоевателей, ни завоеванныхъ, ни феодаловъ, ни вассаловъ, вообще никакихъ тѣхъ сословныхъ стихій, какія существовали и еще существуютъ на Западѣ. Люди въ Россіи дѣлились не столько по *происхожденію*, сколько по *наслѣдственному роду занятій*, и эта черта проходитъ сквозь всю нашу исторію, до настоящаго времени. Даже въ современномъ уставѣ о податяхъ мы видимъ, что подлежатъ запискѣ въ ревизію 100 (или даже болѣе) разрядовъ людей, и каждый изъ этихъ разрядовъ имѣетъ свои права и обязанности. Всякой согласится, что *сословіями*, въ смыслѣ Западномъ, ихъ назвать нельзя, хотя мы и говоримъ: сословіе ямщиковъ, лашмановъ, горнозаводскихъ крестьянъ, наборщиковъ Московской Университетской типографіи, служителей архіерейскихъ домовъ, и т. д. Очевидно, что главнымъ основаніемъ дѣленію служитъ *родъ и видъ занятій*, сопряженный съ элементомъ наслѣдственности, занятій, свободно и естественно передаваемыхъ отъ отца къ сыну. При этомъ однакоже ничего похожаго на касту не было, потому что перемѣна занятій была доступна для каждаго.

Народъ и дружина, служилое и земское сословіе — вотъ главное дѣленіе Русскаго населенія въ древней Руси, и въ основаніи этого дѣленія лежало то же начало, т. е. *родъ занятій*, а также и *отношеніе ихъ къ государству*. Служилое сословіе служило непосредственно государственной власти; его занятіе было — служебное ремесло. Земля также тянула тягло въ отношеніи къ государству, служа ему платою податей, поставкою войска и работою на служилыхъ людей. Ея занятіе было: воздѣлываніе земли, промыслы и торговля.

Мы не входимъ здѣсь въ изслѣдованіе о происхожденіи дружины: составилась ли она изъ пришлецовъ или изъ туземныхъ, выдѣлившихся родовъ,—но дѣло въ томъ, что когда сложился государственно-гражданскій строй Россіи, выступило ярко и это разграниченіе двухъ сословій: служилаго и земскаго. Земля жила обычаемъ, подъ закономъ общиннаго быта и общиннаго поземельнаго владѣнія; служилые люди не составляли общины, не знали общиннаго быта и общиннаго владѣнія: дѣятельность ихъ была *личная*, равно какъ и отношеніе къ власти; землю получали они отъ государя, *за службу и вмѣсто жалованья*, въ личное пользованіе и владѣніе, въ пожизненное или потомственное, въ помѣстье или вотчину. Въ предѣлахъ служилаго сословія были разныя степени, или своего рода чины, обусловливавшіе и различный видъ службы; жильцы, дѣти боярскіе, дворяне, и другіе; эти чины не передавались наслѣдственно, и сынъ боярина не былъ бояриномъ, но, оставаясь въ служиломъ сословіи, спускался на нѣсколько ступеней ниже: т. е. служилое званіе, или вѣрнѣе, принадлежность къ служилому сословію всегда удерживалась въ потомствѣ и была наслѣдственною, — сначала по обычаю, а потомъ и по закону. — Служилый человѣкъ по этому самому, по унаслѣдованному имъ роду занятій и обязанностей, весь принадлежалъ государству, и, включенный въ списки, состоялъ въ его полномъ распоряженіи (en disponibilité), былъ, такъ сказать, на службѣ отъ рожденія до смерти.

Несмотря однако на эту наслѣдственность правъ и обязанностей, служилое сословіе не носило въ себѣ никакой аристократической стихіи. Это всего лучше доказывается *мѣстничествомъ*, страннымъ учрежденіемъ, которое имѣло для служилаго сословія значеніе связующаго и сплачивающаго (по замѣчанію Хомякова) цемента. Дѣйствительно, сословіе, котораго все значеніе заключалось въ *наслѣдственной службѣ*, должно было необходимо вести счеты и расчеты своимъ служебнымъ трудамъ, потому что на нихъ единственно и основывались ихъ права и преимущества, объемъ ихъ власти и участія въ государственной дѣятельности. Честь полагалась *не въ древности рода*, хотя и къ ней не были нечувствительны наши предки, но въ *службѣ* предковъ, — и потомокъ Рюрика (слѣдовательно безукоризненный, кровный *аристократъ* съ точки зрѣнія Западной) уступалъ Салтыкову или Бутурлину, человѣку не столь древняго происхожденія, но котораго дѣдъ или отецъ исполнялъ служебное дѣло, высшее по значенію, нежели дѣдъ и отецъ Рюриковича. Понятно, что начало наслѣдственности и преданія, взявши силу и породивъ мѣстничество, естественнымъ ходомъ вещей и властію обычая преградило вступленіе въ служилое сословіе лицамъ новымъ, изъ сословій земскихъ, которыя не могли опираться на заслуги предковъ, — и, дѣйствительно, кромѣ Минина, включеннаго въ служилое сословіе съ чиномъ думнаго дворянина, мы другихъ примѣровъ и не припомнимъ.

Первою, значительною реформою въ исторіи этого сословія—было уничтоженіе мѣстничества при Царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, уничтоженіе разрядныхъ книгъ и учрежденіе бархатной книги, въ которую записаны были всѣ древніе роды служилаго сословія, но уже не на основаніи службы предковъ, а на *основаніи родословномъ*. Мы думаемъ, что такого рода учрежденіе, возникшее отчасти подъ вліяніемъ Польши и выдвигавшее впередъ *древность* рода и начало генеалогическое, можетъ-быть и положило бы у насъ основаніе аристократіи, которой главнымъ преимуществомъ была бы служба, т. е. участіе въ дѣлахъ государственныхъ, — еслибъ принципъ аристократическій не былъ противенъ нашимъ кореннымъ народнымъ началамъ. Исторія обличила несостоятельность такой попытки. Скоро въ лицѣ Петра эта попытка образовать аристократію въ Россіи была сокрушена смертельнымъ ударомъ.

Табель о рангахъ, несмотря на свое Нѣмецкое происхожденіе, сдѣлала всякую аристократію въ Россіи невозможною. Выдвинувъ опять на первый планъ не происхожденіе, а дѣйствительную службу, она — исключительную привилегію дворянства, службу, участіе въ дѣлахъ государственныхъ и достиженіе высшихъ государственныхъ званій и почестей сдѣлала доступными для всѣхъ сословій безъ исключенія, проводя ихъ по лѣстницѣ Нѣмецкихъ чиновъ или ранговъ. Еслибы чинъ означалъ только *должность* и не давалъ правъ дворянскихъ, то дворянство могло бы еще не смѣшиваться съ постоянно прибывавшими во множествѣ служилыми людьми не-дворянскаго происхожденія. Такъ въ Германіи до сихъ поръ, даже высокій чинъ, сколько мы знаемъ, не вездѣ даетъ право владѣть имѣніемъ Rittergut,—но въ Россіи этого различія никогда установлено не было, и чинъ или рангъ получилъ у насъ сословное значеніе: такимъ образомъ табель разрушала въ существѣ родословный или аристократическій характеръ дворянства. Воспоминанія о древности своего служилаго рода были праздньмъ утѣшеніемъ потомку древнихъ бояръ, сидѣвшему рядомъ въ совѣтѣ съ пирожникомъ Меншиковымъ (таково преданіе), съ Нѣмецкимъ солдатомъ Минихомъ, съ Нѣмецкимъ пасторскимъ сыномъ Остерманомъ, и со всѣми тѣми, которыхъ заслуги или милость Царская возвели на высшія ступени государственной службы.

Мы забыли сказать, что видовое названіе *дворянъ*, означавшее прежде *должность*, мало-по-малу, силою обычая, перешло на все старое служилое сословіе, которое въ первое время Петръ окрестилъ было названіемъ шляхетскаго. Названіе не удержалось, и, очевидно, что онъ самъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ названіи этого сословія. Первые преемники его пытались сдѣлать изъ служилаго сословія шляхетство или Нѣмецкую аристократію, думая согласить это начало съ табелью о рангахъ, но попытки ихъ были неудачны; вспомнимъ хоть учрежденіе майоратовъ, въ послѣдствіи отмѣненное.

И такъ, что̀ же представляется намъ въ Россіи со введеніемъ табели о рангахъ? Мы видимъ потомковъ древняго служилаго сословія, записаннаго въ книгѣ древнихъ родовъ,—съ непремѣнною *обязанностью*, но не съ исключительнымъ *правомъ службы*. Сохраняя свое служилое значеніе, но безъ всякаго прежняго вліянія на него, службы предковъ и древности рода,—они утратили всякое родовое, генеалогическое или аристократическое значеніе, безразлично смѣшиваясь съ новопроизведенными военными и гражданскими офицерами, самаго незнатнаго происхожденія, нерѣдко изъ крестьянъ и бывшихъ холоповъ. Эти послѣдніе не могли гордиться ни древностью рода, ни службою предковъ, но были во всемъ равны, а нерѣдко имѣли и преимущество надъ чиновниками и офицерами изъ древняго служилаго сословія. И тѣ и другіе владѣли крестьянами, и на тѣхъ и на другихъ работали крестьяне, видя въ нихъ людей служилыхъ, независимо отъ происхожденія, и продолжая считать, по до-Петровскому обычаю, свою работу жалованьемъ, даннымъ помѣщикамъ отъ царя за службу.— Теперь ясно, что изъ этихъ элементовъ не могло образоваться никакой аристократіи,—но тогда это еще не всѣмъ было ясно.

Самый гибельный ударъ нанесенъ дворянству, какъ сословію, тѣмъ распоряженіемъ, которому дворяне радовались тогда наиболѣе, — именно указомъ Петра III о вольности дворянства, т. е. о правѣ дворянъ не служить. Древняя дружина была наконецъ распущена, и такимъ образомъ сокрушено было историческое основаніе дворянскаго сословія, именно его служилое призваніе и значеніе (родовое, аристократическое значеніе было еще прежде сокрушено табелью о рангахъ). Изъ превосходнаго изслѣдованія г. И. Д. Бѣляева («Крестьяне на Руси») можно видѣть, что этотъ указъ о необязательности службы для помѣщиковъ—породилъ волненія между крестьянами, вообразившими, что, вмѣстѣ съ службой дворянъ государству, кончалась и ихъ служба дворянству, имѣвшая одно общее историческое основаніе.

Вслѣдъ за Петромъ III, Екатерина, подтвердивъ указъ о вольности дворянской, собрала распущенную дружину и связала ее узами привилегированной сословности. Тѣмъ не менѣе ея знаменитая Грамота не могла создать Русской аристократіи.

Если аристократію полагать въ *древности рода*, то ни графъ Разумовскій, ни всѣ тѣ, которымъ фаворитизмъ давалъ чины и титулы, не могли бы принадлежать къ сословію дворянскому... Но такое распоряженіе (относительно древности рода) не только не было возможно послѣ пролома, произведеннаго табелью о рангахъ, но едвали даже и заявлялось въ то время кѣмъ-либо изъ дворянъ, какъ требованіе: до такой степени это не въ нашихъ нравахъ, что несмотря на всю нашу подражательность, умъ и талантъ не подлежали и не подлежатъ у насъ той сословной оцѣнкѣ, какая существовала и существуетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на Западѣ. Вопроса о томъ, напримѣръ, tafelfähig ли, т. е. имѣетъ ли «правоспособность» обѣдать за придворнымъ столомъ сынъ сельскаго священника, Государственный министръ Сперанскій, у насъ никогда бы и возникнуть не могло, тогда какъ въ Германіи, напр. въ Ганноверѣ, только считающій 40 поколѣній генеалогической линіи — владѣетъ способностью и правомъ быть принятымъ ко двору; у насъ теперь никому и въ голову не приходитъ, чтобы недоученый Рюриковичъ имѣлъ болѣе правъ на службѣ, чѣмъ ученый кандидатъ университета, хотя бы происходившій изъ бывшаго крѣпостнаго сословія, и т. п.

Далѣе: если аристократію полагать, — какъ, между прочимъ, въ Англіи, — въ правѣ и обязанности непосредственнаго *по рожденію*, участія въ дѣлахъ государственныхъ, то *отмѣна обязанности служить*, которой такъ обрадовались дворяне, дѣлала и это основаніе невозможнымъ.

Оставалось только дать, безъ особеннаго основанія, привилегіи дворянскому сословію; онѣ и были даны, но конечно не однимъ древнимъ родамъ, уже заслоненнымъ новыми, а древнимъ родамъ и чинамъ, дававшимъ дворянское достоинство. Такимъ способомъ образовалось у насъ пожалованіе *потомственнаго* дворянства — въ смыслѣ обратномъ и, какъ намъ кажется, нѣсколько неправильномъ относительно языка, т. е. не въ томъ смыслѣ, что слово «потомственный дворянинъ» означаетъ потомка дворянъ, а въ томъ, что будущіе потомки новопожалованнаго дворянина дѣлаются дворянами. — Доступъ въ дворянское сословіе былъ по прежнему открытъ каждому, по лѣстницѣ ранговъ.

И такъ, *только привилегіи* давали дворянству тотъ сословный характеръ, который оно имѣло въ древности, какъ служилое и какъ родовое, и который утратило съ табелью о рангахъ и съ указомъ о вольности дворянства.

Главнѣйшею и существеннѣйшею *привилегіею* было — крѣпостное право, право владѣть землями населенными, личностью и трудомъ крестьянскимъ. Крестьяне продолжали по прежнему, по стародавнему, тянуть тягло, платить подати государству и отбывать повинности помѣщикамъ, — но сами помѣщики были уже иные, не служилые люди и не всѣ древняго служилаго происхожденія. Всякой оберъ офицеръ дѣлался столбовымъ дворяниномъ, назывался благороднымъ (т. е. если понимать буквально, ему жаловались благородные предки), а потому могъ быть и помѣщикомъ.

Такъ, съ разными не важными измѣненіями, продолжалось и до нашего времени.

19 Февраля 1861 года уничтожило на вѣки вѣковъ крѣпостное право, а съ нимъ и существеннѣйшій *признакъ* дворянскаго достоинства, т. е. привилегію.— Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ de facto и de jure отличается теперь дворянинъ отъ прочихъ сословій? Населенными землями, по окончаніи выкупа, будутъ имѣть право владѣть и купцы и крестьяне. Избавленіе отъ тѣлесныхъ наказаній будетъ, вѣроятно, когда-нибудь распространено и на прочія сословія. Избавленіемъ отъ рекрутства—пользуются и купцы,—да эта повинность, можетъ статься, будетъ также переорганизована правительствомъ. Избавленіе отъ платежа податей, вѣроятно, не избавитъ отъ платежа поземельнаго налога... Что же остается? Право службы? оно, еще со временъ Петра I-го, предоставлено всѣмъ. Древность происхожденія? Но какъ опредѣлить ее? Если считать древнимъ родъ—хотя бы только столѣтній, то значительную часть дворянъ пришлось бы исключить изъ дворянскаго сословія! Поземельное владѣніе? но это право принадлежитъ въ Русской землѣ всѣмъ. Богатство? Оно на сторонѣ купцовъ, капиталистовъ-торговцевъ, но не дворянства...

Что же дѣлать, какъ быть?

Очевидно, что объемъ и опредѣленіе земства въ настоящее время расширились. Распущенная дружина обращается домой, въ земство, и вноситъ въ него новые элементы. Въ земствѣ, мы видимъ, или скоро увидимъ, два начала, двѣ бытовыя стихіи: начало общины и начало личности, начало общиннаго поземельнаго владѣнія, и начало личнаго поземельнаго владѣнія, общинниковъ-крестьянъ и личныхъ землевладѣльцевъ, большинство которыхъ едва-ли не исключительно составляютъ теперешніе дворяне. Другихъ дѣленій намъ не предвидится. Взаимный союзъ этихъ двухъ стихій, чуждыхъ замкнутости, исключающій взаимную односторонность; ихъ искреннее сближеніе и дружное дѣйствіе; сближеніе, не внѣшнее только, но и нравственное, въ области историческихъ и духовныхъ общенародныхъ началъ, могли бы служить, кажется намъ, залогами богатаго будущаго развитія...

Но это въ будущемъ. А что̀ предстоитъ дѣлать теперь, съ сохраненіемъ вѣрности народнымъ историческимъ началамъ, о томъ мы отложимъ бесѣду до слѣдующаго раза.

Дворянамъ необходимо опредѣлить себѣ—что̀ они такое и чѣмъ могутъ быть.

«День», *9-го декабря 1861 г.*

Въ послѣдней статьѣ нашей мы, кажется, показали довольно ясно, что дворянство, какъ сословіе, утратило, по нашему убѣжденію, прежнюю общественную и историческую почву: корни, связывавшіе его съ почвой, съ теченіемъ времени, порвались одинъ за другимъ, и наконецъ, въ нынѣшнемъ году, окончательно порвался и послѣдній: мы говоримъ здѣсь объ *остальномъ* значеніи дворянства, какъ сословія привилегированнаго, т. е. владѣющаго крестьянами на крѣпостномъ правѣ. Мы уважаемъ и любимъ историческое преданіе, но, тѣмъ не менѣе, признаемъ вполнѣ разумность такого историческаго рѣшенія, и не думаемъ, чтобы кто либо изъ просвѣщенныхъ дворянъ Русскихъ способенъ еще былъ мечтать о возвращеніи невозвратно-потеряннаго, или предаваться празднымъ сожалѣніямъ и чувству безсильной досады. Мы не говоримъ здѣсь о дворянахъ Остзейскихъ: они—дѣло другое; у насъ съ ними разныя историческія начала, а потому и разные выводы; они подлежатъ дѣйствію своей исторической логики, которая не замедлитъ оказать свою силу и надъ потомками гордыхъ завоевателей-крестоносцевъ! Но мы, Русскіе, вполнѣ понимаемъ, что образовательный процессъ Русскаго государственнаго и гражданскаго строя, не только еще не окончился вполнѣ, но воочію совершается и переживается нами, и что намъ остается только стать въ уровень съ требованіями исторіи и разумѣть, по возможности, самый смыслъ этихъ требованій. Однимъ словомъ, дворянамъ необходимо опредѣлить себѣ самимъ, что они такое, и чѣмъ могутъ быть, пристроить себя, отыскать себѣ почву и фундаментъ общественный.

На этомъ основаніи мы смѣемъ полагать, что всѣ вопросы, разсужденія и соображенія, *внѣ* этой главной задачи, не только преждевременны, но не могутъ быть, даже и въ теоріи, ни правильно поставлены, ни правильно разрѣшены. Нѣтъ ничего вреднѣе въ общественномъ важномъ дѣлѣ, какъ неопредѣленное выраженіе неопредѣленныхъ желаній, которыхъ практическую, немедленно примѣнимую къ жизни сторону уловить невозможно, и которымъ суждено поэтому оставаться праздными, блестящими фразами, лишенными всякаго жизненнаго содержанія и не приводящими ни къ какому существенному результату. Теоретическая постановка и уясненіе началъ и вопросовъ совершаются при взаимномъ обмѣнѣ мыслей, въ средѣ литературной или общественной; но когда вы обращаетесь къ той средѣ, которая призвана давать вашему предположенію внѣшнюю форму и полновѣсное значеніе положительнаго явленія, вы ставите ее, эту среду, въ сильное затрудненіе, если сами не уяснили себѣ вполнѣ вашей собственной мысли, или не указываете ни средствъ, ни практическаго пути для ея осуществленія.

Такъ, напримѣръ, мы считаемъ совершенно безсильнымъ и празднымъ требованіе, заявленное, года три тому назадъ, на дворянскихъ выборахъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ: о перемѣнѣ судопроизводства, о введеніи суда присяжныхъ и т. п. Недостаточно сказать: это слѣдуетъ перемѣнить, это слѣдуетъ ввести: укажите—*какъ* перемѣнить и *какъ* ввести. А именно, нигдѣ это слово *какъ*—такъ не важно, какъ въ вопросѣ о судопроизводствѣ: въ этомъ-то и состоитъ вся задача. Не знаемъ, отдавали ли себѣ сами дворяне ясный отчетъ въ томъ: желаютъ ли они, напримѣръ, процесса обвинительнаго или слѣдственнаго? вполнѣ ли примѣнимъ къ нашимъ нравамъ первый? не нужно ли подумать о другихъ формахъ процесса? можетъ ли Франція, наслѣдница Римскаго міра, служить намъ, въ этомъ отношеніи, образцомъ? и т. д.—Не знаемъ, понимали ли они сами, что ихъ собственное требованіе предполагаетъ народъ и общество какою-то tabula rasa, бѣлой бумагой, на которой они сами приглашаютъ законодателя писать—что̀ угодно и какъ угодно! Понимали ли они, что судопроизводство, одно изъ важнѣйшихъ отправленій государственнаго организма, такъ тѣсно связано со всѣмъ общественнымъ бытіемъ, что не можетъ быть сочинено вдругъ, особенно въ Россіи, безъ предварительнаго изученія народныхъ юридическихъ понятій и требованій, какою-нибудь коммиссіею экспертовъ или ученыхъ докторовъ Римскаго права! Всѣ эти вопросы едвали приходили на умъ предъявлявшимъ такія желанія...

Мы привели этотъ примѣръ для того, чтобы показать, во 1-хъ, всю неосновательность заявленія подобныхъ неопредѣленныхъ требованій, и во 2-хъ, всю несостоятельность такихъ требованій въ настоящее время, когда вопросъ крестьянскій еще не вполнѣ покончень, и мы, дворяне, сами еще не знаемъ, что̀ мы такое! Эта несостоятельность становится еще очевиднѣе, когда дѣло идетъ о припискѣ къ волостямъ или о примѣненіи выборнаго начала къ контролю земскихъ повинностей. (Оба эти вопроса возбуждены въ нашей литературѣ, а послѣдній возникъ отчасти вслѣдствіе обнародованнаго правительствомъ и предложеннаго имъ на общее обсужденіе доклада коммиссіи, учрежденной для пересмотра устава о земскихъ повинностяхъ.) Разсмотримъ дѣло поближе. Дворянство, утративъ свое существенное сословное право, сохраняетъ однакоже ту внѣшнюю обстанову сословности, которая все еще можетъ разобщить дворянство и низшія сословія, и положить между ними преграду недовѣрія и взаимнаго непониманія. Какіе глубокіе корни пустило недовѣріе крестьянъ къ помѣщикамъ, о томъ единогласно свидѣтельствуютъ отзывы самихъ помѣщиковъ изо всѣхъ концовъ необъятной Россіи. Мы сказали выше въ нашей первой статьѣ, что служилое сословіе распущено и возвращается въ земство, — но мы должны прибавить, что такому возвращенію еще мѣшаютъ разныя путы, какіе-то призраки прежней исключительной сословности, за которые дворянство въ невѣдѣніи своихъ собственныхъ выгодъ все еще держится крѣпко. Потерявъ прежнюю почву, оно еще не стало на новую и находится теперь въ какомъ-то странномъ, уединенномъ или изолированномъ положеніи. Мы убѣждены, что приписка дворянина, какъ *дворянина*, къ волости невозможна,—или, по крайней мѣрѣ, будетъ явленіемъ насильственнымъ, искусственнымъ, и нисколько не плодотворнымъ,—и что точно такъ же безполезно было бы *теперь* соединеніе выборныхъ отъ всѣхъ сословій для контроля земскихъ повинностей, пока еще не рѣшенъ самый вопросъ *о сословіяхъ*, пока крестьяне и помѣщики не развяжутся между собою, пока раздѣляютъ ихъ преданія о полноправности одного и о безправіи другаго сословія. Въ самомъ дѣлѣ, прежнія основанія поколеблены, новыя еще не опредѣлились и не сознаны, духъ сословный еще продолжаетъ витать въ дворянствѣ, и нашему общественному организму недостаетъ той органической, нравственной и духовной цѣльности, которую не въ силахъ замѣнить никакія искусственныя связи.

Прежде чѣмъ строить зданіе, необходимо подвести прочный фундаментъ,—иначе зданіе обрушится безобразною грудою камней и мусору. Къ ветхой изношенной одеждѣ не пришиваютъ заплаты: ветхая одежда разлѣзется врозь и ее не удержитъ. Толковать теперь о соединеніи выборныхъ для всѣхъ сословій, припискѣ къ волостямъ и тому подобномъ, мы считаемъ тѣмъ же, что̀ строить зданіе безъ фундамента, или пришивать заплаты къ ветхому рубищу.

Поймемъ же, что намъ прежде всего слѣдуетъ скинуть съ себя ту ветхую одѣжу, къ которой не пришьешь никакого лоскута свѣжей здоровой матеріи! займемся возведеніемъ самаго фундамента...

Мы полагаемъ, что Русскимъ дворянамъ необходимо было бы, во 1-хъ, вникнуть въ историческій ходъ дворянскаго учрежденія и проникнуться сознаніемъ, что дальнѣйшее существованіе дворянскаго сословія, какъ сословія, на прежнихъ основаніяхъ, послѣ великаго дѣла 19 Февраля 1861 года, невозможно; во 2-хъ, отрѣшиться отъ прежнихъ воспоминаній, безплодныхъ сожалѣній и отъ всякаго духа сословной гордости и исключительности; въ 3-хъ, устранить всѣ перегородки, которыя отдѣляютъ его отъ народа, какъ въ политическомъ, такъ и въ нравственномъ смыслѣ; въ 4-хъ, опредѣлить свои отношенія къ прочимъ сословіямъ.

Таковы общія начала. Ближайшей же заботою дворянства должно быть примѣненіе къ Положенію 19 Февраля Устава о выборахъ и Дворянской грамоты, т. е. III и IX тома Свода Законовъ. Необходимость такого примѣненія очевидна даже и при сохраненіи начала сословности: прежнее основаніе праву голоса на дворянскихъ выборахъ лежало въ привилегіи крѣпостнаго права, въ извѣстномъ числѣ душъ, которыми владѣлъ помѣщикъ; но теперь это основаніе, съ Манифестомъ 19 Февраля, уже не можетъ имѣть никакой силы.— Дворянство Самарской губерніи въ началѣ нынѣшняго года уже испросило себѣ дозволеніе на пересмотръ Устава о выборахъ, и объ этомъ дозволеніи было напечатано во всѣхъ нашихъ газетахъ. Но Самарское дворянство, сколько мы знаемъ, только предъявило желаніе, но не уяснило себѣ, какъ воспользоваться разрѣшеніемъ, и не опредѣлило способа, какимъ можетъ совершиться этотъ пересмотръ Устава.

Мы съ своей стороны смѣемъ думать, что никакіе *общіе* вопросы не могутъ быть предметомъ полезнаго обсужденія въ теченіи двухнедѣльнаго срока, и что по нашему мнѣнію было бы необходимо: учредить комитетъ изъ членовъ по выбору дворянства, для составленія проекта о примѣненіи къ Положенію 19 Февраля Устава о выборахъ и законовъ о дворянскомъ состояніи. Членовъ для комитета было бы довольно двоихъ отъ каждаго уѣзда; срокъ занятіямъ—полугодичный.

Если разрѣшеніе, данное Самарскому дворянству, послѣдуетъ и для дворянства другихъ губерній, то Россія можетъ вновь увидать то величавое зрѣлище, какое представляли сорокъ восемь губернскихъ комитетовъ, обсуждавшихъ вопросъ объ отмѣнѣ крѣпостнаго права въ 1858 и 1859 годахъ. Въ этихъ комитетахъ само дворянство, въ виду всей Россіи, собственными руками раздирало свою стародавнюю привилегію, и наконецъ во всеуслышаніе отреклось отъ своего дворянскаго преимущества и произнесло вѣчно-памятныя слова: крѣпостное право отмѣняется навсегда! Теперь дворянству предстоитъ докончить начатое и опредѣлить свое настоящее мѣсто и значеніе *внѣ* сословныхъ привилегій и преимуществъ. Предрѣшать эту задачу невозможно. Рѣшеніе должно выработаться постепенно, при взаимномъ обмѣнѣ мыслей и соображеній. Мы полагаемъ, что инициатива въ этомъ дѣлѣ должна принадлежать дворянству: это будетъ и новымъ нравственнымъ подвигомъ, и мудрымъ политическимъ дѣйствіемъ.

Только по разрѣшеніи этого вопроса, можно будетъ съ достаточнымъ основаніемъ приступить къ разрѣшенію вопроса о земскихъ повинностяхъ, объ областномъ управленіи, о судопроизводствѣ и о прочихъ преобразованіяхъ, необходимость въ которыхъ такъ уже гласно заявлена.

Только тогда станетъ возможнымъ всякое общее дружное дѣйствіе, сближеніе съ народомъ и постепенное возстановленіе цѣльности нашего государственнаго организма...

При настоящемъ разрывѣ образованнаго общества съ народомъ, оно дрябло и лишено всякой общественной силы, потому что нѣтъ силы внѣ народной и исторической почвы. Мы указали на *внѣшніе* пути сближенія, но ихъ, разумѣется, недостаточно: почерпнуть эту силу можетъ общество только окунувшись въ живительныя струи народнаго духа.— Когда мы станемъ строить фундаментъ, то увидимъ, что единственный прочный цементъ для стройки можетъ дать намъ только народность, или единство общихъ историческихъ, духовныхъ и нравственныхъ началъ всего Русскаго общества и народа.

О цензѣ.

«День», 23-го декабря 1861 г.

Вѣроятно, многіе изъ нашихъ читателей будутъ не мало удивлены, если мы скажемъ, что вопросъ о *цензѣ* принадлежитъ теперь къ числу самыхъ важныхъ современныхъ вопросовъ... Они важны особенно потому, что разрѣшеніе ихъ подлежитъ, въ настоящую минуту, обсужденію непосредственно заинтересованныхъ сторонъ, и можетъ, весьма легко и скоро, осуществиться даже и на практикѣ:—хорошо или дурно, это ужъ дѣло другое. Въ то время, какъ наша литература (по крайней мѣрѣ въ лицѣ значительной части своихъ представителей), отрѣшившись отъ чернорабочаго труда, требуемаго суровыми задачами современной дѣйствительности, облегчившись отъ груза исторіи, — убѣгаетъ далеко впередъ, или въ сторону отъ дороги, на просторъ отвлеченности, гдѣ, безъ помѣхъ и препятствій, созидаетъ разные воздушные за́мки,—исторія продолжаетъ творить свое дѣло, созидая изъ историческаго матеріала разныя, не отвлеченныя, но практически-жизненныя, нерѣдко уродливыя явленія.

Литература становитъ и рѣшаетъ несуществующіе вопросы, переживаетъ сотый или двухсотый фазисъ своего ускореннаго, отвлеченнаго развитія, и забываетъ про существующія въ Россіи дѣйствительныя органическія силы, которыя однако находятся постоянно въ дѣйствіи и постоянно совершаютъ свои могучія, хотя бы и неправильныя отправленія,—отзывающіяся благими или худыми послѣдствіями въ жизни многомилліоннаго народа!.. Такъ, сколько намъ помнится, литература, увлеченная интересами Западнаго міра, проглядѣла въ свое время появленіе у насъ новаго сословія *почётныхъ гражданъ*, возникшаго на новыхъ для нашей исторіи началахъ, и проглядѣла именно потому, что самое вниманіе ея было обращено въ другую сторону. Такое направленіе литературы легко объясняется разными историческими причинами, но, какъ бы то ни было,—въ то время, когда мы заняты мечтами несбыточными или осуществимыми черезъ тысячи лѣтъ,—у насъ подъ глазами незамѣтно выростаютъ крупныя явленія, и готовы возникнуть важныя государственныя мѣры...

Подъ именемъ *ценза* разумѣется въ наше время на Западѣ — размѣръ поземельнаго владѣнія, или имущества вообще, или какихъ бы то ни было доходовъ, дающій человѣку право: участвовать въ общественныхъ дѣлахъ своей страны посредствомъ избранія представителей или въ качествѣ представителя —или же право: принадлежать къ извѣстному сословію. Мы сказали: на Западѣ, но мы должны прибавить, что это Западное начало существуетъ и у насъ, и именно въ дворянскомъ сословіи: извѣстно, что право голоса на дворянскихъ выборахъ дается, на основаніи закона, опредѣленнымъ числомъ душъ, принадлежащихъ помѣщику на крѣпостномъ правѣ. Теперь крѣпостнаго права уже не существуетъ, и — вотъ почему мы утверждаемъ, что вопросъ о цензѣ весьма важенъ въ настоящую минуту... Оставляя покуда въ сторонѣ всякое разсужденіе о Русскомъ дворянствѣ, перейдемъ къ оцѣнкѣ идеи ценза вообще.

Мы съ своей стороны не видимъ вообще никакого нравственнаго основанія для идеи ценза: трудно понять, почему человѣкъ, владѣющій сотнею десятинъ земли, признается болѣе способнымъ, болѣе разумнымъ, болѣе надѣленнымъ тѣми условіями, какія необходимы для полезнаго участія въ общественномъ дѣлѣ,—чѣмъ человѣкъ, обладающій девяносто девятью и девятью десятыхъ—десятинами? Почему меньшинство «имущихъ» имѣетъ право рѣшать участь громаднаго большинства «неимущихъ?» почему это громадное большинство, составляющее то органическое ядро, которое хранитъ въ себѣ всемірно-историческую идею извѣстнаго народа, — должно быть лишено голоса въ вопросахъ, непосредственно до него касающихся? почему листья должны себя считать привилегированнѣе корней, безъ которыхъ, по выраженію извѣстной басни Крылова, «не стало бы ни дерева, ни листьевъ»?!

Защитники ценза утверждаютъ, что люди «имущіе» болѣе заинтересованы въ сохраненіи твердаго порядка вещей, въ усовершенствованіи законодательства и вообще въ правильномъ развитіи гражданственности. Другими словами: эгоизмъ, матеріальный интересъ служитъ порукою въ томъ, что ничего противнаго видамъ этого эгоизма не будетъ предпринято! Не говоря о томъ, что такого рода начало безнравственно, что дѣло идетъ не о безразлично-твердомъ, а о лучшемъ порядкѣ, что неимущіе приносятся здѣсь въ жертву эгоизму имущихъ, что на этомъ основаніи (напр. въ Пруссіи) едвали когда-нибудь уничтожилось бы крѣпостное право,—мы скажемъ только, что это начало (т. е. начало ценза), возникшее на Западѣ, было бы непримѣнимо къ Россіи. У насъ не такъ, какъ въ Англіи, гдѣ земля составляетъ собственность только какихъ-нибудь сорока тысячъ человѣкъ; не такъ, какъ и во Франціи, гдѣ землею располагаетъ милліоновъ восемь собственниковъ на 30 милліоновъ народонаселенія (за точность цифръ мы не стоимъ, — нѣсколько болѣе, нѣсколько менѣе, это все равно); у насъ, нѣтъ неимущихъ, за исключеніемъ самаго ничтожнаго числа; у насъ всѣ собственники или землевладѣльцы: у насъ не мыслимъ крестьянинъ безъ земли. У насъ крестьянская община, какъ юридическое лицо, такой же землевладѣлецъ, какъ и любой помѣщикъ, и часто болѣе крупный, чѣмъ иной дворянинъ...

Итакъ въ этомъ отношеніи подобный цензъ, по нашему мнѣнію, былъ бы лишенъ всякаго разумнаго основанія.

Разсмотримъ другое возраженіе. Необходимо, мыслятъ нѣкоторые на Западѣ и у насъ, создать сильное замкнутое сословіе или увеличить силу *существующаго*—учрежденіемъ поземельнаго ценза, дающаго право вступить въ сословіе и исключающаго изъ него всѣхъ, владѣющихъ землею въ меньшемъ размѣрѣ. Положимъ же, что вамъ предоставлено это созиданіе. Какой цензъ назначите вы? Если вы назначите высокій, то вы составите *меньшинство*, сильное матеріальнымъ богатствомъ только относительно, и совершенно безсильное предъ *большинствомъ*, которое и въ матеріальномъ отношеніи представляетъ массу поземельнаго богатства несравненно громаднѣйшую (напр. у насъ въ Россіи), да и въ нравственномъ и политическомъ смыслѣ несравненно могущественнѣе меньшинства! Напротивъ того, это большинство, поставленное къ меньшинству въ отношеніе непріязненное,—какъ низшее и менѣе привилегированное къ высшему и болѣе привилегированному, — будетъ, своимъ центромъ тягости, служить опорою всякому враждебному для меньшинства дѣйствію... О несправедливости же нравственной такого высокаго ценза мы уже говорили выше, но повторяемъ опять, что земля, находящаяся или имѣющая въ скоромъ времени перейти, у насъ, во владѣніе крестьянства, представляетъ цифру десятинъ, безконечно превышающую количество десятинъ, состоящихъ во владѣніи помѣщиковъ.

Точка зрѣнія Западной науки постоянно сбиваетъ насъ съ толку. Мы прочтемъ Токвиля или хоть Риля, полагающаго необходимымъ существованіе поземельной аристократіи, какъ силы замедляющей, тормозящей и уравновѣшивающей (eine beharrende Kraft), и забываемъ, что тамъ дѣйствительно—только крупное землевладѣніе образуетъ эту силу, и что мелкая, вѣчно дробимая собственность съ одной стороны, или съ другой — совершенная безземельность народа, не представляютъ никакой тяжести или груза, который бы давалъ общественному судну упоръ противъ натиска волнъ и прихоти отвсюду вѣющихъ вѣтровъ, противъ разрушительнаго дѣйствія противоположныхъ политическихъ стихій. У насъ совершенно наоборотъ: роль Западной аристократіи, вслѣдствіе историческихъ условій, исполняетъ народъ, самый крупный землевладѣлецъ и наиболѣе заинтересованный въ дѣлѣ порядка. Продолжаемъ наше обсужденіе.

Если же вы для вступленія въ высшее сословіе назначите цензъ низкій, то отъ этого могутъ выйти слѣдующія вредныя послѣдствія: вопервыхъ, вы поставите приманку, которая будетъ вытягивать изъ народа лучшіе его соки, и эти соки въ вашей средѣ будутъ лишены своей органической производительности. Напр. если бы вы объявили, что пріобрѣтающій, положимъ, 100 десятинъ земли въ частную собственность пріобрѣтаетъ права и преимущества высшаго сословія и пріобщается къ его блеску, то вы искусственнымъ образомъ, какъ садовникъ изъ земли, будете вызывать на свѣтъ Божій жалкія произрастенія, которыя не придадутъ вамъ ни силы, ни блеску. Вы разстроите сплошную крѣпость общиннаго быта, вы создадите выходцевъ, parvenus, людей—ни пава, ни ворона, людей, развращенныхъ сознаніемъ своего случайнаго, чисто внѣшняго, мнимаго превосходства надъ низшими, менѣе богатыми братьями. Привилегіи, данныя купечеству 3-й гильдіи, заставляютъ мѣщанъ, во избѣжаніе рекрутства и другихъ повинностей, употреблять всевозможныя усилія, чтобы быть въ состояніи записаться въ гильдію: такіе купцы не составляютъ силы купечества и не возвышаютъ значенія торговли. Да и вообще, къ чему строить заборъ, если приходится растворить ворота настежъ (потому что низкій, легко достигаемый цензъ—тѣ же растворенныя настежъ ворота)? Если, вслѣдствіе историческихъ причинъ, ворота затворить нельзя, то не для чего и забора ставить Такого рода цензъ могъ бы создать нѣчто въ родѣ Польской шляхты,—вредной общественной стихіи, не имѣющей ни той силы, какую даетъ аристократическое начало, ни силы, сознаваемой въ себѣ массою простаго народа, съ которой раздѣляетъ шляхту ложный принципъ превосходства, основаннаго на происхожденіи, или на другихъ отличительныхъ признакахъ въ этомъ родѣ.

Мы уже сказали однажды, что видимъ въ нашемъ будущемъ общественномъ устройствѣ двѣ существенныя бытовыя стихіи: личнаго землевладѣнія и общиннаго землевладѣнія и быта. Само собою разумѣется, что опредѣлить—что̀ именно разумѣть подъ личнымъ землевладѣніемъ было бы необходимо, но это въ сущности не должно имѣть никакого важнаго значенія, если обѣ стихіи будутъ полноправны и равноправны, и не будетъ привилегій, или соблазна, искусственно созданнаго, для перехода одной въ другую. Въ этомъ отношеніи должна быть предоставлена полнѣйшая свобода самой жизни: но это не свобода, если, напримѣръ, для общины, для ея развитія, затворивъ крѣпко всѣ двери, вы оставите отворенною только одну — выходъ изъ общины въ сословіе личныхъ землевладѣльцевъ...

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ нашихъ прожектерахъ-либералахъ.

Бóльшая часть изъ нихъ и невѣжи и деспоты. Невѣжи они потому, что не знаютъ и знать не хотятъ органической силы того историческаго матеріала, изъ котораго они думаютъ строить свое либеральное зданіе. Предъ ними сосна и береза, которымъ они велятъ быть мраморомъ, а такъ какъ это невозможно, то они и красятъ дерево подъ мраморъ! предъ ними гранитъ,—они воображаютъ его палиссандромъ и красятъ подъ дерево! Потомковъ служилаго и помѣщичьяго сословія хотѣли бы они заставить быть аристократіей въ западномъ смыслѣ, или ввести у насъ начало ценза поземельной собственности, тогда какъ самый крупный землевладѣлецъ есть народъ, въ совокупности крестьянскихъ общинъ, и такъ далѣе.

Они деспоты потому, что истинный либерализмъ долженъ состоять въ признаніи правъ самой жизни, слѣдовательно въ смиренномъ отношеніи къ требованіямъ ея, въ искреннемъ стремленіи понять ея часто темный, неразгаданный языкъ; въ уваженіи наконецъ къ историческимъ началамъ Русскаго народа,—а всего этого и не замѣчается у нашихъ псевдолибераловъ. Они деспоты потóму, что считаютъ весьма извинительнымъ для своихъ либеральныхъ насажденій безпощадно терзать землю деспотическимъ заступомъ и лопатой. Они деспоты и потому, что, вмѣсто возбужденія самодѣятельности въ самой жизни, они обращаются... къ мѣрамъ внѣшнимъ... Первымъ дѣйствіемъ просвѣщеннаго либерализма должно быть не ограниченіе правъ народа возведеніемъ какихъ-либо новыхъ сословныхъ перегородокъ, а самоограниченіе,—и этотъ высокій подвигъ предлежитъ теперь Русскому дворянству!..

О самоуничтоженіи дворянства какъ сословія.

«День», 6-го января 1862 г.

4 января открыты въ Москвѣ дворянскіе выборы. Все совершилось установленнымъ порядкомъ; засѣданія происходятъ въ залѣ Благороднаго Собранія.

Хотя мы цѣлымъ рядомъ статей уже объяснили, болѣе или менѣе, нашъ образъ мыслей о современномъ значеніи Русскаго Дворянства,—однакоже, въ виду открывшихся выборовъ, считаемъ не лишнимъ подвергнуть этотъ вопросъ новому разсмотрѣнію. Онъ такъ важенъ, что требуетъ неоднократнаго, дружнаго, зрѣлаго обсужденія. Нашему времени, благодаря Бога, выпало на долю великое историческое дѣло. Посмотримъ же, какъ отнесется къ нему дворянство: явится ли оно достойнымъ своего высокаго жребія, по плечу ли придется ему историческая задача,—или же общій уровень дворянскаго сознанія окажется ниже уровня современныхъ крупныхъ вопросовъ и только обличитъ историческую несостоятельность этого сословія (въ его искусственномъ видѣ)?

Послѣднее, разумѣется, немыслимо. Наше просвѣщенное Московское дворянство, вполнѣ понимая важность предстоящаго дѣла, стоитъ, безъ сомнѣнія, вровень съ современными задачами и достойнымъ образомъ закончитъ старый періодъ своего *сословнаго* существованія. Вспомнимъ, что взоры всей Россіи устремлены теперь на Москву, и что рѣшеніе Московскаго дворянства послужитъ, конечно, руководствомъ и для дворянства прочихъ губерній. Вспомнимъ, что эти дворянскіе выборы—уже послѣдніе выборы,—по крайней мѣрѣ на существующихъ основаніяхъ; что черезъ три года уничтоженіе крѣпостнаго права должно совершиться окончательно, и что новые выборы ни въ какомъ случаѣ не могутъ состояться безъ перемѣны самого законоположенія о дворянскихъ выборахъ.

Было бы мало пользы, еслибы мы на выборахъ увлеклись суетнымъ желаніемъ «предъявить» ту и или другую «либеральную» затѣю, въ несбыточности которой мы почти сами увѣрены, которой осуществленіе было бы несогласно съ духомъ и историческими началами нашего народа,—да и самимъ намъ представляется въ какомъ-то неясномъ, смутномъ видѣ! Все это, нисколько не подвигая дѣла, произвело бы только новую путаницу понятій.—Но вредъ былъ бы еще положительнѣе, еслибъ къ этому общественному дѣлу мы принесли чувство раздраженія противъ отмѣны крѣпостнаго права; еслибъ источникомъ нашихъ, такъ-называемыхъ либеральныхъ тенденцій было худо скрытое чувство своекорыстной досады. Смѣшонъ и жалокъ либерализмъ, возросшій на *такой* почвѣ, но къ чести нашихъ просвѣщенныхъ дворянъ, мы увѣрены, что подобное *сочетаніе* тайныхъ сожалѣній объ утраченной привилегіи крѣпостнаго права, вмѣстѣ съ соображеніями о расширеніи общественной самодѣятельности,—подобное безобразное сочетаніе, говоримъ мы, у насъ немыслимо.

Нѣтъ, отбросимъ въ сторону всѣ эти пошлыя затѣи и опошленныя понятія и выраженія: либерализмъ, консерватизмъ, оппозиція, демократія, и т. подобныя. Всѣ эти выраженія Западнаго общественнаго строя слишкомъ условны и узки для требованій нашей Русской нравственной, соціальной свободы, для Русскаго земскаго міра. Мы должны, прежде всего, руководствоваться самыми широкими началами нравственными, началами общей, высшей правды, любви и братства, началами историческими и народными. Не на механическомъ равновѣсіи, не на разсчитанномъ, съ недовѣрчивостью, взаимномъ отношеніи извѣстныхъ общественныхъ силъ, можетъ быть воздвигнуто Русское общественное зданіе: но на началахъ дружнаго искренняго союза и свободнаго нравственнаго самоограниченія этихъ силъ...

Но возвратимся къ предмету нашей статьи, къ Московскимъ дворянскимъ выборамъ. Скажемъ опредѣлительнѣе наше мнѣніе о томъ, что̀ предлежало бы теперь совершить дворянству, и что̀—говоримъ для утѣшенія «либераловъ»—было бы полиберальнѣе всякихъ нелѣпыхъ либерально - западныхъ затѣй, вывело бы дворянство изъ его уединеннаго положенія и доставило бы ему славу высокаго историческаго подвига.

Въ вѣдомостяхъ напечатана рѣчь, произнесенная въ прошломъ Декабрѣ мѣсяцѣ начальникомъ Тульской губерніи, предъ открытіемъ дворянскихъ выборовъ. По распоряженію высшаго правительства, какъ сказано въ этой рѣчи, дворянство приглашается къ обсужденію пяти вопросовъ, «непосредствено касающихся интересовъ мѣстныхъ *землевладѣльцевъ*», и между прочимъ: «о соображеніяхъ дворянства и предположеніяхъ онаго по пересмотру дѣйствующаго нынѣ устава о службѣ по выборамъ», и «о губернскихъ земскихъ повинностяхъ, устройствѣ управленія ими и подлежащихъ къ производству изъ сего источника расходахъ»...

Мы просимъ позволенія у читателя увлечь его съ собою въ область мечтаній. Предположимъ, что намъ бы пришлось, по порученію дворянъ, писать отвѣтъ отъ имени Тульскаго или инаго, пожалуй хоть Московскаго дворянства. Вотъ какой проектъ отвѣта *мечтается* нашему воображенію,—въ редакціи, конечно, неокончательной.

«NN Дворянство, собравшись на дворянскіе выборы, въ первый разъ послѣ манифеста 19 Февраля 1861 года, положившаго конецъ, согласно съ желаніемъ самого дворянства, существеннѣйшей дворянской привилегіи, крѣпостному праву,—признало нужнымъ, прежде всего, выразить единодушное мнѣніе о настоятельной необходимости: скорѣйшаго разрѣшенія вопроса о вознагражденіи помѣщиковъ за понесенный ими значительный ущербъ въ доходахъ съ ихъ имѣній,— и окончательнаго полнаго уничтоженія всѣхъ остальныхъ слѣдовъ крѣпостнаго права, такъ долго разъединявшаго дворянское сословіе съ крестьянствомъ. Пока этотъ вопросъ не будетъ разрѣшенъ по возможности удовлетворительно, до тѣхъ поръ всѣ отправленія общественной жизни будутъ парализованы и никакія существенныя улучшенія въ администраціи невозможны. Но выражая такое желаніе, дворянство, впрочемъ, вполнѣ понимаетъ всю трудность его немедленнаго исполненія, и въ терпѣливомъ ожиданіи переходитъ къ изъясненію своихъ предположеній по вышеупомянутымъ двумъ пунктамъ:

«Первый вопросъ, представляющійся собравшимся дворянамъ,—это вопросъ о томъ, чѣмъ становится нынѣ дворянство съ уничтоженіемъ существеннѣйшей его привилегіи— крѣпостнаго права?

«Какъ ни безнравственно было это право, оно давало дворянству ту силу и крѣпость, которыя составляютъ принадлежность привилегированнаго сословія и рѣзко отличаютъ его отъ прочихъ сословій. Съ отмѣною крѣпостнаго права, дворянство, какъ сословіе, утратило и внутреннюю силу, и рѣзкое свое отличіе отъ другихъ сословій. Чѣмъ отличается теперь отъ нихъ дворянство? Привилегіями? Но съ уничтоженіемъ привилегіи владѣть людьми, какъ собственностью,— привилегіи, *оставшіяся* у дворянства, таковы, что оно само единодушно желаетъ распространенія ихъ на всѣ прочія сословія и признаетъ такое распространеніе вполнѣ необходимымъ, и, сверхъ того, не противнымъ и видамъ самого правительства. Слѣдовательно, можно надѣяться, что, черезъ нѣсколько лѣтъ, этого отличія дворянскаго сословія отъ прочихъ сословій существовать не будетъ: что̀ же остается за тѣмъ? Отличіе по *происхожденію*? Но Русское дворянство гордится только однимъ Русскимъ происхожденіемъ и всегда признавало и признаетъ, что тщеславиться *породою* безнравственно само по себѣ и несовмѣстно съ достоинствомъ человѣческимъ, что это начало несогласно съ духовными началами Русскаго народа и съ ходомъ самой исторіи. Табель о рангахъ, отомкнувшая двери Русскаго дворянства для лицъ *всѣхъ* сословій, безъ различія происхожденія, наполнила и ежедневно наполняетъ списки дворянъ болѣе чѣмъ на половину, сыновьями купцовъ, духовныхъ, мѣщанъ и даже крестьянъ. Если бы дворянство вздумало теперь основывать привилегированную замкнутость сословія на началѣ *породы*, то ему бы пришлось удалить изъ своего собранія множество доблестныхъ слугъ Русской земли, присутствіемъ которыхъ оно, напротивъ, гордится, и которыхъ совѣты принимаетъ съ уваженіемъ. Очевидно, что начало происхожденія не имѣетъ никакого существеннаго значенія въ учрежденіи дворянства. Такимъ образомъ съ распространеніемъ остающихся дворянскихъ привилегій на прочія сословія, дворянству остается одно «нарицаніе благороднаго» (какъ сказано въ законѣ), при всѣхъ неудобствахъ сословности, т. е. разъединенности съ прочими сословіями.

«Чтобы выдти изъ такого двусмысленнаго положенія, дворянству остается: или отмѣнить всѣ эти неудобства, или же создать дворянскому сословію новыя привилегіи, установить новыя правила для вступленія въ дворянство, организовать нѣчто въ родѣ Западной аристократіи. Но Русское дворянство слишкомъ просвѣщено, чтобъ идти наперекоръ исторіи и созидать то, что̀, несмотря ни на какія попытки, не могло выработаться въ теченіи тысячи лѣтъ историческаго существованія Русской земли; что̀ не совмѣстно ни съ началами народными, ни даже съ степенью развитія современнаго общечеловѣческаго просвѣщенія. Всякія новыя привилегіи дворянству могли бы быть даны только къ ущербу прочихъ сословій, только бы стѣснили и ограничили права чужія, и еще бы болѣе уединили, слѣдовательно бы и обезсилили новопривилегированное дворянское сословіе— раздоромъ и враждебностью отношеній съ сословіями низшими. Нравственное единство и цѣльность Русской земли, столь желанныя и столь необходимыя для ея преуспѣянія, были бы рѣшительно невозможны, еслибъ въ XIX вѣкѣ, въ началѣ втораго тысячелѣтія ея историческаго бытія, было создано новое привилегированное сословіе или аристократія на Западный ладъ.

Такимъ образомъ дворянство, убѣждаясь, что отмѣна крѣпостнаго права непреложно-логически приводитъ къ отмѣнѣ всѣхъ искусственныхъ раздѣленій сословій, что распространеніе дворянскихъ остающихся привилегій на прочія сословія вполнѣ необходимо, считаетъ долгомъ выразить Правительству свое единодушное и рѣшительное желаніе:

«Чтобы дворянству было позволено: торжественно, предъ лицомъ всей Россіи, совершить великій актъ уничтоженія себя, какъ сословія.

«Чтобы дворянскія привилегіи были видоизмѣнены и распространены на всѣ сословія въ Россіи.

За тѣмъ возникаетъ другой вопросъ: чѣмъ же будутъ, какую организацію должны получить теперешніе дворяне?

«Дворяне въ настоящее время могутъ быть раздѣлены на два разряда: на владѣющихъ землями и на безземельныхъ. Послѣдніе или состоятъ на государственной службѣ, или занимаются какимъ-нибудь ремесломъ и торговлею, и такимъ образомъ вступаютъ въ разрядъ людей, имѣющихъ съ ними однородное занятіе, или же причисляются къ городамъ и селамъ, гдѣ живутъ, въ качествѣ простыхъ обывателей.

«Первые, т. е. владѣющіе землями, входятъ въ общій разрядъ личныхъ землевладѣльцевъ, образующійся свободно и естественно изъ лицъ всѣхъ сословій, вполнѣ равноправныхъ, безъ различія происхожденія и безъ всякаго поземельнаго ценза. Ни подъ какимъ видомъ личные землевладѣльцы не должны составлять сословія привилегированнаго и не должны имѣть никакихъ преимуществъ предъ общинниками-землевладѣльцами. Въ дѣлахъ, касающихся интересовъ — общихъ и личнымъ землевладѣльцамъ и крестьянскимъ общинамъ, они вмѣстѣ составляютъ общія собранія въ каждой округѣ, посредствомъ выборныхъ; въ дѣлахъ, касающихся только крестьянскихъ общинъ, они пользуются полнымъ самоуправленіемъ, равно какъ и личные землевладѣльцы въ каждой округѣ, по дѣламъ, непосредственно къ нимъ относящимся.

«Сообразно съ этими основаніями долженъ быть передѣланъ и уставъ о земскихъ повинностяхъ.

«Таковы общія начала, которыя, собравшись въ послѣдній разъ, старымъ порядкомъ, въ обычное урочное дворянское собраніе,—дворянство.... губерніи полагаетъ въ основаніе всѣмъ будущимъ измѣненіямъ о своемъ существованіи.

«Для точнѣйшаго же опредѣленія какъ самихъ началъ, такъ и подробностей ихъ примѣненія къ практикѣ, равно и для изготовленія, согласно требованію Правительства, обстоятельныхъ предположеній и проектовъ, дворянство признаетъ необходимымъ:

1) «Учредить изъ среды своей Комитетъ, назначивъ въ оный не менѣе двухъ членовъ отъ каждаго уѣзда, которому и поручить изготовить требуемые проекты и предположенія, согласно принятымъ дворянствомъ общимъ началамъ.

2) «Пригласить литературу къ обсужденію вопросовъ, предложенныхъ дворянству, и протоколовъ засѣданій Комитета,— какъ необходимое пособіе общественнаго мнѣнія въ общественномъ дѣлѣ. Это условіе представляется неизбѣжнымъ, чтобы не допустить никакой односторонности въ разрѣшеніи столь важной и трудной задачи».

Намъ кажется, что такого рода отвѣтъ былъ бы вполнѣ достоинъ просвѣщеннаго дворянскаго сословія. Такое дѣйствіе, являясь, по нашему мнѣнію, необходимою историческою ступенью общественнаго развитія, фундаментомъ для будущаго общественнаго зданія,—стяжало бы Русскому дворянству почетное мѣсто въ Исторіи, право на народную благодарность и славу великаго нравственнаго историческаго подвига. Всякія же прочія рѣшенія были бы, кажется намъ, несогласны съ волей и началами Русскаго народа, и еще болѣе, къ явному вреду дворянства, разъединили бы его съ прочими сословіями.

Мы полагаемъ, что дворяне не посѣтуютъ на насъ за такой искренній и прямой совѣтъ человѣка, принадлежащаго, по происхожденію, къ ихъ же средѣ и сословію...

Отвѣтъ А. И. Кошелеву на его статью о цензѣ.

«Денъ», 16 февраля 1862 г.

При всей моей готовности сознаться въ неправильности моего воззрѣнія и принять вашъ взглядъ на цензъ, я не въ состояніи исполнить этого желанія уже потому. что не могу уловить вашего взгляда,—не могу понять его. Чтò же такое цензъ по вашему?—На это статья ваша не даетъ отвѣта,—и, позвольте мнѣ прибавить,—не *можетъ* дать, потому именно, что вы, какъ мнѣ кажется, стоите на ошибочной точкѣ зрѣнія и усиливаетесь разрѣшить задачу неразрѣшимую. Постараюсь выразить свою мысль яснѣе.

Такъ какъ я не нахожу у васъ положительнаго опредѣленія ценза, то посмотримъ, нельзя ли вывести его изъ разныхъ мѣстъ вашей статьи. Вы говорите: «если устанавливать цензъ *ради пользы одного сословія и въ ущербъ другимъ*, то цензъ безнравственъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вреденъ для тѣхъ, въ пользу которыхъ установленъ». Если вы подъ сословіемъ разумѣете сословія по происхожденію, то тутъ не зачѣмъ и устанавливать ценза. Напримѣръ, дворяне въ отношеніи къ крестьянамъ не нуждаются въ цензѣ. Если же предположить, что такихъ сословныхъ, юридическихъ и бытовыхъ дѣленій не существуетъ, то вашъ цензъ *именно и создаетъ сословіе привилегированное*, *въ ущербъ другимъ*. Напримѣръ—въ классѣ землевладѣльцевъ установите цензъ въ 500 или 1000 десятинъ, т. е. положите правиломъ, чтобы только имѣющіе 500 и 1000 десятинъ землевладѣльцы пользовались извѣстными политическими правами,—и вы образуете съ одной стороны *сословіе* землевладѣльцевъ, подходящихъ подъ условіе ценза и надѣленныхъ правами, а съ другой—*сословіе* не подходящихъ подъ условія ценза, слѣдовательно состоящихъ *въ ущербѣ*. Цензъ непремѣнно исключаетъ однихъ и возвышаетъ значеніе другихъ, слѣдовательно устанавливается, говоря вашими словами, «ради пользы одного сословія и въ ущербъ другимъ». Но вы такого ценза не хотите. Поищемъ другаго ценза.

Далѣе вы говорите, что цензъ долженъ быть установленъ «ради *общей пользы*, на томъ основаніи, что завѣдываніе общими дѣлами должно быть поручено лучшимъ людямъ, и что пріобрѣтеніе собственности или даже обладаніе ею есть до нѣкоторой степени признакъ человѣка, умѣющаго вести свои дѣла и слѣдовательно способнаго обсуживать и общія дѣла». Я совершенно съ вами согласенъ, что завѣдываніе общими дѣлами должно быть поручено *лучшимъ людямъ*;—стало быть, по вашему мнѣнію, цензъ есть мѣрило доброкачественности или способности человѣка: слѣдовательно—свойствъ чисто *нравственныхъ*. Какимъ же образомъ, въ этой области, нравственной, является у васъ мѣрило чисто-на-чисто *матеріальное*: владѣніе 500 или 1000 десятинами? Хотя вы и говорите, что пріобрѣтеніе собственности или владѣніе ею есть признакъ умѣнья вести свои дѣла и дѣла общественныя, но это признакъ совершенно шаткій и невѣрный, особенно по отношенію къ собственности, пріобрѣтаемой по наслѣдству. Я рѣшительно не понимаю, почему недоучившійся, но наслѣдовавшій огромное состояніе, повѣса-уланъ правоспособнѣе обсуждать наприм. законъ о цензурѣ или о свободѣ слова, или объ уголовномъ судопроизводствѣ, чѣмъ человѣкъ умный, образованный и много мыслившій, владѣющій 400 десятинами? Это опредѣленіе способностей, на основаніи вещественнаго и количественнаго мѣрила, называемаго цензомъ, т. е. размѣра собственности и дохода,—совершенно произвольно, невѣрно и имѣетъ въ виду *пользу немногихъ* богатыхъ, *въ ущербъ* другимъ, менѣе богатымъ.

Но вы сами спѣшите оговориться и прибавляете, что конечно «цензъ не есть безошибочный признакъ способности», и что «люди заслуженные, ученые и снискавшіе себѣ уваженіе и довѣріе, должны быть допускаемы, по приговорамъ общества, въ число его членовъ». Этимъ самымъ вы уничтожаете цензъ, дѣлаете его излишнимъ. Къ чему же цензъ? Люди заслуженные, снискавшіе уваженіе и довѣріе, поступаютъ въ общество вопреки цензу, а люди *не* заслуженные, *не* пользующіеся *ни* уваженіемъ, *ни* довѣріемъ, дѣлаются членами общества благодаря цензу?! Выходитъ, что цензъ только для этого сорта людей, *ради ихъ пользы*, и учреждается? Гдѣ же тутъ *общая* польза?

Но вотъ, кажется, мы подходимъ теперь къ болѣе точному объясненію ценза. Вотъ ваши слова: «посредствомъ ценза только опредѣляются размѣры и виды общаго народнаго представительства, разграничиваются состоянія и избѣгается то, чтобы огромное большинство неимущихъ не давило, не сокрушало меньшинства имущихъ».

Развѣ народное представительство не можетъ быть опредѣлено иначе, какъ посредствомъ ценза? Если вы скажете, что только получающій извѣстный доходъ можетъ быть избираемымъ, то такое основаніе дѣйствительно находимъ мы на Западѣ,—но это еще не говоритъ ничего въ пользу самого принципа. Если бы совѣщаніе, для котораго требуются депутаты, имѣло задачей только вопросъ по землевладѣнію, то понятно, что такіе депутаты должны быть назначены отъ землевладѣльцевъ, все равно, какъ въ дѣлѣ столярномъ могутъ принимать разумное участіе одни столяры; если бы дѣло шло о крупной собственности, право голоса и сужденія безспорно принадлежало бы непосредственно заинтересованнымъ, крупнымъ собственникамъ. Но когда вы говорите о народномъ представительствѣ вообще, для совѣщанія по вопросамъ общимъ, по дѣламъ земскимъ, то нѣтъ никакого основанія отдавать предпочтеніе имущимъ болѣе предъ имущими менѣе. Мало того: интересъ, эгоизмъ, въ этомъ случаѣ, нерѣдко заставляютъ имущихъ: приносить неимущихъ въ жертву своимъ корыстнымъ видамъ. Возьмите, напримѣръ, Русское дворянство въ Западномъ краѣ въ началѣ XVII вѣка, измѣнившее вѣрѣ и народности и предавшее народъ и страну

Польшѣ, ради спасенія своихъ маетностей. Возьмите дворянство въ Босніи, въ Чехіи, въ самой Россіи, вездѣ постоянно отрекавшееся отъ своихъ народныхъ началъ, ради матеріальныхъ выгодъ, тщеславія и честолюбія. На Азовскомъ Земскомъ соборѣ, при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ, *собственники*, землевладѣльцы, требовали немедленной войны съ Турками, а несобственники, тѣ, которыхъ вашъ цензъ, вѣроятно, оставилъ бы за штатомъ, объявили, что эта война для нихъ разорительна, что Московская волокита и лихоимство государевыхъ бояръ и дьяковъ для нихъ хуже всякихъ Турокъ,—и война была отложена Дѣйствительно, неимущіе потерпѣли бы отъ этой войны больше, чѣмъ имущіе, и очень справедливо указывали на то зло, съ которымъ, прежде всего, слѣдовало правительству бороться. Если бы былъ цензъ, не было бы, вѣроятно, дано и этого полезнаго совѣта....

Вы, можетъ-быть, укажете мнѣ на слѣдующія ваши слова: «цензъ вовсе не лишаетъ неимущихъ права голоса: они, или малоимущіе, могутъ составлять особое состояніе и имѣть особыхъ представителей и сословныхъ распорядителей.»... Признаюсь вамъ, эти слова для меня нисколько не разъясняютъ дѣла. Если у васъ и имущіе и неимущіе имѣютъ одинаковое право голоса, и цензъ не даетъ никакихъ политическихъ преимуществъ однимъ передъ другими, такъ что̀ же онъ такое? на что̀ же онъ?

Можетъ-быть, вы хотите разсортировать людей на категоріи, на основаніи ценза? вы хотите, чтобы голосъ богатыхъ слышался отдѣльно, голосъ менѣе богатыхъ также отдѣльно, и т. д. Собственники или землевладѣльцы могли бы тогда дѣлиться такъ: землевладѣльцы первой статьи, второй, третьей. Такое распредѣленіе можетъ быть легко допущено, и если такова ваша мысль, то я готовъ въ этомъ отношеніи уступить вамъ, *если только* это распредѣленіе *не будетъ нисколько клониться къ ущербу неимущихъ или малоимущихъ*, т. е. не сообщитъ большимъ статьямъ ни преимуществъ, ни механическаго перевѣса (въ счетѣ голосовъ), а только дастъ возможность яснѣе разслышать голоса представителей каждой стороны или отрасли общественнаго быта. Понятно, что имѣющій 100 т. дохода можетъ смотрѣть на вещи иначе, чѣмъ получающій 100 р., и какъ несправедливо было бы, отвернувшись отъ послѣдняго, выслушать только владѣльца стотысячнаго дохода, точно такъ же было бы несправедливо выслушать только бѣдняка и лишить богатаго возможности высказать свое мнѣніе. Вообще мы думаемъ, что народное представительство должно быть основано на самыхъ широкихъ началахъ: дѣло идетъ не объ игрѣ въ голоса, не о механическомъ равновѣсіи мнѣній, а о томъ, чтобъ, по возможности, высказана была мысль каждой стороны, которая находится въ особенныхъ условіяхъ быта и могла выработать себѣ особую точку зрѣнія. Напр. можно бы допустить представительство отъ крестьянъ хлѣбопашцевъ отдѣльно отъ крестьянъ промышленниковъ, и т. д., словомъ раздѣлить и крестьянство также на разряды. Мы, разумѣется, только предполагаемъ возможность, а не предъявляемъ это, какъ требованіе. Но не въ этомъ дѣло, а въ томъ: развѣ это цензъ? развѣ это тотъ цензъ *избирательный*, cens électoral, сообщающій политическія права и преимущества, цензъ, который мы отвергли для Россіи въ статьѣ 14 № «Дня», и въ защиту котораго вы написали возраженіе?

Конечно, не тотъ, и позвольте мнѣ сказать вамъ: объявивъ себя *защитникомъ* ценза, вы сами въ сущности его *отвергаете*, говоря, что онъ не долженъ быть установленъ въ пользу одного сословія и къ ущербу другимъ. Въ такомъ случаѣ намъ съ вами не трудно было бы придти и къ соглашенію. Но къ сожалѣнію, дальнѣйшія ваши объясненія, мнѣ кажется, основаны опять на ошибочномъ, по моему мнѣнію, взглядѣ. Отчего же это происходитъ? Я думаю, отъ того, что вы задались задачею неразрѣшимою: сочинить цензъ на Русской почвѣ, оставаясь вѣрнымъ Русскимъ народнымъ и историческимъ началамъ.

Вы нигдѣ не высказываете въ вашей статьѣ—даетъ ли вашъ цензъ какія-либо политическія права и преимущества? Я въ правѣ полагать, что вы на этотъ вопросъ, прямо поставленный, будете отвѣчать *отрицательно*. Между тѣмъ изъ вашей статьи нельзя вывести иного заключенія, какъ такого, что вы *процензурованному* сословію хотите дать нѣкоторыя прерогативы. Иначе не о чемъ и хлопотать, не зачѣмъ его и *цензуровать!* Если же вы «цензурованнымъ» хотите дать преимущества, то, стало-быть, вы установляете *цензъ* *ради пользы одного сословія въ ущербъ другимъ*, а вѣдь вы это выше сами отвергаете!

Вы говорите: «подлѣ общинъ есть цѣлое состояніе—личные землевладѣльцы, которое надобно устроить, и для него необходимъ цензъ». «Если всякой, владѣющій какимъ бы то ни было участкомъ земли (хоть пятью десятинами—прибавляете вы, для примѣра, ниже) есть членъ этого состоянія (землевладѣльцевъ), то тѣмъ самымъ оно уничтожается, ибо обрекается на неисполненіе цѣли своего существованія». Почему?—я этого не понимаю. Владѣлецъ участка земли, хоть въ 5 десятинъ, есть—ipso facto—землевладѣлецъ, слѣдовательно членъ землевладѣльческаго сословія. Его 5 десятинъ могутъ приносить болѣе дохода, чѣмъ другому 100 десятинъ, лежащихъ впустѣ; его 5 десятинъ могутъ быть ему дороже и необходимѣе, чѣмъ вамъ 5.000 десятинъ. Да наконецъ, чтѐ же вы сдѣлаете съ этими заштатными мелкими землевладѣльцами? Повторяю: я допускаю, что внутри землевладѣльческаго сословія, когда дѣло идетъ только объ интересахъ крупной собственности, толкуютъ объ этомъ одни крупные собственники, отдѣляясь отъ прочихъ, и т. д.—но вѣдь это частные случаи, а мы говоримъ объ общей организаціи сословія.

Далѣе. Вы утверждаете, что у насъ долженъ быть классъ, имѣющій назначеніемъ вести *впередъ*, и эту обязанность относите вы къ землевладѣльческому сословію, «сильному образованіемъ» и съ достаточнымъ состояніемъ, для чего оно должно быть ограждено отъ вторженій въ него мелкихъ землевладѣльцевъ.—Но вѣдь это, другими словами: поземельная аристократія, входъ въ которую ограждается цензомъ? Вопервыхъ—я не допускаю въ теоріи никакого штемпелеваннаго передоваго сословія, кромѣ того, которое само собою образуется изъ всѣхъ общественныхъ силъ (умъ, талантъ, знаніе, капиталъ и пр.), образуется, не формулируясь, не замыкаясь, не ограждаясь, не кристаллизируясь, не отверждаясь, не надѣвая мундира *передоваго* сословія, но дѣйствуя на остальныхъ членовъ общества—свободнымъ, естественнымъ вліяніемъ и подчиняясь только бытовымъ, а не юридическимъ условіямъ. Спрашивается—куда впередъ повело бы *передовое* сословіе народныя массы,—положимъ, въ нѣкоторыхъ Западныхъ губерніяхъ, да хоть и у насъ, при нашемъ разрывѣ съ народомъ? — Вовторыхъ, я не вижу—что̀ и въ чемъ мѣшаютъ мелкіе землевладѣльцы. или истые пролетаріи, какъ вы ихъ называете? Если они лишены образованія, такъ образованные пусть и будутъ между ними передовыми Это сдѣлается само собой, безъ принужденія и безъ *ценза*. Цензъ можетъ только отодвинуть образованныхъ, но малоимущихъ на заднiй планъ... Вы боитесь, что общины, вмѣсто Сибири, станутъ извергать изъ себя въ землевладѣльческое сословіе всю свою «дрянь, покупая по одной или по двѣ десятины для своихъ безнадежныхъ.» Если они точно заслуживаютъ Сибири, такъ и не минуютъ ея; всякое ихъ преступленіе, лишая ихъ гражданскихъ правъ, избавитъ васъ отъ такихъ непрошенныхъ гостей,—а потому и бояться ихъ нечего. «Вмѣсто того, чтобъ быть прогрессивнымъ, передовымъ сословіемъ», говорите вы,— «мы сдѣлаемся устроителями домовъ призрѣнія, трудолюбія, больницъ и проч.!» Помогай Богъ! это именно дѣло передоваго зажиточнаго сословія заботиться объ общественномъ благосостояніи, призрѣвать безпризорныхъ, давать способы лѣчиться больнымъ и работать—бѣднымъ. Прибавьте къ этому еще школы, гимназіи и училища для необразованныхъ землевладѣльцевъ...

Вы опасаетесь, что мелкіе собственники образуютъ въ землевладѣльческомъ сословіи большинство, и *настоящимъ* (?) землевладѣльцамъ придется отказаться отъ посѣщенія такихъ собраній... Хорошо; но вѣдь вы не лишаете же ихъ политическихъ правъ, если даже они и не войдутъ въ ваше, огражденное цензомъ, сословіе? Въ такомъ случаѣ это большинство, лишенное умныхъ руководителей, можетъ явиться гораздо опаснѣйшимъ для васъ, разрозненное съ вами «цензурной» перегородкой! Не лучше ли вамъ подкрѣпить себя, усилить себя этимъ большинствомъ, и тутъ-то и показать свою способность «вести впередъ?»

Передовые люди, передовое сословіе! Тутъ какъ разъ грозитъ опасность оказаться на дѣлѣ не передовыми, а форейторами, о которыхъ говорится въ 16 № «Дня», форейторами, ускакавшими впередъ, порвавшими постромки, и—безъ указаній кучера—сбившимися съ дороги! Если вы сами возстаете противъ изолированнаго отношенія дворянства къ прочимъ сословіямъ, то, признаюсь вамъ, я не понимаю, какъ вы можете желать ценза, который долженъ воздвигнуть новыя преграды между вами и небогатыми, мелкими землевладѣльцами, и такимъ образомъ создать особенный видъ аристократіи? Повторяю: если это передовое сословіе должно пользоваться преимущественными правами, то это будетъ противорѣчить всему ходу нашей исторіи, выводамъ, добытымъ нашею эпохою, всѣмъ основнымъ, кореннымъ народнымъ Славянскимъ началамъ, и кажется, вашимъ собственнымъ убѣжденіямъ. Если же вы не даете крупнымъ землевладѣльцамъ никакой прерогативы, такъ цензъ становится совершенно излишнимъ. Сортировать же себя на категоріи: крупныхъ собственниковъ, мелкихъ собственниковъ, кончившихъ, не кончившихъ курсъ въ университетѣ, владѣльцевъ населенныхъ и ненаселенныхъ имѣній, служащихъ и неслужащихъ, и проч. и проч., на основаніи разныхъ статистическихъ данныхъ, — это можетъ быть землевладѣльцамъ вполнѣ предоставлено, если есть охота или надобность,—но согласитесь, что тутъ нѣтъ ровно никакого ценза, никакого cens électoral, противъ котораго направлена статья 14 №.

Что касается до ценза въ древней Руси, то во 1-хъ, я не вижу, и вы этого не говорите, чтобы *лучшіе* люди пользовались какими-либо гражданскими или политическими преимуществами передъ *средними*; во 2-хъ—это было дѣленіе, сдѣланное для сбора податей, для того чтобы знать, сколько людей зажиточныхъ, средняго достатка и недостаточныхъ; это былъ своего рода кадастръ личнымъ доходамъ каждаго, служившій основаніемъ Русскому income-tax. Такъ мнѣ кажется; я впрочемъ не беру на себя рѣшать эту задачу окончательно, безъ тщательныхъ изслѣдованій.

Многое можно было бы сказать и еще о цензѣ, о его безнравственности, о его значеніи, какъ объ одной изъ условныхъ формъ общественнаго устройства на Западѣ; но отвѣтъ мой вышелъ и безъ того длиненъ. Къ тому же я имѣлъ цѣлью разсмотрѣть собственно ваше возраженіе, съ искреннею готовностью сознаться въ своей ошибкѣ. Однакоже, кромѣ ошибки о *безконечно* превышающемъ количествѣ десятинъ у крестьянъ, сравнительно съ помѣщиками,—ошибки, за указаніе которой я вамъ очень благодаренъ,—я, при всемъ желанiи, не убѣждаюсь еще вашими доводами и продолжаю держаться высказаннаго мною мнѣнiя. Ваша же статья не разъяснила моего недоумѣнiя: даетъ ли цензъ какiя-либо политическiя права и преимущества, и если даетъ, то не установляется ли онъ въ такомъ случаѣ — «въ пользу одного и въ ущербъ другихъ сословiй», — что̀ вы сами такъ положительно и энергически осудили въ началѣ вашего мнѣ отвѣта.

О томъ же.

«День», 23-го февраля 1862 г.

Мы очень рады, что полемика наша съ А. И. Кошелевымъ прекратилась такъ скоро и привела къ рѣшенiю, кажется, довольно удовлетворительному для обѣихъ сторонъ. Иначе и быть не могло при взаимной готовности къ сознанiю ошибокъ и при искреннемъ желанiи истины. Намъ остается добавить только немного словъ въ заключенiе, а именно: вопервыхъ, окончательно вопросъ этотъ можетъ быть разрѣшенъ *только на дѣлѣ*, въ примѣненiи къ живому факту, къ явленiямъ жизни, которая можетъ представить возраженiя совершенно новыя и не предвидѣнныя a priori; поэтому и опредѣленiе подробностей мы считаемъ теперь *преждевременнымъ;* вовторыхъ, въ *основанiи* статей о цензѣ Западныхъ, а отчасти и нашихъ публицистовъ большею частiю лежитъ забота о механическомъ уравновѣшенiи голосовъ, оцѣниваемыхъ *количественно*, а не *качественно*, о правильномъ расположенiи «пружинъ гражданственности новой», натиска и отпора, воздѣйствiя и противодѣйствiя — разныхъ сословiй или состоянiй. Такъ было на Западѣ. Можетъ-быть, такъ *будетъ* и въ Россiи, но въ до-Петровской Руси было еще не такъ, — что̀ мы и видимъ на нашихъ Земскихъ Соборахъ. Въ какой степени это хорошо или дурно, это другой вопросъ, — но позволительно думать, что эти два начала, начало нравственное и начало формальное, начало оцѣнки качественной и оцѣнки количественной, начало совѣщательное и начало принудительное — подадутъ въ Русской жизни поводъ къ разнымъ столкновенiямъ, и первое не вдругъ и не такъ легко уступитъ второму, или по крайней мѣрѣ изъ этого столкновенія образуется какое-нибудь новое явленіе, примиряющее оба требованія.—Что же касается до suffrage universel, то объ немъ стоило бы поговорить особо, какъ о новомъ видѣ примѣненія того же начала формальной количественности къ мнѣнію народному,—что̀ мы когда-нибудь и сдѣлаемъ.

Историческія судьбы Земства на Руси.

«День», 17-го апрѣля 1862 г. *)

Мы сказали въ послѣдній разъ, что независимо отъ сферы государственной, отъ бытовой жизни народной, отъ дѣятельности народнаго самосознанія въ *обществѣ*, есть цѣлая область внѣшней гражданской жизни и дѣятельности народа, область, противополагаемая правительственной средѣ и чуждая государственнаго элемента, которую мы назвали *земствомъ*, *земщиною*, *землею*, *земскою жизнью*.

Читатели знаютъ наше мнѣніе, что въ Россіи не было *общества* до Петра, въ томъ смыслѣ, какой мы даемъ этому слову,—за то *Земля*, особенно въ первые вѣка Русской исторіи, жила полною своею *земскою* жизнію, и *земское* начало являлось дѣятельною, основною стихіею нашего народнаго гражданскаго существованія. Участіе Земли въ дѣлахъ государственныхъ, во сколько эти дѣла касались прямыхъ интересовъ народныхъ, участіе—не враждебное власти и не ограничивавшее формально власти, обусловленное живымъ обычаемъ и тѣснымъ духовнымъ союзомъ Земли и государства,—это участіе, продолжавшееся, почти непрерывно, до самаго Петра,—не только прекращается, но почти забывается и становится почти невозможнымъ послѣ революціи, произведенной Петромъ во внѣшней и внутренней жизни Россіи. Невольно возникаетъ вопросъ—какимъ же образомъ могла такъ легко и скоро прекратиться дѣятельность той стихіи, которая является движущею силою всей исторіи до-Петровской Руси; куда же исчезла сила, способность, привычка той земской жизни, которая почти восемь вѣковъ сряду выражала себя на вѣчахъ и земскихъ соборахъ?

---

*) См. ст. 21, 22, 23 и 24 №№.

Если мы сличимъ нашу исторію съ исторіей Западныхъ государствъ, то ходъ нашего историческаго развитія представится намъ въ совершенно обратномъ направленіи. Вездѣ народы идутъ отъ стѣсненія, рабства и неволи къ свободѣ; вездѣ исторія являетъ поступательное движеніе отъ умственной и духовной косности къ дѣятельности мысли и духа, отъ звѣрской жестокости законовъ къ законамъ кроткимъ и человѣколюбивымъ. Путь нашего развитія иной. Отъ денежныхъ пеней и отсутствія тѣлесныхъ наказаній въ Русской Правдѣ мы приходимъ къ страшнымъ уголовнымъ казнямъ Соборнаго Уложенія при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ; отъ свободы крестьянъ къ крѣпостному праву; отъ вольнаго и шумнаго голоса народа на вѣчахъ, отъ степеннаго голоса Земли на земскихъ соборахъ, къ мрачной тишинѣ и безгласности Русскаго народа въ XVIII и въ первой половинѣ XIX вѣка; отъ земской жизни, отъ земскаго участія въ дѣлахъ государственныхъ — къ мертвому бездѣйствію.

Какая же причина такого страннаго обратнаго прогресса?

Та, между прочимъ, что между государствомъ и Землею не было той среды, которую мы называемъ *обществомъ*, и которая — независимою духовною дѣятельностью народнаго самосознанія — могла бы придать силу земской стихіи и сдержать напоръ государственнаго начала: въ теченіе восьми вѣковъ не создалось у насъ ни училищъ, ни литературы, и грѣхъ нашего всенароднаго невѣжества, нашего нравственнаго и умственнаго бездѣйствія далъ временную побѣду стихіи дѣятельной, но чуждой нашей народности... Мы знаемъ, что такой отвѣтъ еще не объясняетъ дѣла и вызываетъ новый вопросъ: почему же не возникло самобытной духовной дѣятельности въ народѣ, почему же раньше не совершилось того движенія въ бытіи народномъ, того перехода отъ безличности непосредственнаго народнаго бытія къ сознательной, личной дѣятельности единицъ, народъ составляющихъ, — почему не образовалось общества въ до-Петровской Руси?

Мы, конечно, не имѣемъ притязанія излагать здѣсь исторію земства въ Россіи, предоставляя разработать эту богатую тему нашимъ молодымъ будущимъ дѣятелямъ на поприщѣ исторической науки (хотя вполнѣ признаемъ, что только эта исторія, въ совокупности съ исторіей государственной жизни Россіи, можетъ дать вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ на вопросъ, нами поставленный). Тѣмъ не менѣе мы укажемъ на главныя черты нашего историческаго не внѣшняго развитія, заявляя притомъ, что высказанное нами замѣчаніе объ обратномъ поступательномъ движеніи въ нашей исторіи нисколько насъ не смущаетъ. Россія носитъ въ себѣ, можетъ-быть не вполнѣ ясное для мысли, но несомнѣнное для внутренняго чувства убѣжденіе, что она еще далеко не свершила своего историческаго поприща. Не только окончательный выводъ еще не подведенъ исторіей, но, проживъ тысячу лѣтъ, мы не слышимъ въ себѣ ни старости, ни дряхлости, ни утомленія, а напротивъ—почти непочатой запасъ свѣжей жизни; мы слышимъ въ себѣ силу великую, силу для совершенія нашего историческаго подвига, нашего призванія въ человѣчествѣ. Можетъ-быть—мы окажемся недостойными ниспосланнаго намъ дара, употребимъ во зло нашу силу и зароемъ въ землю наши таланты, можетъ-быть—мы будемъ казнены за излишество нашего долготерпѣнія, смежнаго съ равнодушіемъ къ истинѣ и къ общественному благу, — все это можетъ быть и не быть: это зависитъ отъ насъ самихъ,—но по крайней мѣрѣ мы призваны къ великому подвигу и намъ даны силы для подвига. Какой же это подвигъ?

Мы сказали однажды, что чѣмъ выше нравственный идеалъ народа, чѣмъ шире и свободнѣе отъ односторонности, отъ узкой опредѣленности народныя начала, тѣмъ труднѣе вполнѣ соотвѣтственное ихъ выраженіе на землѣ, тѣмъ необходимѣе, хотя и труднѣе, полнота сознанія для правильнаго и стройнаго ихъ проявленія въ жизни. Въ такомъ именно положеніи находится Россія и всѣ племена Славянскія. Призванные именно къ подвигу самосознанія, Славяне, преимущественно предъ всѣми народами, казнятся за всякое уклоненіе отъ своего духовнаго призванія и осуждены обрѣтать спасеніе *только* и единственно въ дѣятельности самосознанія. *Внѣ* этой дѣятельности, *внѣ* нравственной опоры сознательнаго духа, нѣтъ для нихъ спасенія и исхода, и потому-то мы видимъ, что никакая внѣшняя, государственная крѣпость *сама по себѣ* не въ силахъ была спасти, не спасаетъ (и не спасетъ) Славянскіе народы отъ внѣшняго паденія и отъ утраты своей народности. Ни одно Славянское племя не было освобождено отъ этого испытанія, т. е. отъ опасности утратить свою народность, — но испытаніе, выпавшее на долю Россіи, тяжелѣе всѣхъ, потому что опасность для нея явилась не извнѣ, а извнутри, не въ видѣ чужеземнаго ига, а въ видѣ соблазна, не во внѣшнихъ, а во внутреннихъ врагахъ...

Мы, по видимому, увлеклись въ сторону, но въ сущности мы нисколько не уклонились отъ нашей задачи. Мы поставили только ту точку зрѣнія, съ которой смотримъ сами на событія нашей древней исторіи и съ которой единственно становится возможнымъ, полное надеждъ, примиреніе съ постепеннымъ, замѣчаемымъ въ ней, упадкомъ народной жизни...

Познакомимся же съ главными чертами этой картины, но предварительно изложимъ, въ немногихъ словахъ, общій взглядъ на значеніе государственнаго и земскаго начала К. С. Аксакова, которому собственно и обязана наша историческая наука плодотворною мыслью о Землѣ и Государствѣ, какъ о двухъ основныхъ началахъ и двигателяхъ Русской Исторіи.

«Въ самыхъ первыхъ временахъ, говоритъ онъ, въ Славянскихъ народахъ мы встрѣчаемъ жизнь общинную съ ея необходимымъ проявленіемъ — *совѣщаніемъ*, носившимъ въ древности названіе *вѣча*. Живя подъ условіями этого быта, подъ условіями правды внутренней, Славяне являются племенемъ не государственнымъ, не ищущимъ внѣшняго принудительнаго устройства, основаннаго на началѣ внѣшней формальной правды. Отсюда отсутствіе формъ и регламента въ ихъ общественномъ бытѣ, отсюда единогласіе, какъ необходимое средство общинныхъ рѣшеній. Но удержать этотъ высокій строй было трудно, и Славяне вынуждены были постановить у себя государство. Признавая государство, какъ необходимость, смотря на него, какъ на средство, а не какъ на конечную цѣль или идеалъ своего внутренняго развитія,— Сѣверные Славяне (въ Россіи) не обратили сами себя въ государство, не изъ себя создали его устройство, не исказили своей общинной жизни, не измѣнили началу своей внутренней свободы, — а призвали государство изъ-за моря, какъ явленіе чуждое, для внѣшняго наряда земли, для военнаго и суднаго дѣла, для огражденія свободы общинной или земской жизни. Всѣ Европейскія государства основаны завоеваніемъ; власть явилась тамъ непріязненною, и во взаимныхъ отношеніяхъ народа и власти, съ самаго начала, легла вражда, не покидающая ихъ во все теченіе исторіи Русское государство, напротивъ, основывается не завоеваніемъ, а *добровольнымъ призваніемъ* власти. Поэтому не вражда, а миръ и согласіе — его начало. Власть явилась у насъ званною, не враждебною, и утвердилась съ согласія народа, на началѣ взаимной довѣренности, которой народъ *съ своей стороны* никогда не измѣнялъ. Это различіе въ основаніи государства въ Россіи и Европѣ—опредѣляетъ исторію и той и другой.

«Первоначально, покуда Россія представляла множество княжествъ, соединенныхъ между собою общею земскою связью и сознаніемъ единства Русской Земли, народъ вездѣ сохранялъ свое вѣче. Но общинамъ грозила другая опасность: обратиться изъ отдѣльной общины въ отдѣльное государство, чтò нарушало связь между общинами и единство Русской Земли. Когда же Москва переломала государственныя перегородки, мѣшавшія цѣльной жизни народа,—образуется единое Русское государство и единая Русская община или Земля. Въ Россіи являются два дѣла: дѣло земское и дѣло государево, два главныхъ разряда людей: люди государевы, люди служилые, и люди земскіе. Государство обращается къ Землѣ за совѣтомъ, и первый Русскій Царь созываетъ первый Земскій Соборъ. Рядъ соборовъ продолжается до самаго Петра. Совѣщательный, земскій элементъ проявляется постоянно и всюду, но не переступаетъ свои предѣлы. Въ Земскомъ Соборѣ не было никогда ничего принудительнаго и насильственнаго; онъ былъ только голосомъ, думой, мнѣніемъ Земли и собирался лишь по призыву государственной власти, которая никогда не видѣла въ немъ никакой для себя опасности, никакого ущерба для своего достоинства»...

Къ этимъ словамъ К. С. Аксакова, извлеченнымъ нами изъ многихъ его историческихъ сочиненій, мы считаемъ не лишнимъ прибавить съ своей стороны слѣдующія замѣчанія.

Исторія земства въ Россіи до Петра представляетъ двѣ рѣзко отличающіяся одна отъ другой эпохи: жизнь областную и *вѣчевую* до единодержавія Москвы,—и жизнь Земли и ея участіе въ дѣлахъ государственныхъ по уничтоженіи удѣловъ. Собственно въ эту эпоху и являются въ исторіи, противополагаясь другъ другу, какъ самыя начала, такъ и самыя выраженія: Земля и Государство, земское и государево дѣло. Вольно и шумно раздавался голосъ народа на безчисленныхъ вѣчахъ Русской Земли въ первые вѣка ея историческаго существованія: вездѣ кипѣла мѣстная самостоятельная жизнь, безконечное дробленіе удѣловъ, создавая безконечное множество мѣстныхъ центровъ, разносило дѣятельность по всѣмъ угламъ и захолустьямъ тогдашней Руси. Участіе общины въ дѣлахъ мѣстнаго правительства обезпечивалось обычаемъ, внѣшнею близостью общиннаго населенія къ правительственному центру и немногосложностью гражданскихъ отношеній. Князь и его дружина были постоянно на виду у всего народа, и вѣче было неизбѣжнымъ условіемъ ихъ общей совмѣстной жизни. Но такое состояніе естественно должно было прекратиться. Если бы Русь раздробилась на безчисленное множество микроскопическихъ государствъ, то или общины заразились бы государственнымъ элементомъ, всѣ до послѣдняго человѣка, въ противность природѣ Славянской,—или же были бы подавлены и отягощены присутствіемъ несоразмѣрной съ ихъ объемомъ и населеніемъ государственнной власти въ лицѣ удѣльнаго князя. Въ самомъ дѣлѣ, если представить себѣ теперь въ маленькой деревнѣ, на мѣстѣ выбраннаго изъ деревенскихъ же жителей старосты, какого-нибудь владѣтельнаго князя, съ значеніемъ и характеромъ государственнымъ,—мы поймемъ, что такое неравновѣсіе отношеній было бы невыносимо.—Какъ бы то ни было, но распри и войны удѣльныхъ князей, соперничество общинъ, преграды свободному передвиженію, промышленности и торговлѣ, при постоянномъ сознаніи племеннаго и духовнаго единства Русской Земли,—все это приготовило наступленіе другой эпохи, эпохи Московскаго единодержавія. Общины, повинуясь историческому инстинкту, пожертвовали, волей и неволей, своею отдѣльною, почти государственною самостоятельностью, для совмѣстнаго и дружнаго развитія, для единства жизни всего Русскаго народа, всей

Русской Земли. Но по уничтоженіи удѣловъ, города тотчасъ же приходятъ въ упадокъ, прежняя дѣятельность прекращается, и народная жизнь не представляетъ съ тѣхъ поръ никакого поступательнаго движенія. Вѣча умолкли, самое названіе исчезаетъ, и сохраняется только *міръ*, *мірская* сходка въ посадахъ и селахъ. Этотъ *міръ*, это совѣщаніе на сходкѣ, есть то же самое начало, которое выражалось и на вѣчахъ, но содержаніе было иное, и предметомъ совѣщанія были не интересы всей Земли или всей области какъ прежде, а мелкіе и мирные интересы села или посада. Въ эпоху междуцарствія историческія событія дали снова многозначительное земское содержаніе народнымъ сельскимъ и городовымъ мірамъ, и они напомнили прежнія вѣча, какъ будто и не извѣдалъ народъ цѣлыхъ вѣковъ угнетенія и безмолвія! Это вѣчевое начало, выражающееся теперь въ *мірѣ*, и *эту способность расширить его предѣлы, возвысить его на степень великаго земскаго и государственнаго дѣла*—уберегъ Русскій народъ и до нашихъ временъ, храня въ немъ для Россіи залогъ обновленія и возрожденія...

Итакъ, съ единодержавіемъ Москвы, является Земля съ тихою земскою жизнью, съ мірскими скромными сходками, вмѣсто шумныхъ и буйныхъ вѣчъ. Народъ, какъ мы сказали, уберегъ вѣчевое начало, но умѣрилъ его проявленіе, и, сосредоточивъ егò въ себѣ, какъ въ зернѣ, не далъ ему погибнуть; — однакожъ, тѣмъ не менѣе, невольно возникаетъ вопросъ: чтò же внесло это сильное развитіе мѣстной жизни и дѣятельность народной стихіи въ первые вѣка нашей исторіи, въ общую жизнь Земли, при образованіи единаго государства? Какіе слѣды оставила эта первая эпоха, какіе задатки для духовнаго сознательнаго развитія, для просвѣщенія, для дальнѣйшаго движенія народной жизни? Очень слабые, — кромѣ того, что она подготовила духовное единство Русской Земли, подняла общій уровень народнаго образованія сравнительно съ вѣками язычества, разлила свѣтъ христіанства по всей Русской Землѣ. Но земская жизнь первой эпохи не успѣла выработать прочныхъ залоговъ жизни умственной и дѣятельности духовной,—хотя, впрочемъ, эта эпоха, сравнительно, богаче памятниками письменности, нежели непосредственно за ней слѣдовавшія. Если бы каждый удѣльный князь въ своемъ удѣлѣ дѣйствовалъ по примѣру Владиміра и Ярослава, еслибъ во всѣхъ удѣльныхъ центрахъ завелись училища; еслибъ распри и усобицы не препятствовали мирному развитію внутренней мѣстной жизни; если бы Татарскія нашествія не разорили множества городовъ и не отрѣзали бы Русь Сѣверную отъ Руси Южной, отъ моря, отъ Греціи и отъ Европы,—можетъ-быть единство Руси воплотилось бы въ единой Русской общинѣ и въ единомъ государствѣ при другихъ, болѣе благопріятныхъ данныхъ для нашего историческаго развитія. Такъ, напримѣръ, еслибъ мы могли вообразить себѣ теперь возсоединеніе всѣхъ отдѣльныхъ областныхъ центровъ Германіи въ единое политическое тѣло, то каждый центръ принесъ бы, какъ дань, богатые плоды умственнаго и духовнаго самостоятельнаго развитія. Но ничего подобнаго не случилось съ древнею удѣльною Русью, и, можетъ-быть, не должно было случиться, ибо задачею Русской Земли было выработать, единовременно и цѣльно, самосознаніе *всего* Русскаго народа, а не той или другой мѣстности, которая, развиваясь самостоятельно, развилась бы непремѣнно въ направленіи одностороннемъ. Для достиженія высокой цѣли всенароднаго цѣльнаго самосознанія, необходимо было такое внѣшнее и внутреннее единство Земли, которое бы поглотило узкій эгоизмъ племенъ, областей и общинъ.

Такимъ образомъ, съ единодержавіемъ Москвы, начинается вторая эпоха въ исторіи земства. Съ одной стороны, является Земля, сплоченная во едино, безъ вѣчъ и самостоятельной жизни общинъ; съ другой—государство. Идея царя была чужда эпохѣ областной и вѣчевой жизни, и насколько *царь* былъ могущественнѣе и полновластнѣе удѣльнаго князя, настолько *земскіе соборы* были слабѣе и малозначительнѣе прежнихъ вѣчъ. Конечно, справедливо замѣчено, что соборы замѣнили вѣча, но настолько, насколько и царь замѣнилъ собою прежнихъ удѣльныхъ князей. Здѣсь сходство только въ томъ, что и соборъ и вѣче выражали собою начало совѣщательное, земское, такъ же какъ и царь и удѣльный князь были представителями власти. Но разница между вѣчемъ и земскимъ соборомъ состояла уже въ томъ, что вѣче въ отдѣльной общинѣ было почти всегда поголовное, т. е. состоявшее изъ всего наличнаго народа мѣстности, тогда какъ земскій соборъ не могъ иначе составиться, какъ посредствомъ *представительства*, посредствомъ собранія выборныхъ отъ Земли, что̀ дѣлало соборъ всегда ограниченнымъ въ его внѣшнемъ составѣ, особенно при отсутствіи всякой формы и регламентаціи. Вѣче было всегда близко къ правительственному центру, было всегда присуще, могло быть немедленно, во всякое время созвано, безъ всякаго неудобства для жизни общины или города. Земскій соборъ не былъ обыкновеннымъ, нормальнымъ, но всегда чрезвычайнымъ явленіемъ, тягостнымъ и неудобнымъ напряженіемъ для жизни земской. Созваніе собора требовало много времени и соединено было со множествомъ лишеній и неудобствъ для представителей изъ отдаленныхъ концовъ Россіи. Наконецъ—вѣче собиралось всегда само, по своему усмотрѣнію; земскій соборъ созывался не иначе, какъ по распоряженію верховной власти. Поэтому земскій соборъ самъ по себѣ не представлялъ никакого обезпеченія для земской жизни въ виду новаго, небывалаго на Руси, учрежденія царской самодержавной, вполнѣ самосознательной власти. Все обезпеченіе было въ обычаѣ, въ единствѣ духовномъ и нравственномъ, связывавшемъ власть и народъ, въ общемъ или почти общемъ уровнѣ умственнаго развитія и образованія, наконецъ въ той довѣренности, которая легла въ основу отношеній Земли къ государству, съ самаго начала ея исторіи, вслѣдствіе добровольнаго призванія власти. Это обезпеченіе, разумѣется, было и оказалось ненадежнымъ, и должно было исчезнуть при первомъ нарушеніи внутренняго духовнаго единства со стороны власти, — потому что единственное обезпеченіе земской силы и свободы, какъ мы уже сказали, лежитъ въ существованіи общества, въ общественной силѣ, въ дѣятельности народнаго самосознанія, а этой-то дѣятельности и не существовало въ Россіи въ эпоху соборовъ. Намъ замѣтятъ, можетъ-быть, что если бы земскіе соборы имѣли регламентацію и изъ сферы обычая перешли въ положительное учрежденіе, въ непремѣнный законъ, — тогда они бы явились достаточно сильной гарантіей противъ непомѣрнаго разлива государственной стихіи. Хотя въ нашихъ статьяхъ объ обществѣ и находится отвѣтъ на этотъ вопросъ, но мы не отказываемся разсмотрѣть его и подробнѣе. Впрочемъ — наша статья вышла и безъ того длинна, и мы должны отложить это до другаго раза. Намъ предстоитъ, сверхъ того, упомянуть объ отношеніяхъ государства къ Землѣ и значеніи земскаго элемента въ XVI и XVII вѣкѣ, а затѣмъ перейти къ перевороту Петра, къ Русскому обществу и къ Русскому земству въ нашей современной дѣйствительности.

Отвѣтъ М. Н. Лонгинову.

«День», 28-го апрѣля 1862 г.

При всемъ нашемъ уваженіи къ М. Н. Лонгинову, не можемъ оставить его Замѣтки безъ отвѣта. Намъ кажется, что онъ не совсѣмъ вѣрно понялъ мысль Ю. Ѳ. Самарина. Съ горькой ироніей разоблачая ту темную силу распущенности и лѣни, которая, по словамъ его, *внутрь насъ есть* и которая давитъ и глушитъ въ насъ не только доброе побужденіе, но и всякую способность къ общественной дѣятельности, авторъ письма изъ Самары вовсе не требуетъ отъ дворянъ какой-то благодарности за какія-то права, о чемъ не было и рѣчи, — а указываетъ имъ на примѣръ тѣхъ обществъ, которыя *умѣютъ* стоять дружно за свое дѣло и идти къ цѣли неутомимо. «Поучились бы вы хоть у раскольниковъ — говоритъ онъ, какъ и чѣмъ берутъ». Но г. Лонгиновъ, вмѣсто того, чтобы задаться вопросомъ: чѣмъ же въ самомъ дѣлѣ берутъ раскольники и чего же именно недостаетъ дворянскому обществу, старается оправдать дворянъ такими объясненіями, которыя, съ нашей точки зрѣнія, только усиливаютъ обвиненіе, произнесенное г. Самаринымъ. По мнѣнію г. Лонгинова, помочь мелкопомѣстнымъ дворянамъ, — т. е. опредѣлить, сколько каждый изъ нихъ заслуживаетъ пособія, и разрѣшить выдачу этого пособія изъ суммы, назначенной правительствомъ. — для немелкопомѣстныхъ дворянъ не есть *настоящее общественное дѣло!* Говорить на выборахъ о томъ, что пособіе необходимо, и настаивать на скорѣйшемъ ассигнованіи правительствомъ нужныхъ на это суммъ, — это вотъ *настоящее дворянское занятіе*; а приводить самую мѣру въ дѣйствіе, заняться ея чернорабочей стороной — это статья другая: для этого надо нѣсколько потрудиться, подумать, нарочно ѣхать, да еще въ морозъ: однимъ словомъ—тамъ *слова*, а тутъ *дѣло!* Ну, это уже не по дворянской части! Г. Лонгиновъ доказываетъ, что льгота, ограниченная въ размѣрѣ, лишаетъ охоты ею пользоваться. Да, когда льгота касается васъ лично, но не тогда, когда близко затрогиваетъ интересы чужіе и общественные. Напротивъ: не пользоваться даннымъ положеніемъ, во всей полнотѣ правъ, даруемыхъ льготою,—есть, въ нѣкоторыя историческія минуты, величайшая политическая ошибка...

Нѣтъ, плохую услугу оказываетъ тотъ Русскому дворянству, кто оправдываетъ ему его лѣнь и равнодушіе; кто его, на подъемъ тяжелаго, не ищетъ подвигнуть къ работѣ и дѣятельности; кто убаюкиваетъ его гражданскую совѣсть сваливаньемъ вины на внѣшнія обстоятельства! Не въ потворствѣ нуждаемся мы, а въ строгомъ, обличительномъ, неумолимомъ укорѣ, который бы не давалъ намъ задремывать въ сладкомъ самообольщеніи, и безпощадно бы нарушалъ нашъ дворянскій покой напоминаніемъ намъ о нашей дряблости и распущенности!.. Не внѣшней поддержки намъ недостаетъ, какъ думаетъ г. Лонгиновъ! Внѣшняя поддержка тѣмъ-то и вредна, что пріучаетъ на нее разсчитывать и ею держаться. Примѣръ раскольниковъ ярко говоритъ намъ, что недостатокъ внѣшней поддержки только укрѣпляетъ внутреннія силы общества, вполнѣ сознающаго—куда оно идетъ и чего хочетъ...

Въ томъ-то и бѣда, что у насъ нѣтъ ни ясной цѣли, которая бы соединила всѣхъ въ единодушномъ стремленіи, ни твердой нравственной почвы подъ ногами, на которой мы бы могли утвердиться; что намъ тяжела всякая работа мысли, всякій упорный, долгій, медленный, чуждый блеска и треска, нравственный подвигъ; что мы хотѣли бы, какъ по рельсамъ, докатиться безъ труда, съ полнымъ удобствомъ и комфортомъ, въ обѣтованную область общественной жизни и свободы!—Когда внѣшнія преграды задерживаютъ напоръ внутренней силы,—тогда начинается нравственная борьба, свидѣтельствующая о силѣ; а гдѣ люди уклоняются отъ борьбы, тамъ обличаютъ они свое внутреннее духовное безсиліе, тамъ и не достойны они свободы! Препятствія и помѣхи, въ организмахъ сильныхъ, только возбуждаютъ могучее противодѣйствіе, а въ насъ... Въ насъ не производятъ они ничего, кромѣ слабосильнаго раздраженія, которое не лишено даже нѣкоторой пріятности и имѣетъ для насъ значеніе довольно вкусной приправы къ однообразію нашей общественной жизни! Мы даже и сердиться-то не умѣемъ, хотя было отчего и за что сердиться,—въ этомъ отношеніи на судьбу жаловаться мы не въ правѣ! Вотъ и теперь: кончается зимній сезонъ, кончается сезонъ итальянской оперы, клубскихъ обѣдовъ,—а съ ними и сезонъ общественныхъ интересовъ и безвредныхъ для пищеваренія негодованій!

Мы нисколько не враги практическаго благоразумія, но должны признаться, что оно у насъ большею частью слѣпо или близоруко, до того, что можно истинно усомниться—точно ли это благоразуміе, а не трусость, дрянность, апатія и духовная лѣнь? Такъ напримѣръ, кому не знакомы эти до пошлости истасканныя аксіомы Русскаго благоразумія: «стѣну лбомъ не расшибешь, въ запертую дверь не проскочишь», и проч. и проч. А можетъ быть дверь и не заперта, а только *притворена?* толкнитесь—авось и поддастся!.. «Стѣну лбомъ не расшибешь»... Конечно такъ, но попробуйте,—можетъ стѣна-то картонная!...

Еслибъ литература наша поступала по примѣру, указанному г. Лонгиновымъ, то стѣсняемая внѣшними препятствіями, обязанная двигаться на пространствѣ—сравнительно меньшемъ, чѣмъ отъ Александровскаго корпуса до Удѣльной конторы,—она давнымъ-давно должна была бы умолкнуть. Но такъ какъ литература наша чужда духа дворянской сословности, то она и расширила (хоть и немного) предѣлы своей прогулки.

Нѣтъ, причины общественной несостоятельности Русскаго дворянства, какъ сословія, надо искать не тамъ, гдѣ ихъ ищетъ г. Лонгиновъ. Ихъ не указываетъ и г. Самаринъ, только обличившій, а не объяснившій самое явленіе нашего недуга: это и не входило въ его задачу. Причины кроются глубже: между прочимъ, въ томъ, во 1-хъ, что у дворянства нѣтъ никакого связующаго цемента: сочиненная Екатериною сословность могла служить связью только до тѣхъ поръ, пока не было никакого серьезнаго историческаго дѣла; да и тутъ не сословность связывала дворянское общество, а общій грѣхъ крѣпостнаго права! Съ прекращеніемъ крѣпостной привилегіи, дворянство становится безсильно, какъ сословіе, и должно искать себѣ другой почвы, на которой бы могло утвердиться, но уже *не какъ привилегированное или политическое сословіе*... Во 2-хъ, въ томъ, что отчужденные переворотомъ Петра отъ народа, мы лишены опоры и сочувствія Русской земли и постоянно слышимъ (хотя и не хотимъ въ томъ признаться) свое одиночество и слабость; въ 3-хъ, въ томъ наконецъ, что порвавши всякую связь съ историческимъ преданіемъ и сознавая внутренно, хотя и смутно, что прочно только то, что̀ зиждется на исторической почвѣ и находится въ органической связи съ преданіемъ,— мы сами не вѣримъ въ правду нашихъ отвлеченныхъ теорій, въ успѣхъ нашихъ требованій и стремленій—*внѣ* содѣйствія и сочувствія народнаго; не вѣримъ, да признаться сказать— просто сами не знаемъ, не только—*чего хотимъ*, но даже— *чего хотѣть*!

Но объ этомъ мы будемъ говорить съ читателемъ подробнѣе и пространнѣе въ передовыхъ статьяхъ. Скажемъ только, что все сказанное нами объ историческихъ причинахъ общественной несостоятельности дворянства нисколько не оправдываетъ личной гражданской безнравственности членовъ Русскаго общества, и что ихъ духовная дряблость постоянно отдаляетъ разумное рѣшеніе историческаго вопроса.

Смѣшеніе стихій государственной и земско-общественной.

«День», 19-го января 1863 г.

Что̀ лучше: квартальный *общественный*, или квартальный *казенный*? полицейскій *чиновникъ* (въ томъ неблагопріятномъ нравственномъ смыслѣ, въ которомъ это слово у насъ такъ часто употребляется) отъ земства, или отъ правительства? *солдатъ* государственный, или народъ-солдатъ?—наконецъ тюремщикъ, палачъ—лица, въ государствѣ необходимыя—лучше ли, чтобъ они были *казенные*, или же народные, общественные, члены и орудія *общественнаго самоуправленія?* что̀ лучше наконецъ: *мундиръ* народный, общественный, или казенный?

Не знаемъ, что̀ отвѣтятъ на это наши читатели, но большинство нашихъ прогрессистовъ, увлекаемое фразою: общественное самоуправленіе, вѣроятно уже шьетъ себѣ въ своемъ воображеніи красивый мундиръ *народнаго* или *общественнаго* вѣдомства и уже заранѣе тѣшится возможностью пополицействовать и повластвовать благороднымъ именемъ «общества». Относительно же нашего простонародья, — кажется, можно безошибочно утверждать, что оно въ сущности останется совершенно равнодушнымъ къ тому—сѣчетъ ли его исправникъ отъ земства, на основаніи «широкаго примѣненія выборнаго начала», или же исправникъ отъ короны?—нагайкою общественнаго самоуправленія, купленною на общественныя суммы,—или же нагайкою государственной власти, построенною иждивеніемъ государственнаго казначейства?

Что касается до насъ, то мы мало одержимы духомъ политическаго властолюбія за *общество* и стремленіемъ къ казенной общественности, или къ общественной казенщинѣ. Намъ кажется, что дѣло не въ томъ, *какой* мундиръ—«народоправный» или казенный, *какая* нагайка—оффиціально-общественная, или оффиціально-государственная,— а дѣло въ самомъ мундирѣ, въ самой нагайкѣ, въ самой оффиціальности, въ идеѣ, связанной съ мундиромъ и нагайкою. По нашему мнѣнію—даже лучше, чтобъ они оставались казенными, и чтобы общество не присвоивало себѣ аттрибутовъ чужеродной ему, принудительной, внѣшней, полицейской или государственной власти. Мы не безъ намѣренія заговорили нынче объ общественномъ самоуправленіи: въ двухъ предшествовавшихъ передовыхъ статьяхъ мы рисовали картину нашего общественнаго безсилія и о необходимости укрѣпить и усилить общество (въ томъ особенномъ значеніи, въ которомъ мы его понимаемъ) и освободить его отъ всякаго правительственнаго характера. Между тѣмъ, въ настоящее время, слово: «общественное самоуправленіе», у всѣхъ на языкѣ и предлагается какъ панацея отъ всѣхъ золъ и бѣдствій. Поэтому намъ необходимо опредѣлить, что̀ разумѣется у насъ подъ словомъ самоуправленіе, — и въ какой степени это самоуправленіе можетъ служить лѣкарствомъ нашему современному недугу?

Что̀ такое самоуправленіе? Это тотъ порядокъ, при которомъ общество управляется само собою, чрезъ своихъ членовъ,—отвѣчаютъ обыкновенно. Прекрасно. Но что̀ же такое общество, по *вашему?* (Наше опредѣленіе общества, извѣстное читателямъ, сюда, разумѣется, нейдетъ). На это отвѣчать уже нѣсколько труднѣе. Общество, скажутъ намъ, есть совокупность людей, живущихъ въ гражданскомъ союзѣ. Но вѣдь это опредѣленіе объемлетъ собою и государство (въ смыслѣ état); государство есть также цѣльная органическая совокупность, политическое единство людей, живущихъ въ гражданскомъ союзѣ,—слѣдовательно, можно одинаково сказать, вмѣсто *общественнаго, государствсное* самоуправленіе? И дѣйствительно, въ странѣ, въ которой не было завоеванія, въ строгомъ смыслѣ слова, всякое правленіе есть *самоуправленіе* страны. Если вы, напримѣръ, называете городскимъ общественнымъ самоуправленіемъ право жителей города избирать градскаго главу и поступать къ нему подъ управленіе,—то почему же не назвать народнымъ и общественнымъ самоуправленіемъ тотъ порядокъ, при которомъ народъ или все гражданское общество избираетъ себѣ монарха или какую бы то ни было государственную верховную власть, срочную или наслѣдственную—это все равно, и поступаетъ къ ней подъ управленіе? Въ чемъ же разница? Разумѣется, когда народъ находится подъ игомъ другаго народа—напр., какъ Славяне подъ игомъ Турокъ, — нѣтъ и рѣчи о самоуправленіи; но если страна управляется лицомъ, ею же облеченнымъ властью, по своимъ законамъ, по своимъ, или допущеннымъ ею формамъ, — можно ли, на основаніи этихъ внѣшнихъ, данныхъ вами, признаковъ, сказать, что это не есть «самоуправленіе», что это не есть то же самое «общество», управляющееся чрезъ своихъ членовъ»? Въ чемъ же разница? А разница есть, по крайней мѣрѣ должна быть.

Мы просимъ извиненія у читателей въ томъ, что такъ пространно разсуждаемъ о вопросахъ, повидимому рѣшенныхъ, но, при спутанности понятій въ нашемъ обществѣ, всякая попытка распутать ихъ и подвергнуть точнѣйшему опредѣленію намъ кажется нисколько не лишнею.

Очевидно, что ходячее опредѣленіе, упомянутое выше, оказывается недостаточнымъ. — Пойдемъ дальше. Всматриваясь въ дѣло ближе, вы находите нужнымъ выдѣлить изъ общаго понятія о государствѣ элементъ верховнаго правительствованія, и противопоставляете правительству общество. Но въ какомъ же смыслѣ? Въ томъ, отвѣчаете вы, что правительство есть то, что̀ правитъ всѣмъ обществомъ, а общество— есть *управляемое*... Положимъ, что это такъ, но въ такомъ случаѣ — чѣмъ являлись нашимъ крестьянамъ — помѣщики, при крѣпостномъ правѣ? По вашему опредѣленію выходитъ, что «обществомъ», т. е. *управляемымъ*, были крѣпостные, а помѣщики были для нихъ правительствомъ. Оно и дѣйствительно было такъ, но это же самое отношеніе, эту же раздвоенность находите вы и въ общественномъ самоуправленіи: вездѣ есть правящіе и управляемые, правительство своего рода и управляемое общество. Избрали вы градскаго главу, предводителей, разныя земскія власти: является начальство, правительство (обыкновенно въ этихъ случаяхъ называемое, какъ въ акціонерныхъ компаніяхъ, «правленіе»), и подчиненное управленію общество. Это похоже на кругъ, заключающій въ себѣ тысячу разныхъ круговъ, одинъ въ другой входящихъ. Возьмемъ для примѣра любое государство: области тяготятся властію центральною, и требуютъ самоуправленія; уѣзды тяготятся властію областною, добиваются самоуправленія; уѣздъ раздѣленъ на станы; каждый станъ находится къ уѣзду въ отношеніи общества къ правительству; волость въ такомъ же отношеніи къ стану, села къ волости, деревни къ селамъ, отдѣльныя лица къ деревнѣ. Наконецъ, вы доходите до недѣлимаго, до индивидуума, который тоже можетъ нравственно раздвоиться въ себѣ самомъ на квартальнаго и на живаго свободнаго человѣка, т. е. быть самъ самому себѣ квартальнымъ (какъ это отчасти и есть въ Америкѣ).

Слѣдовательно — по этому второму, разбираемому нами, опредѣленію, разницы между «правительствомъ» и «обществомъ» также нѣтъ никакой (кромѣ объема власти), потому что общество, при самоуправленіи, сейчасъ же становится само правительствомъ въ отношеніи къ обществу меньшаго объема, и внутри самого себя образуетъ вновь и правящихъ и управляемыхъ, ощущающихъ въ свою очередь потребность самоуправленія. Тотъ же самый элементъ правительственный, элементъ оффиціальности, принудительности, внѣшней законности, формализма (потому что законы и формы — необходимые аттрибуты всякаго государственнаго дѣйствія) повторяется, преломляясь, на всѣхъ ступеняхъ государственнаго устройства, нисходя до самой послѣдней административной единицы; то же самое начало казенности проникаетъ весь общественный организмъ до послѣдняго сустава, видоизмѣняясь только въ объемѣ, а не въ качествѣ: это нѣчто въ родѣ лѣстницы,— пространства между шефомъ полиціи въ Имперіи и полицейскимъ десятскимъ въ деревнѣ, связанныхъ между собою однороднымъ принципомъ, хотя одинъ назначается правительствомъ, а другой «самоуправляющимся обществомъ.»

Дѣйствительно, такъ и понималось, такъ и понимается въ нашемъ обществѣ «самоуправленіе». Разницы опять мы никакой не видимъ,—хотя и признаемъ вполнѣ выгоду мѣстныхъ центровъ правленія въ дѣлахъ не исключительно-мѣстныхъ. Между тѣмъ, между стихіей правительственной и стихіей земской или общественной существуетъ великая разница *качественная*, разница въ принципѣ, въ самихъ началахъ. Объ этихъ началахъ мы такъ часто говорили въ газетѣ, что опредѣлять ихъ вновь было бы повтореніемъ. Скажемъ только: стихія земская есть по преимуществу стихія нравственная и бытовая, а начало Русскаго народнаго быта и общественности есть внутренняя свобода духа отъ рабства формѣ, внѣшней формальной, ограниченной правдѣ, отъ всего того, что̀ составляетъ сущность стихіи государственной, — которой значеніе и необходимость въ организмѣ общественномъ Русскій народъ вполнѣ признаетъ, но которой не покланяется и не вноситъ ее въ область своей духовной жизни. Если желать, чтобы земство принимало участіе въ мѣстномъ управленіи, то это участіе должно быть свободно отъ формъ, характера чисто нравственнаго, основано на совѣсти больше, чѣмъ на законѣ, имѣть цѣлью огражденіе свободы жизни и быта отъ всякой казенности и выражать себя не столько внѣшнимъ проявленіемъ власти и правительствованіемъ, сколько судомъ народнаго мнѣнія. Земство должно имѣть право — не ссылки въ Сибирь своихъ членовъ и заключенія ихъ въ острогъ, не вторженія въ область государства, а свободнаго выраженія своего мнѣнія о государствѣ.

Но обратимся къ «самоуправленію», какъ оно понимается нашимъ обществомъ, въ смыслѣ мѣстныхъ правительственныхъ центровъ. При характерѣ оффиціальности, сопровождающемъ подобное самоуправленіе, оно значительно теряетъ свою важность и возбуждаетъ во всѣхъ насъ, несмотря на громкія фразы, очень мало сочувствія. Даже возникаетъ вопросъ — вездѣ ли и всегда ли оно нужно? Оно получаетъ значеніе административнаго удобства, не болѣе; особой системы государственнаго управленія, именно: вмѣсто сосредоточенія верховной власти, централизаціи, — разсредоточенія власти изъ центра на окружность, децентрализаціи: центральное правительство, не находя возможнымъ обнимать своимъ непосредственнымъ управленіемъ всю страну, со всѣмъ ея народонаселеніемъ, поступается своею властью меньшимъ центрамъ, ради практическихъ выгодъ и удобства, приглашая къ правительственной службѣ мѣстныхъ жителей. Такимъ образомъ является государственное, общее и мѣстное туземное управленіе, областное, волостное, и т. д.; можетъ-быть, механизмъ государственной машины будетъ дѣйствовать отъ того исправнѣе, но это еще не составляетъ нравственную силу общества, и не освобождаетъ его отъ правительственнаго, казеннаго характера. Напротивъ — то, что̀ по существу своему принадлежитъ къ сферѣ чисто государственной, къ области формальной, необходимаго внѣшняго принужденія и силы — часто, исходя отъ имени общества, незаконно окрашивается колоритомъ нравственной общественной свободы, — отъ чего происходитъ вредное смѣшеніе двухъ разнородныхъ элементовъ, и негосударственная стихія въ народномъ организмѣ заражается государственностью или, иначе, казенностью.

Пояснимъ наши слова примѣромъ. На дняхъ уничтожены у насъ *земскіе* суды, *земскія* полиціи и *земскіе* исправники. Къ уничтоженію этому мы съ своей стороны совершенно равнодушны, а между тѣмъ, съ точки зрѣнія «самоуправленія», въ принципѣ, такое уничтоженіе есть, повидимому, важное посягательство на общественную автономію. Почти 100 лѣтъ существовало это учрежденіе, и успѣло отнять у великихъ историческихъ словъ: *земскій* и *земство*, все ихъ первоначальное, важное содержаніе, успѣло унизить ихъ до самаго постыднаго смысла. Это ли было не самоуправленіе, да еще въ какихъ широкихъ размѣрахъ, съ участіемъ *всѣхъ* сословій?! Однакоже это самоуправленіе не только не послужило къ усиленію *общества*, но еще уронило значеніе «общества» въ глазахъ народа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и значеніе полиціи. Отчего же это, какая тому причина? Быть-можетъ, виноваты сами сословія, зачѣмъ выбирали въ должности людей недостойныхъ? Но въ такомъ случаѣ какую же гарантію имѣемъ мы въ томъ, что сословія исправились, и при предстоящихъ выборахъ преобразованнаго городскаго самоуправленія, при дѣйствіи будущихъ земскихъ учрежденій, станутъ выбирать только достойныхъ? На этотъ вопросъ, конечно, можно отвѣчать скорѣе отрицательно, чѣмъ положительно. Причину, почему наше земское полицейское самоуправленіе было такъ неудачно, надо искать, вопервыхъ, въ недостаткѣ нравственнаго просвѣщенія въ нашемъ обществѣ, безъ чего никакія, самыя лучшія въ мірѣ учрежденія не могутъ имѣть никакой жизненной силы, — это причина общая, не касающаяся существа самихъ учрежденій; а вовторыхъ — и это главное — въ самомъ характерѣ, въ самомъ существѣ полицейской власти и всего полицейскаго института. Это учрежденіе принадлежитъ вполнѣ къ государственной стихіи и совершенно чуждо стихіи бытовой, не государственной. Должность полицейскаго, какъ слѣпаго орудія внѣшней принудительной силы, какъ представителя начала формальнаго, постоянно ограничивающаго свободу и миръ бытовой жизни, никогда не пользовалась и не будетъ пользоваться (если удержитъ свой характеръ) почетомъ въ Россіи. Полицействованіе не составляетъ предметъ властолюбія для Русскаго общества. Мы народъ по преимуществу бытовой, а не политическій, и если Французъ-шпіонъ, назвавъ себя агентомъ правительства (agent du gouvernement) способенъ признать себя правымъ и тѣмъ успокоить свою совѣсть, то мы, Русскіе (кромѣ немногихъ исключеній), еще не дошли до такой цивилизаціи, до такого поклоненія началу государственному, — и званіе шпіона-правительственнаго агента у насъ презирается едвали не сильнѣе, чѣмъ гдѣлибо въ Европѣ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что «общественное мѣстное самоуправленіе», существовавшее у насъ довольно долго и дававшее сословіямъ право участвовать въ полицейской администраціи и въ судѣ, не только не усилило наше общество, но нисколько не помѣшало ему дойти до того состоянія нравственнаго безсилія, о которомъ мы такъ часто и пространно, и съ такою горечью говорили. Очевидно, что эти автономическія учрежденія не могутъ ни придать силы, ни имѣть въ себѣ самихъ внутренней силы,—а требуютъ присутствія и содѣйствія какихъ-то особенныхъ силъ, лежащихъ внѣ политической и государственной сферы. Но объ этихъ особенныхъ силахъ мы еще успѣемъ поговорить, а теперь займемся вновь разсмотрѣніемъ вопроса объ общественномъ гражданскомъ самоуправленіи, съ тѣмъ, чтобы еще яснѣе показать, какъ мало въ этихъ учрежденіяхъ «общественнаго» и при какихъ условіяхъ, въ какихъ предѣлахъ дѣйствія ихъ могутъ стать дѣйствіями общественнаго качества.

Безъ всякаго сомнѣнія, для правительства чрезвычайно удобно и выгодно призвать мѣстныя общества — среду не служащую—къ участію въ мѣстномъ управленіи, вопервыхъ потому, что мѣстныя дѣла имъ ближе вѣдомы; вовторыхъ потому, что своихъ чиновниковъ, особенно при огромномъ пространствѣ, какова Россія, у правительства достать не можетъ; втретьихъ—и это едвали не главное,—оно и дешево, потому что чиновники по выбору обществъ — орудія самоуправленія—служатъ большею частью безъ жалованья или на счетъ самихъ обществъ; вчетвертыхъ, общество лишается права роптать и быть недовольнымъ правительствомъ. Такимъ образомъ правительство дѣлится своею властью, или, лучше сказать, умножаетъ число своихъ чиновниковъ, орудій и правительственныхъ органовъ,—потому что, говоря по правдѣ, органы самоуправленія, такіе, какіе существовали до сихъ поръ въ Россіи, да и теперь существуютъ, на самомъ дѣлѣ суть органы правительственные, только подъ другими названіями. Вотъ почему простой народъ смотритъ на эту «общественную службу» какъ на повинность. До-Петровская Русь, начиная съ Іоанна Грознаго, также прибѣгала къ подобной системѣ: нужно ли собирать казенные доходы съ вина—выбирались и приставлялись къ винному дѣлу вѣрные цѣловальники; надобно ли принять мѣры противъ пожаровъ и содѣйствовать внутреннему земскому управленію,—земскіе люди должны были, во имя земства и земскаго дѣла, служить разныя «общественныя», какъ бы ихъ назвали теперь, или земскія службы: дошло до того, что на Земскомъ Соборѣ, по случаю взятія Азова, тягловые и разныхъ черныхъ слободъ люди горько жаловались на постоянный призывъ ихъ къ земскимъ службамъ, обращавшимся для нихъ въ тяжелую повинность. Если подобныя жалобы были возможны въ то время, когда правительство и народъ стояли почти на одномъ уровнѣ и свободно понимали другъ друга, то теперь, когда самоуправленіе организуется правительствомъ на основаніяхъ большею частью заимствованныхъ изъ чужихъ земель, формулируется и регламентируется по образцамъ иностраннымъ,—такое самоуправленіе будетъ органомъ вполнѣ правительственнымъ и проявленіемъ той же казенности, только подъ другимъ видомъ и въ другой одеждѣ. Намъ положительно извѣстно, что когда вводилось въ С.-Петербургѣ новое Городовое Положеніе съ его общею Думою,—это, по всѣмъ признакамъ либеральное учрежденіе, сочиненное бюрократіею,—въ Думѣ, въ продолженіе многихъ лѣтъ, сидѣлъ, а можетъ-быть и теперь еще засѣдаетъ, чиновникъ Министерства внутреннихъ дѣлъ, обязанный учить и подгонять общество, чтобы пользовалось оно новыми либеральными правами, и захватывало власть у самого правительства, или у генералъ-губернатора, что̀ въ сущности все равно. Мы не знаемъ, въ какой степени С.-Петербургское городское общество воспользовалось этими уроками, но если судить по одной статьѣ, напечатанной въ прошломъ году въ «Отечественныхъ Запискахъ», успѣхи его въ дѣлѣ самоуправленія не велики.

Но предположимъ, что органъ самоуправленія вполнѣ освоился съ данными ему формами; въ такомъ случаѣ обществу грозитъ другая нравственная опасность: распространеніе и проникновеніе начала казеннаго формализма въ самыя нѣдра общественнаго быта, подъ благовидною наружностью общественнаго самоуправленія. Напримѣръ: самоуправленіе крестьянъ, регламентированное учрежденіемъ Министерства государственныхъ имуществъ, а *отчасти* и Положеніемъ 19 февраля, не обращаетъ ли оно волостныхъ головъ и старшинъ и вообще должностныя лица въ чиновниковъ? Подобнаго рода формулируемые извнѣ порядки самоуправленія не способны ли подорвать живую силу быта, замѣняя ихъ механическою силою внѣшне-общественнаго снаряда? Повторяемъ сказанное нами въ началѣ: для насъ важно соблюденіе въ цѣлости бытовой силы въ простомъ народѣ и въ обществѣ, сохраненіе негосударственной стихіи въ общемъ всенародномъ организмѣ—свободною отъ государственности, отъ элемента формы, формальной правды и внѣшняго принужденія. Поэтому, при допущеніи такъ-называемыхъ порядковъ самоуправленія, наше вниманіе преимущественно должно быть обращено на то, чтобы эти порядки не искажали существеннаго нравственнаго характера и свободы народнаго и общественнаго быта. Многія либеральныя учрежденія въ сущности противорѣчатъ истинной свободѣ. Возьмемъ для примѣра учрежденіе въ нѣкоторыхъ Западныхъ конституціонныхъ государствахъ національной гвардіи, національнаго войска. Прибѣгать къ грубой силѣ есть вообще печальная необходимость; имѣть постоянное войско вообще насчастіе и обремененіе для страны, какъ бы оно ни было неизбѣжно; эта внѣшняя сила есть аттрибутъ государства, а нисколько не общества и не Земли.—Гдѣ же будетъ свободный отъ государственной стихіи уголокъ, если общество перенесетъ къ себѣ всѣ снаряды и пріемы правительства, заразится вкусомъ къ солдатству, и само превратится въ какое-то государство, status in statu, противорѣча своему негосударственному призванію? Мы выбрали примѣръ довольно рѣзкій и къ намъ не подходящій, но онъ можетъ дать читателямъ надлежащую точку зрѣнія и на прочіе неотъемлемые аттрибуты государственной власти. Во Франціи народное самоуправленіе, принимая политическій характеръ, являлось несравненно болѣе деспотичнымъ всякой королевской власти и доказало еще разъ всю ложь, заключающуюся въ словѣ: народовластіе, ибо никогда, нигдѣ народъ, *какъ народъ*, собою самъ не управляетъ, —въ противномъ случаѣ онъ пересталъ бы быть народомъ и превратился бы въ народъ полицейскихъ чиновниковъ,—а управляетъ имъ меньшинство, становящееся «правительствомъ». Всякій путешествовавшій внутри Франціи могъ легко убѣдиться, что для простаго народа тамъ рѣшительно все равно: «именемъ ли республики», «именемъ ли короля» или «императора» взимаютъ съ него подати, рекрутовъ и другія повинности: главная цѣль и задача народа—*быть* и *жить* свободнымъ бытомъ и человѣческою жизнью, и, по выраженію одного заграничнаго публициста, народъ совершенно равнодушенъ къ тому: накрыта ли эта свобода (если онъ ею пользуется) фригійскимъ колпакомъ или монархическою шапкою. Мы скажемъ болѣе: народъ убѣдился, что фригійскій колпакъ всего менѣе гарантируетъ ему свободу; ибо онъ, фригійскій колпакъ, распоряжается его именемъ, а потому считаетъ себя непогрѣшимою, верховною инстанціей, самимъ народомъ.

Мы жаловались въ послѣдней статьѣ на излишнее развитіе государственной инниціативы, на притязаніе казенныхъ регламентацій замѣнить жизнь, и т. п. Но вѣдь казенныя регламентаціи исходятъ не отъ одного только высшаго правительства, а составляютъ у насъ точно такую же принадлежность и консисторій, и дворянскихъ опекъ, и градскихъ думъ,—и никакое наше «самоуправленіе» этого не избѣгнетъ, потому именно, что *качество* дѣйствованія въ немъ остается вполнѣ правительственное и ненародное. Можно надѣяться, что и вновь образуемая въ Москвѣ Общая Дума будетъ также не лишена регламентаціи, формализма и всей этой казенной мертвенности.

А крестьянскія общины, скажутъ намъ, онѣ ли не являютъ образецъ самоуправленія? Вопервыхъ, какъ уже достаточно объяснено было нашимъ сотрудникомъ, г. Н. Г-вымъ, слово *самоуправленіе* сюда нейдетъ: существующій въ народѣ обычай избирать старостъ и рѣшать дѣла міромъ есть его органическое отправленіе, составляетъ часть его жизни и бытія, и не заключаетъ въ себѣ никакого правительственнаго элемента. Вовторыхъ, этотъ порядокъ обусловливается однородностью интересовъ и занятій, единствомъ быта и духа и почти поголовнымъ участіемъ въ мірскомъ сходѣ. Внѣ крестьянства—всякое «самоуправленіе» принимаетъ характеръ болѣе или менѣе искусственный,—поэтому, говоря о самоуправленіи, мы во всякомъ случаѣ разумѣемъ не крестьянство.

И такъ вотъ наши главные выводы:

1. Нашему недугу, состоящему въ нравственномъ безсиліи нашего общества,—безсиліи, происходящемъ отъ ненародно-

сти его. отъ его правительственнаго, казеннаго характера и стѣсненнаго духовнаго развитія, — вновь заводимые разные порядки мѣстнаго самоуправленія помочь не могутъ: это двѣ области совершенно разныя: одна касается внутренней, духовной жизни, общественной, другая—жизни внѣшней, гражданской.

2. Мѣстное самоуправленіе, въ томъ видѣ, какъ оно существовало и существуетъ у насъ въ Россіи, по характеру своему, есть учрежденіе не только не общественное, но чисто государственное, казенное, и органы самоуправленія суть органы правительственные, — а орудія самоуправленія — чиновники въ общественномъ мундирѣ.

3. Подобныя учрежденія, черезъ которыя правительство поступается, повидимому, своею властію, а въ сущности употребляетъ земство на общую службу государственную, если и могутъ быть допущены, и даже съ пользою, въ государствѣ, не должны имѣть притязаній на общественное или земское значеніе и не въ состояніи придать нравственной силы обществу.

4. Напротивъ того, выдавая себя за общественное или земское свободное учрежденіе,—мѣстное самоуправленіе можетъ подорвать внутреннюю цѣльность и свободу общественнаго быта, придавая стихіи государственной характеръ стихіи общественной и, наоборотъ, распространяя элементъ правительственности и казенности въ самые сокровенные тайники жизни, проникая съ нимъ, такъ сказать, во всѣ пòры общественнаго организма.

5. Наконецъ, для того, чтобы участіе общества въ дѣлахъ управленія вполнѣ достигало своей цѣли—содѣйствуя государству и ограждая свободу быта, не посягая на власть правительственную и не подрывая бытоваго значенія земской стихіи, не присвоивая себѣ аттрибутовъ государственныхъ, не становясь казеннымъ и оставаясь вполнѣ нравственной силой, — для всего этого необходимо, чтобы общество имѣло полную свободу мнѣнія и выраженія его въ словѣ. Эта свобода полезнѣе и плодотворнѣе всякихъ самоуправленій; напротивъ, всѣ заводимыя правительствомъ либеральныя учрежденія недѣйствительны, безжизненны, немыслимы при нѣмомъ обществѣ: безъ свободы мнѣнія и слова, собственно

говоря, и не существуетъ общества, а безъ общества—безсиленъ народъ и несостоятельно государство.

По поводу Положенія о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ.

«День», 18-го января 1864 г.

Новый годъ ознаменовался новымъ правительственнымъ даромъ: на дняхъ обнародованы—указъ Правительствующему Сенату, подписанный 1 января, и «Положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ». Нельзя не быть признательнымъ правительству за это новое доказательство его постоянныхъ попеченій о Русскомъ благоустройствѣ; нельзя также не видѣть, что этотъ даръ проникнутъ духомъ самой благоразумной умѣренности... Тѣмъ не менѣе, это первый, конечно очень скромный шагъ, но все же шагъ на пути къ сближенію и соединенію сословій въ дѣлѣ общаго интереса, къ признанію значенія земства. Нельзя, разумѣется, не пожелать этимъ учрежденіямъ благопріятныхъ условій для ихъ усовершенствованія—на пользу земства, дѣйствительную, а не мнимую, на укрѣпленіе нашего общественнаго грунта...

Читая «Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ», невольно проникаешься чувствомъ какого-то особеннаго почтенія къ нелегкому труду составителя. Вообще нигдѣ такъ не тяжелъ трудъ законодателя, какъ въ Россіи. Тамъ, гдѣ общественная жизнь постоянно живетъ, дѣйствуетъ и творитъ, тамъ возможно законодательство органическое, тамъ законодателю остается только привести въ стройную систему, облечь въ формулу закона органическій матеріалъ, созданный органическимъ творчествомъ жизни, обработать его согласно съ требованіями законодательной техники, приложить къ нему печать правительственнаго авторитета,—и затѣмъ законодатель можетъ быть вполнѣ увѣренъ, что подобнымъ образомъ созданное учрежденіе, какъ продуктъ самой жизни, не оскудѣетъ духомъ жизни, будетъ принято обществомъ не равнодушно, не какъ что-то ему чуждое и извнѣ наложенное, а какъ близкое и родное,—будетъ развиваемо и совершенствуемо практикою. Если даже законъ составленъ съ недостатками, недомолвками, — ихъ восполнитъ и исправитъ сама жизнь, — и потому законодателю, при этой вѣрѣ въ жизнь, трудъ становится легче: ему можно и не безпокоиться очень о разъясненіи заранѣе, напередъ, всѣхъ практическихъ подробностей и «могущихъ встрѣтиться недоразумѣній». Но у насъ законодателю приходится большею частью все творить и сочинять вновь, изъ головы, на основаніи теоретическихъ или отвлеченныхъ соображеній, или же, по недостатку примѣровъ изъ туземной жизни, руководствоваться образцами чужеземнаго опыта. Наше законодательство не имѣетъ и не можетъ имѣть достаточной вѣры въ силу, въ способность жизни—осуществить его проекты и планы вполнѣ согласно съ его намѣреніями и государственными комбинаціями, — а потому, оно естественно вынуждено соображать и взвѣшивать заранѣе всѣ подробности, всѣ случаи, могущіе возникнуть, предвидѣть всѣ частности, оговорить ихъ напередъ, въ самой редакціи первоначальнаго закона, — или же, по изданіи закона, пополнять его безпрестанно новыми правилами и предписаніями. Трудъ тяжелый и нерѣдко неблагодарный! Неблагодарный именно потому, что эти почтенныя многолѣтнія законодательныя работы, требовавшія такихъ усердныхъ и усидчивыхъ занятій, остаются иногда простою буквою, писаною бумагою, отъ какого-нибудь недостатка сочувствія въ обществѣ, или отъ какихъ-нибудь другихъ неблагопріятныхъ условій, коренящихся гдѣ-то тамъ, въ народныхъ нравахъ и бытѣ, и не предусмотрѣнныхъ законодательными тружениками!.. Мы не говоримъ, чтобъ не было для правительства никакой возможности побѣдить эти затрудненія; мы видѣли, какимъ плодотворнымъ путемъ предварительныхъ общественныхъ работъ сумѣло правительство заранѣе усвоить общественному сознанію и вѣдѣнію—величайшее свое законодательное дѣло, освобожденіе крестьянъ, — но причины, заставляющія правительство избирать тотъ или другой законодательный способъ, намъ неизвѣстны, — и мы въ настоящемъ случаѣ имѣемъ полное право отдать должную дань почтенія усердію административныхъ лицъ въ тяжеломъ трудѣ сочиненія и изготовленія проектовъ о земскихъ учрежденіяхъ— внѣ помощи общественной, безъ пособія органическаго творчества жизни...

Можетъ-быть помощь общественная и явится въ свое время, при приведеніи обнародованныхъ правилъ въ исполненіе. Но мы не можемъ не повторить здѣсь желанія, выраженнаго нами въ послѣднихъ нашихъ статьяхъ. Говоря о томъ странномъ положеніи, въ которое историческое наше развитіе, съ Петра I, поставило государственную власть—возложивъ на нее бремя заботъ, ей совершенно несвойственныхъ; пожалѣвъ о томъ, что у насъ само правительство должно учить общество «самоуправленію», направлять его, сочинять и формулировать его внутреннюю дѣятельность, мы замѣтили, что для успѣха этихъ правительственныхъ усилій, и между прочимъ для успѣха земскихъ учрежденій, необходимо... отрѣшиться отъ преданій Петровской реформы, необходимо обществу почувствовать себя духовно-самостоятельнымъ и свободнымъ, перестать быть порожденіемъ оффиціальнымъ, или штатсобществомъ... Однимъ словомъ: общественное сомоуправленіе предполагаетъ присутствіе въ обществѣ живой самостоятельной органической силы. Въ противномъ случаѣ общество ни больше, ни меньше какъ матеріалъ, которому, конечно, можно извнѣ дать ту или другую форму, который даже можно заставить двигаться и дѣйствовать посредствомъ какого-нибудь механическаго снаряда, — но не иначе, однакоже, какъ по волѣ механика, по его указанію и направленію, и до тѣхъ поръ, пока рука его приводитъ въ движеніе ремни, колеса, пружины: отними онъ свою руку—и механизмъ разстроивается!... Очевидно, что такое положеніе въ высшей степени неудобно для государства; и потому, для своей собственной пользы, для того, чтобъ законы были живымъ, а не мертвымъ словомъ, оно должно желать, чтобъ общество жило самостоятельною духовною жизнью, являлось самодѣятельною органическою силой. Если же этого нѣтъ, то правительство можетъ истощиться въ благородныхъ, но безплодныхъ усиліяхъ, и общественная немощь въ состояніи парализировать самыя добрыя и благія начинанія власти. Въ самомъ дѣлѣ, едвали позволительно надѣяться, что внѣшніе и извнѣ налагаемые, хотя бы самые благодѣтельные и либеральные регламенты, такъ сами собою и увѣнчаются успѣхомъ и принесутъ ожидаемый правительствомъ плодъ, если въ обществѣ нѣтъ того *духа жизни*, который бы способенъ былъ дать жизнь и самимъ регламентамъ и восполнить внутреннимъ содержаніемъ несовершенство внѣшней формы закона. Итакъ, дѣло не во внѣшнихъ учрежденіяхъ только, требующихъ для дѣйствованія—участія готовыхъ силъ общественнаго духа, а въ томъ, что̀ можетъ оживить самый этотъ духъ и возродить его силы.

Какъ ни благодѣтельны многія реформы, какъ ни сочувствуемъ мы лично многимъ изъ нихъ, но для успѣха самихъ реформъ желательны были бы, по нашему мнѣнію, такія мѣры и средства, которыя бы дѣйствовали не на ту или другую наружную часть общественнаго организма, а на весь его внутренній строй, въ его цѣлости, на общее начало жизни. Дѣйствіе этихъ мѣръ и средствъ преимущественно нравственное и похоже, по выраженію одного писателя, на то, что̀ въ медицинѣ называется дѣйствіемъ *тоническимъ*, т. е. такимъ, которое даетъ общій тонъ физическимъ отправленіямъ больнаго человѣческаго организма. Къ таковымъ тоническимъ средствамъ въ нравственной жизни общества принадлежитъ, по нашему убѣжденію, *просторъ мысли и слова*. Безъ этого простора—говорили мы недавно, нѣтъ ни общества, ни общественнаго мнѣнія, и мѣра простора, предоставленнаго мысли и выраженію ея въ словѣ, служитъ въ то же время мѣрою нашего общественнаго роста и развитія, а также нашей пригодности или способности къ разрѣшенію великихъ общественныхъ задачъ... А что мѣра этого простора у насъ тѣсна и останавливаетъ нашъ ростъ, это признаетъ и само правительство, составляющее въ настоящее время новые законы о печати, въ отмѣну или измѣненіе старыхъ. Просторъ слова—скажемъ мы опять, едвали не нужнѣе всѣхъ реформъ, послѣ освобожденія крестьянъ, ибо въ немъ, въ этомъ просторѣ, заключается условіе жизненности для всѣхъ этихъ учрежденій, и безъ него они едвали взойдутъ.

Позволимъ себѣ еще одно общее замѣчаніе. Главное требованіе, предъявляемое у насъ всѣми составителями законодательныхъ проектовъ,—мысль лежащая въ основѣ ихъ усердныхъ трудовъ — «благоустройство» и «порядокъ». Конечно, ничто не можетъ быть лучше благоустройства, нѣтъ ничего плодотворнѣе порядка,—но прежде всего не мѣшало бы, кажется, подумать о томъ, чтобы было что̀ благоустроять, что̀ приводить въ порядокъ. Мы бы желали слышать почаще запросы — на *жизнь*, на живую, хотя бы даже и не всегда «аккуратную» или правильную дѣятельность живыхъ силъ,— нежели на порядокъ да на симмертическое благоустроеніе бездушнаго матеріала. Порядкомъ и благоустройствомъ мы, слава Богу, богаты, — заботѣ объ нихъ посвящена издавна вся наша государственная дѣятельность,—государство обладаетъ для этой цѣли громадными матеріальными и даже духовными средствами,—но мы бѣдны жизнью, жизнью, бѣдны живымъ органическимъ творчествомъ, бѣдны свободною самодѣятельностью, и вотъ что̀ въ настоящее время намъ едва ли не нужнѣе всего того, что̀ на бюрократическомъ языкѣ называется «благоустройствомъ» и «порядкомъ»...

Желая, чтобъ новыя земскія учрежденія дали возможно-болѣе жизни нашему земству, скажемъ нѣсколько словъ о самомъ «Положеніи».

Мы замѣтили въ послѣдній разъ, что у насъ, вслѣдствіе особенностей нашего историческаго развитія, «открывается цѣлый рядъ правительственныхъ дѣйствій, которымъ ничего подобнаго не представляетъ исторія другихъ странъ: правительство само, непринужденно, собственною иниціативою, поступается своею властью обществу, удѣляетъ ему, вмѣстѣ съ обязанностями, часть своихъ правъ, такъ-сказать—налагаетъ ему привилегіи самоуправленія: новѣйшимъ же актомъ этого поступленія государствомъ обществу своей власти—являются Земскія Учрежденія».—Разсматривая «Положеніе», мы находимъ, что характеръ его совершенно отвѣчаетъ данному нами опредѣленію. Это не есть какое-либо признаніе правительствомъ правъ жизни или уже готоваго существующаго земскаго обычая; это не регулированіе уже дѣйствующихъ въ земской жизни силъ; нѣтъ, это есть именно передача или удѣленіе правительствомъ обществу части собственныхъ своихъ правъ и обязанностей, своей собственной государственной функціи или службы, со всѣмъ характеромъ—свойственнымъ правительственной, казенной дѣятельности. Съ извѣстной точки зрѣнія это привилегія значительная и уступка не малая!... Выгода для государства отъ такой уступки заключается въ томъ, вопервыхъ, что новый видъ чиновниковъ, состоящихъ на службѣ земства, или вовсе не получаетъ жалованья, или же получаетъ его отъ земства, а не изъ государственнаго казначейства; вовторыхъ, что общество, принимая непосредственное участіе въ хозяйственныхъ дѣлахъ земства, лишается права взваливать вину и отвѣтственность за неуспѣшный ходъ дѣлъ на одно правительство, какъ было доселѣ, но само несетъ бо̀льшую часть отвѣтственности. Наконецъ, нельзя сказать, чтобы правительство, при такой передачѣ, отчуждало эти новыя установленія отъ своего контроля и освобождало ихъ отъ зависимости. Совершенно напротивъ. Земскія учрежденія отвѣтствуютъ, какъ и всякое другое правительственное учрежденіе. Въ § 8 сказано: «Земскія учрежденія подвергаются законной отвѣтственности порядкомъ, ниже сего указаннымъ, за превышеніе власти, за дѣйствія противныя существующимъ законамъ, за неисполненіе основанныхъ на законѣ требованій мѣстныхъ начальствъ, за *неправильныя распоряженія по ввѣреннымъ имъ хозяйственнымъ дѣламъ* и за всякій ущербъ или стѣсненіе, нанесенные обществамъ или частнымъ лицамъ».

Первые пять параграфовъ Положенія опредѣляютъ весьма точно кругъ дѣйствія земскихъ учрежденій. Они всѣ касаются мѣстныхъ хозяйственныхъ пользъ и нуждъ и исчислены съ величайшею подробностью, начиная отъ завѣдыванія имуществами, капиталами и денежными сборами до охраненія хлѣбныхъ посѣвовъ отъ сусликовъ. Въ этомъ исчисленіи обращаемъ вниманіе читателей на пунктъ VII, гдѣ сказано: «участіе, *преимущественно* въ хозяйственномъ отношеніи и въ предѣлахъ закономъ опредѣленныхъ, въ попеченіи о *народномъ образованіи...*» Хотя здѣсь и употреблено выраженіе *преимущественно* въ *хозяйственномъ* отношеніи, но оно не значитъ, чтобъ это попеченіе было *исключительно* хозяйственнаго свойства и ничего больше...

§ 6 говоритъ: «Земскія учрежденія, въ кругу ввѣренныхъ имъ дѣлъ, дѣйствуютъ *самостоятельно*». Это очень важное право, за которое нельзя не благодарить правительство. Въ дальнѣйшемъ изложеніи эта «самостоятельность» опредѣляется §§ 8 (который мы привели выше), 9, 10, 48, 56 и 100-мъ. Вотъ эти §§:

9) «Начальникъ губерніи имѣетъ право остановить испол-

ненiе всякаго постановленiя земскихъ учрежденiй, противнаго законамъ или общимъ государственнымъ пользамъ. Въ порядкѣ и срокахъ такого распоряженiя соблюдаются правила, указанныя въ 94, 95 и 96 ст. сего Положенiя. Министръ внутреннихъ дѣлъ, съ своей стороны, въ промежутокъ времени между двумя сроками засѣданiй земскаго собранiя, можетъ остановить постановленiе противное законамъ или государственнымъ пользамъ, сообщая о томъ собранiю въ первое назначенное для его засѣданiй время».

10) «Если земскими учрежденiями не будетъ сдѣлано распоряженiй къ исполненiю тѣхъ повинностей, отправленiе которыхъ законъ признаетъ обязательными для земства, то начальникъ губернiи, когда напоминанiя его останутся безуспѣшными, приступаетъ, съ разрѣшенiя министра внутреннихъ дѣлъ, къ непосредственнымъ исполнительнымъ распоряженiямъ на счетъ земства».

48) «Избранный земскимъ собранiемъ предсѣдатель уѣздной управы (ст. 46) утверждается въ этой должности начальникомъ губернiи. Въ случаѣ отсутствiя предсѣдателя, мѣсто его заступаетъ одинъ изъ членовъ управы, также съ утвержденiя начальника губернiи».

55) «...Избранный земскимъ собранiемъ предсѣдатель губернской управы утверждается въ должности министромъ внутреннихъ дѣлъ. Въ случаѣ отсутствiя предсѣдателя, мѣсто его заступаетъ одинъ изъ членовъ управы, также съ утвержденiя министра внутреннихъ дѣлъ».

100) «Правила о производствѣ дѣлъ въ земскихъ собранiяхъ установляются первоначально министромъ внутреннихъ дѣлъ. Губернское собранiе имѣетъ право представлять объ измѣненiи или дополненiи сихъ правилъ на разрѣшенiе министра».

Мы, впрочемъ, не станемъ излагать въ подробности содержанiе этого Положенiя, которое вѣроятно уже прочтено всѣми нашими читателями. Мы сообщимъ на первый разъ читателямъ только нѣкоторыя наши замѣчанiя. Самымъ важнымъ въ Положенiи представляется то, что крестьяне, еще недавно бывшiе въ полной зависимости отъ помѣщиковъ, теперь наравнѣ съ помѣщиками призываются къ участiю въ общихъ дѣлахъ, хотя бы только хозяйственныхъ, своего уѣзда и губерніи. Не знаемъ, какъ воспользуются крестьяне этимъ правомъ и какая будущность ожидаетъ на практикѣ эти новыя учрежденія, но самый фактъ оффиціальнаго призванія и соединенія крестьянъ на равныхъ правахъ съ прочими высшими и привилегированными сословіями уже многозначителенъ и важенъ. Можно даже сказать, что этотъ фактъ есть наиважнѣйшій результатъ всего Положенія. Конечно, исторія нашей администраціи представляетъ уже намъ примѣры такого призыва крестьянъ къ участію въ дѣлахъ судныхъ и административныхъ,—въ лицѣ, напримѣръ, *сельскихъ засѣдателей* въ уѣздныхъ и земскихъ судахъ, уже около столѣтія «засѣдающихъ»,—и нельзя сказать, чтобъ эти примѣры были вполнѣ назидательны, но едвали было бы основательно предполагать, чтобъ повтореніе подобныхъ примѣровъ было возможно... Способъ допущеннаго для крестьянъ представительства и избирательства довольно сложенъ и поставленъ—въ зависимость отъ вліянія мироваго судьи или посредника. По 30, 31 и 32 §§ это представительство проходитъ слѣдующія ступени:

1) Отъ сельскаго общества избираются представители на волостной сходъ по 10 отъ двора.

2) Волостной сходъ избираетъ изъ среды себя выборщиковъ, по одному отъ каждаго общества.

3) Выборщики отъ каждаго волостнаго схода всѣхъ волостей, находящихся въ мировомъ участкѣ, сходятся къ мировому посреднику и выбираютъ 4 или 5 или 6 гласныхъ въ уѣздное собраніе.

4) Наконецъ изъ гласныхъ уѣзднаго собранія выбираются гласные въ губернское земское собраніе.

Эти крестьяне-выборщики, сошедшись къ мировому посреднику, обязаны избрать еще себѣ «предсѣдателя», котораго *утверждаетъ* посредникъ (слѣдовательно, можетъ и не утвердить). Самое слово *предсѣдатель* едвали подходитъ къ характеру крестьянской сходки, къ крестьянскимъ обычаямъ и нравамъ... Число гласныхъ отъ землевладѣльцевъ въ большинствѣ уѣздовъ равняется числу гласныхъ отъ прочихъ двухъ сословій, городскаго и сельскаго (см. § 33 и приложенную къ нему вѣдомость), и это составляетъ существенное различіе настоящаго Положенія съ проектомъ, предварительно распубликованнымъ. Судя по вѣдомости, въ нѣкоторыхъ, впрочемъ очень немногихъ уѣздахъ, эта пропорція измѣняется, т. е. число крестьянскихъ гласныхъ равняется даже числу гласныхъ отъ землевладѣльцевъ и горожанъ.—Предсѣдателемъ уѣзднаго всесословнаго собранія назначается уѣздный предводитель, а губернскаго всесословнаго—губернскій предводитель дворянства ..

Мы не имѣемъ, кажется, надобности напоминать читателю, что мы сохраняемъ ту же точку зрѣнія на земскія учрежденія, съ которой глядѣли и на судебную реформу и вообще на всѣ законодательныя преобразованія, совершаемыя въ настоящее время — при отсутствіи органическаго творчества въ нашей настоящей общественной жизни Мы смотримъ на изданныя земскія учрежденія. какъ на фактъ значительный, важный, изъ котораго жизнь можетъ и должна извлечь для себя всяческую пользу, но мы не въ правѣ были бы отнестись къ этому законодательному акту со всею строгостью критики, со всѣми тѣми требованіями, которыя умѣстны только въ отношеніи къ трудамъ органическаго законодательства. Впрочемъ мы еще возвратимся не разъ къ этому новому «порядку и благоустроенію» земства, а теперь, въ заключеніе, позволимъ себѣ предложить одинъ скромный вопросъ—въ той надеждѣ, что «Сѣверная Почта» не откажетъ дать намъ на него отвѣтъ вполнѣ удовлетворительный:

Народонаселеніе въ тридцати трехъ губерніяхъ приводится въ движеніе	
Избирается уѣздныхъ гласныхъ, согласно съ вѣдомостью	13,015
Губернскихъ гласныхъ	2,226
Учреждается уѣздныхъ собраній	354
Губернскихъ	33
Учреждается уѣздныхъ земскихъ управъ	354
Губернскихъ управъ	33
Членовъ уѣздныхъ земскихъ управъ (если считать только по три, а ихъ можетъ быть и шесть)	1,062
Членовъ губернскихъ управъ	231

А потому желательно было бы знать, какъ великъ *общій* итогъ суммъ, которыми всѣ эти лица и мѣста будутъ теперь же завѣдывать?...

Развитіе областной мѣстной литературы условіе для полноты развитія областной мѣстной жизни.

«День», 15-го февраля 1864 г.

Слабый корень и пышный цвѣтъ—не благонадежные признаки растительной силы. Не благонадеженъ тотъ государственный строй, гдѣ вся жизнь областная поглощена столичной, гдѣ область безмолвствуетъ, не кладетъ на общіе государственные вѣсы тяготы своего рѣшенія, своей воли,—гдѣ весь центръ тяжести государства сосредоточенъ въ столицѣ, а все остальное—безъ груза, безлично, не представляетъ ни упора, ни силы начинанія. Такова Францція, таково отношеніе Французской провинціи къ Парижу,—и исторія послѣднихъ семидесяти пяти лѣтъ достаточно ярко свидѣтельствуетъ, насколько подобное значеніе провинціи въ государствѣ упрочиваетъ крѣпость государственнаго строя и содѣйствуетъ общественному благосостоянію. Нынче Парижъ свергаетъ съ престола династію, провозглашаетъ республику,—и вся остальная Французская *земля* съ ея 35-милліоннымъ населеніемъ покорно слушается команды своего прихотливаго властелина и безъ всякаго сочувствія къ республиканскимъ формамъ волей-неволей наряжается въ республику; завтра—мѣстное начальство въ провинціи получаетъ ордеръ изъ Парижа—вмѣсто республики провозгласить имперію, или вмѣсто имперіи королевство, или вмѣсто одной династіи другую,—и провинція безпрекословно мѣняетъ формы правленія, какъ платье, даже не предъявляя своего veto, даже не претендуя на то, что ею помыкаютъ какъ пѣшкой и безцеремонно обходятся безъ ея предварительнаго согласія. Отъ этого нигдѣ такъ легко не совершаются революціи, какъ во Франціи, и повелѣнія мѣняющихся правительствъ изъ Парижа быстро обтекаютъ на города, на Францію во всѣхъ направленіяхъ, не встрѣчая нигдѣ ни задержки, ниже зацѣпинки: путь гладокъ,—хоть шаромъ покати. Отъ этого, т. е. именно отъ того, что провинція не имѣетъ во Франціи никакого политическаго значенія, элементъ охранительный или такъ-называемый консервативный, такъ въ ней безсиленъ и робокъ; отъ того, что центръ тяжести заключается не въ самой землѣ, а въ столицѣ, всякій завладѣвшій случайно этимъ центромъ, дѣлается господиномъ земли. Шатость трона, колебаніе административныхъ системъ, отдающееся тяжелыми потрясеніями въ жизни народной, оставляющее всякій разъ глубокіе слѣды на благосостояніи областей,—тайное сознаніе своей непрочности въ правительствѣ, несмотря на весь внѣшній блескъ, на всю обстановку внѣшняго могущества: вотъ къ чему привело Францію это преобладаніе столицы, это отсутствіе крѣпкой мѣстной провинціальной органической жизни, — которую, конечно, не могутъ замѣнить ни Французскія земскія учрежденія, дарованныя ей современнымъ правительствомъ и сохраняющія за собою Французскій казенный бюрократическій характеръ, ни представительство областей въ законодательномъ корпусѣ, ни весь этотъ казенный бюрократическій конституціонный снарядъ, созданный не самою жизнью, а сложенный, справленный, введенный, поддерживаемый и пускаемый въ ходъ извнѣ, сверху, дѣйствіемъ самой власти. И понятно! Дѣло не въ однихъ учрежденіяхъ, прилаженныхъ какъ колеса къ общему административному механизму,—не въ децентрализаціи, предназначенной служить той же идеѣ централизаціи и употребляемой только какъ болѣе удобное административное средство! Дѣло въ томъ, чтобъ провинція, чтобы всякая мѣстность жила не только для государства, но и сама для себя, не только общею, но и своею мѣстною жизнью; чтобы столица служила только къ объединенію этихъ частныхъ жизней, къ обобщенію мѣстныхъ вопросовъ, чтобъ въ ней области сознавали себя, какъ единую *землю*, чтобъ она была органомъ всеобщаго земскаго единства и всенароднаго сознанія. Этой мѣстной жизни, не административной только, но общественной, не внѣшней только, но и духовной, во Франціи почти нѣтъ, до такой степени, что, по свидѣтельству самихъ Французовъ, число выходящихъ въ провинціи книгъ и обороты мѣстной книжной торговли поражаютъ своею ничтожностью. Этой внутренней мертвенности провинцій, конечно, не въ состояніи пособить никакія казенныя Французскія провинціальныя или земскія учрежденія: эти учрежденія, повторяемъ, не представляютъ изъ себя живыхъ органовъ общаго организма, совершающихъ свои частныя и вмѣстѣ общія органическія отправленія, а напротивъ того, имѣютъ только одно значеніе колесъ, пружинъ или другихъ принадлежностей общаго государственнаго *механизма*; поэтому ихъ машинальное, пассивное дѣйствіе, при всей наружной стройности управленія, остается непроизводительнымъ, такъ сказать непитательнымъ для государства, и не даетъ ему ни силы, ни прочности.

Совсѣмъ другое отношеніе провинціи къ столицѣ въ Россіи, и если оно представляется иногда иначе, если оно не всегда проявляется въ дѣйствіи, то тѣмъ не менѣе оно живетъ хотя бы и не отчетливо въ нашемъ сознаніи, во внутренней, глубокосокрытой сущности нашихъ историческихъ преданій въ современной жизни какъ смутное нравственное требованіе. Конечно, не на столицѣ и ея значеніи зиждется у насъ крѣпость нашего государства. Конечно, не благодаря столицѣ такъ твердъ и незыблемъ нашъ государственный строй, а скорѣе и вѣрнѣе—вопреки столицѣ; не ею держится у насъ государство, а землею. Что̀ бы сталось съ Россіей, еслибъ она управлялась не внутренними силами, не органическими началами своего, хотя бы и безмолвнаго земства, а только и единственно Петербургомъ, и была способна вполнѣ подчиниться его вліянію, — такъ сказать вертѣться, какъ флюгеръ, по волѣ всѣхъ вѣтровъ, дующихъ тамъ изъ-за границы, вѣдоизмѣняться по прихоти всѣхъ теоретиковъ, начинившихъ свои пустыя головы заемнымъ содержаніемъ, и благоговѣющихъ предъ всякою послѣднею модною теоріею привезенною съ Запада? Что̀ бы сталось съ Россіей, еслибъ въ ней не было земства, еслибъ не было охранительнаго упора въ томъ населеніи, которое живетъ внѣ столицъ, въ ея областяхъ, въ уѣздахъ, въ селахъ? Ей пришлось бы быть поперемѣнно то Голландскою, то Нѣмецкою, то Французскою, то бюрократически централизованною, то расцентрализованною, то федеральною, то конституціонною, то республиканскою, то демократическою, то желто-Австрійскою, то красною,— однимъ словомъ гнуться, ломаться и мѣнять свой строй и бытъ, смотря по тому, какая теорія въ Петербургскомъ обществѣ беретъ верхъ и торжествуетъ, какіе столичные пролетаріи забираютъ вліяніе и силу. Къ счастію нашему, *существованіе* Россіи независитъ ни отъ случайнаго успѣха той или другой Петербургской доктрины, той или другой политической партіи, и если бы даже—предположимъ невозможное—удалось столицѣ ввести такую органическую перемѣну въ законодательство, которая подрываетъ всѣ основные принципы нашей народности, то, благодаря областному населенію всѣ эти столичные перевороты остались бы безъ послѣдствій.

Итакъ, наша сила, наша крѣпость вся въ земствѣ. Имъ держится не только нашъ общественный строй, но и само государство. Но, къ сожалѣнію, этотъ упоръ, эти силы сказываются только тогда, когда исторія обращается къ нимъ съ вопросомъ, когда опасность касается бытія или существенныхъ коренныхъ основъ нашего государственнаго и общественнаго строя. Но вопросъ не всегда становится исторіею во всей его осязательной рѣзкости, опасность не всегда,—напротивъ того, чрезвычайно рѣдко,—представляется угрожающею непосредственно народному существованію или коренному государственному принципу: множество опасностей такихъ, которыя по видимому не важны и, являясь не въ грубой формѣ, не вызываютъ охранительнаго отпора въ земствѣ, пробуждающагося у насъ, какъ извѣстно, только при большихъ оказіяхъ,—а между тѣмъ, медленно и незамѣтно, дѣйствуя на второстепенныя условія общественнаго бытія, подтачиваютъ его духовную силу и крѣпость. Разумѣется, еслибъ дѣло шло о нарушеніи цѣльности и единства Руси, о перемѣнѣ вѣроисповѣданія, формы правленія, то хотя бы столица и изъявила на то согласіе, областная мощь Россіи выступила бы тогда во всемъ своемъ охранительномъ значеніи; но дѣло идетъ у насъ, большею частью, не о такихъ крупныхъ и грубыхъ вопросахъ, а о господствѣ той или другой административной доктрины, той или другой общественной моды, о такихъ преобразованіяхъ, направленіяхъ, вліяніяхъ, которыя могутъ быть не менѣе вредны, могутъ привести къ существеннымъ измѣненіямъ въ общемъ ходѣ Русской жизни, а между тѣмъ не встрѣчаютъ въ ней надлежащаго готоваго отпора и наконецъ даже разрушаютъ въ ней мало-помалу и самую эту энергію ея охранительнаго элемента...

Болѣе чѣмъ когда-либо нужно намъ призвать къ жизни нашу провинцію. Болѣе чѣмъ котда-либо слышится, даетъ себя чувствовать наша столичная несостоятельность въ разрѣшеніи общихъ земскихъ вопросовъ, наше столичное духовное истощеніе. Было время, когда въ Россіи самородною крѣпостью отличалась областная жизнь, когда все крѣпко сидѣло на своемъ корню, сплетаясь вѣтвями и зелеными верхами, въ непроницаемую чащу лѣса. Мы не говоримъ о времени удѣловъ, но даже и при Московскихъ царяхъ единодержавіе не поглощало значенія земли, и въ землѣ не терялась область,—не въ смыслѣ какой-либо уродливой политической федераціи а въ смыслѣ живаго единства при свободномъ развитіи мѣстной жизни. Ни одинъ органъ не жилъ на счетъ другаго, но жизнію каждаго органа была сильна общая жизнь организма. Эта жизненность областей, при неменѣе жизненномъ сознаніи себя единою Русскою землею, спасла Русское государство въ 1612 году. Возстали области и возстановили Москву съ ея значеніемъ государственнаго и земскаго единства, свидѣтельствуя тѣмъ самымъ, какъ чужда имъ всякая мысль о единствѣ искусственномъ, внѣшнемъ, федеративномъ, какъ дорого имъ единство живое, цѣльность духовная, земская и государственная,—и въ какой высокой степени обусловливается это единство и эта цѣльность—повсемѣстностью жизни во всѣхъ концахъ и углахъ Россіи. Какъ мало имѣла столица деспотическаго значенія для земли—доказывается тѣмъ, что, по свидѣтельству даже грамоты на избраніе Царя Михаила Ѳедоровича,—Шуйскій, хотя и провозглашенный Москвою на царство, сведенъ былъ съ престола на томъ именно основаніи, что, кромѣ Москвы, на то не было испрошено согласія остальной земли, и его «многіе городы не похотѣли...» Но, при дальнѣйшемъ развитіи нашего государственнаго строя, земство все болѣе и болѣе теряло свое значеніе, а вмѣстѣ съ земствомъ и областная жизнь,—ибо одно безъ другаго немыслимо. Не способно земство рѣшить ни одного общаго вопроса, если отвыкло рѣшать вопросы мѣстные и вершить свои собственныя дѣла; не можетъ оно дать крѣпости государству, если не крѣпко у себя на корню: пока село, уѣздъ, деревня не будутъ жить полнотою собственной своей жизни, до тѣхъ поръ правильное развитіе организма не возможно, и земство является только бюрократическимъ призракомъ, вызываемымъ только для наружной красивости и симметріи. Ослабленіе земской и областной силы сдѣлало возможными бунты стрѣльцовъ и произведенные ими перевороты, но несмотря на то, только опираясь на остатки прежней областной силы, могла верховная власть справиться съ крамольными стрѣльцами. Съ тѣхъ поръ жизнь областей оскудѣвала все болѣе и болѣе, сила земства укрылась въ глубь, гдѣ держится и понынѣ, и несмотря на долгое ослабляющее бездѣйствіе, выступаетъ и теперь всякій разъ, въ великія минуты исторіи, въ рѣшительный часъ жизни и смерти для Россіи. Тяжелы были для земли Петербургскіе перевороты въ XVIII вѣкѣ, но она долготерпѣливо сносила ихъ, блюдя только, до лучшихъ временъ, сохранность своего основнаго народнаго строя. И земля—надѣемся мы—перемогла и перебыла времена худыя, и, претерпѣвъ до конца, спасена будетъ.

Сила, проявляющаяся теперь только пассивно, должна стать наконецъ положительною, производительною силою. Не охраненіе только, но и развитіе народныхъ началъ должно принадлежать ей. Послѣ переворота Петра, столица (мы разумѣемъ здѣсь Москву и Петербургъ вмѣстѣ), сосредоточивъ въ себѣ не только административную, но и всю умственную жизнь Россіи, была проводникомъ для остальной земли добра и зла чуждой цивилизаціи, прививала къ ней чужое знаніе и забвеніе своего, и деспотически господствовала авторитетомъ моды, вкуса, науки, теоріи. Провинція, въ нравственномъ отношеніи, подпала полнѣйшему рабству столицѣ; подражаніе столицѣ стало болѣзненною наклонностью провинціальнаго общества, истощавшею его духовныя силы, отнимавшею у него всякую оригинальность, самость, своеобычность, т. е. всякое творчество, всякую жизненность. Явился «провинціализмъ»,—какъ явленіе комическое, выражающее именно неравномѣрность отношеній уровня столичнаго и провинціальнаго, — и уклоненіе провинціи отъ идеала, представляемаго столицами. Литература, какъ и выраженіе общественной жизни, существовала только въ Москвѣ и Петербургѣ, и провинція безмолвствовала.—Все это могло продолжаться до тѣхъ поръ, пока не пройденъ былъ тотъ историческій кругъ, въ который вступила Россія съ реформою Петра, пока столица не совершила своей исторической миссіи, состоявшей въ томъ, чтобъ введеніемъ Русской земли въ кругъ всемірнаго просвѣщенія и фактическимъ распространеніемъ свѣдѣній, возбудить въ ней самобытную дѣятельность духа, работу самосознанія, жажду своеобразнаго творчества.

Пока интеллигенція въ Россіи, не исключая въ томъ случаѣ и правительства, жила полною невозмутимою вѣрою въ Западъ, она могла, говоря ея языкомъ, игнорировать провинцію и пренебрегать ею. Но какъ скоро эта вѣра нарушена, какъ скоро источникъ тѣхъ духовныхъ силъ Запада, которыми мы такъ долго пробавлялись, былъ исчерпанъ, истощенъ до дна и оказалось, что далѣе черпать невозможно безъ утраты всякой не только духовной, но и политической самостоятельности; какъ скоро заемный свѣтъ, которымъ мы полтора столѣтія освѣщались, явился безсильнымъ, чтобъ разогнать мракъ все болѣе и болѣе сгущавшійся у насъ подъ ногами и напротивъ все ярче и ярче раскрывалъ міру наши язвы и уродливые наросты,—какъ скоро литература стала дѣйствительно пріобрѣтать силу и ея слово стало вѣсить въ разрѣшеніи общихъ земскихъ вопросовъ, — бѣдность жизненнаго содержанія тотчасъ же оказалась въ столицахъ, и уже не провинція, какъ прежде къ столицѣ, а уже столица стала тяготѣть къ провинціи. Да, если это явленіе еще не всѣми ощущается, еще не рѣзко выступаетъ наружу, то оно тѣмъ не менѣе существуетъ и скоро предстанетъ во всей своей правдѣ. Можно положительно сказать, что теперь наступаетъ иная пора, по *тяготѣнію столицы къ провинціи.* Начало этому положило освобожденіе крестьянъ съ его послѣдствіемъ—мировыми учрежденіями. Это явленіе вполнѣ законно, вполнѣ понятно и въ высшей степени благотворно. Въ немъ выражается стремленіе—стать ногами на почву, изъ области миражей опуститься въ дѣйствительность, изъ призрачности въ реальную жизнь, изъ сферы отвлеченныхъ теорій, одна другую смѣняющихъ, — перейти къ указаніямъ опыта, — отъ печальнаго блужданія, безкорненности и легкоподвижности, оторваннаго, въ зависимости отъ всякихъ вѣтровъ,—къ нравственной зависимости отъ своей народности, отъ своей исторіи,—т. е. къ полнотѣ, къ цѣльности бытія, къ духовной свободѣ.

Мы не говоримъ о какихъ-либо учрежденіяхъ, которыми бы могла укрѣпиться мѣстная общественная почва въ Россіи. Мы оставляемъ этотъ вопросъ въ сторонѣ. Мы не знаемъ еще, какое дѣйствительное значеніе для земства будутъ имѣть новыя земскія учрежденія, которыя кто-то, кажется, сравнилъ недавно, безъ достаточнаго конечно основанія, съ Французскими префектурными совѣтами. Мы можемъ только сказать, что подобныя учрежденія не создаются вдругъ, изъ головы, на основаніи теоріи, но должны быть созданы самою жизнью. А для того, чтобъ жизнь получила вновь способность творить и создавать, необходимо дать ей просторъ, необходимо, чтобъ она чувствовала себя полноправною жизнью, свободно дышала, дѣйствовала и выражалась. Первое условіе жизненнаго простора—просторъ мнѣнія и слова. И потому, если этотъ просторъ нуженъ столичной общественной жизни, то едвали еще не болѣе нуженъ онъ *теперь* провинціи, гдѣ въ переживаемую нами минуту дѣлается настоящее *дѣло*, гдѣ люди не праздны и праздное слово не досуже, гдѣ за дѣльнымъ словомъ можетъ тотчасъ же идти его выполненіе, гдѣ теорія можетъ тотчасъ приложиться на практикѣ. Развитіе областной литературы, близкой къ грунту, стоящей у самаго корня, у самаго источника земской жизни, было бы не только чрезвычайно полезно Россіи въ настоящее время, но совершенно необходимо. Оно отрезвило бы насъ, столичныхъ публицистовъ, не рѣдко путающихъ только рѣшеніе вопросовъ сужденіями отвлеченными, выражающими только отчужденность нашу отъ народной жизни, оно сообщило бы и нашему столичному слову осторожность и полновѣсность, представляя и готовую повѣрку областнаго опыта, и обиліе фактическихъ данныхъ; оно избавило бы провинціальное общество отъ столичнаго литературнаго деспотизма,—оно сдерживало бы въ уздѣ нашихъ отважныхъ на эксперименты теоретиковъ—бюрократовъ. При общемъ теперь провинціальномъ безмолвіи раздается почти одиноко громкій голосъ столичныхъ публицистовъ, не слыша возраженій и смущая своимъ авторитетомъ непривычную къ слову провинцію. Нерѣдко отъ неумѣстнаго примѣненія нашихъ столичныхъ совѣтовъ, провинція кряхтитъ, скрипитъ, ежится, протестуетъ, какъ умѣетъ, большею частью неловко и неуклюже, стыдится огласки, боится безпощадныхъ насмѣшекъ столичнаго либерализма.—

Но пусть эта областная жизнь обрѣтетъ свободный языкъ, вооружите провинціи словомъ, дайте возможность сказать свое мнѣніе туземщинѣ въ каждой мѣстности.—какъ много доселѣ неслыханнаго *дѣльнаго* скажется въ Русской литературѣ, неизбалованной дѣльностью, сколько полновѣсныхъ опытомъ и житейскою мудростью рѣчей раздастся въ оглушительномъ хорѣ голосистыхъ крикуновъ столичныхъ,—какъ много правды провинціальной смѣнитъ столичной лжи!.. Намъ кажется, что наше собственное сознаніе въ этой пользѣ провинціальной литературы, сознаніе столичной газеты имѣетъ въ этомъ отношеніи нѣкоторое значеніе. Мы говоримъ по собственному убѣжденію, что въ настоящее время ни одинъ жизненный вопросъ для Россіи не можетъ быть обсужденъ надлежащимъ образомъ въ столичной литературѣ, и мы на каждомъ шагу чувствуемъ недостаточность практическихъ указаній опыта (а этотъ опытъ совершается, эта практика происходитъ на пространствѣ цѣлой части свѣта!), на каждомъ шагу испытываемъ желаніе слышать голосъ съ мѣста, прямо съ почвы, изъ среды самой жизни, не искусственной, не призрачной, а живой органической, дѣйствительной, несомнѣнной, гдѣ слово вѣско, гдѣ за словомъ слѣдуетъ дѣло, гдѣ самое дѣло передъ всѣми во очію. Нашей столичной атмосферѣ недостаетъ запаха нивъ и полей, хлѣба и лѣса,—а вѣдь наша земская сила едвали не вся въ селѣ; по крайней мѣрѣ нигдѣ село не имѣетъ такого значенія, какъ въ Россіи,—нигдѣ ему не предстоитъ такой будущности... Въ этомъ отношеніи провинціальная литература поставлена въ несравненно-выгоднѣйшія условія и могла бы оказать неизмѣримую услугу Русскому умственному развитію, если бы.... если бы она существовала!...

Третья годовщина отмѣны крѣпостнаго права.

«День», 22-го февраля 1864 г.

Кто изъ читателей—да нѣтъ, быть не можетъ на Руси такого читателя, который бы не помянулъ благодарнымъ и радостнымъ сердцемъ, на истекшей недѣлѣ, годовщины манифеста 19 февраля! Кто не старался въ этотъ день воскресить въ своей памяти всѣ подробности того торжественнаго дня, всѣ ощущенія той великой исторической минуты, когда дьяконъ сталъ на церковный амвонъ и началъ чтеніе... Точно будто вся тысячелѣтняя судьба Россіи, вѣка минувшіе и вѣка грядущіе, вся жизнь Русскаго народа, прошлая, настоящая, будущая, вся она—цѣльная, нераздѣльная, внѣ пространства и времени, прихлынула, слилась, сжалась въ одинъ этотъ мигъ, и замерла въ одномъ всеобщемъ сдержанномъ біеніи сердца... Мы имѣли счастіе слышать объявленіе этого манифеста въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ, этомъ святомъ свидѣтелѣ судебъ Московскаго государства, и казалось—древніе стѣны и своды, какъ живые, приникли слухомъ, и воспринимали новорождающуюся эру и полагали на событіе—величавое знаменіе исторіи... И невольно переносишься воображеніемъ въ то недавнее время, когда темнымъ-темно было вокругъ, и впервые, едва-едва, стала заниматься заря свободы!.. О, сколько умиленія, какимъ обиліемъ добраго чувства обогатился Божій міръ при первой вѣсти о рескриптахъ дворянству въ концѣ 1857 года, какимъ благодатнымъ тепломъ согрѣлся и ожилъ къ надеждѣ изстрадавшійся Русскій народъ!.. Но

Все проститъ онъ безъ разсчета,
Устоявшій въ дни тревогъ.
Онъ, чей духъ годину гнета
Пережилъ и перемогъ!

говорили мы въ то время, и такъ привѣтствовали за него наступленіе 1858 года:

Слышишь: новому онъ лѣту
Пѣсню радости поетъ:
Благо всѣмъ, ведущимъ къ свѣту,
Братьямъ съ братьевъ снявшимъ гнетъ!
Людямъ миръ, благословенье,
Горькихъ мукъ исчезнетъ слѣдъ,
Дню вчерашнему—забвенье,
Дню грядущему—привѣтъ!

Просимъ извиненія у читателей за подобныя цитаты нашихъ собственныхъ словъ, но эти стихи очень вѣрно передаютъ тѣ ощущенія, которыя испытывались тогда—конечно не нами одними,—которымъ слѣдъ было бы и вѣкъ жить и пребывать въ сердцѣ, и которыя, растрачиваясь въ ежедневности, вновь оживляются въ годовщину 19 февраля. Мы, какъ извѣстно читателямъ, вовсе не оптимисты, и еще менѣе охочи до того мажорнаго тона, который преподается въ нѣкоторыхъ нашихъ газетахъ; мы довольно строго относимся къ настоящему и многаго-многаго требуемъ отъ будущаго,—но, признаться сказать: многое прощается и забывается и со многимъ примиряешься, какъ только живо вмѣстишь въ свое сознаніе—что долгое чаяніе стало дѣйствительностью, что точно, несомнѣнно, крѣпостныхъ уже нѣтъ и съ 21 милліона людей спали оковы!

Да и кто же можетъ не радоваться этому освобожденію? Кто рѣшится—не то, что высказать въ слухъ, но самому себѣ, въ тишинѣ ночи, въ тайной бесѣдѣ съ собою, сознаться въ томъ, что онъ желалъ бы эти 21 милліонъ людей видѣть еще рабами! Г. Бланкъ... да и тотъ, безъ сомнѣнія, не дастъ въ себѣ мѣста такому акту сознанія: даже и онъ, и вся компанія, избравшая себѣ органомъ Санктпетербургскую газету «Вѣсть», начинаютъ обыкновенно свои рѣчи провозглашеніемъ, что освобожденіе дѣло прекрасное и нельзя ему не сочувствовать, но только совершено оно не такъ, не тѣмъ порядкомъ и способомъ, не съ того боку или конца, не въ той степени выгодно, какъ бы они желали, и пр. и пр.—Конечно, мы и сами не беремъ на себя защиту всѣхъ параграфовъ Положенія 19 февраля; мы видимъ, рядомъ съ добромъ, и такія стороны, которыя могутъ, пожалуй, благодаря слабости нашего общественнаго развитія, обратиться намъ и во вредъ;—конечно было бы желательно, чтобы не такъ, не административнымъ только путемъ совершилась эманципація,—но что̀ же дѣлать, когда у самой жизни не было и еще нѣтъ наготовѣ достаточной силы для органическаго творчества, когда это уклоненіе отъ естественнаго хода является намъ какъ заслуженное наказаніе за наше долгое общественное коснѣніе... Да и у кого хватитъ духу сказать освобождаемымъ изъ оковъ, послѣ цѣлыхъ вѣковъ тяжелаго гнета: «нѣтъ, еще рано; съ васъ снимаютъ оковы не такимъ порядкомъ, какимъ бы слѣдовало; посидите-ка еще въ оковахъ лѣтъ пятьдесятъ или даже больше; терпѣли, терпите еще; страдали, пострадайте и еще полвѣка; помучьтесь еще, пока мы заблагоразсудимъ дозрѣть до надлежащей степени зрѣлости». Спрашивается: какъ бы приняли такой сердобольный совѣтъ эти скованные, терпящіе, страждущіе? Да, какъ бы ни совершилось освобожденіе, но въ самой свободѣ столько блага, столько животворящей силы,—такое добро этотъ святой даръ, что имъ могутъ уврачеваться и самыя раны, исправиться—всѣ недостатки...

И такова историческая сила въ этомъ событіи,—мало того: такой признакъ исторической умѣстности и своевременности въ совершившемся переворотѣ, что эти три года, раздѣлившіе нашу новѣйшую исторію на два періода—*до* и *по* уничтоженіи крѣпостнаго права, если еще не совсѣмъ отшибли, то уже начинаютъ замѣтно отшибать память былаго, по крайней мѣрѣ у насъ, у помѣщиковъ. Нужно уже нѣкоторое усиліе, чтобъ вновь живо почувствовать себя душевладѣльцемъ во всей широтѣ своего права надъ человѣческой личностью, на всемъ просторѣ своего личнаго произвола! Разсказы *изъ временъ* крѣпостнаго права кажутся теперь уже чѣмъ-то невѣроятнымъ, несбыточнымъ, или чѣмъ-то очень старымъ, очень давнимъ,—а между тѣмъ эти *времена* отдѣляются отъ насъ только тремя годами,—и несбыточное точно сбывалось еще въ началѣ февраля 1861 года! Манифестъ 19 февраля не бездну прорылъ между двумя эпохами,—потому что съ края на край бездны видѣть еще можно,—но, какъ горою, заслонилъ былое!

Новыми людьми стали мы—и крестьяне и дворяне,—весь народъ... Прогрессивное закрѣпленіе уступаетъ мѣсто прогрессивному же раскрѣпленію. Крѣпость крестьянъ землѣ и обращеніе ихъ съ землею въ личную собственность помѣщика на основаніи вотчиннаго права, отразились и въ дворянскомъ быту, измѣнили отношенія дворянъ къ государству: душевладѣльцы-дворяне не могли уже быть земскими людьми. Но теперь, когда само государство сознало историческую необходимость обновить государственный организмъ притоками новыхъ соковъ,—и искусственность и отвлеченность своего государственнаго развитія—замѣнить живою сущностью народныхъ силъ, всеобщимъ подъемомъ жизни;—теперь, когда, однимъ словомъ, само государство освободило народъ отъ крѣпостнаго рабства, а насъ, дворянъ, отъ тѣхъ путъ, которыми связывала насъ привилегія душевладѣльчества,— только теперь стало возможнымъ *земство* въ Россіи, и начинается для него новая жизнь.

Наша дворянская оппозиція нѣкоторое время взводила такое обвиненіе на правительство, что оно, производя освобожденіе крестьянъ, ставитъ ихъ во враждебное отношеніе къ помѣщикамъ, и возбуждая антагонизмъ между двумя сословіями, имѣетъ въ виду только усилить свою собственную власть, опираясь на сочувствіе народныхъ массъ! Но это обвиненіе, основанное, какъ и многія другія у насъ отвлеченныя представленія, на комбинаціяхъ чужеземнаго опыта и внушенное грознымъ призракомъ заграничнаго соціализма, оказалось ложнымъ. Сочувствіе народныхъ массъ, конечно, усилило власть государства, но это сочувствіе не рабская благодарность, а сочувствіе народа свободнаго, плодоносное и животворное, и оно будетъ тѣмъ животворнѣе, чѣмъ больше будетъ народъ чувствовать себя свободнымъ, чѣмъ слабѣе будетъ антагонизмъ между сословіями. Антагонизма между помѣщиками и крестьянами въ настоящее время, по общему отзыву всѣхъ помѣщиковъ, почти уже и не существуетъ. Отъ помѣщиковъ зависитъ, и только отъ нихъ однихъ, чтобъ этого антагонизма не осталось и тѣни, и конечно не стремленія къ Нѣмецкому Herrenrecht, не попытки къ установленію «патримоніальной власти» могутъ содѣйствовать уничтоженію антагонизма. Отмѣна крѣпостнаго права правительствомъ не порождала, но утоляла антагонизмъ, устраняла всѣ вѣковые поводы ко взаимной враждѣ,— не всегда, конечно, выступавшей наружу, но тѣмъ не менѣе упорной, глухой, подъѣдавшей народную жизнь ѣдкой ржавчиной. Эманципація могла бы только въ такомъ случаѣ вызвать и въ Русской жизни страшилище соціализма, если бы помѣщики стали ей упрямо противодѣйствовать и выказывать свое къ ней нерасположеніе. Но, къ счастію Россіи, не таковыми явились помѣщики въ большинствѣ. Тѣ же, которые до сихъ поръ продолжаютъ ворчать на совершившійся переворотъ, и стараются всѣми зависящими до сихъ поръ отъ нихъ средствами выместить на крестьянахъ свою неправедную злобу, свою немощную досаду,—и разными придирками, и внезапно обуявшимъ ихъ педантическимъ формализмомъ (такъ несвойственнымъ Русской природѣ) усиливаются доказать крестьянамъ, что настоящая свобода хуже для нихъ прежняго рабства, — тѣ безумствуютъ, не понимаютъ собственныхъ выгодъ, дѣйствуютъ себѣ самимъ во вредъ, на свою голову, противъ своихъ личныхъ и общихъ, землевладѣльческихъ и всенародныхъ интересовъ. Напротивъ, не только чувство человѣческое, но самый разсчетъ долженъ былъ бы заставить наше дворянство идти на встрѣчу реформѣ, съ открытымъ сердцемъ, съ безусловно доброю волею, и устраненіемъ всякихъ предлоговъ ко враждѣ, уничтоженіемъ всякой предустановленной исключительности общественнаго своего положенія парализировать въ самомъ началѣ всякую попытку къ возбужденію въ простонародьѣ лживаго духа чужеземнаго демократизма. Этотъ чужеземный демократизмъ, въ смыслѣ политическаго принципа, является на Западѣ подъ новымъ видомъ грубѣйшаго деспотизма и противополагается тамъ такому же ложному и гнетущему началу аристократизма. Всякое стремленіе къ созданію аристократіи оправдываетъ и вызываетъ явленіе демократіи, но ни то, ни другое не есть порожденіе Русской земли, намъ несвойственно и дико. Не извнѣ регламентированныя, но бытовыя основы, возвращенныя къ своей свободѣ, должны опредѣлить у насъ отношенія сословій между собою.

Только съ уничтоженіемъ всякаго слѣда былаго антагонизма, всякой тѣни прежней вражды, возможно созданіе той новой силы земства, на которую указываетъ намъ, какъ извѣстно, и правительство недавнимъ обнародованіемъ Земскихъ учрежденій. Чѣмъ скорѣе развяжется узелъ крѣпостнаго права и исчезнутъ всякія обязательныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ, въ видѣ ли издѣльной, или денежной повинности,—тѣмъ выгоднѣе для помѣщиковъ и для крестьянъ, не только въ экономическомъ, но и въ соціальномъ отношеніи. Крестьяне укрѣпятъ свою народную силу — силою сознательною, силою такъ-называемой интеллигенціи; народная почва оплодотворится сѣменами личнаго просвѣщенія землевладѣльцевъ—являющихся не какъ замкнутое сословіе, а какъ классъ людей, безъ различія происхожденія, достаточно образованныхъ и независимыхъ, — какъ цѣлый слой выдѣлившихся изъ народной массы народныхъ единицъ, съ ихъ единичнымъ подвигомъ и значеніемъ въ общественной жизни. Съ другой стороны, сами землевладѣльцы, весь нашъ такъ-называемый образованный классъ, такъ долго чуждый народу, оплодотворится отъ него въ свою очередь духовною силою Русской народности. Двѣ струи—общинное и личное землевладѣніе, общинный бытъ и бытъ единичный, міръ и личность, народный разумъ и личное просвѣщеніе, простой народъ, какъ народъ, какъ цѣльный организмъ, и тотъ же народъ на другой степени своего развитія—въ отдѣльныхъ единицахъ, въ сознательныхъ личностяхъ, дѣйствующихъ какъ общество,—при единствѣ духовномъ, внѣ всякой предустановленной раздѣльности и замкнутости,—эти двѣ струи, проходя сквозь всю Русскую жизнь, должны слиться въ общемъ дѣлѣ—въ одинъ могучій потокъ, въ одну великую силу земства, изъятую такимъ образомъ отъ всякой односторонности въ своемъ развитіи. А эта сила земства — есть въ то же время и сила государства,—или вѣрнѣе сказать, только силою земства и питается государство, только землею оно и прочно.

Мы сказали уже, что правительство, повинуясь само въ себѣ внутреннему историческому двигателю, само ведетъ къ укрѣпленію силы земства, слѣдовательно и своей собственной силы. Въ Земскихъ учрежденіяхъ сдѣланъ шагъ къ сближенію сословій, крестьяне признаны полноправными гражданами наравнѣ съ ихъ вчерашними помѣщиками. Но едвали благая цѣль сближенія будетъ вполнѣ достигнута, если это сближеніе будетъ происходить только въ высшихъ инстанціяхъ, каковыми въ народной жизни являются Земскія Собранія и Управы. Связать верхушки деревьевъ еще не значитъ сблизить ихъ и заставить переплестись корнями. Не только въ области уѣздныхъ или губернскихъ интересовъ, нѣсколько уже отвлеченной для жителей села или деревни, но въ области волостныхъ, сельскихъ интересовъ, и именно въ ней сначала, должно, какъ мы думаемъ, произойти сближеніе между крестьянами и землевладѣльцами. Это сближеніе, безъ сомнѣнія, должно быть совершенно свободное, непринудительное, внѣ всякаго вліянія или вмѣшательства власти, столько же нравственное, внутреннее, духовное, сколько и вещественное, внѣшнее, соціальное. Если помѣщикъ будетъ свято чтить неприкосновенность крестьянскихъ правъ и независимость крестьянскаго самоуправленія и соединитъ свои интересы съ интересами села или волости, если онъ сумѣетъ внушить къ себѣ довѣріе крестьянамъ и сдѣлается ихъ естественнымъ совѣтчикомъ и посредникомъ, безъ всякаго покушенія сѣсть имъ на голову начальникомъ и забрать ихъ въ руки,—тогда, нѣтъ сомнѣнія, крестьяне и землевладѣльцы явятся въ Земскія Учрежденія уже предварительно сближенные и придадутъ земству значеніе дѣйствительной силы: органической, а не механической,—живой, а не бюрократической,—народной, а не мертво-казенной или оффиціальной. Эта земская сила устоитъ тогда противъ наплыва всякихъ чужеземныхъ теорій: и Нѣмецкой штатснауки, и Англійскаго аристократизма, и Французскаго демократизма и соціализма. Тогда и Земскія Учрежденія получатъ свой настоящій смыслъ, тотъ, который безъ сомнѣнія желало видѣть въ нихъ и правительство.

Три года прошло съ 19 Февраля 1861 года, и мы можемъ уже говорить о земствѣ, и такъ сказать осязать руками его будущность. Отъ насъ зависитъ ея совершенное воплощеніе. Сблизиться съ народомъ никто намъ не возбраняетъ и возбранить не можетъ,— благодаря правительству, сломившему вѣковыя преграды. Если же никто не можетъ помѣшать намъ въ сближеніи съ народомъ. то никто, слѣдовательно, не можетъ помѣшать намъ и укрѣплять, черезъ это сближеніе, общественную почву и ковать постепенно великую силу—земщину, нашъ оплотъ и спасеніе, залогъ нашего самостоятельнаго развитія и свободы быта,—силу, призываемую теперь и самимъ правительствомъ...

Быстро несемся мы по новой дорогѣ, но одного недостаетъ намъ путеводителя — свободы мнѣнія и выраженія его въ словѣ. Чѣмъ же такимъ станетъ земство (котораго возрожденія такъ желаетъ правительство), если оно не будетъ знать простора своему мнѣнію и своей рѣчи? Освобожденіе крестьянъ отъ внѣшняго гнета должно неминуемо привесть — и мы этому вѣримъ—къ расширенію правъ мысли и печати: безъ послѣдняго первое несовершенно и не дастъ той полноты добра, которой ждетъ отъ него государство Недостаточно развязать руки въ смыслѣ вещественномъ, какъ сдѣлалъ это благодѣтельный манифестъ 19 Февраля, но нужно еще дать больше воздуха, больше свѣта, — а что же такое просторъ мнѣнія и слова, какъ не воздухъ и свѣтъ?...

Чего можно ожидать отъ земства въ современныхъ условіяхъ?

«День», 20-го іюня 1864 г.

И такъ, «Земскія Учрежденія» станутъ скоро дѣйствительностью. Мы говоримъ *скоро* — основываясь на словахъ Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта, гдѣ сказано: «приступить *нынѣ же* ко введенію Положенія о Земскихъ Учрежденіяхъ въ 33 губерніяхъ». Хотя одинъ изъ §§ правилъ, составленныхъ по сему предмету въ Министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, гласитъ, что начальникъ губерніи приступаетъ ко всѣмъ необходимымъ предварительнымъ распоряженіямъ, предшествующимъ открытію земскихъ собраній не прежде, какъ по полученіи на то особаго предписанія отъ г. министра, — но мы думаемъ, что было бы несправедливо видѣть въ этомъ параграфѣ какое-нибудь противорѣчіе съ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта. Отъ полученія губернаторомъ предписанія г. министра до открытія земскихъ собраній должно пройти не менѣе 5 или даже 6 мѣсяцевъ, а именно: немедленно составляются губернскіе комитеты и уѣздныя коммиссіи (на это израсходуется времени для всей губерніи около двухъ недѣль); затѣмъ, на составленіе уѣздными коммиссіями списковъ избирателей — полагается 2 мѣсяца; на повѣрку этихъ списковъ еще 1 мѣсяцъ; на разсмотрѣніе списковъ въ губернскомъ комитетѣ также 1 мѣсяцъ, и наконецъ до окончанія выборовъ отъ дня постановленія о томъ губернскаго комитета — не болѣе двухъ мѣсяцевъ. И такъ, въ концѣ года, а можетъ-быть въ началѣ будущаго, водворятся въ Россіи, по иниціативѣ самого правительства, земскія учрежденія и организованное имъ земство. «Земство», «земское самоуправленіе» — слова до такой степени многознаменательныя, что всякій мало знакомый съ Россіею, — иностранецъ ли или Петербургскій юный прогрессистъ, — долженъ по неволѣ дивиться той воздержности въ изъявленіяхъ радости, которую до сихъ поръ проявляетъ наше дворянство (о прочихъ сословіяхъ мы уже и не говоримъ). Остатокъ ли это старой, въ привычку обратившейся, недовѣрчивости ко всякимъ административнымъ реформамъ, пока онѣ изъ проекта не перешли въ дѣло, не извѣданы на опытѣ,—или же пріемлемый даръ не вполнѣ соотвѣтствуетъ преувеличеннымъ и неосновательнымъ ожиданіямъ,—или же помѣщики озадачены объемомъ новыхъ своихъ правъ и обязанностей,—или сказывается во всемъ этомъ внутреннее горькое сознаніе своего безсилія, призваннаго играть роль дѣйствительной силы,—роль трудную, многосложную, которую заучить мудрено и которую проиграть имъ едвали и удастся безъ помощи посторонней,—или же наконецъ всему виною наша лѣнь, наша апатія, наше равнодушіе къ общественнымъ и даже своимъ собственнымъ интересамъ, предпочитающее пассивное терпѣніе всякому положительному дѣйствованію??... Отвѣчать на эти вопросы мы предоставляемъ самимъ читателямъ,—членамъ будущаго земства. Во всякомъ случаѣ нельзя не пожалѣть, что такъ мало толковъ, споровъ, разсужденій и вообще подготовительныхъ работъ въ обществѣ—по поводу такой значительной реформы, которой предстоитъ отозваться положительными, ощутительными послѣдствіями на нашей дѣйствительности. Можетъ-быть, если бы могла найти себѣ мѣсто въ литературѣ подробная критика этихъ учрежденій, то отношеніе къ нимъ разныхъ составныхъ элементовъ земства обозначилось бы яснѣе. Можетъ-быть также, еслибъ при составленіи этихъ уставовъ признано было нужнымъ руководствоваться тѣмъ порядкомъ, какой былъ употребленъ при крестьянской реформѣ,—можетъ-быть тогда новое преобразованіе скорѣе бы вошло въ сознаніе всѣхъ—непосредственно заинтересованныхъ въ дѣлѣ... Какъ бы то ни было, но мы съ своей стороны искренно желаемъ, чтобъ новыя учрежденія принесли всю ту пользу, какую только допускаетъ ихъ настоящая рамка, и чтобъ ни въ какомъ случаѣ нельзя было обвинить землевладѣльцевъ въ недостаткѣ дѣятельности и доброй воли...

Мы дѣйствительно держимся мнѣнія, что если помѣщики и вообще землевладѣльцы отнесутся къ новымъ учрежденіямъ добросовѣстно, то польза будетъ и для нихъ и для дѣла, но мы не только не думаемъ видѣть въ теперешнемъ «земствѣ» древнюю до-Петровскую «землю», — но и вообще считаемъ совершенно невозможнымъ смотрѣть на Земскія Учрежденія съ точки зрѣнія общихъ органическихъ началъ Русской народной жизни, или же простирать къ нимъ требованія, которыя были бы умѣстны только въ отношеніи къ органическому законодательству. Всякое смѣшеніе понятій было бы здѣсь и неприлично и даже вредно. Поэтому мы съ своей стороны позволяемъ себѣ посовѣтовать землевладѣльцамъ— взглянуть на дѣло самымъ практическимъ образомъ, стать какъ можно тверже на почву современной дѣйствительности и ясно опредѣлить въ своемъ сознаніи—чтò именно *довлѣетъ дневи*.

Говоря по правдѣ, въ настоящее время не только нечего думать объ осуществленіи какой-нибудь полноты отвлеченныхъ началъ земства, но и вообще необходимо признать, что у насъ земства еще нѣтъ... Древнее понятіе о земствѣ, о землѣ, въ противоположность понятію о государствѣ, предполагало силу болѣе нравственную, силу естественную, свободную, органическую, силу, основанную на духовномъ всенародномъ единствѣ, на тождествѣ началъ, преданій и коренныхъ условій быта,—на цѣльности всего народнаго организма. Эта цѣльность была нарушена переворотомъ Петра, и возстановится, не скоро, — если же и возстановится, то во всякомъ случаѣ не въ томъ первоначальномъ видѣ, въ какомъ она является намъ въ до-Петровской Руси,— возстановится не какъ сила непосредственная, не какъ начало лежащее въ зернѣ, но какъ сила сознанная и закаленная сознаніемъ, какъ начало въ своемъ полномъ развитіи. — Древняя цѣльность порушена, новая еще не создалась, а потому существенный элементъ всякой земской силы — единство и цѣльность—«отсутствуетъ». Крѣпостное право, конечно, уничтожено, и повидимому никакихъ перегородокъ, раздѣляющихъ одно сословіе отъ другаго, болѣе не имѣется,—повидимому ничто не мѣшаетъ полному сближенію и сліянію сословій, именно крестьянъ и помѣщиковъ,— но это только повидимому. Настоящее сближеніе, по необходимости, есть только внѣшнее. Правительство сдѣлало свое дѣло, исполнило то, чтò отъ него зависитъ, сломило юридическія перегородки, — но есть перегородки бытовыя и нравственныя, которыя уничтожить не въ его власти, которыя учтожить можетъ только сама жизнь. Крестьянамъ даруется представительство наравнѣ съ ихъ бывшими помѣщиками, — они сравнены въ правахъ, голосъ имѣютъ одинаковый, могутъ судить и рядить вмѣстѣ съ ними, засѣдаютъ въ одной комнатѣ, за однимъ столомъ, на одной мебели. Все это прекрасно, — но мы не должны забывать, что почти сто лѣтъ тому назадъ крестьянамъ было даровано подобное же представительство и въ судѣ, вмѣстѣ съ правомъ подавать свой голосъ наравнѣ съ дворянами, судить дворянъ и приговаривать ихъ къ наказаніямъ, въ качествѣ «сельскихъ засѣдателей уѣздныхъ судовъ». Мы знаемъ всѣ, что̀ изъ этого вышло, и если въ настоящее время повтореніе подобнаго явленія, говорятъ, невозможно, то едвали не возможно повтореніе того, что̀ мы видимъ и теперь въ засѣданіяхъ Московской Общей Думы, гдѣ собранія имѣютъ вполнѣ Европейскій красивый видъ въ красивой залѣ графа Шереметева, гдѣ соблюдаются вполнѣ всѣ формальные порядки, существующіе въ подобныхъ же ассамблеяхъ Европы, и гдѣ говорятъ и дѣйствуютъ только пять-шесть человѣкъ гласныхъ *не* изъ дворянъ, а масса гласныхъ совершенно безгласна. Мы вовсе не ставимъ имъ этого въ вину и убѣждены даже, вмѣстѣ съ М. П. Погодинымъ, что эти безгласные гласные во многихъ случаяхъ знаютъ дѣло несравненно лучше голосистыхъ или говорящихъ гласныхъ—мы еще возвратимся къ этому предмету,—но мы указали на Думу для поясненія нашей мысли: если *Московскіе* мелкіе купцы, мѣща̀не и ремесленники *такъ* относятся теперь къ Думѣ,—то въ правѣ ли мы ожидать настоящей дѣятельности отъ степныхъ мужиковъ, которые большею частію еще сидятъ на барщинѣ? Мы не должны забывать, что еще всего три года прошло со времени обнародованія знаменитаго манифеста 19 Февраля, что крестьянская реформа – этотъ громаднѣйшій изъ соціальныхъ переворотовъ – еще далеко не воплотилась вполнѣ, не совершила круга своего развитія, не оказала всѣхъ своихъ послѣдствій: мы только еще на взлобѣ горы, мы еще не добрались до самой верхушки; мы еще находимся въ самомъ кризисѣ, въ положеніи переходномъ.

Обязательныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ прекратились только у меньшинства бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ: большинство еще сохраняетъ ихъ, слѣдовательно состоитъ къ прежнимъ своимъ владѣльцамъ, т. е. къ теперешнимъ сотоварищамъ своимъ по земству и сочленамъ въ земскихъ собраніяхъ, въ отношеніяхъ обязательныхъ. Это обстоятельство не совсѣмъ удобно,—особенно если вспомнимъ при этомъ, что тѣлесное наказаніе прекращено у насъ только по суду, — а не по суду, какъ мѣра административная, употребляется свободно всѣми администраторами: уничтоженіе тѣлеснаго наказанія, какъ извѣстно, ощущается у насъ только уголовными преступниками изъ крестьянъ, но не вообще всѣми крестьянами.

О здравомъ умѣ, способности и толковитости простаго Русскаго народа говорить нечего; это сдѣлалось уже общимъ мѣстомъ, это единогласно признано и всѣми иностранцами (авторитетъ до сихъ поръ важный для Русскаго общества). Но этотъ умъ, эти способности, этотъ толкъ,—безъ пособія просвѣщенія,—являются таковыми только въ *своей народной* стихіи. Мы уже имѣли случай упоминать о слабомъ развитіи личности (въ ея христіанскомъ значеніи) вообще и личной нравственности въ особенности — въ Русскомъ крестьянствѣ. Почти то же самое можетъ быть примѣнено и къ уму и вообще къ нравственнымъ и гражданскимъ убѣжденіямъ Русскаго простаго человѣка. Крестьянинъ крѣпокъ крѣпостью общаго быта, силенъ *міромъ* и у себя на міру: здѣсь онъ дома, и *міръ*—каждое доступное его понятіямъ практическое дѣло, напр. вопросъ о какихъ-нибудь повинностяхъ, сумѣетъ и разобрать по косточкамъ, сумѣетъ и постоять за свое рѣшеніе. Но вырвите изъ *міра* нѣсколькихъ мужиковъ, приведите ихъ въ великолѣпную залу съ зажженными люстрами, въ родѣ здѣшней Шереметевской или Думской, — посадите ихъ между дворянами на обитые сафьяномъ стулья, заставьте слушать «ораторовъ» дворянскихъ (безъ сомнѣнія, у насъ на всѣхъ земскихъ собраніяхъ явятся тотчасъ свои домашніе Цицероны, у которыхъ теперь уже заранѣе безпокоится и ворочается языкъ),—и вы едвали не обезсилите народную духовную силу. Вы не узнаете мужиковъ — умныхъ, горластыхъ у себя на міру — и безмолвныхъ, можетъ даже робкихъ въ залѣ собранія, частію не понимающихъ ни порядковъ *поставленія вопросовъ*, ни самаго изложенія докладовъ, ни цицероновскаго краснорѣчія членовъ (можетъ-быть даже со ссылками на Маколея), — частію же сознающихъ, что пожалуй могли бы и они ввернуть свое словцо, да словцо-то это ихъ мужицкое, негладкое, нетесанное, будетъ въ разладъ съ общимъ строемъ дворянской рѣчи, — да и предсѣдатель, пожалуй, скажетъ: «*вы, г. членъ*, уклонились отъ вопроса».

Намъ могутъ замѣтить, что это неудобство болѣе внѣшнее чѣмъ существенное, — что оно оказывается всюду, даже въ Европѣ, на всѣхъ собраніяхъ, вслѣдствіе разницы въ уровнѣ просвѣщенія между низшими и высшими классами общества. Съ этимъ мы вполнѣ согласны, но у насъ, кромѣ обычнаго различія въ уровнѣ, или правильнѣе сказать, въ *объемѣ* просвѣщенія, есть еще различіе въ самомъ *качествѣ* просвѣщенія. Объ этомъ мы еще недавно и довольно подробно толковали въ нашихъ статьяхъ объ общественномъ воспитаніи. Между простымъ народомъ и его высшими классамы въ Россіи—лежитъ цѣлый Петровскій переворотъ, которому продолжаетъ еще подвергаться каждый изъ народа, получающій оффиціальное воспитаніе, примыкающій къ дворянской или чиновничьей средѣ. Мужики и дворяне — это Востокъ и Западъ, это Русь до-Петровская и по-Петровская, это двѣ различныя по самымъ началамъ своимъ цивилизаціи (изъ которыхъ первая существуетъ только въ задаткахъ)... Вспомнимъ еще, что оба класса управляются различными соціальными законами, т. е. что народъ нашъ живетъ подъ закономъ общиннаго быта, общиннаго землевладѣнія, а высшіе его классы подъ закономъ личной собственности, и весь бытъ ихъ устроенъ на началѣ личности. Ничего подобнаго не находите вы въ Европѣ: такъ, крестьянская Gemeinde въ Германіи являетъ собою только прототипъ, зерно, изъ котораго развились всѣ прочія общественныя учрежденія, корпораціи цеховъ, городское управленіе, и проч.; одно изъ другаго вышло, построено на одномъ общемъ, для всѣхъ родномъ началѣ: Нѣмецкое деревенское общинное собраніе можетъ узнать себя и въ ландтагѣ. Точно такъ и понятіе о поземельной собственности: оно одно для всѣхъ, присуще всѣмъ классамъ, безъ различія. У насъ же, конечно, никто не станетъ искать родства или сходства между мірскими сходками—и дворянскими собраніями, городскими думами и т. п. Мало этого: мы уже имѣли случай замѣтить, что у насъ въ Россіи 40 милліоновъ народа управляются обычаями и порядками, не внесенными въ нашъ гражданскій Сводъ, не признанными оффиціально нашимъ законодательсвомъ (напр. хоть бы въ дѣлѣ наслѣдства), —тогда какъ мы, т. е. дворяне, помѣщики, личные землевладѣльцы—есмы, живемъ и движемся по Своду Законовъ. —Нужно ли затѣмъ говорить о духовномъ и нравственномъ разобщеніи высшихъ и низшихъ классовъ, о различіи въ отношеніи къ преданіямъ, къ самой вѣрѣ? Не все то, чтò дорого, завѣтно, свято для милліоновъ Русскаго простаго народа—въ той же степени дорого, завѣтно и свято для Россійскихъ дворянъ,—и наоборотъ.

И именно потому, что участіе крестьянъ въ организованномъ свыше земствѣ и въ Земскихъ Учрежденіяхъ, — какъ ни важно оно въ принципѣ и за чтò нельзя не благодарить правительство,—не придастъ однакоже, по нашему мнѣнію, земству настоящей, дѣйствительной силы,—именно потому и дорожимъ мы такъ-называемымъ крестьянскимъ самоуправленіемъ во всей его обособленности отъ участія помѣщиковъ. Мы знаемъ, что подъ благовиднымъ либеральнымъ предлогомъ общаго слiянія сословій и пр. и пр., многіе желали бы посягнуть на эту отдѣльность и сдѣлать помѣщиковъ не только участниками сельскихъ мірскихъ сходовъ, но и начальниками сходовъ и вообще сельскаго и волостнаго управленія. Это значило бы—ради мнимаго, чисто-внѣшняго искусственнаго единства—посягать на единственный резервуаръ дѣйствительной цѣльности и единства, на единственное убѣжище истинной, земской крѣпости, самородной органической силы,—которое мы имѣемъ въ нашемъ селѣ, въ нашемъ простомъ народѣ. Это значило бы—внести въ народный бытъ, помощью власти, *замѣшательство*, по древнему историческому выраженію,—припустить въ него постороннюю примѣсь, затруднить естественный органическій ростъ народнаго самоуправленія и—не создать вновь, а именно нарушить всякую внутреннюю цѣльность, подорвать силу крестьянскую, силу земскую. Только близорукіе этого не видятъ. Нельзя не замѣтить кстати, что плохимъ средствомъ къ созданію цѣльнаго земства какъ силы, и вообще къ сліянію сословій — служатъ такія мнѣнія дворянства, какія выражаются въ извѣстномъ дворянскомъ органѣ, подъ названіемъ «Вѣсть» (по крайней мѣрѣ эта газета таковымъ себя именуетъ), — «Вѣсть», которая пылаетъ бѣшеною ненавистью къ Русскому мужику и изрыгаетъ въ каждомъ № самыя отвратительныя хулы и ругательства на Русскій народъ. Недавно многія газеты съ какимъ-то злорадствомъ подхватили и разблаговѣстили извѣстіе, что гдѣ-то въ Харьковской губерніи волостной судъ высѣкъ крестьянку за колдовство! Прегрессисты наши покраснѣли, сгорѣли со стыда по случаю такого невѣжества, пришли въ ужасъ, — не замѣчая, что въ тѣхъ же самыхъ нумерахъ тѣ же газеты сообщаютъ извѣстія о такихъ явленіяхъ общественной жизни Европы, предъ которыми приговоръ волостнаго суда Харьковской губерніи—свѣтлое пятно на темномъ фонѣ. Да хоть бы, напримѣръ, весь Мекленбургъ-Шверинъ? Не стоитъ ли онъ, съ своими новѣйшими законами о длинѣ и толщинѣ палокъ (6 Ellen lang, $^1/_2$ Zoll dick), которыми помѣщики могутъ бить крестьянъ, безконечно ниже всякой сельской нашей крестьянской расправы? Почему, напримѣръ, Испанцу дозволяется тѣшиться кровавыми бычачьими боями, которые даже украшены у насъ какимъ-то поэтическимъ ореоломъ, Англичанину вмѣняется чуть не въ достоинство боксерство, а бѣдному Русскому мужику кулачный бой ставится чуть не въ позоръ и преступленіе? Почему Итальянскій *бандитъ* лучше Русскаго *разбойника,* а суевѣріе Южной Франціи извинительнѣе и милѣе Русскаго простонароднаго суевѣрья (тогда какъ Русскій народъ изо всѣхъ народовъ наименѣе суевѣренъ)? Но мы увлеклись въ сторону: насъ невольно раздражаютъ эти безсмысленныя нападки на Русскаго мужика и Русскій простонародный бытъ, а также и на крестьянское самоуправленіе, — которыми такъ преизобилуетъ наша *пресса*, преимущественно Санктпетербургская. Мы хотѣли только сказать, что какъ бы иногда ни казались намъ безобразны рѣшенія крестьянскихъ судовъ, но оригинальность, но самородность юридическихъ пріемовъ и понятій есть такое достоинство, которое съ избыткомъ выкупаетъ всѣ недостатки. (Къ тому же развѣ красивѣе и предпочтительнѣе Ѳемида, возсѣдающая въ нашихъ, покуда еще не преобразованныхъ оффиціальныхъ судахъ?) Съ постепеннымъ ходомъ свободнаго развитія, всѣ эти недостатки могутъ исправиться сами собою, а между тѣмъ сохранится—ничѣмъ не замѣнимая сила внутренняго самороста.

И такъ—Земскія Учрежденія, съ своимъ сліяніемъ сословій, сами по себѣ; а крестьянское самоуправленіе—отдѣльное, обособленное, внѣ всякаго «сліянія», пусть остается покуда также само по себѣ, какъ есть. Сліяніе это совершится, но не искусственнымъ внѣшнимъ образомъ, а само собою, когда завалится нравственная и духовная бездна, раздѣляющая доселѣ простой народъ отъ его образованныхъ классовъ. А когда это будетъ—это вопросъ другой, о которомъ мы и поговоримъ въ другое время, но разрѣшеніе котораго, скажемъ мимоходомъ, въ значительной степени зависитъ отъ насъ самихъ, отъ общества, отъ правильнаго развитія въ немъ существенныхъ элементовъ Русской народности.

Сдѣлаемъ же окончательный выводъ изъ всего нами сказаннаго:

Мы благодарны правительству за уничтоженіе юридическихъ сословныхъ перегородокъ въ новыхъ Земскихъ Учрежденіяхъ и за уравненіе правъ крестьянъ и помѣщиковъ; мы признаемъ всю важность этого дара съ точки зрѣнія правительственной; мы полагаемъ, что дворянство и вообще сословіе личныхъ землевладѣльцевъ можетъ воспользоваться имъ не безъ успѣха для дѣла и для своихъ интересовъ. Но было бы совершенно неумѣстно предаваться какимъ-либо самообольщеніямъ, присвоивать Земскимъ Учрежденіямъ то значеніе, котораго они не имѣютъ, и отъ внѣшняго сліянія сословій ожидать настоящаго внутренняго могучаго сліянія. Мы не думаемъ, чтобъ крестьянскому представительству въ земскихъ собраніяхъ предстояло теперь существенное серьезное значеніе (по крайней мѣрѣ этого еще долгое время нельзя ожидать); не думаемъ, чтобы участіе крестьянъ принесло несомнѣнную пользу въ разрѣшеніи «земскихъ» вопросовъ и придало особенную крѣпость и поддержку землевладѣльцамъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, напротивъ, можно скорѣе ожидать теперь, если не антагонизма между крестьянами и прочими членами собраній, то или дѣйствованія со стороны крестьянъ совершенно согласнаго съ видами мѣстныхъ властей, или же совершенно пассивнаго отношенія. Тѣмъ не менѣе участіе въ этихъ засѣданіяхъ будетъ полезно крестьянамъ, способствуя ихъ развитію, раздвигая горизонтъ ихъ понятій, пріучая ихъ къ общественности, и т. д Но безъ крестьянства—земство еще не настоящее земство,—а такъ какъ настоящая земская сила только въ крестьянствѣ, то и не слѣдуетъ подрывать эту силу, и ради насильственнаго или искусственнаго мнимаго сліянія сословій, уничтожать крестьянское самоуправленіе: слiянія не достигнется, а сила будетъ подорвана, и преждевременное слiяніе дастъ плохіе результаты—слабое земство. О крестьянахъ заботиться покуда нечего; главнымъ двигателемъ въ этихъ земскихъ учрежденіяхъ будетъ сословіе личныхъ землевладѣльцевъ, для которыхъ эти учрежденія пусть и послужатъ точкой опоры, внѣшнею, сплачивающей ихъ связью, поприщемъ для упражненія силъ, для пріобрѣтенія навыка къ дѣламъ, мѣстомъ гражданскаго воспитанія. Пусть только не забываютъ они однако, что центръ тяжести въ Русской землѣ—Русскій народъ, и что слiяніе съ этой силой, а слѣдовательно и образованіе крѣпкаго земства—можетъ быть достигнуто не внѣшнимъ наружнымъ способомъ, а черезъ сближеніе въ духѣ, чрезъ единеніе нравственное, въ общихъ началахъ народной жизни, и зависитъ—повторимъ слова наши—преимущественно отъ насъ самихъ, отъ общества, отъ успѣховъ въ немъ—Русскаго народнаго самосознанія.

О дѣятельности дворянства въ земскихъ собраніяхъ.

«День», 24-го октября 1864 г.

Въ послѣдній разъ, воздавая подобающую хвалу патріотизму Русскаго общества, мы выразили мнѣніе, что патріотизмъ нашъ, вообще говоря, хотя иногда и подставляетъ подъ пули и ядра враговъ наши головы, — никакъ однакоже не можетъ назваться головоломнымъ, что онъ болѣе утруждаетъ наше тѣло, чѣмъ нашу душу, расходуетъ чаще наше достояніе вещественное, чѣмъ умственное, и въ послѣднемъ отношеніи довольно дешевъ, т. е. обходится намъ безъ особенныхъ тратъ мысли и духа. Мы говорили, что онъ проявляется большею частью только при большихъ оказіяхъ, въ виду опасностей грозящихъ извнѣ, и вообще «имѣетъ въ предметѣ», какъ любила выражаться наша новѣйшая старина, не столько нравственный, сколько государственный строй Русской жизни, и притомъ преимущественно внѣшній, а не внутренній. Нерѣдко случалось, что отстаивая упорно, не щадя крови, внѣшнее единство и цѣлость нашего государства, мы въ то же самое время нарушали единство духовное и внутреннюю органическую цѣлость народной жизни; защищая на̀ смерть политическія права Русскаго народа, — сами, одновременно, не вѣдая, что̀ творимъ, посягали на права Русской народности. Но главное, отъ чего мы старались всѣми силами предостерегать наше общество, это отъ тѣхъ чрезмѣрныхъ патріотическихъ восторговъ, которые какъ хмѣль кидаются ему въ голову, туманятъ глаза своего рода патріотическимъ маревомъ, отводятъ взоры отъ опасностей дѣйствительныхъ, создавая грозные призраки опасностей небывалыхъ или вовсе не грозныхъ, и заставляютъ торжествовать, какъ побѣду, сокрушеніе мнимыхъ страшилищъ! Такіе восторги вводятъ общество въ опасное самообольщеніе насчетъ своей собственной дѣятельности, способности и силы, и содержатъ его въ состояніи какого-то безотчетнаго самодовольства. Это самодовольство такъ велико, что обличать его представляется даже не совсѣмъ удобнымъ: какъ разъ у патріотовъ какой-нибудь губерніи подвергнешься обвиненію въ недостаткѣ патріотизма и попадешь въ «неблагодарные сыны отечества»! Объяснимся. Тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ опасностяхъ, дѣйствительно угрожающихъ существованію государства, — тамъ дѣйствительно мнѣніе нашего общества не рознитъ съ народомъ, можетъ даже назваться народнымъ, и патріотизмъ его, хотя бы и внѣшній, но соотвѣтствующій требованіямъ настоящей исторической минуты, не только законенъ, но и прекрасенъ; другое дѣло, когда, оставаясь такимъ же внѣшнимъ, онъ переноситъ въ другія сферы ту же внѣшнюю, чисто государственную точку зрѣнія, вытѣсняетъ и упраздняетъ собою въ обществѣ всякую иную, внутреннюю дѣятельность духа, и побуждаетъ насъ довольствоваться одними наружными и дешевыми патріотическими заявленіями, вмѣсто настоящаго труда и настоящаго дѣла. Не говоримъ уже о томъ, что постоянное самовосхваленіе способно, такъ сказать, набить подъ конецъ оскомину менѣе восторженнымъ людямъ и вызвать, по закону реакціи. даже вредную противоположную крайность... Общество, въ припадкѣ такой своей патріотической восторженности, разгоряченное обѣдами, тостами, спичами и т. п., приняло всѣ эти обѣды, тосты, спичи и пр. за несомнѣнные признаки настоящей «общественно-политической жизни», повѣрило (и очень любитъ, когда наши публицисты ему это напѣваютъ), что оно совсѣмъ «созрѣло въ политическомъ отношеніи», такъ же зрѣло, какъ и какое-нибудь тамъ Англійское, не уступитъ никому въ политической мудрости и обладаетъ точно такимъ же самостоятельнымъ и прочно сложившимся общественнымъ мнѣніемъ. Мы осмѣлимся замѣтить обществу, что всѣ эти обѣды, тосты, спичи,—еще нисколько не свидѣтельствуютъ о политической его зрѣлости, что это только подобіе общественной жизни, а далеко не сама жизнь,—что для образованія независимаго, собственно общественаго политическаго мнѣнія, необходимо много условій, которыми едвали обладаетъ Русское общество... Признаться сказать, смотря на всѣ эти наши внѣшніе пріемы общественной жизни, кажется видишь предъ собою—какъ дѣти *играютъ въ большіе*. Извѣстно, что дѣти страстные охотники до этой игры и любятъ представлять изъ себя взрослыхъ, перенимаютъ ихъ движенія, повязываютъ галстухъ, стараются говорить важно и басомъ и т. п...

Это несправедливо, это невѣрно! воскликнутъ съ негодованіемъ многіе... это даже въ нѣкоторомъ родѣ обидно! Мы не станемъ спорить. Но если это сравненіе обидно и невѣрно, пусть же опровергнетъ насъ общество не на словахъ, а на дѣлѣ. Нашему образованному обществу предстоитъ въ настоящее время отличный случай доказать предъ всѣмъ міромъ—и разумность своего патріотизма, и свою гражданскую способность и зрѣлость: это—Земскія Учрежденія. Они могутъ послужить намъ теперь истинно пробнымъ камнемъ. Нельзя конечно загадывать впередъ и предсказать, что̀ выйдетъ въ окончательномъ результатѣ, но нельзя также не подивиться тому равнодушію, тому безмолвію, которымъ встрѣчается наступленіе, если можно такъ выразиться, Земскихъ Учрежденій. Нигдѣ не видать, не читать и не слыхать ни малѣйшаго подготовленія къ будущей дѣятельности; нѣтъ ни толковъ, ни совѣщаній; всякій отдѣлывается словами: «а вотъ, поживемъ—увидимъ что̀ будетъ», забывая, что это *будетъ* зависитъ въ значительной мѣрѣ отъ каждаго изъ насъ. Читатели «Дня» можетъ-быть помнятъ, какъ взглянули мы на самый проектъ въ то время, когда этотъ проектъ былъ еще только предложенъ на обсужденіе публики. Но этотъ проектъ сталъ теперь совершившимся фактомъ (fait accompli), съ которымъ не только надо считаться, но изъ котораго мы, общество, обязаны извлечь все то благое, что̀ онъ только способенъ дать... Мы разумѣемъ здѣсь преимущественно наше дворянское сословіе. Понятно, что крестьяне, мѣщане и даже купцы дичатся того новаго положенія, которое имъ придется занять въ будущихъ Земскихъ Собраніяхъ и которое вводитъ ихъ въ область новыхъ, доселѣ имъ чуждыхъ или мало знакомыхъ интересовъ: это уже не интересы одного своего города, или своей деревни, а цѣлаго уѣзда, цѣлой губерніи,—и соображенія объ этомъ, сравнительно-крупномъ цѣломъ едвали до сихъ поръ занимали мысль не только крестьянина, но и горожанина. Кромѣ того, съ ослабленіемъ юридическихъ перегородокъ между сословіями, еще продолжаютъ стоять перегородки бытовыя и вся та рознь, существованіе которой обусловлено различіемъ уровня образованія и исторіею нашего внутренняго общественнаго развитія. Къ тому же и юридическія перегородки еще только ослабли, но вовсе не пали, крестьяне большею частью еще не разобрались окончательно съ своими помѣщиками,—да наконецъ—самая новизна дѣла, непривычка говорить и дѣйствовать въ обществѣ «господъ», непривычка обобщать частныя явленія,—обстановка, чуждая ихъ быту, недостатокъ свѣдѣній и образованія,—всѣ эти и тысячи другихъ причинъ заставляютъ предполагать, что участіе въ Земскихъ Собраніяхъ крестьянъ и мѣщанъ, важное само по себѣ какъ фактъ, какъ залогъ новаго склада жизни, не будетъ, по крайней мѣрѣ на первое время, имѣть положительнаго воздѣйствія на ходъ самаго дѣла. И такъ—вся сила Земскихъ Собраній будетъ заключаться въ дворянствѣ,—и ему предстоитъ играть на нихъ, какъ говорится, самую видную, самую почетную роль. Отъ него единственно будетъ зависѣть поднять или умалить значеніе новаго явленія общественной жизни, воспользоваться имъ, какъ полезнымъ рычагомъ, какъ точкой опоры для общественной дѣятельности, или же стать къ нему въ такое же безплодное отношеніе, въ которомъ оно пребывало, цѣлыя сто лѣтъ, къ правамъ мѣстнаго управленія, дарованнымъ Екатерининской грамотой. Какъ поступитъ дворянство? вотъ вопросъ. Оправдаетъ ли оно на дѣлѣ тѣ похвалы, которыя, вмѣстѣ съ разными публицистами, оно само съ такою щедростью расточало и еще расточаетъ своему патріотизму, своей гражданской зрѣлости?..

Мы не хотимъ предрѣшать отвѣта. Было бы слишкомъ тяжело, еслибъ предстоящій опытъ далъ отвѣтъ отрицательный. Мы желаемъ только напомнить дворянству, что открывающаяся предъ нимъ дѣятельность требуетъ труда, подготовки, серьезнаго къ ней отношенія. Намъ случалось не разъ слышать отъ людей (которые съ великимъ аппетитомъ принимаютъ участіе во всѣхъ патріотическихъ пиршествахъ), что они не располагаютъ принять въ Земскихъ Учрежденіяхъ никакого дѣятельнаго участія, на томъ основаніи, что обладаютъ большимъ политическимъ аппетитомъ, который Земскими Учрежденіями не удовлетворяется. Желательно было бы, чтобъ таковымъ аппетитамъ хоть въ нѣкоторой, если не въ той же степени, соотвѣтствовалъ и политическій смыслъ и вообще разсудительность. Не мудрствуя лукаво, наши патріоты должны бы задаться слѣдующими простыми вопросами. Есть ли возможность, помощью Земскихъ Учрежденій, принести хотя бы скромную пользу для своего мѣстнаго общества? Едвали кто можетъ вполнѣ добросовѣстно отвѣтить, что *нѣтъ*. А въ такомъ случаѣ патріотизмъ, которымъ вы такъ неумѣренно хвалитесь, налагаетъ на васъ прямую обязанность поработать для этой пользы всѣми тѣми насущными способами, которые судьба предоставляетъ вамъ въ руки; вы не можете уклониться отъ принесенія этой пользы, какъ бы ни мала была ея доля,—въ противномъ случаѣ мы въ правѣ назвать вашъ патріотизмъ непригоднымъ, и всѣ ваши отговорки только маскою, которою вы прикрываете свою «мертвую и позорную лѣнь» по выраженію поэта. Далѣе. Не представляютъ ли Земскія Учрежденія первую попытку соединеннаго общаго дѣйствія всѣхъ сословій и мѣстнаго самоуправленія? Что̀ говоритъ политическая мудрость? Политическая мудрость внушаетъ, что не только не слѣдуетъ пренебрегать возможностью такого соединеннаго дѣйствія, но всячески за нее держаться, какъ бы мало она ни обѣщала успѣха на первое время; не только не слѣдуетъ отстраняться отъ тѣхъ правъ, которыми само правительство поступается земству,—отстраняться на томъ основаніи, что эти права слишкомъ будто бы не велики, и черезъ это только еще болѣе ограничивать кругъ своихъ правъ, но слѣдуетъ наполнить своею дѣятельностью все пространство этихъ правъ до крайнихъ возможныхъ предѣловъ, усвоить ихъ общественному сознанію, пріучить къ нимъ общество, ввести ихъ въ кругъ будничной своей жизни. Гражданская зрѣлость не гонится за несбыточными мечтами, смотритъ дѣйствительности прямо въ лицо, не жмурясь,—понимаетъ ея условія, учитъ не заноситься слишкомъ высоко и далеко отъ современной жизненной, бытовой, народной правды, и старается прежде всего отыскать себѣ точку опоры для первыхъ проявленій своей общественной дѣятельности и силы. Если притязанія дворянства на гражданскую способность и зрѣлость не ложны, то теперь именно открывается ему, въ качествѣ образованнаго и независимаго класса землевладѣльцевъ, возможность дать о себѣ блистательное свидѣтельство, заявить себя не только достойнымъ, но и необходимымъ гражданскимъ дѣятелемъ,—не ученикомъ, а настоящимъ хозяиномъ и знатокомъ земскаго дѣла—такъ чтобы всѣ остальные классы общества, безъ спора, безъ понужденія, сами собою, добровольно, увидѣли и признали въ немъ своихъ, по старинному выраженію, «вѣчныхъ печальниковъ и радѣльцевъ».

Нѣтъ такого малаго дѣла, которое бы не расширилось, не раздвинулось до крупнѣйшихъ размѣровъ, по крайней мѣрѣ по нравственному своему значенію, если положитъ въ него человѣкъ свою душу, если отнесется къ своей дѣятельности съ любовью и добросовѣстностью! И нѣтъ такого крупнаго повидимому дѣла, которое бы не способно было умалиться до нуля, если покинетъ дѣятелей духъ искренняго личнаго убѣжденія и самоотверженной преданности. Всѣ эти формы, законы и учрежденія — значатъ лишь постольку, поскольку влагаетъ въ нихъ нравственной силы духъ человѣческій. Сто лѣтъ пользовалось наше дворянство правами, по истинѣ не малыми; оно располагало въ губерніи должностями полицейской и судебной сферы, и назначало людей по собственному, не стѣсненному выбору, — людей большею частью недостойныхъ и неспособныхъ! Это обстоятельство обыкновенно упускается изъ виду нашими непризванными ревнителями дворянскихъ интересовъ и служителями идеи аристократизма въ Россіи. Хотя дворянство охотно сваливаетъ съ себя вину на внѣшнія обстоятельства, но кто же по совѣсти скажетъ, что оно сдѣлало все, что̀ *могло* и что̀ должно было сдѣлать?! Пусть же дворянство хоть теперь честно и добросовѣстно отнесется къ предстоящей ему дѣятельности на Земскихъ Собраніяхъ, каковъ ни былъ по объему назначенный для нея кругъ, — и въ одинъ, въ два года оно можетъ успѣть сдѣлать гораздо больше, нежели въ предшествовавшія сто лѣтъ.... Патріоты, «политически - зрѣлые» люди! довольно вамъ пробавляться, то дешевымъ патріотизмомъ, то дешевымъ фрондёрствомъ, играть въ большихъ, въ совсѣмъ взрослыхъ и самостоятельныхъ Европейцевъ! — поѣзжайте въ свою уѣздную глушь и приступите къ своему скромному уѣздному, а потомъ и губернскому дѣлу!

Дѣла найдется довольно. На первый разъ можно было бы привести въ ясность, общедоступную всѣмъ, положеніе земскихъ счетовъ, т. е. приходовъ, расходовъ, остатковъ. Нужды нѣтъ, что не всѣми земскими сборами могутъ распоряжаться Земскія Собранія; но изыскать, собрать, сдѣлать для всѣхъ извѣстнымъ все, что̀ взимается подъ именемъ земскихъ денежныхъ и натуральныхъ повинностей, куда дѣвается и употребляется, — это не только не возбранено, но этого ожидаетъ отъ Земскихъ Собраній само правительство. Развѣ не полезно внести свѣтъ въ эту туманную область и облегчить тяготы, такъ неравномѣрно распредѣленныя? У насъ привыкли судить о средствахъ Россійской имперіи, о доходахъ и расходахъ ея, только по бюджету государственнаго казначейства и совершенно упускаютъ изъ виду бюджетъ земскихъ сборовъ, которымъ въ большей части случаевъ приданъ тотъ же государственный характеръ, какъ и сборамъ оглашаемымъ въ государственномъ бюджетѣ. Наши статистики постоянно забывали про существованіе цѣлой громадной области денежныхъ и матеріальныхъ средствъ Русскаго государства, и будущимъ Земскимъ Учрежденіямъ предстоитъ пополнить этотъ важный пробѣлъ въ нашихъ статистическихъ свѣдѣніяхъ о Россіи. Безъ сомнѣнія откроется множество капиталовъ, покоящихся праздно и безъ употребленія; Земскія учрежденія должны бы обратить на нихъ свое особенное вниманіе и дать имъ производительное назначеніе. Такъ недавно было напечатано въ газетахъ, что Симбирская губернія имѣетъ слишкомъ 700 т. р. продовольственнаго капитала; столько же, если не болѣе, имѣетъ и Пензенская, Казанская и пр. Если сложить вмѣстѣ цифры продовольственныхъ капиталовъ каждой губерніи, то получится громадный капиталъ, лежащій совершенно непроизводительно По даннымъ, сообщаемымъ г. Лохвицкимъ въ его любопытной книгѣ: «Губернія», этого капитала, по вѣдомству Министерства внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ, около 15 милліоновъ, кромѣ 25 милліоновъ четвертей хлѣба, хранящихся въ запасныхъ магазинахъ. Гдѣ же этотъ капиталъ? на что̀ онъ употреблялся, если только когда-либо употреблялся? приноситъ ли онъ проценты, или нѣтъ? Вотъ вопросы очень важные при настоящемъ безденежьѣ Россіи и когда мы не знаемъ, гдѣ добыть средствъ для устройства желѣзныхъ дорогъ... Г. Лохвицкій говоритъ, что «политико-экономическая наука отвергаетъ пользу запасныхъ магазиновъ—учрежденія сто̀ящаго дорого». Мы не намѣрены разбирать здѣсь этого вопроса, но надо бы, кажется, Земскимъ Учрежденіямъ непремѣнно задаться этимъ вопросомъ, интересъ и важность котораго бросается въ глаза слишкомъ ярко. Другой, не менѣе важный предметъ, которымъ предстоитъ озаботиться Земскимъ Собраніямъ—это народное образованіе, устройство народныхъ школъ. Если въ дополненіе къ 100 т. р. сер., которыя по новому Положенію объ училищахъ велѣно отпускать ежегодно на пособіе школамъ во всей имперіи (что̀ составитъ на 50 губерній по 2000 на каждую),—если въ дополненіе къ нимъ каждая губернія ассигнуетъ на этотъ предметъ хоть проценты съ своего продовольственнаго капитала, то это подспорье къ 2000 руб. будетъ не малое, и въ одной Симбирской губерніи составитъ не менѣе 35,000 руб., полагая 5% съ капитала въ 700 т. руб.!

Однимъ словомъ, есть кое-чѣмъ заняться дворянству, ищущему публичной—серьёзной и полезной дѣятельности. Мы съ своей стороны охотно открываемъ столбцы своей газеты для всякихъ предварительныхъ соображеній и преній, долженствующихъ предшествовать, сопровождать и послѣдовать за открытіемъ Земскихъ Собраній, и приглашаемъ нашихъ читателей, живущихъ въ губерніяхъ, присылать намъ подробныя сообщенія о ходѣ этого новаго явленія въ нашей общественной жизни, для чего въ «Днѣ» будетъ отведенъ нами особый отдѣлъ подъ рубликою: *Земскія Учрежденія*.

Объ участіи земства въ судѣ.

«День», 5-го декабря 1864 г.

Ровно два года тому назадъ были обнародованы «Основныя Положенія» предстоявшаго судебнаго преобразованія, и вотъ теперь это преобразованіе уже совершилось,—по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, что проектъ получилъ обязательную и принудительную силу закона. Два года тому назадъ мы могли въ волю и на досугѣ вдаваться въ различныя соображенія о пригодности или непригодности для Русской жизни тѣхъ или другихъ основаній будущаго суда; теперь мы должны имѣть дѣло съ этимъ «будущимъ» судомъ какъ съ совершившимся фактомъ; теперь для насъ вопросъ уже не въ томъ, какой судъ узаконитъ для Россіи верховная власть, а въ томъ, какимъ порядкомъ и способомъ будетъ приводиться этотъ новый законъ въ исполненіе, въ какія бытовыя отношенія станетъ къ нему народная жизнь, скоро ли и въ какой мѣрѣ усвоитъ его себѣ сознаніе народа: однимъ словомъ — что̀ изъ всего этого выйдетъ и будетъ?... Какъ ни призывали всѣ и всѣмъ сердцемъ судебную реформу, какъ ни была она давно ожиданна и желанна, — какъ ни велико сочувствіе, съ которымъ встрѣченъ былъ высочайшій указъ Правительствующему Сенату отъ 20 Ноября,— однако, можно сказать, что общій характеръ впечатлѣнія, произведеннаго указомъ, былъ серіозный и важный, и «съ обстоятельствами дѣла (по выраженію отживающаго теперь канцелярскаго слога) вполнѣ согласный». Мы разумѣемъ здѣсь общество, а не простой народъ. Простой народъ о новомъ судѣ ничего еще и не знаетъ. Между тѣмъ необходимо, чтобъ новый законъ перешелъ какъ можно скорѣе въ вѣдѣніе народа, и потому полезно было бы, кажется, распространить въ немъ, отъ имени власти, выборъ главнѣйшихъ положеній о «новыхъ судебныхъ порядкахъ».

Безспорно, послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, судебная реформа занимаетъ первое мѣсто въ ряду тѣхъ многочисленныхъ преобразованій, которыхъ мы были свидѣтелями въ теченіи послѣднихъ восьми лѣтъ: это не только упраздненіе старыхъ и установленіе новыхъ формъ судопроизводства, но и упраздненіе старыхъ обычаевъ и понятій, слагавшихся и укоренявшихся въ теченіи цѣлыхъ полутораста лѣтъ и проникшихъ наконецъ, къ несчастію, во всѣ суставы нашего общественнаго благоустройства. Но это старина не наша; это старина новѣйшая... Чтò бы кто ни говорилъ про новые судебные уставы, судъ во всякомъ случаѣ будетъ въ общемъ результатѣ несравненно лучше и быстрѣе прежняго, а развѣ этого мало? Когда вспомнишь, чтò значитъ теперь нашъ судъ для народа, тогда и малѣйшее преобразованіе его встрѣтишь съ невольною радостью... Изо всѣхъ государственныхъ установленій — судъ ближе всѣхъ соприкасается съ народною жизнью, сильнѣе всѣхъ воздѣйствуетъ на бытъ и нравственное развитіе народа. Мы, судящіе, или мы — общество — стоимъ къ суду совершенно въ иныхъ, сравнительно привилегированныхъ, отношеніяхъ. Кто до сихъ поръ вытиралъ спинами своихъ армяковъ и тулуповъ стѣны прихожихъ въ судахъ различныхъ наименованій, просиживая и выстаивая тамъ долгіе часы — иногда лучшіе часы рабочаго времени? Кто изъ крестьянъ не испыталъ, чтò значитъ быть понятымъ, или свидѣтелемъ или пригнаннымъ, вмѣстѣ съ сотней-другой мужиковъ, къ квартирѣ слѣдователя «для повальнаго обыска»? Сутки ждетъ онъ бывало и нѣсколько сутокъ, пока письмоводитель *сочинитъ* повальный обыскъ, а потомъ и заставитъ грамотныхъ мужиковъ росписаться! Кто изъ крестьянъ не знаетъ, по опыту или по разсказамъ, что́ такое острогъ, и въ чемъ состоитъ арестантское умѣнье и ловкость? Надъ кѣмъ изъ крестьянъ не виситъ, кому изъ нихъ не угрожаетъ каждую минуту лихая бѣда судейская? Кто въ преданіяхъ, пѣсняхъ, сказкахъ, пословицахъ, не почерпаетъ съ самаго дѣтства науку — какъ отбывать судейской бѣды, если она стрясется,—какъ лгать, запираться, изворачиваться передъ судьями,—какой формальной кривдой, иной разъ, отстоять внутреннюю нравственную или свою бытовую правду? Однимъ словомъ, «судъ», какъ государственное учрежденіе, всею своею тяжестью обрушивался преимущественно на низшіе, бѣднѣйшіе классы народа, — а когда царствуетъ кривда на судѣ, весь народъ волей-неволей дѣлается участникомъ и пособникомъ кривды. Постоянная упорная судейская кривда не можетъ проходить безслѣдно для народной нравственности, кривитъ самыя понятія о правосудіи, входитъ въ бытъ, въ нравы, въ привычки. И потому всякое преобразованіе, которое способствуетъ уничтоженію этой кривды въ Россіи, есть благо, и ни для кого оно не можетъ быть въ такой степени благомъ, какъ именно для простаго народа, такъ долго томившагося подъ гнетомъ кривды.

Вмѣстѣ съ тѣмъ приходитъ на мысль и другое, болѣе общее соображеніе. Самое положеніе народа въ отношеніи къ государству значительно измѣнилось. Какъ ни груба была прежняя кривда, но все же она была внѣшняя, и крѣпость народнаго, преимущественно общиннаго быта сохраняла въ народѣ понятіе высшей внутренней правды: на мірской сходкѣ, въ міру, въ тѣсныхъ предѣлахъ сельскаго общества таились бытовыя начала суда по душѣ и по совѣсти;—на судъ государственный народъ смотрѣлъ, какъ древніе христіане на судъ «внѣшнихъ». Тѣмъ не менѣе постоянный натискъ кривды, могущественный соблазнъ примѣра, беззащитность житейская и духовная, т. е. сознаніе своей безправности и своего невѣжества, рано или поздно должны бы были подорвать и бытовыя основы народной нравственности. Когда же, логическимъ ходомъ исторіи, освобожденіе крестьянъ манифестомъ 19 Февраля потрясло прежнія формы быта, разбило тѣсные, замкнутые предѣлы народнаго міра, за которыми укрывался и сберегалъ свои духовныя начала сельскій народъ,—когда оно вызвало его къ новому бытію, къ участію, даже противъ воли, въ общемъ строѣ гражданской жизни,—кривда на судѣ могла бы воздѣйствовать на нравственность народную гораздо сильнѣе, чѣмъ въ былое время. Повторяемъ: положеніе дѣлъ теперь измѣнилось. Народу теперь уже не приходится относиться къ государству такъ, какъ онъ относился прежде, т. е. какъ къ чему-то внѣшнему, ему чужому и чуждому; прежде, какъ ртуть сжимающаяся отъ холода въ плотный шаръ, такъ и онъ замыкался самъ въ себѣ отъ непріязненныхъ его развитію вѣяній; онъ весь уходилъ въ свой замкнутый общинный міръ, и надобно сказать правду—крѣпостное право дѣйствительно, какъ уже было замѣчено однимъ писателемъ, служило ему чѣмъ-то въ родѣ стекляннаго колпака, отдѣлявшаго его отъ воздѣйствія государственнаго начала. Но этотъ колпакъ разбился, да и долженъ былъ разбиться; замкнутый, заколдованный кругъ народнаго духовнаго уединенія нарушенъ; теперь приходится народу самому становиться какъ бы причастнымъ власти и нести за нее отвѣтственность. Очевидно, что кривда внѣшняя могла бы теперь легче, чѣмъ прежде, проникнуть въ самую душу народа, а потому преобразованіе судебное, отстраняющее эту кривду, является какъ нельзя болѣе кстати. Но въ то же время очевидно, что задача народнаго бытія становится теперь несравненно труднѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и опасность духовная, угрожающая ему, несравненно сильнѣе. Теперь государство само поступается ему своими разными аттрибутами, судомъ, внутреннимъ земскимъ строеніемъ. Теперь не столько гнетъ внѣшней кривды можетъ быть ему страшенъ, сколько соблазнъ внѣшней, блестящей правды, основанной иногда на ложномъ принципѣ; теперь уже не хранить и уберегать только свои начала предстоитъ народу, но развивать ихъ, пронести ихъ въ жизнь сквозь всѣ государственныя насажденія; теперь, относясь не страдательно и отрицательно какъ прежде, а положительно и дѣятельно къ государственнымъ формамъ жизни, онъ можетъ или утратить навсегда свои народные идеалы, свои внутренніе запросы, или же, напротивъ, не только остаться вѣрнымъ своимъ идеаламъ и своимъ запросамъ, но воздѣйствовать своимъ участіемъ, своими духовными и бытовыми элементами, на самое развитіе государственное и общественное. Поэтому, какъ для пользы государства, такъ и для пользы народа, совершенно необходимо, чтобы обстоятельства, при которыхъ совершается теперь эта встрѣча государства и земства, были вполнѣ благопріятны для народнаго развитія вообще; чтобы это участіе не видоизмѣняло, по своимъ формамъ и условіямъ, народъ, какъ народъ, не превращало его въ новые милліоны чиновниковъ, а сохраняло за народомъ вполнѣ его земскій характеръ. Этому послѣднему условію и удовлетворяютъ, по нашему мнѣнію, судебныя узаконенія.

Участіе земства въ судѣ, нынѣ провозглашенное и признанное самою государственною властью, какъ основной принципъ судебной реформы, участіе земства въ дѣлахъ не только земскихъ, но и въ нѣкоторыхъ другихъ дѣлахъ, — не есть, впрочемъ, что-либо новое въ нашей исторіи. Вспомнимъ наши древніе суды съ выборными губными старостами, судными мужами и цѣловальниками, вспомнимъ прежнія наши земскія собранія... Всѣ эти явленія принадлежатъ къ жизни до-Петровской Руси; съ Петра начинается наша новѣйшая исторія, и отношенія государства и земства совершенно перемѣнились. Нельзя сказать, чтобъ государство вовсе не призывало земства къ участію въ гражданской дѣятельности; напротивъ: коммиссія для составленія уложенія, собранная Екатериною II, ея губернскія и городскія учрежденія, привилегіи, дарованныя дворянству, свидѣтельствуютъ противное. Можно сказать даже, что нигдѣ и никогда государство не поступалось, повидимому, такъ много своими правами, какъ въ Россіи, и именно въ царствованіе этой государыни (напр. назначеніе судей высшихъ инстанцій и чиновъ полиціи по избранію «земства»). Но между государствомъ и народомъ воздвигалось тогда стѣною крѣпостное право, дававшее неправильное кровообращеніе всему организму, — но земство являлось не какъ земство, въ качествѣ чего оно только и можетъ быть полезно государству, а какъ служилое сословіе новаго рода и вида, какъ матеріалъ служебный, какъ государственная *функція*, говоря языкомъ ученыхъ, — наравнѣ съ церковью... Выборные *земскіе* люди поступали въ *чиновники* на основаніи правилъ «устава о службѣ по выборамъ»,—въ *казенные* люди, только въ мундирѣ, «общественнымъ должностямъ присвоенномъ». Земство участвовало и въ судѣ,—по видимому очень дѣятельно и всѣми своими сословіями безъ исключенія, т. е. дворянствомъ, купечествомъ, мѣщанствомъ и крестьянствомъ; предсѣдатели и засѣдатели палатъ, предсѣдатели и члены уѣздныхъ и земскихъ судовъ, всѣ были опредѣляемы на основаніи *выборнаго* и *представительнаго* начала. Что̀ можетъ быть лучше этихъ началъ? У кого въ запасѣ нѣтъ цѣлыхъ коробовъ готовыхъ фразъ о высотѣ, широтѣ и всяческомъ достоинствѣ *выборнаго* и *представительнаго* начала? И однакожъ ихъ полнѣйшій неуспѣхъ, торжественно признанный и самимъ правительствомъ (которое отмѣнило теперь назначеніе исправниковъ и членовъ земскаго суда, равно какъ и состава судебныхъ мѣстъ по *выбору*), свидѣтельствуетъ, что земскіе люди не оправдали ожиданій правительства и не исполнили своего призванія. Отчего же это? Почему это? Не слѣдуетъ ли и вовсе отчаяться въ примѣнимости къ Русской жизни выборнаго и представительнаго принципа, и можемъ ли мы надѣяться, что съ новыми преобразованіями, которыя также болѣе или менѣе опираются на выборъ и на представительство, пойдетъ лучше? Не то же ли это самое?!... Вотъ вопросы, которые сильно занимаютъ теперь каждаго, на которые отвѣтъ вполнѣ удовлетворительный можетъ дать только сама жизнь, а намъ остается высказывать только гадательныя предположенія.

Отчасти мы уже объяснили выше главную причину неудачи выборнаго и представительнаго начала, въ ихъ государственномъ примѣненіи къ Русской жизни. Дѣло въ томъ, что оба эти начала были употреблены какъ служебныя орудія, и участіе земства являлось тою же государственной, но только видоизмѣненной службой. Сфера государства и сфера земства совершенно двѣ отличныя другъ отъ друга сферы. Сфера государства—внѣшняя власть, которая поэтому имѣетъ свой опредѣленный кругъ дѣятельности, вращается въ опредѣленныхъ формахъ, касается внѣшняго гражданскаго строя. Область и призваніе земства совершенно иныя и должны быть свободны какъ отъ служебнаго, такъ и отъ правительственнаго характера. Если бы земство присвоило себѣ власть исполнительную, задачу или функцію чисто государственную, оно бы перестало быть земствомъ и произвело разстройство всѣхъ государственныхъ отправленій (какъ напр. въ Польшѣ). Власть должна быть властью, вполнѣ цѣльною, вполнѣ свободною, нестѣсненною въ отправленіи своихъ обязанностей; земство должно оставаться земствомъ, нравственной силой всего организма, блюдя свой земскій нравственный характеръ, чистоту своего не-государственнаго призванія отъ казенной или вообще государственной примѣси,— свободу и самостоятельность своего внутренняго развитія. Только вполнѣ нравственно свободное и самостоятельное земство можетъ быть полезно для государства,—точно такъ же, какъ только съ цѣльнымъ и самостоятельнымъ общественнымъ мнѣніемъ, а не съ собственнымъ своимъ отголоскомъ въ чиновникахъ, любитъ справляться государственная власть. Она ищетъ въ земствѣ не силы исполнительной, а силы совѣщательной, не чиновниковъ, а представителей самой жизни народной; не механизма, которымъ она сама могуча, а живаго организма. Такъ по принципу. Но не таково было минувшее отношеніе государства къ земству. Земство являлось не въ своемъ земскомъ качествѣ, а въ качествѣ матеріала для приведенія въ дѣйствіе государственной машины. Такое земство столько же похоже на земство, сколько Петровская ассамблея на теперешній добровольный балъ или раутъ.—Нигдѣ такъ не сильно, не сродно народному быту начало выборнаго представительства, какъ въ Русскомъ народѣ,—но нигдѣ не является оно такимъ безплоднымъ и безтолковымъ, какъ скоро теряетъ условія свободы и самостоятельности въ проявленіяхъ, какъ скоро регламентировано бюрократически извнѣ. Мы уже не говоримъ здѣсь объ антинаціональномъ характерѣ тѣхъ сферъ дѣятельности, въ которыя былъ приглашаемъ народъ на основаніи выбора и представительства. Поступая, напр. въ засѣдатели по выбору, крестьянинъ (да и не только крестьянинъ, даже дворянинъ) чувствовалъ себя чиновникомъ перенесеннымъ разомъ въ среду государственную, гдѣ нѣтъ мѣста ему, какъ свободной личности нравственной, гдѣ онъ не можетъ явиться съ своею совѣстью, съ своими нравственными бытовыми понятіями, гдѣ дѣйствуетъ внѣшній законъ справедливости, и тысяча тысячъ разныхъ условій совершенно ему чуждыхъ, съ преданіями канцелярской практики, съ выработаннымъ, внѣ сферы его сознанія, опытомъ. Естественно, что *секретарь*, представитель этого опыта и преданій, являлся для него единственнымъ руководителемъ въ новой *законной* средѣ. Вспомнимъ также, что крестьянину, въ качествѣ, напр., засѣдателя уѣзднаго суда, приходилось прилагать тотъ государственный законъ, который къ его собственному быту нисколько непримѣнимъ, да никогда и не примѣнялся,—такъ какъ весь этотъ бытъ, съ его обычаями, съ его общинной формой владѣнія, состоялъ какъ бы внѣ закона, или вѣрнѣе—Свода Законовъ...

Реформы нынѣшняго царствованія доказываютъ вполнѣ, какъ неудовлетворительно было для самого государства такое неестественное положеніе земства, какъ вредно такое смѣшеніе областей земской и государственной дѣятельности. Государство возвратило себѣ, принадлежащее ему по самой натурѣ вещей, право назначенія исполнителей государственной власти и блюстителей закона, чиновниковъ и судей,—и такое усиленіе государственной власти привѣтствуется нами съ самою полною искренностью. Но такъ какъ элементъ власти не заключаетъ въ себѣ всѣхъ условій жизни для организма, называемаго государствомъ, то является необходимость возвратить земство въ его законныя границы, отстранить вредное смѣшеніе государственныхъ и общественныхъ обязанностей, лишить земство служилаго характера и ограничить его чисто земскимъ характеромъ, въ качествѣ котораго оно только и можетъ быть полезно государству: однимъ словомъ, укрѣпляя власть государственную и наполняя ею всѣ предѣлы дѣятельности, ей подлежащей, создать или дать возможность создаться настоящему земству, земству, какъ самостоятельному и вполнѣ свободному выраженію нуждъ, потребностей, мнѣній, разума и совѣсти страны, а не какъ исполнительному органу государственной власти, съ аттрибутами правительственной силы!.. Правительство уже заявило о своемъ намѣреніи вступить на этотъ путь Положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ, и въ какой степени этотъ первый опытъ удаченъ, покажетъ время; но еще вѣрнѣе выразилось понятіе о земствѣ въ новыхъ законахъ о судоустройствѣ и судопроизводствѣ... Здѣсь участіе земства въ судѣ является своей настоящей стороной—не чиновнической, а нравственной: свободно, по совѣсти высказываемымъ мнѣніемъ избранныхъ отъ общества лицъ въ качествѣ присяжныхъ,—публичностью и гласностью суда и свободою печатнаго обсужденія.

Кто имѣлъ несчастіе узнать по опыту, что̀ такое прежній полицейскій и уголовный судъ для народа, что̀ вытерпѣлъ отъ него народъ, тотъ, повторяемъ, не можетъ не благословить всякаго облегченія, вносимаго въ эту область, которая, какъ неизбѣжное зло, дана всякому граждански существующему народу. Мы твердо убѣждены, что новый судъ дастъ это облегченіе, и радуемся ему. Можетъ-быть нашлись бы въ новыхъ порядкахъ суда—противорѣчія народнымъ обычаямъ и воззрѣніямъ, заимствованія изъ чужой жизни, отъ народовъ, которыхъ нравственныя понятія и идеалы отличны отъ нашихъ народныхъ понятій и идеаловъ,—но вмѣстѣ съ тѣмъ дается законное мѣсто участію свободной совѣсти, нравственной *правдѣ и милости* на судѣ—дорогое благо, способное искупить даже и эти недостатки. Наконецъ—съ освобожденіемъ жизни отъ разныхъ путъ, сковывавшихъ ея развитіе, съ возвращеніемъ земству его настоящаго земскаго характера, въ замѣнъ теперешняго служилаго—съ оживившимся трудомъ народнаго самосознанія,—съ узаконеннымъ просторомъ мнѣнія и слова, какъ изустнаго, такъ и въ печати,—съ такими условіями никакіе недостатки не страшны, все можетъ исправиться и уврачеваться самою жизнью!.. Важность этихъ условій успѣха—оцѣнитъ всякій...

О вожделѣніяхъ газеты „Вѣсть“ къ англійскому аристократизму.

«День», 9-го января 1865 г.

Выдающая себя за органъ дворянства, Санктпетербургская газета «Вѣсть» съ примѣчательною настойчивостью продолжаетъ разыгрывать варіаціи на тему восхваленія и расширенія Дворянской Грамоты. «Пусть дворянскія учрежденія — такъ диѳирамбически заканчиваетъ «Вѣсть» одну изъ своихъ статей—послужатъ прочною основою къ дальнѣйшему развитію нашего самоуправленія, сообразно съ высокою мыслію, уже неоднократно заявленною у насъ Верховною властію! Пусть на этотъ разъ не будетъ равнодушныхъ! Пусть дворянство спѣшитъ подъ знамя своей Дворянской Грамоты, пусть дворяне не останутся глухи къ голосу исторіи, къ голосу основнаго и непрелагаемаго закона нашего, призывающаго ихъ служить Россіи въ собраніяхъ исторически созданныхъ и существующихъ!»... «Такія рѣчи пріятно и слушать», скажемъ мы словами Гоголя, но впрочемъ и не шутя, а очень серьезно, мы готовы и сами, вмѣстѣ съ «Вѣстью», выразить желаніе, чтобы дворяне — сей «разумъ всей Русской страны», какъ говоритъ Санктпетербургская газета — не были глухи къ голосу исторіи. Но что̀ говоритъ ея голосъ, этого дворянскій ораторъ «Вѣсти» точно не объясняетъ, и какой собственно періодъ нашей исторіи разумѣетъ онъ — также не видно. Если мы захотимъ назвать здѣсь «исторіей» періодъ послѣднихъ ста лѣтъ, или даже полутораста, то при самомъ напряженномъ вниманіи, — мы ничего не услышимъ... т. е. не услышимъ ничего такого, что̀ бы хоть сколько-нибудь могло быть пригодно и поучительно для нашей общественной современной, хоть бы даже только дворянской дѣятельности. Исторія 80-лѣтняго существованія нашей Дворянской Грамоты или хартіи, какъ нѣкоторые ее называютъ, — надобно признаться — очень скромна и не блеститъ никакими особенными подвигами (кромѣ патріотическихъ жертвъ въ эпохи опасности для всего государства). Помянуть ее нечѣмъ. 80 лѣтъ сряду пользовалось дворянство правомъ, чрезвычайно обширнымъ и въ высшей степени важнымъ, т. е. избирало само и назначало личный составъ мѣстнаго суда и полиціи; но новыя преобразованія правительства отчасти уже упразднили, отчасти имѣютъ въ скоромъ времени окончательно упразднить это обширное и важное право, — и, удивительное дѣло, не только объ этомъ упраздненіи «страна» не сожалѣетъ, но никто даже этого и не замѣчаетъ:

Была безъ радости любовь,
Разлука будетъ безъ печали!

упраздненіе совершается безъ малѣйшаго болѣзненнаго чувства, — напротивъ, дворянство первое спѣшитъ благодарить правительство и прославить его мудрость. Мы вполнѣ раздѣляемъ въ этомъ случаѣ мнѣніе дворянства, но спрашивается: что̀ же это за историческое право, которое такъ легко вырывается изъ жизни сословія? Вѣроятно—не глубокіе корни пустило оно; а если не глубоко и не крѣпко держались его корни въ землѣ, то и плодъ долженъ былъ быть, по необходимости, тощъ и скуденъ. Это дѣйствительно такъ было и есть. Что̀ же затѣмъ остается у Дворянской Грамоты, подъ знамя которой призываетъ «Вѣсть» Россійскихъ дворянъ, и что̀ еще говоритъ голосъ исторіи по поводу этой Грамоты? Если всѣ права, дарованныя Грамотою, взятыя каждое порознь, а потомъ и всѣ вмѣстѣ, не ознаменовались ничѣмъ особеннымъ въ исторической жизни дворянскаго сословія, ничѣмъ такимъ, что̀ бы сохранилось въ благодарной памяти «страны» и самого дворянства; если они оказываются пустившими самый слабый корень въ общественную почву,—до того слабый, что онъ даже вовсе не держится,—то невольно возникаетъ вопросъ: зачѣмъ же собственно дворянству спѣшить подъ знамя этой Грамоты и что̀ станетъ оно слушать подъ ея сѣнію? Дворянская Грамота есть дѣйствительно документъ историческій, но у него нѣтъ исторіи, какъ и у многихъ подобныхъ ему историческихъ документовъ, нынѣ безъ особеннаго труда упраздненныхъ и упраздняемыхъ. Нѣтъ исторіи потому, что вообще послѣдній полуторасталѣтній періодъ послѣ реформы Петра не представляетъ намъ никакой самодѣятельной гражданской жизни Русскаго общества, какъ и вообще земства. Поэтому, когда намъ говорятъ про «голосъ исторіи», мы по необходимости должны предположить, что здѣсь разумѣютъ то время, когда Русская государственная и земская жизнь развилась цѣльно и органически, т. е. до переворота Петра Великаго; можетъ-быть это же въ нѣкоторомъ смыслѣ предполагалъ и публицистъ дворянской газеты,—но, вопервыхъ, у до-Петровской Руси очень не много общаго съ Дворянской Грамотой Екатерины, а вовторыхъ, до-Петровская Русь не представляетъ въ своей исторіи никакихъ внѣшнихъ готовыхъ формъ, за которыя можно было бы ухватиться и перенесть ихъ подъ сѣнь Дворянской Грамоты. Пожалуй, и найдутся какія-нибудь формы; слова: земство и земщина и теперь у всѣхъ на устахъ, но кто знакомъ съ Русской исторіей—знаетъ также, что эти древнія формы не были строго формулированы, а какъ живое выраженіе жизни—растягивались, сокращались и видоизмѣнялись согласно съ требованіями жизни; что наконецъ дѣло не въ формахъ, а въ духѣ оживлявшемъ эти формы, влагавшемъ въ нихъ смыслъ и значеніе, создавшемъ эти формы изъ себя, органически... Понятыя же съ одной своей внѣшней стороны, оторванныя отъ своей исторической обстановки, лишенныя пребывавшаго въ нихъ духа, эти формы, которыя окончательно формулировать пришлось бы теперь не самою жизнью, а отвлеченнымъ бюрократическимъ трудомъ, едвали бы принесли какой-нибудь добрый жизненный плодъ, едвали бы не явились и въ свою очередь наложенными на жизнь механически, извнѣ... Что же касается до духа то съ нимъ не такъ легко справиться, какъ съ внѣшнею формой. Голосъ исторіи, къ которому приглашаетъ дворянъ прислушаться публицистъ «Вѣсти», свидѣтельствуетъ намъ о той бывалой цѣльности нашего духовнаго народнаго организма, о той силѣ органическаго творчества жизни, которыя не могутъ быть замѣнены никакимъ искусно устроеннымъ механизмомъ самой лучшей, хотя бы нѣмецкой или аглицкой работы,—которыхъ теперь намъ положительно недостаетъ, и которыя могутъ быть обрѣтены только тяжелымъ подвигомъ духа, разработкою нашего народнаго самосознанія, возрожденіемъ не формъ только, но самихъ духовныхъ началъ нашей народности и окончательнымъ освобожденіемъ насъ отъ духовнаго рабства предъ западной цивилизацiей.

Вслѣдъ за приглашеніемъ прислушаться къ голосу исторіи, а также «не быть равнодушнымъ!», восторженный дворянинъ газеты «Вѣсть» весьма равнодушно относится къ дворянскому равнодушію по поводу Земскихъ Учрежденій—и видитъ въ этомъ «въ тысячный разъ доказательство необходимости *высокаго ценза*, чему, говоритъ онъ, дворянскія собранія и удовлетворяютъ, требуя отъ дворянина не менѣе 100 душевыхъ надѣловъ»—ибо, прибавляетъ онъ далѣе, «благородное честолюбіе, которое побуждаетъ человѣка жертвовать своимъ временемъ и трудомъ общественнымъ дѣламъ, является только тогда, когда человѣкъ не чувствуетъ на себѣ гнета нужды». Мы не станемъ входить въ подробное разсмотрѣніе этого послѣдняго довода, несмотря на нѣкоторую странность—сопоставленія идеи честолюбія съ безкорыстнымъ служеніемъ общему благу; мы готовы допустить, что эта странность происходитъ болѣе отъ плохаго перевода съ французскаго noble ambition, такъ какъ легко могло случиться, что Русскій дворянинъ, приглашающій дворянъ прислушаться къ голосу исторіи подъ сѣнію Дворянской Грамоты, думалъ въ это самое время—по французски. Мы не будемъ также доискиваться отъ автора и объясненія, почему онъ думаетъ, что только 100 душевыхъ надѣловъ позволяютъ человѣку не чувствовать на себѣ гнета нужды, тогда какъ и при 100 душевыхъ надѣлахъ дворянинъ, обремененный семействомъ, не избавленъ отъ чувства гнета, и при 6-ти-десятинномъ надѣлѣ, въ иной мѣстности, крестьяне свободны отъ этого чувства и считаютъ себя вполнѣ обезпеченными. Но дѣло не въ этомъ, а въ той тенденціи, какая слышна въ этомъ оправданіи равнодушія къ Земскимъ Учрежденіямъ, сопоставленномъ рядомъ съ возгласами о неравнодушіи къ Дворянской Грамотѣ, съ восхваленіями сей грамоты и дворянскаго учрежденія съ высокими цензами вообще, и съ выраженіями желанія, чтобы дворянское учрежденіе было «расширяемо» и совершенствуемо. Это еще яснѣе высказывается въ слѣдующихъ словахъ статьи 49-го №, столь же диѳирамбической, какъ и вышеприведенная статья, какъ и статьи той же газеты о дворянскомъ банкѣ. «Наше дворянское учрежденіе, говоритъ авторъ, заключаетъ въ себѣ всѣ зародыши *для развитія строя жизни подобнаго тому, какой упрочился въ Англіи*». Такъ вотъ въ чемъ дѣло! Другими словами, это значитъ, что дворянское учрежденіе заключаетъ въ себѣ всѣ зародыши для созданія въ Россіи аристократіи на западный ладъ, *на манеръ аглицкій*, да еще съ признаніемъ за дворянствомъ правоспособности быть исключительнымъ представителемъ всего населенія Русской земли, какъ это раскрывается изъ смысла всей статьи. Это стремленіе, идущее наперекоръ всей Русской исторіи, всѣмъ началамъ, присущимъ нашему историческому развитію, и въ то же время имѣющее притязаніе на какое-то историческое основаніе, но не находящее его нигдѣ, кромѣ Дворянской Грамоты, подъ сѣнью ея «знамени»,—это стремленіе, какъ оно ни красиво, ни громко, въ сущности совершенно невинно и осуждено на участь мыльнаго пузыря. Это мертворожденное дитя, плодъ Русскаго дворянскаго безсилія и фантазіи, разгоряченной блескомъ англійской аристократической жизни. Мы не можемъ даже и отнестись къ этому стремленію съ тою серьезностью, которой бы желалъ, можетъ-быть, отъ насъ авторъ и которой болѣе или менѣе заслуживаетъ всякое искреннее убѣжденіе. Но ужъ если подражать Англичанамъ, такъ подражать имъ и въ той честности, съ которой они служатъ общественнымъ интересамъ, и въ той политической мудрости, съ которою они пользуются существующими, а не мечтательными правами, и въ той настойчивости, при которой у нихъ изъ рукъ не вываливается никакое дѣло. Мы полагаемъ, что еслибъ Англичане пользовались въ теченіи 80 лѣтъ такими правами, какими, благодаря Дворянской Грамотѣ, обладало Русское дворянство, они бы конечно ознаменовали чѣмъ-нибудь замѣчательнымъ этотъ довольно долгій періодъ времени, и съ бо̀льшимъ бы вниманіемъ отнеслись къ праву назначать судей и исправниковъ. Мы думаемъ также, что они не стали бы такъ свысока смотрѣть и на Земскія Учрежденія, и не допустили бы въ себѣ равнодушія къ тому, отъ чего во многомъ будетъ зависѣть матеріальное благосостояніе земства, какъ бы скромна ни казалась эта дѣятельность,—равнодушія, которое аристократическая газета «Вѣсть» такъ легко оправдываетъ недостаткомъ высокаго ценза! Увы! какъ мало существенной любви къ общему благу подъ этою шумихою фразъ! Какъ будто люди высокаго ценза исключены изъ Земскихъ Учрежденій! Какъ будто присутствіе людей низшаго ценза мѣшаетъ первымъ внести въ дѣло то «благородное честолюбіе», на которое даетъ имъ возможность и право ихъ общественное положеніе! Пусть, напротивъ, они—эти богатые люди—займутъ въ дѣятельности земства почетное мѣсто, – но не по юридической привилегіи, а въ силу того естественнаго и ни для кого не обиднаго права, которое доставляетъ образованіе, опытность, даровитость, независимость матеріальная и духовная, и общее сочувствіе остальныхъ представителей земства!..

Авторъ — дворянинъ газеты «Вѣсть» — возмущается мнѣніемъ, будто все значеніе дворянства заключалось въ крѣпостномъ правѣ и спрашиваетъ: «гдѣ тѣ дворянскіе исключительные интересы, которые были бы враждебны интересамъ прочнаго населенія»? Да именно интересы крѣпостнаго права. Не можетъ же авторъ не признать, что эти интересы, исключительно дворянскіе, были враждебны интересамъ прочаго населенія. Но крѣпостное право уже уничтожено? Это правда, но давно ли? Безъ году недѣля, какъ выражается народная поговорка! Да и теперь отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ еще не развязаны окончательно. Конечно, благодушный Русскій народъ не злопамятенъ, и мы убѣждены, что между обоими сословіями скоро возродится самое дружественное согласіе, но преданія еще слишкомъ свѣжи,— и вообще эта громадная соціальная реформа только еще совершается, а не совершилась. Между тѣмъ изъ исторіи дворянскихъ собраній не видно, чтобы дворянство имѣющее право ходатайствовать о нуждахъ и пользахъ края, когда-либо прибѣгло къ этому праву съ тѣмъ именно, чтобъ ходатайствовать объ отмѣнѣ крѣпостной зависимости 20 милліоновъ Русскаго народа. Да и самая эта дворянская газета, устами своихъ публицистовъ-дворянъ, развѣ не издѣвалась надъ нами за то, что мы съ такимъ восторгомъ привѣтствовали освобожденіе крестьянъ въ началѣ существованія нашего «Дня»? Нельзя не замѣтить, что всѣ эти стремленія видѣть въ Россіи подобіе англійской аристократіи и прочіе тому подобные толки возникли въ нашемъ дворянскомъ кругу съ особенною силою только послѣ 19 февраля 1861 года. Оно и дѣйствительно не совсѣмъ было ловко походить на англійскаго лорда при крѣпостномъ правѣ,—но любопытно то, что пользуясь тѣмъ *новымъ* положеніемъ, которое создано дворянству правительствомъ чрезъ отмѣну крѣпостнаго права, ревнители дворянскихъ интересовъ продолжаютъ ссылаться на Дворянскую Грамоту, какъ будто въ ней именно и лежитъ основаніе ихъ новому общественному положенію, и совсѣмъ упускаютъ изъ виду главный, существенный, новый фактъ, создавшійся одновременно съ этимъ положеніемъ. Мы разумѣемъ здѣсь появленіе на арену Русской исторіи тѣхъ 20 милліоновъ Русскихъ людей, которые прежде какъ бы не существовали вовсе и которые введены манифестомъ 19 Февраля въ кругъ Русской гражданской жизни. Но дворянская партія, выражающая себя въ газетѣ «Вѣсть», какъ бы не признаетъ ихъ существованія, и перескакивая, такъ сказать, чрезъ событіе 19 Февраля 1861 года, спѣшитъ съ своими новыми англо-аристократическими тенденціями подъ знамя Грамоты 1785 года,—какъ будто самымъ этимъ тенденціямъ возможно было появиться безъ 61 года, какъ будто, пользуясь выгодами новаго положенія, этимъ годомъ созданнаго, оно не обязано признать и его послѣдствія, нести и его повинности!

Было время, когда дворянство дѣйствительно въ нѣкоторомъ смыслѣ могло назваться единственнымъ представителемъ земства, но не теперь однако, когда призвано къ жизни и прочее земство. Мы лучше думаемъ о нашемъ дворянствѣ, нежели именующій себя представителемъ дворянскихъ интересовъ, органъ нашей періодической литературы — газета «Вѣсть» и К⁰. Русское дворянство — повторимъ еще разъ — слишкомъ просвѣщено, чтобъ идти наперекоръ исторіи и созидать то, что̀, несмотря ни на какія попытки, не могло выработаться въ теченіи тысячи лѣтъ историческаго существованія Русской земли, что̀ не совмѣстно ни съ началами народными, ни даже съ степенью развитія современнаго общечеловѣческаго просвѣщенія. Всякія новыя привилегіи дворянству могли бы быть даны только къ ущербу прочихъ сословій, только бы стѣснили и ограничили права чужія и еще болѣе бы уединили, слѣдовательно бы и обезсилили, новопривилегированное дворянское сословіе—раздоромъ и враждебностью отношеній съ сословіями низшими. Нравственное единство и цѣльность Русской земли, столь желанныя и столь необходимыя для ея преуспѣянія, были бы рѣшительно невозможны, еслибъ въ XIX вѣкѣ, въ началѣ втораго тысячелѣтія ея историческаго бытія, было создано новое привилегированное сословіе или аристократія на западный ладъ.

Но не однѣ аристократическія тенденціи волнуютъ Русское дворянство. Можно даже сказать, что онѣ наименѣе его волнуютъ... На всѣ прочія тенденціи мы отвѣтимъ только одно: нѣтъ ничего опаснѣе пустоцвѣта. Пустоцвѣтъ только обезсиливаетъ корень, истощаетъ въ немъ жизненные соки, мѣшаетъ явиться настоящему цвѣту и здоровому плоду. Благодаря Богу —мы богаты опытомъ, мы довольно видали на памяти послѣднихъ полутораста лѣтъ—историческихъ пустоцвѣтовъ!! Мы какъ огня должны бояться новыхъ пустоцвѣтовъ и подумать прежде всего о томъ, чтобъ воспитать и возрастить въ себѣ то здоровье, ту внутреннюю органическую силу, при которой пустоцвѣты были бы невозможны.

Будущность дворянства—стать совершенно земскимъ сословіемъ.

«День», 27-го февраля 1865 г.

Ровно четыре года тому назадъ положено начало громадному перевороту, котораго такъ долго и тщетно чаяли цѣлыя поколѣнія, который, еще за семь лѣтъ, казался недосягаемо-далекимъ, несбыточнымъ — какъ самая дерзкая мечта, который, даже въ минуту осуществленія, представлялся еще неразрѣшимою задачею,—скорѣе отважною попыткою, чѣмъ дѣломъ вѣрно разсчитаннаго плана и несомнительнаго успѣха. Дѣйствительно, переворотъ этотъ захватывалъ такъ широко всѣ отношенія не только гражданскія, но и бытовыя, врѣзывался въ такую глубь нашей народной исторической почвы, что ни окинуть мысленнымъ взоромъ, ни предугадать его послѣдствій не было,—да и нѣтъ еще возможности. Онъ еще не совершился, но только еще совершается. Это переворотъ въ полномъ смыслѣ слова: точно будто перепахивается вся земля и выворачиваются ея глубокіе, нижніе слои, приподнимаемые тяжелымъ упорнымъ плугомъ. Перестанавливается весь тысячелѣтній складъ нашей исторической жизни. Уже теперь въ дворянскомъ быту ощущается и видима глазомъ разительная перемѣна; а пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ — и мы не узнаемъ Русскаго общества. Еще остаются названія, но очевидно теряющія съ каждымъ днемъ свой прежній смыслъ; еще сохраняются привычки, наперекоръ всѣмъ убѣдительнымъ доводамъ разсудка и новѣйшаго опыта, но и онѣ, послѣ упрямой борьбы, постепенно, одна за другой, отрываются отъ быта, нерѣдко съ жгучею, хотя по большей части и молчаливою болью. Доживаетъ старое, теряя и образъ и форму,—выростаетъ, поднимается, отовсюду тѣснится впередъ новое — но также еще безъ образа, безъ формы. Все какъ будто сошло съ своихъ обычныхъ основъ и двинулось. Все тронулось, какъ ледъ весною. Все еще творится — въ процессѣ творенія, im Werden, какъ говорятъ Нѣмцы, — и такое переходное состояніе, естественно не можетъ не быть томительнымъ!.. Для насъ, какъ мы уже не разъ говорили, явно и несомнѣнно одно—это пробужденіе жизни въ низшихъ классахъ народа, это подъемъ народнаго духа, — но куда направится эта жизнь, какъ пробьется этотъ подъемъ народнаго духа сквозь толстые слои нашего мусора и хлама, такъ обильно нанесенные исторіею послѣднихъ полутораста лѣтъ, все это еще неизвѣстно, все это можно видѣть только — «яко зерцаломъ въ гаданіи». Современная дѣйствительность пока еще мало представляетъ точекъ опоры для какихъ-нибудь положительныхъ выводовъ; ощущеніе настоящаго, испытываемое въ нашей, не простонародной средѣ, большею частію болѣзненно; къ будущему Русскаго народа, повидимому, можно относиться только вѣрою, — и дόлжно сказать правду: эта вѣра живетъ у всѣхъ въ сердцѣ, хотя и не у всѣхъ на устахъ, живетъ какъ непосредственное чувство, которое не сознается, иногда даже отвергается близорукимъ разсудкомъ, но которое только и даетъ силу жить, безъ котораго жизнь была бы невозможна. Переживая бытовой внутренній, а не какой-либо внѣшній, политическій переворотъ, мы окружены диссонансомъ и противорѣчіемъ во всѣхъ смыслахъ и отношеніяхъ. Чувствуется безсиліе общественное, безсиліе всякихъ производительныхъ силъ жизни, — и въ то же время, порою, слышится въ цѣломъ организмѣ присутствіе такихъ силъ непочатыхъ и свѣжихъ, шевелится такая мощь, что становится стыдно собственныхъ, повидимому вполнѣ справедливыхъ, сомнѣній... Кругомъ матеріальная и нравственная несостоятельность во всемъ и всюду, несостоятельность всей нашей общественной среды, нововведеній, предпріятій, даже неуспѣхъ нѣкоторыхъ самыхъ благонамѣренныхъ усилій правительства, — и въ то же время очевидный успѣхъ крестьянской реформы. Сѣтуютъ на безлюдье, сѣтуютъ справедливо—и однакожъ совершилось величайшее въ исторіи дѣло, требовавшее не мало «людей» въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Ощущается разложеніе всѣхъ общественныхъ гражданскихъ существующихъ основъ, — и при всемъ томъ, внутреннее сознаніе говоритъ, что это не старческое разложеніе, которое угрожаетъ смертью. Всюду жалобы на застой,—и грѣхъ сказать, чтобы этотъ застой былъ именно видимъ въ народѣ, въ многомилліонныхъ народныхъ массахъ; всюду жалобы на безденежье, — а народъ тратитъ денегъ гораздо больше, чѣмъ прежде. Все кругомъ, повидимому, банкрутится,—а народъ не бѣднѣетъ, крѣпнетъ, ростетъ... Конечно, такое противорѣчіе имѣетъ мѣсто вездѣ, при каждомъ соціальномъ переворотѣ, но у насъ оно коренится еще въ той двойственности, которою такъ долго страдалъ нашъ народный организмъ и при которой жизнь сосредоточивалась до сихъ поръ только въ одной его половинѣ, тогда какъ другая охвачена была какъ будто летаргическимъ сномъ. Теперь роли перемѣняются. То, что̀ прежде было погружено въ мертвенность, проснулось къ жизни, а то, что̀ жило—оказывается, повидимому, изжившимъ весь свой прежній запасъ жизни, и уже непригоднымъ въ своемъ прежнемъ самостоятельномъ значеніи. Очевидно, однако, что для полноты жизни необходимо здоровье всей цѣлости организма и правильное соотношеніе его о̀ргановъ между собою, а не поглощеніе однихъ отправленій другими; самый же болѣзненный теперь о̀рганъ—это мы, такъ-называемые образованные классы, мы — какъ дворянство — въ смыслѣ (и только въ смыслѣ) просвѣщенной общественной силы. Подмостки,—на которыхъ мы дѣйствовали со временъ Петровскаго переворота, въ продолженіи слишкомъ полутораста лѣтъ,—рухнули, и мы очутились на землѣ. Странно было бы, еслибъ мы опять вздумали карабкаться на какія-нибудь новыя подмостки! Надо попробовать дѣйствовать на землѣ... Было бы крайне невыгодно, еслибъ мы стали связывать свою судьбу съ тѣмъ, что̀ разлагается и приходитъ въ несостоятельность: надо обратиться туда, гдѣ шевелится сила, и оттуда зачерпнуть и силы и здоровья.

Трудно залѣзть въ душу простонародья и вывѣдать тайну его мыслей, ощущеній и, имъ самимъ еще не ясно сознаваемыхъ, отношеній его духа къ настоящему перевороту трудно узнать, что̀ онъ чувствуетъ и предчувствуетъ, что̀ гадаетъ, что̀ сдается ему?.. Намъ собственно доступно видѣть, слышать и осязать только то, что̀ дѣлается сверху, въ близкихъ, родныхъ намъ слояхъ,—въ помѣщичьемъ классѣ, въ дворянствѣ. Здѣсь мы скорѣе можемъ судить, въ какой степени послѣднее, т. е. дворянство, уяснило себѣ свое положеніе, уразумѣло свое призваніе, свой историческій долгъ и повинность.

Мы никогда не присоединялись къ кличу: vae victis, горе побѣжденнымъ! Мы не только понимаемъ, но мы сами ее ощущаемъ, ту невольную боль, которую не можетъ не испытывать живое тѣло, когда надъ нимъ совершается операція, хотя бы самая необходимая и благодѣтельная, подобная той, которая совершается теперь надъ помѣщичьимъ бытомъ. Мы,—всей душою призывавшіе крестьянскую реформу и никому не уступающіе въ сочувствіи къ ней,—мы не можемъ однакоже смотрѣть совершенно безучастно на тѣ дѣйствительныя страданія, которыя производитъ ломка давно сложившагося историческаго быта,—какъ бы онъ ни былъ порочень и хотя бы мы сами готовы были первые подписать ему смертный приговоръ. Поэтому въ нашемъ сужденіи о современномъ положеніи дворянства нѣтъ не только злорадства, какъ многіе хотятъ видѣть, не только равнодушія, но напротивъ—самое неподдѣльное участіе и искреннѣйшее желаніе помочь ему отыскать выходъ изъ его, повидимому, безвыходнаго положенія. Дворянство чувствуетъ, что изъ-подъ ногъ его уходитъ почва, или тотъ искусственный паркетъ, на которомъ оно до сихъ поръ стояло; чувствуетъ, что теряетъ свою прежнюю опредѣленность,—и потому не удивительно, что оно инстинктивно ищетъ опредѣлиться или конституироваться вновь, стать снова на какомъ-нибудь твердомъ основаніи... Вѣрно ли это исканіе, туда ли направлены поиски—гдѣ это основаніе въ самомъ дѣлѣ можетъ быть найдено, и могутъ ли къ дворянству быть примѣнены и теперь, въ наше время, тѣ же способы оффиціальнаго искусственнаго созиданія, какъ бывало прежде,—вотъ въ чемъ вопросъ. Во всякомъ случаѣ очевидно, что дворянство теряетъ вѣру въ себя, какъ въ сословіе, и отъ этого происходитъ—съ одной стороны та раздражительная ревность къ охраненію еще остающихся правъ, а съ другой—иная крайность—побѣгъ изъ Россіи за границу, апатія, равнодушіе и т. д.

Въ самомъ дѣлѣ, трудно опредѣлить—что̀ такое Россійское дворянство въ настоящее время? Мы разумѣемъ здѣсь юридическое опредѣленіе. Что̀ это? историческое ли сословіе, основанное на генеалогическомъ началѣ, въ смыслѣ древности происхожденія? Ничуть не бывало. Древнихъ родовъ, записанныхъ въ Бархатной Книгѣ царя Ѳедора Алексѣевича, сравнительно съ новыми родами, весьма немного, по сколько-бъ ихъ и ни было, несомнѣнно то, что не происхожденіе лежитъ во главѣ угла настоящаго современнаго учрежденія. Замѣтимъ кстати, что всего менѣе древнихъ родовъ именно въ Московской губерніи, гдѣ земля изъ рукъ старинныхъ коренныхъ владѣльцевъ перешла бо̀льшею частью въ руки выслужившихся чиновниковъ не изъ дворянъ, и частью даже иностранцевъ. — Поищемъ другаго принципа. Что̀ же такое дворянство? не сословіе ли это землевладѣльцевъ? Но теперь землевладѣльцами, и даже владѣльцами населенныхъ имѣній, могутъ быть и купцы и другія сословія. При обѣднѣніи дворянскаго класса и при тщеславномъ побужденіи богатыхъ купцовъ обзаводиться хоть бы напримѣръ «подмосковными», можно предвидѣть время, и очень не вдалекѣ, что у насъ, въ Московской губерніи, владѣльцами знаменитыхъ дворянскихъ «подмосковныхъ» — будутъ никакъ не дворяне.—Такъ можетъ-быть это сословіе, т. е. дворянское, имѣетъ особенное, опредѣленное занятіе? можетъ-быть принципомъ сословности служитъ для него не древность происхожденія, и не землевладѣніе, а исключительность его призванія въ государствѣ, тотъ особенный трудъ, который выпалъ ему на долю и который оно несетъ для общей пользы? Дѣйствительно — такъ и было до Петра III-го, до знаменитаго указа о вольности дворянства, освободившаго дворянство отъ повинности или привилегіи — вѣдать всякое государево и земское внѣшнее дѣло, т. е. служить. Но уже и съ Петра I-го, съ учрежденія табели о рангахъ, дворянство перестало быть исключительно служилымъ сословіемъ. Такимъ образомъ и служба не составляетъ его отличительнаго признака.—Но оно все же отличается отъ всѣхъ прочихъ сословій особенными правами?... Какими же именно? Правами по службѣ? Но дипломы университетовъ и высшихъ учебныхъ заведеній почти что уравниваютъ эти права для всѣхъ сословій; къ тому же табель о рангахъ безпрестанно сокращается самимъ правительствомъ. Правомъ быть изъятымъ отъ рекрутства, отъ тѣлесныхъ наказаній, и т. п?... Но вѣдь этимъ избавленіемъ пользуются и другія нѣкоторыя сословія, напр. почетные граждане, купцы, всѣ учившіеся въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; рекрутской повинности можетъ быть также дана совершенно новая организація, при которой и это отличіе исчезнетъ... Что же такое наконецъ это дворянство? Переставши при Петрѣ III-мъ быть обязательно служилымъ сословіемъ, стало ли оно исключительно сословіемъ земскимъ? И этого нѣтъ: оно все состоитъ изъ людей служилыхъ, но не въ древнемъ, а въ новѣйшемъ смыслѣ этого слова, въ смыслѣ и духѣ табели о рангахъ, изъ людей, которыхъ даже прирожденныя дворянскія права опредѣляются и теперь чиномъ служебнымъ: извѣстно, что по Дворянской Грамотѣ и нынѣ дѣйствующему закону—неимѣющій служебнаго чина не имѣетъ и права участія въ дворянскихъ собраніяхъ, хотя бы онъ былъ самый столбовой изъ столбовыхъ. Это правило очень важно: въ немъ заключается цѣлый принципъ. Мы уже не говоримъ о томъ, что при размноженіи въ дворянствѣ людей новыхъ, людей выслуги, съ характеромъ космополитическимъ, старая связь туземнаго дворянства съ мѣстностью — значительно ослабѣла.

Было у дворянъ право, которымъ съ XVIII вѣка опредѣлялось все ихъ юридическое значеніе — право крѣпостное, право владѣнія людьми. Этою правоспособностью измѣрялось дворянское достоинство, въ ней былъ несомнѣнный признакъ дворянскаго «потомственнаго» званія. Юридическая безправность милліоновъ крестьянъ дѣлала дворянъ, естественно и сама собою, единственными представителями, защитниками и хозяевами такъ-называемаго земства,—если можно говорить о земствѣ въ нашей новѣйшей исторіи; въ дворянахъ замыкалась вся сфера земской гражданской жизни; съ нимъ, съ крѣпостнымъ правомъ, связывалась и привилегія земскаго самоуправленія, выбора личнаго состава судебныхъ и полицейсхихъ мѣстъ и пр. и пр. Но крѣпостнаго права уже нѣтъ, оно исчезло. Понятно, что какъ скоро и прочія сословія призваны къ полноправности, земское самоуправленіе не можетъ уже быть исключительною привилегіею дворянства. Не пользовавшись и не умѣвъ, къ несчастію, пользоваться своими правами, когда они принадлежали исключительно ему,— станетъ ли дворянство добиваться этихъ правъ тогда, когда такая привилегія не можетъ уже оправдываться самымъ внѣшнимъ строемъ жизни, какъ это было прежде? Повторяемъ, мы говоримъ здѣсь не о бытовомъ значеніи дворянства, а объ его юридическомъ опредѣленіи. Но будемъ продолжать наши поиски. Внѣшняго признака и никакого непреложнаго основнаго принципа мы не нашли. Принципы мѣнялись, признаки исчезали одинъ за другимъ и наконецъ почти всѣ исчезли, съ исчезновеніемъ главнаго отличія «благородства»— крѣпостнаго права. Сдѣлаемъ же выводъ изъ всего нами сказаннаго: что̀ же такое, наконецъ, дворянское сословіе, кто его составляетъ?

Вопервыхъ, дѣйствительно древніе дворянскіе роды,—которыхъ сравнительно немного, которымъ древность рода не даетъ никакихъ особенныхъ правъ и преимуществъ, и которые большею частью затемнены родами новѣйшими—«случайными»,—временъ Петра, Екатерины и пр.

Вовторыхъ, роды происходящіе отъ людей, получившихъ въ военной службѣ чинъ прапорщичій или такъ-называемый первый оберъ-офицерскій чинъ,—или чинъ коллежскаго ассесора въ гражданской службѣ; извѣстно, что эти чины давали человѣку право считаться благорожденнымъ, wohlgeboren, какого бы происхожденія онъ ни былъ,—право числить себя потомственнымъ дворяниномъ и владѣть крѣпостными. Потомъ, когда «благородство», дававшееся вмѣстѣ съ «благородіемъ», стало пріобрѣтаться слишкомъ легко и число новыхъ дворянъ въ эту, настежь раскрытую, дверь стало прибывать въ несмѣтномъ количествѣ, «благородство» перенесено было на титулъ «высокоблагородія», далѣе на титулъ «высокородія» и наконецъ уже, не очень давно, на титулъ превосходительства.

Втретьихъ, дѣйствительные статскіе совѣтники и полковники, флота капитаны 1-го ранга: отнынѣ только они поступаютъ въ потомственное дворянство, они доставляютъ новый контингентъ этому сословію въ наше время.

Стало-быть—дворянство есть корпорація, состоящая изъ потомковъ древнихъ родовъ, записанныхъ въ Бархатной Книгѣ (принципъ древности рода, принципъ генеалогическій), изъ потомковъ оберъ-офицеровъ, коллежскихъ ассессоровъ и прочихъ штабъ-офицерскихъ чиновъ, дававшихъ въ разное время права дворянскаго сословія, и изъ современныхъ дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ, полковниковъ и капитановъ 1-го ранга (принципъ выслуги). Нельзя даже сказать, чтобъ основаніемъ этой корпораціи было землевладѣніе, потому что оно не обязательно, и, какъ мы сказали, земля переходитъ довольно быстро въ руки другихъ сословій. Мы знаемъ даже многихъ Рюриковичей, не имѣющихъ ни пяди поземельной собственности. И такъ, если сообразить, что эта корпорація не имѣетъ никакихъ особенныхъ отличительныхъ правъ, никакихъ особенныхъ отличительныхъ началъ и признаковъ, то нельзя не признаться, что существованіе ея можетъ быть объяснено развѣ только особенностями нашей исторической жизни. Другаго раціональнаго основанія мудрено придумать. Еслибъ еще уничтожились и чины, то и этотъ послѣдній внѣшній признакъ превратился бы только въ одно воспоминаніе... Въ какой степени имѣетъ будущность такая корпорація, мы не знаемъ, но очевидно, что въ вопросѣ о сословіяхъ у насъ необходимо должны выступить новыя основанія для классификаціи людей...

Понятно, что въ заботахъ объ отысканіи какого-либо прочнаго основанія для дворянской корпораціи, нѣкоторые публицисты (какъ напр. г. Чичеринъ, въ 1862 году въ газетѣ «Наше Время») стараются придать дворянству значеніе сословія чисто-политическаго, а другіе придумываютъ сотворить изъ него аристократію, заимствуя образцы изъ жизни другихъ европейскихъ странъ. Это понятно,—но, по мнѣнію нашему, не совсѣмъ разумно, а главное несогласно съ историческими основами Русской жизни. Нѣтъ никакихъ задатковъ для образованія аристократіи политической и поземельной въ той странѣ, гдѣ глубоко вкоренено сознаніе о правѣ на землю каждаго члена Русской земли, гдѣ землевладѣльцемъ является самъ народъ, гдѣ политическое устройство исключаетъ возможность какой бы то ни было олигархіи и ревниво, въ этомъ смыслѣ, охраняется всѣмъ народомъ,— гдѣ поприще государственной службы открыто всѣмъ и каждому, и гдѣ, даже въ сознаніи самого общества, дипломъ университетскій не только равноправенъ съ дворянскимъ патентомъ, но несравненно выше всякаго стараго пергамента, свидѣтельствующаго о древности рода. Нѣтъ сословія менѣе аристократическаго, какъ большинство нашего дворянства. Въ крестьянскомъ дѣлѣ для него на первомъ планѣ стоялъ вопросъ экономическій, а вовсе не политическій,—и несмотря на увѣренія нѣкоторыхъ публицистовъ и дворянъ, заразившихся иностранными идеями о сословности, — большинство Русскаго дворянства никогда не пристанетъ къ теоріямъ обезземеленія крестьянъ, никогда не покусится на разрушеніе сельской поземельной общины. Для большинства Русскаго дворянства Русскій крестьянъ безъ земли немыслимъ,—этимъ сказывается въ дворянствѣ коренное народное, историческое воззрѣніе, и еслибъ этого убѣжденія не жило въ самомъ дворянствѣ, въ тайникѣ его сознанія, крестьянское дѣло не могло бы и совершиться такъ легко и удобно. — Матеріаловъ для образованія аристократіи у насъ нѣтъ уже и потому, что аристократическому элементу исторія наносила у насъ отъ времени до времени такіе удары, отъ которыхъ ему никогда не оправиться, и вводила въ жизнь такіе элементы, которыхъ избыть уже невозможно. Чего, кажется, лучше для образованія аристократіи, какъ не княжескіе роды потомковъ Рюрика? и однакожъ, мы видимъ, что даже и въ древней Руси принципъ генеалогическій подчиненъ былъ другому принципу—принципу служилаго значенія: мѣстничались не о томъ, кто старше родомъ, а чей родъ въ первомъ или во второмъ восходящемъ поколѣніи занималъ важнѣйшую должность по государственной службѣ. Потомки Рюрика,—конечно аристократы pur sang,—стояли ниже Салтыковыхъ, Шереметевыхъ и другихъ знатныхъ служилыхъ родовъ. Принципъ землевладѣнія также едвали много значилъ: земли продавались, мѣнялись, жаловались и отбирались государемъ; не отъ землевладѣнія получали наши княжескіе, боярскіе и дворянскіе роды свое служилое значеніе. — По уничтоженіи мѣстничества, когда всѣ старинные роды были записаны въ Бархатную Книгу при царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ, дѣйствительно, казалось, положено было основаніе аристократическому сословію, которому къ тому же было исключительно присвоено право и обязанность вѣдать всяческое государственное дѣло, ибо прочимъ сословіямъ не было доступа къ государственной службѣ. Но вотъ является Петръ и учрежденіемъ табели о рангахъ лишаетъ Бархатную Книгу всякаго практическаго значенія и вводитъ въ высшее сословіе массу людей новыхъ. И это не потому, чтобъ онъ былъ врагомъ аристократическаго принципа, а потому, что онъ хотѣлъ устроить высшее сословіе на новомъ основаніи, по своей идеѣ, своею властью, безъ корней, безъ преданій въ ненавистномъ ему историческомъ прошломъ. При немъ самомъ и при ближайшихъ его преемникахъ была попытка создать маіораты въ Россіи, но она рушилась отъ противодѣйствія самой жизни. Тѣмъ не менѣе дворянство еще сохраняло нѣкоторое свое прежнее историческое положеніе: оно повинно было служить. Петръ III, знаменитымъ указомъ о вольности дворянской, уничтожилъ значеніе дворянства какъ служилаго сословія, съ цѣлью создать что-то въ родѣ аристократіи, но въ сущности только раскрѣпилъ дворянство съ его старыми историческими основами. Между тѣмъ, въ то же самое время еще крѣпче самимъ правительствомъ закрѣплялся народъ. Потомъ историческая логика взяла свое и черезъ сто лѣтъ раскрѣплены и крестьяне. Въ этотъ промежутокъ времени дворянство какъ будто получило самостоятельное значеніе,— т. е. начало значить само по себѣ, а не по отношенію къ государству. Екатерина II своею Грамотою старалась организовать его какъ сословіе, основанное на родовомъ началѣ. Но и эта искусственная организація носила сама въ себѣ противорѣчіе: какое же это было сословіе, основанное на родовомъ началѣ, когда право на участіе въ дворянскихъ выборахъ возможно было для дворянина только съ полученіемъ служебнаго офицерскаго чина и когда пріобрѣтеніе извѣстнаго офицерскаго чина не-дворяниномъ давало ему свободный входъ въ сословіе родовыхъ дворянъ? Очевидно, что эта организація могла держаться только до тѣхъ поръ, пока существовало крѣпостное право.

Мы не предрѣшаемъ вопроса о томъ, чѣмъ станетъ дворянство,—да и предрѣшать не беремся. Это дѣло самой жизни, но нельзя не пожелать чтобъ дворянство поболѣе внимало ея указаніямъ. Рѣчь идетъ теперь не о самоуничтоженіи, а о совершающемся и отчасти уже совершившемся фактѣ. Хлопотать теперь дворянству приходится не объ утраченныхъ привилегіяхъ, а о привилегіи новой, совершенно инаго свойства, не политической, а нравственной, пріобрѣтаемой не чрезъ принудительную силу формальнаго закона, а чрезъ добровольное и свободное, всеобщее признаніе. Заботиться слѣдуетъ уже не объ юридическомъ значеніи дворянства, а о сохраненіи его бытоваго значенія. Если само правительство, уступая неотразимой силѣ исторической логики, ищетъ въ наше время придать всѣмъ сословіямъ новое значеніе,—не то, которое они имѣли прежде, смотря по тому, какое мѣсто и участіе имѣло каждое изъ нихъ въ строеніи государства, во сколько каждое изъ нихъ тянуло (юридическій терминъ) къ государству, и несло государственное тягло,—а въ смыслѣ самостоятельныхъ свободно хозяйствующихъ обществъ подъ покровомъ государства,—то дворянству остается только содѣйствовать такому дѣлу, воспользовавшись для этого всѣмъ своимъ историческимъ бытовымъ, еще памятнымъ, живымъ и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, можетъ-быть, даже дорогимъ для народа значеніемъ. Съ утратою юридическихъ привилегій дворяне не перестаютъ быть образованнымъ классомъ и въ этомъ качествѣ составлять главный элементъ общественной силы. Стараться объ удержаніи искусственной организаціи Екатерины II, уже нарушенной неотвратимымъ ходомъ исторіи,—или же мечтать о возможности иной, чуждой Русской жизни, политической организаціи дворянства—это значило бы идти наперекоръ исторіи, затруднять дѣло возрожденія земства, или же отдать его во власть антиземскихъ и антиобщественныхъ элементовъ; это значило бы не понимать своего истиннаго призванія и губить вмѣстѣ съ своимъ бытовымъ и общественнымъ положеніемъ и все то добро, которое они, дворяне, могли бы принести странѣ — добро просвѣщенія, народнаго самосознанія, опытности... Напротивъ, отложивъ всякія заботы объ организаціи себя, какъ политическаго сословія, о пріобрѣтеніи новыхъ или объ упроченіи старыхъ правъ, дворянство должно было бы теперь, по нашему мнѣнію, искренно и откровенно примкнуть съ своею общественною силою къ земству и стать вполнѣ сословіемъ земскимъ. Поступая иначе—оно рискуетъ попасть въ изолированное положеніе, въ которомъ, къ сожалѣнію, уже и стоитъ отчасти. Читатели уже знаютъ, что это положеніе дворянства лишаетъ, во многихъ мѣстностяхъ, земскія учрежденія самыхъ полезныхъ и необходимыхъ членовъ,—существенныхъ представителей интересовъ поземельной собственности. Отъ этого можетъ произойти вредъ не только для дворянства, но и для прочихъ сословій,—вредъ, который на первое же время можетъ обнаружиться въ томъ, что правительство вынуждено будетъ въ дѣлахъ земства дѣйствовать снова посредствомъ чиновниковъ... Признаться сказать, мы видѣли бы залогъ великой силы въ будущемъ, еслибъ, безъ всякихъ фразъ и декламацій, безъ политическихъ пряностей, завязалась на Руси хоть бы только почка какого-нибудь серьезнаго, настоящаго, дѣльнаго дѣла, совмѣстно разрабатываемаго всѣми земскими сословіями, хотя бы даже въ самыхъ малыхъ размѣрахъ и въ вопросахъ чисто хозяйственныхъ. Возможность этого раскрывается уже отчасти и въ земскихъ учрежденіяхъ, и не воспользоваться этимъ случаемъ,—для блага самой земской идеи,—было бы признакомъ полнѣйшей политической безтактности...

О мнимой опасности демократизма въ земскомъ дѣлѣ.

«День», 27-го марта 1865 г.

«Мы видѣли бы залогъ великой силы въ будущемъ, если бы, безъ всякихъ фразъ и декламацій, безъ политическихъ пряностей, завязалась на Руси хоть бы только почка какого-нибудь серьезнаго, настоящаго, дѣльнаго дѣла, совмѣстно разрабатываемаго всѣми земскими сословіями,—хоть бы даже въ самыхъ малыхъ размѣрахъ и въ вопросахъ чисто-хозяйственныхъ». Такими словами закончили мы, мѣсяцъ тому назадъ, одну изъ нашихъ передовыхъ статей. И дѣйствительни: всякое высушенное болото, всякой мостъ—вновь построенный, всякую уѣздную проселочную дорогу приведенную въ исправность — мыслью, совѣтомъ, совокупнымъ иждивеніемъ и заботами уѣзднаго земства—мы готовы встрѣтить несравненно съ большею радостью, чѣмъ многія повидимому крупныя явленія общественнаго прогресса,—готовы привѣтствовать какъ зарю обновленія, освобожденія и всякой благой, возникающей наконецъ и у насъ, дѣятельности. Чего намъ недоставало до сихъ поръ—это именно дѣла, или вѣрнѣе сказать — умѣнья начать, затѣять и довершить, собственнымъ своимъ общественнымъ разумомъ и средствами, самое простое, малое дѣло—безъ помощи правительственной иниціативы, регламента, опеки и руководства. Въ чемъ заключалось до сихъ поръ наше безсиліе—это въ разрозненности силъ духовныхъ и вещественныхъ, въ неумѣньи слить ихъ вмѣстѣ въ одну общую силу для дружнаго полезнаго дѣйствія, въ томъ наконецъ, что народъ нуждался общества, а общество народа,—народъ нуждался въ силѣ сознательной и просвѣщенной—и не находилъ ея,—общество же, обладающее повидимому этой силой, но чуждое народной стихіи и живой связи съ дѣйствительностью, оставалось безплодными и немощнымъ. Если только намъ удастся—мостишко какой-нибудь (не въ фигуральномъ, а въ настоящемъ смыслѣ слова) создать общимъ совѣтомъ,—тогда можно будетъ уже смѣлѣе глядѣть въ будущность и провидѣть въ ней, въ ея туманной дали, очеркъ цѣлаго будущаго зданія нашего земства.

Конечно, мы не смѣемъ еще предаваться такимъ радужнымъ надеждамъ по поводу первыхъ, робкихъ опытовъ въ дѣлѣ земскаго самоуправленія, о которыхъ читатели наши знаютъ какъ изъ «Дня», такъ и изъ прочихъ газетъ. До сихъ поръ извѣстно, съ большею или меньшею подробностью, о дѣйствіяхъ уѣздныхъ и губернскихъ собраній — только въ четырехъ губерніяхъ: Самарской, Костромской, Пензенской и Новгородской. Эти извѣстія гораздо утѣшительнѣе, чѣмъ можно было ожидать,—и земскія собранія съ самаго перваго раза явились несравненно дѣльнѣе, стройнѣе, порядливѣе—отдѣльныхъ сословныхъ собраній, хоть бы напримѣръ дворянскихъ. Почему это такъ? почему нельзя пожелать будущимъ земскимъ собраніямъ руководиться тѣмъ образцомъ, какой представляется на дворянскихъ съѣздахъ? почему сами дворяне (за немногими печальными исключеніями, о которыхъ смотри въ 64 и 65 № «Моск. Вѣд.» въ корреспонденціяхъ изъ Клина и изъ Солигалича) вносятъ въ земскія собранія совсѣмъ иной духъ, иные пріемы и оставляютъ за порогомъ дверей—тѣ непорядочные порядки, которые стали ихъ неотъемлемою привычкою на съѣздахъ дворянства? Отдѣльныя собранія купцовъ, мѣщанъ также не много представляютъ стройности и чинности, но мы указываемъ на дворянскія собранія собственно потому, что въ послѣднее время вздумали придавать этимъ собраніямъ ту важность, которой они никогда до сихъ поръ не имѣли, а на естественный, неотвратимый упадокъ ихъ значенія стали смотрѣть какъ на общественное зло. Ничто, кажется, никогда не мѣшало дворянству ввести болѣе стройности въ засѣданія и съ бо̀льшимъ вниманіемъ заняться разсмотрѣніемъ земской смѣты... Если нѣкоторые дворяне захотятъ видѣть въ нашихъ словахъ какой-нибудь личный попрёкъ дворянскому сословію — они очень ошибутся. Тутъ личной вины почти нѣтъ: едвали даже и могло быть иначе. Искусственная организація дворянства, созданная Екатериною II,—столь прославляемою вновь съ недавняго времени, послѣ 19 февраля 1861 года, нѣкоторыми защитниками землевладѣльческихъ интересовъ,—не носила въ себѣ никакой органической силы; никакой живой связи съ землею и народомъ не установляла дворянская грамота. Она только укрѣпляла однѣ сословныя привилегіи, развивала духъ однихъ сословныхъ интересовъ; она не налагала на дворянъ никакого инаго контроля, кромѣ контроля правительственной же власти; она не ставила ихъ лицомъ къ лицу съ прочими сословіями, съ землей, съ народомъ—про котораго и рѣчи быть не могло, такъ какъ больше половины его находилось въ крѣпостномъ рабствѣ у тѣхъ же дворянъ. Конечно, привилегіи были обширны и даже не безъ политическаго оттѣнка, но развѣ могли онѣ создать прочное политическое значеніе для дворянства, когда десятки милліоновъ народа, составляющіе настоящій центръ тяжести Русскаго государства, были (благодаря отчасти этимъ же привилегіямъ) парализованы въ своемъ существованіи полнѣйшею гражданскою безправностью? когда органическая стихія нашего политическаго тѣла была скована по рукамъ и ногамъ? Въ самомъ дѣлѣ, если разсматривать народъ, какъ живой организмъ (а иначе его и разсматривать нельзя), то понятно, что при стѣсненіи естественныхъ отправленій, при нарушеніи правильнаго кровообращенія, при онѣмѣніи значительнѣйшихъ о̀рагановъ жизнь остальныхъ органовъ осуждена на анормальность, болѣзненность и безплодность. Мы скажемъ болѣе: неурядица и безалаберность нашихъ дворянскихъ выборовъ и съѣздовъ будетъ со временемъ поставлена исторіею въ заслугу дворянству, — если не лично дворянамъ, то той Русской стихіи, имъ присущей, которая не сумѣла никоимъ образомъ разукрасить ложь, не дала обмануть разсудку внутреннее чувство, не уложилась въ чуждую ея природѣ — форму заграничнаго издѣлія и протестовала противъ своего искаженія — безучастіемъ, бездѣйствіемъ, неподвижностью — въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже благодѣтельною. Да, благодѣтельною. Было время, довольно удобное, когда дворянство, еслибъ въ немъ было поменьше Русской природы, могло бы безъ особеннаго труда развить и упрочить въ себѣ элементъ аристократическій, и нѣтъ сомнѣнія, что Англичане и Нѣмцы воспользовались бы широкими привилегіями дворянской грамоты въ такой степени, что онѣ бы не обветшали такъ скоро и не сломились бы какъ подсохшее, не глубоко сидящее корнями въ землѣ дерево — въ теченіи какихъ-нибудь 75 лѣтъ! Но наше дворянство (какъ бы каждый дворянинъ въ отдѣльности ни хвастался вольностью дворянства и грамотою матушки-Екатерины) чувствовало себя постоянно неловко въ сочиненной для него роли сословія, на подмосткахъ той публичной арены, на которой разыгрывалась вся наша общественная жизнь со временъ Петра Перваго. Оно не стало настоящею политическою корпораціей (чѣмъ непремѣнно стало бы Нѣмецкое или Англійское дворянство), а состояло какъ бы «въ должности» политической корпораціи, внутренно тяготясь этою должностью и отбывая ее, какъ повинность. Поэтому оно никогда не могло заставить себя отнестись съ подобающею важностью къ своему общественному дѣлу или, какъ говорятъ Французы, prendre au sérieux свои общественныя права и привилегіи, — и этому, въ окончательномъ результатѣ, какъ оно иногда ни было безобразно, нельзя не порадоваться. Въ поясненіе нашей мысли приведемъ наши собственныя слова о безобразіи Русской жизни вообще, которыя съ полною основательностью могутъ быть отнесены и къ нашему родному дворянству. «Въ немъ, въ этомъ безобразіи, говорили мы, выражается протестъ живой и живучей, непокорившейся силы народной; въ немъ — отрицательный подвигъ (конечно, только отрицательный) самобытнаго народнаго духа, еще хранящаго смутно, можетъ-быть безсознательно и инстинктивно, вѣру въ свое историческое призваніе». Были бы вы рады, читатель, спрашивали мы, если бы Русскій человѣкъ принялъ въ свою душу ложь цеховъ и сословныхъ корпорацій — обличенную теперь и въ Европѣ; еслибъ это иноземное начало пришлось ему по сердцу, еслибъ посѣянное разцвѣло въ немъ, такъ же какъ на Германской почвѣ, пышнымъ розаномъ Нѣмецкаго благоустройства? Жалуясь на безобразіе Руси, хотѣли бы вы развѣ, чтобъ Русскій человѣкъ пріобрѣлъ благообразіе Нѣмца, и для этого — какъ необходимое условіе, условіе sine qua non — сталъ бы Нѣмцемъ, съузился бы въ Нѣмца, взялъ бы себѣ и идеалъ Нѣмецкій? Конечно, не желали бы, и не потому, чтобъ вы не цѣнили глубины Германскаго духа и исполинскихъ заслугъ, оказанныхъ имъ человѣчеству, но потому, что вамъ въ Нѣмцѣ было бы не по себѣ, что у васъ есть свой идеалъ, свои своеобразныя силы и дарованія, ожидающія соотвѣтственнаго себѣ свободнаго развитія и проявленія. «Съ тѣхъ поръ—поясняли мы дальше—какъ разстроилась цѣльность нашего организма, отшиблась память и взаимное недовѣріе и непониманіе раздѣлило простой народъ отъ служилой и образованной части общества,—Русская земля подвергалась всякаго рода пробамъ и испытаніямъ. Какъ китайскія тѣни въ фонарѣ, смѣнялись въ нашемъ обществѣ нововведенія, преобразовательныя и созидательныя доктрины и разныя модели, по которымъ отливались формы для Русскаго народа. Но формы были не по народу, всѣ лопались и разбивались, оставляя однакоже на немъ свои обломки. Видъ, конечно, не благообразный, но чтобъ порадовать наши взоры своимъ благообразіемъ, народу слѣдовало бы поприжаться, съёжиться, пожертвовать своею оригинальностью и послушно влѣзть въ форму нынче Голландскую, завтра Шведскую, и т. д. Онъ не сталъ ни тѣмъ, ни другимъ, не польстился ни на какія блага, не измѣнилъ своей Русской природѣ и покрытый лохмотьями иноземныхъ одеждъ, предстоитъ предъ нами теперь въ своемъ многовѣщемъ безобразіи!»...

Довольно ли мы защитили наше дворянство отъ попрековъ за безобразіе дворянскихъ съѣздовъ? Конечно, ни одинъ изъ присяжныхъ защитниковъ дворянскихъ правъ и привилегій не оказывалъ дворянскому сословію такой услуги, и мы увѣрены, что разумнѣйшіе изъ дворянъ будутъ намъ искренно благодарны. Но дворянамъ не слѣдуетъ однакожъ очень-то и кичиться теперь своимъ безобразіемъ, какъ потому, что предложенное нами оправданіе вовсе не оправдываетъ лицъ, а есть оправданіе такъ-называемое историческое,—такъ и потому, что органическому отпору со стороны непосредственной жизни приличнѣе быть въ простомъ народѣ, чѣмъ въ образованномъ мыслящемъ сословіи, съ развитымъ сознаніемъ. Здѣсь могла бы быть работа и инаго рода. Сознательной защиты народной духовной самобытности въ дворянскомъ сословіи, къ сожалѣнію, не было, кромѣ нѣкоторыхъ исключеній, — и только непосредственное Русское чувство, Русскій инстинктъ, Русская природа спасала дворянъ отъ опаснаго нѣмецкаго благообразія и протестовала пассивнымъ образомъ противъ ихъ же собственныхъ доктринъ и теорій, ихъ же собственныхъ неразумныхъ усилій. Эта Русская природа беретъ наконецъ свое и въ дворянствѣ,—беретъ положительный верхъ со времени уничтоженія крѣпостнаго права, со времени прилива новыхъ жизненныхъ органическихъ силъ, высвобожденныхъ изъ долгаго плѣна. Она окончательно возьметъ верхъ и скажется скоро уже не пассивнымъ, а дѣятельнымъ образомъ — несмотря на всѣ старанія нѣкоторыхъ публицистовъ замѣнить ее англійской органической стихіей! Впрочемъ, ничто не въ состояніи дать такого превратнаго понятія объ истинныхъ стремленіяхъ и влеченіяхъ нашего дворянства, т. е. огромнаго большинства его, какъ неумѣстная и неловкая, въ высшей степени бестактная защита дворянскихъ интересовъ, предпринятая въ наше время нѣкоторыми органами нашей журналистики. Мы надѣемся, что здравое чувство собственной пользы помѣшаетъ нашимъ дворянамъ внимать и слѣдовать совѣтамъ этихъ неудачныхъ своихъ адвокатовъ. Въ самомъ дѣлѣ: какъ было бы хорошо, какъ согласно съ требованіями политическаго такта, какой вѣрный, могучій способъ пріобрѣсти довѣріе народа — еслибъ дворяне, на земскихъ всесословныхъ собраніяхъ, вдохновляемые извѣстною газетою, вздумали предложить способы обезземелить крестьянъ и создать массы бродячихъ рабочихъ,—или же стали бы соблазнять гласныхъ отъ сельскихъ сословій плѣнительною картиною—чужаго крова, теплаго угла въ чужой избѣ, неудобствами домосѣдства и хозяйства, и прелестью житья въ работникахъ и батракахъ!!!

Въ противоположность тѣмъ органамъ нашей печати, которые старались поддерживать въ нашихъ дворянахъ какое-то нерасположеніе къ земскимъ учрежденіямъ и видѣли въ нихъ нѣчто въ родѣ посягательства на политическое значеніе дворянства,—мы, напротивъ, настойчиво и неутомимо призывали дворянъ принять въ земскихъ учрежденіяхъ самое дѣятельное участіе. Мы приглашали ихъ: отложивъ въ сторону всякія заботы объ организаціи себя, какъ политическаго сословія, о пріобрѣтеніи новыхъ или объ упроченіи старыхъ правъ,—искренно и откровенно примкнуть съ своею общественною силою къ земству. Если теперь, предупреждали мы, на встрѣчу поднимающемуся въ своемъ ростѣ народу мы понесемъ свои галломанскія или англоманскія замашки, то ничего добраго отъ этой встрѣчи не выйдетъ; напротивъ, всякое недоброжелательство къ народному подъему, къ народнымъ началамъ и бытовымъ основамъ со стороны нашего образованнаго общества—можетъ имѣть вредныя послѣдствія для свободы. Обличая безсиліе—этотъ поразительный недугъ Русской общественной среды, мы постоянно пытались убѣдить нашъ образованный классъ въ той простой истинѣ, что если онъ хочетъ дѣйствовать на пользу Россіи—онъ долженъ стремиться стать силою—нравственною, общественною, а таковою силою онъ можетъ стать только тогда, когда, признавъ фактъ духовнаго своего разрыва съ народомъ, смиритъ свое высокомѣріе и постарается заслужить довѣріе народа. Мы предсказывали дворянству, что ему предстоитъ занимать на земскихъ собраніяхъ самую почетную роль, если оно отнесется къ дѣлу вполнѣ честно и искренно. Какъ на одно изъ средствъ къ пріобрѣтенію это довѣрія, мы указывали на участіе въ земскихъ учрежденіяхъ.

Благодаря Положенію о земскихъ учрежденіяхъ, мнѣнія различныхъ частей земства, при избраніи лицъ, могли высказаться довольно свободно. Преобладаніе гласныхъ отъ крестьянъ на уѣздныхъ собраніяхъ, дававшее имъ возможность (какъ того боялись нѣкоторые наши англоманы) не допустить къ участію въ управахъ и въ губернскомъ собраніи ни одного дворянина, не только не помѣшало, но способствовало тому, что въ управахъ и въ губернскомъ собраніи представительство и власть ввѣрены по преимуществу образованнымъ лицамъ, т. е. дворянамъ. Гражданскій тактъ, обнаруженный крестьянами, несравненно выше такта, проявленнаго нашими публицистами, которые, требуя отъ народа довѣрія къ дворянству, въ то же время проповѣдываютъ недовѣріе къ народу и необходимость гарантій «противъ преобладающаго вліянія въ земскомъ дѣлѣ необразованныхъ классовъ населенія». Тогда какъ дворяне должны были бы особенно дорожить тѣмъ довѣріемъ, которое такъ непринужденно, такъ свободно и такъ разумно оказано лучшимъ изъ нихъ—крестьянами, – неловкіе адвокаты дворянскихъ интересовъ хотѣли бы устранить всѣ эти свободныя выраженія довѣрія и на первыхъ же порахъ установить закономъ — внѣшнее, а не нравственное преобладаніе надъ земствомъ крупныхъ землевладѣльцевъ, признавъ право непосредственнаго личнаго участія въ земскихъ собраніяхъ за каждымъ представителемъ крупной собственности. Такое притязаніе могло бы подать поводъ думать, что крупные собственники не слишкомъ надѣются на прочное къ себѣ довѣріе со стороны крестьянъ и стараются принять заранѣе свои мѣры, чтобы можно было и вовсе обходиться безъ этого довѣрія и благодѣтельствовать крестьянамъ насильно, помощью перевѣса голосовъ. По нашему убѣжденію, едвали не надежнѣе для пользы дѣла, для истинной пользы самихъ дворянъ—преобладаніе голосовъ крестьянскихъ, чѣмъ дворянскихъ. Крестьяне наши чужды всякихъ демократическихъ поползновеній, которыя мерещатся въ нихъ нашимъ пугливымъ защитникамъ дворянства, и доказываютъ это блистательнымъ образомъ—избирая дворянъ въ свои представители. Они, какъ народъ по преимуществу бытовой, признаютъ все значеніе разницы быта, и съ своимъ трезвымъ разумомъ очень хорошо понимаютъ, что дворянинъ по своему образованію, по своему общественному положенію и служилой опытности, способнѣе вести сложное и письменное дѣло земской администраціи, нежели человѣкъ неграмотный, подавленный нуждой и заботами. Хотя они, можетъ-быть, и не имѣли бы особеннаго повода довѣрять дворянамъ, какъ помѣщичьему сословію, да и до сихъ поръ не слишкомъ-то имъ довѣряютъ тамъ, гдѣ интересы помѣщичьи противоположны крестьянскимъ, — но они настолько чужды сословнаго антагонизма, что личныя качества дворянина способны всегда вызвать съ ихъ стороны полное, безграничное довѣріе, если онъ того истинно заслуживаетъ. По свидѣтельству самихъ помѣщиковъ, выборъ крестьянъ, падавшій на дворянина, отличался особенною строгостью и былъ всегда очень вѣренъ. Напротивъ того, намъ извѣстенъ случай, здѣсь, въ Московской губерніи, какъ одинъ изъ мировыхъ посредниковъ, постоянно прикидывавшійся демократомъ, былъ самымъ рѣшительнымъ образомъ забаллотированъ крестьянами, которыхъ вѣрный нравственный слухъ давно почувствовалъ фальшивую ноту посредническаго демократизма. Если же, напротивъ, преобладаніе крупныхъ собственниковъ было бы утверждено на внѣшнемъ, юридическомъ основаніи, тогда конечно здоровѣйшій элементъ земства обрѣтался бы не въ авантажѣ, по выраженію Петра, и земскія собранія могли бы принять характеръ собраній дворянскихъ, — чего конечно ни одинъ разумный человѣкъ пожелать не можетъ.

Если и теперь крестьяне, когда еще такъ свѣжа въ памяти эпоха крѣпостнаго права, способны были съ такимъ безпристрастіемъ отнестись къ дворянству, то и на будущее время образованному нашему классу еще менѣе есть основанія чего-либо опасаться. Конечно, здѣсь требуется одно условіе: заслужить честнымъ образомъ довѣріе народа. Земскія учрежденія, своею «демократическою», какъ выражается одна газета, организаціею, представляютъ къ тому довольно сильныя побужденія. Наоборотъ, еслибъ чего и кому можно было опасаться, такъ это именно крестьянамъ—возобладанія, въ средѣ крупныхъ собственниковъ, теорій гг. Бланка и Безобразова о барщинномъ трудѣ, или одной извѣстной газеты объ обезземелении крестьянъ. И никакъ нельзя было бы поручиться, чтобъ на собраніи, которое было бы организовано согласно съ совѣтомъ этой газеты, изъ крупныхъ собственниковъ, на основаніи личнаго права, а не по выбору, — не составилось иной разъ большинства дворянскихъ голосовъ въ пользу какого-нибудь мнѣнія, равносильнаго по своему достоинству знаменитому проекту—сѣять кукурузу на архангельской почвѣ!—Напротивъ, въ этомъ взаимномъ равновѣсіи матеріальной, количественной силы народа, какъ живаго неотвратимаго факта, и качественной силы образованныхъ классовъ, въ этомъ сочетаніи разума народныхъ массъ съ народнымъ самосознаніемъ и просвѣщеніемъ отдѣльныхъ единицъ—и отражается вполнѣ тотъ ходъ нашего развитія, какой начертанъ намъ исторіей. Регуляторомъ здѣсь долженъ явиться, по преимуществу, умъ и тактъ, искреннее чувство народности въ образованномъ обществѣ. Если же вы будете постоянно питать недовѣріе къ народу, проникнетесь подозрительностью къ нему, какъ это внушаютъ нѣкоторые публицисты,—то вы приведете къ тому, что и народъ съ своей стороны будетъ питать къ вамъ недовѣріе и станетъ подозрителенъ къ вамъ. Если вы будете клеймить демократизмомъ и эпитетомъ «демократическаго» все то, чтò не болѣе, какъ присущій Русской землѣ фактъ (именно ея громадное, свободное, сельское осѣдлое населеніе); если вы будете принимать мѣры противъ вами же созданнаго призрака демократизма и соціализма, и станете обнаруживать ваши стремленія къ созданію у насъ аристократіи въ смыслѣ западномъ, то кончится, пожалуй, и дѣйствительно по вашему, т. е. вы вызовете въ народѣ, въ отпоръ вамъ, демократическіе инстинкты, отъ которыхъ, какъ и отъ аристократическихъ, равномѣрно сохрани насъ Боже. Намъ нужно единеніе и единеніе; это единеніе, къ величайшему счастію и сверхъ нашихъ историческихъ заслугъ, оказывается возможнымъ... Къ чему же вносить рознь между сословіями? А чтò же, какъ не недовѣріе къ народу, какъ не рознь могутъ внушить такія слова, напримѣръ, одной извѣстной газеты: «Мы дѣлаемъ теперь лишь первые опыты въ знакомствѣ съ характеромъ демократическихъ учрежденій, но уже теперь набралось не мало данныхъ, заставляющихъ серьезно задуматься объ ожидающемъ насъ будущемъ!..» Какія же это данныя, «эти тревожныя вѣсти», подумаетъ читатель, давшія поводъ къ такимъ зловѣщимъ предвареніямъ?.. Два-три случая, совершенно не важныхъ, изъ которыхъ главный тотъ, что кѣмъ-то побитый крестьянинъ затѣваетъ политическія совѣщанія по кабакамъ... Однакожъ въ томъ самомъ уѣздѣ, въ которомъ такіе ужасы творилъ этотъ крестьянинъ, дворяне выбраны крестьянами-собственниками въ гласные въ значительномъ количествѣ,—и выборы, какъ извѣстно, отличались совершенною справедливостью... Далѣе та же газета толкуетъ объ «условіяхъ самосохраненія для образованныхъ классовъ въ той борьбѣ за политическое существованіе, которая предстоитъ имъ». Какая борьба, съ кѣмъ, о какомъ политическомъ существованіи идетъ здѣсь рѣчь, кого здѣсь пугаютъ, или кого спасаютъ—понять трудно, особенно въ виду мирнаго и благополучнаго исхода земскихъ выборовъ, съ явнымъ оказательствомъ предпочтенія со стороны крестьянъ «образованнымъ» людямъ, если они того заслуживаютъ и по нравственнымъ качествамъ». «Пусть всякой патріотъ—продолжаетъ тотъ же ȯрганъ нашей печати—внимательно подумаетъ о положеніи дѣлъ, вступающемъ теперь въ силу: отъ него не укроется, какъ необходимо, чтобъ образованный землевладѣльческій классъ не упускалъ ни одного законнаго средства, могущаго устранить или смягчить опасность».

Чтȯ же это наконецъ? Чуть народъ выпущенъ изъ крѣпостныхъ узъ, — находятся «образованные» люди, которые вновь кричатъ о необходимости барщины. Чуть упрочилось его скромное благосостояніе,—кричатъ о необходимости вытянуть изъ-подъ него землю. Чуть вздохнулъ онъ свободно, — незлобиво и довѣрчиво относясь къ тѣмъ, кто не безъ грѣха въ его прошлыхъ страданіяхъ,—кричатъ объ опасности! Онъ протягиваетъ руку на единеніе, — ее хотѣли бы оттолкнуть! Неужели же такія мнѣнія мы должны принять за выраженіе мыслей всего дворянскаго класса? Неужели этотъ ȯрганъ журналистики есть дѣйствительно органъ землевладѣльческихъ интересовъ, экономической и всяческой свободы? Къ чести нашего образованнаго сословія и въ огражденіе настоящихъ его интересовъ, равно какъ и интересовъ свободы и общественнаго развитія, мы громко объявляемъ: нѣтъ! Это только болѣзненныя мечтанія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ, и мы надѣемся, что наше «нѣтъ» подтвердитъ и большинство нашего образованнаго дворянства...

По поводу первыхъ земскихъ выборовъ и собраній.

«День», 29-го мая 1865 г.

Уже значительная часть Россіи надѣлена теперь земскимъ «самоуправленіемъ», во многихъ губерніяхъ уже покончили съ выборами, происходили засѣданія земскихъ собраній, открыты и дѣйствуютъ земскія управы. Но едвали было бы не преждевременно пускаться теперь же въ какіе-нибудь выводы и заключенія. Вся дѣятельность уѣздныхъ земскихъ собраній ограничивалась въ сущности только заявленіемъ о начаткѣ ихъ гражднскаго бытія, выборомъ членовъ управы и гласныхъ въ губернское собраніе, а также составленіемъ на скорую руку инструкцій управамъ; инструкціи эти сводятся всѣ къ одному знаменателю: собрать какъ можно болѣе статистическихъ данныхъ, недостатокъ которыхъ обнаружился съ самаго же начала. Тотъ же характеръ имѣла и дѣятельность губернскихъ собраній. Ничего другаго, конечно, на первыхъ порахъ нельзя было и ожидать: для земства главною теперь задачею было—опознаться, оглядѣться, ощупать почву подъ своими ногами, изведать внѣшніе пріемы и порядки, встрѣтиться лицомъ къ лицу всѣмъ сословіямъ вмѣстѣ. Въ этомъ отношеніи начало уже положено, — и надо сказать правду, начало удалось свыше нашихъ, слишкомъ уже можетъ-быть несмѣлыхъ ожиданій. Во всякомъ случаѣ, если еще нѣтъ основаній ликовать объ успѣхѣ и обнадеживаться радужными надеждами, то еще менѣе имѣется поводовъ предаваться какимъ-либо мрачнымъ догадкамъ и предчувствіямъ, кричать караулъ и принимать какія-либо искусственныя мѣры къ отвращенію какой-то опасности. Эти догадки и внушенія исходятъ, впрочемъ, исключительно изъ лагеря дворянъ-землевладѣльцевъ, преимущественно крупныхъ,—и по нашему мнѣнію нисколько не вызываются и не оправдываются фактами Русской современной дѣйствительности, а основаны на ошибочныхъ теоретическихъ и апріористическихъ умозаключеніяхъ. Дѣйствительные факты, представляемые намъ земскими собраніями, таковы, что тактъ, приличіе, скромность, умѣнье себя держать — большею частью на сторонѣ крестьянъ, что послѣдніе явились даже—не во гнѣвъ будь сказано дворянству — несравненно болѣе «comme il faut», чѣмъ многіе изъ насъ, среднихъ и крупныхъ землевладѣльцевъ, такъ неумѣстно кичившіеся своею породою и европейскимъ образованіемъ на всесословныхъ земскихъ собраніяхъ! Дѣйствительные факты таковы, что заставили даже извѣстный органъ нашей печати, ратующій за принципъ и интересы крупной собственности, воздать хвалу крестьянамъ за отсутствіе въ нихъ демократическихъ стремленій, и напротивъ того высказать горькое и совершенно непривычное для этой газеты слово упрека дворянству за его политическую безтактность. Тѣмъ не менѣе тотъ же органъ крупныхъ землевладѣльцевъ, похваливъ крестьянъ, говоритъ вслѣдъ за тѣмъ такія зловѣщія рѣчи: «И такъ крѣпостное право не вселило въ крестьянъ ни ненависти, ни даже недовѣрія къ дворянству, а отмѣна крѣпости не возбудила въ дворянахъ непріязненнаго чувства къ крестьянамъ. Но это итоги прошедшаго. Надо обратиться къ будущему, не загадочному или возможному, а весьма вѣроятному или даже неизбѣжному». Будущее же представляется автору выписанныхъ нами строкъ въ самомъ мрачномъ видѣ... Не можемъ не остановиться здѣсь и не замѣтить, что странно же рекомендуетъ эта газета «просвѣщенное» и «передовое» дворянское сословіе, если заявляетъ, какъ утѣшительное явленіе, что̀ «отмѣна крѣпости не возбудила въ дворянахъ непріязненнаго чувства»... къ кому же? «къ крестьянамъ»!! За что̀ же къ крестьянамъ?! Но эта газета не только признаетъ такое непріязненное чувство въ дворянахъ явленіемъ, повидимому, вполнѣ естественнымъ и возможнымъ (отсутствіе котораго можетъ быть доже поставлено имъ въ заслугу), но и противополагаетъ его, какъ равное по степени натуральности и законности, непріязненному чувству освобожденныхъ отъ крѣпостнаго ига крестьянъ—къ владѣльцамъ, державшимъ ихъ подъ крѣпостнымъ игомъ! Въ самомъ дѣлѣ: быть подъ игомъ и держать подъ игомъ, развѣ это не одно и то же?! Дальше тотъ же органъ крупныхъ землевладѣльческихъ интересовъ пророчествуетъ, что при ежегодно увеличивающемся числѣ крестьянъ-землевладѣльцевъ, при соблазнахъ власти и жалованья,—«если не теперь, то положительно весьма скоро, общественное образованіе будетъ зависѣть отъ людей безграмотныхъ, всѣ важныя дѣла въ уѣздахъ, все хозяйство въ уѣздахъ, а затѣмъ и въ губерніяхъ, будетъ находиться въ рукахъ людей невѣжественныхъ и ихъ корыстныхъ руководителей!... Въ Россіи окажутся неизвѣстные въ ней доселѣ элементы политическаго раздраженія... Послѣдствія искусственно-возбужденнаго неудовольствія массъ» (въ случаѣ поздняго измѣненія законовъ о земскихъ выборахъ), «уже вкусившихъ самовластія, легко предвидѣть... Тѣмъ сильнѣе долгъ озаботиться ихъ предотвращеніемъ»... Невольно бросается въ глаза, что все утѣшительное въ настоящемъ является для автора «итогомъ прошедшаго», т. е. крѣпостнаго права: ему мы обязаны—еще покуда существующими добрыми отношеніями между сословіями! при немъ мы были бы избавлены отъ грозящихъ намъ ужасовъ политическаго раздраженія! Какое же мы сокровище потеряли! какъ велика же была въ крѣпостномъ правѣ сумма добра, если, за всѣми расходами, она дала такіе прекрасные итоги! Такъ и разбираетъ охота, по прочтеніи этихъ строкъ, къ нему воротиться. . Средства же, предлагаемыя авторомъ для отвращенія бѣды, состоятъ, какъ извѣстно, въ подъёмѣ юридическаго значенія крупной поземельной собственности, въ надѣленіи ея особыми правами и—по связи идей, высказанныхъ не разъ прежде,—въ обезпеченіи ея экономической цѣнности чрезъ созданіе у насъ многочисленнаго класса рабочихъ, нуждающихся въ чужомъ кускѣ хлѣба и кровѣ. Мы разсмотримъ потомъ эти средства подробнѣе, а теперь взглянемъ на факты, представляемые намъ современностью—въ кругѣ дѣйствія земскихъ учрежденій.

По свидѣтельству даже «Московскихъ Вѣдомостей», крестьяне не выказали нигдѣ ни самонадѣянности, ни гордости, ни хвастовства, ничего такого, что̀ выражается словомъ: «зазнаться». Въ самомъ дѣлѣ, имѣя нерѣдко на своей сторонѣ, въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ, численное превосходство, они, — кромѣ нѣкоторыхъ случаевъ, о которыхъ скажемъ ниже,—не старались нигдѣ употребить во зло свою силу и относились къ дѣлу очень серьёзно, очень осмотрительно и по своему—важно. Можно предположить навѣрное,—зная характеръ и воззрѣнія нашихъ крестьянъ,—что они, засѣдая гласными, вовсе не предвкушали сладости будущей политической полноправности и вообще съ мыслью о земскомъ самоуправленіи не соединяли никакого политическаго значенія. Они смотрѣли на дѣло просто—какъ на раскладку земскихъ повиностей, такую раскладку, при которой отвѣтственность ляжетъ уже не на правительство (что̀ несравненно покойнѣе и даетъ возможность сваливать на него вину, кряхтѣть и жаловаться), а уже на самихъ раскладчиковъ. Сколько можно судить по корреспонденціямъ, помѣщеннымъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», крестьяне-гласные сами по себѣ безличны, т. е являются вовсе не личною своею стороною, не какъ Матвѣй, Сидоръ, Карпъ, а какъ крестьяне—представители крестьянскаго сословія, какъ выборные отъ своихъ обществъ. Они очевидно чувствуютъ важность лежащаго на нихъ полномочія, и эта память о довѣренности, оказанной имъ избирателями и объ отвѣтственности ихъ передъ послѣдними, это уваженіе къ своему знанію, какъ къ временному порученію, эта вѣрность своему «наказу» или тому, что̀ Французы называютъ «mandat»—составляетъ одно изъ первыхъ условій всякаго истиннаго представительства. Только при такомъ условіи представительство является правдой. Таковы по крайней мѣрѣ первоначальные признаки крестьянскаго отношенія къ дѣлу, — и надо надѣяться, что земскія собранія будутъ для нихъ лучшею школою, нежели собранія дворянскія, еслибъ предположить, что крестьяне захотѣли бы предварительно поучиться у дворянъ совѣщательному пріему и порядку. Крестьяне почти повсюду отказывались выбирать гласныхъ изъ своей среды въ губернское земское собраніе, находя, что въ послѣднемъ они менѣе нужны, и что дворяне тамъ будутъ полезнѣе: вѣроятно они сознаютъ себя еще недостаточно подготовленными къ общимъ соображеніямъ, къ обсужденію интересовъ касающихся цѣлой губерніи, а не одной знакомой имъ уѣздной мѣстности; да наконецъ и непосредственныя сношенія съ губернскимъ начальствомъ ихъ вѣроятно еще пугаютъ: имъ ловчѣе быть ближе къ своимъ обществамъ, ближе къ корню. Какъ бы то ни было, но губернскія земскія собранія до сихъ поръ состояли преимущественно изъ дворянъ, и про нихъ уже никакъ нельзя сказать, чтобъ они, по личному своему составу, имѣли характеръ «демократическій». Крестьяне почти вездѣ изъявили желаніе имѣть только одного члена отъ себя въ управѣ и вообще обнаруживали такую мысль, что въ управѣ должно быть отъ каждаго сословія по одному представителю, кромѣ предсѣдателя. Крестьяне вездѣ заявляли себя противъ назначенія большаго жалованья, а въ одномъ уѣздѣ (Бугульминскомъ), несмотря на сопротивленіе дворянства, настояли на томъ, чтобы членамъ управы изъ крестьянъ было положено жалованье вдвое меньше противъ другихъ членовъ. Такъ было до сихъ поръ, но очень можетъ быть, что и крестьяне впослѣдствіи взалкаютъ богатой мзды за свою службу обществу, какъ этого справедливо боятся «Московскія Вѣдомости»,—т. е. что же? соблазнятся примѣромъ своего же «передоваго», «просвѣщеннаго» сословія!... Въ такомъ случаѣ дворянство будетъ имѣть право съ гордостью свидѣтельствовать о своемъ нравственномъ вліяніи на непросвѣщенныя народныя массы!... Гдѣ же, послѣ того, источникъ опасности, о которой толкуютъ «Московскія Вѣдомости», отъ кого и откуда она исходитъ?!.. Далѣе. Крестьяне вездѣ дѣйствуютъ дружно и сообща, и большею частью, прежде чѣмъ подавать мнѣніе, просятъ позволенія посовѣтоваться между собою,—что совершенно разумно и на что очень неосновательно нападаютъ нѣкоторые корреспонденты, называя такой образъ дѣйствій — стачкою! Но спрашивается: что же толку въ такомъ рѣшеніи, когда мысль человѣка застигнута, такъ сказать, въ расплохъ и онъ не успѣлъ сообразить, въ какой мѣрѣ предложенное рѣшеніе будетъ соотвѣтствовать интересамъ его избирателей? Представляя собою въ собраніи интересы крестьянъ, сельскіе гласные, по нашему мнѣнію, поступаютъ и умно и честно—не раздробляя свои силы, а соединяя ихъ въ одномъ направленіи, —дружно ограждая интересы своихъ обществъ, но нисколько не враждуя противъ интересовъ другихъ сословій. Вообще, сколько можно заключать изъ опубликованныхъ данныхъ, нарушителями единства и согласія являлись до сихъ поръ—говоримъ это съ истиннымъ сожалѣніемъ— одни дворяне. Если въ Солигаличѣ управа состоитъ только изъ купцовъ (на что указываютъ «Московскія Вѣдомости»), то вина въ томъ лежитъ на гласныхъ изъ нашего же дворянскаго сословія, такъ неумѣстно разобидившихся за свою дворянскую честь и отказавшихся отъ баллотировки — себѣ же во вредъ. Если въ Херсонской губерніи въ Бобринецкомъ уѣздѣ предсѣдателемъ и членами управы очутились, къ великому для себя смущенію, одни крестьяне, то это произошло единственно вслѣдствіе гласныхъ, грубыхъ оскорбленій, нанесенныхъ представителями «образованнаго» сословія представителямъ сословія необразованнаго. Извѣстно, что дворяне на Бобринецкомъ уѣздномъ собраніи прямо объявили, что выбирать мужиковъ въ уѣздную управу не слѣдуетъ, и что самый законъ не даетъ будто бы на это права, — а на Александрійскомъ земскомъ собраніи еще рѣшительнѣе провозгласили, что отъ скудоумія и невѣжества мужиковъ не можетъ быть никакой пользы ни имъ, ни другимъ, и они поэтому не должны быть избираемы въ члены управы. На Александрійскомъ собраніи крестьяне подали письменный протестъ, который однакоже ихъ заставили взять назадъ, увѣривъ, что это незаконно (слѣдовало бы по крайней мѣрѣ извиниться); а на Бобринецкомъ возбужденный вопросъ отправленъ былъ на разрѣшеніе къ губернатору, который, разумѣется, разъяснилъ, что отстранять крестьянъ отъ выбора въ члены управы совершенно противорѣчитъ закону. Слѣдствіемъ всего этого было то, что крестьяне, справедливо чувствуя себя обиженными, показали дворянамъ свою численную силу и забаллотировали ихъ всѣхъ, — но сами же потомъ смиренно объявили, что они не въ состояніи вести дѣлопроизводство управы, сами указали на одного изъ дворянъ котораго бы они желали имѣть представителемъ, и сами просили объ уничтоженіи выборовъ, доставившихъ такъ неожиданно всю власть въ ихъ руки. Это заявленіе крестьянъ подало, разумѣется, поводъ къ разнымъ остроумнымъ надъ ними шуточкамъ дворянамъ-корреспондентамъ. Но мы спрашиваемъ нашихъ читателей: кто въ этомъ случаѣ поступилъ добросовѣстнѣе: крестьяне ли, вынужденные оскорбленіями со стороны дворянъ заявить свою численную силу и потомъ отказывающіеся отъ денегъ и власти, или же дворяне, такъ не по дворянски или, вѣрнѣе, такъ не по «джентльменски» дававшіе чувствовать крестьянамъ свое къ нимъ презрѣніе, свое превосходство въ образованіи (есть чѣмъ хвастать предъ мужиками!), и наконецъ принесшіе въ жертву своей сословной гордости — интересы и своихъ избирателей и цѣлаго уѣзда! Даже мысль объ общей пользѣ не внушила имъ сознанія необходимости дѣйствовать согласно и дружно. Послѣ такой безтактности, если нужно искать гдѣ-либо основанія мрачнымъ предчувствіямъ, которымъ предается печатный органъ крупныхъ землевладѣльцевъ, такъ это именно въ подобномъ способѣ дѣйствій—не крестьянъ, а землевладѣльцевъ-дворянъ.—Справедливо, между прочимъ, замѣчаетъ нашъ Нерехотскій корреспондентъ (въ 21 №), что крестьяне—въ званіи членовъ управы — могутъ, подъ руководствомъ умнаго и знающаго предсѣдателя, во многихъ случаяхъ, при исполненіи разныхъ порученій, быть полезнѣе членовъ изъ дворянъ, напр. для осмотра магазиновъ, дорогъ и т. п.

И такъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ случаевъ, крестьяне, на всѣхъ бывшихъ доселѣ земскихъ собраніяхъ, не проявили ни вражды, ни раздраженія противъ помѣщичьяго сословія и никакихъ сословныхъ предубѣжденій (такъ какъ здѣсь нѣтъ того столкновенія интересовъ, какое происходитъ въ собственно такъ-называемомъ «крестьянскомъ дѣлѣ»). Напротивъ, они вездѣ оказывали совершеннѣйшую готовность довѣриться лицамъ изъ другихъ сословій, заслуживающимъ довѣрія, и даже лицамъ дворянскаго сословія предпочтительно предъ всѣми прочими; ибо, разсматривая всякое дѣло не съ отвлеченной, а живой его стороны, съ точки зрѣнія бытовой, крестьяне не могутъ не признать— и очень охотно признаютъ — за дворянами преимущество образованности, опытности, личной энергіи, личнаго развитія и положенія въ свѣтѣ. Историческія преданія до сихъ поръ, въ глазахъ народа, утверждаютъ за дворянствомъ значеніе служилаго класса. Слѣдовательно отъ дворянъ покуда еще вполнѣ и вполнѣ зависитъ воспользоваться этимъ расположеніемъ, этою готовностью крестьянъ — заслуживая и оправдывая такое довѣріе на дѣлѣ. Имъ открыто просторное поле и даны всѣ средства въ руки, чтобы руководить народныя массы своимъ личнымъ нравственнымъ вліяніемъ и стать по праву, безъ юридическихъ привилегій, передовымъ классомъ, въ силу тѣхъ нравственныхъ и соціальныхъ свободныхъ преимуществъ, которыя признаютъ за ними, безъ вражды и зависти, сами крестьяне. Крестьяне добровольно готовы отказаться, въ пользу дворянъ, отъ преобладанія, даруемаго имъ, крестьянамъ, ихъ численною силою. Но спрашиваемъ: справедливо ли и прилично ли для дворянъ—плакаться и сѣтовать: зачѣмъ земскія учрежденія устроены такъ, что въ случаѣ противномъ, т. е. когда дворяне оказываются недостойными народнаго довѣрія, пользуются своимъ положеніемъ ко вреду, или же безъ пользы и толку для общества,—крестьянамъ дана возможность ограждаться своею численностью и прибѣгать къ пассивной защитѣ отрицательныхъ голосовъ? Напротивъ,—въ этомъ есть залогъ спасительнаго равновѣсія; есть постоянный побудительный поводъ для дворянъ —дѣйствовать не въ духѣ однихъ сословныхъ своихъ интересовъ, но въ духѣ общей пользы, опираться не на дворянскія привилегіи, а на нравственное свое значеніе,—какъ и подобаетъ «передовому» сословію, — названіе, которымъ такъ любитъ величаться наше дворянство!

Вообще всѣ указанные нами дѣйствительные факты мало располагаютъ въ пользу мнѣнія тѣхъ, которые жалуются, что крупная поземельная собственность не достаточно «представлена» на земскихъ собраніяхъ, и что ей слѣдовало бы дать право личнаго представительства: т. е. что крупные собственники должны быть гласными eo ipso, по личному праву, а не по избранію. По этому поводу была помѣщена интересная статья г. Лугинина въ 108 № «Московскихъ Вѣдомостей», которыя съ своей стороны находятъ полезнымъ разсортировать собственность на три разряда и установить для каждаго особый цензъ. Въ одномъ изъ слѣдующихъ №№ мы разсмотримъ это предположеніе въ подробности, а теперь ограничимся только нѣсколькими словами. Прежде всего скажемъ, что по нашему мнѣнію и разсуждая теоретически—не только всякому интересу, но и всякому оттѣнку интереса должно бы быть дано мѣсто въ общемъ земскомъ представительствѣ. Вообще мы думаемъ, что чѣмъ болѣе голосовъ, чѣмъ болѣе оттѣнковъ всякаго интереса представлено въ собраніи,—тѣмъ лучше, тѣмъ полнѣе охватывается предметъ, тѣмъ безошибочнѣе можетъ быть сужденіе. Такъ въ краю (говоримъ это только для примѣра), гдѣ сильно развита горнозаводская промышленность, или лѣсная, было бы справедливо желать, чтобы и та и другая промышленность имѣла своихъ компетентныхъ представителей и чтобъ земское собраніе не было составлено изъ однихъ чиновниковъ или полевыхъ хозяевъ, и т. п. Мы съ своей стороны не видѣли бы особеннаго неудобства въ томъ, если бы въ земскихъ уѣздныхъ и губернскихъ собраніяхъ число гласныхъ было въ полтора или даже въ два раза больше. Пусть и общинная, и личная, и мелкая, и средняя, и крупная собственность найдутъ себѣ въ ней выраженіе, но дѣло законодателя найти этому выраженію такую формулу, комбинировать число голосовъ и вообще все дѣло такъ, чтобъ всякія мнѣнія высказывались и рѣшенія принимались—вполнѣ свободно и чтобъ ни одна сторона не имѣла предопредѣленнаго перевѣса. Если-же отыскать такой формулы нельзя, то всего безопаснѣе у насъ предоставить такой перевѣсъ сторонѣ крестьянской, какъ потому, что сила количества можетъ быть здѣсь перевѣшиваема силою качественною и въ противовѣсіе численности крестьянъ являются значительныя нравственныя и бытовыя преимущества другихъ сословій,—такъ и потому, что Русскій простой народъ вовсе не демагогъ, отличается особенною разумностью, здравымъ смысломъ и консервативнымъ (не въ пошломъ смыслѣ этого слова) направленіемъ, и если можно отъ кого опасаться злоупотребленій силы и власти, при нормальномъ состояніи духа, такъ всего менѣе отъ него. Вся исторія, дворянскія и недавнія земскія собранія подтверждаютъ это блистательнымъ образомъ. Въ Русскихъ крестьянахъ несравненно менѣе замашекъ демократическихъ, чѣмъ въ крупныхъ собственникахъ-дворянахъ—замашекъ аристократическихъ. При разрывѣ нашего образованнаго общества съ народомъ, при склонности общества вертѣться по вѣтру всякихъ отвлеченныхъ и новомодныхъ заграничныхъ теорій, при его незнаніи и непониманіи Русской жизни—не только полезно, но и необходимо, чтобъ центръ тяжести былъ въ народѣ, чтобъ имѣлся грузъ, который могъ бы противопоставить достаточный упоръ волнамъ и вѣтрамъ и легкомыслію дворянъ-кормщиковъ. Затѣмъ, обращаясь собственно къ существующему порядку земскаго представительства и къ вопросу о представительствѣ крупной поземельной собственности, мы не видимъ, чтобъ крупнымъ собственникамъ заграждено было право быть избираемыми. Едвали есть основанія предполагать, чтобъ своя братья-землевладѣльцы не пожелали ихъ выбрать, если первые находятся налицо и пользуются довѣріемъ послѣднихъ. Говорятъ: расходъ, не чувствительный для владѣльца 250 десятинъ, очень чувствителенъ для владѣльца 30,000 десятинъ. Это совершенно справедливо, но въ этомъ-то и можетъ заключаться поводъ къ избранію перваго. Выбирая крупнаго землевладѣльца въ гласные, я могу быть заранѣе увѣренъ, что онъ постоитъ за свои интересы, потому что всякое неумѣстное великодушіе земства прежде всего, своею тяжестью, ляжетъ на него; а если онъ стоитъ за свои интересы, то вмѣстѣ съ тѣмъ стоитъ и за мои. Если же такой вѣры въ избирателяхъ нѣтъ, и если такой крупный собственникъ не представляетъ благонадежныхъ ручательствъ въ томъ, что интересы свои онъ будетъ считать солидарными съ интересами мелкихъ собственниковъ, то личное право представительства, предоставленное крупнымъ собственникамъ, не можетъ служить залогомъ особенной пользы для общаго дѣла и для интереса землевладѣльцевъ. Скорѣе даже напротивъ. Можно даже предполагать, что крупные собственники у насъ въ Россіи не очень склонны принимать въ соображеніе скудныя средства мелкихъ собственниковъ; доказательствомъ этому служитъ назначеніе высокаго жалованья. Менѣе всего противъ высокихъ размѣровъ жалованья были дворяне вообще, въ томъ числѣ и довольно крупные собственники — по своей замашкѣ дѣлать вещи en grand, съ блескомъ, съ великодушіемъ, нескупо,—а противъ большихъ окладовъ заявляли себя вопервыхъ крестьяне, вовторыхъ мелкіе собственники другихъ сословій.—Впрочемъ, повторяемъ, мы съ своей стороны готовы были бы содѣйствовать обезпеченію представительства и за крупною собственностью, равно какъ и за всякимъ интересомъ, и полагаемъ, что предлагаемыя въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» облегченія правилъ представительства чрезъ уполномоченныхъ могли бы быть допущены, съ нѣкоторыми ограниченіями, безъ всякаго вреда. Мы желали бы только, чтобъ это представительство не создавало для крупной поземельной собственности въ нашей гражданской жизни никакого особеннаго юридически-привилегированнаго положенія. Усиливать ее нечего: она и такъ и сильна. Довольно съ нея ея бытовой силы, которая всегда присуща богатству и обстановкѣ, нераздѣльной съ положеніемъ крупнаго землевладѣльца. Вообще намъ очень странны эти дворянскія іереміады въ виду бытоваго значенія, упроченнаго за дворянами, въ глазахъ народа, исторіей, въ виду ихъ просвѣщенія, опытности, образованности, которыми они такъ гордятся, въ виду свободнаго поприща, предоставленнаго закономъ ихъ нравственному вліянію, въ виду наконецъ полной готовности крестьянъ отнестись къ нимъ съ довѣріемъ и уваженіемъ въ дѣлѣ общихъ земскихъ интересовъ, въ виду всѣхъ этихъ преимуществъ,—противополагаемыхъ чисто внѣшнему преимуществу крестьянской численности,—при крестьянской гражданской неполноправности, при совершенномъ подчиненіи ихъ административному произволу, при существующей и продолжающейся законной возможности подвергать ихъ тѣлесному наказанію безъ ограниченія числа ударовъ по одному усмотрѣнію полицейской власти,—при ихъ невѣжествѣ, неопытности и столько разъ—дворянами же осмѣяннномъ и обруганномъ смиреніи! Пора бы дворянамъ понять, что наше общественное нравственное безсиліе происходитъ отъ разрыва съ народомъ, и что именно дворянамъ-то и надо желать и заботиться, чтобы народъ, такъ долго связанный по рукамъ и по ногамъ, сталъ наконецъ на ноги и окрѣпъ—въ союзѣ съ ними. Но не сладкими пѣснями о прелестяхъ барщины въ новомъ видѣ—можно предотвратить сословное раздраженіе; но не проповѣдью о необходимости довести крестьянъ искусственными мѣрами до состоянія бездомныхъ, бродячихъ рабочихъ, ради возвышенной цѣли—воздѣлыванія помѣщичьей земли,—не покушеніями сломить ограду крестьянской общественности и самоуправленія,—не доводами въ пользу созданія особой юридической силы крупной поземельной личной собственности,—не возбужденіемъ страховъ по случаю расширенія крестьянскихъ правъ, послѣ двухвѣковаго крѣпостнаго ига,—не воззваніями къ заблаговременному принятію противъ народа мѣръ, какъ противъ врага,—можно снискать довѣріе, можно вступить въ союзъ и единеніе съ народомъ и предупредить опасность демократическихъ, пока еще не существующихъ инстинктовъ! Avis à la noblesse!..

Противъ преобладнія въ земствѣ вліянія крупныхъ поземельныхъ владѣльцевъ.

«День», 5-го іюня 1865 г.

Мы обѣщали въ послѣдній разъ разобрать въ подробности замѣчанія «Московскихъ Вѣдомостей» по поводу участія владѣльцевъ крупной поземельной собственности въ земскомъ представительствѣ. Мы считаемъ такой разборъ нисколько не лишнимъ, потому что въ настоящемъ случаѣ мы будемъ имѣть дѣло не съ личнымъ только взглядомъ редакціи «Московскихъ Вѣдомостей», которому можемъ и не придавать особеннаго значенія, но съ мнѣніемъ цѣлой партіи землевладѣльцевъ, избравшихъ себѣ, повидимому, эту газету своимъ органомъ или по крайней мѣрѣ адвокатомъ своихъ интересовъ. Къ тому же серьезныхъ статей о земствѣ такъ мало появляется въ нашей литературѣ, что всякое мнѣніе по этому предмету, нѣсколько дѣльное или только съ характеромъ дѣльности и не опровергнутое, невольно усвоивается себѣ большинствомъ публики, которое не имѣетъ времени входить въ подробнѣйшее обсужденіе самого предмета.

Мнѣніе «Московскихъ Вѣдомостей» выражено въ двухъ передовыхъ статьяхъ №№ 106 и 108 и опирается, повидимому, на статью г. Лугинина, помѣщенную въ 108 №. Но это только повидимому. Послѣдней статьѣ никакъ нельзя отказать въ близкомъ знаніи дѣла и въ серьезномъ къ нему отношеніи, но «Московскія Вѣдомости» кажется и не замѣчаютъ, что онѣ и г. Лугининъ исходятъ изъ началъ совершенно различныхъ. Г. Лугининъ желаетъ придать представительству личной поземельной собственности болѣе реальности, болѣе правды, и для этой цѣли указываетъ на нѣкоторыя мѣры, при которыхъ всѣ оттѣнки интересовъ личной поземельной собственности, т. е. мелкой, средней, крупной—могли бы принять дѣйствительное, прямое участіе въ земскомъ представительствѣ, наравнѣ съ представителями сельскихъ обществъ и городовъ. «Московскія же Вѣдомости» стараются отыскать для земскаго представительства такое основаніе, которое бы упрочило преобладаніе въ дѣлѣ земскаго хозяйства и самоуправленія—за владѣльцами крупной собственности и ослабило силу представительства сельскихъ обществъ. Московская газета противополагаетъ интересамъ сельскихъ обществъ интересы крупныхъ землевладѣльцевъ, въ качествѣ взаимно-враждебныхъ, состязующихся сторонъ, и старается доставить перевѣсъ той сторонѣ, возвысить значеніе которой—есть одно изъ любимѣйшихъ ея соціальныхъ и политическихъ мечтаній. Впрочемъ трудно услѣдить, даже слѣдя шагъ за шагомъ, въ статьяхъ почтенной газеты настоящее ея понятіе объ основахъ земскаго представительства,—до такой степени оно сбивчиво и неясно. Ясно только одно: стремленіе подорвать крѣпость крестьянской общественности и на развалинахъ ея построить аристократическій шато въ англійскомъ вкусѣ. Но эти англійскіе ея шато выходятъ испанскими, т. е. des châteaux en Espagne, и консервативная газета до сихъ поръ не взяла себѣ на умъ простаго, ужъ очень простаго соображенія, что разрушивъ общественную силу крестьянства, она разрушаетъ самую основу, которою стоитъ и зиждется Русское государство. Хорошо бы оно было, еслибъ пришлось ему повиснуть на одномъ нашемъ крупновладѣльческомъ Россійскомъ дворянствѣ!

Пусть не поскучаютъ читатели,—намъ придется пройтись вмѣстѣ съ ними по обѣимъ статьямъ «Московскихъ Вѣдомостей», и разсмотрѣть ихъ — строчка за строчкой, чтобы такимъ образомъ избѣжать обычнаго упрёка въ произвольномъ выхваченіи, искажающемъ будто бы смыслъ. Вотъ, прежде всего, какъ опредѣляетъ почтенная газета самую задачу земскихъ учрежденій: это опредѣленіе важно, такъ какъ оно обусловливаетъ всѣ дальнѣйшіе ея выводы. «Общая мысль законодателя,—говоритъ она, — при начертаніи устава земскихъ учрежденій, заключалась очевидно въ томъ, что онъ желалъ предоставить населенію, владѣющему или пользующемуся лично, либо въ составѣ цѣлыхъ обществъ, нѣкоторою недвижимою собственностью и несущему соразмѣрныя съ нею мѣстныя, такъ-называемыя земскія повинности, право участвовать въ распредѣленіи и употребленіи этихъ повинностей, согласно съ общими законами государства и мѣстными земскими потребностями». Затѣмъ газета переходитъ къ тѣмъ частностямъ новаго закона, которыя не вполнѣ соотвѣтствуютъ «указанной цѣли земскихъ учрежденій».

Такимъ образомъ, по мнѣнію «Московскихъ Вѣдомостей», выходитъ, что «задача земскихъ учрежденій состоитъ въ томъ, чтобъ ввѣрить дѣла земства исключительно населенію владѣющему недвижимою собственностью и несущему соразмѣрныя съ этою недвижимою собственностью повинности. Но если мы сообразимъ, чьими средствами содержится земское хозяйство, какимъ и чьимъ потребностямъ оно призвано удовлетворять, то это опредѣленіе «Московскихъ Вѣдомостей» тотчасъ же окажется несостоятельнымъ и развалится само собою. Что не одна недвижимая собственность имѣетъ значеніе для земскаго хозяйства—это доказывается не только азбукой политической экономіи, но и простой справкой съ закономъ. По Положенію о земскихъ учрежденіяхъ, въ городскихъ избирательныхъ съѣздахъ участвуютъ (и очевидно не могутъ не участвовать) лица имѣющія купеческія свидѣтельства, хотя бы они не владѣли никакою недвижимою собственностью; да наконецъ никогда и нигдѣ въ Россіи не только вся масса, но ниже значительная часть земскихъ повинностей не разлагалась (и не можетъ быть разлагаема) соразмѣрно съ недвижимою собственностью. Извѣстно ли «Московскимъ Вѣдомостямъ»: 1) Что существуетъ цѣлый разрядъ земскихъ повинностей такъ-называемыхъ натуральныхъ (дорожная, подводная, этапная), лежащихъ на мѣстномъ населеніи, а вовсе не на землѣ? 2) Что земскими повинностями денежными—доселѣ (см. 53 ст. Уст. о Зем. Пов.) облагались три источника: торговыя свидѣтельства. земли и податныя души, — такъ что земля — недвижимая собственность — есть только одинъ изъ источниковъ, а потому и не можетъ служить единственнымъ основаніемъ праву и размѣру права на участіе въ земскомъ хозяйствѣ и представительствѣ, какъ думаетъ почтенная газета. 3) Что сборъ съ земли составляетъ, въ массѣ денежныхъ повинностей, лишь незначительное подспорье къ душевому, и 4) что, слѣдовательно, главная масса земскихъ повинностей денежныхъ и (что̀ всего важнѣе) наращеніе сборовъ — падали на податныя души?.. Къ этому еще надо отнести сборъ продовольственный, такъ какъ теперь онъ причисленъ къ земскимъ.—Что же касается до выраженія «Московскихъ Вѣдомостей» о соразмѣрности повинностей съ недвижимою собственностью, то и въ этомъ отношеніи слова ихъ противорѣчатъ дѣйствительному существующему факту, такъ какъ по уставу о земскихъ повинностяхъ (ст. 54 и прилож къ статьѣ 55) высшій размѣръ сбора съ свидѣтельства предопредѣленъ закономъ (15 $^0/_0$ съ пошлины установленной въ пользу казны), равно какъ и сборъ съ земли: по 1$^1/_2$, по 1, по $^1/_2$ коп. съ десятины въ частныхъ имѣніяхъ и по 2 к. съ валоваго дохода въ казенныхъ, и т. д.

Изъ сказаннаго нами ясно теперь всякому, что не средствами только «владѣющихъ или пользующихся недвижимою собственностью» содержится земское хозяйство, не одна недвижимая собственность заинтересована въ немъ, а все торговое и податное сословіе, безъ отношенія къ владѣнію землею: слѣдовательно не размѣръ земли только служитъ источникомъ средствъ для удовлетворенія земскихъ потребностей, а по преимуществу размѣръ населенія—и личный трудъ. Стало-быть необходимо, чтобъ всѣ эти источники средствъ приняли участіе въ земскомъ представительствѣ и чтобъ одинаково могла заявить себя тѣмъ же способомъ всякая потребность земскаго хозяйства и управленія. Другими словами: задача земскихъ учрежденій заключается вовсе не въ томъ, въ чемъ предполагаютъ ее «Московскія Вѣдомости», а въ томъ, чтобъ предоставить завѣдываніе мѣстнымъ хозяйствомъ тѣмъ сословіямъ и лицамъ, для потребностей которыхъ оно существуетъ и средствами которыхъ оно содержится. Слѣдовательно, при опредѣленіи личнаго состава собранія, требовалось согласить, или комбинировать, представительство потребностей съ представительствомъ средствъ, т. е. тѣхъ лицъ и сословій, средствами которыхъ эти потребности удовлетворяются.

Понятно впрочемъ, почему «Московскія Вѣдомости» опредѣлили задачу земскихъ учрежденій совершенно иначе, и куда ведетъ это ихъ опредѣленіе. Такъ какъ, по ихъ мнѣнію, право учавствовать въ распредѣленіи и употребленіи земскихъ повинностей основывается на владѣніи или пользованіи землею, несущемъ соразмѣрно съ нею и земскія повинности,— то очевидно, что чѣмъ крупнѣе пространство земли и размѣръ платимыхъ съ нея повинностей, тѣмъ крупнѣе должно быть и самое право участія въ земскомъ представительствѣ,— тѣмъ ничтожнѣе, въ той же нисходящей пропорціи, право мелкихъ землевладѣльцевъ, а во владѣльцахъ душевыхъ крестьянскихъ надѣловъ оно должно доходить чуть не до нуля. Опредѣленіе самое благопріятное для созданія привилегированной землевладѣльческой аристократіи,—но какъ быть съ Русскою жизнью! Какъ на зло, самый мелкій размѣръ владѣнія, доводящій, по теоріи почтенной газеты, право участія въ земскомъ хозяйствѣ почти до нуля,—этотъ мелкій душевой надѣлъ представляется крупною силою! Силою потому именно, что онъ является не одинокимъ, а въ совокупности подобныхъ душевыхъ надѣловъ,—однимъ словомъ, потому что поперекъ теоріи «Московскихъ Вѣдомостей» лежитъ все та же досадная имъ и ихъ сотрудникамъ община. Какъ быть? общину конечно желательно разрушить, и для этого придуманы разные благовидные способы подъ знаменемъ экономической свободы», и уже поведена искусная аттака,— но до успѣха еще далеко; необходимо придумать теперь же средство, чтобъ обойти силу крестьянской общественности, лежащую такой грубой колодой на пути всѣхъ блягодѣтельныхъ соціальныхъ реформъ, сочиненія «Московскихъ Вѣдомостей» и К°. И вотъ придумано новое основаніе: «различные виды юридическаго отношенія къ землѣ»: нельзя не ожидать, говорятъ «М. Вѣдомости», что дальнѣйшимъ шагомъ законодательства будетъ опредѣленіе основаній для назначенія числа гласныхъ, избираемыхъ разными элементами земства, и что при этомъ будетъ обращено вниманіе не только на количество земли, но и на различные виды юридическаго отношенія къ ней человѣка»,—т. е. на различіе «между личною поземельною собственностью, совершенно свободною и отчуждаемою, собственностью общинною, неотчуждаемою, и простымъ правомъ пользованія». Юридическое отношеніе лица къ землѣ! Трудно было бы понять, зачѣмъ «Московскія Вѣдомости», которыя повидимому сводятъ все къ размѣру обложенія, примѣшали сюда это новое, неслыханное основаніе для права участія въ земскомъ хозяйствѣ,—еслибъ мы не объяснили выше, почему это было имъ нужно! Но развѣ можетъ имѣть значеніе, для представительства земли какъ источника земскихъ денежныхъ средствъ, различіе видовъ юридическаго къ ней отношенія независимо отъ ея цѣнности, дохода и размѣра обложенія? Развѣ одна и та же десятина у маіоратнаго владѣльца, у собственника, будь онъ лицо или общество, у съёмщика — представляетъ не одинъ капиталъ, не одну цѣнность, не одинъ доходъ?!

Но мы зашли нѣсколько впередъ, желая уяснить читателямъ ходъ соображеній почтенной Московской газеты; обращаемся къ принятому нами порядку разсмотрѣнія.

«Московскія Вѣдомости» могутъ замѣтить намъ, пожалуй, что дѣйствительно уставъ о земскихъ повинностяхъ опредѣляетъ источниками денежныхъ сборовъ торговыя свидѣтельства, податныя души и землю, – что такъ точно и было до сихъ поръ, но что по закону же, т. е. по силѣ 7, 9, 11 статей «временныхъ правилъ о порядкѣ введенія въ дѣйствіе Положенія о земскихъ учрежденіяхъ», со введеніемъ новаго устава прекращается обложеніе душъ сборомъ дополнительнымъ (т. е. не вошедшимъ въ земскія смѣты) и требуется, чтобъ этотъ дополнительный сборъ раскладывался только на недвижимыя имущества, на основаніи цѣнности и доходности ихъ, и на свидѣтельства на право торговли... Дѣйствительно требуется, но въ какой соразмѣрности впослѣдствіи разложится земскій сборъ по предметамъ обложенія, т. е. какая часть этого сбора падетъ на каждую статью—этого мы еще не знаемъ; однакожъ можемъ напередъ сказать, что элементъ личнаго труда, въ той или другой, болѣе и менѣе замаскированной формѣ, безъ всякого сомнѣнія не останется необложеннымъ. Одна недвижимая собственность, т. е. земля, не въ силахъ выдержать у насъ тяжести даже одной денежной повинности, тѣмъ болѣе, что на землю же вѣроятно имѣетъ быть переведена со временемъ и часть государственныхъ податей. Кромѣ того, у насъ есть цѣлыя области. бѣдныя по объему, цѣнности и доходности недвижимыхъ имуществъ, но съ богатымъ зажиточнымъ населеніемъ и въ то же время не подходящимъ къ разряду торгующихъ по свидѣтельствамъ (напр. многіе уѣзды Владимірской, Костромской, Ярославской губерніи): конечно ужъ земство не оставитъ его не обложеннымъ? — Поэтому опять совершенно ошибочно слѣдующее положеніе «Московскихъ Вѣдомостей»: «Сельское земство представляетъ собою преимущественно и почти искючительно землю или другими словами — землевладѣніе». Нѣтъ, не одно землевладѣніе, но и личныя производительныя силы, личный трудъ и притомъ трудъ — въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ землю: этого никакъ не слѣдуетъ забывать. Но «М. Вѣдомостямъ» такое одностороннее опредѣленіе сельскаго земства нужно для того, чтобъ построить на немъ слѣдующій, отчасти уже знакомый намъ силлогизмъ: сельское земство представляетъ собою почти исключительно землевладѣніе; но такъ какъ землевладѣніе можетъ имѣть весьма различный характеръ, т. е. различные виды юридическаго отношенія къ землѣ, а земское представительство должно соотвѣтствовать землевладѣнію, — то характеръ сельскаго землевладѣнія долженъ опредѣлять и соотвѣственную мѣру его участія въ земскомъ представительствѣ. «Участіе въ земствѣ — говоритъ почтенная газета — условливается связью участника съ землей... Невозможно отвергнуть важность различія между личною поземельною собственностью, совершенно свободною и отчуждаемою, собственностью общинною, не отчуждаемою, и правомъ пользованія». Такъ какъ характеръ сельскаго землевладѣнія принадлежитъ къ послѣднему низшему виду несвободнаго отношенія къ собственности, или къ предмету владѣнія, то понятно, что и степень правъ сельскаго земства на участіе въ земскихъ собраніяхъ должна, по мнѣнію «М. Вѣдомостей», опредѣляться степенью его юридическихъ правъ на землю Извѣстно, что теперь число гласныхъ отъ землевладѣльцевъ, городовъ и сельскихъ обществъ прямо назначено Положеніемъ и росписано для каждаго уѣзда, безъ законодательнаго опредѣленія оснований, которыми должно обусловливаться число гласныхъ въ каждомъ уѣздѣ. «Московскія Вѣдомости», находя эту мѣру «совершенно понятною, какъ временное средство, чтобъ выйдти изъ затрудненія», думаютъ, что остановиться на этой мѣрѣ было бы вредно, что чувство законности въ обществѣ «не можетъ развиваться и крѣпнуть, когда самъ законъ не имѣетъ прочной, не подлежащей сомнѣнію основы» и что поэтому — разумѣется, опять тотъ же припѣвъ! — «нельзя не ожидать», что законодательство опредѣлитъ эти основанія и приметъ въ соображеніе «не только количество земли, но и различные виды юридическаго къ ней отношенія»! Мы же полагаемъ, что данное закономъ опредѣленіе числа гласныхъ по уѣздамъ — вовсе не есть временное средство, а едвали не единственно возможное, и вотъ почему. Ни средства, ни потребности, ни земля, ни трудъ, ни собственность, движимая или недвижимая, ни населеніе, — ни одна изъ этихъ данныхъ отдѣльно, порознь взятая — не можетъ служить единственнымъ и исключительнымъ основаніемъ при опредѣленіи состава земскихъ представительныхъ учрежденій, — хотя всѣ онѣ, эти данныя, должны быть, и не могутъ не быть, да и были приняты въ соображеніе. Но какъ комбинировать ихъ между собою? Есть ли какая возможность привести къ одному знаменателю эти совершенно разнокачественныя, несоизмѣримыя между собою данныя? Такъ какъ этой возможности очевидно нѣтъ, то законодательство поставлено въ необходимость отказаться отъ надежды — разрѣшить вопросъ разъ навсегда установленнымъ простымъ примѣненіемъ какой-либо общей математической формулы. Законъ не можетъ дать никакой прочной основы, по которой можно было бы опредѣлить, напримѣръ, какъ относится желудокъ и пара рукъ къ мелочной лавочкѣ или десятинѣ лѣса? Можно конечно ожидать частныхъ перемѣнъ въ установленныхъ цифрахъ, опредѣляющихъ число гласныхъ отъ разныхъ группъ населенія (если объ этомъ будутъ просить земскія собранія), но можно, даже должно ожидать, что правительство не сдѣлаетъ шага — назадъ (какъ мы думаемъ, а не впередъ, какъ думаютъ «Московскія Вѣдомости») и не задастся вопросомъ о различныхъ видахъ юридическаго отношенія къ землѣ.

Пойдемъ далѣе. «Справедливость требуетъ, разсуждаютъ «Московскія Вѣдомости», чтобъ право участія въ земскихъ дѣлахъ было распредѣлено сообразно съ размѣрами земли, находящейся во владѣніи или пользованіи»... «Земля, на какіе бы участки, крупные или мелкіе, она ни была раздѣлена, должна быть равномѣрно представлена» (т. е. représentée proportionellement, — по французски выходитъ яснѣе). Но если право представительства должно быть сообразно размѣру земли и въ то же время пропорціонально участію въ тягостяхъ, какъ это говорятъ «Моск. Вѣдомости»,—то слѣдовательно и участіе въ тягостяхъ, дающее право представительства, должно быть сообразно размѣру земли: т. е. изъ этихъ словъ почтенной газеты выходитъ, что обложеніе повинностями должно быть прямо пропорціально размѣру и количеству земли, а не стоимости и не доходности. Но это такая совершенно новая теорія, о которой до сихъ поръ мы и не слыхивали, и за примѣненіе которой на практикѣ—вовсе не сказали бы спасибо Московской газетѣ крупные землевладѣльцы. До сихъ поръ даже по уставу о земскихъ повинностяхъ, при всемъ его несовершенствѣ, принималась въ разсчетъ приблизительно исчисленная доходность земли;—признакомъ же доходности, за неимѣніемъ другихъ данныхъ, считалось отношеніе количества земли къ числу душъ, т. е. бóльшая или меньшая густота населенія: поэтому съ земель, количество которыхъ не превышало 15-ти десятинъ на душу, взималось по 1 коп. съ десятины; количество превышавшее 15-ти-десятинную пропорцію—облагалось по $^1/_2$ коп. съ десятины (уст. о земск. повин., прилож. къ ст. 55). Развѣ не извѣстно «Московскимъ Вѣдомостямъ», что земли раздѣленныя на мелкіе участки, значатъ вообще земли густо-населенныя, въ противоположность рѣдко-населенной землѣ? Если и рѣдко-населенная и густо-населенная земля должна быть равномѣрно «представлена» сообразно размѣру, а не стоимости и не доходности,—то стало-быть рѣдко населенное огромное пространство даетъ большее право на участіе въ представительствѣ и, пропорціонально объему участія, должно подлежать бóльшимъ тягостямъ, нежели густо-населенная, доходная, но меньшая по размѣру земли мѣстность?? Но конечно и сами «Московскія Вѣдомости» поспѣшатъ отказаться отъ такого абсурда, который однакожъ логически выходитъ изъ принятыхъ ими основаній.

«Московскія Вѣдомости, ратуя за интересы крупныхъ землевладѣльцевъ, находятъ, что крестьянамъ дано преимущество передъ ними въ томъ, что крестьянинъ, владѣющій, кромѣ постояннаго надѣла узаконеннымъ количествомъ земли, пользуется двойнымъ правомъ голоса, т. е. подаетъ голосъ и въ собраніи сельскихъ обществъ, и на съѣздѣ землевладѣльцевъ. Но почтенная газета забываетъ, что помѣщикъ, если онъ владѣетъ, кромѣ земли въ уѣздѣ, домомъ въ городѣ (а такихъ довольно), имѣетъ также двойной голосъ: одинъ на съѣздѣ землевладѣльцевъ, другой въ городскомъ собраніи,— мало этого: онъ можетъ быть избранъ въ гласные и тамъ и здѣсь (Положеніе о зем. учр. ст. 28 и 35). Кромѣ того, помѣщикъ можетъ быть избранъ въ гласные и отъ крестьянъ (ст. 35, п. в.), тогда какъ крестьянинъ не можетъ быть гласнымъ отъ землевладельцевъ, если онъ самъ, по личному землевладѣнію, не членъ избирательнаго землевладѣльческаго съѣзда. Но не въ этомъ собственно дѣло, такъ какъ основаніемъ праву участія въ представительствѣ «Московскія Вѣдомости» полагаютъ размѣръ поземельной недвижимой собственности и сообразное съ размѣромъ обложеніе повинностями, то, развивая эти основанія логически, «М. Вѣдомости» должны бы придти къ такому выводу, что восколько разъ крупная собственность превышаетъ объемъ земли, дающій личный избирательный голосъ на съѣздѣ землевладѣльцевъ для избранія гласныхъ, востолько разъ помножается и право крупнаго землевладѣльца,—такъ что если въ извѣстной мѣстности владѣлецъ 250 десятинъ пользуется этимъ правомъ личнаго голоса, то владѣлецъ 2.500 десятинъ долженъ бы имѣть право располагать 10-ю голосами... Не такъ ли? Но здѣсь «Московскія Вѣдомости» круто сворачиваютъ въ сторону и, покидая почву математической соразмѣрности, ограничиваются требованіемъ для крупыхъ собственниковъ только личнаго, не по выбору, права участвовать въ собраніи гласныхъ. Мы не противъ предоставленія этого права, но выводимъ его совсѣмъ изъ другихъ соображеній и хотимъ только сказать, что основанія, которыя такъ долго и такъ пространно развиваетъ Московская газета въ 106 №, вовсе не мирятся съ ея окончательнымъ требованіемъ и заставляютъ предполагать въ запасѣ другія, еще не высказанныя требованія (что̀ отчасти и подтвердилось въ № 108-мъ). Такъ противополагая, примѣрно, владѣніе 30 тысячами десятинъ владѣнію 250 десятинъ, почтенная газета увѣряетъ, что первое несетъ «громадную» повинность и «платитъ во сто разъ болѣе», чѣмъ второе, что «30 т. десятинъ несутъ тягости по своему полному числу, а считаются за 250», что «голосъ предоставленный первымъ, во сто разъ менѣе вѣситъ, чѣмъ ихъ обязанности», и «во сто разъ имѣетъ меньшее вліяніе, чѣмъ голосъ другихъ 30 т. десят., разбитыхъ на мелкіе участки». Не можемъ не замѣтить «М. Вѣдомостямъ», что до сихъ поръ земля вообще несла повинность нисколько не «громадную», а совершенно ничтожную. Почти вся масса государственныхъ податей и налоговъ (подушная, акцизъ на вино, на соль и пр.), какъ извѣстно, составляетъ привилегію крестьянскаго сословія: что̀ будетъ дальше — мы не знаемъ. Въ сущности гораздо больше платятъ крестьяне, ибо платятъ не только съ земли, а съ личности, несутъ не одну денежную, но и натуральную повинность. Далѣе мы уже указывали и прежде, что по уставу о зем. повинностяхъ не все пространство земли, сосредоточенной въ рукахъ одного собственника, облагается равномѣрно «по своему полному числу», да и вообще, какую бы систему обложенія ни выдумывали, съ мелкихъ участковъ всегда сойдетъ больше, чѣмъ съ одного крупнаго—равнаго имъ всѣмъ, вмѣстѣ взятымъ.—«Весьма ошибоченъ тотъ мнимо-либеральный взглядъ, доказываютъ «Московскія Вѣдомости», который ссылается на то, что владѣльцу 250 д. также трудно платить 2 р. 50 к., какъ владѣльцу 25 т. дес 250 рублей... Въ чисто хозяйственныхъ дѣлахъ истинный либерализмъ требуетъ, чтобъ участіе въ самообложеніи податьми болѣе или менѣе соотвѣтствовало размѣру податей, каждымъ платимыхъ»... Да, еслибъ вопросъ имѣлъ чисто формальный характеръ, т. е. еслибъ дѣло шло только о томъ, какимъ образомъ наполнить казенные сундуки, то почтенная газета была бы, пожалуй, и права; но дѣло идетъ о самоуправленіи. Успѣхъ самоуправленія обусловленъ степенью заинтересованности лицъ, призванныхъ участвовать въ дѣлѣ, а заинтересованность всегда бываетъ пропорціональна—не абсолютному отношенію платимыхъ повинностей между собою, а отношенію повинностей къ общему денежному обороту платящаго. То есть: нельзя сказать, что кто платитъ 100 р., вдвое менѣе заинтересованъ того, кто платитъ 200 р.; напротивъ: для кого эти 100 р., имъ платимыхъ, составляютъ, положимъ, 5% всего его дохода, тотъ дѣйствительно въ 5 разъ болѣе заинтересованъ, чѣмъ тотъ, для кого платимые имъ 200 р. составляютъ только 1%. «Платящій не болѣе 2 р. 50 к. земскихъ повинностей, можетъ, безъ всякаго для себя неудобства, совершенно равнодушно смотрѣть на растрату или сбереженіе 5, 10 т. р. земскихъ денегъ: крупный владѣлецъ потеряетъ тутъ или сбережетъ отъ 3 до 5 т. р., а для его сосѣда вся разница составитъ не болѣе цѣлковаго или полтинника!» говорятъ, съ нѣкоторымъ презрѣніемъ въ тонѣ, «Московскія Вѣдомости» (108 №)... Полтинникъ на земство, два полтинника на подати, полтинникъ на соль и на вино, полтинникъ старостѣ, полтинникъ волостному, 18 полтинниковъ помѣщику, — все это вмѣстѣ составитъ порядочную сумму, сравнительно гораздо бо́льшую, чѣмъ помѣщичьи 5 тысячъ! Почтенная газета, кажется, забываетъ, что облагаемый только полтинниками, — при обсужденіи каждаго новаго полтинника. на него накладываемаго, — мысленно соображаетъ всю совокупность сходящихъ съ него полтинниковъ, — подобно тому, какъ и помѣщикъ — крупный баринъ, обсуждая сборъ на приходскую школу, на лѣчебницу для крестьянъ, и соображая падающую на него долю взноса, припоминаетъ всѣ предстоящіе ему расходы на карты, клубы, оперу, актрисъ, поѣздку въ Баденъ-Баденъ и т. д. — Въ числѣ доказательствъ, которыми «Моск. Вѣдомости» тутъ же подкрѣпляютъ свою мысль, находится и предположеніе недобросовѣстности со стороны мелкихъ землевладѣльцевъ, которымъ «легко согласиться платить 2 р. 50 к., имѣя въ виду попользоваться крохами отъ большихъ имѣній», особенно при устраненіи контроля крупныхъ землевладѣльцевъ... Но если предполагать недобросовѣстность, то почему же не предположить, что тотъ, кто уплачиваетъ 4/5 поземельнаго уѣзднаго сбора и вслѣдствіе этого получилъ бы 4/5 голосовъ въ собраніи, можетъ также, пожалуй, забрать себѣ въ голову, что ему лично не нужны ни народныя училища, ни хлѣбные магазины, и т. п., и вмѣсто этого, пользуясь числомъ своихъ голосовъ, обложитъ все уѣздное земство сборомъ на учрежденіе картинной галлереи, балетовъ для смягченія нравовъ и т. д. и т. д.? Развѣ все это явленія небывалыя, невозможныя въ нашей Русской жизни?

Какъ ни скучно, можетъ быть, покажется читателемъ такое подробное изслѣдованіе статьи «Моск. Вѣдомостей», но повторяемъ, мы дѣлали это съ намѣреніемъ, чтобъ разоблачить основную затаенную мысль, общую цѣлой партіи землевладѣльцевъ съ ея публицистами, гг. Н. Безобразовымъ, Бланками, Ржевскимъ, Наличнымъ, Заочнымъ et tutti quanti,— мысль искусно замаскированную требованіями законности, справедливости и либерализма. Статья имѣетъ внѣшній видъ дѣльности и логической стройности, нѣкоторая доля правды смѣшана въ ней съ значительнѣйшею долею неправды, такъ что, вмѣстѣ съ правдою, бóльшая часть публики легко можетъ усвоить себѣ и ошибочныя основанія, не давая себѣ труда повѣрить ихъ собственною мыслью. Но оставля теперь эти основанія въ сторонѣ, перейдемъ къ существенному практическому результату разсужденій Московской газеты, именно къ ея предположенію, вопервыхъ, разрѣшить крупнымъ землевладѣльцамъ уполномочивать для земскихъ выборовъ, вмѣсто себя, управляющихъ или арендаторовъ, и вовторыхъ, предоставить крупнымъ же землевладѣльцамъ личное право считаться гласными въ уѣздныхъ собраніяхъ, безъ выбора. Мы съ своей стороны вполнѣ готовы допустить предположенія «Московскихъ Вѣдомостей», а почему и съ какимъ ограниченіемъ, сейчасъ объяснимъ это ниже. На счетъ уполномоченныхъ считаемъ нужнымъ замѣтить, что еще два года тому назадъ «День» протестовалъ противъ «напраснаго стѣсненія представительства интересовъ крупныхъ землевладѣльцевъ —чрезъ отнятіе у нихъ права уполномочивать на выборы, вмѣсто себя, своихъ управляющихъ и арендаторовъ» (см. № 30, 1863 г. 2-ю ст. Ю. Ѳ. Самарина о проектѣ земскихъ учрежденій). «Стѣсненіе участія повѣренныхъ— говоритъ г. Самаринъ—невыгодно въ двойномъ отношеніи: вопервыхъ, владѣльцы фактически лишаются возможности передавать свои голоса именно тѣмъ лицамъ, которымъ они ввѣряютъ свои имущественные интересы; вовторыхъ, земское дѣло лишается очень важнаго содѣйствія, ибо въ настоящее время управляющіе играютъ не маловажную роль... Своими совѣтами, указаніями и прямымъ содѣйствіемъ они могли бы, какъ члены не только земскихъ собраній, но и управъ, принести земству большую пользу...» («Московскія Вѣдомости» въ члены управъ ихъ не допускаютъ).

Что же касается до личнаго права участвовать въ собраніи безъ выбора, то желательно было бы допустить къ участію въ общемъ представительствѣ интересовъ—всѣхъ заинтересованныхъ безъ исключенія, по одному личному праву. Но это дѣло невозможное по самой массѣ заинтересованныхъ, да наконецъ, еслибъ и было возможно, такъ вело бы не къ цѣли, а мимо цѣли, къ самымъ невѣрнымъ и ошибочнымъ выводамъ, вслѣдствіе преобладанія массы личнаго элемента надъ идеей общаго интереса. Поэтому приходится распредѣлить личные интересы, по однородности и соизмѣримости ихъ, въ болѣе или менѣе крупныя группы. Такъ интересы сельскихъ обществъ слагаются, болѣе или менѣе удобно, въ каждой мѣстности въ одну общую группу, хотя и между ними могутъ быть различныя подраздѣленія; эта группа посылаетъ отъ себя избранныхъ лицъ, которыя являются въ собраніи—представителями извѣстной группы однородныхъ интересовъ. Здѣсь, по самой массѣ заинтересованныхъ, примѣненіе выборнаго начала является необходимымъ не только въ простомъ, но даже въ усложненномъ видѣ. Далѣе, особою группою стоятъ интересы городскіе, которые также посылаютъ отъ себя своихъ представителей; наконецъ, третьею крупною групной являются интересы личнаго (не общиннаго) поземельнаго землевладѣнія, которые однакожъ только одной своей стороной, обращенной къ общинному землевладѣнію, являются однородными и соизмѣримыми, но представляютъ между собою рѣзкую разнородность, иногда даже несоизмѣримость, и дѣлятся въ жизни сами собою на разныя группы. Интересы мелкихъ землевладѣльцевъ, восколько они между собою однородны и охватываютъ собою цѣлую массу заинтересованныхъ, требуютъ также примѣненія къ нимъ выборнаго начала для участія въ представительствѣ Затѣмъ остаются интересы остальной поземельной собственности. Если на практикѣ оказывается, что подводить подъ одинъ разрядъ однородныхъ интересовъ среднюю и болѣе крупную собственность было бы несправедливо, и что интересъ крупной собственности не имѣетъ на земскихъ собраніяхъ вполнѣ соотвѣтственнаго выраженія, то мы не видимъ причины, почему бы интересы землевладѣнія, остающагося за отдѣленіемъ мелкихъ владѣльцевъ, не раздѣлить также на группы, смотря по надобности и имѣя въ виду одну цѣль, чтобъ каждый сортъ, такъ сказать, интереса принялъ непремѣнно участіе въ представительствѣ. Само собою разумѣется, что чѣмъ крупнѣе разрядъ собственности, тѣмъ меньше число лицъ участвующихъ въ ея интересахъ, такъ что въ иной мѣстности ихъ можетъ быть два-три на уѣздъ, и примѣнять къ нимъ способъ выбора было бы неудобно; тѣмъ болѣе, что иная крупная собственность сама по себѣ составляетъ цѣлую отдѣльную группу хозяйственныхъ интересовъ, или вѣрнѣе единицу—неоднородную по своимъ особенностямъ ни съ какими другими единицами и группами. Предоставить представителямъ такихъ интересовъ личное право участія въ качествѣ гласныхъ было бы вполнѣ справедливо. Но еслибъ могло случиться, что въ уѣздѣ крупныхъ поземельныхъ владѣльцевъ много и интересы ихъ довольно однородны, такъ что могутъ составить общую группу, то нѣтъ причины не примѣнять и къ нимъ системы назначенія представителей по выбору отъ цѣлой группы крупныхъ собственниковъ, въ числѣ опредѣляемомъ ближайшимъ усмотрѣніемъ самого земства. На этомъ основаніи мы готовы были бы признать право непосредственнаго участія въ представительствѣ и за иною крупною собственностью въ городахъ, хотя бы и не поземельною, и за всякимъ, въ какомъ бы то ни было отношеніи, значительнымъ для земства интересомъ, какъ скоро представителемъ этихъ интересовъ является одно или же два-три лица, а не масса лицъ. Особеннаго исключенія для поземельной крупной собственности здѣсь дѣлать нечего. Такое же личное право можетъ быть дано и фабриканту, владѣющему, хотя бы на маломъ поземельномъ пространствѣ, громадною фабрикою, единственною во всемъ уѣздѣ и которой интересы, тѣсно связанные съ дѣломъ земскаго хозяйства, не имѣютъ другаго представителя. Поэтому, такъ какъ земскія учрежденія имѣютъ задачею—дать возможность выразить себя всякому хозяйственному интересу, не лицу собственно, а именно интересу, то на этомъ основаніи естественно распредѣляется и участіе въ представительствѣ: т. е. интересы однородные группируются и участвуютъ чрезъ выборныхъ представителей; интересы не группирующіеся и по мѣстнымъ соображеніямъ довольно важные въ земскомъ хозяйствѣ—участвуютъ, въ случаѣ надобности, чрезъ своихъ единичныхъ представителей на основаніи личнаго права. Если гдѣ будетъ найдено, что крупная поземельная собственность принадлежитъ къ разряду интересовъ послѣдняго рода, то крупнымъ землевладѣльцамъ, какъ представителямъ такихъ единичныхъ интересовъ, можетъ быть предоставлено личное право участія въ собраніяхъ и безъ выбора (хотя мы съ своей стороны не видимъ въ томъ ни особенной надобности, ни пользы для самихъ крупныхъ землевладѣльцевъ). Но при этомъ необходимо соблюдать два условія: вопервыхъ, чтобъ это личное право давалось не иначе, какъ по опредѣленію и ходатайству самого земства, которое вообще, кажется намъ, должно бы имѣть право приглашать въ собраніе, въ качествѣ гласныхъ, — всѣхъ кого сочтетъ нужнымъ, въ видахъ земской хозяйственной пользы (напр. врачей, техниковъ и т. д.); вовторыхъ, чтобъ предоставленіемъ личнаго права участія крупнымъ землевладѣльцамъ никакъ не нарушалось отношеніе общаго числа представителей личной собственности—къ общему числу представителей владѣнія общиннаго въ каждой мѣстности и въ каждой губерніи,—ибо это послѣднее отношеніе выражаетъ собою комбинацію не поземельныхъ владѣній разной величины, а данныхъ разнокачественныхъ и несоизмѣримыхъ, какъ напр. труда и земли съ одной стороны, умственнаго просвѣщенія и земли съ другой... Но мы боимся утомлять долѣе вниманіе нашихъ читателей и потому оставляемъ разсужденія «Московскихъ Вѣдомостей» о томъ, что̀ называть крупною собственностью и какъ устроиться съ мелкою,—до другаго раза.

Въ защиту сельской общины и крестьянскаго общественнаго единства.

«День», *12-го іюня 1865 г.*

Сельская община, крестьянская общественность — какъ бѣльмо на глазу у тѣхъ изъ нашихъ дворянъ-землевладѣльцевъ, къ которымъ справедливо было бы примѣнить извѣстное названіе «англизированныхъ» и которыхъ такимъ усерднымъ о̀рганомъ стали, къ сожалѣнію, «Московскія Вѣдомости». Крестьянская общественная организація не даетъ имъ покоя. Съ разныхъ сторонъ ведутъ они противъ нея подкопы, не вѣдая сами, въ своемъ жалкомъ ослѣпленіи, что̀ творятъ. Они переносятъ на крестьянъ свои собственныя представленія и чувства, и одержимые сами рѣзкимъ духомъ антагонизма—провозглашаютъ всюду о вредномъ — небываломъ—сословномъ антагонизмѣ сельскаго люда, объ опасностяхъ, угрожающихъ обществу отъ демократическаго будто бы характера сельскаго хозяйственнаго устройства,—опасностяхъ мнимыхъ, ложныхъ, ихъ же воображеніемъ созданныхъ или намѣренно придуманныхъ! Они тащутъ съ собою всюду чучело демократизма и соціализма и стараются напугать имъ пугливыя и робкія сферы нашего общества. Чего не пророчили они, мрачно и важно, по поводу предстоявшихъ земскихъ выборовъ и собраній, какихъ страховъ не напускали! Событія не оправдали ихъ предсказаній,—они не смутились и добрый исходъ выборовъ и собраній, т. е. отсутствіе вражды крестьянъ къ помѣщикамъ, приписали чуть не въ заслугу себѣ и чему бы вы думали, читатель?.. крѣпостному праву!! Еще недавно «Московскія Вѣдомости» предвѣщали какъ неизбѣжное, что въ Малороссійскихъ губерніяхъ казаки—какъ личные мелкіе землевладѣльцы—воспользуются своею многочисленностью и затрутъ совсѣмъ дворянъ-помѣщиковъ, ко вреду цивилизаціи, свободы и просвѣщенія... А между тѣмъ, по извѣстіямъ, сообщеннымъ потомъ въ «Московскихъ же Вѣдомостяхъ», на дѣлѣ оказалось совсѣмъ противное, и казаки выбрали въ гласные преимущественно дворянъ. Не знаемъ, какъ обойдется съ этимъ явленіемъ почтенная газета,—но благодѣтельностью крѣпостнаго права истолковать его уже никакъ нельзя.

Чѣмъ объяснить такое ожесточенное отношеніе къ крестьянской общинной организаціи той партіи землевладѣльцевъ, которую не знаемъ какъ и назвать, но которою никакъ не слѣдуетъ пренебрегать по ея значимости въ обществѣ, ея положенію и вліянію? Это не просто серьезная досада на препятствіе,—на то, что сельская община мѣшаетъ осуществленію ихъ аристократическаго идеала; такую досаду мы еще готовы были бы извинить и посмѣяться надъ нею,—но въ отношеніяхъ къ сельскому общественному устройству есть что-то такое, что̀ подлежитъ особенному психологическому разъясненію. Оно похоже на то чувство, которымъ встрѣчаютъ, въ нѣкоторыхъ обществахъ, трезвыхъ и цѣломудренныхъ... Не имѣя сами въ себѣ ничего народнаго, разобщенные съ самодвижущейся органической силой народнаго духа, они, эти господа (просимъ не забывать, что мы говоримъ не обо всемъ дворянствѣ, а именно объ этихъ господахъ), исполняются презрѣнія и злобы къ той средѣ, въ которой пребываетъ и шевелится эта сила. Лишенные всякой общественной организаціи, даже неспособные къ ней (что̀ такъ печально доказано 70-ти-лѣтнимъ опытомъ дворянскихъ привилегій), они не могутъ равнодушно смотрѣть на эту крѣпость крестьянской общественности, перебывшую и перемогшую цѣлые вѣка гнета и составляющую для крестьянъ такую же родную стихію, какъ воздухъ. Безсильные нравственно, съ горькимъ, тайнымъ сознаніемъ своей безличности, несамостоятельности,—имъ бы хотѣлось подорвать, подточить упругую мощь народнаго нрава, сказавшуюся въ формахъ его быта и самоустройства. Имъ бы хотѣлось видѣть въ сельскомъ населеніи ту же трухлявость и дряблость, какою отличается ихъ собственный гражданскій характеръ, уравнять, въ этомъ смыслѣ, народъ съ собою, лишить и его— мужеской силы... И съ какимъ злорадствомъ подмѣчаютъ они всякій фактъ паденія и ослабленія крестьянской общественной организаціи, всякій успѣхъ разставленныхъ народу соблазновъ, всякую измѣну его — кореннымъ народнымъ началамъ...

Въ настоящее время, по поводу земскихъ учрежденій, эти нападенія и подкопы возобновились съ новою силою. Подъ «знаменемъ консерватизма» стараются разрушить тысячелѣтніе обычаи, держащіе Русскую землю и никакимъ зломъ, но только добромъ — ознаменовавшіе себя въ Русской исторіи. Во имя либерализма и всяческой свободы посягаютъ на права жизни, права крестьянской свободы,—хотятъ вырвать съ корнемъ, потрясти—вѣками слагавшееся бытовое устройство, завѣтное, дорогое крестьянамъ, родное, кровное имъ,—и насильно навязать (въ угоду своимъ досужимъ теоріямъ, которыя и гостятъ-то у насъ въ Россіи всего безъ году недѣлю) свой жалкій идеалъ—чуждый народу и заемной организаціи!

Толкуя непрерывно о необходимости общественной силы— воздвигаютъ гоненіе на единственный источникъ и хранилище истинной земской силы! Объявляя себя отъявленными врагами бюрократизма, сами выражаютъ своими стремленіями и дѣйствіями—не болѣе и не менѣе какъ напоръ государственной стихіи на жизнь земскую, сами стараются уничтожить ту органическую жизненную силу, которая еще живетъ въ нашемъ сельскомъ населеніи и которая представляетъ единственный оплотъ противъ бюрократическаго недуга. Мало этого. Аристократическая наша партія выступаетъ теперь, по поводу земскихъ учрежденій, съ демократическимъ девизомъ «сліянія сословій и всесословности», и скоро во имя «равенства» станетъ добиваться для себя привилегій! «Избирательные съѣзды сельскихъ обществъ,—проповѣдуютъ «Московскія Вѣдомости»—надобно прежде всего лишить сословнаго характера, поставивъ ихъ въ этомъ отношеніи на одну ногу съ съѣздами землевладѣльческимъ и городскимъ». «Ни землевладѣльческій, ни городской съѣздъ не знаютъ сословныхъ различій»—продолжаетъ далѣе эта газета (въ 108 №): «земскія учрежденія совершили у насъ въ Россіи великое историческое дѣло. Онѣ слили воедино всѣхъ личныхъ землевладѣльцевъ и всѣхъ горожанъ безъ различія сословій, но они остановились передъ крестьянствомъ и сохранили за нимъ сословный характеръ... Этотъ характеръ есть главное изъ всѣхъ неудобствъ, оказывающихся при земскихъ выборахъ... Этотъ сословный крестьянскій духъ есть, въ нашихъ глазахъ, главный недостатокъ земскихъ учрежденій!» Такъ скорбятъ духомъ «Московскія Вѣдомости». Но если уже «Московскія Вѣдомости» такъ сильно возбуждены противъ сословнаго характера и сословности, то почему же онѣ ополчаются исключительно на крестьянъ, которые къ тому же вовсе не имѣютъ сословной организаціи въ точномъ смыслѣ слова, а составляютъ хозяйственныя или административно-хозяйственныя группы, т. е. сельскія и волостныя общества, на томъ же основаніи, на какомъ городъ составляетъ отдѣльное общество. Развѣ село или городъ—сословіе? Если ужъ ратовать противъ сословности, то не мѣшало бы поднять глаза повыше. Тамъ она дѣйствительно есть, по крайней мѣрѣ бьется изъ того, чтобъ увѣрить себя въ своемъ существованіи и придать себѣ значеніе отдѣльнаго «класса крупныхъ землевладѣльцевъ»: «Московскимъ Вѣдомостямъ» это лучше извѣстно, чѣмъ кому другому... Впрочемъ мы готовы согласиться съ почтенною газетою (не знаемъ только согласится ли она съ нами), что крестьянамъ въ настоящее время дѣйствительно придается сословный,—т. е. вѣрнѣе сказать—лжесословный характеръ, только не земскими учрежденіями, а исключительно тѣмъ, что высшія сословія пользуются привилегіями. Крестьянство, или точнѣе—податной людъ, кажется намъ сословіемъ потому единственно, что онъ платитъ подушныя подати, которыхъ дворяне не платятъ, отправляетъ натуральныя повинности, которыхъ дворяне не отправляютъ, несетъ рекрутство, котораго дворянство не несетъ, ограниченъ въ правахъ службы, не изъятъ отъ тѣлесныхъ наказаній и т. д. Уничтожьте эти привилегіи, т. е. сдѣлайте ихъ правами всѣхъ, и сословность крестьянская исчезнетъ. Сельское общество и волостное общество могутъ тогда принять всякаго въ свою среду. «Московскія Вѣдомости» жалуются, что земскія учрежденія сохранили за крестьянствомъ и за сельскими съѣздами сословный характеръ. Это несправедливо. Сохранили не сословный характеръ, а сохранили единство, обусловленное хозяйственнымъ фактомъ общиннаго землевладѣнія. Что не заботились о сохраненіи сословной особенности крестьянъ, лучше всего видно изъ того, что имъ дано право выбирать въ гласные священниковъ и дворянъ...

Далѣе «Московскія Вѣдомости» продолжаютъ доказывать, что «непослѣдовательность», допущеннаго сохраненіемъ будто бы за крестьянствомъ сословнаго характера, «повела къ тому, что крестьянское сословіе оказалось въ земскихъ учрежденіяхъ не только сословіемъ, но и сословіемъ привилегированнымъ (?!), единственнымъ сословіемъ, котораго члены могутъ иногда пользоваться двойнымъ правомъ голоса». Мы уже въ прошлой статьѣ объяснили, сколько несправедливаго въ этомъ свидѣтельствѣ «М. Вѣдомостей»: крестьяне вовсе не единственное сословіе, которое можетъ иногда пользоваться двойнымъ правомъ голоса: такимъ же правомъ пользуется и дворянинъ, если, кромѣ имѣнія въ уѣздѣ, имѣетъ домъ въ городѣ (Полож. о зем. учр. ст. 28 п. б.) Почтенная газета ставитъ земскимъ учрежденіямъ въ вину, что «крестьяне имѣютъ право участія въ землевладѣльческихъ и городскихъ съѣздахъ, а участвовать въ съѣздахъ сельскихъ - лица другихъ сословій не могутъ». Но въ Положеніи о земскихъ учрежденіяхъ объ этомъ нѣтъ ни слова, — это обусловливается самимъ фактомъ: конечно, не могутъ участвовать въ сельскихъ съѣздахъ, если не участвуютъ въ общинномъ землевладѣніи; если же сдѣлаются въ немъ дольниками—кто-жъ имъ помѣшаетъ?

Яркимъ подтвержденіемъ нашихъ словъ, сказанныхъ выше о системѣ дѣйствій извѣстной землевладѣльческой партіи, служатъ тѣ мѣста статьи 108 № «Московскихъ Вѣдомостей», въ которыхъ эта почтенная газета сѣтуетъ о томъ, что «изолированность», въ которую будто бы поставлены крестьяне вышеописаннымъ характеромъ сельскихъ съѣздовъ, «должна неминуемо развить въ крестьянахъ отчужденіе отъ другихъ сословій, а затѣмъ духъ непріязни къ нимъ». Почему же именно въ крестьянахъ и именно теперь долженъ развиться этотъ духъ, когда даже изолированность, въ которую конечно ставило ихъ крѣпостное право, не успѣла развить его? И почему признаніе за крестьянами ихъ хозяйственной особенности, признаніе за ними какого-либо права, должно породить въ нихъ духъ непріязни, а если отнять у нихъ характеръ единства, налагаемый общиннымъ землевладѣніемъ, и посягнуть на дорогое имъ бытовое устройство, то непріязни не будетъ?! ужъ полно, не морочатъ ли здѣсь кого-нибудь «Московскія Вѣдомости»? Не сами ли онѣ добиваются для крупныхъ землевладѣльцевъ, въ видѣ привилегіи, личнаго права участія въ земскихъ собраніяхъ безъ выбора? развѣ нельзя съ такимъ же полнымъ и еще бо́льшимъ основаніемъ примѣнить и къ крупнымъ землевладѣльцамъ слова «Вѣдомостей», сказанныя о крестьянахъ? т. е. что эта привилегія изолируетъ крупныхъ землевладѣльцевъ, а «изолированность должна неминуемо развить въ нихъ отчужденіе отъ другихъ сословій, а затѣмъ и духъ непріязни къ нимъ»?! Едвали не гораздо справедливѣе будетъ примѣнить это къ дворянству! Но «Московскія Вѣдомости» этимъ не ограничиваются. Говоря, что сословный крестьянскій духъ есть главный недостатокъ земскихъ учрежденій, онѣ находятъ этотъ недостатокъ тѣмъ болѣе ощутительнымъ, что остальные представители земскихъ классовъ, состоя изъ лицъ разныхъ сословій, не будутъ въ состояніи «оказывать ему правильное и законное противодѣйствіе». Правильное и законное противодѣйствіе? какъ будто непремѣнно нужно противодѣйствіе, и иное отношеніе немыслимо? и какъ будто относительно крестьянъ противодѣйствіе дворянства есть дѣло вполнѣ законное, а противодѣйствіе крестьянъ дворянамъ — это бунтъ, сословный антагонизмъ, духъ непріязни! Чтó это за вѣчная замашка — указывать на крестьянство, какъ на какую-то враждебную силу, противъ которой надо щетиниться, принимать заблаговременно всевозможныя мѣры защиты и даже организировать впередъ, заблаговременно, систему непремѣнной борьбы, «правильнаго и законнаго противодѣйствія»? Зачѣмъ выставлять постоянно дворянство какимъ-то казанскимъ сиротой, беззащитнымъ, хилымъ, слабымъ, котораго надо поддерживать всякими искусственными способами? И противъ кого же? противъ крестьянъ, предъ которыми дворяне продолжаютъ пользоваться столькими юридическими и бытовыми, внѣшними и нравственными преимуществами. И чѣмъ же заслужили крестьяне такое постоянное подозрѣніе? Положительно ничѣмъ. Источникъ этого подозрѣнія въ самомъ дворянствѣ; по крайней мѣрѣ «Московскія Вѣдомости» заставляютъ насъ предполагать, что дворянство какъ бы чувствуетъ за собой какую-то вину, вслѣдствіе которой и ждетъ неизбѣжно отъ крестьянъ — вражды и антагонизма. Но крестьянамъ такое чувство совершенно чуждо. Впрочемъ, конечно — провозглашая съ постоянною безтактностью на всю Россію, что дворянство имѣетъ поводъ бояться крестьянъ и должно принимать противъ нихъ мѣры, какъ противъ врага, почтенная газета пожалуй и надоумитъ тому, чего бы иначе и на умъ никогда не пришло!

Какое же однако средство предлагаютъ «Московскія Вѣдомости», чтобъ лишить сельскіе съѣзды сословнаго характера? Вотъ какое. Извѣстно, что по Положенію о земскихъ учрежденіяхъ личные землевладѣльцы раздѣляются на двѣ группы: на мелкихъ землевладѣльцевъ, имѣющихъ въ мѣстностяхъ густо-населенныхъ не менѣе десяти десятинъ, и на землевладѣльцевъ, владѣющихъ отъ 200 десятинъ и выше. Первые, т. е. мелкіе землевладѣльцы, не имѣютъ личнаго права на избраніе гласныхъ, но избираютъ изъ себя уполномоченныхъ, которые уже потомъ избираютъ и гласныхъ; вторые пользуются личнымъ правомъ избранія гласныхъ. «Московскія Вѣдомости», вмѣстѣ съ г. Лугининымъ (помѣстившимъ въ томъ же № свою статью), предполагаютъ изъ второй группы землевладѣльцевъ выдѣлить крупныхъ собственниковъ и предоставить послѣднимъ личное право не только избирать гласныхъ, но и быть гласными безъ всякаго выбора. Мы уже подробно разсмотрѣли этотъ вопросъ въ 23 № нашей газеты. Затѣмъ и «Московскія Вѣдомости» и г. Лугининъ находятъ необходимымъ повысить, противъ назначеннаго въ Положеніи, — цензъ, дающій личное право на избраніе гласныхъ (землевладѣльцамъ второй группы), а также и право на избраніе гласныхъ черезъ уполномоченныхъ (мелкимъ землевладѣльцамъ первой группы). Относительно цифры ценза «Московскія Вѣдомости» расходятся нѣсколько съ г. Лугининымъ и, расширяя цензъ къ верху, съуживаютъ его къ низу.

Мы приведемъ только цифры «Московскихъ Вѣдомостей», собственно для примѣра: владѣющій имѣніемъ цѣною въ 100 тыс. руб. сер. считается крупнымъ землевладѣльцемъ и получаетъ право быть гласнымъ непосредственно, безъ выбора; владѣющій недвижимою собственностью, оцѣненною не ниже 15 тыс. руб. сер. — принадлежитъ къ разряду землевладѣльцевъ, имѣющихъ право непосредственнаго избранія въ гласные, т. е. то право, которое дается теперь владѣніемъ не менѣе 200 десятинъ и выше, смотря по мѣстности. Наконецъ, владѣющіе недвижимою собственностью цѣною не ниже 1500 или 2000 руб. и не свыше 15 т. руб., причисляются къ тому рязряду, который можетъ выбирать гласныхъ только чрезъ уполномоченныхъ. Эти 1500 или 2000 рублей стоимости земли приравниваются «Московскими Вѣдомостями» къ количеству десятинъ отъ 40 до 50; по нынѣшнему же Положенію о земскихъ учрежденіяхъ, низшій цензъ для этого разряда собственниковъ назначенъ несравненно шире: именно достаточно имѣть только 10 десятинъ въ густо-населенной мѣстности, чтобъ получить право избранія гласныхъ не непосредственно, но чрезъ уполномоченныхъ. Обсуживать цифры, предлагаемыя Московскою газетою, мы не станемъ. Это очевидно ни къ чему не ведетъ. Здѣсь общей нормы быть не можетъ, и только то могло бы заслуживать обсужденія, что̀ было бы предложено самими земскими собраніями, вполнѣ знакомыми съ условіями и потребностями мѣстной земской жизни и хозяйства. Противъ общей мысли о разграниченіи класса личныхъ землевладѣльцевъ и о предоставленіи крупной собственности непосредственнаго голоса въ земскихъ собраніяхъ, т. е. по личному праву, а не по избранію землевладѣльческихъ съѣздовъ, мы также спорить не будемъ, опираясь впрочемъ на другія основанія, чѣмъ «Московскія Вѣдомости». Читателямъ эти основанія уже извѣстны изъ нашей прошлой статьи. Мы готовы допустить такое предоставленіе, но, вопервыхъ, не въ видѣ общей мѣры, а лишь въ такомъ случаѣ, если объ этомъ будетъ просить мѣстное земское собраніе, и вовторыхъ, съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобъ притомъ не увеличивалось число гласныхъ отъ личныхъ землевладѣльцевъ вообще и не нарушалось установленное отношеніе между представителями трехъ главныхъ группъ (т. е. гласными отъ городовъ, сельскихъ обществъ и личныхъ землевладѣльцевъ вообще). Но не то удивительно, что мы на эту мѣру согласны, а удивительно то, что «Московскія Вѣдомости» добиваются такой мѣры, которая рано или поздно должна привести къ результату совершенно противоположному ихъ чаяніямъ и желаніямъ. Выдѣленіе крупныхъ собственниковъ изъ общей группы личныхъ землевладѣльцевъ непремѣнно раздробитъ интересы личной собственности и ослабитъ ихъ, — въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія. «Московскія Вѣдомости» настаиваютъ на необходимости устранить изъ земскихъ учрежденій всѣ «элементы розни естественно возникающіе изъ сословнаго антагонизма», и на этомъ-то именно основаніи и осуждаютъ обособленіе сельскихъ обществъ, допущенное закономъ. Почему же онѣ думаютъ, что рознь и антагонизмъ не возродятся въ группѣ личныхъ землевладѣльцевъ, когда послѣдніе будутъ раздѣлены на три разряда: на крупныхъ (привилегированныхъ), среднихъ и мелкихъ? Такое дѣленіе развѣ не разобщитъ ихъ между собою и не увеличитъ разстоянія между представителями мелкой и крупной собственности? Развѣ нѣтъ повода предположить, что въ такомъ случаѣ и здѣсь возникнетъ тотъ духъ непріязни, который Московская газета предвидитъ отъ отдѣленія сельскихъ избирательныхъ съѣздовъ отъ землевладѣльческихъ,— и что предоставленіе важной «привилегіи» богатымъ помѣщикамъ возбудитъ зависть цѣлаго множества мелкихъ землевладѣльцевъ? Становясь гласными по праву, а не по выбору, богатые помѣщики уже не будутъ, да и не могутъ участвовать въ избирательныхъ съѣздахъ остальныхъ землевладѣльцевъ. Но какъ думаютъ «Московскія Вѣдомости»? это устраненіе богатыхъ помѣщиковъ отъ участія въ избирательныхъ съѣздахъ развѣ не подорветъ ихъ вліянія на всю массу мелкихъ помѣщиковъ-дворянъ? — вліянія, по мнѣнію почтенной газеты, благодѣтельнаго и необходимаго? Пусть сообразятъ это крупные землевладѣльцы сами...

Но не въ этомъ собственно дѣло. Изложеніе всей этой системы дѣленія личныхъ землевладѣльцевъ на разряды было намъ нужно только для того, чтобъ показать, какимъ способомъ предполагаютъ «М. Вѣдомости» лишить сельскіе избирательные съѣзды сословнаго характера. По мнѣнію этой газеты, всѣ мелкіе личные землевладѣльцы, которыхъ участки не простираются свыше 50 или 40 десятинъ, должны быть присоединены къ сельскимъ избирательнымъ съѣздамъ для выбора, чрезъ посредство своихъ уполномоченныхъ, гласныхъ. Тогда бы, говорятъ «М. Вѣдомости», «уполномоченные отъ мелкихъ землевладѣльцевъ, смѣшавшись въ сельскихъ съѣздахъ съ крестьянскими выборщиками, внесли бы въ эти съѣзды тотъ же безсословный характеръ, который законодательство придало съѣздамъ землевладѣльческимъ и городскимъ». Какъ все это повидимому и удобно и благодушно и либерально, какая просвѣщенная забота о безсословности! А между тѣмъ— понимаютъ ли читатели, къ чему сводятся на практикѣ эти совѣты «Московскихъ Вѣдомостей»? Они сводятся на дѣлѣ къ тому, чтобы передать крестьянству весь отсѣдъ землевладѣльческихъ группъ, — нарушить цѣльность хозяйственныхъ интересовъ сельскихъ обществъ, — насильственно пріурочить къ крестьянству самый ненадежный классъ, и притомъ классъ болѣе всѣхъ другихъ враждебно расположенный къ крупной поземельной собственности,—черезъ этотъ классъ привить къ крестьянству, пока вполнѣ ему чуждый, духъ антагонизма къ высшему дворянству,—и вообще подорвать крестьянское общественное единство, внѣшнее и духовное. Заклятой врагъ дворянства лучше бы не присовѣтовалъ,—ибо всякій пойметъ, чтò почувствуютъ мелкіе собственники дворяне, казаки, подъячіе, мѣщане и пр., когда собраніе личныхъ землевладѣльцевъ, испросивъ отмѣны нынѣ дѣйствующаго закона, выброситъ ихъ изъ своей среды и втолкнетъ ихъ въ сельскія сходки. Они почувствуютъ себя оскорбленными и какъ бы разжалованными.

Мы покончили съ «Московскими Вѣдомостями». Думаемъ, что въ виду предстоящихъ еще въ бóльшей части Россіи земскихъ выборовъ и собраній — наши замѣчанія не будутъ лишними.

Задачи земства (по поводу перваго земскаго собранія въ Москвѣ).

«День», 4-го сентября 1865 г.

Сколько намъ извѣстно, въ половинѣ сентября мѣсяца откроются въ Москвѣ засѣданія *перваго* губернскаго земскаго собранія. Важность этого событія не требуетъ объясненій, какъ по народному значенію Москвы, такъ и потому, что отъ вѣрности перваго шага зависитъ большею частью вѣрность и послѣдующаго направленія. Какія бы ни были несовершенства новаго Устава, но мы уже имѣемъ передъ собой примѣръ нѣкоторыхъ губерній, по волѣ начальства предупредившихъ Москву въ дѣлѣ организаціи земства. Этотъ примѣръ даетъ намъ полное основаніе заключать, что съ помощью и тѣхъ правъ, которыя даны, можно все-таки сдѣлать не мало дѣльнаго дѣла, натворить не мало добра *въ прокъ*, а именно проку-то и недостаетъ, обыкновенно, нашимъ, начинаніямъ и дѣяніямъ. Мы, такъ сказать, въ нашей общественной дѣятельности, обыкновенно, раньше самой церкви—выстраиваемъ, прежде всего, колокольню, съ которой наши дьячки и пономари и начинаютъ во всѣ колокола трезвонить и благовѣстить къ обѣднѣ; а между тѣмъ въ храмѣ не приносится еще никакой жертвы, не совершается еще никакого священнодѣйствія, да и храмъ еще не освященъ, да нерѣдко и самого храма еще вовсе не существуетъ!... Писать мы выучились мастерски: сфабриковать проектъ, постановить вопросы мы великіе искусники. Но за то, кромѣ неисполненныхъ «проектовъ» и нерѣшенныхъ «вопросовъ» мы почти ничего и не видимъ. Это такая чаща, сквозь которую и не продерешься! На аренѣ Русской журналистики только и прогуливаются проекты да вопросы. Это своего рода генеральскій чинъ, въ который публицистика, для придачи себѣ пущей важности и по мѣрѣ надобности, производитъ каждый пустякъ. Поѣзжайте по Россіи, познакомьтесь съ тѣмъ, чтò называется «передовой интеллигенціей» въ провинціи, и слухъ вашъ будетъ обданъ потокомъ фразъ, фразъ,— заученныхъ журнальныхъ фразъ,—такъ что вы легко можете узнать, какой журналъ каждый индивидуумъ этой интеллигенціи себѣ выписываетъ! Счастье вамъ, если удастся пріютиться къ какому-нибудь помѣщику, не получающему никакихъ столичныхъ журналовъ, или если и получающему, то смотрящему на нихъ нѣсколько свысока и съ пренебреженіемъ грубаго практическаго человѣка: отъ него вы еще можете услышать дѣльное слово и научиться многой практической правдѣ. Но если мы мастера писать и писать, то до сихъ поръ были плохіе мастера говорить. «Ораторское искусство было у насъ до сихъ поръ въ младенчествѣ!» восклицаютъ обыкновенно Петербургскіе журналы, воображая, вѣроятно, что ораторское искусство есть само себѣ цѣль, а не средство. Бóльшая часть нашихъ прогрессистовъ и западную «конституцію разумѣетъ только съ этой внѣшней ея стороны, т. е. что и конституція нужна-то только для того, чтобы процвѣтало ораторское искусство. «Помилуйте!» слышали мы однажды такое разсужденіе: «тамъ вѣдь, посудите сами, устроена въ залѣ трибуна,—какой-нибудь тамъ Тьеръ или Жюль Фавръ говоритъ, говоритъ часа четыре. Скоро-ль у насъ заведутся такіе, чтобъ говорили часа по четыре! Поговоритъ кто съ полчаса, да и оборвется! Привычки нѣтъ! Оно, пожалуй, можно бы попривыкнуть на земскихъ собраніяхъ, и найдутся такіе, что въ два-три пріема станутъ вамъ также говорить, безъ запинки, часа по четыре, пожалуй даже и больше... Да народъ-то нашъ еще не доросъ: невѣжественъ! Вотъ въ вашей же газетѣ было разсказано, что на одномъ земскомъ собраніи, гласные дворяне, ну, какъ подобаетъ, и пустились говорить, по очереди каждый, по всѣмъ правиламъ искусства,—а мужики слушаютъ, сидя молча. Только не выдержали и четырехъ часовъ, и одинъ изъ нихъ въ самую ту минуту, какъ оратору приходилось взойти на самую макушку своей рѣчи, гдѣ у него была заготовлена отличная фраза, — прервалъ оратора такими словами на своемъ грубомъ жаргонѣ: «Ну, баре, концайте скорѣй, моци нѣтъ!»—Мы съ своей стороны нисколько не раздѣляемъ сожалѣній этихъ поклонниковъ ораторскаго искусства для искусства. Мы даже съ нѣкоторымъ страхомъ смотримъ на предстоящее ему развитіе *по французскимъ образцамъ* въ нашихъ новыхъ публичныхъ судахъ. Да и вообще опыты краснорѣчія, которые намъ привелось слышать до сихъ поръ въ дворянскихъ собраніяхъ и иныхъ мѣстахъ, подаютъ намъ мало утѣшенія, и отъ этой-то пагубы красиваго пусторѣчія и обильнаго словотеченія мы бы и желали видѣть избавленнымъ наше Московское Земское Собраніе. Пусть это Земское Собраніе затмитъ дворянскіе наши съѣзды—дѣльностью и серьёзностью.

Чѣмъ проще, чѣмъ не казистѣе, чѣмъ ближе къ дѣлу начнетъ наше Земское Собраніе, тѣмъ болѣе представитъ оно залоговъ для успѣшнаго развитія своей дѣятельности. Пусть его замыселъ паритъ теперь не вверхъ, а стелется низко по землѣ, понимая это послѣднее слово во всѣхъ его смыслахъ. Пусть кладетъ оно надежный фундаментъ для зданія Русскаго земства, но этого фундамента никакъ не создадутъ пышныя рѣчи съ скуднымъ содержаніемъ,—а создать его могутъ только практически-полезные результаты перваго совмѣстнаго дѣйствія всѣхъ сословій. Земскія учрежденія представляютъ возможность дѣйствительнаго сближенія—не на словахъ, а на дѣлѣ и не отдѣльныхъ лицъ разнаго званія, а цѣлыхъ сословій, раздѣленныхъ между собою не столько юридическими (хотя и таковыя еще существуютъ), сколько бытовыми перегородками. Европеизмъ встрѣчается здѣсь лицомъ къ лицу съ народностью, развитое сознаніе съ непосредственнымъ разумомъ, дворянская заемная цивилизація съ установившимся бытомъ и историческимъ инстинктомъ народа. Правда, *ари-*

стократическую роль сдерживающей силы—beharrende Kraft, какъ говоритъ Риль—приходится играть здѣсь не дворянству, а представителямъ народнаго и историческаго начала, т. е. сельскому сословію, но такое повидимому странное явленіе объясняется всѣмъ ходомъ нашего историческаго развитія и духовной разрозненностью нашихъ высшихъ классовъ съ низшими. Теперь опыту предстоитъ рѣшить: возможенъ ли дружный союзъ между этими двумя силами,—или вѣрнѣе сказать: можетъ ли онъ быть плодотворенъ? Разрѣшеніе этого вопроса зависитъ преимущественно отъ дворянъ, отъ класса образованнаго. Если дворяне ступятъ на первый же разъ невѣрнымъ шагомъ, то они подвергнутъ земскія учрежденія той же печальной участи, которой подверглись уже многія, прекрасныя по принципу учрежденія, и сами лишатъ себя почвы для серьёзной, полезной общественной дѣятельности. Народъ же останется тѣмъ же, чѣмъ онъ былъ; непосредственная сила жизни, въ немъ пребывающая, будетъ задержана въ своемъ развитіи, но рано или поздно найдетъ себѣ выходъ иной, помимо тѣхъ путей, которые, какъ повидимому ни естественны, ни исторически законны, оказались несостоятельными. Иниціатива въ дѣлѣ земскаго устроенія теперь естественно принадлежитъ дворянству; это охотно признаютъ за нимъ и крестьяне, безъ всякаго ложнаго смиренія. Но если эта иниціатива не приведетъ ни къ чему, или если народъ увидитъ, что она заводитъ его не туда, куда онъ согласенъ идти за нею, то дворянство, а съ нимъ вмѣстѣ и наше образованіе утратятъ свой послѣдній кредитъ въ глазахъ нашихъ могучихъ массъ, и правильный ходъ народнаго развитія уродливо исказится.—Мы съ своей стороны видимъ возможность самую ограниченность правъ обратить въ пользу земскому дѣлу. Пусть общественная сила, если она имѣется, вмѣсто того, чтобъ растрачиваться преждевременно и по пустякамъ, взойдетъ вся внутрь, окрѣпнетъ, созрѣетъ и оплодотворитъ собою земскую почву. Устройство земскихъ почтъ, устройство проселочныхъ дорогъ, устройство школъ, учрежденіе больницъ и врачебной помощи въ селахъ,—приведеніе въ ясность всѣхъ поземельныхъ сборовъ, переложеніе натуральныхъ повинностей на денежныя, неуклонное исполненіе обязанностей и твердое соблюденіе правъ—въ точныхъ предѣлахъ установленныхъ закономъ, никакъ не болѣе, — все это, исходя отъ земства, быстро придастъ силу народному сознанію и заставитъ его дорожить дарованными ему учрежденіями. Не мѣшало бы предстоящему собранію обратить вниманіе на отношеніе губернской земской управы къ уѣзднымъ, которое совершенно не опредѣлено Положеніемъ и во многихъ губерніяхъ устроено различно, а также и на характеръ дѣлопроизводства вообще въ управахъ. Наши дворяне имѣютъ привычку жаловаться на бюрократію, и повидимому вполнѣ справедливо. Но примѣръ нѣкоторыхъ губерній свидѣтельствуетъ, что несмотря на свободу, предоставленную въ этомъ отношеніи дворянству, бюрократизмъ умудрился проникнуть и подъ земское знамя. Гдѣ же отъ него спасеніе, если сами первые порицатели — они же и первые его нововводители??

На дняхъ мы получили подробное, документальное описаніе одного случая, бывшаго съ мѣсяцъ или меньше тому назадъ въ одной изъ нашихъ губерній. Мы невольно подумали, читая это описаніе: такіе случаи не могутъ, не должны, по крайней мѣрѣ, имѣть мѣсто при дѣйствіи земскихъ учрежденій. Дѣло въ томъ, что въ этой губерніи одно оффиціальное лицо катается часто въ имѣніе свое, въ сосѣдней губерніи, и не только само это лицо, но и супруга лица. Для этой надобности выставляются, несмотря на лѣтнюю рабочую пору, обывательскія лошади, и крестьянамъ приходится иногда, при исправленіи сей новой повинности, терять въ ожиданіи по нѣскольку (даже по 12) дней. Особенный ропотъ возбуждали въ крестьянахъ поѣздки не столько самого оффиціальнаго лица, которому они считаютъ себя обязанными дѣлать, какъ намъ пишутъ, «всякое уваженіе», но его домашнихъ. Волостной старшина одной пограничной волости, побуждаемый настояніями общества и видя, что эти поѣздки совершаются за границу губерніи, слѣдовательно не по дѣламъ службы, какъ-то запоздалъ выставкою лошадей, которыя хотя и выставилъ, но не за нѣсколько сутокъ, а чрезъ полчаса по пріѣздѣ оффиціальнаго лица. За это былъ онъ оффиціальнымъ лицомъ собственноручно прибитъ, и когда битый осмѣлился доложить, что по Положенію 19 февраля волостные старшины избавлены отъ тѣлесныхъ наказаній, то былъ прибитъ еще больше. Нѣтъ сомнѣнія, что земская управа не допустила бы существованія такой новой земской повинности, да и во всякомъ случаѣ подобное обстоятельство было бы тотчасъ оглашено на земскомъ собраніи,—что̀, конечно, послужило бы немалой уздой энергическому самоуправству.

Въ сентябрѣ будутъ въ Москвѣ засѣданія губернскаго земскаго всесословнаго собранія, въ ноябрѣ будутъ происходить засѣданія Московскаго дворянства для обычныхъ дворянскихъ губернскихъ выборовъ. Посмотримъ — какое изъ этихъ двухъ собраній будетъ дѣльнѣе и богаче практическими результатами. Можно сказать заранѣе: то, на которомъ меньше дастъ себѣ простору наше новое, юное ораторское искусство...

По поводу проекта обязательнаго выкупа государственными крестьянами земли у государства.

«День», 11-го декабря 1865 г.

Что̀ еслибъ заставить дубъ выкупать землю, на которой онъ выросъ? Не покажется ли это вамъ страннымъ, читатель? Не сочтете ли вы это за самую вопіющую несообразность? Но развѣ не тѣмъ же самымъ является вопросъ о выкупѣ государственными крестьянами у государства земли, на которой они сидятъ испоконъ вѣка, на которой, такъ сказать, застала ихъ формація государства? А между тѣмъ этотъ вопросъ дѣйствительно существуетъ, въ ходу во всѣхъ нашихъ административныхъ сферахъ (удивительно, что молчитъ объ немъ наша литература), и возникъ по поводу Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго вслѣдъ за Положеніемъ 19 февраля 1861 года, о преобразованіи устройства государственныхъ крестьянъ — съ цѣлью *вящшаго* обезпеченія ихъ быта. Такъ какъ мысль о выкупѣ еще не болѣе какъ мысль, а самый вопросъ объ устройствѣ имѣетъ громадную важность по громаднымъ размѣрамъ среды, къ которой будетъ приложено его разрѣшеніе, то намъ кажется не безполезнымъ довести объ этомъ дѣлѣ, съ нѣкоторою обстоятельностью, до свѣдѣнія нашихъ читателей.

Что̀ такое государственные крестьяне? Что̀ такое государственная собственность? Что̀ такое правительство: помѣщикъ ли оно, или его отношенiе къ землѣ иное? Въ тѣхъ ли отношенiяхъ состоятъ государственные крестьяне къ «казнѣ», въ какихъ находились еще недавно крѣпостные крестьяне къ помѣщикамъ, и вообще примѣнимы ли къ этимъ отношенiямъ государственныхъ крестьянъ и казны—понятiя *частнаго* права?

Со времени прочнаго водворенiя въ Россiи крѣпостнаго права, Русское крестьянство раздѣлилось на двѣ крупныя группы: поселенныхъ на земляхъ вотчинныхъ или помѣщичьихъ и къ нимъ прикрѣпленныхъ, съ личною зависимостью отъ землевладѣльцевъ: это одна группа; и «свободнаго состоянiя сельскихъ обывателей» (такъ именуетъ ихъ законъ), живущихъ на земляхъ—«черныхъ», ничьихъ, т. е. такихъ земляхъ, которыя не составляютъ ничьей частной личной собственности, а потому и называются государственными: это другая группа. Вообще Русская земля, кому бы ни принадлежала, есть достоянiе всей Русской Земли, всего Русскаго народа, сложившагося какъ политическiй организмъ, какъ государство, и идею своего политическаго единства, своей гражданской цѣлости и общности перенесшаго на верховную государственную власть. Въ тѣсномъ же смыслѣ названiе: земли государственныя—не значитъ ничего другаго, кромѣ того, что эти земли ни въ чьемъ частномъ и отдѣльномъ владѣнiи не состоятъ, а продолжаютъ состоять въ распоряженiи всего государства, т. е. всей Россiи, всего народа, или того историческаго политическаго цѣлаго, котораго внѣшнею представительницею является установленная Русскою Землею политическая власть. Правительство, казна или государь есть высшее выраженiе государственнаго элемента, присущаго таковому, въ государство сложившемуся, народному организму,—лицо, на которое перенесено Землею понятiе объ ея собственной прирожденной ей власти. Не государство сложило Русскую Землю, а Русская Земля образовала изъ себя государство, и государство есть не что̀ иное, какъ сама Русская Земля, разсматриваемая со стороны своего политическаго, внѣшняго строя и существованiя. Поэтому, очевидно, къ понятiю о государственной собственности не можетъ быть приложена идея частнаго права. Государственная собственность есть всенародная собственность, т. е.

собственность всей Русской Земли, которая ею и распоряжается въ лицѣ государства.

На этой почвѣ права, почвѣ верховнаго обладанія землею государствомъ, въ смыслѣ всего народа, возникли различные факты *владѣнія* — крестьянскихъ общинъ и частныхъ лицъ. Обратимся къ факту владѣнія личнаго, частнаго.

Намъ могутъ замѣтить, что идея частной поземельной собственности, выражающаяся въ земляхъ помѣщичьихъ напр., и въ новѣйшемъ разрядѣ крестьянъ-собственниковъ, является противорѣчіемъ идеѣ верховнаго обладанія всею землею, принадлежащаго народу въ смыслѣ государства. Она и дѣйствительно является противорѣчіемъ, но не столько въ жизни, на практикѣ, сколько въ области понятій. Идея права поземельной неограниченной частной *собственности* есть понятіе совершенно отвлеченное, перешедшее къ намъ изъ области Римской юриспруденціи: и понятіе и самое слово это у насъ новѣйшей формаціи и появились только въ XVIII вѣкѣ. Это обстоятельство, впрочемъ, нисколько и ни въ чемъ не колеблетъ твердости частныхъ поземельныхъ правъ и отношеній, нынѣ у насъ дѣйствующихъ. Строго говоря, неограниченной частной поземельной собственности нигдѣ и никогда не существовало и не существуетъ, а существуютъ только разнообразные виды пользованія и владѣнія. Подробное развитіе этой мысли читатели не разъ встрѣчали на столбцахъ нашей газеты, между прочимъ въ статьяхъ профессора Лешкова. Здѣсь мы замѣтимъ только, что неограниченному праву частной поземельной собственности противорѣчитъ право такъ называемой экспропріаціи, признанное за государственною властью сознаніемъ всѣхъ политически-существующихъ народовъ, всѣми законодательствами. Нужно ли провести государственныя дороги, устроить мосты, соорудить крѣпости, дать сраженіе, — интересъ частной собственности неминуемо долженъ уступить интересу общественному, хотя бы на то и не было согласія собственника. Ему можетъ быть дано вознагражденіе, но также въ размѣрахъ, установляемыхъ не его личною прихотью, а закономъ. Владѣя, напр., пограничнымъ участкомъ земли на правѣ частной собственности, я не имѣю права отчуждать его въ пользу сосѣдняго государства. Владѣя обѣими сторонами Тверской улицы, я не могу воспретить проѣздъ по ней, и т. д. Слѣдовательно *неограниченнаго*, въ строгомъ смыслѣ слова, права частной поземельной собственности не существуетъ. Надъ нимъ стоитъ высшее право полноправнѣйшей юридической личности — всего общества или народа, олицетворяемаго въ государствѣ. Есть только различные виды частнаго пользованія и владѣнія землею: полнаго, ограниченнаго, потомственнаго, временнаго, личнаго, или же съ правомъ передачи своего отношенія къ землѣ другому — черезъ продажу, даръ или иной видъ отчужденія. По Уложенію Царя Алексѣя Михайловича, если владѣющіе *вотчинами* (что у насъ выражало собою самый полноправный видъ владѣнія поземельнаго), принадлежа къ служилому сословію, не записывались въ службу, то вотчины у нихъ отбирались. Впослѣдствіи служилому сословію дано было право не служить, но самый видъ отношенія къ землѣ не перестаетъ отъ того быть ни чѣмъ инымъ, какъ правомъ потомственнаго частнаго *владѣнія*. До какой степени сбиты у насъ юридическія понятія и термины, выражающіе отношеніе къ землѣ, до какой степени вторгшіяся къ намъ опредѣленія Римскаго права противорѣчатъ нашимъ бытовымъ воззрѣніямъ, коренному юридическому языку, привычкамъ, и только производятъ путаницу и въ воззрѣніяхъ и въ языкѣ и въ жизни, — доказывается тѣмъ, напримѣръ, что бывшіе помѣщичьи крестьяне, выкупившіе, съ помощью казны, у помѣщиковъ землю, именуются въ законодательныхъ актахъ крестьянами-*собственниками*, а сами помѣщики только земле-*владѣльцами!* Представьте себѣ, читатель, иностранца — человѣка, который воспитанъ на строгой опредѣленности терминовъ Римскаго права, пріученъ наукою и жизнью въ точности различать понятія *собственности*, *владѣнія*, *пользованія* (proprietas, possessio, usufructus). Представьте себѣ, что онъ бы вздумалъ, на основаніи этихъ терминовъ, опредѣлять отношенія къ землѣ Русскихъ помѣщиковъ и крестьянъ: вышла бы нелѣпость, вышло бы, что право *собственности* находится только у крестьянъ, а дворяне имѣютъ не болѣе, какъ право *владѣнія!!* Между тѣмъ защитники проекта о выкупѣ государственными крестьянами земли, на которой они сидятъ, имѣютъ обыкновеніе, сколько намъ извѣстно, напирать именно на то, что отношеніе государственныхъ крестьянъ къ землѣ обозначено въ Сводѣ Законовъ терминомъ: права *владѣнія* (Св. З. X т. 315 ст.). Но на этомъ основаніи слѣдовало бы, дѣлая логическій выводъ, подвергнуть обязанности выкупать свои земли у казны, въ собственность, всѣхъ тѣхъ, кого самъ законъ именуетъ земле-*владѣльцами*, т. е. и дворянъ, и удѣльное вѣдомство и т. д.

И такъ, въ Россіи допущены слѣдующіе главные виды землевладѣнія или изъятія земли изъ общаго всенароднаго или государственнаго владѣнія въ пользу частнаго владѣнія (безъ устраненія однакожъ идеи верховнаго обладанія, принадлежащаго самой Землѣ, въ лицѣ государства): землевладѣніе личное и землевладѣніе общинное. Послѣдній видъ землевладѣнія есть самая основная, коренная, такъ-сказать природная форма бытовыхъ отношеній народа къ землѣ, ибо масса народа жила (да и живетъ еще) общинами. Въ то время какъ въ землевладѣніи личномъ, между нимъ и первоначальнымъ *источникомъ* поземельнаго права, стоитъ цѣлый рядъ юридическихъ видоизмѣненій этого послѣдняго (смѣна владѣльцевъ, разные виды отчужденія, увеличенія и раздробленія и пр), такъ что они, эти видоизмѣненія, совершенно заслоняютъ представленіе о первоначальномъ источникѣ права,—въ общинномъ землевладѣніи древнихъ черныхъ волостей или нынѣшнихъ *государственныхъ* крестьянъ, мы видимъ нѣчто другое. Они состоятъ въ самомъ *непосредственномъ*, первобытномъ, прямомъ отношеніи къ источнику права, т. е. къ самой Русской Землѣ, или въ этомъ же смыслѣ—къ государству. Между ними и государствомъ нѣтъ посредствующихъ, позднѣйшихъ юридическихъ формъ частнаго личнаго владѣнія; онѣ, эти поземельныя общины, принадлежитъ такъ-сказать къ органической *формаціи* самаго государства.

Личное землевладѣніе выразилось преимущественно въ такъ-называемомъ помѣщичьемъ правѣ на землю. Крестьяне, поселенные на помѣщичьей землѣ, полученной помѣщиками отъ государства, селились первоначально по договору, или же и искони были поселены на этой землѣ, но потомъ эта земля, вмѣстѣ съ ними, посредствомъ цѣлой градаціи юридическихъ сдѣлокъ, перешла въ завѣдываніе частныхъ лицъ. Всѣ эти изъятія изъ общаго въ частное личное *владѣніе* дѣлались первоначально подъ условіемъ службы и населенія,—вотчины означали потомственное владѣніе, помѣстья—временное, вообще болѣе ограниченное. Потомъ эти оба вида владѣній слились, при Петрѣ, въ одинъ общій видъ потомственнаго владѣнія, а условія постепенно были упразднены самою жизнью. Что же касается до крестьянъ, на этихъ земляхъ поселенныхъ, то они также постепенно слились въ одинъ общій классъ помѣщичьихъ крестьянъ, послѣ того, какъ были прикрѣплены къ землѣ, а потомъ и лично къ помѣщику. Образовалось такъ-называемое крѣпостное право, подъ воздѣйствіемъ котораго весь этотъ разрядъ крестьянъ осѣлъ, распредѣлился по землѣ общинами, и возникъ новый видъ фактическаго общиннаго землевладѣнія, обусловленнаго повинностями въ пользу помѣщика. Это уже было общинное землевладѣніе *второй формаціи* такъ-сказать, гдѣ между общинами и государствомъ стояло третье лицо съ своими личными правами — помѣщикъ. По принципу казалось бы, что прикрѣпленіе къ землѣ крестьянъ дѣлало и самую занимаемую ими землю крѣпкою крестьянамъ, но это простое отношеніе усложнялось элементомъ частнаго личнаго, помѣщичьяго поземельнаго права, обусловливалось извѣстными повинностями. Наконецъ, Положеніе 19 Февраля постаралось, по возможности, распутать узелъ. Оно возвратило помѣщичьему крестьянству утраченное имъ званіе свободнаго сельскаго сословія, признало за нимъ, изъ разныхъ видовъ правъ, какъ несомнѣнное—право пользованія землею, и опредѣлило тѣ способы, посредствомъ которыхъ у крестьянскихъ общинъ *второй* формаціи долженъ быть установленъ и узаконенъ фактъ полнаго поземельнаго владѣнія *первой формаціи* и возвращенъ къ первоначальной своей чистотѣ, съ *непосредственнымъ* отношеніемъ къ государству. Способъ этотъ есть выкупъ,—который есть сдѣлка, компромиссъ между интересами помѣщика и крестьянъ, между вторгшеюся въ наше законодательство Римскою идеею поземельной частной собственности и вообще личнымъ частнымъ правомъ на землю—съ естественнымъ и такъ-сказать органическимъ правомъ крестьянъ на поземельное владѣніе. Правительство вознаграждаетъ помѣщиковъ за убытки, понесенные ими съ уничтоженіемъ крѣпостной зависимости крестьянъ, и выданное помѣщикамъ вознагражденіе восполняетъ себѣ съ тѣхъ же крестьянъ въ теченіи 49 лѣтъ. Вотъ собственно какой смыслъ лежитъ въ такъ-называемомъ выкупѣ. Никакого новаго вида и (большею частью) даже никакого новаго объема собственности крестьянской не возникаетъ и не образуется, а только прекращается всякое отношеніе помѣщика къ землѣ, населяемой и владѣемой крестьянами, — установляется *тотъ* же фактъ и *то же* право поземельнаго владѣнія, какіе мы видимъ и теперь у крестьянъ такъ-называемыхъ государственныхъ. Выкупившіеся помѣщичьи крестьяне могутъ, пожалуй, называться крестьянами-собственниками, но *при общинномъ землевладѣніи* это названіе не дѣлаетъ между ними и сельскими общинами государственныхъ крестьянъ, по отношенію къ правамъ поземельнаго владѣнія, никакого юридическаго различія. Если есть какое различіе, т. е. если права крестьянъ государственныхъ болѣе ограничены, то это слѣдъ той неправильности и спутанности юридическихъ понятій, которая господствуетъ въ нашемъ новѣйшемъ законодательствѣ относительно крестьянъ, или же есть превышеніе со стороны административной власти. Ни крестьяне-собственники, ни крестьяне государственныхъ имуществъ не могутъ, при общинномъ землевладѣніи, продавать и закладывать землю въ частную собственность. О правахъ же крестьянъ, при уничтоженіи общиннаго землевладѣнія, мы здѣсь не говоримъ; это вопросъ особый, который здѣсь только бы помѣшалъ ясному уразумѣнію основныхъ обстоятельствъ дѣла.

Когда Положеніемъ 19 Февраля устроена была участь помѣщичьихъ крестьянъ, возвѣщено было, отъ имени Верховной власти, 5 Марта 1861 года, что устройство такъ-называемыхъ государственныхъ крестьянъ должно также подвергнуться коренному измѣненію, что преобразованіе должно имѣть исходною точкою главныя начала Положенія 19 Февраля и цѣлію — *вящшее* обезпеченіе быта этихъ крестьянъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ устраненіемъ причинъ, раздѣлявшихъ сельское населеніе Россіи на двѣ группы: помѣщичьихъ и государственныхъ крестьянъ, — уничтожился и всякій смыслъ въ дальнѣйшемъ существованіи этого раздѣленія. Извѣстно, что та часть крестьянскаго населенія, которая не принадлежала ни помѣщикамъ, ни другимъ вѣдомствамъ, владѣвшимъ ими на правѣ частной собственности, именовалась, даже по Своду Законовъ, свободнымъ сословіемъ сельскихъ обывателей,—но въ то же время состояла подъ управленіемъ и опекою Министерства государственныхъ имуществъ, организованнаго въ 1838 году. До 1838 года, для сбора поземельной подати, извѣстной подъ названіемъ оброчной, они состояли въ завѣдываніи финансоваго вѣдомства. Этихъ крестьянъ, въ настоящее время, безъ малаго 10 мил. мужскаго пола, слѣдовательно всего 20 милліоновъ душъ: масса, равняющаяся цѣлому населенію большаго государства, какъ напр. Пруссіи или Италіи! Очевидно, что съ организаціей самоуправленія у крестьянъ, бывшихъ помѣщичьими, съ точнымъ опредѣленіемъ ихъ правъ и отношеній къ государству, съ прекращеніемъ ихъ обязательныхъ отношеній къ помѣщикамъ, не настояло затѣмъ никакой надобности удерживать административное обособленіе такъ-называемыхъ государственныхъ крестьянъ отдѣльною группой. Министерство государственныхъ имуществъ (не въ смыслѣ хозяйственнаго учрежденія завѣдывающаго лѣсами и оброчными статьями, а въ смыслѣ учрежденія управляющаго цѣлымъ классомъ сельскихъ обывателей и опекающаго ихъ) теряло всякой raison d'être, и оставалось только: вопервыхъ, распространить на государственныхъ крестьянъ формы управленія, созданныя для крестьянъ бывшихъ помѣщичьихъ; вовторыхъ, возстановить у государственныхъ крестьянъ тѣ же права поземельнаго владѣнія, какія возстановлены у крестьянства помѣщичьяго и которыя искони имъ принадлежали, да и теперь существуютъ съ нѣкоторыми искаженіями, — слѣдовательно устранить эти искаженія. Затѣмъ уже возникаетъ вопросъ совершенно особый, финансовый, о размѣрахъ поземельной подати, объ уравненіи крестьянъ обѣихъ группъ въ платежахъ взносимыхъ въ пользу казны и т. д.

Поэтому трудно понять, почему, въ видѣ разрѣшенія этой, вовсе не мудреной задачи, въ видѣ достиженія цѣли, указанной Высочайшимъ повелѣніемъ, т. е. вящшаго обезпеченія быта государственныхъ крестьянъ, могъ возникнуть проектъ объ обязательномъ выкупѣ государственными крестьянъ янами земли у государства. Другими словами, по смыслу этого страннаго проекта слѣдуетъ признать между отношеніемъ государства къ землѣ и *крѣпостнымъ правомъ* помѣщиковъ—не только аналогію, но совершенное тождество; слѣдуетъ признать государство *помѣщикомъ*, частнымъ собственникомъ; слѣдуетъ признать крестьянъ, именуемыхъ «государственными» и называемыхъ въ Сводѣ Законовъ сословіемъ *свободнымъ*, какъ бы помѣщичьими, какъ бы крѣпкими землѣ, на которой они сидятъ; слѣдуетъ наконецъ заставить ихъ выкупать у государства фактъ поземельнаго владѣнія, существующій болѣе тысячи лѣтъ, едвали не раньше самого государства! Это ставитъ вверхъ дномъ всѣ понятія о поземельномъ правѣ, какъ юридическія, такъ и народныя, бытовыя. Это значило бы, что Земля выкупала бы сама у себя свою собственную формацію! Идея выкупа предполагаетъ упроченіе за крестьянами права на осѣдлость, обезпеченіе за крестьянами права на владѣніе землею: въ прежнее время помѣщикъ имѣлъ право отнять у крестьянина землю, и до Положенія 19 февраля, послѣдній не былъ обезпеченъ ни въ своемъ пользованіи, ни въ своемъ владѣніи. Можно ли же допустить мысль, что государство было бы въ правѣ, какъ *помѣщикъ. частный собственникъ*, согнать крестьянское населеніе Россіи (20 милліоновъ Русскаго народа) съ земли?. Это значило бы, что сама Россія, сама Русская Земля, которой государство есть только внѣшнее, политическое выраженіе, сама подвергаетъ сомнѣнію свое право на землю; что Русская Земля можетъ быть безъ земли, можетъ быть согнана съ земли!.. Выкупъ, въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, имѣлъ значеніе не покупки земли, а единовременнаго *откупа* отъ *повинности*; такъ его понимали крестьяне. Въ примѣненіи къ казнѣ – это немыслимо; ибо казна никогда не откажется отъ права облагать землю государственнымъ налогомъ. Намъ укажутъ, пожалуй, на *оброчную* подать съ крестьянъ государственныхъ, установленную Петромъ въ 1723 году, «по примѣру помѣщичьихъ крестьянъ». Но это неправильное представленіе о свойствѣ «оброчной» подати никогда не было усвоено народнымъ сознаніемъ, да и противорѣчитъ себѣ на фактѣ. То, что̀ платятъ въ казну казенные крестьяне, есть не *оброкъ* (т. е. не *рента*, не вознагражденіе частному владѣльцу за уступленное имъ другому лицу право пользованія и распоряженія его землею), а государственный *налогъ* на землю, *податъ* съ земли. Разница въ слѣдующемъ: рента устанавливается процессомъ *торга* и выражаетъ собою *дѣйствительную стоимость земли*. Податъ же устанавливается законодательнымъ порядкомъ и выражаетъ собою, съ одной стороны, потребности государства, съ другой—средства облагаемыхъ. Логическое послѣдствіе ренты или оброка то, что если плательщикъ не можетъ не выплачивать—онъ теряетъ землю, которая поступаетъ въ полное распоряженіе владѣльца. Такимъ образомъ, повторяемъ, оброкъ мыслимъ только тамъ, гдѣ неплатежъ оброка лишаетъ права на землю, гдѣ владѣлецъ можетъ отказать во владѣніи землею тому, кто не хочетъ платить этого оброка. Но и самая мысль о такомъ правѣ никогда не всходила на умъ государственной власти, несмотря на ошибочное названіе оброка: до того эта мысль противоестественна.

Тѣмъ болѣе явится она противоестественною въ понятіяхъ 20миллiонной массы государственныхъ крестьянъ, въ случаѣ примѣненія къ нимъ системы выкупа! Объ этомъ не мѣшаетъ подумать.

Насколько земство дорожитъ самоуправленіемъ.

«Москва», 28-го января 1867 г.

«Мы созрѣли» — доводятъ до нашего свѣдѣнія, отъ времени до времени, нѣкоторые публицисты. «Общество наше проявляетъ всѣ признаки политической зрѣлости». Общество радуется и вѣритъ... «Мы свѣжи и молоды», «мы юная нація»—восклицаютъ при всякомъ удобномъ случаѣ тѣ же публицисты. Общество опять радуется и само любуется своею свѣжестью и молодостью. Чтò же это однако—созрѣли мы, или еще очень молоды, или же мы и юны и зрѣлы въ одно и то же время? Первое, впрочемъ, едвали можетъ подлежать сомнѣнію; на это есть своего рода метрическія доказательства. Гораздо труднѣе доказать второе. Въ чемъ вообще, не говоря собственно о насъ, должна проявляться, по какимъ признакамъ познается въ обществѣ политическая зрѣлость? Она проявляется въ самообладанiи, въ тактѣ дѣйствiй, въ умѣньи строго держаться на почвѣ законности и извлекать всю возможную пользу изъ своихъ правъ, не компрометтируя ихъ существованiя. Она познается по вѣрной оцѣнкѣ внѣшнихъ обстоятельствъ, своихъ собственныхъ силъ и тѣхъ, съ которыми приходится бороться. Политическая зрѣлость состоитъ въ томъ, чтобы идти къ практической и достижимой цѣли, а не задаваться недостижимымъ; употреблять средства надежныя и вѣрно разсчитанныя; чтобъ прежде чѣмъ строить зданiе, класть прочный фундаментъ; чтобъ въ основанiе своихъ притязанiй на расширенiе правъ полагать полезные, уже совершенные результаты своей дѣятельности даже въ тѣсныхъ, указанныхъ ей предѣлахъ; чтобъ, однимъ словомъ, дѣлать дѣло и къ своей дѣятельности относиться серьезно, добросовѣстно, толково, безъ задней мысли (какъ выражаются, думая по-французски, у насъ въ обществѣ) и безъ всякихъ суетныхъ побужденiй. Подобный образъ дѣйствiй, упрочивая самостоятельность общества, неминуемо вызываетъ къ нему уваженiе и со стороны власти. Такое требованiе политической зрѣлости отъ общества необходимо, впрочемъ, предполагаетъ и соотвѣтственную ей степень политической зрѣлости въ самомъ правительствѣ, которая состоитъ, по ученiю опыта и всѣхъ полическихъ писателей, въ томъ, чтобы умѣть различать дѣйствительную опасность отъ мнимой и важное отъ неважнаго; чтобы не употреблять несоразмѣрныхъ съ значенiемъ событiя средствъ; чтобы не принимать такихъ крайнихъ мѣръ, которыя несостоятельны по самому существу своему и потому неминуемо должны подлежать измѣненiю или даже отмѣнѣ; чтобъ никакою неосторожностью не компрометтировать достоинства власти и не вырывать, при истребленiи зла, съ плевелами и пшеницы; чтобы не подрывать довѣрiя къ себѣ и уваженiя къ закону и чтобы умѣть различать сферу общественную отъ правительственной, признавать предѣлы и права той и другой, уживаться съ свободою мнѣнiя и слова, и, держа имя свое грозно и честно, не опасаться общественной самодѣятельности и давать ей свободный ходъ..

Отъ общихъ разсужденiй перейдемъ къ русскому обществу и поищемъ признаковъ, по которымъ могли бы мы сдѣлать заключеніе о нашей политической зрѣлости. Всего естественнѣе было бы поискать данныхъ въ дѣятельности земства,—и не петербургскаго земства, о которомъ, какъ и о катастрофѣ съ нимъ случившейся, разсуждать мы не имѣемъ охоты, какъ объ явленіи совершенно исключительномъ,—но земства всей остальной Россіи. Но тутъ мы совершенно теряемся. Мы не можемъ придти почти ни къ какому выводу,—можемъ только поставить вопросы и подивиться, что при той важности, которую, повидимому, придаютъ земству наши образованные классы и которую оно несомнѣнно могло бы и должно бы имѣть, никто спеціально не занялся сводомъ данныхъ о дѣйствіяхъ россійскаго земства.

Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ введено въ 28 губерніяхъ; 334 управы открыли свои дѣйствія, 11,887 гласныхъ засѣдаютъ въ собраніяхъ,—все это мы знаемъ изъ оффиціальнаго источника и такими блестящими цифрами утѣшительно поражается русское сердце. Но какова дѣятельность этихъ 11 тысячъ гласныхъ, что̀ сдѣлано земствомъ въ этихъ 28 губерніяхъ, насколько положеніе наше лучше или хуже прежняго, каковы результаты нововведеннаго земскаго управленія, этого знать мы не можемъ: существуютъ положительныя препятствія для журналистики, частію отъ стѣснительности цензурныхъ правилъ, а большею частію по винѣ самаго земства, къ подробному оглашенію отчетовъ и постановленій земскихъ собраній. Не всѣ земскія собранія печатаютъ свои протоколы, не всѣмъ доступны и печатанные. Мы не можемъ даже увѣриться въ общей цифрѣ гласныхъ, которые будто бы засѣдаютъ въ земскихъ собраніяхъ, потому что частные корреспонденты той и другой мѣстности сообщаютъ намъ иныя, отличныя отъ оффиціальныхъ, данныя. Въ Твери, напримѣръ, изъ 80 *губернскихъ гласныхъ* прибыло только, говорятъ, *около половины*, а подъ конецъ собралось даже менѣе трети, вслѣдствіе чего собраніе было закрыто. Въ Ярославлѣ, вмѣсто 52 гласныхъ, *едва-едва* собралось количество, опредѣленное закономъ, при чемъ, какъ извѣщаютъ насъ, собранія *не посѣщали* даже нѣкоторые *изъ постоянныхъ жителей города*. Въ Орлѣ, вмѣсто 90 гласныхъ, съѣхалось человѣкъ 60; то же самое въ Рязани и Пензѣ, то же самое во многихъ и многихъ губерніяхъ; нѣчто подобное было и въ Москвѣ... Невольно становишься въ тупикъ и недоумѣваешь — точно ли дорожитъ земскими учрежденіями наше земство? Любопытно было бы собрать статистическія данныя о посѣщеніи собраній гласными во всѣхъ губерніяхъ, и о томъ, къ какому именно сословію принадлежали отсутствующіе? По слухамъ, увы, значительная доля этихъ отсутствующихъ были дворяне. Если это несправедливо, то пусть же дворянство и защищается статистическими цифрами. Изъ нѣкоторыхъ губерній извѣстій о земскихъ собраніяхъ мы не имѣемъ *никакихъ:* въ Казани, напримѣръ, изъ всей годовой дѣятельности мѣстнаго губернскаго земства, напечатано было для публики до 1-го января только объявленіе о преміи за открытіе средствъ противъ падежа, да слухи мѣстной газеты о томъ, какъ при чтеніи доклада одной изъ коммиссій, предсѣдатель управы и три ея члена вышли изъ залы, отказавшись отъ своей обязанности и лишивъ себя тѣмъ права быть гласными: но почему все это — осталось необъясненнымъ. Изъ другихъ губерній отчеты о засѣданіяхъ бываютъ иногда до того кратки, что смотря на нихъ удивляешься даже, для чего и для кого они печатаются. Кому могутъ служить въ пользу подобные, напримѣръ, журналы Воронежскаго губернскаго собранія: «По заявленію о необходимости ходатайствовать объ обложеніи земскимъ сборомъ Шиповой корабельной рощи, *опредѣлено:* подобное ходатайство не оправдывается настоятельною необходимостью», — или: «По заявленію объ измѣненіи уставовъ банка г. Орѣшкова и кн. Мещерскаго, *опредѣлено:* отказать», и т. п. А между тѣмъ, нужно ли и говорить, до какой степени всякія подробности въ дѣлѣ земства важны и интересны для самого земства?

Но и подробные отчеты не даютъ намъ возможности дѣлать общіе выводы. Мы видимъ, напримѣръ, что въ Тамбовской губерніи признано удобнымъ перевести натуральную повинность на денежную, и крестьяне, вслѣдствіе этого, облегчены на половину, т. е. вмѣсто 45 к. съ души, платятъ только 22 к.; а въ Харьковской губерніи, какъ извѣстно читателямъ «Москвы», самая мысль о переложеніи повинностей преслѣдуется большинствомъ собранія, какъ ересь, съ какимъ-то ожесточеніемъ. Отчего, при однихъ и тѣхъ же экономическихъ условіяхъ, такая рознь въ воззрѣніяхъ и результатахъ,—намъ неизвѣстно, но нельзя, кажется, ни здѣсь, ни тамъ дѣлать заключенія о большемъ или меньшемъ уровнѣ зрѣлости мысли и, напротивъ, едвали не слѣдуетъ предположить здѣсь случайность личныхъ вліяній. Далѣе. Мы читаемъ, напримѣръ, что гдѣ-нибудь, положимъ въ Ярославлѣ, по поводу циркуляра министра государственныхъ имуществъ (о томъ, что вызванный добровольнымъ пожертвованіемъ сборъ, хотя бы и на полезное, но не составляющее существенной необходимости предпріятіе, не можетъ относиться до принадлежащихъ казнѣ имуществъ), земство записываетъ въ свои протоколы слѣдующее: «министръ государственныхъ имуществъ напрасно въ отношеніи къ земству принимаетъ на себя права, предоставленныя Положеніемъ только закону и законодательной власти, которая ему по существующимъ узаконеніямъ не ввѣрена: оставить циркуляръ министра безъ послѣдствій». Мы готовы порадоваться, что земство такъ ревниво отстаиваетъ права самоуправленія, но вотъ то же самое земство, въ другой губерніи, ходатайствуетъ объ отмѣнѣ ст. 46 Положенія, которою законъ ограждалъ самоуправленіе сельскихъ обществъ относительно завѣдыванія и распоряженія принадлежащими имъ хлѣбными запасами.... Мы утѣшались толками о сокращеніи расходовъ на жалованье членамъ управъ, но мы и здѣсь не въ правѣ искать тѣхъ несомнѣнныхъ признаковъ, о которыхъ мы говорили. Мы узнаемъ, напримѣръ, что въ Тверской губерніи, по случаю этихъ толковъ, одинъ изъ членовъ управы, представитель крестьянства, обѣщалъ при вступленіи въ должность, двѣ трети своего содержанія (составлявшаго 1800 руб. въ годъ) на народное образованіе, и вмѣсто того выстроилъ въ своемъ селѣ *кабакъ*, съ тѣмъ однакожь, чтобъ доходы съ него шли въ пользу *церкви*! Въ то же время на югѣ, какъ пишетъ «Николаевскій Вѣстникъ», останавливаемые на *земскихъ* мостахъ проѣзжіе въ дормезахъ помѣщики не платятъ положеннаго таксою копѣечнаго сбора, угрожая служителямъ при заставахъ жаловаться одесскому начальству, стращая казенною надобностію или не платя подъ тѣмъ предлогомъ, что такса никѣмъ не подписана, между тѣмъ какъ тотъ же копѣечный сборъ исправно выплачивается «тянущимися вереницею крестьянами», съ которыми сторожу легче расправиться, чѣмъ съ разными благородными или богатыми членами земства.... Вполнѣ сочувствуя земскимъ учрежденіямъ, отъ души желая имъ успѣха и ожидая практическаго разрѣшенія практическихъ вопросовъ, какъ и подобаетъ зрѣлому обществу, мы, рядомъ съ довольно дѣльными предложеніями, читаемъ, напримѣръ, предложеніе объ учрежденіи училищъ на 100 т. р., когда въ кассѣ ихъ всего 5 т.; предложеніе о замѣнѣ въ школахъ священниковъ учительницами, которыхъ еще надо создать, или распоряженіе Харьковскаго губернскаго собранія «о назначеніи преміи за изданіе полезной книги для чтенія простаго народа». Любопытно, что въ томъ же самомъ засѣданіи это собраніе отказываетъ въ пособіи крестьянскому обществу, потерпѣвшему отъ неурожая, хотя объ этомъ представляетъ собранію мѣстная уѣздная управа!.. Въ Воронежѣ дѣлается предложеніе не о какомъ-либо мѣстномъ денежномъ затрудненіи,—это мелочь, но о вопросахъ поважнѣе, повыше, чт҃о, разумѣется, и остается безъ результата. Именно предложено было: «дозволить облагать двойнымъ сборомъ, въ пользу земства, имущества лицъ, проживающихъ за границей, въ виду значительнаго перевода сими лицами звонкой монеты въ другія государства, чт҃о вліяетъ *на колебаніе нашего вексельнаго курса»*, и т. д. Мы даже не можемъ, по отсутствію положительныхъ данныхъ, узнать настоящее отношеніе земства и къ указу 21 ноября, о которомъ теперь такъ много и горячо толкуютъ, между тѣмъ какъ гдѣ-нибудь въ тиши, въ Ветлугѣ, еще до изданія указа, вслѣдствіе сильнаго протеста двухъ гласныхъ изъ купцовъ противъ смѣты уѣзднаго собранія, опредѣлившей налогъ съ чистаго дохода, получаемаго съ торговли, съ заводовъ, складовъ, погребовъ и пр.,—собраніе, согласившись съ ними и по ихъ указанію, нѣкоторые назначенные имъ налоги отмѣнило, другіе понизило, а другіе усилило, признавая за представителями торговли право особенной компетентности сужденія въ этомъ случаѣ....

Предоставляемъ самимъ читателямъ выводить заключенія, на основаніи этихъ данныхъ, о зрѣлости или незрѣлости нашего общества. Мы съ своей стороны, считаемъ эти данныя совершенно недостаточными и отказываемся дѣлать выводы ни въ пользу; ни противъ зрѣлости, полагая, что хотя бы и не было достаточной зрѣлости, то она могла бы явиться съ годами и съ опытомъ, если только будетъ серьезное отношеніе къ дѣлу и если, разумѣется, самое дѣло не будетъ встрѣчать никакихъ насильственныхъ помѣхъ извнѣ. Итакъ, не думая разрушать ничьего самообольщенія, мы позволимъ себѣ, вопервыхъ, выразить желаніе, чтобы земство ради своей же выгоды озаботилось доказать пользу своей дѣятельности статистическими данными, которыхъ теперь недостаетъ; и вовторыхъ, изъ всѣхъ нами приведенныхъ примѣровъ вывести слѣдующую не хитрую и не сложную мораль:

Если земство дорожитъ самоуправленіемъ, то членамъ земства не слѣдуетъ уклоняться отъ участія въ самоуправленіи, или по крайней мѣрѣ отъ посѣщенія земскихъ собраній...

Необходимость большей гласности для земскаго дѣла.

«Москва» 1-го февраля 1867 г.

«Худая молва бѣжитъ, а добрая лежитъ», говоритъ пословица,—скажемъ и мы въ дополненіе къ нашей статьѣ 23-го № о дѣятельности земскихъ учрежденій. Вотъ эту-то добрую молву мы и желали бы поднять во всеобщее назиданіе, для того чтобы всѣмъ было видимо, какая собственно дѣятельность способна идти въ прокъ русской жизни. Не мало у насъ благихъ затѣй, но именно *проку* и недостаетъ, большею частью, нашимъ начинаніямъ и нашему дѣланью. Проку, проку намъ нужно! Мы уже устали отъ болтовни и фразы; намъ уже надоѣло рисоваться въ той или другой позѣ; намъ уже опротивѣли ходули, на которыя то и дѣло взлѣзаетъ русская общественная и оффиціальная жизнь. Пора уже намъ не обзываться «царствомъ парадовъ и фасадовъ», какъ величалъ насмѣшливо Россію одинъ изъ иностранныхъ путешественниковъ; пора намъ перестать *казаться* и *казать себя;* пора рѣшиться *жить* настоящею, дѣйствительною, своею жизнью, и осмѣлиться быть тѣмъ, что̀ мы есть, а не тѣмъ, чѣмъ мы воображаемъ быть, или чѣмъ желали бы быть, повинуясь непрерывно мѣняющимся, по прихоти умственной моды, теоретическимъ воззрѣніямъ. Самое трагическое въ русской жизни заключается именно въ томъ, что мы постоянно сочиняемъ себѣ наше существованіе, навязываемъ себѣ ту или другую форму бытія и красуемся въ чужихъ перьяхъ. Отъ того-то такъ и мало у насъ *дѣла;* отъ того-то такъ и мало проку отъ нашего дѣланья. Не можетъ быть проку тамъ, гдѣ много лжи; прокъ дается только правдою жизни,—только правда идетъ въ прокъ. Поэтому всего менѣе прочно у насъ то общественное дѣланіе, которое совершается въ средѣ высшихъ образованныхъ классовъ, живущихъ болѣе или менѣе жизнью призрачною, заемною, отвлеченною. Мы называемъ эту жизнь отвлеченною въ томъ смыслѣ, что она отрѣшена отъ общей народной жизни, лишена разумѣнія дѣйствительности и чужда народныхъ началъ, которыя между тѣмъ, говоря языкомъ этихъ классовъ, суть единственные факторы всякаго истиннаго національнаго развитія. Наша общественная жизнь, кромѣ извѣстныхъ историческихъ мгновеній, похожа на театральное представленіе, совершающееся на подмосткахъ, и отношеніе общества къ жизни похоже на отношеніе публики и актеровъ къ представленію. Мы или сами играемъ въ той или другой роли, или любуемся чужимъ исполненіемъ роли. Именно роль, а не что̀ другое: какое бы ни было наше оффиціальное званіе и положеніе, кромѣ особенныхъ случаевъ, мы постоянно раздвояемся на критиковъ и исполнителей, мы постоянно относимся иронически къ собственной нашей общественной дѣятельности: намъ недостаетъ полной въ нее вѣры. Есть всегда значительная доля насъ самихъ, остающаяся внѣ нашего оффиціальнаго дѣланія; и такъ какъ невозможно безъ крайняго утомленія долго выдерживать какую бы то ни было роль, то мы и не выдерживаемъ никакой долгой общественной дѣятельности. Нося то или другое званіе, мы втайнѣ мечтаемъ о томъ, когда мы воротимся *домой къ себѣ*, во-свояси, и скинувъ мундиръ или костюмъ, останемся сами съ собою.... Было бы слишкомъ долго исчислять всѣ историческія причины такого положенія дѣлъ,—причины, конечно, насъ отчасти оправдывающія. Но историческое оправданіе все же не можетъ избавить насъ и отъ личной отвѣтственности....

Не признакъ ли незрѣлости—самые толки о нашей зрѣлости? Не гораздо ли опаснѣе для насъ лесть и похвала публицистовъ, вздувающая наше самолюбіе и напыщающая насъ самонадѣянностью, чѣмъ горькое слово укора? Не явное ли доказательство нашей внутренней несостоятельности самый гнѣвъ, возбуждаемый обличеніемъ? Стòитъ только выразить сомнѣніе въ пышныхъ и блестящихъ итогахъ, подводимыхъ подъ нашу общественную дѣятельность; стòитъ только недовѣрчиво отнестись къ шумихѣ и трескотнѣ фразъ, дающихъ намъ видъ людей совсѣмъ спѣлыхъ и серьезныхъ,—какъ сейчасъ же общество, какъ бы уязвленное въ больное мѣсто, готово разразиться бранью и упреками чуть не въ недостаткѣ патріотизма,—слово же это въ такой модѣ! Наша статья въ № 23 «Москвы» непремѣнно воздвигнетъ на письменную прю нѣкоторыхъ представителей нашего общества, привыкшихъ самоуслаждаться созерцаніемъ себя самихъ въ той или другой роли общественнаго дѣятеля. Они не хотятъ видѣть въ нашей статьѣ несравненно бòльшаго сочувствія къ земскому дѣлу, чѣмъ во всѣхъ киксенахъ и расшаркиваніяхъ, на которые такъ тароваты иные писатели; они не хотятъ понять, что наши отзывы, полные горькой ироніи и прямаго упрека, выражаютъ только строгій запросъ на серьезность труда и отношенія къ дѣлу отъ членовъ земства. Намъ нужно дѣло и дѣло, намъ нужна дѣльность въ дѣлателяхъ, намъ нуженъ толкъ и прокъ отъ общественной дѣятельности. Еще ли глаза, уши и сердце не наболѣли у насъ отъ этихъ парадовъ, казенныхъ и общественныхъ, этихъ представленій, этихъ фразъ, этихъ ходулей, этой лжи и нравственной пустоты въ нашемъ служеніи дѣлу, жизни, народу! Не аплодисментами, а свистками должны бы мы встрѣчать теперь всякую театральность въ общественномъ дѣлѣ, всякое желаніе повеличаться и покрасоваться, всякое посягательство на здравый смыслъ народный. Повторяемъ: чего намъ нужно теперь—это правды, толка и прока, хоть въ какомъ бы ни было микроскопическомъ общественномъ дѣлѣ, и отъ этой малой доли мы будемъ ожидать несравненно болѣе богатыхъ и могучихъ результатовъ для нашего гражданскаго развитія, во всѣхъ смыслахъ и отношеніяхъ, чѣмъ отъ величавыхъ затѣй, обличающихъ пустоту, тщеславіе и претензію только *казаться* и *себя казать*...

«Худая молва бѣжитъ, а добрая лежитъ». Этими словами начали мы нашу статью и возвращаемся къ нимъ снова. Мы хотѣли сказать, примѣняя эти слова къ дѣятельности земства, что многое, истинно отрадное, остается мало извѣстнымъ, и что ради этого-то отраднаго, вполнѣ скромнаго на видъ и не предъявляющаго никакихъ притязаній на удивленіе Европы и похвалу европейскихъ публицистовъ,—ради этого только и можно ожидать, что земскія учрежденія способны пойти въ прокъ нашей общественной жизни. Въ этомъ отношеніи недостатокъ статистическихъ данныхъ, на который мы жаловались въ 23 № нашей газеты, приноситъ положительный вредъ. Наше земство не знаетъ о земствѣ, т. е. наши земскія собранія и управы не знаютъ о дѣятельности другъ друга, не поучаются другъ у друга и не соглашаются другъ съ другомъ въ тѣхъ общихъ мѣрахъ, которыя имѣютъ примѣненіе ко всѣмъ или многимъ мѣстностямъ Россіи. Если дѣятельность земства, по какимъ бы то ни было причинамъ, по собственной ли винѣ или по винѣ обстоятельствъ, и не даетъ теперь особенно полезныхъ или важныхъ результатовъ, то педагогическое значеніе этихъ учрежденій для общества, въ настоящее время, не подлежитъ сомнѣнію. Они имѣютъ огромное вліяніе на общественное развитіе; общество воспитывается ими. Но для успѣховъ этого воспитанія и нужно было бы, чтобъ общество могло ясно видѣть свое отраженіе въ этой дѣятельности, какъ въ зеркалѣ, и познать само себя, т. е. свои недостатки и пороки и то доброе, которое подлежитъ непрестанному воздѣлыванію,—познать то что̀ даетъ пустоцвѣтъ и что̀ приноситъ плодъ и идетъ въ прокъ.

Мы хотимъ, насколько это возможно, пополнить пробѣлъ въ нашемъ общественномъ вѣдѣніи о дѣятельности земства. Мы рѣшаемся въ нашемъ «отдѣлѣ внутренней жизни» (какъ названъ онъ въ программѣ) отвести постоянное мѣсто, подъ названіемъ «земскаго отдѣла», не стѣсняясь и объемомъ, для сообщенія извѣстій о ходѣ земскаго дѣла во всей Россіи и для свода всѣхъ статистическихъ о немъ данныхъ. Съ этою цѣлью мы обращаемся съ просьбою ко всѣмъ губернскимъ предводителямъ дворянства, какъ предсѣдателямъ губернскихъ собраній, ко всѣмъ управамъ губернскимъ и уѣзднымъ: присылать къ намъ всѣ печатные протоколы и журналы засѣданій, отчеты, вѣдомости и документы,—а также и не печатные, въ копіяхъ (мы охотно примемъ переписку на нашъ счетъ). При такомъ содѣйствіи мы можемъ сдѣлать нашу газету центральнымъ органомъ русскаго земства, отдавая въ ней отчетъ о всѣхъ собраніяхъ и представляя постоянно сравнительные выводы результатовъ земской дѣятельности во всѣхъ мѣстностяхъ Россіи. Тщательнымъ исполненіемъ этой задачи мы послужимъ дѣлу земства и объединенію его областной дѣятельности несравненно болѣе, чѣмъ отрывочными сообщеніями извѣстій и корреспонденцій, болѣе или менѣе пристрастныхъ, о томъ или другомъ мѣстномъ земствѣ, или голословными восхваленіями нашей политической зрѣлости. Займемся покуда этою подготовительною работой,—и если земство въ Россіи не пустое слово, не вздорный фактъ, если оно дорожитъ само собою и своимъ будущимъ развитіемъ, пусть поможетъ оно намъ своимъ содѣйствіемъ въ нашей трудной задачѣ. Мы хотимъ отнестись къ ней со всевозможною серьезностью и добросовѣстностью... Мы надѣемся, что наше земство также серьезно и добросовѣстно отнесется къ нашему призыву. Нужно ли еще объяснять ему важность такой задачи, при исполненіи которой сосредоточенныя свѣдѣнія объ областныхъ земствахъ представятъ общую картину дѣятельности всего русскаго земства?..

Отчего убавляется число гласныхъ въ земскихъ собраніяхъ?

«Москва», 18-го октября 1867 г.

Недавно, по поводу обычныхъ глумленій надъ слабостью русскихъ общественныхъ силъ, надъ нашею несостоятельностью въ каждомъ общественномъ дѣлѣ, надъ нашимъ равнодушіемъ къ народнымъ и государственнымъ интересамъ,—мы указывали на легкомысліе и во всякомъ случаѣ на преждевременность подобныхъ приговоровъ. Мы предлагали глумящимся (а надобно сказать, что эти глумленія истекаютъ по преимуществу изъ петербургскихъ, высшихъ, не лишенныхъ вліянія сферъ), воздержась отъ опрометчивыхъ тяжкихъ осужденій, взвѣсить предварительно: каковы тѣ внѣшнія условія, въ которыя поставлено русское общество, вполнѣ ли благопріятны они для развитія общественной дѣятельности, и нѣтъ ли въ каждомъ данномъ случаѣ особыхъ причинъ, ослабляющихъ добрые порывы, расхолаживающихъ ревность къ общему благу и располагающихъ общество къ апатіи и равнодушію. Мы показали тогда въ общихъ чертахъ, что изъ самыхъ сферъ глумленія исходятъ существенныя препятствія для преуспѣянія нашихъ общественныхъ предпріятій и установленій, — а теперь постараемся провѣрить нашу мысль въ частности, въ спеціальномъ вопросѣ о равнодушіи къ земскимъ учрежденіямъ.

«Русскій человѣкъ не способенъ къ постоянному усидчивому занятію, особенно къ упорному служенію не личнымъ, а общественнымъ интересамъ. Вотъ отчего земскія учрежденія,—на которыя возлагали такъ много надеждъ, къ которымъ вначалѣ все общество отнеслось съ такимъ горячимъ участіемъ, — видимо, плохо развиваются, перестаютъ возбуждать сочувствіе, гласные не ѣздятъ въ собранія и дѣло быстро дошло до періода если не упадка, то застоя. Вотъ вамъ и самоуправленіе, вотъ вамъ и пользованіе правомъ, котораго такъ добивались!» Подобные толки слышатся чаще и чаще, и выдаются чуть ли не за аксіому. Газета «Вѣсть», разумѣется, поясняетъ это равнодушіе по-своему: во всемъ виноватъ демократическій составъ земскихъ собраній; подпустите туда поболѣе аристократическихъ началъ, и дѣло мгновенно поправится. Это послѣднее убѣжденіе, — сколько мы знаемъ,—начинаетъ уже завоевывать себѣ почву въ столичномъ городѣ Петербургѣ, и для приведенія его въ дѣйствіе ведется изподтишка искусная, скрытая интрига. Но газета «Вѣсть» забываетъ только одно: были у насъ образцы чисто-дворянскихъ собраній, гдѣ былъ полный просторъ вліянію крупно-землевладѣльческаго или аристократическаго элемента, — а каковы они были? Можно ли помянуть ихъ добромъ? Каковы были люди, которыхъ они выбирали въ судьи и прочія званія? А между тѣмъ эти собранія едвали могутъ, въ извиненіе свое, сослаться на неблагопріятныя условія... Совѣтуемъ «Вѣсти» заняться лучше всего составленіемъ исторіи русскихъ дворянскихъ учрежденій и дворянской дѣятельности со времени дарованія грамоты Екатериной II-й...

Нельзя однако не признать, что дѣйствительно случаи непосѣщенія гласными земскихъ собраній стали встрѣчаться чаще прежняго: въ первое время открытія дѣйствій земства, не являлись въ собранія только тѣ немногіе изъ гласныхъ, которые въ самомъ дѣлѣ почему-либо не имѣли возможности явиться; теперь же не являются многіе, и притомъ безъ всякихъ видимыхъ, основательныхъ поводовъ. Судя по этому несомнѣнному факту, должно, казалось бы, согласиться, что и въ правду гласные охладѣли къ своему дѣлу, что ихъ заѣдаетъ русская лѣнь и апатія!... Но такое крупное обвиненіе не будетъ ли уже слишкомъ голословно, если нѣтъ за нимъ положительныхъ, фактическихъ же доказательствъ? И не слѣдуетъ ли напередъ поискать такихъ доказательствъ?

Неявка гласныхъ останавливала на себѣ вниманіе земскихъ собраній. Нѣкоторыя изъ нихъ учреждали даже комитеты для выясненія причинъ такого, своего рода «абсентеизма», Нѣтъ сомнѣнія, что подобные комитеты, составляемые изъ земскихъ же гласныхъ, могутъ быть признаны въ этомъ дѣлѣ судьями довольно компетентными.... Возьмемъ же для образца на удачу хоть тѣ результаты, къ которымъ пришла коммиссія, назначенная отъ Херсонскаго земства.

Прежде всего скажемъ, что коммиссія прямо и откровенно признала за фактъ — возрастающее равнодушіе къ земскому дѣлу. Не объясняя этого равнодушія ни племеннымъ свойствомъ русскаго человѣка, ни чрезъ мѣру демократическимъ составомъ земскихъ собраній, — коммиссія отнеслась къ дѣлу болѣе серьезно и съ болѣе практической стороны. Она указала три главныя причины прискорбнаго явленія — экономическую, юридическую и нравственную. Первая изъ нихъ—чисто мѣстнаго свойства, а двѣ другія, болѣе или менѣе, общи всѣмъ земствамъ. Поэтому мы и остановимся прежде всего на послѣднихъ, передавая,—повторяемъ,—не свои мнѣнія, а мнѣнія людей практики и дѣла, людей мѣста, которыхъ конечно нельзя заподозрить ни въ идеализмѣ, ни въ доктринерствѣ....

Юридическая сторона вопроса, по глубокому убѣжденію коммиссіи, заключается въ томъ, что земскія учрежденія лишены права назначать денежныя пособія гласнымъ на поѣздку и прожитіе во время съѣздовъ. Коммиссія замѣтила при этомъ, что, по позднѣйшему закону, дозволено гласнымъ получать пособіе отъ того сословія, къ которому они принадлежатъ; но и это дозволеніе не всегда примѣнимо на практикѣ: часто купецъ избирается гласнымъ не отъ купеческаго сословія, а отъ другаго; понятно, что купечество не назначитъ ему въ такомъ случаѣ никакого пособія, ибо онъ служитъ представителемъ не его интересовъ. Кромѣ того, недостаточные гласные въ большинствѣ случаевъ принадлежатъ къ недостаточнымъ же и обществамъ, которыя не имѣютъ даже и средствъ оказывать имъ пособія. Въ самомъ дѣлѣ, есть губерніи, гдѣ гласному, чтобъ явиться въ губернское земское собраніе, приходится ѣхать 500 и даже болѣе верстъ, а пріѣхавши—проживаться въ чужомъ ему городѣ! Приходится иногда ѣхать въ самую страдную или такую пору, отъ которой зависитъ благосостояніе его семьи въ теченіи цѣлаго года. При такихъ условіяхъ избраніе въ гласные, при всемъ сочувствіи къ дарованному праву самоуправленія, легко можетъ обратиться въ повинность и употребляться какъ наказаніе!... Результатомъ закона, воспрещающаго давать пособіе изъ земскихъ суммъ, является то, что небогатые гласные, т. е. большинство ихъ, не являются въ собранія; съѣзжаются только люди богатые, и отъ того, весьма часто, собранія получаютъ характеръ слишкомъ сословный и перестаютъ быть земскими, въ полномъ значеніи этого слова. Справедливость этихъ замѣчаній херсонской коммиссіи подтверждается замѣчаніями, высказанными во многихъ другихъ собраніяхъ; почти нѣтъ собранія, которое бы не заявило себя въ пользу назначенія пособія болѣе бѣднымъ гласнымъ; во многихъ губерніяхъ отдѣльныя сословія назначаютъ суммы избраннымъ ими, при всей бѣдности собственныхъ средствъ. Такъ недавно еще мы читали въ «Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» жалобу мѣстнаго духовенства, изъ которой видно, какою тяжестью ложится на него это пособіе. Нельзя также не вспомнить при этомъ, что многіе изъ сторонниковъ безмезднаго служенія общественнымъ интересамъ потребовали себѣ вознагражденія, какъ только на нихъ упало избраніе въ званіе члена или предсѣдателя управы; не всегда, видно, то, что хорошо въ теоріи, вяжется съ практикой. Впрочемъ и въ этомъ случаѣ, какъ во многихъ другихъ, преданность теоріи безмезднаго служенія нерѣдко есть только маска, за которою скрывается желаніе дать перевѣсъ въ собраніяхъ одному сословному элементу, менѣе всего нуждающемуся въ пособіи и не всегда представляющему достаточныя обезпеченія для интересовъ *прочихъ* сословій... Такимъ образомъ этотъ законъ, не вызванный потребностію земской жизни, убиваетъ ростъ земства, становится главнымъ препятствіемъ справедливому привлеченію къ земскому дѣлу бо́льшаго числа людей и можетъ послужить поводомъ къ обращенію земскихъ собраній въ сословные съѣзды.

Далѣе коммиссія остановилась на томъ нравственномъ интересѣ, какой способно возбуждать въ земствѣ земское дѣло при существующей его обстановкѣ. Обрисовавъ это положеніе въ своей губерніи, коммиссія очертила картину, въ которой, надо сознаться, можетъ узнать себя не одно Херсонское земство... Сказавъ, какъ въ первое время открытія земскихъ собраній были они многолюдны, какъ много общаго вниманія привлекали они къ себѣ,—коммиссія продолжаетъ: «Съ тѣхъ поръ прошло три года. Одни за другими послѣдовали новыя узаконенія; положеніе земскаго дѣла выяснилось, и у земства *явилось* желаніе—не расширять уже, а по возможности стараться о сохраненіи данныхъ правъ. Уѣздныя и губернскія управы стали чаще и чаще докладывать собраніямъ, что на такое-то представленіе, на такое-то ходатайство, вызванное настоятельными потребностями земской жизни, отвѣта не получено. Достаточно указать на то, что изъ числа прошлогоднихъ ходатайствъ и представленій отвѣты получены только на 17, а по 19 не получено никакого увѣдомленія». Коммиссія добавила при этомъ, что она *не входитъ въ разборъ того, какъ разрѣшены эти 17 представленій*... Фраза знаменательная Повторяемъ, что все сказанное можетъ вполнѣ примѣниться если не ко всѣмъ, то къ большей части земскихъ собраній: въ газетѣ нашей часто, къ сожалѣнію слишкомъ часто, появлялись извѣстія о неполученіи отвѣтовъ на представленія земства по прошествіи уже нѣсколькихъ лѣтъ. Обстоятельство это не новое; оно хорошо всѣмъ извѣстно. Если же таково положеніе дѣла, что оно видимо обращается въ толченіе воды, то спрашиваемъ, можно ли сваливать всю вину непосѣщенія собраній и проявляющагося равнодушія къ земству—на неспособность общества къ самоуправленію, на племенную апатію?!

Третья причина—мѣстная и заключается, по мнѣнію коммиссіи, въ неудобномъ назначеніи города Херсона средоточіемъ для съѣзда: Херсонъ не централенъ, жизнь въ немъ дорога, неудобна. Много условій заставило обратить вниманіе на Одессу, какъ на мѣсто, представляющее всѣ удобства для съѣздовъ.

Вотъ главныя мысли, выраженныя въ докладѣ херсонской коммиссіи. Прежде чѣмъ сообщать результатъ обсужденія этихъ мыслей въ земскомъ собраніи, мы считаемъ не лишнимъ замѣтить, что коммиссія, высказавъ много истинъ, съ которыми нельзя не согласиться, упустила однако, по нашему мнѣнію, изъ виду еще два обстоятельства, не лишенныя значенія и вѣроятно не мало способствовавшія безучастію къ земскому дѣлу. Мы тоже напомнимъ читателямъ первое время существованія земскихъ собраній, когда они приковывали къ себѣ общее вниманіе, когда отъ доски до доски прочитывались отчеты о засѣданіяхъ, когда интересовало каждое слово, на нихъ сказанное: тогда, въ ту пору, стало до очевидности ясно, что въ гласности, и именно въ гласности, заключается самое необходимое условіе для развитія и успѣха самоуправленія,—и самое могучее средство къ воспитанію, образованію и подготовкѣ людей. Но не успѣла эта гласность привиться къ новому дѣлу, какъ была съужена и поставлена въ полную зависимость отъ мѣстной администраціи,—прежде даже чѣмъ успѣли установиться правильнымъ образомъ отношенія этой послѣдней къ земству... Между тѣмъ, при отсутствіи полной гласности, при безотчетности предъ обществомъ дѣйствій и рѣчей лицъ участвующихъ въ засѣданіяхъ, не можетъ быть и взаимнаго довѣрія между избирателями и избранными, не можетъ быть и живаго участія къ дѣлу.

Далѣе, наконецъ херсонская коммиссія напрасно, кажется намъ, обошла молчаніемъ не очень давно установленныя отношенія предсѣдателя земскаго собранія къ членамъ того же собранія. Для того, кто близко знакомъ съ этимъ дополнительнымъ узаконеніемъ, не представляется сомнѣнія, что ежели не вездѣ, то во многихъ земствахъ, эти отношенія членовъ къ своему предсѣдателю, обширныя права предоставленныя послѣднему и ограниченіе правъ первыхъ—способны обращать земство въ послушное орудіе мѣстной администраціи,—чему бывали примѣры въ самой Херсонской губерніи... Это также не можетъ слишкомъ сильно располагать гласныхъ къ усердному посѣщенію земскихъ собраній...

Раздѣляя мнѣніе своей коммиссіи и въ виду той опасности, которая грозитъ земству, Херсонское земское собраніе признало нужнымъ ходатайствовать: 1) объ отмѣнѣ закона, воспрещающаго назначеніе земскимъ гласнымъ пособій на путевыя издержки; 2) объ указаніи того именно высшаго правительственнаго мѣста, къ которому должны восходить на окончательное разрѣшеніе всѣ ходатайства земства, и 3) о переводѣ въ г. Одессу херсонскихъ губернскихъ земскаго собранія и управы.

Въ 214-мъ № «Одесскаго Вѣстника» мы читаемъ, что «нынѣ г. министръ внутреннихъ дѣлъ, по разсмотрѣніи этого ходатайства, призналъ его по всѣмъ тремъ пунктамъ не подлежащимъ удовлетворенію»...

Откуда малоуспѣшность нашего земскаго самоуправленія?

«Москвичъ», 12-го января 1868 г.

Читатели «Москвича» конечно не оставили безъ вниманія странныхъ приключеній Екатеринославскаго земскаго собранія въ прошломъ ноябрѣ мѣсяцѣ (извѣстіе о которыхъ помѣщено въ 10 № нашей газеты), и не менѣе страннаго, тамъ же разсказаннаго, поведенія чрезвычайнаго Тамбовскаго губернскаго земскаго собранія, которое происходило, правда, еще въ мартѣ 1867 года, но о которомъ подробныя свѣдѣнія разгласились по Россіи только недавно. Екатеринославу привелось явить міру случай рѣдкій, едвали не единственный въ лѣтописяхъ какого бы то ни было правильно организованнаго общественнаго управленія: собраніе, черезъ нѣсколько дней по открытіи, по выраженію корреспондента, «расплылось», не закрытое какъ слѣдуетъ; губернская управа, оскорбленная придирчивыми нападками, подала въ отставку; новая, избранная собраніемъ, не утверждена; объ увольненіи старой не подписанъ протоколъ; множество важныхъ неотложныхъ вопросовъ осталось нерѣшенными... Тамбовъ представилъ намъ картину земскаго собранія, превращеннаго изъ всесословнаго въ сословное, по идеалу газеты «Вѣсть» и усердіемъ ея сотрудниковъ и сподвижниковъ. Составленное почти исключительно изъ помѣстнаго дворянства, собраніе, между прочимъ, проявило особенную энергію въ отношеніи къ депутату отъ крестьянъ, члену губернской управы, г. Шишкину, и одушевляемое г. Григоріемъ Бланкомъ съ товарищами, устранило его отъ должности, безъ суда и слѣдствія и безъ всякаго основанія, по поводу найденныхъ будто бы неисправностей въ счетахъ, тогда какъ виновника этихъ неисправностей (по увѣренію корреспондентовъ), члена управы, подавшаго было въ отставку, собраніе упросило остаться. Но этотъ послѣдній былъ генералъ,—а вся цѣль расточенной тамбовскимъ дворянствомъ энергіи заключалась въ изгнаніи изъ управы члена отъ крестьянскаго сословія. Какъ и слѣдовало ожидать отъ *подобнаго* собранія, были произнесены хорошія рѣчи о безвозмездности служенія обществу, результатомъ которыхъ было назначеніе высокаго оклада жалованья краснорѣчивому оратору, г. Петру Бланку, избранному въ новые предсѣдатели губернской управы.

Мы не будемъ вдаваться въ дальнѣйшія подробности сихъ тамбовскихъ и екатеринославскихъ земскихъ дѣяній; мы только примемъ указанные нами факты въ соображеніе, вмѣстѣ со множествомъ другихъ, болѣе или менѣе схожихъ, представляемыхъ практикою иныхъ губерній; мы припомнимъ кстати явленіе, ставшее уже обычнымъ, уже никого не удивляющее, именно то, что изъ полнаго комплекта гласныхъ едвали гдѣ съѣзжается въ земское губернское собраніе болѣе одной трети; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ засѣданія не могли состояться за неявкою необходимаго числа членовъ, а въ другихъ предсѣдатель собранія вынужденъ бываетъ добывать земскихъ гласныхъ, находящихся въ губернскомъ городѣ, по клубамъ и трактирамъ, и такъ сказать загонять ихъ въ залу собранія, дабы имѣть узаконенное для засѣданія число голосовъ... Насъ интересуетъ не столько это явленіе, сколько вопросъ: кто въ немъ виноватъ? Вина ли это самой организаціи земскихъ учрежденій, на которую мы и слышимъ и читаемъ такія жестокія нападки, или же чего-то другаго?

Было бы, конечно, утѣшительнѣе для насъ—свалить всю вину на организацію; не только утѣшительно, но и удобно. Но, вникая пристальнѣе, мы хотя и не можемъ не признать за самою организаціей многихъ недостатковъ, однако же, по совѣсти, не можемъ усмотрѣть въ нихъ не только оправданія, но даже и объясненія описанныхъ нами явленій. Между тѣмъ, малоуспѣшность, въ общемъ итогѣ, дѣятельности нашего земскаго самоуправленія заставляетъ людей, мало знакомыхъ съ русскою жизнью, дѣлать мнимо-логическую посылку къ недостаткамъ самой организаціи,—а отсюда выводъ прямой: необходимость преобразованія этого новаго института. Объ этомъ преобразованіи всѣхъ болѣе, постояннѣе и энергичнѣе вопіетъ петербургская газета «Вѣсть»—нарицательное имя цѣлаго особаго направленія, ратоборствующаго за начало крупной собственности и политической привилегированности высшаго сословія, подраздѣляемаго на крупноземлевладѣльческую аристократію и на прочее помѣстное дворянство. Газета «Вѣсть», нападая съ ожесточеніемъ на всесословный характеръ русскаго земства, на участіе въ земскихъ собраніяхъ гласныхъ крестьянъ, называетъ Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ прямымъ отраженіемъ революціонныхъ идей 1789 года вообще и соціалистическаго, вкупѣ съ коммунистическимъ, ученія французской революціи 1848 года въ особенности. Она не перестаетъ грозить Россіи тѣми же самыми послѣдствіями, къ какимъ привели эти ученія Францію. Всѣ эти испуганные вопли «Вѣсти» и петербургскаго кружка ея покровителей, всѣ эти враждебные возгласы, смѣшиваясь вмѣстѣ съ говоромъ молвы о несостоятельности земскаго самоуправленія въ той или другой мѣстности, о разныхъ безобразныхъ происшествіяхъ въ средѣ того или другаго земскаго собранія,—могутъ, дѣйствительно, поднимаясь вверхъ, слиться въ какой-то общій гулъ, непріязненный земскимъ учрежденіямъ и который легко припять, пожалуй, за выраженіе общественнаго мнѣнія. Въ виду же такого общественнаго мнѣнія, не трудно придти къ убѣжденію въ необходимости преобразовать Положеніе, а какъ преобразовать его — на это готовая программа имѣется только у газеты «Вѣсть» и ея единомышленниковъ недовольство прочихъ недовольныхъ не высказалось до сихъ поръ ни въ какой положительной формулѣ. Между тѣмъ слѣдуетъ только сличить обвиненія и программу преобразованій «Вѣсти» съ настоящей практикой земскихъ учрежденій и съ случаями, подающими поводъ къ невыгоднымъ заключеніямъ о земскомъ самоуправленіи,—случаями въ родѣ тѣхъ, которые разсказаны нами выше,—чтобъ удостовѣриться, до какой степени программа «Вѣсти» идетъ врозь съ дѣйствительностью. Въ самомъ дѣлѣ, не было ли Тамбовское земское собраніе составлено почти исключительно изъ помѣстнаго дворянства, даже съ участіемъ крупныхъ собственниковъ? Не единомышленники ли «Вѣсти» управляли собраніемъ? Не противники ли «чиновничества» и службы, награждаемой *мздою*, увеличили сами себѣ мзду за общественную службу до такой степени, что расходъ на содержаніе управы возвысили съ 10 т. на 26,000 рублей и обременили новымъ налогомъ земство? Не враги ли бюрократіи, воскормленные «Вѣстью», явились самыми неумолимыми бюрократами касательно формы отчетовъ управы и вообще въ своихъ отношеніяхъ къ управѣ? Развѣ мѣщанскіе и крестьянскіе гласные оскорбили Екатеринославскую губернскую управу несправедливыми и придирчивыми нападками и заставили подать въ отставку ея членовъ, между которыми есть и крупные собственники, какъ графъ Канкринъ, и о которыхъ общій голосъ отзывается съ искреннею похвалой и уваженіемъ? Соціалистическіе ли принципы породили всѣ эти безобразія? Коммунизмъ ли причиною, что гласные не собираются въ надлежащемъ числѣ? Революціонное ли ученіе отражается въ томъ, что гласные, не досиживая въ залѣ собранія, расходятся по *клубамъ*,—конечно не якобинскимъ, какъ можетъ-быть мерещится газетѣ «Вѣсть», видящей вездѣ революцію, а просто, по нашимъ англійскимъ, дворянскимъ и прочимъ россійскимъ клубамъ? Увы! если что̀ и отражается въ нашихъ земскихъ собраніяхъ, такъ именно преданія, пріемы и привычки *дворянскихъ собраній*... Дѣйствительность не представляетъ *ни одного факта* въ подкрѣпленіе теоріи газеты «Вѣсть»,—ея страховъ и опасеній съ одной стороны, ея преобразовательныхъ тенденцій съ другой! Напротивъ, предлагаемыя ею и ея партіей преобразованія уничтожили бы сразу все доброе, которое есть въ Положеніи о земскихъ учрежденіяхъ и которое уже сказалось въ жизни, на дѣлѣ, во многихъ губерніяхъ скромною, но полезною хозяйственною дѣятельностью. Помѣстное дворянство и нынѣ составляетъ преобладающій элементъ въ земскихъ собраніяхъ, особенно въ губернскихъ, но элементъ освобожденный отъ исключительности, отрѣшенный отъ узкаго сословнаго духа, умѣряемый сознаніемъ всесословнаго характера земства. Это преобладаніе принадлежитъ помѣстному дворянству по праву, но не какъ «дворянскому сословію» собственно, а какъ людямъ болѣе образованнымъ, болѣе привычнымъ и способнымъ къ веденію дѣлъ, къ обобщенію вопросовъ,—наконецъ болѣе независимымъ по своему общественному положенію. Такое преобладаніе ни для кого не обидно и признается охотно и свободно прочими сословіями, какъ скоро послѣднія гарантированы противъ его злоупотребленій; оно не составляетъ юридической привилегіи дворянства, и причастнымъ ему, т. е. такому преобладанію, можетъ сдѣлаться каждый, независимо отъ своей *породы*, если соединитъ въ себѣ необходимыя условія образованности и независимости. Напротивъ, указанные нами примѣры тамбовскихъ и екатеринославскихъ безпорядковъ и десятки другихъ подобныхъ примѣровъ служатъ разительнымъ доказательствомъ, что вездѣ, гдѣ естественное преобладаніе дворянскаго элемента переходитъ въ преобладаніе сословное,—вездѣ тамъ земскія собранія напоминаютъ безурядицу собраній дворянскихъ, которыхъ не помянетъ добромъ исторія, потому что и помянуть-то ихъ нечѣмъ. Да и хорошо бы, еслибы дѣло ограничивалось только одною безурядицей: къ сожалѣнію, земское собраніе съ сословнымъ характеромъ несравненно вреднѣе всякаго нескладнаго дворянскаго собранія, именно потому, что послѣднее знаетъ и вѣдаетъ только одно свое мѣстное дворянство, а земское собраніе, проникнутое сословнымъ духомъ, распоряжается имуществомъ прочихъ сословій, подъ маской и во имя принципа всесословности.

Дѣло вовсе не въ преобразованіяхъ. Данная форма самоуправленія, при всей своей тѣснотѣ и недостаточности, все же даетъ возможность поработать для общаго блага; все же земское Положеніе представляетъ легальную почву, на которой общество можетъ опереться, стать на ноги и сколько-нибудь воспитаться въ смыслѣ гражданской самодѣятельности. Вина малой успѣшности земскаго самоуправленія лежитъ по преимуществу въ насъ самихъ, въ нашихъ *нравахъ*. Тутъ нѣтъ никакихъ другихъ объясненій и оправданій. Какъ бы даже ни были тѣсны права земства, жаловаться на ихъ тѣсноту можно только тогда, когда весь объемъ правъ, дарованныхъ Положеніемъ, наполненъ дѣятельностью земства до крайнихъ предѣловъ,—когда всѣ эти права, до послѣдняго, пошли въ пользованіе. И не имѣютъ никакого основанія требовать расширенія правъ тѣ, которые, напримѣръ, и не съѣзжаются на собранія земства, и пренебрегаютъ лицемѣрно возможностью приносить *малую* пользу — подъ предлогомъ, что алчутъ *большей* пользы и широчайшей дѣятельности. Лѣнь, распущенность, равнодушіе къ общественному благу и даже къ собственному, если для заботы о послѣднемъ требуется сколько-нибудь усидчивый трудъ,—непривычка вникать пристально въ дѣйствительныя потребности и запросы жизни, и напротивъ того привычка пробавляться дешевымъ знаніемъ, почерпаемымъ изъ иностранныхъ книжекъ, и готовыми результатами чужаго ума и опыта, — всѣ эти качества, столько намъ всѣмъ знакомыя, столько разъ обличенныя, составляютъ главный, существенный недугъ нашего русскаго общества. Такому недугу никакія передѣлки уставовъ не помогутъ; при такихъ зачаткахъ самодѣятельности всякое даже «расширеніе правъ» дастъ пустоцвѣтъ.

Мы, впрочемъ, не бросимъ камнемъ въ наше общество, даже и опредѣляя свойство его нравственной порчи. Откуда было и взяться инымъ качествамъ, привычкѣ къ труду, любви къ самодѣятельности, ревности къ общему благу? Наши современныя качества опредѣляются историческими условіями нашего общественнаго развитія. Вспомнимъ только хоть крѣпостное право. Къ какой самодѣятельности могло пріучить оно? Какія гражданскія доблести могла воспитать въ насъ эта школа безправія и самовластія? Какое чувство общественности способно было породить въ насъ отщепенство отъ русской народности, возведенное въ вѣнецъ образованности? Не достало бы и всѣхъ четырехъ страницъ нашего нумера, если бы мы захотѣли перечислить всю совокупность причинъ, воздѣйствовавшихъ на нашъ гражданскій характеръ. Сто лѣтъ пользовались мы широкими выборными правами дворянскаго сословія, сто лѣтъ сряду тамъ или здѣсь происходили дворянскіе сословные съѣзды. Казалось, мы должны были бы чему-нибудь научиться въ этой школѣ, въ теченіе столѣтняго учебнаго курса. И чему выучились? Что̀ произвели, что̀ подарили Русской землѣ?.. Отвѣтъ на это могла бы дать исторія дворянскихъ собраній со времени Екатерининской грамоты, и странно, что никто изъ ревностныхъ сотрудниковъ газеты «Вѣсть» не принялъ на себя до сихъ поръ такого благодарнаго труда...

Недугъ нашъ давній, хроническій, но не прирожденный роковымъ образомъ нашей русской натурѣ. Унывать нечего. Пройдетъ нѣсколько поколѣній, и явятся поколѣнія новыя, возросшія не въ нашихъ преданіяхъ Но и современныя поколѣнія не устраняются отъ нравственной обязанности бороться съ своимъ нравственнымъ недугомъ и одолѣть его— посредствомъ нравственнаго подъема воли и работы самосознанія.

Что̀ такое въ сущности земское учрежденіе: самоуправленіе или общественное, или новый видъ правительственнаго управленія дѣлами земства?

«Москва», 12-го апрѣля 1868 г.

Одно изъ ненормальныхъ явленій общественной жизни прозвано въ Англіи словомъ «абсентеизмъ». Этимъ именемъ обозначается хроническій недугъ Ирландіи—отсутствіе большей части собственниковъ земли, которые не остаются дома, въ своихъ владѣніяхъ, и предпочитаютъ осѣдлому пребыванію въ Ирландіи болѣе пріятное житье внѣ ея. Но слово это, изобрѣтенное первоначально для опредѣленія спеціальной болѣзни, удобно расширяется въ смыслѣ и потому можетъ быть прилагаемо ко всѣмъ явленіямъ болѣе или менѣе однороднаго свойства. У насъ недугомъ «абсентеизма» поражены всѣ общественныя собранія, установленныя закономъ, и въ особенности собранія земскія. Безпрестанно читаешь въ газетахъ, что въ той или другой губерніи засѣданія собранія не со-

состоялись «за несъѣздомъ гг. представителей земства». Недавно, въ областномъ обозрѣніи «Москвы», въ числѣ причинъ, оправдывающихъ неприбытіе гласныхъ,—было указано на плохое и мѣстами отвратительное состояніе нашихъ дорогъ и путей сообщенія. Но, конечно, не одни пути и дороги и не для всѣхъ мѣстностей могутъ послужить оправданіемъ; есть и другія причины, и не главная ли изъ нихъ та, что не совсѣмъ путемъ-дорогой идетъ самое земское дѣло? Недавній случай въ Екатеринославской губерніи, о которомъ разсказываетъ баронъ Н. Корфъ (см. 7 № «Москвы»), недавній случай въ Мосальскѣ (см. 37 № «Москвича»)—не принадлежатъ ли они къ числу такихъ случаевъ, которые способны отбить у гласныхъ всякую охоту тащиться издалека, тратиться въ городѣ и подвизаться подвигомъ вовсе безплоднымъ?

Взгляды на земство могутъ быть различны. Можно смотрѣть на земство какъ на учрежденіе самостоятельное, и на «самоуправленіе»—не какъ на призрачное слово, а какъ на дѣйствительное выраженіе общественной мысли и воли, въ извѣстной мѣстности и въ извѣстной сферѣ интересовъ, соотвѣтственное, въ данную минуту, умственному и нравственному уровню общества.

Можно смотрѣть на земство только какъ на субститутъ правительства, представляющій правительству ту выгоду, что избавляетъ его отъ лишнихъ хлопотъ и издержекъ. Другими словами—въ силу такого взгляда, земскія учрежденія не болѣе и не менѣе, какъ своего рода органъ правительственной же власти. Это новый видъ правительственной администраціи, съ тою лишь разницею, что здѣсь администрація правительству ничего не стòитъ; что чины земства тѣ же чиновники, только не получающіе жалованья изъ государственнаго казначейства; что, наконецъ, отвѣтственность за эту область администраціи ложится уже на общество, а не на правительство, которое, впрочемъ, сохраняетъ за собою, на дѣлѣ, полное право распоряженія, полную возможность давать этому новому административному снаряду, подъ названіемъ «самоуправленія», то или другое направленіе

Взгляды могутъ быть различны но такое различіе теоретическихъ взглядовъ ведетъ, конечно, къ столкновенію понятій и въ сферѣ практической—къ путаницѣ, къ недоумѣніямъ...

Такая же смѣшанность понятій существуетъ впрочемъ по всѣмъ видамъ нашего общественнаго самоуправленія. «Что-нибудь одно»—слышали мы не разъ, во время оно (ревизуя городскія хозяйства по порученію Министерства внутреннихъ дѣлъ), отъ уѣздныхъ городскихъ головъ: «или общественное самоуправленіе, хорошее или дурное, но вполнѣ самостоятельное, отвѣчающее современнымъ понятіямъ нашего городскаго населенія; или же не нужно его, если оно и ста рублей израсходовать не смѣетъ по своему усмотрѣнію!...» Въ одномъ городѣ (названіе его намъ извѣстно) городское общество, наскучивъ отвѣтственностью, взысканіями, ревизіями, даровою службой и прочими привилегіями, серьезно собиралось просить объ отмѣнѣ такого «самоуправленія» и о замѣнѣ *онаго* управленіемъ откровенно казеннымъ. Положимъ, что все это дѣло минувшихъ дней,— но и по отношенію къ современному земскому институту можно иногда вспомнить слышанное нами выраженіе горожанъ: «что-нибудь одно». Мы согласны, что земское учрежденіе, въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ, подходитъ скорѣе подъ категорію втораго изъ двухъ вышеизложенныхъ взглядовъ и представляетъ, повидимому, для правительства—всѣ *удобства* управленія земскимъ хозяйствомъ посредствомъ мѣстныхъ обществъ, безъ всѣхъ тѣхъ *неудобствъ*, которыя сопряжены съ дѣйствительнымъ общественнымъ самоуправленіемъ,—но едвали однакожь ожидаемыя правительствомъ удобства не влекутъ за собою на практикѣ неудобствъ, болѣе неудобныхъ чѣмъ тѣ, которыхъ опасается правительство и которыя связаны съ дѣйствительнымъ самоуправленіемъ? И не является ли однимъ изъ немаловажныхъ неудобствъ современной обстановки земскаго учрежденія—именно охлажденіе къ дѣлу, «абсентеизмъ», на который мы выше указывали? не принадлежитъ ли къ числу непремѣнныхъ послѣдствій такой обстановки — вторженіе въ область земскаго управленія тѣхъ же бюрократическихъ пріемовъ, той же казенности и рутины, той же мертвенности наконецъ, которыхъ именно правительство желало избавиться и которыя думало замѣнить болѣе живыми и плодотворными силами, посредствомъ закона о земствѣ.

Нельзя не признать, что неясность понятій объ истинномъ характерѣ дарованнаго земству такъ-называемаго самоуправленія была причиною многихъ самообольщеній, ошибокъ и наконецъ разочарованій. Жизнь—надо признаться—дѣло не совсѣмъ удобосовмѣстимое съ полицейскимъ идеаломъ благоустройства,—но какъ же съ этимъ быть? Правительство, сочиняя законъ о земскихъ учрежденіяхъ, хотѣло, конечно, на мѣсто прежняго неудовлетворительнаго механизма создать живой организмъ и воспользоваться всею животворною силой органическихъ отправленій, поставивъ ее къ себѣ въ служебное отношеніе. Мысль прекрасная, но, къ сожалѣнію, все органическое требуетъ извѣстной доли простора и свободы, и лишенное этихъ условій легко замираетъ. Такъ, напримѣръ, одна изъ необходимыхъ принадлежностей «самоуправленія» есть полная возможность общественнаго контроля; одно изъ самыхъ необходимыхъ условій общественнаго представительства и управленія — есть гласность и публичность собраній. Только при этихъ условіяхъ можно ожидать отъ общественной дѣятельности плодотворнаго результата. Но вполнѣ ли способствуютъ такой плодотворности тѣ, напримѣръ, параграфы закона 13 іюня 1867 года, которые даютъ возможность, по произволу мѣстной административной власти или же самого предсѣдателя собранія, превратить всякое собраніе изъ публичнаго въ закрытое, изъ гласнаго въ безгласное, однимъ словомъ, потушить, когда вздумается, свѣтъ и навести тьму на всякое дѣло, любящее тьму? Еслибъ еще такое право было предоставлено предсѣдателю по совѣщанію съ членами собранія, по рѣшенію большинства голосовъ, то въ этомъ была бы нѣкоторая гарантія противъ произвола; но предоставлять его исключительно одному лицу и, еще бобѣе, мѣстной администраціи,—это, по нашему мнѣнію, значитъ отнять у собраній самую существенную сторону ихъ общественнаго значенія. По закону 13 іюня, предсѣдателю присвоено право, не спрашиваясь собранія, класть подъ сукно или, выражаясь оффиціально, «оставлять безъ дальнѣйшаго хода и обсужденія» всякое предложеніе одного или нѣсколькихъ членовъ, которое онъ признаетъ не согласнымъ съ законами или «выходящимъ изъ круга предметовъ вѣдомства собранія». Опредѣленіе эластичное, допускающее всевозможныя толкованія, — тѣмъ болѣе, что предсѣдатель, сославшись на этотъ пунктъ, не обязанъ уже затѣмъ давать никому никакого инаго объясненія. Если же при этомъ предсѣдатель воспользуется и другимъ своимъ правомъ, т. е., въ виду непріятнаго ему предложенія, удалитъ всѣхъ постороннихъ изъ залы засѣданія, то, конечно, всякое незаконное его дѣйствіе будетъ шито и крыто,—всякое мнѣніе, съ мнѣніемъ предсѣдателя или губернскаго начальства несогласное, можетъ быть заглушено: не уничтожается ли этимъ способомъ свобода мнѣній и свобода общественнаго контроля?.. Что̀ же затѣмъ остается? Какой органической жизни можно ожидать отъ *такого* самоуправленія, — и не ниспадетъ ли оно, наконецъ, до степени механизма, къ тому же весьма плохаго—обставленнаго не настоящими мастерами коронными чиновниками, а лицами частными, тянущими лямку по выбору? Не были мы развѣ свидѣтелями такихъ превращеній?

Впрочемъ всякая строгая мѣра, какъ бы ни находили ее неудобною, всегда принимается покорнѣе, если имѣетъ достоинство откровенности. Тѣмъ болѣе приходится намъ сожалѣть о толкованіяхъ, которымъ подверглась мѣра стѣсненія гласности общественныхъ совѣщаній со стороны «Сѣверной Почты». Оффиціальная газета, въ 39 своемъ №, 23 февраля, называетъ постановленіе 13 іюня — заключающимъ въ себѣ «*распространеніе*, а не стѣсненіе правъ, доселѣ предоставленныхъ общественнымъ и сословнымъ собраніямъ», и утверждаетъ, что «этимъ постановленіемъ впервые узаконена публичность засѣданій». Мы замѣтимъ на это, что публичность вытекала изъ самаго существа учрежденія, не нуждаясь въ особомъ узаконеніи,—и постановленіе 13 іюня вовсе ея не узаконяетъ, а упоминаетъ о ней *только для того*, чтобы ее ограничить. Увѣрять, что такое ограниченіе публичности и свободы голоса въ земскихъ собраніяхъ не что̀ иное какъ расширеніе правъ—это, конечно, очень смѣло, но едвали безвредно, ибо отнимаетъ у правительственной мѣры достоинство прямоты и откровенности.

«Практика—говоритъ тутъ же «Сѣверная Почта» — есть лучшее средство повѣрки всякаго закона». Это истинно. Обратимся же къ практикѣ.

Въ Мосальскомъ земскомъ собраніи разсматривалась жалоба одного гласнаго (священника), который былъ исключенъ изъ собраиія еще за полгода по ничтожному поводу—за пререканіе съ крупнымъ землевладѣльцемъ (по словамъ корреспондента, напечатаннымъ два мѣсяца тому назадъ и доселѣ не опровергнутымъ). Коммиссія, разсматривавшая жалобу, предложила собранію оставить ее безъ послѣдствій. Одинъ изъ членовъ коммиссіи особымъ мнѣніемъ протестовалъ противъ этого рѣшенія — къ нему пристали 15 гласныхъ. Но вдругъ раздался звонокъ предсѣдателя и секретарь объявилъ, что предсѣдатель поручилъ ему сообщить собранію, что такъ какъ допущеніе священника было бы *незаконно* (безъ объясненія: почему?), то онъ, предсѣдатель, *на основаніи седьмаго пункта* (закона 13 іюня) *воспрещаетъ собранію дальнѣйшія пренія* по жалобѣ священника...

Подобный же случай тамъ же произошелъ при выборѣ двухъ лицъ на вакансіи мировыхъ судей. Было предложено выборовъ не производить, а ограничиться указаніемъ двухъ лицъ по прежнему списку. Когда нѣкоторые изъ гласныхъ возстали противъ этого, то предсѣдатель, на основаніи того же закона, не дозволилъ дальнѣйшихъ преній,—и Сенату представили кандидатовъ по списку 1865 года.

Эти извѣстія, напечатанныя въ газетѣ «Голосъ», не были, сколько намъ извѣстно, никѣмъ опровергнуты.

Вотъ что наконецъ пишетъ въ «С.-Петербургскія Вѣдомости» баронъ Корфъ, скрѣпляя свою корреспонденцію полнымъ своимъ именемъ. Воспроизводимъ здѣсь ее въ извлеченіи и считаемъ нужнымъ пояснить, что дѣло идетъ о Екатеринославской губерніи, гдѣ, какъ извѣстно, происходили недавно еще другія странныя приключенія съ земствомъ, благодаря «расширенію правъ» губернскаго начальства и предсѣдателя земскихъ собраній. Такъ, съѣхавшись на очередное собраніе, земство вынуждено было разъѣхаться безъ формальнаго закрытія собранія, вслѣдствіе пріостановки засѣданій начальникомъ губерніи; такъ, подавшая уже въ отставку земская управа, благодаря такому неожиданному «пассажу», осталась на мѣстѣ,—и проч. «У насъ, пишетъ баронъ Корфъ, начинаютъ входить въ обычай засѣданія земскихъ собраній *при закрытыхъ дверяхъ*. Такъ, 1-го февраля собиралось экстренное Александровское уѣздное земское собраніе и совѣщалось въ тайнѣ; 25-го февраля собиралось экстренное Екатеринославское губернское земское собраніе, и въ послѣднія засѣданія его публика также не была допущена; въ обоихъ случаяхъ публика была удалена по требованію начальника губерніи, на основаніи того закона, который «Сѣверная Почта» считаетъ «распространеніемъ, а не стѣсненіемъ» правъ земства. Разсказываютъ, что въ Екатеринославлѣ предсѣдатель собранія распорядился поставить «стражу» у дверей собранія, для недопущенія публики въ залу, — публики, которая миролюбиво разошлась по первому требованію предсѣдателя оставить залу. Разсказываютъ еще, что собраніе желало принести жалобу Правительствующему Сенату на дѣйствія г. начальника губерніи, на основаніи закона; но г. предсѣдатель собранія, на основаніи другаго закона, того самаго, который «Сѣверная Почта» считаетъ *распространеніемъ* правъ земства, воспретилъ собранію обсуждать этотъ вопросъ, и *большинство* собранія, на основаніи *льготнаго* закона, должно было, вмѣсто постановленія о жалобѣ, на чтὸ оно закономъ уполномочено, составить только особую записку о томъ, чего оно бы желало, и только приложить ее къ протоколу».

Можно бы привести много и еще подобныхъ примѣровъ, но довольно и этихъ. «Практика—повторимъ слова «Сѣверной Почты»—служитъ лучшимъ средствомъ провѣрки закона»!

Какой пользы, какого содѣйствія можетъ ожидать себѣ администрація отъ земства, поставленнаго въ такія условія? Какого радѣнія къ земскому дѣлу можно требовать отъ гласныхъ при такой обстановкѣ? Не этимъ ли, наконецъ, въ связи и съ другими причинами, объясняются печальныя извѣстія о земскихъ собраніяхъ, несостоявшихся за неприбытіемъ представителей земства? Не здѣсь ли искать объясненія тому странному, непонятному для иностранцевъ явленію, что представители земства не спѣшатъ воспользоваться дарованными имъ правами и благомъ самоуправленія? И наконецъ, эти и подобные примѣры не помогутъ ли рѣшить вопросъ о томъ: чтὸ въ сущности есть земское учрежденіе? точно ли самоуправленіе общественное, или новый видъ правительственнаго управленія дѣлами земства — способомъ «общественной службы»?...

О трудности имѣть свѣдѣнія о земскомъ дѣлѣ.

«Москва», 16-го іюня 1868 г.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что земское дѣло много бы выиграло, еслибы совершалось съ большею противъ настоящаго гласностью. Невозможность знать о немъ всей истины и подвергать его дѣятелей полной и всесторонней критикѣ,—немыслимой при отсутствіи гласности,—все это вредитъ земскому дѣлу, распространяя подчасъ не совсѣмъ вѣрные о немъ толки, отнимая у людей ему искренне преданныхъ средства защищать и поддерживать его; все это подрываетъ довѣріе къ дѣйствіямъ земскихъ собраній и управъ, ибо нѣтъ и не можетъ быть полной вѣры къ тому, что̀ совершается въ темнотѣ, о чемъ нѣтъ возможности знать каждому. А безъ совершеннаго къ себѣ довѣрія, собранія и управы всегда будутъ парализованы въ своихъ дѣйствіяхъ. Истина этихъ словъ давно извѣстна и ни для кого не нова: нигдѣ еще гласность, свобода обсужденія дѣйствій общественныхъ лицъ, не губила дѣла, не подрывала его, и вездѣ, наоборотъ, тьма и молчаніе, привитыя къ общественной дѣятельности, убивали сію послѣднюю. Все это не ново—но, къ сожалѣнію, у насъ не разъ приходится напоминать о тѣхъ истинахъ, которыя уже чуть не совсѣмъ износились.

Всю нашу настоящую рѣчь мы ведемъ къ тому, чтобы напомнить, какъ болѣе года тому назадъ *) наша газета печатно обращалась съ просьбою ко всѣмъ земскимъ управамъ—дать ей возможность сообщать вѣрныя и точныя свѣдѣнія о земствѣ; для этого мы просили доставлять печатаемыя управами постановленія земства. Только этимъ способомъ мы избѣгали бы ошибокъ, не будучи вынужденными говорить съ чужихъ словъ; только путемъ оглашенія, собранія и управы достигли бы возможности доводить до свѣдѣнія всего земства о своихъ дѣйствіяхъ, узнавать о дѣятельности другъ друга, соглашаться между собой въ тѣхъ мѣрахъ, которыя могутъ имѣть примѣненіе къ нѣсколькимъ мѣстностямъ

---

*) См. выше, стр. 389, статью: «Неоходимость большей гласности для земскаго дѣла».

Россіи; только этимъ способомъ общество могло бы въ дѣятельности земства, какъ въ зеркалѣ, видѣть свое отраженіе и познать самого себя, т. е. свои недостатки и пороки, свое хорошее и свои достоинства. Цѣль наша была самая благая; удовлетвореніе нашей просьбы не могло встрѣтить никакого законнаго препятствія, ибо мы просили только тѣхъ печатанныхъ постановленій и журналовъ, которые печатаются для всѣхъ членовъ земства, которые не составляютъ и не могутъ составлять ни для кого никакой тайны, которые и печатаются съ цѣлію бо́льшаго ихъ оглашенія. Итакъ, ни въ просьбѣ нашей, ни въ самомъ удовлетвореніи ея не было ничего ни противозаконнаго, ни стѣснительнаго. Но, несмотря на то, мы не получили просимыхъ нами изданій и отъ десяти управъ! Равнодушіе ли это къ дѣлу, боязнь ли гласности, или что̀ другое, только бо́льшая часть отчетовъ о засѣданіяхъ земства, которыми мы располагаемъ, получены нами случайно, частнымъ путемъ. Не станемъ добиваться—какая причина помѣшала удовлетворить нашему желанію; ограничимся тѣмъ, что занесемъ въ столбцы «Москвы» этотъ фактъ.

Такимъ образомъ мы были вынуждены говорить о дѣятельности земства рѣдко съ подлинными «журналами и постановленіями» въ рукахъ, а часто по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ другими изданіями, которыми должны были пользоваться съ крайнею осторожностью, такъ какъ каждое изданіе не всегда передаетъ цѣликомъ факты, совершившіеся въ извѣстномъ земствѣ, а только ту ихъ часть, сообщить которую находитъ для себя нужнымъ. Дѣйствовать иначе не можетъ ни одно изданіе; упрекнуть его въ этомъ нельзя. Невыгода этого отсутствія возможности имѣть полныя, точныя и вѣрныя свѣдѣнія—чувствуется, сколько намъ извѣстно, редакціями всѣхъ періодическихъ изданій и не разъ доводила ихъ до невольныхъ ошибокъ, которыя вовсе не желательны въ подобномъ дѣлѣ, не разъ ставила и земства въ тѣ непріязненныя столкновенія съ печатью, которыя еще менѣе того желательны.

Не видя результата отъ той просьбы, съ которою мы обращались къ земскимъ управамъ, мы пробовали другой способъ достать печатанные экземпляры постановленій земства: выписывали ихъ изъ губернскихъ городовъ, какъ всякое другое изданіе. Намъ отвѣчали, что въ продажѣ ихъ нѣтъ, что они печатаются въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ и въ продажу не поступаютъ. Подивились мы этому извѣщенію: неужели же сами земскія управы и собранія, добровольно, напускаютъ на себя тьму и не желаютъ показаться на свѣтъ, не хотятъ сдѣлаться доступными и нетайными для каждаго изъ членовъ общества? Неужели они добровольно вводятъ въ свою молодую жизнь, еще не окрѣпшую, не вполнѣ сложившуюся, формы и обряды, принятые въ бюрократіи, въ мірѣ бумагъ и секретовъ? Но и здѣсь даже, въ послѣднее время, тайна, лежавшая чуть не на каждой оффиціальной бумагѣ и чуть не на каждомъ служебномъ изданіи, начинаетъ исчезать и замѣняться общедоступностію для всѣхъ. Въ правительственныхъ сферахъ принимается наконецъ почти за постоянное и непремѣнное правило—печатать и пускать въ продажу всѣ болѣе серьезныя подготовительныя служебныя работы, необходимыя для лучшаго разумѣнія тѣхъ или другихъ административныхъ и законодательныхъ мѣръ. Такимъ образомъ, напримѣръ, опубликованы и пущены въ продажу новые судебные уставы, съ поясненіями къ нимъ; напечатаны труды коммиссій по пересмотру уставовъ податнаго, фабричнаго и ремесленнаго; недавно объявлено о выпускѣ журналовъ и протоколовъ тарифной коммиссіи и т. д. Всѣ эти, если дозволено такъ выразиться, отчеты правительственные къ публикѣ продаются въ книжныхъ лавкахъ, доступны каждому, и критика, обсужденіе ихъ не только не считаются вредными для дѣла, но, надо полагать, желаются, ибо иначе не было бы надобности печатать и продавать всѣ эти труды, записки и т. п.

Если административныя мѣста и учрежденія, съ которыми уже сроднилась привычка держать въ секретѣ всѣ свои дѣйствія,—стали отрекаться отъ этого и начали вводить болѣе свѣта и гласности въ свой міръ, то какое же основаніе можетъ имѣть земство для противоположнаго дѣйствія? Почему же оно можетъ не желать, чтобы печатанныя постановленія и журналы его засѣданій, все-таки въ большей части случаевъ—публичныхъ, не были доступны не только для каждаго изъ членовъ земства, но и для каждаго посторонняго? Почему эти печатанныя постановленія не поступаютъ въ общую продажу? Мы знаемъ, что собранія могутъ печатать свои постановленія не иначе, какъ съ цензурнаго дозволенія мѣстной административной власти, зорко смотрящей за тѣмъ, чтобы никакая задорная пылинка не попала въ печать; но мы не знаемъ никакого постановленія, ограничивающаго право земства оглашать свои дѣйствія путемъ законнаго распространенія печатанныхъ отчетовъ. Не зная такого ограниченія, мы удивляемся, по какимъ причинамъ земство, строго держась на почвѣ законности, не хочетъ извлекать всю возможную пользу изъ своихъ правъ, не компрометтируя ихъ существованія? Земскія собранія, дѣлающія дѣло, относящіяся къ своей дѣятельности серьезно, добросовѣстно, не должны забывать, что ихъ образъ дѣйствія долженъ развить не только ихъ собственную самостоятельность, но и самостоятельность всего общества,—долженъ вызвать уваженіе и довѣріе къ нимъ отъ всего земства, избравшаго ихъ; а уваженіе и довѣріе возможны только тогда, когда избиратели будутъ знать о томъ, что̀ творится въ собраніяхъ и управахъ, когда они познаютъ, что̀ и кто приноситъ плодъ и кто даетъ одинъ пустоцвѣтъ.... Безъ отчетности въ своихъ дѣйствіяхъ—нѣтъ и не можетъ быть взаимнаго довѣрія между избирателями и избранными. Откуда же, при настоящемъ порядкѣ, узнаютъ земскіе избиратели о томъ, что̀ и какъ творили люди избранные ими, — люди, которымъ они довѣрили охраненіе своихъ интересовъ? Печатанные отчеты, какъ мы уже сказали, доступны только гласнымъ; слѣдовательно, избиратель, членъ земства, не узнаетъ и не прочтетъ ихъ иначе, какъ или случайно, или по снисхожденію кого изъ гласныхъ. Правда, въ нѣкоторыхъ губернскихъ вѣдомостяхъ печатаются отчеты о засѣданіяхъ; но, *вопервыхъ*, губернскія вѣдомости, сколько мы знаемъ, мало распространены въ губерніяхъ; *вовторыхъ*, отчеты печатаются въ нихъ въ такомъ сжатомъ видѣ, что по нимъ трудно составить вѣрное понятіе о томъ, что̀ творилось въ собраніи, и положительно невозможно охарактеризовать дѣятельность каждаго гласнаго отдѣльно; и *втретьихъ*, наконецъ, печатаніе отчетовъ такъ растягивается на безконечное число нумеровъ вѣдомостей, что рѣшительно не достанетъ силъ и терпѣнія выжидать конца отчета.

Въ концѣ-концовъ выходитъ, что избирателямъ нѣтъ никакихъ средствъ узнавать и оцѣнять дѣятельность избранныхъ ими гласныхъ кромѣ людской молвы, не всегда вѣрной. Въ этомъ отношеніи, изъ всѣхъ чиновъ земства, духовенство, случайно, очутилось въ лучшемъ положеніи: въ средѣ его сложился, немного странный, обычай отчетности. Гласный отъ духовенства, по окончаніи сессіи засѣданій земства, представляетъ своему епархіальному начальству *репортъ* (какъ принято выражаться въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ), въ которомъ отдаетъ довольно полный отчетъ, въ чемъ именно и насколько онъ принималъ участіе въ занятіяхъ земскаго собранія. Оставляя на этотъ разъ въ сторонѣ странный, чиновничій характеръ этихъ *репортовъ*, такъ живо напоминающихъ рапорты, подаваемые младшимъ чиновникомъ старшему по окончаніи служебной командировки; оставляя въ сторонѣ то, что здѣсь не избранное лицо отдаетъ отчетъ своимъ избирателямъ, а чиновникъ извѣстнаго ранга доноситъ другому высшаго ранга и чина чиновнику; оставляя въ сторонѣ то, насколько подобные пріемы неприличны въ средѣ служителей алтаря Божьяго, — оставляя все это, мы всетаки сознаемся, что этимъ путемъ, хотя и нелогичнымъ и неправильнымъ, духовенство можетъ узнавать обо всемъ, что̀ говорилось и творилось въ собраніяхъ по отношенію къ его интересамъ, оцѣнить, насколько избранный имъ гласный оберегалъ его интересы и видѣть, плодотворна ли была его дѣятельность и достоинъ ли онъ новаго избранія. Добавимъ къ этому, что такъ какъ полученіе епархіальныхъ вѣдомостей обязательно для всего духовенства данной епархіи, то отсюда и вытекаетъ возможно полная гласность для одного сословія, входящаго въ составъ мѣстнаго земства: оно не имѣетъ надобности искать слуховъ, разсказовъ, зачастую невѣрныхъ и пристрастныхъ.

Для другихъ сословій, входящихъ въ земство, нѣтъ подобной возможности узнавать и оцѣнять дѣйствія избранныхъ ими лицъ, — имъ остается желать чтобы, по крайней мѣрѣ, пріобрѣтеніе печатанныхъ отчетовъ, постановленій и журналовъ земскихъ собраній и управъ — сдѣлалось доступнымъ для каждаго. Удовлетворить этому желанію земства имѣютъ полную возможность; обязываетъ ихъ къ этому общая польза и необходимость пресѣчь пересуды и молвь людскую: они должны помнить, что «добрая молва лежитъ, а худая бѣжитъ»...

Объ уѣздномъ самоуправленіи.

«Русь», 15-го ноября 1880 г.

Много пережила Россія въ эти послѣдніе годы. Пережила и передумала. Величавыя міровыя событія, слава, какая рѣдко достается на долю народамъ,—и рядомъ: цѣлая вереница событій своихъ, безславныхъ,—точно позорныя язвы на тѣлѣ; побѣды и пораженія; проявленіе мощныхъ, невиданныхъ міромъ силъ и гнетущей внутренней немощи; дивные подвиги, несмѣтныя жертвы,—и вѣнцомъ всего, до́ма: нестроеніе, недоумѣніе, сомнѣніе въ себѣ самой и своемъ призваніи... Было всего. Но не даромъ, конечно, и въ мѣру ея исполинскому организму было суждено это испытаніе. Въ немъ, надо думать, какъ въ горнилѣ перегорѣли наши сердца; оно, кажется, и послано какъ бы именно для того, чтобы собрать, сосредоточить разметавшуюся русскую мысль и вогнать ее внутрь, въ самую глубь русской жизни. Настоящая пора—пора великой исторической важности. Мы подошли, кажется, къ самому крайнему роковому распутью и остановились въ тяжкомъ, но добромъ разумьѣ: отъ выбора дороги зависитъ теперь вся наша будущая участь, а выборъ зависитъ отъ насъ самихъ, ни отъ кого болѣе. На этотъ разъ, повидимому, никто и ничто, никакая счастливая случайность намъ не поможетъ, и мы предоставлены нашимъ собственнымъ, духовнымъ и умственнымъ силамъ. Судьба не въ шутку требуетъ отъ насъ отчетливаго самопознанія, строгой работы мысли.

И надобно сказать правду, она началась, эта работа. Благодаря большему простору слова, удѣленному намъ правительствомъ, признаки новаго времени отразились и въ нашей періодической печати, почти безъ различія направленій и партій. Больше отводится мѣста предметамъ внутренней, чѣмъ внѣшней политики; больше интересамъ общественнымъ, чѣмъ политическимъ. Въ ея ежедневномъ говорѣ и крикѣ слышатся порой серьезныя ноты, выражающія смущеніе и озабоченность. Хотя на большей части «органовъ общественнаго мнѣнія» и продолжаютъ еще красоваться флаги разнообразныхъ чуждыхъ доктринъ, но они уже не развѣваются гордо и самонадѣянно, какъ бывало, а какъ-то пристыженно висятъ и мотаются, оборванные, обтрепанные пыльнымъ вихремъ событій. — Мы теперь болѣе или менѣе всѣ (т. е. такъ-называемая «интеллигенція») въ положеніи «себя ищущихъ»—какъ называютъ себя иногда наши сектаторы-странники. Мы также ищемъ *себя*, своей русской, утраченной нашимъ сознаніемъ правды. Мы изслѣдуемъ, допрашиваемъ, неотступно пытаемъ отвѣта: «какъ быть? что̀ дѣлать? куда идти?».....

«По пути реформъ», «по пути мирнаго и разумнаго прогресса», «вѣнчать зданіе», слышится иногда въ отвѣтъ. «Вѣнчать зданіе», повторяютъ и намъ нѣкоторые наши почтенные корреспонденты и подписчики.

Вѣнчать зданіе! Да вѣнчать-то нечего! Зданія-то еще никакого нѣтъ! То есть зданія вполнѣ возведеннаго и довершеннаго. Приходится еще кирпичи класть. Вглядимся пристальнѣе. Собственно говоря, прочно, изъ камня сложенъ только одинъ фундаментъ; остальное вчернѣ или лишь временныя сооруженія. Какимъ же образомъ? а Петръ? а Екатерина?.. Нѣтъ ничего ошибочнѣе мнѣнія, будто великій «творецъ новой Россіи», т. е. Петръ, сокрушивъ старый государственный нашъ домострой, надѣлилъ насъ если не вполнѣ готовымъ, новымъ, цѣльнымъ зданіемъ, то по крайней мѣрѣ готовымъ, отчасти даже исполненнымъ, архитектурнымъ планомъ; что затѣмъ этотъ планъ былъ подробно разработанъ, усовершенствованъ и осуществленъ Екатериною, и что теперь, съ помощью новѣйшихъ реформъ, довершившихъ дѣло обоихъ законодателей, остается будто бы только приспособить великое твореніе XVIII вѣка къ потребностямъ нашей поры, сообразно съ прогрессомъ XIX столѣтія... Не подлежитъ, разумѣется, ни малѣйшему спору, что Петръ, разбивъ ограду тѣсной, замкнутой въ себѣ національности, въ которой пребывала старая Русь, вывелъ ее въ семью европейскихъ народовъ, на путь общечеловѣческаго просвѣщенія, пробудилъ насъ къ сознанію и т. д., и т. д. Все это извѣстно, въ этомъ отношеніи дѣло его безсмертно и погибнуть не можетъ. Въ этомъ собственно и заключается положительная сторона его сокрушительнаго подвига. Старый строй былъ имъ безспорно разрушенъ; но въ томъ-то и дѣло, что на новомъ воздвигнутомъ имъ строѣ не легло печати вѣковѣчнаго творчества и что прежде чѣмъ вѣнчать зданіе, намъ приходится очищать фундаментъ отъ обломковъ великихъ сооруженій минувшаго, а частью и XIX вѣка...

Въ самомъ дѣлѣ, пристально всматриваясь въ наше современное «зданіе», мы въ сущности увидимъ лишь двѣ истинныя историческія основы, или, выражаясь техническимъ языкомъ русскихъ плотниковъ, двѣ *державы*, стоящія налицо, твердыя какъ гранитъ, пережившія вѣка, всѣ невзгоды и всѣ преобразованія. Это русскій народъ и единоличная верховная власть. Чуть ли это не единственный нашъ прочный устой послѣ тысячелѣтняго историческаго броженія. Эти два начала, двѣ существенныя реальныя силы, связаны между собою живымъ органическимъ союзомъ, которымъ и стоитъ наше государственное бытіе. Народъ упорно хранилъ и соблюлъ вѣру въ свой историческій идеалъ верховной власти сквозь всѣ испытанія, сквозь всѣ перевороты и недоразумѣнія, которыми былъ въ особенности богатъ знаменитый XVIII вѣкъ. Такая, можно сказать, органическая вѣра народа не можетъ не оправдаться, — отчасти уже оправдалась 19 февраля 1861 г., оправдается безъ сомнѣнія и вполнѣ. Во всякомъ случаѣ эти двѣ «державы», этотъ союзъ — такой жизненный фактъ, такія историческія данныя, съ которыми, независимо отъ своихъ личныхъ симпатій и влеченій, долженъ считаться всякій серьезный мыслитель (тѣмъ паче «позитивистъ» и исповѣдующій принципъ «верховной народной воли»); всякій, кто хочетъ идти заодно съ народомъ и не отдѣляться отъ народа въ его дальнѣйшемъ развитіи. Но это еще не зданіе. Кромѣ указанныхъ нами двухъ основныхъ началъ съ тѣми учрежденіями, которыхъ вся сила и достоинство порождены тою же народною русскою духовною стихіей (какъ напр. наша доблестная армія), — какой видъ, спрашивается, представляетъ, болѣе или менѣе, остальное сооруженіе? Почти только лѣса да лѣса, да нагроможденныя другъ на другѣ постройки, деревянныя, на скорую руку сколоченныя, нерѣдко на обломкахъ таковыхъ же прежнихъ построекъ. Охотно признаемъ, что онѣ были полезны и примѣнены къ преходящимъ потребностямъ своей поры; скажемъ даже, что онѣ были необходимы для введенія въ жизнь хоть какого-нибудь порядка, для того, чтобъ этотъ громадный политическій организмъ могъ по крайней мѣрѣ кое-какъ совершать свои отправленія. Но все же они были и остаются не болѣе какъ временными помѣщеніями, внѣ всякаго историческаго плана,—помѣщеніями, въ долговѣчность которыхъ едвали кому достаетъ вѣры. Едвали кто и при Петрѣ вѣрилъ въ жизненность, напримѣръ, учрежденія ландрихтеровъ, камерировъ и ландратовъ, или Ревизіонъ-, Камеръ-, Комерцъ-, Бергъ- и другихъ коллегій (какъ извѣстно, смѣненныхъ потомъ, въ свою очередь, министерствами, департаментами, комитетами, коммиссіями разнообразныхъ наименованій, которыя опять-таки часто приходится чинить, перетасовывать, переиначивать). Правительствующій Сенатъ Петра Великаго признается у насъ нѣкоторыми учрежденіемъ самымъ популярнымъ. Но что̀ общаго между нимъ и Кассаціонными Департаментами Сената нашего времени?

«Зданіе наше совсѣмъ воздвигнуто и закончено», пишутъ намъ нѣкоторые вѣнцеположники. Да укажите же намъ тѣ историческія стропила (если ужъ держаться архитектурныхъ сравненій), на которыя бы можно было упереться, тѣ капитальныя учрежденія, которыя успѣли бы обзавестись сильнымъ, добрымъ преданіемъ, которыя, во всеобщемъ сознаніи, пользовались бы безусловнымъ авторитетомъ, довѣріемъ и любовью народа? Гдѣ они? Не табель ли о рангахъ, заимствованная у Германіи XVII вѣка, раздѣлившая русское общество на 14 классовъ съ непонятными, какими-то миѳическими, полунѣмецкими названіями? Дѣйствіе ея въ русской жизни на бытъ и нравы было и продолжаетъ быть еще очень глубоко, гораздо глубже чѣмъ думаютъ, — но если не она, такъ что̀ же? Что̀ сохранилось отъ величаваго, умнаго и стройнаго законодательства Екатерины, которое дѣйствительно, казалось, завершало собою зданіе? Въ итогѣ окажется немного и притомъ важности далеко не крупной. Что̀ осталось къ нынѣшнему дню отъ ея великолѣпныхъ грамотъ городамъ и сословіямъ? отъ дарованныхъ ею такихъ широкихъ, такихъ, повидимому либеральныхъ формъ самоуправленія, особенно же дворянству, которому былъ ввѣренъ въ губерніяхъ и высшій судъ, и полиція, и право выбора отъ предсѣдателей палатъ до послѣдняго становаго? Ничего почти, кромѣ опыта столѣтней неудачи. Мало того. Оказалось, что почти и корней ничто не пустило; ничего не пришлось вырывать съ болью: довольно было отставить. Все это сошло со сцены безъ малѣйшей помѣхи, не оставивъ ни слѣда сожалѣнія, и доживаетъ свой вѣкъ въ обрывкахъ, въ развалинахъ, загромождая нашъ основной фундаментъ и вновь воздвигаемыя постройки.

А между тѣмъ, изъ подъ нихъ, около самаго фундамента, пробились всходы еще стараго историческаго посѣва... Въ томъ-то и дѣло, что мы, хоть и достигли уже тысячелѣтняго возраста, а все-таки считаемся, и справедливо, народомъ еще молодымъ! Мы еще до сихъ поръ въ періодѣ внѣшняго и внутренняго тѣлосложенія. Процессъ нашей исторической формаціи еще не закончился; не завершился онъ даже и въ географическомъ смыслѣ, такъ какъ мы и до сихъ поръ коегдѣ не нашли еще себѣ настоящихъ границъ! Въ этомъ нѣтъ ни особеннаго достоинства, ни порока: это только свидѣтельствуетъ о громадности и своеобразіи нашей исторической задачи, рѣшаемой трудно и медленно. Но не о томъ теперь рѣчь. У насъ, какъ мы уже сказали, обыкновенно думаютъ, что XVIII вѣкъ, разрѣзавъ русскую исторію на-двое, далъ отвѣтъ на всѣ задачи, поставленныя древнею Русью, и явился самостоятельнымъ творцомъ Россіи новой. Именно самостоятельнаго творчества ему и недостаетъ, и не ему было суждено рѣшить вопросы, заданные старою жизнью. Съ точки зрѣнія исторической онъ представляется лишь промежуточнымъ вѣкомъ въ послѣдовательномъ рядѣ вѣковъ, чѣмъ-то въ родѣ кризиса къ росту или фильтра, сквозь который, очищаясь, просачивалось теченіе старой жизни. Мы и укажемъ на двѣ такія историческія формаціи, которыхъ процессъ идетъ изъ глубокой дали временъ и заключился или еще заключается только теперь, во второй половинѣ XIX вѣка, и въ которыхъ мы видимъ залогъ нашего истиннаго будущаго строя.

Манифестомъ 19 февраля 1861 года окончательно завершилось образованіе крестьянскаго сословія и рѣшена задача, поставленная древнею Русью. Не пускаясь въ историческія изслѣдованія, скажемъ лишь нѣсколько словъ о самомъ историческомъ процессѣ. Просторъ и рѣдкость населенія съ самаго перваго дня нашей исторіи являются главнымъ дѣйствующимъ условіемъ или факторомъ нашего политическаго и экономическаго развитія, создаютъ инстинктивную и сознательную потребность колонизаціи. Не будучи кочевымъ, народъ не отличался и прочной осѣдлостью. Юридическое отношеніе крестьянъ къ землѣ и ихъ общественный строй не представляютъ въ первые вѣка рѣзко очерченной, ясной опредѣленности. Несомнѣнно одно, что «оставить мѣсто впустѣ», «разойтись врозь» было постоянною, сплошь да рядомъ исполняемою угрозою правительству не только отъ черныхъ волостей и селъ, но и отъ жителей городовъ. Наконецъ Московскіе цари стали, вмѣсто жалованья, раздавать землю въ пользованіе служилымъ чинамъ, верстая ею *по мѣсту*, съ правомъ призывать и селить пришлыхъ людей. Эти пришлые селящіеся люди не составляли еще однакоже ни осѣдлаго населенія, ни цѣльныхъ обществъ. Да и не могли составить: каждый приходящій договаривался и заключалъ съ помѣщикомъ, или даже и съ вотчинникомъ, «порядную» отдѣльно, самъ за себя, на особый, всегда недолгій срокъ, съ взаимнымъ правомъ отказа. Но и эти порядныя не удерживали крестьянъ на мѣстѣ: съ каждымъ осеннимъ Юрьевымъ днемъ начиналось передвиженіе, да и сами помѣщики перезывали ихъ другъ у друга. Какія бы ни были постороннія побужденія, приписываемыя Борису Годунову, правившему государствомъ при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, но очевидно, что указъ 1592 года, положившій начало прекращенію переходовъ и прикрѣпленію крестьянъ къ землѣ, зиждется, въ основаніи своемъ, на соціальной и экономической потребности. Личное же рабство крестьянъ вовсе не имѣлось въ виду при изданіи этого знаменитаго указа: оно возникло постепенно, само собою, при беззащитности населенія, при благопріятныхъ для помѣщиковъ обстоятельствахъ и развилось, по преимуществу, уже въ XVIII вѣкѣ.

Такимъ образомъ пришлые, бродячіе, безземельные люди, осѣвъ твердо на помѣщичьей землѣ, сложились въ сельскія общества и стали родоначальниками большей части тѣхъ многочисленныхъ крестьянскихъ обществъ, которыя освобождены и призваны къ самостоятельной жизни Манифестомъ 19 февраля. Ставъ крѣпкими землѣ, они черезъ два съ половиною вѣка укрѣпили и землю за своими потомками. Мучительно-долго вырабатывалась формація крестьянскаго населенія, и благо ему, претерпѣвшему до конца! Въ великодушномъ порывѣ, подъ вліяніемъ западно-европейскихъ воззрѣній, не разъ пытались у насъ и прежде рѣшить вопросъ о крестьянскомъ освобожденіи. Но и рѣшили бы его тогда непремѣнно позападному, подобно тому, какъ въ 1811 году освобождены были Наполеономъ крестьяне въ Польшѣ, а въ 1819 г. императоромъ Александромъ I крестьяне прибалтійскихъ губерній,—т. е. *безъ земли*. Такое рѣшеніе было Россіи непригодно. Она выжидала рѣшенія *пошире*, *полиберальнѣе* западнаго,—своеобразнаго, русскаго, отвѣчающаго задачамъ ея исторіи, и дождалась. Манифестъ 19 февраля 1861 года, сквозь XVIII и XVII вѣки, примыкаетъ прямо къ указу 1592 г., и Государь Александръ II, чрезъ головы Петра и Екатерины, подаетъ руку Московскимъ царямъ Өеодору и Борису.

Въ результатѣ: Россія пріобрѣла то, чего не имѣетъ ни одна страна въ Европѣ: могучее, крѣпкое, организованное крестьянское сословіе, котораго, по послѣднимъ статистическимъ даннымъ, считается слишкомъ 22 милліона душъ или 45 милліоновъ м. и ж. п., съ 120 милліонами десятинъ земли. У насъ есть то, чего нѣтъ нигдѣ: село, крестьянское, на своей землѣ сидящее, самоуправляющееся общество.

Вотъ что̀ значитъ дождаться національнаго рѣшенія своихъ національныхъ задачъ. Вотъ что̀, не далѣе какъ 20 лѣтъ тому назадъ, легло въ основу нашего, къ счастію еще не завершеннаго зданія. Пусть тѣ, которые, въ либерализмѣ своемъ, воздыхаютъ по западномъ государственномъ устройствѣ, скажутъ по совѣсти—чья основа человѣчнѣе, справедливѣе, либеральнѣе да и «консервативнѣе» въ то же время? Не на Западѣ ли, надъ которымъ, какъ Дамокловъ мечъ, виситъ соціальная задача, уже разрѣшенная (и разрѣшенная мирно) въ Россіи? не на Западѣ ли, гдѣ такъ-называемое четвертое сословіе буйно, съ проклятіемъ и воплемъ ломится въ двери тѣхъ самыхъ государственныхъ зданій, которымъ у насъ такъ многіе завидуютъ?—Но не вмѣстятъ его зданія, не такъ построены, тѣсны и грозятъ рухнуть отъ неудержимаго напора. Не создались ли либеральныя конституціи Запада большею частью на соціальномъ рабствѣ или на соціальной отчужденности народныхъ массъ? Представлены ли эти народныя массы хоть бы въ англійскомъ парламентѣ, несмотря на ихъ подавляющее большинство? Франція ли,—эта классическая страна бюрократическаго и парламентскаго деспотизма, —французская ли «демократическая республика» даетъ намъ слышать въ своихъ собраніяхъ истинную мысль и голосъ народный? Никто никогда такъ не лгалъ и до сихъ поръ такъ не лжетъ на свой сельскій народъ, какъ французская правящая интеллигенція, именно когда она гласитъ «во имя народнаго верховенства». Нигдѣ сельскій людъ, хотя его считается болѣе десятка милліоновъ, не содержится въ такомъ *подозрѣніи*, отчужденіи и презрѣніи, какъ именно у французскаго республиканскаго правительства!

Понятно ли теперь, какъ тѣсны и узки, въ примѣненіи къ государственной и соціальной задачѣ Россіи, всѣ иноземныя наилиберальнѣйшія системы политическаго строя? Въ виду указаннаго нами процесса исторической формаціи, завершившагося лишь въ 60-хъ годахъ, умѣстно ли толковать объ «идеалахъ 40-хъ годовъ»! Если уже съ одною этою формаціей наши основы оказываются такъ своеобразны и притомъ шире чѣмъ гдѣ-либо, то позволительно думать, что и строить зданіе придется въ своеобразномъ же архитектурномъ стилѣ и по соотвѣтствующему масштабу, которому въ Европѣ и образца нѣтъ!...

Западныя понятія о «либерализмѣ» очень относительны и неопредѣленны, а въ примѣненіи къ явленіямъ русской жизни способны вредно смущать и правящихъ, и управляемыхъ, особенно же первыхъ. Скажите любому иностранцу, что въ Россіи ежедневно происходятъ тридцать или сорокъ тысячъ сходокъ совершенно свободно и безъ всякаго полицейскаго коммиссара: мы разумѣемъ наши сельскіе міры или вѣча. Онъ ахнетъ отъ такого «либерализма», не подозрѣвая, что тутъ-то и сидитъ самая консервативная сила; онъ замѣтитъ, конечно, что такихъ порядковъ не разрѣшаютъ многія, самыя демократичныя конституціи. Но русская жизнь, создавшая свой тысячелѣтній обычай, вовсе и не подозрѣвала себя причастною такому грѣху, а у насъ, къ счастію, составляя Положеніе 19 Февраля, не догадались спросить предварительно мнѣнія иностранцевъ!.. Въ томъ-то и дѣло, что жизнь творитъ органически, а не по предвзятой доктринѣ, не справляясь съ *квалификаціей*, которая будетъ ей дана за границей или въ нашей печати. Такъ, наилучшій идеалъ государственнаго устройства безъ сомнѣнія тотъ, который отводитъ наиболѣе мѣста внутреннему самоуправленію. Извѣстно, что первый царь Московскій и всея Руси—первый же ввелъ въ земскую жизнь это начало и вообще ясно сознавалъ взаимныя отношенія земли и государства. Но не мало бы удивился Иванъ IV, когда вѣщалъ народу на Красной Площади или совѣщался съ выборными людьми по поводу войны съ Баторіемъ, если бы нѣкіимъ чародѣйствомъ предсталъ ему внезапно, въ видѣніи, какой-нибудь борзый газетный фельетонистъ нашихъ дней, потрепалъ его одобрительно по плечу и пожаловалъ бы его въ «либералы»!

Но упомянувъ объ Иванѣ IV, мы съ тѣмъ вмѣстѣ указываемъ и на процессъ другой исторической формаціи, завершающейся также въ наше время. Мы не станемъ говорить здѣсь объ отличіи самого понятія о государствѣ, лежащаго въ основѣ нашей исторіи, отъ понятій римскихъ и западно-европейскихъ. Идея земли, земщины, земскаго дѣла никогда не поглощалась у насъ идеею государства. Въ торжественныя минуты исторіи, при общемъ сборѣ чиновъ и людей Московскаго царства, всѣ безъ различія включались въ понятіе «всей земли», также какъ и сама царская или боярская дума. Но въ общемъ составѣ населенія проходила черта довольно рѣзкая. Къ земскимъ людямъ причислялись крестьяне, торговые и посадскіе люди, которые въ прошеніяхъ оффиціально именовали себя «сиротами». Бояре же и всѣ чины, до дворянъ и жильцовъ включительно, изъ рода въ родъ, наслѣдственно принадлежали къ классу *служилому* и пользовались названіемъ «государевыхъ слугъ». Они состояли на службѣ или въ распоряженіи правительства—отъ колыбели до гроба. Начиная съ Ивана Грознаго, въ XVI и XVII вѣкѣ производится цѣлый рядъ систематическихъ попытокъ ввести самоуправленіе въ волостяхъ и уѣздахъ, призвать къ участію въ судѣ, въ полиціи, частью въ администраціи земскихъ людей, съ широкимъ примѣненіемъ избирательнаго права. Но эти попытки, вообще говоря, были неудачны, прививались непрочно: земщина была еще слишкомъ немощна, неустроена, сиротлива. Ей недоставало своего, болѣе образованнаго, верхняго земскаго слоя. Иванъ IV сдѣлалъ было и еще попытку: раздѣливъ государство на «Земщину» и «Опричнину», онъ далъ первой особаго царя и тѣмъ самымъ какъ бы призналъ ее оффиціально, оставивъ себѣ Опричнину. Черезъ восемь лѣтъ это раздѣленіе имъ уничтожено, съ достопамятными словами: «образецъ учиненъ готовъ». Этимъ образцомъ раздѣленія, только въ другой формѣ и съ одной его стороны, воспользовался Петръ для совершенія своихъ преобразовательныхъ и цивилизаторскихъ замысловъ. О землѣ или земщинѣ, естественно враждебной его иностраннымъ нововведеніямъ, при немъ не могло уже быть и помину. Напротивъ, все было направлено къ тому, чтобы ослабить ее, чтобы рѣзко отдѣлить и крѣпко-накрѣпко приковать всѣ остальные общественные классы и всѣхъ вновь отъ земли отторгающихся къ созданному Петромъ типу государства, къ дѣлу реформы. Отторженіе было не только покровительствуемо, но и организовано, обставлено соблазнами и выгодами. Поползновенія старыхъ родовъ къ созданію аристократіи были подкошены въ самомъ началѣ учрежденіемъ «табели о рангахъ» (и въ этомъ ея историческая заслуга). Настежь раскрылись двери прежде замкнутаго служилаго или дворянскаго сословія—лицамъ всѣхъ званій; всякій, съ полученіемъ перваго офицерскаго чина, становился наравнѣ съ дворяниномъ. Рядомъ съ военною, учреждена гражданская армія, армія чиновниковъ; вторгается цѣлая новая стихія въ русскую жизнь. Но смѣшавъ старый служилый слой съ новымъ, старые дворянскіе роды съ новопроизведенными, Петръ надѣлилъ ихъ и «авантажемъ». Онъ обратилъ прежнія помѣстья въ вотчины и отдалъ имъ крестьянъ въ личную крѣпостную зависимость. Законодательнымъ источникомъ не только крѣпостнаго поземельнаго права, но и душевладѣльчества считается указъ Петра о первой ревизіи. Успѣхъ «преобразованія» былъ такимъ образомъ обезпеченъ. Страна раздвоилась: въ одномъ станѣ своего рода опричные, или обособленные отъ земли люди, т. е. вся служилая, въ сущности правящая сила, отъ дворянъ до последняго солдата и канцеляриста, отрекшаяся отъ преданій, отъ народности, но ставшая орудіемъ цивилизаціи и проводникомъ образованія, а впослѣдствіи и самосознанія. Всѣ они были, къ тому же, обязательно бритые, въ нѣмецкихъ кафтанахъ и пудрѣ. Въ другомъ станѣ: купцы, мѣщане, посадскіе, крестьяне, однимъ словомъ, народъ съ своимъ древнимъ обычаемъ, со льготой: носить бороду и родную одежду. Система внѣшняго разъединенія была проведена такъ строго, что *право* не бриться и одѣваться по русски было возвращено русскому дворянству не ранѣе какъ черезъ 150 лѣтъ, въ освободительное царствованіе нынѣшняго Государя! — Петръ III указомъ о вольности дворянства снялъ съ дворянъ, старыхъ и недавнихъ, тяжкую, но почтенную въ глазахъ народа повинность государственной службы. Такимъ образомъ создалось, вмѣсто прежняго наслѣдственно-служилаго, новое, подъ общимъ названіемъ дворянскаго, сословіе, въ основу котораго легла прерогатива крѣпостнаго права. Рабовладѣльчество, при поддержкѣ правительства,—въ свою очередь искавшаго поддержки въ дворянствѣ,—достигло во второй половинѣ XVIII вѣка своего полнаго расцвѣта. Екатерина II окончательно организовала дворянство и надѣлила его грамотою. Она хвалилась тѣмъ, что въ лицѣ дворянъ имѣетъ 100 тыс. полицеймейстеровъ,—сколько помѣщиковъ, столько и полицеймейстеровъ. Успѣха отъ дарованныхъ дворянству широкихъ правъ самоуправленія, при такихъ условіяхъ, на подкладкѣ рабовладѣльчества, исключавшаго всякую возможность земской жизни, нельзя было, разумѣется, ожидать, и его не было.

Но вѣра народа оправдалась. 19 Февраля 1861 года, рушивъ стѣну крѣпостнаго права, завалило вмѣстѣ и ровъ, отдѣлявшій землю отъ государства. Освобождая крестьянъ, оно освободило одновременно и дворянство отъ позорной прерогативы и связанныхъ съ нею отношеній. Русское старое дворянство можетъ лишь гордиться тѣмъ, что стало наконецъ чуждо всякихъ внѣшнихъ, обидныхъ для другихъ преимуществъ. Оно выросло изъ узкихъ сословныхъ рамокъ. У него *нѣтъ теперь сословныхъ дворянскихъ* интересовъ, ибо интересы землевладѣнія общіе у него со всѣми личными вотчинниками, безъ различія званій. Его интересы—интересы просвѣщенія, интересы общегосударственные и земскіе. Его преимущества лишь тѣ, которыя даются добрымъ историческимъ преданіемъ, образованіемъ, наслѣдственною опытностью и обычаемъ служебнаго труда, и добровольною постоянною готовностью состоять въ распоряженіи не только государства, но также и земли, для служенія имъ обоимъ...

Изъ-за рушившейся стѣны крѣпостнаго права тотчасъ же высунулось, встрѣченное единодушнымъ сочувствіемъ народа, лицо «мироваго посредника»—*перваго новаго земскаго человѣка*. Этотъ типъ земскаго человѣка не былъ знакомъ древней Руси; это уже новый, но исторически организовавшійся типъ! Процессъ мучительной формаціи завершился; создались силы, интеллигентныя земскія силы, которыхъ именно недоставало древней сиротствующей земщинѣ. Только теперь стала возможною организація земства и того земскаго самоуправленія, въ которомъ такъ искони нуждались и земля, и государство.

Вотъ значеніе реформъ истинно освободительнаго царствованія Александра II. Онѣ могутъ назваться «реформами» только по отношенію къ законодательству XVIII вѣка. Невольно припоминаются выраженія адреса, поданнаго Государю старообрядцами во время послѣдней польской смуты: «въ новизнахъ Твоего царствованія намъ старина наша слышится».

Такимъ образомъ, при тѣхъ «державахъ», которыми стоитъ наше государственное бытіе и о которыхъ было упомянуто нами въ началѣ, завершились формаціи новыхъ историческихъ основъ—только еще *основъ* нашего государственнаго зданія. Мы имѣемъ теперь: съ одной стороны крестьянское организованное сословіе съ крестьянскимъ самоуправленіемъ, и съ другой—всѣ нужные элементы для того же земскаго самоуправленія. Благодареніе Богу, мы можемъ строить не такъ, какъ строилось у другихъ народовъ: не на насиліи, не на принципѣ недовѣрія и антагонизма между властью и страною, не на отчужденности народныхъ массъ, но на началѣ мира, взаимной вѣры, — но именно въ народныхъ массахъ полагая внѣшній и нравственный упоръ, центръ тяжести и стойкости всего сооруженія. Намъ приходится класть, уже *въ основаніе*, именно то, что̀ въ другихъ государствахъ представляется едвали досягаемымъ идеаломъ. Мы призваны, кажется, явить со временемъ міру зрѣлище небывалаго государственнаго строя — мирно и свободно самоуправляющейся земли подъ державою живой, личной, не фиктивной и не механической, верховной власти, связанной съ землею не только солидарностью интересовъ, но тѣснѣйшимъ органическимъ союзомъ любви, довѣрія и единаго народнаго духа. Только бы именно не отрывались мы отъ народа ни въ духѣ, ни въ мысли, а подвигались, хотя бы и медленно-медленно, но объ руку съ нимъ! Только бы не портили мы сами органическаго дѣла жизни своими искусственными подѣлками и не освѣщали постоянно нашей русской дѣйствительности фальшивымъ свѣтомъ иностранныхъ воззрѣній!

Можно ли однако строить верхніе ярусы, *пока мы не* обознаемъ въ точности, не *утвердимъ самыхъ его основъ*, тѣхъ основъ, въ которыхъ залогъ всей нашей будущности? Всмотритесь же, благополучно ли онѣ обстоятъ? Не видите ли, какъ завалены, засорены онѣ осколками и мусоромъ всяческихъ прежнихъ построекъ? Какой туманъ недоразумѣній виситъ надъ ними, какой хаосъ кишитъ около нихъ — противорѣчивыхъ системъ, понятій, представленій! Еще не переродились ни привычки, ни нравы, ни пріемы до-реформенныхъ дней; еще не совсѣмъ сгладились слѣды бытовой розни между сословіями,—а главное, еще значительной части нашихъ «дѣятелей» недостаетъ, — въ поразительной степени недостаетъ,—пониманія народнаго духа. Въ томъ-то и дѣло, что еще плохо расчищено въ насъ историческое сознаніе, что мы сами еще не стоимъ мыслью *въ уровень* съ новыми исполинскими данными нашей исторической жизни!

Скажемъ прямо, что наши «основы» обстоятъ не вполнѣ благополучно. Если крестьянское самоуправленіе представляетъ еще организацію довольно стройную, хотя отчасти уже подпорченную, то земскаго самоуправленія, строго говоря, нѣтъ вовсе, развѣ только зачатки. Какъ? А уѣздныя и губернскія земскія собранія, уѣздныя и губернскія управы? Никто болѣе насъ не цѣнитъ дѣятельности почтенныхъ земскихъ тружениковъ; никто болѣе насъ не противится мысли объ ослабленіи значенія земскаго уѣзднаго и губернскаго представительства. Но было бы едвали не опасно, а можетъ-быть даже и положительно вредно удовлетворяться настоящей постановкой земскаго дѣла или объяснять себѣ относительную неудачу земской дѣятельности лишь тѣми «препонами», какія любятъ приводить достоуважаемые ревнители настоящихъ земскихъ учрежденій. Конечно, было бы желательно, чтобъ представленія земскихъ собраній болѣе уважались и чтобъ въ нужныхъ случаяхъ они могли безпрепятственно сноситься другъ съ другомъ, — но съ устраненіемъ препонъ, не вышло ли бы развѣ опять то же и тѣ же, только въ иной, болѣе обширной декораціи?

Такъ въ чемъ же дѣло? гдѣ причина неудачи?

Въ томъ, что земскія учрежденія имѣются у насъ въ каждомъ уѣздѣ, но *общаго уѣзднаго мѣстнаго самоуправленія все-таки нѣтъ.* Крестьянскія общества, съ крестьянскимъ самоуправленіемъ, стоятъ особнякомъ среди множества разсѣянныхъ порознь, живыхъ единицъ, ничѣмъ не соединенныхъ между собою. Всѣмъ этимъ единицамъ, обществамъ, учрежденіямъ и всему уѣздному составу уѣздное земство не служитъ живою связью. Не оно въ этомъ виновато. Но, въ большинствѣ уѣздовъ, едвали не заслуживаетъ оно упрека въ томъ, что мало о томъ и помышляетъ. Печально видѣть, — но это фактъ, и фактъ къ несчастію понятный, — что уѣздный, а тѣмъ болѣе губернскій земскій институтъ въ настоящемъ своемъ видѣ не пользуется въ народѣ ни популярностью, ни авторитетомъ; земскія управы въ глазахъ народа — то же, что казенныя, полицейскія, присутственныя мѣста; члены — тѣ же чиновники. Это зло — и зло существенное. Оно еще подбавляется бюрократическою рутиной, отъ которой до сихъ поръ мы нигдѣ не умѣемъ освободиться, даже когда она намъ и не навязана.

А если такъ, если въ сферѣ мѣстной дѣятельности административно-хозяйственной не удается учрежденію пріобрѣсти мѣстный авторитетъ и довѣріе, то притязаніямъ на высшую дѣятельность и подавно нѣтъ еще мѣста. Если народъ въ уѣздѣ не будетъ считать уѣзднаго земства кровью отъ крови и плотью отъ плоти своей, то развѣ можно признавать это земство дѣйствительною мѣстною силою, живымъ представителемъ мѣстной земской мысли и воли? если же уѣздное земское представительство народу не свое, то губернскія собранія будутъ уже и совсѣмъ ему чужды. Если въ уѣздномъ представительствѣ у васъ нѣтъ правды, то что̀ же было бы въ послѣдующей градаціи?... Ложь кольми.

Обильно поросло ложью русское поле; разнообразнѣйшими сортами лжи. Но отъ одного и самаго высшаго сорта насъ до сихъ поръ Господь миловалъ,—отъ *лже*-народа... Послѣдняя ложь была бы горше всѣхъ....

Нѣтъ, не въ высь и не въ ширь простираться посовѣтовали мы бы теперь нашимъ земствамъ, а *въ глубь да около*. Надо прежде всего стать живою правдой въ уѣздѣ, а для достиженія этого едвали не безразлично все то, въ чемъ до сихъ поръ видѣли и видятъ они помѣху.

Вся бѣда современной уѣздной безурядицы и земскаго безсилія кроется въ недостаткѣ цѣльной системы уѣзднаго самоуправленія, системы въ которой бы всѣ отдѣльныя органическія части и нововводимыя учрежденія были объединены и согласованы. Этой системы не только нѣтъ въ жизни,—ея не имѣется, повидимому, даже и въ сознаніи, не только правительственномъ, но и общественномъ. Да и трудно было ей выработаться при той слабости нашего сознанія и разумѣнія народной и исторической жизни, при той пестротѣ воззрѣній и понятій, которая господствуетъ въ нашихъ вліятельныхъ сферахъ, а частью въ обществѣ и печати. Не успѣли показаться на свѣтъ Божій эти всходы историческаго посѣва, какъ уже со всѣхъ сторонъ, въ наивномъ, опрометчивомъ невѣжествѣ, спѣшатъ у насъ окарнать, обмундировать, взнуздать свободу и жизнь новой крестьянской организаціи по всѣмъ правиламъ европейскаго государственнаго искусства и новѣйшаго слова европейской науки. Когда, напр., государство рѣшилось признать существованіе поземельной общины, бо̀льшая часть тогдашней печати завопила противъ закрѣпощенія личности и добилась таки мѣропріятій и правилъ, способствующихъ разложенію общины. Теперь ноютъ и воютъ по поводу «гнуснаго деспотизма волостныхъ судовъ»; требуютъ уничтоженія волостнаго самоуправленія; накликиваютъ регламентацію и регулировку. Ну, что̀ же вышло и выходитъ? Вотъ и пристегнули къ волостному самоуправленію исправника и становаго, обратившихъ его въ ничто; вотъ и подвернули къ крестьянскому *обычному* суду «*кассацію*»! Тамъ внесли принципъ «дѣленія административной и судебной власти»; здѣсь суютъ 10-й томъ Свода Законовъ; тутъ сулятъ Сельскій Уставъ канцелярскаго петербургскаго сочиненія; на дняхъ напечатаны слухи о предполагающемся введеніи высокаго «имущественнаго ценза» для права участія мужиковъ въ своихъ сельскихъ міровыхъ сходкахъ!... И пр. и пр. и пр. Всѣ эти починки и поправки — зря, съ боку, кое-гдѣ, кое-какъ, безъ общаго сознаннаго плана, — къ чему приводятъ или могутъ привести онѣ? Къ совершенному разрушенію начавшагося самоуправленія, къ подавленію самаго духа жизни. А измите духъ жизни изъ организма,—что̀ останется?

А между тѣмъ какіе богатые задатки будущаго строя даны намъ историческою судьбою, какіе чудные зародыши! Богатыря, на диво міру, могутъ они выростить, — но могутъ выростить и урода, отъ тѣснаго пеленанья, отъ ухода невѣжественныхъ нянекъ. Пора же намъ образумиться, пора перестать «по воздуху носиться по пустому», а осѣсть на землѣ и на ней утвердиться. Дерево ростетъ изъ зерна. Вверхъ идутъ только снизу. Снизу и начнемъ работать дружно и сообща. Да и куда-жъ бы мы пошли, одни, врозь съ народомъ, еще не скрѣпивъ съ нимъ своихъ связей, еще не пріобрѣтя его довѣрія, еще сами чуждые его духа? Постараемся прежде окончательно завалить ровъ, который два вѣка зіялъ между нимъ и нами; добьемся правды жизни и самоуправленія только въ уѣздѣ, а остальное органически, разумно, національно и правильно, приложится само самою... Но какъ же быть, какъ приступить къ дѣлу?

А вотъ какъ, по нашему мнѣнію. Предположимъ, что правительство предоставляетъ намъ заняться составленіемъ плана *административно-хозяйственной автономіи уѣзда*. Ничего конечно не можетъ быть скромнѣе и дозволительнѣе этой задачи, но какъ неизмѣримо плодотворно ея правильное разрѣшеніе! Повидимому тѣсная, она такъ широка, что вмѣщаетъ въ себѣ всю трагическую соціальную задачу западнаго политическаго бытія, для самого Запада едвали разрѣшимую... Въ уѣздѣ, какъ въ клѣточкѣ или ячейкѣ, сходятся и соприкасаются у насъ всѣ элементы нашего земскаго и государственнаго строя. Въ уѣздѣ, какъ въ зернѣ, наша будущность...

Вотъ и практическій выводъ изъ нашей, можетъ-быть слишкомъ пространной статьи, но мы хотѣли утвердить его на твердомъ логическомъ и историческомъ основаніи. Этотъ выводъ отвѣчаетъ задачамъ, поставленнымъ всей нашею русскою жизнью и именно указывается недавно завершившимися историческими формаціями.

И такъ, совокупимъ же всѣ наши разрозненныя умственныя силы для рѣшенія этой уѣздной проблемы. Какъ ни невинна, ни мелка покажется она многимъ изъ нашихъ земскихъ и литературныхъ дѣятелей, но странно однакоже, что никто, кажется, до сихъ поръ не поломалъ надъ нею головы и не предложилъ разрѣшенія. Кто пишетъ спеціально о мировомъ институтѣ, кто о сословной или всесословной волости, кто препирается о порядкѣ и мѣстѣ выбора непремѣннаго члена присутствія по крестьянскимъ дѣламъ; но цѣльной системы уѣзднаго строя никто еще не представилъ. Задача эта не только не легка, но и очень трудна. Всѣ предметы, о которыхъ такъ часто, порознь, трактуется въ печати, всѣ входятъ въ эту задачу. Тутъ и вопросъ о волости, и о полиціи, и о взаимномъ отношеніи сословнаго, народнаго и безсославнаго, интеллигентнаго слоя, стихіи общинной и личной, мироваго суда и администраціи; наконецъ вопросъ о живомъ объединеніи всѣхъ элементовъ и силъ въ одно реальное цѣлое, — о томъ *дѣйствительномъ* значеніи, которое бы могло *тогда* имѣть мѣстное земское собраніе... Тутъ выдѣлилось бы и то, что̀ относится до всей губерніи и то, что̀ принадлежитъ къ сферѣ общегосударственныхъ интересовъ и верховной правительственной власти. Да, эта задача стоила бы того, чтобъ надъ нею поработали цѣлыя коммиссіи избранныхъ людей, по всѣмъ уѣздамъ Россіи!

Но если этого не сдѣлано, отчего же не потрудиться надъ нею печати, концентрируя всѣ разрозненныя теперь изслѣдованія?

«Русь» съ своей стороны ставитъ эту задачу на первомъ планѣ своей открывающейся дѣятельности. Мы призываемъ къ содѣйствію всѣхъ нашихъ провинціальныхъ подписчиковъ и корреспондентовъ. Мы настойчиво просимъ ихъ поразвѣдать мысль крестьянъ и прочихъ классовъ уѣзднаго общества и попытаться начертать обдуманно, на мѣстахъ, сообща, планы уѣзднаго самоуправленія. Нужды нѣтъ, что наши планы можетъ-быть и останутся только планами. Практическое рѣшеніе задачи безспорно принадлежитъ одному правительству, которое, если не ошибаемся, отчасти съ этою же цѣлью назначило и ревизію гг. сенаторовъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ. Но одно другому не мѣшаетъ. Наша обязанность: рѣшить этотъ вопросъ для себя самихъ *въ нашемъ сознаніи.* Было бы даже по меньшей мѣрѣ странно, еслибы правительство, слыша безпрестанно наши собственные вопли и жалобы на безурядицу, обратилось къ намъ за совѣтомъ, а у насъ ни у кого даже отвѣта готоваго не нашлось!...

Неужели этому нашему призыву быть «гласомъ вопіющаго въ пустынѣ»? Неужели по прежнему станемъ толковать о вѣнцѣ зданія, когда на нашихъ, чуть не на слѣпыхъ глазахъ, невѣжествомъ и небреженіемъ подкапываются самыя существенныя его основы? Неужели не уразумѣемъ, что строятъ зданіе не сверху, а снизу вверхъ; что рѣшая задачу самоуправленія для уѣзда, рѣшаемъ ее для губерніи, а рѣшая для губерніи, хотя бы только въ области сознанія, потрудимся для всего нашего будущаго государственнаго и общественнаго строя?... Нѣтъ для Русскаго, любящаго свой народъ и землю серьезно и искренно, нѣтъ задачи потребнѣе, шире и, при всемъ своемъ истинномъ консерватизмѣ, дѣйствительно либеральнѣе въ добромъ, не пошломъ смыслѣ этого слова... Вдумайтесь только.

Ходататайство Московскаго Земскаго собранія о признаніи прихода юридическимъ лицомъ.

«Русь», 27-го декабря 1880 г.

Какъ благовѣстъ пронесется по Русской землѣ постановленіе Московскаго Губернскаго Земскаго Собранія 18 декабря истекающаго года. Во всей дѣятельности русскихъ земскихъ учрежденій, съ самаго ихъ основанія, не было до сихъ поръ, сколько припомнимъ, ни одного дѣйствія, равнаго по своему значенію. Оно проникаетъ въ самую сердцевину духовно-общественной жизни народа. Оно свяжетъ земство нравственными узами съ землею и подниметъ его значеніе въ народномъ мнѣніи несравненно выше, чѣмъ устраненіе (впрочемъ также желательное) разныхъ внѣшнихъ преградъ, которыя еще противопоставляются размаху его дѣятельности какъ Хозяйственнаго Комитета. Это значитъ—копнуть заступомъ глубоко въ самую подпочву; это то, что Нѣмцы зовутъ ins Leben greifen. Мы разумѣемъ единогласное постановленіе Московскаго Губернскаго Земскаго Собранія: «ходатайствовать о томъ: а) чтобы приходы, въ смыслѣ приходскихъ обществъ, были признаны за юридическія лица; б) чтобы было возстановлено древнее право приходовъ избирать людей честныхъ и достойныхъ въ должность священниковъ, настоятелей къ ихъ церквамъ и представлять о томъ заручныя прошенія мѣстному епископу; в) чтобы за приходомъ признано было право всякими, закономъ дозволенными средствами пріобрѣтать и укрѣплять за собою имущества какъ движимыя, такъ и недвижимыя; г) чтобы имущество каждой приходской церкви было признано за неотъемлемую ея собственность и чтобъ оно находилось въ завѣдываніи мѣстнаго приходскаго общества, и д) чтобы въ этомъ смыслѣ дарована была организація приходскимъ обществамъ какъ городскимъ такъ и сельскимъ, причемъ само собою разумѣется, что къ этимъ обществамъ не должны быть принудительно привлекаемы раскольники живущіе въ приходѣ, хотя бы они оффиціально въ немъ и числились».

Наше сочувствіе съ этимъ постановленіемъ понятно читателямъ «Руси.» «Какъ въ дѣлѣ нашего государственнаго и общественнаго строя наше одно спасеніе въ приливѣ земской стихіи, такъ и въ строеніи церковномъ нуженъ приливъ народной же церковной стихіи,» сказали мы въ 3 №. Въ области церковной ячейкою органической жизни, наименьшею единицею представляется *приходъ*, и потому, повторимъ наши слова, «необходимо вызвать къ жизни и признать самоуправленіе и самостоятельность *приходской общины*—въ согласіи съ общимъ *соборнымъ* строеніемъ нашей церкви»... Думаемъ, что ходатайство земскаго собранія будетъ встрѣчено сочувственно и всѣми органами нашей печати. Впрочемъ, между нашими «либералами» найдутся и такіе, которые, начитавшись въ разныхъ книжкахъ о властолюбіи духовенства, объ его значеніи, какъ цѣлой общественной, нравственно-господствующей стихіи, словомъ «о клерикализмѣ» въ Испаніи и во Франціи, и «о культурной борьбѣ» въ Германіи, сочтутъ непремѣннымъ долгомъ «почти» передоваго человѣка выступить въ бой съ новою грозящею у насъ опасностью для «культуры». Не безъ нѣкотораго даже наивнаго національнаго самодовольства, согрѣтаго въ то же время нѣкоторымъ искреннимъ либеральнымъ жаромъ, они присосѣдятъ пожалуй къ «аграрному» и «рабочему» вопросамъ также и «клерикальный вопросъ въ Россіи»: точь въ точь какъ въ Европѣ!! Но этимъ господамъ, которыхъ странному національному самолюбію лестно можетъ быть и то, что въ Россіи водится даже «англійская болѣзнь», мы противопоставимъ мнѣніе не иностранцевъ-*вообще* (каковыми могутъ быть сочтены всѣ русскіе западники, которые, вопреки увѣреніямъ г. Градовскаго, вовсе у насъ не перевелись, но только видоизмѣнились), а настоящаго иностранца, истиннаго сына своей страны, умнаго французскаго публициста Леруа-Больё (Leroy-Beaulieu). Въ своихъ замѣчательныхъ изслѣдованіяхъ русскаго общественнаго строя онъ былъ пораженъ совершеннымъ отсутствіемъ клерикализма какъ въ клирѣ, такъ и въ народѣ. Въ Русскомъ народѣ, вмѣсто западнаго клерикализма, говоритъ онъ, живо ощущается присутствіе другаго начала—*церковности*, т. е. чувство и сознаніе принадлежности каждаго и всѣхъ къ общему церковному союзу: ни священникъ, ни епископъ (тѣмъ менѣе Синодъ) не заслоняютъ ни для кого изъ насъ (по его замѣчанію) высшаго понятія и представленія о церкви. Особенную жизненность этого начала, въ смыслѣ дѣятельнаго отношенія вѣрующаго къ церкви, какъ ея сына и члена, Леруа-Больё усматриваетъ у старообрядцевъ. Онъ не правъ, конечно, въ томъ смыслѣ, что старообрядцы, не только безпоповцы, но и уставившіе самочинную іерархію, никакой правильной церкви не представляютъ и не приняты въ общеніе ни съ одной православною церковью. Но его отзывъ не лишенъ основанія въ томъ отношеніи, что у старообрядцевъ, не исключая и благословенныхъ, признанныхъ нашею церковью, дѣйствительно духъ церковный живѣе и дѣйственнѣе, интересы церковные имъ ближе; обязанности,—а равно и право,—налагаемыя званіемъ члена церкви, сознаются ими сильнѣе, не только вслѣдствіе долгой замкнутости и сплоченности ихъ религіозныхъ общинъ, но, главнымъ образомъ, вслѣдствіе живучихъ у нихъ, могущественныхъ преданій давней, еще цѣльной русской старины. Но и тамъ, гдѣ эти преданія уже не властвуютъ съ прежнею силою,—во всемъ остальномъ русскомъ крещеномъ мірѣ не клерикализмъ мертвитъ дѣятельность церковнаго начала, а вторженіе въ церковный внутренній строй враждебныхъ мертвящихъ началъ—казенщины, бюрократизма, чиновничества. Вотъ для борьбы-то съ этими мертвящими началами и благословляемъ мы возстановленіе самостоятельныхъ приходскихъ общинъ, видя въ нихъ залогъ воскрешенія—«духа жизни и жизни духа».

Но устранимъ и другое возраженіе противъ ходатайства Московскаго Земства. Оно имѣетъ также въ своемъ основаніи совершенное неразумѣніе смысла церкви, какъ духовно-нравственнаго организма, какъ братскаго союза, какъ единства любви и вѣры; оно держится вообще извѣстнаго воззрѣнія на религію только какъ на «субъективное», какое-то произвольное чувство, въ родѣ личнаго вкуса, лишенное серьезнаго значенія въ общественной жизни. Но опасенія свои оно предъявляетъ уже въ другой формѣ. Именно выражается боязнь, чтобъ приходская община не упразднила и не замѣстила собою крестьянской общины и самоуправленія, и не обратилась сама въ нѣмецкій кирхшпиль. На это замѣтимъ, что приходская община существовала у насъ искони, также какъ и крестьянская община, и никогда онѣ другъ друга не замѣщали и другъ съ другомъ не смѣшивались, хотя и жили дружно, въ духѣ единомъ. Впрочемъ нельзя сказать, чтобъ это опасеніе лишено было уже всякаго основанія, въ виду подражательныхъ наклонностей нашихъ высшихъ бюрократическихъ сферъ и вообще нѣкоторой путаницы въ господствующихъ у насъ понятіяхъ. Пожалуй и въ самомъ дѣлѣ можетъ у кого-нибудь родиться мысль объ искусственномъ совмѣщеніи у насъ сельской общины или волости съ приходомъ,—и притомъ въ такомъ видѣ, что не получится ни прихода, ни волости или общины, какъ живыхъ самостоятельныхъ единицъ. Но опасность такого искаженія именно и оговорена въ томъ предложеніи, которое послужило поводомъ къ постановленію Московскаго Губернскаго Земскаго Собранія. «Этимъ словомъ, сказалъ въ своей рѣчи Д. Ѳ. Самаринъ, злоупотребляли въ послѣднее время. Недавно высказана была мысль пріурочить къ приходу волостной судъ», и т. д. Само собою разумѣется, что обращать волостныя учрежденія въ приходскія, т. е. смѣшивать обѣ функціи, налагать напр. на волостной судъ властію закона характеръ какого-то церковнаго суда, съ участіемъ священника, или наоборотъ заставлять приходское учрежденіе взыскивать подати, дѣлить землю, вести бюрократическую переписку со властями, и т. п., это значило бы исказить и подкосить на первыхъ же порахъ жизненность чистаго церковнаго элемента. Съ другой стороны, если приходъ совпадаетъ съ предѣлами волостнаго или сельскаго общества, такъ это совпаданіе можетъ быть только на пользу и приходу и обществу, а для крестьянъ великимъ удобствомъ. Крестьянамъ разныхъ деревень не зачѣмъ было бы предпринимать особое путешествіе на общественный сходъ: сходясь вмѣстѣ къ обѣднѣ, они могли бы, по окончаніи обѣдни, вершить и общественныя свои дѣла. Это отняло бы, напр., у волостнаго схода его настоящій, нѣсколько искусственный, принудительный характеръ, придало бы ему болѣе естественности и жизни, стало-быть правды и силы. Ибо гдѣ органическая жизнь, тамъ и правда, гдѣ правда, тамъ и сила. Тамъ и свобода. Общинный союзъ, съ подкладкой стариннаго, привычнаго, бытоваго и къ тому же духовно-нравственнаго, приходскаго союза, сталъ бы только отъ того сильнѣе и плодотворнѣе. И теперь территоріальные предѣлы многихъ сельскихъ общинъ, а мѣстами и предѣлы волости, совпадаютъ съ предѣлами прихода. Конечно, приходъ теперь не имѣетъ еще того значенія, которое предполагается ему дать, но какое бы значеніе ему ни дали, общинный міръ, какъ вѣка тому назадъ, такъ и теперь, судилъ и рядилъ бы всегда независимо отъ церковнаго причта, и *никогда бы не дозволилъ ему* вступаться въ свои мірскія дѣла. Да и причту, можно навѣрное поручиться, такого притязанія никогда и въ голову не входило.

Вообще, повторяемъ, нѣтъ ничего ошибочнѣе предположенія, которое можетъ-быть витаетъ въ умѣ нѣкоторыхъ «представителей» русской «національной интеллигенціи», какъ они себя величают, будто стихія церковная въ православной церкви вообще, а въ русской въ особенности, таитъ въ себѣ начало антагонизма съ жизнью мірскою, земскою и даже государственною, и въ своихъ властолюбивыхъ захватахъ сдерживается только внѣшнею силою государства. Такого рода мнѣніе сихъ интеллигентовъ обличаетъ только, что они не разумѣютъ существеннаго духа православной церкви и смотрятъ на нее съ католической точки зрѣнія. Они дѣйствительно полагаютъ, что нужно и у насъ, какъ на Западѣ или вообще въ католическихъ странахъ, учредить особый modus vivendi, порядокъ сожительства общественнаго организма съ тѣмъ «необходимымъ зломъ», которое выражается тамъ въ элементѣ клерикальномъ. Они именно забываютъ, что стихія церковности, объемлющая не одну іерархію, но и мірянъ или народъ, и есть именно самое сильное противодѣйствіе вредному преобладанію начала клерикальнаго, отвѣчая въ то же время требованіямъ самой истины, зиждущей церковь. Именно ее, эту стихію, и слѣдуетъ оживить въ народномъ сознаніи, въ которомъ она никогда и не угасала, но была лишь придавлена, стѣснена въ своихъ внѣшнихъ проявленіяхъ. Забываютъ, что на Святой Руси массы народа иначе и не называютъ себя, какъ «православные» или какъ «христіане» (крестьяне), т. е. живые члены церкви, живущіе и дѣйствующіе въ то же время въ союзѣ общинномъ и земскомъ. Въ самой природѣ православной церковности нѣтъ никакихъ началъ антагонизма и раздора между пастырями и паствой, между клиромъ и мірянами,—и если этотъ антагонизмъ, не какъ случайное, частное явленіе, а какъ начало, и внѣдряется въ послѣднее время, такъ опять-таки благодаря вторженію иноземныхъ началъ при Петрѣ Великомъ и его преемникахъ.

Намъ замѣтятъ, можетъ-быть, что Московское Земское Собраніе ходатайствуетъ о признаніи приходовъ «за юридическія лица» и что таковое признаніе, вмѣстѣ съ приходскою организаціею (еще ожидаемою и испрашиваемою), способно придать имъ такое значеніе и силу, которыя перевѣсятъ, пожалуй, силу и значеніе крестьянскаго самоуправленія. Но признаніе юридическимъ лицомъ вовсе не сопряжено съ такого рода правами. Оно необходимо уже для того, чтобы приходъ могъ пріобрѣтать на свое имя недвижимыя и движимыя имущества и укрѣплять ихъ за собою формальными актами, которыхъ совершеніе въ противномъ случаѣ не было бы и допущено нашимъ нотаріатомъ. Въ статьяхъ Д. Ѳ. Самарина, напечатанныхъ когда-то въ «Днѣ», и въ любопытной брошюрѣ, изданной имъ въ 1867 г. подъ названіемъ «Приходъ», разсказанъ интересный процессъ «Псковичей» съ Синодомъ, окончившійся пораженіемъ первыхъ. Псковскіе посадники построили въ прежнія времена нѣсколько приходскихъ церквей въ Псковѣ и для обезпеченія ихъ купили земли и даже населили ихъ крестьянами. Съ тѣхъ поръ этими вотчинами постоянно завѣдывали сами прихожане, выбирали для управленія прикащиковъ и старостъ, собирали доходы и содержали ими какъ причтъ, такъ и церкви. Они даже испросили себѣ отъ царской власти «жалованныя грамоты» (въ 1596 г., а потомъ даже и въ 1700 г.), которыми право «Псковичей» завѣдывать самостоятельно вотчинами ихъ приходскихъ церквей было подтверждено, съ подчиненіемъ впрочемъ ихъ приходорасходныхъ книгъ правительственному контролю. Но съ учрежденіемъ Св Синода началась и борьба между высшимъ духовенствомъ и «Псковичами». Св. Синодъ устранилъ отъ управленія вотчинами прихожанъ и отобралъ вотчины въ вѣдѣніе и на содержаніе псковскаго Архіерейскаго дома «Псковичи»—съ жалобою на Св. Синодъ въ Сенатъ. Сенатъ (въ 1730 г.) принялъ сторону «Псковичей» и доказывалъ, что синодскія толкованія церковныхъ правилъ и устава «греческаго царя Мануила», на которыхъ Синодъ основывалъ свои притязанія, не вѣрны. Тѣмъ не менѣе окончательная побѣда осталась за Синодомъ. Сначала еще было допущено нѣкоторое участіе прихожанъ въ управленіи вотчинами и въ контролѣ суммъ даже при архіерейскомъ завѣдываніи,—но мало-по-малу и послѣдніе слѣды и участія «Псковичей» и ихъ права были устранены, изглажены. При такой юридической безличности прихода, невозможна для него никакая внѣшняя, практическая дѣятельность. Та же безличность парализовала и учрежденіе новѣйшаго времени—Церковныя Попечительства. Очевидно, что право прихода, въ области дѣлъ «міра сего»—должно быть ограждено закономъ.

Московское земство, въ изложеніи поводовъ къ ходатайству, указываетъ только на необходимость правильной организаціи для дѣлъ благотворенія, умышленно устраняя всякія основанія не исключительно церковнаго характера. Оно поступило совершенно разумно. Необходимо прежде всего возсоздать самый приходъ, какъ церковную единицу, какъ клѣтчатку церковной органической жизни, отлагая въ сторону всякія постороннія соображенія, безъ искусственной и насильственной примѣси внѣшнихъ и чуждыхъ элементовъ. Тогда только и возсоздастся приходъ въ своей жизненной силѣ и правдѣ. Но если однажды приходъ будетъ возстановленъ и заживетъ полною церковною жизнью, само собою сгруппируются около него, въ свободномъ, дружномъ, гармоническомъ союзѣ, и другія функціи, другія отправленія мѣстной общественной или земской жизни,—какія она сама укажетъ.

Но всѣ вышеприведенныя возраженія противъ возстановленія приходскихъ единицъ и признанія ихъ юридическими лицами сами по себѣ безсильны, и не они помѣшаютъ успѣху ходатайства Московскаго земства. Если отъ кого можно ожидать нѣкоторой оппозиціи, такъ развѣ отъ той части духовенства, которая уже заразилась—не клерикализмомъ, нѣтъ! а духомъ и вкусомъ бюрократизма, казенщины и чиновничества. Мы даже думаемъ, что собственно такъ-называемое «бѣлое духовенство» не воздвигнетъ съ своей стороны никакихъ серьезныхъ препятствій, особенно же сельское, самое многочисленное. Въ средѣ столичнаго бѣлаго духовенства найдутся, быть можетъ, и оппоненты—подъ воздѣйствіемъ «новыхъ вѣяній». Нѣтъ сомнѣнія, что вредный духъ «корпораціи», который съ нѣкотораго времени сталъ довольно сильно развиваться въ нашемъ духовенствѣ, долженъ значительно ослабѣть съ воскрешеніемъ церковной жизни въ приходахъ. Всѣ эти съѣзды священниковъ для избранія благочинныхъ, для устроенія и обезпеченія духовныхъ училищъ — все это теперь носитъ исключительно сословный характеръ. Но едва ли не всѣ предметы вѣденія этой духовной, хотябы и на «либеральномъ основаніи» сложившейся корпораціи, подлежатъ вѣденію, наравнѣ съ причтомъ, и прочихъ членовъ церкви—міранъ, въ одинаковой съ нимъ степени заинтересованныхъ и въ избраніи добрыхъ благочинныхъ, и въ процвѣтаніи духовныхъ учебныхъ учрежденій. Впрочемъ, надобно сказать правду, все-таки наше бѣлое духовенство, даже и столичное, такъ тѣсно связано съ нашею общественною и земскою жизнью, что конечно не станетъ слишкомъ сильно ревновать о сохраненіи той особенности, которою вздумали было ее надѣлить въ послѣднюю пору и которая уже привела къ такимъ печальнымъ столкновеніямъ между церковными старостами, прихожанами и священниками, какія мы видѣли и съ истиннымъ прискорбіемъ еще продолжаемъ видѣть здѣсь въ Москвѣ. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ не уразумѣть, что *правильное* разрѣшеніе трудной задачи объ обезпеченіи бѣлаго духовенства въ Россіи, вмѣстѣ съ устраненіемъ тѣхъ формъ обезпеченія, которыми тяготятся и лучшіе священники и прихожане,—задачи, ради которой тысячи храмовъ закрыто и сотнямъ тысячъ людей затруднено посѣщеніе церковной службы,— что разрѣшеніе этой задачи возможно только съ возрожденіемъ жизни приходовъ, какъ самостоятельныхъ юридически признанныхъ общинъ. Само собою понятно также, что тѣ дѣла, гдѣ необходимо совокупное дѣйствіе всѣхъ приходовъ какой-либо епархіи, могутъ и должны быть разсматриваемы и вершаемы на *епархіальномъ съѣздѣ или соборѣ* представителей всѣхъ приходовъ, какъ причта, такъ и мірянъ.

Ожидать ли противодѣйствія со стороны нашего высшаго духовнаго правительства? Да, конечно, если оно, забывъ инструкцію благочиннымъ, сочиненную митрополитомъ Платономъ и изданную Синодомъ въ 1806 г., но почему-то, безъ объясненій измѣненную въ новомъ изданіи (съ опущеніемъ правилъ объ избраніи священниковъ прихожанами), будетъ упорно держаться точки зрѣнія, выразившейся въ Уставѣ о Духовныхъ Консисторіяхъ. Да, если чуждаясь соборной стихіи, составляющей неотъемлемое свойство нашей церкви, а «прилѣпившись къ Западу», не перестанетъ оно на отношенія пастырей къ паствѣ смотрѣть съ ревнивой точки зрѣнія, какъ на отношенія начальниковъ къ подчиненнымъ. Не даромъ же въ вышеупомянутомъ *новомъ* изданіи Платоновской инструкціи благочиннымъ епископы переименованы уже въ епархіальныхъ *начальниковъ*. Но будемъ вѣрить, что духъ истиннаго православія осѣнитъ и нашихъ церковныхъ сановниковъ, воздвигнувъ въ нихъ смиренныхъ пастырей Христова стада, т. е. съ низшей теперь чреды возведетъ ихъ на истинно-высшую, выше которой ничего и нѣтъ на землѣ.

Весь вопросъ теперь въ организаціи. Будетъ ли это «Церковное Попечительство» въ новомъ исправленномъ изданіи или что̀ другое—опасность, какъ и всегда у насъ, лежитъ въ приросшихъ къ намъ привычкахъ бюрократизма. Объ этой организаціи мы надѣемся еще не разъ побесѣдовать съ читателями на страницахъ нашей газеты...

Нѣтъ сомнѣнія, что земства всей Россіи послѣдуютъ примѣру Московскаго Земскаго Собранія. Пусть же праздничнымъ благовѣстомъ, возвѣщающимъ духовную радость, понесется по Русской Землѣ это всеобщее земское ходатайство, способное обновить церковную жизнь и—чрезъ приливъ народной религіозной стихіи—упразднить мерзость запустѣнія, гнѣздящуюся въ мѣстѣ святѣ...

По поводу циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ губернаторамъ отъ 22 декабря 1880 года.

«Русь», 31-го января 1881 г.

Самымъ значительнымъ внутреннимъ событіемъ послѣднихъ дней является несомнѣнно циркуляръ г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ губернаторамъ о передачѣ на обсужденіе всѣхъ уѣздныхъ и губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій и всѣхъ уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ собраній—предположеній, поступившихъ доселѣ отъ нѣкоторыхъ губернскихъ начальствъ и земствъ, о частныхъ измѣненіяхъ въ дѣйствующемъ нынѣ Положеніи о мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіяхъ. Ниже, во Внутреннемъ Обозрѣніи, мы воспроизводимъ этотъ циркуляръ дословно, вмѣстѣ съ приложеннымъ къ нему «перечнемъ возникшихъ донынѣ вопросовъ и предположеній объ измѣненіи нѣкоторыхъ постановленій Положенія 27 іюня 1874 года».

Въ такой-то скромной формѣ, безъ трубнаго звука и барабаннаго боя, предлагается нынѣ на обсужденіе всего нашего земскаго представительства одна изъ самыхъ трудныхъ и серьезныхъ законодательныхъ задачъ,—требуется правительствомъ совѣтъ русскаго земства по вопросу величайшей важности, захватывающему самую глубь, самое нутро нашего общественнаго организма,—тѣсно, неразрывно связанному съ существенными основами народнаго быта, крестьянскаго и земскаго самоуправленія. Можетъ-быть самая эта простота формы, съ которою, безъ всякаго блеска и треска, сдѣлано настоящее предложеніе и требованіе, служитъ причиною того неудоумѣнія, чтобъ не сказать холодности, съ какимъ до сихъ поръ, за немногими исключеніями, встрѣченъ былъ циркуляръ въ нашей, вообще очень голосистой печати. Есть газетные Репетиловы,—можетъ быть имѣются они и въ земствѣ,—для которыхъ вся «суть» дѣла заключается лишь въ извѣстномъ, условно-либеральномъ ярлыкѣ, которые кромѣ «взгляда и нѣчто» ни на какую другую основательную работу непригодны. Но надо надѣяться, что большинство нашихъ земствъ не нуждается въ либеральныхъ бубенчикахъ для возбужденія своихъ мыслительныхъ способностей: что оно сумѣетъ распознать въ дѣловомъ изложеніи циркуляра всю широту, все значеніе поручаемой ихъ разрѣшенію задачи, и воспользоваться во всей полнотѣ тѣмъ просторомъ обсужденія, который нуженъ и который циркуляромъ не возбраняется, а предоставляется. Настоящій правительственный актъ отличается тою особенностью, что онъ не навязываетъ никакой теоріи или доктрины. ставитъ вопросъ не на отвлеченной, а на практической почвѣ, и ставитъ повидимому вовсе не *общій* вопросъ, на который и отвѣчать можно бы только общими отвлеченными формулами, а цѣлый рядъ вопросовъ какъ бы только казуистическихъ, на которые и отвѣты должны, разумѣется, формуловаться *конкрентно* (съ нѣкотораго времени этотъ философскій терминъ попалъ въ большую у насъ моду). Циркуляръ не провозглашаетъ заранѣе «ломки», не объявляетъ существующее какъ бы ужъ вовсе и не имѣющимъ реальнаго бытія, не предлагаетъ гладкой доски, на которой черти что̀ хочешь,—а отправляясь отъ даннаго факта, приглашаетъ слѣдовать путемъ практическихъ, жизненныхъ указаній; но при этомъ онъ не предрѣшаетъ ему предѣла, не намѣчаетъ заранѣе выводовъ. Ему нужны отъ земствъ не ораторскія рѣчи и не журнальныя статьи, а дѣйствительное участіе и содѣйствіе въ самой законодательной работѣ. Едвали этотъ способъ разрѣшенія спорной задачи не самый правильный при томъ разнообразіи воззрѣній и мнѣній, большею частью не выясненныхъ, не опредѣленныхъ, какое, относительно крестьянскаго и земскаго самоуправленія, продолжаетъ господствовать въ нашемъ обществѣ и литературѣ. Наша «интеллигенція» вообще, — какъ мы уже имѣли случай замѣтить, очень сильна и почти единодушна въ критикѣ отрицательнаго характера, и очень слаба и лѣнива какъ въ дѣлѣ практическаго созиданія, такъ и въ дѣлѣ положительныхъ, строго провѣренныхъ и соображенныхъ съ условіями дѣйствительной жизни «умоначертаній» (по любимому выраженію русскихъ государственныхъ людей временъ Екатерины). Въ настоящемъ же случаѣ перевѣсъ опытности, практическаго знанія и здраваго смысла будетъ на сторонѣ того огромнаго большинства, которое по скромности своей не смѣетъ причислять себя къ «интеллигенціи», праздныхъ рѣчей держать не умѣетъ, и нарушаетъ молчаніе лишь тогда, когда представляется возможность вставить впору и кстати дѣльное слово. Къ сожалѣнію, не всегда это огромное большинство является дѣйствительнымъ большинствомъ въ нашихъ земскихъ представительныхъ собраніяхъ. Поэтому было бы очень и очень желательно, чтобы, по крайней мѣрѣ,—какъ это было при обсужденіи вопроса объ освобожденіи крестьянъ въ губернскихъ комитетахъ,— Министерство Внутреннихъ Дѣлъ не довольствовалось «*заключеніемъ*» уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ собраній, состоявшимся по большинству голосовъ, а требовало также сообщенія взглядовъ *меньшинства* и даже отдѣльныхъ мнѣній. Меньшинство въ собраніяхъ нерѣдко выражаетъ мысль того дѣйствительнаго большинства, которое пребываетъ внѣ стѣнъ совѣщательной залы... Вспомнимъ, что и при разрѣшеніи упомянутаго великаго вопроса, при составленіи Положенія 19 февраля, правительство приняло въ руководство не заключеніе большинства, но мнѣніе меньшинства губернскихъ комитетовъ.

Обратимся къ самому циркуляру. Несомнѣнно, что первое впечатлѣніе, производимое имъ при бѣгломъ чтеніи, можетъ возбудить мысль, что задача поставлена имъ слишкомъ узко и частно, безъ общаго плана, безъ соотношенія съ вопросами болѣе существенными о цѣлой системѣ уѣзднаго самоуправленія. Но, какъ мы сказали, циркуляръ даетъ только точку отправленія и, не сходя съ почвы фактовъ, предлагаетъ слѣдовать отъ факта къ факту путемъ логическихъ умозаключеній, основанныхъ не на отвлеченной теоріи или доктринѣ, а на практическихъ доводахъ самой жизни. Дѣло идетъ повидимому только объ измѣненіи нѣкоторыхъ постановленій Положенія 27 іюня 1874 г., создавшаго уѣздныя по крестьянскимъ дѣламъ присутствія,—именно тѣхъ постановленій, по поводу которыхъ поступили въ Министерство ходатайства или представленія отъ нѣкоторыхъ земствъ и губернскихъ начальствъ. Въ перечнѣ этихъ возникшихъ частныхъ вопросовъ и предположеній, приложенномъ къ циркуляру, всего только девять пунктовъ. Но въ числѣ этихъ пунктовъ находится, напримѣръ, пунктъ 4-й, который сводится къ вопросу: «не слѣдуетъ ли ближайшій и постоянный надзоръ за общественнымъ крестьянскимъ управленіемъ съ правомъ распоряженія и дисциплинарною властью *отдѣлить отъ коллегіи уѣзднаго присутствія* и возложить исключительно на обязанность непремѣннаго члена *въ предѣлахъ, присвоенныхъ прежде мировымъ посредникамъ*, а теперь *уѣзднымъ исправникамъ*, — коллегіи же предоставить тѣ права, какія имѣли въ прежнее время *мировые съѣзды посредниковъ*»...

Очевидно, что это предположеніе *существенно* измѣняетъ настоящій видъ уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, особенно, если сопоставимъ этотъ пунктъ съ пунктомъ 3-мъ, гдѣ мы встрѣчаемся съ вопросомъ: «не представляется ли болѣе полезнымъ, вмѣсто учрежденія должности кандидатовъ, имѣть *болѣе одного* непремѣннаго члена на уѣздъ». Но имѣть болѣе одного члена на уѣздъ мыслимо только при раздѣленіи уѣзда на участки... Далѣе, въ пунктѣ 5-мъ прямо поставленъ вопросъ: не слѣдуетъ ли «*отмѣнить предоставленное исправнику право налагать взысканіе на волостныхъ старшинъ, и дѣла по надзору за уплатой крестьянами денежныхъ сборовъ изъять изъ его исключительнаго вѣдѣнія*, предоставивъ это взысканіе и дисциплинарную по симъ дѣламъ власть — уѣздному присутствію или непремѣнному члену?» Такимъ образомъ циркуляръ, исходя изъ существующаго Положенія, рядомъ жизненныхъ указаній, приходитъ логически къ совершенному его отрицанію, но еще не принимая этого вывода, еще удерживая настоящія, не популярныя названія «непремѣнныхъ членовъ», «присутствій», ставитъ этотъ выводъ въ видѣ цѣлаго ряда вопросовъ. Изъ совокупности же этихъ вопросовъ самъ собою выступаетъ очеркъ совсѣмъ иного зданія, совершенно иной системы внутренняго земскаго строя, при которомъ всякое вмѣшательство исправника или полиціи въ дѣла крестьянскаго самоуправленія и всякая дисциплинарная ея власть надъ старшинами и старостами упраздняется, а уѣздъ представляется раздѣленнымъ на участки, завѣдываемые лицами, избираемыми въ той или другой формѣ, съ правами *мировыхъ посредниковъ*, но съ болѣе расширеннымъ, разумѣется, кругомъ дѣйствій и непосредственно подчиненныхъ мѣстной коллегіи, въ родѣ прежнихъ *мировыхъ съѣздовъ*. Сопоставьте съ этимъ выраженія 4-го пункта о томъ, что *практика не оправдала* ожиданій правительства при установленіи должности непремѣнныхъ членовъ, и о печальномъ положеніи всей этой отрасли мѣстнаго управленія — въ ея настоящемъ образѣ при участіи мѣстной полиціи; присоедините заключительныя слова «перечня», что *независимо отъ вышеисчисленныхъ вопросовъ могутъ быть представлены соображенія и о другихъ мѣрахъ* по устройству мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій,—и задача, предложенная земствамъ, обрисуется вамъ во всей своей важности и широтѣ. При подробномъ, строгомъ обсужденіи упомянутыхъ вопросовъ станетъ очевиднымъ даже и для слѣпыхъ, что надзоръ и контроль надъ крестьянскимъ самоуправленіемъ *не можетъ быть* разсматриваемъ иначе какъ въ связи съ общей системой уѣзднаго управленія, съ кругомъ дѣйствій и власти всего уѣзднаго земства. Учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ не могутъ стоять особнякомъ или какимъ то самостоятельнымъ, отдѣленнымъ отъ земства и лишь параллельнымъ ему институтомъ. Они только часть цѣлаго, съ которымъ и должны быть приведены въ полное соотвѣтствіе, въ согласный ладъ. Иначе пришлось бы, рядомъ съ специальными присутствіями по крестьянскимъ дѣламъ, заводить еще специальныя учрежденія по дѣламъ уѣздныхъ обывателей прочихъ сословій, и т. д.

Такимъ образомъ указанная въ циркулярѣ задача, по логической необходимости, переходитъ въ задачу общаго земскаго уѣзднаго самоуправленія, включая въ себя вопросы и о волости, и объ уѣздной полиціи, и объ отношеніяхъ административной губернской и центральной власти къ уѣзднымъ земскимъ учрежденіямъ въ ихъ общемъ составѣ и обновленномъ, разумѣется, видѣ... Только такъ, а не иначе могутъ и должны земства понять и поставить себѣ для разрѣшенія задачу, предложенную г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ на основаніи Высочайше утвержденнаго 19 марта 1880 года журнала Главнаго Комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія. Только тогда и будутъ они въ состояніи представить правительству полезныя, плодотворныя соображенія и оказаться достойными правительственнаго довѣрія. Будемъ надѣяться, что бо́льшая часть земствъ явится на одномъ уровнѣ съ высотою этой задачи. Объ одномъ только нужно просить правительство, чтобъ оно не требовало разрѣшенія предложенныхъ имъ въ циркулярѣ г. Министра вопросовъ непремѣнно на ближайшей очередной сессіи земскихъ собраній. Это невозможно. Точныхъ, опредѣленныхъ, готовыхъ отвѣтовъ нѣтъ ни у кого, или если имѣются, то у немногихъ. Если же правительство станетъ торопить, то исполненіе требованія обратится въ одну формальность. Всего было бы практичнѣе, кажется, заявить требованіе правительства на экстренно созванныхъ собраніяхъ и назначить имъ на изготовленія отвѣтовъ полугодовой срокъ, съ правомъ для земствъ собраться снова для разсмотрѣнія проектовъ, составленіе которыхъ по всей вѣроятности будетъ предоставлено избраннымъ, спеціальнымъ коммиссіямъ.

Задача эта нисколько не легка. Это не то, что предаваться досужимъ фантазіямъ на тему о повсемѣстномъ расширеніи надѣловъ, о принудительной отрѣзкѣ или «прирѣзкѣ» земли или о всеобщемъ въ Россійской Имперіи передѣлѣ съ перспективою возобновлять таковой передѣлъ черезъ каждые десять лѣтъ, въ силу той же вѣчно пребывающей причины— естественнаго прироста населенія. Фантазія смѣлая; но по меньшей мѣрѣ праздная, особенно для тѣхъ мнимыхъ либераловъ, которые (см. «Новое Обозрѣніе») возмущаются даже толками о предоставленіи части крестьянъ способовъ и удобствъ для переселенія на новыя просторныя и плодородныя земли.

Точно также не требуется никакихъ напряженій мысли, ни изученія, ни практическихъ знаній, для проповѣди, по поводу этого самаго циркуляра, о необходимости разныхъ учрежденій западно-европейскаго образца, извѣстныхъ гарантій и т. п., безъ чего будто бы не стóитъ и заниматься такими, притомъ же и малоинтересными задачами, какъ сельское и уѣздное благоустройство, обезпеченіе правъ крестьянства и земства. Мы, какъ извѣстно, смотримъ на дѣло иначе и полагаемъ, что заложивъ въ основаніе нашего государственнаго строя прочное, истинное самоуправленіе, мы съ тѣмъ вмѣстѣ воздвигаемъ твердый фундаментъ для земской и общественной мирной силы, для своеобразнаго зданія русской гражданственности и истинной, съ истинною властью дружной, свободы. Но, повторяемъ, пора отъ словъ перейти къ дѣлу, а дѣломъ называемъ мы въ настоящемъ случаѣ самую попытку разрѣшить задачу уѣзднаго самоуправленія въ конкретной формѣ, въ формѣ законодательныхъ проектовъ. Это самый лучшій оселокъ для испытанія годности общихъ взглядовъ и идей. Нельзя не благодарить профессора Градовскаго за его починъ въ этомъ смыслѣ, т. е. за напечатанное имъ въ «Голосѣ» предположеніе объ устройствѣ уѣзда. Мы не вполнѣ съ нимъ согласны, но самый предметъ спора, самые пункты несогласія, становятся, при такомъ изложеніи мысли, яснѣе и осязательнѣе. Намъ пріятно думать, что мы не ошиблись, поставивъ въ 1 же № «Руси» вопросъ объ уѣздномъ самоуправленіи на первомъ планѣ, какъ самую насущную бытовую и политическую потребность. Если не обманываемся, этотъ взглядъ начинаетъ входить въ общее сознаніе. Нашимъ «либераламъ» не мѣшало бы вспомнить, что историческая сила вещей могущественнѣе ихъ вожделѣній. Не менѣе искренны, а можетъ быть, да и несомнѣнно, болѣе ихъ самоотверженны были «либералы» европейской закваски въ первой четверти и въ первой половинѣ настоящаго вѣка. Когда имъ указывали на праздность ихъ затѣй въ виду милліоновъ закрѣпощеннаго помѣщикамъ народа, — то они, за немногими исключеніями, отвѣчали такими же фразами о необходимости предварительныхъ гарантій: «это мы послѣ, потомъ устроимъ». Историческая логика взяла свое, одержала верхъ надъ «либералами», вскормленными даровымъ трудомъ крѣпостнаго населенія, и вмѣсто передѣлки государственнаго устройства на новѣйшій «либеральный» образецъ, привела прежде всего къ освобожденію 20 милліоновъ крестьянъ. Въ наши дни кажется странною самая мысль, чтобы дѣло могло совершиться иначе, чтобы можно было, какъ это бывало до эмансипаціи, числиться одновременно, по словамъ поэта, въ Мирабо или Лафаетахъ и въ рабовладѣльцахъ. Займемся и теперь довершеніемъ великаго акта 19 февраля, разработкой и установленіемъ сроднаго намъ и призваннаго къ жизни и къ силѣ земскаго въ нашей странѣ начала, возсозданіемъ нашего народнаго духовнаго единства, — займемся пока первыми существенными основами самоуправленія—волостью и уѣздомъ...

Еще объ уѣздномъ самоуправленіи.

«Русь», 28-го февраля 1881 г.

Мы уже сказали однажды и повторяемъ опять: циркуляромъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ поставленъ и предложенъ на обсужденіе земства не иной какой-либо частный, а именно общій вопросъ *объ уѣздномъ самоуправленіи* во всей его полнотѣ и цѣльности. Такъ, а не иначе долженъ быть понятъ этотъ циркуляръ, если у нашихъ земствъ имѣется сколько-нибудь политическаго смысла (а хочется вѣрить, что таковаго обрѣтается въ избыткѣ), если наши «земцы» относятся въ самомъ дѣлѣ серьезно къ задачамъ своего служенія. Можно конечно пожалѣть, что правительство поставило вопросъ не съ достаточной откровенностью, не прямо, а косвенно, — и пожалѣть только потому, что сами-то мы на починъ лѣнивы и хотя и очень «либеральны», однакоже нуждаемся въ исходящемъ отъ власти возбужденіи къ *работѣ* даже наилиберальнѣйшаго свойства. Мы въ этомъ отношеніи мало похожи на нашихъ прибалтійскихъ согражданъ нѣмецкаго происхожденія, которымъ протяни лишь мизинецъ, они заберутъ и всю руку по локоть. Но если правительство и ограничилось одной косвенной постановкой проблемы уѣзднаго самоуправленія, то надобно признаться—не безъ нѣкотораго основанія, такъ какъ общаго вопроса о самоуправленіи, о дѣлѣ столь близкомъ земству, не было поднято со стороны ни одного земства, а всѣ земскія представленія касались только самыхъ частныхъ, казуистическихъ недоумѣній (что̀ и видно изъ перечня представленій, приложеннаго къ циркуляру).

Задача самоуправленія, тамъ гдѣ оно не сложилось само собою, постепенно и органически, одна изъ самыхъ трудныхъ задачъ не только для практическаго, но и для научнаго разрѣшенія. Это признано всѣми великими юридическими авторитетами Европы. Во сколько она трудна, во столько же и важна для всего гражданскаго, а потому и политическаго бытія страны. Поэтому брезгать ею, относиться къ ней презрительно, свысока — какъ это дѣлаетъ наша, якобы либеральная печать вкупѣ съ питающимися ею земцами—плохое свидѣтельство объ ея интеллигентности и познаніяхъ. Конечно, устройство *«уѣздной кутузки съ сѣрозипунниками и лапотниками-мужиками»* (драгоцѣннѣйшія слова «Молвы», точно выжженное пятно напечатлѣвшіяся на знамени нашей, будтобы либеральной прессы, обличившія тайное ея міросозерцаніе),—конечно, устройство уѣзда, опредѣленіе правомѣрныхъ отношеній административныхъ властей къ крестьянамъ и къ прочимъ обывателямъ, объединеніе всѣхъ мѣстныхъ элементовъ въ одну земскую силу,— такая работа помудренѣе воздыханій о «политическихъ» правахъ и смѣлыхъ, но безсильныхъ и потому совершенно невинныхъ поползновеній къ водворенію у насъ порядковъ конституціонной Европы. Въ послѣднее время, особенно въ Петербургѣ, было высказано публично, на собраніяхъ, нѣсколько замѣчательныхъ мнѣній въ этомъ смыслѣ, и нельзя не порадоваться отсутствію стѣсненія въ произнесеніи подобныхъ рѣчей. Умъ истинно государственный долженъ бы (такъ намъ кажется) допустить, даже вызвать полную свободу слова для всѣхъ либеральныхъ вожделѣній, которыми томится наше общество, хоть бы для того, чтобъ ихъ внутренняя цѣнность и состоятельность вышла наружу. Несомнѣнно, что всѣ эти вожделѣнія естественны и имѣютъ свою историческую причину. Облекаясь въ готовую европейскую, антинаціональную, стало-быть ложную у насъ формулу государственнаго устройства, они ни что иное, какъ логическое послѣдствіе той же лжи, которой съ XVIII вѣка стало причастно и само наше правительство, того ненаціональнаго направленія, которымъ характеризуется весь такъ-называемый петербургскій періодъ нашей исторіи. Оба — и правительство и общество — оба, каждое въ свою сторону, отступили отъ того типа земскаго государства, который въ древней Россіи былъ только грубо намѣченъ, еще не вполнѣ выработанъ, но идеалу котораго остался вѣренъ народъ. Независимо отъ этихъ соображеній, допустить полный просторъ слова для «либеральныхъ» томленій нашего общества было бы полезно уже потому, что бо́льшая часть нашихъ либераловъ болѣетъ лишь потребностью высказаться; ей нужно только: dixi et animam levavi, такъ какъ кромѣ общихъ мѣстъ у нея ничего и нѣтъ. Нужно же когда-нибудь положить конецъ этой нездоровой игрѣ въ намеки на что-то, что̀ въ сущности даже не нѣчто, а ничто; этому ненормальному состоянію умовъ, лишенныхъ возможности, за недостаткомъ гласнаго обмѣна мнѣній, давать собственной мысли отчетливое выраженіе и подвергать ее строгому суду логики. Всѣ эти толки, напримѣръ, о желанныхъ для Россіи либеральныхъ учрежденіяхъ Европы, или, скажемъ прямо, о конституціяхъ, разбиваются о вопросъ: *какая же* изъ нихъ желанна? нѣмецкая ли, французская ли, англійская? и поставленный этимъ вопросомъ въ тупикъ неостроумный ораторъ бормочетъ въ отвѣтъ: «какая-нибудь, надо *сочинить*»!.. Дайте только просторъ высказаться, и вы увидите, какъ схватятся между собою, не на животъ, а на смерть, конституціонный аристократизмъ съ конституціоннымъ демагогизмомъ и задушатъ другъ друга! Необходимо бы лишить всѣ эти «вопросы» соблазнительной приманки запрещеннаго плода, дать волю, какъ говорятъ Французы, взять этого быка прямо за рога, взглядѣться въ него пристально, и тогда у многихъ, можетъ-быть, достало бы духу признаться, что незачѣмъ намъ рядиться въ обноски Европы, которые она и сама приготовляется бросить, — да и вообще повторять чужіе зады. Только при полной свободѣ мнѣній и преній можетъ разсѣяться тотъ фальшивый, но заманчивый ореолъ либерализма, которымъ кичатся наши русскіе европейцы. Только тогда можетъ европеизмъ улетучиться изъ ихъ головы, и сами они волей-неволей станутъ лицомъ къ лицу съ нашей исторіей, съ нашимъ народомъ, уразумѣютъ, Богъ дастъ, гдѣ и въ чемъ свобода и правда, и образуютъ, быть-можетъ, въ неразрывной связи съ народомъ ту общественную просвѣщенную, ту истинную силу, которой недостаетъ народу,— безъ которой не полно бытіе и самого народа.

Но и теперь, даже при полной въ полицейскомъ отношеніи безопасности для выраженія политическихъ мнѣній (если таковая, какъ было бы истинно желательно, существуетъ), мы бы посовѣтовали нашимъ публичнымъ ораторамъ обращать свои взоры не столько на нашу «Сѣверную Пальмиру» съ ея дворцами, сколько на Русскую землю,—провѣрять себя не рукоплесканіями, не шумными одобреніями «просвѣщенной публики», а впечатлѣніями, производимыми ихъ европейскимъ либерализмомъ на массы простаго народа, вовсе не равнодушныя къ тому, что̀ творится и мыслится какъ у аристократовъ, такъ и у демократовъ—господъ....

Наша газета съ самаго начала настаивала на необходимости реформы уѣздныхъ учрежденій и поставила задачу уѣзднаго самоуправленія на первомъ планѣ,—за что̀ и подверглась глумленію и насмѣшкамъ такъ-называемой либеральной печати. «Сто̀итъ ли заниматься основательно разрѣшеніемъ такого вопроса, даже допуская его относительную важность, пока не имѣется извѣстныхъ «гарантій» въ европейскомъ смыслѣ»—вотъ къ чему сводились разсужденія самыхъ серьезныхъ нашихъ противниковъ. Разсужденія,— истинно поражающія своею дѣтксостью. Еслибъ даже что-либо изъ желаннаго ими и было имъ пожаловано по высочайшему повелѣнію, то вѣдь такая гарантія представляетъ точно ту же силу, не болѣе, какъ и всякое высочайшее повелѣніе прежнихъ и настоящихъ временъ, дающее санкцію законодательнымъ актамъ или административнымъ распоряженіямъ. Истинная гарантія заключается не въ подписи, не въ клочкѣ бумаги, даже не въ постановленіяхъ представительныхъ европейскихъ собраній. Мы были свидѣтелями радикальныхъ противоположностей въ англійской политикѣ въ теченіи одного года, благодаря перетасовкѣ голосовъ большинства. Англійская конституція не предохранила Ирландію ни отъ нарушенія правъ личности, ни отъ административныхъ тюремныхъ заключеній и ссылокъ. Въ то же время нѣтъ въ мірѣ печати вольнѣе англійской, тогда какъ нигдѣ же нѣтъ и законовъ о печати болѣе строгихъ, чуть не драконовскихъ: свобода слова въ Англіи вовсе не гарантирована юридически, — ея гарантія въ обычаѣ и нравахъ. Во Франціи вчера министръ Жюль Симонъ навязывалъ обществу циркулярно ученіе о морали зависимой отъ идеи о Богѣ, — сегодня министръ Жюль Ферри предписываетъ мораль «независимую», la morale indépendante, и вычеркиваетъ во всѣхъ учебникахъ народныхъ школъ слово *Богъ*, замѣняя его «*натурой*». Гарантированъ ли Французскій народъ отъ возвращенія ему Бога въ школу?!.... думается, что нѣтъ.

Истинная гарантія, дѣйствительная, преимущественно нравственнаго свойства и зиждется въ обычаѣ, нравахъ, въ общественномъ мнѣніи, въ народномъ признаніи, въ соотвѣтствіи закона требованіямъ жизни и времени. Возьмемъ, напримѣръ, уничтоженіе крѣпостнаго права и надѣленіе крестьянъ землею: этотъ великій законодательный актъ состоялся безъ всякихъ предварительныхъ гарантій, тѣхъ гарантій, о которыхъ внушительно твердятъ намъ нѣкоторыя газеты, однако никакою уже властью отмѣненъ быть не можетъ, хотя снабженъ точно такою же санкціей, какою нѣкогда была снабжена и дворянская грамота....

И такъ, не лучше ли оставить вопросъ о предварительныхъ гарантіяхъ, какъ совершенно праздный и безполезный, въ покоѣ и заняться изысканіемъ такой формы самоуправленія, которая пришлась бы мѣстной жизни впору и народу пò сердцу, и такимъ образомъ въ самой себѣ заключала бы условія прочности и устойчивости? Нужно крѣпко подумать именно о томъ, какъ бы поставить мѣстное общество въ такія условія, на такой путь, по которому могло бы оно идти впередъ, къ преуспѣянію, легко, удобно и свободно, а для этого нечего справляться съ отвлеченными модными доктринами и толковать о какихъ-то «либеральныхъ» или «нелиберальныхъ» сапогахъ. Либераленъ только тотъ сапогъ, который сшитъ по ногѣ, — онъ же и консервативенъ: слишкомъ узкій или слишкомъ широкій одинаково мѣшаютъ ходьбѣ и портятъ ногу. Разумѣется, при разрѣшеніи настоящей задачи было бы очень нужно опросить самихъ крестьянъ, но не тѣмъ способомъ торжественнаго опроса, при которомъ трудно добиться отъ нихъ вполнѣ искренняго или же точно формулированнаго мнѣнія: сами земскіе гласные, живущіе по деревнямъ, могли бы, еслибъ захотѣли, поразузнать, и довольно основательно, народную мысль.

Цѣль земскаго самоуправленія—нисколько не захватъ власти, подобающей государству. Точка отправленія или мысль, которая лежитъ или должна лежать въ основѣ мѣстной автономической задачи,—вовсе не антагонизмъ мѣстной жизни съ центральнымъ правительствомъ,—вовсе не созданіе какойлибо мѣстной самостоятельности, способной нанесть ущербъ крѣпости и цѣльности всего государственнаго организма. Призваніе центральной власти въ томъ: «да подъ державою ея хранимы, мирное, благоденственное» и плодотворное «житіе поживемъ». Но это призваніе можетъ обрѣсть себѣ исполненіе только въ томъ случаѣ, если мы сами, каждый въ своей мѣрѣ и на своемъ мѣстѣ, будемъ дѣйствовать въ томъ же смыслѣ и направленіи, если всѣ члены и внутреннія орудія государственнаго организма будутъ совершать свои отправленія въ стройномъ согласіи, въ духѣ подчиненія и служенія одной общей цѣли, одной общей идеѣ. Другими словами: если Земля и Государство будутъ въ тѣсномъ, органическомъ союзѣ между собою. «Земское и Государево дѣло» по мысли нашей старой старины—было одно дѣло, а не два, другъ другу противоположныя. Но такъ какъ центральной власти трудно проникать во всѣ внутренніе изгибы мѣстнаго бытія; такъ какъ мѣстнымъ людямъ всего сподручнѣе: съ одной стороны знать о мѣстныхъ нуждахъ и о наилучшихъ способахъ къ ихъ удовлетворенію; съ другой—приводить въ исполненіе, на мѣстахъ, общегосударственныя мѣры и требованія, то мѣстные жители и призываются самою державною властью, въ ихъ интересахъ, равно какъ и въ интересахъ всего государства, къ мѣстному самоуправленію,—къ земскому мѣстному участію въ общемъ государственномъ управленіи и строеніи. При правильномъ устройствѣ самоуправленія ни одно законное, естественное право мѣстной жизни не можетъ подвергаться утѣсненію: оно потребуетъ лишь соглашенія съ правами всѣхъ остальныхъ мѣстныхъ жизней; никакая мѣстная мысль не рискуетъ пропасть для государства, а съ другой стороны и сама мѣстность избавлена отъ опасности задохнуться въ своемъ мѣстномъ, узкомъ эгоизмѣ: все приливаетъ къ центру, какъ кровь къ сердцу, и вновь разливается по всему организму. Разумѣется, государственная власть должна зорко блюсти за тѣмъ, чтобъ мѣстный эгоизмъ не вредилъ интересамъ цѣлаго, а также за тѣмъ, чтобъ права отдѣльной личности не попирались деспотизмомъ мѣстнаго общества.

У насъ въ Россіи понятіе о государствѣ никогда не исключало понятія о землѣ. Это послѣднее проходитъ сквозь всю русскую исторію, предносясь въ идеалѣ надъ временами удѣльнаго раздробленія и слагаясь въ опредѣленную норму при единодержавіи. Никогда верховная власть не относилась ревниво къ идеѣ мѣстной автономіи (конечно не политической); безъ затрудненія выдавала льготныя грамоты, ограждающія мѣстныя населенія отъ опеки и вмѣшательства ея чиновниковъ, и безпрестанно пыталась организовать мѣстное самоуправленіе и мѣстный судъ посредствомъ избранныхъ или излюбленныхъ самими жителями лицъ. Но попытки были неудачны, по причинамъ уже объясненнымъ нами въ 1 № «Руси». Цѣль правительства заключалась преимущественно въ охраненіи интересовъ—чернаго люда, «сиротъ государевыхъ», земщины въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. крестьянъ, посадскихъ и слободскихъ людей: служилое сословіе въ «земщинѣ» не числилось, хотя и не чуждо было понятія о землѣ. Земщинѣ же самой ни соціальной, ни интеллигентной силы недоставало. Тѣмъ не менѣе, идея мѣстнаго самоуправленія, такъ какъ и идея единства земли, не переставала жить въ умахъ и носиться надъ Россіею какъ требованіе или чаяніе. Правительство то вводило, то отмѣняло самоуправленіе, иногда по просьбѣ самихъ жителей. Сохранилась челобитная мѣстнаго населенія къ государю: «вывести» отъ нихъ кулака земскаго старосту, стакнувшагося съ царскимъ воеводою! Въ малолѣтство Петра послѣдовалъ указъ, который профессоръ Градовскій называетъ «крикомъ отчаянія» и въ которомъ правительство, въ виду безпрестанныхъ жалобъ на безчинство воеводы, разрѣшаетъ жителямъ *не слушаться* его беззаконныхъ распоряженій. Даже при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ крестьяне какого-то уѣзда Тамбовской губерніи, еще вѣрные свѣжимъ преданіямъ старины, пишутъ прямо государынѣ о поборахъ и неистовствѣ губернатора и простодушно рекомендуютъ ей назначить губернаторомъ такого-то, имъ довольно извѣстнаго!... При Екатеринѣ II самоуправленіе было организовано уже вполнѣ юридически, стройно и въ широкихъ размѣрахъ, но также не оказалось удачнымъ, потому что было поставлено на сословномъ основаніи, которое въ свою очередь стояло на основаніи крѣпостнаго права....

Мы уже объясняли и прежде, почему только теперь стало возможнымъ въ Россіи истинное мѣстное, земское самоуправленіе. Необходимо было совершиться тому историческому процессу, который надѣлилъ насъ, вопервыхъ, окончательною организаціей многомилліоннаго крестьянскаго, самоуправляющагося общества; вовторыхъ, раскрѣпостилъ бывшій служилый классъ и возвратилъ его земству. Земщина теперь уже не можетъ считаться «сирою» какъ прежде, — она надѣлена теперь интеллигентными силами или, какъ выразился одинъ изъ нашихъ сотрудниковъ, ссылаясь на слова древнихъ грамотъ, людьми добрыми и состоятельными, «которые грамотѣ умѣютъ». Поэтому въ Россіи у насъ, и именно теперь, введеніе правильнаго мѣстнаго самоуправленія имѣетъ еще особую громадную важность, ускользающую изъ глазъ развѣ лишь нашихъ непостижимо близорукихъ «либераловъ». Мы какъ-то поставили имъ въ упоръ вопросъ, на который, конечно, они благоразумно не отвѣчали: «на чьей сторонѣ народъ? имѣемъ ли мы народъ за собою»? Вотъ именно для того, чтобъ имѣть народъ за собою, чтобы быть съ нимъ на одной сторонѣ,—для того и необходимо сильное воздѣйствіе земской, мѣстной жизни. Земство призвано восполнить ту бездну, которая вотъ уже два вѣка зіяетъ между народомъ и его образованнымъ обществомъ... Но конечно имѣть народъ за собою не значитъ враждовать, при его поддержкѣ, съ центральнымъ правительствомъ,—а значитъ только: стоять всѣмъ вмѣстѣ и за одно,—съ народомъ и съ властью — за «земское и государево дѣло»....

Нужно ли говорить о томъ, что земскія учрежденія 1864 года, со всѣми дополненіями въ видѣ присутствій по крестьянскимъ дѣламъ и институтомъ мировыхъ судей, не удовлетворяютъ цѣли правильнаго мѣстнаго управленія? Цѣлый рядъ статей, помѣщенныхъ въ 15-ти №№ «Руси» доказалъ этотъ тезисъ, какъ намъ кажется, вполнѣ неопровержимо. Это, впрочемъ, подтверждается и всеобщимъ сознаніемъ, да и засвидѣтельствовано самимъ правительствомъ въ упомянутомъ циркулярѣ Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Тѣ наши земцы, которые, пренебрегая задачею самоуправленія, мечтаютъ лишь о расширеніи правъ земскихъ собраній и толкуютъ лишь о препонахъ, встрѣчаемыхъ ими въ этомъ направленіи земской дѣятельности, доказываютъ только, что они хотятъ начинать съ конца, а не съ начала, и обнаруживаютъ странную степень непониманія своихъ настоящихъ отношеній къ землѣ и народу. Они только компрометтируютъ въ глазахъ земли и народа идею земства.

Но откуда же начинать? Насъ упрекали въ печати за то, что мы поставили вопросъ именно объ уѣздномъ самоуправленіи, находили, что «уѣздъ» слишкомъ великъ, что имѣются «ячейки» болѣе мелкія, основныя и т. д. Но мы удерживаемъ названіе и объемъ задачи. Уѣздъ есть такая административная, территоріальная единица, которая вошла въ нашу жизнь и преданія которой отмѣнять нѣтъ никакой надобности (хотя видоизмѣнять по мѣстамъ и можно) и которая представляетъ въ себѣ цѣлую схему управленія, всю совокупность главнѣйшихъ внутреннихъ государственныхъ функцій. Задача земскаго самоуправленія состоитъ, между прочимъ, именно въ комбинаціи функцій государственныхъ съ земскими; а эта комбинація можетъ найти себѣ достаточно полное выраженіе только въ объемѣ уѣзда, а не въ той или другой первоначальной и однородной ячейкѣ: вопросъ о послѣдней только намѣчаетъ, а не рѣшаетъ общій вопросъ объ отношеніи земства къ государству,—но само собою разумѣется, что самое разрѣшеніе задачи объ уѣздномъ самоуправленіи можетъ начаться не иначе, какъ съ «ячейки».

Первою такою ячейкой безъ сомнѣнія является *сельское общество*. Это органическая сословная, территоріальная и хозяйственная единица. Россія вся стоитъ селами, а не городами. Находятся нѣкоторые (къ счастію ихъ не много), которыхъ смущаетъ *сословный* характеръ этой «ячейки». Имъ хотѣлось бы, чтобъ она не стояла особнякомъ!... Но странно даже и называть крестьянство сословіемъ: это нижній первый *слой* нашей Русской Земли, это самые корни дерева, на которомъ мы, общество или интеллигенція, только листья. «Только кòренію основаніе крѣпко, то и древо неподвижно; только кòренія не будетъ, къ чему прилѣпиться?» — говоритъ въ своей Окружной Грамотѣ патріархъ Гермогенъ. Въ этомъ смыслѣ наше крестьянство есть *настоящая политическая сила*. — Крестьянское общество тѣмъ особенно отдѣляется отъ прочихъ сословій, что оно тѣсно связано между собою общностью хозяйственныхъ интересовъ, формою землевладѣнія, однородностью быта, единствомъ обычая, мысли и духа, наконецъ исконнымъ строемъ и образомъ самоуправленія, единымъ съ перваго дня русской исторіи. Это и есть въ тѣсномъ смыслѣ слова *русскій народъ*. Отличительная особенность русскаго крестьянства заключается еще и въ томъ, вопервыхъ, что оно въ нашей землѣ является по преимуществу носителемъ начала общественнаго, и, вовторыхъ, въ томъ, что оно состоитъ, особенно въ области гражданскаго права, внѣ нашего писаннаго закона и живетъ подъ закономъ такъ-называемаго обычнаго права. Отношеніе къ собственности, наслѣдство, усыновленіе (пріемыши) и многія другія правомѣрныя отношенія опредѣляются у крестьянъ не Сводомъ Законовъ, а своебразнымъ давнимъ обычаемъ, узаконеннымъ, или вѣрнѣе признаннымъ на практикѣ, по крайней мѣрѣ отчасти, и самимъ государствомъ. Поэтому никакое насильственное вторженіе чуждой народному строю стихіи не можетъ быть здѣсь допущено, если мы не желаемъ ослабить самую ту основу, которою крѣпка Россія. — При всемъ томъ крестьянскія сельскія общества представляются вовсе не простыми частными сожительствами, и даже не одними сословными и хозяйственными корпораціями, но одновременно органами государственной власти, ибо сельскія начальствующія лица вѣдаютъ, въ предѣлахъ сельскаго общества, интересы общественной безопасности, преслѣдованіе и пресѣченіе преступленій, исполненіе государственныхъ повинностей, — однимъ словомъ, вѣдаютъ интересы не только крестьянскіе, но и государственные. Положеніе 19 февраля 1861 г. впервые окончательно установило ихъ организацію, при которой ихъ и слѣдуетъ оставить.

За сельскими обществами идетъ волость, образующаяся изъ извѣстнаго числа селъ, — эта единица не хозяйственная, не органическая, а искусственная, даже не чисто сословная, а преимущественно административная. Она создана тѣмъ же Положеніемъ 19 февраля. Въ первое время, кажется намъ, она была необходима именно для успѣшнаго исполненія задачи освобожденія: волостные старшины съ волостными правленіями были добрыми помощниками мировыхъ посредниковъ въ совершеніи спеціально возложеннаго на нихъ дѣла. Но во что̀ обратилась волость въ настоящее время, объ этомъ всего лучше свидѣтельствуетъ помѣщаемая въ этомъ же № нѣсколько ниже «Замѣтка о волости», присланная намъ изъ одной центральной губерніи. Эта въ высшей степени интересная статья избавляетъ насъ отъ необходимости продолжать характеристику волости, тѣмъ болѣе, что въ защиту ея едвали даже и найдется много голосовъ. Волость перестала быть только крестьянскою сословною, но не стала и земскою единицею: она уже не ограждаетъ крестьянъ, а служитъ только къ ихъ пущему разоренію и угнетенію. Чѣмъ же замѣнить ее? Предположеній въ литературѣ высказано не мало. Бо̀льшая часть склоняется въ пользу волости всесословной. Мы же съ своей стороны предполагали бы, уничтоживъ волостныя правленія и званіе старшинъ, раздѣлить уѣздъ на участки, и въ каждомъ участкѣ соединить вмѣстѣ двѣ и не болѣе трехъ нынѣшнихъ волостей, подъ общимъ названіемъ *земской волости*, во главѣ которой поставить мироваго судью съ правами бывшаго мироваго посредника, или вообще съ административною властью...

По поводу циркуляра гр. Игнатьева при вступленіи его въ Министерство внутреннихъ дѣлъ.

«Русь», 16-го мая 1881 г.

Газеты всѣхъ оттѣнковъ не перестаютъ толковать объ отставкѣ и перемѣщеніи министровъ, причемъ газеты мнимо-либеральнаго пошиба впадаютъ въ нѣкій элегическій тонъ. Пророчатъ новыя отставки и новыя назначенія. — все пустилось въ гаданія. Если намъ, столичнымъ жителямъ, подробности этихъ странныхъ обстоятельствъ вѣдомы мало, то тѣмъ менѣе вѣдомы они въ провинціи. Россія не можетъ безъ недоумѣнія встрѣчать эти извѣстія объ удаленіи отъ дѣлъ министровъ съ болѣе или менѣе громкими именами, болѣе или менѣе заслужившихъ общественное довѣріе, отъ которыхъ чего-то ждалось. Очень естественно, что прежде всего стараются уразумѣть *поводъ*. Никто, конечно, не удовольствуется оффиціальнымъ объясненіемъ «по болѣзни»: это такой обносившійся терминъ, который, повидимому, для того только и ставится, чтобъ ему не вѣрили. Для остальной, нестоличной, а отчасти и столичной Россіи — и это, кажется, упущено изъ виду—имѣется налицо только странное совпаденіе двухъ несомнѣнныхъ фактовъ: Высочайшій Манифестъ 29 апрѣля и немедленный вслѣдъ затѣмъ, добровольный, «по прошенію», выходъ двухъ министровъ въ отставку. Перечитываютъ манифестъ: но манифестъ ничего новаго не возвѣщаетъ, точно такъ же, какъ ничего новаго въ будущемъ и не отрицаетъ,—не отрицаетъ и добраго стараго. Напротивъ. Принимая за точку отправленія государственной внутренней политики «дѣйствіе учрежденій», дарованныхъ покойнымъ Царемъ, манифестъ только вновь, торжественно, подтверждаетъ незыблемость тѣхъ историческихъ основъ нашего государственнаго бытія, безъ которыхъ Русская Земля себя и не мыслитъ: до такой степени не мыслитъ, что можетъ-быть не было бы и надобности въ напоминаніи объ этихъ основахъ, если бы потрясающее событіе 1 марта не внесло нѣкоторой смуты въ умахъ — конечно не народа, а публики или общества,—и не понеслись по воздуху, Богъ вѣсть откуда занесенныя, какія-то конституціонныя вѣянія. О чемъ-то скромно-конституціонномъ, въ тонѣ внезапно-минорномъ, профальшивала и прокламація 12 марта отъ имени людей «Центральнаго Комитета», еще не успѣвшихъ омыть и рукъ, обагренныхъ кровью мученика-Царя. Конституціонный вопросъ сталъ предметомъ ожесточенной газетной полемики.... Все это само по себѣ давало нѣкоторый дѣйствительный поводъ къ новому точному опредѣленію и подтвержденію тѣхъ началъ единоличной верховной власти, которыя установлены въ Россіи исторіей и народнымъ сознательнымъ произволеніемъ. Но опредѣляя и подтверждая эти начала, манифестъ, повторяемъ, не отрицалъ и не исключалъ ни одного изъ тѣхъ дальнѣйшихъ улучшеній въ способахъ управленія, которыхъ надобность сознавалась всѣми, которыя чужды не только конституціоннаго, но и какого бы то ни было наноснаго политическаго характера, а имѣютъ характеръ естественнаго органическаго развитія, чисто земскій и нисколько не противорѣчащій историческому принципу русской верховной власти.

Ничего нѣтъ хуже смѣшенія, подмѣна понятій и ложной окраски. Съ этой точки зрѣнія, именно для устраненія превратныхъ толкованій и фальшивой окраски, изданіе манифеста 29 апрѣля представляется не только полезнымъ, но и необходимымъ. Нужно было, предъ началомъ дальнѣйшей правительственной дѣятельности, предпослать во всенародное слышаніе и вѣдѣніе такого рода символъ русскаго политическаго вѣроисповѣданія, и успокоить встревоженную Россію торжественнымъ ручательствомъ, что власть пребываетъ и пребудетъ нерасшатанною, крѣпкою, твердою, цѣльною, вопреки всѣмъ кознямъ и ухищреніямъ. Такъ, въ мірѣ музыки, увертюра даетъ тонъ и опредѣленіе всей послѣдующей музыкальной драмѣ: приводимъ этотъ примѣръ, конечно, не сравненія ради, а лишь для лучшаго разъясненія нашей мысли. Еслибы даже, положимъ, верховная власть вознамѣрилась созвать, по старинѣ, земскій соборъ, и мы были призваны сказать о томъ свое мнѣніе, мы съ своей стороны непремѣнно бы посовѣтовали: растолковать предварительно всей нашей странѣ, и особенно тѣмъ, которые величаютъ себя «интеллигенціей», что земскій соборъ вовсе не есть конституціонное, въ духѣ западноевропейскомъ, собраніе народныхъ представителей, рѣшенія котораго, по большинству голосовъ, обязательны для верховной власти и формально ее ограничиваютъ, но что это есть только одна изъ болѣе живыхъ формъ непосредственнаго общенія Царя съ народомъ, одинъ изъ вѣрнѣйшихъ способовъ узнаванія народной мысли, провѣрки самимъ правительствомъ доброкачественности его собственныхъ распоряженій, однимъ словомъ—совѣтованія власти съ землею.

И не только растолковать это считали бы мы нужнымъ, но и крѣпко напечатлѣть въ общественномъ сознаніи, такъ какъ тьма развелась охотниковъ придавать понятіямъ и словамъ: «земля», земство», земскій» какой-то несвойственный имъ цвѣтъ, значеніе чего-то совсѣмъ чуждаго русскому народному духу. Въ видѣ уступки національному вкусу, они благосклонно соглашаются окрестить и скрасить ими нѣчто совсѣмъ «однородное», по любимому ихъ выраженію, съ политическимъ строемъ Европы. О такой повадкѣ причесывать à la russe разныя заимствованія изъ чужи, придѣлывать фронтонъ русской избы къ какимъ-то зданіямъ совсѣмъ иностраннаго стиля и для нашего климата неудобнымъ—мы уже не однажды говорили въ самомъ началѣ нашего изданія, за что̀ въ то время и навлекли на себя грозные перуны нашихъ западниковъ-либераловъ.

Итакъ, въ виду подобнаго значенія манифеста 29 апрѣля, добровольный выходъ нѣкоторыхъ министровъ въ отставку, и притомъ въ такое трудное для Россіи время, способенъ породить въ большинствѣ русскаго общества лишь тяжелое, скорѣе (къ сожалѣнію) невыгодное, чѣмъ благопріятное для нихъ недоумѣніе. Не могла же въ самомъ дѣлѣ программа ихъ правительственной дѣятельности, если они таковую имѣли,—спрашиваютъ себя въ Россіи—заключать въ себѣ что-либо противорѣчащее принципамъ, выраженнымъ въ манифестѣ! а кромѣ принциповъ манифестъ никакой обстоятельной программы и не излагалъ. Такъ какъ закулисныя тайны, если таковыя были, не могутъ (по крайней мѣрѣ въ скоромъ времени) стать достояніемъ публики, то все это вышло очень странно, и такое произвольное удаленіе отъ дѣлъ самыхъ выдающихся министровъ представляется намъ крупною, съ ихъ стороны, политическою ошибкою. Этой печальной ошибки по всей вѣроятности и не было бы совершено, еслибъ они жили не въ Петербургѣ и не принимали петербургскаго общественнаго мнѣнія и сужденій нѣкоторой петербургской печати за общественное мнѣніе Россіи.

Вѣрность нашего толкованія уже отчасти подтверждается циркуляромъ новаго министра внутреннихъ дѣлъ, графа Н. П. Игнатьева. Мы уже привѣтствовали и отъ всей души вновь привѣтствуемъ нашего талантливаго дипломата на его новомъ поприщѣ. Графъ Игнатьевъ — прежде всего Русскій умомъ и душою; несмотря на всѣ превратности, и общія политическія и своей личной судьбы, онъ оставался своимъ русскимъ убѣжденіямъ неизмѣнно вѣренъ. Было время, когда держаться національной политики было весьма невыгодно; когда національное русское направленіе не только навлекало на своихъ представителей могущественную ненависть иностранныхъ политиковъ, но и непріязненное расположеніе влiтельной среды и у насъ дома. Но никто не можетъ упрекнуть графа Игнатьева въ томъ, чтобъ онъ когда-либо измѣнилъ тому знамени, которому служилъ въ теченіи всей своей служебной карьеры. За это онъ удостоился вражды, подчасъ озлобленной, многихъ заграничныхъ кабинетовъ: честь, которой, въ такой мѣрѣ, едвали удостоивали въ чужихъ краяхъ кого-либо другаго изъ русскихъ дипломатовъ. Это просто значитъ, что онъ не былъ покладистъ для иностранцевъ въ ихъ козняхъ противъ русскихъ народныхъ интересовъ и что его дарованій, направленныхъ къ выгодѣ русскаго дѣла, боялись. Его талантливость обнаружилась и на первомъ же его административномъ дебютѣ въ званіи временнаго генералъ-губернатора Нижегородской ярмарки. Свободный отъ всякой бюрократической рутины, онъ умѣлъ подойти ко всякому дѣлу такъ просто и съ его настоящей стороны, что его управленіе снискало ему самую горячую признательность всего громаднаго ярмарочнаго населенія и упрочило его популярность въ Россіи. Наконецъ, графъ Игнатьевъ хорошо знакомъ съ родною землею, съ внутреннимъ ея бытомъ и строемъ — какъ русскій помѣщикъ. Всѣ эти данныя вселяютъ увѣренность, что онъ оправдаетъ и довѣріе Государя, и надежды, возлагаемыя на него Россіею. Онъ безъ сомнѣніи сумѣетъ доказать — въ той сферѣ дѣятельности, которая ему указана Государемъ, — что наша историческая форма правленія, такъ твердо опредѣленная манифестомъ 29 апрѣля, не только не исключаетъ возможности желанныхъ реформъ въ управленіи, но только она одна и способна, у насъ въ Россіи, дать дѣйствительное, реальное бытіе всякимъ разумнымъ улучшеніямъ и сочетать гармонически: незыблемость государственныхъ основъ съ внутреннимъ неослабнымъ движеніемъ, — крѣпость и цѣльность верховной власти съ свободнымъ развитіемъ общественной жизни. Уроки исторіи не должны пропасть даромъ. Мы слишкомъ наказаны за долгое отрицаніе нашихъ историческихъ народныхъ началъ, за то уклоненіе наше отъ истиннаго русскаго государственнаго типа, который, конечно еще въ грубомъ, неполномъ видѣ, былъ уже намѣченъ намъ нашею стариною... Къ намъ обращаютъ иногда упрекъ довольно пошлый: будто мы хотимъ вычеркнуть изъ нашей исторіи весь такъ-называемый петербургскій періодъ, т. е. цѣлыхъ почти 200 лѣтъ исторической жизни! На это даже и возражать странно, — но мы, конечно, думаемъ и утверждаемъ, что необходимо провѣрить весь этотъ долгій, пережитый Русскою землею искусъ и затѣмъ, — съ благодарностью обогатясь самосознаніемъ, купленнымъ конечно дорогою цѣною, — отсѣчь все лживое и стремиться возстановить нарушенную этимъ періодомъ внутреннюю цѣльность нашего общественнаго организма. Но возвратимся къ циркуляру.

Конечно, это циркуляръ—написанный чуть не на другой день по вступленіи въ должность, но и въ этомъ своемъ видѣ онъ подтверждаетъ все сказанное нами о манифестѣ 29 апрѣля: т. е. что манифестъ не только не исключаетъ, но онъ-то именно и допускаетъ, полагая для нея прочный фундаментъ, возможность разумной мирной программы дальнѣйшей правительственной дѣятельности. Держась основы манифеста и объявляя, что правительство намѣрено слѣдовать къ своей высокой цѣли «при содѣйствіи всей земли», циркуляръ уже теперь начертываетъ нѣкоторую программу, которую, при внимательномъ чтеніи, можно извлечь изъ его содержанія въ слѣдующемъ видѣ:

1) «Искорененіе крамолы, при постоянномъ и живомъ содѣйствіи общественныхъ силъ страны».

2) Утвержденіе воспитанія (другими словами школы высшей и народной) на «религіозныхъ основахъ и твердыхъ нравственныхъ началахъ».

3) «Истребленіе неправды и хищенія въ администраціи», слѣдовательно обновленіе, гдѣ нужно, ея личнаго состава и преобразованіе условій ея дѣятельности, съ цѣлью сдѣлать эту дѣятельность вполнѣ успѣшною и плодотворною.

4) «Водвореніе порядка и правды въ дѣйствіяхъ и учрежденіяхъ, дарованныхъ покойнымъ Государемъ». Въ дальнѣйшемъ развитіи этой темы циркуляръ говоритъ слѣдующее: «Да будетъ оно (дворянство) увѣрено, какъ и все русское земство и городскія сословія, что дарованныя имъ права останутся въ полной неприкосновенности и что цѣль правительства *стремиться, при вѣрномъ всѣхъ служеніи и содѣйствіи, къ осуществленію на самомъ дѣлѣ* всего того,

что̀ было положено *въ основу* дарованныхъ Монархомъ учрежденій».

Однимъ словомъ, чтобъ самоуправленіе у насъ стало *правдой*,—дѣйствительною, живою правдой.

5) «Облегченіе лежащихъ на крестьянствѣ тягостей и улучшеніе его общественнаго устройства и хозяйственнаго быта». При чемъ крестьянство предваряется, «что оно должно не внимать вреднымъ слухамъ и пребывать въ полной увѣренности, что ему сохраняются и дарованная ему свобода, и права».

Наконецъ, въ заключеніе и какъ необходимое условіе для правильнаго разрѣшенія поименованныхъ задачъ:

6) Принятіе со стороны правительства «безотлагательныхъ мѣръ, чтобы установить правильные способы, которые обезпечивали бы наибольшій успѣхъ здравому участію мѣстныхъ дѣятелей въ дѣлѣ исполненія Высочайшихъ предначертаній».

Таково содержаніе, таковы задачи, поставленныя правительствомъ и администраціи и обществу. Не всѣ онѣ принадлежатъ «вѣдомству» Министерства внутреннихъ дѣлъ, но всѣ, конечно, входятъ въ область внутренней правительственной политики. Безъ сомнѣнія, онѣ являются теперь только въ общемъ очеркѣ, но черты ихъ не замедлятъ, разумѣется, выступить въ строгой и точной опредѣленности Во всякомъ случаѣ—двери въ ближайшее будущее открыты, и перспектива предстоящей работы видна—къ успокоенію и утѣшенію Россіи. Да, настаетъ трудовой, рабочій день: долой же шумиха фразъ и отвлеченныхъ рѣчей; пора приняться за дѣло!

Нѣкоторые пункты составленной нами на основаніи циркуляра программы сводятся, въ сущности, къ вопросу о преобразованіи мѣстнаго самоуправленія, какъ крестьянскаго, такъ и земскаго, что̀ несомнѣнно ведетъ за собою и видоизмѣненіе отношеній мѣстной администраціи къ земству (въ широкомъ смыслѣ послѣдняго слова). Этотъ вопросъ уже поднятъ циркуляромъ бывшаго министра, требующимъ соображеній губернскихъ и уѣздныхъ земствъ о необходимой реформѣ уѣздныхъ и губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій. Циркуляръ этотъ, который останется однимъ изъ лучшихъ памятниковъ управленія графа Лорисъ-Меликова, допускаетъ, какъ извѣстно, возможность кореннаго преобразованія этихъ учрежденій и постановки общей задачи объ устройствѣ уѣзда вообще. Мы съ своей стороны, какъ знаютъ читатели, центръ тягости всего вопроса объ отношеніи земли къ государству видимъ именно въ правильномъ устройствѣ уѣзда, начиная отъ сельскаго міра (остающагося, конечно, неприкосновеннымъ) до высшихъ уѣздныхъ правительственныхъ и общественныхъ органовъ. Нельзя не пожалѣть, что многія земства отнеслись къ этой задачѣ какъ-то формально, какъ бы лишь уступая требованію власти,—безъ достаточнаго сознанія всего зиждительнаго значенія предложеннаго имъ труда. Во всякомъ случаѣ теперь вполнѣ благовременно приступить къ разработкѣ того вопроса, который мы поставили съ 1 № нашей газеты, и важность котораго выступила еще ярче послѣ событія 1 марта и грозныхъ вразумленій пережитыхъ нами историческихъ дней. Циркуляръ графа Игнатьева упоминаетъ о ложныхъ, вредныхъ слухахъ, смущающихъ крестьянство, о коварныхъ, со стороны извѣстной группы людей, совѣтахъ и подущеніяхъ сельскаго люда къ совершенію безпорядковъ, грабежей и такого отвратительнаго самоуправства, которому подверглись Евреи на югѣ. Въ предотвращеніи опасности, происходящей отъ этихъ кривыхъ толковъ, подущеній и слуховъ, мѣстная администрація оказывается совершенно безсильною, и невольно вспоминается тотъ институтъ, котораго, во время оно, высшая администрація, по незнанію дѣла, сама себя лишила. Это институтъ *мировыхъ посредниковъ* —ближайшихъ совѣтниковъ крестьянства, до сихъ поръ съ сочувствіемъ о нихъ вспоминающаго. Теперь наши крестьяне совершенно сиры и безпомощны, и не у кого имъ добыть себѣ луча свѣта и правды, добраго совѣта и защиты отъ кулаковъ, пройдохъ и «аблакатовъ». Въ той или другой формѣ, этотъ институтъ долженъ быть возстановленъ, какъ звено, соединяющее крестьянскій міръ и его своеобразное самоуправленіе съ остальнымъ уѣзднымъ обществомъ—земствомъ и мѣстной администраціей. Съ возстановленіемъ этого института тѣсно связывается и вопросъ объ искорененіи неправды и хищеній въ крестьянскихъ учрежденіяхъ, и о правильной, цѣлесообразной постановкѣ народной школы, и о томъ, чтобы само земское наше управленіе стало правдой, стало близкимъ, роднымъ народу, пустило въ него живые корни, связалось съ нимъ плодотворными узами. Съ этимъ же вмѣстѣ непосредственно вяжется и вопросъ о способахъ дѣйствительно-полезнаго «содѣйствія мѣстныхъ дѣятелей самому правительству въ исполненіи государевыхъ предначертаній». Къ этой задачѣ — преобразованія уѣзда — мы и не замедлимъ вернуться.

Либеральный проектъ всесословной волости.

«Русь», 27-го іюня 1881 г.

Ретиво или лѣниво, съ полною готовностью или какъ бы нехотя, подобно человѣку, томимому волчьимъ аппетитомъ и осужденному довольствоваться картофелинкой,—такъ или иначе, но всѣ уѣздныя земства заняты теперь отправленіемъ повинности, возложенной на нихъ циркуляромъ бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ по вопросу о преобразованіи уѣздныхъ крестьянскихъ учрежденій. Отвѣтъ на вопросъ оказался, какъ мы и предваряли, гораздо сложнѣе, а потому и важнѣе, чѣмъ представлялся въ началѣ, и волей-неволей пришлось работать надъ задачей о преобразованіи чуть ли не всего уѣзднаго управленія. Казалось бы, эта задача вполнѣ достойна вниманія нашихъ земствъ, особенно тѣхъ, которыя по вопросу «аграрному», или попросту, по вопросу о мѣстномъ малоземельѣ, явились передовыми, ассигновали суммы на покупку крестьянами земель и проектировали съ этою цѣлью специальные банки. Наша «изящная словесность», или «беллетристика», наша періодическая печать, сама себѣ пожаловавшая титулъ «либеральной», преисполнены воспроизведеніемъ типовъ, подобныхъ героямъ Щедрина—Разуваеву и Колупаеву, т. е. всякаго рода «кулаковъ» (отъ которыхъ, по мнѣнію «Порядка», Великоруссы страдаютъ не менѣе, если не болѣе, чѣмъ Малоруссы и Бѣлоруссы отъ Евреевъ), хищниковъ волостныхъ писарей, самодуровъ волостныхъ старшинъ. «Безобразіе» волостныхъ судовъ, безправіе крестьянства предъ исправникомъ, вмѣшивающимся въ крестьянское самоуправленіе,—все это стало какъ бы аксіомой, отъ которой у всей «интеллигенціи» ноетъ и ужъ даже изныло сердце. Если такое изображеніе дѣлъ справедливо (а оно, къ прискорбію, большею частью дѣйствительно таково) и если сердечное сокрушеніе земской и литературной интеллигенціи вполнѣ искренно, то повидимому ей бы и слѣдовало ухватиться обѣими руками за представившуюся возможность потрудиться надъ разработкой такого проекта, который, въ мѣру условій мѣста и времени, создалъ бы для крестьянъ практически, а не теоретически, положеніе болѣе сносное. Мы недавно ознакомились съ проектомъ Харьковскаго земства, про который можно сказать, что земствомъ не только не найденъ ключъ къ разрѣшенію этой, вовсе не легкой, задачи, но оно какъ будто этого ключа даже и не искало, считая вопросъ о волости дѣломъ *будущаго*. Составленныя Харьковскимъ земствомъ предположенія такъ общи и неопредѣленны, что ничего не устрояютъ и никакихъ злоупотребленій не устраняютъ: уничтожая волостныя правленія, они обрушиваютъ всю отвѣтственность, всю тяжесть мѣстнаго управленія на волостнаго старшину—малограмотнаго, съ формализмомъ письмоводства не знакомаго крестьянина, — стало-быть еще пуще усиливаютъ значеніе волостнаго писаря. Ограничиваясь только легкимъ наброскомъ *временно*-полезныхъ преобразованій, Харьковское земство взамѣнъ того положило ходатайствовать: «чтобъ при разсмотрѣніи вопроса о реорганизаціи крестьянскаго управленія въ Министерствѣ были приглашены для общаго обсужденія гласные губернскихъ земствъ, по два отъ каждаго». Почему же и не созвать гласныхъ? Созвать, для окончательнаго рѣшенія этого, столько же земскаго, сколько и государева дѣла, было бы, думаемъ, очень полезно, но для этого-то именно и необходимо было бы каждому земству явиться на съѣздъ съ готовой, тщательно разработанной программой. Иначе такой съѣздъ не принесетъ никакой практической пользы, не будетъ *дѣловымъ*, а только говорильней, и отсутствіе *дѣльности* понапрасну только скомпрометтируетъ идею съѣзда. И почему же по вопросу объ освобожденіи крестьянъ, несравненно болѣе важному, оказалось не только вполнѣ возможнымъ, но и чрезвычайно полезнымъ предварительное обсужденіе и разрѣшеніе его сначала въ губернскихъ комитетахъ, а уже потомъ въ редакціонныхъ коммиссіяхъ съ приглашеніемъ депутатовъ?! Нельзя же на вопросъ вовсе не отвлеченный, а поставленный самой дѣйствительностью, въ формѣ живой, или--какъ говорятъ теперь—конкретной, отвѣчать общими мѣстами о «правовомъ порядкѣ», о «гарантіяхъ» и т. д., или же заявлять въ газетахъ о своемъ выходѣ изъ коммиссіи, составленной земствомъ для изготовленія проекта, вмѣсто того, чтобы принятымъ коммиссіею «общимъ основаніямъ» противопоставить свои основанія, хотя бы въ видѣ мнѣнія меньшинства! Нельзя также не обратить вниманія и на эту черту, что, ходатайствуя о приглашеніи губернскихъ гласныхъ, Харьковское земство вовсе и не упоминаетъ о представителяхъ *отъ крестьянъ*, хотя это дѣло непосредственно ихъ касается...

По нашему мнѣнію, *всесторонняя* разработка вопроса о преобразованіи уѣзднаго управленія должна бы происходить именно предварительно, *на мѣстахъ*, гдѣ и досужнѣе, и людей свѣдущихъ подъ рукой болѣе,—а не въ *коммиссіи* (ибо безъ коммиссіи никакой многочисленный съѣздъ не обойдется) губернскихъ гласныхъ, пожаловавшихъ на непродолжительный срокъ и безъ опредѣленной программы! На мѣстахъ можно было бы *опросить* и крестьянъ. Сколько разъ указывали мы на необходимость узнать по этому вопросу настоящую, *истовую* мысль крестьянскую, но нашъ слабый голосъ былъ заглушенъ хоромъ якобы либеральной интеллигенціи, которая къ уѣздной задачѣ отнеслась съ явнымъ презрѣніемъ: не дѣло-де культурнаго человѣка, озабоченнаго выспренними политическими задачами, возиться съ «уѣздной кутузкой, съ сѣрозипунниками и лапотниками» (sic)!! Не видно, чтобъ хоть одно изъ земствъ попыталось узнать мнѣніе крестьянства по дѣлу, такъ тѣсно связанному съ его существеннымъ интересомъ...

Не подлежитъ, впрочемъ, сомнѣнію, что многія изъ земствъ представятъ работы вполнѣ добросовѣстныя, дѣльныя, заслуживающія серьезнаго вниманія. О нѣкоторыхъ изъ нихъ уже извѣстно по слухамъ. Въ журналахъ и газетахъ также появляются статьи по тому же предмету Мы дали у себя мѣсто и замѣчаніямъ г. Шатилова, и проекту К. С. Головина, и еще нѣкоторымъ указаніямъ вовсе не потому, чтобы они выражали именно наше воззрѣніе, а потому собственно, что такого рода письменныя, оформленныя такъ-сказать, мнѣнія, низводящія вопросъ изъ отвлеченности и общности на реальную почву, значительно способствуютъ уясненію мысли.

Во сколько можно судить по отрывочнымъ даннымъ, сообщеннымъ нашею печатью, едвали не большинство проектовъ склоняется къ мысли о *всесословной волости*, причемъ нѣкоторые представляютъ себѣ эту волость со всесословными же собраніями. Г. Головинъ также удерживаетъ за своею волостью это названіе, хотя не признаетъ ея ни земскою, ни вообще хозяйственною единицей, а единицей лишь административно-судебною; не допуская никакихъ волостныхъ земскихъ собраній, онъ однакожъ признаетъ *всесословный* волостной сходъ, хотя и ограничиваетъ кругъ его занятій только пятью предметами, въ числѣ которыхъ находится и выборъ сборщика податей и судей крестьянскаго, стало-быть чисто сословнаго, волостнаго суда. Намъ кажется, что этотъ пунктъ предметовъ вѣдомства волостнаго всесословнаго схода находится въ явномъ противорѣчіи съ собственными словами г. Головина о томъ, что преобразованіе не должно коснуться крестьянскаго самоуправленія. Правда, онъ признаетъ, что крестьянское самоуправленіе находитъ себѣ естественную вѣковую форму только въ сельской *общинѣ*, «посягать на которую,—говоритъ онъ,—лишая ее чисто крестьянскаго характера ради теоретическихъ соображеній, значило бы жертвовать для призрачныхъ цѣлей живымъ самородкомъ народнаго прошлаго»,—волость же—дѣленіе искусственное; однакожъ онъ самъ не находитъ еще возможнымъ упразднить «крестьянскій волостной судъ.» Какой же это будетъ крестьянскій судъ съ «излюбленными выборными судьями», если не сами крестьяне будутъ ихъ выбирать? Вообще этотъ *всесословный* выборъ *сословныхъ* должностныхъ лицъ представляется намъ аномаліей, однимъ изъ самыхъ слабыхъ мѣстъ проекта г. Головина.

Вообще относительно волостной всесословности существуетъ какое-то недоразумѣніе, даже и при предположеніи, что волость будетъ увеличена вдвое. Извѣстно также, что «всесословная волость» или «всесословная *выть*» была любимымъ дѣтищемъ газеты «Вѣсть», органа крупныхъ землевладѣльцевъ, и въ сущности выходила не чѣмъ инымъ, какъ плохо маскированнымъ патримоніальнымъ, вотчиннымъ управленіемъ. Въ этомъ смыслѣ поданы были въ Петербургское дворянское собраніе въ 1874 г. проекты гг. Платонова, Савельева, графа Орлова-Давыдова, подробно разобранные и разбитые въ дребезги въ напечатанной за границей книгѣ «Революціонный консерватизмъ» (Берлинъ, 1875 г.). Очень характерно тогда было именно то обстоятельство, что враги всесословности вообще, домогавшіеся упраздненія ея тамъ, гдѣ она уже введена, такъ горячо рекомендовали введеніе ея тамъ, гдѣ ея нѣтъ, да и быть не можетъ, т. е. въ предѣлахъ волости. Приведемъ изъ первой половины этой книги слѣдующія строки Ю. Ѳ. Самарина о всесословной волости, какъ *обществѣ*:

«Теперешняя наша волость состоитъ, какъ извѣстно, изъ двухъ, трехъ или четырехъ сельскихъ обществъ, иногда изъ одного, и обнимаетъ только земли, отведенныя имъ въ надѣлъ. Внѣ этой *односословной* «мужицкой» волости и рядомъ съ нею стоитъ помѣщикъ и лежитъ земля его: другихъ элементовъ въ нашемъ уѣздномъ, по крайней мѣрѣ великороссійскомъ мірѣ не имѣется. Стало-быть учрежденіе, взамѣнъ односословной, всесословной или точнѣе *двусословной* волости потребовало бы, вопервыхъ, введенія въ личный составъ ея одного или нѣсколькихъ помѣщиковъ, съ предоставленіемъ ему или имъ права голоса въ общественныхъ дѣлахъ и доступа къ общественнымъ должностямъ; вовторыхъ, причисленія помѣщичьихъ земель къ территоріи волости, какъ новой статьи обложенія на общественныя, волостныя потребности, составляющія, за очень немногими изъятіями, предметъ исключительно крестьянскаго интереса. При первомъ же взглядѣ бросается въ глаза крайняя разнородность состава предполагаемой двусословной единицы. По воспитанію, образу жизни, понятіямъ, потребностямъ и средствамъ между помѣщиками и крестьянами лежитъ цѣлая бездна, образовавшаяся въ теченіе полуторавѣковаго отчужденія, и нѣтъ посредствующихъ звеньевъ, которыми бы она связывалась въ непрерывную цѣпь: небольшая группа лицъ, приписавшихся только въ полицейскомъ отношеніи,—исчезаетъ изъ виду по своей малочисленности».

Обращаясь затѣмъ къ сферѣ хозяйственнаго быта и сопоставляя имущественные интересы помѣщика съ интересами крестьянскими, Ю. Ѳ. Самаринъ поясняетъ, что они *не враждебны* одни другимъ и отнюдь не не примиримы, но *противоположны по существу*,—противоположны, говоритъ онъ,— «какъ интересы покупщика и продавца, кредитора и должника, производителя и потребителя. Помѣщикъ сдаетъ свою землю, крестьяне снимаютъ ее; помѣщикъ рядитъ на работу, крестьяне нанимаются; помѣщикъ открываетъ кредитъ, крестьяне должаютъ. Сдѣлки этого рода, по своей первостепенной важности въ сельскомъ быту, даютъ ему тонъ; онѣ вплетаются во всѣ подробности деревенской жизни и опредѣляютъ характеръ взаимныхъ отношеній двухъ сторонъ на всѣхъ точкахъ ихъ соприкосновенія. Съ чего бы ни началось дѣло между помѣщиками и крестьянами, оно неминуемо сводится на вопросъ о землѣ, о лѣсѣ, о долгахъ или о работѣ Въ этой области интересы *всѣхъ* крестьянъ, будучи противоположны помѣщичьимъ, въ то же время тождественны между собою, и потому первые, при встрѣчѣ со вторыми, почти никогда не дробятся, а сливаются въ одинъ голосъ. И такъ, не мѣшало бы принять напередъ къ свѣдѣнію, что въ двусословной волости, зайдетъ ли рѣчь о предстоящихъ обществу расходахъ или объ изысканіи средствъ къ ихъ удовлетворенію, передъ лицомъ помѣщика всегда будетъ стоять не множество лицъ, а одно коллективное лицо. Эти два лица будутъ облагать другъ друга! При такихъ условіяхъ, можно ли надѣяться, въ тѣсныхъ предѣлахъ волости, придумать такую комбинацію составныхъ ея элементовъ, помѣщичьяго и крестьянскаго, или «культурнаго» и «стихійнаго» (по выраженію защитниковъ всесословной волости), которая, не отдавая одного изъ нихъ въ жертву другому и въ то же время *не нарушая самостоятельности и цѣльности общества*, предупредила бы безконечный рядъ безвыходныхъ между ними столкновеній и установленіемъ между ними прочнаго равновѣсія обезпечила бы удовлетвореніе законныхъ требованій обоихъ?.. Создать двусословную волость изъ наличнаго матеріала также невозможно, какъ сложить самоуправляющееся общество изъ купеческой фирмы и снабжающихся у нея потребителей, или изъ домовладѣльца и квартирующихъ у него постояльцевъ»...

Въ другой же половинѣ упомянутой нами книги г. Дмитріевъ (Ѳ. М.), подробно анализируя названные нами дворянскіе проекты, математически доказываетъ, что при счетѣ голосовъ на такихъ всесословныхъ волостныхъ собраніяхъ огромный перевѣсъ долженъ непремѣнно принадлежать крестьянамъ, и помѣщикъ будетъ такъ-сказать задавленъ крестьянской громадой. Очевидно, что составители проектовъ переносили центръ тяжести помѣщичьяго преобладанія на нѣчто иное, именно на зависимость крестьянскихъ имущественныхъ интересовъ отъ интересовъ крупнаго землевладѣльца. Но мудрено понять: на чемъ основываютъ свои соображенія составители новѣйшихъ проектовъ? Мы знаемъ, напримѣръ, Туровскую волость въ Серпуховскомъ уѣздѣ Московской губерніи, гдѣ всего два помѣщика, такъ что, если бы даже принять предположеніе г. Головина, чтобы за каждыя лишнія 200 десятинъ эти помѣщики получили лишній голосъ на сходѣ, съ тѣмъ однако, чтобъ общее число голосовъ у каждаго не превышало пяти,—то и тогда они очутились бы въ значительномъ меньшинствѣ. Въ Самарской же губерніи намъ извѣстны многія волости, гдѣ личный землевладѣлецъ всего одинъ, и притомъ одинъ и тотъ же не на одну, а на двѣ или три волости,—такъ что, еслибъ и увеличить настоящій объемъ волости вдвое, результатъ вышелъ бы одинаковъ Не говоря уже о неравномѣрности такого представительства интересовъ, каждому понятно, что лицо въ отношеніи къ числу голосовъ преданное въ безусловную власть большинства, должно, уже ради чувства самоогражденія, искать себѣ опоры въ своемъ имущественномъ или соціальномъ надъ большинствомъ преобладаніи. Другими словами: это значитъ сѣять не миръ, а вражду. Такимъ образомъ мы не усматриваемъ въ практическихъ условіяхъ нашей сельской жизни никакихъ основъ для всесословнаго волостнаго *общества*, ибо когда говорится о всесословныхъ волостныхъ земскихъ собраніяхъ или сходахъ,—разумѣется волость какъ общество. Обращать волость, хотя бы и расширенную вдвое, въ такую земскую уѣздную единицу, которая была бы уѣздомъ въ миніатюрѣ, съ своимъ земскимъ хозяйствомъ и участковымъ представительствомъ, по нашему мнѣнію практически неисполнимо. Тѣмъ не менѣе мы полагаемъ, что есть возможность даже и въ предѣлахъ волости (конечно увеличенной) найти, по выраженію

Ю. Ѳ. Самарина, «такую комбинацію составныхъ ея элементовъ помѣщичьяго и крестьянскаго или «культурнаго» и «стихійнаго», которая, не отдавая одного изъ нихъ въ жертву другому, обезпечила бы по возможности удовлетвореніе законныхъ требованій обоихъ», — найти, другими словами, то «посредственное звено», которымъ бы оба они связывались въ общую цѣпь. Но для этого нужно выдти изъ тѣсной области хозяйственныхъ интересовъ и вспомнить, что задача земскаго самоуправленія состоитъ, между прочимъ, въ комбинаціи функцій государственныхъ съ земскими, и общесословныхъ, земскихъ или государственныхъ съ сословными или частными.

Не многіе изъ составителей проектовъ посягаютъ на *сельское* крестьянское самоуправленіе. Можно поэтому надѣяться, что ему такимъ образомъ не будетъ угрожать извнѣ никакой новой опасности. Первою ячейкой въ уѣздѣ является безъ сомнѣнія *сельское общество*. Это, какъ мы уже однажды сказали, органическая сословная, территоріальная и хозяйственная единица въ Россіи, которая «вся стоитъ селами, а не городами». Нѣкоторыхъ смущаетъ именно *сословный* характеръ этой единицы или ячейки, и имъ, во имя *либеральнаго* начала всесословности, хотѣлось бы, даже насильственно, или хоть искусственно, вторгнуться въ этотъ замкнутый кругъ крестьянской сословности, нарушить свободу его «самобытности», — слово, которое по неисповѣдимымъ путямъ мышленія нашихъ лжелибераловъ, имъ какъ бѣльмо на глазу. Они глумятся надъ понятіемъ самобытности чуть не въ каждомъ № своихъ газетъ, особенно въ «Порядкѣ», ставятъ самое слово въ ковычкахъ, и не подозрѣваютъ, что издѣваясь надъ самобытностью и надъ тѣми, кто отстаиваетъ для Русскаго народа это драгоцѣнное право народной личности, они хлещутъ немилосердно только себя самихъ. Они обзываютъ насъ «самобытниками»: мы этимъ не обижаемся и съ своей стороны безусловно признаемъ ихъ право на названіе «несамобытниковъ». — Намъ кажется даже, что названіе «сословія» какъ-то узко для того разряда людей, который составляетъ чуть не 80% всего населенія. Это — повторимъ наши слова — нижній, первый слой нашей Русской земли, это самые *корни* дерева, на которомъ мы, общество или интеллигенція, только листья, — мѣняющіеся листья, — это и есть въ тѣсномъ смыслѣ слова *Русскій народъ*, — здѣсь зиждется наша *настоящая политическая сила*. Нравится ли это или не нравится, — это другой вопросъ, но таковъ историческій, соціальный и бытовой фактъ, съ которымъ нельзя не считаться. Фактъ этой обособленности народной признаемъ, впрочемъ, не мы одни. Его призналъ на дняхъ и г. Щедринъ въ своемъ новомъ «этюдѣ», по выраженію «Порядка»: «За рубежомъ». Въ «Порядкѣ» и ему подобныхъ газетахъ не безъ восторженнаго сочувствія перепечатаны тѣ именно строки, гдѣ г. Щедринъ, коснувшись темы о *единеніи съ народомъ*, называетъ народъ «міромъ валяющимся во тьмѣ и въ недугахъ», съ которымъ «дѣйствительное единеніе по меньшей мѣрѣ столь же мучительно, какъ и сдираніе съ живаго организма кожи». *Средній* культурный человѣкъ, по словамъ г. Щедрина, задаетъ себѣ задачу: «призвать народъ къ свѣту и на болящія массы пролить исцѣленіе, но бываютъ» — говоритъ онъ — «историческія минуты, когда этотъ міръ и эти массы непостижимо упорствуютъ, оставаясь во тьмѣ и недугахъ»... «Не потому упорствуютъ — поясняетъ г. Щедринъ — «чтобы не понимали свѣта и исцѣленій, а потому, что *источникъ этихъ благъ заподозрѣнъ ими*», такъ что «къ этому валяющемуся во тьмѣ и недугахъ міру нельзя-де подойти иначе, какъ предварительно погрузившись въ ту же самую тьму и болѣя тою же самою *проказой*, которая грозитъ его истребить». Выходитъ — все зло отъ того, что источникъ — средній культурный человѣкъ — народомъ *заподозрѣнъ*... Почему же однако заподозрѣнъ? Неужели и въ самомъ дѣлѣ *средній* человѣкъ — угнетенная невинность, ни въ чемъ предъ народомъ не погрѣшившій? Неужели народъ, который, по словамъ г. Щедрина, *понимаетъ свѣтъ и исцѣленія*, держитъ въ такомъ подозрѣніи средняго человѣка — самый-то источникъ свѣта и исцѣленія — совершенно понапрасну?! Не было ли развѣ никакихъ причинъ къ заподазриванью? Чистъ ли, мутенъ ли самый источникъ-то благъ? Во всякомъ случаѣ можно надѣяться, что теперь даже защитникъ гражданскихъ еврейскихъ интересовъ г. Андріевскій и его фельетонистъ Лукинъ, какъ средніе человѣки, поспѣшатъ стать на точку зрѣнія г. Щедрина и возмнятъ себя, смиренно, источникомъ и подателями благъ, неправедно отвергаемыхъ нашимъ, валяющимся во тьмѣ и проказѣ Русскимъ народомъ!... Просимъ извиненія у нашихъ читателей за эти уклоненія въ сторону, но мы не могли пренебречь такого рода внезапнымъ, преподнесеннымъ нашею печатью освѣщеніемъ истинныхъ отношеній большинства нашей интеллигенціи къ народу и къ вопросамъ его касающимся.

Какъ бы то ни было, но, повторяемъ: отличіе нашего крестьянскаго общества отъ прочихъ сословій въ томъ именно и состоитъ, что оно тѣсно связано между собою общностью и солидарностью хозяйственныхъ интересовъ, формою землевладѣнія, однородностью быта, единствомъ обычая, мысли и духа, наконецъ «исконнымъ строемъ и образомъ самоуправленія, единымъ съ перваго дня русской исторіи». Крестьянство, вмѣстѣ съ тѣмъ, является у насъ по преимуществу *носителемъ начала общественнаго* и живетъ, особенно въ области гражданскихъ правовыхъ отношеній, внѣ нашего писаннаго закона, подъ закономъ старыхъ обычаевъ. Поэтому всякое вторженіе въ этотъ народный строй чуждой его духу стихіи могло бы только ослабить самую ту основу, которою крѣпка и стоитъ Россія: другихъ, равносильно крѣпкихъ, къ сожалѣнію, мы пока еще не видимъ.

И такъ, вопросъ о сельскомъ обществѣ съ его самоуправленіемъ можно бы, кажется, признать порѣшеннымъ. Но за предѣлами сельскаго общества въ настоящее время существуетъ *волость*, съ волостнымъ старшиной, волостнымъ правленіемъ, волостнымъ писаремъ, волостнымъ судомъ и волостнымъ сходомъ, образующаяся изъ извѣстнаго числа сельскихъ обществъ, созданная Положеніемъ 19 февраля. Это уже вторая степень крестьянскаго самоуправленія, которой назначеніе было состоять посредствующимъ звеномъ между правительствомъ и сельскимъ населеніемъ. Но такъ какъ волость не имѣетъ подъ собой никакой органической основы, и волостной міръ не связанъ между собою ни формою землевладѣнія, ни общностью хозяйственныхъ интересовъ, составленъ искусственно, посредствомъ *депутатовъ* отъ опредѣленнаго числа *домохозяевъ*, — это съ одной стороны; съ другой, такъ какъ за отсутствіемъ другихъ мѣстныхъ административныхъ органовъ внутри уѣзда, особенно съ уничтоженіемъ участковъ мировыхъ посредниковъ, центръ тягости мѣстнаго полицейскаго надзора и вообще государственнаго управленія сосредоточился мало-по-малу весь въ этой второй инстанціи крестьянскаго самоуправленія, т. е. въ волости,—то эта *сословная* единица и обратилась въ единицу чисто административную, общегосударственнаго, вовсе не исключительно сословнаго характера. Съ учрежденіемъ уѣздныхъ присутствій и съ предоставленіемъ исправнику права подвергать старшинъ дисциплинарнымъ взысканіямъ,—волостной старшина сталъ чѣмъ-то въ родѣ частнаго или участковаго полицейскаго пристава въ городахъ, а волостное правленіе чѣмъ-то въ родѣ полицейскаго участка, но съ несравненно обширнѣйшимъ кругомъ обязанностей. Достаточно сказать, что по свѣдѣніямъ, доставленнымъ намъ о письмоводствѣ одной изъ волостей (въ одной изъ центральныхъ губерній), волостному правленію приходится вести 29 книгъ (нѣкоторыя въ двухъ экземплярахъ), исписать въ годъ около 2.100 листовъ бумаги, получать въ годъ входящихъ бумагъ слишкомъ 600, изъ которыхъ однихъ предписаній было 479. И какихъ предметовъ вѣдомства не касаются эти предписанія! Тутъ и мѣры противъ эпизоотій и повальныхъ въ уѣздѣ болѣзней, и общія санитарныя распоряженія, и собираніе статистическихъ данныхъ разнообразнаго содержанія,—и все это обширное письмоводство по предметамъ вовсе не сословно-крестьянскаго характера возложено на крестьянъ!!! Можно ли дивиться послѣ этого тому значенію, которое пріобрѣтаютъ волостные писаря: безъ ихъ исполинскаго труда крестьяне бы пропали, и волостной старшина, за неисполненіе предписаній начальства—хотя бы о доставленіи требуемыхъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ свѣдѣній самаго затѣйливаго статистическаго свойства, рисковалъ бы не разъ попасть, безъ суда и объясненія, по приказу исправника, въ арестантскую, вмѣстѣ съ пьяными и мошенниками.

Очевидно, что современную волость нельзя причислить къ крестьянскому сословному самоуправленію, и что если она кому нужна и служитъ, то не однимъ крестьянамъ, а еще болѣе администраціи и земству. Несомнѣнно также, что развитіе письмоводства и усложненіе обязанностей, къ крестьянскому самоуправленію не относящихся, стали усиленнѣе развиваться по мѣрѣ того, какъ ослабѣвало значеніе прежнихъ мировыхъ посредниковъ, и достигли своего апогея съ окончательнымъ уничтоженіемъ прежнихъ посредническихъ участковъ. Въ то же время волость не доставляетъ de jure личнымъ землевладѣльцамъ, живущимъ въ ея предѣлахъ или бокъ-о-бокъ съ ними, никакихъ тѣхъ гарантій общественной безопасности, никакихъ тѣхъ удобствъ, которыхъ они въ правѣ ожидать отъ ближайшаго административнаго органа и въ которыхъ сильно нуждаются. Содержатели фабрикъ, арендаторы разныхъ угодій, личные землевладѣльцы, начиная отъ отставнаго солдата, купившаго себѣ землю и живущаго особнякомъ, — всѣ они теперь поневолѣ *тянутъ*, по древнему юридическому термину, не къ сосѣднему волостному правленію, а къ уѣздному городу, отстоящему иногда на нѣсколько десятковъ верстъ.

Такимъ образомъ жизнь выяснила необходимость въ созданіи на пространствѣ уѣзда бо́льшаго или меньшаго числа единицъ административно-судебныхъ, общихъ для всѣхъ сословій, въ территоріальныхъ предѣлахъ каждой такой единицы. Таковая же единица нужна и для уѣзднаго земства, лишеннаго теперь исполнительныхъ и распорядительныхъ хозяйственныхъ органовъ въ уѣздѣ. Таковая единица, стоящая *внѣ* сословности, нужна и для крестьянъ. Почему—мы это объяснимъ послѣ,—но теперь остановимся на томъ выводѣ, что чувствуется потребность именно въ мѣстномъ органѣ управленія государственнаго и въ то же время земскаго самоуправленія, а не въ искусственномъ созиданіи такъ-называемой всесословной волости, въ смыслѣ цѣльнаго волостнаго общества. Но наша статья и безъ того длинна; отлагаемъ дальнѣйшее изложеніе нашей мысли до слѣдующаго №.

О „Земской волости“ по предположеніямъ Московской Земской Коммиссіи и другихъ земствъ.

«Русь», 4-го іюля 1881 г.

И такъ мы пришли, въ прошлый разъ, къ таковому выводу: а) волость, въ настоящемъ своемъ видѣ, не соотвѣтствуетъ своему первоначальному назначенію быть второю, высшею степенью крестьянскаго самоуправленія, а обратилась, силою вещей, въ административно-полицейскую единицу съ кругомъ вѣдомства вовсе не сословнаго, т. е не крестьянскаго, а общегосударственнаго и общеземскаго или всесословнаго свойства, ввѣренную управленію однихъ лишь крестьянъ, къ ущербу для нихъ самихъ и для дѣла; б) волость, хотя бы и увеличенная вдвое, не имѣетъ въ себѣ достаточныхъ элементовъ для образованія того, что̀ разумѣется подъ «всесословною волостью», т. е. цѣльнаго общества съ особымъ участковымъ представительствомъ, отдѣльнымъ общественнымъ хозяйствомъ и самоуправленіемъ; в) необходимо послѣдовать указаніямъ жизни и настоящую волость,—уже обратившуюся, силою вещей (къ тягости для крестьянъ и къ ущербу для независимости собственно-крестьянскаго самоуправленія), въ административно-полицейскій органъ общегосударственнаго и общеземскаго характера,— изъять изъ исключительно-крестьянскаго завѣдыванія и, нѣсколько раздвинувъ ея предѣлы, возвести дѣйствительно въ государственный и земскій административно-полицейскій и судебный, равно необходимый для всего мѣстнаго населенія, органъ— подъ контролемъ правительства, уѣзднаго земства и самого мѣстнаго населенія. Такіе участковые органы, стоящіе *внѣ* сословности, сказали мы, нужны и для крестьянъ.

Но признавая необходимость такого участковаго органа,— какъ бы ни называть его: «земскою волостью» или «округою»,—мы еще не рѣшаемъ вопроса: нужно ли ограничить крестьянское самоуправленіе однимъ *сельскимъ обществомъ*, какъ это предполагаетъ коммиссія Московскаго земства. По правдѣ сказать, мы пока и не беремся рѣшать этотъ вопросъ, а предпочитаемъ оставить его открытымъ. Вотъ тутъто и нужно бы знать искреннюю думу самихъ крестьянъ! Нѣтъ сомнѣнія, что органическою, живою единицей является въ крестьянствѣ, по крайней мѣрѣ великорусскомъ, единица территоріальная, хозяйственная, т. е. сельская община, будь она село или деревня, въ нѣсколько сотъ или въ десять дворовъ. Каждая такая единица имѣетъ свой особый *міръ*, члены котораго—всѣ мѣстные домохозяева—связаны между собою сожительствомъ, формою землевладѣнія, общностью насущныхъ, хозяйственныхъ интересовъ. Такое общество представляетъ изъ себя единицу и въ *податномъ* отношеніи, потому что (какъ бы правительство ни дѣлило подати и выкупные платежи по *душамъ* и по *душевымъ* надѣламъ) крестьяне, слагая всю сумму душевыхъ платежныхъ повинностей въ одно цѣлое, разверстываютъ ее по своему, между собою, смотря по достатку каждаго, по его платежной способности, по достоинству полученнаго имъ при разверсткѣ земельнаго участка, и т. д.—Нѣтъ сомнѣнія также, что настоящая группировка крестьянскихъ обществъ въ «волости» вполнѣ искусственна, и «волостной міръ», искусственно составленный на формальномъ, *закономъ* указанномъ основаніи представительства, лишенъ той духовно-органической цѣльности, какою отличается міръ *сельскій*. Можно ли однакожъ съ увѣренностью утверждать, что крестьянскія общества (сельскія или деревенскія) вовсе не нуждаются для себя въ какомъ-либо центрѣ? Не въ такомъ, какой созданъ для нихъ правительствомъ въ видѣ современной волости, а въ своеобразномъ, собственномъ центрѣ, чисто крестьянскомъ, пополняющемъ самоуправленіе отдѣльныхъ, особенно же мелкихъ крестьянскихъ общинъ. Не слишкомъ ли малъ, слабъ, сиръ, беззащитенъ явится *міръ* какой-нибудь деревни *Маѳуткина* или *Маѳина*, или *Нѣмчинова* (на Можайскомъ шоссе, верстъ за 12 отъ Москвы) и имъ подобныхъ, противопоставленный центральной власти (правительственной или земской) въ формѣ того участковаго органа, который предполагается создать? По проекту Московской губернской земской коммиссіи, каждая поземельная община «по хозяйственнымъ дѣламъ, связаннымъ съ поземельнымъ владѣніемъ и съ уплатою податей, составляетъ, какъ бы мала она ни была, *отдѣльную* хозяйственную единицу»; но «въ административномъ отношеніи общины, имѣющія менѣе 200 душъ, соединяются въ *сельскія общества*, либо присоединяются съ этою цѣлью къ сосѣдней деревнѣ, уже образующей собою сельское общество»: такимъ образомъ «сельское общество» представляетъ личный составъ *не менѣе* какъ въ 200 душъ, т. е. въ 200 душъ и *свыше* этого числа.—Можетъ-быть такое дѣленіе и отвѣчаетъ мѣстнымъ условіямъ и удобствамъ крестьянъ, а можетъ-быть и нѣтъ, это бы нужно провѣрить; безъ провѣрки оно кажется искусственнымъ и формальнымъ. Можетъ-быть, еслибъ избѣжать назначенія центровъ самою властью, крестьяне сами бы отыскали себѣ центръ; онъ указался бы самъ собою, ходомъ жизни, и безъ отношенія къ опредѣленной нормѣ 200 душъ. Трудно предположить, чтобы крестьяне захотѣли удержать *настоящее* дѣленіе обществъ и общинъ по *волостямъ* уже потому, что содержаніе такихъ искусственныхъ центровъ и органовъ имъ дорого стóитъ: по разсчету, приведенному авторомъ «Замѣтки о волости» (16 № «Руси»), крестьянамъ Тульской губерніи содержаніе волостнаго управленія (съ жалованьемъ, канцелярскими, разгонными и т. п. расходами) обходится по всей губерніи слишкомъ въ 182 тысячи рублей, а въ Воронежской слишкомъ въ 320 тысячъ рублей. Это при разсчетѣ только 40 копѣекъ сбора съ души. По мнѣнію же г. Головина (33 № «Руси»), крестьянское населеніе волостей обложено сборомъ на волостныя потребности *отъ 50 к. до 1 р. съ души.* Но если крестьяне признаютъ нужнымъ и полезнымъ для себя имѣть, кромѣ сельскаго самоуправленія, еще и средоточія сельскихъ общинъ, какъ высшую ступень, какъ оплотъ своего самоуправленія, съ сохраненіемъ за этою ступенью чисто-крестьянскаго, или, пожалуй, сословнаго характера, то они сумѣли бы, еслибъ это право было имъ предоставлено, и создать себѣ такіе центры, и содержать ихъ безъ отягощенія для себя. Во всякомъ случаѣ они ужъ не могли бы тогда, да и не стали бы, жаловаться на обремененіе ихъ лишнимъ расходомъ, ибо имъ никто его силою не навязывалъ,—подобно тому, какъ они не жалуются и теперь на содержаніе въ сельскихъ общинахъ *сельскихъ старостъ:* это ужъ необходимая принадлежность самой жизни, какъ воздухъ, какъ хлѣбъ насущный.

Повторяемъ: мы не можемъ прямо утверждать, что крестьяне въ такомъ центрѣ нуждаются. A priori намъ представляется такой центръ не излишнимъ,— даже и очень полезнымъ для укрѣпленія и огражденія свободы и самостоятельности сельской крестьянской автономіи,—умалять и ослаблять которую, какимъ бы то ни было образомъ, мы считаемъ преступнымъ посягательствомъ на миръ, безопасность, твердость и правильное органическое, соціальное и духовное развитіе Русской земли и Русскаго государства... Намъ передавали нѣкоторые наблюдатели крестьянскаго быта, будто и теперь, независимо отъ искусственныхъ современныхъ волостныхъ центровъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ селенія *кустятся*, лежатъ *кустомъ* или *гнѣздомъ*, — деревни, это гнѣздо составляющія, представляютъ нѣкоторую между собою солидарность, общность интересовъ и имѣютъ свой гнѣздовой центръ. Профессоръ Ламанскій писалъ намъ на дняхъ изъ глуши Новогородской губерніи, гдѣ «народъ чистый, коренной и сохраняется старый новогородскій строй», что тамъ въ особенности «волость» представляется искусственною, оффиціальной единицей, и въ народѣ еще живо древнее дѣленіе на *погосты*, такъ что «погостъ» есть и понынѣ тотъ народный центръ, къ которому скученныя около него деревни тянутъ по старинѣ... Очень можетъ быть, что въ Вологодской губерніи таковыми центрами были бы *ключи* (если мы не ошибаемся въ точномъ значеніи этого, до сихъ поръ употребительнаго тамъ термина), а въ центральной Россіи таковымъ центромъ сталъ бы—кто знаетъ? —*приходъ*, и это было бы очень желательно. Однимъ словомъ, этотъ вопросъ остается для насъ открытымъ, требующимъ опроса крестьянъ. — не того формальнаго опроса, на который не всегда можно добиться отъ крестьянъ искренняго отвѣта, но того дознанія истинной мысли народной, которое всегда возможно, и въ особенности *должно* быть возможно для земства. Ибо если земство не знаетъ, не способно знать или не озабочивается узнать мысль народную, какое же оно послѣ того *земство?* къ чему оно годно?

Обратимся теперь къ тому административно-судебному участку, который въ проектѣ Московской губернской земской коммиссіи носитъ названіе «земской волости». Мы не противъ этого названія и не стоимъ за него непремѣнно, — дѣло не въ названіи. Коммиссія опредѣляетъ размѣръ такого участка числомъ жителей около 9000. Едвали такое внѣшнее основаніе вполнѣ удобно для распредѣленія, хотя, разумѣется, число жителей должно быть непремѣнно принято въ соображеніе и служить *однимъ* изъ основаній. К. С. Головинъ приходитъ къ тождественному результату, образуя свой участокъ изъ двухъ теперешнихъ волостей. Все это, безъ сомнѣнія, зависитъ отъ размѣра послѣднихъ. Намъ кажется, что каждому уѣзду должно быть предоставлено право распредѣлять уѣздъ на участки, смотря по удобствамъ для жителей и расположенію мѣстности. Въ Малороссіи есть селенія по 5, по 7 тыс. душъ, изъ коихъ два могутъ образовать одну округу въ 14 тыс. жителей, а иногда и одно изъ нихъ, по своему торговому значенію и инымъ условіямъ, можетъ составить цѣлый особливый участокъ. Нужно только одно условіе: чтобы такіе участки не были слишкомъ растянуты, такъ какъ большія пространства затрудняютъ управленіе.

И Московская коммиссія, и К. С. Головинъ, и многія другія земства пришли къ предположенію: соединить съ этимъ новымъ распредѣленіемъ на участки (увеличенныя волостныя единицы) распредѣленіе *мировыхъ судебныхъ участковъ* (для чего число послѣднихъ, а равно и число мировыхъ судей, придется увеличить, противъ нынѣ существующаго, вѣроятно втрое и даже болѣе) и поставить во главѣ такого участка мироваго судью, совмѣстивъ въ одномъ лицѣ и судью, и мироваго посредника. Разумѣется слово «посредникъ» принимается здѣсь какъ понятіе готовое и образъ знакомый, оставившій по себѣ въ народѣ большею частью добрыя воспоминанія. Дѣло собственно въ томъ, чтобъ во главѣ этого судебно-полицейскаго и административнаго, правительственнаго и земскаго участка поставить мироваго судью. Мы присоединяемся къ этому мнѣнію съ тѣмъ, чтобъ лицо, заправляющее участкомъ, сохранило названіе «мироваго судьи», а не называлось «начальникомъ волости», какъ предлагаетъ г. Головинъ, потому что съ послѣднимъ выраженіемъ соединяется представленіе о «чиновникѣ», какъ извѣстномъ типѣ, тогда какъ слово «мировой» — благодаря большинству посредниковъ первой серіи и мировыхъ судей настоящаго времени,—стало въ народѣ популярно и ему сочувственно.

Мимоходомъ. Газета «Порядокъ» съ какимъ-то торжествомъ преподноситъ намъ каждый случай злоупотребленія или только нерадѣнія со стороны мировыхъ посредниковъ, сообщаемый ей корреспондентами изъ Кіевской и Подольской губерній: «вотъ, смотрите, любуйтесь, каковы ваши мировые посредники! вотъ она, «самобытность!» и т. д. въ томъ же родѣ. Затѣмъ, разумѣется, слѣдуетъ извѣстный непремѣнный припѣвъ (хотя бы уже въ буквальномъ смыслѣ ни *къ селу*, ни къ городу»): «гарантіи», «культура», «правовой порядокъ» и пр., весь «либеральный» туалетъ! Можетъ-быть «Порядку» и вѣдомы такія страны, которыя были бы гарантированы отъ человѣческаго несовершенства и не знакомы съ частными злоупотребленіями, но намъ такой рай на землѣ не вѣдомъ; намъ прежде всего бросается въ глаза недомысліе самого «Порядка», который толкуетъ, не разобравъ въ чемъ дѣло. Въ упомянутыхъ губерніяхъ мировые посредники совсѣмъ на другомъ положеніи; это *чиновники*, правительствомъ назначенные, даже не изъ мѣстныхъ жителей, тогда какъ мировые посредники, созданные Положеніемъ 19 февраля, имѣли характеръ *земскій* (хотя оффиціальнаго «земства» еще и не было). Да и вообще тамошній мировой институтъ не имѣетъ ничего общаго съ таковымъ же въ остальной Россіи, а слѣдовательно и въ сравненіе съ нимъ идти не можетъ. Впрочемъ, со стороны «Порядка» подобныя возраженія совершенно въ порядкѣ. Но мы рѣшительно не можемъ понять, почему «Новое Время» внезапно разразилось такой странной діатрибой противъ «главныхъ основаній, проектированныхъ Московскою губернскою земскою коммисіей». Можно было не согласиться съ нѣкоторыми отдѣльными статьями, подвергнуть ихъ строгой критикѣ (при чемъ слѣдовало, конечно, противопоставить и свое предполагаемое устройство), но почтенная газета, ничего своего не противопоставляя и не измышляя, подняла кличъ о какомъ-то «боярскомъ духѣ», издревле, будто бы, присущемъ Москвѣ, который — «яко левъ рыкаяй ходитъ, искій кого поглотити», и поглотити на сей разъ непремѣнно крестьянъ и крестьянское самоуправленіе!!! Право, можно подумать, что эта замѣтка писана человѣкомъ, зажившимся во Франціи и усвоившимъ себѣ французскія *аксіомы* на счетъ Россіи вообще и Москвы въ особенности, въ родѣ: le vieux parti moscovite, la ville des anciens boyars, cette sainte ville de Moscou, que les Russes nomment improprement Moskva! и т. д. Съ этого штандпункта, Француза, какъ извѣстно, никакими доводами не своротишь. Авторъ замѣтки конечно называетъ Москву Москвой — онъ и не Французъ, — но къ изумленію повторяетъ съ французскаго голоса старый истасканный вздоръ о московскомъ боярскомъ духѣ. Ни бояръ, ни баръ въ Москвѣ давно нѣтъ: они почти всѣ переселились въ Петербургъ, гдѣ преобразились въ русскихъ лордовъ; тѣ же, которые пребываютъ въ Москвѣ, не составляютъ никакой партіи, никакой сплоченной силы, не оказываютъ никакого давленія ни на общество, ни на городское и земское самоуправленіе въ смыслѣ «боярскомъ». Это правда, что въ числѣ Московскихъ городскихъ и земскихъ гласныхъ и общественныхъ дѣятелей гораздо менѣе чиновниковъ, чѣмъ въ Петербургѣ, хотя бы и «либераловъ». Но считать ли отъ того Москву въ убыли?... Можетъ-быть «Новому Времени» будетъ пріятно узнать, что собственно въ городѣ Москвѣ мѣсто стариннаго дворянства, съ его сословнымъ духомъ, годъ отъ году заступаетъ торговый классъ, также отъ сословнаго духа не свободный, и вообще аристократія капитала?... Впрочемъ, въ Москвѣ и теперь, какъ въ городѣ, такъ и Московскомъ земствѣ, болѣе чѣмъ въ Петербургѣ людей не только отъ казенной службы не зависящихъ и по положенію самостоятельныхъ, но и самостоятельныхъ по мысли. Москва все-таки продолжаетъ пребывать древнимъ историческимъ городомъ, народнымъ центромъ, столицею Русской земли, — въ ней слышнѣе бьется пульсъ русской жизни, и если, дѣйствительно, человѣческая мысль во многомъ зависитъ отъ внѣшнихъ воздѣйствій, то видъ Кремля, Красной площади, древнихъ церквей, монастырей и разнообразнаго простонародья, долженъ, вѣроятно, производить иное впечатлѣніе на человѣка, чѣмъ видъ Петербургскихъ казармъ, вицмундировъ и *даже* гвардейцевъ!.. Отъ какой бы причины ни было, но тотъ фактъ не подлежитъ сомнѣнію, что исходнымъ пунктомъ духовнаго національнаго освобожденія и умственнаго самобытнаго движенія является въ исторіи русскаго общества все же Москва, хотя бы въ ней было и не мало такихъ же ненавистниковъ «самобытности», или «несамобытниковъ», какъ и въ Петербургѣ. Но оставимъ Москву въ сторонѣ. Трудно уразумѣть, гдѣ усматриваетъ «Новое Время» въ «общихъ основаніяхъ» Московской губернской земской коммиссіи «духъ боярскій». Нравится ли газетѣ настоящее положеніе дѣлъ: вмѣшательство исправниковъ въ крестьянское самоуправленіе, вслѣдствіе возложенной исключительно на нихъ фискальной заботы, т. е. безнедоимочнаго взысканія казенныхъ податей? предоставленное имъ право подвергать волостныя и сельскія должностныя лица дисциплинарному взысканію? обращеніе волостнаго правленія въ такого рода государственно-административный органъ, который, при малограмотствѣ крестьянъ и незнакомствѣ ихъ съ бюрократическими порядками, предаетъ ихъ связанными по рукамъ и по ногамъ—въ безусловную власть волостнаго писаря и полиціи? отягощеніе крестьянъ, при всей ихъ платежной тягости, расходомъ — непроизводительнымъ расходомъ—отъ 50 к. до 1 р. съ души на содержаніе этой второй, въ сущности мнимой, инстанціи крестьянскаго самоуправленія, искажающей самоуправленіе настоящее и служащей интересамъ никакъ не однихъ крестьянъ, а и прочихъ сословій, правительства и земства? Нравится ли газетѣ эта беззащитность крестьянъ отъ хищенія и самодурства старшинъ, навязанныхъ имъ правительствомъ и поставленныхъ иначе, чѣмъ напримѣръ старосты въ *природномъ* сельскомъ самоуправленіи? отъ хищенія и самодурства писарей, урядниковъ или жандармовъ, отъ кулаковъ и кабатчиковъ? Считаетъ ли «Новое Время» возможнымъ возлагать на земство обязанность огражденія народа отъ эпизоотій, повальныхъ болѣзней, чрезмѣрнаго пьянства, однимъ словомъ — всякаго рода хозяйственныя и административныя функціи, безъ учрежденія *посредствующихъ звеньевъ* между земствомъ и населеніемъ,—каковыми не были и не могли быть волостные старшины съ правленіями? Если все это не нравится,—въ чемъ, конечно, и сомнѣнія быть не можетъ,—то какимъ образомъ, чѣмъ же замѣнить настоящій порядокъ; что̀ поставить на его мѣсто? Волостные парламенты? Да ужъ мы показали,—впрочемъ это и для всякаго ясно,—что элементовъ для образованія ихъ, какъ и вообще волостнаго цѣльнаго общества, если бы даже увеличить настоящую волость вдвое или вчетверо, никакихъ не имѣется. Мы можемъ объяснить себѣ эту выходку «Новаго Времени» лишь прискорбнымъ недоразумѣніемъ.

Что̀ же предпоставить крестьянскому населенію поверхъ его внутренняго самоуправленія, тамъ, гдѣ оно соприкасается съ государствомъ и съ интересами прочихъ сословій? Коллегію? Присутственное мѣсто? Никакъ. Ничего такъ не ненавидитъ Русскій народъ, какъ «присуственныхъ мѣстъ»...

Харьковское земство, которое за свой проектъ удостоилось похвалы упомянутой почтенной газеты, проектируетъ *подчиненіе* себѣ волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ, которые-де будутъ получать отъ него «*предписанія*»,—но это значитъ: прямое подчиненіе ихъ *управѣ*, опять-таки присутственному мѣсту, и на началахъ бюрократизма.—Нужно не присутственное мѣсто и не бюрократическій снарядъ, а *лицо*,—живое лицо. *Людямъ*, вообще, нуженъ *человѣкъ*,—котораго дѣйствія, въ свою очередь, должны совершаться *на людяхъ*... Но о спеціальномъ историческомъ значеніи у насъ *личнаго* начала и объ отношеніи его къ началу *мірскому*, равно какъ и о сочетаніи этихъ двухъ факторовъ въ нашемъ уѣздномъ самоуправленіи, поговоримъ въ слѣдующемъ №.

Устройство земской волости административное и судебное.

«Русь», 11-го іюля 1881 г.

Сквозь всю исторію нашего внутренняго сложенія проходятъ, какъ двѣ струи, два начала: *земля* и *государство*, или начало земское и начало государственное, и въ соотвѣтствіи съ ними: начало *общественное*, общинное, мірское— и начало *личное*. Въ древнемъ нашемъ строеніи, съ изначала, носителемъ перваго была земщина, т. е. крестьяне, посадскіе, купцы; носителемъ втораго—были князь или царь и служилые люди. Всѣ виды земщины имѣли мірское, общинное устройство и внутреннее самоуправленіе по неписанному закону, на основаніи обычая. Служилые люди не составляли ни сословія въ тѣсномъ смыслѣ слова, ни цѣльной корпораціи, а классъ съ наслѣдственной и обязательной служебной профессіей, причемъ личный составъ его не былъ связанъ между собою никакою общностью интересовъ, никакимъ общественнымъ союзомъ. Однѣ *разрядныя* книги были какъ бы своего рода матрикулами для этого множества разрозненныхъ служилыхъ личностей, да и то для высшихъ родовъ службы. Имъ было чуждо въ своемъ кругу всякое общественное, мірское или артельное устройство, но всѣ они объединялись въ одинъ общій союзъ съ Землею на земскихъ соборахъ. Земщина, т. е. крестьяне, мѣщане (посадскіе), по преимуществу крестьяне сохранили почти въ неприкосновенности преданіе, привычку, даже форму мірскаго союза и самоуправленія, — отчасти и мѣщане, несмотря на всѣ внѣшнія, навязываемыя имъ устройства, — отчасти даже и купцы. Даже и они, сквозь всѣ превратности, сохранили до сихъ поръ навыкъ и природную способность къ своему сословному самоуправленію, къ общественному, крѣпко сплоченному союзу. (Любопытно сличить, хоть бы въ самой Москвѣ, два самоуправленія: одно купеческое, сословное, богатое и могучее, воздвигающее быстро и прочно громадныя, милліонныя зданія, благотворительныя и торговыя, и—самоуправленіе городское, съ его медленнымъ и вялымъ ходомъ дѣлъ, съ его большею частью неумѣлыми постройками, хотя въ немъ участвуютъ, большею частью, тѣ же купцы: но одно—ихъ собственное, изъ старины ведущееся дѣло,—другое, т. е. городское, сочинено въ новѣйшее время, указано сверху и построено на началѣ парламентской бюрократіи.) Слѣды обычнаго права (по отношенію къ наслѣдству и къ усыновленію) удерживаются въ купечествѣ и теперь, признаны даже закономъ.

Служилые люди пережили разныя превращенія. Съ уничтоженіемъ разрядныхъ книгъ была сдѣлана попытка организовать изъ значительной ихъ части сословную, на генеалогическомъ началѣ корпорацію, но Петръ разомкнулъ ее введеніемъ табели о 14 рангахъ, и опять положилъ въ основу служилое начало, хотя и пробовалъ создать «шляхетскій корпусъ». Наконецъ, выдѣляется въ жизни и окончательно слагается Екатериною въ сословную корпорацію «дворянство», съ освобожденіемъ отъ служебной повинности (хотя и не полнымъ, ибо дворянство терялось, если два поколѣнія сряду вовсе не проходили государственной службы). Оно было надѣлено, сверхъ разныхъ привилегій, существеннѣйшею привилегіей: владѣть *населенными* землями на крѣпостномъ правѣ. Но, несмотря на дарованное ему самое обширное самоуправленіе, оно, — при всѣхъ великихъ, безчисленныхъ заслугахъ, оказанныхъ дворянами *отдѣльно*, *лично*, *порознь*, на поприщѣ государственной и общественной службы, на поприщѣ наукъ, искусствъ и литературы,—оказалось совершенно несамостоятельнымъ *именно какъ корпорація*; почти столѣтнее пользованіе этимъ самоуправленіемъ, захватывавшимъ въ свой кругъ и высшій въ губерніи судъ, и всю уѣздную полицію, представляетъ исторію самую печальную. Съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, съ распространеніемъ прочихъ, принадлежавшихъ дворянству, привилегій на всѣ другія сословія, и въ особенности съ возникновеніемъ *земскаго* самоуправленія, центръ тяжести въ смыслѣ политической силы перешелъ, вмѣстѣ съ дворянами же, въ земство. Дворянская корпорація можетъ еще сохраняться нѣкоторое время по названію, по формѣ, но она не представляетъ сама въ себѣ никакихъ условій жизни — за отсутствіемъ какихъ-либо особенныхъ «дворянскихъ» интересовъ, за отсутствіемъ всякаго связующаго начала. Мы понимаемъ начало служилое, выразившееся въ мѣстничествѣ; понимаемъ основаніе генеалогическое, родовитость, преемственность добраго историческаго преданія. Но эти условія не утрачиваются тѣми, кто ими владѣетъ—гдѣ бы онъ ни стоялъ; придаютъ ему особливый бытовой оттѣнокъ совершенно независимо отъ *корпоративнаго* устройства, которое съ этими условіями ничего общаго не имѣетъ: ибо какъ скоро извѣстный чинъ или орденъ даютъ каждому ipso facto дворянское званіе, то это званіе, не сообщающее нынѣ ни малѣйшихъ преимуществъ, обращается въ названіе, въ чинъ, въ «звукъ пустой». Мы вовсе не торопимся «сокращать ему дни» — по выраженію Баратынскаго,—дни корпораціи изочтены судьбою. Естественное, историческое, законное тяготѣніе дворянъ—къ *земству*. Тамъ они стоятъ или станутъ на своей настоящей почвѣ, не какъ корпорація, а какъ земскіе *служилые* люди, носители *личнаго* начала.

Мы уже не разъ объясняли, почему всѣ попытки земскаго самоуправленія, начиная съ Ивана IV, оказывались неудачными. «Земщина» была слишкомъ сира и беззащитна, какъ скоро выступала изъ своего тѣснаго, мірскаго круга, потому что ей недоставало интеллигентныхъ земскихъ же силъ, или, выражаясь простымъ языкомъ старины, людей добрыхъ, которые бы грамотѣ умѣли, которыхъ бы на то стало. Долгимъ мучительнымъ историческимъ процессомъ (о которомъ мы уже говорили въ 1 № «Руси») выработалось у насъ, наконецъ, или еще вырабатывается, земство, составленное изъ двухъ главныхъ элементовъ: *общественнаго землевладѣнія* и *личнаго землевладѣнія.* Безъ сомнѣнія, главный контингентъ личнаго землевладѣнія составляютъ дворяне по происхожденію, но не малая часть таковыхъ землевладѣльцевъ и изъ лицъ иного происхожденія. Юридическія сословныя перегородки и обособленія, всѣ они совершенно поглощаются общимъ понятіемъ о земствѣ. Въ сущности, въ Россіи, повторяемъ, имѣется въ наше время только два соціальныхъ подраздѣленія: землевладѣніе *общественное* и землевладѣніе *личное.* Вотъ единственные существенные, характерные признаки двухъ категорій, замѣняющихъ собою прежнее дробленіе на «сословія» и «состоянія». Эти категоріи отвѣчаютъ двумъ категоріямъ духовнаго (а пожалуй и гражданскаго) порядка: началу мірскому, общинному, хоровому, и началу *личности.* Они вовсе не созданы для взаимной вражды, а для восполненія другъ друга; только въ гармоническомъ ихъ сочетаніи—правда и сила. Это два фактора необходимыхъ для истинно правильнаго и успѣшнаго развитія человѣческихъ обществъ. Начало личности, живое, дѣятельное, въ служеніи началу мірскому, — которое творитъ и дѣйствуетъ медленно, *цѣлокупностью* (какъ выражается Достоевскій) однороднаго множества, умѣряетъ порывы личности и сдерживаетъ ее въ предѣлахъ, — начало личности, при такихъ условіяхъ, есть благодѣтельное начало. Процессомъ единичнаго личнаго сознанія совершается работа самосознанія народнаго; лицо—проводникъ просвѣщенія.

Нашъ Русскій народъ—врагъ всякаго бездушнаго снаряда, дѣйствующаго механически въ дѣлѣ живомъ, дѣлѣ жизни, и будучи носителемъ начала мірскаго, за предѣлами своего *міра,* предпочитаетъ живаго же индивидуума, *человѣка.* И притомъ человѣка—внѣ *міра* стоящаго, отъ *міра* независимаго, его интересамъ лично непричастнаго, способнаго дать народу то, чего онъ, народъ, въ своей мірской средѣ, по условіямъ своего быта, не находитъ, но чего онъ считаетъ себя въ правѣ ожидать отъ единичнаго лица, которое свободно, *внѣ* его и выше поставлено, именно: указанія, совѣта, свѣта, посредничества для внутреннихъ споровъ. (Древнее значеніе *князя* было по преимуществу значеніе *третьй,* т. е. посредника и судьи).

Такимъ образомъ, волею историческихъ судебъ, у насъ сложилось въ уѣздѣ, рядомъ съ мірскимъ, начало личное; рядомъ съ категоріей общиннаго—категорія личнаго землевладѣнія; рядомъ съ сельскимъ самоуправленіемъ, рядомъ съ народными сельскими мірами — готовый контингентъ *личностей*, болѣе или менѣе просвѣщенныхъ, *служилыхъ* земскихъ людей. Во взаимномъ сочетаніи они образуютъ земство. На границѣ міра сельскаго и міра внѣлежащаго—звеномъ, соединяющимъ ихъ, можетъ быть только *живое лицо*: только черезъ лицо можетъ успѣшно связаться—крестьянство, какъ сословіе, корпорація или категорія, особливый строй—съ другими сословіями, корпораціями, категоріями, другимъ особливымъ строемъ,—или иначе: Земля съ Государствомъ въ *первой* своей встрѣчѣ и соприкосновеніи. Однимъ словомъ, при первомъ выступленіи народа изъ предѣловъ своего міра и его обращеніи къ государству, оно должно ему явиться въ живой, конкретной формѣ лица.

Поэтому мы, съ своей стороны, присоединяемся къ мнѣнію Московской земской коммиссіи, а также и къ мнѣнію К. Н. Головина: поставить въ главѣ новообразуемой единицы или участка, взамѣнъ волостныхъ правленій и старшинъ, мироваго судью съ правами, болѣе или менѣе видоизмѣненными, прежняго мироваго посредника. — Разъ это положеніе принято,—остальная задача будетъ заключаться, главнымъ образомъ, въ способахъ огражденія жителей отъ излишняго произвола этого лица и въ тѣхъ условіяхъ, которыми обезпечивается успѣшное исполненіе имъ своихъ обязанностей.

Изъ кого такое лицо должно быть избрано?—Изъ *личныхъ* землевладѣльцевъ, какого бы происхожденія они ни были, дворяне ли, или крестьяне, кончившіе курсъ въ высшемъ учебномъ заведеніи, все равно.—Московская коммиссія и г. Головинъ оставляютъ ту форму выбора, какая существуетъ и теперь для избранія мировыхъ судей, т. е. посредствомъ уѣзднаго земскаго собранія. Такъ какъ по всей вѣроятности, при предстоящемъ преобразованіи уѣзднаго управленія, придется непремѣнно увеличить число уѣздныхъ гласныхъ, то, кажется, эта форма можетъ быть оставлена въ силѣ. Спеціальный выборъ самими жителями волости уже потому неудобенъ, что подастъ болѣе повода къ злоупотребленіямъ. Къ тому же едвали не правъ г. Головинъ, предлагающій отмѣнить требованіе настоящаго закона, чтобы избирающійся владѣлъ имуществами непремѣнно въ томъ самомъ уѣздѣ, куда избирается: достаточно, если онъ владѣетъ имуществомъ въ предѣлахъ губерніи. Мы полагаемъ также, что было бы полезно вообще уменьшить размѣръ имущественнаго ценза и понизить, можетъ-быть, самый цензъ по образованію, такъ какъ бываютъ толковые, дѣльные и просвѣщенные люди и безъ казеннаго учебнаго аттестата. Впрочемъ по такимъ случаямъ можно было бы допустить спеціальныя ходатайства земскихъ собраній.

Съ поставленіемъ мировыхъ судей, во главѣ такого рода участка, или «земской волости»—по выраженію Московской коммиссіи, устраняется всякое непосредственное вмѣшательство исправника въ сельское самоуправленіе, упраздняется его право подвергать сельскія должностныя лица дисциплинарному взысканію, упраздняется и его обязанность по взысканію податей. Странно, что «Новое Время» не замѣтило важнаго нововведенія, предлагаемаго московскими «главными основаніями». Оно состоитъ въ томъ именно, чтобы взысканіе всѣхъ податей и повинностей, даже казенныхъ, вѣдавшееся до сихъ поръ полиціей, передать въ руки земства. Другими словами: правительство сообщаетъ губернскому земству, а губернское уѣздному, цифру той суммы, которая подлежитъ сбору въ пользу казны: земство взыскиваетъ само, какъ знаетъ и когда знаетъ,—а оно знаетъ лучше правительства, когда крестьянину удобнѣе вносить свои подати. Учрежденіе пріема взносовъ въ участкѣ должно, повидимому, значительно облегчить для крестьянъ исполненіе платежной повинности. Конечно, земство принимаетъ на себя, такимъ образомъ, тяжкую передъ правительствомъ отвѣтственность,—но въ случаѣ неуспѣшныхъ дѣйствій самого земства, правительство не лишается права приступить и само ко взысканію обычнымъ своимъ способомъ, чрезъ полицію. Должно полагать, что земства будутъ стараться предупреждать возможность такого вмѣшательства. Во всякомъ случаѣ, въ виду каждаго проектируемаго возвышенія прямыхъ налоговъ, они будутъ въ состояніи сообщать на усмотрѣніе правительства свое мнѣніе о платежной способности крестьянъ въ предѣлахъ каждаго уѣзда и въ данную пору. Можно надѣяться также, что случаи растраты собранныхъ податей будутъ, при новомъ порядкѣ, исключеніемъ крайне рѣдкимъ, такъ какъ, вслѣдствіе близости волостнаго участка, собираемыя деньги могутъ сдаваться въ самый день поступленія.

Всего труднѣе, конечно, опредѣлить отношеніе полиціи къ такой должности административнаго свойства, которая захватываетъ въ кругъ своей дѣятельности и полицейскія функціи. По проекту г. Головина, «начальникъ волости» получаетъ, по предметамъ полицейскаго вѣдомства, предписанія прямо отъ исправника. Съ этимъ мы согласиться не можемъ. Этотъ «начальникъ волости» есть въ то же время и мировой судья, котораго судебныя рѣшенія полиція и самъ исправникъ обязаны исполнять безпрекословно. Московская коммиссія, учреждая, вмѣсто становаго, волостнаго пристава, повидимому ставитъ его въ то же отношеніе къ мировому судьѣ, въ какомъ вообще стоитъ полиція по отношенію къ суду, какъ исполнительная власть. Въ то же время коммиссія подчиняетъ пристава исправнику, а приставу, въ свою очередь, подчиняетъ сотскихъ и десятскихъ. Вопросъ этотъ довольно труденъ для теоретическаго разрѣшенія, и сама коммиссія, сказавши въ 14 §, что мировой судья завѣдуетъ въ волости административною частью, прибавляетъ слова: «въ тѣхъ предѣлахъ, какъ *окажется возможнымъ* разграничить административныя обязанности между полиціею, какъ органомъ правительственнымъ, и земствомъ». Мы съ своей стороны замѣтимъ вопервыхъ, что примѣръ, и кажется удачный, такого разграниченія имѣется уже въ бывшей практикѣ мировыхъ посредниковъ; вовторыхъ, что при разрѣшеніи этого вопроса нужно прежде всего отрѣшиться отъ мысли о какомъ-то принципіальномъ антагонизмѣ, будто бы непремѣнно присущемъ обоюднымъ отношеніямъ земства и полиціи, или земства и администраціи! Этого ошибочнаго воззрѣнія не чужды были, кажется, и составители Положенія о земскихъ учрежденіяхъ. До сихъ поръ въ отношеніяхъ администраціи къ земству чувствуется какая-то ревность къ своему достоинству, какой-то страхъ уронить «престижъ» правительственной власти! Стóитъ только взглянуть иначе, проще, на дѣло, какъ оно есть или должно быть, т. е. что и земство, и правительство служатъ одной и той же землѣ и идутъ вмѣстѣ къ одной цѣли,—и кажущіяся затрудненія значительно облегчатся. Въ этомъ отношеніи, кажется намъ, заслуживаетъ вниманія предположеніе г. Головина: сдѣлать исправника членомъ уѣздной земской управы, или того присутствія, которымъ авторъ замѣняетъ управу. Во всякомъ случаѣ не лишнимъ было бы наложить на исправника обязанность присутствовать въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ вмѣстѣ съ правомъ голоса (хоть по нѣкоторымъ, его касающимся дѣламъ): при упраздненіи права дисциплинарныхъ взысканій, которымъ пользуется теперь исправникъ относительно сельскихъ должностныхъ лицъ, его присутствіе не можетъ, кажется, стѣснять гласныхъ-крестьянъ, а исправника дѣлаетъ какъ бы сотоварищемъ земства.

Вопросъ о волостномъ судѣ — одинъ изъ такихъ, по которымъ именно необходимо было бы знать мнѣніе самого народа. Московскія «главныя основанія» учреждаютъ сельскій судъ въ каждомъ сельскомъ обществѣ въ смыслѣ первой инстанціи крестьянскаго обычнаго суда, а вторую, именно аппелляціонную (а не кассаціонную) инстанцію, подъ названіемъ волостнаго суда, предполагаютъ устроить при мировомъ судьѣ, подъ его предсѣдательствомъ, съ придачею ему двухъ, вызываемыхъ по очереди, сельскихъ судей. Судъ мірской или сельскаго старосты существуетъ, вѣроятно, и теперь въ каждой сельской общинѣ, — судъ, разумѣется, словесный. Если же проектируются сельскіе суды съ протоколами или съ записанными рѣшеніями, то въ сельскихъ обществахъ малаго объема (душъ 200) введеніе такого формальнаго суда потребуетъ особаго писаря и будетъ для крестьянъ стѣснительно, какъ платье не впору сшитое. Къ тому же при ссорѣ между собою крестьянъ двухъ разныхъ селъ, изъ коихъ каждое составляетъ особое общество, одному изъ крестьянъ пришлось бы судиться у односельчанъ своего противника... Намъ казалось бы, повторяемъ, крайне необходимымъ—относительно сохраненія или упраздненія настоящаго волостнаго суда — спросить самихъ крестьянъ. Затѣмъ мы полагали бы, что крестьянамъ должно быть предоставлено право, при согласіи обѣихъ тяжущихъ сторонъ, избирать или волостной сословный, или мировой судъ (участіе въ которомъ, въ подобныхъ случаяхъ, двухъ «судныхъ мужей», изъ крестьянъ, свѣдущихъ въ народныхъ юридическихъ обычаяхъ, мы признаемъ чрезвычайно полезнымъ). Что же касается до права аппелляціи или жалобы, то безусловное допущеніе этого права можетъ свести все значеніе крестьянскаго суда къ нулю, подорвать всякій его авторитетъ. Или же слѣдуетъ точно опредѣлить разрядъ дѣлъ и мѣру взысканія, по которымъ допускается жалоба, или же, въ случаѣ явной несправедливости, предоставить мировому судьѣ, вслѣдствіе принесенной ему жалобы, право — пріостановить исполненіе приговора; самое же дѣло должно подлежать пересмотру и рѣшенію не у мѣстнаго мироваго судьи, а на мировомъ съѣздѣ. Однимъ словомъ, вопросъ о крестьянскомъ судѣ, носящемъ теперь названіе волостнаго, требуетъ, по нашему мнѣнію, весьма осмотрительнаго къ себѣ отношенія. Есть безусловные поклонники такъ-называемаго «обычнаго права» (названіе слишкомъ громкое и едвали точное въ примѣненіи къ Русскому народу); не мало и фанатиковъ «правоваго порядка», которые хотѣли бы упразднить разнообразіе «юридическихъ» народныхъ обычаевъ по всей Россіи, и всѣмъ крестьянамъ повсемѣстно навязать *благодѣянія* 10 тома Свода Законовъ, т. е. нашего гражданскаго кодекса, сочиненнаго про служилыхъ людей или дворянъ и нуждающагося (особенно относительно наслѣдства, завѣщанія и пр.) въ совершенномъ пересмотрѣ!! Существующіе народные обычаи дѣлежа наслѣдства, усыновленія (пріемышей) и тому подобные должны быть строго уважены — безъ ограниченія, какъ теперь, цѣны иска 100 рублями: предѣлъ, выше котораго мировой судья, по теперешнимъ правиламъ, обязанъ примѣнять гражданскій оффиціальный законъ! Нельзя не выразить вновь искренняго сожалѣнія, что наши земцы такъ мало, повидимому, изучаютъ жизнь народную, и что къ участію въ обсужденіи настоящаго вопроса не приглашены уѣздные *мировые судьи*. Они, конечно, компетентнѣе, чѣмъ кто-либо въ вопросѣ о судѣ,—да и относительно совмѣщенія съ званіемъ мироваго судьи административныхъ обязанностей, кого же и спросить о практическихъ удобствахъ и формахъ такого совмѣщенія, какъ не лицъ, которыя къ тому призываются и стало-быть непосредственно въ дѣлѣ заинтересованы?!

Теперь обратимся къ вопросу о способахъ огражденія мѣстнаго населенія отъ произвола, отъ неправильныхъ и неумѣлыхъ распоряженій лица, поставленнаго во главѣ участка или «земской волости». Оноисительно отправленія его обязанностей—собственно какъ мироваго судьи, можетъ и долженъ остаться порядокъ обжалованія, начертанный въ Судебномъ Уставѣ, съ сохраненіемъ и съѣзда мировыхъ судей. На этотъ порядокъ, впрочемъ, ни одинъ проектъ, кажется, и не посягаетъ. Затѣмъ К. С. Головинъ въ своей статьѣ, напечатанной въ «Руси», предполагаетъ сохранить *волостной сходъ* (сообразно увеличенному объему волости), которому, между немногими дѣлами, подлежащими его разсмотрѣнію, должно быть поручено и «обсужденіе жалобъ на дѣйствія волостныхъ начальниковъ, для передачи ихъ высшему начальству». Эта мѣра была бы дѣйствительна, если бы самъ волостной сходъ могъ имѣть дѣйствительное значеніе; но мы уже доказали, что въ такой малой единицѣ, какъ волость, даже увеличенная, «всесословность» является фикціей. Да и прежде чѣмъ обсуждать: слѣдуетъ ли представлять чью-либо жалобу высшему начальству, не лучше ли предоставить право непосредственной подачи, безъ предварительнаго обсужденія? Намъ кажется, что какъ за частными лицами, крестьянами или личными землевладѣльцами, такъ и за сельскими мірами, должно быть признано безграничное право не только жаловаться на неправильное дѣйствіе или личное оскорбленіе со стороны мироваго судьи, но и протестовать противъ его административнаго распоряженія (не останавливаясь исполненіемъ) чрезъ подачу жалобы или протеста въ Съѣздъ мировыхъ судей. По нашему мнѣнію, независимо отъ *судебнаго* съѣзда, необходимы періодическіе съѣзды ихъ же, какъ административныхъ лицъ или «начальниковъ волостей», подобно тому, какъ существовали, съ видимою пользой, съѣзды мировыхъ посредниковъ. На этихъ съѣздахъ предсѣдательство могло бы быть возложено на предсѣдателя уѣздной земской управы, составъ которой могъ бы сократиться, противъ настоящаго, вдвое или трое. Московская коммиссія также упоминаетъ о необходимости ввести въ составъ уѣздной управы волостныхъ мировыхъ судей и хоть разъ въ мѣсяцъ назначить засѣданіе управы съ ихъ участіемъ, но повидимому это предполагается коммиссіею собственно для хозяйственныхъ цѣлей.

Затѣмъ Московская коммиссія считаетъ полезнымъ «для коллегіальнаго обсужденія нѣкоторыхъ административныхъ дѣлъ (въ томъ числѣ *денежныхъ*) учредить «волостныя управы», въ составъ которыхъ, кромѣ волостнаго мироваго судьи, какъ предсѣдателя, вошли бы: почетные мировые судьи, товарищъ волостнаго судьи, волостной приставъ и трое очередныхъ сельскихъ старостъ». Мы бы съ своей стороны предложили, вмѣсто «управы», въ составъ которой входитъ одно *начальство*, учредить «волостной совѣтъ», какъ для обсужденія упомянутыхъ дѣлъ, такъ и для ревизіи суммъ и вообще нѣкотораго контроля. Въ составъ этого совѣта, который былъ бы обязанъ собираться не менѣе одного раза въ мѣсяцъ, должны бы входить всѣ личные землевладѣльцы этого участка и, кромѣ старостъ, отъ каждаго сельскаго общества избранный міромъ крестьянинъ изъ «стариковъ». Дѣла окончательно рѣшаетъ судья, но мнѣнія каждаго должны быть записаны въ протоколъ и скрѣплены общею подписью. Каждому предоставляется право дѣлать по предметамъ мѣстнаго управленія свои заявленія также съ запискою въ книгу. Наконецъ, уѣздное земское собраніе можетъ отъ времени до времени поручать кому-либо изъ гласныхъ ревизію управленія и дѣлопроизводства волостныхъ «судей» или «начальниковъ».

Вообще въ нашемъ представленіи объ уѣздномъ управленіи уѣздное земское собраніе является какъ бы куполомъ всего зданія и въ то же время контролирующимъ органомъ. Какъ на мировыхъ судей, такъ и на мировые съѣзды и на распоряженія управы всѣ обыватели уѣзда, въ томъ числѣ и сельскія общества, должны имѣть право вносить въ уѣздное собраніе жалобы,—да и вообще подавать прошенія и заявленія не по однимъ своимъ личнымъ, но и по всѣмъ дѣламъ земскаго вѣдомства. Только тогда, думается намъ, земство станетъ близкимъ и дорогимъ мѣстному населенію.

Мы не станемъ утомлять читателя разборомъ дальнѣйшихъ подробностей и частностей уѣзднаго переустройства. Мы не пишемъ проекта, а только излагаемъ главныя основанія. Существенное въ этихъ основаніяхъ, это—установленіе живой, плодотворной связи между двумя земскими стихіями: стихіей мірской, общинной и стихіей личной; между двумя бытовыми формами: землевладѣніемъ общиннымъ и личнымъ; между древнимъ, сельскимъ, такъ-называемымъ *сословнымъ* самоуправленіемъ (безъ ущерба для его органической жизни и самостоятельности) и высшимъ видомъ безсословнаго, земскаго самоуправленія, входящаго въ общую систему государственнаго управленія, т. е. вѣдѣнія дѣлъ мѣстныхъ, поручаемаго государственою верховною властью мѣстнымъ свѣдущимъ, выборнымъ людямъ. Звеномъ, связующимъ эти двѣ стихіи, эти двѣ формы бытія, эти два начала мірскаго и личнаго, равно какъ мірскаго и государственнаго—при первомъ ихъ соприкосновеніи и встрѣчѣ за предѣлами сельскаго міра, можетъ и должно быть, по нашему глубокому убѣжденію, только живое лицо: не «чиновникъ», не «казенный» человѣкъ, землѣ чуждый и отъ земли отрѣшенный, и не механическій бездушный бюрократическій снарядъ, въ родѣ присутственнаго мѣста или коллегіи,—но человѣкъ земскій, служащій одновременно и Землѣ, и Государству. Только при такихъ условіяхъ переустройства мѣстное земство получитъ въ народѣ авторитетъ, вдохнетъ въ себя новую жизнь и силу, пуститъ корни въ глубь мѣстной почвы, создастъ наконецъ себѣ органы для плодотворнаго дѣйствія, установитъ живое общеніе съ населеніемъ, будетъ во всякое время вѣдать народную мысль и думу и обрѣтетъ способы упрочить миръ и правильное преуспѣяніе своего округа. Такъ думается намъ; мѣстные эксперты пусть выскажутъ свои замѣчанія; но не глубокомысленны будутъ тѣ, которые, упрекая насъ въ идеализаціи, преподнесутъ намъ, въ видѣ возраженія, нѣсколько частныхъ случаевъ злоупотребленія: идеалистами скорѣе могутъ назваться тѣ наши отрицатели, которые, должно полагать, до такой степени возлюбили чистоту и притязательны къ ней, что на нашей Русской землѣ, грѣшной, какъ и весь міръ, ничего кромѣ сплошной черноты и не видятъ.

По поводу правительственнаго совѣщанія съ земскими свѣдущими людьми.

«Русь», 3 октября 1881 г.

Безъ блеска и треска, безъ фальшфейеровъ и трубныхъ глассовъ, безъ театральныхъ эффектовъ и сценической «либеральной» обстановки, совершается теперь въ Петербургѣ хорошее, полезное, давно не бывалое у насъ дѣло. Слишкомъ тридцать человѣкъ, въ качествѣ «свѣдущихъ людей», вызванныхъ правительствомъ изъ разныхъ концовъ Россіи, изъ разныхъ слоевъ общества, трудятся теперь, на виду всей Русской земли, надъ рѣшеніемъ задачъ великой государственной и земской важности. Министръ внутреннихъ дѣлъ назвалъ ихъ «*земскими* людьми», и это названіе — вѣрно, вполнѣ вѣрно *по существу*, хотя съ извѣстной формальной точки зрѣнія, пожалуй, можетъ быть и оспариваемо. Что вызванные «свѣдущіе» не чиновники, а люди съ самостоятельнымъ, независимымъ образомъ мыслей, всѣ болѣе или менѣе извѣстные своею дѣятельностью въ разныхъ отрасляхъ областнаго самоуправленія, земскаго и городскаго,—что они въ данномъ случаѣ являются, хотя и безъ оффиціальнаго уполномочія, представителями общественной и народной мысли въ ея разныхъ оттѣнкахъ, что они «люди земскіе»—въ этомъ никто, по совѣсти, и не сомнѣвается. Бо́льшая часть изъ нихъ указана общественнымъ мнѣніемъ, и по всей вѣроятности была бы даже избрана въ эксперты, депутаты или представители (дѣло не въ кличкѣ) земскими и городскими собраніями, еслибы послѣднимъ было предложено выбрать, для извѣстной законодательной работы, своихъ уполномоченныхъ. Мы сказали: «по всей вѣроятности», не болѣе; мы не станемъ отрицать возможности, по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ мѣстностей, явленія и обратнаго, благодаря интригамъ партій и случайностямъ баллотировки. Что приглашеніе свѣдущихъ земскихъ людей *не по назначенію* отъ правительства, а *по выбору* самихъ мѣстныхъ представительныхъ учрежденій, т. е. городскихъ думъ и земскихъ собраній, болѣе согласно съ требованіями «теоріи», или «принципа представительства»,—это, конечно, не подлежитъ и спору; но еще вопросъ вполнѣ ли, въ *настоящее* время, эти требованія теоріи и отвлеченнаго принципа соотвѣтствуютъ у насъ условіямъ практики и дѣйствительнымъ требованіямъ жизни. Наши земства представляютъ слишкомъ мало внутренняго единства и солидарности между своими членами,— это не «партіи», но и не органы цѣльнаго, выработаннаго направленія. Еслибы земскія собранія, по приглашенію правительства, и избрали изъ себя уполномоченнаго для участія въ петербургскихъ совѣщаніяхъ, то едвали бы кто изъ уполномоченныхъ согласился связать свою личную свободу тѣмъ, что̀ на Западѣ называется mandat impératif, т. е. подавать голосъ непремѣнно въ томъ смыслѣ, какъ предрѣшили гг. избиратели. Если бы даже такое предрѣшеніе и отвѣчало его собственнымъ убѣжденіямъ въ моментъ избранія, то впослѣдствіи, въ виду новыхъ раскрывшихся данныхъ, онъ вѣдь можетъ и измѣнить свою точку зрѣнія, и конечно станетъ подавать голосъ *по совѣсти*, въ интересѣ истины, какъ онъ ее понимаетъ. Несмотря на всѣ усилія нашихъ лжелибераловъ, едвали мы когда довоспитаемся до того, чтобъ интересы «партіи», въ силу политическаго принципа, предпочитать интересу самаго дѣла: къ такой нравственной дрессировкѣ Русскій человѣкъ, къ чести его будь сказано, мало способенъ. Съ другой стороны, едвали кто изъ зрячихъ, не ослѣпленныхъ доктринерскимъ фанатизмомъ земцевъ, отважится утверждать, что земскія учрежденія въ томъ видѣ, въ какомъ они теперь существуютъ, исчерпываютъ у насъ всю задачу, всю идею народнаго представительства, такъ что каждый обыватель даннаго земскаго округа въ самомъ дѣлѣ готовъ воображать себя «представленнымъ» въ Петербургѣ въ лицѣ уполномоченнаго гласнаго, а голосъ, поданный тамъ этимъ гласнымъ, признавать для себя нравственно обязательнымъ, считать какъ бы за *свой*... Не станутъ же эти господа увѣрять, будто весь сельскій *народъ* даннаго уѣзда или даже всякій землевладѣлецъ, не состоящій самъ въ гласныхъ, проникнутъ внутреннимъ убѣжденіемъ, что «уѣздное земское собраніе—это-де *я самъ*», — поэтому и «губернское собраніе», изъ уѣздныхъ гласныхъ составленное, — это *я же самъ*, и наконецъ Иванъ Ивановичъ Ивановъ, посланный Губернскимъ Земскимъ Собраніемъ, какъ «представитель» губернскаго земства въ Петербургъ,—это *все я же*, тотъ же *я* въ третичной формаціи, и устами Ивана Ивановича *я же* глаголю!»... Мы думаемъ, что такого рода формальная *прокурація*, и именно при *настоящемъ* устройствѣ нашихъ выборовъ и самихъ земскихъ учрежденій, лишена для массы людей, такимъ образомъ «представляемыхъ», не только нравственно *обязательной*, но даже вообще какой-либо убѣдительной силы; напротивъ, участіе извѣстнаго своимъ умомъ, опытностью и безкорыстіемъ, популярнаго въ народѣ лица, будь оно выбрано или приглашено, способно внушить населенію довѣріе, и побудить его отнестись къ мнѣнію этого лица, къ его добросовѣстному участію въ разработкѣ законодательнаго вопроса— съ уваженіемъ и вниманіемъ. Тѣмъ не менѣе, мы не предполагаемъ возможнымъ упразднить или даже миновать въ ближайшемъ будущемъ форму вызова свѣдущихъ людей по избранію самого земства: желательно только, чтобъ къ этому времени самый способъ выборовъ въ гласные былъ уже видоизмѣненъ, вмѣстѣ съ преобразованіемъ всего уѣзднаго самоуправленія. Пускай на спросъ правительства о свѣдущихъ въ уѣздѣ или въ губерніи людяхъ, земства указываютъ своихъ кандидатовъ, но этимъ, по нашему мнѣнію, не отнимается у правительства право призывать для совѣщанія — лицъ тоже земскихъ, хотя бы и не изъ числа *оффиціальныхъ* земскихъ представителей.

Во всякомъ случаѣ остается только искренно радоваться тѣмъ опытамъ правительственнаго совѣщанія съ свѣдущими людьми изъ среды общественной и даже, отчасти, въ тѣсномъ смыслѣ слова народной, которые производятся теперь въ Петербургѣ и пожелать, чтобъ эти опыты удались вполнѣ. Они сами собою постепенно раскроютъ и выгодныя, и невыгодныя стороны настоящей формы призыва и земскаго содѣйствія правительству, сами укажутъ какого рода видоизмѣненія необходимы. Пуще же всего желательно, чтобъ эти совѣщанія сохранили тотъ характеръ серьезной истинной *дѣловитости*, который имъ приданъ высшею властью съ самаго начала, и избѣгали, какъ чумы или проказы, всякой фальшивой, театральной обстановки, способной лишить ихъ надлежащей простоты, искренности и свободы. Всякая попытка придать этому съѣзду «земскихъ свѣдущихъ людей» ложное освѣщеніе въ смыслѣ робкаго (на первыхъ порахъ) подражанія западно-европейскимъ порядкамъ, можетъ лишь повредить дѣлу въ глазахъ Россіи и извратить его истинный смыслъ. Нѣкоторыя газеты, съ наивнымъ самодовольствомъ дѣтей играющихъ «въ большіе», отдавая отчетъ о засѣданіяхъ вызванныхъ «земскихъ людей», употребляютъ такія выраженія: «не всѣ *ораторы* успѣли высказаться», «*ораторы*, записавшіеся въ книгу», и т. д. Именно «ораторовъ»-то тутъ и не нужно. Все испортите, если заведете «ораторовъ»,—подорвете довѣріе общества къ совѣщаніямъ, если окрасите ихъ такого рода «парламентскою» окраской. Мы знаемъ нѣкоторыхъ изъ числа свѣдущихъ людей, которые, получивъ приглашеніе, очень смущались именно этою перспективою ораторствованія или говорильни, сознавая свое полное неискусство въ ораторскихъ пріемахъ. Въ числѣ свѣдущихъ есть крестьяне, которыхъ умное, дѣльное слово можетъ быть полезнѣе многихъ «рѣчей», но которые замолчатъ, пожалуй, если, благодаря нѣкоторымъ неумѣстнымъ внѣшнимъ пріемамъ, вытѣснится изъ совѣщаній та простота и искренность бесѣды, при которой и у неумѣлаго, непривычнаго, застѣнчиваго, но дѣльнаго человѣка свободно развязывается языкъ. Намъ кажется, что и печать, которой разрѣшено теперь имѣть въ «совѣщательной залѣ» своихъ репортеровъ, должна печатать рефераты съ особеннымъ тактомъ, чтобъ не производить никакого *давленія* на совѣщающихся и не стѣснять свободу личныхъ мнѣній малодушнымъ, конечно, но для нѣкоторыхъ не лишеннымъ силы соображеніемъ: «осмѣютъ-де и *пропечатаютъ!*»

Настоящее участіе свѣдущихъ земскихъ людей въ законодательныхъ государственныхъ работахъ, даже независимо отъ формы назначенія или избранія, имѣетъ существенное отличіе отъ такого же участія какихъ-либо представительныхъ собраній Западной Европы. Мы искренно дорожимъ этимъ отличіемъ и желали бы, чтобъ оно упрочилось и сохранилось. Намъ передавали изъ источника достовѣрнаго, что когда лѣтомъ, во время перваго, въ числѣ 12, призыва экспертовъ для разсмотрѣнія правительственнаго проекта по вопросу о выкупныхъ платежахъ, назначено было совмѣстное засѣданіе съ этими 12 экспертами трехъ министровъ, то одинъ изъ посланниковъ дружественнаго намъ двора съ чистосердечнымъ соболѣзнованіемъ выразилъ, въ пріятельской бесѣдѣ съ русскимъ «высокопоставленнымъ» лицомъ, такое недоумѣніе: «какъ рѣшается Русское правительство, на первыхъ же порахъ, при этомъ первомъ опытѣ общественнаго участія въ трудѣ государственномъ, рисковать своимъ авторитетомъ, своимъ «престижемъ» и добровольно осуждать себя на *меньшинство:* три министра противъ двѣнадцати?!» Но никому изъ русскихъ министровъ, къ счастію, и не въ домёкъ было такое, чисто иностранное соображеніе. Наши эксперты — не *оппозиція*, не фуркулы Кавдинскія, сквозь которыя приходится иному заграничному министерству проводить въ представительномъ собраніи свой проектъ, и *для защиты его* заранѣе обезпечивать себя потребнымъ числомъ голосовъ, подкупая ихъ деньгами, лестью, обѣщаніями, даже обманомъ. Наши эксперты не только не *оппозиція* въ томъ смыслѣ систематической враждебности, какой придается этому слову, даже не что-либо, по существу *противополагающее себя* власти, а напротивъ: они свободные, независимые, но искренніе *сотрудники* власти и приносятъ ей *въ помощь* свой жизненный опытъ, знаніе, общественную, земскую мысль. Правительство, съ своей стороны, вовсе и не думаетъ связывать своего авторитета и «престижа» съ заготовленнымъ въ его канцеляріяхъ проектомъ, потому что не имѣетъ, не должно и не можетъ имѣть, по самому духу истиннаго русскаго государственнаго строя, какихъ-либо *своихъ* интересовъ (династіи или партіи), отдѣльныхъ отъ интересовъ самой Русской земли. И у правительства, и у свѣдущихъ земскихъ людей задачи и цѣли общія: обѣ стороны стоятъ на разныхъ, но не враждебныхъ другъ другу точкахъ зрѣнія,—одна на высотѣ общихъ государственныхъ интересовъ, другая — на высотѣ лучше ей вѣдомыхъ интересовъ мѣстныхъ, интересовъ населенія, и обѣ стороны, сближая обѣ точки зрѣнія, изыскиваютъ сообща рѣшеніе удовлетворяющее всѣмъ интересамъ, равно дорогимъ имъ обѣимъ Вотъ единственно правильное, честное, нравственное отношеніе къ дѣлу *русскаго* земскаго участія въ разрѣшеніи государственно-земскихъ вопросовъ, устраняющее, разумѣется, всякую мысль объ *обязательности* для государства мнѣнія земскихъ людей, хотя бы и выраженнаго *большинствомъ* голосовъ. Допустите только эту формальную обязательность,—вы нарушите искренность отношеній между властью и землею, вы создадите эту, истинно недостойную, подлую *охоту за голосами.* Никакого другаго авторитета мнѣнія земскихъ людей не должны имѣть, кромѣ нравственнаго, и конечно только особенно важныя соображенія могутъ побудить правительство пренебречь искреннимъ, добросовѣстно выработаннымъ мнѣніемъ людей земскихъ, если къ тому же это мнѣніе пользуется всеобщимъ сочувствіемъ.

Намъ теперь уже извѣстно, что какъ при призывѣ свѣдущихъ людей по дѣлу о выкупныхъ платежахъ, такъ и при настоящемъ призывѣ для участія по дѣлу о питейной торговлѣ и объ организаціи переселенія, правительство не связывало съ сохраненіемъ заготовленныхъ имъ законопроектовъ какого-либо вопроса личной чести или достоинства. «Ни къ одному изъ этихъ двухъ проектовъ не слѣдуетъ относиться какъ къ чему-либо законченному»,—сказалъ министръ внутреннихъ дѣлъ въ своей рѣчи, которою онъ открылъ первое засѣданіе «свѣдущихъ земскихъ людей» 24-го сентября. «Вамъ (т. е. приглашеннымъ свѣдущимъ людямъ),—прибавилъ графъ Игнатьевъ,— скорѣе слѣдуетъ смотрѣть на нихъ какъ на точку отправленія при вашихъ обсужденіяхъ». А г. управляющій Министерствомъ финансовъ, съ своей стороны, въ томъ же первомъ засѣданіи,—изложивъ вкратцѣ программу проекта, составленнаго особымъ «Совѣщаніемъ», образованнымъ при Министерствѣ финансовъ изъ представителей разныхъ вѣдомствъ и министерствъ,—также заявилъ, обращаясь къ вызваннымъ экспертамъ, что «мѣры предлагаемыя *Совѣщаніемъ* не выражаютъ собою окончательно установленнаго взгляда правительства, которое ожидаетъ еще вашего совѣта относительно избранія лучшаго пути для достиженія нашей общей цѣли». Тѣмъ не менѣе Н. Х. Бунге рекомендовалъ «трудъ *Совѣщанія* какъ плодъ наблюденія значительнаго числа лицъ, имѣвшихъ возможность близко ознакомиться съ питейной торговлею». До какой степени серьезно, съ какимъ знаменательнымъ довѣріемъ относится настоящее правительство къ труду этихъ земскихъ свѣдущихъ людей, доказываютъ слѣдующія, обращенныя къ нимъ слова г. управляющаго Министерствомъ финансовъ:

«Вы можете много облегчить дальнѣйшую по составленію законопроекта работу, если признаете возможнымъ» (при обсужденіи мѣръ предлагаемыхъ *Совѣщаніемъ*) «изложить собственныя ваши предложенія въ *томъ видѣ, въ какомъ бы они могли войти въ проектъ закона*, подлежащаго внесенію въ Государственный Совѣтъ. Ускореніе работы необходимо въ настоящемъ случаѣ потому, что если новый законъ не будетъ изданъ до выдачи патентовъ, т. е. до 1 ноября, то дѣло придется отложить на цѣлый годъ».

Нельзя, конечно, не пожалѣть о томъ, что въ виду такого близкаго срока приходится нѣсколько спѣшить важною и сложною работой,—но это обстоятельство случайное. Главное, въ нашихъ глазахъ, въ томъ, что свѣдущіе люди приглашены къ дѣйствительной, серьезной *работѣ*—въ буквальномъ смыслѣ слова, къ работѣ усиленной, тяжелой, а не къ «говоренію» однѣхъ красивыхъ, многословныхъ рѣчей,—не къ одной *критикѣ* только, болѣе или менѣе не трудной, а къ изысканію положительныхъ мѣръ, — къ выраженію ихъ въ точной законодательной формулѣ, а не въ видѣ только «общихъ началъ». Это добрая школа. Она излѣчитъ многихъ нашихъ «ораторовъ» отъ охоты къ «общимъ мѣстамъ», къ фейерверкамъ доктринерскаго либерализма, къ теоретическимъ отвлеченностямъ. Не только для пользы настоящаго, порученнаго вызваннымъ земскимъ людямъ дѣла, но и для нашей общественной пользы, для дальнѣйшаго правильнаго развитія нашей государственной и общественной жизни, надобно желать, чтобъ совѣщанія русской высшей власти съ русскими земскими людьми уберегли этотъ своеобразный характеръ дѣловитости, дѣйствительнаго *сотрудничества*, который имъ приданъ нынѣ довѣріемъ Государя, и не опошливались фальшивою окраскою подражательнаго парламентаризма.

Если само правительство, устами г. управляющаго Министерствомъ финансовъ, заявило земскимъ людямъ, что «интересы Государственнаго Казначейства въ данную минуту не должны заслонять нравственныхъ задачъ и выгодъ будущаго отъ поднятія уровня народной нравственности и народнаго благосостоянія», то тѣмъ болѣе отъ земскихъ людей въ правѣ надѣяться Русскій народъ обезпеченія именно интересовъ народной нравственности и благосостоянія. Поэтому и нѣтъ основанія опасаться, какъ предсказываютъ нѣкоторые неисправимые, зловѣщіе пессимисты, будто всѣ эти совмѣстные труды правительства и свѣдущихъ людей разрѣшатся лишь полумѣрами, жалкими попытками найти компромиссъ, сдѣлку между фискальною и нравственною стороною задачи,—преизобиліемъ вниманія къ частнымъ соображеніямъ и къ отдѣлкѣ деталей въ ущербъ основной задачѣ, основной потребности данной минуты... Такимъ именно характеромъ отличается повидимому проектъ, изготовленный въ «Совѣщаніи» образованномъ при Министерствѣ финансовъ, который, напримѣръ, не представляетъ никакого серьезнаго огражденія Русскаго населенія отъ одного изъ самыхъ ужасныхъ видовъ еврейской эксплуатаціи (корчмарства и шинкарства), опасаясь стать на (узкое съ доктринерской точки зрѣнія) «основаніе національности!!» Къ счастію, въ числѣ свѣдущихъ людей, вызванныхъ изъ Малороссіи, есть люди съ менѣе робкимъ духомъ и съ болѣе здравымъ взглядомъ на дѣло...

Пусть знаютъ «свѣдущіе земскіе люди», что на нихъ устремлены взоры всей Россіи, что не только общество, но и весь простой народъ слѣдитъ съ напряженнымъ вниманіемъ за ходомъ ихъ совѣщаній и нетерпѣливо ждетъ результатовъ ихъ работы, особенно и почти исключительно по вопросу о питейной торговлѣ.

Вмѣсто моднаго лозунга: вѣнчать зданіе „Русь“ поставила лозунгомъ: уѣздъ.

«Русь» 7-го ноября, 1881 г.

Въ настоящемъ № нашей газеты, которымъ заканчивается и первый годичный кругъ изданія «Руси», намъ неожиданно приходится возвратиться къ тому самому вопросу, которымъ началось ея вступленіе на журнальное поприще, который былъ поставленъ нами въ 1-мъ же №, 15 ноября 1880 г., и накликалъ на насъ цѣлую бурю негодованія, цѣлый градъ насмѣшекъ и брани со стороны такъ-называемой либеральной прессы. На этотъ разъ, впрочемъ, мы вовсе не намѣрены входить въ новое обстоятельное разсмотрѣніе самаго вопроса, а желаемъ лишь обратить вниманіе нашихъ читателей на правительственное сообщеніе (см. ниже) объ образованіи, по Высочайшему повелѣнію, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Каханова, особой коммиссіи для составленія проекта *мѣстнаго управленія*, т. е предположеній о преобразованіи губернскихъ и уѣздныхъ административныхъ учрежденій съ соотвѣтственнымъ измѣненіемъ мѣстнаго *общественнаго управленія*, какъ въ уѣздахъ, такъ и въ городахъ.

Читатели помнятъ конечно, какому гнѣву большинства нашихъ органовъ печати подверглась въ то время «Русь» за то, что осмѣлилась отвлекать общественную мысль отъ безплодныхъ, пустыхъ, вредныхъ фантазій къ насущнымъ потребностямъ нашей русской дѣйствительности, и вмѣсто моднаго лозунга «вѣнчать зданіе» поставить лозунгомъ «уѣздъ» съ его крестьянскимъ и земскимъ самоуправленіемъ въ связи съ управленіемъ административнымъ. Съ какою наивною откровенностью злобствовала тогда эта »либеральная» пресса по поводу преподаннаго «Русью» совѣта смирить заносчивыя и вовсе не либеральныя мечты о призваніи будто бы либераловъ-теоретиковъ, доктринеровъ или вообще «интеллигенціи» (отрицающей въ Русскомъ народѣ всякую возможность какой-либо политической и духовной самобытности) — командовать надъ народомъ въ роли народа и въ формѣ какого-либо «однороднаго съ Западною Европою либеральнаго учрежденія!» Мы утверждали, что только на *мѣстѣ*, тамъ въ уѣздѣ, могутъ высшіе по положенію и образованію общественные классы, совмѣстнымъ трудомъ съ населеніемъ и земскою службою, сгладить недовѣріе и рознь, созданныя между ними и простонародными массами всѣмъ ходомъ исторической и экономической жизни; узнать, понять народный бытъ и народную мысль, проникнуться основными началами народнаго духа, придти въ единство и такою общею работою въ каждой ячейкѣ нашего государственнаго организма содѣйствовать его оздоровленію и укрѣпленію... Только тогда земство станетъ правдой, станетъ равно дорогимъ, *своимъ* народу и государственной власти,— говорили мы... Въ отвѣтъ на эти слова, послышались изъ либеральнаго лагеря только глумленія и возгласы: «уѣздная кутузка? сообщество съ сѣрозипунниками-лапотниками? сблизиться съ народомъ, т. е. заразиться его проказой, ибо нашъ народъ *прокаженный*, покрытъ и смердитъ проказой»... покорно благодаримъ!» Мы не выдумываемъ; именно такія и имъ подобныя выраженія появились въ «либеральной» россійской печати, выдавались за самый цвѣтъ либеральнаго мышленія, при громкихъ рукоплесканіяхъ «либеральной» публики и всѣхъ тѣхъ, которые исключительно себя величаютъ интеллигенціею и всякое на себя нападеніе признаютъ нападеніемъ на образованность, на просвѣщеніе, на науку! Развѣ не именно такъ это было? Мы уже приводили и прежде эти образцы «либеральныхъ» рѣчей, но вынуждены напомнить ихъ снова, такъ какъ все это у насъ читающимъ міромъ легко забывается, а между тѣмъ въ нихъ, въ этихъ словахъ, высказывается истинная *суть* нашего россійскаго либерализма, т. е. лжелиберализма по преимуществу. Эти выраженія должны бы стоять эпиграфомъ на каждомъ періодическомъ изданіи нашей «либеральной партіи». Впрочемъ, въ настоящее время эта партія измѣнила пріемъ своей аттаки на нашу газету. Обозвавъ народъ прокаженнымъ и смердящимъ и сближеніе съ нимъ интеллигенціи ненужнымъ и вреднымъ, наши противники, съ безстыдствомъ достойнымъ несравненно худшаго дѣла, на насъ же обрушиваются съ упрекомъ за то, что *мы* будто бы сѣемъ *рознь* между интеллигенціею и народомъ, даже воздвигаемъ народъ или низшіе классы на интеллигенцію! Мало того: они возносятъ къ верху вопль, что «Русь» плодитъ смуту и въ этомъ отношеніи представляетъ нѣкоторую серьезную политическую опасность, такъ какъ клевещетъ-де на бѣдную, ни въ чемъ неповинную «интеллигенцію», которая, по новѣйшему mot d'ordre нашихъ либераловъ, не только не рознитъ съ народомъ, но выражаетъ собою мысль и духъ самого народа, только въ высшей области сознанія... Вотъ какой неожиданный оборотъ! Выходитъ однако, что такъ какъ народъ, по словамъ ихъ же корифея, лежитъ въ проказѣ и заражаетъ каждаго сближающагося съ нимъ культурнаго человѣка, то и наши либералы, сблизясь теперь съ народомъ, сами стало-быть заразились проказой?! Мы ихъ впрочемъ не назовемъ прокаженными, а развѣ только проказниками...

Какъ бы въ доказательство того, что «либеральная интеллигенція» ни въ чемъ существенномъ не рознитъ съ народомъ, «Порядокъ» ставитъ въ упрекъ нашему сотруднику, бывшему профессору и теперь учителю сельской школы, что онъ въ своихъ статьяхъ въ «Руси» (встрѣченныхъ такимъ общимъ сочувствіемъ) является противникомъ «государственной элементарной школы, объединяющей дѣтей всѣхъ національностей и вѣроисповѣданій», т. е. школы космополитической и *невѣроисповѣдной*, иначе: школы по новѣйшему французскому типу, гдѣ слово «Богъ» замѣняется словомъ «натура», откуда выносятся всякія эмблемы христіанства, напримѣръ Распятія и т п. Вотъ какая школа предлагается «либеральною интеллигенціею» православному Русскому народу, который если еще чуждается сельскихъ училищъ, то только потому, что не вполнѣ удостовѣренъ въ религіозной основѣ предлагаемаго ему образованія!.. Затѣмъ, въ доказательство вящаго духовнаго единства «либеральной партіи» съ народомъ, «Русская Мысль», какъ уже извѣстно читателямъ «Руси», устами г. Головачева провозгласила, что Русскій народъ не представляетъ ни малѣйшей не только политической, но и религіозно-нравственной самобытной особенности (такъ что христіанинъ ли онъ, или магометанинъ, это-де все равно, до этого и дѣла нѣтъ). Обличивъ эту чудовищную нелѣпость и доказавъ, что такого рода воззрѣніе вовсе не свидѣтельствуетъ о духовномъ съ народомъ единствѣ, мы ожидали, что редакція «Русской Мысли» трижды отречется, отплюнется отъ обнародованной на ея страницахъ ереси и предастъ г. Головачева публичному отъ себя отлученію. Ничуть не бывало. Не отрекаясь отъ г. Головачева, ни отъ выраженныхъ имъ мнѣній, и какъ бы въ отвѣтъ на нашу статью, «Русская Мысль» въ послѣдней книжкѣ выпалила противъ насъ двойнымъ зарядомъ—именно за лживое якобы обвиненіе интеллигенціи («либеральной», ибо мы только на нее и нападали) въ духовной розни съ народомъ. Но къ несчастію для неумѣлыхъ застрѣльщиковъ, зарядомъ обсыпало только ихъ самихъ. Редакторъ «Русской Мысли» какъ бы только подтверждаетъ предположеніе, что и по его мнѣнію въ словахъ г. Головачева, въ этомъ торжественномъ отрицаніи русской духовной народной личности, нѣтъ ничего, что̀ бы разнило съ истиннымъ понятіемъ о русской народности; что не усматриваетъ онъ различія съ мыслью и совѣстью народной ни въ словахъ «Порядка», ни въ «умоначертаніи» прочихъ органовъ того лагеря, къ которому «Русская Мысль» «считаетъ за честь принадлежать»,—той «интеллигенціи», которую она признаетъ высшимъ выраженіемъ духовной сущности Русскаго народа!.. Нападеніе на *свой лагерь* онъ считаетъ посягательствомъ на достоинство самой науки, которую въ особенности онъ беретъ подъ свою защиту, объявляя, что наука вещь безспорно полезная... Мысль, конечно, не новая, но для того, чтобъ придать ей характеръ нѣсколько болѣе оригинальный и свѣжій, редакторъ «Русской Мысли» выражается даже такъ, что наука, какъ «компендіумъ несомнѣнныхъ истинъ, имѣетъ *оправстливающее* значеніе». Несмотря на такое, дѣйствительно новое, но неудобопроизносимое слово, мы считаемъ подобное опредѣленіе науки совершенно не точнымъ, ибо наука не замыкается и постоянно пребываетъ такъ-сказать въ процессѣ *исканія* истины (въ чемъ и состоитъ ея возвышающее и облагораживающее свойство), такъ что не всѣ научныя положенія могутъ, въ данную минуту, быть принимаемы за непреложныя истины, да еще съ оправстливающимъ значеніемъ. «Послѣднее слово науки» — положимъ — отрицаніе самостоятельнаго духовнаго начала, матеріализмъ: «оправстливающаго» мы тутъ ничего не видимъ, въ компендіумъ его включать, какъ большинство нашихъ педагоговъ и нашей якобы либеральной интеллигенціи, вовсе не расположены, твердо вѣруя, что та же наука, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, придетъ къ отрицанію этого, послѣдняго слова», — на которомъ однако заквашиваются у насъ цѣлыя поколѣнія, благодаря суевѣрамъ науки!.. Дѣло въ томъ, что просвѣщеніе духа дается не одною наукой; что кромѣ науки, существуетъ и другой критерій, которымъ мы и руководимся по преимуществу въ отношеніи къ образованію народныхъ массъ, вопреки сентябрьскимъ разглагольствіямъ «Русской Мысли». Трудно понять, несмотря на всѣ толкованія почтеннаго редактора этого страннаго журнала, на какомъ же однако основаніи въ ноябрьской его книжкѣ, устами г. Дитятина и самого редактора, «Русь» паки и паки выставляется противницей науки и просвѣщенія?! та самая «Русь», которая отстаивала на своихъ страницахъ необходимость классическаго подготовительнаго образованія для лицъ посвящающихъ себя образованію высшему (въ чемъ, какъ извѣстно, расходится съ большинствомъ «либеральнаго лагеря», поклоняющагося реализму), и которая печатаніемъ «Замѣтокъ сельскаго учителя» служитъ, кажется намъ, дѣлу народной школы поусерднѣе и подѣйствительнѣе либеральныхъ одностаничниковъ «Русской Мысли», проводящихъ мысль о школѣ на новѣйшій манеръ французскій!.. Мы еще возвратимся, впрочемъ, къ статьѣ г. Юрьева, служащей предисловіемъ къ статьѣ г. Дитятина,—этимъ образцамъ недомыслія, вполнѣ (готовы вѣрить) искренняго со стороны перваго, но тѣмъ не менѣе удивительнаго, и нисколько не удивительнаго, потому что явно недобросовѣстнаго, со стороны втораго. Здѣсь же, для связи съ общею мыслью настоящей статьи, упомянемъ только, что редакторъ упомянутаго журнала удерживаетъ за «интеллигенціею» употребленное нами однажды выраженіе (при характеристикѣ общаго соціальнаго строя нашего отечества): «командующіе классы». «Интеллигенціею» же признаетъ себя, какъ извѣстно, только «либеральная партія», ибо только она одна и величаетъ себя этимъ именемъ и только одна и обижается на насъ за интеллигенцію (какъ будто, нападая на тѣхъ, которые выдѣляютъ себя изъ народа съ высокомѣрнымъ ярлыкомъ на челѣ: «интеллигенція», сами мы выключаемъ себя изъ разряда людей образованныхъ). И такъ, удерживая за своей партіей или за «интеллигенціею» данное нами названіе «командующихъ классовъ» (несмотря на его ускорительный оттѣнокъ), редакторъ «Русской Мысли» такъ-таки прямо и объявляетъ, что эти «командующіе классы» «призваны *къ переустройству русской жизни»*: онъ не говоритъ даже къ содѣйствію, къ участію въ переустройствѣ, не упоминаетъ даже о томъ, что и некомандующіе классы, которыхъ такое переустройство касается по преимуществу, имѣютъ нѣкоторое право участвовать въ этомъ переустройствѣ, могутъ смѣть и свое сужденіе имѣть по близко затрогивающему ихъ дѣлу... Если это даже и недомолвка, то она характеристична. Въ этомъ выраженіи, въ этомъ самовеличаніи интеллигенціи титломъ: «командующіе классы», одновременно съ безсмысленнымъ, если не лицемѣрнымъ обвиненіемъ «Руси» въ сѣяніи смуты и раздора между образованными и низшими народными классами (какъ бы въ отместку за то, что «Русь» представила образцы вопіющаго разномыслія гг. либеральной команды съ народомъ), выпукло выступаетъ сокровенная сущность притязаній нашей «либеральной интеллигенціи», именно на командованіе народомъ во имя народа, но безъ него и не съ нимъ.

Пусть не посѣтуютъ на насъ читатели за такое длинное отступленіе въ сторону. Мы невольно, заканчивая первый годъ существованія «Руси», наведены были вышеупомянутымъ правительственнымъ сообщеніемъ, одновременно съ статьями только что появившейся «Русской Мысли»—на желаніе подвести хоть нѣкоторый итогъ нашей дѣятельности и нашей полемикѣ. Мы, оказывается, самою силою вещей удерживаемся на той самой точкѣ, отъ которой отправились. Вопросъ, поставленный «Русью» еще годъ тому назадъ, сталъ уже теперь вопросомъ дня, общею задачею печати, разумѣя здѣсь и то большинство періодическихъ органовъ, которые во время оно съ такимъ остервенѣніемъ напали на нашу газету за самую постановку вопроса. Не наши доводы, разумѣется, ихъ убѣдили. Правительство, уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ признавшее необходимость преобразованій въ мѣстномъ управленіи, въ началѣ нынѣшняго года циркулярно потребовало отъ всѣхъ уѣздныхъ земствъ и всѣхъ уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій ихъ мнѣнія по поводу нѣкоторыхъ неудобствъ, замѣченныхъ въ послѣднемъ учрежденіи. Такой запросъ, принятый въ свое время чрезвычайно несочувственно, сухо, какъ бы съ видомъ обманувшейся надежды, «либеральною прессой, подалъ однако же земствамъ невольный поводъ (какъ мы это и предсказывали) къ составленію предположеній о преобразованіи *всего* уѣзднаго управленія. Ничто и никто не мѣшалъ нашимъ земскимъ собраніямъ отнестись къ этой работѣ съ полною внимательностью, съ дознаніемъ настоящей народной мысли отъ уѣздныхъ гласныхъ изъ крестьянъ, даже съ опросомъ послѣднихъ на мѣстѣ, какимъ-либо частнымъ способомъ. Нѣкоторыя земства такъ именно и отнеслись къ дѣлу, и безъ сомнѣнія представятъ теперь въ коммиссію, если уже не представили, замѣчательные труды. Были и такія, которыя взглянули на задачу съ нѣкоторымъ принебреженіемъ, вѣроятно потому, что она нисколько не легка и требовала напряженныхъ соображеній, а не одних безсодержательно-либеральныхъ рѣчей о препонахъ полагаемыхъ земской дѣятельности, да о призваніи земствъ къ рѣшенію задачъ повыше. Эти «либеральныя» земства будутъ только пристыжены тѣми земствами, которыя добросовѣстными изслѣдованіями своей задачи послужатъ общему дѣлу водворенія правильныхъ порядковъ внутренняго, мѣстнаго самоуправленія, слѣдовательно истинному либерализму.

Такъ или иначе, какой бы даже ни былъ окончательный исходъ этой заданной русскому земству работы, она безъ сомнѣнія не останется безъ плодотворныхъ послѣдствій хоть бы только для нашего общественнаго сознанія; она вноситъ свѣтъ въ самыя существенныя, первоначальныя отправленія общественной жизни,—отъ которыхъ зависитъ и общее состояніе всего нашего государственнаго организма. Мы такъ привыкли, чтобы за насъ думало и сочиняло правительство, а чтобы мы сами пользовались правомъ дешевой критики и взваливанія всей отвѣтственности за худые законы и распоряженія на то же правительство, что полезно поставить насъ самихъ лицомъ къ лицу съ задачами общественнаго устройства и заставить нести за разрѣшеніе ихъ отвѣтственность; полезно низвести насъ изъ области теоріи и доктринъ на почву дѣйствительности и принудить считаться съ реальными условіями и данными жизни. Къ концу года всѣ земства и всѣ присутствія по крестьянскимъ дѣламъ представятъ въ Министерство внутреннихъ дѣлъ свои работы. Коммиссіи, на разсмотрѣніе которой онѣ будутъ переданы, предстоитъ не маловажный трудъ: сдѣлать предварительный сводъ всему этому громадному числу проектовъ. Въ составъ Коммиссіи войдутъ и «мѣстные свѣдущіе люди и всѣ тѣ лица, участіе которыхъ признается полезнымъ». Ни число свѣдущихъ, ни способъ ихъ назначенія,—по выбору ли самой власти, или мѣстныхъ земствъ,—еще не опредѣлены. Во всякомъ случаѣ будущему году предстоитъ разрѣшеніе одного изъ самыхъ важныхъ вопросовъ,—разрѣшеніе, *подготовленное* трудами печати и земскихъ людей всей Россіи. Было бы однакожъ полезно, чтобы выработанный Коммиссіею проектъ, еще до утвержденія его высшею властью, былъ обнародованъ и вновь подвергнутъ разсмотрѣнію земствъ въ *своей окончательной формѣ*, для устраненія всякихъ недоразумѣній при введеніи его въ дѣйствіе.

Пора наша рабочая. Много серьезныхъ вопросовъ возбуждено и подвергнуто коллегіальному обсужденію, болѣе или менѣе гласному, съ участіемъ если не вездѣ земскихъ людей, или делегатовъ отъ общества, то печати. Все это, безъ сомнѣнія, не можетъ не быть плодотворно, ибо не праздно занимаетъ, а упражняетъ общественную мысль, обогащаетъ насъ и правительство опытомъ. Примѣръ коммиссіи свѣдущихъ людей по вопросу питейному служитъ, кажется намъ, полезнымъ указаніемъ, чего на будущее время желательно было бы избѣгать при составленіи подобныхъ коммиссій. Прежде всего, думаемъ мы, слѣдовало бы для вопросовъ подобной спеціальности, какъ питейное дѣло, избирать спеціалистовъ по преимуществу, или же приглашать членовъ предварительно ознакомиться съ вопросомъ у себя дома, на мѣстѣ. Затѣмъ, по нашему мнѣнію, задача собранія земскихъ людей—главнымъ образомъ въ установленіи общей программы закона, его основныхъ положеній или принциповъ. Разработка положеній въ частностяхъ и подробностяхъ, окончательная редакція, такъ-сказать кодифицированіе ихъ можетъ и не лежать на обязанности всего собранія земскихъ людей, или же быть поручено земскимъ людямъ совмѣстно съ правительственными чиновниками, или пожалуй быть возложено на особенную редакціонную, всегда малочисленную коммиссію, съ тѣмъ конечно, чтобъ проектъ *въ окончательной редакціи* былъ вновь просмотрѣнъ собраніемъ экспертовъ для свѣрки его съ общею программой. Во всякомъ случаѣ намъ кажется необходимымъ, чтобъ редакціонная работа разсматривалась не по мѣрѣ изготовленія каждаго параграфа, а въ общей связи всѣхъ параграфовъ, *по изготовленіи всего проекта.* Въ настоящей же коммиссіи была принята совсѣмъ обратная система. Еще *до* окончанія разработки самой общей программы, каждое общее положеніе, по установленіи большинствомъ, отсылалось въ редакціонную подкоммиссію: между тѣмъ, при дальнѣйшемъ составленіи программы приходилось иногда измѣнять первоначальныя опредѣленія. Наконецъ, теперь, когда обсужденіе основныхъ положеній уже окончено, редакціонная коммиссія въ теченіи слишкомъ мѣсяца вноситъ каждый разработанный ею параграфъ на разсмотрѣніе общей коммиссіи—*отдѣльно*, по мѣрѣ его изготовленія. Можно ли обсуждать проектъ по частямъ, не имѣя въ виду цѣлаго, и подвергать каждую особую статью, внѣ связи съ прочими, случайностямъ баллотировки? При такомъ способѣ противорѣчія неминуемы. По крайней мѣрѣ газетные рефераты заставляютъ это предполагать. Трудно понять, напримѣръ, почему коммиссія, признавъ огромнымъ большинствомъ необходимость устраненія Евреевъ отъ всякаго прикосновенія къ питейной торговлѣ, постановила, дней десять потомъ, большинствомъ чуть ли не одного голоса, допущеніе Евреевъ къ надзору въ селахъ за правильностью торговли, т. е. къ надзору за тѣмъ, не шинкарствуютъ ли тайно сами Евреи?! Намъ кажется страненъ самый вопросъ объ организаціи сельскаго надзора: это все лишнія подробности. Наложите за тайную торговлю, при жестокомъ штрафѣ, отвѣтственность на все сельское общество за круговою порукою *(какъ объ этомъ просятъ сами крестьяне)*, и надзоръ устроится самъ собою. Точно также сначала толковали о типѣ общественныхъ кабаковъ и сдали это положеніе въ редакціонную подкоммиссію; затѣмъ впослѣдствіи положили: кабаку въ прежнемъ его видѣ не быть, а быть корчмѣ или сельскому трактиру. Стало-быть, типъ общественныхъ или мірскихъ кабаковъ свелся на типъ мірскихъ корчемъ или трактировъ, а это уже не одно и то же, и такого типа еще не существуетъ въ дѣйствительности, такъ что и ссылки на нѣкоторые примѣры общественныхъ кабаковъ становятся не умѣстны: если трактирное облагораживаніе кабака предполагается не для формы, то содержаніе трактира *міромъ* является дѣломъ несравненно болѣе сложнымъ и болѣе труднымъ для учета. Впрочемъ всѣ эти недоразумѣнія могутъ быть теперь и устранены; мы основываемся только на отрывочныхъ газетныхъ сообщеніяхъ, и хотѣли только указать на неудобство разсматривать и баллотировать какой бы то ни было проектъ по частямъ, прежде чѣмъ онъ составленъ въ цѣломъ видѣ и въ цѣломъ видѣ представленъ на обсужденіе...

Кстати къ вопросу о народномъ пьянствѣ. На дняхъ мы прочли въ одной корреспонденціи изъ Галиціи (въ «Новомъ Времени») о томъ благодатномъ дѣйствіи на бытъ и положеніе крестьянъ, какое производитъ совершенное закрытіе кабаковъ въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ утвердились «общества трезвости». Мѣсто кабаковъ заняли не трактиры, а *сельскія читальни*. Въ тѣхъ селахъ встрѣчаются часто каменные кресты, поставленные самими крестьянами (русскими) съ надписью: «Крестъ побѣдилъ поганство, крестъ побѣдитъ и пьянство»... Вѣдь хорошо!..

Если способомъ баллотировки опредѣляется число сторонниковъ того или другаго мнѣнія, то едвали тамъ, гдѣ баллотировка не имѣетъ рѣшающаго значенія, она должна устранять мнѣніе меньшинства. По вопросу о выкупныхъ платежахъ были представлены мнѣнія и большинства, и меньшинства, и даже единичныя мнѣнія. Намъ кажется, что и при составленіи питейнаго проекта, равно и всѣхъ прочихъ подобными же коммиссіями, не должны оставаться безгласными мнѣнія меньшинства, если только оно таковыми своими мнѣніями дорожитъ.

По поводу программы коммиссіи Каханова о преобразованіи уѣздныхъ и губернскихъ учрежденій.

«Русь», 3-го апрѣля 1882 г.

Петербургскія газеты сообщаютъ, что извѣстная коммиссія подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Каханова о преобразованіи уѣздныхъ и губернскихъ учрежденій изготовила программу своихъ задачъ и передала ее на разсмотрѣніе въ «подлежащія» министерства. Программа, смотря по роду заданнаго труда, можетъ быть или предрѣшеніемъ вопросовъ, или только облегчительнымъ пріемомъ для предстоящей работы, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится имѣть дѣло съ матеріаломъ не довольно обслѣдованнымъ, подвигаться шагъ за шагомъ въ области неизвѣстнаго, безъ достаточныхъ практическихъ данныхъ, — постоянно искать указаній у самой жизни. А именно этого рода трудъ и предлежитъ вышеупомянутой коммиссіи; потому и программа ея можетъ быть не чѣмъ инымъ какъ облегчительнымъ рабочимъ пріемомъ, какъ опытомъ постановки вопросовъ, отвѣты на которые еще и самой коммиссіи неизвѣстны. Судить о составленной коммиссіею программѣ только на основаніи помѣщенныхъ въ газетахъ свѣдѣній, а частію и выдержекъ, мы не признаемъ возможнымъ, но едвали она противорѣчитъ нашему предположенію. Впрочемъ, какая бы программа ни составлялась,—какъ скоро приступлено будетъ къ разработкѣ самихъ задачъ во всѣхъ ихъ подробностяхъ, работа сама раздвинетъ или переломаетъ рамки, поставленныя программою, если таковыя окажутся узки или непригодны. Мы съ своей стороны готовы вмѣнить въ заслугу коммиссіи именно то, что она не спѣшитъ предрѣшеніемъ вопросовъ, вообще приступаетъ къ дѣлу осмотрительно и, какъ кажется, безъ самонадѣянности. Да и не легокъ, сказать по правдѣ, заданный ей трудъ, касающійся самыхъ существенныхъ условій нашего внутренняго государственнаго и земскаго строя! Только необычайное легкомысліе нашего общества, вмѣстѣ съ пристрастіемъ къ шаблоннымъ опредѣленіямъ, къ моднымъ формуламъ, вообще къ общимъ мѣстамъ доктринъ и теорій, слывущихъ за «либеральныя», отвлекаетъ его вниманіе отъ вопросовъ первостепенной важности на вопросы важности мнимой, отъ задачъ, выдвигаемыхъ самою жизнью, на задачи, порождаемыя отвлеченною мыслью и воображаемыми потребностями,—отъ уѣзднаго устройства на «правовой порядокъ» въ смыслѣ политическаго западно-европейскаго либеральнаго учрежденія. Намъ нѣтъ надобности повторять, столько разъ изложенное нами, мнѣніе о значеніи «уѣздной единицы» въ русской государственной жизни. Постановка «уѣзднаго вопроса» съ 1-го же № «Руси» и указаніе на эту серьезную, практическую, а вмѣстѣ съ тѣмъ подручную задачу, навлекли на нашу газету градъ насмѣшекъ и ливень всяческой брани со стороны нашего такъ-называемаго либеральнаго лагеря, не изсякавшій въ теченіи цѣлаго года. Съ озлобленіемъ, доходившимъ до наивной, комической откровенности, насъ обличали въ тайномъ умыслѣ подмѣнить симъ мизернымъ, низменнымъ, мелкимъ интересомъ высшій интересъ — политическій, коимъ-де одушевлена и коимъ-де заняться призвана «интеллигенція». Намъ ставили въ вину, что мы находили «вѣнчаніе зданія» преждевременнымъ, пока не устроенъ его нижній ярусъ. «Нѣтъ—возражали намъ—надо сначала вѣнчать зданіе, а потомъ ужъ, пожалуй, такъ и быть, заняться и устройствомъ нижняго яруса: такъ будетъ либеральнѣе!». Въ основаніи же всей этой по меньшей мѣрѣ странной и однакожъ заносчивой аргументаціи лежало, безъ сомнѣнія, тайное сознаніе своей совершенной некомпетентности, непригодности къ серьезному труду, къ практическому вершенію задачъ жизни дѣйствительной, реальной,—задачъ своеобразныхъ, съ которыми нельзя никакъ справиться помощью «либерализма вообще» и при разрѣшеніи которыхъ приходится волею-неволею считаться—horribile dictu—съ неинтеллигентнымъ мужикомъ; значитъ, пожалуй, «жертвовать мужику интересами интеллигенціи» (новый, недавно пущенный въ ходъ доводъ нашихъ «либераловъ» противъ національнаго направленія во внѣшней и внутренней политикѣ!). И точно—эта непригодность нашихъ мнимыхъ либераловъ не замедлила обнаружиться. Вопреки всѣмъ ихъ возгласамъ вопросъ о преобразованіи уѣзда былъ поставленъ самою жизнью и предложенъ на разрѣшеніе земствамъ. Это предложеніе было своего рода экзаменомъ зрѣлости, повѣркою — насколько отвѣчаютъ своему призванію наши оффиціальныя земства, которыя, въ лицѣ либеральнѣйшихъ своихъ членовъ, непрестанно потрясали воздухъ возгласами о своей политической состоятельности для рѣшенія высшихъ государственныхъ политическихъ задачъ и правоспособности служить представителями земскихъ интересовъ и земской мысли. Мы съ самаго начала нашего изданія отрицали эту правоспособность, доказывали, что земство наше не пользуется никакимъ авторитетомъ у народа, и совѣтовали земству вмѣсто того, чтобы лѣзть и тянуться вверхъ, пускать корни въ глубь. Конечно, мы подверглись за это лишь новому залпу брани; къ сожалѣнію, однако, послѣдствія экзамена только оправдали наши печальныя предсказанія. Какъ отнеслось большинство земствъ къ заданной имъ работѣ, уже извѣстно; матеріалъ доставленный ими въ коммиссію статсъ-секретаря Каханова, какъ о томъ извѣщалось даже въ газетахъ, большею частью плохаго качества, и разобраться въ немъ не легко. Казалось бы, отъ кого же, какъ не отъ всесословнаго земства ожидать вѣрнаго знанія мѣстныхъ народныхъ интересовъ, точнаго указанія мѣстныхъ нуждъ и потребностей относительно управленія? И такое предположеніе тѣмъ болѣе казалось правдоподобнымъ, что отъ земствъ не переставали исходить притязанія — взяться за наилучшее устройство, не то что какого-нибудь тамъ уѣзда, но цѣлаго государства! Форма призыва «свѣдущихъ людей» по назначенію отъ правительства подверглась осужденію, даже довольно рѣзкому, со стороны наиболѣе «либеральныхъ» земствъ, ибо, по мнѣнію ихъ, единственными представителями земскихъ интересовъ, потребностей и желаній могутъ быть лишь лица, избранныя самими земствами изъ своей среды. А между тѣмъ теперь не только корифеи и Несторы земскихъ учрежденій, но и сама газета «Земство» прямо сознается и утверждаетъ, что по вопросу объ устройствѣ уѣзда земства, въ настоящемъ ихъ видѣ, оказались несостоятельными, и что въ настоящее время избранники земствъ не могутъ быть признаны вѣрными представителями и истолкователями общественной мысли! Однимъ словомъ, обѣими руками расписываются въ томъ, что̀ выражала, еще какъ предположеніе, газета «Русь» и противъ чего они такъ яростно ратовали! Въ газетѣ «Земство», какъ мы уже сообщили, изложенъ даже проектъ особыхъ губернскихъ комитетовъ, составленныхъ изъ нарочито-избранныхъ представителей отъ разныхъ сословій безъ всякаго участія земствъ, для разрѣшенія вопроса объ уѣздѣ. Съ этого, можетъ-быть, и слѣдовало бы начать; — мы и сами на это въ свое время указывали, — но спрашивается: развѣ не всѣ уѣздныя сословія имѣютъ въ земскомъ собраніи своихъ представителей? Къ чему же тогда земское всесословное «представительство», какъ скоро оно не «представляетъ» интересовъ уѣздныхъ сословій, въ ихъ взаимномъ общемъ соприкосновеніи?

Мы впрочемъ нѣсколько снисходительнѣе относимся къ нашимъ земствамъ, чѣмъ газета «Земство», и полагаемъ, что одною изъ главныхъ причинъ ея неудовольствія на земскія собранія — неудача, постигшая во многихъ губерніяхъ излюбленный ею проектъ всесословной волости, который у «либеральной печати» пошелъ почему-то за либеральный. Между гласными земскихъ собраній не мало людей вполнѣ дѣльныхъ, вполнѣ земскихъ, но, независимо отъ органическихъ недостатковъ въ способѣ выборовъ и въ самой формѣ нашихъ настоящихъ уѣздныхъ и губернскихъ *парламентовъ*, дѣятельность ихъ парализуется большинствомъ, сбитымъ съ толку либо искренними «либеральными» недоразумѣніями, либо модными притязаніями на «либерализмъ», — безъ всякаго отношенія къ его практической сути. Странное дѣло: люди, кажется, имѣютъ полную возможность знать и вѣдать мѣстную жизнь во всей ея правдѣ, но и слыша не слышатъ и видя не видятъ, благодаря предвзятымъ мнѣніямъ, доктринерскимъ конькамъ, на которыхъ ихъ посадили чуть ли еще не въ школѣ,—благодаря страху прослыть ретроградами или наконецъ страстному желанію попасть въ передовые, въ мужи прогресса, и если не въ генералы, то хоть въ прапорщики, въ статисты «либерализма». Людей вполнѣ серьезныхъ въ нашемъ такъ-называемомъ либеральномъ лагерѣ очень мало, т. е. людей зрѣлыхъ, которые бы совершенно безпристрастно, объективно относились къ потребностямъ народнымъ, къ условіямъ настоящей, не фантастической жизни, которые бы способны были уразумѣть требованія правды, требованія простаго здраваго смысла и уважить ихъ, хотя бы и въ ущербъ взлелѣяннымъ ими въ себѣ вожделѣніямъ отвлеченной доктрины. Отрѣшась отъ народной основы, не поучаясь уроками, не воспитываясь опытомъ дѣйствительности, они осуждаютъ себя на вѣчную недозрѣлость! Нельзя безъ прискорбія присутствовать при печальномъ зрѣлищѣ, какъ значительная масса нашей интеллигенціи, соскочивъ съ реальной, національной почвы, болтается ногами по воздуху, продѣлываетъ, Богъ знаетъ для чего, разныя либеральныя диковинныя *антраша*, а иногда, въ лицѣ нѣкоторыхъ, и такія salto-mortale, которыя въ самомъ дѣлѣ кончаются гибелью...

Покойный Достоевскій въ предсмертномъ № «Дневника Писателя» сказалъ нѣсколько словъ о необходимости *опросить* народъ на счетъ наилучшаго устройства мѣстнаго, соприкасающагося съ нимъ управленія,—пояснивъ притомъ, что этотъ опросъ долженъ быть сдѣланъ умѣло, не ради только «опроса», но ради дознанія искренней мысли народной. Несмотря на эту оговорку, слова Достоевскаго были встрѣчены съ сочувствіемъ всею нашею, въ томъ числѣ и «либеральною» прессой. Принципъ «народнаго опроса» былъ привѣтствованъ и ею, какъ безъ сомнѣнія самый либеральный и демократическій. Оказывается однако, что нашъ «либеральный» лагерь въ сущности вовсе не желаетъ этого опроса, и если готовъ его допустить, то ради лишь формы, застраховавъ себя при этомъ отъ всѣхъ возможныхъ послѣдствій отповѣди народной. Наши мнимые «демократы» и мнимые «либералы» начинаютъ соображать, что мнѣніе Русскаго народа, чего добраго, выскажется совершенно несогласно со многими догматами ихъ либеральнаго символа вѣры. Въ предвидѣніи такого результата, они, замѣтно струсивъ, уже заранѣе запасаются разными либеральными формулами, помощью которыхъ можно было бы вмѣнить голосъ народный ни во что. Такъ сначала попробовали утверждать, что «въ сферѣ идей политическихъ и нравственныхъ у Русскаго народа никакой самобытности нѣтъ и никогда не бывало»—изъ чего, конечно, выводъ одинъ: съ мнѣніемъ такого народа, кромѣ развѣ вопросовъ чисто экономическаго свойства. не зачѣмъ и справляться. Однакожъ на подобномъ, слишкомъ ужъ неосмысленномъ основаніи держаться долго было нельзя, и оно, кажется, уже оставлено. Теперь въ ходу другой тезисъ: «народное направленіе представляетъ опасность для русской цивилизаціи»... «Народное направленіе алчетъ принести народу въ жертву интересы интеллигенціи!» Такимъ образомъ представители этой струсившей интеллигенціи (ибо есть интеллигенція, которая для интересовъ просвѣщенія и общественнаго развитія никакой опасности отъ народнаго направленія не боится) сами признаютъ, что подразумѣваемые ими «интересы интеллигенціи» находятся въ прямомъ противорѣчіи съ воззрѣніями и интересами народными. Какіе же это интересы? Вѣдь не объ интересахъ науки знанія, литературы, искусства можетъ идти здѣсь рѣчь, такъ какъ имъ ничто не грозитъ и не о нихъ желательно и назидательно знать народное мнѣніе. Очевидно, что дѣло идетъ объ идеалахъ инаго, болѣе или менѣе политическаго свойства. Нѣкто г. Модестовъ («Голосъ № 82) такъ ужъ прямо и вопитъ, что «наши націоналисты (vulgo славянофилы)» требуютъ «угнетенія *меньшинства* большинствомъ»... Г. Модестовъ предпочитаетъ, конечно, угнетеніе *большинства* меньшинствомъ и принесеніе *народа* въ жертву «интересамъ интеллигенціи!» Мы это давно знали и давно обличали нашихъ «либераловъ» въ деспотической похоти, въ несбыточномъ замыслѣ: владычествовать безгранично, самодержавно, посредствомъ извѣстнаго «правоваго порядка», надъ народомъ во имя народа! Каково же положеніе было бы нашей великой страны, нашего многомилліоннаго народа—поставленнаго въ зависимость отъ подобной интеллигенціи, которая, отрицая десять вѣковъ народной исторической жизни, его политическія и нравственныя основы, слѣдовательно отнимая у народа изъ-подъ ногъ самую почву, на которой зиждется нашъ народно-государственный строй, сама лишена всякой реальной почвы, сама то и дѣло слоняется по всѣмъ вѣтрамъ, дующимъ съ запада, мѣняетъ доктрины какъ модныя платья, на побѣгушкахъ за всѣми «послѣдними словами науки», пустопорожня отъ всякихъ собственныхъ національныхъ идеаловъ, лишена всякой органической творческой силы?! Но нашъ народъ не флюгеръ, не страдательный матеріалъ, а крѣпкій, живой, самостоятельный историческій организмъ, и спасетъ не только Россію, въ случаѣ если бы гг. Модестовы взяли какъ-нибудь верхъ, но и нашу интеллигенцію,— ту, которой все злополучное скудоуміе именно оттого и происходитъ, что она не допрашиваетъ духа жизни, сокрытаго и въ старинѣ, и въ настоящемъ Русскаго народа....

Но возвратимся къ коммиссіи статсъ-секретаря Каханова. Мы увѣрены, что члены ея не одержимы никакими предвзятыми доктринами и ищутъ только правды. Конечно, не въ средѣ такъ-называемой «либеральной» интеллигенціи можно ее найти, да и вообще не въ Петербургѣ, и совѣтъ Достоевскаго подсказывается самъ собою. Еслибъ члены коммиссіи пожили лѣтомъ простыми смертными въ деревняхъ гдѣ-нибудь въ глуши Россіи, порасспросили народъ, познакомились съ жизнью уѣзда на мѣстѣ,—многіе вопросы стали бы имъ вполнѣ ясны, многія задачи вполнѣ бы упростились, и дѣйствительно-потребное выступило бы предъ ними во всей своей жизненной истинѣ...

На дняхъ пришлось намъ бесѣдовать съ однимъ очень умнымъ и почтеннымъ крестьяниномъ Орловской губ., гласнымъ въ уѣздномъ земскомъ собраніи. Онъ описывалъ положеніе крестьянскаго экономическаго и нравственнаго быта самыми мрачными красками, очень сходно съ письмомъ крестьянина, напечатаннымъ въ мартовской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ», и усматривалъ главное зло почти въ томъ же, въ чемъ и онъ, въ чемъ указывали его и саратовскій гласный Кузнецовъ (если не ошибаемся), и другіе гласные изъ крестьянъ, голоса которыхъ однако-же были и остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Глухими пребыли къ нимъ наши неисправимые «либералы»... «Нѣтъ власти», «нѣтъ *показателя пути* на мѣстѣ, около сельскаго народа»—вотъ къ чему сводятся рѣчи названныхъ нами крестьянъ. «У насъ двадцать начальствъ, а *власти* нѣтъ», пояснялъ намъ орловскій мужикъ: «намъ нужна власть *отъ короны*, или отъ Царя, а не отъ земства» (которое не пользуется въ томъ краю никакимъ авторитетомъ),—«ну вотъ какъ были мировые посредники». Время мировыхъ посредниковъ, по словамъ крестьянина, вспоминается теперь съ благословеніемъ. Очевидно, что мировой посредникъ представлялся народу надѣленнымъ властью отъ самого Царя; впрочемъ такое же представленіе имѣютъ они и о мировыхъ судьяхъ настоящаго времени, хотя послѣдніе и избираются земствомъ. По мнѣнію Горбачева (такъ звали этого крестьянина), мировой посредникъ или лицо, облеченное властью, должно наблюдать не только за должностными лицами крестьянскаго управленія, но и подавать крестьянамъ совѣтъ и назиданіе въ дѣлѣ семейныхъ раздѣловъ, въ дѣлѣ хозяйства, однимъ словомъ—оказывать *властную заботу* о крестьянскомъ благосостояніи и благонравіи. Такого же назидателя или «показателя пути» требуетъ, молитъ съ воплемъ и крестьянинъ «Отеч. Записокъ». Именно этой властной заботы, совѣта и назиданія желаетъ себѣ народъ; таковъ для него идеалъ власти: «нашъ народъ не загрубѣлый, съ нимъ можно управляться и безъ побоевъ и штрафовъ», увѣрялъ Горбачевъ. Противъ «палки и кнута» сильно выражается въ своемъ напечатанномъ письмѣ и другой крестьянинъ (за что похваленъ «Отеч. Записками»), тотъ самый, который требуетъ «показателя пути» (за что̀ «Отеч. Записки» сдѣлали ему выговоръ). О всесословной волости никто изъ крестьянъ и не поминаетъ, да она очевидно и не вмѣщается въ ихъ понятіяхъ; напротивъ, они хотятъ сохранить свое крестьянское самоуправленіе во всей его отдѣльности, и для того именно, чтобъ удержать, признаютъ нужнымъ его поддержать помощію авторитета *царской*, т. е. *не сословной* и не только *земской* власти. Орловскій крестьянинъ находитъ между прочимъ, что было бы вполнѣ полезно: волость сократить до размѣра прихода и пріурочить совсѣмъ къ приходу (оставляя міръ и старосту въ каждой деревнѣ): «оно потому лучше, что прихожане другъ друга знаютъ, для всякаго выбора способнѣе, въ приходѣ и безъ того по праздникамъ сходятся, — да лучше и потому, что гораздо дешевле управленіе станетъ: тутъ же и дьячекъ есть грамотей, вмѣсто писаря»...

По вкусу ли намъ или не по вкусу такая потребность народа въ живой, показующей ему путь, единоличной власти, — мы все же обязаны отнестись съ полнымъ, строгимъ вниманіемъ къ этому народному заявленію. «Русь», какъ извѣстно читателямъ, постоянно указывала на необходимость возобновленія института мировыхъ посредниковъ, хотя бы подъ другимъ названіемъ и въ другой формѣ, хотя бы чрезъ облеченіе мировыхъ судей властью административною, кромѣ судебной. Никакихъ дѣльныхъ возраженій намъ высказано не было, кромѣ возгласовъ, что мы-де хотимъ «отдать крестьянъ подъ опеку», «закрѣпостить ихъ снова мѣстнымъ землевладѣльцамъ», и т. д. Но вотъ и сами крестьяне нежданно подтверждаютъ мнѣніе «Руси». Какъ тутъ быть? Публицистъ «Отеч. Записокъ», напечатавшій письмо крестьянина, спѣшитъ заявить себя несогласнымъ съ его «упорно-кацапскими (?) взглядами», а фельетонистъ «Голоса» (№ 79), нѣкій г. Арс. Введенскій, старается истолковать требованіе крестьянина о «показателѣ пути» по своему и указываетъ намъ на жесткій, хотя и заслуженный, къ несчастію, его отзывъ о *бывшихъ помѣщикахъ*! Однакожъ извѣстно, что званіе землевладѣльца нисколько не помѣшало мировымъ посредникамъ, особенно перваго призыва, заслужить полное, самое искреннее сочувствіе крестьянъ. Опросите народъ, и кромѣ отдѣльныхъ, исключительныхъ случаевъ, вы услышите отъ него только благодарное слово, вмѣстѣ съ сожалѣніемъ объ уничтоженіи этого учрежденія.

Мы уже однажды объясняли и повторимъ вкратцѣ опять, что по нашему мнѣнію — весь ходъ русскаго историческаго развитія выработалъ два существенныя соціальныя, экономическія, бытовыя и гражданскія или въ извѣстномъ смыслѣ политическія начала, которыя, какъ двѣ струи, протекаютъ сквозь всю нашу жизнь: начало *общественное*, мірское, хоровое, соборное и начало *личное*. Эти начала нашли себѣ самое яркое выраженіе, прежде всего, въ двухъ видахъ поземельнаго владѣнія: общинномъ и личномъ, — чѣмъ въ свою очередь обусловливалось различіе и въ быту, и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Народъ, въ тѣсномъ значеніи слова, простой народъ, не мыслимъ безъ *міра* или мірскаго самоуправленія, принципъ котораго проникъ все его нравственное бытіе, воспиталъ его исторически и заключаетъ въ себѣ залогъ не только государственной устойчивости, но и высшаго общественнаго развитія въ духѣ соборномъ, въ духѣ нравственнаго единства. Эта общественность живетъ въ нашемъ простомъ народѣ какъ бы на степени органической стихіи— и составляетъ неотъемлемый удѣлъ той части населенія, которая называлась встарину *земщиной*. Всѣ попытки русскихъ царей основать внутренній строй управленія на земщинѣ— рушились за неимѣніемъ у земщины личныхъ, достаточно интеллигентныхъ или просвѣщенныхъ грамотностью и знаніемъ силъ. — Въ противоположность земщинѣ, остальное населеніе дробилось на единицы, которыя могли слагаться и слагались въ разные виды совокупности, но совокупность эта не представляла никогда органической цѣльности: ничего подобнаго мірскому устройству и вообще внутреннему самоуправленію не было въ сословіи служиломъ, или, по позднѣйшему выраженію, сословіи личныхъ землевладѣльцевъ, дворянъ и разночинцевъ. Организація и формы самоуправленія, данныя Екатериною, были чисто искусственны, корней не пустили и никакого сословнаго крѣпкаго организма, никакой прочной корпораціи не создали. Крѣпостное право воздвиглось какъ стѣна между этими двумя элементами русской жизни и обезсилило ихъ взаимно. Только по уничтоженіи крѣпостнаго права сталъ возможенъ истинный земскій строй русскаго государства, или иначе гармоническій союзъ обоихъ началъ: *общественнаго* (мірскаго, соборнаго) и *личнаго*. Оба начала имѣютъ важный смыслъ въ психологіи народной и служатъ факторами прогресса нашей страны. Личному началу принадлежитъ по преимуществу починъ, сила двигательная; началу мірскому — сила сдерживающая, контролирующая, отвергающая или претворяющая въ жизнь принимаемое извнѣ. Русскій народъ вполнѣ понимаетъ великое значеніе начала *личнаго* — въ союзѣ любви, въ единеніи духа съ началомъ *общественнымъ*, соборнымъ. Этимъ объясняется и сознательная любовь народа къ учрежденію верховной единоличной власти, и его желаніе имѣть около себя ближайшаго представителя этой власти — «показателя пути»: а пойдетъ по пути (если таковой дѣйствительно годенъ) онъ самъ своими ногами, *о себѣ*, по древнему выраженію. Тащить его будетъ не нужно. Затѣмъ, будетъ ли этотъ «показатель» изъ личныхъ землевладѣльцевъ или нѣтъ, народу все равно, только бы онъ являлся предъ народомъ не какъ представитель именно *сословный*, отъ *сословія* получающій власть, и не какъ представитель *только* земства, но и какъ надѣленный полномочіемъ отъ Царя, свыше. Тѣмъ лучше, если онъ и самъ землевладѣлецъ, имѣетъ свою осѣдлость и свой кусокъ хлѣба, а не наймитъ-чиновникъ. Бывшіе мировые посредники и настоящіе мировые судьи, повторяемъ, всѣ изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ,—но какъ облеченные властью свыше, они пользовались и пользуются полнымъ народнымъ довѣріемъ.

Во всякомъ случаѣ указанное нами заявленіе, исходящее изъ нѣдръ самого народа, заслуживаетъ полнаго вниманія коммиссіи статсъ-секретаря Каханова, — равномѣрно заслуживаютъ вниманія, по своей несостоятельности, и доводы противъ такого заявленія, исходящіе изъ среды остроумныхъ мыслителей нашего либеральнаго лагеря. Мировыхъ посредниковъ или «показателей пути» изъ среды личныхъ землевладѣльцевъ вовсе не нужно, утверждаютъ они, а нужно, вмѣсто всего этого, пустить въ народъ «интеллигенцію!» Ибо, поясняетъ фельетонистъ «Голоса», г. Введенскій, «истинная интеллигенція была выжита изъ деревни... Если являлся близь народа человѣкъ, говорившій ему объ его правахъ», такого человѣка выгоняли! Вмѣсто личныхъ землевладѣльцевъ, возглашаетъ онъ, пусть «придетъ туда интеллигенція одухотворенная *гуманизмомъ человѣчества*» (??!), и тогда «настанетъ царство права, вмѣсто произвола, и не исправникъ, а разумъ, свобода и широкая гласность воцарятся въ селахъ и деревняхъ, и народолюбцамъ (т. е. славянофиламъ) *не видать вліянія* на народъ!» Если въ лицѣ г. Введенскаго мы должны видѣть образчикъ «интеллигенціи», которою предлагается облагодѣтельствовать народъ, то надо надѣяться, что такихъ людей коммиссія постарается именно не допустить до народа— просто за одну ихъ безграмотность, за одинъ этотъ «гуманизмъ человѣчества!» И далось же этимъ господамъ слово «интеллигенція!» Въ томъ же фельетонѣ, громящемъ личныхъ землевладѣльцевъ, авторъ восторгается г. Щедринымъ, псевдонимомъ М. Е. Салтыкова, который не только дворянинъ (и очень стариннаго рода), но—увы!—и землевладѣлецъ. По разсужденію г. Введенскаго выходитъ, что г. Щедринъ—интеллигенція, а г. Салтыковъ—вовсе не интеллигенція!.. И такихъ-то умниковъ у насъ легіонъ, и они-то составляютъ даже цѣлую «либеральную партію», съ которой петербургская бюрократія признаетъ нужнымъ считаться!

Сбыточна ли у насъ мечта о „дворянской эрѣ“?

«Русь» 1883 г.

Когда, по поводу Высочайшихъ словъ сказанныхъ волостнымъ старшинамъ и нѣкоторыхъ милостей оказанныхъ дворянству, не имѣющихъ ни тѣни политическаго значенія, нашлись охотники придать этимъ словамъ и этимъ милостямъ лживое истолкованіе въ смыслѣ какой-то новой начинающейся дворянской эры, какого-то торжества «дворянскаго принципа»,—мы тогда же выразили мнѣніе, что никакихъ дурныхъ послѣдствій отъ подобнаго лживаго истолкованія собственно для коренныхъ русскихъ губерній опасаться нечего. До такой степени подобныя корпоративныя «аристократическія» вожделѣнія, навѣваемыя съ чужи, лишены у насъ всякой бытовой, жизненной основы, всякихъ корней въ глубинѣ духа самого русскаго дворянства, что представляются по истинѣ хотя и малосмысленною, но вполнѣ безвредною забавою, и не замедлятъ сами собою улетучиться какъ дымъ, лопнуть какъ мыльные пузыри. Нельзя безъ улыбки слышать противопоставленія «дворянства» «земству», когда главная движущая сила въ земствѣ тѣ же дворяне,—но не какъ корпорація, сочиненная Екатериною, а какъ мѣстные землевладѣльцы, какъ земскіе люди, какъ представители просвѣщенія, работающіе на пользу мѣстнаго населенія въ союзѣ со всѣми мѣстными интеллигентными силами и свѣдущими людьми. Медвѣжью услугу дворянству оказываетъ тотъ, кто мыслитъ выдѣлить формальнымъ образомъ дворянъ изъ земства, ограничить ихъ значеніемъ корпораціи, замкнуть ихъ въ нее, облечь ее привилегіей власти, какъ въ былыя времена крѣпостнаго права, и затѣмъ, вызвавъ такія, не совсѣмъ славныя воспоминанія, предпоставить эту корпорацію населенію въ качествѣ оффиціальной благодѣтельницы, обязательно изливающей съ высоты, въ силу дворянскаго достоинства, блага своей мудрости и административнаго искусства на обязательно воспринимающее оныя населеніе!.. Это значило бы породить антагонизмъ между дворянствомъ и прочими сословіями, котораго теперь *положительно не существуетъ*, по крайней мѣрѣ въ уѣздахъ (о городахъ—рѣчь особая). Если гдѣ и существуетъ острая вражда среди крестьянскаго населенія, то не къ дворянамъ, какъ дворянамъ, а къ дворянамъ ли, не дворянамъ ли—землевладѣльцамъ одержимымъ русскимъ духомъ кулачества, или англійскимъ духомъ—ландлордовъ. Послѣднихъ, повидимому, нельзя бы и сравнивать съ такъ-называемыми «кулаками», но кулачество, какъ оно ни разорительно, ни ненавистно для крестьянъ, все же понятнѣе имъ: это зло доморощенное, свое, знакомое явленіе грубой, бездушной корысти. Русскіе же ландлорды, перенося на русскую историческую почву возрѣнія и пріемы изъ чужой земли, сложившіеся подъ воздѣйствіемъ иной исторіи и культуры, въ своемъ раболѣпно-подражательномъ усердіи становятся обыкновенно plus anglais que les Anglais, придирчивѣе и мелочнѣе, чѣмъ самые ихъ англійскіе образцы, и съ лютымъ педантизмомъ (который и безъ лютости всего болѣе претитъ русской натурѣ) ограждаютъ «священныя права собственности». Права собственности, разумѣется, неприкосновенны, но характеръ пользованія этими правами иной, напримѣръ, въ Англіи, гдѣ землевладѣлецъ словно *завоеватель* въ чужой странѣ. Да таковъ онъ и есть по происхожденію; такой отпечатокъ лежитъ тамъ на землевладѣніи и теперь, именно отпечатокъ аггрессивности съ одной стороны и глухой ненависти съ другой. Тѣ добрыя *сосѣдскія*, *равноправныя* отношенія, которыя возможны въ Россіи между помѣщиками и крестьянами, которыя и существуютъ въ большей части мѣстъ, не мыслимы въ странѣ ландлордовъ. Поэтому и внесеніе къ намъ нѣкоторыми «крупными поземельными собственниками» понятій и пріемовъ ландлордовъ-завоевателей представляется

Русскому народу какимъ-то ненавистнымъ нашествіемъ *иноплеменничества*, едвали не болѣе ненавистнымъ чѣмъ кулачество... Особенно ненавистно оно, когда управляющіе русскихъ ландлордовъ—Нѣмцы или вообще иностранцы, одержимые демономъ легальности или правоваго порядка и волочащіе русскаго мужика въ рабочую пору, за каждую потраву курицей учиненную, подъ судъ, нерѣдко за полсотню и болѣе верстъ, даже хотя бы мужикъ готовъ былъ добровольно тутъ же, безъ суда, уплатить штрафъ, всего въ какихъ-нибудь три двугривенныхъ. Мы это видали въ С. губерніи. Нѣтъ людей опаснѣе для нашего внутренняго земскаго мира, какъ именно гг. помѣщики—ни съ того ни съ сего возмнившіе себя завоевателями въ родной странѣ или ландлордами: они-то и мечтаютъ о «дворянской эрѣ»,—но къ счастію, такихъ ландлордовъ у насъ немного. И наоборотъ: если живетъ въ уѣздѣ землевладѣлецъ дворянинъ — человѣкъ *не казенный*, *независимый*, разумный, справедливый, думающій и чувствующій по-*русски*, знающій и понимающій крестьянскія нужды, и притомъ доступный и добрый, то значеніе его въ уѣздѣ и между крестьянами огромное, и со всѣхъ сторонъ стекаются къ нему крестьяне за совѣтомъ, за судомъ, безъ всякаго принужденія, безъ возглашенія какой-то новой «дворянской эры» и безъ возведенія дворянской корпораціи въ какое-то новое, небывалое политическое значеніе. Повторяемъ, ни слѣда антагонизма между народомъ и дворянами не имѣется тамъ, гдѣ сами дворяне умѣютъ внушить къ себѣ сочувствіе и довѣріе,—а гдѣ они своимъ образомъ дѣйствій ни сочувствія, ни довѣрія къ себѣ не вселяютъ, тамъ никакими внѣшними, законодательными мѣрами этому горю не поможешь.

Никакого «дворянскаго вопроса» у насъ въ Россіи не существуетъ, и ничего нѣтъ въ современной нашей жизни такого, что подавало бы даже поводъ возбуждать подобный вопросъ; нѣтъ никакой такой нужды, которая бы могла найти себѣ удовлетвореніе въ искусственномъ созданіи болѣе сильной и крѣпкой дворянской корпораціи, нежели какая влачитъ свое бытіе понынѣ, послѣ своего столѣтняго, нисколько не знаменитаго прошлаго. Разумѣемъ здѣсь прошлое не дворянъ вообще, а именно дворянъ *какъ организованной корпораціи*.

Надобно строго различать эти два понятія: дворяне, или пожалуй дворянство, какъ общественная группа или классъ, какъ бытовое, историческое явленіе, несомнѣнно существующее и имѣющее вполнѣ естественное (вовсе не въ силу внѣшняго закона) право на существованіе, связанное, словно жилами, со всѣмъ историческимъ бытіемъ Русскаго государства, съ его развитіемъ политическимъ и духовнымъ въ самомъ широкомъ смыслѣ послѣдняго слова,—и дворянство въ смыслѣ привилегированнаго, душевладѣльческаго *сословія*, получившаго при Екатеринѣ свою организацію—съ мундиромъ, грамотою и широчайшими правами мѣстнаго самоуправленія. Сто лѣтъ пользовалась Россійская дворянская корпорація этими правами, но даже ни у одного русскаго ландлорда не достанетъ духу помянуть добромъ это столѣтнее пользованіе. Въ качествѣ душевладѣльческой корпораціи, дворянство не дало народу ни воспитанія, ни образованія, даже не пріучило его къ лучшимъ формамъ хозяйства. Отъ него, отъ корпораціи, зависѣли и судъ, и полиція; изъ среды дворянства назначались имъ самимъ судьи, даже предсѣдатели высшихъ, кромѣ Сената, судебныхъ инстанцій, т. е. палатъ уголовныхъ и гражданскихъ, наконецъ земскіе суды, исправники, становые... Но эти судьи, эти засѣдатели, эти исправники... По истинѣ позорное воспоминаніе! Назначеніе впослѣдствіи въ палаты, въ качествѣ «товарищей предсѣдателя», членовъ отъ *короны* было настоящимъ благодѣяніемъ. «Дворянскіе выборы»?.. но вѣдь это была только благодарная тема для комедій. Дворянскія жертвы во время Отечественной войны?.. Но немножко стыдно вспоминать, какъ въ 1812 г. поставлялись въ заслугу дворянству эти жертвы чужою кровью и жизнью, т. е. «предоставленіе въ рекруты чуть не десятаго изъ крѣпостныхъ крестьянъ»!.. Денежныя же пожертвованія прочихъ сословій были гораздо значительнѣе дворянскихъ.

А между тѣмъ несомнѣнно, что эти самые дворяне, которые *какъ корпорація* не умѣли пользоваться своими правами и служить своей странѣ,—они-то именно, каждый порознь или въ свободной, естественной совокупности, какъ наиболѣе просвѣщенный общественный слой,—они-то и были самыми ревностными и доблестными борцами за отечество и въ 1812 г., и во всѣхъ, во всѣхъ испытаніяхъ, ниспосылаемыхъ Россіи. Они-то и двигали впередъ и мысль, и науку, и знаніе, и искусства, и литературу, въ исторіи коихъ найдется относительно немного именъ не-дворянскихъ; они-то всего болѣе и содѣйствовали какъ освобожденію крестьянъ, такъ и упраздненію своихъ собственныхъ сословныхъ дворянскихъ привилегій, или же распространенію ихъ на всѣхъ! Велика заслуга этого общественнаго класса передъ Россіей, и народъ этой заслуги не забываетъ и не забудетъ. Мы говоримъ—*класса*, а не сословія въ смыслѣ искусственной сословной организаціи; разумѣемъ здѣсь явленіе бытовое, соціальное, которое, не имѣя теперь ни малѣйшихъ *юридическихъ* преимуществъ предъ прочими общественными группами, не можетъ оскорблять никого тѣми преимуществами нравственнаго порядка, какія даетъ или болѣе утонченное, преемственно воспринятое образованіе, или доброе родовитое имя, или запасъ хорошихъ семейныхъ или родовыхъ преданій. Тѣмъ болѣе, что эти ряды дворянства постоянно пополняются людьми новыми изъ группъ поставленныхъ ниже— не въ юридическомъ, а въ бытовомъ отношеніи. Двери этой общественной, такъ-называемой дворянской группы открыты настежь всѣмъ, кто возвышается до общаго съ ней уровня образованія, такъ что и не различишь: кто тутъ «дворянинъ», членъ корпораціи, кто нѣтъ. Наше среднее дворянство исполнило у насъ въ нѣкоторомъ родѣ ту же историческую роль, что̀ на Западѣ — tiers-état или среднее сословіе, но только добрую сторону роли, — безъ мятежей и сословной вражды: поднимая до себя, включая въ свой кругъ массы людей снизу, оно можетъ-быть тѣмъ самымъ помѣшало до сихъ поръ образованію у насъ западной *буржуазіи*, въ ея худомъ смыслѣ.

Спрашивается: приходило ли кому изъ столбовыхъ или родовыхъ дворянъ когда-либо въ голову опредѣлять кругъ своихъ близкихъ знакомыхъ справкою о родословной или выписями изъ шести частей дворянской книги? Конечно нѣтъ. Развѣ университетскій дипломъ въ общественномъ сознаніи, да и у самихъ дворянъ, не стоитъ выше всякаго дворянскаго патента? Въ природѣ русскаго человѣка вообще нѣтъ той нравственной сословной узкости, безъ которой немыслимъ истинный корпоративный духъ, и никакими насильственными или искусственными способами не ввести въ наши нравы, напримѣръ, понятія о *столоспособности*, Tafelfähigkeit (т. е. правѣ обѣдать за однимъ столомъ), которое въ такомъ ходу до сихъ поръ, несмотря на революціи и конституціи, при дворахъ Западной Европы и даже у германскихъ или англійскихъ аристократовъ.

Нѣтъ спора однакоже, что въ старину, въ древней Руси, шло колебаніе или, вѣрнѣе сказать, шла борьба, и довольно сильная, родоваго аристократическаго начала съ государственнымъ началомъ верховнаго единовластія. Генеалогическій принципъ, существеннѣйшая основа аристократизма вообще, а на Западѣ въ особенности, долженъ былъ смириться у насъ предъ принципомъ служебнаго старѣйшинства: стали считаться не древностью рода, а служебными его заслугами, служебными мѣстами предковъ,—*мѣстничаться*. Нѣтъ древнѣе, чистокровнѣе аристократовъ во всемъ мірѣ, какъ наши Рюриковичи (изъ коихъ большинство даже этого и не подозрѣваетъ!), и однако-же, во времена мѣстничества, Салтыковы, Шереметевы стояли выше многихъ князей Рюрикова рода, старѣйшихъ по происхожденію. То, что̀ мы называемъ теперь «дворянствомъ», въ смыслѣ noblesse, Adel, было при Московскихъ царяхъ *служилымъ сословіемъ*, съ обязательною повинностью службы государству,—а «дворяниномъ» назывался лишь одинъ изъ служилыхъ чиновъ, средній, и самый многочисленный. Родовая спѣсь, вмѣстѣ съ служилымъ значеніемъ боярства, подали было боярщинѣ поводъ къ разнымъ олигархическимъ поползновеніямъ, но казни Іоанна Грознаго, выдвинувшаго начало *земли* («всей земли Московскаго государства»), да народные мятежи сокрушили эти затѣи... Съ уничтоженіемъ мѣстничества и подъ вліяніемъ польскихъ обычаевъ и понятій, тогда весьма сильнымъ, казалось уже готовилось образованіе «благороднаго» сословія въ смыслѣ западно-европейскомъ. Обратились снова къ принципу генеалогическому, — составлена была книга старинныхъ родовъ. Но названія этому сословію, по прежнему обязанному пожизненной службой, еще пріискано не было. Хотя Петръ Великій не прочь былъ повидимому пересадить къ себѣ сословную организацію Западной Европы и пытался ввести въ

Россію и маіораты, и наименованіе «*шляхетскаго* корпуса», но онъ самъ же подорвалъ значеніе этого новаго «шляхетскаго сословія»—своею табелью о рангахъ, открывъ широкій, свободный въ это сословіе доступъ людямъ безроднымъ, низшихъ состояній — цѣною служебныхъ, даже весьма не высокихъ заслугъ. Принципъ «благородства», или родовитости, принципъ генеалогическій былъ такимъ образомъ de facto упраздненъ для вновь образуемаго «благороднаго» сословія. Петръ III упраздняетъ затѣмъ и другой принципъ—служилый, т. е. обязательной службы государству, даровавъ пресловутую «вольность дворянства», а вслѣдъ за симъ Екатерина II утверждаетъ закономъ за этимъ раскрѣпощеннымъ отъ государства сословіемъ общее наименованіе «дворянства» и даетъ ему извѣстную организацію вмѣстѣ съ исключительною привилегіею душевладѣльчества. Такимъ образомъ трудно и опредѣлить—какой принципъ положенъ въ основаніе организаціи Русскаго дворянства: это не принципъ родовитости, потому что всякій солдатъ, бывшій крѣпостной, дослужившись офицерскаго чина, становился ipso facto такимъ же потомственнымъ, равноправнымъ дворяниномъ, какъ и его господинъ; это и не принципъ служебнаго старѣйшинства, потому что заслуги на службѣ и чины не предоставляли уже потомъ никакого особеннаго преимущества внутри дворянской корпораціи, разъ кто, въ силу своего извѣстнаго чина, угодилъ въ дворяне. Это была организація сословная, но совершенно своеобразная, не замкнутая, доступная всѣмъ движущимся путемъ іерархической лѣстницы или табели о рангахъ. Отличительнымъ же признакомъ, существенною привилегіей и источникомъ бытовой, матеріальной и политической силы этого сословія было владѣніе населенными имѣніями. Ему, раскрѣпощенному отъ государства, была закрѣпощена бо́льшая часть сельскаго населенія, но такая привилегія была въ сущности для дворянства лишь новымъ прикрѣпощеніемъ, такъ какъ душевладѣльчество было не мыслимо безъ могучей поддержки правительства и ставило дворянъ въ полную отъ послѣдняго зависимость. За то и дворяне, по выраженію Екатерины II, были тою сотнею тысячъ мѣстныхъ полицеймейстеровъ, которые упрочивали миръ и тишину внутри государства, а съ своей стороны служили опорою петербургскому правительственному строю. Крѣпостное право стало такимъ образомъ краеугольнымъ камнемъ дворянской корпоративной организаціи.

Не станемъ осуждать пóпусту наше прошлое. Все это былъ процессъ сложенія и сплоченія нашего громаднаго общественнаго и государственнаго тѣла. Не столько въ качествѣ полицеймейстеровъ, сколько въ качествѣ людей обезпеченныхъ, дворяне, какъ мы уже сказали, сослужили свою службу Россіи, хотя вовсе не какъ корпорація, и не на поприщѣ мѣстнаго самоуправленія. Пришло время—и сами дворяне сдвинули камень лежавшій во краю угла дворянской корпораціи и отдѣлявшій ихъ отъ земли, отъ народа. Уничтожилось крѣпостное право, однѣ за другими пали всѣ сословныя привилегіи, — явился новый факторъ въ нашей гражданской жизни—цѣлые сорокъ милліоновъ душъ *земщины*, т. е. полноправныхъ гражданъ: раздвинулись сами собою основы для мѣстнаго самоуправленія,—дворянамъ открылось новое поприще свободной дѣятельности: служеніе государству въ мѣстномъ служеніи раскрѣпощенной землѣ.

Выдвинулись теперь въ области землевладѣнія двѣ формаціи: землевладѣніе общественное и личное, отвѣчающія двумъ началамъ нашей бытовой жизни: общинному или мірскому, и личному. Дворяне (и всѣ тѣ, которые къ этому классу примыкаютъ по образованію, по владѣнію и т. д.) суть носители и представители начала *личнаго*, личнаго по преимуществу и исключительно; ихъ неспособность къ корпоративному строю доказана теперь исторически. По вѣрному замѣчанію, не намъ принадлежащему, русскіе крестьяне сильны только *общимъ* умомъ, общею *мірскою* волею,—порознь же взятые, единично — слабы; дворяне же діаметрально *наоборотъ:* они сильны только единичнымъ умомъ, только порознь, какъ отдѣльныя личности, — и поразительно слабы умомъ коллективнымъ, корпоративнымъ. Къ корпоративному строю они положительно не способны, этого нѣтъ у нихъ ни въ крови, ни въ преданіяхъ. Только въ гармоническомъ, *свободномъ* сочетаніи этихъ двухъ началъ. *личнаго* и *мірскаго*, лежитъ для Россіи залогъ самаго правильнаго развитія и преуспѣянія. Но это сочетаніе должно быть вполнѣ свободное. Оно и совершится, все къ тому повидимому и идетъ, — но тутъ-то вдругъ и является помѣха со стороны нѣкоторыхъ, крайне недальновидныхъ дворянъ, возгорѣвшихъ внезапно духомъ ландлордизма, заголосившихъ о «дворянскомъ принципѣ», о «дворянской эрѣ»... Нашли время увлекаться ландлордизмомъ въ виду его благотворныхъ послѣдствій въ несчастной Ирландіи! Нашли время мечтать о дворянской эрѣ, послѣ того какъ не умѣли воспользоваться эрою немыслимаго уже теперь полноправія, наставшею со временъ Екатерины и длившеюся около ста лѣтъ! Нашли время толковать о дворянскомъ принципѣ, послѣ того какъ тысячелѣтнія усилія исторіи направлены были къ тому, чтобъ обезсмыслить въ дворянской корпораціи всякій принципъ пригодный для сословной организаціи: и принципъ генеалогическій, и принципъ служилый, и принципъ душевладѣльческій!.. Охота замыкаться въ корпорацію, отъ которой остался только остовъ (которому, впрочемъ, никто насильственно дней сокращать и не замышляетъ), въ корпорацію тощую значеніемъ и казною, когда дворянамъ, какъ личнымъ землевладѣльцамъ и просвѣщеннымъ людямъ, открывается такое широкое поле въ качествѣ передовыхъ земскихъ людей, свободно избираемыхъ!

Начинать теперь какую-либо новую дворянскую эру, хлопотать объ укрѣпленіи чахнущей корпораціи, о снабженіи ея привилегіями власти, — это значитъ разъединять то, что̀ готово соединиться, воздвигать взаимную сословную вражду и наносить ударъ тому *свободному* благотворному воздѣйствію на внутренній земскій строй, къ которому естественнымъ ходомъ исторіи призваны лучшіе дворяне—въ союзѣ со всѣми лучшими земскими людьми. Но опасаться этого нечего. На русской почвѣ сословный аристикратизмъ не привьется. Противъ такихъ поползновеній «революціоннаго консерватизма», по счастливому выраженію Ю. Ѳ. Самарина, возстанетъ все благомыслящее, вѣрное своему историческому духу, дворянство... Да и возставать-то не зачѣмъ. Эти вожделѣнія у насъ не грозны: повожделѣютъ, повожделѣютъ наши крупные собственники, да и начнутъ продавать свои родовыя имущества Евреямъ-подрядчикамъ, или же своею дворянскою гордостью поступаться чиновной карьерѣ...

Но гдѣ толки о дворянской эрѣ могли представить дѣйствительную, не малую опасность, это—въ нѣкоторыхъ нашихъ окраинахъ, и такое соображенiе, къ прискорбiю, оправдалось. Наши полоумные «консерваторы», въ своихъ новодворянскихъ вожделѣнiяхъ, стоятъ вѣдь не на русской, а на космополитической почвѣ. Имъ мнится, будто интересы русскихъ «дворянъ» солидарны съ интересами и польскихъ магнатовъ, и прибалтiйскаго нѣмецкаго рыцарства, и они, въ безумномъ ослѣпленiи, сами спѣшатъ укрѣпить враждебную Россiи и русскому государственному единству соцiальную твердыню, т. е. усилить польскiй элементъ на Западѣ, предавъ ему русскихъ и литовскихъ крестьянъ въ жертву, и германскiй въ Прибалтiйскомъ краѣ—для вящаго порабощенiя туземнаго, приверженнаго къ Россiи населенiя Латышей и Эстовъ. Тамъ, особенно въ этомъ послѣднемъ краѣ, дворянская корпорацiя не русской чета. Это организацiя чистокровная западная, классическая организацiя иноплеменныхъ рыцарей-завоевателей въ завоеванной землѣ,—да еще организацiя средневѣковая, не тронутая революцiями, не прогорѣвшая въ горнилѣ либеральныхъ идей, какъ на Западѣ Европы... По истинѣ можно бы подумать, что все это новое дворянское вѣянiе, подувшее изъ Петербурга, навѣяно на наши такъ-называемыя высшiя общественныя въ Петербургѣ сферы ни кѣмъ другимъ, какъ польскими графами и остзейскими баронами, съѣхавшимися на зиму въ нашу «Сѣверную Пальмиру»: это нхъ интриги и козни.

Просимъ читателей прочесть со вниманiемъ помѣщаемую ниже корреспонденцiю изъ Риги. Они увидятъ — какъ употребляли во зло Курляндскiя губернскiя власти слова, сказанныя волостнымъ старшинамъ Государемъ Императоромъ; до какой неслыханной дерзости дошли въ ихъ ложномъ истолкованiи, на пользу своихъ нѣмецкихъ сословныхъ выгодъ, къ вящему притѣсненiю народа! Поступокъ губернатора Лилiенфельда—такой административный скандалъ, на который у насъ внутри Россiи не отважился бы ни одинъ администраторъ... Дѣло въ томъ, что въ Курляндiи,—этой странной Курляндiи, гдѣ, напримѣръ, баронъ Гейкингъ-отецъ состоитъ русскимъ вице-губернаторомъ, баронъ Гейкингъ-сынъ служитъ у князя Бисмарка совѣтникомъ по иностранному вѣдомству и съ недавняго времени прусскiй подданный, третiй баронъ Гейкингъ — губернскій предводитель, — вслѣдъ за коронаціей всюду распространены были по краю афишки (затѣмъ перепечатанныя и разосланныя въ оффиціальныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ) съ нѣмецкимъ текстомъ и латышскимъ переводомъ какъ вышеупомянутыхъ словъ Его Величества, такъ и циркулярнаго предписанія губернатора Лиліенфельда. Въ этомъ послѣднемъ губернаторъ прямо, огульно обвиняетъ всѣ Латышскія общества въ губерніи въ государственномъ преступленіи, въ стремленіи къ «насильственному перевороту», требуетъ отъ мѣстныхъ властей принятія противъ обществъ строжайшихъ мѣръ, и въ довершеніе, тутъ же въ циркулярѣ, приглашаетъ не только Курляндскія, но и Рижское Латышское общество, въ которыхъ онъ состоитъ почетнымъ членомъ, вычеркнуть его имя изъ списковъ!.. Такимъ образомъ обвиненіе пало и на общество чужой, Лифляндской губерніи, недавно отпраздновавшее коронацію пышнымъ празднествомъ, которое почтили своимъ присутствіемъ и сенаторъ Манасеинъ, и мѣстный губернаторъ!... Эта обида, брошенная въ лицѣ законно существующихъ обществъ всему Латышскому народу, произвела такое сильное возбужденіе, что ревизующій сенаторъ въ Ригѣ запретилъ перепечатываніе въ мѣстныхъ нѣмецкихъ газетахъ курляндскаго циркуляра. но въ Митавѣ не послушались сенатора: тамъ заправляетъ цензурою баронъ Гейкингъ, отецъ Бисмарковскаго легаціонсърата; тамъ продолжали клеветать на латышское населеніе самымъ возмутительнымъ образомъ.

Очень можетъ быть, что ликованіе по случаю наступленія новой «дворянской эры» петербургскихъ газетъ «S.-Petersburger Zeitung'a», издающейся съ двуглавымъ орломъ, «Herold'a» и «Гражданина», потиравшихъ руки при радостной мысли, что теперь остзейскому нѣмецкому дворянству ужъ не трудно будетъ окончательно онѣмечить край и сломить, при содѣйствіи русской власти, упорное сопротивленіе мѣстнаго населенія (составляющаго большинство только 90% и не желающаго нѣмечиться), — можетъ быть, что эти ликованія вдохновили г. Лиліенфельда. Но эти господа слишкомъ поторопились... По новѣйшимъ извѣстіямъ, послѣдовало разрѣшеніе Лифляндской депутаціи, состоящей изъ выборныхъ отъ Лифляндскихъ Латышскихъ обществъ, представиться Государю Императору...

Какъ поступаютъ предводители дворянскіе польскаго происхожденія на нашей западной окраинѣ намъ еще неизвѣстно... Но пусть вѣдаютъ всѣ, кому о томъ вѣдать надлежитъ,— что̀ означаетъ консервативная фикція о пришествіи новой дворянской эры въ Россіи...

По поводу Коммиссіи свѣдущихъ людей.

«Русь» 1-го ноября 1883 г.

Помѣщая ниже замѣтки г. Маркова по поводу трудовъ такъ-называемой Коммиссіи статсъ-секретаря Каханова, мы должны оговориться, что если упреки обращенные къ ней г. Марковымъ не совсѣмъ точны, бьютъ иногда не впопадъ и незаслуженно-рѣзки, то въ этихъ невольныхъ недоразумѣніяхъ слѣдуетъ Коммиссіи прежде всего винить самоё себя. Напечатанные въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» краткіе поверхностные, не то обзоры, не то общіе выводы по нѣкоторымъ разрядамъ общей задачи, порученной упомянутому чрезвычайному или «нарочитому» учрежденію, не болѣе какъ намёки, способные скорѣе смутить, чѣмъ успокоить общественное мнѣніе. А его въ настоящемъ случаѣ нашей высшей администраціи необходимо принять въ разсчетъ. Ничѣмъ такъ по праву не интересуется русское общество въ самомъ широкомъ смыслѣ этого термина, — можно прямо сказать: ничѣмъ такъ не интересуется вся наша страна (разумѣя здѣсь и все сельское населеніе), какъ именно разрѣшеніемъ поставленныхъ Коммиссіи вопросовъ. Еще бы и не интересоваться! Внутренній гражданскій строй Россіи, порядокъ внутренняго управленія — опредѣляетъ собою весь ходъ частной и общественной жизни въ ея ежедневности, переплетается со всѣми ея отправленіями, проникаетъ во всѣ ея изгибы, дѣйствуя благотворно или пагубно, зиждительнымъ или разлагающимъ образомъ. О значеніи внутренняго управленія для Россіи, начиная отъ института сельскихъ старостъ до губернаторскаго, въ Петербургѣ едвали даже и имѣютъ вполнѣ точное представленіе. Изъ петербургскаго бюрократическаго далёка—почти даже не видать и не слыхать того вращенія и скрипа колесъ, которыми кое-какъ, неуклюже, ворочается административный механизмъ нашихъ провинцій, т. е. чуть ли не цѣлой пятой части свѣта. Въ чаду непрерывныхъ канцелярскихъ заботъ на брегахъ Невы, едвали кому и досугъ очень-то тревожиться вопросомъ: какъ и чѣмъ стоитъ, живетъ, плетется остальная Россія, какъ можется этимъ десяткамъ милліоновъ жителей на пространствѣ милліоновъ квадратныхъ верстъ? Между тѣмъ, вопросъ, напримѣръ, о волостныхъ старшинахъ, о мировыхъ посредникахъ, о соединеніи въ низшей инстанціи судебной и административной власти въ одномъ лицѣ и многіе тому подобные настолько же важнѣе для нашего государства, насколько забота о благополучномъ состояніи корней важнѣе попеченія о листвѣ,—сравненіе хоть и избитое, но тѣмъ не менѣе вѣрное. Наше внутреннее положеніе нисколько не удовлетворительно. Народное благосостояніе день-ото-дня понижается въ своемъ уровнѣ; сельское населеніе нищаетъ; сельскій бытовой строй разлагается, благодаря, большею частью, именно недальновиднымъ законодательнымъ мѣрамъ или административнымъ распоряженіямъ, не согласующимся съ требованіями и складомъ народной жизни. Крестьяне жалуются на избытокъ начальствъ и на отсутствіе живой, дѣйствительной власти; прежнія формы народнаго правосудія ослаблены, искажены внесенною въ нихъ сверху регламентаціею, и настало безсудье, гнетущее и деморализующее самый народъ; землевладѣльцы съ своей стороны ропщутъ, и не безъ основанія, на невозможность вести какое-либо хозяйство при постоянномъ произвольномъ нарушеніи условій найма со стороны рабочихъ, при отсутствіи въ населеніи, невольно привыкшемъ къ безсудью, всякаго уваженія къ договорамъ и сдѣлкамъ. Полиція—словно высаженная изъ колеи, какъ бы не имѣющая другой заботы, какъ взысканіе податей и выколачиваніе недоимокъ; бездорожье, недостатокъ, все сильнѣе и сильнѣе ощущаемый, правильныхъ сельскихъ почтовыхъ сообщеній, безпомощность народа въ отношеніи врачебномъ—при возрастающихъ повальныхъ болѣзняхъ, и т. д...

Органическая неудовлетворительность нашего земскаго и городскаго самоуправленія стала въ послѣднее время еще неудовлетворительнѣе, и сказать по правдѣ—не совсѣмъ по своей винѣ... Мы никогда не были усердными сторонниками нашихъ городскихъ думъ и земскихъ учрежденій въ ихъ настоящемъ видѣ, мы всегда находили, что эти переводы съ нѣмецкаго сдѣланы слишкомъ буквально, введены къ намъ безъ надлежащаго примѣненія къ особенностямъ нашего соціальнаго строя, и не состоятъ въ живой органической связи съ жизнью. Но такъ или иначе, они существуютъ и дѣйствуютъ уже около 20 лѣтъ, и при всѣхъ своихъ недостаткахъ, благодаря напряженнымъ личнымъ усиліямъ многихъ изъ своихъ членовъ, все же кое-что создали и устроили; вообще это единственный пока, каковъ бы онъ ни былъ, общественный органъ внутренняго земскаго и городскаго управленія: никакого другаго, ни общественнаго, ни казеннаго, теперь вѣдь вовсе и не имѣется. Но даже и возможная для этого органа дѣятельность находится въ настоящее время въ какомъ-то нравственномъ угнетеніи, парализующемъ ревность земскихъ и городскихъ дѣятелей, даже подчасъ безсознательно для нихъ самихъ. Наши городскія и земскія учрежденія находятся у высшей петербургской администраціи словно на положеніи *пасынковъ*, къ тому же *немилыхъ*. Странное положеніе для учрежденій—словно сѣтью охватывающихъ почти всю Россію и сосредоточивающихъ въ себѣ главнѣйшія функціи внутренняго управленія! Оно безъ сомнѣнія мало способно къ усиленію рвенія въ земствахъ и думахъ, и дѣлаетъ общее состояніе дѣлъ, какъ мы уже замѣтили, еще менѣе утѣшительнымъ.

Тѣмъ съ болѣе напряженнымъ ожиданіемъ изъ самаго нутра такъ сказать всей Россіи устремляются теперь взоры къ Петербургу, къ работамъ пресловутой Коммиссіи. Всѣ знаютъ, что задача ея одна изъ самыхъ труднѣйшихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ изъ наиболѣе важныхъ, едвали не самая важная изо всѣхъ въ настоящую пору. Самое это ожиданіе съ своей стороны задерживаетъ въ нѣкоторой степени теченіе жизни, подрывая увѣренность въ прочности существующаго порядка. Но это ожиданіе—скрывать этого не слѣдуетъ—преисполнено нѣкотораго сомнѣнія и безпокойства. Петербургская канцелярія, какъ извѣстно, мало внушаетъ довѣрія русской области. Очень можетъ быть, что это недовѣріе въ данномъ случаѣ не вполнѣ основательно, но кто же станетъ отрицать, что оно оправдывается многими старыми горькими опытами? Вотъ почему было бы желательно, чтобы работы Коммиссіи, которыя, какъ мы слышали, уже приведены въ порядокъ, сведены, напечатаны, составляютъ цѣлый пространный томъ, были обнародованы во всеобщее извѣстіе и стали доступны публичному обсужденію. Мы впрочемъ такое газетное обсужденіе признаемъ далеко недостаточнымъ. Многое множество людей компетентныхъ,— тѣхъ, которые способны сказать дѣльное, мѣткое жизненное слово, писать у насъ не охочи, да и не обыкли... Правда, не совсѣмъ выбыло изъ общественной памяти и то обстоятельство, что при учрежденіи этой Коммиссіи предположено: выработанный ею проектъ подвергнуть разсмотрѣнію въ полномъ ея собраніи съ участіемъ особо призванныхъ *свѣдущихъ людей*. Но съ тѣхъ поръ много воды утекло. Мысль о *свѣдущихъ людяхъ* теперь не въ чести, въ опалѣ,— благодаря, главнымъ образомъ, гражданской безтактности самого русскаго общества. Вмѣсто того, чтобы съ признательностью отнестись во время óно къ администраціи, предложившей этотъ призывъ и откровенно сознавшей несостоятельность бюрократическихъ канцелярій для рѣшенія вопросовъ всеобщей жизненной важности; вмѣсто того, чтобы съ разумною снисходительностью встрѣтить этотъ первый опытъ общественнаго содѣйствія, возможныя ошибки и неумѣлость призванныхъ,— у насъ и «консервативы», и «либералы» подняли неистовый вой. Первые, въ избыткѣ ненависти къ парламентаризму, готовы во всякомъ скромномъ, дѣловомъ, публичномъ совѣщаніи объ общественномъ какомъ-либо вопросѣ людей не-казенныхъ видѣть его призракъ и чуть ли не посягательство на самый нашъ основной государственный принципъ,— а потому встрѣтили и «свѣдущихъ людей», приглашенныхъ въ коммиссіи по вопросамъ питейному и переселенческому — бранью, насмѣшками, подозрѣніями и инсинуаціями. Вторые, т. е. «либералы», въ своей доктринерской ограниченности, мѣряя каждое явленіе жизни на конституціонный аршинъ, находили, напротивъ, что форма призыва не соотвѣтствовала требованіямъ конституціонной доктрины, а потому и свѣдущіе люди никуда не годятся.. Раздались отовсюду клики: „прочь! не надо намъ свѣдущихъ людей!» что̀, другими словами, значило: «предпочитаемъ *несвѣдущихъ!..*» Они и были удовлетворены. Администрація вынуждена была уступить ихъ воплю (главнымъ образомъ воплю консервативному), и мысль о призывѣ свѣдущихъ людей очутилась въ загонѣ. Спрашивается, кто отъ этого выигралъ?..

Такимъ образомъ, хотя въ положеніи о «Кахановской Коммиссіи» и значится, что ея труды имѣютъ подлежать разсмотрѣнію и «свѣдущихъ людей», но будетъ ли это условіе приведено въ исполненіе въ своемъ первоначальномъ смыслѣ— это еще неизвѣстно; слухи носились, но въ достовѣрности ихъ мы однако же сомнѣваемся, что подъ именемъ «свѣдущихъ» предполагается пригласить тѣхъ, къ кому этотъ титулъ доселѣ никогда не прилагался, — т. е. лицъ состоящихъ на службѣ, занимающихъ извѣстное оффиціальное положеніе, и т. п.

Мы съ своей стороны позволяемъ себѣ выразить мнѣніе, что вопросы, поставленные вышеупомянутой Коммиссіи, по самой природѣ своей таковы, что требуютъ самаго широкаго, всесторонняго разсмотрѣнія, и что едвали вполнѣ согласно съ достоинствомъ нашего, по истинѣ могущественнаго правительства отклонять подобное всестороннее обсужденіе ради фальшивыхъ пугалъ, выдвигаемыхъ неразумнымъ усердіемъ нашихъ глаголемыхъ консерваторовъ. Впрочемъ съ нашей точки зрѣнія, для рѣшенія вопроса о сельскомъ и уѣздномъ управленіи Россіи, не достаточно даже и призыва въ Петербургъ какихъ-либо «свѣдущихъ людей»,—недостаточно даже и передачи работъ Коммиссіи на разсмотрѣніе земскихъ управъ и собраній (многія изъ нихъ прямо признали себя некомпетентными), а необходимо было бы собрать по уѣздамъ и губерніямъ особыя коммиссіи, и непремѣнно съ участіемъ крестьянъ,—однимъ словомъ, употребить тотъ же самый способъ обсужденія и разработки вопроса, какой былъ приложенъ, и вѣдь кажется не безъ успѣха, русскимъ правительствомъ къ разрѣшенію вопроса объ освобожденіи 20 милліоновъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Призваніе дворянства—служить государству и народу въ званіи землевладѣльцевъ и земскихъ людей.

«Русь», 15-го января 1884 г.

Статья «Московскихъ Вѣдомостей» въ 10 №, по поводу открытія дворянскихъ выборовъ въ Москвѣ, не можетъ быть оставлена безъ вниманія и безъ оговорки. Она взываетъ къ пробужденію въ дворянствѣ «духа и силы для *новой службы* среди новыхъ обстоятельствъ». «Неужели,— говоритъ газета,—это передовое сословіе, по преимуществу государственное, не сумѣетъ отозваться на нужды государства? Неужели эта историческая русская сила не обнаружитъ чуткости и усердія среди затрудненій, которыя теперь переживаетъ наше отечество?»... «Нестроенія, которыя мы въ настоящее время переживаемъ—продолжаютъ далѣе «Московскія Вѣдомости»—могутъ грозить своего рода опасностями. Тотъ же государственный духъ, который поднималъ всегда дворянство на царскую службу, долженъ бы и теперь оторвать его отъ исключительно частныхъ интересовъ, и указать ему путь какъ съ пользою дѣйствовать въ настоящихъ обстоятельствахъ *для поддержанія государственной власти, въ усиленномъ дѣйствіи которой нынѣ болѣе всего нуждается наше отечество*». Статья заканчивается такими словами: «если дворянская организація остается способною къ жизни, то теперь пора ей доказать это», а она это докажетъ и произведетъ полезное дѣйствіе тогда, «когда дастъ почувствовать въ разслабленномъ и расшатанномъ обществѣ тотъ крѣпкій государственный духъ, которымъ она создана, который всегда оживлялъ и отличалъ ее».

Хотя мы и не придаемъ большой цѣны дворянской *организаціи*, созданной Екатериною II, и хотя со временъ знаменитаго указа «о вольности дворянской», или послѣдовавшей нѣсколько позднѣе дворянской грамоты, исторія дворянской корпораціи *какъ корпораціи* представляется намъ болѣе прискорбною, чѣмъ славною, что̀ доказывается состояніемъ выборнаго суда и полиціи въ теченіи почти сотни лѣтъ,—тѣмъ не менѣе мы вполнѣ признаемъ великое историческое и бытовое значеніе дворянства въ созиданіи Русскаго государства и въ русской жизни. Ничего и мы тоже не желали бы, какъ пробужденія въ самихъ русскихъ дворянахъ почти совсѣмъ заснувшей и развѣ только въ эпохи военной брани просыпающейся силы историческихъ преданій, истиннаго *историческаго* національнаго духа. Наитіе этого духа раскрыло бы до полной ясности дворянскому сознанію существенное различіе между началами, лежащими въ основѣ и характерѣ русскаго дворянства, и въ основѣ и характерѣ западныхъ высшихъ сословій съ ихъ сословною исключительностью. Историческій духъ внушилъ бы убѣдительно нашимъ дворянамъ, что у нихъ нѣтъ почвы для аристократіи въ западно-европейскомъ смыслѣ,—и что на фальшивый лишь путь толкаютъ ихъ тѣ мнимые консерваторы, которые проповѣдуютъ какую-то тождественность русскихъ дворянскихъ интересовъ и необходимость взаимной или круговой поруки съ интересами нѣмецкихъ остзейскихъ бароновъ и польскихъ магнатовъ, не признающихъ русской національности въ русскомъ государствѣ!.. Историческій духъ явилъ бы имъ несомнѣнное свидѣтельство, что и въ до-Петровской Руси дворянство, хотя и было служилымъ сословіемъ, числясь на государевой службѣ отъ рожденія до смерти, стояло однакоже ближе къ землѣ и земщинѣ, чѣмъ верховное боярство, было непричастно боярскимъ крамоламъ; что и позднѣе, только опираясь на массу дворянства, могла императрица Анна свергнуть съ себя иго «верховниковъ» и торжественно отречься отъ измышленныхъ ими и ею уже подписанныхъ условій, которыми верховники ограничивали въ свою пользу монархическую власть. Допрошенное дворянами былое нашего отечества должно бы вразумить ихъ, однимъ словомъ, что русская исторія создала ихъ вовсе не по образу и подобію рыцарской и феодальной Европы; что значеніе и призваніе дворянства зиждется на совершенно-своеобразномъ, земско-государственномъ основаніи, выработанномъ тысячелѣтіемъ русской жизни, и что въ настоящее время они должны искать себѣ солидарности ни съ кѣмъ другимъ, какъ съ самою Русскою землею, съ народомъ, бытіе котораго неразрывно связано съ единодержавнымъ строемъ нашего отечества. Уничтоженіе крѣпостнаго права и прочихъ дворянскихъ привилегій должно бы только расчистить путь дворянамъ-землевладѣльцамъ къ *свободному*, а потому и тѣснѣйшему сближенію съ крестьянствомъ,— изъ чего слѣдуетъ, что и всѣ законодательныя мѣры, искусственно ихъ разъединяющія, грѣшатъ противъ естественности исторической. Но уже пуще всего грѣшатъ и совершенно чужды всякаго историческаго чувства тѣ дворяне, которые, пренебрегая памятниками старины и родовыми преданіями, соединенными съ ихъ наслѣдственными помѣстьями и вотчинами, распродаютъ ихъ даже не по крайней нуждѣ, а съ тѣмъ, чтобъ превратиться въ безземельныхъ рентьеровъ — гражданъ Ниццы или Парижа: уже однѣ окрестности Москвы могутъ дать тому краснорѣчивое подтвержденіе.

Мы уже имѣли случай высказать наше мнѣніе о заслугѣ оказанной русскимъ среднимъ дворянствомъ именно въ томъ смыслѣ, что оно, исполнивъ въ русской жизни то самое дѣло, которое на Западѣ выпало на долю такъ-называемаго *средняго сословія*, вмѣстѣ съ тѣмъ предохранило русское общество отъ растлѣвающаго духа западной *буржуазіи*. Съ словомъ «буржуазія» связывается понятіе о такомъ общественномъ классѣ, котораго источникъ силы, причина и цѣль бытія, міросозерцаніе, преданія, главный духовный двигатель и всѣ идеалы заключались или заключаются въ *барышѣ и наживѣ*, что̀ и наложило на этотъ классъ особую бытовую печать своекорыстія и эгоизма. Наше многочисленное дворянство, поставленное въ болѣе или менѣе благопріятныя,—хотя, въ большинствѣ, довольно скромныя. — условія матеріальной обезпеченности, сознательно или инстинктивно-вѣрное преданіямъ государственнаго служенія (т. е. служенія идеѣ *общаго*, цѣлаго, слѣдовательно въ существѣ своемъ не эгоистической), занимая, сверхъ того, положеніе передоваго сословія, естественно рознило наше просвѣщеніе съ тѣми своекорыстными побужденіями, съ которыми оно, болѣе или менѣе, связывалось въ западно-европейскомъ tiers-état... Допустимъ даже, что этотъ дворянскій проводникъ просвѣщенія придалъ послѣднему у насъ нѣкоторый характеръ *барскій*,—отвлеченный, и пожалуй—нѣсколько поверхностный, болѣе теоретическій, чѣмъ прикладной, но вмѣстѣ съ тѣмъ,—этого кажется нельзя отрицать,—и характеръ замѣчательно безкорыстный, и въ этомъ смыслѣ—болѣе нравственный. Такому—скажемъ прямо—облагораживающему характеру неизбѣжно подчинялись и тѣ, которые, поднимаясь съ низшихъ ступеней общественныхъ до дворянства (а двери его ограды были довольно широко раскрыты), вступали въ его ряды или же просто сливались съ нимъ, благодаря полученному образованію: всѣ они воспринимали на себя, вольно и невольно, общій дворянскій, не внѣшній только, но и нравственный типъ. Нельзя отрицать, что въ настоящее время отношеніе это существенно видоизмѣняется съ обоихъ концовъ, сверху и снизу, и пока—безъ особенной выгоды для русскаго общества. Съ одной стороны, съ отмѣною крѣпостнаго права, дворянство, какъ землевладѣльческое сословіе, потрясенное въ своемъ экономическомъ положеніи, въ буквальномъ смыслѣ стало терять подъ собой почву, передавая земельную собственность «капиталистамъ», и вообще не умѣло еще найтись въ новыхъ условіяхъ жизни; съ другой — если еще не возобладалъ, то уже какъ бы готовится возобладать и въ нашей жизни «капиталъ»—даже во всей наготѣ своей, прямо «во имя свое», не прикрашиваясь ни просвѣщеніемъ, ни инымъ нравственнымъ ореоломъ... Само собою разумѣется, не ко всѣмъ пріобрѣтателямъ изъ недворянскихъ сословій относится это замѣчаніе; есть не мало такихъ, которыхъ можно лишь съ искреннею радостью привѣтствовать въ званіи землевладѣльцевъ,—но начинаетъ проступать и чисто буржуазная сила и спѣсь, а одновременно съ нею слагается цѣлый новый особый классъ людей такъ-называемыхъ «либеральныхъ профессій», который открыто объявляетъ войну всякому историческому преданію, а на этомъ основаніи и людямъ повиннымъ, благодаря злому року, въ дворянскомъ происхожденіи, — который даже позируетъ въ качествѣ homo-novus. Въ этомъ отношеніи любопытно слѣдить случайныя откровенія нѣкоторыхъ нашихъ газетъ. По поводу напримѣръ проектированныхъ измѣненій въ неуклюжей болгарской конституціи, заимствованныхъ изъ конституціи бельгійской и очевидно несовмѣстныхъ съ болгарскимъ бытовымъ строемъ,— именно по поводу учрежденія верхней палаты, въ которую, по проекту, могутъ поступать люди извѣстнаго землевладѣльческаго ценза, газета «Новости» въ основу своего порицанія полагаетъ слѣдующее ученіе: «Талантъ, знаніе и опытъ,—гласитъ она,—сосредоточиваются вовсе не въ богатыхъ (или обезпеченныхъ) общественныхъ классахъ съ ихъ поверхностнымъ образованіемъ, *а въ средѣ тѣхъ классовъ, которые стараются проложить себѣ дорогу къ вліятельному положенію* въ государствѣ»... Какими средствами—газета не поясняетъ: должны быть всѣ хороши! Но интересно это наивное сознаніе, что политическая власть, даруемая конституціей должна по преимуществу быть предоставлена какому-то особому классу *карьеристовъ*, людей одержимыхъ честолюбіемъ и властолюбіемъ, которыхъ профессія—во что̀ бы ни стало лѣзть впередъ, выше, пролагать себѣ дорогу къ «вліятельному положенію»!.. Такой классъ дѣйствительно возникаетъ, и его появленіе видимо *оттѣняетъ* и вновь невольно обособляетъ въ общественномъ сознаніи старый дворянскій общественный слой — къ выгодѣ послѣдняго. Мы впрочемъ не думаемъ, чтобъ этотъ новый классъ властолюбцевъ способенъ былъ имѣть прочную будущность въ Россіи, хотя временно, пожалуй, и будетъ играть нѣкоторую роль; онъ лишенъ всякой исторической почвы и не пользуется сочувствіемъ въ народѣ. Но именно въ виду этихъ новыхъ соціальныхъ явленій, тѣмъ сильнѣе должны люди дворянскаго происхожденія и преданія,—не ради личнаго самосохраненія, но ради общественнаго блага,—воспользоваться своимъ историческимъ духовнымъ наслѣдіемъ, сильнѣе утвердиться на исторической, родной національной почвѣ и тѣснѣе сплотиться съ землей и народомъ.

Но въ томъ бѣда, что «нестроенія нами переживаемыя» совершаются вовсе не внѣ дворянства, не кѣмъ-то инымъ, постороннимъ, а большею частью самими дворянами. Они не только равномѣрно съ другими, но именно, въ виду своего передоваго значенія и той опоры, которую имѣютъ въ историческомъ преданіи, болѣе чѣмъ другіе причастны нашему современному грѣху и недугу. Вѣдь и до сихъ поръ большинство дѣятелей всякаго рода, на всѣхъ поприщахъ государственной службы и общественнаго дѣланія—дворяне, отъ министровъ до судебныхъ слѣдователей, до предсѣдателей земскихъ управъ и т. д. Осуждая напримѣръ настоящее отправленіе правосудія, дворянство осуждаетъ отчасти само себя, *своихъ*. Оно не стоитъ особнякомъ отъ всего того, что̀ совершается, и не можетъ почитать себя избавленнымъ отъ отвѣтственности за переживаемое положеніе. Если за кого въ настоящее время ему приходится взяться, такъ прежде всего за самого себя, — приходится самому повиниться въ оскудѣніи историческаго національнаго, государственнаго и земскаго духа, въ забвеніи отеческихъ преданій, въ ослабленіи гражданской доблести и вообще нравственныхъ началъ въ жизни общественной и семейной, — самому перевоспитаться, да позаботиться о болѣе успѣшномъ воспитаніи своихъ сыновей. Въ томъ-то и дѣло, что зло, которымъ мы удручены, вовсе не есть какой-то внѣшній наростъ, который слѣдуетъ только срѣзать, такъ сказать «рукой снять». Оно гораздо глубже; оно кроется въ неправильности, въ искривленности нашего національнаго самосознанія, въ отчужденіи отъ родной народности,—отчего именно и происходитъ такое горестное противорѣчіе и тягостное недоразумѣніе между Россіею историческою, настоящею,—непосредственно, инстинктивно-творящею, и Россіею искусственною, отвлеченно умствующею, но однакоже призванною къ дѣятельности зиждительной и къ руководству народныхъ массъ! Оттого-то словно парализовано каждое наше дѣло и осуждено на безплодіе; оттого-то наша роковая неумѣлость въ созиданіи,— оттого-то, какъ говаривалъ Погодинъ, «мы умѣемъ умирать, но не умѣемъ жить».

Призываютъ дворянство: «поддержать государственную власть, въ усиленномъ дѣйствіи которой болѣе всего нуждается наше отечество».... Наша государственная власть— такая сила твердая, незыблемая, мощная, которая въ усиленіи надобности не имѣетъ. Да и «усиленное дѣйствіе власти» само по себѣ ничего еще не означаетъ и, отвлеченно понятое, ни къ чему не ведетъ. Власть есть сила прикладная. Что̀ толку усиливать силу локомобиля, не поставивъ его на рельсы, не соединивъ съ нимъ желѣзнодорожнаго поѣзда? Вѣдь «усиленное дѣйствіе власти» можно себѣ представить и во образѣ, напримѣръ, Аракчеева: отъ такого дѣйствія происходитъ не польза, а вредъ. Тридцатилѣтіе, предшествовавшее царствованію Александра II, славилось «усиленнымъ» проявленіемъ власти, но славилось вмѣстѣ съ тѣмъ и умобоязнью, простиравшеюся до того, что всякій человѣкъ *думающій* казался что-то *задумывающимъ*, а потому представлялся и подозрительнымъ. Но всѣ мы знаемъ, что это усиленное, при умобоязни, дѣйствіе голой власти привело, въ концѣ-концовъ, Россію къ совершенному безсилію, къ утратѣ государственной территоріи купленной дорогою цѣною русской крови,—къ Парижскому трактату. Дѣло не въ усиленномъ дѣйствіи власти, и безъ того, слава Богу, въ Россіи вполнѣ сильной, а наипаче—въ *разумномъ*,—въ томъ, чтобъ самыя орудія власти, всѣ снаряды, ремни и колеса, *передающія* ея силу, были не ржавы, а вполнѣ пригодны; въ томъ, чтобы эта разумная сила, призванная приводить весь механизмъ въ движеніе, не пропадала даромъ, но сообщалась правильно и вѣрно наипослѣднимъ его частямъ. А то вѣдь можетъ случиться и такъ, что паровикъ, напримѣръ, кипитъ, паръ валитъ клубомъ, ближайшія колеса неистово вертятся и шумятъ, а отдаленныя меньшія колеса стоятъ неподвижно—и сила пара уходитъ въ пустую... Повторяемъ: власть какъ сила—у насъ налицо, и сила неистощимая, но механизмъ-то нашъ такъ неудачно устроенъ, что парализуетъ дѣйствіе силы.

Сквозь всю нашу исторію (какъ уже не разъ было говорено о томъ въ «Руси») проходятъ и ею окончательно выработаны два начала въ русской общественной жизни: коллективное, вѣрнѣе сказать *мірское*, котораго представителемъ служитъ народъ (въ тѣсномъ смыслѣ слова),—народъ сильный мірскимъ разумомъ и выразившій это начало и въ формѣ землевладѣнія, и въ формѣ самоуправленія, и вообще въ своемъ быту,—и начало *личное*, съ формой личнаго землевладѣнія, коего носителями и представителями являются дворяне. Только въ гармоническомъ сочетаніи этихъ обоихъ началъ лежитъ залогъ успѣшнаго движенія русской жизни и правильности русскаго строя: одно безъ другаго безсильно. Начало личное есть начало *почина*, начало по преимуществу *дѣятельное*, *активное*, сознательное и руководительное. Какую бы корпорацію ни устраивали дворяне,—ихъ призваніе не въ ней, а въ *личной* дѣятельности, въ личномъ подвигѣ на пользу общественную. Новый разрядъ личныхъ землевладѣльцевъ, возникшій послѣ освобожденія крестьянъ, — для того, чтобъ стать полезнымъ и близкимъ къ народу,—долженъ приблизиться къ этому общему историческому дворянскому типу. Высокое призваніе и широкое, поэтому, поприще, внѣ обычной области казенной службы, раскрывается русскому дворянству (и тѣмъ, которые идутъ по его слѣдамъ и въ его направленіи). Это—служба государству и народу въ качествѣ интеллигентнаго слоя Русской земли, въ качествѣ личныхъ землевладѣльцевъ и земскихъ людей. Особенно въ наше печальное время нѣтъ ничего желаннѣе для Россіи, какъ прекращеніе деревенскаго абсентеизма, какъ водвореніе просвѣщенныхъ молодыхъ землевладѣльцевъ въ своихъ деревняхъ. Только такимъ способомъ можетъ образоваться у насъ столь нужный намъ запасъ людей съ простымъ и здравымъ смысломъ, людей жизни и дѣла, чуждыхъ болѣзненной отвлеченности и мечтательности. Только тогда и можетъ надлежащимъ образомъ организоваться у насъ управленіе уѣзда,—этой основной ячейки нашего государственнаго организма; только тогда и сложится настоящее земство и настоящая земская сила,—самое надежное и вѣрное подспорье и орудіе всеобъединяющей верховной государственной силы—нашего историческаго единодержавія.

О непригодности примѣненія принципа всесословности къ русскому строю.

«Русь», 1-го декабря 1884 г.

Мы опять стоимъ на своемъ (несмотря на возраженіе «Новаго Времени»), что уясненіе русскаго общественнаго сознанія, что вопросъ объ общихъ началахъ, о выборѣ *пути*, по которому должна направиться государственная законодательная дѣятельность въ дѣлѣ созиданія внутренняго строя—имѣютъ первенствующее практическое значеніе и должны бы предшествовать начертанію регламентовъ съ пунктами и параграфами. Безъ этого какъ разъ собьешься съ дороги, и можетъ случиться (да и случалось), что колея канцелярско-полицейской диктатуры вообразится намъ истинною исторической народною колеею, или же что мы,—къ великому для насъ сюрпризу,—узримъ себя вдругъ скользящими шибко внизъ, по наклонной плоскости конституціоннаго пути.. Развѣ необходимо непремѣнно стукнуться напередъ лбомъ о столбъ или заставу, или встрястись всѣмъ тѣломъ отъ здороваго ухаба — для того чтобъ убѣдиться въ ошибочности избраннаго направленія?.. Не споримъ, что бо́льшая часть государствъ отъ необходимости въ такой предварительной теоретической работѣ избавлены: для нихъ вопросъ существуетъ только о практической цѣлесообразности законодательныхъ мѣръ, но сдвинуться по невѣдѣнію или по нечаянности съ національныхъ основъ своей жизни они не рискуютъ. Еслибы мы въ Россіи жили также цѣльною народною жизнью, то могли бы, конечно, ввѣриться указанію жизненнаго инстинкта, положиться на разумъ жизненнаго творчества. Но вслѣдствіе слишкомъ хорошо извѣстныхъ историческихъ условій нашего развитія, вслѣдствіе слишкомъ долгаго отчужденія нашихъ руководящихъ классовъ отъ народной жизни, они, эти классы, лишились, къ несчастію, и непосредственнаго чутья, и творчества, а потому на каждомъ шагу подвергаются опасности - заблудиться, согрѣшить тяжко противъ родной народности. По истинѣ, колоссальный подвигъ предназначенъ намъ историческою судьбою: возстановить въ себѣ цѣльность и творчество народной жизни—труднымъ путемъ самосознанія. Конечно, анализъ самъ по себѣ еще не возсоздаетъ синтеза, но его дѣло—разоблачить насѣвшую въ насъ ложь, освободитъ духъ отъ ея плѣна, расчистить мѣсто для воздѣйствія истины, для пробужденія заглушенныхъ въ насъ народныхъ инстинктовъ, для уразумѣнія внутренняго смысла явленій народной жизни, историческихъ и бытовыхъ. Долго, въ надменной самоувѣренности, мы даже хвастались своимъ отчужденіемъ отъ народности, или не хотѣли о немъ и знать, и отважно перли впередъ, по пути рабской подражательности, деспотически таща за собою родную землю; но не подъ силу стало, въ концѣ-концовъ, поднять намъ «тягу земли»,— она сама стала, намъ наперекоръ, пригибать насъ къ себѣ... Эта ея благая сила притяженія и вызвала критическую дѣятельность русской мысли. Работа самосознанія началась, задача поставлена и отъ разрѣшенія ея нельзя уклониться. Все въ русской народной жизни стало объектомъ сознаванія: ея старина, словесное творчество, бытъ, обычай, міровоззрѣнія, идеалы. Къ счастію, наша прошлая исторія и современный бытъ чуть не $90^0/_0$ русскаго населенія хранятъ въ себѣ обильныя откровенія, поясняясь и восполняясь другъ другомъ. Все это способно облегчить работу; все это, конечно, утѣшительно, но процессъ эмансипаціи русской мысли далеко еще не оконченъ, на множество вопросовъ еще не дано отвѣта, а главное — многое множество полуторасталѣтнихъ искривленій нашего государственнаго и общественнаго строя вошло въ нравы, въ привычку, переплелось съ личными интересами, съ бытомъ высшихъ образованныхъ классовъ и въ особенности—правительственныхъ сферъ. Да и значительная часть русской интеллигенціи, начальствующей, канцелярствующей, упражняющейся въ литературныхъ, ученыхъ и педагогическихъ трудахъ, не только не причастна этому труду самосознанія (имѣющему, безспорно, великую, всемірно-историческую важность), но и враждебна ему. А такъ какъ контингентъ правительствующихъ лицъ поставляется самимъ обществомъ, и такъ какъ ихъ подготовленіе въ государственные люди совершается преимущественно въ Петербургѣ, вдали отъ непосредственнаго давленія жизни земской, народной (отъ котораго, къ тому же, они предохранены и бюрократическими бумажными средостѣніями), то понятно, что и господствующее въ этомъ контингентѣ направленіе сходится съ воззрѣніями отрицательнаго, относительно Россіи, характера. Пусть сочинительство государственныхъ практиковъ въ концѣ-концовъ будетъ посрамлено и отвергнуто самою жизнью, но не мало замѣшательствъ и мукъ натворитъ оно, прежде чѣмъ будетъ пересилено жизнью! Къ чему же, однако, допускать подобныя упражненія надъ Русскимъ народомъ, такія experimenta in anima vili, заграждая предварительную работу самаго сознанія общихъ началъ, русской жизни присущихъ?

Дѣло въ томъ, что даже и безъ помѣхи внѣшней, даже для людей охотно признающихъ въ принципѣ право Русскаго народа на народность,—эта работа, повторяемъ, въ высшей степени сложна и трудна. Не очень-то легко поколѣніямъ, воспитавшимся исключительно на европейской наукѣ, на европейскомъ политическомъ и юридическомъ міросозерцаніи, всосавшимъ въ себя съ молокомъ невольное, почти безсознательное подчиненіе авторитету европейской цивилизаціи, высвободить свою мысль изъ-подъ гнета всѣхъ этихъ воздѣйствій до той степени полной самостоятельности, при которой только и могутъ раскрыться ей внутреннія, иногда чрезвычайно тонкія особенности русскаго жизненнаго строя! При нѣсколько поверхностномъ взглядѣ, умъ очень удобно можетъ быть введенъ въ заблужденіе аналогіей, внѣшнимъ сходствомъ иныхъ русскихъ явленій съ однородными явленіями на Западѣ. Велика можетъ быть опасность отъ практическаго пренебреженія къ этимъ особенностямъ, отъ смѣшенія или *подтасовки* разнонародныхъ идеаловъ, иногда даже невольной. Въ началѣ законодательныхъ работъ, многіе пути представляются уму параллельными, по видимому даже совсѣмъ сходятся,—но потомъ, глядишь: въ жизни, на практикѣ, они далеко расходятся другъ отъ друга, ведутъ совсѣмъ въ разныя, противоположныя стороны...

Возьмемъ для примѣра (оно же будетъ и нашимъ переходомъ «къ дѣлу») принципъ *всесословности*,—на основаніи котораго, между прочимъ, Кахановская Коммиссія проектировала было и *всесословное* село, и *всесословную* волость. Гораздо раньше этой Коммиссіи, съ самаго начала реформъ прошлаго царствованія, принципъ *всесословности* былъ провозглашенъ у насъ съ необыкновенно сильнымъ увлеченіемъ и водворенъ въ разныхъ общественныхъ учрежденіяхъ. Увлеченіе это было вполнѣ понятно и законно, во сколько оно вызывалось радостью при мысли о распространеніи общечеловѣческой равноправности на людей всѣхъ состояній, о предстоявшей дружной встрѣчѣ сословій такъ долго чуждавшихся другъ друга,—сближеніи и объединеніи ихъ въ общей работѣ на общую пользу. Но слѣдуетъ замѣтить, что такимъ сближеніемъ и объединеніемъ утѣшались по преимуществу лица дворянскаго сословія и вообще высшихъ образованныхъ классовъ, а не прочихъ сословій; да послѣднія собственно и не были между собою разрознены очень рѣзкими перегородками, и ни о какой потерѣ, обидныхъ для другихъ, преимуществъ имъ радоваться не приходилось. Несомнѣнно, что кромѣ этой законной причины увлеченія въ образованномъ обществѣ, значительная доля увлеченія была чисто теоретическаго свойства, относилась къ *принципу*, причемъ дѣйствительное значеніе сословій въ русской исторической жизни даже не подвергалось анализу. Самое понятіе о сословности возбуждало въ сердцахъ нѣчто подобное священному отвращенію, а въ умахъ—представленіе о чемъ-то ретроградномъ, узкомъ, въ сущности же—противномъ требованіямъ европейскаго либерализма и прогресса. Даже *всесословность*, какъ наличное собраніе разныхъ сословій, привѣтствовалась лишь на первый разъ; впереди для мысли, взлелѣянной съ дѣтства на французскихъ политическихъ доктринахъ, виднѣлась въ будущемъ *безсословность* или полнѣйшее формальное безразличіе и равенство—какъ цѣль, къ которой слѣдовало стремиться. Не на этомъ ли же основаніи возмущались, возмущаются и доселѣ, наши юристы, напримѣръ, тѣмъ различіемъ, которое существуетъ у насъ въ законахъ о наслѣдствѣ и собственности для крестьянъ, отчасти мѣщанъ и купцовъ, съ одной стороны, и для дворянъ, съ другой, и настаиваютъ на изданіи общаго для всѣхъ безъ изъятія Свода Гражданскихъ Законовъ, единаго и единообразнаго для всей Имперіи? И все это во имя высшаго либеральнаго принципа: *безсословности, безразличія и равенства!*... Особенно ярко и формально-послѣдовательно въ этомъ направленіи проведенъ былъ этотъ принципъ въ учрежденіи городскаго самоуправленія. Извѣстно, что по Городовой Грамотѣ Екатерины, Думы въ принципѣ не были строго сословны; въ основаніи городскаго «представительства» лежала такъ-называемая «обывательская книга», которая, впрочемъ, едвали гдѣ и велась; на дѣлѣ же Думы стали учрежденіемъ общимъ для купцовъ съ мѣщанами и цеховыми, такъ какъ, за исключеніемъ столицъ, рѣдко кто изъ дворянъ и состоялъ въ числѣ постоянныхъ или осѣдлыхъ городскихъ обывателей. При преобразованіи Петербургской Городской Думы, еще даже при Императорѣ Николаѣ, учреждено было представительство равное по числу отъ четырехъ сословій: дворянъ, купцовъ, мѣщанъ съ цеховыми и личныхъ дворянъ или разночинцевъ. При покойномъ Государѣ эта реформа была распространена на Москву, а затѣмъ и на прочіе города. Въ этихъ прочихъ, гдѣ не было налицо дворянъ-домовладѣльцевъ, управленіе болѣе или менѣе носило прежній однородно-сословный характеръ; но въ Москвѣ и другихъ большихъ городахъ установилось совмѣстное всѣхъ городскихъ сословій участіе въ управленіи. И пошло оно было недурно — несмотря на неудобства парламентскаго бюрократизма въ живомъ дѣлѣ хозяйничанья: всѣ сословные интересы имѣли своихъ заступниковъ и находили способъ соглашаться между собою. Но въ 1874 г. послѣдовала новая реформа, болѣе радикальная и съ политической доктриной совсѣмъ согласная: признано было вдругъ, что никакихъ сословныхъ бытовыхъ группъ и сословныхъ интересовъ не существуетъ, что люди, жители города—какія-то отвлеченныя, бездушныя единицы, коихъ все живое опредѣленіе исчерпывается платежомъ городскихъ повинностей,—однимъ словомъ: les contribuables! различіе же между ними только одно: въ размѣрѣ платы... Смѣшали такимъ образомъ всѣ сословныя группы вмѣстѣ, встрясли, взболтали въ одно мутное цѣлое, подѣлили, по количеству платимыхъ повинностей, на три равноправныхъ разряда, и изъ выборныхъ отъ этихъ трехъ разрядовъ и составили Думу. Результатъ вышелъ можетъ-быть и вполнѣ согласный съ принципомъ науки, но вполнѣ безобразный. Живые бытовые интересы общественныхъ классовъ оказались «представленными» вовсе не равномѣрно,—и всякій, еле-грамотный пьяница, торгующій въ разноску тряпьемъ на Хитровомъ рынкѣ по торговому свидѣтельству, оплачиваемому 20 рублями, получаетъ теперь право избирать и быть выбраннымъ въ городскіе представители,—право, котораго лишены способные и просвѣщенные, осѣдлые старожилы-обыватели города, не платящіе прямыхъ повинностей. На общемъ ходѣ городскаго самоуправленія все это сказалось самыми печальными послѣдствіями.

Въ основаніе всей этой реформы и многихъ тому подобныхъ легло, очевидно, крупное недоразумѣніе. Все здѣсь сказалось: и невѣдѣніе истиннаго значенія и смысла русскихъ сословій, и неуваженіе къ правамъ русскаго быта и жизни, — неуваженіе прирожденное, вовсе не умышленное, безсознательное,—и такое же, невольно-подобострастное подчиненіе послѣднему слову политической европейской науки. Родоначальница же этой науки, преобразившей болѣе или менѣе политическій строй всѣхъ государствъ европейскаго материка,—знаменитая Французская революція. Мы не изъ тѣхъ, которые, по остроумному выраженію, если не ошибаемся, Ѳ. М. Дмитріева, полагаютъ, что эта революція произошла отъ того, что «французское начальство не досмотрѣло». Мы вполнѣ признаемъ, что она имѣетъ свое оправданіе или raison d'être въ самой исторіи страны и ея внутреннемъ духовномъ строѣ,—но великое ея зло въ томъ, что она лишила жизнь свободы органическаго перерожденія, презрѣла права жизни, водворила тираннію отвлеченной доктрины надъ жизнью. Она уничтожила всѣ исторически сложившіяся бытовыя различія и формы общежитія, вмѣсто того, чтобъ упразднить лишь неправду въ ихъ взаимныхъ соотношеніяхъ, все нивеллировала, все привела къ внѣшнему единообразію; разсыпала народъ на *единицы* и понятіе о народѣ какъ объ организмѣ, съ разнообразіемъ и свободою его отправленій, замѣнила понятіемъ объ агломератѣ, ариѳметической совокупности безличныхъ индивидуумовъ, которой мысли, желанія, воля должны были опредѣляться ариѳметически же, *счетомъ* голосовъ. Исторія, преданія, народный обычай—пò боку; всѣ нравственные факторы многовѣковой жизни народной—пò боку; вмѣсто качества—количество; вмѣсто нравственной правды—внѣшняя юридическая; вмѣсто бытоваго строя—формально правовой; однимъ словомъ, вмѣсто живой личной власти, живаго народнаго органическаго союза—государственный механизмъ.

Чудовищное развитіе государственнаго начала убило во Франціи Землю; созданное революціей единство убило цѣльность земскаго духа; фальшивый державный народъ (le peuple souverain) въ видѣ извѣстнаго представительства въ Парижѣ — упразднилъ народъ дѣйствительный. До революціи, когда существовало дѣленіе Франціи на провинціи, существовала и мѣстная провинціальная жизнь, и мѣстный провинціальный патріотизмъ; но это не мѣшало сознанію государственнаго единства. Напротивъ: провинціализмъ входилъ въ понятіе общаго отечества—Франціи, мѣстная жизнь входила ручьями въ общую государственную жизнь. Но когда Францію раскроили математически на департаменты, разбили древнія мѣстныя общежитія, уничтожили воздѣйствіе историческихъ преданій, однимъ словомъ, когда оскудѣла мѣстная жизнь и разбились ея бытовыя формы, — когда центральная власть сосредоточилась въ Парижѣ, въ какомъ-то анонимномъ для народа правительственномъ снарядѣ, и оттуда повелительно возвѣщались народу перемѣны самыхъ формъ правленія, съ требованіемъ всякій разъ равномѣрно безусловной покорности,—народъ, не имѣя ни вождя, ни знамени, разрозненный, разсыпанный на единицы, недоумѣвающій, предоставилъ вѣдать государство Парижу, а самъ ушелъ въ *единичную* эгоистичную жизнь. Результатъ сказался въ послѣднюю войну Франціи съ Германіей на поразительномъ упадкѣ патріотизма и ослабленіи идеи отечества! Въ то же время, такъ какъ при искусственномъ и къ тому же насильственномъ водвореніи началъ равенства, революція удержала и не могла не удержать неравенство собственности, то этимъ самымъ, по замѣчанію Ренана, въ основаніе новосозданной демократіи положена была *зависть*. Зависть стала двигателемъ новаго общества и копитъ теперь надъ нимъ грозу революціоннаго соціализма, или же анархіи не признающей надъ индивидуумомъ никакой власти извнѣ: ni Dieu ni maître!

Но мы увлеклись въ сторону. Мы хотѣли только показать—куда, логически, ведетъ путь политической господствующей на Западѣ доктрины, ей же мать Французская революція,—путь насильственнаго уничтоженія, во имя отвлеченныхъ теорій, бытовыхъ различій, бытовыхъ группъ, мѣстныхъ общежитій, путь нивеллировки, внѣшняго уравненія и единообразія,—путь неуваженія къ *мѣстной жизни*. Тотъ историческій путь, по которому призвано идти русское самодержавіе — совершенно противоположный. Основное начало русскаго государственнаго строя—союзъ Земли съ Государствомъ, т. е. признаніе Земли Государствомъ, Земли со всею ея земскою мѣстною жизнью, и наоборотъ—признаніе Государства Землею, какъ необходимаго условія ея существованія и высшаго развитія, какъ верховной, единой, все объединяющей, все предержащей власти, безъ которой она чувствуетъ себя «сиротою», способною разсыпаться и погибнуть. Это понятіе о землѣ или земщинѣ, или же земствѣ, проходитъ сквозь всю нашу исторію; этою нерасторжимою связью съ землею и сильна наша верховная государственная власть. Но эта земля не сочинена государствомъ, и не есть гладкая доска, на которой государство призвано чертить какія угодно свои сочиненія. Примѣръ Франціи свидѣтельствуетъ, что̀ становится со страной, гдѣ идея земли, самобытно подъ покровомъ и руководствомъ верховной власти живущей, упразднена и подмѣнена идеей голаго государственнаго державства. Однимъ словомъ: Русское государство, неразрывное съ понятіемъ о землѣ, признаетъ права быта и жизни, права мѣстныхъ интересовъ, и только упорядочиваетъ ихъ, уравновѣшиваетъ, согласуетъ между собою и съ интересами общегосударственными, съ требованіями высшей нравственной справедливости, живитъ, направляетъ,—и мѣстное и разрозненное возводитъ въ общее и цѣлое, въ одинъ союзъ съ собою.

Но земля или земщина—это не просто множество личныхъ вѣрноподданныхъ единицъ, не просто количественная сумма отдѣльныхъ индивидуумовъ: это цѣлый бытовой разнообразный строй со множествомъ развѣтвленій, разрядовъ и группъ. Стало-быть, разъ онъ признается, разъ эти такъ-называемыя, положимъ, «сословія» существуютъ,—государство не имѣетъ права не признавать, игнорировать ихъ и вводить *насильственно* начало безсословности, чуждое жизни. Оно имѣетъ право и обязано требовать лишь равенства ихъ передъ государственнымъ закономъ, не допускать ничего противнаго высшей нравственной правдѣ... Основное историческое начало русской исторической государственной жизни—это единство въ разнообразіи, и разнообразіе въ единствѣ. Но вѣдь надо и понять, что̀ такое русскія сословія, и въ чемъ ихъ основа. Коренная черта нашего народнаго строя, это—наклонность слагаться въ *союзы*. Вслѣдъ за семейнымъ союзомъ, образуются союзы или міры деревенскіе, союзы артельные, союзы людей однородныхъ занятій, промысловъ и т. д.; всѣ эти союзы или своего рода міры, не прекращаясь и не расторгаясь, способны входить въ союзы общіе — волостные, городскіе, мѣстно-земскіе, до высшаго союза всеземскаго и государственнаго. Таково свойство народа,—*народа* въ тѣсномъ смыслѣ этого слова... Что̀ же такое, въ частности, наши «сословія?» То ли это самое, что̀ понимается подъ сословіями на Западѣ? Что̀ это? замкнутыя корпораціи, обладающія каждая своею особою привилегіею? Ничуть не бывало! Онѣ существуютъ безобидно одна для другой. Это даже не цехи. Это скорѣе касты, такъ какъ въ основѣ ихъ лежитъ преемственная, наслѣдственная однородность занятій, профессіи или служенія; но и отъ кастъ онѣ отличаются тѣмъ, что двери ихъ раскрыты настежь для входа и выхода... Во многомъ существенно отличается отъ нихъ дворянство, но о немъ рѣчь впереди.

Возьмемъ наше «духовное сословіе», которое *повидимому* пуще всѣхъ представляется замкнутымъ и имѣющимъ характеръ касты. Таковъ обычай изстари,что дѣти священно-церковно-служителей посвящали себя тому же поприщу, съ которымъ знакомились съ малолѣтства. «Поповскій сынъ грамотѣ незнающій (безъ чего онъ и «попомъ» быть не можетъ)—«изгой», гласитъ старина XI вѣка. Многіе священники, не хуже любаго аристократа, могли бы, еслибъ хотѣли, прослѣдить свою генеалогію за много вѣковъ—въ предѣлахъ того же духовнаго сословія, которое по истинѣ историческое и земское,— вмѣстѣ съ народомъ труженически вспахавшее историческую ниву. О необходимости обновленія въ немъ духа мы еще поговоримъ не разъ, но здѣсь довольно упомянуть, что оно и теперь представляетъ живую бытовую силу, а между тѣмъ оно вовсе не замкнуто, и всякому вольно и вступить въ него и изъ него выдти!—Купечество? Оно дѣйствительно сословіе, отличающееся особенною бытовою плотностью союза, но не вслѣдствіе юридической организаціи, а вслѣдствіе единства и солидарности интересовъ и жизненныхъ задачъ. По новѣйшимъ законамъ купцомъ считается тотъ, кто платитъ извѣстную гильдейскую пошлину съ капитала, какого бы происхожденія онъ ни былъ. Но ради права торговли платитъ «гильдію» нерѣдко и дворянинъ,—и однакожъ такъ несродна эта профессія дворянскому быту, что сколько онъ ни плати, онъ къ купеческому обществу принадлежать не будетъ, не станетъ ему *своимъ*. Наоборотъ, купцы получившіе оффиціально званіе потомственныхъ гражданъ, даже статскихъ и дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ, не перестаютъ почитаться у купцовъ *своими*, если искони принадлежали къ мѣстному торгующему сословію, не прекращаютъ торговыхъ занятій и имѣютъ осѣдлость въ томъ же городѣ.—Собственно говоря, купцы, какъ и мѣщане (въ которые, по закону, обращается купецъ не уплатившій гильдію (если онъ не почетный гражданинъ, или не попалъ въ дворяне), суть *аборигены городскіе*, настоящіе *горожане:* дворяне въ городахъ большею частью— нашельцы; ихъ корень—въ *уѣздѣ*. Купцы и мѣщане (съ подраздѣленіями послѣдняго сословія), это—старинные *посадскіе;* это—земщина поселившаяся на посадѣ при городѣ и которой главное занятіе — торговля, промыселъ и ремесленничество. законы Петра и Екатерины выдѣлили изъ посадскихъ классъ наиболѣе богатыхъ торговцевъ подъ именемъ купеческаго сословія, члены котораго остаются таковыми пока торгуютъ и настолько богаты, что могутъ платить извѣстныя пошлины съ капитала. У нихъ также есть старинные роды, считающіе себѣ не одно столѣтіе. Наиболѣе сословный духъ живетъ въ этихъ двухъ городскихъ классахъ (именно наименѣе замкнутыхъ!); они наиболѣе способны къ самоуправленію, такъ какъ преданіе *мірскаго* стариннаго строя, общаго какъ крестьянамъ, такъ и посадскимъ, вполнѣ жизненно въ потомкахъ послѣднихъ, т. е. купцахъ и мѣщанахъ, несмотря на новѣйшее измѣненіе формъ и новую регламентацію, данныя закономъ ихъ сословному самоуправленію... Крестьяне? Но странно даже и называть ихъ *сословіемъ;* съ этимъ выраженіемъ соединяется представленіе о нѣкоторой ограниченности численнаго размѣра относительно общей массы населенія,—а вѣдь крестьяне въ Россіи составляютъ свыше 80% общаго числа жителей! Это—самъ материкъ русской земщины, основная стихія русскаго государственнаго бытія;—это—вся Русь сельская, имѣющая свой исконный строй и обычай; это—Русскій народъ по преимуществу или въ тѣсномъ смыслѣ слова! Обвинять крестьянство въ сословной узкости и своеобычности такъ же нелѣпо, какъ обвинять почву—зачѣмъ она черноземна, или зачѣмъ у человѣка волосы бѣлокуры.

И такъ, что̀ же мы видимъ? Видимъ, что всѣ вышепоименованныя русскія «сословія» получаютъ свое опредѣленіе, значеніе и силу не изъ законодательной организаціи, не изъ начала *корпоративнаго*, а изъ условій быта, никакими, другъ передъ другомъ особыми, обидными законными привилегіями и правами не отличаются, и теперь, слава Богу, никакою юридическою неравноправностью не обижены. Вообще же напомнимъ мимоходомъ, что, въ противоположность Франціи, въ основѣ *нашей*, не политической, а бытовой православной демократіи именно-то и не лежитъ *зависть*. Русскому народу, котораго никогда, при всѣхъ превратностяхъ его исторической судьбы, не покидала живая вѣра въ равенство всѣхъ предъ

Богомъ, чуждо стремленіе къ внѣшнему, формальному «*равенству*». Такова общая народная черта, хотя и допускающая частныя исключенія — особенно благодаря новѣйшимъ вѣяніямъ съ Запада. Выше идеи внѣшняго равенства для Русскаго и вообще для Славянскихъ православныхъ племенъ — *идея братства*, которая легко уживается у нихъ съ бытовыми сословными различіями и случайною разностью состояній, не сдерживается ихъ внѣшней преградой!

Какъ бы то ни было, наименованныя нами сословія новою модною идеею о *безсословности* нимало не обольщаются. Напротивъ, именно въ послѣднюю пору, начиная съ царствованія Императора Александра II, когда отмѣнена была юридическая неравноправность тяготѣвшая на купечествѣ сравнительно съ высшими общественными классами и по мѣрѣ того, какъ сословный духъ ослаблялся въ дворянствѣ, онъ, этотъ духъ, именно и сталъ сильнѣе чѣмъ когда-либо развиваться въ купечествѣ. Отъ своей сословности, во всякомъ случаѣ, несмотря на отсутствіе привилегій, ни одно изъ этихъ сословій вовсе и не думаетъ теперь отказываться, почерпая себѣ въ ней крѣпкую союзную бытовую силу: сила эта можетъ быть сдерживаема въ предѣлахъ не отрицательнымъ принципомъ безсословности, весьма мало способнымъ на Руси къ дѣйствительному практическому примѣненію, а напротивъ — сопоставленіемъ и союзомъ бытовыхъ силъ прочихъ сословій.

Другой элементъ сельской Руси составляетъ — дворянство, съ тѣхъ поръ какъ оно стало «помѣстнымъ». Крестьянинъ и дворянинъ-помѣщикъ вотъ собственно *аборигены уѣзда*, историческіе въ немъ хозяева, въ противоположность городу; наоборотъ, купцы и мѣщане въ уѣздѣ — только нашельцы. Дворяне представляютъ чрезвычайно оригинальное явленіе русской жизни, разумѣніе котораго, къ сожалѣнію, сильно затруднено разными иностранными понятіями, внесенными въ организацію этого сословія въ XVIII вѣкѣ. Дворяне искони были служилымъ сословіемъ, т. е. несли службу, отъ колыбели до гроба, государству или государю, коего *слугами* и назывались, — въ отличіе отъ «сиротъ», какъ оффиціально въ прошеніяхъ называли себя люди отъ земщины. Собственно говоря, названіе «дворянинъ» означало до Петра одинъ изъ среднихъ чиновъ, и чинъ притомъ не наслѣдственный, а жалованный (каковымъ сталъ постепенно при Московскихъ царяхъ и чинъ *боярина*, несмотря даже на княжеское происхожденіе жалуемыхъ). Но самая служилая профессія, отъ бояръ до жильцовъ и боярскихъ дѣтей—была *наслѣдственная*. создавая своего рода касту, изъ коей не было выхода. Каста эта однакоже не имѣла *никакой внутренней организаціи*, никакого характера и духа *корпораціи*, никакого своего внутренняго *самоуправленія*,—не представляла даже ни тѣснаго бытоваго *союза*, ни солидарности какихъ-либо *своихъ* сословныхъ интересовъ. Повинность *государственнаго* служенія выдѣляла служивый классъ изъ общей массы земщины и придавала ему, разумѣется, важное бытовое значеніе, особенно съ тѣхъ поръ, какъ вмѣсто жалованья стали надѣлять его помѣстьями. Была, впрочемъ, и до Петра нѣкоторая организація, но она коснулась только самой службы или замѣщенія должностей, гдѣ честь служилая считалась со служебными заслугами *рода*, для чего существовали особенныя «разрядныя книги» («мѣстничество»), а также и верстанія помѣстьями. Олигархическихъ же поползновеній и вообще политическихъ властолюбивыхъ вожделѣній масса служилаго сословія никогда не оказывала. Въ нихъ провинились лишь бояре знатнаго рода, большею частью потомки бывшихъ удѣльныхъ князей или пришлой изъ Литвы и другихъ мѣстъ знати. Съ уничтоженіемъ мѣстничества была сдѣлана попытка организовать служилое сословіе на генеалогическомъ началѣ, чрезъ записку старинныхъ родовъ съ ихъ родословными въ Бархатную Книгу.—но Петръ Великій нанесъ этому принципу сильнѣйшій ударъ, уничтоживъ въ области служенія государству всякое оффиціальное и преимущественное его значеніе. «*Безродный* баловень счастья», Меншиковъ, поставленъ былъ Петромъ выше всѣхъ родовитыхъ, а учрежденіемъ Табели о рангахъ открытъ доступъ къ высшимъ званіямъ для людей всѣхъ сословій — путемъ государственныхъ заслугъ или попросту службы. Такимъ образомъ служеніе государству перестало быть исключительнымъ отличіемъ, привилегированною принадлежностью одного служилаго класса, хотя еще и продолжало быть его наслѣдственною повинностью. Родовая спѣсь была сбита; родъ утратилъ реальное практическое значеніе. Ограда еще оставалась, но съ пробитыми широкими воротами, раскрытыми настежь. Но тѣмъ сильнѣе выступало значеніе этого класса — какъ помѣстнаго землевладѣльческаго, уѣзднаго, съ его историческимъ чувствомъ рода, не лишеннымъ обаянія и для другихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ съ обще-государственнымъ служилымъ преданіемъ. Петръ и пытался дать ему какую-либо организацію, думалъ даже дать ему названіе «шляхетскаго», — но должно-быть и самъ чувствовалъ фальшь такого нерусскаго наименованія. Вскорѣ затѣмъ самою жизнью присвоилось ему общее названіе «дворянскаго», которое стали получать, съ достиженіемъ извѣстнаго чина, и новые служилые люди.

Такъ продолжалось до Петра III. Съ указомъ этого государя «о вольности дворянской», избавлявшимъ дворянъ отъ обязательной служебной повинности государству, впервые явилось въ Россіи сословіе безъ опредѣленной, общей для всѣхъ, однородной профессіи, но съ выдающимся положеніемъ. Наконецъ Екатерина даетъ ему организацію знаменитою Дворянскою Грамотою 1785 года. Въ этой грамотѣ слышится присутствіе началъ нерусскихъ, — попытка создать изъ дворянъ *корпорацію*, которой никогда въ нравахъ этого служилаго сословія не было, такъ какъ никакихъ своихъ общихъ сословныхъ интересовъ у нихъ въ старину и не существовало. Что̀ же было положено въ основаніе *корпораціи*, какъ общее начало? Не служилый принципъ, ибо послѣ указа о вольности дворянской онъ не былъ обязателенъ, а потому и не годился для основанія, — хотя, замѣтимъ, служилое преданіе (весь историческій raison d'être сословія) было такъ сильно, что даже и по новой Грамотѣ, несмотря на очевидное, но собственно лишь формальное противорѣчіе, дворянскій родъ, коего представители не служили государству два поколѣнія сряду, *утрачивалъ дворянское достоинство*... Генеалогическій принципъ также не могъ съ своей стороны служить основаніемъ для корпораціи, ибо Табель о рангахъ продолжала дѣйствовать, и корпорація была вполнѣ открыта для людей худородныхъ, но достигшихъ извѣстнаго чина. Самое существенное основаніе создаваемой Екатериною корпораціи, при всемъ увлеченіи Императрицы французскою философіей XVIII вѣка, выразилось въ пожалованной дворянству исключительной привилегіи душевладѣльчества или владѣнія населенными имѣніями. Государство принимало на себя задачу обезпечивать за дворянами-помѣщиками крѣпостное право; помѣщики, какъ выражалась Екатерина, обращались съ своей стороны въ ту «сотню тысячъ полицеймейстеровъ», которая обезпечивала для Императрицы спокойствіе въ странѣ. Въ то же время Императрица вручила дворянству широчайшія права мѣстнаго управленія и суда, — отъ высшихъ губернскихъ инстанцій до суда *земскаго* и *земской* полиціи (слово и понятіе, хотя и смутное, продолжали еще жить и по временамъ выплывать на верхъ!...).

Не можетъ, конечно, современное дворянство не признать, что дѣло *земскаго* самоуправленія, врученное исключительно ему одному—какъ сословная привилегія, но въ то же время и повинность, при полномъ безправіи всей остальной земщины,—было ведено ими (особенно въ области суда и администраціи) не только болѣе или менѣе неудовлетворительно, но большею частію дурно. Но оно и не могло вестись иначе—именно вслѣдствіе того, что понималось, да и было на дѣлѣ, больше привилегией чѣмъ повинностью,—именно вслѣдствіе фальшиваго положенія созданнаго для дворянства крѣпостнымъ правомъ, какъ принадлежностью сословнаго званія. Тѣмъ съ большею радостью должно было оно привѣтствовать, да и привѣтствовало и подготовило, день 19-го февраля 1861 года, избавившій его отъ поносной привилегіи душевладѣльчества и давшій наконецъ возможность, послѣ долгаго и мучительнаго процесса, возникнуть въ нашей землѣ настоящей мѣстной земской жизни и земскому самоуправленію! Если въ древней Россіи для мѣстной земской жизни недоставало мѣстныхъ земскихъ интеллигентныхъ силъ; если затѣмъ, при водвореніи этихъ силъ въ уѣздѣ, недоставало самой мѣстной свободной сельской земщины, то въ настоящее время имѣется налицо и то и другое...

Теперь-то только и начинается для дворянства новая жизнь, новая эра существованія; теперь только,—именно *послѣ того* какъ оно растеряло всѣ свои исключительныя привилегіи,—и выступаютъ, во всемъ своемъ значеніи, тѣ особаго рода нравственныя права, которыя составляютъ его историческое стяжаніе! Съ этой точки зрѣнія русское дворянство, какъ «сословіе», представляетъ, повторяемъ, одно изъ оригинальнѣйшихъ явленій русской жизни. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ это за сословіе? Что̀ это за корпорація? Какъ *организація* — нѣтъ организаціи слабѣе: никакихъ особенныхъ отличій въ видѣ юридическихъ преимуществъ въ ней нѣтъ,—землевладѣльчество и государственная служба открыты всѣмъ и каждому; записка въ родословную книгу губерніи не сопровождается никакими заманчивыми практически-выгодными послѣдствіями, да и многое множество даже старыхъ дворянъ вовсе объ этой книгѣ и не заботится! Теперь даже и твердой ограды съ воротами нѣтъ, а какой то, для видимости только, низкій плетень; нѣтъ, наконецъ, и существеннѣйшаго элемента каждой корпораціи—однородности профессіи, интересовъ (каковы были интересы крѣпостнаго права); нѣтъ никакого строгаго корпоративнаго духа, ни даже духа родовой спѣси, а если они въ частности и проявляются, то встрѣчаютъ осужденіе въ большинствѣ самого дворянства. Оно не сторонится, не чуждается другихъ сословій и въ своемъ быту: просвѣщеніе сглаживаетъ для него всѣ различія, и университетскій дипломъ цѣнится и въ самой дворянской средѣ едвали не выше дворянскаго патента, во всякомъ случаѣ даетъ ему полную нравственную полноправность въ этой средѣ. А между тѣмъ, несмотря на такую шаткость юридическихъ и соціальныхъ основаній (по нашему же мнѣнію, именно *благодаря* ей), дворянство несомнѣнно существуетъ какъ самый выдающійся, передовой общественный классъ, какъ историческая, нравственная, независимая, бытовая крупная сила, ни для кого уже теперь не предосудительная (ибо не на привилегіяхъ основанная)—сила, которая, конечно, создана исторіей недаромъ... Въ чемъ же заключаются основанія этой силы? Да именно въ томъ, что этотъ классъ всего менѣе сословенъ и корпоративенъ, и въ этомъ смыслѣ нравственно превыше и прешире всѣхъ прочихъ сословій и корпорацій. (Вотъ почему, скажемъ кстати, всякое измѣненіе его организаціи съ цѣлью надѣлить его новыми преимуществами и правами послужило бы ему только къ злѣйшему вреду, ослабило бы его нравственное, свободное значеніе!). Далѣе: въ томъ, что образованіе составляетъ обязательную бытовую его принадлежность. Мы уже замѣчали въ «Руси», что даже и во времена крѣпостнаго права этотъ классъ былъ носителемъ просвѣщенія въ Россіи, разыгралъ роль своего рода tiers-état, только запечатлѣнный инымъ духомъ, чѣмъ на Западѣ, и этимъ же духомъ, болѣе или менѣе, нравственно облагораживалъ, запечатлѣвалъ и тѣхъ, которые, вступая въ его ряды, подвергались его воздѣйствію... Въ томъ, также, основаніе этой силы, что историческое преданіе воспитало въ немъ, въ бывшемъ служиломъ классѣ, привычку и духъ служенія не личнымъ или сословнымъ, эгоистическимъ, а государственнымъ и общественнымъ интересамъ, и дало такое направленіе всему его быту. Этому способствуетъ, конечно, въ извѣстной степени и имущественная обезпеченность... Сила и въ томъ, что, при отсутствіи сословныхъ эгоистическихъ интересовъ, есть у дворянъ нѣчто общее: въ извѣстномъ идеалѣ чести (уклоненіе отъ котораго именно дворянину всѣми и поставляется въ вину какъ нѣчто ему спеціально несродное), — а у старинныхъ дворянъ — и доброе историческое чувство рода, которое въ извѣстной степени доступно и прочимъ сословіямъ, и котораго оживленіе можетъ быть только желательно. Наконецъ, что̀ придаетъ дворянству особенно въ народѣ значеніе, это его деревенское исконное сосѣдство и сожительство съ народомъ, правда, омраченное въ теченіи долгаго періода лѣтъ крѣпостнымъ правомъ, но теперь отъ этого права очищенное и свободное. Теперь для бывшаго служилаго дворянскаго класса открывается поприще служенія не только государству, но и *земству*—въ качествѣ земскихъ мѣстныхъ интеллигентныхъ силъ, въ качествѣ *личнаго* движущаго, руководящаго начала, предстоящаго началу *общинному*, во образѣ сельскаго народа,— началу всегда нуждающемуся въ личномъ живомъ двигателѣ и починѣ.

Мы упомянули объ историческомъ чувствѣ рода, присущемъ (хотя, къ сожалѣнію, и слабо) коренному дворянству и которое часто подвергается осужденію, поставлялось даже въ вину нашему Пушкину. Но кому же оно въ обиду, если оно не сопровождается ни привилегіею, ни спѣсью, а имѣетъ лишь нравственную силу добраго преданія? Нашъ историческій народъ, хоть и не читаетъ хроникъ, но любитъ историческія имена, любитъ старину и чтитъ, не рабски, а свободно, старинные роды, если притомъ эти роды блюдутъ себя, держатъ свое имя на нравственной высотѣ. Къ чести русскихъ дворянъ, можно сказать, что не мало добрыхъ старыхъ дворянскихъ родовъ, въ которыхъ русское чувство *братства* живетъ рядомъ съ чувствомъ и родоваго достоинства. Кому же, напримѣръ, неизвѣстна популярность въ народѣ добраго историческаго рода Шереметевыхъ—даже въ самыя времена крѣпостной зависимости? Вотъ недавно, не безъ умиленія видѣли мы, на похоронахъ такъ внезапно скончавшагося здѣсь В. А. Шереметева, искреннія теплыя выраженія благодарности и любви къ нему крестьянъ всего Рузскаго уѣзда, гдѣ онъ столько лѣтъ былъ предводителемъ, соединяя вмѣстѣ съ чувствомъ христіанскаго смиренія высокое понятіе о долгѣ своего служенія, какъ мѣстнаго дворянина, и вмѣстѣ съ простотой сердца и души, истинно русской и такъ братски сближавшей его съ простымъ народомъ, готовность самоотверженно, доблестно жертвовать собою отечеству, что̀ и доказалъ на прошлой войнѣ. Не предпочтетъ ли всегда народъ *такую* бытовую нравственную силу—личной же силѣ на капиталѣ основанной?

И вотъ эта-то бытовая, не на власти лишь капитала или оскорбительныхъ привилегій основанная, а выработанная, очищенная въ горнилѣ исторіи, нравственно независимая, въ тоже время просвѣщенная сила (мы беремъ здѣсь, конечно, лишь общую, такъ-сказать идеальную ея сторону), *не исключающая* нисколько участія иныхъ, сословныхъ, но равномѣрно просвѣщенныхъ или разумныхъ силъ,—сила притомъ не корпоративная, а проявляющая себя въ единицахъ, не можетъ же не быть призвана къ привычному ей дѣлу служенія, къ служенію земству, — не можетъ же быть искусственно отстраняема, ради какого то отвлеченнаго принципа безсословности, торжество котораго равнялось бы лишь водворенію въ земствѣ вредныхъ воздѣйствій по истинѣ темнаго, сельской жизни посторонняго, сословнаго духа или же замѣнѣ земства казеннымъ чиновникомъ!...

Вотъ почему мы и настаивали на предварительномъ разъясненіи общихъ началъ, полагаемыхъ въ основаніе законодательныхъ работъ въ своеобразной Русской землѣ...

Въ земскомъ началѣ залогъ развитія мѣстной, а потому и общей государственной жизни.

«Русь», 19-го января 1885 г.

Пора же наконецъ отрѣшиться отъ суевѣрій доктринерскаго либерализма при сужденіи о реформахъ прошлаго царствованія въ ихъ современномъ statu quo. Пора оставить этотъ обычный или, какъ теперь въ превеликой модѣ выражаться, «обязательный» у всѣхъ такъ-называемыхъ либералов пріемъ, — отъ котораго, по правдѣ сказать, всегда какъ то неловко становится слушающему или читающему, вслѣдствіе не то что неискренности такого пріема, а какой-то искренности заднимъ числомъ, даже какъ бы оффиціозности... Мы разумѣемъ здѣсь постоянное прикрываніе своего доктринерства флагомъ Императора Александра II, — даже такихъ вожделѣній, которымъ покойный Государь былъ ужъ, конечно, совершенно чуждъ!.. Но пора также, какъ бы ни законны были сами по себѣ порывы негодованія, вызываемые подчасъ по истинѣ невзрачными явленіями нашей дѣйствительности,—пора перестать и обрушиваться на эти реформы съ ярою до слѣпоты ненавистью, громя все сплошь, вырывая вмѣстѣ съ плевелами и колосья, не разбирая гдѣ правда, гдѣ ложь, гдѣ сущность, гдѣ примѣсь, — взывая словно бы къ какому-то движенію вспять, словно бы съ полнымъ презрѣніемъ отметая права жизни и ставя на мѣсто ея лишь одну усиленную дѣятельность исполненной силы власти. И тѣ и другіе, пожалуй, объявятъ, что ихъ точка зрѣнія и пріемы опредѣлены здѣсь не вѣрно; но если это и такъ, то кто же въ томъ виноватъ, какъ не они сами? зачѣмъ не высказываются полнѣе и точнѣе? Обѣ стороны въ ожесточенной борьбѣ между собою. Несомнѣнно однакожь одно: что при настоящемъ состояніи ихъ литературной между собою, злостной полемики, она не только не способствуетъ разъясненію спорныхъ вопросовъ и просвѣтленію общественной мысли, но плодитъ еще пущую смуту въ умахъ, пущее смятеніе понятій. Кто стоитъ внѣ этихъ сраженій, тому видно, какъ борцы, упрямо держась своихъ позицій, только усиливаютъ, каждый, силу или упрямство другаго и подставляютъ взаимно свои открытые фланги вѣскимъ ударамъ противника. Вслѣдъ за ними чуть не все общество распалось въ свою очередь на два стана: защитниковъ и противниковъ реформъ Александра II, и на этой-то неправильной постановкѣ спора создалась цѣлая туча недоразумѣній.

«Русь», какъ извѣстно, не принадлежитъ ни къ тому, ни къ другому стану, и вынуждена спорить съ обоими. Единый истинно-либеральный, прогрессивный, и въ то же время единый охранительный для Россіи путь—есть, какъ мы возражали и тѣмъ и другимъ, путь національно-историческій. Только на *своихъ*, народныхъ основахъ можетъ плодотворно и правильно развиваться русская народная, а стало-быть и государственная жизнь. Силою разныхъ историческихъ превратностей или ниспосланныхъ намъ судьбою испытаній—въ этой жизни произошло замѣшательство; органическій процессъ ея потерпѣлъ разстройство, задержанъ въ свободномъ творчествѣ; основы ея были *потеряны* для сознанія русскаго общества, призваннаго въ то же время къ дѣятельности сознательной и властной. Основы эти,—пренебреженныя, забытыя руководящими, воспитанными въ другихъ понятіяхъ, оторванными отъ своей народности классами,—были невольно или умышленно, но всегда съ помощью насилія или соблазна, подмѣняемы чужими, совсѣмъ противоположными или же схожими только на видъ, для взгляда поверхностнаго, въ сущности же глубоко розными. Ложью поросла, да и проросла русская жизнь; не узнать ея лица,—подлиннаго, настоящаго. Все болѣзненнѣе тоскуетъ, томится теперь Россія по своей правдѣ, словно куда-то схоронившейся, но гдѣ-то тутъ же, около, близко,—по русской жизненной правдѣ-невидимкѣ!... Но эта невидимка станетъ явною только прозрѣвшимъ русскимъ глазамъ.

Въ томъ-то именно и состоитъ задача всего мыслящаго въ Россіи люда, чтобъ глаза-то наши прозрѣли, чтобъ истинныя національныя основы русской жизни стали наконецъ достояніемъ общаго сознанія и разумѣнія. Къ такому вовсе не легкому, но высокому подвигу призвана русская интеллигенція. При этомъ, безъ сомнѣнія, неизчислимо болѣе задатковъ для обрѣтенія истины на сторонѣ тѣхъ (включая сюда и оба, выше названные, враждующіе стана), кто не только мыслитъ, но и любитъ, просто-на-просто любитъ, даже не мудрствуя лукаво, всѣмъ сердцемъ, всѣмъ существомъ своимъ свою родную страну, дорожитъ ея достоинствомъ, честью, величіемъ, славой, могуществомъ, тысячью лѣтъ историческаго бытія выстраданнымъ единствомъ... И ужъ куда какъ мало задатковъ, чтобъ раскрылась когда-либо истина тѣмъ (а вѣдь истина русской національной жизни—всемірно-человѣческаго значенія!), кому дешева русская народная и государственная честь, мощь и все историческое стяжаніе, кто растлилъ свою душу бездушнымъ космополитизмомъ, не умѣетъ, даже не смѣетъ и мыслить независимо, безъ трусливыхъ справокъ съ авторитетами мысли западно-европейской, ревниво, по принципу доктрины, отрицаетъ въ Русскомъ народѣ всякое право на какую-либо «самобытность» духовнаго и политическаго развитія и глупо стыдится, по отношенію къ себѣ, даже подозрѣнія въ «русскомъ патріотизмѣ»!..

Но какъ ни тяжекъ трудъ отвлеченной дѣятельности самосознанія, онъ теперь значительнѣе, чѣмъ когда-нибудь прежде, облегчается внушительными аргументами свойства практическаго,—безобразными фактами нашей дѣйствительности, даже послѣ всѣхъ тѣхъ реформъ, въ которыхъ грезился намъ залогъ всякаго благоденствія и гармоніи!

Послѣднихъ грезъ рѣшилася судьбина!..

Подобно врачу, радующемуся за здоровье больнаго, когда таившійся въ его тѣлѣ загадочный недугъ далъ себя опознать въ наружной сыпи и язвахъ, и усматривающему въ такомъ органическомъ процессѣ «благодѣяніе мощной натуры»,—такъ и мы можемъ по праву благословить Русскую землю за самое ея настоящее вразумительное безобразіе,—за то, что такъ быстро и явно высыпалъ наружу недугъ, коренящійся несомнѣнно въ той разнообразной отравѣ, которою, какъ примѣсью или приправою къ пищѣ, по неразумѣнію или по невѣдѣнію, кормили съ такимъ усердіемъ русскій организмъ ретивые кормильцы. И ужъ высыпало,—на славу! Станутъ, конечно, и теперь—одни упрямо утверждать, что это, дескать, «наносное», «*сверху*-де надуло» и само пройдетъ, только не измѣнять и не прекращать, а еще усилить кѐрма; другіе — что пища сплошь ядъ, что больнаго надо посадить на хлѣбъ на воду, и будутъ настаивать на разныхъ энергическихъ притираніяхъ. Но вѣдь и при продолженіи болѣе или менѣе отравленнаго корма, и при героическихъ лѣкарствахъ грозящихъ вогнать эту сыпь внутрь,—встанетъ грозный вопросъ о жизни и смерти для паціента... Не лучше ли подождать съ лѣченіемъ, да вникнуть, да вдуматься!.. Добросовѣстное изслѣдованіе авось либо наставитъ насъ всѣхъ уму-разуму, укажетъ намъ единый истинный врачующій способъ.

Но именно добросовѣстное. А вотъ даже и на новый 1885 годъ раздалась старая пѣснь, которую тотчасъ же подхватили по всей линіи нашего мнимо-либеральнаго лагеря. Пѣснь эта, правда, поется уже не въ торжествующемъ, а въ минорномъ тонѣ, прерывается вздохами и охами, но не по поводу вышсупомянутыхъ, громче еще вопіющихъ безобразій самой нашей русской дѣйствительности, а по поводу обманутыхъ надеждъ относительно «увѣнчанія», или «достройки» зданія. Странное упрямство, казалось бы, настаивать на достройкѣ, когда въ самомъ планѣ архитектора обличилась погрѣшность, и недостроенное зданіе уже теперь покосилось да покривилось!.. Но доктринеры, какъ извѣстно, имѣютъ способность и видя не видѣть, и слыша не слышать... Да и не слишкомъ ли ужъ рано этотъ нашъ западно-европейскій доморощенный либерализмъ сталъ прикидываться такимъ обиженнымъ и жалкимъ? Дѣло его вовсе не такъ плохо, и чуть ли не большинство русскаго такъ-называемаго образованнаго общества съ большинствомъ чиновниковъ и разными «сферами»—сознательно и безсознательно на его сторонѣ. Мы разумѣемъ здѣсь подъ «дѣломъ»—ненаціональное развитіе русской жизни вообще, ненаціональное направленіе русской государственной политики, не внѣшней только, но по преимуществу внутренней. Если «либерализмъ» повидимому не въ авантажѣ, то его старшій братецъ, и даже не братецъ, а законный родитель — «бюрократизмъ», заодно со всѣмъ нашимъ канцелярско - полицейскимъ строемъ — обрѣтается въ вожделѣнномъ здравіи и даже преуспѣваетъ. Какъ ни отсѣкайте у него сучья,—пока онъ цѣлъ, они отростутъ вновь. Да и чего тутъ плакать и сѣтовать, когда цвѣтетъ столицей

Русской земли, благополучно «психопатствуя», Санктъ-Петербургъ, даже въ настоящую минуту работающій надъ измѣненіемъ русскихъ *гражданскихъ* законовъ по духу и разуму французскаго Code Civil и надъ изверженіемъ изъ русской жизни всего такъ-называемаго русскаго обычнаго права или народныхъ бытовыхъ юридическихъ воззрѣній и правилъ!.. Плакаться и сѣтовать не имъ, не мнимымъ либераламъ нашимъ, а по прежнему Русской землѣ!

Затянувшій эту жалобную пѣснь, одинъ изъ солиднѣйшихъ органовъ нашей, величающей себя либеральною, печати, возвращаясь памятью за 20 лѣтъ назадъ, приходитъ къ унылому заключенію, что «первая» половина переживаемаго нами десятилѣтія составляетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ прямую противоположность первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ. Многое изъ сдѣланнаго тогда обсуждается въ обратномъ смыслѣ и даже предлагается печати къ передѣлкѣ»... Это справедливо, но вѣдь не всегда же прискорбно. Нельзя же ни во что̀ ставить двадцатилѣтній жизненный опытъ! Вотъ, напримѣръ, самъ «Вѣстникъ Европы», въ 1-ой своей книгѣ нынѣшняго года, въ статьѣ г. Анисимова подъ заглавіемъ: «Разложеніе нашей земельной общины», пришелъ не только къ отрицанію своихъ взглядовъ за 20 лѣтъ назадъ, но и къ повторенію почти буквальному—какъ вообще тѣхъ мнѣній о началахъ положенныхъ въ основаніе выкупа въ Положеніи 19 февраля, которыя были изложены и въ «Днѣ» и въ «Руси», въ статьяхъ гг. Н. Б. и Д. Ѳ. Самарина, такъ и въ частности тѣхъ самыхъ предложеній «о замѣнѣ вносимыхъ въ настоящее время крестьянами выкупныхъ платежей несравненно менѣе обременительною оброчною податью», которыя такъ точно и полновѣсно были формулованы г. Самаринымъ на страницахъ нашего изданія и которыя вызвали на него нападеніе со стороны всего «либеральнаго» лагеря. Они, еще недавно, косвенно подтверждены имъ въ «особомъ мнѣніи къ протоколу Московской Университетской Коммиссіи по присужденію преміи г. Иванюкову за его сочиненіе о «Паденіи крѣпостнаго права въ Россіи» (см. 9 № «Руси» 1884 г.). Но возвратимся къ упомянутому нами солидному органу печати. «Между прошедшимъ и будущимъ» (въ то время, въ первой половинѣ 60-годовъ) «существовала, казалось, *полная гармонія*», увѣряетъ онъ; «можно было ожидать не только исполненія всего обѣщаннаго, *окончанія* всего начатаго, но и *новыхъ* шаговъ впередъ, къ однажды избранной *цѣли*. Съ тѣхъ поръ прошло 20 лѣтъ — и *постройка* не только не окончена, но многія ея части разрушились, другія обречены на разрушеніе», и т. д. Какъ видитъ читатель — вся старая терминологія налицо! Въ числѣ доказательствъ приводится «недовѣріе къ земскому и городскому самоуправленію» со стороны власти, «кругъ дѣйствій Положенія о земскихъ учрежденіяхъ давно уже остается неподвижнымъ» и т п. Все это вѣрно; обо многомъ дѣйствительно можемъ и мы пожалѣть, напр. объ измѣненіи закона о печати 1865 года, но не о всемъ томъ и не въ томъ смыслѣ, какъ жалѣетъ сей представитель нашего «либеральнаго» стана. И знаете ли, что̀ затормозило «прогрессъ», который вы теперь поминаете? Да именно то, что̀ въ реформахъ прошлаго царствованія было привнесено (и большею частью—именно благодаря вамъ) фальшиваго, чуждаго основамъ и духу русской жизни, что̀ сидѣло въ этомъ самомъ вашемъ *чаяніи*, въ этомъ ожидаемомъ «окончаніи» или «увѣнчаніи» постройки. Историческая русская жизнь не стерпѣла этого противорѣчія и протестовала,—протестуетъ и теперь противъ насильно навязанныхъ ей *ненаціональныхъ* формъ самоуправленія; протестуетъ самою этою жалкою безплодностью и несостоятельностью практическихъ результатовъ новыхъ учрежденій. Вольно-жъ было мечтать о «гармоніи между прошедшимъ и будущимъ», когда никакая, конечно, гармонія не была возможна, если въ этомъ будущемъ рисовалось водвореніе на русской народной почвѣ западно-европейскаго «правоваго порядка»!.. Замѣнить этимъ «правовымъ порядкомъ» — канцелярско-полицейскій (Россіи также несомнѣнно чуждый и непріязненный, и также не давшій никакой «гармоніи»!), это значило бы для Россіи попасть изъ огня да въ полымя. Послѣдняя ложь была бы даже горше первой, такъ какъ окончательно сдвинула бы Россію, даже въ самомъ принципѣ, съ ея историческихъ основъ и предала бы Русскій народъ — страшно подумать!—во власть нашей оторванной отъ народной жизни интеллигенціи, сотворила бы поверхъ подлиннаго, настоящаго Русскаго народа — «лже-народъ», тотъ фальшивый народъ, который и теперь еще красуется въ конституціонныхъ палатахъ Запада, но надъ которымъ уже и тамъ занесена рука народной Немезиды.

Въ великихъ реформахъ Императора Александра II (не объ освобожденіи крестьянъ здѣсь рѣчь) надо различать двѣ стороны: истинную и лживую. Восколько въ нашу жизнь, съ этими реформами, привносилось началъ общечеловѣческой правды, востолько онѣ и благи; восколько онѣ являлись къ намъ рабскимъ сколкомъ или спискомъ съ самихъ учрежденій западно-европейскихъ, лоскутьями вырванными какъ бы живьемъ изъ чуждой жизни, преимущественно французской,— принадлежностью или частью, и притомъ неотъемлемою, общей западно-констуціонной правительственной системы,— востолько онѣ замутили нашу жизнь фальшью, стало-быть были нашей странѣ во вредъ. Онѣ и пришли, да и не могли не придти, въ столкновеніе—и съ господствующимъ у насъ историческимъ принципомъ власти, и съ коренными основами народнаго строя. Въ этомъ отношеніи онѣ несомнѣнно подлежатъ пересмотру и передѣлкѣ. И въ какое время вошли онѣ къ намъ? Въ то время, какъ самая та система на Западѣ (обрывками которой онѣ у насъ явились) начала уже колебаться какъ устарѣлая, терять у себя дома и обаяніе, и авторитетъ! Вся Европа озабочена теперь перевѣркою своего политическаго катихизиса; всѣ серьезные умы заняты этою работою: парламентаризмъ все болѣе и болѣе дискредитуется,—а наши либеральные доктринеры—истинные ретрограды въ наукѣ—продолжаютъ лепетать, какъ затверженные уроки, ея когда-то «послѣднія слова», ея зады, и отъ науки-то отставъ, и въ русской жизни продолжая ничего не признавать и не смыслить! Но если прошлыя реформы должны подвергнуться передѣлкѣ, то ужъ конечно не для того, чтобъ вновь доставить торжество той самой правительственной у насъ системѣ, которая имъ непосредственно предшествовала и противоядіемъ относительно которой онѣ въ свое время явились или предназначались быть. Эта система, въ свою очередь, противорѣчила и противорѣчитъ русскому народному идеальному понятію о верховной власти, и вообще русскому національному духу. На этой системѣ удержаться было нельзя. Тотъ путь, которымъ шло наше, государство до временъ Александра II, съ его полновластной, канцелярско-полицейской опекой, отвергавшей свободную дѣятельность самой народной жизни—былъ путь нерусскій и такой, которому не было и нѣтъ другаго *логическаго* исхода, кромѣ пресловутаго «правоваго порядка». Если кто не желаетъ послѣдняго—долженъ, поэтому, отречься и отъ перваго пути; если кто стоитъ за этотъ первый, тотъ силою логики сойдетъ, рано или поздно, на путь конституціонный. Выходъ изъ этой дилеммы одинъ: отречься отъ обоихъ путей и стать на путь новый, онъ же и древній, историческій и народный, государственно-земскій. Но, какъ мы сказали, самое понятіе о народномъ и народности требуетъ еще работы сознанія, которая, впрочемъ, въ наши дни уже значительно облегчается самою практикою.

Возьмемъ, какъ примѣръ, реформы извѣстныя подъ названіемъ «городскаго и земскаго самоуправленія». Ужъ конечно, что касается самоуправленія, такъ не можетъ, повидимому, быть начала болѣе свойственнаго нашему народному строю. На самоуправленіи искони стояла Россія. Да и теперь верховная власть правитъ верховно милліонами русскаго сельскаго населенія чрезъ самоуправляющіеся безчисленные крестьянскіе міры. Вѣче, міръ, соборъ, городское и сельское самоуправленіе проходятъ сквозь всю русскую исторію. Позднѣе оно вводится Иваномъ Грознымъ *въ составъ русской государственной системы*, не только признается, но и получаетъ болѣе широкое развитіе по почину самой самодержавной власти; учреждаются и мѣстные суды съ выборными или излюбленными судьями Да и послѣ Петрова преобразованія, когда стихія земской жизни, казалось, сохранилась только въ средѣ податныхъ сословій,—что́ же, какъ не та же идея мѣстнаго самоуправленія—только въ искаженномъ, исключительно сословномъ видѣ—выразилась въ привилегіяхъ, данныхъ Екатериною дворянству и предоставлявшихъ ему мѣстныя судебныя и правительственныя функціи? Понятное дѣло, что когда съ паденіемъ крѣпостнаго права стала наконецъ возможною полнота русской земской жизни,—мысль о землѣ и земствѣ, равно какъ и самое слово, должны были воскреснуть снова. И точно, какъ бы въ отвѣтъ на этотъ запросъ предъявленный жизнью, являются, черезъ три года послѣ освобожденія крестьянъ, такъ-называемыя *земскія учрежденія.* Повидимому мы вступили на путь вполнѣ *національный!* Но только повидимому,—да иначе едвали бы эта реформа вызвала къ себѣ такое сочувствіе со стороны людей, которымъ до русской исторіи и національности не было ни малѣйшаго дѣла. Эти послѣдніе усмотрѣли въ «земскихъ учрежденіяхъ» нѣчто либерально-иностранное, именно — учрежденія «представительныя», каковыми они въ сущности и были, каковыми и назывались, хотя неоффиціально. Въ сущности произошла подтасовка разныхъ понятій и идеаловъ, народныхъ и нисколько не народныхъ. Подъ русское старинное названіе и начало подведены были болѣе или менѣе близкія подражанія французскимъ conseils municipaux и прусскимъ Landsordnungen, только въ духѣ еще болѣе «либеральномъ». Но вѣдь не одно и то же «парламенты»—и вѣча, міры или соборы! Общаго между ними мало. Понятно однако, что система мѣстныхъ «представительныхъ учрежденій» съ парламентами подъ видомъ «собраній»—многимъ логическимъ умамъ должна была казаться лишь этапомъ въ общей іерархіи «представительства» и возбуждать аппетитъ къ «докончанію начатаго», къ достройкѣ зданія—вѣнцомъ «правоваго порядка»...

Ну, и пошла гулять ложь! И завелись говорильни, и началась нескончаемая болтовня вмѣсто дѣла, и водворилась въ либеральныхъ представительныхъ мѣстахъ своего рода бюрократія не хуже петербургской, — и захватили уже по мѣстамъ земское самоуправленіе въ свои руки, — и совершенно легально, «*большинствомъ* голосовъ», подкупомъ и иными электоральными пріемами, не хуже чѣмъ въ чужихъ краяхъ,—богачи-кулаки, да проходимцы. Конечно, высокія личныя достоинства нѣкоторыхъ дѣлателей помогаютъ имъ иногда, тамъ и сямъ, выносить на своихъ плечахъ къ благому исходу земское дѣло, но это заслуга не столько самого учрежденія, сколько ихъ самихъ,—но это случайность! Нѣтъ подобныхъ дѣятелей, и выйдетъ то же, что̀ и у насъ въ Москвѣ, гдѣ городская Дума можетъ теперь служить отличнымъ образцомъ такого на русской почвѣ самоуправленія—въ аппретурѣ иностранныхъ «представительныхъ» учрежденій!.. И не потому наше самоуправленіе городское и земское представляетъ такой жалкій видъ чего-то несостоятельнаго, что (какъ говоритъ органъ «либеральный» печати) «кругъ для самоуправленія остается доселѣ неподвижнымъ», т. е. не расширяется. Да куда же ему еще расширяться, и въ какомъ смыслѣ? Въ томъ ли, какъ однажды *печатало* (мы это сами читали) одно изъ земствъ, въ отвѣтъ на запросъ о реформѣ сельскаго и уѣзднаго управленія, что мѣстное земство не можетъ-де интересоваться однимъ тѣснымъ кругомъ мѣстныхъ дѣлъ, но что ему необходимо обсуждать и государственные расходы, вѣдать и государственный бюджетъ?.. Не въ томъ также бѣда, по крайней мѣрѣ не только въ томъ, что въ правительствѣ замѣчается «недовѣріе къ самоуправленію», выразившееся недавно въ какомъ-то циркулярѣ (на что указываетъ тотъ же солидный органъ либерализма, какъ на признакъ наступившей реакціонной поры). Горе въ томъ, что это недовѣріе оправдано самою дѣйствительностью, и пуще всего—всеобщимъ (нечего этой бѣды таить) недовѣріемъ *самого населенія!* Если нѣсколько лѣтъ назадъ еще могли нѣкоторые идеалисты, въ своей любви къ «представительству», обманывать себя объясненіемъ, будто плохіе результаты самоуправленія происходятъ исключительно отъ вины высшей администраціи, то теперь это объясненіе никуда уже не годится, и для уразумѣнія причинъ достаточно прочесть протоколы многихъ думскихъ и земскихъ засѣданій, или извѣстія о земствахъ, помѣщаемыя въ разныхъ газетахъ, въ томъ числѣ и въ нашей...

Что же, уничтожить, похерить земство? Сохрани Богъ,—образуется пустота или замѣна—чиновниками. Не уничтожить слѣдуетъ его, а преобразить,—одновременно съ преобразованіемъ сельскаго управленія,—въ смыслѣ требованій народной жизни, согласно съ народнымъ духомъ, позабывъ о всякихъ иностранныхъ либеральныхъ доктринахъ. Въ земскомъ началѣ,—не какъ началѣ оппозиціонномъ русскому принципу верховной единоличной власти, но какъ неизбѣжно входящемъ въ самую систему государственнаго строя и управленія,—кроется для насъ залогъ самаго широкаго, здороваго, истинно-либеральнаго развитія мѣстной, а потому и общей государственной жизни...

Чтожъ иное, какъ не фундаментъ всей Россійской Имперіи,— наша сельская или, точнѣе, уѣздная Русь?

«Русь», 26-го января 1885 г.

Слыханное ли дѣло, чтобъ люди живущіе въ верхнемъ этажѣ даже и бровью не повели и глазомъ не моргнули, и съ полною безпечностью продолжали плести свои верхне-этажныя дѣла и дѣлишки — въ ту самую пору, когда подъ домомъ подгниваетъ или ломается фундаментъ и подводится новый? Не безразличная, казалась бы, для прочности дома—статья: фундаментъ! ненадеженъ онъ, или плохо выведенъ — не сдобровать зданію: осядетъ, покосится, покривится, да чего добраго — и обрушится со всѣми этажами! А что-жъ иное какъ не фундаментъ всей Россійской Имперіи—наша сельская или, точнѣе, уѣздная Русь? Не должна ли бы забота о благосостояніи и благонадежности этой основы первенствовать надъ всѣми другими заботами, особенно же надъ заботами объ устройствѣ и украшеніи этажей? Но легкомысліе не знаетъ логики, и ничѣмъ инымъ, какъ легкомысліемъ, можно объяснить ту малую долю серьезнаго вниманія, какая удѣляется не только въ столичныхъ обществахъ, но даже и въ петербургскихъ администравныхъ кругахъ, настоящему положенію и задачамъ о переустройствѣ уѣздной Руси. И хотя эта послѣдняя—не болѣе не менѣе какъ 90% всего населенія Русскаго государства (за исключеніемъ даже Кавказа и Царства Польскаго),—но въ глазахъ чиновнаго Петербурга она, эта уѣздная Русь, изъ всѣхъ «вѣдомствъ» едвали не самое маловѣское по своему внутреннему значенію. Конечно, такое легкомысленное отношеніе можетъ въ свою очередь быть оправдано или извинено продолжительною отвычкою принимать эту Русь въ серьезное соображеніе при бюрократическомъ рѣшеніи разныхъ высшихъ вопросовъ, продолжительною увѣренностью (многими историческими опытами оправданною) въ неистощимости сего источника благополучія—государственнаго вообще, чиновничьяго-жъ въ частности; не безъ участія тутъ, пожалуй, у нѣкоторыхъ и тайное чиновничье сознаніе, что «на нашъ вѣкъ хватитъ...» Однакоже, если личному благополучію петербургскихъ чиновниковъ ничего пока не грозитъ, то государственное наше благополучіе, казалось бы, вовсе теперь уже не такого рода, чтобъ располагало къ самоублаженію и сладкой дремотѣ. Напротивъ, оно достигло той степени вразумительности, при которой дальнѣйшая, свойственная нашей бюрократіи косность легкомыслія становится нѣсколько зловѣщею.

Не для чего, думаемъ, и объяснять, что государственное благополучіе находится въ тѣснѣйшей органической связи съ состояніемъ нравственнымъ и матеріальнымъ Руси уѣздной, съ прочностью и здоровьемъ самихъ основъ государства. И кто же имѣющій очи чтобъ видѣть и уши чтобъ слышать, — не вѣдаетъ, что здоровье это уже въ извѣстной степени пошатнулось, что общій уровень народнаго матеріальнаго и нравственнаго благосостоянія, несмотря на освобожденіе крестьянъ, сильно понизился; что рядомъ съ обнищаніемъ большинства, съ упадкомъ крестьянскаго хозяйства, быстрыми шагами идетъ впередъ и разложеніе бытовое; что почти все, чѣмъ изъ области правоваго порядка вздумали снабдить, улучшить, урегулировать старыя историческія формы народнаго общежитія и самоуправленія, оказалось не только непригоднымъ и несостоятельнымъ, но еще сильнѣе подтачивающимъ ихъ пошатнувшуюся крѣпость; что у всего народа одинъ вопль, одна жалоба: на безсудье, безвластье, недостатокъ опоры и руководительства, на вторженіе въ его внутренній строй началъ розни, обособленія, хищничества — благодаря новымъ, отъ него не зависящимъ, искусственно созданнымъ условіямъ жизни .. И что̀ же? Казалось бы, эти нужды, эти вопросы, касающіеся судьбы девяти десятыхъ русскаго населенія, имѣли бы право вызвать къ себѣ «подлежащее» участіе — не менѣе живое, чѣмъ проекты, при всей ихъ важности, объ элеваторахъ и новыхъ желѣзныхъ путяхъ? Но такой странный оборотъ приняла вся русская жизнь, что самое реальное въ ней — представляется для Петербурга наиболѣе отвлеченнымъ. Для Петербурга наиреальнѣйшее — онъ самъ, остальная Россія — болѣе или менѣе абстрактъ. Этимъ мы вовсе не хотимъ сказать, будто вопросъ о преобразованіи сельскаго и уѣзднаго управленія былъ совсѣмъ обойденъ вниманіемъ. Напротивъ, мы очень хорошо знаемъ, что онъ даже составляетъ предметъ занятій особой, спеціально для сего учрежденной Коммисіи,—той Коммиссіи, что въ разговорѣ и даже въ печати носитъ названіе — по имени своего предсѣдателя, статсъ-секретаря Каханова—Кахановской. Можно утверждать даже, что Коммиссія отнеслась къ своей задачѣ очень серьезно, такъ какъ цѣлые четыре года сряду изготовляла проектъ, который теперь и пересматривается ею вновь «въ усиленномъ составѣ», т. е. съ приглашеніемъ въ ея составъ, на сей случай, еще нѣкоторыхъ сановниковъ, представителей разныхъ министерствъ и вѣдомствъ, а также, *съ мѣста*, нѣкоторыхъ губернаторовъ, предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ и уѣздныхъ предводителей. Но позволительно по этому самому придти къ заключенію, что важное, великое значеніе задачи не оцѣнено по достоинству ни Коммиссіей, ни даже высшими административными сферами. Не такова эта задача, слишкомъ большой кругъ жизненныхъ интересовъ Русской земли захватываетъ она, чтобъ могла подлежать какому-то негласному, келейному обсужденію и рѣшенію (хотя бы еще только въ формѣ окончательнаго проекта) такого малаго, и притомъ совершенно случайнаго относительно приглашенныхъ изъ провинціи лицъ, состава Коммиссіи. Она требуетъ обсужденія всеобщаго, всесторонняго,— не петербургскихъ сановниковъ по преимуществу, какъ это дѣлается теперь, но людей мѣстныхъ, земскихъ, нарочно для этого созванныхъ въ особые по губерніямъ Комитеты, какъ это съ такимъ успѣхомъ было исполнено при рѣшеніи вопроса объ освобожденіи крестьянъ. Необходимо при этомъ и общее содѣйствіе печати. Между тѣмъ обсуждаемый нынѣ Коммиссіею проектъ не былъ даже и обнародованъ во всей своей полнотѣ, и благодаря только такъ-называемымъ нескромностямъ печати доходили до русскаго общества нѣкоторыя свѣдѣнія о происходившихъ въ «усиленной» Коммиссіи преніяхъ и баллотировкахъ Если нѣкоторыя ея предположенія оказались—слава Богу!—въ прошлогоднихъ засѣданіяхъ забаллотированными, такъ вѣдь это счастливая случайность, — такъ вѣдь это потому только, что въ составѣ Коммиссіи, совершенно неожиданно для приглашавшихъ, оказалось налицо нѣсколько мѣстныхъ дѣятелей съ живымъ и здравымъ пониманіемъ русской жизни, и имъ удалось по кое-какимъ обсуждаемымъ параграфамъ привлечь на свою сторону лишніе голоса и составить такимъ образомъ большинство; по другимъ же нѣкоторымъ параграфамъ, вслѣдствіе ли недоразумѣній при постановкѣ вопроса или по чему другому, они все же очутились въ меньшинствѣ, хотя—нѣтъ сомнѣнія—на ихъ сторонѣ громаднѣйшее большинство всѣхъ тѣхъ, кто въ Россіи вѣдаетъ сельскую Русь не изъ книжекъ, а по личному опыту... На дняхъ, «С.-Петербургскія Вѣдомости», по поводу возобновившихся засѣданій Коммиссіи, выразили желаніе, чтобъ меньшинство составило свой контръ-проектъ, и чтобъ оба проекта,—т. е. какъ первоначальный, Коммиссіоннаго большинства (болѣе или менѣе, какъ извѣстно, подвергшійся не исправленію, а изувѣченію), съ тѣми параграфами, которые оказались, по числу голосовъ, принятыми, такъ и проектъ меньшинства (который еще не составленъ и который, какъ мы имѣемъ основаніе предполагать, будетъ расходиться съ первымъ въ самыхъ основныхъ своихъ началахъ),—были вносимы *по частямъ* въ Государственный Совѣтъ ради скорѣйшаго разсмотрѣнія. Но какъ ни страждетъ уѣздная Русь отъ неурядицы, предлагаемая газетою мѣра (по всей вѣроятности такъ думаетъ не она одна) была бы нисколько не желательна! При явномъ неудобствѣ для серьезнаго законодательнаго труда, она не представляла бы и достаточныхъ гарантій для правильнаго разрѣшенія самой задачи. Члены Государственнаго Совѣта въ большинствѣ своемъ не суть люди искусившіеся въ практическомъ знаніи русской сельской и уѣздной жизни—особенно же въ *настоящую* ея пору, а потому, призванные разсматривать вопросъ объ ея организаціи съ точки зрѣнія высшихъ государственныхъ интересовъ и въ связи со всею системою государственнаго управленія, они нуждаются въ такомъ подготовительномъ трудѣ, который бы представлялъ авторитетное ручательство въ полномъ знакомствѣ съ условіями современнаго русскаго сельскаго и уѣзднаго строя: проектъ большинства Коммиссіи такой гарантіи, конечно, не представляетъ. Но если въ этомъ отношеніи предполагаемый проектъ меньшинства и будетъ имѣть несомнѣнное преимущество, то все же меньшинство это слишкомъ малочисленно само по себѣ, да и работа его, если только меньшинству будетъ поручено ее совершить — чего мы отъ всей души желаемъ, была бы по необходимости исполнена слишкомъ спѣшно и срочно, — такъ что едвали отъ составленнаго такимъ образомъ наскоро проекта можно было бы ожидать полнаго соотвѣтствія всѣмъ требованіямъ разнообразія мѣстной жизни: не вполнѣ одно и то же губерніи степныя и губерніи центральныя, Калуга и Пермь, и т. д. Затѣмъ нельзя не признать страннымъ самое это предположеніе, чтобъ Государственный Совѣтъ разсматривалъ проекты *по частямъ*. Надо думать, что части представляютъ нѣкоторое органическое цѣлое; разсматривать же отдѣльно, съ баллотировкою по параграфамъ, не вѣдая проекта въ его полномъ видѣ—значило бы подчасъ предрѣшать участь послѣдующихъ §§ прежде знакомства съ ними, или наоборотъ: связывать себя собственнымъ преждевременнымъ можетъ-быть ошибочнымъ голосованіемъ! Тутъ только, повторяемъ, выходъ одинъ: передать проекты большинства и меньшинства на разсмотрѣніе особыхъ, созванныхъ для сего губернскихъ Комитетовъ по всей Россіи или по тѣмъ губерніямъ, до которыхъ предполагаемая реформа относиться можетъ.

Первоначальный проектъ Кахановской Коммиссіи, насколько онъ сообщенъ во всеобщее вѣдѣніе, представляетъ самъ по себѣ явленіе по истинѣ высокаго интереса, заслуживающее внимательнаго изслѣдованія. Нѣтъ сомнѣнія, что авторы его трудились надъ нимъ съ полною добросовѣстностью и одушевлены были самыми благими намѣреніями, но именно потому онъ и долженъ быть признанъ *типическимъ* образцомъ политическаго и административнаго міросозерцанія, склада и направленія мыслей петербургскихъ высшихъ чиновниковъ формаціи послѣднихъ двадцати лѣтъ. Это какое-то гармоническое сочетаніе русско-канцелярскаго бюрократизма—не то что съ «либерализмомъ», но съ доктринерствомъ, котораго либеральное историческое происхожденіе теряется въ дали временъ, можетъ быть даже, какъ таковое, и не присуще сознанію, но тѣмъ не менѣе вошло въ плоть и кровь въ видѣ какихъ-то аксіомъ «европейской науки» или «европейской цивилизаціи». Это даже не столько умышленное, отчетливое сочетаніе, сколько невольный, даже какой-то трогательный продуктъ вѣры (или суевѣрія) въ канцелярію и въ доктрину, *въ обѣ вмѣстѣ*,—при полномъ безвѣріи въ права русской жизни, или точнѣе: при полномъ, даже наивномъ, отрицаніи этихъ правъ. Русская народная жизнь просто игнорируется, просто не признается, и не вслѣдствіе какой-либо специальной, систематической *къ ней* враждебности, а вслѣдствіе стародавняго бюрократическаго преданія, вслѣдствіе полнѣйшаго отъ нея отчужденія, вслѣдствіе высокомѣрнаго предубѣжденія въ ея «некультурности» и «низкой степени развитія», вслѣдствіе инстинктивной неприязни ко всему самостоятельному и живому, а можетъ-быть и вслѣдствіе инстинктивнаго же, тайнаго опасенія, что вмѣстѣ съ признаніемъ правъ за этой жизнью—для петербургскаго канцеляризма возникнетъ вопросъ: «to be or not to be»....

1-й же § первоначальнаго проекта Коммиссіи,—проекта касающагося жизни и быта нашей сельской Руси, а сельская Русь—это 68 милліоновъ крестьянскаго осѣдлаго населенія,—построенъ на принципѣ «всесословности». Принципъ этотъ—какъ извѣстно—числится, со временъ французской первой революціи, послѣднимъ словомъ порожденной ею политической научной доктрины. А въ силу этой доктрины всѣ бытовыя различія и формы общежитія должны быть нивеллированы, приведены къ внѣшнему единообразію,—народъ лишается своего значенія какъ историческій организмъ съ разнообразіемъ и свободою своихъ органическихъ отправленій и низводится на степень ариѳметической совокупности отвлеченныхъ, между собою разрозненныхъ единицъ, которыхъ все живое опредѣленіе по отношенію къ государству исчерпывается платежомъ податей и повинностей. Французская революція, какъ мѣстная или даже вообще западно-европейская историческая тяжба, имѣетъ, безъ сомнѣнія, свое законное raison d'être, но иное дѣло—возобладавшая, на ея основаніи, надъ западно-европейскимъ міромъ политическая теорія. Послѣдняя логически приводитъ къ двумъ, несовмѣстимымъ въ сущности результатамъ: съ одной стороны, къ полнѣйшему торжеству и преобладанію отвлеченнаго начала государственной власти надъ жизнью,—власти не спотыкающейся ни о какіе бытовые союзы или сословныя группы, ни о какія самостоятельныя права жизни, даже нравственнаго характера: Церковь на дорогѣ—явленіе внѣгосударственное, внутренне-независимое: по боку ее!.. Господь Богъ... Долой Его имя: мѣшаетъ! Съ другой стороны, то же ученіе приводитъ къ полнѣйшему разнузданію личности отъ какихъ бы то ни было стѣсненій,—къ такой гипертрофіи индивидуализма, для которой никакое общежитіе, даже общегосударственное, уже не мыслимо, которая есть отрицаніе всякаго естественнаго союза, даже самой идеи отечества,—которой послѣднее слово: анархизмъ, ni Dieu ni maître! Вотъ крайніе логическіе выводы западно-европейской доктрины о внѣшнемъ равенствѣ, правахъ личности и безсословности. Зачѣмъ же, спрашивается, Россію-то привлекать къ похмѣлью въ чужомъ пиру, когда ея историческая формація шла совершенно особымъ путемъ? Не подлежитъ сомнѣнію, что всякая неправда во взаимныхъ отношеніяхъ сословій между собою должна быть устранена, что всякая юридическая неравноправность, оскорбительная для человѣческаго достоинства или порабощающая одно сословіе другому, должна быть изгнана,—но какая же надобность, внѣ этого, ломать жизнь и лишать ее законной свободы органическаго творчества, стремиться къ насильственному или искусственному уничтоженію исторически порожденныхъ ею бытовыхъ союзовъ,—даже и такихъ, существованіемъ которыхъ никто и не думаетъ тяготиться, развѣ лишь подъ наитіемъ чуждой, отвлеченной доктрины?! Напротивъ, надобно радоваться, что русская соціальная жизнь—не tabula rasa, не голое поле, въ которомъ петербургской бюрократіи негдѣ было бы подчасъ и спотыкнуться. Пусть спотыкается, пусть подчасъ и запнется объ жизнь, пусть считается, даже и не хотя, съ тѣмъ что̀ есть и живетъ, и имѣетъ права на бытіе,—съ органическими явленіями, нуждами и потребностями Русской Земли. Но бюрократіи именно этого и не желается.

Кахановская Коммиссія, коснувшись сельской Руси, на первомъ же шагѣ своемъ запнулась о русское *село*,—эту основную форму крестьянскаго общежитія. На первомъ же шагу—*крестьянство*. Крестьянство!... Это вѣдь что-то «сословное», значитъ — «корпоративное»..! Неужели же такъ, съ самаго начала, и признать за точку отправленія «сословный принципъ»! Такъ очевидно разсуждала Коммиссія, смущаясь въ своей доктринерской совѣсти и упуская изъ виду, что сословіе въ 68 милліоновъ душъ даже нѣчто болѣе чѣмъ сословіе или корпорація, что это — цѣлая *основная* стихія Русскаго государства, — основная уже потому, что составляетъ 90% всего населенія. Впрочемъ, величавый (онъ же и грубый) статистическій фактъ показался внушительнымъ и самой Коммиссіи, и она, къ счастію, не рѣшилась проектировать (по крайней мѣрѣ въ печатныхъ свѣдѣніяхъ этого не имѣется) ни полной отмѣны «крестьянскаго сословія», ни какого-либо новаго для крестьянъ наименованія, которое бы менѣе обличало бытовое значеніе этой «группы» и менѣе напоминало о старинѣ. Однако, тѣмъ не менѣе, она все же не остановилась предъ созданною ею себѣ самой, вольною трудностью, и въ первомъ же своемъ параграфѣ объявила: *село*—всесословною единицею! Затѣмъ, во избѣжаніе слишкомъ уже рѣзкаго противорѣчія съ дѣйствительностью, допущенъ компромисъ такого рода: признано, что по дѣламъ общаго земельнаго владѣнія и хозяйства можетъ изъ села выдѣляться крестьянская земельная «община» (слово употребляемое литературою, но крестьянамъ въ этомъ смыслѣ совсѣмъ неизвѣстное) и вѣдать эти свои чисто хозяйственныя дѣла—особо. Однимъ словомъ: наше родное село, всегда почти сплошь населенное крестьянами, становится двуликимъ, раздваивается, и сельскій староста сочиняется двухъ сортовъ: сельскій—всесословный, и общинный—сословный. Съ до-историческихъ временъ ведущееся крестьянское сельское самоуправленіе съ своими мірами, сходками, пережившее и Татаръ, и крѣпостное право, Коммиссіею отрицается, уничтожается, низводится на степень хозяйственной артели!.. Сердце захолонуло у всей непетербургской Россіи при одномъ извѣстіи о такомъ чудовищномъ бюрократическомъ измышленіи!

Недоумѣвали, ломали себѣ голову — какимъ процессомъ можно было додуматься до такого вывода, —и въ Россіи ли точно живетъ эта Коммиссія? Увы, въ Россіи, но въ Петербургѣ!

Этотъ первый § проекта потерпѣлъ крушеніе даже въ настоящемъ, лишь нѣсколько «усиленномъ» составѣ Коммиссіи Но отъ этого не легче. Если несообразность перваго § была слишкомъ, уже до грубости, очевидна, то духъ его внушившій тѣмъ не менѣе проникаетъ собой проектъ во всей его цѣлости, даже и въ тѣхъ статьяхъ, гдѣ выраженъ не столь выпукло. Съ нашей точки зрѣнія, этого одного 1-го § совершенно достаточно для того, чтобъ весь проектъ похерить и всякія о немъ сужденія прекратить; вѣроятно, таково мнѣніе и большинства мѣстныхъ земскихъ людей. Впрочемъ, нельзя не отнестись и съ благодарностью къ трудамъ Коммиссіи: они напугали, встревожили русское общественное мнѣніе, они подвигли русскую лѣнь и—страхомъ серьезной опасности—вызвали къ нѣсколько оживленной дѣятельности тяжелую на подъемъ нашу общественную, въ особенности же провинціальную мысль. Не отрицаемъ пользы даже и въ дальнѣйшемъ продолженіи преній: оно можетъ точнѣе обозначить ту глубокую рознь, которая лежитъ между русскимъ земскимъ и петербургскимъ канцелярскимъ воззрѣніемъ,—раскрыть всю полноту невѣдѣнія, весь размахъ умозрительныхъ посягательствъ петербургской бюрократіи на русскую народную жизнь, на коренной русскій земскій строй... Въ этомъ смыслѣ, впрочемъ, цѣль могла бы достигнуться и безъ потери времени на пренія,—однимъ напечатаніемъ проекта Коммиссіи во всей его цѣлости. Увидѣли бы сразу, какъ узаконяется вторженіе въ уѣздъ разныхъ постороннихъ мѣстной земской жизни хищническихъ элементовъ,—какъ въ своемъ стремленіи сгладить всѣ бытовые признаки, Коммиссія находитъ неудобнымъ сохранить даже названіе «личныхъ землевладѣльцевъ»: все-таки какъ-то напоминаетъ «помѣщика»! а придумываетъ общее родовое названіе для всѣхъ видовъ владѣнія, изобрѣтаетъ даже новое, неизвѣстное въ русскомъ языкѣ слово: «имущественники». Этого довольно. Какая же еще нужна аттестація?..

Въ газетахъ пишутъ, что засѣданія Коммиссіи, возобновившіяся 19 января, будутъ продолжаться безъ перерыва до Пасхи не по два, а по три раза въ недѣлю. Мертворожденнаго младенца будутъ усерно теребить—въ надеждѣ придать ему нѣкую жизнь. Трудъ напрасный: не вдохнуть въ проектъ духа жива даже и посредствомъ ежедневныхъ засѣданій, даже при увѣнчаніи большинствомъ голосовъ подлежащаго, на очереди, обсужденію (вѣроятно тщательно отдѣланнаго) параграфа «о *письмоводителѣ* участковаго начальника». Это—тотъ самый участковый начальникъ, который долженъ возсѣсть въ уѣздѣ рядомъ съ участковымъ же мировымъ судьей и, по предположенію Коммиссіи, олицетворять вмѣстѣ съ нимъ раздѣленіе власти административной и судебной даже для самыхъ простыхъ неурядицъ сельскаго быта,—согласно со всеобщей научной европейской доктриной, но не со всеобщею европейскою практикою, такъ какъ англійскіе мировые судьи, напримѣръ, назначаемые изъ мѣстной *джентри*, доказываютъ противное. Впрочемъ Англія — не Россія и имѣетъ право быть самою собою и развиваться самобытно! Ее и учить некому. Лондонъ мыслитъ вѣдь все же по англійски! Это не то, что̀ Петербургъ и петербургскій чиновникъ. Этотъ и научитъ, и не только научитъ, но пожалуй и сотворитъ.

Примѣненіе къ русскому „міру" европейскихъ цивилизованныхъ порядковъ.

«Русь», 2-го февраля 1885 г.

Недавно въ одномъ серьезномъ органѣ печати,—да именно въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», а затѣмъ и въ газетахъ, которыя служатъ имъ вѣрнымъ отголоскомъ, — былъ произведенъ сильный натискъ на самую идею «самоуправленія»— въ примѣненіи къ Россіи. Способъ боевой аргументаціи—самый простой. Приводятся выписки изъ оффиціальной записки, при коей представленъ былъ въ Государственный Совѣтъ проектъ о земскихъ учрежденіяхъ, цитуются теоретическія опредѣленія принципа самоуправленія изъ разныхъ ученыхъ сочиненій — и затѣмъ противопоставляется имъ... Скопинскій банкъ, Рыковское дѣло! А такъ какъ это дѣло по истинѣ возмутительно (въ этомъ мы съ газетой вполнѣ согласны), то и выводъ у нея готовъ: самоуправленіе вообще никуда негодно и казенный-де чиновникъ лучше выборнаго! Но такой пріемъ аргументаціи опасенъ. Если его примѣнить, напримѣръ, даже и къ высшимъ у насъ принципамъ, ужъ не самоуправленія, а самого государственнаго правленія, и принять за посылку... ну, хоть статьи г. Весселя въ 11 и 12 книжкахъ «Русскаго Вѣстника», такъ безпощадно разоблачающія *систематическое*, цѣлымъ рядомъ мѣропріятій нашей правительственной финансовой политики, разореніе Русскаго государства,—то заключеніе выйдетъ, пожалуй, не менѣе энергичиски-отрицательное чѣмъ и по поводу «самоуправленія»!.. Надо же умѣть отличать самое начало отъ его искаженія. Безусловно правы тѣ, которыхъ приводитъ въ негодованіе фальшь, гнѣздящаяся въ нашихъ земскихъ и городскихъ учрежденіяхъ,—но не правы они, когда изъ-за этой фальши, изъ-за этого извращенія, не видятъ или отрицаютъ правду основной мысли. Напротивъ, во имя истиннаго русскаго понятія о самоуправленіи и подлежатъ осужденію существующія у насъ, или точнѣе сказать, заведенныя у насъ въ 60-хъ годахъ формы «selfgovernment'a». Въ томъ-то и бѣда, что въ послѣднія сильно подмѣшаны дрожжи чуждыхъ русскому государственному и земскому строю иностранныхъ политическихъ доктринъ, несовмѣстимость которыхъ съ основными началами русской жизни ускользнула отъ сознанія нововводителей и учредителей, а нѣкоторыми, пожалуй, допущена и вполнѣ сознательно: едвали, впрочемъ, не бóльшую силу въ дѣлѣ измѣны русской народности представляетъ въ русскомъ обществѣ пассивный элементъ — безсознательности!...

Съ тѣхъ поръ, какъ мы вступили на путь рабскаго подражанія Европейскому Западу, мы осуждены пробавляться лжеподобіями. Оно было еще довольно невинно, когда мы простодушно ублажали себя сравненіями: «нашъ Пиндаръ», «нашъ Парни», «нашъ Горацій»; оно было менѣе невинно, когда мы начали заковывать свой языкъ въ формы латинской грамматики и синктасиса; оно стало положительнымъ зломъ, когда мы переняли у Французовъ систему Наполеоновскаго централизма и бюрократизма, а потомъ и у другихъ странъ —многое множество учрежденій, коверкавшихъ національный складъ нашей жизни, — причемъ всякій разъ любовались собой да приговарили: «совсѣмъ какъ въ Европѣ!» Наконецъ, мало-по-малу, поверхъ *подлиннаго*, дѣйствительнаго міра и въ видѣ командира надъ нимъ, мы нагромоздили цѣлый міръ—сочиненный, искусственный, фантастическій и тѣмъ не менѣе грубо-реальный; міръ всяческихъ лже-подобій, которыя мы надѣлили всѣми гражданскими правами жизненной правды,—въ которыя мы и сами увѣровали вполнѣ искренно, какъ въ высшее откровеніе истины; которыя подъ конецъ стали намъ казаться совсѣмъ *своими*, родными,—среди которыхъ мы уже готовы были бы возчувствовать себя совсѣмъ уютно, какъ бы дóма, въ отечествѣ, еслибъ отъ времени до времени, а въ послѣдніе дни все чаще, не напоминала о себѣ, и довольно грозно, презрѣнная и почти игнорируемая нами—*подлинная*, настоящая правда русской жизни съ девятью десятыми русскаго населенія. Но вывести насъ изъ нашего ложнаго міра не такъ-то легко. Потягаемся! Не удастся ли, такъ или иначе, впихнуть и эти девять десятыхъ на путь одной десятой, вытравить и изъ ихъ жизни правду, и все привести въ одно единое цѣлое—въ одну колоссальную гармоническую... ложь?!

Предоставляемъ самимъ читателямъ судить о размахѣ нашего подражательнаго процесса и о чудовищной наивности той русской интеллигенціи, чиновничьей по преимуществу, которая, даже нисколько не умышляя революціи, а мечтая (разумѣемъ наидобросовѣстнѣйшую ея часть) лишь о «правильномъ, прогрессивномъ развитіи», затѣвала въ сущности истинную революцію,—переворотъ въ области самыхъ основныхъ основъ русскаго земскаго строя,—проектируя русскій крестьянскій «міръ» обратить во «всесословное представительство»! Скользитъ она себѣ, наша интеллигенція, словно на салазкахъ, по той наклонной плоскости, на которую ступили прапрадѣды еще въ XVIII вѣкѣ, и съ ученѣйшими своими представителями, важными доктринерами во главѣ,—вмѣсто «нашъ Пиндаръ», «нашъ Горацій» или «Парни»,—съ неменьшимъ глубокомысліемъ лепечетъ теперь хвастливо: «наше самоуправленіе или наше selfgovernment съ его сельскими, земскими и городскими европейски-либеральными учрежденіями и парламентаризмомъ»...

Вотъ отъ этой-то язвы лжеподобій мы и должны излѣчиться. Мѣстное самоуправленіе—неотъемлемая принадлежность русскаго политическаго строя, того строя, во главѣ котораго стоитъ русская монархическая, не подчиненная буквѣ формальнаго закона власть. *Въ принципѣ* между этимъ самоуправленіемъ и этою верховною властью нѣтъ не только антагонизма, но ни тѣни противорѣчія или несогласуемости: тутъ нѣтъ мѣста вопросу о *правахъ* передаваемыхъ или уступаемыхъ верховною властью подданнымъ: рѣчь можетъ идти лишь *объ обязанностяхъ*, къ исполненію которыхъ подданные властью призываются, или, точнѣе,— о гармоническомъ совмѣщеніи бытоваго и земскаго мѣстнаго строя съ общимъ государственнымъ строемъ —ради обоюдныхъ, нераздѣльныхъ между собою выгодъ земли и государства, ради удобствъ правленія вообще, ради достиженія общей конечной цѣли: мира, правды, преуспѣянія.. Все что въ нашихъ городскихъ и земскихъ учрежденіяхъ подаетъ поводъ предполагать о присутствіи въ нихъ элемента *оппозиціоннаго*, противополагающаго себя правительству или состязующагося съ нимъ,— о чемъ-то «либеральномъ» по разуму иностранныхъ политическихъ теорій—«отъ духа лестча есть», не отъ русскаго историческаго духа. Точно такъ же «отъ духа лестча», отъ забвенія духа историческаго—и тѣ воззрѣнія въ современной русской высшей администраціи, въ силу которыхъ земское и городское самоуправленіе представляются ей уже, въ самой идеѣ своей, чѣмъ-то въ родѣ *уступки* вынужденной новѣйшимъ «либеральнымъ духомъ времени»,— вслѣдствіе чего и отношеніе администраторовъ къ этому самоуправленію выходитъ само собою—ревнивое, подозрительное, неискреннее.—«Отъ духа лестча»—воображать, будто Русскій царь солидаренъ съ каждымъ чиновникомъ, носящимъ гербовыя пуговицы, и что онъ есть глава только чиновничьей іерархіи, такъ что достоинству его правительства наносится будто бы нѣкій ущербъ, когда казенный служилый субъектъ замѣняется выборнымъ и нѣкоторыя мѣстныя государственныя функціи поручаются земскимъ людямъ! Русскій Царь не только Глава Государства, но и Первый Человѣкъ Русской Земли, а потому и ничто «земское» ему не чуждо... Даже Петръ Великій,— который, независимо отъ своихъ реформъ (коихъ всѣхъ логическихъ послѣдствій онъ не предвидѣлъ, а можетъ-быть до этихъ логическихъ послѣдствій и не довелъ бы), былъ самъ по себѣ все-таки весь—дѣтище Старой Руси,— Петръ Великій нимало не затруднился издать знаменитый указъ, приглашавшій жителей нѣкоторыхъ отдаленныхъ мѣстностей вовсе не слушаться мошенниковъ царскихъ воеводъ, даже не выжидая—пока на жалобу о мошенничествѣ сихъ послѣднихъ послѣдуетъ царская резолюція!..

Само собою разумѣется, что и самого вопроса о какой-то несовмѣстимости земскаго строя съ строемъ государственнымъ не могло бы и возникнуть, еслибъ не вкралась у насъ нѣкоторая ложь въ представленіе о томъ и другомъ. Извѣстно, что русскій монархическій принципъ никакъ не подходитъ ни подъ одну политическую норму, существующую теперь на Европейскомъ Западѣ и признанную западною политическою наукою. Его никакъ не включишь въ рамки западнаго политическаго «правоваго порядка!» Въ противоположность послѣднему, въ немъ, въ этомъ принципѣ, есть элементъ сверхзаконный, т. е. нравственный, шире и выше формально-юридическаго,—элементъ, который, хоть и не совсѣмъ точно, многіе обзываютъ «патріархальнымъ». Пусть такъ. Но разъ этотъ элементъ у насъ наверху существуетъ, живетъ и дѣйствуетъ, и «не собственнымъ хотѣньемъ» (какъ выражались наши предки про достиженіе русскаго престола Борисомъ Годуновымъ), а органическою силою историческихъ вещей и хотѣніемъ всего Русскаго народа, — то понятно, что если подъ этотъ элементъ подставить внизу западно-европейскій *политическій* правовой порядокъ,—въ окончательномъ результатѣ произойдетъ не гармонія, а дисгармонія! Такъ, русскій монархическій принципъ несомнѣнно — въ полномъ противорѣчіи съ западно-европейскимъ «парламентомъ» и вообще «представительными» на иностранный фасонъ учрежденіями,—почва у которыхъ не русская историческая, а чужая. И въ то же время этотъ же принципъ, *истинно* понятый, не только не противорѣчитъ ни съ «міромъ», ни «съ земскимъ соборомъ», ни вообще съ идеей земскаго самоуправленія, но стоитъ съ ними на одной исторической національной почвѣ, одной съ нимъ природы и духа.

Да и не въ однихъ только «представительныхъ» формахъ способна проявляться эта ложь. Когда имѣешь дѣло съ явленіями русской народной жизни, какъ разъ исказишь чистоту и свободу ея органическихъ отправленій, если вздумаешь ихъ регулировать по духу чужеземнаго «правоваго порядка»... А духомъ этимъ волей-неволей, повторяемъ, проникнуты всѣ мы, такъ-называемые образованные люди; никакимъ ладономъ этого духа изъ себя не выкуришь, развѣ только упраздненіемъ въ себѣ гордости просвѣщенія, смиреннымъ сознаніемъ своего невѣжества и своей вины предъ народомъ, погруженіемъ себя вновь въ жизнь народную, въ изученіе народнаго современнаго быта и старины. Но и при всемъ томъ, надежнѣе и полезнѣе, въ случаѣ какихъ-либо, до народнаго быта и строя относящихся начинаній, дѣйствовать съ крайнею осмотрительностью.

Вотъ теперь часто доводится слышать горькія сѣтованія (и не только въ средѣ самого крестьянства) объ ослабленіи и даже изчезновеніи, какъ суда *стариковъ*, такъ и вообще участія и значенія *стариковъ* на крестьянскихъ сходахъ. Старые, вразумленные лѣтами и опытомъ мужики сторонятся; перевѣсъ взяли молодые горланы и буяны, глумящіеся надъ «старичьемъ», пьяницы, нахалы... Фактъ этотъ не только достоинъ сожалѣнія, но грозитъ печальными послѣдствіями, подрывая древній авторитетъ «міра». Не достаточно объяснять его паденіемъ нравственности или увеличеніемъ пьянства—благодаря столь «либерально» введенной во время оно, при всеобщихъ либеральныхъ восклицаніяхъ, полной свободѣ винной торговли. Причины коренятся глубже... «Старики»! Да развѣ имъ есть мѣсто въ современномъ европейскомъ *правовомъ* порядкѣ? Это есть явленіе *бытовое*, патріархальное, положимъ у насъ вполнѣ еще жизненное, національное, но все же «архаическое», по выраженію нашихъ ученыхъ. Какъ его подвести подъ какую-либо норму той политической теоріи, которая никакихъ бытовыхъ и качественныхъ опредѣленій не признаетъ, а вѣдаетъ въ народѣ только лишь *единицы*, правомѣрность которыхъ и основываетъ на размѣрѣ платежей, на однихъ внѣшнихъ, формальныхъ признакахъ! Правда, кромѣ *имущественнаго* ценза, она допускаетъ и цензъ *возрастный*, но только для опредѣленія той грани, съ которой начинается для человѣка его политическое совершеннолѣтіе,—а затѣмъ возрастъ, съ точки зрѣнія закона, представляется безразличнымъ. Теорія правоваго формальнаго порядка—права̀: у нея нѣтъ и не можетъ быть вѣсовъ для величинъ невѣсомыхъ, или юридическихъ основъ — для неуловимыхъ внутреннихъ нравственныхъ качествъ. Но если бытовой строй живучъ и силенъ и никакой революціи, на подобіе французской, ему не грозитъ, — не проще ли бы. казалось, оставить этотъ строй безъ всякой правовой *регламентаціи?* Къ сожалѣнію, не такъ поступило Положеніе 19 февраля: оно регулировало «міръ» и—нанесло ему тяжкій ударъ. Еще при составленіи Положенія раздались сильные протесты противъ покушеній на регламентацію мірскаго строя народной жизни, и со стороны К. С. Аксакова (въ его «Замѣчаніяхъ на доклады Ревизіонныхъ Коммисій», извѣстныхъ читателямъ «Руси»), и со стороны Хомякова. Но несмотря на то, что въ составѣ Ревизіонныхъ Коммиссій были у нихъ вѣрные единомышленники, послѣдніе, добившись признанія *общиннаго* землевладѣнія и мірскихъ сходокъ, вынуждены были. какъ бы въ уплату за эти уступки, поступиться кое-чѣмъ и изъ своихъ требованій—ради скорѣйшаго достиженія великой цѣли, къ которой всѣ стремились (и не достигнуть которой опасались чуть не до самой подписи Манифеста),—т. е. великой цѣли уничтоженія крѣпостной зависимости. Вообще эта цѣль въ то время могла быть достигнута только компромисомъ между людьми того русско-народнаго направленія (которому дано прозвище «славянофильскаго») и либералами-западниками: послѣднимъ и должно быть, по преимуществу, приписано все то, что̀ такъ или иначе подрываетъ теперь коренныя основы народной жизни и міросозерцанія. Такъ, рядомъ съ признаніемъ общины, явились статья 165-я и другія, способствующія ея разложенію, внесена операція выкупа земли въ собственность, и проч. и проч. Признанъ былъ наконецъ русскимъ законодательствомъ (доселѣ его игнорировавшимъ) русскій крестьянскій «міръ»; этому нельзя было не радоваться, но вмѣстѣ съ тѣмъ Коммиссіи нашли нужнымъ его немножко порегулировать, т. е. опредѣлить—*изъ кого* онъ состоитъ, *кто* имѣетъ право въ немъ участвовать, *когда* рѣшенія его для односельчанъ *обязательны*. Казалось бы, оно и лишнее, послѣ тысячелѣтняго существованія «міра», разъяснять и указывать народу: когда «міръ» есть «міръ» и когда крестьяне обязаны исполнять его рѣшенія, — лишнее, хотя бы уже въ виду народныхъ рѣченій: «отъ міра не прочь и на міръ не челобитчикъ», или «міръ судитъ только Богъ»... Съ другой стороны, такая регламентація представлялась столь поверхностною, невинною, что противъ нея могли повидимому возставать развѣ ужъ самые непримиримые «фанатики народности»!.. Кончилось тѣмъ, что ввели-таки параграфъ о томъ, что каждый домохозяинъ, по достиженіи извѣстныхъ лѣтъ, имѣетъ *право голоса*, — да параграфъ о томъ, что предметы сужденія «міра»—такіе-то, по пунктамъ; да еще параграфъ, что приговоръ имѣетъ силу при такомъ-то *большинствѣ голосовъ*... Казалось бы—самыя легонькія вторженія изъ области европейскаго правоваго порядка! Тѣмъ не менѣе они существенно и рѣзко противорѣчили самымъ кореннымъ основаніямъ народнаго строя,—и эти-то послѣдствія теперь въ народной жизни сказываются!.. *Каждый* домохозяинъ, сказано въ Положеніи, имѣетъ *право голоса*. Но онъ и прежде имѣлъ всегда право придти на сходку: разница въ томъ, что если онъ глупъ или негодяй, или по молодости неопытенъ, то голосъ его мало *вѣсилъ*. Теперь же вышло, что каждый чуть достигшій совершеннолѣтія, слѣдовательно почти мальчикъ, поставленъ *наравнѣ* съ старикомъ; каждый пѣтый дуракъ—наравнѣ съ умнымъ; каждый отъявленный негодяй—наравнѣ съ степеннымъ и совѣстливымъ! Голоса *всѣхъ* считаются. Вмѣсто прежняго *единогласія*, введенъ *счетъ* голосовъ, т. е. правильность и обязательность рѣшенія опредѣляется не изнутри, а извнѣ, не качественными признаками, а грубыми и внѣшними—ариѳметическими или количественными. Прежде рѣшеніе было не въ рѣшеніе, если почтенные, умные старики, Сидоръ Карповъ или Карпъ Сидоровъ, думали съ нимъ несогласно. Ну, а теперь каждый юный нахалъ или буянъ можетъ подобрать себѣ таковыхъ же товарищей: «мы-де и сами теперь по закону съ голосами!» и составить законное «большинство», особенно же при помощи баллотировки! Теперь уже нѣтъ надобностидотолковываться до такого приговора, который всю эту совокупность волей превратилъ бы въ одну цѣльную волю,—на которомъ бы народъ всѣмъ «міромъ» сталъ за одно. Теперь ужъ являются несогласные и недовольные, которымъ «большинство» навязало насильственно свою волю, а они, по неволѣ ей подчиняясь, признаютъ ее себѣ чуждой. Теперь можно, и не собирая сходки, составлять письменные приговоры, понабравъ подписей; теперь на первомъ планѣ—правильность формальная, а не внутренняя, нравственная... Такъ вотъ куда привела регламентація народнаго мірскаго строя, хотя повидимому самая поверхностная, внушенная духомъ европейскихъ правовыхъ формъ! Какъ тутъ было не вывалиться «старикамъ»! Какъ было «міру» не утратить своего нравственнаго авторитета! Слава Богу, кажется отведена опасность, грозившая крестьянству, а съ нимъ и всей Россіи, отъ покушеній Кахановской коммиссіи на переорганизацію села и волости! Говоримъ: «опасность, грозившая и всей Россіи»: предоставляемъ самимъ читателямъ судить: что̀ сталось бы съ нею, когда потрясся бы самый ея фундаментъ, когда всколебались бы основы народнаго бытоваго строя 90% всего русскаго населенія!.. Надо же взять въ толкъ наконецъ—что̀ мы творимъ и куда мы изо всѣхъ силъ толкаемъ Русскій народъ! Не все же ссылаться на грѣхъ невѣдѣнія и легкомыслія!

По изложенному нами образцу—т. е. приключенію съ русскимъ «міромъ», да и съ русской «общиной» (см. Положенія 19 февр. ст. 165), читатели могутъ и сами добраться до общаго заключенія относительно характера предстоящихъ и необходимыхъ реформъ въ нашемъ земскомъ и городскомъ самоуправленіи. Въ нихъ должно быть отведено какъ можно болѣе мѣста историческимъ бытовымъ факторамъ нашей жизни, и напротивъ устранены всѣ существенныя основанія той политической доктрины, которая признаетъ людей таковыми только въ силу имущественаго ценза и платежной способности, т. е. однихъ внѣшнихъ, почти ариѳметически опредѣляемыхъ признаковъ. Самое начало «представительства» въ тѣхъ случаяхъ, когда не всѣ лично могутъ явиться на сходку или собраніе, а должны послать отъ себя выборныхъ (какъ это въ до-Петровской Руси встрѣчалось, напримѣръ, при земскихъ соборахъ), должно быть опредѣлено на совершенно иныхъ, вполнѣ русскихъ основаніяхъ... Конечно, однако, успѣхъ въ этомъ направленіи можетъ быть достигнутъ только тогда, когда въ такомъ же русскомъ направленіи будетъ переустроена и наша администрація. Ибо если вверху будетъ господствовать иностранный же правовой порядокъ, хотя бы и не либеральный, но «въ формѣ бюрократіи», то всѣ усилія будутъ тщетны и необходимость въ средствахъ огражденія отъ бюрократіи неминуемо вызоветъ потребность въ иностранномъ же «правовомъ порядкѣ» и внизу, только иного характера...

СТАТЬИ

О НѢКОТОРЫХЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ СОБЫТІЯХЪ.

ИЗЪ „ДНЯ", „МОСКВЫ" И „РУСИ".

«старцамъ»! Какъ было «смѣть» не утратить своего нравственнаго авторитета! Слава Богу, кажется отведена опасность, грозившая крестьянству, а съ нимъ и всей Россіи, отъ покушеній [illegible] на переорганизацію села и волости! Говоримъ: «опасность, грозившая и всей Россіи»: предоставляемъ самимъ читателямъ судить, что сталось бы съ нею, когда потрясся бы [illegible] ея фундаментъ, когда всколебались бы основы исконнаго бытового строя 90% всего русскаго населенія!.. Надо же знать, въ какомъ [illegible] — что мы творимъ [illegible] изо всѣхъ силъ толкаемъ Русскій народъ! Но все же [illegible] на грѣхъ, невѣдѣнія и заблужденія!

Но [illegible] приключенія съ русскимъ [illegible] Положе[illegible] [illegible] реформъ въ нашемъ земскомъ и городскомъ самоуправленіи. Въ нихъ должно быть отведено какъ можно болѣе мѣста [illegible] бытовымъ факторамъ нашей жизни, и [illegible] основанія той политической доктрины, которая признаетъ [illegible] только въ силу [illegible] и платежной способности, т. е. [illegible] почти арифметически опредѣленныхъ [illegible] представительства въ [illegible] сходку или собраніе, а должны посылать отъ себя выборныхъ (какъ это и въ до-Петровской Руси встрѣчалось, напримѣръ, при созваніи соборовъ), должно быть опредѣлено на совершенно иныхъ, вполнѣ русскихъ основаніяхъ. Конечно, [illegible] въ этомъ направленіи можетъ быть достигнуто только тогда, когда въ такомъ же русскомъ направленіи будетъ перестроена и наша администрація. Ибо если вверху будетъ господствовать иностранный же правовой порядокъ, хотя бы и не либеральный, но въ формѣ бюрократіи, то всѣ усилія будутъ [illegible] съ необходимостью въ средствахъ ограниченія эту бюрократію [illegible] потребности въ иностранныхъ же «правовыхъ порядкахъ» и внизу, только иного характера.

По поводу смерти Наслѣдника Престола Николая Александровича.

«День», 13-го апрѣля 1865 г.

Вся Россія, изъ конца въ конецъ, охвачена теперь однимъ всенароднымъ движеніемъ—глубокой, искренней скорби. Вся она,—какъ одинъ человѣкъ, съ человѣческою душою и сердцемъ—соединяется теперь въ общемъ чувствѣ живой человѣческой горести — съ человѣкомъ-Царемъ, надъ которымъ обрушилось такое ужасное, человѣческое горе!.. Кто не переносился мыслью, въ эти дни, въ Ниццу,—туда, чуть ли не за десятокъ тысячъ верстъ, гдѣ на жаркомъ полуитальянскомъ Югѣ, по неисповѣдимой волѣ судьбы, собралась на общее сердечное бѣдствованіе — цѣлая семья представителей и владыкъ нашего студенаго Сѣвера? Кому не представлялась въ воображеніи эта непривѣтная дальняя чужбина, гдѣ — среди наглаго ликованія бездушной природы, среди красоты, блеска и шума физическаго міра, въ его роскошномъ убранствѣ весны — въ это самое время томился въ смертной тоскѣ человѣкъ,—совершалось величавое таинство смерти, — погасала молодая прекрасная жизнь, въ самую лучшую свою весеннюю пору,—почти у дверей, на порогѣ молодаго яснаго счастія и всѣхъ радостей любви.—жизнь, призванная вмѣстѣ съ тѣмъ—казалось—и къ высокимъ трудамъ, къ блистательнѣйшему удѣлу земнаго величія и власти. Умирающій былъ Наслѣдникъ Престола величайшей державы въ мірѣ, подававшій много свѣтлыхъ надеждъ, съ самаго дѣтства готовившійся для своего высокаго служенія; умирающій—былъ юноша, на 22-мъ году жизни, чистый душою и сердцемъ,—юноша и женихъ, которому такъ привѣтливо улыбалось счастіе... Его окружали попеченія Супруги могущественнѣйшаго изъ властителей міра: попеченія матери, нѣжной и страстно-любящей... Къ нему спѣшилъ Его Величество Императоръ всея Россіи, — т. е. иначе: спѣшилъ отецъ, спѣшили братья, спѣшила семнадцатилѣтняя невѣста — которой счастіе увяло не разцвѣтая, которая не познала еще всей радости любви, но уже познала ея горечь, которая еще не приняла брачныхъ узъ и уже является какъ бы вдовицей...

Сколько раздирающаго, потрясающаго душу, должно было происходить у этого одра болѣзни, при свиданіяхъ и прощаніяхъ умирающаго сына, брата и жениха—съ отцомъ, съ матерью, съ братьями и невѣстою! Пусть поможетъ Богъ перенести это горе Государю и Государынѣ. Теперь именно наступили тѣ минуты, когда изъ души невольно вырывается кликъ — повидимому страннаго, но тѣмъ не менѣе самаго почтительнаго, искренняго и потому самаго дорогаго человѣческаго сочувствія: бѣдный Государь! бѣдная Государыня!

Имъ, безъ сомнѣнія, еще тяжелѣе теперь въ Ихъ званіи, чѣмъ людямъ не такъ высоко поставленнымъ, потому что Они не могутъ даже и предаться вполнѣ свободному движенію сердца. Земное величіе особенно тягостно въ часы скорби, когда такъ живо даетъ себя чувствовать душѣ земная бренность... И что̀ еще предстоитъ! Предстоитъ везти останки почившаго Наслѣдника Престола обратно, въ Россію, куда, говорятъ, во время путешествія по чужимъ краямъ, такъ стремился назадъ онъ душою; предстоятъ встрѣчи—скорбныя сердечныя, и тягостные оффиціальные церемоніалы, обусловливаемые Высокимъ, Августѣйшимъ положеніемъ... страждущихъ, сѣтующихъ, плачущихъ — какъ страждутъ и плачутъ простые смертные люди!..

Особенность Русскаго гражданскаго устройства заключается въ томъ, что великая сила верховной власти—эта необходимость гражданскаго существованія обществъ—не есть въ Россіи принадлежность какого-нибудь механическаго снаряда,—бездушной машины, или такого же бездушнаго отвлеченнаго коллективнаго или юридическаго лица,—а вручена Русскимъ народомъ живой человѣческой личности съ человѣческою душою и сердцемъ. «Святѣйшее изъ званій» — по словамъ Русскаго поэта и по мысли Русскаго народа — человѣкъ, — и въ вѣрѣ въ человѣка, въ благородство человѣческой природы — до сихъ поръ ищетъ онъ, идеально, лучшей для себя гарантіи... Поэтому всякое проявленіе теплоты сердечной — на морозныхъ высотахъ Престола, — всякое проявленіе человѣчности — въ этомъ, какъ бы сверхчеловѣческими правами надѣленномъ званіи — дорого и сочувственно чуткому сердцу Русскаго народа. Царь-человѣкъ на престолѣ встрѣтитъ всегда въ многомилліонномъ Русскомъ народѣ надежную опору самаго искренняго, сердечнаго сочувствія — и въ радости и въ горѣ, и во всѣхъ благихъ человѣческихъ движеніяхъ своего сердца, — особенно же въ наше время, при тѣхъ особенныхъ отношеніяхъ, въ какихъ стоитъ народъ къ нынѣшнему Государю. Никогда еще участіе скорби не выражалось такъ единодушно, искренно и свободно, какъ по случаю послѣдняго горестнаго событія, постигшаго Царскую семью...

По случаю юбилея Ломоносова.

«День» 17-го апрѣля 1865 г.

На прошедшей недѣлѣ происходили многознаменательныя празднества въ Архангельскѣ, Нижнемъ, Петербургѣ; было публичное торжественное собраніе въ Московскомъ университетѣ. Наука и литература творили поминки, и въ этихъ поминкахъ приняло живое, искреннее участіе все Русское образованное общество. По комъ же эти поминки? Чью память сходились праздновать вмѣстѣ и скромный ученый, и писатель, и блестящій представитель свѣтскаго высшаго круга? Память Холмогорскаго мужика, память простаго рыбака съ Сѣвернаго Поморья, который первый внесъ свѣточъ Русскаго народнаго генія въ міръ вселенской науки, который первый явился въ немъ самостоятельнымъ Русскимъ дѣятелемъ. Это тотъ геніальный мужикъ, котораго колоссальная фигура до сихъ поръ стоитъ почти одинокою въ исторіи нашего просвѣщенія, который воплотилъ въ своемъ лицѣ «народность» въ сферѣ общечеловѣческой. и представилъ намъ чудный образецъ свободнаго самобытнаго отношенія народнаго духа къ величавому сокровищу древней и позднѣйшей западно-европейской цивилизаціи. Мы не безъ намѣренія напираемъ на словѣ: мужикъ, потому что это-то и знаменательно. Ломоносовъ—самый чистокровный представитель Русскаго народа по своему происхожденію: страна, откуда онъ вышелъ, Бѣломорское Поморье, была во время оно заселена Новгородскими колонистами, и мы въ правѣ назвать Ломоносова потомкомъ Новгородцевъ. Ломоносовъ же является и чистымъ, безъ посторонней примѣси, представителемъ духовной стихіи Русскаго народа. До 16-лѣтняго возраста его воспитателемъ была Русская сѣверная природа, Русскій крестьянскій бытъ и церковно-славянскія духовныя книги, а затѣмъ Славяно-Греко-Латинская академія, учрежденная еще до-Петровскою Русью. Въ немъ, въ Ломоносовѣ, выразилась духовная жажда самого Русскаго народа, сказалась потребность самого Русскаго народнаго элемента выдти изъ тѣсной сферы исключительно-національнаго развитія, пріобщиться общечеловѣческаго просвѣщенія и выступить на путь всемірно-исторической духовной дѣятельности. Живымъ воплощеніемъ этой исторической минуты въ жизни Русскаго народа—былъ и есть Ломоносовъ.—Это историческое движеніе вовсе не походило на современное отношеніе простонародной жизни къ такъ-называемой «образованности», а истекало изъ глубинъ самого народнаго духа. То не было дѣйствіемъ соблазна блестящей европейской цивилизаціи, какъ это мы видимъ нерѣдко теперь въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ цивилизація проникаетъ въ простой народъ путемъ обольщенія и нравственнаго паденія, — проникаетъ, такъ сказать, воровски, своими чисто-внѣшними, формальными сторонами, и уродуя народную жизнь, поражаетъ безсиліемъ духовную народную производительность, по крайней мѣрѣ подрываетъ въ ней вѣру въ самоё себя. Какъ на примѣръ подобнаго воздѣйствія «образованности» на «необразованную» простонародную среду, можемъ мы указать на современныя народныя пѣсни, особенно въ промышленныхъ фабричныхъ округахъ, охваченныхъ такъ-называемою трактирною цивилизацiей. Ничто не можетъ быть уродливѣе этихъ пѣсенъ; ничто такъ убѣдительно не свидѣтельствуетъ о той безплодности, которая поражаетъ народное творчество, какъ скоро просвѣщенiе проникаетъ въ народъ путемъ соблазна, сверху, а не въ силу свободнаго подъема самого народнаго духа, — чего именно и былъ выраженiемъ Ломоносовъ. Тутъ не было ничего похожаго на какое-нибудь раболѣпное отношенiе къ высшему авторитету, какимъ являлся въ то время, да еще является и теперь, для «невѣжественной» Россiи просвѣщенный Западъ. Это не было и стремленiемъ къ подражанiю, или проявленiемъ той способности подражанiя, которой такiя блестящiя доказательства представилъ въ Россiи XVIII и даже XIX вѣкъ, и которая наложила свою характеристическую печать на умственную и духовную дѣятельность Русскаго общества въ такъ-называемый Петербургскiй перiодъ нашей исторiи. Нѣтъ: въ лицѣ Ломоносова Русскiй народъ свободно, гордо, предъявляетъ мiру свои права на самостоятельное участiе въ дѣлѣ общечеловѣческаго просвѣщенiя; свободно, гордо выражаетъ онъ законное внутреннее требованiе своего духа: возвести на степень всемiрно-историческаго значенiя свою народность, разработать для высшей сферы знанiя и искусства свои богатые таланты, дѣятельность которыхъ ограничивалась до сихъ поръ тѣсною сферою бытовой, односторонне-нацiональной жизни. Ломоносовъ, являясь Европейскимъ ученымъ, никогда не переставалъ быть Русскимъ; онъ былъ имъ до мозгу костей, и напротивъ потому только и занялъ онъ такое видное мѣсто среди Европейскихъ ученыхъ, т. е. мѣсто самостоятельнаго дѣятеля въ наукѣ, что былъ, какъ непосредственно, такъ и сознательно, вполнѣ Русскимъ, — что вѣрилъ непоколебимо и безгранично въ права Русской народности, что для него не подлежало сомнѣнiю, а было живымъ кровнымъ убѣжденiемъ,

....Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россiйская земля раждать!

Любя страстно науки и просвѣщеніе, цѣня высоко значеніе древняго классическаго міра и дѣятельность западныхъ ученыхъ,—онъ въ то же время ясно видѣлъ, сознавалъ и указывалъ тотъ путь самобытнаго, органическаго развитія, который предстоялъ Русскому народу,—и всю жизнь боролся, можно сказать изнемогъ въ борьбѣ съ тѣми учеными иностранцами, которые смотрѣли на Русскій народъ, на Русскую жизнь, Русскую землю—какъ на интересный объектъ для изслѣдованій, какъ на матеріалъ для науки. Они хотѣли—употребляя современное промышленное выраженіе—эксплуатировать Русскій міръ въ пользу науки, которой единственнымъ представителемъ и хозяиномъ считали они свой Западъ! Заботы о пробужденіи аналитической силы мышленія въ самихъ Русскихъ,—о томъ, чтобъ самихъ Русскихъ вооружить всеоружіемъ науки,—чтобы Русскіе сами воздѣлывали ее на своей почвѣ,—этой заботы, которою жилъ и сгаралъ Ломоносовъ, недоставало многимъ изъ иноземныхъ ученыхъ, выписанныхъ въ «Императорскую Россійскую Академію»,—и борьба съ ними не мало обезсиливала дѣятельность Ломоносова. Multa tacui, multa pertuli, multa concessi—«многое смолчалъ, многое перенесъ, многое уступилъ!»—восклицаетъ онъ въ одной изъ своихъ замѣтокъ, написанныхъ на клочкѣ бумаги и только недавно, т. е. 25 лѣтъ тому назадъ, обнародованныхъ.

Едва только Русская народная духовная сущность прикоснулась, въ лицѣ Ломоносова, къ завѣтной, недоступной до сихъ поръ для нея, области всемірно-исторической науки и искусства, какъ тотчасъ же ознаменовала свою творческую силу величайшими открытіями по разнымъ отраслямъ знанія,—созданіемъ Русскаго письменнаго, литературнаго, вовсе до того времени не существовавшаго языка и высокими произведеніями поэзіи. Мы сказали въ началѣ, что одинокою стоитъ колоссальная фигура Холмогорскаго мужика въ пространствѣ исторіи нашего просвѣщенія. И дѣйствительно одинокою: не потому только великъ Ломоносовъ, что онъ былъ начинатель, но и потому, что онъ былъ и остается образцомъ, съ которымъ еще не сравнились послѣдующія поколѣнія. Еслибъ Ломоносовыхъ было много, еслибъ за Ломоносовымъ послѣдовалъ цѣлый рядъ Ломоносовыхъ, хотя бы и не равныхъ ему по генію, но равныхъ по силѣ внутренняго народнаго чувства, съ тою же пламенною любовью къ своей народности, съ тѣмъ же самостоятельнымъ, свободнымъ отношеніемъ къ западной цивилизаціи,— то нѣтъ сомнѣнія, что наше просвѣщеніе стояло бы на иной высотѣ, нежели нынѣ, и нельзя было бы сказать про насъ горькое слово: что Русскіе даже и мышеловки не изобрѣли, ничего не внесли своего въ общую сокровищницу человѣческаго знанія!.. Ключемъ било бы народное творчество, вызванное благотворными лучами солнца науки! Дѣло Петра было бы тогда оправдано. Но видно много насилія, злой односторонности и лжи лежало въ Петровскомъ дѣлѣ, и не могло оно идти такъ, какъ того вѣроятно желалъ самъ Петръ Великій, и какъ о томъ мечталъ Ломоносовъ! На томъ же клочкѣ бумаги находимъ, между прочимъ, еще двѣ замѣтки Ломоносова: «За то терплю, что стараюсь защитить трудъ П. В., чтобы выучились Россіяне, чтобъ показали свое достоинство pro aris etc.»— «Если не пресѣчете — великая буря возстанетъ!» Необходимо было Россіи изжить и износить эту ложь и односторонность собственною жизнью: необходимо было взойти всѣмъ злымъ посѣяннымъ сѣменамъ, взойти, разцвѣсти, принести свои плоды и — увянуть; необходимо было — болѣе тяжкимъ и тѣснымъ путемъ выработаться народному самосознанію въ Русскомъ обществѣ. Иначе, трудно себѣ объяснить, какимъ образомъ, послѣ явленія Ломоносова, могло возникнуть то отрицательное отношеніе къ Русской жизни и народности, которое преобладало въ нашей литературѣ до самаго послѣдняго времени? Какимъ образомъ, послѣ народной дѣятельности Ломоносова въ наукѣ (такъ вѣрно объясненной въ ученомъ разсужденіи К. С. Аксакова, изданномъ еще въ 1845 году)— могъ возникнуть и продолжаться съ упорствомъ изумительнымъ, не далѣе какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, споръ о народности въ наукѣ,—при чемъ права народности отрицались большинствомъ нашихъ ученыхъ и публики?! Споръ, который показался просто бы безсмыслицей для Ломоносова!! Ломоносовъ, не столько въ силу отвлеченныхъ доводовъ мысли, сколько въ силу жившей и бившей въ немъ горячимъ ключемъ Русской простонародной стихіи, Ломоносовъ былъ вполнѣ убѣжденъ,—мало этого, онъ самъ въ себѣ олицетворялъ ту истину, которая какихъ-нибудь 7 лѣтъ тому назадъ, въ одной изъ полемическихъ статей «Русской Бесѣды» противъ «Русскаго Вѣстника», была формулирована Хомяковымъ слѣдующимъ образомъ: «разумное развитіе, говоритъ онъ, отдѣльнаго человѣка есть возведеніе его въ общечеловѣческое достоинство, согласно съ тѣми особенностями, которыми его отличила природа. Разумное развитіе народа есть возведеніе до общечеловѣческаго значенія того типа, который скрывается въ самомъ корню народнаго бытія». И эта простая истина еще очень недавно казалась парадоксомъ и возбуждала пренія!! И несмотря на жизнь и дѣло Ломоносова, нужно было пройти сотнѣ лѣтъ слишкомъ, чтобъ Русское общество могло усвоить себѣ въ сознаніи то, что̀ въ лицѣ Ломоносова воплотилось въ живомъ явленіи! Понятно послѣ этого, что и самое дѣло Ломоносова не только не было оцѣнено вполнѣ разумно, но нѣкоторое время подвергалось и отрицанію,—по крайней мѣрѣ было умалено въ своемъ значеніи нашими новѣйшими борзыми критиками.

Личная энергія, внесенная Ломоносовымъ въ его подвигъ, принадлежала столько же его генію, сколько и его крестьянскому происхожденію. Стремясь возвести до общечеловѣческаго значенія тотъ типъ, который скрывается въ самомъ корнѣ Русскаго народнаго бытія, Ломоносовъ самъ съ ногъ до головы былъ запечатлѣнъ этимъ типомъ, самъ былъ весь типиченъ въ смыслѣ Русскаго народнаго человѣка. Ломоносовъ былъ человѣкъ вполнѣ цѣльный; западное просвѣщеніе не подорвало его Русской природы, не раскололо внутренней цѣльности его духа на двое; просвѣщеніе не было ему навязано насиліемъ извнѣ, какъ оно навязано было Петромъ Русскому дворянству и вообще Русскому обществу; онъ не былъ совращенъ или соблазненъ въ европейскую цивилизацію,—въ немъ просвѣщенію не предшествовало отрицаніе своего народнаго. Это была совершенно свѣжая, нетронутая природа Русскаго крестьянина, самаго чистаго сѣвернаго закала, по собственному свободному произволенію духа взыскавшая высшаго просвѣщенія. Поэтому его дѣло было не отвлеченное, а живое, реальное. Послѣ вторженія Русскаго простаго народа въ лицѣ Ломоносова въ область всемірной науки и искусства, — не только другихъ подобныхъ вторженій не было, да даже вообще было сдѣлано очень мало для распространенія просвѣщенія въ простомъ народѣ и для облегченія ему средствъ къ образованію. Послѣдовавшіе за Ломоносовымъ дѣятели не имѣли уже въ себѣ чистоты и упругости Русскаго народнаго типа, да и не откуда было ему взяться, ибо по происхожденію своему они принадлежали къ средѣ, болѣе и болѣе принимавшей искусственный складъ иностранной жизни. Нужно только удивляться, какимъ образомъ, несмотря на всѣ препятствія, положенныя лживостью среды и воспитанія, еще столько Русскихъ струнъ звучитъ въ нашей поэзіи, рядомъ съ мотивами, навѣянными чуждою жизнью. Конечно, послѣ Ломоносова, въ одно время съ отрицательнымъ отношеніемъ къ Русской жизни, вырабатывалось и наконецъ выработалось довольно отчетливое сознаніе нашихъ народныхъ началъ, но это самосознаніе, будучи само по себѣ отвлеченнымъ, вырабатываясь въ средѣ отрѣшенной отъ настоящей дѣйствительности, оставалось, — отчасти остается и до сихъ поръ — лишеннымъ необходимой силы жизненнаго творчества....

Нашему времени предстоитъ оцѣнить по достоинству подвигъ Ломоносова, оправдать его дѣло и продолжать его путь. Съ освобожденіемъ крестьянъ, призвана къ свободѣ, къ жизни и дѣятельности та органическая простонародная стихія, которой былъ представителемъ Ломоносовъ и которая оказалась въ немъ такою плодотворною въ сочетаніи съ общечеловѣческимъ просвѣщеніемъ. Но эта стихія, т. е. именно та часть народа, которая оставалась вѣрна своей народности, была скована внѣшними узами, лишавшими ее свободы движенія и роста. Сбросить эти узы могъ только Ломоносовъ, но его появленіе въ Русскомъ обществѣ было не нормальнымъ событіемъ, а именно, какъ мы сказали, вторженіемъ. Исторія крестьянскаго сословія свидѣтельствуетъ намъ, какія печальныя судьбы, уже послѣ Ломоносова, пришлось пережить Русскому крестьянству, давшему намъ лучшаго Русскаго дѣятеля въ наукѣ. Теперь же, когда 20 милліоновъ крестьянъ введены въ кругъ нашей гражданской жизни, когда преграды, задерживавшія свободный подъемъ народнаго духа, рушатся съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе,— теперь, казалось бы, приливъ свѣжихъ чистокровныхъ народныхъ силъ въ нашу общественную сферу, въ область науки и искусства, долженъ дать новую жизнь Русскому просвѣщенію и на дѣлѣ, de facto, разрѣшить вопросъ о значеніи Русской народности въ общемъ развитіи человѣчества.

До сихъ поръ еще стоитъ одиноко на стражѣ Русскаго просвѣщенія эта колоссальная фигура Ломоносова, этотъ предтеча Русскаго народа, указуя путь и какъ бы выжидая—чтобы подвигся Русскій народъ ему во слѣдъ. Пора наступаетъ. Освобожденіе крестьянъ въ смыслѣ гражданскомъ совершилось. Не обязаны ли мы теперь одновременно съ признаніемъ заслугъ Ломоносова признать и права самого Русскаго народа на самобытное развитіе, на самобытную духовную дѣятельность? Не въ правѣ ли мы ждать, желать и вѣрить, что приливъ простонародной стихіи обновитъ наше обветшавшее, оторванное до сихъ поръ отъ народа общество, внесетъ въ него дѣйствительное чувство народности, дастъ наконецъ силу жизненнаго творчества отвлеченной дѣятельности и будетъ для него тою живою водою нашихъ сказокъ, отъ которой сростаются вновь разрозненные члены, заживляются раны и воздвигаются во всей прежней цѣлости тѣла и духа «Русскіе могучи богатыри?..»

Чѣмъ сильнѣе, чѣмъ шире будетъ стремленіе народа къ всемірному знанію, къ общечеловѣческой дѣятельности духа, тѣмъ величественнѣе и выше будетъ выростать въ народномъ мнѣніи—поэтъ, ораторъ, химикъ, физикъ, математикъ, историкъ, творецъ Русскаго письменнаго языка, европейскій ученый—мужикъ Куроостровской волости, что̀ близь города Холмогоръ, Михайла Ломоносовъ.

По случаю кончины митрополита Филарета.

«Москва», 21-го ноября 1867 г.

Митрополита Филарета не стало... Съ смущеніемъ вняла этой вѣсти Москва, а вслѣдъ за нею вниметъ и вся Россія,—съ тѣмъ благоговѣйнымъ смущеніемъ, которое невольно объемлетъ душу при всякомъ видимомъ тайнодѣйствіи исторіи. Его кончина—событіе, и событіе всероссійское.

Филарета не стало!... Упразднилась сила, великая, нравственная, общественная сила, въ которой весь русскій міръ слышалъ и ощущалъ свою собственную силу,—сила, созданная не извнѣ, порожденная мощью личнаго духа, возросшая на церковной народной почвѣ. Обрушилась громада славы, которою красовалась церковь и утѣшался народъ. Отжита на вѣкъ та величавая, долгая современность, что̀ обняла собою пространство полвѣка, что̀ перебыла длинный рядъ событій и поколѣній и какъ бы уже претворилась въ неотъемлемое историческое достояніе Москвы, въ ея живую стихію, которой, казалось, ей не избыть и во вѣки. Безъ этой силы, безъ этой славы, какая пустота силы и славы почувствуется внезапно въ Москвѣ да и во всемъ русскомъ церковномъ мірѣ! Каѳедра Московскаго митрополита можетъ, конечно, быть и будетъ занята, но мѣсто, которое занималъ Филаретъ, пребудетъ пусто.

Намъ невольно припоминается все сказанное нами въ день празднованія его пятидесятилѣтняго архіерействованія. Угасъ свѣтильникъ, полстолѣтія свѣтившій на всю Россію не оскудѣвая, не померкая, но какъ бы питаясь пріумноженіемъ лѣтъ и выступая ярче, по мѣрѣ надвиженія вечерняго сумрака жизни. Смежилось неусыпающее око мысли. Прервалось полустолѣтнее назиданіе всѣмъ русскимъ людямъ — въ дивномъ примѣрѣ неустанно бодрствующаго и до конца бодрствовавшаго духа. Смолкло художественное важное слово, полвѣка, и болѣе полувѣка, раздававшееся въ Россіи, то глубоко проникавшее въ тайны Богопознанія, то строгой и мощной красотой одѣвавшее разумъ божественныхъ истинъ!..

Русская Церковь, съ кончиною митрополита Филарета, переживаетъ великій историческій мигъ, котораго важность, сознательно и безсознательно, предощущается всѣми. Въ теченіи цѣлаго полустолѣтія русской Церкви ея представитель, предстатель и предстоятель (не вслѣдствіе внѣшнихъ условій своего мѣста и званія, а дѣйствіемъ личнаго внутренняго достоинства),—въ теченіи же полувѣка былъ онъ и «свидѣтельствуяй» о ней предъ всей Европой, предъ всѣмъ міромъ инославнымъ... Сходитъ въ могилу цѣлая историческая эпоха,—на смѣну ей движется эпоха новая...

Убыло силы и славы, убыло послѣднее народное имя. Назвать болѣе некого; нѣтъ другаго равнозначительнаго, и даже менѣе значительнаго, но всенароднаго имени.

Прибудетъ ли силы, свободы и духа истинной жизни церковной?

На рубежѣ сихъ двухъ эпохъ, мы невольно медлимъ и судомъ и надеждами. Передаемъ лишь ощущенія личныя и общественныя, испытываемыя въ настоящую минуту нами и всей Москвой, при уныломъ гулѣ Московскихъ колоколовъ, сзывающихъ къ заупокойной молитвѣ..

По поводу событія 1-го марта.

«Русь», 4-го марта 1881 г.

Царь убитъ!... Русскій Царь, у себя въ Россіи, въ своей столицѣ, звѣрски, варварски, на глазахъ у всѣхъ—русскою же рукою... Тамъ, въ царскихъ чертогахъ, одѣянный царскою порфирою, лежитъ теперь, простертъ для послѣдняго лобзанія и поклоненія, искалѣченный, изувѣченный трупъ твоего Вождя, Русская земля, твоего Главы и Освободителя, Русскій народъ, сокрушившаго твое рабство!.. Позоръ, позоръ нашей странѣ! «*Людіе мои*»—мнится, говоритъ Онъ намъ,—Онъ, избавитель людей своихъ отъ крѣпостнаго плѣна! — «что сдѣлалъ я вамъ, за что пріялъ я въ отвѣтъ на мое добро, мою любовь, — эти страданія, эти муки, — и не эти предсмертныя только, безмѣрныя муки, но тѣ страшныя, нравственныя муки, которыми столько уже лѣтъ сряду, съ такимъ неистовствомъ, съ такою злобою, изо дня въ день терзали здѣсь, въ родномъ краю, мою жизнь?».... Пусть же жгучая боль стыда и горя проникнетъ нашу землю изъ конца въ конецъ, и содрогнется въ ней ужасомъ, скорбью, гнѣвомъ негодованія всякая душа!

Миръ и благословеніе почившему Царю! Богъ прославилъ его, сверхъ земной славы, высшею славою. Вѣнчанный Царь нашъ, Царь-Освободитель увѣнчался еще и мученическимъ вѣнцомъ; Онъ палъ, обливаясь кровью почти въ тотъ самый мигъ, когда,— въ неисчетный разъ спасенный повидимому отъ опасности,—Онъ, повинуясь велѣнію своего неизмѣнно-добраго сердца, благословилъ крестнымъ знаменіемъ убитыхъ и молвилъ слово утѣшенія раненому солдату... Царь-человѣкъ, вниди въ радость Господа твоего — такова молитва твоего народа!

Но совѣсть Русскаго народа такою одною молитвою успокоена быть не можетъ. Чтò такое сталось, чтò подѣялось съ нашею землею? Небывалое, неслыханное творится на Святой Руси! Кто тѣ, чтò смѣютъ пятнать грѣхомъ и преступленіемъ наше историческое бытіе, класть позоръ и срамъ на наши головы? Посягательство на царя—это посягательство на самый народъ,—это насиліе надъ народною волею и свободою. Во всѣхъ странахъ міра лишь охранѣ самого народа ввѣрена въ сущности жизнь всякаго Верховнаго Предержателя власти, ибо никакою полиціею въ свѣтѣ она вполнѣ ограждена быть не можетъ. Но нигдѣ, казалось бы, нигдѣ какъ въ Россіи, гдѣ Царь и народъ мыслятся какъ одно, сплоченное любовью и духомъ, нигдѣ не долженъ, не можетъ быть такъ безопасенъ Царь среди своего народа! Таково древле-отеческое преданіе. Солгалось ли про насъ это старое слово? Пусть,—какъ и утѣшаютъ насъ,—самъ Русскій народъ не повиненъ, не причастенъ этимъ злодѣйствамъ, которыми прославилась въ послѣдніе годы наша несчастная Россія на весь крещенный и некрещенный міръ; пусть это дѣло нѣсколькихъ гадинъ, отребья нашей земли: но эта скверна искажаетъ нашъ нравственный историческій образъ,— но эти гадины распоряжаются, по своей прихоти, самыми судьбами нашего народа,—это отребье—все же порожденіе Русской земли, Русскаго общества, плоть отъ плоти, кость отъ костей нашихъ. Никакія правосудныя казни не смогли доселѣ его истребить; никакими внѣшними силами и не извести этого сѣмени зла, — оно, какъ язва на тѣлѣ нашемъ, живетъ, смердитъ и гноится, тайно заражая самую кровь...

Неужели однако это новое, страшное поруганіе надъ русскою общественною совѣстью пройдетъ и на сей разъ безслѣдно, и не воспрянетъ русская совѣсть, и не стряхнетъ съ себя грѣха лѣни, празднаго коснѣнія и недомыслія? Неужели не поймемъ, что намъ нужно обновленіе, всеобщее, всецѣлое возрожденіе духа?... Того историческаго, народнаго, земскаго духа, который создалъ русское царство, которымъ единственно, даже еще и доселѣ, стоитъ и крѣпко оно! То отребье, которое такъ дерзостно, такъ нагло гнететъ преступленіями душу всего Русскаго народа, не есть исчадіе самого нашего простаго народа, ни его старины, ни даже новизны истинно просвѣщенной, — а порожденіе темныхъ сторонъ Петербургскаго періода нашей исторіи, отступничества отъ русской народности, измѣны ея преданіямъ, началамъ и идеаламъ; порожденіе того раболѣпства духовнаго европейскому Западу, — той розни земли и государства, которая, вопреки древнему завѣту, вѣрованіямъ и чаяніямъ народнымъ, внѣдрилась вотъ уже почти два вѣка въ нашъ общественный и государственный строй. Нѣтъ, не въ дальнѣйшемъ слѣдованіи по пути подражанія Европѣ наше спасеніе, не въ этомъ мнимомъ прогрессѣ врачеваніе наше, а въ воскрешеніи цѣлостнаго, объединяющаго, животворящаго земскаго духа.

Царь унаслѣдовавшій отъ Страстотерпца-Отца царскій вѣнецъ,—въ наши дни вѣнецъ терновый, — Царь, въ горѣ и сокрушеніи предстоящій нынѣ предъ началомъ своего безпредѣльно-труднаго подвига, съ какою преданностью, съ какимъ чувствомъ сострадания и участія, съ какою готовностью споспѣшествованія взираетъ на Тебя твой народъ! Какъ молитъ онъ благаго Господа, да укрѣпитъ онъ твой державный духъ на всякое благое дѣланіе, да ниспошлетъ Тебѣ ту же любовь, ту же вѣру къ родному народу, которыми онъ желалъ бы окружить, оградить тебя отъ всякихъ злыхъ навѣтовъ и лихой напасти! Не по своему личному хотѣнью, а по произволенію исторической судьбы, какъ преемникъ царяизбранника, въ смиреніи и послушаніи пріемлешь Ты тяжкое бремя великой власти, и всякій, кто отъ народа, потщится сохранить ее Тебѣ свято и непоколебимо. О, будь незлобливъ, какъ твой Отецъ, сумѣвшій соблюсти въ самодержцѣ святую простоту человѣческаго сердца и,—умышленно озлобляемый цѣлымъ рядомъ безбожныхъ посягательствъ на его жизнь,—не озлобившійся ни разу, ни разу не поддавшійся соблазну власти! Но да будетъ же и тверда, неукоснительно властна, грозна Твоя десница на всѣхъ враговъ чести, достоинства и тишины твоего царства. Вѣдай и вѣруй, что только въ тѣснѣйшемъ искреннемъ единеніи — не съ тою или другою частью русскаго общества, и не мнимо, какъ тщатся нѣкоторые, но въ правду — со всѣмъ своимъ народомъ.—только шествуя русскимъ, народнымъ, земскимъ, въ то же время и царскимъ путемъ въ духѣ истины Божьей и правды народной, обрѣтешь Ты намъ исцѣленіе отъ нашихъ—отступничествомъ отъ народа порожденныхъ—недуговъ, добудешь просвѣщенія, преуспѣянія, славы и мира для твоей необозримой, великой и для великаго будущаго предназначенной, русской, славянской державы!...

Почивай въ мирѣ, вѣчной славы достойный, человѣколюбивый и народолюбивый, страдалецъ-Царь... Здравствуй на царствѣ, бодрись, уповай и мужайся, новый Государь нашъ!

«Русь», 7-го марта 1881 г.

И обычное теченіе жизни, и обычное теченіе мыслей—все нарушилось, всполошилось въ эти дни. Нигдѣ, конечно, перемѣна царствованія не можетъ имѣть такого значенія, какъ въ Россіи. Не просто — царь умеръ и мѣсто его заступилъ царь новый. Это цѣлая историческая эпоха отходитъ, это новая эпоха настаетъ! Конецъ одной, начало другой опредѣлены рѣзкими гранями, торжественно засвидѣтельствованы, такъ что самая смѣна эпохъ совершается воочію, такъ сказать осязательно, съ общаго вѣдома и сознанія современниковъ.

Но черты новаго времени и новаго племени, готовящагося выступить на историческое поле дѣятельности, еще не ясны намъ, еще въ туманѣ, и мы...

Стоимъ мы слѣпы предъ судьбою!...

И черты не ясны,—и самый, можетъ быть, взоръ нашъ еще застилается скорбью и негодованіемъ. Но пусть и будетъ такъ. Скорби! скорби и негодуй, наша земля! Мы призываемъ къ скорби и негодованію, какъ къ самому законному, самому честному, самому нужному, очистительному дѣйствію общественной совѣсти. Да, это теперь именно то, что̀ намъ на потребу... О, еслибъ наши души могли перегорѣть въ горнилѣ скорби и негодованія! О, еслибъ мы всѣ, всѣ, *искренно*, а *не лицемѣрно*, сумѣли возскорбѣть и вознегодовать въ свое время, тогда, можетъ быть, не пришлось бы и переживать настоящей минуты горя, стыда и срама!... Но ни покушеніе Соловьева, ни взрывъ на желѣзной дорогѣ, грозившій гибелью тысячѣ людей, ни взрывъ Зимняго дворца, ни всѣ несомнѣнныя раскрытія замысловъ чудовищныхъ, адскихъ,—ничто не вызвало въ насъ той мѣры сердечнаго внутренняго негодованія, святаго, честнаго гнѣва, которая, выражаясь общественно, становится истинною духовною мощью. Мы же (конечно не всѣ) поспѣшили— какъ слѣдуетъ поскорбѣть, немножко, но вполнѣ прилично понегодовать, а затѣмъ пуще всего обрушиться негодованіемъ — на что̀? не на героевъ револьвера, кинжала, яда и динамита, а на способы самообороны, самозащиты, принимаемые администраціей!.. Способы, скажемъ мимоходомъ, почти равные тѣмъ, которые приняла сосѣдняя намъ конституціонная имперія послѣ двукратнаго покушенія на жизнь ея монарха. Но положимъ, мѣры принятыя у насъ заслуживали обсужденія и критики,—и не потому, что онѣ были будто ненужны, а потому, что не вполнѣ достигали цѣли или примѣнялись не всегда съ должною разборчивостью. Но развѣ у насъ ограничились только критикой! Какимъ яростнымъ словоизверженіемъ зашипѣлъ и закипѣлъ, какъ вулканъ лавой, нашъ фальшивый европеизмъ, позабывъ про вчерашнее, да такъ забывъ, какъ будто его никогда и не бывало! Одна газета даже наканунѣ, чуть ли даже не утромъ 1 марта,—вопія о померещившихся ей правительственныхъ поползновеніяхъ къ реакціи (чему самая свобода ея воплей являлась рѣзкимъ противорѣчіемъ), — съ какою-то назойливою наивностью утверждала, что *террористовъ*-де *теперь никакихъ* ни въ заводѣ, ни въ поминѣ *уже нѣтъ!*..

Мы впрочемъ, говоря о скорби и негодованіи, вовсе не имѣемъ въ виду какихъ-либо внѣшнихъ репрессивныхъ мѣропріятій. Это не дѣло общества,—это дѣло, а въ извѣстныхъ обстоятельствахъ и священный долгъ самой власти Мы имѣемъ въ виду такое нравственное, на само наше общество, воздѣйствіе чувства скорби и гнѣва, которое могло бы, если не вполнѣ, то хоть нѣсколько оздоровить нашу общественную атмосферу. Именно оздоровить—и *смыслъ* и *душу*... Потому что здоровое сердце и здоровый смыслъ—вотъ недостаткомъ чего болѣетъ значительная часть нашего современнаго «культурнаго» общества!.. Но объ этомъ еще не разъ будетъ наша рѣчь впереди...

Объ одномъ, и только объ одномъ думается теперь упорно. Предъ мысленнымъ взоромъ неуклонно стоитъ окровавленный образъ Царя, добраго, кроткаго, благодушнаго, убитаго среди бѣла дня, и какъ убитаго! На ногахъ, отъ колѣнъ, ни тѣла ни голеней, кости издроблены,—только мускулы, на которыхъ висятъ перевороченныя пятки; кровь хлещетъ потокомъ; на тѣсныхъ полицейскихъ саняхъ везутъ Его, перваго человѣка Русской земли, уже полумертваго, безъ шинели, съ обнаженной склоняющейся отъ слабости головою (какое мученіе долженъ Онъ былъ вытерпѣть!)—везутъ Освободителя милліоновъ людей своего и чужихъ народовъ, давшаго всей Россіи новое бытіе, даровавшаго ей такой просторъ жизни, котораго она еще не знавала,—везутъ Страдальца-Царя въ Его царской дворецъ... Безъ ропота, безъ жалобы срѣтаетъ Онъ смерть... Послѣднее Его дѣйствіе въ жизни: взглянуть «на *своихъ* раненыхъ»!... Что̀ долженъ былъ перенесть, перечувствовать въ эту минуту Его сынъ и уже Царь!.. Стыдно, совѣстно становится Русскому глядѣть на свѣтъ Божій. Точно будто кто совершилъ надъ нами публичное поруганіе, всенародно осрамилъ насъ самымъ безстыднымъ срамомъ, и мы оскверненные стоимъ предъ всѣмъ міромъ, — предъ тѣмъ міромъ, гдѣ повсюду имя Усопшаго чтится съ благоговѣніемъ! И что̀ же мы? Мы видимъ, мы слушаемъ,

Мы слушаемъ... Но какъ внимаемъ мы?
Сгибаются-ль упрямыя колѣна?
Смиряются-ль кичливые умы?...

Были у насъ сегодня крестьяне — уполномоченные ходатаи по разнымъ общественнымъ дѣламъ отъ своихъ обществъ. Они пришли посовѣтоваться о народномъ «горящемъ» желаніи дать какое-либо выраженіе своей *скорби*. Именно скорби. Отрадно было ихъ слушать, послѣ чтенія разныхъ газетныхъ, якобы либеральныхъ мудрованій. Легко было съ ними душѣ. «Смерть Государя» — говорили они (мы приводимъ ихъ слова буквально), «конечно нашъ общій стыдъ, грѣхъ, ужасный грѣхъ на насъ всѣхъ. Но это Богъ, любя его, послалъ ему такую мученическую смерть. Богу хотѣлось уравнить ему и небесный чинъ съ его земнымъ чиномъ. Здѣсь Господь сподобилъ его быть Царемъ, да еще освободителемъ народовъ; тамъ Господь сподобилъ его великомученическаго вѣнца. Его кровь, мученически пролитая, покрываетъ и его — по человѣчеству — грѣхи, и наши грѣхи народные... Молишься эдакъ за душу его — а потомъ и прибавишь: «мучениче Александре, моли Бога за насъ». «Нашему народу — продолжали они — *хочется поскорбѣть*, *всѣмъ* народомъ поскорбѣть», такъ какъ это сдѣлать? Вопросъ состоялъ въ томъ: можно ли имъ просить или такъ устроить, чтобъ *по всей* Россіи, въ теченіи года, никакихъ увеселеній публичныхъ не было, а вездѣ было бы «важно, строго» и что-то въ родѣ поста... Конечно намъ не трудно было имъ объяснить, что такое выраженіе скорби могло бы теперь быть наложено на *всю* Россію только властью, стало-быть по принужденію, а потому и не имѣло бы особой нравственной цѣны, но что никто имъ не мѣшаетъ выразить свою скорбь именно такъ, какъ они хотятъ, добровольно, по деревнямъ, съ приговора сельскихъ міровъ. Они вполнѣ съ этимъ согласились, но все-таки — говорили они — «оно бы лучше, коли *всѣмъ народомъ*, по всему нашему царству»...

Всѣмъ народомъ! Мы слушали ихъ, и мысль невольно переносилась въ глубь временъ, когда не было розни духовной между бояриномъ и крестьяниномъ, когда на какомъ-нибудь земскомъ соборѣ они дѣйствительно встрѣтили бы всеобщее единодушное сочувствіе и нашли бы то, чего теперь тщетно ищутъ, — и чего ужъ конечно не дастъ имъ теперь никакой мнимо-земскій соборъ, которымъ уже пытается окрестить мнимо же либеральная наша пресса лелѣемое ею въ будущемъ мнимо-народное, на европейскій образецъ скроенное представительство!

Мы не считаемъ пока возможнымъ и умѣстнымъ вести обычную бесѣду о самоуправленіи или о какихъ-либо новыхъ вопросахъ, такъ какъ вниманіе читателей, конечно, устремлено теперь въ другую, въ одну сторону,—и даемъ поэтому въ настоящемъ № мѣсто лишь тѣмъ статьямъ, которыхъ начало уже было прежде напечатано и прерывать которыя было бы неудобно.

«Русь» 12-го марта 1881 г.

Неужели и на этотъ разъ мы перебудемъ обрушившуюся на насъ бѣду также легкомысленно и безплодно, какъ уже пережили цѣлый рядъ ударовъ и поруганій, нанесенныхъ чести, совѣсти, миру, свободѣ нашей страны пятикратными или шестикратными посягательствами на жизнь царя, всѣми этими взрывами, подкопами, убійствами изъ-за угла, окровавившими Россію кровью столькихъ неповинныхъ жертвъ? Казалось и тогда, что зло и позоръ достигли послѣднихъ предѣловъ... Но мы не воспрянули ни мыслью, ни духомъ, и вотъ—раздвинулись предѣлы зла, и дожили мы до срама несмываемаго, который какъ клеймо горитъ на челѣ каждаго Русскаго, — и допустили мы убить, истерзать заживо среди своего народа того Царя, котораго поминаемъ теперь съ плачемъ, съ колѣнопреклоненною жаркою благодарностью!... Неужели мы еще не дошли до самаго крайняго края? Вѣдь еще шагъ — и бездна! Духъ замираетъ при одной мысли о твоей судьбѣ, наша несчастная Россія!..

Грѣшна теперь всякая попытка отвести глаза отъ того кроваваго образа Мученика, Страстотерпца, который еще носится пока передъ нами, — отклонить мысль отъ задачи, поставленной намъ прямо, въ упоръ, страшнымъ событіемъ... «Пора возвратиться къ обычному теченію жизни», — «пора вернуться къ нормальному строю нашей ежедневности»,..—

«этого требуетъ благоразуміе»... — Вотъ какія слова начинаютъ уже раздаваться...

Словеса лукавствія! «Этого требуетъ разумъ»! Не разумъ, а лѣнь, дряблость, пустота умственная и душевная. Этого могутъ требовать только тѣ, которые уже утратили всякую свободу духа, всякую простоту сердца, всякую ясность и здравость смысла; тѣ, которые безсильны сбросить съ себя холопскія узы разныхъ отвлеченныхъ доктринъ, не могутъ шевельнуть ни языкомъ, ни мозгомъ безъ условно-либеральной ужимки; не смѣютъ отдаться никакому порыву естественнаго, законнаго, можетъ-быть и въ нихъ самихъ подчасъ пробуждающагося, русскаго чувства — безъ подобострастной справки съ своимъ мнимо-либеральнымъ словаремъ или кодексомъ...

Не должно конечно смѣшивать пошлости нашего либерализма съ такъ-называемымъ нигилизмомъ, который логически развился до чудовищной доктрины злодѣйства, тиранніи и скотскости, и посягаетъ на права и честь Русскаго народа. Но пошлый либерализмъ представляетъ также не малую опасность уже потому, что растлѣваетъ и умъ, и душу русскаго общества, парализуетъ смыслъ и волю, путаетъ нравственныя понятія, обращаетъ человѣка въ своего рода умственнаго и нравственнаго евнуха Не время теперь, неумѣстно, въ виду не закрытаго еще гроба царственнаго Страдальца, вспоминать о всѣхъ проявленіяхъ псевдолиберальной общественной пошлости: такъ они повидимому ничтожны и мелки.... Но совокупность этихъ мелочей ложится гнетомъ на нашу жизнь, и не безполезно оглянуться хоть на минуту.

Многое, что̀ мѣсяцъ тому назадъ было пожалуй смѣшно, — теперь до трагизма прискорбно... Вотъ злодѣй поджигающій домъ, — пламя уже занялось, грозитъ пожаромъ, гибелью тысячѣ семействъ... Полиція уже наложила руку на изверга... «Это не либерально, это *репрессія!*» — кричатъ эти господа... И смущенная полиція опускаетъ руку, и начальство, оглушенное, сконфуженное визгомъ и пискомъ всѣхъ этихъ пошлыхъ и глуповатыхъ, имъ же имя легіонъ, возмнившихъ себя либералами, предписываетъ полиціи галантерейное съ извергами обращеніе!... Убійцу тащатъ въ тюрьму: это «регрессъ»; убійцу оправдываютъ, выпускаютъ на свободу, ставятъ на торжественный пьедесталъ, окружаютъ его лучезарнымъ ореоломъ (хотя убить человѣка по какимъ бы то ни было побужденіямъ все-таки по меньшей мѣрѣ несчастіе и ликовать тутъ нечего): это «прогрессъ». И вотъ такіе-то прогрессы и приводятъ страну къ истинному регрессу—къ безславію предъ цѣлымъ міромъ, къ разслабленію власти, къ изнеможенію, къ краю гибели... Мы убѣждены, что и техникъ, осматривавшій лавку Кобозева, остановился предъ глубокомысленнымъ соображеніемъ: «будетъ ли съ его стороны либерально произвести осмотръ строгій, отложивъ въ сторону всякую деликатность? ну какъ ничего не найдешь и въ либеральной прессѣ продернутъ статейкой?»... Судится важный государственный убійца, участникъ убійствъ и подкоповъ, узнать имя котораго въ высшей степени нужно, допросъ котораго можетъ имѣть величайшую важность для пресѣченія другихъ новыхъ убійствъ и злодѣйствъ... Не успѣлъ преступникъ раскрыть ротъ для отвѣта и, можетъ быть, объявить истину, какъ судья съ наиизящнѣйшею любезностью спѣшитъ остановить его словами: «вы можете и не отвѣчать, можете, если хотите, и утаить правду!» Мы еще допускаемъ, что умолчаніе со стороны обвиняемаго можетъ не быть поводомъ къ отягченію его участи (хотя и странно не дѣлать различія между кающимся и нераскаяннымъ), но здравому смыслу не въ домёкъ, почему нужно приглашать преступника, да еще съ поспѣшною предупредительностью, къ утайкѣ истины? Напротивъ—необходимо требовать отъ него раскрытія правды, стараться ниспровергнуть ложь и вывѣдать истину искуснымъ допросомъ. Можетъ-быть мы ошибаемся, но едвали въ лѣтописяхъ какого-либо суда въ Европѣ можно найдти случаи совершенія наказанія надъ человѣкомъ (какъ это практикуется у насъ), котораго имя и личность не утверждены и не удостовѣрены! Такой преступникъ ipso facto долженъ оставаться въ тюрьмѣ, пока не объяснитъ самъ или пока не откроютъ его имени...

Да это ли одно?... Еще слишкомъ годъ тому назадъ, кажется не задолго до взрыва на желѣзной дорогѣ, когда подпольное изданіе «Народной воли» тысячами экземпляровъ распространялось въ Москвѣ, мы знали изъ достовѣрнаго источника, что какая-то изъ жрицъ нигилизма совершенно безцеремонно расхаживала по домамъ и предлагала незнакомымъ ей хозяевамъ: подписаться, за деньги, на полученіе этого листка въ твердой увѣренности (въ чемъ и не ошиблась), что никто ея не задержитъ, а въ крайнемъ случаѣ только поскорѣе отъ себя прогонитъ... Конечно, никому нѣтъ пріятности брать на себя роль полиціи, но можно было бы однако же подумать и о томъ, что такое пассивное отношеніе къ пропагандѣ равнялось въ настоящемъ случаѣ прямому потворству—не свободѣ мнѣнія и слова, а злодѣйству, убійству невинныхъ, посягательствамъ на безопасность самого народа... Можно ли себѣ представить Англичанина (не изъ шайки нигилистовъ), которому бы предложили подписаться на полученіе тайныхъ прокламацій, взывающихъ къ убіенію изъ-за угла королевы и ея вѣрныхъ слугъ, и который бы тотчасъ не задержалъ распространителя прокламацій?! Въ томъ-то и бѣда, что въ насъ мало чувства гражданственности, что слабо въ насъ сознаніе своихъ общественныхъ обязанностей, своего личнаго долга предъ народомъ и государствомъ. Скажутъ, можетъ быть, что въ этомъ недостаткѣ виноваты не мы, а исторія, а само правительство, и т. д. Но такое оправданіе хуже обвиненія. Такъ оправдывать или вѣрнѣе извинять могутъ насъ другіе, но не мы сами себя. Рѣшится ли кто сказать: «гарантируйте мнѣ только, что моя честность не будетъ имѣть для меня непріятныхъ послѣдствій, и посмотрите тогда, какой я буду честный! совсѣмъ почти никогда не буду дѣлать подлостей! А до тѣхъ поръ, извините, я только либералъ: негодный гражданинъ, но либералъ!» Но не говоря уже о томъ, что даже гражданская полноправность, свобода—все это, по нашему мнѣнію, *нудится* преимущественно тѣмъ же способомъ какъ и Царство Божіе, силою нравственнаго подъема, напоромъ доблестныхъ свойствъ и дѣлъ,—не говоря уже объ этомъ, для всякаго изъ насъ лично и во всякомъ положеніи обязателенъ законъ высшей правды и обязательно—ясное понятіе о томъ, чтò подло, чтò гнусно, чтò безнравственно Но увы! въ томъ-то и бѣда, что эта ясность понятія, повидимому прирожденная человѣку до такой степени, что, по словамъ Тертулліана, человѣческая душа «родится христіанскою»,—эта ясность въ наши дни помутилась, и къ сумбуру умственныхъ присоединился сумбуръ и нравственныхъ понятій. Для значительной части интеллигентнаго общества, и преимущественно молодаго, всѣ нравственныя опредѣленія сводятся къ одному: «либерально» или «не либерально». Не спрашиваютъ: честно или не честно, благородно или подло, человѣчно или звѣрски, по людски или по скотски, клонится ли къ добру или ко злу, къ благополучію или къ бѣдствіямъ, къ страданіямъ невинныхъ людей,—а только о томъ: «либерально ли?»—И затѣмъ тѣ, кто пофанатичнѣе и послѣдовательнѣе, обвиняя сами правительство въ «репрессіи», «регрессіи», «реакціи»,—предаются со страстію самымъ ужаснымъ репрессивнымъ мѣрамъ для того, чтобы заставить человѣчество регрессировать къ какому-то дикому, животному состоянію...

Вотъ съ какого рода разжиженіемъ мысли приходится намъ бороться въ нашемъ обществѣ... Мы очертили недугъ лишь немногими чертами, избирая нарочно самыя общія, всѣмъ знакомыя, повидимому мелкія черты, которыхъ существованія никто отрицать не въ правѣ, но черты характеристическія, взглядѣвшись въ которыя, серьезный мыслитель разгадаетъ съ ужасомъ и самую болѣзнь.

Смерть Царя явленіе не случайное. Это нашъ общій грѣхъ. Всѣ мы повинны въ ней, во сколько повинны въ растлѣніи общества чрезъ воспитаніе нашего юношества, чрезъ созиданіе общественнаго духа и мнѣнія. Очнемся ли наконецъ? Отрезвимся ли хоть въ виду бездны? Станемъ ли снова чиниться съ ложью и нахальничать съ правдой!.. Займемся же безтрепетно генеалогіею настоящихъ ужасныхъ событій. Къ этому покаянному труду призываемъ мы всѣхъ, въ комъ еще не заглохла совѣсть... Вилять, «влаяться овамо и онамо»,—уже не время,—станемъ наконецъ не обинуясь называть вещи ихъ именемъ...

Не о либерализмѣ, не о реакціи можетъ быть рѣчь въ настоящую страшную минуту, а просто о здравомъ смыслѣ и о гражданской честности. Нужно проявленіе твердой, строгой, грозной, энергической, *умной* власти. Нужно во что бы ни стало и прежде всего сохранить для Россіи драгоцѣнную жизнь ея Царя — залогъ нашего спокойствія: всѣ разумныя мѣры, ведущія именно къ этой цѣли, необходимы и потому законны, и съ радостью будутъ приняты обществомъ. Да и само общество должно въ буквальномъ смыслѣ стать стражемъ престола. Избави Богъ отъ какого бы то ни было дѣйствія, которое могло бы быть растолковано въ смыслѣ уступки крамолѣ или даже требованіямъ европейскаго либерализма. Россіи *нужно* самодержавіе, а самодержавіе мыслимо и крѣпко только въ тѣснѣйшемъ союзѣ съ народомъ, на народной почвѣ, на земской основѣ... Наполеонъ I говаривалъ: «еслибъ я былъ Русскимъ Императоромъ, я бы отпустилъ бороду, надѣлъ зипунъ и завоевалъ бы весь міръ». Въ наши дни нѣтъ особенной надобности въ этихъ внѣшнихъ признакахъ народности, да и дѣло идетъ не о завоеваніи міра. Но еслибы только Русскій Царь захотѣлъ быть царемъ по старинѣ и призвалъ себѣ въ опору Русскую землю (не бюрократовъ и «либераловъ»-говоруновъ, а великую *молчащую* теперь землю)—какъ воскъ отъ лица огня, растаяла бы крамола, расточились бы враги, и воскресла бы Россія въ несокрушимой мощи и славѣ. Лгутъ слабыя души, усомнившіяся въ силѣ царской власти на Руси—въ мощи народной: напустили тумана и сами бродятъ!.. Вѣруй въ свое право, Царь нашъ, вѣруй въ свою силу: то сила всего Твоего народа...

Такъ называемая либеральная пресса по поводу событія 1-го марта.

«Русь», 21 марта 1881 г.

Петербургскій бюрократизмъ и петербургскій такъ-называемый либерализмъ — одного поля ягоды. Оба законнорожденныя дѣтища темныхъ сторонъ петербургскаго періода нашей исторіи. Они могутъ порою враждовать между собою, но «милые бранятся — только тѣшатся». Ихъ связываетъ другъ съ другомъ единство происхожденія и общая антипатія ко всякому живому проявленію русской національной стихіи, всякому самобытному движенію русскаго народнаго духа, всякой свободѣ органическаго самороста Россіи. На этой почвѣ инстинктивной вражды равно сходятся и бюрократы, и такъ-называемые либералы, и — какъ это ни покажется страннымъ — наши нигилисты. Всѣ они равно презираютъ Русскій народъ и смотрятъ на «народныя массы» какъ на удобный матеріалъ для лѣпки разныхъ фигуръ по образу и подобію того или другаго иностраннаго государства, французской ли буржуазіи, англійской ли аристократіи, «международнаго» ли рабочаго союза, и т. д. Всѣ равно состоятъ въ отрицательномъ отношеніи къ русской народности, не вѣдаютъ ея, не признаютъ за нею никакихъ правъ на самостоятельное развитіе. Всѣ они не болѣе какъ разновидности нашего западничества или европейничанья Какъ внѣшнія выраженія внутренней болѣзни, они безъ сомнѣнія имѣютъ свой raison d'être, свою логическую причину бытія, но на нихъ и надо смотрѣть какъ на явленія нашего худосочія. Хорошо, что недугъ выходитъ наружу, но было бы безумно вгонять его внутрь или лѣчить насъ этими же именно худыми соками!..

Если, быть-можетъ, наши «либералы» и бюрократы оскорбятся такимъ сопричисленіемъ къ нимъ, въ настоящее время, «нигилистовъ», то мы, пожалуй, и отдѣлимъ послѣднихъ, хотя мы разумѣемъ здѣсь не нигилистовъ - террористовъ, а нигилистовъ *мирныхъ* и по правдѣ сказать затрудняемся провести рѣзкую грань между ними и «либералами»: по нашему мнѣнію преимущество послѣдовательности на сторонѣ нигилистовъ. Какъ бы то ни было, но въ тѣ торжественныя мгновенія нашей исторіи, когда какъ будто пробуждается духъ народный и грозитъ смести все наносное, фальшивое съ лица Русской земли, эти хозяйничающія надъ Русью фракціи западничества сплачиваются тѣсно противъ общей опасности и поднимаютъ крикъ: «караулъ! къ порядку! полиція, чего смотришь? нападки на интеллигенцію! будятъ грубые инстинкты массъ! Бери въ часть, во имя либерализма и цивилизаціи»! Этого рода либеральные крики раздавались и раздаются въ нашихъ «либеральныхъ» салонахъ, да и въ «либеральной» печати. Они напоминаютъ намъ положеніе самой Россіи относительно Западной Европы: Россію оскорбляютъ; она, претерпѣвъ до конца, рѣшается обнажить мечъ въ свою защиту, или идетъ освобождать порабощенный славянскій народъ,—вся просвѣщенная Европа составляетъ коалицію и до надсада въ горлѣ вопитъ о крестовомъ походѣ противъ Россіи—«во имя свободы и цивилизаціи». И нельзя сказать, чтобъ эти европейскіе вопли не оказывали своего дѣйствія на умы нашихъ россійскихъ правителей—изъ бюрократовъ и либераловъ.

То же самое отчасти повторяется и у насъ, внутри Россіи, по отношенію къ проявленіямъ русскаго народнаго чувства и мысли. Ужасное событіе совершилось на Руси,—поругана ея честь, насилована ея свобода... Русскій народъ оскорбленъ въ самомъ святомъ своемъ чувствѣ. Онъ инстинктивно сознаетъ, что какое-то, по самому существу духа чуждое, враждебное ему начало искажаетъ его бытіе, расшатываетъ власть, допускаетъ вторженіе постороннихъ, разлагающихъ элементовъ... И едва лишь мыслящая и чувствующая заодно съ народомъ печать приступаетъ къ анализу причинъ настоящаго скорбнаго положенія и всѣхъ такъ-называемыхъ современныхъ «вѣяній», какъ «либералы» уже трубятъ о «бѣломъ террорѣ» и о «бѣлой коммунѣ». «Мы-де интеллигенція; всякій нападающій на насъ, либераловъ, нападаетъ на порядокъ, на интеллигенцію, на просвѣщеніе», и т. д. Да что такое «интеллигенція», прежде всего? откуда она начинается? Наши православные священники—интеллигенція или нѣтъ? Почему наши псевдо-либералы считаютъ себя интеллигенціей по преимуществу, словно какимъ-то генералитетомъ отъ интеллигенціи? Потому ли что твердятъ зады «послѣднихъ словъ» европейской науки?.. Если подъ интеллигенціей разумѣть вообще людей образованныхъ и мыслящихъ, то вѣдь редакторъ «Руси», равно и редакторы другихъ непріятныхъ «либераламъ» журналовъ, себя изъ разряда таковыхъ никогда не исключали и не исключаютъ. Не станутъ же они возбуждать «грубые инстинкты массъ» противъ себя же самихъ?! Если они нападаютъ на «интеллигенцію», такъ на интеллигенцію не интеллигентную, на ту литературную и общественную фракцію, которая сама себѣ дала надменныя клички «интеллигенціи» и «либераловъ», хотя ужъ конечно не имѣетъ ни малѣйшаго права на такія наименованія и менѣе кого-либо въ мірѣ можетъ считать себя носительницей *народнаго* русскаго самосознанія и защитницей *народной* русской свободы....

Никогда такъ рѣзко, какъ теперь, не выставлялось наружу то затаенное различіе, которое лежитъ въ основѣ воззрѣній самозванно-либеральнаго лагеря съ бюрократическимъ вмѣстѣ, и людей русскаго образа мыслей. Вся мнимо-либеральная петербургская пресса, съ ея подобострастными отголосками въ Москвѣ, пишетъ и дѣйствуетъ словно по лозунгу. Если когда-либо какой народъ имѣлъ право скорбѣть, негодовать, гнѣваться, такъ именно Русскій народъ, и въ настоящую минуту, когда во имя его совершено неслыханное, ужасное злодѣяніе надъ его же вѣнчаннымъ главою и представителемъ, надъ тѣмъ, кто въ то же время—царь-освободитель, царь-благодѣтель своего народа. Если когда-либо какой народъ долженъ былъ почувствовать потребность утвержденія власти, такъ именно теперь, когда учинено посягательство на самый принципъ власти, освященный издревле народнымъ произволеніемъ. И при всемъ томъ этотъ истинно мудрый, исполненный и христіанскаго, и политическаго разума народъ, несмотря на свою великую скорбь и негодованіе, продолжаетъ блюсти общій строй и порядокъ, ниспровергая ожиданія злыхъ безумцевъ, желавшихъ породить смуту. Но онъ ожидаетъ отъ лицъ, держащихъ въ своихъ рукахъ орудіе общественнаго слова и призванныхъ выражать общественное сознаніе, по крайней мѣрѣ сочувствія, участія, уваженія къ этой своей скорби и негодованію; вниманія къ своей потребности видѣть проявленіе твердой, грозной, предупреждающей и карающей власти. Чтò же наша «либеральная» пресса? Она прямо доказала, что у нея не одна душа и не одинъ разумъ съ народомъ. Отчасти потому, что ей инстинктивно претитъ все, въ чемъ выражается стихія національная, отчасти — страха ради могучаго «вѣянія» народнаго духа, она изъ всѣхъ силъ старается ослабить, понизить діапазонъ народнаго законнаго чувства. Она, въ настоящую минуту, не сумѣла преподать ничего кромѣ внушеній молчалинской добродѣтели: «умѣренности и аккуратности». Читая наши «либеральныя» газеты, можно было бы подумать, что случилось нѣчто заурядное, нисколько не способное волновать душу и кровь русскихъ людей; нѣчто, за чтò довольно пожурить, потрепать немного за уши, а затѣмъ и возвратиться, да поскорѣе, къ «нормальному», ими намѣченному ходу жизни. Съ какимъ-то накрахмаленнымъ благоразуміемъ продолжаютъ они доказывать ненужность энергическихъ мѣръ къ предупрежденію ужаснѣйшаго изъ золъ, ибо-де это можетъ *потревожитъ* мирныхъ гражданъ. Да развѣ есть порядочный человѣкъ, который бы захотѣлъ не тревожиться и не быть тревожимымъ въ настоящую минуту! Да развѣ мы недостаточно потревожены этими злодѣяніями, этими подкопами, наконецъ опасностью, не перестающею грозить всему нашему общественному порядку? Развѣ не способствуетъ, пуще всего, нашей тревогѣ именно присутствіе въ нѣкоторыхъ чиновныхъ сферахъ этого фальшиво-либеральнаго духа? Только потревожившись честно, не жалѣя о своемъ комфортѣ. избавимъ мы и себя и Россію отъ дальнѣйшей тревоги..

Образцомъ такого фальшиваго либерализма и по истинѣ лицемѣрнаго отношенія къ скорби, къ правдѣ русскаго чувства служитъ статья въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», гдѣ редакторы этой газетки возглашаютъ, что статьи «Руси» по поводу событія 1 марта нарушаютъ «*молитвенно*-горестное настроеніе» настоящей минуты! Не знаемъ, насколько скорбны сердцемъ «Русскія Вѣдомости», но что онѣ *скорбны главою*, какъ выражалась наша старина про царя Ѳеодора Іоанновича,—это внѣ всякаго сомнѣнія, иначе бы и само фарисейство выразилось поостроумнѣе. «Русскія Вѣдомости»—оберегатели молитвеннаго настроенія!... Такою же заботливостью о тишинѣ, нужной для «благоговѣйныхъ молитвъ» сталъ внезапно одержимъ и «Порядокъ». Онъ пришелъ въ безпокойство и негодованіе по поводу бабы, которая, придя на то мѣсто, гдѣ пораженъ, изувѣченъ, истерзанъ былъ злодѣями Русскій Царь, заплакала и заголосила разныя причитанія злодѣямъ. Эти слова вмѣнены русской крестьянкѣ старшимъ представителемъ «либеральной» прессы, «Порядкомъ», чуть не въ преступленіе, признаны «нарушающими благоговѣніе молящихся», даже опасными, и нашъ либералъ требуетъ отъ полиціи, чтобы она запретила подобныя выраженія горести,—горести, которою объята теперь вся 80-милліонная Россія. А мы такъ жалѣемъ, что это выраженіе горькаго негодованія не проявилось болѣе грандіознымъ образомъ. Еслибъ кликъ этой бабы могъ вырваться одновременно изъ груди всего нашего великана-народа, онъ можетъ-быть отрезвилъ бы бѣшеныхъ юнцовъ, возмнившихъ себя интеллигенціей—призванной учить и руководить Русскій народъ!

Этотъ мелкій фактъ такъ характеризуетъ нашихъ «либераловъ», что распространяться болѣе о тонѣ сей прессы нечего. Такого же достоинства, глубокомыслія и силы всѣ ея разсужденія съ первой строки до послѣдней. Тѣмъ хуже для нея, конечно, — но не можетъ же она требовать, чтобъ ея слова не находили себѣ отпора!

Есть однако нѣчто болѣе серьезное. Эта самая печать признаетъ настоящую минуту самою благопріятною для успѣха нѣкоторыхъ своихъ европейски-либеральныхъ чаяній. Казалось бы, что именно теперь, когда такъ ярко отдѣлилась эта литературная фракція отъ общаго нравственнаго строя Русскаго народа, ея слова должны бы потерять всякій вѣсъ и значеніе... Но къ сожалѣнію, это не совсѣмъ такъ. По крайней мѣрѣ можно опасаться, что въ петербургской бюрократической средѣ мнѣніе этой, якобы либеральной, прессы можетъ, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ быть признано за мысль и желаніе всей Русской земли. Въ чемъ же это мнѣніе, высказывающееся между строкъ и въ строкахъ, составляющее неизмѣнный припѣвъ, выводъ каждаго разглагольствія по каждому поводу? Въ томъ, что для Россіи необходимо имѣть *однородныя* либеральныя учрежденія съ Западною Европою, по извѣстному шаблону. Безъ этого-де нельзя найти выходъ изъ настоящаго террора, нельзя возстановить безопасность, нельзя заключать международныхъ договоровъ о выдачѣ политическихъ убійцъ и злодѣевъ, хотя бы они взорвали на воздухъ десятокъ тысячъ людей. А газета «Новости», какъ увидятъ читатели ниже, въ обозрѣніи нашей печати, вѣнчаетъ всѣ эти мечтанія либеральнымъ предложеніемъ: заведя въ Россіи такія *однородныя* съ Европою учрежденія, гарантировать ихъ общимъ международнымъ контролемъ...

И вотъ такому-то либерализму выискался недавно защитникъ въ лицѣ почтеннаго автора статьи, возражающей въ 79 № «Голоса» на нашъ призывъ —«въ Москву!» напечатанный въ 1 прибавленіи къ 17 № «Руси». Но съ нимъ поведемъ мы рѣчь иную...

Лучшимъ отвѣтомъ съ нашей стороны казался бы намъ— совѣтъ почтенному автору перечесть нашу статью съизнова: однакожъ, во избѣжаніе новыхъ недоразумѣній, постараемся теперь же точнѣе пояснить ему нашу мысль.

Авторъ прежде всего упрекаетъ насъ въ томъ, что говоря о «расцвѣтѣ пошлости — петербургскомъ либерализмѣ», мы ни слова не сказали о пошломъ консерватизмѣ, который по его словамъ—нашелъ себѣ выраженіе «въ ташкентцахъ» извѣстнаго сатирика Щедрина, но вѣдь мы именно сопоставили пошлость петербургскаго либерализма съ *бюрократизмомъ* и *казенщиной*, нашедшими себѣ выраженіе (особенно послѣдняя) въ типахъ Гоголя, начиная отъ Держиморды, Сквозника-Дмухановскаго до Чичикова и К^0 включительно. Полагаемъ, что «консерватизмъ», который разумѣетъ авторъ и который является ему во образѣ «ташкентцевъ»,—одного совершенно рода съ консерватизмомъ упомянутыхъ героевъ Гоголя, представляя, можетъ-быть, лишь нѣкоторую разновидность. Казенщина имѣетъ несомнѣнно притязаніе служить консервативному началу, какое бы ни было его содержаніе, ибо тщится возвести въ неподвижное, непреходящее правило требованія закона или доктрины, безъ всякаго соображенія съ случайностями, съ движеніемъ самой жизни. Мы, впрочемъ уже не разъ давали въ своей газетѣ опредѣленіе понятію «казенщина» и характеризовали сущность этого зла, возводя его у насъ, въ Россіи, даже на степень историческаго явленія; стало-быть и упрекъ, сдѣланный намъ авторомъ статьи «Голоса», въ забвеніи о «консерватизмѣ»—совершенно неоснователенъ.

Не менѣе страннымъ представляется и слѣдующее обвиненіе автора: «еслибы г. Аксаковъ (почему же не газета «Русь?» странный пріемъ петербургской печати!) принялъ въ разсчетъ всѣ стороны и вѣтви пошлости, ростущей на одномъ общемъ древѣ, онъ не позволилъ бы себѣ сказать, что либерализмъ *вообще* есть расцвѣтъ пошлости». Да когда же мы утверждали это о либерализмѣ *вообще*? Мы ни о «либерализмѣ *вообще*», ни просто о «либерализмѣ» вовсе и не упоминали; мы именно спеціализировали либерализмъ, и назвали пошлымъ либерализмъ *петербургскій*, тотъ особенный либерализмъ, котораго органами по преимуществу служитъ такъ-называемая либеральная петербургская пресса. Мы даже почти всегда, говоря объ извѣстныхъ газетахъ, присоединяемъ къ слову либерализмъ—именно слова: «такъ-называемый», «псевдо», «лже», и т. п. Слѣдовательно споръ можетъ идти только о томъ, вѣренъ ли данный нами петербургскому либерализму эпитетъ,—но авторъ этого вопроса не поднимаетъ и не разрѣшаетъ. Въ разныхъ статьяхъ, принадлежащихъ, какъ намъ думается, тому же автору и помѣщенныхъ въ разныхъ журналахъ, встрѣчается выраженіе: «европейничанье», «европейское либеральничанье», о которомъ авторъ отзывается не совсѣмъ уважительно. Мы предлагаемъ ему замѣнить употребленныя нами слова его собственными: смыслъ нашей статьи отъ того не измѣнится, потому что никакого иного содержанія, кромѣ подобострастнаго поклоненія западноевропейскимъ образцамъ и идеаламъ, либерализмъ петербургской прессы и не представляетъ.

Но не согласится ли съ нами авторъ и въ томъ, что понятія о консерватизмѣ-вообще, какъ и о либерализмѣ-вообще,—на нашей русской почвѣ являются понятіями доктринерскими, отвлеченными или пустотѣлыми,—и потому самому въ нашемъ обществѣ болѣе или менѣе пошлыми? Ч҄то такое консерватизмъ или либерализмъ-*вообще*, за который заступается авторъ? Для насъ это не ясно. Ограниченіе свободы преподаванія, учиненное либеральнымъ правительствомъ французской республики, отнявшимъ право ученія у духовенства, ч҄то это: «либерализмъ» или «консерватизмъ?» Запрещеніе въ школахъ упоминать о Богѣ, съ замѣною въ учебникахъ этого (консервативнаго?) слова «натурой»,—ч҄то это: «либерализмъ» или «консерватизмъ?» Съ точки зрѣнія *либераловъ*, создавшихъ республику, такое нарушеніе свободы ученія—*консерватизмъ*, ибо этимъ способомъ сохранится-де республика. Съ точки зрѣнія милліоновъ вѣрующаго Французскаго народа, это—разрушеніе существующаго, слѣдовательно нѣчто противное понятію о «консерватизмѣ»,—да и понятію о свободѣ. Въ Америкѣ *демократъ* значитъ консерваторъ; *республиканецъ*—либералъ!.. Однимъ словомъ, понятія о либерализмѣ и консерватизмѣ, взятыя отъ жизни абстрактно и возведенныя на степень *доктрины*, ускользаютъ отъ всякаго точнаго опредѣленія и представляются у насъ лишенными всякаго смысла. Съ этими отвлеченными понятіями мы никакъ не поймемъ живаго, практическаго значенія этихъ словъ въ Англіи, во Франціи, въ Германіи, въ Америкѣ, и какъ разъ произведемъ въ чинъ либерала человѣка принадлежащаго къ партіи консерваторовъ, и въ чинъ консерватора человѣка отъ партіи либераловъ. Но сами они, у себя, не справляясь съ доктринами, а говоря лишь языкомъ самой жизни, другъ друга отлично понимаютъ и не сбиваются. Да къ тому же неужели авторъ статьи «Голоса» не знаетъ, что истинно консервативно въ жизни государства, т. е. придаетъ ей условія прочности, то, чтò истинно же и либерально,—и истинно либерально только то, чтò имѣетъ въ себѣ всѣ условія стать началомъ жизненнымъ, охраняющимъ бытіе государства, или консервативнымъ? Не лучше ли, не проще ли выбросить эти слова изъ нашего словаря, по крайней мѣрѣ когда дѣло идетъ о русской жизни? и не смѣшонъ ли петербургскій либерализмъ петербургскихъ газетъ именно потому, что онъ *либерализмъ вообще* (какъ думалъ защитить его авторъ!),—слѣдовательно *не русскій*, а какой-то отвлеченный, обще-европейскій, каковаго въ натурѣ и не имѣется?

Но мы объявили себя противниками либерализма извѣстной петербургской печати не потому только, что онъ смѣшонъ, а потому именно, что стоимъ за *свободу*, за нашу національную свободу, за свободу русской народной личности, которую онъ презираетъ, да и не вѣдаетъ. Его непониманіе, его неспособность понять исторію, преданія, волю и разумъ Русскаго народа сказались уже отчасти изъ тѣхъ неистовыхъ кликовъ, которыми встрѣчена была наша статья о Москвѣ. Точно кто-нибудь ужалилъ господъ «либераловъ» въ самое чувствительнѣйшее мѣсто, предложивъ перенести резиденцію изъ Петербурга! Это и понятно. Они порожденіе самое санктпетербургское. Въ противоположность Пушкину, возгласившему про Москву: «какъ много въ этомъ словѣ для сердца русскаго слилось, какъ много въ немъ отозвалось», — они своимъ свистомъ и скрежетомъ зубовнымъ засвидѣтельствовали, что въ ихъ сердцахъ это слово ничего не вызываетъ, кромѣ отвращенія и ненависти.

Жаль, очень жаль, что почтенный авторъ статьи «Голоса», котораго мы никакъ не желали бы сопричислить къ петербургскимъ «либераламъ», почему-то вздумалъ оказать имъ нѣкоторую поддержку. На его дальнѣйшія разсужденія возразимъ ему въ короткихъ словахъ:

Вы указываете на недуги, пороки, злыя явленія и дѣла

Московскаго періода. Никто ихъ и не отрицаетъ. Но это зло и являлось во всемъ своемъ безобразіи, безъ прикрасъ, какъ являлось оно, своеобразно, и во всѣхъ другихъ странахъ, гдѣ и искоренялось безъ отреченія отъ самаго принципа жизни — отъ народной духовной личности, создавшей самый государственный организмъ. Зло заключалось вовсе не въ застѣнкахъ, не въ казняхъ, не въ пыткахъ, не въ Преображенскомъ приказѣ и т. п., какъ съ дѣтскимъ паѳосомъ увѣряютъ ученые невѣжды «Русскихъ Вѣдомостей» и имъ подобныхъ газетъ: и въ Петербургѣ были застѣнки, да и по всей Европѣ; тайная канцелярія была не хуже Преображенскаго,—инквизиція въ Испаніи получше всѣхъ ужасовъ Московскаго періода. Но какое же дикое невѣжество, какое грандіозное скудоуміе—утверждать, будто въ Московскомъ періодѣ кромѣ застѣнковъ, кормленія и тупоголовыхъ бояръ ничего другаго и не было — и подводить все осьмивѣковое до Петра существованіе Русской земли къ нулю! Эти статьи нашихъ либераловъ—вашихъ protégés, всего лучше объясняютъ намъ трагическій сумбуръ современной нашей поры.

Зло заключалось въ національной *исключительности*, замкнутости; Русь глохла, задыхаласьвъ самой себѣ, отдѣленная отъ остальнаго міра, какъ бы стѣною, враждебными сосѣдями. Ей необходимо было выдвинуться на путь всемірнаго общечеловѣческаго развитія. Въ этомъ и состоитъ историческій подвигъ Петра, но это освобожденіе совершилось, можетъ-быть и не могло совершиться иначе какъ путемъ *реакціи*, путемъ *отрицанія*. Вотъ такимъ то *воплощеніемъ отрицанія* исключительной національности и *явился Санктъ-Петербургъ*. Личный характеръ Петра довелъ это отрицаніе до крайнихъ предѣловъ: указы Русскому народу подписывалъ по голландски, столицу Русскому народу создалъ съ нѣмецкимъ названіемъ; былъ онъ и плотникъ, и академикъ, - и цирульникъ въ то же время, сооружалъ войско и флотъ, стригъ, брилъ, основалъ Академію Наукъ и разучилъ Русскихъ русскому языку,— однимъ словомъ, явился живымъ выраженіемъ антинаціональной реакціи и призваніе свое совершилъ. Русская исторія, конечно, не остановилась, но пошла кривымъ и болѣзненнымъ путемъ, ибо живое начало народнаго духа было придавлено, и могло проявляться *только* въ чрезвычайныя мгновенія историческаго бытія. Императоръ Александръ I, хотя въ 1805 году и писалъ въ рескриптѣ Санктпетербургу, что онъ счастливымъ себя почитаетъ «быть начальникомъ столь благородной націи» (le chef d'une si noble nation), однакоже въ 1812 году, *благодаря содѣйствію Москвы*, явился выразителемъ истиннаго русскаго историческаго духа.

Какъ бы то ни было, но понятно, что Петербургъ не представлялъ, не представляетъ и не можетъ представлять собою ничего, кромѣ *отрицанія* исключительной національности, которою болѣла до-Петровская Русь: въ этомъ его смыслъ, подвигъ, призваніе. Петербургскій періодъ есть періодъ *отрицательнаго* отношенія къ русской народности, каковое сказывалось такъ долго, сказывается отчасти и теперь, не только въ русской литературѣ и въ русской наукѣ, но и въ управленіи, въ политикѣ, въ администраціи. Корифеями этого направленія и до сихъ поръ ȯрганы нашей, именно «либеральной» прессы, которая довела отрицаніе до истинной виртуозности, какъ о томъ свидѣтельствуетъ вышеприведенный ихъ взглядъ на Русскую исторію до Петра.— Реакція Петрова стала однакоже у насъ явленіемъ *хроническимъ*. Между тѣмъ Петербургъ, какъ воплощеніе лишь отрицательнаго момента исторіи, ничего *положительнаго* въ русскомъ смыслѣ создать не можетъ. Къ *положительному*, по извѣстному діалектическому закону, можно возвратиться только чрезъ *отрицаніе самого отрицанія*, другими словами,—чрезъ отрицаніе петербургскаго періода, чрезъ отрицаніе Петербурга, какъ политическаго *начала*, руководившаго чуть не два вѣка русскою жизнью. Въ результатѣ получится русская народность —освобожденная отъ исключительности, призванная ко всемірно-историческому поприщу. Ясно ли? Непростительно автору, какъ видно читавшему сочиненія Хомякова и такъ-называемыхъ славянофиловъ, повторять въ одинъ голосъ съ представителями петровскаго отрицанія, будто они и новѣйшіе ȯрганы печати, заговорившіе о Москвѣ, хотятъ возвращенія къ московскому періоду, т. е. вѣроятно и уничтоженія литературы и ихъ собственныхъ ȯргановъ, такъ какъ ничего подобнаго въ XVII вѣкѣ не было?! Чтȯ за нелѣпость!

Авторъ статьи «Голоса» очень серьезно поясняетъ намъ, что начнется новый періодъ не Московскій, а *Русскій*. Да какой же иной? непремѣнно такъ. Но развѣ Русскій періодъ можетъ отвергнуть исторію и ея преданія, отречься отъ народной русской духовной стихіи? Напротивъ, онъ долженъ захватить съ собою все наслѣдіе тысячелѣтней русской жизни. Но гдѣ же приличнѣе и удобнѣе проявиться дѣятельности этого новаго русскаго періода: въ Петербургѣ ли, гдѣ живутъ преданія только или по преимуществу отрицательныя, гдѣ не слышится біеніе пульса русской народной жизни, гдѣ не у себя дома ни народная, ни земская, ни церковная стихія?—въ Петербургѣ ли, городѣ чиновниковъ и либераловъ-*вообще*, нами достаточно характеризованныхъ? на краю ли Имперіи, или въ центрѣ, который всѣмъ Русскимъ народомъ признается сердцемъ Россіи?... Полноте, не поддакивайте-жъ тѣмъ, которые боятся стать ближе къ народной стихіи, боятся по инстинкту самосохраненія, потому что завершеніе петербургскаго періода упразднитъ ихъ безполезное бытіе,—и, нападая на статьи «Руси», вспомните напечатанныя въ ней слова поэта, обращенныя къ Великому Петру, что съ завершеніемъ этого періода

> Все отпадетъ что̀ было *лживо*
> Любовь всѣ узы сокрушитъ,
> Отчизна зацвѣтетъ счастливо,
> И твой народъ—Тебя *проститъ!*

По поводу суда надъ цареубійцами.

«Русь», 4-го апрѣля 1881 г.

Судъ надъ цареубійцами совершился, — но имъ ничего ровно не завершилось—ни въ жизни, ни въ сознаніи Россіи, потрясенной событіемъ 1 марта. Весьма можетъ быть, что, въ виду состоявшагося судебнаго приговора, нѣкоторымъ бы очень хотѣлось примѣнить и къ настоящему *случаю* французское изреченіе: l'incident est clos, l'incident est vidé,—но тщетно такое хотѣніе. Въ общей суммѣ всего пережитаго и переживаемаго нами это «отправленіе правосудія» надъ шестью захваченными участниками злодѣянія— не болѣе какъ эпизодъ, едвали не наименѣе интересный. Судъ рѣшилъ судьбу наличныхъ преступниковъ, но не рѣшилъ ни одного изъ возбужденныхъ вопросовъ, не пролилъ никакого новаго свѣта на пружины и объемъ того зла, которое язвитъ и отравляетъ наше общественное и государственное бытіе. Судебная кара надъ нѣкоторыми злодѣями не сняла съ общественной совѣсти ни тяжести самоупрековъ, ни страха ожидающей насъ самихъ грозной исторической кары—если не прозримъ и не образумимся, не избавила общество даже отъ опасеній рецидивовъ зла въ ближайшемъ будущемъ.

Чтò наиболѣе доставило удовлетвореніе нравственному общественному чувству—это не окончательный приговоръ судебный, въ которомъ никто никогда не могъ и сомнѣваться,—а рѣчь г. товарища прокурора Муравьева,—это талантливое и горячее слово негодующей правды. Нужно такое слово русскому обществу; нужно оно среди суесловья нашей лжелиберальной печати, которая, въ заботѣ о ненарушеніи «молитвенно-горестнаго настроенія» настоящей минуты, тянетъ уже цѣлый мѣсяцъ фальшивую ноту молчалинской «умѣренности и аккуратиости». Любопытно бы знать, какому это она Богу молится?!..

Нельзя однако сказать, чтобы судъ не далъ намъ никакого полезнаго откровенія. Онъ разсѣялъ ореолъ, которымъ въ воображеніи нѣкоторыхъ окружались виновники злодѣянія, и которымъ вообще украшаются въ общественномъ мнѣніи такъ-называемые политическіе преступники, т. е. люди самоотверженно служащіе какой-либо политической идеѣ; онъ свелъ ихъ съ героическаго пьедестала и разоблачилъ ихъ внутреннее, нравственное уродство. Несмотря на безпристрастіе суда, доходившее даже до аффектаціи, до щегольства безпристрастіемъ, несмотря на полную свободу рѣчей, предоставленную преступникамъ, имъ не удалось придать себѣ ни одной человѣчной черты, способной внушить къ нимъ если не симпатію, то хоть какое-нибудь соболѣзнованіе,—повидимому даже естественное при молодости нѣкоторыхъ изъ нихъ. Ихъ нельзя назвать даже изувѣрами или фанатиками. Фанатики не рисуются, не позируютъ, какъ какой-нибудь Желябовъ; искренняго, пламеннаго убѣжденія не слышится ни въ одномъ словѣ Рысакова, Михайлова и прочихъ участниковъ цареубійства. Это не жертвоприношеніе восторженнаго заблуждающагося идеолога, не *дѣла* непреклонной *вѣры*; слова Желябова, что «вѣра безъ дѣлъ мертва», прозвучали фразой, и не болѣе какъ фраза. Никакого порыва, никакого «аффекта» не могъ бы подмѣтить, для оправданія или для облегченія ихъ вины, наикривомудрый адвокатъ. Самое крайнее преступное проявленіе человѣческой *страсти* выше, нравственнѣе того холоднаго, личнаго безстрастія, которымъ отличаются злодѣянія нашихъ соціалистовъ-революціонеровъ. Это истинное уродство, самаго худшаго, ужаснаго вида. Мы согласны съ «Современными Извѣстіями», что это «явленіе не умственнаго, а психическаго порядка», но къ ихъ словамъ о «разстроенной психіи» слѣдуетъ прибавить замѣчаніе, что это разстройство уже не сопровождается для разстроенныхъ накакимъ ощущеніемъ *боли* или *страданія*. Имъ уже не съ чѣмъ бороться внутри себя. Это какія-то выхолощенныя души, въ которыхъ раны давно уже зажили, въ которыхъ не осталось никакихъ понятій о различіи добра и зла, — вынуты вонъ всякія простыя естественныя чувства и представленія самаго простаго смысла. На мѣсто ихъ вставлены какія-то абстрактныя, дѣланныя понятія; все, что̀ зовется умомъ и душою и что̀ осталось въ нихъ отъ ума и души, уже не способно служить ничему *положительному* и *живому*, никакому началу *жизни*, а осуждено служить и ничему иному и служить не можетъ, какъ началу отрицанія, началу *смерти* и *разрушенія*. Это ужъ въ точномъ значеніи слова—*нигилисты*. Это именно то, что̀ такъ вѣрно выражено стихомъ Тютчева, который припоминаетъ намъ въ своемъ заявленіи г-жа Кохановская: «Не плоть, а *духъ* растлился въ наши дни!»

Послѣдній процессъ столько же ярко, если не ярче, чѣмъ всѣ прежніе «политическіе» процессы, обнаружилъ не то что скудость, но совершенное отсутствіе всякой политической подкладки. Какое же ослѣпленіе, тупоуміе или наглую ложь представляютъ разсужденія нѣкоторыхъ нашихъ газетъ, что злодѣяніе 1 марта объясняется «реакціонною политикой», на путь которой вступило будто въ послѣднее время наше правительство, «административными ссылками и многимъ инымъ непригляднымъ!» Неговоря уже о томъ, что если даже разныя, болѣе или менѣе неудачныя мѣры самообороны, принятыя правительствомъ, и можно назвать «реакцiей», то вѣдь эта реакцiя вызвана не чѣмъ инымъ, какъ цѣлымъ рядомъ злодѣйскихъ покушенiй въ видѣ подкоповъ и взрывовъ; о чемъ непростительно, въ самомъ дѣлѣ, имѣть такую короткую память!... не говоря уже обо всемъ этомъ,— наши лжелибералы забываютъ, или прикидываются незнающими, что у нигилистовъ или анархистовъ никогда не имѣлось и не имѣется никакой политической опредѣленной программы. Имъ равномѣрно претятъ всякiя существующiя формы политическаго бытiя, да и на Западѣ, откуда ихъ доктрина беретъ себѣ начало, ея практическое значенiе состоитъ именно въ протестѣ противъ современнаго конституцiоннаго, столь симпатичнаго нашимъ лжелибераламъ, строя. Нельзя конечно и въ мысли представить себѣ такого безумца, который, участвуя въ правленiи такою великою страною, какъ наша, вздумалъ бы принимать въ соображенiе требованiя и стремленiя нашихъ нигилистовъ (они же «соцiалисты-революцiонеры», «революцiонеры-террористы» и т. п.,—все съ иностранными же кличками!). Но если бы даже таковой безумецъ и могъ явиться, то, при всемъ его добромъ желанiи, ему не съ чѣмъ было бы даже и считаться: невозможно ухватиться ни за какую мысль, ни за какое требованiе: это однѣ фразы, фантастическiя бредни, чуждыя не только практическаго, реальнаго, но даже и отвлеченно-логическаго содержанiя...

Но можетъ-быть, при отсутствiи политической подкладки, у нашихъ революцiонеровъ, какъ послѣдователей соцiалистическаго ученiя, имѣется программа соцiалистическая? Вѣдь входилъ же Бисмаркъ въ личныя сношенiя съ Лассалемъ; вѣдь, преслѣдуя революцiонный соцiализмъ въ Германiи, онъ тѣмъ не менѣе принялъ въ соображенiе все, что̀ протестъ соцiалистовъ заключаетъ въ себѣ справедливаго по отношенiю къ положенiю народныхъ массъ. Да, конечно, германскiй канцлеръ поступилъ въ этомъ случаѣ какъ истинно великiй государственный мужъ, но именно потому, что протестъ соцiализма имѣетъ на Западѣ законное историческое, вполнѣ жизненное основаніе, независимо отъ теоріи или доктрины, воздвигнутой отвлеченною мыслью на этомъ фундаментѣ. Тамъ, на Западѣ, дѣло идетъ о такъ-называемомъ четвертомъ сословіи, лишенномъ земли, крова, гражданской организаціи и политическаго представительства, — о томъ многочисленнѣйшемъ классѣ населенія, о томъ истинномъ, а не парламентскомъ большинствѣ, на отчужденности и безгласности котораго зиждется весь современный либерально-конституціонный строй.

Ни тѣни ничего подобнаго нѣтъ у нашихъ соціалистовъ-революціонеровъ, — никакого ни историческаго, ни бытоваго, практическаго основанія. Они никогда даже и не изучали экомическихъ условій жизни *нашего* народа, незнакомы ни съ какими научными, ни даже съ статистическими о немъ данными, ни съ дѣйствительными его нуждами. Замѣчательно, что этотъ нигилизмъ или соціально-революціонная агитація зарождается у насъ одновременно съ великой работой освобожденія крестьянъ. Вспомнимъ дѣятельность Чернышевскаго, Писарева, несомнѣнно основоположниковъ нигилизма и соціализма въ русской молодежи. Едвали искренни тѣ газеты, которыя автора романа «Что̀ дѣлать» (погубившаго столько молодыхъ душъ въ Россіи) называютъ ученымъ теоретикомъ, въ родѣ нѣмецкихъ Katheder-Socialisten! Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что юные наши нигилисты и соціалисты того времени не только держались въ сторонѣ отъ великаго дѣла эмансипаціи, но и отнеслись къ ней съ поразительнымъ равнодушіемъ! Въ этомъ же направленіи развивались и крѣпли наши нигилисты до послѣднихъ дней. Повторяемъ: у нихъ нѣтъ, не бывало и не можетъ быть истинной любви къ *Русскому* народу, потому что они его вовсе не вѣдаютъ, да и узнать не стараются; напротивъ, они, даже не всматриваясь въ народъ близко, а a priori, открыто презираютъ именно то, что̀ для народа дороже всего на свѣтѣ, въ чемъ вся его внутренняя сущность, — его вѣру, его духовную личность, его нравственные идеалы. Они, пожалуй, «демократы» или «демагоги», но въ смыслѣ западно-европейскомъ, т. е. боготворятъ какой-то абстрактный «демосъ» и во имя этого «демоса» вообще проповѣдаютъ тираннію надъ дѣйствительнымъ, живымъ народомъ! У нихъ нѣтъ, не бывало и быть не можетъ даже никакого соболѣзнованія съ народнымъ горемъ или страданіемъ, потому что они и понятія о немъ не имѣютъ, ни средствъ для удовлетворенія его потребностей не измыслили, ни самыхъ потребностей его не знаютъ.

Что̀ же есть положительнаго или хоть положительно, конкретно-отрицательнаго въ нашихъ соціалистахъ-революціонерахъ «по части» политики или соціализма, что̀ можно было бы принять въ соображеніе и хоть отчасти исполнить? Ровнехонько ничего,—никакого содержанія, никакой практической задачи, ни даже практическаго, опредѣленнаго протеста. Ничего, кромѣ попугайнаго лепета чужихъ, иностранныхъ формулъ. Это тотъ же міръ абстракта, отвлеченнаго, призрачнаго, мнимаго,—въ которомъ живетъ и бо́льшая часть нашей интеллигенціи, даже въ административныхъ сферахъ (конечно, съ извѣстнымъ различіемъ въ самой сущности лжи стремленій и самообольщеній). Міръ чуждый, разумѣется, нашему народу, міръ фальшивыхъ потребностей, фальшивыхъ влеченій, фальшивыхъ недуговъ! На послѣднемъ процессѣ типомъ представителя такихъ дѣланныхъ потребностей и нуждъ явился Михайловъ, очевидно даже не понимавшій смысла и задачъ соціалистической доктрины, не умѣвшій даже и выговаривать терминовъ и формулъ теоріи, изъ-за которой готовъ былъ убивать и рѣзать другихъ.

Но если въ нашихъ революціонерахъ нѣтъ никакого серьезнаго политическаго или соціалистическаго, да и никакого *своего* содержанія, а только кое-что *чужое*, безпочвенное, отвлеченное, такъ самое это отсутствіе всякой положительной цѣли, всякаго положительнаго, не только практическаго, но и теоретическаго идеала,—это упраздненіе всего реальнаго, серьезнаго и живаго,—оно-то именно и представляетъ страшную опасность. Природа пустоты не терпитъ, и неспособность къ положительному созиданію вслѣдствіе внутренней духовной безпочвенности—замѣняется, какъ уже сказали мы, положительною способностью къ одному лишь голому отрицанію. Реальнымъ, *живымъ* дѣломъ является у нихъ дѣло *смерти*,— готовность и способность губить и убивать. Револьверъ, ядъ, динамитъ—это не только ultima ratio, но и единственный ихъ раціонализмъ, — весь ихъ міръ конкретнаго и реальнаго. Весь ихъ разумъ и сила именно въ этой готовности и способности губить и убивать, хотя бы и самому пришлось быть убитымъ. Безъ этого они были бы самое ничтожнѣйшее изъ ничтожествъ. Такимъ образомъ все дѣло не въ политической или соціалистической теоріи вообще, а въ ея, такъ сказать, *духовной* или *нравственной* подкладкѣ. Весь центръ значенія нашихъ революціонеровъ—въ *безбожіи:* въ доведенномъ до крайняго своего выраженія отрицаніи абсолютной нравственной истины и нравственно-обязательнаго закона, — въ вытравленіи въ себѣ понятія о добрѣ и злѣ, въ извращеніи человѣческой совѣсти: однимъ словомъ, въ *нигилизмѣ*, изъ теоріи перешедшемъ въ жизнь.

Намъ возразятъ на это, конечно, что отрицаніе высшаго нравственнаго закона и т. д.—недугъ болѣе или менѣе общій, захватывающій во всякомъ случаѣ значительную часть общества, не только русскаго, но и европейскаго, но что онъ нигдѣ не сопровождается такими послѣдствіями, какъ въ средѣ нашихъ соціалистовъ-революціонеровъ или, точнѣе сказать, нигилистовъ. Это вѣрно. Періодъ отрицанія можетъ быть однимъ изъ фазисовъ внутренняго развитія. На пути исканія истины, въ стремленіи утвердиться въ ней человѣкъ нерѣдко проходитъ чрезъ отрицаніе. Отъ подобнаго отрицанія теоретическаго, умозрительнаго, еще не такъ легко перейти къ отрицанію практическому, къ искорененію въ самомъ себѣ тѣхъ «предразсудковъ» христіанской нравственности, которыми стоитъ и держится всякое современное европейское общество. Для этого необходимо было бы заглушить голосъ совѣсти и всѣ непосредственныя стремленія человѣческой души, а потому бо́льшая часть людей задерживается благородствомъ своей духовной природы на первыхъ ступеняхъ отрицанія и неспособна къ безпощадной послѣдовательности. Такъ было у насъ въ особенности въ 40-хъ годахъ, въ эпоху идеализма и этики, сооруженной независимо отъ идеи о Богѣ. Но съ каждымъ поколѣніемъ отрицаніе спускалось на нѣсколько ступеней ниже. Молодые люди вездѣ, по прямолинейности свойственной юности, потому также, что жизнь еще не успѣла вложить въ нихъ довольно своего груза и опутать ихъ сѣтью привычекъ и разнообразныхъ отношеній, по легкомыслію и вѣтрености, вообще склонны къ радикализму; у насъ же, гдѣ они ужъ совсѣмъ пусты отъ всякаго груза преданій и національныхъ завѣтовъ, они всегда идутъ дальше, всегда послѣдовательнѣе своихъ учителей.—Нѣтъ ничего легче, какъ прослѣдить генеалогію нигилизма въ Россіи по прямой линіи отъ идеализма, отрицавшаго Бога и Христа. Безъ сомнѣнія, идеалисты сороковыхъ годовъ съ ужасомъ отпрянули бы отъ своихъ законнорожденныхъ внуковъ и правнуковъ годовъ 60 и 70-хъ, но они доказали бы этимъ только свою крайнюю близорукость. Поискавъ непреложныхъ *раціональныхъ* основаній для идеализма и не обрѣтя никакого, ученики, въ преемственномъ рядѣ поколѣній, вылущили въ себѣ все идеалистическое, и — какъ мы выразились въ послѣднемъ № «Руси» — «совлекши съ себя образъ Божій, совлекли съ себя и человѣческій образъ»,— оголили себя до животнаго. Но если «добрые малые» умственнаго порядка, — эти западники-идеалисты прежнихъ лѣтъ, — сами простодушно и легкомысленно не догадывались, къ какому отрицанію всякихъ началъ нравственности должны были привести ихъ идеалистическія мудрованія въ своемъ строгомъ логическомъ развитіи,—то не мало же было и такихъ, которые сознательно и систематически направляли наше юношество на путь нравственнаго и умственнаго растлѣнія,—или увлекаемые собственнымъ фанатизмомъ, или же какъ слѣпыя орудія Бакунина, Мѣрославскаго и другихъ.

Не пускаясь въ подробныя доказательства (на что̀ не имѣемъ ни мѣста, ни времени), мы хотимъ только намѣтить путь, по которому наши молодыя поколѣнія дошли сначала до теоретическаго, а потомъ и до практическаго нигилизма. Если нигилизмъ являлся сначала болѣзненнымъ результатомъ отвлеченнаго, научнаго отрицанія, то теперь онъ уже стоитъ на степени явленія вполнѣ безболѣзненнаго, нормально-отрицательнаго, бытоваго, усвояется легко, дешево, безъ всякой науки. Онъ дошелъ до послѣдней грани, за которою начинается область положительнаго зла—область разрушенія. Но эта легкость усвоенія, эта чудовищная послѣдовательность объясняются у насъ не одними общими мировыми, но по преимуществу мѣстными, нашему обществу свойственными причинами. При общемъ отчужденіи отъ народа нашего общества, нашей такъ - называемой интеллигенціи, что̀ въ главныхъ своихъ чертахъ представляла и отчасти еще представляетъ наша школа, разумѣется за нѣкоторыми исключеніями? Садясь за школьную скамью отъ отроческихъ лѣтъ до окончанія курса, мальчикъ, и потомъ молодой человѣкъ, подвергается у насъ постепенному вытравленію всѣхъ своихъ христіанскихъ вѣрованій, всѣхъ нравственныхъ и русскихъ національныхъ инстинктовъ. Ядомъ отрицанія систематически умерщвляется въ немъ любовь къ Богу, любовь къ церкви, любовь и уваженіе къ своему народу, къ своей народности, къ своей землѣ, къ ея исторіи и къ преданіямъ. Никакихъ національныхъ идеаловъ не вносится педагогами въ его душу, никакого положительнаго отношенія къ родной жизни, а одно лишь отрицательное къ ней отношеніе. Эту вину со школой раздѣляетъ и бóльшая часть нашей журналистики: если понадобятся примѣры, ихъ не занимать стать. Въ этой опустошенной юношеской душѣ водворяются одни *абстракты*: идеалы, стремленія, задачи, цѣли, взятыя изъ *чуждаго* историческаго или какого-то отвлеченнаго міра; вмѣсто научныхъ знаній, разныя «послѣднія слова» западной науки, т. е. *гипотезы*—на правахъ несомнѣнныхъ аксіомъ, и самыя крайнія отрицательныя теоріи и доктрины,—да и изъ нихъ почти только внѣшнія формулы этихъ доктринъ! И душа и умъ теряютъ чувство и смыслъ реальнаго бытія и витаютъ въ области, населенной призраками, тѣнями, фикціями,—въ области вздорнаго и мнимаго. Все сущее, всѣ нравственныя начала жизни являются предразсудкомъ. Всякая узда съ воли снята. Абсолютной истины нѣтъ, нравственно-обязательнаго закона нѣтъ, добра и зла нѣтъ, души нѣтъ, отечество и народность — предразсудокъ, русская старина, историческія преданія—дрянь, искусство—вздоръ, человѣкъ—скотъ,—правда только въ матеріи. Вотъ *этика*, выносимая нашимъ юношествомъ изъ школы — отъ значительной части педагоговъ! Тутъ возможны только три выхода: или поскорѣе прекратить свое глупое, оголенное отъ идеаловъ бытіе, застрѣлиться, чтò и дѣлаютъ очень многіе; или же поставить себѣ цѣлью бытія «пить, ѣсть и веселиться», чтò также, по слабости человѣческой, чинятъ очень многіе и чѣмъ объясняется стремленіе къ беззаконной грубой наживѣ въ послѣднія десять лѣтъ; наконецъ третій путь, изъ котораго, кажется, уже нѣтъ возврата—это служеніе началу всеобщей анархіи, разрушенія, смерти; идеализація зла, но безъ всякихъ положительныхъ цѣлей и идеаловъ, работа злу для зла, не лишенная самоотверженія (которое въ этомъ случаѣ, впрочемъ, стоитъ наравнѣ съ тѣмъ самоубійствомъ, о которомъ мы выше упомянули)... Это въ самомъ дѣлѣ, по выраженію церкви, «глубины сатанины»:

Мы вполнѣ признаемъ, что внѣшнія условія нашего историческаго бытія въ теченіи петербургскаго періода, состоявшія въ противорѣчіи съ положительными началами Русской земли и ея народнаго духовнаго строя,—всѣ эти условія, вмѣстѣ съ казенщиной въ свѣтскомъ и церковномъ управленіи, способствовавшія омертвѣнію жизни и гашенію духа, въ значительной степени благопріятствовали вообще развитію у насъ отрицательной стихіи до той чудовищной силы, съ которою она нынѣ такъ губительно властвуетъ. Но пора же очнуться и понять, что только приливомъ новыхъ положительныхъ силъ, зиждущихся на нашей историческо-земской и христіанской русской основѣ, возможно измѣнить и внѣшнія условія общественнаго бытія, и одновременно очиститься отъ всей лжи, нажитой нами въ петербургскомъ періодѣ нашей исторіи, и вообще излѣчить наши страшные общественные недуги. Народъ нашъ, слава Богу, еще цѣлъ и здоровъ, и избыткомъ его здоровья можно еще надѣяться оздоровить наше больное общество. Оздоровить во всѣхъ отношеніяхъ, ибо—чудное дѣло!—надъ этимъ великимъ здравомысломъ, нашимъ народомъ, какое нездоровое, несмысленное высится общество, какой пластъ фальшивой, безсодержательной, оторванной отъ народа и притомъ надменной, довольной собою «интеллигенціи»! Но она именно этого-то притока силъ и боится,—и она-то именно и стоитъ препятствіемъ къ нашему духовному обновленію и возрожденію, отрицаясь народной исторической и органической духовной основы...

Для исторіи нашего нигилизма и опредѣленія его генеалогіи рекомендуемъ читателямъ обратиться къ изученію русской журналистики съ начала 60-хъ годовъ. Тогда только настоящій его расцвѣтъ къ 1881 г. станетъ имъ вполнѣ ясенъ...

О тяжкихъ недоразумѣніяхъ, колеблющихъ сердца нашего юношества.

«Русь», 25-го апрѣля 1881 г.

Настоящее время—время тяжелаго смущенія и колебанія въ молодежи. Въ той честной молодежи, которая еще медлитъ на распутьѣ, недоумѣвая, какую выбрать дорогу, — то соблазняемая обольстительными для юности подобіями истины, призраками смѣлой и повидимому великодушной дѣятельности,—то задерживаемая сомнѣніями, внутреннимъ, еще не вытравленнымъ чутьемъ правды, голосомъ совѣсти еще неумолкшей. Нѣтъ теперь служенія выше служенія профессоровъ, наставниковъ, педагоговъ, однимъ словомъ, всѣхъ тѣхъ, которые самымъ званіемъ своимъ поставлены въ непосредственныя отношенія къ учащемуся юношеству. Если хоть одному колеблющемуся протянуть въ пору твердую руку помощи; если хоть единаго отъ малыхъ сихъ, блуждающихъ и недоумѣвающихъ, путеводительнымъ попеченіемъ направить на стезю правды—и то уже дѣло святѣе всѣхъ дѣлъ человѣческихъ! Но не единымъ, а цѣлымъ сонмомъ освобожденныхъ отъ злой напасти могла бы, сдается намъ, утѣшиться дѣятельность каждаго воспитателя, искренно любящаго молодежь и «снѣдаемаго ревностью» по правдѣ....

Не знаемъ, чтò дѣлаютъ наши педагоги. Можетъ-быть и много ихъ, свято и смиренно подвизающихся въ тишинѣ, въ разныхъ концахъ нашего пространнаго отечества; но не мало и такихъ, которые совершенно бездѣйствуютъ, или въ погонѣ за репутаціей либерализма двоедушничаютъ, виляютъ, предаютъ ввѣренное имъ юношество на гибель... Мы получили какъ-то письмо отъ нѣкоторыхъ студентовъ одного провинціальнаго университета, въ которомъ, съ негодованіемъ описывая творящіяся у нихъ безобразія, они горько сѣтуютъ на свою безпомощность, на отсутствіе твердаго, убѣжденнаго учительнаго слова. «Неужели,—спрашиваютъ они насъ, какъ живаго свидѣтеля временъ минувшихъ,—молчали бы въ настоящую минуту Грановскій, Погодинъ?...» Безъ сомнѣнія, нѣтъ; и какъ ни разнился Грановскій отъ Погодина своими политическими убѣжденіями, но конечно поставилъ бы предъ юношами требованіе нравственной правды во всей рѣзкости и прямотѣ...

Мы получили на дняхъ и еще письмо отъ одного неизвѣстнаго намъ молодаго человѣка, дышущее чистосердечіемъ и живо рисующее предъ нами тягостное состояніе умственныхъ и душевныхъ недоразумѣній, угнетающее значительную, еще колеблющуюся часть нашего юношества. Письмо это вызвано передовою статьею 21-го № «Руси» о русскихъ соціалистахъ-революціонерахъ. *) Авторъ письма, выражающій, конечно, мнѣнія не свои только, но и многихъ своихъ товарищей, влечется сочувствіемъ, по его словамъ, и къ «школѣ славянофиловъ», которая-де «своимъ безмѣрно высокимъ и честнымъ ученіемъ способствовала отчасти тому, чтобы лучшая часть молодежи бросилась къ народу», — и къ соціалистическимъ идеаламъ (которыхъ, впрочемъ, не опредѣляетъ): поэтому ему и не вполнѣ понятенъ нашъ строгій судъ о «движеніи молодежи», хотя онъ самъ тутъ же прибавляетъ, «что оно обагрилось кровью Царя-Освободителя». Чувствуя въ себѣ, какъ и во всемъ юношествѣ, «способность отдать даже жизнь за слово истины», напоминая намъ выраженіе Достоевскаго о молодежи, какъ о «великой надеждѣ Россіи», онъ огорчается нашимъ отзывомъ, что подсудимые соціалисты «обнаружили не то что скудость, но даже отсутствіе политической подкладки» и вообще какія-то «выхолощенныя души». Рѣчи подсудимыхъ на послѣднемъ процессѣ видимо произвели на автора сильное впечатлѣніе: со словъ ихъ и онъ повторяетъ, вѣроятно съ цѣлымъ легіономъ товарищей, что не помѣшай правительство соціалистамъ идти въ народъ — «искать правды и отдаться искреннему желанію ему помочь», то не было бы и роковой борьбы: съ одной стороны «за право слиться съ народомъ», съ другой, т. е. со стороны правительства — за недопущеніе такого слiянія...

Авторъ, какъ надо полагать, очень молодъ и вовсе не знакомъ съ исторіей революціоннаго движенія въ Россіи. Оно и понятно. Движеніе началось съ 1861 г. (въ которомъ, или въ началѣ 1862 г., появилась также и подпольная «Земля и Воля»), слѣдовательно двадцать лѣтъ тому назадъ — возрастъ цѣлаго поколѣнія! Онъ имѣетъ очевидно очень смутное понятіе и о самой «школѣ славянофиловъ». Пусть

---

*) См. предыдущую статью: „По поводу суда надъ цареубійцами“.

же онъ разумѣетъ ту существенную основу такъ-называемаго славянофильства, безъ которой оно вовсе немыслимо и которую такъ тщательно стараются обходить новѣйшіе псевдославянофилы. Эта основа — христіанство, не только какъ нравственная доктрина, но и какъ вѣроученіе, исповѣдуемое православною Церковью. Не потому только дорожили такъ-называемые «славянофилы» русскими народными началами, что они *свои*, русскія, но потому именно, что усматривали въ нихъ согласіе съ требованіями высшей истины или, по крайней мѣрѣ, возможность такого согласія и стремленіе къ нему. Это соотношеніе началъ, по мнѣнію «славянофиловъ», и было причиною, почему—съ принятіемъ Русскимъ народомъ христіанской вѣры—она сроднилась органически съ его народностью, вошла въ его духовную плоть и кровь, какъ дрожжи, или, по выраженію Евангелія, какъ «квасъ», которымъ и было заквашено его дальнѣйшее бытіе и развитіе. Изъ этого, конечно, вовсе не слѣдуетъ, что каждый русскій мужикъ безгрѣшенъ или вполнѣ просвѣщенъ христіанскимъ свѣтомъ; но таково властительное начало, подъ воздѣйствіемъ котораго исторически слагалась русская народность, таковъ путь, на который нудитъ Русскій народъ внутреннее побужденіе, нравственный запросъ въ немъ живущій. Оттого, по замѣчанію К. С. Аксакова, опредѣленіе народности у Русскаго народа переступаетъ предѣлы физіологическаго родства и совпадаетъ съ опредѣленіемъ христіанства: всякій истинный христіанинъ (а истиннымъ христіанствомъ народъ разумѣетъ только исповѣдуемое апостолами и древнею вселенскою Церковью, т. е. православное), всякій православный ему братъ; простонародный нашъ слой такъ и называется крестьянствомъ или христіанствомъ, и другой формулы обращенія къ собравшемуся простонародью онъ и не выработалъ, какъ «православные». Не скажутъ: «Русскіе!» а скажутъ непремѣнно: «православные!» — Доказывать все это положеніе было бы и долго и неумѣстно. Пусть авторъ и его юные товарищи вѣдаютъ разъ навсегда, что таково основное воззрѣніе такъ-называемой «школы славянофильской». Если бы они вполнѣ усвоили себѣ такое воззрѣніе, то о дальнѣйшемъ нечего было бы много и толковать, —ибо тогда раскрылась бы имъ вся противоположность міросозерцанія «славянофиловъ» и нашихъ соціалистовъ, и самъ собою былъ бы указанъ и истинный путь всякаго дѣйствованія — путь обязательно, безусловно нравственный — а не тотъ путь «движенія молодежи», который, по словамъ же письма, «обагрился кровью Царя-Освободителя!!» Но обратимся къ лицу самого автора. Знайте же, что не только кровавое злодѣйство, но всякій обманъ, всякое дѣйствіе изъ-за угла, заговоръ и тому подобныя дѣянія всегда отвергались и отвергаются «уважаемыми» вами славянофилами съ негодованіемъ, съ омерзѣніемъ, — не по личному только чувству, а *по принципу*, какъ противныя самой той истинѣ, которой они, по ихъ убѣжденію, служили и служатъ вмѣстѣ съ народомъ и заодно съ нимъ. Если вы ссылаетесь на «славянофиловъ», такъ и держитесь ихъ воззрѣній и образа дѣйствій, а въ противномъ случаѣ нечего и ссылаться.

Обратимся къ соціалистическимъ влеченіямъ молодежи. Бѣда вовсе не въ соціалистическихъ идеалахъ. Мы не станемъ нисколько осуждать васъ за увлеченіе соціализмомъ и очень хорошо понимаемъ, сколько въ немъ заключается обаятельнаго для юности, всегда наклонной къ великодушнымъ, широкимъ мечтаніямъ. Изучайте себѣ и соціологію, и всевозможные соціалистическіе ученые трактаты (только серьезно и основательно; книгу Маркса о капиталѣ, напримѣръ, конечно очень не многіе изъ васъ одолѣли, а изъ «революціонеровъ» почти навѣрное никто), утопайте, пожалуй, въ утопіяхъ, хотя это занятіе и нездоровое, — только выкиньте изъ вашихъ соціалистическихъ мечтаній и идеаловъ всякую идею *о насиліи*. Толкуя о свободѣ — не преклоняйтесь къ *тираніи* или *деспотизму*, какъ къ средствамъ необходимымъ-де хоть на время, для того, чтобы произвести соціалистическія experimenta in *anima vili*. Да, in anima vili, потому что хоть русская соціалистическая молодежь и много говоритъ о Русскомъ народѣ и любви своей къ нему, но если она силою и обманомъ, вопреки его желаніямъ и волѣ, хочетъ исковеркать его тысячелѣтній бытъ и навязать ему разныя формы жизни, вычитанныя ею въ заграничныхъ книжкахъ, то вѣдь это значитъ только, что самый народъ-то она ни въ грошъ не ставитъ, что онъ для нея не болѣе какъ tabula rasa, на которой молодежь, въ качествѣ «интеллигенціи» (какъ вы сами ее назвали), имѣетъ право писать что ей любо,—матеріалъ, изъ котораго лѣпи какую угодно соціалистическую фигуру,—однимъ словомъ anima vilis.

Бѣда не въ соціализмѣ, какъ теоріи или утопіи, а бѣда въ *нигилизмѣ*. А нигилизмъ—это и есть отрицаніе въ высшемъ его выраженіи, отрицаніе души, всякой абсолютной истины, всякой абсолютной нравственности и нравственно-обязательнаго закона,—это матеріализмъ въ его безпощадной послѣдовательности. Вотъ почему нигилистъ—именно выхолощенная душа, въ которой все опустошено,—всякій простой здоровый смыслъ, всякое здоровое естественное чувство, всякій человѣческій инстинктъ—все вытравлено отрицаніемъ, и положительною силою является лишь готовность и способность для безстрастной и безтрепетной дѣятельности зла.—Это и доказываютъ наши «революціонеры-террористы», т. е. недавніе подсудимые, по поводу которыхъ была написана статья 21 № «Руси», и которыхъ вамъ хотѣлось бы нѣсколько оправдать или извинить. Разумѣется, человѣкъ, какъ бы ни отрицался духа, какъ бы ни клалъ хулу на Духа Святаго, не можетъ однако измѣнить самую свою природу. Онъ неисправимый идеалистъ и вноситъ своего рода идеализацію даже въ область зла. Эта идеализація большею частью и сбиваетъ съ толку даже хорошую молодежь, къ ея несчастію и стыду. Но пусть она спроситъ себя: идеализованное такимъ образомъ зло, зло, наносимое людямъ, совершалось ли оно какъ *горестная* необходимость, какъ *вынужденное* жертвоприношеніе идеѣ, или иному, высшаго порядка побужденію? Не говоримъ уже о Неронѣ, который жегъ Римъ и осмоленныхъ какъ факелы христіанъ ради эстетическаго наслажденія; но развѣ террористы французской революціи губили сотни тысячъ людей только ради идеи, во исполненіе *долга*, а не съ сочувствіемъ, не со сладострастіемъ? пролили развѣ хоть одну слезинку сожалѣнія, учинили хоть малѣйшее насиліе своему сердцу? Прочтите процессъ Нечаева, если вы его не знаете, потому что были тогда молоды; прочтите всѣ подробности убійства Иванова: тутъ никакая идеализація ничего не скраситъ; это могли учинить именно только выхолощенныя души. Ужасенъ здѣсь не только способъ убійства, но то коварство, та безпощадность, безмятежность, спокойно разсчитанная осторожность, съ которыми убитъ былъ людьми болѣе или менѣе молодыми, ихъ сверстникъ и товарищъ. Озлобившійся до лютости человѣкъ, подвигнутый страстью, закоренѣлый злодѣй—все это явленія понятныя и въ своемъ родѣ естественныя. Но вѣдь здѣсь были все *дебютанты*-убійцы... Весь вопросъ именно въ томъ, какимъ психическимъ процессомъ такъ легко, почти безъ борьбы, доводится та молодежь (которую вы какъ будто хотите защитить) до такого бездушія, безстрастія, до такой интимности съ самыми отвратительнѣйшими видами зла? Если къ *этой* «соціалистической молодежи» примѣняете вы ваши слова, что она «готова жертвовать жизнью за слово истины», такъ вы жестоко и опасно ошибаетесь. Христіане-мученики первыхъ вѣковъ точно отдавали свою жизнь за слово истины, но сами они ни у кого жизни не отнимали, никого не убивали. А наши «соціалисты-революціонеры» за слово своей мнимой истины прежде всего убиваютъ, да еще убиваютъ изъ-за угла, стараясь спастись,—и жертвуютъ жизнью только тогда, когда уже нельзя иначе. Во всякомъ случаѣ они продаютъ свою жизнь дорого, цѣною жизни множества ни въ чемъ неповинныхъ людей: вспомните десятки лицъ, погибшихъ и при взрывѣ дворца, и при послѣднемъ ужасномъ злодѣйствѣ, при всякомъ почти арестѣ. Вспомните подкопъ подъ Малую Садовую, грозившій гибелью чуть не *десяти тысячамъ* людей!! Это уже по нероновски. Тутъ уже видна какая-то виртуозность... Не такъ поступали тѣ, которые дѣйствительно «готовы были отдать и отдавали свою жизнь за слово истины», т. е. христіанскіе мученики. Берегитесь же своего недомыслія, своего легкомыслія въ оцѣнкѣ кровавыхъ злодѣйствъ «соціалистической молодежи»: нѣтъ имъ никакого оправданія, не должно съ ними мириться, не можетъ входить съ ними въ сдѣлку никакое честное и благородное сердце.

Все дѣло именно въ томъ и состоитъ, что отправились въ народъ вовсе не невинные мечтатели-соціалисты, а соціалисты-*нигилисты*, т. е. люди, для которыхъ, какъ и для іезуитовъ, цѣль оправдываетъ всѣ средства, съ тою разницею, что для соціалистовъ-революціонеровъ, какъ для безшабашныхъ молодыхъ людей, на главномъ планѣ стоятъ самыя «средства», а цѣль представляется въ туманѣ, и даже вовсе въ немъ исчезаетъ. По поводу замѣчанія «Руси», что это революціонное движеніе началось у насъ одновременно съ великимъ дѣломъ освобожденія крестьянъ, въ которомъ наши юные соціалисты не приняли ровно никакого участія и къ которому вообще отнеслись равнодушно, вы возражаете намъ, что «вѣдь только съ свободнымъ народомъ могла «пытаться слиться воедино интеллигенція, и что первые ряды «шедшихъ совершить это и суть поносимые теперь соціа«листы». Очень жаль, что подобное оправданіе, въ которомъ что̀ ни слово, то невѣрность, можетъ держаться въ умахъ молодежи. Прежде всего, въ 1861 г. Русскій народъ былъ еще не свободный, а только освобождаемый, и дѣло его освобожденія было затрудняемо именно соціалистами. Въ томъ ли выразилось—«стремленіе интеллигенціи слиться съ «народомъ воедино», что эта интеллигенція «золотыми грамотами», фальшивыми манифестами, стало-быть *подлогами* и *обманами*, средствами низкими и подлыми, стремилась смутить народъ и науськивать его на бунтъ и рѣзню? Это мѣстами и удалось, и не мало людей изъ народа пало жертвою такого благороднаго либеральнаго и гуманнаго способа дѣйствій «интеллигенціи». Далѣе вы пишете: «были года, «именно 1874 и 1875, когда преобладающимъ настроеніемъ «было идти въ народъ, слиться съ народной массой, поднять «умственный и нравственный ея уровень, развить ея об«щинные инстинкты и наклонности», но все-де зло отъ того, что такому движенію молодежи, «бросившейся искать въ «народѣ правды, съ желаніемъ помочь ему, насколько силъ «хватитъ», помѣшало правительство!.. При этомъ вы снова указываете на любовь къ народу «славянофиловъ»! Но ваши соціалисты шли «развивать» и «поднимать нравственный уровень народа», однимъ словомъ *учить* его, вести и руководить. Славянофилы же, напротивъ, всегда утверждали, что не учить народъ въ пору нашей интеллигенціи, а изучать народъ и у народа *учиться*. Юноши, вами защищаемые, и научились бы такимъ образомъ у него уму-разуму, узнали бы, что̀ для него дорого и свято. Но съ какою проповѣдью шли ваши соціалисты къ народу? въ чемъ сказалось ихъ стремленіе *поднять его умственный и нравственный уровень?* Въ томъ, вѣроятно, что народу-христіанину, народу, которому перенести долгіе вѣка рабства дала силу именно вѣра, именно сознаніе, что у него такая же душа человѣческая, за которую пролита кровь Христова, какъ и у всѣхъ свободныхъ,—такому-то народу они проповѣдывали, что нѣтъ ни души, ни Бога!! Это ли значитъ, по вашему, «искать правды, *слиться съ народомъ воедино*»?.. Предъ нашими глазами прокламація «центральнаго революціоннаго комитета» 70-хъ годовъ: проповѣдь *нравственнаго подъема*, обращенная къ народу, заключалась, по этой прокламаціи, въ требованіи уничтоженія брака и уничтоженія семьи, т. е. возвращенія къ такому скотскому состоянію, при которомъ конечно нѣтъ ни родства, ни кровосмѣшенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ требуется немедленное уничтоженіе всѣхъ безъ исключенія монастырей, въ томъ числѣ, конечно, и Кіевской и Сергіевской Лавры, куда стекаются ежегодно милліоны богомольцевъ... Нужно было нашимъ соціалистамъ имѣть очень странно устроенныя или совсѣмъ разстроенныя головы, чтобъ разумѣть подъ всѣмъ этимъ «сліяніе съ народомъ воедино», или выражать увѣренность, какъ это дѣлаетъ прокламація, будто милліоны старообрядцевъ станутъ на сторону такихъ народолюбцевъ, т. е. на сторону безбожія, отрицанія всякой вѣры и нравственности! Но революціонный комитетъ и не очень-то лицемѣритъ. Онъ прямо объявляетъ, что революціонная партія должна не только стать во главѣ правительства, но захватить надъ народомъ (во имя свободы-то!) еще и *диктатуру* въ свои руки, не останавливаться ни предъ чѣмъ, произвести выборы въ національное собраніе «подъ своимъ вліяніемъ«, такъ чтобы въ сіе *свободное* (!) собраніе не попалъ «никто изъ сторонниковъ до-революціоннаго порядка»,—«если, прибавляетъ прокламація,—они останутся живы», ибо комитетъ соціалистско-революціонной молодежи великодушно предполагаетъ всѣхъ ихъ до единаго перебить.... Въ этой ли диктатурѣ, насиліи и обманѣ, въ этомъ ли стремленіи стать правительствомъ, видитъ авторъ письма стремленіе *слиться съ народомъ, быть съ нимъ воедино, поискать въ немъ правды?*

Прокламація приглашаетъ соціалистовъ-революціонеровъ и убивать, и умирать при крикахъ: «да здравствуетъ соціальная и демократическая республика!» Сподрядъ три *ино-*

странныхъ слова, непонятныхъ народу, съ которымъ будто бы желаютъ слиться! Вы назвали этихъ молодыхъ дѣятелей *интеллигенціей*. Ну, интеллигентно ли это, скажите по совѣсти? Неужели кто-либо изъ молодыхъ людей, съ головой еще не поврежденной, можетъ прочесть не краснѣя всю эту галиматью, изданную отъ имени молодежи! Не больно ли подумать, что у нашего серьезнаго, здравомысленнаго народа могло народиться такое множество пустомысленныхъ юношей?.. Но въ такомъ случаѣ, замѣтите вы, не слѣдовало правительству и относиться къ подобнымъ затѣямъ серьезно... Нѣтъ, слѣдовало и слѣдуетъ, потому, вопервыхъ, что эта галиматья смертоносная, что эти юноши не только пустомысленны, но и пустосердечны, стало-быть готовы на всякое злодѣяніе; потому что револьверъ, ядъ, динамитъ—вещи серьезныя, и въ нихъ-то именно (и только въ нихъ) и заключается весь *умъ* нашей революціонно-соціалистической партіи. Вовторыхъ, мы видимъ къ сожалѣнію, что даже такая чудовищная галиматья, какъ всѣ эти прокламаціи, способна смущать головы даже порядочной молодежи, путать ихъ понятія, дѣлать ихъ неспособными къ полезной для народа гражданской общественной дѣятельности.... Можетъ-быть, впрочемъ, на умы молодыхъ людей обаятельно дѣйствуетъ это проявленіе силы, эта возможность наводить терроръ на могущественное правительство и на всю обширную нашу страну? Но вѣдь еслибы глупенькимъ дѣтямъ, играющимъ на бульварѣ, вмѣсто игрушечныхъ пистолетовъ попали въ руки шестиствольные заряженные револьверы и они стали бы махать ими и стрѣлять спроста въ прохожихъ, такъ и дѣти нагнали бы такой терроръ на гуляющихъ, что всѣ бы разбѣжались: пока бы изловили стрѣляющихъ, эта дѣтская игра отправила бы на тотъ свѣтъ нѣсколько десятковъ людей!...

Но дѣти если и убиваютъ, то играя. Соціалисты же, вами защищаемые, хотя смыслятъ не болѣе дѣтей, однако-же вовсе не думаютъ играть, а осмѣливаются сознательно распоряжаться судьбами великаго роднаго народа. Ибо убійство Царя—не только злодѣйство и величайшее изъ уголовныхъ преступленій само по себѣ, но и преступленіе противъ народа, насилованіе его свободы, презрѣніе къ его волѣ. И судьба этого многомилліоннаго Русскаго народа, считающаго себѣ тысячу лѣтъ жизни, создавшаго русское государство, поставлена въ зависимость отъ кого?... Отъ мальчиковъ или недоучившихся юношей, которые, во объясненіе своихъ злодѣйствъ, лепечутъ ему нѣсколько иностранныхъ словъ и формулъ, даже не всегда вычитанныхъ изъ иностранныхъ книжекъ, а по наслышкѣ, съ чужихъ словъ усвоенныхъ,—или же лгутъ народу, сочиняя ему подложные манифесты, распространяя въ немъ завѣдомо фальшивые слухи!...

Вы пишете, въ закюченіе, что если правительство поступитъ теперь такъ-то и такъ-то, тогда соціалисты «хотя и обагрены массою крови, но постараются смыть эту кровь съ себя,» потому что «не даромъ-де они принадлежатъ къ той славной молодежи, которую Достоевскій пазвалъ великою надеждою Россіи». Не убійцамъ, не посягателямъ на миръ и свободу народа, обагреннымъ массою крови и загрязненнымъ подлогами и обманами, предписывать какія-либо условія русской законной власти, и не о нихъ было слово христіанина-Достоевскаго. Мерзость злыхъ и кровавыхъ дѣлъ должна быть смыта съ лица Русской земли теперь же и прежде всего, ибо она заражаетъ всю нашу нравственную общественную атмосферу. А смыта она можетъ быть только великимъ искреннимъ покаяніемъ всѣхъ участниковъ и даже всѣхъ, такъ или иначе *сочувствующихъ* имъ... Пока молодежь всѣмъ сердцемъ, всѣмъ существомъ своимъ не возгнушается этихъ подлоговъ, обмановъ, убійствъ, не содрогнется отъ ужаса своихъ преступленій противъ своего отечества и народа, до того времени она не только не «великая надежда Россіи», а великій залогъ ея будущаго горя и бѣдъ... Да и помните одно: иное дѣло надежда, иное дѣло исполненіе надежды. Надежда не исполненная многаго ли стòитъ? Молодежь то же, чтò всходы въ полѣ: всходы еще не хлѣбъ; еще какова-то будетъ жатва и умолотъ? Состоять въ чинѣ «надежды», in spe, im Werden—не даетъ еще права распоряжаться судьбами отечества, рядить и рѣшать его дѣла и задачи. Прекрасное время юность, и молодежь дѣйствительно силы *будущаго*, но только будущаго, когда силы эти воспитаются правильно и созрѣютъ,—а не *настоящаго*, когда онѣ еще совсѣмъ зелены. И гдѣ, скажите, начинается и кончается званіе и какое-то особенное право молодежи,—на метрическомъ или иномъ основаніи? Достигнувъ тридцатилѣтняго возраста, подадите ли вы въ отставку изъ молодежи и уступите ли мѣсто «молодымъ»? Для первокурснаго студента студенты 4 курса почти уже старики,—а гимназисты моложе и первокурсниковъ! Не они ли «молодежь» по преимуществу, не они ли та «политическая сила», о которой натвердили вамъ нѣкоторые скудоумные наши публицисты?

Вы просили отъ насъ откровеннаго разъясненія вашихъ недоумѣній, — мы и отвѣчаемъ вамъ вполнѣ откровенно, — можетъ-быть нѣсколько рѣзко, но безъ малѣйшаго желанія оскорбить, а изъ искреннѣйшаго желанія выставить вамъ какъ можно выпуклѣе и вразумительнѣе нашу мысль. Мы отвѣчаемъ вамъ потому, что сами вы не принадлежите еще ни къ какому лагерю, — только ваша мысль смущена и недоумѣваетъ. Будьте же по истинѣ надеждой Россіи,—дайте повѣрить, что еще таятся, зрѣютъ въ ней силы, способныя смѣнить насъ, отживающихъ дѣятелей, и вести ее далѣе и успѣшнѣе насъ по пути, хотя бы и тернистому, правды и добра, къ торжеству нравственныхъ началъ, въ единеніи мысли и духа съ нашимъ великимъ христіанскимъ народомъ, во благо ему и всему человѣчеству!...

Но для исполненія этой надежды нуженъ подготовительный трудъ серьезной науки, напряженная работа мысли, и если бы даже, въ добросовѣстномъ исканіи истины, мысль ваша порою и заблуждалась, то да служитъ вамъ путеводнымъ компасомъ сердце отвращающееся отъ всего нечистаго и нечестнаго: его-то надо соблюсти!

Ein guter Mensch in seinem engen Drange
Ist sich des rechten Weges wohl bewusst,

сказалъ Гёте, котораго, какъ и Шиллера, вы, молодые, навѣрное мало читаете...

Смерть Скобелева.

«*Русь*», *26-го іюня 1882 г.*

Скобелевъ скончался!.. Наша народная слава, наша надежда,—во цвѣтѣ лѣтъ, въ полномъ развитіи своихъ замѣчательныхъ дарованій, когда, казалось, онъ стоялъ на порогѣ еще болѣе блестящаго поприща, какъ будущій доблестный защитникъ Россіи противъ всѣхъ ея внѣшнихъ, замышляющихъ нашу гибель враговъ! Одно его имя стоило цѣлыхъ армій... Какъ содрогнется отъ этой ужасной вѣсти—*вся* Россія, *весь* Русскій народъ и *весь* Славянскій міръ, и какъ возликуетъ все, что̀ точитъ ковы на Русь и на Славянство!.. Не живется на нашей Русской землѣ талантамъ,—только посредственности раздолье!.. Скорбно, скорбно...

О томъ же.

«*Русь*», *3-го іюля 1882 г.*

Схоронили!... Не промчится ужъ онъ вихремъ въ бѣломъ кителѣ на бѣломъ конѣ вдоль страстно-трепещущихъ, замирающихъ отъ восторга, при видѣ его, войскъ, одушевляя ихъ не только словомъ, но и по любимому его выраженію—*показомъ*, къ неравному, лютому, и все-таки побѣдному бою! *Бѣлый генералъ*—имя прогремѣвшее во всѣхъ углахъ вселенной—сталъ отнынѣ преданіемъ... Словно утихшая буря лежалъ онъ въ гробу,—словно громада славы, громада силы отвалилась отъ Россіи и зарывалась въ землю... Да, не легче на душѣ и теперь, когда миновало первое, ошеломляющее дѣйствіе роковой вѣсти. Напротивъ, именно теперь, вслѣдъ за первыми порывами горя, всегда находящими себѣ какъ бы нѣкое удовлетвореніе въ лихорадочной суетѣ воздаваемыхъ умершему почестей,—теперь-то, на досугѣ и раскрывается сознанію вся неизмѣримость нашей утраты. Это утрата *всенародная*, не въ риторическомъ, а въ *буквальномъ* смыслѣ слова. Нѣтъ Русскаго, сознающаго и чувствующаго себя

Русскимъ, который бы не ощущалъ теперь, что его самого *убыло*. Много доблестныхъ именъ украшаютъ русскую армію, и тѣмъ не менѣе въ настоящую минуту, на нашемъ тусклом, тускломъ небосклонѣ Скобелевъ былъ единственною свѣтящеюся звѣздою, на которую съ любовью и бодрымъ упованіемъ сосредоточивалъ свои взоры Русскій народъ. Это была его слава, его надежда, его утѣха и гордость. Такъ еще онъ былъ молодъ, такъ, казалось, еще много, много было предъ нимъ впереди, и пытливо, но съ довѣрчивостью вопрошала Россія будущее: что̀ станетъ съ этимъ богатствомъ талантовъ? какъ высоко еще вознесется его геній въ своемъ орлиномъ полетѣ, мужая и умудряясь съ годами? какую долю участія въ судьбахъ Россіи готовитъ ему исторія? И не гадательнымъ, а уже вполнѣ несомнѣннымъ представлялось одно, что есть намъ что́ противопоставить въ защиту Россіи всему сонмищу нашихъ внѣшнихъ враговъ, какъ бы несмѣтно оно ни было, что чудная та будетъ защита, какой бы исходъ ея ни былъ, что есть человѣкъ, съ которымъ помѣряться силами не легко отважиться и врагамъ,—котораго одно имя стоитъ цѣлыхъ стотысячныхъ армій, про котораго еще на дняхъ выразился одинъ изъ присутствовавшихъ при гробѣ генераловъ: «дайте мужикамъ топоры и скажите имъ, что ими командуетъ Скобелевъ—у васъ готовое противу враговъ войско!» И этого человѣка не стало... Неисповѣдимы судьбы Божіи... Но не Божья ли это на Россію кара.... за то, что тѣсно въ ней русскому духу и уму, — за презрѣніе своей народности, за отступничество отъ народныхъ отечественныхъ преданій?

Чѣмъ же однако точнѣе объяснить эту исполинскую нравственную силу Скобелева, эту его власть надъ душами? Попробуемъ подвергнуть ее провѣркѣ. Очевидно, ее нельзя объяснить ни одною удалью, ни даже искусствомъ военачальника, ни тѣмъ менѣе какимъ-либо ловкимъ умѣньемъ, *мастерствомъ* производить обаяніе на простые умы и пріобрѣтать популярность. Было время, въ самомъ началѣ войны 1877 г., когда намъ самимъ приходилось слышать отъ нѣкоторыхъ, будто слава Скобелева искусственная или по крайней мѣрѣ преувеличенная, будто онъ, обладая конечно личною храбростью, старается однакожъ сочетать дѣйствіе храбросити съ поразительнымъ эффектомъ, и т. д... Къ концу войны этого ужъ не осмѣливались повторять; зависть сама собою смолкла, а послѣ Ахалъ-Текинской экспедиціи никто уже и не оскорблялся: всѣ утѣшались его превосходствомъ, какъ драгоцѣннымъ народнымъ достояніемъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, могло ли бы чуткое сердце русскаго солдата не распознать фальши, и надолго ли бы хватило самой ловкой лжи для сохраненія нравственной силы обаянія при тѣхъ непрерывныхъ испытаніяхъ, какимъ подвергалась воинская доблесть хоть бы въ послѣднюю нашу кровопролитную войну? Мало того. Время показало, что чѣмъ долѣе оставались войска въ подчиненіи у Скобелева, чѣмъ ближе знакомились офицеры съ своимъ начальникомъ, тѣмъ преданнѣе ему становились— до энтузіазма, до страсти. Но могъ ли этотъ энтузіазмъ быть произведенъ одною только правдивостью бѣшеной отваги, лихаго рубачества и удали? Храбрецовъ и удальцовъ, не уступавшихъ можетъ-быть и самому Скобелеву, было и всегда, какъ и въ прошлую войну, въ нашей арміи довольно, и тѣмъ не менѣе на ихъ долю не доставалось ни *такой* славы, ни *такого* обаянія. Объяснить ли эту славу и обаяніе только военнымъ умѣньемъ или искусствомъ? Не мало у насъ бывало, да и теперь есть, искусныхъ, талантливыхъ военныхъ вождей, любимыхъ и почитаемыхъ войскомъ,—и никто какъ самъ Скобелевъ не цѣнилъ такъ высоко, не перечислялъ съ такимъ уваженіемъ заслуги каждаго нашего боеваго генерала (о чемъ мы можемъ лично свидѣтельствовать). И однакожъ, всякій изъ нихъ безпрекословно признаетъ, что такою способностью наэлектризовать души солдатъ въ виду опасности, предъ боемъ, такимъ всемогуществомъ надъ ними власти, какимъ располагалъ Скобелевъ, имъ не дано было обладать... Дѣло въ томъ, что эта власть дана была ему свыше. Одновременно со всѣми этими качествами неустрашимости и отваги, сіяла на челѣ его печать *генія.* Какъ свѣтильникъ пламенѣлъ въ немъ, явно для всѣхъ, даръ Божій. Даромъ Божіимъ любовались въ немъ. Подобно изреченію Библіи о Немвродѣ—онъ былъ боецъ или полководецъ «предъ Господомъ». Вдохновенный вождь, онъ вдохновлялъ и предводимыя имъ войска... Но это вовсе не значитъ, чтобъ онъ полагался только на одни внезапныя откровенія, которыми въ нужный мигъ такъ былъ неистощимо богатъ его генiй, чтобы, пренебрегая предварительнымъ разсчетомъ, дѣйствовалъ лишь на рискъ, на авось, очертя голову, отдаваясь только одному нежданно озарявшему его внушенiю. Нѣтъ, онъ не пренебрегалъ ни знанiемъ, ни наукой, ни военными опытами прежнихъ временъ; напротивъ, едвали кто такъ дорожилъ ими, какъ онъ: его молодая, свѣжая память хранила живьемъ образцы всѣхъ замѣчательныхъ войнъ; онъ тщательно изучилъ всѣхъ военныхъ писателей, всѣ дѣянiя великихъ стратеговъ, ихъ правила и прiемы, и могъ цитовать наизусть цѣлыя страницы изъ ихъ сочиненiй. Все что̀ можно было заранѣе сообразить, разсчитать, взвѣсить, предуготовить, все было имъ до тончайшихъ мелочей исполняемо. Но въ самомъ составленiи плана войны или сраженiя уже сказывался генiй своеобразный, быстро схватывающiй всѣ взаимныя соотношенiя условiй мѣстности и данныхъ силъ. Но онъ не имѣлъ *суевѣрiя науки*, не дѣлался рабомъ теоретическихъ правилъ или однажды принятаго плана, и умѣлъ столь же быстро видоизмѣнять его и приспособлять ко всѣмъ случайностямъ. Какъ и Наполеонъ, Скобелевъ прежде всего вѣрилъ въ великое значенiе *духа* войскъ, какъ главнаго существеннаго условiя успѣха, а его личнаго духа достало бы на одушевленiе всякой армiи, какъ бы велика она ни была! Разъ предъ самымъ началомъ дѣйствiя рѣшился онъ на планъ,—какъ ураганъ было исполненiе: все рушилъ предъ собою натискъ страстнаго *убѣжденiя!* И что̀ особенно замѣчательно было въ Скобелевѣ,—въ этомъ *поэтѣ меча*, какъ называлъ его одинъ изъ друзей, такъ именно то, что въ разгарѣ битвы, въ самой бѣшеной повидимому аттакѣ, онъ никогда не *зарывался*, какъ выражаются военные, не опьянялся до забвенiя своихъ стратегическихъ разсчетовъ, до упущенiя подробностей своего плана. Его бурно воспламеняющаяся природа достигала подъ градомъ пуль и ядеръ, въ бушующей стихiи смертной опасности, въ дѣйствiяхъ, которыхъ отчаянная отвага стала легендарною—своего высшаго напряженiя: какой то внутренней сосредоточенности, полнаго самообладанiя, свободнаго, спокойнаго пользованiя всѣми своими способностями, почти хладнокровiя въ расчетахъ. Но какой же это былъ страстный покой, но этотъ холодъ жегъ пуще огня! Безумная отвага военачальника и его войскъ — являлась уже не дѣломъ темперамента, обыкновенно охлаждающагося отъ неудачи, а актомъ сознательной, страстно напряженной воли. Вотъ это-то удивительное сочетаніе страсти и разсчета, порыва и сознанія, пыла и воли, поэтическаго упоенія боемъ и неукоснительнаго вниманія къ самымъ частнымъ, практическимъ, мелочнымъ подробностямъ военнаго дѣла (все это при полномъ забвеніи о личной опасности) и знаменуетъ истиннаго полководца. Но каковъ же этотъ психическій процессъ напряженія, какая огромная потребна для него сила духа! Понятно, что эта сила духа должна была покорять себѣ сердца и что, исторгаясь изъ груди, расправляясь во всю ширь своихъ крыльевъ въ минуты боя, въ этой игрѣ на жизнь и смерть,—она должна была, напротивъ, душить, снѣдать человѣка въ часы бездѣлья, покоя.

Не даромъ, не только мы Русскіе, но даже иностранные военные критики причисляютъ имя Скобелева, по силѣ и свойствамъ его дарованія, къ именамъ немногихъ величайшихъ военныхъ геніевъ міра, хотя онъ не прошелъ еще и половины своего поприща. Но Скобелевъ отличается отъ нихъ еще одною чертою, едвали не ему только свойственною. Признавая, какъ и они, значеніе нравственной *силы* въ войскахъ на войнѣ (которая, по выраженію Наполеона, равняется тремъ четвертямъ всей войсковой силы), Скобелевъ не довольствовался одною тою властью одушевленія, которая движетъ солдатъ на смерть въ слѣпомъ довѣріи къ вождю. Онъ находилъ, что въ наше время, при настоящихъ условіяхъ войны, солдатъ не можетъ оставаться только автоматомъ, хотя бы даже и одушевленнымъ, т. е. присоединяющимъ восторженную смѣлость къ автоматической исполнительности. По этимъ соображеніямъ, а также по особенностямъ личной, нравственной своей природы, онъ не забывалъ, что солдаты не автоматы, а человѣки; онъ добивался одушевленія полнаго не въ слѣпой только покорности, но и въ сознательномъ содѣйствіи планамъ вождя. Онъ призывалъ ихъ къ личному участію, онъ поднималъ ихъ человѣческое достоинство, онъ заинтересовывалъ ихъ нравственно въ успѣхѣ своихъ стратегическихъ соображеній. Извѣстно, что подъ Плевной, да и вездѣ, гдѣ только было возможно, предъ началомъ какого-либо боя, онъ созывалъ не только офицеровъ, но и унтеръ-офицеровъ, и разъяснялъ имъ маневръ предстоящаго дѣла и его цѣль; мало того, самъ ходилъ по рядамъ и истолковывалъ то же самое, во сколько находилъ нужнымъ, и простымъ солдатамъ. Послужило ли такое отношеніе къ нимъ поводомъ къ ослабленію дисциплины? Нисколько. Никакія войска не отличались такою дисциплиною, какъ Скобелевскія, и такой результатъ достигался вовсе не строгостью. Мы помѣщаемъ ниже, цѣликомъ, послѣдній, предсмертный приказъ Скобелева по 4 корпусу, котораго онъ былъ командиромъ, отъ 15 іюня, № 58. Незадолго до отъѣзда изъ Минска, онъ распорядился доставкою намъ одного литографированнаго экземпляра,—и пусть не смущаются читатели военно-спеціальнымъ содержаніемъ приказа: онъ исполненъ самой живой занимательности даже не для военныхъ людей. Понятно, что служить подъ начальствомъ такого вождя было истиннымъ счастьемъ, что такого рода «приказы» способны не только возжечь пламенную преданность къ начальнику, но и къ службѣ. Это живая, увлекательная лекція изъ устъ геніальнаго вождя. Надобно просить Академію Генеральнаго Штаба, которая на громадномъ вѣнкѣ красовавшемся у Скобелевскаго гроба начертала лаврами слова: «полководцу Суворову равному» (а Академія—судья компетентный), чтобъ она распорядилась собраніемъ и напечатаніемъ всѣхъ приказовъ по войскамъ, отданнымъ въ разное время Скобелевымъ и особенно, конечно, по 4 корпусу, котораго военнымъ воспитаніемъ онъ преимущественно занимался. Вѣдь это одно составитъ самый назидательный военный курсъ великаго мастера, образуетъ новую, Скобелевскую *школу!*

Всѣ указанныя нами военачальническія черты Скобелева уже сами по себѣ повидимому достаточно объясняютъ восторженное отношеніе къ нему русскихъ войскъ. Но однакоже и не въ нихъ лишь тайна всевластной обаятельности его имени, не только для русскихъ солдатъ, но и для всего Русскаго народа! Это былъ человѣкъ не только первокласснаго военнаго генія, не только великаго духа, но и великаго сердца .. «На войнѣ *сердце* значитъ *все*», однажды писалъ онъ намъ. Для русскаго же человѣка въ особенности, прибавимъ мы. А по русской пословицѣ «сердце сердцу вѣсть подаетъ». Въ его душѣ жила искренняя, не надуманная, а непосредственная, великая *любовь* къ солдату, — которую слышалъ сердцемъ солдатъ, чутко распознающій заботливость о немъ начальства — по долгу ли службы, по благоразумному ли разсчету или даже по великодушному снисхожденію — отъ того, что само-собою бьетъ живымъ ключомъ изъ груди, роднитъ и равняетъ человѣковъ всѣхъ состояній. И это-то равенство въ любви къ себѣ сознавалъ и чувствовалъ въ Скобелевѣ солдатъ, — а что́ же такое солдатъ, особенно теперь, при краткомъ срокѣ службы, какъ не тотъ же Русскій народъ?

И именно его, т. е. Русскій *народъ*, видѣлъ Скобелевъ въ русскомъ войскѣ, не отдѣлялъ интересовъ арміи отъ интересовъ народныхъ, и задачъ военнаго вѣдомства отъ задачъ общерусскихъ. Это былъ не только военный геній вообще, но *русскій* военный геній, — съ русскимъ сердцемъ, съ тою широкою русскою душою, какую создаетъ подчасъ безпредѣльно широкая Русь... Да, онъ былъ *отъ народа*, былъ порожденіемъ его мощнаго историческаго духа, который создалъ Русское государство. Въ немъ, по прекрасному выраженію Преосвященнаго Амвросія, «бился пульсъ народной жизни». Вотъ почему онъ понималъ, и больше чѣмъ понималъ, — слышалъ, чувствовалъ всѣмъ существомъ своимъ, что вся сила, залогъ всей будущности Россіи — ни въ чемъ, какъ въ ростѣ и развитіи русской народности, — что этотъ сѣрый русскій солдатъ-мужикъ творилъ тамъ, за Дунаемъ, великое историческое призваніе Россіи. Вотъ почему Скобелевъ и сливался съ нимъ такъ нераздѣльно трудомъ и любовью, — вотъ почему этотъ человѣкъ, этотъ закаленный въ бою вождь, обставленный всѣми утѣхами почестей и славы, способенъ былъ рыдать, рыдать какъ малое дитя, когда послѣ восьмимѣсячнаго стоянія въ виду Св. Софіи пришлось русскимъ войскамъ отвернуться отъ Царьграда и отступать, отступать назадъ!.. Это святыя слезы, это слезы народныя, — это болѣло въ немъ само на́родное сердце!.. Вотъ *гдѣ* она, — истинная тайна обаятельности Скобелева, его значенія для Русскаго народа и этой безпредѣльной любви къ нему Русской земли!

Пламенно вѣрилъ онъ въ Россію, выше всего на свѣтѣ дорожилъ ея честью, ея величіемъ, ея призваніемъ, какъ православной славянской державы. По истинѣ онъ былъ «носителемъ русскихъ народныхъ историческихъ идеаловъ», которые пребываютъ въ массахъ на степени историческаго инстинкта, но о которыхъ явственно вѣщаетъ языкъ цѣлаго ряда историческихъ событій,—которыя нашли себѣ выраженіе и въ завѣтнѣйшихъ чаяніяхъ Пушкина, Хомякова и всѣхъ лучшихъ нашихъ поэтовъ... За то какъ и любилъ Скобелевъ эти ихъ поэтическія пророческія чаянія! Но нашлись же, къ позору нашего общества и литературы, жалкіе умы и ничтожныя душонки, эти «скопцы сердцемъ» по выраженію Пушкина, которые, въ виду настоящаго всенароднаго горя, позволили себѣ поглумиться надъ Скобелевымъ, именно за его увлеченіе будто бы «славянофильскою теоріею!» «Славянофильская теорія!» Да это теорія всей тысячелѣтней нашей исторіи, начиная съ Олега,—да эта теорія—самый тотъ нервъ современнаго міра, прикосновенія къ которому, въ неотвратимомъ будущемъ, чаютъ со страхомъ и трепетомъ всѣ народы, въ которомъ таится жизнь грядущихъ временъ! Хороша «теорія!» Такимъ «славянофильствомъ» заражено все стомилліонное Славянское племя; во имя этихъ «славянофильскихъ» фантазій готово во всякій мигъ всколыхаться изъ края въ край и до дна необъятное русское море, какъ всколыхалось оно и въ 1876, и въ 1877 гг., при кликѣ: «за вѣру и за братьевъ!» при указаніи на Царьградъ и Св. Софію!... Этого пульса народной жизни, этой души народной не вѣдаютъ, не чтутъ, не слышатъ, не понимаютъ лишь петербургскіе дипломаты съ бюрократической канцеляріей, да наши убогіе умомъ и душою, вольные и невольные отступники русской народности... (Да не взыщетъ съ нихъ Богъ и Русскій народъ!) Страстно, неутомимо работала мысль Скобелева надъ разрѣшеніемъ Славянскаго и Восточнаго вопроса, и не какъ поэта, а какъ глубокаго политика и геніальнаго стратега. Все сводилъ онъ всѣ внутренніе вопросы къ этой исторической задачѣ. Взоръ его непрестанно вперенъ былъ на Босфоръ: тамъ видѣлъ онъ ключъ всего положенія, разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ, къ нему примыкала сѣть многосложныхъ политическихъ его комбинацій. Необычайною зоркостью, мѣткостью и точностью отличались его соображенія. Никогда его «общій взглядъ» и постиженіе вопроса «въ цѣломъ» не упускали изъ виду частностей и подробностей, — и какой еще планъ обширныхъ работъ и изученій предполагалъ онъ себѣ впереди! Не мало было у насъ (и есть) его писемъ и замѣтокъ. Какъ часто, на поляхъ какой-либо записки общаго политическаго содержанія, спѣшно и горячо писанной, встрѣчались бѣглыя отмѣтки обличавшія совмѣстную работу военнаго генія! Политическая комбинація въ мысли военачальника какъ бы невольно искала на ходу воплотиться въ конкретную стратегическую форму, и на углу, сбоку, на память, начертывался — непонятный для неспеціалиста — какой-то планъ мѣстности, отрывочный ариѳметическій расчетъ военныхъ строевыхъ частей, орудій и т. д.!

Цѣлая заря будущаго всходила, казалось, въ лицѣ Скобелева надъ Росссіей и Славянскимъ міромъ, — это чуялъ и Русскій народъ, и всякая славянская душа... И эта заря угасла. Тяжелое испытаніе посылается нашей вѣрѣ... Но пусть живитъ се память о Скобелевѣ Твой образъ, Русскій народъ,

> Твой образъ былъ *на немъ* означенъ,
> Онъ духомъ созданъ былъ твоимъ!....

Но духъ Русскаго народа не умеръ. Прибыло скорби, но сила не оскудѣла, и въ самомъ выраженіи скорби, въ самой этой силѣ любви народной слышится его животворящая мощь..

Еще о смерти Скобелева.

«Русь», 10го іюля 1882 г.

Съ утратою Скобелева нельзя раздѣлаться однимъ изъявленіемъ соболѣзнованія, хотя бы и сильнаго. Скобелевъ — такое явленіе нашей общественной исторической жизни, въ которое надобно вдумываться, которое, чѣмъ болѣе о немъ размышляешь, тѣмъ сильнѣе приковываетъ къ себѣ мысль обиліемъ назидательныхъ указаній. Мы разумѣемъ это явленіе во всей его цѣлости, съ началомъ и концомъ, т. е. дѣятельность Скобелева, его значеніе какъ военачальника и человѣка, и эту, вѣнчавшую его по смерти, величественную народную скорбь, выразившуюся съ такой глубиной искренности, въ такихъ колоссальныхъ размѣрахъ. Въ чествованіи останковъ Скобелева не было и не могло быть ничего искусственнаго и подготовленнаго: какая бы власть могла заставить народъ толпиться около храма и днемъ и *ночью*, и перебывать въ немъ на поклоненіи тѣлу почившаго въ числѣ 57 тысячъ человѣкъ?! Сколько разъ мы слышали въ народѣ (котораго къ назначеннымъ заупокойнымъ службамъ въ самую церковь не допускали), чтобъ позволено было отслужить панихиду на площади, — но это требованіе не было уважено. Вообще оффиціальная сторона печальныхъ церемоній совершенно отодвигалась на задній планъ, а выдвинулась всего сильнѣе ихъ непредусмотрѣнная сторона, ихъ общественный, — въ частности же военный и народный характеръ. Чувствовалось, что у арміи и у народа *одна* душа, или вѣрнѣе, здѣсь сказалась душа самой Россіи... Во всѣхъ концахъ нашего отечества тѣ же выраженія народной любви и печали, то же ощущеніе горькой утраты. Въ первый разъ проявляетъ народъ, во всю свою величину, такое непосредственное участіе, сердцемъ и помысломъ, въ судьбѣ частнаго лица, хотя бы и полководца. Все это знаменательно и поучительно. Такое отношеніе народа невозможно объяснить (какъ мы уже и говорили, но о чемъ находимъ нужнымъ напомнить) одними личными обаятельными качествами Скобелева и его военною славою.

Есть у насъ не мало дешевыхъ мудрецовъ, особенно въ Петербургѣ и особенно въ высшихъ бюрократическихъ правящихъ сферахъ, которые любятъ трактовать Русскій народъ свысока, всякое предположеніе о «народныхъ стремленіяхъ и идеалахъ» признаютъ «иллюзіей», мечтаніемъ или просто вздоромъ (и даже вреднымъ), и съ самодовольствомъ людей *будто бы* практическихъ и судящихъ трезво, беззастѣнчиво утверждаютъ, что народъ нашъ знать не знаетъ и вѣдать не вѣдаетъ никакихъ вопросовъ касающихся чести государства, его политическихъ и историческихъ задачъ. Это мнѣніе ихъ поддерживаетъ и бо́льшая часть нашихъ новѣйшихъ писателей-реалистовъ, спеціально изображающихъ русскаго мужика. Но народъ вѣдь точно также вѣдать не вѣдаетъ, что онъ творецъ одного изъ богатѣйшихъ языковъ міра и что въ законахъ русскаго слова отразился народный умъ! Станутъ ли наши реалисты и бюрократы отрицать эту научную аксіому народнаго творчества только отъ того, что спрошенные ими, напримѣръ, пахарь Матвѣй и разнощикъ Илья никакого подобнаго художества за собой и не подозрѣваютъ? И однакожъ, какъ Матвѣй и Илья, такъ и всякій изъ народа, не вѣдая ни грамматики, ни синтаксиса, очень хорошо понимаетъ: чисто ли, правильно ли по русски говоритъ съ нимъ хоть бы самъ г. бюрократъ, или же рѣчь его смахиваетъ на иностранную. Упомянутые наши дешевые мудрецы забываютъ (и забываютъ вѣдь только тогда, когда дѣло идетъ о Русскомъ народѣ!), что народъ есть цѣльный организмъ, живущій и развивающійся въ вѣкахъ, и что органическій процессъ совмѣстной духовной работы единицъ (непрерывно народъ составляющихъ и обновляющихся) неизслѣдимъ, какъ тайна жизни: онъ раскрывается въ исторіи, познается въ событіяхъ, въ народномъ творчествѣ, въ преданіяхъ, сказаніяхъ и въ тѣхъ влеченіяхъ, которыя называются народнымъ инстинктомъ, въ которыхъ выражаются его повидимому безсознательные идеалы. Отрицать присутствіе у Русскаго народа такихъ историческихъ инстинктивныхъ влеченій или идеаловъ — вотъ это именно и есть «мечтаніе», да притомъ самое опасное, особенно для лицъ призванныхъ такъ или иначе распоряжаться народной судьбою. Мыслимо ли, чтобъ народъ, тысячелѣтнимъ многострадальнымъ трудомъ создавшій Русское государство и возсоздавшій его вновь, когда оно подъ напоромъ своихъ и чужихъ измѣнниковъ сокрушилось, оставался равнодушенъ къ вопросамъ государственной чести и достоинства, какъ скоро эти вопросы поставлены и выражены наиболѣе понятнымъ ему языкомъ — языкомъ событій? Можно ли допустить, чтобъ народъ, исполненный жизненной силы, утратилъ въ себѣ инстинктъ исторической тысячелѣтней жизни? Разумѣется нѣтъ. а такъ какъ идти наперекоръ такому инстинкту значитъ насиловать, искажать самую природу народа, осуждать весь народный организмъ на разстройство, на болѣзнь и муки, то государственнымъ дѣятелямъ, казалось бы, было бы по меньшей мѣрѣ прилично: тщательно изучать всякое проявленіе этого инстинкта, принимать его въ соображеніе,—слѣдовать, однимъ словомъ, въ своей политикѣ внѣшней и внутренней такъ-называемому «народному направленію».

Все это истины старыя-престарыя, но въ томъ-то и трагизмъ нашего положенія, что онѣ отрицаются или даже не сознаются именно тамъ, гдѣ онѣ должны были бы служить жизненнымъ руководящимъ началомъ, т. е. въ нашихъ правящихъ сферахъ. Въ указаніяхъ опыта недостатка нѣтъ, но наша дипломатическая и бюрократическая канцелярія и видя не видитъ, и слыша не слышитъ. Могъ ли бы Скобелевъ пріобрѣсти такую, никѣмъ ужъ кажется теперь не оспариваемую всезнаемость, еслибъ онъ—не то что подписалъ, а былъ бы только *способенъ* подписать Берлинскій трактатъ? Повредили ли Скобелеву въ мнѣніи Россіи знаменитыя рѣчи, произнесенныя имъ въ Петербургѣ и Парижѣ? Не только не повредили, но сдѣлали его имя еще болѣе дорогимъ и арміи, и народу, и всей здоровой части русскаго общества,—хотя и навлекли на него негодованіе, ненависть, ругательства Нѣмцевъ, какъ заграничныхъ, такъ и нашихъ доморощенныхъ, т. е. нашихъ дипломатовъ, бюрократовъ и той несчастной фракціи въ нашемъ обществѣ, которая поставляетъ себѣ за священный долгъ, почитаетъ необходимымъ условіемъ «либерализма» и «прогресса» — расходиться съ своимъ народомъ во всѣхъ завѣтнѣйшихъ его чувствахъ, обливать грязью все, что̀ народу дорого и свято! Развѣ это случайность, что колоссальная знаменитость, народное уваженіе, народная любовь достались на долю именно тому человѣку, который плакалъ, какъ ребенокъ, отступая съ русскими войсками отъ стѣнъ Константинополя, который громко, непостыдно исповѣдывалъ свою вѣру въ Россію и въ ея призваніе, какъ православно-славянской державы, который постоянно указывалъ ей на Босфоръ и Св. Софію? Мало того. Имя Скобелева даже невольно связывалось съ представленіемъ о грядущихъ тяжкихъ войнахъ и громадныхъ экономическихъ тратахъ... и однакожъ такая перспектива, ужасающая нашихъ грошовыхъ благоразумниковъ, не умаляла любви и преданности къ нему народа?... Говорите же, послѣ того, что Русскій народъ равнодушенъ къ чести, достоинству и историческимъ задачамъ созданнаго имъ государства.

Но, скажутъ намъ, Скобелевъ обладалъ такимъ сочетаніемъ даровъ и всѣхъ условій обаянія, что онъ былъ бы, вѣроятно, столь же любимъ и независимо отъ своихъ «политическихъ» и такъ-называемыхъ нѣкоторыми «славянофильскихъ» убѣжденій. Положимъ что такъ, хотя и нельзя не подивиться такому капризу судьбы, что она надѣлила этимъ геніемъ, этимъ богатствомъ даровъ именно человѣка не способнаго подписать Берлинскій трактатъ, а способнаго мечтать о Константинополѣ и Босфорѣ, – и наоборотъ, постоянно отказывала и отказываетъ въ сильныхъ дарованіяхъ русскимъ людямъ направленія противоположнаго, т. е. способнымъ стать ближайшими радѣтелями Берлинскаго трактата,пренебречь русскою государственною честью, ронять руское знамя, презирать русское народное чувство, заискивать благосклонности у нашихъ враговъ, предоставлять наше историческое наслѣдіе и весь міръ Славянскій во власть Западной Европы! Но согласимся оставить пока Скобелева въ сторонѣ. Поищемъ другихъ популярныхъ именъ въ Россіи. Ихъ не много, но и тѣ, какія есть, чѣмъ заслужили они почетную извѣстность и расположеніе въ народѣ, хотя и не окружены такимъ ореоломъ любви и славы, какъ имя Скобелева? Нѣтъ, напримѣръ, человѣка во всѣхъ концахъ Россіи, который бы не зналъ и не чтилъ имени Черняева. Почему? Ради чего? Не ради же покоренія Ташкента, о чемъ народныя массы едвали и вѣдали, а ради того, что этотъ человѣкъ явилъ примѣръ самопожертвованія за дѣло, которое Русскій народъ призналъ *святымъ* и *своимъ;* что онъ самовольно и добровольно, пренебрегая личными удобствами и выгодами, кликнулъ кличъ борьбы за освобожденіе христіанъ-братьевъ отъ турецкаго ига. Не во имя уменьшенія податей или увеличенія надѣловъ (интересы по мнѣнію нашихъ бюрократовъ и мнимопрогрессивной печати, *единственно* дорогіе народнымъ массамъ, единственно доступные ихъ пониманію!) выкинулъ Черняевъ свое знамя; не земные, личные прибытки сулилъ онъ Русскому народу, а призывалъ его къ *подвигу смерти;* указывалъ ему въ будущемъ свободу славянскихъ братьевъ, торжество христіанства! И вотъ,—о чудо! (чудо съ точки зрѣнія опять-таки тѣхъ же нашихъ бюрократовъ и литературныхъ ненавистниковъ народной «самобытности») весь народъ, весь этотъ великанъ-народъ отъ Перми до Тавриды, отъ Финляндіи до Кавказа, и т. д., становится, къ удивленію Петербурга, «славянофиломъ»: на площадяхъ служатъ молебны о ниспосланіи побѣдъ «славянскому вождю», «архистратигу славянскихъ силъ»!... Вѣтреная память нашего якобы «образованнаго» общества уже вышвырнула все это изъ своей слабой головы; та петербургская печать, которой, по самой ея натурѣ, претитъ всякое проявленіе русской народности, вдоволь наругалась надъ этой народной эпопеей, — а великій народъ нашъ хранитъ благодарное воспоминаніе о Черняевѣ, окружаетъ любовью и уваженіемъ это имя! Ну не странно ли? Что̀ онъ сдѣлалъ для народа? Ровнехонько ничего, — только послужилъ народной чести и тѣмъ «историческимъ русскимъ задачамъ», которыя нѣкоторые обзываютъ «славянофильскими теоріями»... Глупцы!

Возьмемъ другой примѣръ. Есть и еще одно популярное въ Россіи имя, хотя можетъ-быть и въ меньшей степени, чѣмъ Черняева: Игнатьевъ. Не годъ управленія Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, и даже не два года временнаго Нижегородскаго генералъ-губернаторства снискали ему почетную славу въ народѣ, хотя, безъ сомнѣнія, усилили ее, пріумножили народное къ нему сочувствіе. Еще до назначенія его въ 1879 году генералъ-губернаторомъ во время Нижегородской ярмарки, пользовалось его имя всеобщею въ въ Россіи симпатіей (кромѣ, конечно, Петербурга и всего еже съ нимъ и подъ нимъ подразумѣвается) и извѣстностью. Какая же тому причина? Какое, повидимому, дѣло народу до *дипломатической* дѣятельности русскихъ представителей за границей? Можетъ ли она входить въ сферу разумѣнія простой «необразованной» массы населенія? Понятна популярность людей военныхъ, — ихъ подвиговъ храбрости, отваги, искусства непосредственными свидѣтелями солдаты — тотъ же народъ; но дипломатическая борьба, но политическая работа посланниковъ и пословъ, казалось бы, не можетъ быть предметомъ народной оцѣнки. И однакожъ, вышло наоборотъ. *Народъ* (да, народъ) съ зоркимъ вниманіемъ слѣдилъ за всѣмъ ходомъ прошлой войны, не исключая и дипломатическихъ переговоровъ; въ народное вѣдѣніе и ранѣе войны перешло, что есть въ Константинополѣ русскій посолъ не похожій на прочихъ нашихъ представителей, высоко держащій русское знамя, всегда отстаивающій русскіе интересы, всегда заступающійся за Русскихъ, а не отгоняющій ихъ отъ дверей посольства, какъ дѣлаютъ другіе наши послы, всегда стыдящіеся своихъ соотечественниковъ и пуще всего боящіеся безпокоить изъ-за нихъ иностранныя начальства! Дѣло въ томъ, что Игнатьевъ—человѣкъ вполнѣ, искренно *русскій*, — и всякій это зналъ и чувствовалъ. А такъ какъ русскихъ людей въ высшихъ русскихъ властныхъ сферахъ можно по пальцамъ перечесть, то уже по одному этому имя его стало вѣдомо и любезно народу. Но что́ болѣе всего усилило его популярность,— это *Санъ-Стефанскій договоръ*, которымъ Россія все же до извѣстной степени (даже не вступивъ войсками въ Царьградъ) могла гордиться и который мы такъ позорно замѣнили, съ позволенія сказать, *Берлинскимъ трактатомъ!!!* Однимъ словомъ, Игнатьевъ, по своимъ чувствамъ, по своимъ убѣжденіямъ и по своей дипломатической дѣятельности, принадлежалъ и принадлежитъ къ людямъ зараженнымъ «славянофильской теоріей» (!), т. е. дорожащимъ выше всего достоинствомъ и честью Россіи, ея призваніемъ на Востокѣ, ея назначеніемъ какъ Славянской, восточнохристіанской державы... Когда Игнатьевъ пріѣзжалъ въ первый разъ въ Нижній-Новгородъ на генералъ-губернаторство, то все это несмѣтное множество съѣхавшихся со всей Россіи торговцевъ, даже самыхъ «сѣрыхъ», и вмѣстѣ, и каждый порознь, привѣтствовали и чествовали его за его русскую дѣятельность въ Константинополѣ. Одинъ изъ нихъ, человѣкъ «простой», какъ онъ самъ себя, да и другіе его называли, держалъ ему даже такую рѣчь: «Когда мы по своему купецкому дѣлу разсылаемъ своихъ прикащиковъ съ товаромъ, то мы и знаемъ, что тотъ прикащикъ хорошъ, который хозяйскій товаръ умѣетъ пустить въ славу; который же его обезцѣниваетъ, тотъ по нашему никуда не годенъ. Тѣ же прикащики и царскіе наши послы за границей. И знаемъ мы, что изо всѣхъ этихъ царскихъ прикащиковъ только вы одинъ держали нашъ русскій товаръ въ чести, продавали его дорогою цѣною, — всѣ же прочіе его *обезцѣнивали*. Вотъ за что̀ мы васъ любимъ и чтимъ—а зачѣмъ у насъ повадилось держать такихъ прикащиковъ, что̀ русскій товаръ за границею, предъ иностранцами, обезцѣниваютъ—это намъ невдомекъ»... Графъ Игнатьевъ не перестаетъ и теперь пользоваться довѣріемъ и любовію въ народѣ, а что князь Бисмаркъ скрежещетъ зубами при одномъ его имени, это только возвышаетъ графа во мнѣніи Россіи: она знаетъ, что при имени главнаго русскаго радѣтеля *Берлинскаго трактата* германскій канцлеръ веселится душою,—оно ему любезно. Этимъ все сказано... Остается прибавить, что (не говоря уже о Скобелевѣ) Черняевъ и графъ Игнатьевъ въ представленіи народномъ являются людьми прежде всего не казенными, живыми, чуждыми бюрократической канцелярщины, вѣрными слугами Царя, но въ то же время и людьми вполнѣ русскими, такъ-сказать земскими.

Мы назвали три популярныхъ въ Россіи имени—больше вѣдь ихъ и нѣтъ, какъ ни напрягай память! — и смѣемъ думать, что эта популярность многознаменательна, что причины ея объяснены нами вѣрно, и что разумное правительство должно въ этомъ явленіи искать себѣ указаній для своей собственной политики, внѣшней и внутренней. Все, что̀ идетъ и дѣйствуетъ въ направленіи противоположномъ тому, которое снискало такую почетную всезнаемость и любовь вышеназваннымъ именамъ, то, стало-быть, народу несочувственно и не даетъ живаго плода, не вызоветъ творческаго содѣйствія могучаго народнаго духа. Жалки тѣ, которымъ не внятенъ былъ языкъ народной скорби, сказавшейся по поводу смерти Скобелева! Когда мы проходили, вслѣдъ за гробомъ, мимо этихъ хранящихъ строгое, благоговѣйное молчаніе, съ выраженіемъ сосредоточенной печали на лицахъ, несмѣтныхъ народныхъ массъ, когда мы отъ этого исполинскаго народнаго образа переносились мыслью въ Петербургъ, къ этому казенно-фабричному бюрократическому міру и созданному его духомъ нашему обществу—Боже, какая противоположность! какой рѣзкій контрастъ, какая страшная рознь, какая пучина взаимнаго бѣдственнаго недоразумѣнія! Здѣсь мощь—тамъ немощь; здѣсь величіе—тамъ ничтожество; здѣсь умъ—тамъ несмысленность; здѣсь богатство — тамъ убожество духа; здѣсь видится вамъ самый кряжъ народный въ его несокрушимой крѣпости, тамъ—рыхлое, безнародное общественное тѣло; здѣсь тотъ самый историческій земскій духъ, что создалъ и держитъ наше государство—тамъ канцелярія по нѣмецкому образцу, отрицающаяся, пугающаяся земскихъ государственныхъ основъ, бюрократствующая, мудрящая надъ невѣдомою ей русскою жизнью; здѣсь дѣйствительныя условія правительственной силы,—тамъ условія правительственнаго безсилія; здѣсь, несмотря на страшную скорбь, бодрая (хотя уже и недоумѣвающая) въ себя вѣра, — тамъ бодрящееся, да и бодриться уже кажется переставшее, безвѣріе въ себя или даже уныніе!.. Противопоставьте только нравственному образу Скобелева корифеевъ нашей дипломатіи и бюрократической казенщины, — какими карликами умомъ и духомъ покажутся они! Тоска охватитъ вашу душу, и вы поймете вдругъ причины нашей слабости, безславія, безурядицы, безденежья богатѣйшей въ мірѣ страны,—поймете самый источникъ разъѣдающаго насъ нигилизма! О, если бы нашъ Государь, который издалека внялъ народному чувству и въ знакъ уваженія къ нему назвалъ именемъ Скобелева морское судно (еще было бы отраднѣе, еслибъ его именемъ названы были полки, всѣхъ видовъ оружія!) — еслибы Онъ могъ лично насладиться этимъ зрѣлищемъ—такъ безкорыстно, не объ эгоистическихъ, а объ общерусскихъ интересахъ скорбящаго Русскаго народа, много бы откровеній воспріяла Его царственная мудрость! Онъ разомъ почувствовалъ бы себя во сто разъ могущественнѣе, онъ почерпнулъ бы въ этомъ зрѣлищѣ ту бодрость духа, ту силу упованія, ту вѣру въ Россію, которыхъ не могутъ Ему дать окружающія Его оффиціальныя бюрократическія сферы.

Не въ Петербургской канцеляріи, не въ бюрократизмѣ, не въ казенно-полицейскомъ строѣ коренятся истинныя условія правительственной силы, равно какъ и не въ ухищреніяхъ европейскихъ биржевиковъ кроется тайна умноженія нашихъ денежныхъ средствъ! Только вызовите народную земскую силу, только пробудите въ народѣ его земскій зиждительный историческій духъ, только станьте сами на почву народную и историческую, только энергически, смѣло, высоко держите русское государственное, оно же и народное, знамя, ревниво оберегая русскую честь, твердо провозгласивъ вѣрность историческому славянскому призванію Россіи,—и все, что̀ теперь нѣмѣетъ—оживетъ, и невѣсть откуда родится мощь, и естественныя богатства, которыми надѣлена наша страна паче всѣхъ странъ въ мірѣ, ставъ наконецъ производительными, обогатятъ насъ преизбыткомъ средствъ!.. Воспрянетъ духъ—будутъ и деньги, и исчезнетъ всякій нигилизмъ, котораго законнорожденный родитель—мертвечина казенщины! Не угашайте же народнаго земскаго духа въ Русской землѣ, не давайте никнуть святому, здоровому чувству народной любви къ отчизнѣ. Мы изнемогаемъ отъ пригнетенія нашей народной чести и достоинства, отъ бюрократическаго бездушія... Такъ нужно намъ проявленія на нашихъ общественныхъ вершинахъ живаго, бодраго сомосознанія, живой, бодрой русской силы, русской воли,—проявленія животворящаго русскаго духа!

Въ годовщину смерти Скобелева.

«Русь», 1-го іюля 1883 г.

Вотъ уже и годъ, какъ Скобелева не стало... Годъ, а скорбь объ его безвременной кончинѣ такъ же жива, такою же болью щемитъ душу, какъ и въ роковой день событія... Но у всѣхъ ли? У людей народа—несомнѣнно; въ обществѣ же—только у тѣхъ, которымъ европейское образованіе не помѣшало сохранить въ себѣ полноту духовной свободы, т. е. не сдѣлало отступниками отъ своей народности, не вытравило живаго, непосредственнаго русскаго чувства, однимъ словомъ, не отдало ихъ въ полонъ тому жалкому космополитизму, той самодовольной, либеральнаго и консервативнаго пошиба мудрости (ей же вся цѣна грошъ), которыми украшаются преимущественно наши высшія общественныя въ Петербургѣ сферы, за немногими исключеніями... Впрочемъ замѣчательно, что и въ самой Москвѣ, 25 іюня, въ день роковой годовщины, изо всего Московскаго городскаго населенія, одни только *ремесленники* торжественно отслужили заупокойную службу отъ имени всего своего сословія, предварительно оповѣстивъ о томъ въ газетахъ. По случаю ли лѣтняго времени и общаго разъѣзда изъ Москвы, по недосмотру ли, только нашъ оффиціальный міръ и такъ-называемое высшее городское общество ничѣмъ не помянули печальнаго дня... Да, и годъ прошелъ, и много годовъ пройдетъ, но вѣрное сердце народное не перестанетъ хранить образъ Скобелева въ своей памяти. Да и чѣмъ бы онъ могъ быть вытѣсненъ изъ нея въ настоящее время? Мѣсто оставленное имъ пребываетъ пустымъ, и замѣнить его некѣмъ,—до тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, пока новыя событія не вынесутъ наружу, какъ выносятъ бурныя волны жемчужныя раковины со дна морскаго, новыхъ великихъ самородныхъ дарованій, въ счастливомъ сочетаніи съ мощнымъ духомъ и страстнымъ народолюбивымъ сердцемъ. Въ настоящую же пору много ли людей, болѣе или менѣе властныхъ, на которыхъ бы могъ съ нѣкоторою любовью и упованіемъ остановиться народный взглядъ—на всемъ этомъ людскомъ пространствѣ между Царемъ и народомъ? Не представляется ли оно безлично однообразнымъ, словно пустыня съ очень уже рѣдкими оазисами, несмотря на весьма почтенную густоту населенія? На яркомъ фонѣ шитыхъ золотыхъ мундировъ, которыхъ блескомъ слѣпилъ Петербургъ цѣлыхъ три недѣли глаза Москвичей и провинціаловъ, какъ прискорбно-мало выдавалось характерныхъ, одушевленныхъ умомъ и талантомъ лицъ, да и тѣ, какія были, не тонули ли они въ этомъ общемъ сіяніи позлащенной пошлости и казенщины? Конечно, Русская земля не клиномъ сошлась, имѣются въ ней и въ настоящую пору и замѣчательныя дарованія, и теплыя сердца, и даже, чего конечно всего рѣже, гражданская честность; но или внѣшнія обстоятельства ихъ затираютъ, или, что̀ главное, недостаетъ въ нихъ самихъ той силы духа, которая подчиняетъ себѣ всякія обстоятельства и сама собою выпираетъ человѣка впередъ... Та ли, другая причина, только никогда еще не было такого люднаго безлюдья въ сверхнародныхъ общественныхъ слояхъ, какъ въ наши дни.

Прошелъ годъ со смерти Скобелева. Недруги и завистники, которыхъ тайной и явной злобѣ не подъ силу было бороться со Скобелевымъ *живымъ* и отнять у него любовь народа, явились еще менѣе способными сладить со Скобелевымъ *мертвымъ* и затемнить лучезарное могущество его славы. Могли бы уже, кажется, появиться «безпристрастныя» обличенія, предвкушенія «строгаго суда исторіи» или «потомковъ»,—но видно или явиться-то еще нечему, или исчезновеніе соперника съ общей арены состязаній ослабило донельзя творчество клеветы,—только замѣчательно, что образъ Скобелева не малится, а растетъ и растетъ, и не только у насъ въ Россіи, но и у иноплеменниковъ, даже у тѣхъ, которые очень враждебно относились къ нему при жизни, хотя впрочемъ по чувству искренняго, вполнѣ законнаго патріотизма. Не ихъ, конечно, можно заподозрить въ пристрастіи и увлеченіи, а они всѣ, общимъ дружнымъ хоромъ, несутъ ему справедливую дань нелицемѣрной хвалы... Изданная недавно въ Лондонѣ, написанная по англійски нашею соотечественницею О. К. (Ольгою Алексѣевною Новиковою) книга о Скобелевѣ,—этотъ умѣло и талантливо составленный сводъ біографическихъ о немъ данныхъ, характеризующій Скобелева не только какъ человѣка и военнаго вождя, но и какъ русскаго политика, преданнаго идеѣ славянскаго возрожденія, *)—разошлась черезъ мѣсяцъ по своемъ появленіи, печатается теперь уже вторымъ изданіемъ и переводится на прочіе европейскіе языки: такъ силенъ интересъ возбуждаемый въ Западной Европѣ этимъ нашимъ русскимъ полководцемъ! Въ Россіи, кромѣ книги г. Немировича-Данченко, болѣе или менѣе анекдотическаго содержанія, и вышедшей на дняхъ книжки г. Ченцова «Скобелевъ какъ полководецъ», появились, послѣ смерти Скобелева, его приказы по войскамъ, а въ повременныхъ изданіяхъ многія о немъ воспоминанія, его замѣтки и письма,—и все это только сильнѣе подтверждаетъ намъ какую огромную утрату понесла Россія, какъ еще недостаточно цѣнили мы его при жизни, какъ мало умѣли его беречь... Чуткое сердце народа опередило наше общественное сознаніе, и теперь только начинаетъ вполнѣ оправдываться и объясняться та сила народной къ нему симпатіи, которую невозможно и истолковать одними подвигами отваги и храбрости... Видно съ самаго начала, мгновенно, почувствовалъ солдатъ въ своемъ военачальникѣ нѣчто большее чѣмъ храбраго и талантливаго генерала,—почувствовалъ жи-

---

*) «Scobeleff and the slavonic cause», O. K. author of «Russia and England», London. 1883.

ваго, лично убѣжденнаго человѣка, мощнаго духомъ, и притомъ *своего*, русскаго, себѣ роднаго, у котораго и сердце бьется заодно съ солдатомъ или, что то же — съ народомъ.

Эта связь Скобелева съ солдатомъ и съ народомъ сказалась и въ его посмертной волѣ, извѣстной всѣмъ его близкимъ друзьямъ. Довольно вѣрны свѣдѣнія, сообщенныя о ней «Новымъ Временемъ». Значительную часть своего состоянія завѣщалъ онъ на призрѣніе увѣчныхъ воиновъ, для чего предназначалъ всю свою усадьбу въ любимомъ его селѣ Спасскомъ, гдѣ онъ самъ предполагалъ лечь, гдѣ и лежитъ въ могилѣ; на призрѣніе бѣдныхъ, на обезпеченіе устроенныхъ имъ (и съ какою заботливою любовью!) народныхъ школъ, на вспоможеніе нѣкоторымъ русскимъ учрежденіямъ въ Болгаріи, и проч. и проч. Говоря «завѣщалъ», мы вовсе и не утверждаемъ, чтобъ имъ было оставлено завѣщаніе въ видѣ формальнаго, неоспоримаго въ юридическомъ смыслѣ документа; мы въ этомъ отношеніи вовсе не раздѣляемъ точки зрѣнія «Новаго Времени» и полагаемъ, что тотъ документъ, который оно называетъ завѣщаніемъ, хотя бы и скрѣпленъ былъ по листамъ самимъ Скобелевымъ, не имѣетъ *предъ закономъ* ровно никакой силы. Да какая же въ томъ и надобность? Развѣ въ такомъ дѣлѣ можно, не сгорѣвши отъ стыда съ ногъ до головы, до тла, даже и помыслить о формальномъ судѣ? Мы должны отстранить (и имѣемъ къ тому основаніе) даже и тѣнь нареканія на наслѣдниковъ или точнѣе— наслѣдницъ Скобелева, — наброшенную на нихъ, къ несчастію, не одною упомянутою статьей, но и печальнымъ, неоспоримымъ фактомъ, что ни одно изъ посмертныхъ распоряженій покойнаго до сихъ поръ не исполнено. Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что наслѣдницамъ вдвойнѣ свята воля роднаго брата—онъ же слава и гордость всей Россіи, — и что медленность въ исполненіи завѣщанія произошла не по ихъ винѣ. Каждая изъ нихъ имѣетъ свои семейныя обязанности и заботы; какъ женщинамъ, имъ мало извѣстны всѣ формальности, налагаемыя закономъ для принятія наслѣдства, вся процедура учиненія раздѣла, приведенія въ извѣстность доходовъ и капиталовъ и т. д.; онѣ по необходимости должны были передать всѣ эти предварительныя мудреныя и сложныя хлопоты лицамъ постороннимъ, которыя и проволочили дѣло цѣлый годъ, лишивъ ихъ возможности исполнить ранѣе священный долгъ, завѣщанный имъ знаменитымъ братомъ. Но что онъ будетъ исполненъ въ точности, по всѣмъ пунктамъ, — объ этомъ не позволительно даже и спрашивать, это внѣ вопроса. Въ этомъ порукою служитъ и то немаловажное обстоятельство, что дѣятельное участіе въ дѣлѣ по наслѣдству Скобелева, въ качествѣ повѣреннаго одной или двухъ сторонъ, принялъ на себя самъ предсѣдатель Петербургскаго Славянскаго Общества. А быть предсѣдателемъ этого Общества значитъ исповѣдывать извѣстныя политическія и нравственныя убѣжденія... Общество не можетъ не дорожить славою одного изъ главнѣйшихъ русскихъ подвижниковъ Славянскаго освобожденія. Знамя Славянскаго Общества въ Россіи есть знамя русской народности по преимуществу, — а съ такимъ знаменемъ въ рукахъ можетъ ли генералъ Дурново не приложить всѣхъ своихъ дѣловыхъ усилій къ тому, чтобы завѣщаніе Скобелева, которое само по себѣ служитъ наилучшимъ ему памятникомъ и все направлено къ пользѣ и благу народному, было приведено въ дѣйствіе во всей строгости, безъ малѣйшаго уклоненія?!.. Съ этимъ связывается такимъ образомъ, въ лицѣ предсѣдателя, честь и достоинство самого Петербургскаго Славянскаго Общества. Мы имѣемъ право разсуждать такимъ образомъ: редакторъ «Руси» самъ состоитъ членомъ Общества.

Впрочемъ, будетъ или не будетъ (послѣдняго предположенія мы и допустить не властны) исполнена послѣдняя воля Скобелева, уже достаточно оглашенная по всей Россіи, — слава его отъ того не убавится, и образъ его еще рѣзче и рельефнѣе выдѣлится на фонѣ того общества, къ которому онъ принадлежалъ по рожденію, — и отъ котораго воспринялъ только то, чѣмъ порочилась и омрачалась его жизнь. Скобелевъ еще болѣе чѣмъ когда-либо станетъ *свой* народу, свой собственный — и еще болѣе чуждъ той общественной петербургской высшей средѣ, равно и той средѣ военно и гражданско-бюрократической, которыя, вмѣстѣ съ разными заматорѣвшими въ презрѣніи къ Русскому народу литературными глашатаями казеннаго, въ своемъ родѣ, либерализма, не переставали травить Скобелева при жизни своими жалкими насмѣшками и плоскою бранью...

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

И. С. Аксакова.

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Сборникъ стихотвореній. (Съ портретомъ автора.) На вел. бумагѣ 2 р., на обык. 1 р. 50 к., на пер. 25 к.

Біографія Ѳ. И. Тютчева. (Съ портретомъ Ѳ. И. Тютчева.) На вел. бумагѣ 1 р. 50 к., на обык. 1 руб., на пер. 25 к.

Статьи изъ «Дня» «Москвы» и «Руси»:

Т. I. **Славянскій вопросъ.**

Т. II. **Славянофильство и Западничество.**

Т. III. **Польскій вопросъ и Западно-Русское дѣло.—Еврейскій вопросъ.**

Т. IV. **Общественные вопросы по церковнымъ дѣламъ.—Свобода слова.—Судебный вопросъ.—Общественное воспитаніе.**

Т. V. **Государственный и земскій вопросъ.—Статьи о нѣкоторыхъ историческихъ событіяхъ.**

Цѣна каждому тому на обыкновенной бумагѣ 1 р. 50 к., на веленевой 2 р. 50 к. На пересылку 50 копѣекъ.

Продаются: въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ (А. С. Суворина) въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Одессѣ и Харьковѣ, и на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ.

Тамъ же можно получать книгу: **Сборникъ статей по случаю кончины И. С. Аксакова,**—цѣна 1 руб., на пересылку 20 к.

РНБ РУССКИЙ ФОНД

18.203.2.1/5